ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА

1831 г.

Составилъ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ

ШУЗЫРЕВСКІЙ.

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ СОЧИНЕНІЕ ЭТО УДОСТОЕНО МАКАРЬЕВСКОЙ ПРЕМІИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е ПЕРЕРАБОТАННОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Томъ I.

Складъ изданія у В. А. Березовскаго, Колокольная, 14.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I ТОМЪ.

Стр.

Предисловіе I

Глава I 1
До начала военныхъ дѣйствій.

Глава II 64
До сраженія при Ваврѣ включительно.

Глава III 95
Сраженія при Бялоленкѣ и Гроховѣ и ихъ послѣдствія.

Глава IV 125
Подготовка къ переправѣ. Дѣйствія на флангахъ и въ тылу арміи. Экспедиція Дверницкаго въ Люблинское воеводство. Движеніе русскихъ къ переправамъ

Глава V 139
Наступательныя операціи поляковъ. Сраженія при Дембе Вielьке и Иганахъ. Движеніе главныхъ русскихъ силъ отъ переправы къ Сѣдльце.

Глава VI 161
Возстаніе въ Литвѣ. Дѣйствія на флангахъ: а) Угрюмова противъ Уминскаго; б) Крейца противъ Сѣравскаго и в) Ридигера противъ Дверницкаго.

Глава VII 190
Бездѣйствіе русской арміи у Сѣдльце. Наступательныя движенія Дибича. Дѣйствія Крейца и Хржановскаго (Любартовъ).

Стр.

Глава VIII 224
Переломъ въ ходѣ кампаніи. Походъ Скржинецкаго противъ гвардіи.

Глава IX 244
Переходъ русской арміи въ наступленіе. Сраженіе при Остроленкѣ и его послѣдствія. Кончина Дибича.

Глава X 281
Возстаніе въ Литвѣ и Подоліи.

Глава XI 299
Дѣйствія главной арміи до прибытія гр. Паскевича.

Глава XII 317
Экспедиція Гелгуда въ Литву. Походъ Дембинскаго.

Глава XIII 353
Прибытіе Паскевича. Переходъ русской арміи на лѣвый берегъ Вислы и занятіе Ловича. Дѣйствія Ридигера противъ Рожицкаго.

Глава XIV 383
Штурмъ Варшавы. Заключительныя дѣйствія главныхъ силъ и отдѣльныхъ корпусовъ.

Предисловіе.

Изученіе «Польско-Русской кампаніи 1831 года» поучительно для русскаго офицера какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Не многія войны отличаются такимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ операцій, какъ описанная въ предлежащемъ трудѣ. Съ одной стороны выступаетъ на борьбу обширное, могущественное государство, обладающее громаднымъ запасомъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, и выдвигаетъ на театръ войны сильную, могучую, прекрасно-организованную и съ блистательными боевыми традиціями армію; съ другой—относительно слабая, съ небольшими средствами и вооруженной силой страна, въ увлеченіи ложной, неосуществимой политической идеей, рѣшается тоже взяться за мечъ и напрягаетъ всѣ усилія для достиженія поставленной себѣ цѣли. Казалось-бы, что не только результатъ борьбы при такихъ условіяхъ несомнѣненъ, но и самый ходъ кампаніи долженъ представляться въ видѣ побѣдоноснаго шествія несравненно-сильнѣйшаго; а между тѣмъ война тянется восемь мѣсяцевъ, успѣхъ часто колеблется и однажды какъ будто-бы даже рѣшительно склоняется въ пользу слабѣйшаго, не только наносящаго чувствительные удары своему противнику, но даже рѣшительно захватывающаго инціативу въ свои руки. Какъ увидитъ читатель, причинами этого были, съ одной стороны, разброска русской арміи на обширной территоріи нашего отечества, внезапность для нея войны, плохое устройство продовольственной части, пренебрежительное отношеніе къ врагу и нѣкоторыя стратегическія ошибки русскаго главнокомандующаго; съ другой стороны—сосредоточенность возставшихъ польскихъ областей, прекрасныя боевыя качества польской арміи, необыкновенное воодушевленіе, охватившее поляковъ, отдавшихъ въ распоряженіе своего правительства огромныя личныя и матеріальныя средства, и необычайная энергія революціоннаго правленія (особенно послѣ Хлопицкаго) въ развитіи вооруженной силы.

Операціи разыгрываются на обширной территоріи, какъ на главномъ театрѣ дѣйствій, такъ и въ отдаленномъ тылу русской арміи, а также на ея флангахъ. Кромѣ главныхъ операцій ведутся второстепенныя (часто высокаго интереса) военныя дѣйствія; на ряду съ генеральными сраженіями, встрѣчаются многочисленныя партизанскія предпріятія, дальніе набѣги и вторженія; наконецъ, народная война охватываетъ и долго волнуетъ всю Литву; причемъ сначала борется исключительно одно мѣстное населеніе, затѣмъ оно получаетъ значительную помощь регулярными войсками.

Устройство въ русской арміи *административной части,* въ особенности по отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ въ практикѣ вопросовъ—снабженію войскъ продовольствіемъ, представляетъ высокопоучительный примѣръ въ отри-

цательномъ смыслѣ (въ первой половинѣ кампаніи). Изучая его, можно наглядно убѣдиться въ какой степени пренебреженіе хозяйственными нуждами войскъ пагубно вліяетъ на самый ходъ стратегическихъ операцій и даже можетъ всѣ ихъ результаты свести къ нулю. Кампанія 1831 года тѣмъ дорога въ этомъ отношеніи, что имѣется превосходный, достаточно обработанный матеріалъ для изученія хозяйственныхъ вопросовъ—а это встрѣчается не часто.

Изслѣдуя эту кампанію, русскій офицеръ подробно знакомится съ тою частью своего отечества, которой и въ будущемъ несомнѣнно предстоитъ служить поприщемъ вооруженной борьбы; причемъ всѣ свѣдѣнія о характерѣ страны, ея рельефѣ, путяхъ сообщенія, разныхъ пунктахъ пріобрѣтаются не изъ теоретическихъ военно-статистическихъ или географическихъ трактатовъ, а въ тѣсной связи съ разнообразными операціями дѣйствительной войны; тотъ или другой географическій пунктъ, мѣстный предметъ, участокъ территоріи и пр. пріобрѣтаютъ то или другое стратегическое значеніе въ зависимости отъ хода и характера военныхъ дѣйствій.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ кампанія 1831 года включена въ курсъ преподаванія въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Мой трудъ въ значительной степени приспособленъ именно къ требованіямъ моихъ академическихъ слушателей. Этимъ опредѣляется отчасти какъ характеръ, такъ и объемъ сочиненія. Такимъ образомъ политическая сторона возстанія у меня изложена весьма кратко и если иногда я и обращаюсь къ ней, то лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія хода военныхъ дѣйствій. Помимо цѣлей моего труда, исключеніе изъ него политическихъ вопросовъ тѣмъ болѣе, какъ мнѣ кажется, безвредно, что эта сторона дѣла имѣетъ свою обширную литературу и уже въ достаточной степени выяснена. Принимая указанную точку зрѣнія, я останавливаюсь на подробномъ изложеніи военныхъ дѣйствій, причемъ наиболѣе поучительная часть войны, а именно до назначенія главнокомандующимъ гр. Паскевича, описана съ всевозможными деталями, а операціи арміи подъ начальствомъ Паскевича изложены въ относительно сжатомъ, хотя, полагаю, достаточно обстоятельномъ, очеркѣ.

Первое изданіе настоящей книги было почтено вниманіемъ печати отечественной и заграничной [1]), отнесшейся къ ней въ высшей степени благосклонно, а Императорская Академія Наукъ удостоила мой трудъ награжденія Макарьевской преміей. Такое лестное вниманіе къ моей работѣ обязывало меня, при новомъ ея изданіи, тщательно пересмотрѣть все изложеніе, воспользоваться всѣми авторитетными указаніями критики, пополнивъ существенные пробѣлы или замѣченные промахи. Въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ все для меня возможное: первую главу составилъ почти совершенно заново, многія другія болѣе или менѣе существенно передѣлалъ, иныя исправилъ, сдѣлалъ ссылки на источники, воспользовавшись нѣкоторыми новыми, имѣющими немаловажное значеніе (напр. записки Дверницкаго и Дембинскаго); наконецъ въ приложеніи я рѣшился помѣстить цѣликомъ обширный мемуаръ Прондзинскаго, хранившійся до сихъ поръ въ Архивѣ Военно-ученаго комитета Главнаго штаба и извѣстный только по цитатамъ Смита.

При всѣхъ, сознаваемыхъ мною, недостаткахъ издаваемой книги, я позволяю себѣ думать, что все-таки читатели найдутъ въ ней, во-первыхъ, не мало фактовъ, нигдѣ

[1]) Мнѣ извѣстны отзывы, помѣщенные въ слѣдующихъ изданіяхъ: Новое Время, Новости, Гражданинъ, Русская Старина, Kraj, Militär-Wochenblatt, Allgemeine Litteratur-Zeitung.

еще не напечатанныхъ; а, во-вторыхъ,—описаніе военныхъ событій первой половины кампаніи—весьма подробное и, смѣю полагать, вполнѣ безпристрастное.

Что касается картъ и плановъ, то я старался дать все въ этомъ отношеній необходимое для уразумѣнія описываемыхъ событій. Кромѣ плановъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, я даю отдѣльно цѣлый атласъ, причемъ важнѣйшія карты и планы отпечатаны въ нѣсколько красокъ. Такое изданіе моей книги оказалось возможнымъ только при содѣйствіи Николаевской Академіи Генеральнаго штаба въ лицѣ ея Начальника, Генриха Антоновича Леера, которому приношу мою глубочайшую благодарность.

При изложеніи кампаніи я преимущественно пользовался слѣдующими славнѣйшими источниками и пособіями.

1. Журналъ военныхъ дѣйствій. (Военно-ученый архивъ Главнаго штаба № 3101, Б. и 3145, А.).

Военныя дѣйствія изложены въ журналѣ весьма кратко, но онъ важенъ для провѣрки числовыхъ данныхъ; кромѣ того, къ нему приложено множество диспозицій, которыя, конечно, при изученіи военныхъ дѣйствій имѣютъ первостепенное значеніе.

2. Mémoire historique et militaire sur la guerre de Pologne en 1831, par Prądzynski.

Прондзинскій—даровитѣйшій польскій военный дѣятель кампаніи 1831 года—былъ въ теченіи большей части войны генералъ-квартирмейстеромъ польской арміи. Послѣ капитуляціи Варшавы онъ сдался русскимъ властямъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и по требованію Императора Николая Павловича составилъ свой «Mémoire», въ которомъ далъ полный очеркъ войны. Работу свою Прондзинскій исполнилъ въ Гатчинѣ, гдѣ былъ помѣщенъ во дворцѣ. Для содѣйствія въ этихъ занятіяхъ, подбора необходимыхъ матеріаловъ и для сношеній съ генералъ-квартирмейстерскою частью къ нему назначенъ былъ Генеральнаго штаба поручикъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ Военнаго Совѣта) Глинка-Мавринъ, обязательно сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія. По свидѣтельству генералъ-адъютанта Глинки-Маврина, Прондзинскій признавался и нашими выдающимися военными людьми самымъ талантливымъ, наиболѣе даровитымъ изъ всѣхъ военныхъ дѣятелей польской арміи. Понятно послѣ этого какое значеніе имѣетъ его „Мемуаръ“. Историкъ Смитъ пользовался этимъ превосходныхъ матеріаловъ и сдѣлалъ изъ него обширныя дословныя извлеченія. Прондзинскій, по самому мѣсту, занимаемому имъ въ арміи, имѣлъ возможность прекрасно знать ходъ военныхъ дѣйствій; кромѣ того, по своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, онъ былъ душою всѣхъ операцій даже тогда, когда, вслѣдствіе полнаго разлада съ главнокомандующимъ Скржинецкимъ, долженъ былъ устраниться на время отъ дѣлъ. Представляя свой мемуаръ Государю, онъ, конечно, старался быть возможно точнымъ и правдивымъ, хотя всетаки общая картина освѣщена имъ не совсѣмъ правильно. Происходитъ это оттого, что удачныя дѣйствія поляковъ онъ излагаетъ подробно, а неудачныя большею частью только въ общихъ, краткихъ очеркахъ. Во всякомъ случаѣ, мемуаръ Прондзинскаго долженъ быть отнесенъ къ первостепеннымъ источникамъ для изученія войны 1831 года. Въ приложеніи читатель найдетъ его перепечатаннымъ цѣликомъ съ рукописи, хранящейся въ Архивѣ В. Уч. Ком. Главнаго штаба.

3. Переписка Императора Николая Павловича съ фельдмаршаломъ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ.

Подлинникъ этой переписки (на французскомъ языкѣ) хранится въ архивѣ Канцеляріи военнаго министерства. Она начата печатаніемъ въ «Русской Старинѣ»: письма Государя и по французски и въ переводѣ, а письма Дибича только въ переводѣ; но до сихъ поръ печатаніе это не окончено. Помимо важнаго общаго значенія упомянутой переписки при изученіи кампаніи, она представляетъ интересъ и для будущаго историка Николая Павловича, убѣдительно доказывая, что Императоръ обладалъ весьма вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, проницательностью и вообще замѣтными военными способностями. Съ другой стороны, письма Дибича снимаютъ съ него не мало упрековъ, сдѣланныхъ ему историками (Смитъ и др.).

4. Письма Императора Николая Павловича къ гр. Паскевичу-Эриванскому князю Варшавскому.

Письма эти до послѣдняго времени хранились въ семейномъ архивѣ покойнаго фельдмаршала. Нынѣ съ нихъ снята копія для архива Канцеляріи военнаго министерства. Въ военномъ отношеніи, по самому ходу второй половины кампаніи, они представляютъ менѣе интереса, нежели предъидущія, но зато для изученія событій, касающихся окончательно умиротворенія и устройства края, письма эти имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ Императоръ даетъ въ этомъ отношеніи фельдмаршалу весьма подробныя указанія и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми мелочами дѣла.

5. Изложеніе военныхъ дѣйствій противу польскихъ мятежниковъ, совершенныхъ подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго въ первой половинѣ 1831 года. 2 книги и приложенія. Составлено при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи полковниками: генеральнаго штаба Ивановымъ 1-мъ и состоявшимъ по кавалеріи княземъ Теннишевымъ. Варшава 1834.

Сочиненіе это рукописное и хранится въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба. Событія изложены, безъ критической оцѣнки, въ хронологическомъ порядкѣ, по днямъ. Въ приложеніяхъ помѣщены систематически обработанныя, подробныя полумѣсячныя вѣдомости о состояніи войскъ и запасовъ; кромѣ того тамъ-же сведены всѣ необходимыя данныя о числѣ больныхъ, убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и пр. Авторы составили свой трудъ, по отношенію къ русской арміи, исключительно пользуясь официальными данными—диспозиціями, реляціями, донесеніями и пр. Я не знаю болѣе совершеннаго образца, въ смыслѣ полноты, систематичности, точности и добросовѣстности обработки богатаго официальнаго матеріала. Пользуясь этимъ сочиненіемъ, можно быть увѣреннымъ, что вся сущность подлинныхъ официальныхъ документовъ исчерпана—понятно какъ это облегчаетъ трудъ изучающаго кампанію. Мнѣ кажется, что сочиненіе это и теперь не поздно было-бы напечатать, не только какъ матеріалъ по войнѣ 1831 года, но и въ примѣръ, назиданіе будущимъ официальнымъ военнымъ историкамъ. Этотъ-то превосходный трудъ и даетъ возможность ознакомиться въ подробности съ устройствомъ важной хозяйственно-административной части въ польскую кампанію.

6. Изложеніе военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ въ первой половинѣ 1831 года. Составлено генеральнаго штаба полковникомъ Ивановымъ 2-мъ. С.-Петербургъ 1839 г.

Рукопись, хранящаяся въ въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба. Сочиненіе это составляетъ, главнымъ образомъ, общую сводку предъидущаго труда, но сопровождается весьма дѣльными критическими замѣчаніями. Дѣйствія главныхъ силъ русской арміи изложены подробно, а второстепенныя операціи короче. Относительно польской арміи авторъ пользовался современными войнѣ польскими газетами и появившимися въ его время трудами съ непріятельской стороны. Тутъ у него встрѣчаются неизбѣжные ошибки и пробѣлы. Въ общемъ сочиненіе Иванова крайне замѣчательно по точности, обстоятельности изложенія, по дѣльности критической оцѣнки событій и по своему спеціально-военному характеру. Авторъ пользовался также перепиской Дибича съ Государемъ, а потому могъ въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ представить военныя событія, нежели всѣ писавшіе объ этой войнѣ. Въ моемъ трудѣ извлечено все существенное изъ сочиненія Иванова и многія страницы книги заимствованы изъ этого превосходнаго, пока недоступнаго общему пользованію, описанія.

7. Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Переведено съ нѣмецкаго гвардіи капитаномъ Квитницкимъ. 3 тома. С.-Петербургъ 1863—1864 гг. (съ планами и картами).

Изъ всѣхъ появившихся въ печати описаній возстанія и войны 1830—1831 гг. сочиненіе Смита, по справедливости, пользуется наибольшею извѣстностью. Талантливость и полнота изложенія, живость разсказа, обширная начитанность автора—таковы общепризнанныя достоинства этого обширнаго труда. Въ особенности тщательно изучены Смитомъ польскіе источники. Тѣмъ не менѣе военнаго спеціалиста сочиненіе Смита не можетъ вполнѣ удовлетворить. Во-первыхъ, автору не были извѣстны многіе, весьма важные, архивные документы и въ числѣ ихъ, между прочимъ, переписка Дибича съ Государемъ, заключающая въ себѣ, какъ уже упомянуто, драгоцѣнныя данныя для уясненія общаго хода операцій; по этой причинѣ Смитъ часто слишкомъ несправедливо оцѣниваетъ распоряженія фельдмаршала. Во-вторыхъ, авторъ писалъ свое сочиненіе въ то время, когда кн. Паскевичъ, окруженный ореоломъ блестящей военной славы, занималъ высокій постъ въ административномъ управленіи Имперіи; это обстоятельство крайне прискорбно отразилось на описаніи и оцѣнкѣ князя Варшавскаго, хотя въ рукахъ Смита были превосходные источники для истиннаго освѣщенія событій.

Такъ какъ Смитъ (очевидецъ кампаніи), человѣкъ не военный, то изложеніе стратегическихъ операцій, а въ особенности разныхъ тактическихъ подробностей у него выходитъ иногда сбивчивымъ, неяснымъ, сопровождается ошибочными сужденіями, а подчасъ и совершенно несообразными замѣчаніями. Если, все-таки, автору удалось многое выяснить очень хорошо и высказать не мало совершенно здравыхъ военныхъ соображеній, то этимъ, надо думать, онъ обязанъ Толю и Нейдгарту, совѣтами которыхъ пользовался. Въ моемъ трудѣ я очень многимъ обязанъ талантливому историку, въ особенности во всемъ томъ, что касается описанія дѣйствій поляковъ и операцій на флангахъ и въ тылу русской арміи.

8. Отзывы и мнѣнія военно-начальниковъ о польской войнѣ 1831 г. Изданы на нѣмецкомъ языкѣ (Feldherrn-Stimmen 1858) *Ф. Смитомъ и на русскомъ В. Квитницкимъ. С.-Петербургъ 1867 г.*

Въ этомъ сборникѣ помѣщены: а) *Хржановскаго*: Замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ (переводъ рукописи, хранящейся въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба и бывшей въ моемъ пользованіи); б) *Прондзинскаго:* Замѣчанія по поводу Исторія польскаго возстанія и войны., Ф. Смита; в) Замѣтки *русскаго генерала* о польской инсуррекціонной войнѣ съ примѣчаніями генералъ-квартирмейстера Нейдгарта; г) Секретныя донесенія фельдмаршала *Дибича* о походѣ въ Польшѣ 1831 г. (весьма неполное извлеченіе изъ переписки Дибича съ Императоромъ, которою Смитъ не пользовался при составленіи своего сочиненія); д) *Погодина* (генералъ-интенданта): Обзоръ распоряженій по части продовольствія войскъ въ послѣднюю войну противъ польскихъ мятежниковъ, со времени прибытія кн. Паскевича; е) *Гр. Толя:* Краткій журналъ, веденный во время второй половины похода противъ поляковъ 1831 г.; ж) *Князя Паскевича:* Очерки польской кампаніи въ 1831 г.; з) *Ф. Смита:* Замѣчанія на очерки Паскевича.

Одного этого перечня достаточно, чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ важное значеніе при изученіи кампаніи 1831 г. изданныхъ Смитомъ «Отзывовъ». Они-же составляютъ совершенно необходимое дополненіе къ сочиненію Смита. Въ 1858 году фельдмаршала Паскевича уже не существовало и историкъ польской войны только тогда счелъ возможнымъ раскрыть истинный ходъ второй половины кампаніи.

9. Mochnacki: Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831., 10 t. (съ планами и картами).

Мохнацкій не успѣлъ окончить этого сочиненія и оно было продолжено Мѣрославскимъ. И тотъ и другой изъ авторовъ, по своимъ политическимъ возрѣніямъ, принадлежали къ крайней революціонной партіи, причемъ Мохнацкій игралъ довольно крупную роль въ событіахъ возстанія. Искусное перо и ловкость интриги одинаково служили его демагогическимъ стремленіямъ. Исторія его, конечно, проникнута ненавистью къ Россіи, но изложена талантливо и заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ фактовъ. Продолжатель Мохнацкаго, Мѣрославскій, выказываетъ себя еще болѣе лютымъ врагомъ всего русскаго; описаніе его болѣе водянисто, менѣе богато содержаніемъ, переполнено обширными, то фантастическими, то ложными сужденіями. Тѣмъ не менѣе, какъ сводка довольно обширнаго матеріала, сочиненіе Мѣрославскаго не лишено значенія. Относительно всѣхъ польскихъ описаній событій войны слѣдуетъ замѣтить, что авторы не только поголовно всѣ крайне пристрастно относятся къ Россіи, но, читая ихъ, совершенно необходимо еще имѣть въ виду къ какой политической партіи принадлежитъ каждый изъ нихъ: въ зависимости отъ этого опредѣляется уголъ зрѣнія его на событія и степень объективности сужденій о томъ или другомъ явленіи въ сферѣ дѣятельности уже собственно самихъ поляковъ.

10. Brzozowski. La guerre de Pologne en 1831. Leipzig. 1833 (съ планами и картами).

Краткое, сжатое, но относительно полное и удовлетворительное описаніе войны, въ которой авторъ принималъ личное участіе.

11. Barsykowskiego: Historya powstania listopadowego. Posnan. 1883.

Сочиненіе это пока еще не окончено. У меня имѣются первые пять томовъ, въ которыхъ описаніе доведено до сраженія при Остроленкѣ включительно. Авторъ занималъ весьма высокій постъ въ администраціи: будучи депутатомъ въ сеймѣ, онъ завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ народнаго правленія, членомъ котораго состоялъ. По политическимъ возрѣніямъ Бажиковскій принадлежалъ къ умѣренной партіи и былъ поклонникомъ князя Адама Чарторижскаго, котораго старается прославить всѣми способами и стремится выставить какъ геніальнаго политическаго дѣятеля — задача во всякомъ случаѣ неблагодарная. По отношенію къ русскимъ онъ дѣлаетъ повидимому лишь одно исключеніе для Императора Александра 1-го, котораго хотя и упрекаетъ за многія, по его мнѣнію, противоконституціонныя мѣры, но сохраняетъ къ нему признательность за попытку возстановить Польшу и говоритъ, что каждый полякъ можетъ со свободною совѣстью осыпать цвѣтами могилу великодушнаго Государя. Весьже русскій народъ въ представленіи Бажиковскаго рисуется какъ рабское, деспотическое, свирѣпое, лукавое, лицемѣрное, и пр. и пр. азіятское племя.

Ходъ политическихъ событій изложенъ Бажиковскимъ съ замѣчательной полнотою. Ни у кого изъ историковъ возстанія нельзя найти подобнаго богатства фактическаго матеріала, такихъ полныхъ, подчасъ мѣткихъ и во всякомъ случаѣ интересныхъ характеристикъ, какъ у него. Многія событія при чтеніи его сочиненія рисуются съ жизненной реальностью, а дѣятели эпохи представляются воображенію живыми лицами, во всѣхъ подробностяхъ обстановки и со всѣми чертами ихъ личныхъ свойствъ. Несравненно слабѣе описаны военныя событія. Въ этомъ отношеніи авторъ обнаруживаетъ полную свою несостоятельность какъ военный историкъ: отсутствіе системы, множество ошибокъ, происходящихъ часто просто отъ непониманія дѣла; истинно ребяческія сужденія и лишенная нерѣдко смысла оцѣнка военныхъ операцій. По всѣмъ этимъ причинамъ, исключивъ изъ моей книги вопросы политики, я почти совсѣмъ не могъ воспользоваться для нея обширнымъ сочиненіемъ Бажиковскаго, изученіе котораго потребовало не мало труда. Будущему-же историку собственно возстанія (а не войны 1831 г.) никакъ нельзя будетъ обойтись безъ этого, во всякомъ случаѣ, интереснаго сочиненія, хотя сами поляки (напр. историкъ Калинка) замѣчаютъ у Бажиковскаго недостатокъ политической проницательности.

12. Teka narodowa. Pisma historyczno-polityczne. Numer III. Powstanie narodu polskiego w roku 1830—1831. Karl Forster. Berlin. 1873.

Авторъ принадлежитъ къ участникамъ описанной имъ войны и состоялъ между прочимъ адъютантомъ у Круковецкаго. Ходъ кампаніи изложенъ имъ кратко и поверхностно. Вторая часть книги (большая ея половина) имѣетъ довольно важное значеніе, такъ какъ заключаетъ въ себѣ не мало документовъ, предоставленныхъ Форстеру Круковецкимъ въ видахъ обѣленія дѣйствій генерала.

13. Upadek powstania polskiego w 1831 roku. Poznań 1881. (Съ общей картой и планомъ Варшавы).

Ничего новаго книга не даетъ, — это лишь новая группировка фактовъ, заимствованныхъ изъ общеизвѣстныхъ, напечатанныхъ матеріаловъ и описаній.

14. Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 г. Партизана Д. В. Давыдова.

Записки Давыдова, напечатанныя имъ въ 1836 году, ходили долго по рукамъ въ различныхъ спискахъ, наконецъ, у насъ въ Россіи напечатаны лишь въ 1872 г. въ «Русской Старинѣ». Еще ранѣе того, а именно въ 1863 г., онѣ были изданы въ Лондонѣ кн. Долгоруковымъ, но изданіе это не допущено къ обращенію въ Россіи.

Записки Давыдова отличаются болѣе литературными, нежели военно-историческими достоинствами. Принимая ограниченное участіе на второстепенномъ театрѣ войны, авторъ и не даетъ никакихъ крупныхъ фактическихъ свѣдѣній; что-же касается оцѣнки событій и лицъ, то, крайне пристрастно относясь къ Дибичу, Давыдовъ является однимъ изъ самыхъ ненадежныхъ разсказчиковъ объ этой войнѣ. Его ненависть къ фельдмаршалу переходитъ всякіе предѣлы и вызываетъ явно несправедливые упреки.

15. Нѣловъ. Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 г. С.-Петербургъ. 1878 г.

Записки Нѣлова печатались первоначально въ «Военномъ Сборникѣ», а затѣмъ изданы отдѣльной книгой. Принимая участіе въ войнѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, Нѣловъ оставилъ очеркъ войны, полный интереса, въ особенности въ бытовомъ отношеніи, а также въ смыслѣ живыхъ характеристикъ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ, дѣятелей кампаніи. По изложенію, «Воспоминанія» носятъ беллетристическій характеръ, а потому точныхъ, детальныхъ фактическихъ данныхъ представляютъ сравнительно мало.

16. Мысли о нѣкоторыхъ предметахъ военнаго дѣла и разныя военно-историческія свѣдѣнія. Гр. Д. Остенъ-Сакена. С.-Петербургъ 1865 г.

Въ этомъ сборникѣ одна изъ главъ (стр. 149—224) носитъ названіе: «Дѣйствія отдѣльнаго отряда генералъ-маіора, потомъ генералъ-лейтенанта барона Остенъ-Сакена» и написана она по поводу сочиненія Смита о войнѣ 1831 года. Сакенъ, вспоминая событія и приводя выдержки изъ журнала военныхъ дѣйствій его отряда, исправляетъ разныя мелкія погрѣшности, вкравшіяся въ названное сочиненіе Смита, а также дѣлаетъ нѣкоторыя дополнительныя поясненія.

17. Отрывки изъ походныхъ записокъ о войнѣ въ Польшѣ въ 1831 году. А. М-въ.

Записки (М-ва, Максимова) напечатаны «въ Военномъ Сборникѣ» за 1860 г. Это интересный, простой и правдивый разсказъ о дѣйствіяхъ въ Люблинскомъ воеводствѣ отряда бар. Крейца.

18. Извлеченіе изъ военнаго журнала генерала Головина 1831 года (съ картой).

Напечатано въ «Военномъ Сборникѣ» 1860 г. Полезный матеріалъ при изученіи дѣйствій корпуса Розена, по Брестскому шоссе, во вторую половину кампаніи.

19. Затлеръ: Записки о продовольствіи войскъ въ военное время.

О достоинствахъ этого замѣчательнаго сочиненія нѣтъ надобности распространяться.

20. 25 лѣтъ въ л.-гв. Егерскомъ полку. Записки стараго егеря.

Печатались въ «Военномъ Сборникѣ», а затѣмъ изданы отдѣльно. Можно воспользоваться нѣкоторыми подробностями относительно дѣйствій гвардейскаго корпуса и въ особенности отряда ген. Полешки при отступленіи его отъ Пржетыче на Снядовъ и Рудки къ Тыкочину.

21. Dembinski. Mémoires sur la campagne de Lithuanie. Strasbourg 1832.

Дембинскій подробно изложилъ свои дѣйствія въ Литвѣ и въ особенности превосходно имъ описано знаменитое его движеніе изъ Литвы въ Польшу. Смитъ при описаніи этихъ событій вполнѣ придерживался разсказа Дембинскаго и исчерпалъ всю сущность содержанія «Мемуаровъ». Къ описанію приложена удовлетворительная карта.

22. Pamiętniki jenerala Józefa Dwernickiego. Lwów 1870.

Это краткое, сжатое, сравнительно умѣренное и достаточно правдивое описаніе всѣхъ дѣйствій отряда генер. Дверницкаго. Изложеніе безъ литературныхъ прикрасъ и богато фактами.

23. Jenerala Henryka Dembinskiego: „Pamiętniki o powstaniu w Polsce r. 1830—1831". Wydanie drugie w Krakowie 1877. 2 t.

Дембинскій подробно, многословно и не всегда въ военномъ духѣ разсказываетъ о своемъ участіи въ войнѣ; не рѣдко онъ даетъ подробныя свѣдѣнія, не имѣющіяся въ другихъ источникахъ; но при этомъ слишкомъ много занимается личными вопросами, политикой и измышленными имъ проектами веденія войны, доказывающими, что Дембинскій былъ отличный партизанъ, но посредственный полководецъ. Онъ стремится идею партизанской войны примѣнить и къ операціямъ главной арміи.

24. Lettre du general Chlapowski sur les évènements militaries en Pologne et en Lithuanie. Seconde édition. Berlin 1832.

Маленькая книженка въ 45 страницъ формата $^1/_{16}$ лис. отличается сжатостью, дѣльностью и въ общемъ правдивостью изложенія; наибольшее значеніе имѣетъ при изученіи событій въ Литвѣ.

25. La révolution polonaise du 29 novembre 1830. Par Joseph Zaliwski. Paris 1833.

Въ этой брошюрѣ ложь и истина постоянно между собою переплетаются. Сочиненіе имѣетъ значеніе основнаго источника, такъ какъ принадлежитъ перу одного изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ возстанія 17 ноября 1830 г.

26. Pamiętnik Piotra Wysockiego o powstaniu 29 listopada 1830 roku (помѣщено, между прочимъ, въ Biblioteka ludowa polska).

Толковый, обстоятельный, относительно скромный разсказъ о возстаніи 17 ноября, въ которомъ Высоцкій сначала игралъ главнѣйшую роль—этимъ обстоятельствомъ преимущественно и опредѣляется историческое значеніе небольшаго разсказа.

27. Noc belwederska. Przez Sewer. Goszczynskiego (помѣщено тоже въ вышеупомянутомъ изданіи).

Гощинскій (поэтъ и литераторъ), принималъ участіе въ нападеніи на Бельведеръ въ ночь возстанія, а также въ убійствахъ и насиліяхъ, совершенныхъ его сподвижниками. Онъ даетъ наиболѣе полное (но искаженное во многомъ) описаніе дѣятельности «академической молодежи» въ достопамятную ночь.

28. Wrotnowski. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w roku 1831, Paryż 1837, 2 t.

Пристрастное, хвастливое, но самое полное и обстоятельное описаніе военныхъ дѣйствій и возстанія въ юго-западной Россіи.

29. La Lithuanie et sa dernière insurrection. Par Michel Pitkiewicz. Bruxelles 1832 (съ картой).

Общій очеркъ возстанія сдѣланъ удовлетворительно и написанъ весьма легко; книга читается съ большимъ интересомъ, но страдаетъ часто пропускомъ существенныхъ подробностей. Къ сочиненію приложено нѣсколько документовъ и карта.

Въ вышеприведенный перечень не вошли многія статьи, замѣтки и документы, помѣщенные въ «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», и пр., которыми я пользовался для моего труда, а также сочиненія, касающіяся исключительно историко-политической стороны возстанія (они частью поименованы въ ссылкахъ). Но считаю долгомъ упомянуть о пользѣ, принесенной мнѣ рукописнымъ очеркомъ второй половины кампаніи, составленнымъ бывшимъ моимъ слушателемъ въ академіи, а нынѣ офицеромъ генеральнаго штаба капитаномъ *Клембовскимъ*, которому выражаю мою искреннюю признательность за обязательное предоставленіе его солиднаго труда въ мое распоряженіе.

Да позволено мнѣ также упомянуть, что описанную мною кампанію я самъ изучалъ въ академіи подъ руководствомъ бывшаго моего профессора (нынѣ уже покойнаго) А. Е. Станкевича. Если въ предлежащемъ трудѣ приложенъ правильный методъ къ изслѣдованію военно-историческихъ событій, если тѣсная зависимость хода стратегическихъ операцій отъ устройства хозяйственно-административной части хотя сколько нибудь выяснена, если, короче, читатель въ этомъ описаніи найдетъ кое что болѣе, нежели расчерчиваніе стратегическихъ вензелей, то этимъ я въ особенности обязанъ безвременно сошедшему въ могилу, дорогой памяти Аѳанасію Евлампьевичу Станкевичу.

Наконецъ, приношу мою благодарность генеральнаго штаба капитанамъ: Колюбакину и Воронину—первому за предложеніе воспользоваться для настоящаго изданія составленными имъ схемами, а второму за дополненіе очерка театра войны.

А. Пузыревскій.

ГЛАВА I.

До начала военныхъ дѣйствій.

ВВЕДЕНІЕ.

Тремя раздѣлами Польши, въ концѣ XVIII вѣка, было прекращено ея самостоятельное существованіе; роковой приговоръ исторіи подвелъ итогъ вѣковой борьбы двухъ славянскихъ народовъ, воспитанныхъ на различныхъ религіозныхъ и государственныхъ началахъ. Ближайшая сосѣдка запада, Польша отчасти усвоила себѣ образованность и политическія идеи своихъ сосѣдей; но въ то время, какъ западные народы отъ феодальныхъ формъ государственнаго устройства переходятъ къ началамъ единодержавія и прочной организаціи центральной власти, а въ общественномъ устройствѣ средній и низшій классы общества выдвигаются постепенно на активное историческое поприще, или, по крайней мѣрѣ, уравниваются въ гражданскихъ правахъ съ высшимъ слоемъ—Польша остается при старыхъ формахъ государственнаго устройства и общественныхъ отношеній, и на этой почвѣ вырабатываетъ себѣ безпримѣрныя политическія учрежденія, будучи въ одно время и королевствомъ съ избирательнымъ, во главѣ, королемъ, не пользующимся вовсе королевскою властью, и республикой безъ республиканскихъ учрежденій. Соціальное положеніе Польши слишкомъ хорошо извѣстно; достаточно припомнить хотя-бы замѣчанія безпристрастнаго свидѣтеля—Дюмурье—о Польшѣ конца прошлаго столѣтія: „польскую націю—говоритъ онъ—передъ раздѣломъ образовали только 800—900 тысячъ дворянъ, разсѣянныхъ на территоріи, могущей питать, при другомъ правленіи, 30 милліоновъ обитателей... Польская конституція была чисто аристократической, но при ней не существовало народа, которымъ могли бы управлять дворяне, такъ какъ нельзя-же назвать этимъ именемъ 8—10 милліоновъ рабовъ... Соціальный организмъ Польши—это чудовище съ головой и животомъ, но безъ рукъ и ногъ... Не имѣя никакой точки опоры, эта аристократія, дѣйствующая среди неподвижнаго народа, предается химерическимъ надеждамъ на иностранную поддержку“. Естественно, что при такихъ условіяхъ Польша не обладала и матеріальными средствами для вооруженной борьбы. Въ Польшѣ считалось, въ концѣ XVIII ст., болѣе 10 милліоновъ жителей, а между тѣмъ, по словамъ того-же Дюмурье, „всѣ ея силы простирались лишь до 16—17 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ 8—10 независимыхъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ безъ согласія, не довѣрявшихъ другъ другу, иногда боровшихся между собою. Эта кавалерія, вся состоявшая изъ дворянъ, равныхъ между собою, безъ дисциплины, безъ повиновенія, дурно вооруженныхъ и снаряженныхъ, далеко не могла сопротивляться русскимъ регулярнымъ войскамъ и стояла ниже казаковъ(?)... Открытая со всѣхъ сторонъ, лишенная крѣпостей, имѣя лишь одну кавалерію и совершенно лишенная пѣхоты, Польша не могла оградить себя отъ одного изъ сосѣдей иначе какъ только при помощи другаго (1).

Религіозное воспитаніе Польши, на началахъ строгаго католицизма, привело ея къ фанатическому преслѣдованію другихъ вѣроисповѣданій, самымъ гибельнымъ послѣдствіемъ котораго былъ рядъ непрерывныхъ возстаній Малороссіи, окончившихся отторженіемъ ея, при Богданѣ Хмельницкомъ, и присоединеніемъ къ Россіи. „Польскій гоноръ, по словамъ польскихъ писателей, не мирился съ мыслію о равноправности бѣлорусовъ и малоросіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собою православной церкви".

Въ общемъ Польша ко времени раздѣловъ представляется болѣзненнымъ организмомъ, не заключавшимъ въ себѣ достаточной энергіи для борьбы со внѣшними неблагопріятными, крайне тяжелыми, условіями политической обстановки... Польша временъ раздѣла, въ поискахъ за иноземною помощью, въ жалобахъ на коварство сосѣдей, въ проклятіяхъ ихъ алчности пала подъ ударами своихъ враговъ, которыхъ считала единственными виновниками своей трагической судьбы, между тѣмъ какъ они, подобно самой Польшѣ болѣе древнихъ временъ, воспользовались лишь благопріятной для нихъ политической обстановкой.

Обращаясь къ Россіи, мы видимъ ее развивающейся на началахъ демократическихъ и монархическихъ и воспитанной въ религіозныхъ вѣрованіяхъ православія, т. е. вѣроисповѣданія, хотя и менѣе активнаго, нежели католицизмъ, но за то, уже по одной именно этой причинѣ, несравненно менѣе нетерпимаго. Такимъ образомъ въ коренныхъ условіяхъ историческаго существованія обоихъ народовъ, а равно въ ихъ взаимномъ территоріальномъ положеніи, таились издавна элементы неизбѣжной борьбы. Послѣдняя для Россіи была далеко не легкой. Часто приходилось уступать, жертвовать цѣлостью государства для удовлетворенія притязаній сосѣда и стариннаго врага. Было время, когда Польша стремилась ни болѣе ни менѣе какъ къ уничтоженію политической самостоятельности „Москвы", давая ей своего царевича или даже требуя присяги своему королю (1612 г.); но русскій народъ оказался достаточно мощнымъ въ самомъ себѣ, чтобы отстоять свое политическое существованіе, а затѣмъ, направляемый единой волей своихъ государей, перешелъ уже, въ видахъ прочнѣйшаго своего обезпеченія и національнаго объединенія, къ наступательнымъ дѣйствіямъ, окончившимся, по иниціативѣ Фридриха Великаго, раздѣломъ Польши. Замѣчательно, что этотъ раздѣлъ, называемый нѣкоторыми „величайшею несправедливостью XVIII вѣка", не вызвалъ осужденія у многихъ передовыхъ мыслителей Западной Европы, „друзей человѣчества", какъ, напримѣръ, у Ж. Ж. Руссо, или у одного изъ извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ проповѣдниковъ свободы, а именно у Прудона, полагающаго, что „никогда въ исторіи не было столь заслуженнаго наказанія"; онъ же приводитъ слова историка Сальванди, что исторія Польши можетъ быть съ самаго начала ея опредѣлена словами „постепенный упадокъ", и замѣчаетъ, что для польскихъ плебеевъ раздѣлъ былъ освобожденіемъ отъ рабства. Гервинусъ, изслѣдуя историческія судьбы различныхъ народовъ, не находитъ между ними ни одного, который возбуждалъ-бы мысль сосѣдей о раздѣлѣ, подобно Польшѣ, уже съ ранняго періода ея существованія (конецъ XIV ст.); объясненіе такого явленія историкъ, вмѣстѣ съ Ж. Ж. Руссо, видитъ въ вѣковомъ господствѣ анархіи въ странѣ (2). По замѣчанію Рюльера исторія Польши есть „постепенный ея упадокъ".

Если, такимъ образомъ, политическое уничтоженіе Польши можетъ быть разсматриваемо какъ естественный результатъ историческаго хода событій, развивавшихся изъ началъ, лежавшихъ въ основѣ внутренней жизни Польши, и изъ условій международныхъ отношеній, то, съ другой стороны, нельзя было расчитывать уничтожить

въ умахъ поляковъ воспоминаніе объ ихъ нѣкогда блестящемъ прошломъ, о могуществѣ обширнаго, многолюднаго государства, о національной ихъ славѣ. Едва совершены были раздѣлы, какъ поляки уже мечтаютъ о возстановленіи своего государства, при томъ въ старинныхъ, обширнѣйшихъ его предѣлахъ; путь къ этому они отыскиваютъ не въ національномъ возрожденіи, а въ вооруженной борьбѣ при помощи „друзей" Польши, въ такихъ политическихъ комбинаціяхъ, самая возможность которыхъ относится къ области болѣзненной фантазіи, а не здравой политики, основанной на положительныхъ данныхъ. Великія событія, разыгравшіяся вскорѣ на Западѣ, могли, впрочемъ, дать пищу для развитія такихъ фантастическихъ мечтаній. Французская революція, а затѣмъ господство Наполеона съ его безпрерывными войнами, разрушеніемъ старыхъ и созданіемъ новыхъ государствъ, обратили туда взоры поляковъ, въ надеждѣ воспользоваться совершившимися событіями для своихъ цѣлей. Въ восходившей звѣздѣ Наполеона поляки увидѣли зарю своей собственной свободы. Масса польской молодежи бросилась подъ знамена Наполеона, полагая въ горахъ Испаніи, на берегахъ Прегеля, Дуная и подъ стѣнами Москвы завоевать свою независимость. По этому поводу Прудонъ замѣчаетъ: „Какой тактикѣ слѣдовали поляки съ 1797 по 1814 г.? Они старались дѣйствовать заодно — сперва съ директоріею, потомъ съ консульствомъ и съ имперіею, не заботясь о перемѣнѣ въ принципахъ, происшедшей во французскомъ правительствѣ, не заботясь о правахъ и интересахъ сосѣднихъ націй, не замѣчая, что съ республикой были они на сторонѣ народовъ противъ деспотизма, а съ Наполеономъ I были съ деспотизмомъ противъ народа. Пятнадцать лѣтъ сражались они подъ знаменами Наполеона противъ независимости національностей въ С. Доминго, въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи, въ Россіи, вездѣ" (3). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣ предшествующія времена, среди поляковъ не было должнаго единодушія, и тогда какъ одни возлагали всѣ свои надежды на Наполеона, другіе обращались къ императору Александру I, полагая, что онъ призванъ къ возстановленію стариннаго польскаго королевства.

Тѣмъ не менѣе принципы, провозглашенные французской революціей, побѣдоносныя войны Наполеона, пересозданіе имъ европейской карты—все это наклоняло симпатіи громаднаго большинства поляковъ въ сторону Наполеона, въ рукахъ котораго Польша вскорѣ дѣлается политической игрушкой. Во время войны 1806—1807 годовъ поляки съ особенной силой выразили свои симпатіи французамъ и Наполеону; опираясь на это сочувствіе, проявившееся въ весьма положительной формѣ—въ видѣ вспомогательныхъ войскъ подъ начальствомъ Домбровскаго—Наполеонъ вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы 1807 г. Не смотря на это, не смотря на совѣты нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, какъ Даву и Мюратъ, возстановить Польшу, Наполеонъ никогда не слѣдовалъ особенно благопріятной для поляковъ политикѣ, хотя весьма цѣнилъ въ Польшѣ отличный передовой плацдармъ для борьбы съ Россіей, а въ полякахъ—авангардъ своей арміи. Наполеонъ, по его словамъ, хотѣлъ утвердить въ Польшѣ не *forum*, а *лагерь* (4); возстановленіе-же Польши въ обширныхъ предѣлахъ представлялось для него задачей трудной и не лишенной опасностей, такъ какъ было связано съ интересами общеевропейской его политики, по отношенію къ такимъ могущественнымъ государствамъ, какъ Россія и Австрія; Наполеону вообще болѣе нравилась храбрость поляковъ, нежели ихъ патріотизмъ и національныя притязанія. Кромѣ того, нѣкоторые изъ преданнѣйшихъ его друзей, какъ, напримѣръ, маршалъ Ланнъ, напоминали ему также, что возстановленіе Польши откроетъ бездну между Россіей и Франціей и что кровь французовъ слишкомъ дорога, чтобы проливать ее ради чужихъ интересовъ. Послѣднее обстоятельство ясно сознавалось самимъ Напо-

леономъ, отсюда его указанія полякамъ, что только ихъ „единодушныя усилія“ могутъ привести къ желанной цѣли. Тѣмъ не менѣе созданіе Наполеономъ изъ земель, отнятыхъ у Пруссіи въ 1807 г., Варшавскаго герцогства, съ подчиненіемъ его скипетру саксонскаго короля, казалось полякамъ началомъ осуществленія ихъ мечтаній о возстановленіи погибшей Рѣчи Посполитой *). Такъ какъ притомъ Наполеону дѣйствительно представлялся не разъ случай сдѣлать многое для поляковъ и онъ обладалъ достаточными для того средствами, то фактъ образованія Варшавскаго герцогства окончательно слилъ въ умахъ поляковъ идею возрожденія отечества съ личностью Наполеона, для котораго съ этого времени Польша готова была приносить всяческія жертвы. „Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ иронически Огинскій—кто изъ обитателей Варшавскаго герцогства не дозволилъ-бы себя увлечь плѣнительнымъ надеждамъ, видя эту маленькую страну, управляемую подобно государству, предназначенному играть большую роль, содержащую армію въ 50/т. человѣкъ, имѣющую сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, министровъ по всѣмъ отраслямъ управленія и французскаго резидента?“ (5). А между тѣмъ въ какой степени для Наполеона были дороги интересы поляковъ при сопоставленіи ихъ съ интересами его общеевропейской политики—видно изъ депеши Шампаньи, опубликованной въ 1809 году: „Императоръ Наполеонъ не только не желаетъ зародить мысли о возстановленіи Польши,—мысли совершенно далекой отъ его намѣреній, но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всемъ, что можетъ изгладить навсегда воспоминаніе независимости въ сердцахъ прежнихъ обитателей этой страны. Его Величество соглашается исключить названіе Польши и поляковъ не только изъ всѣхъ дипломатическихъ трактатовъ, но даже изъ исторіи“. По окончаніи войны съ Австріей, во время которой Россія выставила особый корпусъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ польскими войсками кн. Понятовскаго, Россія получила Тарнопольскій округъ съ соляными копями, а герцогство Варшавское было увеличено частью земель, отошедшихъ прежде отъ Польши къ Австріи. Такимъ образомъ эта война мало способствовала реализаціи мечтаній поляковъ о возстановленіи отечества, а къ тому же французскій министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве открыто объявилъ, что Наполеонъ никогда не имѣлъ мысли возстановить Польшу (6). Хотя подобные факты и старались объяснить полякамъ необходимостью сдѣлать „любезность“ русскому послу, но событія противорѣчили такимъ успокоеніямъ.

Слѣдуетъ помнить, какъ замѣчено выше, что не безусловно всѣ поляки увлекались надеждами Наполеона. Знаменитый Косцюшко понималъ хорошо ту роль, которую его соотечественники играли въ рукахъ Наполеона. Литовецъ кн. Огинскій стоялъ на этой же точкѣ зрѣнія и въ мемуарахъ, представленныхъ имъ Александру I въ 1811 году, убѣждалъ императора дать автономію Литвѣ и объявить себя *польскимъ королемъ*, что по его мнѣнію могло привлечь сердца всѣхъ поляковъ и литовцевъ къ Александру I и тогда народности эти несомнѣнно-бы стали на сторонѣ Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ (7). Такія же предложенія неоднократно высказывалъ кн. Чарторижскій (8). Императоръ Александръ I не могъ не видѣть всѣхъ трудностей „возстановленія“ Польши въ смыслѣ объединенія поляковъ подъ скипетромъ русскаго царя: и вліяніе имени Наполеона, и тѣсныя связи польскихъ легіоновъ съ французской арміей, разбросанныхъ въ Испаніи, Франціи и пр., и сплетеніе въ этомъ вопросѣ интересовъ сосѣдей—Пруссіи Австріи,—все это крайне затрудняло осуществленіе идеи, которую отчасти навязывали императору, отчасти и самимъ имъ лелеянную съ давнихъ поръ. Александръ I, по духу своего воспитанія, по интимной дружбѣ съ Адамомъ Чарторижскимъ и его сестрой, почти съ юношескихъ лѣтъ уже былъ расположенъ въ пользу Польши („Я подалъ русскому императору мысль положить въ основу его политики возстановленіе Польши“). Готовясь къ войнѣ съ Наполеономъ, императоръ не придаетъ уже такой важности тѣмъ препятствіямъ, которыя онъ самъ указывалъ къ возстановленію Польши; онъ находитъ, что „пришло время доказать полякамъ, что Россія не врагъ ихъ, а скорѣе истинный и естественный другъ“ (9) и что Россія та держава, которая можетъ возродить Польшу. Подъ „возрожденіемъ“ императоръ—къ великому соблазну и притязаніямъ поляковъ въ будущемъ — понималъ „соединеніе всего того, что составляло нѣкогда Польшу, включая сюда и русскія области, за исключеніемъ Бѣлоруссіи, беря границею Двину, Березину и Днѣпръ (10). Австріи взамѣнъ Галиціи императоръ предполагалъ предложить Валахію и Молдавію до р. Серета (11). Но условіемъ sine qua non такого предложенія императоръ ставитъ „присоединеніе навсегда Польши къ Россіи, императоръ которой пользуется титуломъ императора россійскаго и короля польскаго“ (12). Какъ бы то ни было, обширный планъ возстановленія Польши, независимо отъ неудобоисполнимости его и согласованія съ интересами Россіи, не могъ быть осуществленъ вслѣдствіе быстраго хода политическихъ событій, приведшихъ, наконецъ, къ рѣшительной, на жизнь и смерть, борьбѣ Наполеона съ Россіей—наступилъ 1812 годъ. Наконецъ, казалось для поляковъ, настала пора возстановленія Рѣчи Посполитой. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ результатахъ предстоявшей борьбы и военный геній Наполеона*), и искусство его генераловъ, и громадное численное превосходство вооруженныхъ силъ—все было на сторонѣ французовъ. Поляки съ восторгомъ ожидали прибытія ихъ избавителя и начала войны. Для возбужденія поляковъ и направленія событій согласно съ его видами, Наполеонъ отправилъ двухъ своихъ агентовъ: де-Прада и Биньона, одного въ Варшаву, другаго въ Вильну. Но событія въ герцогствѣ шли не такъ, какъ хотѣлось: Наполеонъ желалъ оставаться въ польскомъ дѣлѣ, такъ сказать, нейтральнымъ и опасался раздражать Австрію, его союзницу въ этой борьбѣ; главная задача агентовъ Наполеона заключалась въ томъ, чтобы поднять въ странѣ поголовное ополченіе, а между тѣмъ въ Варшавѣ поступали такъ, какъ бы Польша была уже возстановлена. Тогда Наполеонъ рѣшился нѣсколько охладить пылкость мечтаній поляковъ. На восторженную, полную просьбъ, надеждъ и лести, рѣчь депутата, представившаго ему актъ конфедераціонаго сейма, Наполеонъ, между прочимъ, отвѣчалъ: „я рукоплещу всему, что вы сдѣлали, я одобряю усилія, какія вы проявите, сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ для поддержанія вашихъ рѣшеній. Если усилія ваши будутъ единодушны—можете *питать надежду, что заставите враговъ вашихъ признать ваши права*; *но въ этихъ обширныхъ и столь удаленныхъ странахъ вы можете главнымъ образомъ лишь на единодушныхъ усиліяхъ жителей основывать надежды на успѣхъ вашихъ желаній*. Я говорилъ вамъ то же самое, когда въ первый разъ явился на вашей землѣ. Теперь долженъ еще прибавить, что *я гарантировалъ императору австрійскому цѣлость его владѣній и не могу*

*) Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (г. Шильдеръ) высказалъ мысль, что герцогство Варшавское было образовано Наполеономъ по внушенію Александра I—это интересное сообщеніе требуетъ дальнѣйшей фактической обработки. (См. «Руск. Стар.» 1889 г.)

*) «Мечъ разрушенія виситъ надъ русскимъ императоромъ... кому не извѣстно, чѣмъ эта борьба кончится? Развѣ одни глупцы не видятъ, что всѣ возможныя вѣроятности обѣщаютъ побѣду генію побѣдъ! Напротивъ, всѣ несчастія должны обрушиться на Александра». («Русскій Архивъ» 1863 г. Письмо А. Чарторижскаго къ гр. Матусевичу).

одобрить никакого дѣйствія или движенія, клонящихся къ нарушенію спокойствія оставшихся въ его владѣніи польскихъ провинцій“ (13).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что еще въ мартѣ 1812 г., двумя сепаратными, секретными статьями договора съ Австріей, Наполеонъ условился относительно возможнаго возстановленія Польши и даже уступки Австріей части Галиціи, взамѣнъ которой ей могли быть предложены, по предварительному соглашенію, иллирійскія провинціи (14).

Поляки сдѣлали дѣйствительно громадныя усилія и выставили до 80,000 челов., которые дрались противъ русскихъ съ такой-же храбростью, какъ и со злобой и ожесточеніемъ. Литва далеко не обнаружила такого-же одушевленія, не смотря на конфедераціонный сеймъ, устроенный Биньономъ; о помощи со стороны Волыни и Подоліи не стоитъ и говоритъ. Извѣстенъ исходъ колоссальной борьбы Россіи съ Западной Европой, предводимой Наполеономъ. По изгнаніи его изъ предѣловъ нашего отечества дѣло поляковъ должно было-бы, повидимому, окончательно погибнуть. Единственно на что они могли расчитывать—это на благосклонность къ ихъ интересамъ императора Александра I,—и въ этомъ они не ошиблись. Уже 13 января 1813 года, изъ Лейпуновъ, Александръ писалъ Чарторижскому: „Успѣхи, которыми угодно было Провидѣнію благословить мои усилія и мою настойчивость, нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній по отношенію къ полякамъ. Ваши соотечественники должны успокоиться въ своихъ опасеніяхъ, если таковыя существуютъ. Мщеніе—чувство мнѣ неизвѣстное и платить добромъ за зло—для меня сладчайшее удовольствіе. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и смотрѣть на поляковъ какъ на братьевъ и друзей. Я желаю говорить съ вами съ полною откровенностью; для успѣха моихъ идей, благопріятныхъ Польшѣ, я долженъ побѣдить нѣкоторыя трудности, не смотря на блескъ теперешняго моего положенія“. Трудности эти императоръ видѣлъ, во первыхъ, со стороны Пруссіи и Австріи, а во вторыхъ, со стороны самой Россіи, гдѣ поведеніе поляковъ во время войны „воскресило прежнюю ненависть“. Поэтому императоръ проситъ „помочь ему, чтобы его планы понравились (à faire goûter) русскимъ“. При этомъ императоръ проситъ „не забывать, что Литва, Подолія и Волынь разсматривались до сихъ поръ какъ русскія области, и что никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить русскихъ видѣть ихъ подъ владычествомъ инаго государя, нежели тотъ, который правитъ Россіей“. Въ доказательство искренности своихъ намѣреній, императоръ, какъ сказано, приказалъ русскимъ войскамъ обращаться съ поляками по братски, не занимать Варшавы и оставить на мѣстахъ всѣхъ чиновъ польской администраціи въ краѣ *) (15).

Еще ранѣе (1 ноября 1812 г.) государь говорилъ въ Петербургѣ Огинскому, что возстановленіе Польши будетъ имъ совершено, „такъ какъ это согласно съ его (Александра) убѣжденіями, съ чувствами его сердца и даже (!) съ интересами Россіи...“ (16).

Поляки не только искали покровительства русскаго императора, но и предъявляли основныя условія возстановленія Польши. Въ концѣ 1812 года Чарторижскій уже предлагаетъ государю присоединить всѣ бывшія польскія провинціи подъ управле-

*) Генералъ-губернаторъ занятаго нами герц. Варшавскаго относился крайне благосклонно къ полякамъ, которые этимъ пользовались и держали себя такъ съ русскими, что вызывали неудовольствія послѣднихъ, высказанныя, напримѣръ, въ письмѣ главнок. резервною арміею кн. Лобанова-Ростовскаго къ гр. Аракчееву („истинно стыдно явное и, такъ сказать, подобострастное во всякомъ случаѣ угожденіе полякамъ“) (см. Сборникъ историческихъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ архива 1 отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи. С.-Петербургъ, 1876 г., т. I, отд. II. стр. 26).

ніемъ великаго князя Михаила Павловича, а при началѣ отступленія Наполеона изъ Россіи, онъ явился уже въ Варшавѣ, чтобы расположить поляковъ къ русскому императору. По соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Мостовскимъ и финансовъ Матушевичемъ, онъ опредѣлилъ тѣ основы, на которыхъ, по его мнѣнію, императоръ могъ-бы установить тронъ польскаго королевства, а именно: присоединеніе Литвы и конституція, составленная изъ дѣйствовавшей въ герцогствѣ и польской 3 мая 1791 года. Относительно русскихъ областей мы уже видѣли выше замѣчанія императора; что-же касается формъ правленія, то императоръ предпочиталъ „наиболѣе либеральныя (17).

По занятіи герцогства Варшавскаго было учреждено временное правительство или „*Верховный совѣтъ*“, въ составъ котораго вошли какъ русскіе, такъ и поляки, а именно: президентъ—сенаторъ Ланской, вице-президентъ, другъ дѣтства императора—Новосильцевъ, человѣкъ съ умомъ и образованіемъ; кн. Любецкій, знаменитый впослѣдствіи министръ финансовъ Царства Польскаго, и Т. Вавржецкій, горячій поклонникъ возстановленія прежней Польши, замѣнившій нѣкогда Косцюшку въ командованіи войсками, и по финансовой части—директоръ доменовъ саксонскаго короля Коломбъ (18). Поляки глубоко цѣнили благосклонность къ нимъ русскаго императора, перенеся на него всѣ свои надежды. Поэтому они не мало встревожились, когда распространился слухъ о новомъ раздѣлѣ. А именно, въ видахъ склоненія Пруссіи и Австріи къ рѣшительной борьбѣ съ Наполеономъ, рѣшено было, по Рейхенбахскому договору 15 (27) іюня 1813 г., раздѣлить герцогство Варшавское между Россіею, Австріею и Пруссіею. Впослѣдствіи это было измѣнено; но поляки, узнавъ объ ожидающей ихъ участи, повергли, при посредствѣ государственнаго секретаря Шанявскаго, отъ имени всѣхъ 8 воеводствъ, единодушную просьбу остаться подъ скипетромъ Александра. „Императоръ—говорили они—можетъ впредь управлять нами по своему желанію и мы только просимъ, чтобы онъ не допустилъ насъ попасть подъ владычество нѣмцевъ, потому что поляки составляютъ одно племя съ русскими“. Вслѣдъ затѣмъ ходатаемъ за поляковъ передъ императоромъ явился кн. Чарторижскій, нашедшій государя въ Баръ-сюръ-Обѣ. Александръ не могъ еще рѣшить безъ союзниковъ судьбу Польши. Но уже вскорѣ по занятіи Парижа, принимая депутатовъ отъ польскихъ войскъ—ген. Сокольницкаго и полк. Шимановскаго — старался успокоить ихъ относительно будущей судьбы, замѣтивъ, что „польская армія сохранитъ свое прежнее устройство“ и, указывая на великаго князя Константина Павловича, прибавилъ: „командовать ею будетъ мой родной братъ“ (19). Въ это-же время къ Александру обратился Косцюшко съ письмомъ, въ которомъ просилъ, во-первыхъ, объ абсолютной амнистіи всѣмъ полякамъ; во-вторыхъ, чтобы государь объявилъ себя королемъ польскимъ „съ либеральной конституціей, подобной англійской“; затѣмъ онъ говорилъ объ учрежденіи правительственныхъ народныхъ школъ и объ уничтоженіи крѣпостнаго права не далѣе, какъ чрезъ 10 лѣтъ. Императоръ отвѣчалъ ему письмомъ, съ лестными выраженіями о полякахъ и съ обѣщаніемъ убѣдить поляковъ, что мнимый ихъ врагъ исполнитъ ихъ желанія (20).

Окончательное опредѣленіе судьбы поляковъ должно было рѣшиться на Вѣнскомъ конгрессѣ. Императоръ Александръ желалъ возстановить Польское королевство подъ своимъ скипетромъ, а союзниковъ—Австрію и Пруссію—вознаградить на счетъ разныхъ владѣній италіанскихъ и саксонскихъ коронъ. Переговоры по этому вопросу шли довольно успѣшно до вмѣшательства въ дѣло французскаго посла Талейрана, который успѣлъ посѣять раздоръ между союзниками, пустивъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство и указывая на ту опасность, которой грозило западнымъ государствамъ преобладающее международное значеніе Россіи. Его дѣятельность въ этомъ направленіи

была столь успѣшна, что Англія и Австрія заключили съ Франціей тайный союзъ, направленный противъ Россіи и дружественной ей Пруссіи. При такомъ положеніи дѣла Александру пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки въ вопросѣ объ объединеніи польскихъ земель, и, отказываясь отъ нѣкоторыхъ областей и территоріальныхъ участковъ въ пользу Австріи и Пруссіи, онъ требовалъ, чтобы остальная часть Варшавскаго герцогства, возведенная въ царство, была-бы присоединена къ Россіи (21).

Въ отвѣтъ на это уполномоченный Англіи лордъ Кэстльри, замѣтивъ что постояннымъ желаніемъ его двора было: „видѣть Польшу независимымъ государствомъ, съ болѣе или менѣе значительной территоріей, управляемой особой династіей и образующей промежуточную державу между тремя великими монархіями", вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, чтобы, въ видахъ спокойствія сѣвера и соблюденія общаго равновѣсія, предоставить бывшимъ польскимъ провинціямъ либеральныя политическія учрежденія, сообразно потребностямъ народностей, входящихъ въ составъ этихъ провинцій. Лордъ Кэстльри „настоятельно убѣждалъ" государей, въ надѣлъ которымъ достанутся польскія земли, смотрѣть на населеніе этихъ земель, какъ на отдѣльную національность, и управлять ими по тѣмъ формамъ, „которыя имъ будутъ казаться лучшими" (22).

На эти благія пожеланія Нессельроде отвѣтилъ о полномъ согласіи императора Александра I съ общими видами британскаго кабинета и указывалъ на всегдашнія намѣренія русскаго государя по этому вопросу (23).

Окончательное соглашеніе о Польшѣ и Саксоніи было подписано, наконецъ, 11 февраля (30 января) 1815 г. (значитъ до высадки Наполеона въ концѣ марта). Нѣсколько недѣль спустя были заключены отдѣльные трактаты Россіи съ Австріей и Пруссіей съ постановленіями о Польшѣ, а въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса 9 іюня (28 мая) 1815 г., гдѣ всѣ трактаты соединены вмѣстѣ, повторено объ этомъ почти то же самое, что и въ сепаратныхъ трактатахъ, а именно: „Его императорское величество предполагаетъ даровать, по своему благоусмотрѣнію, внутреннее очертаніе сему государству, имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ", и далѣе: „Поляки, какъ россійскіе подданные, такъ равномѣрно австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ вышеименованныхъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній (24).

Изъ этого видно, что на Вѣнскомъ конгрессѣ былъ разрѣшенъ лишь общій принципъ относительно представительнаго управленія и національныхъ учрежденій, но относительно тѣхъ формъ, въ которыя должно было вылиться то и другое, въ актѣ ничего не говорится и предоставлено усмотрѣнію государей.

Поляки были недовольны рѣшеніями Вѣнскаго конгресса, такъ какъ ихъ желанія относительно объединенія бывшихъ польскихъ областей не исполнились.

Это лучше всего видно изъ письма Косцюшки къ А. Чарторижскому отъ 1 (13) іюня 1815 г. „Мы должны быть—говоритъ онъ—признательны императору, возстановившему имя поляковъ; но одно названіе не составляетъ еще націи. Протяженіе территоріи и число жителей составляютъ нѣчто. Я не знаю на чемъ основать, развѣ лишь только на нашихъ желаніяхъ, данную намъ, т. е. мнѣ и многимъ моимъ соотечественникамъ, гарантію распространить границы Польши до Двины и Борисѳена, что, возстановляя извѣстную пропорцію силы и числа, способствовало бы поддержанію между

Россіей и нами взаимнаго уваженія и прочной дружбы". Далѣе онъ указываетъ, что русскіе занимаютъ всѣ мѣста въ высшемъ управленіи, что повлечетъ за собою униженіе поляковъ, которые будутъ трактуемы господствующимъ народомъ, какъ свои подданные (25).

По этому поводу Гервинусъ замѣчаетъ: „уже въ это время онъ (Александръ I) чувствовалъ себя уязвленнымъ (blessé) мало деликатнымъ поведеніемъ этихъ господъ, которые въ эту минуту, какъ часто и прежде, отвѣчали на уступки требованіями; вмѣсто того, чтобы довольствоваться улучшеніемъ своего положенія, въ томъ видѣ, какъ оно имъ было предложено, они провозглашаютъ, высокомѣрнымъ тономъ, свою независимость и желаютъ извлечь для самихъ себя наибольшія выгоды изъ революціи этой эпохи, хотя сдѣлали для того лишь самыя слабыя усилія (26).

Императоръ Александръ I назначилъ вскорѣ коммисію изъ польскихъ государственныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго, для составленія конституціи. Конституціонная хартія, утвержденная 15 (27) ноября, была объявлена 12 (24) декабря 1815 г. Сущность ея заключалась въ слѣдующемъ.

Политическое положеніе царства и общественныя гарантіи. Царство Польское навсегда присоединяется къ Россіи и корона его наслѣдственна въ царствующей династіи по законамъ имперіи; царь въ свое отсутствіе назначаетъ, по своему избранію, намѣстника, который пребываетъ въ Царствѣ. Внѣшнія политическія отношенія имперіи общи съ Царствомъ. Одному лишь государю принадлежитъ право опредѣлять степень участія Царства въ войнахъ Россіи и трактатахъ, ею заключаемыхъ. Свобода вѣроисповѣданій, личности и прессы обезпечена; новый законъ долженъ предупредить возможность злоупотребленій печати. Никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ сообразно формамъ, и въ случаяхъ, указанныхъ закономъ; задержанный письменно извѣщается о причинѣ ареста; каждый подвергнувшійся аресту долженъ быть представленъ, не позже трехъ дней, компетентному трибуналу для допроса или сужденія. Всѣ дѣла политическія, административныя, судебныя и военныя ведутся на польскомъ языкѣ. Общественныя, гражданскія и военныя должности исполняются не иначе, какъ поляками. Польская нація имѣетъ представительство или сеймъ, состоящій изъ царя и двухъ камеръ; одну изъ нихъ образуетъ сенатъ, другую—послы и депутаты отъ общинъ. *Царь.* Царю принадлежитъ власть исполнительная въ полной ея мѣрѣ. Онъ опредѣляетъ силу арміи, въ мирное и военное время, назначаетъ начальниковъ и офицеровъ вообще, заключаетъ войну и миръ, назначаетъ сенаторовъ, министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, президентовъ воеводскихъ коммисій, маршаловъ, предсѣдателей и судей трибуналовъ, епископовъ и прелатовъ. Право наградъ принадлежитъ исключительно государю. *Намѣстникъ, государственный совѣтъ и министерство.* Государственный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ царя или намѣстника, состоитъ изъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и лицъ по назначенію государя. Государственный совѣтъ раздѣляется на *административный совѣтъ* или *совѣтъ управленія* и *общее собраніе*; первый состоитъ изъ намѣстника, пяти министровъ и лицъ по особому назначенію царя; члены этого совѣта имѣютъ совѣщательный голосъ; рѣшеніе—же, сообразно конституціи и законамъ, принадлежитъ намѣстнику; декретъ намѣстника имѣетъ лишь тогда законную силу, когда скрѣпленъ соотвѣтствующимъ министромъ. Общее собраніе государственнаго совѣта состоитъ изъ всѣхъ вышеуказанныхъ членовъ. Обязанности его, между прочимъ, заключаются въ томъ, чтобы обсуждать и составлять всѣ проекты законовъ и уставовъ, касающіеся общаго управленія страны, провѣрять ежегодные отчеты по всѣмъ главнымъ отраслямъ управленія; дѣлать замѣчанія по поводу злоупотребленій или измѣненій конституціонной хартіи и представлять

объ этомъ общее донесеніе государю, который опредѣляетъ предметы, подлежащіе, по своему существу, направленію въ сенатъ или сеймъ. Исполненіе законовъ ввѣряется пяти *коммисіямъ*, управляемымъ каждая особымъ министромъ (просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и финансовъ). Кромѣ того, назначается особый министръ—статсъ-секретарь, состоящій при особѣ царя; этотъ министръ докладываетъ государю представленія намѣстника и передаетъ послѣднему декреты царя. *Національное представительство.* Оно состоитъ, какъ выше указано, изъ царя и двухъ камеръ; царю и камерамъ принадлежитъ власть законодательная. Сеймъ собирается каждые два года по призыву царя, на тридцать дней. По усмотрѣнію царя можетъ быть созванъ экстраординарный сеймъ. Ни одинъ изъ членовъ сейма, во время отправленія своихъ обязанностей, не можетъ быть арестованъ и судимъ уголовнымъ судомъ иначе, какъ съ согласія камеры, къ которой онъ принадлежитъ. Сеймъ обсуждаетъ всѣ предложенные ему отъ царя государственнымъ совѣтомъ проекты законовъ, постановленія о податяхъ и налогахъ и т. п. Наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, просьбы, представленія депутатовъ и пословъ, общинъ, касающіяся благосостоянія и выгодъ ихъ довѣрителей. Если бы сеймъ не вотировалъ новаго бюджета, то старый сохраняетъ свою силу до ближайшей сессіи. Тѣмъ не менѣе бюджетъ прекращаетъ свое дѣйствіе по истеченіи 4-хъ лѣтъ, если сеймъ не былъ созванъ въ теченіи этого времени *).

Сеймъ не имѣетъ права заниматься предметами, не подлежащими его вѣдѣнію или не указанными въ призывномъ его актѣ. Засѣданія обѣихъ камеръ публичны. Внесенные проекты законовъ разсматриваются предварительно въ особыхъ коммисіяхъ. Рѣшенія постановляются большинствомъ голосовъ, открытой баллатировкой. Принятый такимъ образомъ проектъ закона одной камерой передается въ другую, но не можетъ быть тамъ видоизмѣненъ, а лишь принятъ или отвергнутъ. Принятый обѣими камерами представляется на утвержденіе царя. *Сенатъ*, подъ предсѣдательствомъ старшаго своего члена, состоитъ: изъ принцевъ императорской и царской крови, епископовъ, воеводъ, кастеляновъ. Число сенаторовъ не можетъ быть болѣе половины (т. е. 64 чел.) депутатовъ; царь ихъ назначаетъ пожизненно; сенатъ представляетъ царю на каждую имѣющуюся вакансію сенатора двухъ воеводъ или костеляновъ (католическіе епископы назначаются по 1 отъ воеводства). Для избранія въ сенаторы необходимъ возрастъ не менѣе 35 лѣтъ (принцы крови 18 л.), платить податей не менѣе 2.000 злотыхъ (злотъ=15 к. с.) въ годъ и удовлетворять условіямъ, указаннымъ въ органическихъ законахъ. *Камера депутатовъ и пословъ*, подъ предсѣдательствомъ избраннаго ею и утвержденнаго царемъ маршала, состоитъ изъ *ста пословъ*, избираемыхъ округомъ или дворянскимъ собраніемъ, и изъ 67 депутатовъ отъ общинъ. Вся территорія Царства въ отношеніи національнаго представительства и выборовъ, раздѣляется на 77 дистриктовъ и 51 общинныхъ округовъ.

Депутаты избираются на 6 лѣтъ, причемъ каждые два года обновляется изъ нихъ одна треть. Депутатъ долженъ имѣть минимальный возрастъ въ 30 лѣтъ и платить ежегодно податей не менѣе 100 злотыхъ.

Мѣстное управленіе и представительство. Въ каждомъ воеводствѣ имѣется *воеводская коммисія* изъ президента и коммисаровъ, какъ исполнителей, и *воеводскій совѣтъ* изъ выборныхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго. Въ каждомъ городѣ имѣется *муниципальная* власть, голова (bailli) общины—исполнитель правительственныхъ

*) Въ конституціонной хартіи оговорено, что первый бюджетъ устанавливается царемъ по представленію государственнаго совѣта и будетъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣненъ царемъ и камерами.

распоряженій. *Дворянскіе сеймики*, подъ предсѣдательствомъ маршала, состоятъ изъ дворянъ-собственниковъ въ каждомъ дикстриктѣ (уѣздѣ), въ возрастѣ не менѣе 21 года; они избираютъ одного посла, двухъ членовъ воеводскаго совѣта и составляютъ списокъ кандидатовъ на административныя должности. *Общинныя собранія*, тоже подъ предсѣдательствомъ маршала, избираютъ сеймоваго депутата, члена воеводскаго совѣта и составляютъ списки кандидатовъ на административныя должности. Членами собранія могутъ быть всѣ собственники не дворяне, платящіе извѣстную подать, фабриканты, хозяева-ремесленники, купцы, владѣющіе магазинами и лавками цѣнностью не менѣе 10.000 злотыхъ, священники, профессоры и учители, извѣстные художники и артисты.

Вооруженныя силы Царства. Онѣ состоятъ изъ дѣйствующей арміи, находящейся на службѣ, и милиціи для подкрѣпленія, въ случаѣ надобности, дѣйствующихъ войскъ; сила арміи опредѣляется царемъ, въ зависимости отъ надобности и средствъ бюджета. Армія сохраняетъ національные цвѣта и форму обмундированія ([27]).

Дарованная Польшѣ конституція, сходная съ французской хартіей и другими современными учрежденіями подобнаго рода, отличалась, между прочимъ, значительнымъ развитіемъ провинціальнаго самоуправленія, а по замѣчанію одного польскаго писателя была даже либеральнѣе, нежели французская хартія. Республиканецъ Карно, жившій въ то время въ Варшавѣ, объявилъ, что хартія, дарованная неограниченнымъ монархомъ, не могла быть составлена либеральнѣе. Въ одномъ изъ сочиненій, изданныхъ въ Варшавѣ во время революціи и написанномъ въ тонѣ, явно враждебномъ Россіи, указаны всѣ преимущества новой конституціи сравнительно съ таковой-же, данной Наполеономъ герцогству Варшавскому. Такъ, въ герцогствѣ сеймъ собирался только на 14 дней, онъ не имѣлъ почти никакого права обсуждать дѣйствія правительства и ему не было предоставлено возможности открыто и торжественно заявлять правительству желанія народныхъ представителей или жалобы обиженныхъ частныхъ лицъ; изъ учрежденій государства Наполеономъ была изгнана всякая тѣнь народности и пр. ([28]).

Конституція была принята поляками съ восторгомъ и чувствами благодарности къ даровавшему ее; но весьма уже скоро открылись источники для неудовольствій. Намѣстникомъ назначенъ былъ, 17 (29) ноября 1815 года, старый ветеранъ польской арміи генералъ Заіончекъ. Князь А. Чарторижскій, ожидавшій этого почетнаго назначенія для себя, крайне былъ пораженъ случившимся и съ этого времени посвятилъ себя преимущественно воспитанію литовско-польскаго юношества въ качествѣ куратора Виленскаго университета, т. е. занялъ должность, по мнѣнію поляковъ и приверженцевъ ихъ политическихъ идей, въ родѣ издателя переписки Чарторижскаго съ имп. Александромъ, „совершенно польскую“ (toute polonaise) и давшую ему возможность вліять на направленіе образованія и воспитанія всего юношества бывшихъ польскихъ провинцій ([29]). Министрами были избраны государемъ лица, отличавшіяся своимъ патріотизмомъ и выдающеюся дѣятельностью въ предшествовавшихъ событіяхъ. Въ качествѣ императорскаго коммисара въ составѣ совѣта управленія Царства назначенъ былъ тайный совѣтникъ Новосильцовъ; онъ долженъ былъ служить представителемъ русскаго правительства въ случаѣ столкновенія интересовъ Имперіи и Царства. Не мѣшаетъ помнить, что и при управленіи герц. Варшавскаго Наполеонъ имѣлъ своего коммисара. Во главѣ арміи былъ поставленъ цесаревичъ, великій князь Константинъ Павловичъ.

Итакъ конституція была дарована и введена въ Польшѣ. Виновникомъ ея былъ императоръ Александръ, такъ какъ, конечно, неопредѣленныя постановленія Вѣнскаго трактата не имѣли, въ данномъ случаѣ, практической силы и притомъ могли-бы

осуществиться въ весьма скромной формѣ. Императоръ дѣйствовалъ по своимъ личнымъ политическимъ видамъ и влеченіямъ.

Лица, его окружавшія или приближенныя къ нему, относились къ конституціи недружелюбно или недовѣрчиво. Многимъ было понятно, что, напримѣръ, великая свободная держава, какъ Англія, могла допустить существованіе, рядомъ съ нею, страны, зависящей отъ британской короны и управляемой самодержавно (Ганноверъ), но случай противоположный съ ихъ точки зрѣнія былъ немыслимъ.

Штейнъ еще въ 1812 году пытался отвратить императора отъ подобныхъ плановъ, предусматривая несогласіе ихъ съ характеромъ Александра и конституціонными стремленіями поляковъ. Ланской въ особой запискѣ отсовѣтывалъ дарованіе конституціи, говоря, что поляки неспособны были понимать даже русскія учрежденія Екатерины II. Энергичнѣе еще говорилъ въ томъ же духѣ Поцо-ди-Борго въ мемуарѣ 8 (20) октября 1814 г., предостерегая государя не увлекаться опаснымъ сравненіемъ Польши съ Венгріей. Послѣдняя присоединена къ Австріи по праву наслѣдства и получила свою автономію, какъ основное условіе такого соединенія, Россія-же завоевала Польшу и, ставя себя въ такія-же къ ней отношенія, тѣмъ самымъ отказывается отъ своего завоеванія, разрываетъ непосредственное соприкосновеніе съ Европой и слѣдуетъ намѣреніямъ своего врага, стремящагося возстановить Польшу и обратить Россію къ варварству. Въ особенности онъ старался отклонить государя отъ мысли о конституціи, которая возвратитъ слабому высокомѣріе и силу, а въ побѣдителѣ возбудитъ зависть, будучи въ то же время опасной для сосѣдей. Тѣмъ не менѣе, конституція была объявлена. Вскорѣ послѣ перваго сейма (1818 г.) въ Россіи снова стали высказываться противъ этого учрежденія. Такъ генералъ М. Орловъ намѣревался, съ нѣсколькими другими офицерами, представить императору возраженія противъ хартіи. Историкъ Карамзинъ высказался, въ письмѣ (1819 г.), съ полною опредѣленностью и рѣзкостью по этому вопросу. Царь—говорилъ—онъ исправляетъ раздѣлъ Польши раздѣломъ Россіи; этимъ онъ вызоветъ рукоплесканія, но повергнетъ въ отчаяніе русскихъ; „возстановленіе Польши будетъ или разрушеніемъ Россіи, или же русскіе оросятъ Польшу своею кровью и еще разъ возьмутъ штурмомъ Прагу (30).

Дарованіе конституціи вызвало горькія предсказанія и со стороны Ланскаго, предсѣдателя временнаго управленія герцогства Варшавскаго. Въ письмѣ къ государю отъ 4 мая 1815 г. онъ, между прочимъ, говорилъ: „Вмѣняю въ обязанность съ своей стороны донести вашему величеству, что оно (манифестъ о возстановленіи польскаго королевства подъ скипетромъ Россіи) не произвело такого вліянія, какого ожидать-бы можно отъ народа болѣе чувствительнаго". Причиною этого, по его мнѣнію, было: „всеобщее желаніе, частью искренное, частью притворно-запальчивое, но имѣющее одну и ту же цѣль, чтобы быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ и въ томъ-же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленія... Государь! простите русскому, открывающему передъ тобою чувства и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить съ нами народъ и вообще войско польское... и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой... не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно" (31).

Поляки были сначала въ восторгѣ отъ милостей императора и его великодушія. Такъ, извѣстный своими польскими тенденціями членъ верховнаго совѣта герцогства Варшавскаго, Вавржецкій, въ рѣчи, произнесенной имъ при провозглашеніи герцогства Царствомъ Польскимъ 8 (20) іюня 1815 г., говорилъ: „Небесамъ извѣстно и весь свѣтъ

знаетъ сколько труда и твердости употребилъ несравненный монархъ, дабы имя, для поляковъ такъ драгоцѣнное, не только изъ гроба исторгнуть, но и знаменитымъ сдѣлать премудрымъ присовокупленіемъ къ высокимъ титламъ своимъ титла царя польскаго... Но изліяніи на весь народъ польскій такихъ благодѣяній е. в. императоръ и царь всѣ милости превысилъ дарованіемъ кореннаго установленія, недавно здѣсь прочтеннаго. Мы должны съ удивленіемъ признаться, что нѣтъ въ Европѣ великодушнѣйшаго установленія. Посредствомъ онаго императоръ и царь вызываетъ насъ къ наивысочайшему счастью". Но дальнѣйшія отношенія поляковъ къ Россіи приняли совершенно иной характеръ. Какъ замѣчаетъ Прудонъ: „съ небольшимъ здравомысліемъ и меньшимъ эгоизмомъ поляки поняли-бы, что положеніе, въ которое они тогда были поставлены, ставило ихъ во главѣ Россіи; что впослѣдствіи, при добросовѣстномъ исполненіи конституціи, они не только оставались-бы свободны, но были-бы гораздо свободнѣе, нежели когда либо были ихъ предки... Никогда завоеваная нація не была въ такомъ счастливомъ положеніи... Мечты поляковъ послѣ 1815 г. направлены единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него-же".

Впрочемъ, прежде всякаго рода конституціонныхъ, столкновеній неудовольствіе поляковъ направлено было противъ трехъ лицъ: Заіончека, Новосильцова и цесаревича Константина Павловича.

Назначенный царскимъ намѣстникомъ, заслуженный безногій ветеранъ польскихъ войскъ, генералъ Заіончекъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ исключительно своимъ заслугамъ; по этой уже одной причинѣ онъ не могъ имѣть приверженцевъ въ высшемъ классѣ польскаго аристократическаго общества. Но вскорѣ онъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе не только въ средѣ магнатовъ. Намѣстникъ былъ убѣжденъ, что Польша можетъ сохранить свою народность и обезпечить себѣ матеріальное благополучіе только въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, что ей пора отбросить всякія мечты о возстановленіи своей полной независимости, безвозвратно погибшей. Благодаря этому убѣжденію, которое подтверждалось для Заіончека всей исторіей его отечества, онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни идти въ строгомъ и безпрекословномъ согласіи съ видами русскаго правительства и въ частности со всѣми желаніями Константина Павловича. Относясь отрицательно къ традиціямъ польской политики, Заіончекъ смотрѣлъ неблагосклонно и на самую конституцію, видя въ ней лишь поводъ для болтовни и тормазъ для матеріальныхъ улучшеній въ Польшѣ (32). Чарторижскій писалъ по этому поводу государю про намѣстника: „полагая быть его (цесаревича) созданіемъ и его креатурой, онъ пришелъ къ заключенію, что его признательность должна быть безпредѣльной; онъ вообразилъ себѣ, что всякое желаніе великаго князя всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе вашего величества; можно быть увѣреннымъ, что если генерала Заіончека предоставить самому себѣ, то онъ доведетъ до раболѣпія свою подчиненность приказаніямъ и идеямъ его императорскаго высочества" (33). Люди крайнихъ мнѣній и польскіе историки послѣдующаго времени пошли въ своихъ нападкахъ на Заіончека еще гораздо далѣе Чарторижскаго *). Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что податливость намѣстника послужила основаніемъ власти и расширенія значенія цесаревича въ Польшѣ; послѣ-же смерти Заіончека въ 1826 г. преемника ему вовсе не было назначено и тогда фактически высшая власть въ Царствѣ сосредоточилась въ рукахъ Константина Павловича.

*) См. напр. озлобленные отзывы Мѣрославскаго въ его „Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831".

Императорскій коммисаръ, тайный совѣтникъ Новосильцевъ, былъ другомъ съ юности императора Александра I и раздѣлялъ въ такой мѣрѣ либеральныя стремленія государя, что пользовался полнымъ довѣріемъ партіи Чарторижскаго. Послѣ взятія въ 1831 г. штурмомъ Варшавы въ бумагахъ Новосильцева нашли проектъ конституціи для Россіи (34). Онъ былъ человѣкъ съ блестящимъ образованіемъ, англоманъ, въ одно и то же время человѣкъ дѣловой и свѣтскій, хотя непомѣрная лѣнь часто была препятствіемъ къ развитію его дѣловыхъ способностей. Въ Варшавѣ Новосильцевъ оказался въ самыхъ трудныхъ условіяхъ, имѣя съ одной стороны дѣло съ раздражительнымъ, вспыльчивымъ Константиномъ Павловичемъ, а съ другой съ поляками, у которыхъ чувство преданности къ государю скоро превратилось въ глубокую ненависть ко всему русскому, что не могло не оскорблять патріотическихъ чувствъ Новосильцева и не отдалить его отъ прежнихъ друзей и вообще польскаго общества. Въ концѣ концовъ, разочарованный въ либеральныхъ доктринахъ молодости, Новосильцевъ сталъ на стражѣ русскихъ интересовъ въ Царствѣ, а потомъ въ западномъ краѣ. Это, конечно, не могло не озлобить противъ него поляковъ, а развившаяся у него страсть къ спиртнымъ напиткамъ дала обильную пищу для польскаго злословія и остроумія. Новосильцевъ раздражался и не оставлялъ и съ своей стороны поляковъ безъ преслѣдованія. Въ результатѣ—взаимная ненависть (35).

Къ этому слѣдуетъ еще указать на недостатокъ умѣнья въ Новосильцевѣ создать и расширить русскую партію въ краѣ. Онъ ласкалъ и принималъ у себя только тѣхъ поляковъ, которые и безъ того уже принадлежали Россіи, какъ господствующей державѣ, а для остальныхъ былъ мало доступенъ. Своею невнимательностью и неуступчивостью онъ только раздражалъ считавшихся въ опозиціи. Лѣнь его сдѣлалась анекдотическою (36).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не долженъ былъ принимать никакого участія въ управленіи страной; ему принадлежало по конституціи лишь право, какъ и всякому великому князю императорскаго дома, засѣдать въ сенатѣ. По отношенію же къ войскамъ, какъ упомянуто выше, императоръ Александръ, еще будучи въ Парижѣ, предназначилъ цесаревича къ главному командованію польскою арміею. И дѣйствительно, цесаревичъ, съ прежнимъ званіемъ генералъ-инспектора кавалеріи, соединилъ и главное начальство надъ польскимъ войскомъ. Хотя такимъ образомъ цесаревичъ не принималъ оффиціально никакого участія во внутренней администраціи края, но намѣстникъ Заіончекъ не предпринималъ никакихъ мѣръ по Царству безъ предварительнаго совѣщанія съ великимъ княземъ и безъ указаній съ его стороны.

По внѣшности онъ стоялъ въ сторонѣ отъ дѣлъ; во всѣхъ торжественныхъ оффиціальныхъ случаяхъ онъ уступалъ первое мѣсто Заіончеку, являлся къ нему въ полной формѣ и пр., тѣмъ не менѣе онъ представлялся полякамъ чѣмъ-то вродѣ вице-короля, при которомъ состоялъ гражданскій намѣстникъ.

Послѣ-же смерти Заіончека, когда преемника ему не было назначено, цесаревичъ распоряжался безусловно всѣми отраслями управленія въ Царствѣ и при немъ состояла канцелярія по гражданской части. Значеніе великаго князя было еще обширнѣе, если вспомнить, что, по указу отъ 29 іюня 1819 г., ему предоставлена была власть главнокомандующаго дѣйствующею арміею (на основаніи учрежденія 27 января 1812 года) надъ губерніями: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Бѣлостокскою областью. По „учрежденію“ главнокомандующему не было предоставлено веденіе гражданскихъ дѣлъ, а лишь преданіе военно-полевому суду за измѣну, грабежъ, шпіонство и пр., а между тѣмъ виленскій генералъ-губернаторъ входилъ къ великому

князю съ рапортомъ даже по мелкимъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, и только по одобреніи ихъ цесаревичемъ они шли чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя.

Такимъ образомъ западныя русскія области, входившія нѣкогда въ составъ Польши, оказались въ странномъ положеніи: находясь подъ завѣдываніемъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, онѣ какъ-бы считались на военномъ положеніи; съ другой стороны, состоя подъ властью лица, въ сущности управлявшаго Польшею, онѣ какъ-бы соединялись съ нею въ административномъ отношеніи, и такимъ образомъ поляки могли видѣть въ подобномъ соединеніи шагъ на пути къ осуществленію ихъ мечтаній о возстановленіи старинной Польши. При такой обширной власти и такомъ значеніи, Константинъ Павловичъ задался и не менѣе грандіозною цѣлью примиренія обѣихъ національностей: польской и русской. Не касаясь вопроса по существу, т. е. самой возможности осуществленія подобной задачи въ условіяхъ того времени, можно сказать съ увѣренностью, что исполненіе ея не отвѣчало вовсе свойствамъ личнаго характера цесаревича и его наклонностямъ, направленнымъ исключительно на одинъ предметъ—образованіе польской арміи. При управленіи гражданскою частью въ распоряженіяхъ главнокомандующаго проглядывалъ произволъ. Константинъ Павловичъ не обладалъ достаточными государственными способностями въ такой мѣрѣ, чтобы въ системѣ административнаго управленія страною ясно себѣ представлять основную руководящую идею своей дѣятельности. Никакой полезный совѣтъ не имѣлъ мѣста разъ что онъ противорѣчилъ малѣйшей его прихоти или гнѣвнымъ вспышкамъ, столь у него обычнымъ. Его быстрыя увлеченія и опрометчивыя рѣшенія парализовали природную доброту сердца. Всѣ лица, близко знавшія цесаревича, единогласно признаютъ въ немъ щедрость, отвращеніе ко всякой лжи и лести, отсутствіе притворства и лицемѣрія, постоянную заботливость объ улучшеніи солдатскаго быта; въ немъ не было ни надменности, ни мстительности, а въ обыкновенномъ настроеніи духа онъ отличался добродушіемъ и привѣтливостью обращенія, но въ то же время трудно, а иногда невозможно было переносить почти безпрерывныя вспышки его необузданнаго гнѣва. Были даже случаи самоубійствъ офицеровъ, вслѣдствіе нанесенныхъ имъ оскорбленій. При этомъ цесаревичъ хотя любилъ поляковъ, но относился съ нескрываемой антипатіей къ дарованнымъ имъ учрежденіямъ (нерѣдко онъ грозилъ офицерамъ задать „конституцію“). Такимъ образомъ его хорошія качества были болѣе извѣстны только тѣсному кругу лицъ, имѣвшихъ непосредственныя съ нимъ сношенія, а его недостатки проявлялись на глазахъ у всѣхъ (37). При такихъ личныхъ свойствахъ Константина Павловича даже первоначальное назначеніе его въ Польшу едва-ли можно признать удачнымъ, а послѣдующее расширеніе сферы и характера его власти („диктаторской“, по собственному его выраженію) несомнѣнно представляется крупной политической ошибкой.

Императоръ Александръ I собралъ три сейма: въ 1818, 1820 и 1825 г.г. Первый изъ нихъ прошелъ благополучно и почти всѣ проекты законовъ были приняты камерами. Но съ каждымъ послѣдующимъ сеймомъ Александръ измѣнялъ свои взгляды. Подъ вліяніемъ тайныхъ обществъ, нашедшихъ себѣ въ Польшѣ плодородную почву, и событій, происшедшихъ въ Европѣ, пренія въ палатахъ принимали все болѣе и болѣе страстный характеръ, требованія депутатовъ дѣлались настойчивѣе и настойчивѣе, оппозиція становилась сильнѣе, особенно когда во главѣ ея стали братья Немоіевскіе (польскіе Мирабо и Кондорсе, по замѣчанію Мѣрославскаго). Такимъ образомъ, по поводу жалобъ и замѣчаній камеръ, въ 1820 г., Александръ, приказывая совѣту управленія вовсе не заниматься ближайшимъ ихъ изслѣдованіемъ, такъ какъ на нихъ были

даны отвѣты два года тому назадъ, замѣтилъ, что если бы конституція въ чемъ нибудь была сомнительна, или требовала разъясненій, то только онъ одинъ, создавшій ее, имѣлъ право рѣшить возникшій вопросъ; а по поводу дефицита въ бюджетѣ императоръ заявилъ, что „если королевство само не умѣетъ содержать себя, то его нужно организовать другимъ образомъ“. Предметомъ особыхъ жалобъ поляковъ на русское правительство были такъ называемые добавочные акты, коими опредѣлялось, что пренія палатъ должны быть негласными. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы устранить поводъ къ часто запальчивымъ рѣчамъ депутатовъ. Кромѣ того, поляки съ неудовольствіемъ указывали и на другія противоконституціонныя мѣры, какъ то: введеніе въ сенатъ чиновниковъ, не удовлетворявшихъ требуемому цензу, безотвѣтственность министровъ, непредставленіе бюджета, введеніе цензуры для печати, нарушеніе личной свободы гражданъ и проч. Духъ оппозиціи и глухой вражды сталъ постепенно проникать въ общество. Тайныя общества подкапывались подъ существующій порядокъ вещей, они подстрекали населеніе, въ особенности же молодежь. Начало этихъ обществъ относится къ концу прошлаго столѣтія; сперва они имѣли патріотическую, а впослѣдствіи (1817 годъ — общество косиньеровъ, филаретовъ и проч. вольныхъ поляковъ) политическую цѣль. Въ 1819 г. маіоръ Лукашинскій воспользовался масонскими ложами для политическихъ цѣлей и связалъ ихъ общностью интересовъ, образовавъ „общество національныхъ масоновъ“. Впослѣдствіи масоны Царства вошли въ сношенія съ познанскими и все прежнее королевство было раздѣлено на 6 провинцій; 7-ю должна была составить армія. Хотя по доносу полковника Шнейдера были произведены аресты и розыски, продолжавшіеся два года, но они открыли только національныхъ масоновъ; существованіе-же „патріотическаго союза“ не было обнаружено. Въ арміи тайныя общества учреждены были Крыжановскимъ. Въ 1824 году польскія тайныя общества вошли въ сношенія съ русскими, но безъ всякихъ почти результатовъ. Польскія общества были организованы весьма искусно, именно такимъ образомъ, что каждый членъ зналъ только немногихъ, обыкновенно отъ трехъ до десяти лицъ, принадлежавшихъ къ обществу, такъ что правительству весьма трудно было открывать ихъ. Въ 1825 году, черезъ признаніе русскихъ заговорщиковъ, были открыты первые слѣды политическаго союза. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ военнаго суда надъ заговорщиками, но императоръ Николай отдалъ ихъ на судъ сената; тогда все было пущено въ ходъ, чтобы повліять на приговоръ: подкупали свидѣтелей, женщины облекались въ трауръ и т. п. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, судъ оправдалъ обвинявшихся, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что заговорщики домогались присоединенія къ Польшѣ нѣкоторыхъ польскихъ областей, а именно западныхъ губерній, на что самъ императоръ Александръ I изъявлялъ нѣсколько разъ согласіе, а слѣдовательно желаніе заговорщиковъ вовсе не было преступно. Этотъ приговоръ выказалъ сенаторовъ и судей болѣе революціонерами, нежели были сами обвиняемые. Императоръ подвергнулъ этотъ приговоръ кассаціи, но и въ совѣтѣ правленія состоялось опредѣленіе, что, по несовершенству закона, сенатъ не могъ произнести другого приговора. Такое рѣшеніе, конечно, лишь содѣйствовало развитію революціоннаго духа въ странѣ, узаконивъ, такъ сказать, стремленія тайныхъ обществъ.

Что касается Литвы, то со времени присоединенія ея къ Россіи ничего не было сдѣлано для объединенія ея съ прочими частями имперіи. Заслуживаютъ вниманія непослѣдовательность нашихъ дѣйствій въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ— Екатерина II дѣйствуетъ въ духѣ объединенія ихъ съ имперіей, а императоры Павелъ и Александръ—обратно ([38]). Дворянство и духовенство сохранили всѣ свои привилегіи,

а положеніе крестьянъ не улучшилось; почти всѣ должности остались за поляками, а слѣдовательно въ странѣ могло свободно развиваться польское національное направленіе; но въ то же время на Литву не были распространены учрежденія, дарованныя Царству, что возбуждало зависть и неудовольствіе литовцевъ. На такой благопріятной почвѣ быстро развились и тамъ тайныя общества. Настоящимъ разсадникомъ революціонныхъ идей въ Литвѣ былъ Виленскій университетъ, подъ попечительствомъ кн. Чарторижскаго, и костелы; а на Волыни, въ Подоліи и Украйнѣ—Кременецкій лицей (основанный Чацкимъ). Въ 1803 г. Чарторижскій назначенъ былъ попечителемъ вновь открытаго виленскаго учебнаго округа, охватывавшаго Литву, Бѣлоруссію и Украйну (нынѣшнихъ 9 губерній). Прежнія училища въ западныхъ губерніяхъ имѣли болѣе религіозное, нежели польско-патріотическое, направленіе. Чарторижскій, руководимый Чацкимъ, преобразовалъ ихъ и завелъ много новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ. Это направленіе дѣятельно поддерживалось уніатскимъ духовенствомъ и Виленскимъ университетомъ ([39]). Замѣчательнѣйшими дѣятелями пропаганды въ Вильнѣ были профессоръ Лелевель и студентъ Занъ, основавшій общество *променистовъ* или *лучезарныхъ*, изъ котораго развились высшія ступени — *филоматовъ* и *филаретовъ*. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи были основаны тайныя общества и, между прочимъ, общество „военныхъ друзей“ среди офицеровъ литовскаго корпуса. Только въ 1823 г. было открыто правительствомъ это общество, вслѣдствіе того, что одинъ изъ учениковъ Виленской гимназіи (Плятеръ) написалъ на классной доскѣ: „виватъ, конституція 3-го мая!“ По представленію генералъ-губернатора, Новосильцевъ произвелъ слѣдствіе, открывшее цѣлую сѣть тайныхъ обществъ. Чарторижскій былъ замѣщенъ Новосильцевымъ; нѣкоторые виновные были высланы во внутреннія губерніи (Мицкевичъ въ Одессу), а Лелевель переведенъ въ Варшаву, гдѣ снова предался своей дѣятельности ([40]).

Всѣхъ недовольныхъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, можно было раздѣлить на двѣ главныя партіи: *бѣлыхъ* и *красныхъ*; въ первой отмѣчались двѣ группы: *дипломаты*, къ составу которыхъ принадлежали знатнѣйшія аристократическія фамиліи страны, и *оппоненты*, гдѣ главнѣйшимъ элементомъ были депутаты Калишскаго воеводства (губерніи) съ братьями Немоевскими во главѣ, и посему эта партія называлась еще *калишскою*. Въ красной партіи отличаются двѣ группы: *военная* и *академическая* (доктора, студенты, профессора и проч.) ([41]). Главными дѣятелями первой были: Высоцкій, Заливскій и Урбанскій, а второй — Лелевель. Орудія и средства ихъ дѣятельности были различны, но всѣ онѣ преслѣдовали одну и ту-же цѣль: возстановленіе старинной Польши.

Подъ вліяніемъ разгоряченныхъ страстей составленъ былъ даже заговоръ на жизнь императора Николая I; полагалось привести его въ исполненіе во время коронаціи, если Николай Павловичъ не согласится на просьбы, которыя имѣлось въ виду помѣстить въ адресѣ. Преступный планъ, по недостатку рѣшимости у заговорщиковъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, и коронованіе императора, какъ Царя Польскаго, совершилось торжественно при искреннихъ ликованіяхъ народа. Затѣмъ дѣятельность революціонеровъ какъ-бы на нѣкоторое время затихла. Но вскорѣ событія на западѣ даютъ имъ толчекъ и притомъ съ такою силою, что какъ сами заговорщики, такъ и увлекаемое ими польское общество, быстро очутились на краю пропасти, въ которой погибли всѣ дарованныя до того полякамъ исключительныя преимущества. Іюльская революція 1830 года во Франціи была искрой, воспламенившей фантастическія мечтанія поляковъ. Тайныя общества стремятся освоить съ идеей революціи весь народъ, дотолѣ

чуждый ихъ намѣреніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стараются запугать своихъ противниковъ, какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ распространялись по улицамъ Варшавы прокламаціи, возбуждающія народъ къ возстанію, а затѣмъ слѣдовали угрозы противъ великаго князя и объявленія, что съ новаго года Бельведеръ (мѣстопребываніе цесаревича) отдается въ наймы; назначался даже нѣсколько разъ день возстанія, и такъ какъ все проходило благополучно, то русскіе были усыплены этими, повидимому, пустыми угрозами. Константинъ Павловичъ, вѣрившій полякамъ и любившій ихъ, не принималъ никакихъ мѣръ противъ революціи ([42]). Между тѣмъ сохраненіе обширнаго заговора въ тайнѣ становилось все труднѣе, что и побуждало революціонеровъ къ скорѣйшей развязкѣ. Наконецъ, поводомъ къ возстанію было приказаніе о заготовленіи денежныхъ средствъ для прохода русскихъ войскъ, которыя предполагалось двинуть, съ авангардомъ изъ польскаго корпуса, въ Голландію для подавленія возстанія Бельгіи ([43]). Поляки понимали, что, съ удаленіемъ національныхъ войскъ изъ страны, всѣ надежды на успѣхъ революціи должны пасть, а потому и рѣшились дѣйствовать не медля. Борьба была неизбѣжна ([44]).

А между тѣмъ страна пользовалась подъ русскимъ правительствомъ такимъ благосостояніемъ, какъ никогда прежде; успѣхи культуры и образованности, достигнутые въ пятнадцать лѣтъ, поражали столько-же поляковъ, какъ и иностранцевъ.

Во время Наполеона Польша была истощена до крайности податями, поборами, содержаніемъ чужихъ войскъ, служа Наполеону только депо людей и средствъ, которыми онъ чрезмѣрно пользовался для достиженія своихъ цѣлей. Россія же, напротивъ, всячески способствовала возвышенію Польши. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что успѣхи культуры носили вполнѣ такъ сказать національный характеръ, будучи связаны съ развитіемъ благосостоянія высшаго и средняго классовъ съ одной стороны и бѣдностью, безправіемъ народа—съ другой.

Народонаселеніе, простиравшееся въ 1815 году до 2.717,000 ч., въ 1829 году уже равнялось 4.137.600 душъ *) обоего пола ([45]), въ Варшавѣ считалось въ 1814 году около 80.000 жителей, а въ 1829 г. ихъ было около 140—150 тысячъ.

Спокойство превосходно управляемой стороны отразилось благотворно на всѣхъ видахъ промышленности. Хотя *земледѣліе* не было доведено до такого совершенства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, тѣмъ не менѣе Польша производила хлѣбъ, не только славившійся на западѣ, но и по сознанію европейскихъ писателей даже лучшаго достоинства, нежели гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ.

Скотоводство занимало первое мѣсто послѣ хлѣбопашества, причемъ въ Варшавѣ каждую пятницу производился обширный торгъ лошадьми, рогатымъ скотомъ и т. п. Размноженіе овецъ лучшей породы дѣлало огромные успѣхи. Для распространенія хлѣбопашества и скотоводства учреждено было нѣсколько земледѣльческихъ обществъ и школъ.

Изъ царства ископаемаго въ южной части Царства Польскаго разработывались: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово и даже серебро; кромѣ того добывались: каменный уголь, соль, селитра и др. Въ Козеницѣ и Сташевѣ находились заводы для ковки и литья мѣди, въ Варшавѣ бронзовыхъ вещей и пр. Въ видахъ усовершенствованія горныхъ заводовъ, въ Кельцахъ была основана царская горная академія и при ней горный корпусъ, организованный совершенно по военному и предназначенный для разработки серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, свинцовыхъ и пр. рудниковъ; очистка и выдѣлка этихъ металловъ производилась на близлежащихъ заводахъ и литейныхъ, какъ, напримѣръ, Суходневскомъ, Бѣлоганскомъ и т. д. Относительно *обрабатывающей* промышленности слѣдуетъ замѣтить, что польскія рукодѣлія и фабрики въ значительной степени умножились со времени присоединенія Царства Польскаго къ Россіи ([46]).

Съ 1815 года наступила новая эпоха для *промышленной дѣятельности*, съ цѣлью развитія которой принимается цѣлый рядъ мѣръ (1816 и 1820 г.). По общему смыслу этихъ постановленій, нѣмцы фабриканты и ремесленники, если желали перенести свой трудъ и искусство въ предѣлы Царства Польскаго, получали

*) Въ томъ числѣ до 10 проц. евреевъ. По вѣроисповѣданіямъ католиковъ было до 3½ милліоновъ, остальные: іудеи, уніаты, лютеране, православные и магометане.

деньги для своего переселенія, въ пунктѣ водворенія выбирали себѣ безплатно кусокъ городской земли, получали безплатно лѣсъ и по весьма дешевой цѣнѣ строительный матеріалъ, освобождались навсегда отъ военной службы и на продолжительное время отъ воинскаго постоя и всякихъ сборовъ и налоговъ; нѣкоторые получали деньги на обзаведеніе. Множество иностранцевъ воспользовались этими льготами и прибыли въ Польшу, которая быстро изъ чисто земледѣльческой страны превращается въ мануфактурную, такъ что къ концу двадцатыхъ годовъ вывозъ въ Россію простирается уже до 7—8 мил. рублей. Въ ряду косвенныхъ мѣръ, предпринятыхъ для развитія польской промышленности, важнѣйшимъ было учрежденіе «Польскаго банка», 17 января 1828 года, цѣль котораго заключалась, кромѣ обезпеченія общественнаго долга, въ содѣйствіи расширенію торговли, кредита и народной промышленности. Банкъ отправлялъ самыя разнообразныя отрасли банковой дѣятельности, обладая притомъ привилегіями, свойственными только государственнымъ учрежденіямъ. Банкъ производилъ учетъ векселей, давалъ взаймы подъ залогъ разныхъ цѣнностей и драгоцѣнностей, производилъ ссуды подъ залогъ плодовъ, товаровъ и издѣлій, что было одинаково благотворно какъ для промышленниковъ, торговцевъ, такъ и для землевладѣльцевъ. Банкъ имѣлъ свои склады для разныхъ поступавшихъ къ нему продуктовъ, основывалъ даже свои фабрики или бралъ таковыя въ свою администрацію при неуплатѣ долговъ; онъ, по порученію правительства, строилъ шоссейныя дороги, провелъ Августовскій каналъ и пр. Такимъ образомъ вызовъ иностранцевъ и учрежденіе банка были двумя важными причинами развитія польской промышленности; третья основная причина, по справедливому замѣчанію профессора Янжула, заключалось въ присоединеніи Варшавскаго герцогства къ Россіи. По акту Вѣнскаго конгресса 1815 г. три заинтересованныя въ польскомъ вопросѣ державы согласились способствовать свободѣ привоза и вывоза товаровъ между областями, составлявшими прежнее герцогство Варшавское, понимая какъ произведенія земли, такъ и издѣлія промышленности.

Между тѣмъ польское суконное производство, вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ условій (близость саксонскихъ и силезскихъ овчарень) и искусству переселенцевъ, развилось чрезвычайно быстро; причемъ продукты его были по достоинству выше русскихъ. И въ то время, какъ эти продукты проходили къ намъ съ оплатой 1%, произведенія всего успѣшнѣе развившейся въ Россіи бумажной промышленности, при ввозѣ въ Царство, оплачивались 15% пѣны. Кромѣ того, при сильно покровительственномъ тарифѣ по отношенію къ другимъ государствамъ, многіе ихъ мануфактурные продукты ввозились въ Польшу съ умѣренной уплатой или безпошлинно, отдѣлывались на тамошнихъ фабрикахъ, снабжались свидѣтельствами о польскомъ происхожденіи и проводились въ Россію съ оплатой не свыше 1—3%. Такое положеніе тарифнаго дѣла способствовало также развитію обширной контрабанды во вредъ русскимъ интересамъ. Такимъ образомъ присоединеніе къ Россіи создало для Польши обширный монополизированный рынокъ какъ для ея собственныхъ продуктовъ, такъ и для привозимыхъ ею иностранныхъ. Фактъ присоединенія доставилъ еще польскимъ издѣліямъ свободный доступъ и въ Азію. Польша производила усиленный сбытъ суконъ въ Кяхту въ обмѣнъ на китайскіе товары (напр. въ 1830 году на 1.070.000 руб. сер.) ([47]). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что развитіе промышленности нашло себѣ извѣстное подспорье и въ соціальномъ бытѣ Польши—безземельности крестьянъ, такъ что цвѣтъ этой культуры былъ дѣйствительно національнымъ—съ оттѣнкомъ народнаго безправія и нищеты.

Наполеонъ I, при учрежденіи Варшавскаго герцогства, конституціоннымъ уставомъ 22 іюля 1807 г., отмѣнилъ крѣпостное состояніе крестьянъ, объявивъ ихъ лично свободными, но рабство было уничтожено только по имени. Крестьянинъ потерялъ всякое право на землю, находившуюся до тѣхъ поръ въ его пользованіи.

Затѣмъ, черезъ 5 мѣсяцевъ по декрету саксонскаго короля, герцога Варшавскаго, крестьянинъ, въ случаѣ перехода отъ одного помѣщика къ другому, обязанъ былъ оставлять въ пользу перваго изъ нихъ свое жилище и движимое имущество (скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ для посѣва). Въ результатѣ, конечно, явилось значительное увеличеніе съ 1807 г. земледѣльческаго пролетаріата. Крестьяне стали перекочевывать съ мѣста на мѣсто, обращаясь во множествѣ въ разрядъ безземельныхъ батраковъ, а помѣщики присоединяли ихъ усадьбы къ своимъ фольварочнымъ землямъ, и такимъ образомъ лучшія земли отошли безвозвратно отъ крестьянъ. Тѣ-же изъ послѣднихъ, которые оставались на своихъ мѣстахъ, чтобы не быть прогнанными, должны были, при всякомъ заключеніи новаго договора, соглашаться на всякое увеличеніе своихъ обязательствъ относительно помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ барщина сдѣлалась преобладающимъ видомъ крестьянскихъ повинностей. Кромѣ барщины на крестьянахъ лежала обязанность отбывать различнаго рода «даремщины», зависѣвшія въ значительной степени отъ произвола владѣльцевъ; наконецъ по праву «пропинаціи» крестьянинъ обязывался покупать и пить спиртные напитки только въ помѣщичьихъ питейныхъ заведеніяхъ.

Но что особенно давало огромную власть помѣщикамъ надъ крестьянами—это чисто феодальное учрежденіе *сельскихъ войтовъ*. Войтъ, т. е. глава общины, назначался правительствомъ преимущественно

*

изъ помѣщиковъ. Онъ обнародовалъ законы и правительственныя распоряженія, взималъ государственные налоги, распредѣлялъ повинности и завѣдывалъ сборами на потребности самой общины; ему принадлежала всякаго рода полицейская и административная власть, а также и судебная до извѣстныхъ предѣловъ. Такое сосредоточеніе власти въ лицѣ помѣщика-войта привело къ тому, что пользуясь на правахъ землевладѣльца всѣми видами дохода отъ почвы, эксплуатируя трудъ крестьянъ, помѣщикъ въ тое время располагалъ неограниченно судьбою членовъ гмины. Таково-то было равенство гражданъ передъ законами по наполеоновскому статуту.

Очерченный порядокъ вещей не только не улучшился со времени присоединенія Царства къ Россіи, но даже ухудшился по сознанію самихъ польскихъ писателей (Скарбекъ, Кжистонорь). Палаты приняли такія мѣры, которыя могли сдѣлать положеніе крестьянъ еще болѣе печальнымъ. Шляхта, получивъ по либеральной конституціи Александра I, законодательную власть въ свои руки, приняла немедленно мѣры къ тому, чтобы устроить всякаго рода хотя бы и чисто юридическія ограниченія своей патримоніальной власти надъ крестьянами. Такъ, въ 1816 году, было дозволено обращать въ отдѣльную гмину всякое помѣстье, въ которомъ находилось не менѣе 10 крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе чего почти каждый помѣщикъ получилъ возможность быть гминнымъ войтомъ въ своемъ имѣніи. Затѣмъ черезъ два года должность гминнаго войта была объявлена соединенною съ лицомъ помѣщика, которую онъ могъ передать кому угодно, хотя бы своему лакею.

Наконецъ, въ 1825 году, сеймъ, борясь противъ возможности образованія въ странѣ класса земледѣльцевъ собственниковъ, отмѣнилъ статью Наполеонова кодекса, предоставляющую всѣмъ безсрочнымъ арендаторамъ право выкупа недвижимой собственности, находившейся въ ихъ владѣніи.

Замѣчательно, что была даже попытка со стороны воеводскихъ совѣтовъ, въ которыхъ засѣдали по выбору представители дворянства и городскаго сословія, къ ходатайствамъ объ ограниченіи личной свободы крестьянъ въ дѣлѣ переселенія (48).

Все это дѣлаетъ понятнымъ то странное, казалось бы, явленіе, что не смотря на развитіе высшаго и средняго образованія *) на развитіе промышленности, культуры и населенія, народное *образованіе* въ общемъ итогѣ не только не увеличивалось, но уменьшилось. Такъ, въ 1820 г., число учащихся было 44.446, а въ 1827 г. только 40.907. Такое увеличеніе пало исключительно на сельскія школы, число которыхъ съ 1802 г. понизилось въ 1828 г. до 676; такимъ образомъ, блескъ средняго и высшаго образованія увеличился на счетъ помраченія народныхъ массъ и ихъ невѣжества.

Относительно *бюджета* въ конституціи сказано было, что первый бюджетъ доходамъ и расходамъ будетъ постановленъ государемъ по заключеніи государственнаго совѣта. Бюджетъ этотъ будетъ приводимъ въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока государь и обѣ палаты не сократятъ или не измѣнятъ онаго.

Различнаго рода препятствія и финансовыя затрудненія не дозволили этого исполнить и потому всѣ составленные бюджеты были только временные. Первый бюджетъ былъ составленъ намѣстникомъ царскимъ въ совѣтѣ управленія по 1817 годъ, причемъ доходы простирались—6.802.277 руб., а расходы до 6.777.007 р. (въ томъ числѣ на войска 3.000.000 р.).

Затѣмъ до назначенія министромъ финансовъ князя Любецкаго, въ 1821 году, бюджетъ заключался обыкновенно съ превышеніемъ расходовъ надъ доходами, причемъ дефицитъ подымался почти до 1½ милліоновъ рублей, и расходы на войска едва не достигали 5 млн. рублей; съ назначеніемъ князя Любецкаго дефициты изъ бюджета исчезаютъ, такъ что роспись на 1829 г. исполнена была въ слѣдующемъ видѣ (49)

Поступило доходовъ	13.283.744 руб.
Издержано	12.991.626 »
Остатокъ	291.818 »

Торговля Царства Польскаго тоже постепенно расширялась, причемъ Висла, Бугъ, Пилица, Варта и Вепржъ, при относительныхъ неудобствахъ сухопутныхъ сообщеній, служили важными артеріями торго-

*) Къ числу первыхъ, слѣдуетъ отнести Варшавскій университетъ, основанный императоромъ Александромъ 7 октября 1816 года, при университетѣ богатый естественно-историческій кабинетъ, библіотека, имѣвшая болѣе 100.000 томовъ, и ботаническій садъ, пожалованный императоромъ; университетъ въ Замостьи, лицей, піарское шляхетное училище, основанное аббатомъ Конарскимъ, институтъ глухонѣмыхъ, народныя училища піаровъ, ланкастерскія школы, педагогическіе институты въ Ловичѣ и Пулавахъ, гимназія и центральныя училища въ Плоцкѣ, Люблинѣ, Ложкѣ и пр. Изъ числа *спеціальныхъ учебныхъ заведеній* можно упомянуть: царскую горную академію въ Кельцахъ, кадетскій корпусъ въ Калишѣ, высшую военную школу, для приготовленія артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ въ Варшавѣ, ветеринарную и фельдшерскую школу тамъ же; пособіями и вспомогательными средствами для распространенія просвѣщенія могли служить: *библіотеки*: вышеупомянутая университетская въ Вавшавѣ, Пулавская кн. Чарторижскаго, заключавшая къ себѣ до 80.000 томовъ и множество драгоцѣннѣйшихъ рукописей гр. Потоцкаго съ кабинетомъ древностей, Неборовская кн. Радзивилловъ съ 20.000 т., далѣе Аркадскій *музей*, въ которомъ собраны были драгоцѣнные памятники древности и, наконецъ, заведенія для развитія изящныхъ искусствъ (консерваторія, драматическая школа, и пр.).

ваго движенія. Варшава, Люблинъ и Плоцкъ производили наиболѣе обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю, завися въ послѣднемъ отношеніи отъ иностранныхъ коммерсантовъ.

На Ивановскіе контракты, гдѣ производились: продажа, покупка, отдача на откупъ владѣній и другія сдѣлки, стекалось множество обывателей со всей страны. Кромѣ Россіи, самая важная внѣшняя торговля производилась съ Пруссіей и Австріей. Ежегодно значительное число судовъ, нагруженныхъ польскими произведеніями, проходили мимо Варшавы въ Пруссію до Данцига. Какъ быстро возрастали торговыя сношенія съ Россіею видно изъ того, что въ 1825 г. было привезено разныхъ товаровъ изъ Россіи въ Польшу на 4.143.759 р., а въ 1826 на 9.221.863 р. изъ Польши въ Россію въ 1825 г. на 6.021 р., а въ 1826 на 8.030.301 руб.

Главнѣйшіе вывозимые товары, сукна, хлѣбъ, ленъ, пенька и шелковыя издѣлія, полотна, парусина и пр.

Не смотря однако на такое культурное развитіе страны, революція совершилась и душою ея именно было высшее и среднее сословія.

Возстаніе 17-го ноября 1830 года.

Во главѣ движенія стоялъ Высоцкій, обучавшій строевой службѣ въ школѣ подпрапорщиковъ и пользовавшійся особымъ расположеніемъ молодыхъ людей *); за нимъ слѣдовалъ подп. Заливскій, учитель плаванія, и офицеръ польскаго гв. гренадерскаго полка Урбанскій. Люди эти хотя и отличались энергіей характера, но не обладали ни достаточными способностями, ни соотвѣтственной подготовкой, чтобы остаться во главѣ дѣла. Возстаніе окончательно назначено было на 17 ноября, въ 6 ч. вечера. Заговорщики раздѣлились на три части: одной изъ нихъ, подъ предводительствомъ Высоцкаго, поручалось окружить расположенные въ Варшавѣ русскіе кавалерійскіе полки, (Уланскій, Гусарскій и Подольскій кирасирскій); другая, подъ начальствомъ Урбанскаго, должна была захватить л. гв. Волынскій и Литовскій полки; а третья, подъ руководствомъ Залинскаго, назначалась для овладѣнія арсеналомъ, гдѣ хранилось 40,000 ружей; занятіе арсенала, расположеннаго въ центрѣ города, важно было еще потому, что

*) Въ Варшавѣ было двѣ юнкерскія школы—пѣхотная и кавалерійская. Подпрапорщики опредѣлялись въ полки, откуда по прослуженіи нѣсколькихъ лѣтъ отдавались въ школу. Скопленіе юнкеровъ въ полкахъ было громадное, а производилось въ офицеры ежегодно лишь нѣсколько человѣкъ. При такихъ условіяхъ они жаждали перемѣнъ и легко дѣлались жертвою пропаганды анархистовъ (50).

при этомъ отрѣзывались русскіе пѣхотные полки, помѣщавшіеся въ казармахъ въ сѣверной части города, отъ кавалерійскихъ, занимавшихъ казармы въ южной его части, и отъ великаго князя, пребывавшаго въ Бельведерѣ. Кромѣ этихъ главныхъ силъ заговорщиковъ, было еще нѣсколько группъ, имѣвшихъ особое назначеніе; такъ одни изъ нихъ должны были отправиться въ предмѣстье Прагу и захватить мостъ черезъ Вислу и пороховые погреба; заговорщику Набѣляку съ академической молодежью и частью подпрапорщиковъ поручено было ворваться во дворецъ и лишить жизни цесаревича; Кс. Бронниковскому ввѣрено было управленіе народнымъ возстаніемъ на улицахъ, причемъ онъ долженъ былъ возмущать народъ подъ предлогомъ, что русскіе умерщвляютъ поляковъ; всѣхъ русскихъ генераловъ и вообще офицеровъ предполагалось схватить и, въ случаѣ сопротивленія, умертвить. Части польскихъ войскъ, расположенныхъ внѣ Варшавы, должны были захватить учебный баталіонъ и двѣ русскія батареи, квартировавшія недалеко отъ Варшавы. Сигналомъ начала возстанія должно было служить пламя зажженой пивоварни въ предмѣстьи Сольцѣ.

Возстаніе не удалось съ самаго начала въ томъ объемѣ, какъ предполагалось. Великій князь спасся въ одной изъ верхнихъ комнатъ, занятыхъ его прислугой, причемъ жертвой заговорщиковъ сдѣлались лишь израненный штыками вице-президентъ (полиціймейстеръ) города Любовицкій и смертельно-пораженный генералъ Жандръ ([51]). Захватить кавалерію не удалось вслѣдствіе нерѣшительности подпрапорщиковъ и неприбытія ожидавшихся къ нимъ на помощь польскихъ войскъ; а пѣхота наша успѣла своевременно изготовиться, будучи предупреждена объ опасности прибѣжавшимъ однимъ подпрапорщикомъ (Аксюкъ) Волынскаго полка; загородныя русскія части тоже не удалось захватить полякамъ. Въ большей части польскихъ войскъ старшіе начальники остались вѣрными русскому престолу и только подъ угрозами младшихъ офицеровъ повели свои войска на присоединеніе и содѣйствіе революціонерамъ. Нѣкоторые-же изъ начальниковъ запечатлѣли кровью свою вѣрность присягѣ; такъ погибли: начальникъ школы подпрапорщиковъ, даровитый генералъ Трембицкій, генералъ Потоцкій, начальникъ штаба Семіонтковскій, военный министръ гр. Гауке и др. Командиръ польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полка, Курнатовскій, привелъ его и нѣсколько егерскихъ ротъ къ Бельведеру на защиту великаго князя; тамъ-же собралась русская кавалерія; а пѣхота, отрѣзанная въ сѣверной части города, прибыла лишь на другой день, обходомъ, подъ начальствомъ польскаго генерала Жимирскаго. Польскія войска, расположенныя недалеко отъ Варшавы, сначала не приняли участія въ возстаніи, такъ какъ распространился слухъ, что великій князь живъ и блокируетъ городъ. Такимъ образомъ возстаніе господствовало лишь на улицахъ города, гдѣ были совершены убійства, захвачены въ плѣнъ нѣкоторые русскіе офицеры и взятъ арсеналъ; часть хранившагося въ немъ оружія была разграблена народомъ и евреями и только впослѣдствіи отобрана назадъ ([52]). Къ сожалѣнію возстаніе могло развиваться свободно, такъ какъ великій князь не желалъ подавить его силою оружія, опасаясь, что всякая пролитая капля крови образуетъ бездну между русскими и поляками; онъ полагалъ также, что русскимъ нечего вмѣшиваться въ „польскую драку“ и что невмѣшательствомъ лучше всего можно доказать неосновательность распускаемой клеветы будто русскіе умерщвляютъ поляковъ. По сознанію самихъ поляковъ, если-бы только великій князь рѣшительно воспользовался имѣющимися у него средствами, то возстаніе также легко было бы подавить въ самомъ началѣ, какъ легко былъ потушенъ бунтъ въ Петербургѣ энергіей императора Николая I при восшествіи его на престолъ ([53]). На другой день, 18 ноября, русскія войска, а за ними и оставшіяся еще вѣрными польскія, очистили городъ и расположились у Мокотовской заставы; затѣмъ великій князь учредилъ свою главную квартиру въ с. Вержбнѣ, въ 3 вер. отъ заставы. Положеніе великаго князя и его отряда—безъ денегъ, продовольствія, оружія, среди непріятеля—было крайне опасно.

Партія бѣлыхъ понимала всю важность и безвыходность дѣла, особенно въ виду невозможности разсчитывать на дѣятельное сочувствіе Пруссіи и Австріи, а потому первою ея заботою, въ лицѣ министра финансовъ кн. Любецкаго, было захватить власть въ свои руки и постараться примириться съ русскимъ правительствомъ, представивъ все дѣло какъ вспышку вслѣдствіе нарушеній конституціи, и ограничить свои требованія огражденіемъ этой конституціи. Поэтому уже въ ночь возстанія у кн. Любецкаго собрался *высшій административный совѣтъ* (усилившійся Чарторижскимъ, Пацомъ, Хлопицкимъ и Нѣмцевичемъ), съ намѣреніемъ принять на себя руководство событіями. Задача его была трудная, можно сказать невыполнимая, такъ какъ по признанію одного польскаго писателя и дѣятеля революціи (Мохнацкаго), если бы конституція составлена была и исполнялась „самими ангелами“, то и тогда революція была бы неизбѣжна, такъ какъ поляки желали имѣть или все или ничего, т. е. стремились къ возстановленію Польши въ старинныхъ предѣлахъ *). Административный совѣтъ издалъ прокламацію къ народу, но она не отвѣчала настроенію революціонеровъ, вслѣдствіе чего главнѣйшіе члены совѣта покинули его и были замѣнены новыми, какъ Лелевель, Островскій и др. 22 ноября административный совѣтъ объявилъ себя распущеннымъ и былъ замѣненъ *временнымъ правительствомъ* съ Чарторижскимъ во главѣ ([54]).

Главнокомандующимъ польскихъ вооруженныхъ силъ былъ назначенъ ген. *Хлопицкій*, извѣстный ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, пользовавшійся всеобщей любовью какъ народа, такъ и войскъ. Онъ былъ рѣшительный врагъ революціи, отлично понималъ невозможность борьбы съ Россіей и потому намѣревался дѣйствовать по плану кн. Любецкаго ([55]). Этимъ самымъ онъ съ первыхъ шаговъ возбудилъ противъ себя красныхъ, которые, испугавшись оборота, принимаемаго дѣлами подъ руководствомъ Хлопицкаго, рѣшились открыть комитетъ для управленія общественнымъ мнѣніемъ и, по примѣру французскихъ якобинцевъ, не дозволять правительству отклоняться отъ революціоннаго пути; душею этой партіи были Лелевель и Мохнацкій.

Ближайшею цѣлью Хлопицкій поставилъ себѣ исполненіе желанія членовъ правленія, чтобы русскія войска удалились изъ Польши и чтобы для обезпеченія столицы были притянуты туда войска изъ провинцій. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ переговоры съ великимъ княземъ. Результатомъ ихъ было то, что цесаревичъ далъ письменное объявленіе, которымъ обязывался: не атаковать городъ, ходатайствовать предъ императоромъ о забвеніи прошлаго и заявлялъ, что не давалъ повелѣнія стоявшему на границѣ Царства Литовскому корпусу вступать въ предѣлы Польши. Послѣ того, отпустивъ польскія войска, остававшіяся вѣрными, Константинъ Павловичъ, вмѣстѣ съ русскимъ отрядомъ, числительностью до 7 т., отступилъ къ границамъ Россіи, чрезъ Пулавы и Люблинъ, и 2 декабря, перейдя р. Бугъ у Влодавы, вступилъ на русскую землю, а затѣмъ расположился позади Литовскаго корпуса. Крѣпости: Модлинъ, имѣвшая важное стратегическое значеніе и значительные артиллерійскіе запасы, и Замостье были сданы полякамъ ([57]).

---

*) Другой писатель говоритъ: происшедшее возстаніе не зависѣло отъ формы правленія, болѣе или менѣе либеральной, ни отъ примѣненія конституціи, ни отъ рѣзкости великаго князя Константина, ни отъ хитрыхъ и злостныхъ поступковъ Новосильцова, а лежало въ самомъ положеніи Польши, созданной вѣнскимъ конгресомъ, т. е. поляки мечтали о полной независимости въ старинныхъ предѣлахъ ([56]).

Извѣстіе о возстаніи достигло изъ Варшавы ближайшихъ городовъ довольно поздно; немедленно были основаны революціонные клубы, призвали народъ къ возстанію, учредили національную гвардію или стражу безопасности и т. п., что вовсе не соотвѣтствовало видамъ Хлопицкаго *). Между тѣмъ самовольно собравшійся 6 декабря сеймъ, хотя и обнародовалъ манифестъ съ требованіемъ возстановленія Польши въ прежнихъ предѣлахъ, но призналъ себя распущеннымъ и борьба Хлопицкаго съ партіей красныхъ окончилась утвержденіемъ *полной* его *диктатуры*. Для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе Хлопицкій отправилъ двухъ депутатовъ (кн. Любецкаго и Езерскаго) въ Петербургъ для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ I. Государь, согласившійся принять ихъ не какъ депутатовъ, а только какъ министра и члена сейма, требовалъ полной и безусловной покорности поляковъ и тогда только готовъ быть примириться съ ними; депутаты на это не могли согласиться.

По возвращеніи графа Езерскаго (кн. Любецкій остался въ Петербургѣ) въ собранномъ національномъ совѣтѣ (состоявшемъ при диктаторѣ) большинство потребовало отъ Хлопицкаго разрыва съ Россіей, но онъ отказался отъ диктатуры и собранный вскорѣ сеймъ замѣнилъ эту должность народнымъ правленіемъ изъ 5 лицъ (Немоевскій, Моравскій, Баженковскій и Лелевель), съ кн. Ад. Чарторижскимъ во главѣ. Правительство это во все время войны отличалось слабостью. На ряду съ нимъ учреждена была должность генералиссимуса, который назначался и увольнялся сеймомъ и который, входя въ составъ правленія, въ извѣстной степени зависѣлъ отъ него. Эта тяжеловѣсная машина оказалась совершенно неподходящей. Люди, не умѣющіе распоряжаться, тѣмъ менѣе къ этому способны въ совокупности. Кромѣ того, сеймъ вообразилъ, что правленіе должно представлять собою главныя партіи, поэтому избралъ въ правленіе: 2-хъ представителей консервативной партіи, 2-хъ — калишской и 1 — революціонной. Правленіе не есть совѣтъ, а для дѣла необходимо единство мысли. Поэтому дѣла не дѣлали, а больше спорили о немъ. Въ столицѣ, имѣя непріятеля у ея воротъ, оставили свободу печати, свободу клубовъ, демонстрацій. Сеймъ былъ созванъ для того, чтобы дать санкцію революціи, устроить правленіе и затѣмъ разойтись. Но послы не хотѣли разстаться съ властью и остались, чтобы судить и рядить. На подобіе старинныхъ сеймовъ, обиравшихъ королевскую власть такъ, что отъ нея осталась только фицкія, и сеймъ 1831 года скупъ былъ въ предоставленіи власти правленію. Также какъ и 4-лѣтній сеймъ, взявшій войско изъ подъ власти короля, и этотъ предоставилъ себѣ право назначенія главнокомандующаго и этимъ лишилъ правленіе контроля надъ главнокомандующимъ и войной, и, по словамъ Чарторижскаго, правленіе превратилось въ какую-то провіантскую коммиссію. Сеймъ никакъ не могъ выполнить подобныхъ обязанностей, свойственныхъ правленію. Какимъ образомъ собирательное учрежденіе можетъ отозвать главнокомандующаго? Надо разбирать его дѣйствія, допрашивать подчиненныхъ и пр., т. е. разрушать дисциплину арміи. Впослѣдствіи сеймъ понялъ свою ошибку и передалъ право назначенія главнокомандующаго правленію, но было уже поздно ([58]). 13 января 1831, не смотря на нежеланіе умѣренной партіи, сеймъ, по предложенію Салтыка, дерзнулъ объявить династію Романовыхъ лишенною польскаго престола, чѣмъ окончательно рѣшенъ былъ разрывъ съ Россіей. Расчеты многихъ пылкихъ головъ на иностранную помощь оказались напрасными, хотя западно-европейское общественное мнѣніе было

*) Низшій классъ польскаго народа или не сочувствовалъ возстанію или относился къ нему равнодушно. Дембинскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что во время проповѣди въ костелѣ на его родинѣ (около Келецъ) всѣ плакали, а женщины въ отчаяніи бросались къ его ногамъ, такъ что необходимо было нѣсколькими словами «поднять ихъ духъ» (Pamiętniki, II, стр. 6).

благопріятно полякамъ ([58]), хотя французскій и англійскіе послы ходатайствовали за поляковъ передъ императоромъ Николаемъ, а Франція даже послала съ этой спеціальной цѣлью герцога Мортемара, но государь отклонилъ такія ходатайства, объявивъ, что польскій вопросъ дѣло домашнее и что онъ не потерпитъ чьего либо вмѣшательства. Австрія радовалась затруднительному положенію Россіи, но, сама имѣя польскія провинціи, помочь Польшѣ не могла и, желая сбыть безпокойные элементы, дозволила своимъ полякамъ переходить въ Царство. Пруссія отнеслась къ возстанію весьма несочувственно. Турція была въ мирѣ съ Россіею и помнила еще недавній урокъ войны ([60]) 1828—1829 г.г. Швеція не обратила никакого вниманія на поляковъ. Итакъ послѣднимъ приходилось полагаться только на свои собственныя силы и нужно было сразу постараться развить ихъ до возможныхъ предѣловъ, чего Хлопицкій не сдѣлалъ по несочувствію возстанію.

Силы и средства обѣихъ сторонъ.

При началѣ революціи польская армія состояла изъ *гвардіи* и изъ *арміи*. Армія заключила въ себѣ *2 пѣхотныя и 2 кавалерійскія* (уланскую и конно-егерскую) *дивизіи* съ артиллеріею. Пѣхотная дивизія дѣлилась на 3 бригады (2 пѣхотныя и 1 егерская); бригада — на 2 полка, двухбаталіоннаго состава каждый; кавалерійская дивизія состояла изъ 2 бригадъ, въ каждой по 2 полка четырехъ-эскадроннаго состава. При пѣхотныхъ дивизіяхъ состояло по артиллерійской бригадѣ изъ 3-хъ батарей 12 орудійнаго состава; конныя батареи имѣли по 8 орудій. Общая числительность польскихъ войскъ простиралась до 29 батал., 38 эск. и 106 орудій, или *28,000 пѣх. и 7,000 кавалеріи при 106 орудіяхъ* (см. Приложеніе XXXI).

1-я пѣхотная и 1 кав. (конно-егерская) дивизіи были расквартированы по лѣвую сторону Вислы, причемъ штабъ первой находился въ Равѣ, а второй въ Ловичѣ; 2-я пѣхотная и 2-я кавалерійская дивизіи квартировали по правую сторону Вислы, имѣя та и другая штабъ въ г. Люблинѣ. Гвардія и нѣкоторыя армейскія части находились въ Варшавѣ. Для развитія этихъ недостаточныхъ, въ виду предстоявшей войны, вооруженныхъ силъ, были приняты слѣдующія мѣры. На сформированіе 3-хъ и 4-хъ баталіоновъ и 5-хъ и 6-хъ эскадроновъ призваны были *старо-служащіе* солдаты и уволенные офицеры. При десятилѣтнемъ срокѣ службы, таковыхъ должно было-бы находиться до 35,000, но, за исключеніемъ убыли, имѣлось *около 20,000*. Затѣмъ объявлено было поголовное вооруженіе въ 100,000 чел. для образованія 100 батал. и 100 эскадроновъ; когда-же война стала неизбѣжной, Хлопицкій предписалъ формированіе четвертыхъ полковъ и вмѣсто ополченія—16 полковъ трехбаталіоннаго состава съ соотвѣтственнымъ числомъ конницы ([61]); для производства набора назначены были *два регимента*, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону Вислы. Изъ набранныхъ людей около $14^1/_2$ тысячъ пошло на формированіе четвертыхъ баталіоновъ, въ дополненіе къ старослужащимъ, а изъ 44 тыс. было сформировано по 2 пѣхотныхъ полка на каждое изъ 8 воеводствъ, всего 16 полковъ трехбаталіоннаго состава. Для формированія кавалеріи, 16 полковъ, съ каждыхъ *50 дымовъ* (дворовъ) слѣдовало выставить одного всадника, что давало около *10 тыс. чел.* Остатокъ набранныхъ людей, около 20,000 чел., оставался въ запасѣ *). Такимъ образомъ въ людяхъ недостатка не было, но главное затрудненіе встрѣчалось въ лошадяхъ; пришлось брать для кавалеріи упряжныхъ лошадей, а затѣмъ довольствоваться и крестьянскими. Рекруты поступали главнымъ образомъ въ

*) Кромѣ того приказано всѣмъ способнымъ къ оружію, въ возрастѣ отъ 18 до 45 л., вооружаться кто чѣмъ могъ (косами и пр.), для образованія *«стражи безопасности»* (straży bezpieczénstwa) съ раздѣленіемъ на десятки и сотни ([62]).

новые полки, для которыхъ не были выдѣлены кадры изъ старыхъ частей; такимъ образомъ явилось въ арміи два элемента—старые полки, превосходно обученные, опытные, и новые изъ рекрутъ, едва обученныхъ, мало надежныхъ для серьезныхъ операцій (63). Въ кавалеріи тоже 5-ые и 6-ые эскадроны, составленные изъ уволенныхъ солдатъ, были очень хороши и превосходили даже состоявшіе на службѣ полки, сформированные-же вновь изъ рекрутъ уступали имъ, хотя далеко превосходили пѣхотныя части новаго формированія; лучше другихъ изъ новыхъ частей—были кавалерійскіе волонтерные полки, извѣстные подъ именемъ *кракузовъ* (всего до 8 т. чел.), выставленные по 1—2—3 отъ каждаго воеводства. Въ формированіи *артиллеріи* были встрѣчены затрудненія въ отношеніи снабженія ея матеріальною частью (64). Для сформированія пяти 8-ми орудійныхъ батарей были взяты гаубицы изъ Модлина, прусскія орудія, оставшіяся со времени господства прусаковъ, и 3-хъ фунтовыя турецкія орудія, присланныя императоромъ Николаемъ для памятника королю Владиславу, погибшему нѣкогда подъ Варной. Такимъ образомъ всего при арміи набралось едва до 146 орудій. Хлопицкій только въ началѣ января приказалъ изготовить 100 орудій изъ церковныхъ колоколовъ; но отливка началась лишь въ половинѣ мая; еще двѣ литейныя были устроены въ іюлѣ и августѣ 31 г., во время блокады Варшавы. Въ концѣ концовъ, вслѣдствіе недостатка искусныхъ рабочихъ было отлито только 20 оруд. Устроенные пороховые заводы работали отлично, но ощущался недостатокъ въ селитрѣ (65). Личный составъ артиллеріи былъ превосходный; въ Варшавѣ сформированъ артиллерійскій баталіонъ болѣе 1,000 чел., постоянно содержимый въ комплектѣ, который служилъ запасомъ для всей артиллеріи (66).

Источникомъ комплектованія польской арміи *офицерами* служила школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и Калишскій кадетскій корпусъ. Усиленный выпускъ изъ этихъ заведеній не могъ удовлетворить всей потребности, явившейся внезапно. Лучше всего было-бы допустить пріемъ отставныхъ офицеровъ и произвести въ офицеры ополченія надежныхъ унтеръ-офицеровъ дѣйствующихъ войскъ; но первыхъ было мало, а вторая мѣра противорѣчила складу и духу польскаго общества, по мнѣнію котораго только шляхта (дворянство) могла занимать офицерскія мѣста. Регименгари не стѣснялись назначать офицерами дворянъ, никогда не служившихъ въ войскахъ, а лишь благодаря связамъ и покровительству. Вызванный этимъ въ старыхъ войскахъ ропотъ еще болѣе усилился, когда подобные, не по заслугамъ выдвинувшіеся, офицеры были назначаемы на высшія мѣста и становились начальниками заслуженныхъ, опытныхъ офицеровъ. Масса этой молодежи принадлежала къ крайней революціонной партіи, была чрезвычайно заносчива, самонадѣянна и подрывала дисциплину въ войскахъ своимъ, нерѣдко публичнымъ, осужденіемъ дѣйствій и распоряженій начальниковъ (67).

Внѣ вышеуказанной организаціи были еще многочисленные и разнородные отряды, какъ, напримѣръ, егерскій полкъ изъ жителей Варшавы, уланскій полкъ изъ нихъ-же; оба эти полка назывались „варшавскими юношами“; два баталіона волонтеровъ-стрѣлковъ изъ Подляхіи и Сандоміра (курпы), калишскіе, плоцкіе стрѣлки и пр. Изъ жандармовъ сформировано два эскадрона карабинеровъ, а изъ выходцевъ прежнихъ польскихъ провинцій—2 эскадрона подольцевъ, 2 познанцевъ и 2 галичанъ (такъ называемый „легіонъ Вислы“) и др.

Старыя польскія войска были превосходно обучены, благодаря неусыпнымъ стараніямъ великаго князя Константина Павловича, и онъ ими по праву гордился. Пренебреженные въ русской арміи вспомогательные предметы обученія, какъ, напри-

мѣръ, плаваніе *), фехтованіе и пр. ведены были въ польской арміи систематически съ должнымъ вниманіемъ. Полевыя занятія и маневры, въ которыхъ польскіе начальники оказывались весьма искусными, ведены были, однако, далеко нераціонально. Большая часть времени и заботливости посвящались строевымъ занятіямъ, а именно: эскадроннымъ и баталіоннымъ. Маневры-же производились на одной и той же мѣстности, по заранѣе составленной подробной программѣ, а иногда и съ предварительной репетиціей. Вся штабная дѣятельность польской арміи сосредоточивалась въ лицѣ генерала Куруты, при номинальныхъ исполнителяхъ высшихъ штабныхъ должностей. Корпусъ офицеровъ квартирмейстерской части былъ дурно составленъ и употреблялся почти только для съемки карты Царства Польскаго. Зимою 1816—1818 г.г. нѣкоторые свѣдущіе офицеры открыли курсы по теоріи военнаго искусства, но должны были ихъ прекратить, вслѣдствіе заявленія военнаго министра, что это не понравится великому князю (68). Пѣхота дѣлилась на легкую (егеря) и линейную, но такое различіе обнаруживалось лишь въ формѣ одежды; на ученьяхъ-же и маневрахъ егеря-застрѣльщики исполняли въ цѣпи всѣ движенія по сигналамъ, какъ въ сомкнутомъ строѣ по командамъ.

Польская армія отличалась въ бою столько же пылкостью атакъ, сколько мужественной стойкостью при оборонѣ. Нерѣдко цѣлые старые полки были истребляемы, но не давали тыла (4-й полкъ подъ Остроленкой); новобранцы-же, одушевленные общею идеею, старались соперничать со старыми солдатами. Дѣйствующая польская кавалерія была очень хороша, особенно пятые и шестые эскадроны, но малочисленна; новые же полки значительно уступали старымъ по недостатку выучки и плохому конскому составу; поэтому поляки охотно искали для боя пересѣченной мѣстности, гдѣ можно было парализовать дѣятельность превосходной русской кавалеріи. Артиллерія польская по составу и духу была лучшимъ родомъ оружія въ арміи; но, вслѣдствіе недостатка въ орудіяхъ, поляки ихъ берегли и заставляли батареи сниматься съ позицій часто преждевременно. Слѣдуетъ однако замѣтить, что дисциплина въ польской арміи хотя считалась по внѣшности образцовой, но по существу, въ основаніи она покоилась далеко не на прочныхъ основаніяхъ. Всѣ силы военной іерархіи сравнивались передъ страхомъ, внушаемымъ главой арміи и генераломъ Курутою; самый незначительный проступокъ могъ имѣть столь тяжкія послѣдствія, что всѣ употребляли усилія, чтобы скрыть дѣло—эта была всеобщая солидарность; такимъ образомъ, начальники не имѣли должнаго авторитета въ своихъ частяхъ. Энтузіазмъ могъ на время замѣнить дисциплину, но онъ также скоро испаряется, какъ и порождается (69).

Крѣпости польскія: Модлинъ и Замостье имѣли слабые верки и были несообразно снабжены артиллеріею, такъ что важнѣйшій въ стратегическомъ отношеніи Модлинъ имѣлъ всего 60 ор., а окруженное болотами и лѣсами, лежавшее въ сторонѣ отъ центра главныхъ операцій,—Замостье было снабжено 160 ор. и батареей изъ 4-хъ орудій для вылазокъ. Варшава, этотъ центръ страны, столица, средоточіе всей борьбы, имѣла весьма слабое предмостное укрѣпленіе въ Прагѣ. Только послѣ Гроховскаго сраженія оно усилено и приступлено было къ укрѣпленію Варшавы. Подъ руководствомъ талантливаго инженера Колачковскаго были исполнены во время кампаніи огромныя работы; кромѣ укрѣпленій Варшавы, запущенный Модлинъ былъ возстановленъ, усиленъ двумя укрѣпленными лагерями и предмостнымъ укрѣпленіемъ; выстроены тетъ-де-поны (хотя и

*) Успѣхи войскъ въ этомъ отношеніи были, можно сказать, невѣроятными: такъ, при испытаніи обученныхъ людей, они должны были переплывать Вислу безъ отдыха шесть разъ, или-же цѣлыя части переплывали рѣку два раза въ мундирахъ, имѣя впереди офицеровъ и т. п.

поздно) въ Потычѣ и Сѣроцкѣ; мостовыя сообщенія—у Потыча, при устьи Вепржа, у Модлина, Сѣроцка, Казимержа и проч. (70).

Для вооруженія арміи недоставало необходимыхъ средствъ. Въ арсеналѣ хранились старыя ружья, въ количествѣ до 40 т.; они послужили для вооруженія набранныхъ войскъ; но 3-ей шеренгѣ пришлось дать косы.

Наплывъ денежныхъ средствъ былъ весьма значительный; частныя пожертвованія достигли весьма крупныхъ суммъ. Состояніе финансовъ Царства, какъ упомянуто выше, было очень хорошо: около 67 милл. злотыхъ хранилось въ казначействѣ. Министръ финансовъ представилъ смѣту вѣроятныхъ расходовъ (со включеніемъ расходовъ на 120 т. армію) въ 133 милліона злотыхъ; необходимо было добыть, какъ видно, 66 милл., которые полагалось покрыть такъ: 14 м. прямыми налогами, 40 м. косвенными и 9 м. лѣсными.

Въ продовольствіи поляки терпѣли нужду, такъ какъ въ томъ году былъ неурожай; кромѣ того средства эти были такъ дурно распредѣлены, что часть ихъ въ самомъ началѣ кампаніи досталась въ руки русскихъ войскъ. Для продовольствія арміи предписаны были огромныя поставки и жители обременены реквизиціями; тѣмъ не менѣе полякамъ не удалось образовать значительныхъ запасовъ, особенно въ Варшавѣ.

Къ открытію военныхъ дѣйствій силы поляковъ простирались до 130—140 тысячъ; но для полевыхъ дѣйствій они могли располагать не болѣе какъ 60 тысячами. Дѣйствующая армія къ концу декабря была раздѣлена на *четыре пѣхотныя дивизіи* (1-я—Круковецкаго, 2-я — Жимирскаго, 3-я — Скржинецкаго и 4-я — Шембека) *) и *четыре*

*)

1-я пѣхотная дивизія (Круковецкій).	1 лин. полкъ. 5 » » 2 » » 6 » » 1 легк. батарея, 12 ор.	бригада Гелгуда. » К. Малаховскаго.	12 бат.
2-я пѣхотная дивизія (Жимирскій).	3 лин. полкъ. 7 » » 2 егерскій полкъ. 4 » » 1 батар. батарея 12 ор. 1 легкая » 12 ор.	бригада Ролавда. » Чижевскаго.	12 бат.
3-я пѣхотная дивизія (Скржинецкій).	4 лин. полкъ (4 бат.). 8 » » (4 »). 2 бат. ветерановъ. Полкъ Варш. юнотей. 1 легкая батарея 12 ор. 1 » » 8 ор.	бригада Богуславскаго. » Чолчинскаго.	14 бат.
4-я пѣхотная дивизія (Шембекъ).	1 егерскій полкъ. 3 » » Гвард. грен. полкъ 4 б. Стрѣлки Кушеля.	бригада Бѣлинскаго. » Мюльберга.	11 бат.

Кавалерія: 1) Дивизія *Янковскаго*: а) бригада Скаржинскаго; 1-й к. егер. и августовскій полки; б) бр. Дембинскаго: 3-й к. егер. и плоцкій полки; впослѣдствіи приданъ 1-й полкъ мазуровъ; конная батарея — 8 ор.; 2) дивизія *Сухоржевскаго*: а) бригада Буковскаго: 1-й уланскій и сандомірскій полки; б) бригада Хлановскаго: 4-й уланскій и люблинскій полки; впослѣдствіи приданы калишскій и подляхскій полки; конная батарея 8 ор.; 3) дивизія *Томицкаго*: а) бригада Скаржинскаго; 2 к. егер. полкъ и познанскій эскадронъ; б) бр. Кицкаго 5-й к. егер. полкъ и 2-й полкъ мазуровъ; конная батарея; 4) дивизія *Лубенскаго*: а) бр. Каменскаго, 4-й к. егерскій и 5-й уланскій полки, б) бр. Земенцкаго: 2 и 3 уланскіе полки, карабинеры и полкъ краковцовъ; конная батарея.

Резервная артиллерія—три полубатареи и ракетная батарея.

Отрядъ *Дверницкаго* изъ четвертыхъ баталіоновъ и 5-хъ и 6-хъ эскадроновъ (71).

(потомъ пять) кавалерійскихъ (Рутье, Лубенскаго, Томицкаго, Сухоржевскаго и Янковскаго) каждая изъ 2-хъ старыхъ и двухъ или болѣе новыхъ полковъ, съ артиллеріей. *Саперы* распредѣлены по ротно въ Модлинѣ, Замостьѣ и Прагѣ; небольшое число ихъ придано къ каждой дивизіи. Изъ числа четвертыхъ баталіоновъ, сформированныхъ для старыхъ полковъ, восемь назначены въ Модлинъ и Замостье, а остальные распредѣлены между отдѣльными отрядами, прикрывавшими, подъ начальствомъ Дверницкаго и Сѣравскаго, теченіе верхней Вислы *).

Что касается высшаго начальствованія, то старые, опытные генералы наполеоновскихъ войнъ частью были убиты во время возстанія, частью были устранены или добровольно покинули службу, если по свойствамъ ихъ характера не могли примѣниться къ тогдашнимъ требованіямъ (Хлопицкій и др.). Въ общемъ командиры полковъ и батарей смотрѣли на службу какъ на средство сколотить себѣ нѣкоторое состояніе, а генеральскія мѣста были выгодными синекурами. Слѣдуетъ также замѣтить, что у Наполеона польскими дивизіями командовали преимущественно французы, а потому польская армія не имѣла достаточно своихъ опытныхъ генераловъ. Многіе изъ молодыхъ начальниковъ отличались храбростью, умѣли водить войска въ огонь; но они въ большинствѣ случаевъ не имѣли достаточнаго понятія объ операціяхъ цѣлой арміи, не умѣли согласовать дѣйствіе всѣхъ трехъ родовъ оружія, не имѣли навыка и искусства въ управленіи общимъ ходомъ дѣла (73). Тѣмъ не менѣе революція выдвинула нѣсколько талантливыхъ лицъ. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить *Хлопицкаго*. Въ эпоху возстанія онъ былъ уже въ возрастѣ 60 лѣтъ, но сохранилъ еще вполнѣ бодрость и энергію. Видъ Хлопицкаго былъ импонирующій, а характеръ вполнѣ этому отвѣчающій: непоколебимый въ высшей степени, онъ доходилъ до упрямства, доблестный по природѣ, онъ былъ прирожденный солдатъ, воодушевлявшійся въ бою и тогда его мысль и слово были ясны. Среди другихъ онъ всегда умѣлъ удерживать за собой превосходство. Хлопицкій былъ стариннаго дворянскаго происхожденія, Подольской губерніи. Онъ служилъ въ польскихъ войскахъ, въ украинской дивизіи, и въ эпоху Тарговицкой конфедераціи, не желая присягать импер. Екатеринѣ, ушелъ къ Косціюшкѣ, когда впрочемъ все было покончено. Затѣмъ Хлопицкій поступилъ въ польскія войска Наполеона, считался выдающимся офицеромъ и служилъ въ привислинскомъ легіонѣ на французскомъ содержаніи, который по сформированіи былъ отправленъ въ Испанію. Продолжительное отсутствіе изъ Польши удалило его отъ польскихъ интересовъ и сдѣлало бонапартистомъ. Хлопицкій развилъ въ Испаніи свои военныя дарованія и заслужилъ неоднократныя похвалы маршала Сюше. Раненый въ 1812 г. и обойденный при производствѣ въ дивизіонные генералы, Хлопицкій вышелъ въ отставку. При Александрѣ I онъ получилъ въ командованіе одну изъ 2-хъ пѣх. дивизій, а затѣмъ не сошелся съ великимъ княземъ и вышелъ въ отставку. Къ нему забѣгали агенты тайн. обществъ, „но онъ такъ ихъ принялъ, что совершенно отбилъ охоту повторить свою попытку“ (74). Ермоловъ удивлялся какъ можно было лишиться службы такого генерала, поводомъ къ отставкѣ котораго, въ добавокъ, послужило мелочное несоблюденіе формы одежды однимъ изъ нижнихъ чиновъ. Революціонеры, зная военныя дарованія Хлопицкаго, любовь къ нему народа и считая его въ опозиціи русскому правительству, желали поставить его во главѣ арміи; но онъ хорошо понималъ всю невозможность борьбы Польши съ Россіей и если принялъ на себя командованіе арміей и диктатуру, то только съ единственною цѣлью

*) Баталіоны полковъ, 4 и 8 лин., 1 и 3 егер.—въ Модлинѣ; 3 и 7 лин., 2 и 4 егер.—въ Замостьѣ; 1, 5, 2 и 6 лин.—на лѣвомъ берегу Вислы (72).

захватить въ свои руки возстаніе, выговорить льготы у императора и тѣмъ заслужить благодарность націи, увлеченной небольшой лишь партіей заговорщиковъ. Въ этихъ видахъ Хлопицкій всѣми силами старался отклонить войну, не желалъ развивать вооруженій и предпринимать какихъ либо наступательныхъ операцій. Кромѣ того, воспитанный въ школѣ Наполеона, Хлопицкій вѣрилъ лишь въ силу регулярнаго войска и не имѣлъ никакого довѣрія къ новымъ полкамъ, къ этой, какъ онъ выражался, „рухавкѣ“ (76) *). Извѣстно въ какой мѣрѣ все это не соотвѣтствовало стремленіямъ революціонеровъ. Послѣ отказа Хлопицкаго отъ диктаторства, главнокомандующимъ былъ кн. Михаилъ Радзивилъ, человѣкъ добрый, лично честный, но небоевой, слабаго характера, поддававшійся вліянію окружавшихъ его лицъ. Это былъ лишь номинальный глава арміи; все дѣлалось по указаніямъ Хлопицкаго, на совѣты котораго Радзивилъ безусловно полагался; но когда Хлопицкій въ Гроховскомъ сраженіи былъ раненъ, то Радзивилъ совершенно растерялся, обнаружилъ полную свою неспособность какъ главнокомандующаго и уступилъ это мѣсто, какъ будетъ сказано ниже, другому лицу. Въ польскомъ генеральномъ штабѣ особенно отличались *Прондзинскій* и *Хржановскій*. Прондзинскій обладалъ обширнымъ, серьезнымъ образованіемъ, творческимъ умомъ, блескомъ и смѣлостью проницательныхъ, часто геніальныхъ стратегическихъ соображеній, въ которыхъ онъ былъ неистощимъ. Но у него недоставало, столь цѣнимаго Наполеономъ въ полководцѣ, равновѣсія ума и характера, такъ что онъ съ особеннымъ успѣхомъ могъ работать на своемъ поприщѣ, какъ генералъ-квартермистръ арміи, но не какъ ея предводитель. Кромѣ того, Прондзинскій отличался чрезвычайной пылкостью и недостаткомъ уваженія къ противнику; авторитетомъ признавалъ только Хлопицкаго, къ остальнымъ относился свысока. Во всякомъ случаѣ, это едва-ли не самая замѣчательная личность революціи. Хржановскій тоже обладалъ серьезнымъ образованіемъ, имѣлъ достаточный военный опытъ, участвовалъ въ нашей турецкой войнѣ 1828—1829 гг., гдѣ привыкъ уважать русскаго солдата и цѣнить его доблести. Въ блескѣ и смѣлости стратегическихъ соображеній онъ уступалъ Прондзинскому. Въ началѣ возстанія Прондзинскій предложилъ Хлопицкому проектъ укрѣпленія Варшавы и необходимость перевозки туда части орудій изъ Замостья. Хлопицкій передалъ этотъ проектъ въ ком-

*) Оставляя въ сторонѣ вопросы политики, нельзя не замѣтить, что съ *военной точки зрѣнія* дѣйствія Хлопицкаго были ошибочны. Извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ, участникъ войны 1831 года, въ своихъ запискахъ (напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ») говоритъ по этому поводу слѣдующее: «является вопросъ: неужели Хлопицкій могъ разсчитывать на успѣхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ и потому остановился на оборонительномъ способѣ дѣйствій? Предложенія, привезенныя Езерскимъ и Любецкимъ, были такого рода, что русскій государь не могъ ихъ принять. Пятилѣтнее царствованіе Николая I, обнаружившаго замѣчательную настойчивость и твердость, должно было открыть глаза Хлопицкому, тѣмъ болѣе, что требованія его только были по формѣ мягче, а по содержанію такъ же обширны и неисполнимы, какъ и требованія революціонеровъ. Такимъ образомъ дѣйствія Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ быстрому развитію всѣхъ средствъ борьбы, съ военной точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго порицанія. Онъ долженъ былъ или не принимать званія диктатора или принять его съ рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу на жизнь и смерть. Во всякомъ случаѣ ему слѣдовало не щадить никакихъ усилій для скорѣйшаго образованія и вооруженія возможно большаго числа войскъ, что нисколько не мѣшало-бы вести переговоры. Такимъ образомъ силы полковъ, безъ резервовъ и ополченія, могли-бы возрасти при самомъ началѣ возстанія до 80.000 чел., съ которыми онъ долженъ былъ двинуться противъ Литовскаго корпуса, завязать сношенія съ офицерами и чинами его, гдѣ $^1/_3$ офицеровъ принадлежала къ патріотическому обществу (по показанію Солтыка), и затѣмъ, покончивши съ этимъ корпусомъ, двинуться въ Литву». Хлановскій утверждаетъ будто-бы Хлопицкій не разъ твердилъ ему въ разговорѣ: «Не можемъ драться съ Москвой, ничего не сдѣлаемъ. Императоръ къ такомъ положеніи, что долженъ будетъ согласиться на мои предложенія (съ которыми отправились въ Петербургъ кн. Любецкій и Езерскій)». При этомъ онъ заявилъ, что требуетъ ручательства въ соблюденіи конституціи не только присягой, но позволеніемъ сформировать резервъ на подобіе прусскаго, который бы позволилъ вооружить 100 т. чел., а также имѣть въ арсеналѣ 500.000 ружей и 500 орудій,—а затѣмъ, если революція созрѣетъ, можно будетъ сдѣлать то, что въ данную эпоху возстанія невозможно; нужно было быть очень наивнымъ политикомъ чтобы вообразить себѣ будто русскій императоръ согласится на что нибудь подобное (75).

миссію, гдѣ онъ былъ забракованъ, а авторъ его получилъ отъ Хлопицкаго почетную ссылку 2-мъ комендантамъ въ Замостье; та же участь постигла Хржановскаго, отправленнаго въ Модлинъ. Только впослѣдствіи, при Радзивиллѣ, оба эти офицера были призваны въ главный штабъ, причемъ Прондзинскій назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, а Хржановскій (послѣ Мрозинскаго) начальникомъ штаба арміи. Въ составѣ военной комиссіи былъ отличныхъ дарованій генер. Раутенштраухъ, благодаря которому организація польской арміи подвигалась успѣшно; но польское правительство лишилось его помощи, когда онъ ушелъ, обиженный тѣмъ, что младшій его и ничтожный Моравскій былъ назначенъ военнымъ министромъ (77).

Русская армія.

Въ началѣ царствованія Николая Павловича наша армія сохраняла устройство данное ей императоромъ Александромъ.

Пѣхота состояла изъ слѣдующихъ частей: а) гвардейскій корпусъ изъ 2-хъ дивизій, въ двѣ бригады или четыре полка (3 пѣхотныхъ и 1 егерскій) каждая, и батал. гв. экипажа; б) гренадерскій, семь армейскихъ и Литовскій корпуса по три дивизіи въ 3 бригады (2 линейныхъ и 1 егерская) или шесть полковъ каждая, за исключеніемъ: 5-го пѣх. корпуса, состоявшаго изъ одной дивизіи, вслѣдствіе выдѣленія двухъ другихъ въ составъ Литовскаго корпуса; 6-го корпуса, состоявшаго изъ 2-хъ дивизій пѣхоты, Литовской гренадерской бригады изъ 3-хъ полковъ и гвардейскихъ полковъ, входившихъ въ составъ войскъ цесаревича въ Варшавѣ; в) кромѣ того, были пѣхотные корпуса, имѣвшіе опредѣленное мѣстное назначеніе, а именно: Кавказскій, Финляндскій, Оренбургскій, Сибирскій и Внутренней стражи. Всѣ пѣхотные полки имѣли по три четырехротныхъ баталіона. Различіе между линейной и егерской пѣхотой существовало только въ выборѣ людей и формѣ одежды. Егеря дѣйствовали въ разсыпномъ строю по сигналамъ какъ бы по командамъ въ сомкнутомъ строѣ. Въ линейныхъ полкахъ отъ баталіона высылали 4 застрѣльщичьихъ взвода по 24 чел. (78).

Кавалерія состояла: а) изъ 5-ти резевныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, каждый изъ двухъ дивизій (кирасирскихъ, уланскихъ, драгунскихъ, конно-егерскихъ); б) 10-ти легко-кавалерійскихъ дивизій (уланы, гусары), по одной при каждомъ изъ корпусовъ, гвардейскомъ и пѣхотныхъ, и 2-хъ при Литовскомъ корпусѣ. Всѣ дивизіи имѣли по двѣ бригады или по 4 полка, за исключеніемъ легкой гв. дивизіи, имѣвшей 5 полковъ, и сводной гвардейской, при Литовскомъ корпусѣ, имѣвшей три полка (Подольскій кирасирскій, л.-гв. Уланскій Е. В. и Гродненскій гусарскій). Полки состояли изъ 6 дѣйствующихъ и 1 запаснаго эскадроновъ.

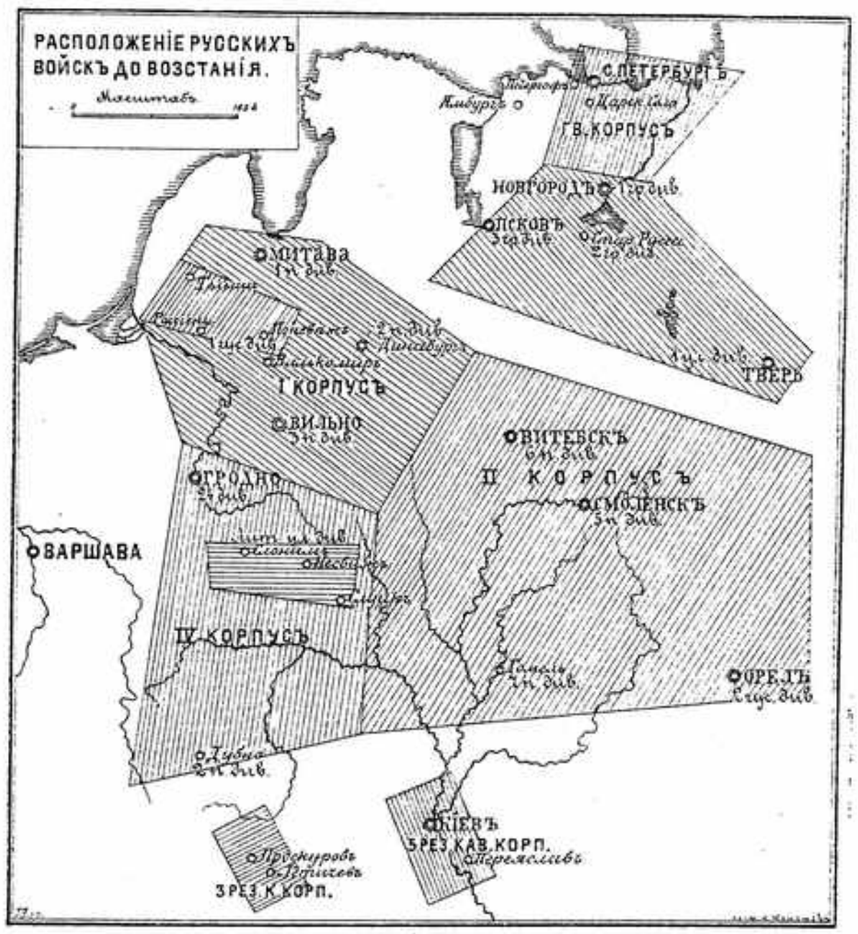
Артиллерія: а) *пѣшая* состояла изъ 2-хъ бригадъ гвардейскихъ, одной гв. и гренадерской въ три 12—орудійныхъ роты каждая и 25 пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, изъ которыхъ находившіяся при гренадерскомъ и семи пѣхотныхъ корпусахъ имѣли по шести рот, въ томъ числѣ: три дѣйствующія (одна батарейная и 2 легкія, а въ гренадерскомъ корпусѣ—обратно) въ 12 оруд. каждая, одна парковая и двѣ резервныя; б) конная артиллерія была распредѣлена такъ: при гв. кавалеріи 3 роты, при каждой армейской кавалерійской дивизіи по двѣ 12—орудійныя роты. Въ военное время кавалеріи придавались еще батареи донской конной артиллеріи.

Полевыя *инженерныя* войска состояли изъ гвардейскаго, гренадерскаго и учебнаго саперныхъ, Литовскаго и семи піонерныхъ баталіоновъ, распредѣленныхъ по корпусамъ. При войскахъ состояли фуштадтскія бригады, военно-рабочіе баталіоны и жандармскія части. Кромѣ того при гвардейскомъ и 1-мъ рез. кавалерійскомъ корпусахъ было

по 1-му конно-піонерному эскадрону. Гренадерскій, первые пять пѣхотныхъ, 2, 3, 4 и 5 резервные кавалерійскіе корпуса образовали 1-ю армію; 6 и 7 пѣх. корпуса—2-ю армію; Литовскій-же корпусъ образовалъ какъ-бы резервъ польской арміи, которая состояла изъ варшавскаго русскаго отряда и польскихъ войскъ.

По окончаніи турецкой войны 1828—1829 гг. (въ которой приняли участіе гвардія, 2-й, 3-й, 6-й, 7-й пѣх. корпуса, 10-я пѣх. дивизія, 4-й рез. кав. корпусъ и Бугская уланская дивизія) 2-я армія уничтожена, 6 и 7 пѣх. корпуса расформированы, а ихъ дивизіи распредѣлены между другими корпусами, причемъ 6-й № перешелъ на Литовскій корпусъ. Піонерные баталіоны переименованы въ саперные, а конно-піонеры увеличены до состава 2-хъ дивизіоновъ. Въ кавалерійскихъ полкахъ запасные эскадроны замѣнены пѣшими резервами (79).

Польское возстаніе застало нашу армію въ расплохъ; она была расквартирована весьма широко и имѣла въ концѣ 1830 года мирную организацію. Но такъ какъ импе-



раторъ Николай намѣренъ былъ принять участіе въ рѣшеніи бельгійскаго вопроса, т. е. помочь Голландіи противъ отложившейся Бельгіи, то въ продолженіи осени приводились на военное положеніе корпуса: гренадерскій, 1-й и 2-й пѣхотный, Литовскій, 3 и 5 резервные кавалерійскіе, гвардейскій и 1-я уланская дивизія; резервнымъ кавале-

рійскимъ корпусамъ предписано было даже въ концѣ сентября сблизиться къ западной границѣ и расположиться: 3-му—на квартирахъ въ западной части Подольской губерніи, а 5-му—занять Житоміръ, Острогъ, Ст. Константиновъ, Махновку и Сквиру. Приняты были мѣры къ укомплектованію сильно пострадавшихъ частей, возвратившихся изъ турецкаго похода. Русскія войска, которыя предполагалось назначить для дѣйствій противъ Польши, имѣли слѣдующій составъ и дислокацію *):

I. Ближе всѣхъ къ границѣ стоялъ *Литовскій* (6-й) корпусъ барона *Розена*; онъ состоялъ изъ 24-й и 25-й пѣх. дивизій, Литовской гренадерской бригады и уланской дивизіи; кромѣ того, къ нему причисленъ, отступившій изъ Польши, гвардейскій отрядъ великаго князя Константина Павловича. Штабъ 24-й пѣх. дивизіи былъ въ Гродно, а 25-й въ Дубно; обѣ онѣ были широко раскинуты въ странѣ; уланская дивизія стояла въ Слуцкѣ, Слонимѣ и Несвижѣ; Литовская гренадерская бригада и отрядъ цесаревича (по возвращеніи изъ Польши) расквартированы были между и позади 24 и 25 дивизій. Всего въ корпусѣ считалось до 39 т. (а съ гв. отрядомъ 45) и это были первыя войска, которыя мы могли противопоставить полякамъ.

II. *1-й пѣхотный корпусъ графа Палена 1-го* занималъ Остзейскія губерніи и часть Литвы. Штабъ *1-й пѣх.* дивизіи находился *въ Митавѣ*, *2-й—въ Динабургѣ*, *3-й—въ Вильнѣ*. Состоявшая при корпусѣ гусарская дивизія расположена была въ окрестностяхъ Вилькоміра, Росіенъ, Тельшей и Поневѣжа. Сила корпуса—$33^1/_3$ тыс.

III. *Третій резервный кавалерійскій корпусъ графа Витта* (кираспрская и уланская дивизіи) выступилъ изъ херсонскихъ поселеній и въ ноябрѣ расположился по новому назначенію, а *пятый резервный кавалерійскій корпусъ барона Крейца* (драгунская и конно-егерская дивизіи), слѣдуя изъ мѣстностей, въ которыхъ господствовала холера, былъ задержанъ, на границѣ Курской губерніи съ Малороссіей, по случаю карантина, и въ послѣднихъ числахъ ноября подходилъ только къ Днѣпру у Кіева и Переяслава. Въ обоихъ корпусахъ было болѣе 16 т. чел.

IV. Кромѣ этихъ войскъ назначались въ составъ дѣйствующей арміи: *гренадерскій* корпусъ кн. *Шаховскаго* (38 т.), расквартированный въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской, Псковской и Тверской губерній (1-я див.—Новгородъ, 2-я—Старая Русса, 3-я—Псковъ, 1-я уланская—Твер. губ.); *гвардейскій корпусъ в. кн. Михаила Павловича* ($23^1/_3$ т.), расположенный въ Петербургѣ и окрестностяхъ, и *2-й пѣх. корпусъ гр. Палена 2-го* (24 т.), участвовавшій въ турецкой войнѣ, сильно потерпѣвшій въ личномъ составѣ и матеріальной части, и приводившій себя въ порядокъ и боевую готовность въ мѣстахъ квартированія, на обширномъ пространствѣ между Великими Луками, Орломъ и Черниговомъ (5-я пѣх. див. Смоленскъ, 6-я—Витебскъ, 7-я—Гомель, 2-я гусарская—Орелъ). Такимъ образомъ *въ первой линіи* находились: 1-й и 6-й пѣх. корпуса, 3-й рез. кав. корпусъ и гвардейскій отрядъ цесаревича; *всего 82 бат., 108 эскадр., 324 ор.=86,390 чел. Во второй линіи*: гренадерскій и 5-й рез. кав. корпуса; *всего 36 бат., 72 эск., 136 ор.=47.160 чел.* Въ *третьей линіи*: гвард. и 2-й пѣх. корпуса, *всего 54 бат., 64 эск., 204 ор.=48.450 чел.* Подводя общій итогъ, получимъ: *172 бат., 244 эск., 664 ор. или ок. 183.000 чел.* (въ томъ числѣ пѣхоты 142.000, кавалеріи ок. 41.000); кромѣ того 13 казачьихъ полковъ **).

*) См. приложенія I и II.

**)

1-я линія.	бат.	эск.	оруд.	пѣх.	кав.	всего.
1 пѣх. корп. (1, 2, 3 пѣх. див., 1 гусар. див., 1 арт. бриг.) . .	36	24	132	28.528	4.772	33.300
6 пѣх. корп. (24 и 25 пѣх. див., гренадер. бригада, Литов. улан. див., 6-я арт. бр.)	42	24	120	34.656	4.405	39.061
3-й рез. кав. корпусъ (3-я кир., 3-я уланск. дивиз., 9 и 10 конн. бат.).	—	48	48	—	7.141	7.141
Гв. отрядъ цесаревича	4	12	24	4.011	2.840	6.851
Итого	82	108	324	67.195	19.158	86.393

Несмотря на значительность этихъ силъ положеніе русской арміи было затруднительно: вслѣдствіе ея разбросанности поляки могли сначала сосредоточить для наступательныхъ дѣйствій превосходныя силы, чтобы атаковать послѣдовательно подходившія наши войска. Громадныя разстоянія требовали продолжительнаго времени для сбора войскъ, а дурныя дороги увеличивали затрудненія по средоточенію арміи. 1-я линія была растянута отъ Митавы (1-й корп.) чрезъ Гродно, Брестъ до Летичева (3-й рез. кав. корпусъ) на 1.200 в.; для сосредоточенія Литовскаго корпуса въ Брестѣ и Бѣлостокѣ требовалось двѣ недѣли (отъ Дубно до Бреста 250 в.); а если принять въ разсчетъ время полученія въ Петербургѣ извѣстія о революціи (25 ноября) и время на отдачу и полученіе приказаній, то Литовскій корпусъ могъ сосредоточиться на пространствѣ Брестъ—Бѣлостокъ только въ *половинѣ декабря*. 3-му резервному кавалерійскому корпусу требовалось на присоединеніе къ Литовскому—мѣсяцъ; *къ началу января* могъ подойти по частямъ къ Бресту 1-й корпусъ; *въ началѣ февраля* могъ прибыть гренадерскій корпусъ; *не ранѣе марта*—2-й корпусъ; *въ концѣ февраля* и *началѣ марта*—гв. корпусъ. Слѣдовательно, на сосредоточеніе всей арміи требовалось, считая, отъ времени полученія въ Петербургѣ извѣстія о революціи—*больше трехъ мѣсяцевъ*, поляки же были готовы несравненно ранѣе ([80]).

Организація русской арміи указана выше.

Что касается качествъ войскъ, то русская армія уступала въ строевомъ отношеніи дѣйствующимъ польскимъ войскамъ, доведеннымъ въ этомъ отношеніи заботливостію и усиліями цесаревича до замѣчательнаго совершенства. Въ нравственномъ отношеніи, хотя наши войска и не были воодушевлены какъ польскія, дравшіяся за существованіе, однако обычныя доблести русской арміи и традиціи о подвигахъ, совершенныхъ отцами и ими самими въ недавнихъ войнахъ, были такъ велики, что во всѣхъ столкновеніяхъ полки наши поддержали старую свою славу и обнаружили свойственную имъ отвагу и стойкость. Въ особенности отличался гренадерскій корпусъ, а также 13 и 14 егерскіе полки, бывшіе красою русской арміи. Не таковъ былъ духъ Литовскаго корпуса. Солдаты въ немъ были, по преимуществу, бѣлоруссы, народъ забитый и не отличающійся умственнымъ развитіемъ; старшіе офицеры—русскіе, младшіе—поляки и многіе изъ нихъ участвовали въ тайныхъ обществахъ, а потому въ корпусѣ замѣтно было сочувствіе къ полякамъ. По словамъ одного польскаго офицера, „весь Литовскій корпусъ смотрѣлъ на Варшаву ([81]). Другой полякъ замѣчаетъ, что корпусъ этотъ въ своемъ двусмысленномъ положеніи легко могъ быть парализованъ, разсѣянъ, если даже цѣликомъ не обращенъ для польскаго дѣла ([82]). При такихъ условіяхъ оказался возможнымъ фактъ, что Литовскій полкъ, атакованный при Ваврѣ поляками, положилъ оружіе почти безъ сопротивленія. Наоборотъ, Литовская гренадерская бригада, гдѣ было на-

2-я линія.							
Гренад. корпусъ (1, 2 и 3 грен. дивиз., 1-я улан. див., гренад. арт. бриг.).	36	24	88	34.512	3.488	38.001
5-й рез. кав. корп. (1 конно-егер. и драг. дивизіи, 14 и 15 конн. бат.) .	—	48	48	—	9.167	9.167
Итого	36	72	136	34.512	12.655	47.168
3-я линія.						
Гв. корпусъ (1 и 2 пѣх., 1 кир. и 1 лег. кав. див. съ артиллер.) .	18	40	72	18.105	6.268	24.363
2-й пѣх. корпусъ (5, 6 и 7 пѣх. и 2-я гусар. див., 2-я арт. бриг.) .	36	24	132	21.194	2.890	24.084
Итого	54	64	204	39.299	9.158	48.447
ВСЕГО	172	244	664	142.007	40.961	182.968 ÷ 13 казач. полковъ.

значено вмѣсто поляковъ 24 офицера изъ гвардіи, а командованіе ввѣрено генералу Муравьеву, не уступалъ прочимъ русскимъ войскамъ въ храбрости и благонадежности. Послѣ великихъ войнъ временъ императора Александра I, въ образованіи войскъ пошли у насъ въ ложномъ направленіи; стали болѣе всего обращать вниманія на внѣшнюю, показную сторону. По словамъ извѣстнаго партизана Д. В. Давыдова, при тогдашнихъ требованіяхъ, въ несносной педантичности убивали умственную дѣятельность и стремленіе къ образованію; знаніе мелочей военнаго быта поощрялось по преимуществу; узко-техническая служба выдвигала впередъ нерѣдко людей невѣжественныхъ въ боевомъ дѣлѣ; все это вліяло на воспитаніе и подготовку солдата; явились люди, утверждавшіе, что война портитъ войска, заставляя ихъ отвыкать отъ искусства въ подробностяхъ строевой службы ([83]). Полевыя занятія, маневренныя упражненія велись обыкновенно крупными частями, причемъ опять-таки наибольшее вниманіе было обращено на ихъ внѣшній видъ и стройность. Хотя оставалось еще не мало начальниковъ, воспитанныхъ въ школѣ и преданіяхъ наполеоновскихъ походовъ, но вліяніе системы уже успѣло проявиться вообще на арміи; отсюда случаи, встрѣчающіеся нерѣдко во время кампаніи, отсутствія должной предпріимчивости, предусмотрительности, умѣнья самостоятельно дѣйствовать. Полки были наполнены офицерами, совершенно незнакомыми съ военнымъ дѣломъ даже теоретически ([84]). Бытъ русскаго солдата былъ далеко не приглядный. Никто не заботился объ его умственномъ и физическомъ развитіи. При опредѣленіи наказанія начальникъ почти ничѣмъ не былъ стѣсненъ, отсюда дикій произволъ и частыя явленія безпощадной жестокости ([85]). На упражненія въ цѣльной стрѣльбѣ отпускалось по 3 патрона на человѣка, но и ихъ не выпускали. Ружья были плохія и испорченныя безтолковой чисткой, съ изогнутыми стволами и неисправными замками. Щегольствомъ былъ частый батальный огонь въ развернутомъ фронтѣ ([86]). При всемъ томъ духъ въ войскахъ былъ необыкновенный, рвеніе сразиться съ врагомъ неудержимое; негодованіе противъ поляковъ за ихъ возстаніе раздѣляла вся армія отъ генерала до солдата ([87]). Не отличавшійся особымъ расположеніемъ къ русскимъ, прусскій генералъ отъ инфантеріи Брандтъ, будучи знакомъ съ нашей арміей еще въ молодости и посѣтивъ фельдм. Дибича на театрѣ войны, такъ отзывается о русскомъ солдатѣ: „русскіе солдаты принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ явленіямъ. Правда, они не развиты, угловаты, но одушевлены своего рода поэзіей. Безпритязательные, полные вѣры, проникнутые любовью къ своему монарху, самоотверженные, храбрые, мужественные, послушные, понятливые, проворные—они первые солдаты въ мірѣ. Ихъ простата и естественность, ихъ преданность тѣмъ офицерамъ, которые умѣли привязать ихъ къ себѣ, ихъ хладнокровіе, непоколебимость, ихъ грозная внушительность въ бою, и вслѣдъ за тѣмъ дѣтская мягкость и воспріимчивость, когда они собрались вокругъ балагура-разсказчика, все это богатый матеріалъ для мыслящаго психолога".

Передъ вступленіемъ въ непріятельскіе предѣлы дана была (составленная Нейгардтомъ и исправленная Толемъ и Дибичемъ) инструкція войскамъ подъ заглавіемъ: «Правила для наблюденія во время марша на бивакахъ, на тѣсныхъ квартирахъ и въ самомъ бою». Эта инструкція заключала въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ положеній военнаго искусства, выработанныхъ эпохой; большая часть ея указаній примѣнима и въ настоящее время. Болѣе близкое ознакомленіе съ сущностью этихъ положеній можетъ содѣйствовать уясненію послѣдующаго хода операцій, причемъ нѣкоторыя изъ развиваемыхъ нынѣ идей, въ качествѣ продукта нашего времени, окажутся лишь хорошо забытыми и давно извѣстными. «Правила» различаютъ два главныхъ вида боевой дѣятельности войскъ: 1) *маршъ* съ расположеніемъ на квартирахъ и бивакахъ и 2) *бой*.

По отношенію къ *маршамъ* отличаются движенія небольшихъ отрядовъ и авангардовъ, а затѣмъ движенія значительныхъ отрядовъ. При движеніи *первыхъ* порядокъ слѣдующій: казаки, кавалерія съ конною артиллеріею, пѣхота съ пѣшею артиллеріею, строевой обозъ (т. е. часть патронныхъ и зарядныхъ

ящиковъ, повозокъ для раненыхъ, половина сухарныхъ фуръ, вьюки и запасный лафетъ), наконецъ—арьергардъ изъ пѣхоты и казаковъ. Весь прочій обозъ идетъ въ главномъ вагенбургѣ арміи. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ за казаками идетъ не кавалерія, а пѣхота. Отъ авангардовъ, конечно, высылаются разъѣзды, боковые отряды и проч. При движеніи *значительныхъ отрядовъ*, имѣющихъ впереди себя *авангарды* (т. е. рѣчь идетъ о главныхъ силахъ колонны) порядокъ марша слѣдующій: нѣсколько казаковъ, пѣхота, имѣя между полками бригады принадлежащую къ послѣдней артиллерію), причемъ впереди каждой дивизіи слѣдуютъ бригады, назначенныя въ 1-ю боевую линію, потомъ бригады 2-й линіи и, наконецъ, резервныя. Пѣхота двигается въ колоннахъ къ атакѣ или шестирядною колонною изъ середины, кавалерія, по три, по полувзводно и пр., смотря по свойству дороги и мѣстности. Пѣхота выступаетъ рано и при переходѣ болѣе 15 в. дѣлаетъ большой привалъ, пройдя половину перехода; кавалерія и конная артиллерія выступаютъ съ такимъ расчетомъ, чтобы обогнать на привалѣ пѣхоту, которая тоже должна тронуться вслѣдъ за ними. Кавалерія имѣетъ конную артиллерію между полками бригады, причемъ легкая конница идетъ впереди тяжелой. Строжайше предписывалось расчитывать время выступленія такимъ образомъ, чтобы одна часть не ожидала другой, «ибо ничего не можетъ быть утомительнѣе для людей, какъ напрасное ожиданіе, которое ни въ какомъ случаѣ настоящаго привала замѣнить не можетъ».

Малые отряды и авангарды, находясь не далѣе 2-хъ переходовъ отъ непріятеля, всегда располагаются *на бивакѣ*, при селеніяхъ и вообще населенныхъ пунктахъ, въ порядкѣ, отвѣчающемъ боевому, и съ позиціей впереди, избѣгая становиться на самой позиціи или въ сторонѣ отъ пути движенія, въ большихъ лѣсахъ и пр. Передовые полевые караулы занимаются казаками съ подкрѣпленіями отъ регулярной кавалеріи, а на пересѣченной мѣстности—отъ пѣхоты.

Большіе отряды, имѣющіе впереди авангардъ, «только въ самой крайности располагаются биваками»; вообще-же вблизи непріятеля войска становятся слѣдующимъ образомъ: а) эшелонъ, назначенный немедленно поддерживать авангардъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія, располагается бивакомъ, *если нѣтъ мѣстечка или значительнаго селенія для его размѣщенія;* б) войска, назначенныя къ послѣдующему вступленію въ бой, становятся на тѣсныхъ квартирахъ, какъ по главному пути движенія, такъ и вблизи него; наконецъ, войска, составляющія резервъ, располагаются на *широкихъ квартирахъ*, не далѣе 10 в. отъ сборнаго пункта. Само собою разумѣется, что избираются при этомъ боевая позиція, сборные пункты, частные и общій, указываются пути движенія къ нимъ, а также для обозовъ, причемъ дороги для нихъ «должны по возможности соединяться позади резерва».

Второй отдѣлъ инструкціи говоритъ о *бою*, опять отличая малые и значительные отряды. Первые, слѣдуя какъ указано, со всѣми предосторожностями, при встрѣчѣ съ непріятелемъ должны были останавливаться возможно скрытно; затѣмъ начальникъ отряда производитъ *рекогносцировку* силъ и расположенія противника и, убѣдившись, что послѣдній не превосходитъ его значительно силами, избираетъ выгодный пунктъ и ведетъ рѣшительное нападеніе; опрокинувъ непріятеля—должно преслѣдовать его быстро, но осмотрительно. Встрѣтивъ значительно превосходнаго непріятеля, не слѣдуетъ вдаваться въ бой, но и *не отходить тотчасъ-же*, развѣ непріятель заставитъ, но и тогда пользоваться всѣми родами оружія, чтобы задерживать противника. Въ бою *большихъ отрядовъ* предписывалось соблюдать два основательныхъ правила, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ прочія: 1) при оборонительныхъ дѣйствіяхъ пользоваться всѣми ошибками непріятеля и при первой возможности изъ оборонительнаго положенія переходить въ *наступательное*; 2) въ наступательномъ бою направлять и рѣшительно двигать значительныя силы противъ слабѣйшаго непріятельскаго пункта, продвигая вмѣстѣ съ тѣмъ и остальныя войска, такъ чтобы они могли встрѣтить непріятельскій натискъ, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ останавливать нашего нападенія.

Въ боевомъ порядкѣ располагать пѣхоту во 2 линіи, въ колоннахъ къ атакѣ, имѣя вторую линію отъ первой не ближе 300 ш., причемъ въ каждой пѣхотной дивизіи третья часть должна составлять резервъ. Артиллерію ставить преимущественно въ серединѣ бригадъ, имѣя батарейныя роты на позиціи, а легкія въ резервѣ. Казаки на флангахъ позиціи для наблюденія. Часть регулярной кавалеріи располагается на открытыхъ мѣстахъ позиціи, во 2 линіи, причемъ вторая никогда не развертывается за первой. За второй линіей пѣхоты имѣть нѣсколько эскадроновъ кавалеріи скрытно расположенныхъ, чтобы внезапно броситься на непріятельскихъ стрѣлковъ, или на его колонны, пришедшія въ безпорядокъ, или на его батареи, уже частью сбитыя. Въ весьма большихъ отрядахъ, корпусахъ,—имѣть общій резервъ изъ $^1/_3$—$^1/_4$ всей пѣхоты и большей части кавалеріи.

При расположеніи войскъ на позиціи заботиться, чтобы не обнаруживать ихъ до времени, а наоборотъ, по возможности, скрыть отъ взоровъ противника; важнѣйшіе же пункты позиціи должны быть заблаговременно обставлены батарейной артиллеріей, прикрытой стрѣлками. Артиллерія должна, по возможности, сразу превосходить непріятеля числомъ орудій и прежде всего сбить его батареи ядрами и гра-

натами, а затѣмъ дѣйствовать тѣми-же снарядами по его войскамъ; по сближеніи противника на дальній картечный выстрѣлъ—дѣйствуютъ по немъ всѣ орудія этими снарядами.

Что касается стрѣлковъ, то предписывалось отъ баталіона не высылать болѣе 100 застрѣльщиковъ и вообще не распускать баталіона въ стрѣлки.

При наступленіи пѣхотныхъ колоннъ онѣ прикрываются застрѣльщиками, а тѣ, которыя назначены для рѣшительнаго удара, всегда выстраиваютъ впереди себя густую цѣпь стрѣлковъ. Колонны подходятъ къ непріятелю на 50—100 ш. безъ выстрѣла, а затѣмъ бросаются въ штыки, застрѣльщики преслѣдуютъ непріятеля. При атакѣ колонны задней линіи идутъ въ 300 ш. за интервалами передней, кавалерія встрѣчаетъ непріятельскую въ 300—400 ш. отъ своей пѣхоты и артиллеріи, и первая линія атакуетъ развернутымъ фронтомъ; послѣдній не долженъ превосходить 2-хъ эскадроновъ, прочіе эскадроны первой линіи двигаются уступами въ 50—100 ш. Вторая линія слѣдуетъ за первой въ 400 ш. въ дивизіонныхъ колоннахъ изъ середины, преимущественно *за флангами* первой линіи; такой порядокъ облегчаетъ нападеніе на непріятельскій флангъ. При наступленіи одной кавалеріи первая и вторая линіи наступаютъ какъ выше сказано, а третья слѣдуетъ за второй въ 500 ш., тоже въ дивизіонныхъ колоннахъ на тѣсныхъ интервалахъ. Кавалерія никогда не должна упускать изъ виду непріятельскихъ батарей и отлогихъ занятыхъ ими высотъ и, подойдя къ нимъ на 300—400 ш., непремѣнно брать тѣ и другія, по возможности съ флаговъ. При наступленіи непріятельской пѣхоты, съ приближеніемъ ея шаговъ на 150, кавалерія быстро ее атакуетъ, причемъ 2-ая линія не слѣдуетъ движенію 1-й, а наблюдаетъ за движеніемъ непріятельской конницы, атакуя ее при поддержкѣ конной артиллеріи и 3-ей линіи (83).

Такъ какъ польская армія обучалась по уставамъ, принятымъ для русской арміи, и подъ руководствомъ цесаревича Константина Павловича, то вышеприведенная инструкція можетъ дать достаточно точное и вѣрное понятіе о практическомъ выполненіи тактическихъ операцій и въ этой арміи. — Нельзя не признать инструкціи въ общемъ изложенной сжато, содержательно, ясно и основанной на вѣрныхъ началахъ, причемъ въ ней выразились достаточно опредѣленно тактическія понятія, выработанныя въ наполеоповскую эпоху. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что тактическая подготовка нашей арміи далеко не стояла въ уровень съ основными требованіями инструкціи. Самъ фельдмаршалъ не всегда, какъ увидимъ, удовлетворялъ имъ, напримѣръ по отношенію къ сосредоточенію силъ на рѣшительномъ пунктѣ атаки или преслѣдованія непріятеля (Гроховъ, Остроленка). Низшіе-же исполнители нерѣдко обнаруживали полное непониманіе этихъ требованій или пренебреженіе ими (особенно по развѣдывательной службѣ), за что дорого платились подчиненныя имъ войска.

Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею былъ назначенъ графъ *Дибичъ-Забалканскій*. Онъ родился въ прусской Силезіи, вблизи Глогау, въ 1785 г., и ко времени Польской кампаніи достигъ 45-лѣтняго возраста, будучи уже фельдмаршаломъ и кавалеромъ ордена Св. Георгія 1-й степени. Одни эти внѣшнія отличія могутъ служить указаніемъ необыкновенныхъ способностей Дибича, не имѣвшаго могущественныхъ связей. Воспитанный въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ затѣмъ принялъ русское подданство и перешелъ на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, съ которымъ отличился подъ Аустерлицемъ (1805 г.). Вскорѣ затѣмъ (1810 г.) онъ былъ переведенъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части и не замедлилъ обнаружить свои дарованія. Война 1812 года открыла ему довольно обширное поприще (оберъ-квартирмейстеръ) въ корпусѣ кн. Витгенштейна, довѣріемъ котораго онъ располагалъ вполнѣ. Въ войны 1813 и 1814 годовъ онъ былъ въ должности генералъ-квартирмейстера, причемъ его мнѣнія уважались и цѣнились наравнѣ съ мнѣніями испытанныхъ генераловъ. Послѣ наполеоновскихъ войнъ онъ былъ начальникомъ штаба 1 арміи, затѣмъ, въ 1824 г., начальникомъ штаба его величества и шефомъ генеральнаго штаба; довѣріе государя къ нему было полное. Въ 1827 году, по возвращеніи изъ Грузіи, куда посланъ былъ для обозрѣнія дѣлъ, Дибичъ возведенъ въ графское достоинство (89). Во второй годъ (1829 г.) турецкой войны Дибичъ поставленъ былъ во главѣ арміи, разбилъ турокъ при Кулевчѣ, перешелъ смѣло черезъ Балканы и принудилъ непріятеля къ заключенію мира. По словамъ герцога Велингтона (побѣдителя Наполеона), операціи кампаніи 1829 года даютъ право Дибичу на званіе великаго полководца. Но въ 1831 году онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Если справедливо замѣчаніе Наполеона,

что полководцу необходимо равновѣсіе ума и характера, то въ Дибичѣ такое равновѣсіе было нарушено. Продолжительная штабная служба и отдаленіе отъ войскъ отразились на немъ невыгодно; онъ умѣлъ сразу отгадывать стратегическую обстановку, сообразить важные пункты и слабыя стороны непріятеля, но самое веденіе, исполненіе дѣла для него представляло уже затрудненія и требовало той рѣшительности, которую онъ не всегда могъ проявить. Это въ особенности стало замѣтно въ Польскую кампанію. Притомъ, чтобы поддержать пріобрѣтенную имъ блестящую репутацію, Дибичъ нерѣдко сталъ придумывать слишкомъ сложныя комбинаціи, которыя въ дѣйствительности весьма рѣдко удаются. Упадку духа его также содѣйствовало семейное горе (смерть жены). Наконецъ, онъ былъ стѣсненъ въ денежномъ отношеніи, отпускомъ незначительныхъ суммъ для потребностей арміи, а потому продовольственная и перевозочная части арміи были устроены крайне неудовлетворительно, что гибельно отразилось на его стратегическихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ. Къ довершенію несчастія Дибича, въ то время, когда русская армія пережила всѣ кризисы, когда важнѣйшія операціи были окончены и непріятель былъ ослабленъ, такъ что оставалось нанести послѣдній рѣшительный ударъ — русскій главнокомандующій внезапно скончался отъ холеры, и плоды посѣяннаго имъ пришлось собирать уже не ему, а Паскевичу.

Начальникомъ штаба арміи былъ назначенъ *графъ Толь*, одинъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ и славнѣйшихъ героевъ отечественной войны, любимецъ Кутузова, у котораго онъ исполнялъ обязанности генералъ-квартирмейстера, оставаясь въ этой должности и въ кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Толь обладалъ обширнымъ умомъ, способностью находиться въ самыя затруднительныя минуты и энергическою рѣшительностью. Одаренный отъ природы вѣрнымъ взглядомъ, онъ умѣлъ пользоваться мѣстностью, какъ не многіе изъ современныхъ ему генераловъ. Если онъ и уступалъ Дибичу въ стратегическихъ дарованіяхъ, то лучше его зналъ войска, умѣлъ съ ними говорить и воодушевлять ихъ; его хладнокровіе, его рѣшительность и знаніе дѣла внушали къ нему довѣріе подчиненныхъ, и войска любили его видѣть передъ собою въ критическія минуты, тогда у него уже не было ни колебаній, ни отмѣны приказаній. Будучи строгимъ, но привѣтливымъ съ подчиненными, онъ держалъ себя не всегда безъ рѣзкости со старшими и считался грозою въ арміи. Нѣмецъ по происхожденію, гр. Толь былъ однако истиннымъ русскимъ по сердцу (90). Въ 1829 году онъ былъ начальникомъ штаба у Дибича, который его высоко цѣнилъ и въ свою очередь пользовался его уваженіемъ; такія отношенія существовали между ними и въ Польскую кампанію; но когда послѣ смерти Дибича сталъ во главѣ арміи Паскевичъ, то гр. Толь, не признавая его превосходства надъ собою въ какомъ бы то ни было отношеніи, не могъ поддерживать съ нимъ должнаго согласія. Генералъ-квартирмейстеромъ назначенъ былъ генералъ *Нейдгартъ*, человѣкъ отлично образованный, прекрасно знавшій свое дѣло и умѣвшій тоже водить войска въ бой. Начальникомъ артиллеріи сперва былъ Сухозанетъ, а потомъ *кн. Горчаковъ*, который въ то время, когда на немъ еще не отразилось вліяніе тяжелаго характера Паскевича, у котораго онъ впослѣдствіи состоялъ начальникомъ штаба, былъ храбръ, предпріимчивъ и отлично образованъ. Генералъ-интендантъ арміи, сенаторъ *Абакумовъ*, достигъ такого высокаго положенія изъ писарей, благодаря своимъ способностямъ; но въ эту войну онъ сдѣлалъ важныя ошибки и кромѣ того не находилъ поддержки въ Дибичѣ, полагавшемъ сперва окончить войну однимъ ударомъ. Впослѣдствіи онъ былъ замѣненъ *Потодинымъ*. Изъ корпусныхъ командировъ самымъ замѣчательнымъ былъ, по своему хладнокровію, рѣшительности и способности къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, командиръ 1-го корпуса

гр. Паленъ I; баронъ *Розенъ*—человѣкъ образованный, но слабый,—недостатокъ весьма важный въ такомъ политически-неблагонадежномъ корпусѣ, какимъ былъ въ то время Литовскій; *кн. Шаховской*—бородинскій герой, любимецъ солдатъ, о которыхъ отечески заботился, храбрый, но безъ особыхъ дарованій, подчинялся вліянію своего начальника штаба В. Гурко; не избѣгъ такого вліянія со стороны своего даровитаго начальника штаба, барона Делингаузена, и командиръ 3-го резервн. кавалерійскаго корпуса *бар. Крейцъ*, весьма способный кавалерійскій генералъ.

Театръ войны.

Театръ войны 1830—1831 г.г. обнималъ собою почти всю западную полосу Россіи и Царство Польское. Западная полоса составляла театръ дѣйствій *резервной арміи* (сформированной при развитіи возстанія), а Царство Польское — *дѣйствующей арміи*. *Первый театръ* раздѣляется на три части: *сѣверную, среднюю (Полѣсье) и южную*; къ первой принадлежали: Бѣлостокская область, губерніи Виленская и части Минской и Гродненской; къ средней—южныя части губерній Минской и Гродненской и сѣверная часть Волынской; къ южной — остальная часть Волынской и Подольская губернія. 1. *Сѣверный раіонъ* холмистъ, покрытъ небольшими озерами и лѣсами, перерѣзывается рѣкой Виліей; грунтъ земли глинисто-песчаный; производительность бѣдная; сборъ хлѣба едва удовлетворяетъ мѣстной потребности, а подвозъ его затруднителенъ по недостатку путей сообщенія; скота мало; деревни часты, но невелики. Жмудь и литовцы составляютъ земледѣльческій классъ; торговля и промышленность въ рукахъ евреевъ, населяющихъ города и мѣстечки; польское дворянство — господствующій классъ. Операціонные пути: 1) отъ Риги и Митавы на Таурогенъ, 2) отъ Динабурга черезъ Вильковіръ на Ковно и черезъ Свенцяны на Вильну, а оттуда также въ Ковно; 3) отъ Смоленска черезъ Минскъ къ Брестъ-Литовску и отъ Минска на Гродно. Поперечные пути изъ Вильны въ Минскъ и изъ Вильны черезъ Гродно, Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ. Важнѣйшіе изъ операціонныхъ путей: между Динабургомъ и Ковно, между Минскомъ и Брестъ-Литовскомъ. Важнѣйшіе города: Вильна, Гродно, Ковно, Бѣлостокъ и Минскъ. 2. *Средній раіонъ* составляетъ самую низменную часть западной полосы. Рѣка Припеть съ притоками образуетъ ряды сплошныхъ болотъ, покрытыхъ лѣсами (откуда и названье Полѣсья). Грунтъ иловатый и песчаный; производительность весьма бѣдная; населеніе рѣдкое, разсѣянное по песчанымъ оазисамъ, образуемымъ возвышеніями среди необозримыхъ болотъ. Только благодаря Припети возможно обезпеченіе населенія продовольствіемъ; скота и лошадей меньше, чѣмъ въ предъидущемъ раіонѣ. Народонаселеніе: бѣлоруссы, литовцы, поляки, евреи. Важнѣйшіе города: Брестъ-Литовскъ, Пинскъ, Мозырь и Бобруйскъ. Главный продольный путь изъ Минска къ Брестъ-Литовску, перерѣзывающій Бѣловѣжскую пущу; поперечныхъ путей нѣсколько: изъ Минска черезъ Бобруйскъ или Несвижъ и Слуцкъ на Мозырь и Овручъ; изъ Пружанъ до Пинска и Ковеля и изъ Брестъ-Литовска до Владиміра. Всѣ пути представляютъ почти безпрерывныя дефиле; въ осеннее и весеннее время, а также при сильныхъ дождяхъ они едва проходимы (91). Сообщенія между селеніями весьма затруднительны. 3. Въ *южномъ раіонѣ* производительность богатая, поверхность холмистая, лѣса образуютъ небольшія рощи; скота много. Судоходства по рѣкамъ нѣтъ; селенія часты и обширны. Народонаселеніе значительно и состоитъ изъ польскаго дворянства, евреевъ и крестьянъ, русскихъ по происхожденію, но, вслѣдствіе продолжительнаго подчиненія Польшѣ, частью окатоличившихся, частью принявшихъ унію и усвоившихъ польскіе обычаи. Главный продольный путь: изъ Кіева на Житоміръ, Владиміръ и

Устилугъ; поперечныхъ путей множество; сообщенія вообще хороши; городовъ много. Изъ этого обзора можно придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) такъ какъ дворянство описанной страны состояло изъ поляковъ и вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ имѣло огромное вліяніе на прочее населеніе, бывшее прежде въ подданствѣ Польшѣ и отчасти сроднившееся съ нею, то Царство могло разсчитывать, что, при благопріятномъ ходѣ войны, вся западная полоса присоединится къ нему; для воспрепятствованія этому, какъ будетъ видно ниже, намъ приходилось занимать описанный театръ значительнымъ числомъ войскъ; 2) наши главныя силы, по первоначальной дислокаціи, могли удобно сосредоточиваться для наступательныхъ дѣйствій въ сѣверномъ раіонѣ, но, вслѣдствіе бѣдности страны, дурныхъ путей и недостатка перевозочныхъ средствъ, устройство тамъ базиса было весьма затруднительно; 3) при возстаніи Литвы, Волыни и Подоліи, шайки инсургентовъ могли удобно образовываться въ Полѣсьи, дѣйствовать противъ тыла русскихъ войскъ, вторгнувшихся въ Царство, и разорять базисъ ихъ дѣйствій.

Царство Польское, лежитъ между 35°,21′ и 42° долготы и 50°,10′—55°,8′ широты; занимая 2.312 кв. географич. миль. Въ административномъ отношеніи оно дѣлилось на 8 воеводствъ: Мазовецкое, Плоцкое, Люблинское, Калишское, Сандомирское, Августовское, Подляхское и Краковское.

Царство Польское по внѣшней фигурѣ представляетъ обширный, почти правильный, четыреугольникъ, простирающійся съ сѣвера на югъ на 300, а съ запада на востокъ на 350 верстъ съ выдающейся на с.-в. частью—Августовскимъ воеводствомъ. Это послѣднее, связанное съ остальной территоріей посредствомъ узкаго перешейка, легко можетъ быть отрѣзано движеніемъ къ Августову, а потому въ оборонительномъ отношеніи никакого значенія не имѣетъ.

Бо̀льшая часть поверхности Царства представляетъ равнину. Возвышенности находятся только въ двухъ мѣстахъ: *на сѣверѣ*, чрезъ Августовское воеводство тянется полоса бугристыхъ возвышеній, едва достигающая высшими точками 450 ф. надъ уровнемъ моря; *южная* же часть театра заполнена отраслями Карпатъ и Силезскихъ горъ, образующихъ три возвышенныя плоскости—Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую, средняя высота которыхъ обыкновенно не превышаетъ 900—1.000 ф. Но при этомъ вообще весь театръ весьма пересѣченъ. Огромные лѣса, часто трудно проходимые по густотѣ и болотистой почвѣ, болѣе или менѣе обширныя болотистыя пространства, множество рѣкъ и ручьевъ, часто съ широкими болотистыми долинами—все это можетъ представить не только препятствія, но нерѣдко серьезныя преграды, способныя затруднить движеніе и дѣйствія значительныхъ массъ. Еще болѣе возрастаютъ затрудненія въ мокрое, ненастное время, особенно *весною*, когда рѣки переполняются водою, затопляютъ окрестныя мѣстности, почва растворяется и, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, вслѣдъ за таяніемъ снѣга, всякія передвиженія становятся почти невозможными. Напротивъ, *зимою* рѣки и болота замерзаютъ и дѣлаются удобопроходимыми, а потому въ это время года военныя дѣйствія могли бы достигнуть значительной степени независимости, если бы только не крайнее непостоянство зимы. Часто среди зимы вдругъ наступаетъ сильная и продолжительная оттепель, которая, сгоняя снѣгъ съ полей, разгрязняя дороги, ослабляя ледъ на рѣкахъ, а иногда даже приводя къ весьма раннему вскрытію рѣкъ, можетъ совершенно неожиданно разрушить всѣ предположенія и разсчеты и поставить наступающаго въ опасное положеніе (какъ это и случилось въ первые же дни кампаніи). Изъ остальныхъ временъ года самымъ сухимъ, а слѣдовательно и наиболѣе благопріятнымъ для операцій, является *осень*, тогда какъ *лѣто* обыкновенно составляетъ время наиболѣе дождливое въ году.

Рѣкою Вислою Царство дѣлится на двѣ почти равныя части, по 4 воеводства въ каждой, а притоками Вислы—на нѣсколько раіоновъ.

Висла беретъ начало въ Зап. Бескидахъ Австріи и на всемъ участкѣ своего теченія въ предѣлахъ театра представляетъ весьма серьезную преграду. *Ширина* ея до устья Вепржа колеблется отъ 100 до 200 саж., до устья Буга—до 350 саж., а далѣе до прусской границы—отъ 200 до 400 и болѣе саж. *Глубина* рѣки при обыкновенномъ уровнѣ—4—20 ф., а въ половодье доходитъ до 22—27 футъ. *Долина* ея, шириною въ среднемъ отъ 3—5 верстъ, съуживается у Казимержа до 1 версты, а между устьями Вепржа и Буга расширяется мѣстами до 10 и болѣе верстъ. Берега преимущественно лѣсисты; командованіе ихъ до устья Нарево-Буга измѣнчиво, а ниже, почти на всемъ протяженіи до прусской границы, принадлежитъ правому берегу. Обладая, такимъ образомъ, весьма значительными размѣрами, Висла, сверхъ того, отличается еще крайнимъ непостоянствомъ своихъ свойствъ. Теченіе Вислы весьма капризно и измѣнчиво. Послѣ каждаго половодья или сильныхъ дождей Висла измѣняетъ свой фарватеръ; неожиданно образуются песчаные наносы или провалы, вслѣдствіе чего постоянныхъ бродовъ не имѣется, а всѣ разсчеты по постройкѣ моста могутъ оказаться никуда негодными. Скорость теченія также подвержена рѣзкимъ измѣненіямъ, иногда даже въ продолженіе самаго короткаго времени; обыкновенно она составляетъ около 4 ф. въ секунду, а при половодьи доходитъ до 9 ф. Наконецъ, на устройство переправъ черезъ Вислу вліяетъ и непостоянство ея уровня. Висла нѣсколько разъ въ году подвержена разливамъ (отъ весенняго и осенняго половодья и таянія снѣговъ въ Карпатахъ), притомъ разновременнымъ и не всегда одинаковой продолжительности. Наиболѣе продолжительны весенніе разливы, обыкновенно слѣдующіе тотчасъ же за вскрытіемъ рѣки (большею частью въ первой половинѣ марта), когда начинается опасный ледоходъ, вода быстро прибываетъ, выступаетъ изъ береговъ, затопляя долину и возможность переправы прекращается недѣли на двѣ, а иногда и болѣе. Отъ таянія снѣговъ на вершинахъ Карпатъ бываютъ еще лѣтнія разлитія, время наступленія которыхъ въ точности опредѣлить невозможно. Обыкновенно они случаются: свянтоянскія—около половины іюня и якубскія — около половины іюля. Зимою Висла замерзаетъ и въ среднемъ находится подъ льдомъ около $2—2^1/_2$ мѣсяцевъ (отъ конца декабря до начала марта). Хотя въ это время переходъ черезъ нее и не могъ бы представить затрудненій, но, во-первыхъ, время ея замерзанія и вскрытія подвержено сильнымъ колебаніямъ (въ нынѣшнемъ столѣтіи рѣка 4 раза даже не замерзала вовсе), а во-вторыхъ, часто наступающія среди зимы оттепели иногда настолько ослабляютъ ледъ на рѣкѣ, что дѣлаютъ переправу ненадежной.

Въ предѣлахъ Царства на Вислѣ къ началу кампаніи имѣлось два укрѣпленныхъ пункта: 1) *Варшава* *)—политическій, административный и торговый центръ Царства Польскаго и важнѣйшій предметъ дѣйствій на всемъ театрѣ, въ настоящемъ случаѣ пріобрѣтавшій къ тому-же особенное значеніе, какъ средоточіе и очагъ революціи, и 2) крѣпость *Модлинъ* **) при устьѣ Буго-Нарева. Оба эти пункта имѣли огромную важ-

---

*) Въ началѣ укрѣпленія состояли только изъ Пражскаго тетъ-де-пона.

**) Цитадель и главная крѣпость были расположены на правомъ крутомъ берегу Вислы. Цитадель соединялась мостами съ предмостными укрѣпленіями, устроенными на лѣвомъ берегу Вислы и на лѣвомъ—выше впаденія Буго-Нарева. Цитадель съ бастіонными фронтами и каменными одеждами, крѣпость тоже съ бастіонами и равелинами, но безъ каменныхъ одеждъ; предмостное укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Вислы—контръ-гардъ, а на правомъ реданъ съ редюитомъ.

ность потому, что, обезпечивая за поляками переправу черезъ рѣку, они не только облегчали имъ наблюденіе за нашими дѣйствіями, но и способствовали быстрому перенесенію наступательныхъ операцій на противоположный берегъ. Благодаря этому, Висла, прикрывая поляковъ, въ то-же время не прикрывала насъ и, служа для насъ преградой, она не останавливала наступленія противника. Что же касается до устройства переправы съ праваго берега на лѣвый, то наиболѣе удобными въ этомъ отношеніи пунктами могли служить слѣдующіе: 1) выше Варшавы—Раховъ, Юзефовъ, Казимержъ, Модржице, Тырчинъ, Тарнувекъ и Карчевъ (послѣдній, впрочемъ, невыгоденъ вслѣдствіе своей близости отъ Варшавы); 2) ниже Варшавы — Вышгородъ, Плоцкъ и Осѣкъ.

Важнѣйшими правыми притоками Вислы являются: *Наревъ* и *Бугъ*, сливающіеся вмѣстѣ у Сѣроцка и впадающіе въ Вислу у кр. Модлина, и р. *Вепржъ*.

Наревъ беретъ начало въ Гродненской губерніи, отличается вообще весьма извилистымъ теченіемъ и мѣстами дѣлится на нѣсколько рукавовъ. *Ширина* рѣки до устья Бобра не превосходитъ 15—30 саж., далѣе значительно увеличивается и доходитъ до 50—60 саж., а у Остроленки даже до 100 саж., причемъ рѣка становится судоходной. *Глубина* вообще подвержена сильнымъ колебаніямъ и, при обыкновенномъ уровнѣ, мѣняется отъ 4—20 ф. Средняя *скорость теченія*—3 ф. въ секунду. *Дно* преимущественно песчаное, причемъ переносимый съ мѣста на мѣсто песокъ, часто измѣняетъ фарватеръ. До Новогрода Наревъ течетъ, большею частью, въ весьма широкой болотистой долинѣ (шириною отъ 3—10 верстъ) и, несмотря на свои сравнительно еще небольшіе размѣры, представляетъ на всемъ этомъ участкѣ весьма трудно проходимую преграду. На слѣдующемъ участкѣ, отъ Новогрода до Рожана, долина съуживается и дѣлается преимущественно сухою; на самой же рѣкѣ въ лѣтнее время открывается весьма много бродовъ, а потому здѣсь переходъ черезъ Наревъ представляетъ уже сравнительно меньшія затрудненія. Впрочемъ, броды доступны только въ сухое время и, сверхъ того, по причинѣ крайней подвижности песчанаго дна, многіе изъ нихъ часто размываются теченіемъ и непостоянны, вслѣдствіе чего пользованію бродами должна быть каждый разъ предпослана тщательная рекогносцировка. Наконецъ, ниже Рожана долина снова расширяется, образуя между Пржетычемъ и Ржонсникомъ болотистую низменность—*Пульви-Багно*, шириною до 6 верстъ. Бродовъ на этомъ участкѣ почти не имѣется вовсе. Итакъ Наревъ, на большей части своего протяженія, представляетъ серьезную преграду, сила которой особенно возрастаетъ во время весеннихъ разливовъ, когда въ теченіе 6—8 недѣль (отъ начала марта и вплоть до мая) долина бываетъ затоплена водою, поднимающеюся на 7 — 10 ф. выше обыкновеннаго уровня. Наревъ замерзаетъ обыкновенно въ концѣ ноября или началѣ декабря и вскрывается въ концѣ февраля или началѣ марта. Важнѣйшими населенными пунктами на Наревѣ были *Ломжа* и *Остроленка*, съ постоянными мостовыми переправами.

Важнѣйшій притокъ Нарева—р. *Бобръ*, хотя имѣетъ незначительные размѣры, но, благодаря обширнымъ сопровождающимъ его болотамъ, онъ на большей части своего протяженія почти совершенно непроходимъ.

Западный Бугъ беретъ начало въ восточной Галиціи и до Бреста вообще имѣетъ не болѣе 30 саж. ширины. Далѣе ширина его постепенно возрастаетъ и ниже устья Нуреца доходитъ до 70—80 саж. Глубина колеблется отъ $1^1/_2$ до 15 ф.; во многихъ мѣстахъ онъ мелководенъ, переходимъ въ бродъ и число мелей увеличивается по мѣрѣ приближенія къ устью. Если, такимъ образомъ, Бугъ самъ по себѣ и не можетъ представлять сильной преграды, то форсированіе его становится весьма затруднительнымъ, благодаря его болѣе или менѣе широкой болотистой долинѣ, особенно на участкѣ ниже

устья Нуреца, гдѣ ширина лѣсисто-болотистой долины лѣваго берега доходитъ до 8 верстъ. Притомъ долина эта три раза въ годъ (послѣ вскрытія—въ первой половинѣ марта, лѣтомъ и осенью), затопляется во всю ширину и весною остается подъ водою въ теченіе 2—3 недѣль.

У Сероцка Бугъ сливается съ Наревомъ и подъ названіемъ *Нарево-Буга* течетъ на протяженіи 36 верстъ до впаденія въ Вислу у кр. Модлина. На этомъ короткомъ разстояніи размѣры рѣки весьма значительны: ширина составляетъ 80 — 120 и болѣе саж., глубина — 6 — 25 ф. Бродовъ не имѣется вовсе. Правый берегъ высокъ, часто крутъ, подходитъ къ самому руслу и сильно командуетъ надъ лѣвымъ низменнымъ и преимущественно открытымъ берегомъ, что въ значительной степени облегчаетъ устройство переправы съ праваго берега на лѣвый, крайне затрудняя оборону послѣдняго.

Вепржъ беретъ начало недалеко отъ г. Томашева и, имѣя сперва общее направленіе на сѣверъ, отъ устья р. Тысьменицы (у Коцка) круто поворачиваетъ на западъ и такъ течетъ до своего впаденія въ Вислу у Модржице. На первомъ участкѣ размѣры рѣки незначительны и только ниже Коцка она можетъ имѣть значеніе преграды. Хотя и здѣсь ширина ея не болѣе 20—30 саж. и только у самаго устья возрастаетъ до 70 саж., но зато глубина почти нигдѣ не менѣе 5 ф., долина же болотиста и имѣетъ ширину отъ 3—5 верстъ. Командованіе на всемъ этомъ участкѣ принадлежитъ правому берегу.

Разсмотрѣнные важнѣйшіе правые притоки дѣлятъ театръ праваго берега Вислы на четыре раіона: 1) между Вислой и Нарево-Бобромъ; 2) между Наревомъ и Бугомъ; 3) между Бугомъ и Вепржемъ и 4) между Вепржемъ и австрійской границей.

1-й раіонъ. Пространство между Вислой и Нарево-Бобромъ до Нѣмана представляетъ вообще слегка приподнятую равнину и только сѣверная часть Августовскаго воеводства (между Сувалками и Маріамполемъ) прорѣзывается въ направленіи съ востока на западъ полосой бугристыхъ возвышеній (не болѣе 450 ф. высоты надъ уровнемъ моря), отдѣляющихъ отъ себя вѣтвь на югъ, вдоль самой границы, на Кольно и Ломжу. Но равнина эта не вездѣ имѣетъ одинаковый характеръ и рѣкою Оржицемъ дѣлится на двѣ различныя части: восточную—преимущественно лѣсистую, болотистую и пересѣченную, и западную—болѣе открытую. Все пространство къ востоку отъ Оржица, до линіи Сувалки — Сейны — Друскеники почти сплошь заполнено двумя большими лѣсными массами, разъединенными небольшимъ открытымъ промежуткомъ между Писсой и Виссой. Лѣса эти, въ связи съ обширными болотами, простирающимися главнымъ образомъ къ востоку отъ Виссы, весьма трудно проходимы; путей пересѣкающихъ ихъ весьма мало, а потому вся указанная мѣстность является весьма неудобной для движенія и дѣйствія значительныхъ силъ. Еще болѣе увеличиваютъ трудно проходимость этой лѣсисто-болотистой полосы многочисленные правые притоки Бобра и Нарева (Лекъ, Висса, Писса, Шква, Розога и Омулевъ) и лѣвый притокъ Нѣмана-Черноганжа, протекающіе въ широкихъ болотистыхъ равнинахъ, а также встрѣчающіяся въ восточной части озера. Наиболѣе значительные изъ послѣднихъ—оз. *Райгродское*, *Дренство* и *Тайно*—пересѣкаютъ узкій перешеекъ между Бобромъ и границей и, примыкая на югъ къ обширнымъ болотамъ, преграждаютъ пролегающіе здѣсь пути, способствуя ихъ оборонѣ. Менѣе значительная полоса болотистыхъ лѣсовъ тянется къ с.-в. отъ Маріамполя, вдоль лѣваго берега Нѣмана, преграждая собою доступы къ послѣднему. Все же остальное пространство, между Сувалками и Маріамполемъ, преимущественно открыто, но, будучи весьма холмисто и изрѣзано множествомъ озеръ, образующихъ часто весьма узкія и длинныя дефиле, оно вообще представляетъ мѣстность сильно

пересѣченную и удобную для обороны. Важнѣйшимъ операціоннымъ путемъ въ восточной части разсматриваемаго раіона служило Ковенское шоссе (длиною около 400 в.). Въ виду необходимости сосредоточить войска между Гродно и Бѣлостокомъ для прикрытія Литвы, по этому пути направленъ былъ только гренадерскій корпусъ. Пространство къ западу отъ р. Оржица преимущественно открыто, густо населено, воздѣлано и богато средствами. Лѣсовъ мало и они встрѣчаются лишь въ видѣ небольшихъ группъ. Что же касается до протекающихъ здѣсь рѣкъ, то даже наиболѣе значительная изъ нихъ—*Вкра* (притокъ Нарево-Буга) можетъ представить серьезное препятствіе только во время половодья. Но движеніе въ этомъ направленіи для насъ представляло опасность, вслѣдствіе фланговаго положенія кр. Модлина, и возможно было лишь при томъ условіи, если бы мы отказались отъ прежней базы и не дорожили сообщеніями (что и было во вторую половину кампаніи).

2-й раіонъ — между Наревомъ и Бугомъ также представляетъ равнину, прорѣзанную только по срединѣ грядою песчаныхъ бугристыхъ возвышеній. Бугры эти, подъ именемъ *Червоннаго Бора*, тянутся отъ Ломжи на югъ до Шумова (на дорогѣ изъ Замброва въ Островъ), отсюда принимаютъ юго-западное направленіе и, значительно понижаясь, доходятъ до Острова. Характеръ равнины различенъ въ восточной и западной ея части. Весь уголь, образуемый сліяніемъ Нарева съ Бугомъ, до линіи Рожанъ—Островъ—Брокъ, заполненъ обширными лѣсами, вслѣдствіе чего пролегающія здѣсь дороги представляютъ длинныя дефиле; страна слабо населена, мало обработана, и вообще неудобна для операцій большихъ массъ. Напротивъ, восточная часть преимущественно открыта, болѣе населена, изобилуетъ путями и слѣдовательно вполнѣ благопріятствуетъ военнымъ дѣйствіямъ даже въ обширныхъ размѣрахъ. Протекающія здѣсь рѣки невелики, но имѣютъ часто болотистыя долины, а потому нѣкоторыя образуютъ на пересѣкающихъ ихъ путяхъ удобныя оборонительныя позиціи. Сюда относятся: притоки Буга—*Нурецъ* и *Брокъ* и притоки Нарева—*Слина, Струга-Гацька, Ружъ* и *Оржъ*. Черезъ этотъ раіонъ проходилъ кратчайшій операціонный путь къ Варшавѣ отъ Бѣлостока (у котораго и сосредоточивалась наша армія), а именно дорога черезъ Замбровъ, Островъ, Вышковъ и Радзыминъ. Но, двигаясь въ этомъ направленіи, арміи нашей приходилось бы втянуться въ обширные лѣса къ западу отъ Острова, а затѣмъ переправляться черезъ Бугъ всего только въ двухъ переходахъ отъ Варшавы. Только зимою, во время морозовъ, когда Бугъ покрытъ льдомъ, переправа черезъ него не могла представить затрудненій и послѣднее изъ указанныхъ неудобствъ отпадало. Важнѣйшими узлами путей въ этомъ раіонѣ, кромѣ Ломжи и Остроленки, были: *Замбровъ*, гдѣ сходились дороги изъ Бѣлостока, Ломжи, Остроленки, Вышкова, Брока и Нура, а затѣмъ также—*Чижевъ* и *Островъ*.

3-й раіонъ. Пространство между Бугомъ и Вепржемъ, имѣя характеръ равнинный, преимущественно лѣсисто, мѣстами болотисто, прорѣзывается многими рѣками, хотя небольшими, но текущими въ болотистыхъ долинахъ, и вообще представляетъ мѣстность довольно закрытую и пересѣченную. Въ сѣверо-западной части лѣса широкой полосой сопровождаютъ теченіе р.р. Вислы и Буга и заполняютъ почти сплошною массою весь уголъ между этими рѣками, приблизительно до линіи Гарволинъ — Калушинъ — Брокъ. Вся юго-восточная часть раіона не только лѣсиста, но и болотиста, пролегающіе здѣсь пути большею частью плохаго качества, а потому передвиженіе войскъ и тяжестей можетъ встрѣтить значительныя затрудненія. Наконецъ, средняя часть сравнительно наиболѣе открыта и удобопроходима. Изъ рѣкъ наибольшее значеніе имѣетъ *Ливецъ*, который, направляясь на сѣверо-западъ, пересѣкаетъ кратчайшіе пути отъ

Бреста, Нура и Брока къ Варшавѣ и, благодаря своей болотистой долинѣ, представляетъ довольно серьезное препятствіе для форсированія, особенно во время половодья. Такими же болотистыми свойствами отличаются и притоки Ливца—*Мухавецъ* и *Костржинъ*, пересѣкающіе Брестское шоссе и образующіе на немъ выгодныя оборонительныя позиціи у Игане и Ягодне. Населеніе раіона довольно значительно, но размѣщено въ мелкихъ поселкахъ, вслѣдствіе чего расквартированіе войскъ неудобно. Что же касается до средствъ, то страна особенно богата скотомъ и можетъ обезпечить дѣйствующую здѣсь армію мѣстнымъ мясомъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. По обилію путей, особенно въ средней и западной части, раіонъ находится въ весьма выгодныхъ условіяхъ, но, не смотря на это, представляя мѣстность пересѣченную, онъ не можетъ быть признанъ удобнымъ для веденія наступательныхъ операцій и болѣе способствуетъ постепенной и упорной оборонѣ. Здѣсь пролегаетъ кратчайшій изъ всѣхъ операціонныхъ путей къ Варшавѣ—Брестское шоссе (длиною въ 180 верстъ). Но такъ какъ армія наша сосредоточивалась у Бѣлостока, то для того, чтобы воспользоваться этимъ путемъ, приходилось бы предварительно совершить восьмидневный фланговый маршъ къ Бресту. Выгоды наступленія по этому пути заключались: 1) въ наименьшей длинѣ операціонной линіи и 2) въ томъ, что не приходилось переправляться въ виду непріятеля черезъ такія рѣки, какъ Бугъ и Наревъ. Важнѣйшими же препятствіями на немъ служили болотистыя долины р.р. Мухавца и Костржина, а затѣмъ сплошные лѣса между Калушиномъ и Прагой, обращающіе его въ почти непрерывное 45-ти верстное дефиле. Лѣса эти, лишая насъ преимуществъ превосходства силъ, особенно въ кавалеріи, и давая возможность полякамъ оказывать сопротивленіе на каждомъ шагу, могли въ значительной мѣрѣ стѣснить наши наступательныя дѣйствія. Параллельно Брестскому шоссе черезъ эту лѣсную площадь проходили еще дороги отъ Сѣдльце или Венгрова черезъ Станиславовъ и Окуневъ и промежуточная—отъ Калушина, которая соединялась съ первой и, вмѣстѣ съ Брестскимъ шоссе, выходила, не доходя корчмы Вавра, на Гроховское поле.

4-й раіонъ. Пространство къ югу отъ Вепржа и линіи Ленчна-Холмъ занято *Люблинскою возвышенностью*, составляющею продолженіе Карпатскихъ отраслей. Люблинскіе горы представляютъ двѣ главныя горныя цѣпи, направляющіяся отъ общаго ихъ узла, у г. Янова, черезъ Красноставъ къ Устилугу и черезъ Щебрешинъ, мимо Томашова, къ Лащуву и раздѣленныя между собою широкой продольной долиной. Горы эти вообще не высоки (въ среднемъ не выше 900—1000 ф. надъ уровнемъ моря), но, будучи мѣстами круты и обрывисты, прорѣзанныя оврагами и болотистыми долинами многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, онѣ придаютъ всей юго-восточной части раіона характеръ гористый и пересѣченный. Сѣверо-западная часть плоскости менѣе возвышена и гористымъ характеромъ отличается только хребетъ, направляющійся отъ Люблина, по обонмъ берегамъ р. Быстры, къ Казимержу. Еще болѣе увеличиваютъ пересѣченность мѣстности множество лѣсовъ, которые отдѣльными группами разбросаны по всему раіону, а, въ видѣ сплошной полосы, тянутся вдоль австрійской границы отъ Завихоста до Томашова; наконецъ—многочисленныя рѣки, хотя и незначительныя, но преимущественно съ болотистыми долинами. Путей сообщенія имѣется достаточно, но, вслѣдствіе растворимости почвы, дороги могутъ считаться удобопроходимыми только въ сухое время, причемъ частые подъемы и спуски также немало затрудняютъ движеніе. Представляя, такимъ образомъ, мѣстность частью гористую, вообще лѣсистую и пересѣченную, раіонъ этотъ довольно густо населенъ и богатъ средствами. Здѣсь поляки имѣли опорный пунктъ—небольшую крѣпость *Замостье*. По удаленности отъ главнаго театра дѣйствій, стра-

тегическое значеніе ея было маловажно; но она служила весьма удобнымъ этапомъ и сборнымъ пунктомъ для формированія народныхъ ополченій изъ австрійскихъ выходцевъ и временнымъ пріютомъ для укрывавшихся въ нее отрядовъ. Операціонною линіею въ этомъ раіонѣ могло служить шоссе отъ Владиміра Волынскаго на Устилугъ, Люблинъ, Пулавы и Варшаву (300 верстъ). Неудобства ея: 1) длина; 2) принявъ ее, мы оставляли бы Литву открытою; 3) войска наши сосредоточивались на сѣверѣ, а потому пришлось бы совершить продожительный фланговый маршъ; 4) на флангѣ ея находилась крѣпость.

Изъ этого обзора видно, что четыре операціонныя линіи — Ковенское шоссе *), Бѣлостокскій путь, Брестское и Люблинское шоссе—сходились въ Варшавѣ, т. е. вели къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣйствій вообще (непріятельская армія или столица). Главнѣйшими изъ этихъ операціонныхъ путей, по условіямъ обстановки, были Бѣлостокскій и Брестскій, прочіе два—вспомогательные.

Театръ лѣваго берега Вислы дѣлится важнѣйшимъ лѣвымъ притокомъ послѣдней—р. Пилицей на два раіона, рѣзко различающихся по своему характеру.

1. *Раіонъ къ сѣверу отъ Пилицы*, представляя мѣстность ровную и преимущественно открытую, густо населенъ, довольно богатъ всѣми средствами, необходимыми для арміи, обладаетъ весьма развитою сѣтью путей и вообще вполнѣ удобенъ для движенія и дѣйствія самыхъ значительныхъ массъ. Лѣсовъ сравнительно немного, причемъ сплошные лѣса тянутся только вдоль лѣваго берега р. Вислы, между Варшавой и устьемъ Бзуры (образуя здѣсь лѣсисто-болотистое пространство, шириною до 10—17 верстъ), и между Гомбиномъ и Влоцлавскомъ. Напротивъ, рѣками раіонъ весьма богатъ, но онѣ большею частью (въ томъ числѣ и наиболѣе значительныя изъ нихъ—*Варта* и *Пилица*) протекаютъ въ сторонѣ отъ путей, ведущихъ къ Варшавѣ вдоль лѣваго берега Вислы, а потому въ данномъ случаѣ не могли имѣть значенія, и единственную серьезную преграду при наступленіи нашей арміи въ этомъ направленіи могла представить *р. Бзура*. Бзура беретъ начало недалеко отъ г. Лодзи, до Ленчицы направллется на сѣверъ, отсюда до Ловича на востокъ, а затѣмъ на сѣверо-востокъ и сѣверъ, до впаденія въ Вислу противъ Вышгорода. На послѣднемъ участкѣ, ниже Ловича, Бзура пересѣкаетъ всѣ кратчайшіе пути отъ переправъ на нижней Вислѣ къ Варшавѣ и, протекая на большей части своего протяженія въ широкой болотистой долинѣ, она на этомъ участкѣ составляетъ довольно хорошую оборонительную линію съ весьма сильной позиціей въ центрѣ у Сохачева. Позиція эта, прикрытая съ фланговъ притоками Бзуры—*Писсой* и *Утратой*, можетъ быть однако обойдена движеніемъ черезъ Ловичъ на Болимовъ и далѣе на Блоне. Хотя указанный обходный путь и пересѣкается многочисленными правыми притоками Бзуры (Скерневкой, Равкой и др.), но эти послѣдніе, по своимъ незначительнымъ размѣрамъ, не могутъ служить серьезными препятствіями. Изъ другихъ протекающихъ здѣсь лѣвыхъ притоковъ Вислы нѣкоторое значеніе имѣютъ *Скрва* и *Згловіончка*, которыя текутъ въ болотистыхъ долинахъ и образуютъ на путяхъ изъ Торна въ Варшаву довольно выгодныя оборонительныя позиціи. Важнѣйшимъ операціоннымъ путемъ, для наступленія

*) Съ 1815 г. были сооружены слѣдующіе шоссейные пути: 1) Ковенскій отъ Варшавы, 2) Бѣлостокскій отъ Модлина до Златаріи, 3) Закрочимскій отъ Варшавы (не оконченъ къ 1830 г.), 4) Калишскій отъ Варшавы, 5) Познанскій отъ Костельца до Слупцы, 6) Фабричный отъ Ловича до Калиша, 7) Краковскій отъ Варшавы до Михаловица, 8) Люблинско—Радомскій, 9) Новоалександровскій отъ Варшавы; 10) Устилугскій отъ Милосны, 11) Брестскій отъ Варшавы и, наконецъ, 12) пригородные варшавскіе пути.

отъ переправъ на нижней Вислѣ къ Варшавѣ, могла служить дорога черезъ Нешаву, Брестъ-Куявскъ, Гостынинъ, Гомбинъ, Сохачевъ и Блоне. Путь этотъ пересѣкается р.р. Зголвіончкою и Скрвою, а главное—приводитъ къ форсированію Бзуры у Сохачева; поэтому выгоднѣе было свернуть съ него у д. Санники на Ловичъ, Болимовъ и Блоне.

2. *Раіонъ къ югу отъ Пилицы* заполненъ Сандомирской и Краковской возвышенными плоскостями. *Сандомирская* горная система, занимая пространство къ востоку отъ р. Ниды и имѣя узломъ своимъ высоту около Кельцъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ кряжей, изъ которыхъ важнѣйшій—*Лысогурскій хребетъ* (проходитъ нѣсколько сѣвернѣе Кельцъ) достигаетъ 1.700 ф. средней высоты надъ уровнемъ моря. Кряжи эти, протягиваясь преимущественно въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, постепенно понижаясь доходятъ до Вислы и Пилицы и теряются въ плоской возвышенности, южная оконечность которой имѣетъ весьма овражистый и пересѣченный характеръ; мѣстность же къ сѣверо-востоку отъ линіи Юзефовъ—Ильжа - Новемясто вообще болѣе ровная. *Краковская* возвышенность, занимая площадь къ западу отъ Ниды, имѣетъ среднюю высоту около 960 ф. По ней тянется гряда весьма скалистыхъ высотъ, которыя входятъ въ предѣлы театра со стороны Кракова и, сопровождая оба берега р. Пронднка, направляются къ Ченстохову, заполняя своими развѣтвленіями всю южную часть раіона. Указанныя возвышенности и горныя цѣпи, хотя и не отличаются особенной высотой, но имѣютъ преимущественно весьма крутые скаты, изрѣзаны глубокими лощинами, оврагами и болотистыми долинами многочисленныхъ протекающихъ здѣсь рѣкъ, наконецъ покрыты огромными лѣсами, а потому большею частью труднопроходимы. Изъ лѣсовъ особенно обширны *Сандомирскіе*, которые почти сплошною полосою тянутся отъ Пжедборжа (на Пилицѣ) до Завихоста (на Вислѣ). Менѣе значительны *Радомскіе* и *Козеницкіе лѣса*. Такимъ образомъ раіонъ этотъ, представляя мѣстность гористую, весьма лѣсистую и вообще сильно пересѣченную, является весьма удобнымъ для обороны и для веденія партизанской войны и могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для формирующихся бандъ и народныхъ ополченій. Здѣсь же имѣлось въ то время много фабрикъ и заводовъ, изготовлявшихъ всякаго рода оружіе (92).

Вышеизложенное приводитъ къ выводу, что армія, желающая оборонять Царство Польское со стороны Россіи, можетъ имѣть слѣдующія оборонительныя линіи:

1. По Бугу отъ Устилуга до Нура и по верхнему теченію Нарева до Ломжи; оборона сѣверной части Августовскаго воеводства невозможна, такъ какъ, во-первыхъ, пришлось-бы слишкомъ растянуть лѣвое крыло арміи, а во-вторыхъ, движеніемъ непріятеля отъ Гродно на Райгородъ или отъ Бѣлостока на Ломжу, упомянутая часть воеводства совершенно отрѣзывалась отъ прочей Польши. Но и въ указанныхъ предѣлахъ разсматриваемая оборонительная линія невыгодна, такъ какъ занимающія ея войска все таки будутъ слишкомъ растянуты и раздѣлены между собою Бугомъ, такъ что при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ непріятеля противъ одного крыла—другое подвергается быть взятымъ въ тылъ и отрѣзаннымъ.

2. Слѣдующая оборонительная линія идетъ по нижнимъ теченіямъ: Нарева—отъ Ломжи, Буга—отъ впаденія въ него Нарева и по среднему теченію Вислы до границы Галиціи. Эта линія весьма сильна и представляетъ большія выгоды, хотя огромный недостатокъ ея заключается въ томъ, что, оборонясь на ней, приходится предоставить непріятелю значительную часть Царства Польскаго. Рѣки, ее образующія, непроходимы въ бродъ ни въ какое время года, а наведеніе черезъ нихъ мостовъ сопряжено съ большими трудностями. При занятіи этой линіи подвозъ продовольственныхъ

запассвъ не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Владѣя Модлиномъ, Варшавою и Сѣроцкомъ, при условіи, что эти пункты должнымъ образомъ укрѣплены и притомъ рѣки не покрыты льдомъ, обороняющаяся армія можетъ дѣйствовать противъ любаго фронта. Такъ, если непріятель наступаетъ на сѣверную оконечность линіи, то его можно удержать на Наревѣ и въ то же время черезъ Сѣроцкъ дѣйствовать на его тылъ; если онъ всетаки перейдетъ Наревъ, то центръ и столица страны—Варшава—будетъ отлично прикрыта Модлиномъ, котораго превосходное стратегическое положеніе даетъ возможность дѣйствовать на обоихъ берегахъ Вислы и Буга. Если непріятель направитъ главныя свои силы на правый флангъ оборонительной линіи, то это заставитъ его переводить войска, собранныя въ сѣверной части западной полосы Россіи, продолжительнымъ фланговымъ маршемъ, что предоставитъ обороняющемуся выгодные случаи къ нападенію, выдвигаясь по Брестскому шоссе. Послѣ вторженія въ Люблинское воеводство, когда наступающій обратится къ сѣверу (для сближенія съ своимъ базисомъ) можно будетъ его встрѣтить на р. Вепржѣ; а если онъ двинется прямо къ верхней Вислѣ, то, удерживая его одною частью войскъ на переправѣ, другою можно открыть дѣйствія на его фланги и въ тылу. Наконецъ, если непріятель будетъ наступать съ фронта, то его можно удерживать первоначально на болотистомъ р. Ливцѣ, потомъ въ лѣсныхъ дефиле, черезъ которыя проходятъ: шоссе и старая варшавская дорога, а, наконецъ, удалиться подъ прикрытіе Вислы, и тогда непріятель или долженъ будетъ рѣшиться на въ высшей степени рискованное предпріятіе—форсировку переправы въ виду Варшавы, или-же прибѣгнуть къ трудному маневрированію, чтобы переправиться выше или ниже Варшавы.

3. Висла представляетъ также превосходную оборонительную линію. Наступающая армія можетъ переправиться черезъ рѣку выше Варшавы или ниже Модлина; послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда наступающій или овладѣетъ Модлиномъ, или-же пожертвуетъ на время своими сообщеніями, потому что войска, находящіяся въ Модлинѣ, откроютъ свои дѣйствія ему въ тылъ при движеніи его къ нижней Вислѣ. Овладѣніе Модлиномъ, во всякомъ случаѣ, потребуетъ много усилій, потерь и времени, а пренебречь сообщеніями возможно лишь въ случаѣ дружественныхъ отношеній Пруссіи къ наступающей арміи, которой предоставитъ устроить въ своихъ владѣніяхъ основаніе дѣйствій или базисъ.

4. Если непріятель успѣетъ совершить переправу черезъ верхнюю или нижнюю Вислу, тогда оборонительными линіями могутъ служить, соотвѣтственно, р. Пилица и р. Бзура. Первая довольно широка и представляетъ по лѣвому берегу довольно хорошія оборонительныя позиціи, а Бзура съ ея болотистымъ притокомъ Равкою—еще болѣе сильна; обойти эту линію можно только на Раву, притомъ двигаясь чрезъ болота и лѣса по весьма дурнымъ дорогамъ.

5. Наконецъ, Варшава въ связи съ Модлиномъ даютъ обороняющемуся возможность дѣйствовать на обоихъ берегахъ рѣки и переходить въ наступленіе (въ связи съ партизанскими дѣйствіями въ тылу) противъ непріятеля, значительно удаленнаго отъ своего базиса. Съ паденіемъ и этихъ пунктовъ—конецъ войнѣ.

Нельзя не обратить, въ заключеніе, вниманія на слѣдующія особыя стратегическія условія театра войны. Верстахъ въ 40 отъ Брестъ-Литовска начинаются непроходимыя болота, которыя тянутся на 350—400 верстъ до самого Днѣпра и пресѣкаютъ сообщенія между Волынью и Литвой. Въ то время армія не могла рискнуть втянуться въ эти пространства, не просыхающія лѣтомъ, не замерзающія вполнѣ даже въ суровыя зимы. Сообщенія между Волынью и Литвой обходятъ кружно это пространство, причемъ одинъ путь идетъ отъ Луцка на Брестъ-Литовскъ, гдѣ развѣтвляется въ двухъ направленіяхъ: а) къ Бѣлостоку и б) черезъ Слонимъ къ Минску; другой главный путь идетъ вдоль Днѣпра черезъ Мозырь и Бобруйскъ къ Минску. Есть еще одинъ второстепенный путь, идущій отъ Луцка черезъ Пинскъ къ Слониму, гдѣ онъ соединяется съ первымъ; но это плохое сообщеніе. Такимъ образомъ для арміи имѣются только два пути: черезъ Брестъ и Мозырь и слѣдовательно два важныхъ операц. пункта: Брестъ и Мозырь; третій—Минскъ, на соединеніи этихъ путей; но Мозырь имѣетъ значеніе только при дальнихъ операціяхъ. Брестъ-Литовскъ расположенъ на Бугѣ въ 180 верстахъ отъ Варшавы. При занятіи его поляками Литовскій корпусъ разрѣзывался на 2 части, изъ которыхъ одна въ Литвѣ, другая на Волыни. Мало того, всѣ войска, двигающіяся къ Польшѣ южнѣе Бреста, отрѣзываются отъ тѣхъ, которыя сосредоточиваются къ сѣверу отъ него, и могутъ связаться только черезъ Мозырь и Бобруйскъ, что, конечно, ведетъ къ сильному замедленію дѣйствій.

Операціонные планы обѣихъ сторонъ.

Около 20 декабря поляки имѣли вполнѣ организованными до 35.000 пѣхоты и 6.000 кавалеріи при 120 орудіяхъ. Кромѣ того, формировалось 40.000 пѣхоты, 10.000 кавалеріи при 23 орудіяхъ; изъ этого числа можно было немедленно употребить въ дѣло до 10.000 пѣхоты и 3.000 кавалеріи. Слѣдовательно, въ случаѣ надобности поляки могли сосредоточить вполнѣ готовыхъ войскъ *50—55 тысячъ*. Къ этому же времени съ нашей стороны, какъ упомянуто выше, баронъ Розенъ могъ сосредоточить *въ двухъ пунктахъ* (Брестѣ и Бѣлостокѣ), *удаленныхъ одинъ отъ другаго на 120 верстъ*, всего 39 т. чел., а съ гв. отрядомъ около 46 т.

Диктатору Хлопицкому было предложено нѣсколько плановъ военныхъ дѣйствій. Изъ числа ихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о планѣ Хржановскаго, представленномъ въ началѣ декабря; онъ могъ быть приведенъ въ исполненіе въ двадцатыхъ числахъ декабря, т. е. въ то время, когда у поляковъ было въ готовности болѣе 50 т. войскъ. Хржановскій предлагалъ сосредоточить армію между Бугомъ и Наревомъ, устремиться на Бѣлостокъ, разбить Литовскій корпусъ, сгруппированный въ то время въ двухъ массахъ, удаленныхъ еще въ то время на 120 в. одна отъ другой, и заключавшій въ себѣ значительною долею элементъ весьма сомнительный политической благонадежности (поляки, литовцы). Затѣмъ Хржановскій полагалъ захватить Вильну, воспользоваться всѣми средствами края и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или дѣйствовать противъ подходившихъ по *частямъ* 1-го и гренадерскаго корпусовъ, или, при неблагопріятныхъ условіяхъ, отойти къ Вѣлицѣ, а оттуда чрезъ Слонимъ къ Бресту. Позиція у Брестъ-Литовска представляла ту выгоду, что прикрывала Варшаву, угрожала войскамъ, наступающимъ изъ Бѣлостока, облегчала подвозъ по Варшавскому шоссе всякаго довольствія и сохраняла за поляками всѣ средства страны. Планъ этотъ указывалъ вполнѣ правильно важныя цѣли дѣйствій: Литовскій корпусъ, Вильну и пр.; былъ строго соображенъ съ обстановкой, а именно съ разбросной этого корпуса, его политическою шаткостью и сочувствіемъ революціи въ Литвѣ, особенно при благопріятномъ для поляковъ ходѣ дѣлъ; соображенія о матеріальныхъ средствахъ тоже правильны: война сразу переносилась за предѣлы Царства, не истощала края и давала возможность воспользоваться средствами Литвы, какъ для набора, такъ и для партизанскихъ дѣйствій; наконецъ, не исключалась возможность перехода къ оборонѣ, при расположеніи на угрожающей позиціи у Брестъ-Литовска (93).

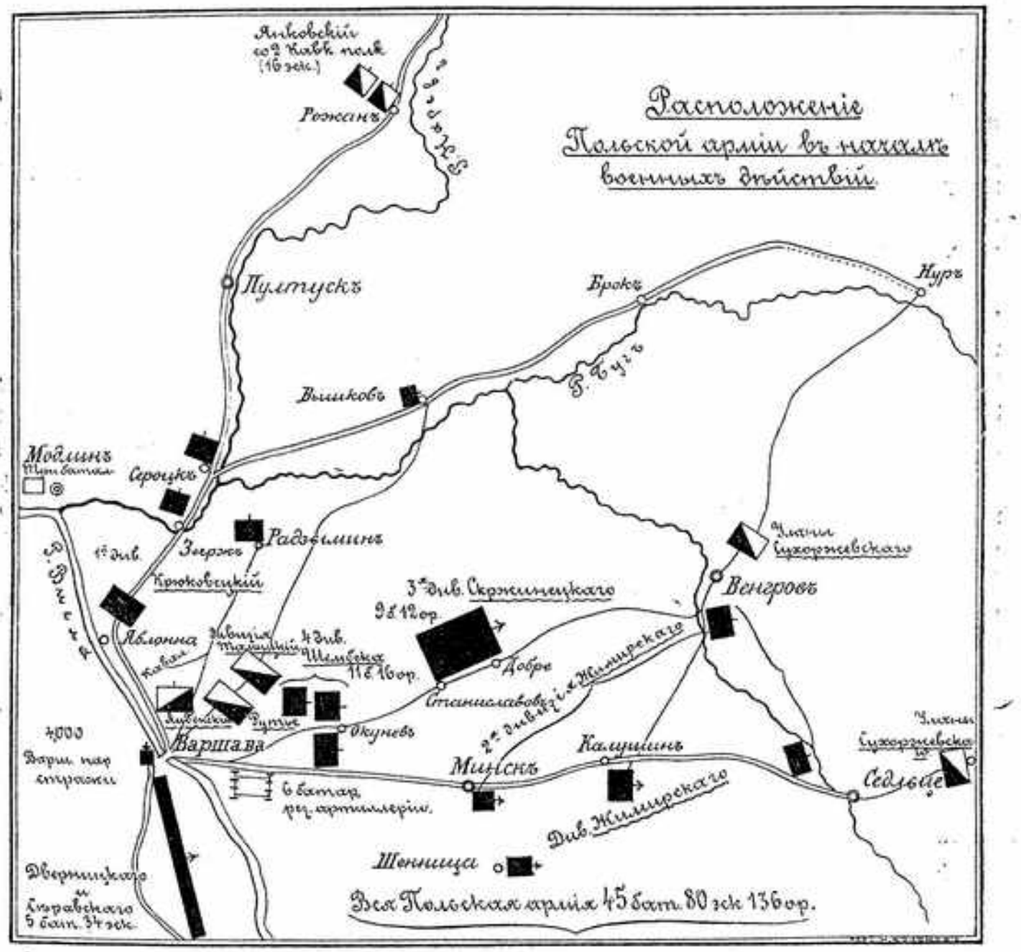
Планъ этотъ отличался смѣлостью и рѣшительностью и требовалъ энергическаго приведенія въ исполненіе, притомъ никакъ не позже двадцатыхъ чиселъ декабря, т. е. когда поляки имѣли предъ нами всѣ выгоды сосредоточенія силъ. Возраженіе противъ этого плана (Смитъ), что 3-й резервный кавалерійскій корпусъ могъ бы дѣйствовать на сообщенія поляковъ, не имѣетъ никакого значенія, если принять во вниманіе числительность польской арміи и сочувствіе ей части населенія даже за предѣлами Царства. Точно также предположеніе, будто-бы наступательный образъ дѣйствій поляковъ вооружилъ бы противъ нихъ всю Западную Европу, какъ противъ зачинщиковъ, лишено тоже основанія: западныя правительства относились или ревниво или враждебно къ политическому могуществу Россіи и потому весьма довольны были бы нашими затрудненіями, а западно-европейское общество несомнѣнно развивало-бы свое сочувствіе къ полякамъ по мѣрѣ ихъ успѣховъ. Диктаторъ отвергъ этотъ планъ, не желая вовсе предпринимать какихъ бы то ни было наступательныхъ операцій *). Послѣ того предложенъ былъ Пронзинскимъ оборонительный планъ дѣйствій, основанный на мнѣніи Наполеона, что тотъ, кто владѣетъ Варшавой, Модлиномъ и Сѣроцкомъ,—владѣетъ всей Польшей, такъ какъ имѣетъ въ своихъ рукавъ переправы на Вислѣ и Наревѣ, пользуясь которыми и прикрываясь, при надобности, рѣками, господствуетъ на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, образуемыхъ этими рѣками въ Польшѣ. Впрочемъ Пронзинскій вовсе не рекомендовалъ пассивной обороны, а предлагалъ лишь выжидать благопріятнаго случая для перехода въ наступленіе; всякая ошибка русской арміи, всякое препятствіе ея операціямъ должны были служить на пользу польской арміи и давать ей возможность одерживать частные успѣхи (93).

Такія соображенія были бы правильны при томъ условіи, если-бы, во-первыхъ, Висла и Наревъ съ Бугомъ представляли дѣйствительныя преграды, чего на самомъ дѣлѣ въ зимнюю кампанію не было; во-вторыхъ, Варшава, Модлинъ и Сѣроцкъ должны были имѣть соотвѣтственныя ихъ значенію укрѣпленія; между тѣмъ Сѣроцкъ былъ обнесенъ старымъ полуразрушеннымъ валомъ; укрѣпленія Варшавы—Праги недостаточно сильны для прикрытія отступленія цѣлой арміи; а укрѣпленія Модлина находились въ запущенномъ состояніи, слѣдовательно, не обезпечены отъ атаки открытою силою; наконецъ, центръ возстанія и предметъ дѣйствій русскихъ—Варшава лежитъ въ вершинѣ остраго угла, и на нее одну могутъ быть направлены всѣ удары, слѣдовательно, все сводилось на простую осаду одного пункта, важнѣйшаго для поляковъ. Упомянутый треугольникъ былъ дѣйствительно важенъ для Наполеона: владѣя этими пунктами, его армія могла укрываться то тою, то другою рѣкою и задерживать противника *до прибытія подкрѣпленій*; а затѣмъ уже переходить въ наступленіе; подкрѣпленія при этомъ составляютъ для обороняющагося непремѣнное условіе, а полякамъ не откуда было ихъ ожидать; важное неудобство этого плана для поляковъ состояло еще въ томъ, что сразу отдавалась въ руки русскихъ половина страны, что значительно уменьшало и безъ того скудныя средства борьбы, а потому онъ могъ быть умѣстнымъ только въ послѣдующій періодъ кампаніи, въ случаѣ потери поляками передовыхъ позицій. Планъ этотъ тоже не былъ принятъ. Хржановскій (96) снова предложилъ планъ, но уже оборонительный. По его мнѣнію, слѣдовало сосредоточить армію на р. Ливцѣ у Венгрова, выславъ небольшіе отряды къ Остроленкѣ и въ Сѣдльце.

*) Нельзя также согласиться съ возраженіями Пронзинскаго противъ этого плана, а именно, что онъ повелъ-бы къ быстрому ослабленію едва созданной арміи, къ разрушенію ея организаціи и проч. Напротивъ, сохраняя средства страны, при успѣхѣ побѣдоносная армія только усиливалась-бы и пріобрѣла прочную нравственную спайку (94).

Еслибы русская армія переправилась черезъ Бугъ, то можно было-бы принять бой на позиціи у р. Ливца, фронтъ которой усиливался болотами, доступными лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; еслибы она двинулась на Варшаву по Бѣлостокскому пути, то поляки угрожали бы ей фланговымъ нападеніемъ. Громадные лѣса, тянущіеся отъ Ливца до Варшавы, заставляли русскихъ двигаться по дефиле и уничтожали наше превосходство въ кавалеріи и артиллеріи, давая преимущество хорошо обученной одиночному бою польской пѣхотѣ; въ случаѣ неудачи можно было отступить на вторую позицію у Грохова. Какъ видно, и этотъ планъ Хржановскаго соотвѣтствовалъ и составу польскихъ войскъ и мѣстности; недостатокъ его заключался въ томъ, что р. Ливецъ представляетъ преграду только во время разливовъ, въ остальное же время года она не имѣла серьезнаго оборонительнаго значенія, а зимою какъ преграда была нулемъ; притомъ позиція эта допускала стратегическій обходъ слѣва на Сѣроцкъ (97).

Послѣ долгихъ споровъ въ собранномъ военномъ совѣтѣ, причемъ главнокомандующій кн. Радзивилъ игралъ совершенно пассивную роль, принятъ наконецъ слѣ-



дующій планъ. Такъ какъ было неизвѣстно, съ которой стороны непріятель будетъ наступать, то рѣшено расположить армію эшелонами по двумъ дорогамъ, ведущимъ къ Варшавѣ—изъ Ковно и изъ Брестъ-Литовска. При наступленіи русскихъ положено

отступать къ центральной позиціи у Грохова и принять тамъ бой. Выгоды этого плана видѣли въ слѣдующемъ: въ данное время года страна не представляла хорошихъ позицій, такъ какъ рѣки и болота замерзли. Удаляясь на значительное разстояніе отъ Варшавы, рисковали быть охваченными значительно превосходными русскими силами и быть отрѣзанными отъ Пражскаго и Модлинскаго мостовъ непріятельскими колоннами, наступавшими на обширномъ пространствѣ отъ Ковно до Устилуга. На Гроховской же позиціи нельзя было быть охваченнымъ; мѣстность не дозволяла Дибичу развернуть всѣхъ его силъ; поляки опирались на обширные источники Варшавы и на Пражскій тетъ-де-понъ (98). Надо однако замѣтить, что позиція поляковъ не соотвѣтствовала числу ихъ войскъ, лѣвый флангъ ея висѣлъ на воздухѣ и въ этомъ направленіи они могли быть охвачены (см. ниже движеніе кн. Шаховскаго), а въ тылу находилась сильная преграда—Висла, сообщеніе черезъ которую производилось по одному мосту. Согласно принятаго плана, польская армія расположилась слѣдующимъ образомъ:

1-я дивизія Круковецкаго, усиленная однимъ волонтернымъ баталіономъ, и *кавал. дивизія Янковскаго* (13 бат., 16 эск., 24 ор.) были расположены на Ковенскомъ шоссе, занимая Радзыминъ, Сѣроцкъ, Яблонну и Зергжъ, а самъ Янковскій съ двумя кавалерійскими полками, въ видѣ авангарда, стоялъ въ Рожанѣ.

2-я пѣх. дивизія Жимирскаго, (12 бат., 28 ор.) стояла на Брестскомъ шоссе въ Калушинѣ, Минскѣ и Шеницѣ, имѣя одинъ полкъ въ Ливѣ, другой въ Ополе для подкрѣпленія *уланской дивизіи Сухоржевскаго* (16 эск.), выдвинутой къ Сѣдльце и Венгрову для охраненія границы.

3-я пѣх. дивизія Скржинецкаго (9 бат. 12 ор.) расположилась у Станиславова и Добре.

4-я пѣх. дивизія Шембека со стрѣлками Кушеля (11 бат. 16 ор.), *резервная артиллерія* (6 батарей) и *три кавалерійскія дивизіи* (Лубенскаго, Томицкаго и Рутье) остались позади, у Окунева и Варшавы.

Общій составъ польской арміи, расположенной по тремъ путямъ, ведущимъ къ Варшавѣ,—45 бат., 80 эск. и 136 ор. Кромѣ названныхъ войскъ, имѣлись еще отдѣльные отряды. Такъ отрядъ между Вислою и Пилицею, въ *5 бат. и 34 эскадрона* (четвертые баталіоны нѣкоторыхъ полковъ, третьи дивизіоны кавалерійскихъ полковъ, часть кракузовъ и т. п.), состоялъ подъ начальствомъ *Сѣравскаго* и *Дверницкаго*. Далѣе *Дзекон-скій* набиралъ въ Радомѣ 11-й и 12-й пѣх. полки. *Козаковскій*, съ егерями изъ лѣсничихъ и конными партіями, наблюдалъ верхнюю Вислу отъ Пулавъ. Въ Модлинѣ и Замостьи имѣлись гарнизоны, изъ четвертыхъ баталіоновъ нѣкоторыхъ полковъ, какъ упомянуто выше. Въ *Варшавской національной гвардіи* считалось 4 т. подъ ружьемъ.

Главная квартира находилась сперва въ Яблонной, а потомъ въ Окуневѣ (99).

По полученіи извѣстія о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Царства, Варшава была объявлена въ осадномъ положеніи; на высотахъ города, командующихъ Прагою, стали строить батареи, а въ городѣ—баррикады, приспособленныя къ пушечной оборонѣ; для занятія городскаго вала (выстроеннаго еще задолго до революціи, для таможенныхъ цѣлей) назначалась національная гвардія и часть новонабранныхъ войскъ.

Въ Петербургѣ узнали о возстаніи 25-го ноября. Немедленно послѣдовали распоряженія, дополненныя и развитыя потомъ Дибичемъ и сводившіяся къ слѣдующему:

6-му Литовскому корпусу барона Розена, какъ ближайшему къ театру войны,—возможно скорѣе сосредоточиться въ Бѣлостокѣ (24-я пѣх. дивизія и Литовская грен. бригада) и въ Брестѣ (25 пѣх. и улан. дивизіи).

1-му корпусу графа Палена 1-го выступать съ квартиръ и двинуться на присоединеніе къ Розену, оставивъ одну дивизію въ Вильнѣ, какъ имѣющей важное политическое и административное значеніе, а также по запасамъ и складамъ провіанта и артиллерійскихъ припасовъ.

3-му резервному кавал. корпусу гр. Витта предписано двинуться прямо на Холмъ, Люблинской губ., въ случаѣ нужды принявъ на себя отрядъ цесаревича.

5-му резервному кав. корпусу бар. Крейца возможно быстрѣе двинуться на присоединеніе къ главной арміи.

Гренадерскому корпусу двинуться двумя колоннами: а) 1-й дивизіи и второй бригадѣ 3-й дивизіи чрезъ Ригу на Ковно; б) 2-й дивизіи чрезъ Вильну на Гродно, а первой и третьей бригадамъ 3-й дивизіи со всею арт. бригадою въ Вильну.

Четыремъ казачьимъ полкамъ, бывшимъ въ сборѣ при Могилевѣ на Днѣстрѣ идти форсированнымъ маршемъ на Холмъ.

Гвардейскій корпусъ долженъ былъ начать свое выступленіе только 26-го декабря и слѣдовать двумя колоннами: а) правая изъ всей гв. пѣхоты на Нарву, Дерптъ, Ригу и Вилькомиръ, б) лѣвая изъ всей гв. кавалеріи чрезъ Псковъ и Якобштадтъ—обѣ первоначально на Вильну.

Изъ *втораго корпуса*, долженствовавшаго занять нѣкоторые пункты въ Литвѣ на смѣну частей гренадерскаго корпуса, заступившихъ въ свою очередь мѣста 1-го корпуса, приказано было: 5-й и 7-й пѣх. дивизіямъ по приведеніи въ готовность, двинуться: первой въ Вильну, второй въ Минскъ, а 6-й пѣх. дивизіи, далѣе другихъ мобилизовавшейся, расположиться въ Минскѣ, Могилевѣ, Борисовѣ и Витебскѣ. 2-я гусарская дивизія этого корпуса двинута отъ Днѣпра и впослѣдствіи должна была расположиться въ Новогрудкѣ, Мирѣ, Ружанахъ и Пружанахъ.

Розенъ былъ облеченъ властью командира отдѣльнаго корпуса на основаніи положенія „объ устройствѣ большой дѣйствующей арміи“. Еще до полученія приказаній изъ Петербурга Розенъ, узнавъ о возстаніи въ Польшѣ, озаботился сосредоточеніемъ своего корпуса. Не рѣшаясь обнажить совершенно отъ войскъ край, могущій тоже волноваться, онъ приказалъ третьимъ (резервнымъ) баталіонамъ полковъ остаться въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ, пунктахъ (Брестъ, Бѣлостокъ, Гродно, Дубно, Владиміръ и Кременецъ), и такимъ образомъ корпусъ собрался безъ этихъ баталіоновъ. Первымъ приказаніемъ Розену предписано было немедленно по сосредоточеніи корпуса двинуться на выручку великаго князя въ Ц. Польское, но онъ не рѣшился исполнить это приказаніе, зная сосредоточенное расположеніе поляковъ и видя изолированность своего корпуса; кромѣ того, онъ получилъ письмо отъ Хлопицкаго, въ которомъ послѣдній выражалъ надежду удержать страну въ повиновеніи верховной власти и потушить возстаніе, но только при условіи, что русскія войска не обнаружатъ намѣренія переступить предѣлы Царства. Палену приказано было вступить въ Бѣлостокскую область чрезъ Августовское воеводство, по дорогѣ обезоруживать жителей и оставлять прокламаціи правительства. Константинъ Павловичъ, присоединясь къ Розену, одобрилъ его намѣреніе не переступать предѣловъ Царства, а Палену приказалъ идти правымъ берегомъ Нѣмана.

1-го декабря главнокомандующимъ назначенъ былъ фельдмаршалъ гр. Дибичъ-Забалканскій, находившійся въ то время въ Берлинѣ. Онъ одобрилъ распоряженія Розена, но приказалъ 3 рез. кав. корпусу не вступать въ Царство, а двигаться къ Брестъ-Литовску; Литовскому корпусу предписано было не начинать наступательныхъ

дѣйствій; если-же поляки вступятъ въ Литву, то принимать бой только съ самыми вѣрными шансами на успѣхъ; въ противномъ-же случаѣ отступать на корпусъ Палена (100).

Съ 17-го на 18-е декабря гр. Дибичъ отправился къ арміи и 29-го декабря прибылъ въ Гродно *).

Ко времени прибытія Дибича въ Гродно (т. е. къ 28 декабря) у насъ было сосредоточено на линіи Гродно — Бѣлостокъ — Брестъ болѣе 56 т. чел. *Къ 20 января* 1831 года эта цифра значительно увеличилась, благодаря безостановочно подходившимъ войскамъ, и силы наши простирались *до 120 батал., 156 эск. 55 сотенъ и 444 ор., или 125.600 чел.*; въ томъ числѣ пѣхоты 97.700 чел. и кавалеріи 27900 чел.

Изъ этого числа *болѣе 11.750 чел.* должно было остаться *на базѣ*, такъ что для *наступательныхъ дѣйствій оставалось 113—114 тыс. чел.* (102 бат., 210 эск. и сотенъ, 336 ор.).

Свѣдѣнія о расположеніи польской арміи были весьма разнорѣчивы, но затѣмъ собранныя данныя въ общихъ чертахъ вѣрно опредѣляли положеніе непріятельскихъ войскъ.

Дибичъ имѣлъ задачею разбить непріятельскую армію и овладѣть Варшавой. Для этого онъ составилъ слѣдующій планъ: сосредоточивъ большую часть арміи между Бѣлостокомъ и Бѣльскомъ, перейти границу 24 и 25 января, съ 1-мъ и 6-мъ пѣхотными и 3-мъ резервнымъ кавал. корпусами, со 2-й гренадерской дивизіей и отрядомъ Цесаревича, между Бугомъ и Наревомъ, имѣя кромѣ того еще нѣсколько колоннъ съ обоихъ фланговъ для демонстраціи и для связи между всѣми частями двигавшейся арміи; при этомъ предполагалось держать главную массу войскъ сосредоточенными. Стянувъ войска между Ломжею и Нуромъ, Дибичъ полагалъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки: а) если непріятель сосредоточитъ свои войска на лѣвомъ бебегу Буга, *эшелонируясь къ Варшавѣ*, то фельдмаршалъ полагалъ перейти на тотъ-же берегъ рѣки, дабы принудить противника возможно скорѣе уйти въ городъ, и въ то же время подготовить при помощи 5-го рез. кавал. корпуса (бар. Крейца) надежную переправу на верхней Вислѣ; б) если поляки останутся въ первоначальномъ расположеніи, то Дибичъ намѣревался отрѣзать войска, стоящія на Наревѣ, и энергически дѣйствовать противъ расположенныхъ на Бугѣ, препятствуя также этимъ непріятелю отрѣзать 5-й рез. кавал. корпусъ; в) если-бы, сверхъ ожиданія, поляки заняли правый берегъ Нарева, то ихъ позиція и положеніе страны должны были указать слѣдовало - ли - бы стараться отбросить непріятельскую армію къ Пруссіи или же, маскируя лѣвый берегъ рѣки, дѣйствовать противъ Варшавы; г) если-же, наконецъ, поляки сосредоточатъ свои силы между Венгровымъ и Сѣдльцемъ по направленію къ Бресту, то, перейдя Бугъ, Дибичъ намѣревался маневрировать правымъ флангомъ, чтобы принудить непріятеля къ рѣшительному дѣлу прежде нежели онъ углубится въ лѣса между Калушиномъ и Варшавой (101). Однимъ словомъ, основная мысль Дибича, которая могла видоизмѣниться

*) Между тѣмъ высланный впередъ генералъ Нейдгартъ составилъ къ 20 декабря предположеніе для расквартированія сосредоточивающихся войскъ такимъ образомъ, чтобы каждая дивизія могла собраться въ 24 часа, а корпусъ въ 48 часовъ; при этомъ войска должны были расположиться слѣдующимъ порядкомъ: 1) 6-й корпусъ въ окрестностяхъ Бѣлостока и влѣво къ Грану и Дрогичину, занимая Брянскъ и Бѣльскъ и имѣя впереди Литовскую уланскую дивизію, а передъ нею казачьи полки по границѣ; 2) Литовская гренадерская бригада и гвардейскій отрядъ великаго князя — за Бѣлостокомъ между Гродекомъ и Свислочью; 3) правѣе 6-го корпуса, между Бѣлостокомъ и Гродно,—1-й корпусъ; 4) 3-й рез. кавал. корпусъ влѣво отъ 6-го корпуса до Брестъ-Литовска.

лишь въ частностяхъ, заключалась въ слѣдующемъ: держать главныя силы сосредоточенными, чтобы разбить непріятеля или на лѣвомъ берегу Буга, или на правомъ Нарева, стараясь сколь возможно отдѣлить ихъ отъ Варшавы; но если это не удастся, то, перейдя верхнюю Вислу, окружить Варшаву и заставить ее, голодомъ или штурмомъ, сдаться на капитуляцію.

Планъ былъ поставленъ въ строгую зависимость отъ обстановки и преслѣдовалъ важныя цѣли (армія, столица), но въ немъ не была принята въ соображеніе возможность перемѣны погоды. Дибичъ полагалъ, что морозы еще продержатся и что Бугъ и Наревъ не представятъ серьезныхъ препятствій при переправѣ. Между тѣмъ русская армія поставлена было въ весьма затруднительное положеніе, втянувшись въ cul-de-sac Буго — Нарева, если-бы рѣки вскрылись или ледъ на нихъ сильно ослабѣлъ, что и случилось впослѣдствіи. Поляки, занявъ переправы на Бугѣ, заставили - бы Дибича отойти назадъ къ Бѣлостоку и оттуда снова начать наступленіе по Брестскому шоссе. Кромѣ того, при такомъ общемъ направленіи операціонной линіи, если-бы даже поляки были разбиты, то они могли укрыться за Вислу, переправа черезъ которую для русскихъ у Варшавы, Модлина и ниже была невозможна; пришлось-бы обратиться къ верхней Вислѣ, а потому нѣкоторые совѣтовали Дибичу избрать базисомъ Брестъ-Литовскъ и оттуда уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, къ Варшавѣ или верхней Вислѣ. Но фельдмаршалъ не согласился на такое предложеніе, сопряженное съ слѣдующими неудобствами: 1) всѣ подкрѣпленія приходили съ сѣвера; 2) необходимо было потратить нѣкоторое время на передвиженіе войскъ къ новому базису; 3) потратить время на устройство базиса, а между тѣмъ скоро должна была наступить распутица и вскрытіе рѣкъ; 4) пришлось-бы базироваться на уголъ Полѣсья, страны бѣдной, малонаселенной и почти не имѣющей магазиновъ; 5) чѣмъ дольше русская армія не вступала въ Царство, тѣмъ дольше поляки могли пользоваться средствами края, истощивъ его до прибытія нашихъ войскъ, продовольствіе которыхъ было сильно разсчитано на реквизиціи; 6) наконецъ, важно было сберечь мѣстныя средства въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, для довольствія этапныхъ пунктовъ, проходящихъ войскъ и различныхъ находившихся тамъ учрежденій—вотъ почему Дибичъ торопился открытіемъ кампаніи.

Толь предложилъ нѣкоторое измѣненіе въ планѣ Дибича, а именно: двинуться къ Дрогичину, а оттуда на Варшаву, черезъ Сѣдльце, или же къ верхней Вислѣ; выгоды такого плана заключались въ томъ, что войска наши находились сравнительно болѣе продолжительное время вблизи границъ, а потому продовольствіе ихъ облегчалось и уменьшалась возможность разныхъ случайностей; но за то операціонная линія была длиннѣе и главныя силы отдѣлялись отъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

30 января Дибичъ перенесъ свою главную квартиру изъ Гродно въ Бѣлостокъ и сдѣлалъ распоряженія для перехода русскихъ войскъ чрезъ границы Царства и дальнѣйшаго ихъ слѣдованія.

Хозяйственныя распоряженія.

Предварительно изложенія дальнѣйшаго хода событія, необходимо указать мѣры, принятыя Дибичемъ *по устройству довольствія и обезпеченія тыла арміи.*

а) Продовольствіе.

Хотя Россія и готовилась къ войнѣ съ Бельгіей, но къ заготовкѣ снабженій предполагалось приступить только весною 1831 года; вслѣдствіе этого на всемъ по-

граничномъ пространствѣ до Двины и Днѣпра, кромѣ запасовъ Литовскаго корпуса находилось всего до 150 т. четвертей различныхъ продовольственныхъ продуктовъ. Первыя мѣры Дибича заключались въ томъ, чтобы въ важнѣйшихъ пунктахъ—Ковно, Вильнѣ, Гродно—устроить продовольственные магазины. Еще находясь въ Петербургѣ, а именно 8 декабря 1830 г., Дибичъ поручилъ немедленно заготовить: муки 105.000 четвертей, крупы 9.800 четв., овса 168.000 четв. и сѣна 700.000 пуд. ([102]). Пополненіе ихъ предполагалось сдѣлать, главнымъ образомъ, *покупкою*; если же цѣны на продукты значительно увеличатся, то сдѣлать заемъ $^1/_3$ запасовъ изъ *сельскихъ магазиновъ*; наконецъ, въ случаѣ нужды, прибѣгнуть къ *реквизиціямъ*.

Къ послѣднимъ двумъ способамъ на самомъ дѣлѣ и пришлось обратиться, вслѣдствіе дороговизны продуктовъ.—Затѣмъ генералъ-интендантъ, сенаторъ Абакумовъ представилъ 18 января составленную имъ смѣту, въ которой онъ раздѣлялъ войска на двѣ категоріи: къ первой отнесъ 1-й и 6-й пѣхотные, гренадерскій, 3-й и 5-й резер. кавал. корпуса, гвардейскій отрядъ и 13 казачьихъ полковъ; ко второй—гвардейскій и 2-й пѣхотный корпуса. Полагая, что войска первой категоріи обезпечены текущимъ продовольствіемъ до февраля, а войска второй до марта, Абакумовъ расчиталъ, что, до новаго урожая, на 280 т. людей и 100 т. лошадей потребуется слѣдующее количество продовольственныхъ запасовъ (для первой категоріи на 7, для второй на 6 мѣсяцевъ):

Муки	462,500	чет.
Крупъ	43,360	„
Мяса	704,000	пуд.
Вина	377,000	вед.
Овса	923,800	четв.
Сѣна	7.800,000	пуд.

Для удовлетворенія этой потребности имѣлись: 1) запасы въ магазинахъ, заготовленные по распоряженію Дибича; 2) треть запасовъ сельскихъ магазиновъ; 3) запасы Литовскаго корпуса; 4) Абакумовъ *расчитывалъ путемъ реквизиціи* добыть $^1/_4$ хлѣбныхъ запасовъ и $^1/_6$ зерновыхъ фуражныхъ. Всего по предположеніямъ и расчетамъ Абакумова могло быть собрано:

Муки	520,725	четв.
Крупъ	25,796	„
Овса	471,966	„
Сѣна	230,000	„

Такимъ образомъ муки было въ изобиліи, а недоставало: крупы 17.564 четв. овса 451.834 четв. Сѣна почти совсѣмъ не имѣлось. Крупу можно было замѣнить двойною порціей гороха, но устранить недостатокъ овса было затруднительно. Относительно сѣна, неудобнаго къ заготовленію и перевозкѣ по своей громоздкости, пришлось расчитывать на случайныя мѣры. Если прибавить, что въ 1830 году былъ неурожай, который, по недостатку статистическихъ свѣдѣній, не вошелъ въ соображенія, то станетъ ясно, какія затрудненія встрѣтило наше правительство при заготовленіяхъ. Запрещенъ былъ вывозъ хлѣба за границу, но эта мѣра принята была поздно и значительная часть хлѣба запродана уже была западными помѣщиками въ Пруссію. Расчетъ Абакумова на пополненіе запасовъ путемъ реквизиціи былъ ошибоченъ; это хрупкое средство требуетъ особыхъ условій, чтобы быть существенно полезнымъ; а именно необходимы: богатство страны, расположеніе населенія, отсутствіе вліянія противника, несомнѣнные,

успѣхи въ операціяхъ. Ни одно изъ этихъ условій не существовало въ кампанію 1831 г.: 1) въ то время приходилось въ Польшѣ около 1.800 ч. на квадр. милю; край былъ богатъ настолько, чтобы прокормить двухсотъ-тысячную армію, но съ условіемъ, чтобы войска были разбросаны по всему Царству, иначе и 30 т. корпусъ встрѣтилъ-бы затрудненія въ продовольствіи; кромѣ того, армія должна останавливаться для перемола зерна и печенія хлѣба; 2) жители относились къ намъ частью враждебно, частью съ равнодушіемъ; 3) угрозы революціоннаго правительства наказывать смертью каждаго, кто чѣмъ либо поможетъ нашимъ войскамъ, заставляли помѣщиковъ и крестьянъ скрывать свои запасы, которые потомъ открывались для поляковъ; 4) намъ не удалось сразу и безповоротно нанести рѣшительнаго удара противнику; успѣхъ иногда колебался и поляки захватывали территоріи, которыми мы раньше владѣли,—отсюда недостатокъ необходимаго къ намъ довѣрія у населенія; 6) неурожай 1830 года.

Впослѣдствіи Абакумовъ измѣнилъ нѣсколько свой расчетъ, полагая пользоваться средствами страны только для текущаго довольствія. Затѣмъ предполагалось возможнымъ сплавами по Нареву и Бугу доставить до 50 т. ч. муки съ пропорціею крупъ и до 100 т. четв. овса. Кромѣ того предписано было нашему генеральному консулу въ Данцигѣ Тенгоборскому войти въ сношеніе съ данцигскимъ купечествомъ о доставкѣ вверхъ по Вислѣ 50 т. четв. муки и 100 т. четв. овса и получить за это или деньгами или равнымъ количествомъ муки и овса (заготовляемыхъ на Бѣльской пристани Смоленской губерніи) съ приплатой за фрахтъ и коммисію. Чрезъ заготовку этимъ способомъ мука обошлась намъ по 38 р. за четверть, крупа по 50 р. за четв., а овесъ вдвое дороже, чѣмъ въ Царствѣ. Между тѣмъ всѣми этими запасами можно было воспользоваться только по овладѣніи нижнимъ теченіемъ Вислы до границы, что удалось только во вторую половину кампаніи.

Кромѣ вышеуказанныхъ были приняты еще слѣдующія частныя мѣры по снабженію арміи довольствіемъ:

1) Гренадерскому и гв. корпусамъ дозволено было при движеніи закупать продовольствіе для себя въ пограничныхъ мѣстностяхъ Пруссіи; 2) заготовить въ Брестѣ и Сѣдльце 50 т. ч. муки и 50 т. ч. овса; 3) въ случаѣ крайности взять вторую треть запасовъ изъ сельскихъ магазиновъ Гродненской губерніи; 4) волынскому и подольскому губернатору предписано закупить 20 т. воловъ; изъ 8 т. сформировать 4 т. пароволовыхъ подводъ и на нихъ доставить въ армію 16 т. четв. сухарей съ пропорціею крупъ и 12 т. четв. овса. Паркъ этотъ прибылъ въ Брестъ только въ апрѣлѣ; 5) для удовлетворенія кавалерійскихъ лошадей фуражемъ, въ которомъ ощущался громадный недостатокъ, выдавалось деньгами на третій гарнецъ овса, вмѣсто отпуска его въ натурѣ; при недостаткѣ продукта въ странѣ, мѣра эта оказалась неудачной, и деньги шли вовсе не по своему назначенію.

Кромѣ того была принята еще одна крайне ошибочная мѣра, а именно: опредѣленъ былъ тарифъ на всѣ предметы, забираемые реквизиціей, и притомъ весьма низкій; между тѣмъ съ увеличеніемъ спроса возвысились и цѣны, а потому жители избѣгали уступки продуктовъ за ничтожное вознагражденіе.

Затушить патріотизмъ поляковъ можно было только деньгами. Хотя сборъ припасовъ предписано было производить не иначе какъ съ выдачею жителямъ квитанцій за печатью, но на самомъ дѣлѣ нельзя было, прибѣгая къ опасному средству реквизицій, избѣжать злоупотребленій и насилій.

Фельдмаршалъ старался удержать власти на своихъ мѣстахъ; но въ каждое уѣздное управленіе назначено было по одному оберъ-офицеру, а въ воеводское по одному штабъ-

офицеру ([103]), съ цѣлью способствовать довольствію войскъ. Въ виду того, что при вступленіи въ Ц. Польское наши войска удалялись на 200—400 верстъ отъ своихъ продовольственныхъ магазиновъ, армія не могла обойтись безъ подвижныхъ магазиновъ, тѣмъ болѣе, что война могла сдѣлаться народной и тогда на сборъ обывательскихъ подводъ нельзя было расчитывать. Петербургскіе, рижскіе и прусскіе запасы пріобрѣтали значеніе только послѣ открытія навигаціи и овладѣнія нами нижней Вислой. Но Дибичъ расчитывалъ сразу покончить съ поляками и, разбивши армію, расположиться на широкихъ квартирахъ съ довольствіемъ отъ жителей; между тѣмъ достигнуть этого не удалось; кампанія затянулась, запасы при арміи истощились и приходилось прибѣгнуть къ насильственной реквизиціи. Не было организовано правильныхъ транспортовъ, а для подвоза продовольственныхъ припасовъ изъ внутреннихъ магазиновъ въ магазины, учрежденные въ Царствѣ Польскомъ, было предположено собрать въ пограничныхъ губерніяхъ отъ земли, по наряду, нужное число обывательскихъ подводъ съ тѣмъ, чтобы расположить ихъ по этапамъ въ Бѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Дрогичинѣ, а также въ Брестѣ и Мендзыржецѣ. Но мѣра эта не имѣла успѣха и небольшое число собранныхъ подводчиковъ разбѣжалось, такъ какъ имъ платы не полагалось и они должны были сами себя довольствовать. Припасы изъ Волынской губерніи предполагалось подвозить на томъ же основаніи чрезъ Владиміръ, Холмъ и Ленчно въ Коцкъ; это по тѣмъ же причинамъ не имѣло успѣха. Попытка нанять еврейскія брики не удалась, и ихъ нанято только нѣсколько десятковъ для главной квартиры ([104]).

Такимъ образомъ въ устройствѣ продовольственной части въ арміи были сдѣланы Дибичемъ двѣ главныя ошибки: *расчетъ на реквизиціи и отсутствіе парковъ для перевозки запасовъ отъ базы къ арміи.*

При вступленіи нашей арміи въ Царство, войска имѣли при себѣ провіанта: въ ранцахъ на 4 дня; въ провіантскихъ полковыхъ телѣгахъ на 6 дней; итого *на 10 дней.* Кавалерія имѣла *фуража:* въ саквахъ на 3, въ обозѣ—на 4 дня, итого *на 7 дн.*; артиллерія фуража на 8 дней. Кромѣ того за арміей везлось *провіанта на 5 дней, фуража* для кавалеріи тоже *на 5 дн.*, а для артиллеріи и обозовъ на 8 дней. По примѣру 1813 г. установлена особая табель, по которой войска получали нѣкоторые продукты въ уменьшенномъ, а другіе въ увеличенномъ размѣрѣ. Такъ каждый человѣкъ получалъ въ день: хлѣба 2 ф. вмѣсто 3 ф., сухарей $1^1/_4$ ф. вмѣсто $1^3/_4$ ф., крупъ $1^1/_2$ гарнца вмѣсто $1^3/_4$ гарнца въ мѣсяцъ; мяса 1 ф. вмѣсто $^1/_2$ ф.; водки на строеваго 3 чарки, на нестроеваго 2 чарки въ недѣлю. Уменьшеніемъ дачи достигалась экономія въ провіантѣ на 6 дней; такъ что армія, выступивъ 24 января, была обезпечена на 21 день, т. е. до 13—14 февраля, или по день Гроховскаго сраженія. Если впослѣдствіи оказались еще запасы, то это произошло отъ боевой убыли людей, а также вслѣдствіе захвата нѣкоторой части непріятельскихъ запасовъ (въ Замбровѣ, Чижевѣ и Островѣ).

б) Артиллерійское довольствіе.

Въ видахъ подготовки къ заграничному походу, приняты были мѣры къ пополненію артиллерійскихъ парковъ и имъ приказано стягиваться къ границамъ. Для дѣйствующей арміи были сформированы по одному парку на дивизію *). Кромѣ того пред-

*) Для *перваго* корпуса: 1-й (Рига), 2-й (Вильна и Гродно), 3-й (Брянскъ); 2) для *втораго* корпуса: 6-й, 7-й и 8-й (Кіевъ); 3) для *Гренадерскаго*: 9-й, 10-й (Кіевъ) и 16-й (Москва); 4) для *отряда цесаревича* и Литовской гр. бригады—18-й (Вильна); 5) для *Литовскаго* корпуса—24-й (Несвижъ и Брестъ), 25-й (Полонное, Волынской губерніи).

писано сформировать еще *летучій* № 5 паркъ при арсеналѣ въ Вильнѣ. Парки эти не были готовы къ открытію кампаніи и успѣли прибыть къ 15 января, только парки № 2 въ Каменку и № 24 въ Кобринъ; паркъ № 25 прибылъ къ Бресту только 31 января; летучій паркъ направленъ въ Гродно. Такимъ образомъ армія въ первое время была обезпечена только однимъ комплектомъ зарядовъ, что и заставило держать всѣ парки сосредоточенными въ рукахъ начальника артиллеріи. Первымъ резервомъ артиллеріи послужили паркъ № 1 и лабораторная рота № 2, прибывшіе изъ Риги въ Гродно 18 февраля. Изъ Кіева пять парковъ направлено было двумя эшелонами, которые и прибыли къ арміи въ мартѣ. Благодаря распорядительности начальника артиллеріи кн. Горчакова, наша армія, не смотря на недостатокъ парковъ, не только была обезпечена артиллерійскимъ довольствіемъ, но парки эти замѣнили собою еще и интендантскіе траспорты, подвезя къ арміи продовольствія на 15 дней.

Независимо отъ *подвижныхъ парковъ* въ Несвижѣ (потомъ перевед. въ Брестъ) и Гродно, были организованы *два мѣстныхъ парка*; они снабжали своими запасами подвижные парки, а послѣдніе доставляли уже снаряды арміи; на поле сраженія заряды подвозились летучими парками. Каждому парку выдано было по 60 драгунскихъ ружей. Имѣя въ виду плохія дороги, по которымъ нашей арміи приходилось двигаться въ Польшѣ, значительное превосходство въ числительности надъ непріятельской артиллеріей и неудобства двѣнадцати-орудійныхъ батарей, Дибичъ приказалъ оставить въ Бѣлостокѣ третьи дивизіоны батарей 1-го и 6-го пѣхотнаго и 3-го резервнаго кавалерійскаго корпусовъ; этимъ способомъ былъ образованъ артиллерійскій резервъ изъ 96 незапряженныхъ орудій (лошади ихъ пошли на усиленіе запряжки первыхъ и вторыхъ дивизіоновъ) и изъ зарядныхъ ящиковъ съ лошадьми, на случай необходимости пополненія при арміи зарядовъ и орудій. Для прикрытія ихъ назначенъ былъ баталіонъ 6-го карабинернаго полка, слѣдовавшій изъ Вильны съ артиллеріей 2-й грен. дивизіи (эта дивизія присоединилась къ главнымъ силамъ безъ своей артиллерійской бригады) ([105]).

в) Госпитальная часть.

Во время польской войны у насъ имѣло силу положеніе объ устройствѣ большой дѣйствующей арміи, по которому армія должна быть обезпечена госпитальными припасами на $^1/_{10}$ часть своего личнаго состава. Организація санитарной части въ то время представляла громадныя затрудненія; система *эвакуаціи*, широко примѣняемая нынѣ благодаря желѣзнымъ дорогамъ, была тогда чрезвычайно затруднительна. Въ настоящее время можно сказать вся страна служитъ обширнымъ госпиталемъ для арміи, причемъ является возможность не только освободить послѣднюю отъ массы больныхъ, но и воспользоваться всѣми госпитальными матеріальными средствами и помощью врачей; тогда же необходимо было сосредоточивать всѣ эти средства къ арміи. Результатомъ являлись: чрезвычайная скученность больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ, недостатокъ медицинской помощи и ухода, дурныя гигіеническія условія жизни больныхъ, развитіе благопріятной почвы для распространенія эпидеміи въ арміи и т. п.

Въ польскую-же кампанію, когда свирѣпствовала холера и плохо была устроена хозяйственная часть, санитарное состояніе арміи и госпитальное лѣченіе находились въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Недостатокъ медиковъ заставлялъ обращаться къ помощи иностранцевъ, а недостатокъ медикаментовъ вынудилъ поставку ихъ евреями, или еще и того хуже—сборъ реквизиціоннымъ путемъ. Благодаря всему этому нерѣдко больныхъ лѣчить было некому и нечѣмъ. Войска выступили на театръ войны такъ поспѣшно, что военное министерство не успѣло окончить распоряженій по снабженію

арміи госпиталями, госпитальными вещами и перевязочными припасами. Расчитывая, что распоряженія военнаго министерства не могутъ быть исполнены своевременно, Дибичъ старался самъ принять соотвѣтствующія мѣры.

Распоряженія фельдмаршала по госпитальной части заключались въ слѣдующемъ:

1. Существовавшіе уже госпитали въ Вильнѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Бобруйскѣ и Ольскѣ вмѣщали въ себѣ $4^1/_2$—5 т. чел. Дибичъ пожелалъ усилить ихъ еще на 6—7 т. больныхъ. Съ этою цѣлью, во-первыхъ, было увеличено число мѣстъ въ названныхъ госпиталяхъ, а во-вторыхъ, были учреждены новые: въ Луцкѣ, Слонимѣ, Несвижѣ, Лидѣ, Волковискѣ, Кобринѣ, Бѣльскѣ, Дубно. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, а также госпиталь въ Шавляхъ, играли роль лишь промежуточныхъ пунктовъ и принимали тяжкобольныхъ, при переводѣ послѣднихъ изъ одного госпиталя въ другой.

Такимъ образомъ, изъ госпиталей открытыхъ внѣ предѣловъ Царства, *первую* линію составляли госпитали: въ Ковно, Вильнѣ, Гродно, Бѣлостокѣ и Брестъ-Литовскѣ *) *всего на 5.250 чел.*; во *второй* линіи находились госпитали: въ Минскѣ, Несвижѣ, Слонимѣ, Луцкѣ, Дубно и Ольскѣ **), *всего на 5.100 чел.*; къ *третьей* линіи можно отнести госпитали въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ и Каменецъ-Подольскѣ ***), всего на 4.000 чел. Слѣдовательно, всего предполагалось имѣть въ названныхъ госпиталяхъ 13.350 мѣстъ.

2. Командирамъ корпусовъ: гренадерскаго, 1-го и 6-го пѣхотныхъ, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ,—немедленно заготовить въ каждомъ полку и артиллерійской ротѣ, на каждаго десятаго человѣка, по одному бинту въ 4 аршина и по одному компрессу въ $^1/_2$ аршина и корпіи по 4 золотника, съ тѣмъ, чтобы все это было готово непремѣнно до открытія военныхъ дѣйствій и сложено въ полковыхъ аптечныхъ ящикахъ.

3. Для усиленія госпиталей этими припасами, заготовить корпіи гродненскому и виленскому гражданскимъ губернаторамъ по 4 пуда, и правителю Бѣлостокской области 2 пуда, всего 10 пудовъ.

4. Гражданскимъ губернаторамъ: виленскому, гродненскому, минскому и правителю Бѣлостокской области заготовить тотчасъ же, на мѣстѣ, на отпущенныя изъ армейскихъ суммъ деньги, госпитальныхъ мягкихъ и деревянныхъ вещей и глиняной посуды на 6.000 больныхъ.

5. Виленскому и гродненскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Храповицкому и военному начальнику Бѣлостокской области генералъ-маіору Петерсону,—взять изъ полковыхъ складовъ, квартировавшихъ въ этихъ губерніяхъ и области, войскъ 1-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, зачетныя и экономическія вещи, какъ-то: рубашечный и подкладочный холстъ, фламское полотно, равендукъ, сапожный товаръ, зеленое и сѣрое сукно, а также оставшійся лагерь: въ Вильнѣ 3-й пѣхотной дивизіи, а въ Гроднѣ, Цѣхановцѣ и Брестъ-Литовскѣ 6-го пѣхотнаго корпуса,—и построить изъ нихъ госпитальныя вещи, посредствомъ полковыхъ и вольнонаемныхъ мастеровыхъ, съ уплатою изъ армейскихъ суммъ, первымъ по 15 коп. въ сутки, а послѣднимъ поштучно, по цѣнамъ съ утвержденія генералъ-губернатора.

Между тѣмъ, по распоряженію военнаго министра:

а) Доставленъ изъ Кіева въ Вильно, а оттуда перевезенъ въ Гродно, довольно значительный запасъ перевязочныхъ припасовъ. Для составленія этого запаса взяты

*) Первый на 450, остальные на 1.200 больн. каждый.

**) На 200—600 больн. каждый.

***) Около 1.000 чел. каждый.

изъ Кіевской Коммиссіи оставшіеся послѣ турецкой войны 35 пудовъ корпіи и доставлено изъ Москвы бинтовъ: № 1-го, 164.348, № 2, 74.988, № 3, 149.497 аршинъ и холста компреснаго 26.758 аршинъ.

б) Заготовлены запасы госпитальныхъ вещей: въ Дубнѣ, Вильнѣ и Брестъ-Литовскѣ. Сколько было вещей въ Дубнѣ, неизвѣстно: въ Брестѣ же ихъ было на 3 т., а въ Вильнѣ на 5 т.. Послѣднія скоро были перевезены въ Брестъ, съ предназначеніемъ исключительно для госпиталей, учреждавшихся въ Царствѣ Польскомъ.

в) Сформированы изъ 5 подвижныхъ госпиталей 2-й арміи—три полныхъ подвижныхъ госпиталя, каждый на 200 лежачихъ и 800 сидячихъ больныхъ съ перевязочными припасами на 200 чел. Эти госпиталя, прибывъ въ армію, отданы въ распоряженіе директора госпиталей полковника Тишина.

Впослѣдствіи, по распоряженію военнаго министерства, въ Гродно, Брестъ-Литовскъ и Бѣлостокъ доставлено перевязочныхъ припасовъ въ каждое мѣсто на 10.000 человѣкъ.

Изъ этихъ припасовъ отпущено сверхъ запаса, назначеннаго, какъ выше сказано, на 10-го человѣка, въ каждый полкъ, артиллерійскую бригаду и саперный баталіонъ, на каждаго четвертаго человѣка одинъ 4-хъ аршинный бинтъ, одинъ аршинный компресъ и три золотника корпіи, кромѣ-того въ запасъ: въ корпусные штабы: пѣхотные на 1.000, а кавалерійскіе на 600 раненыхъ, въ дивизіонные штабы: пѣхотные на 500, а кавалерійскіе на 300 человѣкъ.

Припасы велѣно распредѣлить такъ, чтобы бинты № 1 находились въ первой шеренгѣ, бинты № 2 во 2-й, а бинты № 3 въ 3-й шеренгѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что при отправленіи нижнихъ чиновъ въ госпитали, особенно раненыхъ во время сраженія, встрѣчалось большое затрудненіе въ отобраніи у нихъ перевязочныхъ припасовъ, и оттого припасы эти истрачивались, а потому было предписано, чтобы на будущее время перевязочные припасы не раздавались нижнимъ чинамъ на руки, но состояли въ вѣдѣніи полковыхъ медиковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ полковыхъ командировъ.

Озабочиваясь о здоровьѣ нижнихъ чиновъ, графъ Дибичъ сдѣлалъ, предъ выступленіемъ войскъ въ походъ, слѣдующія распоряженія:

1. Предписалъ корпуснымъ, дивизіоннымъ и другимъ начальникамъ осматривать находящіеся въ ихъ раіонахъ госпитали, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, и помогать имъ средствами, въ полкахъ находящимися, какъ-то: мастеровыми, прислугою и медицинскими чинами.

2. Въ случаѣ появленія холеры, которая въ то время уже приближалась къ западу, предписалъ учредить 14-ти дневное карантинное наблюденіе. Тогда еще не было извѣстно, что холера распространяется не чрезъ прикосновеніе.

3. Предписалъ: легко больныхъ располагать по квартирамъ, близъ госпиталей—въ собственной одеждѣ, на полномъ солдатскомъ содержаніи, прибавляя имъ, для подкрѣпленія, по одному фунту говядины на человѣка; въ госпитали же отправлять ихъ только съ усиленіемъ болѣзни.

4. Утвердилъ правила объ устройствѣ въ Царствѣ Польскомъ военныхъ госпиталей посредствомъ реквизицій. Эти правила, слово въ слово, тѣ же самыя, которыя были утверждены княземъ Кутузовымъ въ 1813 году, для заграничныхъ госпиталей (довольствовались отъ земства), медики—вольнопрактикующіе; госпитальныя вещи и перевязочные припасы—изъ запасовъ арміи или реквизиціонные, или покупные; медикаменты—

изъ вольныхъ аптекъ на средства земли. Въ результатѣ больныхъ было некому и нечѣмъ лечить.

Подобно тому, какъ это было въ 1813 году, госпитали раздѣлены на три степени относительно снабженія вещами, сообразно съ тѣмъ, сколько времени прошло отъ ихъ открытія.

По мѣрѣ того, какъ войска наши подвигались къ Варшавѣ, закладывались заграничные временные военные госпитали въ Августовѣ, Ломжѣ, Венгровѣ, Окуневѣ, Минскѣ, Калушинѣ, Сѣдльце, Бялѣ, Мендзержицѣ. Всѣ эти города, кромѣ Ломжи и Сѣдльце, состоятъ, большею частію, изъ небольшихъ домовъ, въ которыхъ неудобно было устроивать госпитали. При очищеніи домовъ, жители, само собою, должны были отъискивать для себя другія помѣщенія.

13 февраля послѣдовало Гроховское сраженіе. Изъ перевязочныхъ пунктовъ, устроенныхъ въ тылу арміи, тяжело раненые перевозились, послѣ перевязки, на полковыхъ повозкахъ, въ Окуневъ, Минскъ, а когда возможность позволяла, то и далѣе къ Брестъ-Литовску. По случаю холоднаго времени, перевязка ранъ была сопряжена съ немалыми затрудненіями. Во время транспортировки раненыхъ, они продовольствовались сухарями и обыкновенной солдатской кашицей, и то хорошо еще, когда обстоятельства позволяли имѣть ее теплою.

15 февраля Окуневскій госпиталь переведенъ въ Венгровъ.

Скоро послѣ Гроховскаго сраженія, главныя силы нашей арміи расположились по правую и лѣвую сторону Брестскаго шоссе, а 17 марта, за оставленіемъ 6 пѣхотнаго корпуса для охраненія Брестскаго шоссе, двинулись къ верхней Вислѣ; но неожиданное нападеніе всей польской арміи на 6 корпусъ заставило графа Дибича оставить переправу и двинуться чрезъ Луковъ къ Сѣдльце.

Во время нахожденія главныхъ силъ около Рыкъ, были открыты госпитали въ Желеховѣ и Гарволинѣ; а во время слѣдованія къ Сѣдльце, — въ Радзынѣ, Луковѣ, Люблинѣ и Влодавѣ.

Сначала было распоряжено, какъ выше объяснено, всѣ вышеозначенные госпитали устраивать и содержать на счетъ края, посредствомъ реквизиціи; но эта мѣра не имѣла рѣшительно никакого успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было найдти что нибудь въ бѣдныхъ жидовскихъ мѣстечкахъ, въ которыхъ жители сами промышляютъ, со дня на день, дневное свое пропитаніе. Ихъ можно было вывести изъ дома, занять строеніе подъ госпиталь, а болѣе они ничего не были въ состояніи дать. Самыя жилища ихъ были неудобны для госпиталей. Большею частію больные лежали на полу, на соломѣ. Что касается до продовольственныхъ припасовъ, то, какъ населеніе этихъ городовъ состояло исключительно изъ бѣдныхъ евреевъ, отъ которыхъ нечего было взять, то больные и раненые, съ самаго начала, терпѣли недостатокъ, потому что сами они не были въ состояніи собирать для себя припасы въ окружныхъ мѣстахъ, а особыхъ для этого командъ при госпиталяхъ не было.

Въ это время и подвозы продовольственныхъ припасовъ къ арміи, по случаю страшной распутицы, остановились, и войска нашлись въ необходимости собирать съѣстные припасы посредствомъ войсковой реквизиціи. Уже въ началѣ марта, къ главнокомандующему начали поступать отъ всѣхъ военныхъ начальниковъ донесенія, что они не находятъ никакой возможности устраивать и содержать госпитали на счетъ земли, а въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ военные начальники, видя безпомощное состояніе больныхъ и раненыхъ, сами собою, безъ всякаго разрѣшенія свыше, пріискали подрядчиковъ на поставку для госпиталей продовольственныхъ и другихъ нужнѣйшихъ припасовъ. Вслѣдствіе такихъ рапортовъ, графъ Дибичъ нашелся въ необходимости разрѣшить покупать для госпиталей все, что будетъ нужно. Но это распоряженіе было запоздалое. Раненые и заболѣвшіе до Гроховскаго сраженія и послѣ—успѣли потерпѣть всевозможныя лишенія.

Штабъ и оберъ-офицерамъ, которые, находясь въ заграничныхъ госпиталяхъ, желали получать, вмѣсто довольствія въ натурѣ, столовыя деньги, отпускалось по 45 коп. въ день. То же самое было распространено на Брестъ-Литовскій госпиталь, а потомъ на плѣнныхъ раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ польскихъ войскъ.

Нельзя не замѣтить, что распоряженіе продовольствовать госпитали на счетъ земли, въ краю взволнованномъ, было совершенно ошибочно, и это было причиною, что въ началѣ войны, больные, въ заграничныхъ госпиталяхъ, получали не госпитальное, а обыкновенное продовольствіе, а часто нуждались и въ этомъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока главнокомандующій не разрѣшилъ покупокъ.

Особенное затрудненіе встрѣтилось въ перевозкѣ раненыхъ послѣ Гроховскаго сраженія въ Минскъ, Калушинъ, Сѣдльце, Мендзыржецъ, Бялу и Брестъ-Литовскъ, по недостатку обывательскихъ подводъ, не взирая на то, что имъ платилось по 15 коп. на милю, за одноконную подводу. Такая же плата производилась маркитантамъ, употребленнымъ для перевозки больныхъ ([106]).

Впрочемъ, въ началѣ кампаніи, когда больныхъ было не много и холера еще не свирѣпствовала, нѣкоторые госпитали содержались въ порядкѣ, чему имѣются свидѣтельства не только официальныя, но и частныхъ лицъ ([107]) *).

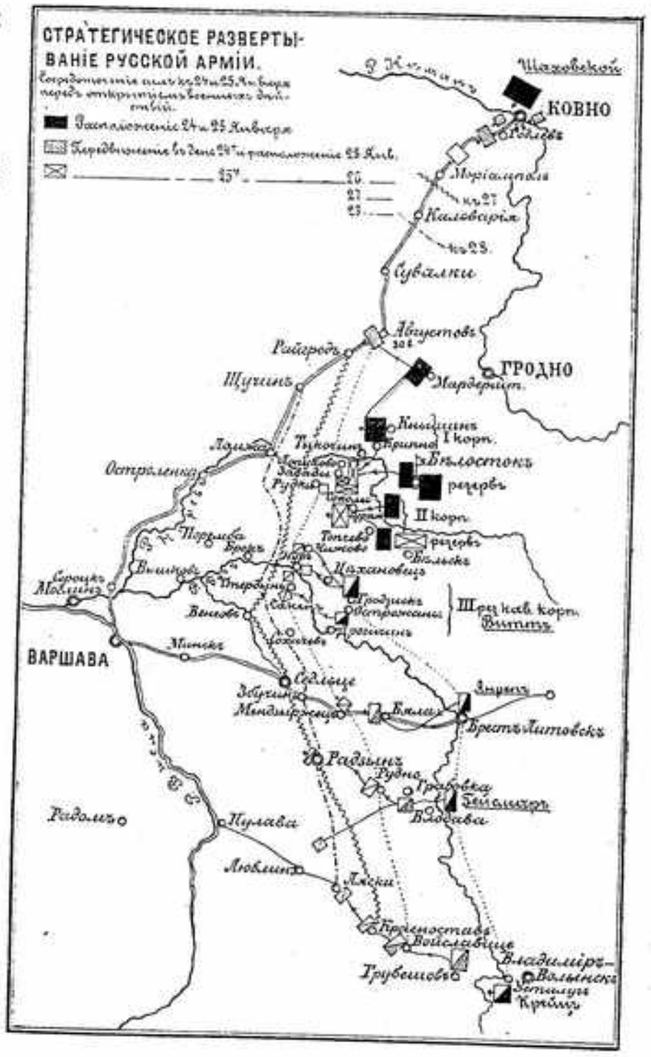
*) „Больные лежали на соломенныхъ тюфякахъ или просто на соломѣ, сдерживаемой досками; между каждыми двумя кроватями было по простому некрашеному столу; на каждыхъ двухъ столахъ стояло по сальной свѣчкѣ, воткнутой въ глиняный подсвѣчникъ. Нѣкоторые солдаты имѣли одѣяло, другіе были накрыты шинелями. Передъ дверьми висѣли толстаго сукна занавѣски, для предохраненія отъ сквознаго вѣтра. Кое-гдѣ виднѣлись высокіе поярковые сапоги, вѣроятно для людей, которые могли ходить въ ретирадныя мѣста... вездѣ обнаруживался духъ порядка и заботливости“ ([108]).

ГЛАВА II.

До сраженія при Ваврѣ включительно.

Начало военныхъ дѣйствій.—Вступленіе русской арміи въ предѣлы Царства Польскаго.

23-го января 1831 года русская армія была сосредоточена на указанныхъ ей сборныхъ пунктахъ, а 24 и 25-го того-же января должна была перейдти предѣлы Царства Польскаго, для чего отдана была Дибичемъ слѣдующая диспозиція *).



1. *Отрядъ собранный въ Ковно, подъ начальствомъ ген. кн. Шаховскаго* 6 7 16

(2-я бригара 3 грен. дивизіи, 5 караб. полкъ, 4 эск. Лубенскаго гусар. полка, 3 сотни 7-го коннаго Черноморск. полка съ артиллеріей. Остальныя сотни Черноморскаго полка распредѣлены по эшелонамъ, слѣдующимъ позже).

Переходитъ Нѣманъ 24-го, а далѣе слѣдуетъ на Маріамполь, Кальварію (27-го), Сувалки, Райгородъ, Щучинъ до Ломжи. За отрядомъ слѣдуютъ, переправляясь:

а) 25-го же . . . 2 — 4

(Карабинерный князя Барклай-де-Толли полкъ съ полуротой арт.).

б) 26-го . . . . . 2 — 4

(Карабинерный № 1 полкъ съ полуротой артиллеріи).

в) 30-го . . . . . 4 — —

*) См. прилож. III и IV и карту восточной части Царства Польскаго.

	бат.	эск. и сот.	ор.
(2-я бригада 1 грен. дивизіи).			
г) 1-го февраля	4	—	24
(1-я бригада 1 грен. дивизіи и грен. арт. бриг.).			
2. *Отрядъ ген. Мандерштерна, близъ Гродно*	5	7	12

(1-я бриг. 1 пѣх. дивизіи, Клястицкій гусарскій и Донской казачій Грекова полки съ артиллеріею).

Отрядъ переходитъ границу 24 января и однимъ переходомъ достигаетъ Августова; оставя въ немъ 1 батал. и 2 ор., послѣ дневки слѣдуетъ на Райгородъ и Щучинъ ([27]).

3. *1-й пѣхотный корпусъ гр. Палена 1*, переходитъ границу 25-го въ двухъ пунктахъ: у Тыкочина и Желтокъ, въ двухъ колоннахъ:

а) *Правая колонна*, собр. у Кнышина и Крыпно . . .	9	6	24

(2 и 3 бриг. 1-й пѣх. див., 1-й Саперный бат., 4 эск. Клястицкаго гусарскаго полка, 2 сотни 2-го коннаго Черноморскаго полка съ арт.).

б) *Львая колонна*, собр. у Хорощъ и Желтокъ, съ авангардомъ подъ нач. кн. Лопухина, всего	12	5	48

(2-я пѣх. дивизія, 1-я бриг. 1 гусарск. див., три сотни 2-го коннаго Черноморскаго полка съ 2-ю арт. бриг. и конной ротой).

Переправившись, обѣ колонны идутъ къ Завадамъ, а авангардъ выдвигается къ Менженину; 26-го авангардъ переходитъ по направленію къ Ломжѣ, а главныя силы въ Рудкамъ; 27-го авангардъ и правая колонна въ Ломжу и далѣе, а лѣвая—въ Замбровъ.

4. *6-й пѣхотный корпусъ, барона Розена*, переходитъ границу 25-го числа въ Суражѣ и Піотковѣ, двумя колоннами.

а) *Правая колонна*, собр. въ Суражѣ	18	17	48

(24-я пѣх. див., Литов. гр. бригада, 1-я бриг. Литов. уланской дивизіи, одинъ казачій полкъ, 24-я артиллерійская бригада, гренадерская артиллерійская бригада (двѣ роты) конно-артиллер. рота).

б) *Львая колонна*, собр. въ Топчевѣ, съ авангардомъ ген. Влодека	8	17	48

(1-я и 2-я бриг. 25-й пѣх. дивизіи, 2-я бриг. Литов. улан. див., одинъ казачій полкъ, 25 арт. бригада и конно-артиллер. рота).

Авангардъ слѣдуетъ въ Косцельно; обѣ колонны соединяются въ Соколахъ; 26-го авангардъ—въ Чижевъ, корпусъ—въ Высоко-Мазовецкъ; 27-го корпусъ—въ Чижевъ, авангардъ—по обстоятельствамъ.

Примѣчаніе. 1) Въ Дрогашевѣ оставлена 1 сотня; 2) 3-я бригада 25 пѣх. дивизіи присоединена временно къ 3-му рез. кавал. корпусу гр. Витта.

5) *3-й резервный кавалерійскій корпусъ гр. Витта* переходитъ границу 25-го въ двухъ пунктахъ: авангардъ при Гранѣ; главныя силы—у Цѣхановца:

а) *Авангардъ*, сборн. пунктъ Дрогашевъ	—	12	6

(2-я бриг. 3-й улан. дивизіи съ полуротой артиллеріи).

25-го слѣдуетъ въ Стердынь.

б) *Главныя силы*, сборн. пунктъ Цѣхановецъ	4	34	42

(3-я кирас. дивизія, 1-я бригада 3-й улан. див., 3-я бригада 25 пѣх. див., $3^1/_2$ конно-артиллер. роты).

	бат.	эск. и сот.	ор.
Послѣ перехода границы пѣхота идетъ къ Нуру, гдѣ устраиваетъ переправу черезъ Бугъ; тутъ-же, на правомъ берегу, располагаются кирасиры, а уланы идутъ въ Чижево. 26-го авангардъ идетъ къ Венгрову, кирасиры переходятъ на его мѣсто въ Стердынь, уланы главныхъ силъ—въ Косовъ; пѣхота остается въ Нурѣ.			
6) *5-й резервный кавалерійскій корпусъ бар. Крейца*, переходитъ границу 24 января въ двухъ пунктахъ: у Влодавы и Устилуга:			
а) *Правая колонна*, бар. Гейсмара, сборный пунктъ Влодава	—	34	24
(2-я конно-егер. дивизія, два казач. полка съ артиллеріей).			
Слѣдуетъ переходами въ Грабовку (24), Руднo, Раджинъ, Луковъ (27).			
б) *Лѣвая колонна* бар. Крейца сборн. пунктъ Устилугъ .	—	29	24
(2-я драг. дивизія, полкъ казаковъ съ артиллеріей).			
Слѣдуетъ переходами въ Грубешовъ (24), Войсловице, Красноставъ, Пяски (27).			
Примѣчаніе. Изъ Грубешова выдѣляется одинъ полкъ (6 эск.) съ 4 ор. и 2-мя сотнями казаковъ, подъ начальствомъ генерала Кавера, для наблюденія за кр. Замостьемъ.			
Отряду поддерживать связь съ Владиміромъ-Волынскимъ и 2-ю драгунскою дивизіею.			
7) *Отрядъ полк. Анрепа*, сборн. пунктъ Брестъ-Литовскъ . . .	—	7	—
(2 эск. Украинскаго улан. полка и донской казачій полкъ).			
Переходитъ 24-го въ Бялу, 25-го въ Мендзыржецъ. Назначеніе—поддерживать связь между 3-мъ и 5-мъ резервн. кав. корпусами.			
8) *Резервъ подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича*, сборн. пунктъ Бѣлостокъ	23	12	48
(Гвард. отрядъ, пять полковъ 3-й пѣх. дивизіи, 1-я и 2-я бригады 2-й грен. дивизіи, Литовскій саперный баталіонъ, 4 роты пѣш. арт.).			
Переходитъ 25-го въ Суражъ, а 26-го въ Высоко-Мазовецкъ, гдѣ и остается слѣдующій день, за исключеніемъ 3-й пѣх. дивизіи съ ея артиллеріею, которая присоединяется къ своему корпусу въ Замбровѣ.			
Примѣчаніе. Третья бригада 2-й грен. дивизіи прибываетъ въ Бѣлостокъ только 26-го и присоединяется къ своей дивизіи впослѣдствіи *).			

Сосредоточеніе войскъ у границы и переходъ чрезъ таковую предписано произвести возможно скрытно. При встрѣчѣ съ польскими войсками, тотчасъ выслать къ нимъ офицера и требовать повиновенія законному государю; если-же такое предложеніе не будетъ принято, то поступать какъ съ непріятелемъ — напасть рѣшительно и разбить ([109]).

Такимъ образомъ крайнія колонны переходили границу 24-го, а прочія 25-го января. Появленіе авангардовъ гр. Палена въ Ломжѣ и гр. Витта въ Нурѣ могло, по мнѣнію Дибича, скрыть наши намѣренія. Движеніе Витта къ Нуру и устройство тамъ переправы должно было также служить къ обезпеченію перехода туда, въ случаѣ надобности, всѣхъ главныхъ силъ арміи. Виттъ не долженъ былъ вдаваться въ большое

*) Ср. приложеніе IV.

дѣло на лѣвомъ берегу Буга и въ случаѣ рѣшительной надобности отступать на 6-й корпусъ, причемъ мостъ у Нура облегчалъ ему маневрированіе.

Изъ диспозиціи видно, что 113—114 тысячная русская армія перешла границу одиннадцатью колоннами. Не смотря на кажущуюся разброску, за что Давыдовъ ([110]) несправедливо упрекаетъ Дибича, все движеніе и распредѣленіе войскъ было такъ расчитано, что въ главныхъ силахъ въ 20 час. на любомъ пунктѣ можно было сосредоточить болѣе 80 тыс. чел., между тѣмъ какъ поляки не могли противопоставить болѣе 60 тыс. Кромѣ того отряды кн. Шаховскаго и Мандерштерна были значительно удалены и находились внѣ ударовъ поляковъ, а южные отряды ничѣмъ не рисковали, такъ какъ были составлены исключительно изъ кавалеріи съ конною артиллеріею, а потому могли легко уклониться отъ пораженія. Отдѣленіе корпуса Крейца было полезно въ томъ отношеніи, что онъ наблюдалъ за Замостьемъ, занималъ все Люблинское воеводство, а переправившись черезъ Вислу, у Пулавъ, долженъ былъ прекратить вооруженія на лѣвомъ берегу рѣки и тѣмъ самымъ уже отвлекалъ вниманіе поляковъ отъ нашего праваго фланга, что содѣйствовало безпрепятственному соединенію кн. Шаховскаго съ главными силами. Боковыя колонны были выдвинуты днемъ раньше прочихъ, какъ для демонстраціи, такъ и для уравненія стратегическаго фронта арміи.

Подводя итогъ нашимъ силамъ, увидимъ, что въ составѣ войскъ, предназначенныхъ ко вступленію въ предѣлы Царства, имѣлось 860.937 т. пѣхоты, 27.760 т. кавалеріи и болѣе 336 орудій *). Такимъ образомъ на долю кавалеріи приходится около $^1/_4$ всего состава—пропорція слишкомъ значительная въ виду лѣсистаго, болотистаго характера театра войны; точно также артиллеріи относительно было много, особенно если принять въ соображеніе отличныя боевыя качества русской арміи, которыя не нуждались въ искусственной поддержкѣ ихъ чрезмѣрнымъ умноженіемъ артиллеріи. Вообще приходилось въ пѣхотѣ около 3 ор. на баталіонъ и въ кавалеріи около 1 ор. на эскадронъ.

При вступленіи въ Царство русскія войска нигдѣ не встрѣтили польскихъ. Народонаселеніе относилось къ нимъ если не вполнѣ дружелюбно, то, по крайней мѣрѣ, сдержанно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходили даже съ хлѣбомъ-солью. Впрочемъ, какъ дальнѣйшія событія показали, на это нельзя было полагаться. Вездѣ на возвышенныхъ мѣстахъ стояли длинные шесты съ пуками насмоленой соломы, которые при вступленіи нашихъ войскъ должны были запылать по всему Царству. Такъ какъ сначала разъѣзды нигдѣ не открыли непріятеля, то войскамъ предписано было располагаться не бивакомъ, а по квартирамъ ([111]).

Согласно диспозиціи боковые отряды тронулись 24-го января.

Наступленіе русской арміи въ непріятельскіе предѣлы, постепенно съуживавшимся фронтомъ, а также перемѣна ею операціонной линіи, представляетъ такой стратегическій интересъ и поучительность, что мы разсмотримъ его по днямъ.

24-го января. 1) *Князь Шаховской* переправился у Ковно, гдѣ переправа была весьма затруднительна, и, сдѣлавъ всего 8 верстъ, остановился на начлегъ у Годлева

2) *Мандерштернъ* (5 бат., 2 эск., 5 сот., 12 ор.) перешелъ границу у Липска Ястржебни и Стабины и, несмотря на отвратительныя дороги, сдѣлавъ усиленный переходъ въ 30 верстъ, занялъ Августовъ, не найдя въ немъ польскихъ войскъ.

3) *Анрепъ*, перейдя границу у Бреста, къ вечеру дошелъ до Бялы, сдѣлавъ переходъ въ 29 верстъ.

*) См. приложеніе III.

4) *Гейсмаръ* двинулся отъ Влодавы и, для связи съ Крейцомъ, выслалъ сильный казачій отрядъ къ Люблину, самъ же дошелъ до Грабовки.

5) *Крейцъ* двинулся отъ Устилуга до Грубешова (20 верстъ) и отдѣлилъ генерала Кавера (112).

25-го января. Согласно диспозиціи, начали движеніе главныя силы (кромѣ резерва), а также продолжали его боковые отряды; по окончаніи перехода, вечеромъ 25-го января, войска бивакировали въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) *I корпусъ Палена*, выступивъ изъ Кишина и Хорощи и перейдя границу у Тыкочина и Жолтковъ, продвинулся до Лопухова и Завадъ, правая колонна сдѣлала 18, лѣвая 20 верстъ.—Авангардъ для обѣихъ колоннъ, князя Лопухина, перейдя границу у Жолтковъ и переправясь черезъ Наревъ у Злотаріи, двинулся на Лопухово и, дойдя до Менжинина, въ 13 верстахъ отъ главныхъ силъ, остановился на ночлегъ, пройдя 31 версту.

2) *VI пѣхотный корпусъ Розена* выступилъ изъ Суража и Топчева и, перейдя границу у Піонткова и Суража, остановился на ночлегъ между Соколы и Яблонь Косцельной; правая колонна сдѣлала 17 верстъ, лѣвая 21 версту.

Авангардъ Пинабеля (также одинъ авангардъ на двѣ колонны, а объ отрядѣ передъ лѣвой колонной не упоминается) изъ Суража двинулся на Соколы и расположился на ночлегъ въ дер. Старой Руси, въ 4-хъ верстахъ впереди корпуса, сдѣлавъ до 25 верстъ. Передъ авангардомъ былъ высланъ, отъ правой колонны, для освѣщенія мѣстности, особый летучій отрядъ полковника Шиндлера до м. Шимзуны.

3) *III резервный кавалерійскій корпусъ Витта* перешелъ р. Бугъ у Цѣхановца; 1-я бригада 3-й уланской дивизіи дошла до Чижова; остальныя войска корпуса дошли до Нура, который къ вечеру и былъ занятъ егерскою бригадою. Эта колонна прошла 12 верстъ. Боковой отрядъ Сакена (12 эскадр. и 3 орудія), перейдя границу у Грава дошелъ до Стердыня, сдѣлавъ 13 верстъ. Виттъ долженъ былъ устроить переправу у Нура.

4) *Резервъ Цесаревича* перешелъ изъ Бѣлостока въ Суражъ, сдѣлавъ 25 верстъ.

5) *Главная квартира* переведена изъ Бѣлостока въ дер. Плонку-Косцельну.

Слѣдовательно, главныя силы были сосредоточены на протяженія 18 верстъ.

6) *Шаховской* съ 1-мъ эшелономъ (6 бат., 4 эск., 2 сот., 24 ор.) продвинулся къ Скраудзе (15 верстъ), 2-й эшелонъ дошелъ до Годлева, 3-й до Ковно.

7) *Мандерштернъ* оставался въ Августовѣ, посылая во всѣ стороны разъѣзды.

8) *Анренъ* продвинулся къ Мендзыржецу, пройдя 20 верстъ.

9) *Гейсмаръ* дошелъ до Рудно, почти 30 верстъ.

10) *Крейцъ* изъ Грубешова, двигаясь на Люблинъ, дошелъ до Войсловице, пройдя 28 верстъ. (113).

26-го января. 1) *I пѣхотный корпусъ* изъ Завадъ дошелъ до Рудки (17 вер.) и расположился здѣсь по квартирамъ, авангардъ его изъ Менжинина дошелъ до м. Гачъ въ 16 вер. отъ Рудки.

2) *VI корпусъ* изъ Соколъ дошелъ до Высоцкомазовецка, гдѣ и сталъ по квартирамъ, сдѣлавъ 15 верстъ. Авангардъ его изъ Старой-Руси былъ передвинутъ къ Віенкѣ а летучій отрядъ высланъ въ Яблонку, чтобы войти въ связь съ I корпусомъ.

3) *III резервный кавалерійскій корпусъ.* 3-я кирасирская дивизія перешла изъ Нура въ Стердынь; 1-я бригада 3-й уланской дивизіи прошла изъ Чижова въ Коссово,

гдѣ и расположились по квартирамъ. Егерская бригада 25-й пѣхотной дивизіи оставалась въ Нурѣ для собиранія средствъ къ устройству переправы. Авангардъ Сакена изъ Стердыня перешелъ въ Венгровъ и въ 9 часовъ вечера занялъ городъ, оттѣснивъ непріятельскіе разъѣзды (3-го ул. полка), которые, разрушивъ за собою мосты, отошли за Ливецъ.

4) *Резервы*, перейдя границу въ Суражѣ, раздвинулись на цѣлый переходъ, такъ что 3-я пѣхотная дивизія находилась между Мазурами и Соколами; у Соколъ 2 грен. дивизія и гв. отрядъ между Соколами и Суражомъ. Всѣ резервы расположились по квартирамъ.

5) *Главная квартира* изъ Плонки-Косцельны переведена въ Высокомазовецкъ.

Боковые отряды.

6) *Шаховской* изъ Скраудзе усиленными переходами дошелъ до Маріамполя (27 верстъ), т. е. отошелъ на 50 верстъ отъ Ковно.

Мандерштернъ, оставивъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Никитина, въ Августовѣ резервный баталіонъ 48-го егерскаго полка, съ 2-мя орудіями и 1-ю сотнею казаковъ, дошелъ до Райгорода, сдѣлавъ 22 версты.

8) *Анренъ* изъ Мендзержеца двинулся дальше по шоссе черезъ Збучинъ въ Сѣдльце.

9) *Гейсмаръ* изъ Рудно перешелъ къ Радзыну, сдѣлавъ 22 версты.

10) *Крейцъ* перешелъ въ Красноставъ, сдѣлавъ 29 верстъ.

Надо замѣтить, что со дня вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Царства Польскаго начались оттепели, которыя все усиливались со дня на день. Войска не только шли по колѣна въ грязи, но еще помогали вытаскивать вязнувшую артиллерію, что утомляло и задерживало ихъ (114).

27-го января. 1) *I корпусъ.* Паленъ, узнавъ отъ жителей, что Ломжа не занята непріятельскими войсками, еще 26-го вечеромъ сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ исполненіе дѣйствій на 27 число, а именно: самъ Паленъ съ авангардомъ двинулся отъ Гача къ Ломжѣ (15 верстъ), приказавъ остальному корпусу (кромѣ 2-й и 3-й бригадъ 1-й пѣхотной дивизіи) слѣдовать отъ Рудки къ Замброву (17 верстъ) и тамъ расположиться на ночлегъ. 2-й и 3-й бригадамъ 1-й пѣхотной дивизіи онъ приказалъ слѣдовать за авангардомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать его. Если же этой надобности не окажется, то отъ Пнево, гдѣ бригады должны были остановиться, двинуться къ Замброву. 27 января Паленъ занялъ Ломжу и выслалъ легкіе кавалерійскіе отряды къ Остроленкѣ; такой же отрядъ былъ высланъ отъ Замброва къ Снядову.

2) *VI корпусъ.* 24-я пѣхотная дивизія дошла до Андржіова, 25-я пѣхотная дивизія до Чижова, авангардъ до Зарембы-Косцельной. Отъ 24-й пѣхотной дивизіи изъ Андржіова былъ высланъ передовой отрядъ къ Русско-Ленкѣ.

3) *III резервный кавалерійскій корпусъ.* Начальникъ авангарда Сакенъ, находя свое положеніе у Венгрова опаснымъ (такъ какъ его правый флангъ со стороны Ядова и Каменчика былъ совершенно открытъ), отошелъ къ Вротнову, откуда онъ могъ наблюдать за всѣми переправами на Ливцѣ (Ядовъ, Каменчикъ и Венгровъ). Поляки, видя отступленіе, возстановили переправы, овладѣли Венгровымъ и преслѣдовали Сакена; но, не получивъ необходимыхъ подкрѣпленій, отступили назадъ. Отъ плѣнныхъ Сакенъ узналъ, что въ Добре расположена цѣлая дивизія поляковъ. Виттъ съ прочими войсками своего корпуса занялъ Стердынь.

4) *Резервы* двигались очень медленно и къ ночи расположились по квартирамъ между Соколами и Высокомазовецкомъ, впереди гвардейскій отрядъ, позади 2-я гре-

надерская дивизія; 3-я пѣхотная дивизія была направлена черезъ Яблонку къ Замброву для присоединенія къ своему 1-му корпусу.

5) *Главная квартира* осталась въ Высокомазовецкѣ.

6) *Шаховской* изъ Маріамполя дошелъ до Кальваріи—16 вер.

7) *Анрепъ*, по настоянію Хржановскаго, былъ атакованъ 2-мя уланскими полками подъ начальствомъ Сухоржевскаго и долженъ былъ отойти изъ Сѣдльце назадъ къ Збучину (14 верстъ).

8) *Мандерштернъ* изъ Райгорода продвинулся до Щучина—30 верстъ.

9) *Гейсмаръ* дневалъ въ Радзынѣ.

10) *Крейцъ* изъ Красностава перешелъ въ Пяски, сдѣлавъ 17 верстъ [115].

Такимъ образомъ, въ три дня русскія войска прошли всего 60 верстъ (авангарды около 72 вер.), слѣдовательно подвинулись впередъ на небольшое разстояніе. Между тѣмъ переходы для всѣхъ почти войскъ были форсированными, ибо трудность марша измѣряется не столько его величиною, сколько количествомъ потраченныхъ усилій для его совершенія. Затрудненій на пути было масса; вслѣдствіе оттепелей дороги превратились въ топи и болота.—27 января пошелъ дождь, который согналъ весь снѣгъ съ полей. Погода совершенно измѣнилась; 21 января было еще до 13° мороза, между тѣмъ какъ 27 было+1,6°. Войска не могли дѣлать болѣе 2-хъ верстъ въ часъ; обозы, поставленные на санный путь, должны были остановиться. Фельдмаршалъ 28 января рѣшился дать войскамъ дневну; необходимость ея была вызвана слѣдующими причинами: 1) утомленіе войскъ; 2) оттепель, со дня на день усиливающаяся, грозила сдѣлать невозможнымъ исполненіе операціоннаго плана (вслѣдствіе уничтоженія переправъ по льду); слѣдовательно, надо было остановиться и обсудить положеніе дѣлъ, а между тѣмъ фельдмаршалъ имѣлъ надежду на возстановленіе морозовъ; 3) войска съѣли свой ранечный запасъ провіанта, а обозы, вслѣдствіе оттепели, отстали—надо было дать имъ время подтянуться къ войскамъ. Тѣмъ временемъ оттепель все усиливалась (29 января было+3,7°) и Дибичъ ясно понялъ, какъ опасно было, при подобныхъ обстоятельствахъ, преслѣдовать исполненіе прежняго плана. Невозможно было думать о томъ, чтобы вдаваться съ арміей въ лѣсистое, болотистое и малонаселенное пространство Буго-Нарева, гдѣ на всякомъ шагу поляки могли заградить выходъ войскамъ и поставить ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Поэтому Дибичъ созвалъ военный совѣтъ изъ Толя и корпусныхъ командировъ.

На этомъ совѣтѣ Толь и другіе говорили, что одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣха войны заключается въ томъ, чтобы придерживаться однажды принятаго плана и не колебаться ни при какихъ затрудненіяхъ. Въ 2 или 3 перехода можно достигнуть Вышкова, въ 3 дня ледъ не очень ослабѣетъ, а между тѣмъ могутъ опять появиться морозы; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, можно переправиться на понтонахъ. Для достиженія такой важной цѣли, какъ разобщеніе непріятельской арміи, не должно обращать вниманія на затрудненія, а напротивъ того, слѣдуетъ стремиться неуклонно къ предположенной цѣли.

Другіе противъ этого возражали. Продолжая двигаться по этому направленію, армія вдавалась въ уголъ, образуемый двумя рѣками, переправа черезъ которыя весьма опасна, ибо противоположные берега были заняты непріятелемъ; въ этой болотистой, лѣсистой и мало населенной мѣстности армія могла бы подвергнуться величайшимъ затрудненіямъ и терпѣть во всемъ недостатокъ. Запасы, слѣдовавшіе на саняхъ, не могли при оттепели поспѣть за арміей, а реквизиціи были не въ состояніи доставить

все необходимое; послѣ нѣсколькихъ переходовъ пришлось бы отступить и все-таки исполнить первоначальный планъ, что привело бы къ напрасной потерѣ времени, коимъ болѣе всего принадлежитъ дорожить на войнѣ. Къ тому же неудавшееся въ самомъ началѣ предпріятіе возвысило бы духъ непріятеля и, напротивъ, ослабило бы его въ рядахъ нашей арміи. Предположенія фельдмаршала были превосходны и могли доставить огромные результаты, но онъ расчитывалъ на зиму, а потому они и были удобоисполнимы только зимою, теперь же являлись совершенно другія обстоятельства.

Въ концѣ концовъ Дибичъ рѣшился измѣнить свой первоначальный планъ слѣдующимъ образомъ. Войска у Нура и Брока должны были переправиться на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала военнымъ дѣйствіямъ, и за тѣмъ всѣми силами обрушиться на правое крыло поляковъ прежде, чѣмъ оно успѣетъ соединиться съ лѣвымъ. Предполагалось стянуть войска къ Венгрову и Сѣльдце и затѣмъ перейти на Брестскую дорогу, которая была всегда хорошей операціонной линіей, для коммуникаціи же могла служить дорога на Дрогичинъ. По этому новому плану VI корпусъ долженъ быть отправленъ къ Броку, а 1 къ Нуру и, переправившись въ этихъ пунктахъ, двинуться къ Сѣдлецкому шоссе. Между Брокомъ и Нуромъ до 30 верстъ, но это раздѣленіе силъ прикрывалось отрядомъ Сакена, бывшаго у Вротнова, и оправдывалось отдаленіемъ противника; наконецъ, VI корпусъ былъ настолько силенъ, что могъ прикрыть перемѣну операціонной линіи. Шоссе отъ Бреста къ Сѣльдце должно было служить новой операціонной линіей, а при хорошихъ условіяхъ дорога отъ Брянска на Дрогичинъ коммуникаціонной линіей.

Этотъ планъ положено было привести въ исполненіе 29-го января. 28-го числа всѣ войска дневали на своихъ мѣстахъ, указанныхъ выше, только Гейсмаръ изъ Радзына перешелъ въ Луковъ (24 вер.) и Крейцъ выступилъ изъ Пясковъ и, пройдя 22 вер., занялъ Люблинъ. Здѣсь не оказалось никакихъ польскихъ войскъ; Крейцъ захватилъ находившіеся тамъ польскіе магазины и разсѣялъ народныя ополченія. Въ этотъ же день Дибичъ послалъ приказаніе Мандерштерну занять Ломжу по оставленіи ея войсками 1-го корпуса; выждавъ тамъ Шаховскаго, идти затѣмъ въ три перехода къ Нуру и присоединиться къ прочимъ войскамъ. Впрочемъ приказаніе это 30-го января было замѣнено другимъ, о чемъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ у поляковъ въ это время происходило слѣдующее: 26-го января главная квартира была перенесена въ Окуневъ. Жимирскому предписано было послать авангардъ къ Ливцу, а Круковецкому къ Остроленкѣ; этимъ хотѣли узнать объ истинномъ направленіи русской арміи. Хржановскій, назначенный начальникомъ штаба дивизіи Жимирскаго, поспѣшилъ къ нему въ Калушинъ. По его настоянію генералъ Сухоржевскій съ 2-мя уланскими полками взялъ назадъ Сѣльдце, а самъ Хржановскій съ полкомъ пѣхоты и полкомъ кавалеріи произвелъ рекогносцировку отъ Ливца къ Венгрову и далѣе. Вытѣснивъ оттуда нѣсколько эскадроновъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса (по показанію Сакена—2 бриг. 3 улан. дивизіи съ 8 конными орудіями), онъ преслѣдовалъ ихъ около мили, но, не поддержанный Скржинецкимъ (изъ Добре), долженъ былъ отступить назадъ, причемъ занялъ Венгровъ. Хржановскій, отправившись въ Окуневъ, узналъ, что рѣшено было отступить и принять сраженіе у Праги.

Между тѣмъ революціонное правительство издало нѣсколько весьма строгихъ декретовъ, въ которыхъ всѣ дѣйствія, противныя интересамъ страны и благопріятныя русскимъ (доставка припасовъ непріятельской арміи, принятіе участія въ управленіи занятымъ краемъ и пр.), объявлены были государственною измѣною и карались смертію.

Цѣлью войны поставлено: „возстановленіе всего прежняго польскаго королевства". Затѣмъ въ другомъ декретѣ сказано было, что всѣ города и провинціи, угрожаемые вторженіемъ, будутъ объявлены на военномъ положеніи и правительство предоставляетъ себѣ право уничтожать тамъ все могущее служить въ пользу непріятеля.

Распространены были между русскими и литовцами многочисленныя прокламаціи возмутительнаго характера, а для выставленія на русскихъ форпостахъ изготовлены были бѣлыя знамена съ русско-польскими надписями: „за вашу и нашу свободу".

Для приведенія въ исполненіе новаго плана Дибича нужно было: VI корпусъ оставить у Брока и занять имъ сильную авангардную позицію; I корпусъ двумя усиленными переходами двинуть къ переправѣ у Нура, которую долженъ былъ охранять 3-й резервный кавалерійскій корпусъ; наконецъ, стянуть всѣ войска концентрически къ Венгрову.

Для этого были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія на 29-е число.

29-го января. Для исполненія предположеннаго плана, войска совершили слѣдующія передвиженія:

1) *I корпусъ*, чтобы согласно диспозиціи переправиться у Нура, долженъ былъ сдѣлать усиленный переходъ, такъ какъ онъ былъ растянутъ на пространствѣ отъ Ломжи до Замброва. Отъ Ломжи до Нура 60 верстъ. Вслѣдствіе этого, бывшій авангардъ сдѣлалъ самый усиленный переходъ (въ 36 верстъ) и могъ дойти въ этотъ день только отъ Ломжи до Дрогашева. Главная масса I корпуса, дневавшая у Замброва, подошла къ Чижеву, а 3-я пѣхотная дивизія, присоединившаяся къ корпусу и назначенная въ авангардъ, расположилась нѣсколько впереди Чижева по дорогѣ къ Нуру. Оставляя Ломжу, Паленъ, не желая имѣть при форсированныхъ переходахъ больныхъ при себѣ, учредилъ тамъ временный госпиталь на содержаніе мѣстныхъ жителей, снабдивъ его медикаментами и пр. изъ корпусныхъ запасовъ (на 150 чел. на 1 мѣсяцъ); для охраненія какъ госпиталя, такъ и захваченнаго въ Ломжѣ магазина, онъ оставилъ тамъ 1 баталіонъ пѣхоты.

2) *VI корпусъ*—авангардъ отъ Зарембы-Косцельной передвинулся къ Уджину и Порембѣ, образуя боковой авангардъ 25 пѣх. дивизіи, которая изъ Чижева перешла къ Броку. Литовская гренадерская бригада отъ Русколенки перешла къ Ясеницѣ. 24 пѣхотная дивизія отъ Андржіова перешла къ Острову, выславъ для охраненія себя боковые отряды къ Гренде и Комарову.

3) *Резервы.* Гвардейскій отрядъ остался въ Высокомазовецкѣ; 2-я гренадерская дивизія перешла впередъ по направленію къ Нуру и остановилась на ночлегъ у Дуброво-Віельке (между Высокомазовецкомъ и Чижовымъ).

4) *3-й резервный кавалерійскій корпусъ.* Сакенъ у Вротнова, Виттъ у Стердыня, пѣхота у Нура.

5) *Главная квартира* перешла изъ Высокомазовецка въ Андржіово, какъ центральный пунктъ относительно Нура и Брока. Въ Высокомазовецкѣ Дибичъ приказалъ учредить временной госпиталь.

6) *Шаховской* перешелъ изъ Кальваріи въ Шиплишки (20 верстъ). (2-й эшел.—Кальварія, 3-й—Шиплишки).

7) *Мандерштернъ* оставался въ Щучинѣ, выславъ небольшой отрядъ въ Кольно, для разсѣянія тамъ земскихъ ополченій.

8) *Анрепъ* дневалъ въ Збучинѣ.

9) *Гейсмаръ* въ Луковѣ.

10) *Крейцъ* въ Люблинѣ. ([116]).

30-го января. Во второй день фланговаго марша русской арміи, т. е. 30-го января, назначена была переправа I и VI корпусовъ у Нура и Брока. Дибичъ былъ совершенно правъ, опасаясь за состояніе переправъ. Дѣйствительно, 30-го числа средняя температута равнялась + 3°. Ледъ былъ ненадеженъ и вода уже выступала изъ береговъ. Пришлось прибѣгнуть къ искуственнымъ средствамъ для усиленія льда—покрытію его досками, соломой и поливкѣ водой. Особенно затруднительна была переправа артиллеріи. На другой день нельзя было и усиливать ледъ, а пришлось прорубать его и устроить паромъ, а днемъ позже навести понтонный мостъ. Переправа была совершена подъ прикрытіемъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, стоявшаго въ Косовѣ. Затрудненія задерживали войска на переправахъ такъ, что если-бы поляки приняли должныя мѣры, то могли-бы поставить Дибича въ крайне трудное положеніе.

Между тѣмъ, въ польской главной квартирѣ не предпринимали никакого рѣшенія. Хлопицкій не измѣнялъ своего намѣренія вступить въ бой передъ Варшавой, дабы спасти честь оружія и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить руководителей возстанія въ невозможности правильной борьбы съ Россіей. Радзивиллъ былъ неспособенъ принять какія-либо мѣры, такъ что Пронздзинскій принималъ на себя роль посредника между нимъ и Хлопицкимъ.

Съ трепетомъ ожидали приближенія русской арміи и когда узнали положительно, что русскіе идутъ къ Остроленкѣ, то рѣшено было перейти черезъ Бугъ, двинуться имъ на встрѣчу и затѣмъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. По мнѣнію Пронздзинскаго, въ случаѣ неудачи, Модлинъ представлялъ вѣрную защиту и польская армія переносилась въ выгодный для обороны треугольникъ. Пронздзинскій прислушивался также къ голосу націи, которая требовала наступательныхъ дѣйствій, хотя очевидно, какъ опасенъ былъ для поляковъ этотъ планъ, ибо наша армія однимъ поворотомъ могла отрѣзать противника, какъ отъ Варшавы, такъ, можетъ быть, и отъ Модлина.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, польская главная квартира 29 января была переведена къ Яблоннѣ. Полковникъ Янковскій съ своей кавалерійской дивизіей и 2-мъ линейнымъ полкомъ былъ выдвинутъ къ Остроленкѣ; дивизія Круковецкаго должна была выдвинуться къ Пултуску, а Шембека въ Сѣроцку. Дивизіи же Скрижинецкаго и Жимирскаго расположились эшелонами по тому же направленію. Ближайшая къ переправамъ дивизія Скржинецкаго одна не могла дѣйствовать рѣшительно; слѣдовательно, предположеніе Дибича отрѣзать польскую армію отъ Варшавы удалось бы, но оттепель помѣшала совершить переправу.

Вскорѣ однако поляки узнали объ истинныхъ намѣреніяхъ русскихъ, и вслѣдствіе этого польская армія заняла прежнее свое расположеніе: Жимирскій у Калушина, Скржинецкій въ Добре, Шембекъ въ Окуневѣ и Круковецкій въ Радзыминѣ.

Съ движеніемъ на лѣвый берегъ Буга корпусъ Шаховскаго терялъ уже свое прежнее назначеніе. Поэтому въ отмѣну своего приказанія отъ 28 января, Дибичъ послалъ

Шаховскому инструкцію, по которой онъ назначался командиромъ отдѣльнаго корпуса; по отдаленности его и малому вѣроятію скораго соединенія съ арміей, ему представлялась полная свобода дѣйствій, при чемъ Дибичъ ставилъ ему цѣлью: пополненіе запасами попутныхъ магазиновъ въ Августовѣ, Сувалкахъ, Кальваріи, Маріамполѣ и Ломжѣ, для продовольствія шедшаго изъ Петербурга гвардейскаго корпуса; 2) захватъ непріятельскихъ магазиновъ въ Остроленкѣ, Рожанѣ и Пултускѣ; 3) уничтоженіе мѣстныхъ вооруженій и возстановленіе за Наревомъ законной власти; 4) въ случаѣ если бы удалось собрать продовольствіе больше чѣмъ нужно для потребностей гвардіи и самаго гренадерскаго корпуса, то излишекъ сплавить по Нареву для главной арміи къ Сѣроцку. Мандерштернъ, въ отмѣну прежняго приказанія, долженъ былъ присоединиться не къ главной арміи, а къ корпусу Шаховскаго и служить ему авангардомъ; въ составъ его же войскъ должна была поступить отставшая артиллерія 2-й гренадерской дивизіи. Для поддержанія связи главной арміи съ Шаховскимъ между Ломжею и Нуромъ оставленъ былъ казачій полкъ, занявшій пять постовъ: 1) между Ломжею и Замбровомъ, 2) въ Замбровѣ, 3) между Замбровомъ и Чижовомъ, 4) въ Чижовѣ, и 5) въ Нурѣ. Для поддержки этихъ постовъ былъ назначенъ партизанскій отрядъ Шиндлера изъ 3-хъ сотенъ казаковъ Андреянова, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ прикрывать госпиталь въ Высокомазовецкѣ.

Слѣдовательно, 30 января русская армія была расположена такъ:

1) *I корпусъ*, не смотря на отвратительную дорогу, сдѣлалъ переходъ въ 24 версты, переправился черезъ Бугъ у Нура и расположился между рѣкой и м. Церановымъ, выдвинувъ авангардъ (Сакенъ, 3 пѣх. див.) къ Коссову, кавал. авангарда—с. Хрощевка.

2) *VI корпусъ* оставилъ въ Брокѣ (для прикрытія находившихся еще въ слѣдованіи обозовъ)—1 батал.; 2 сот. казаковъ оставались у Коморова; 3 сотни у Вонсева; 2 сотни у Дружинова. VI корп. переправился черезъ Бугъ у Брока и остановился на ночлегъ у Моржичина, выдвинувъ авангардъ (3 егерская бригада 24 пѣхотной дивизіи, легкая № 3-й артиллерійская рота, 2-я бригада литовской уланской дивизіи съ конной № 31-й ротой и 3 сот. казаковъ Секретова, всего 4 батал., 12 эск. 16 орудій и 3 сотни казаковъ), подъ начальствомъ Влодека, къ Садовне и поддерживая связь влѣво съ 1 корпусомъ. Отъ авангарда были выдвинуты посты вдоль по Ливцу. Высланные по тому же направленію разъѣзды нигдѣ не встрѣчали непріятеля.

3) *III резервный кавалерійскій корпусъ* оставался въ прежнемъ положеніи у Стердыня.

4) Резервъ сосредоточивался къ Нуру.

5) *Обозы* арміи (кромѣ обозовъ VI корпуса, которые успѣли достигнуть Брока) едва успѣли подойти къ Чижову и двигались съ страшною медленностью и съ большими затрудненіями; они были поставлены на санный путь, а снѣгъ совершенно уже сошелъ. Только 31 января обозы подошли къ Нуру, но переправиться по льду, по непрочности его, не могли; они переправились на паромахъ, а съ 1-го февраля былъ наведенъ мостъ.

6) *Шаховскій* изъ Шиплишекъ перешелъ въ Сувалки (19 вер.).

7) *Мандерштернъ* оставался въ Щучинѣ, занимая передовымъ отрядомъ Кольно.

8) *Анрепъ* у Збучина, наблюдая занятый польскими уланами г. Сѣдльце.

9) *Гейсмаръ* перешелъ изъ Лукова въ Ружу (23 вер.).

10) *Крейцъ* изъ Люблина двинулся къ Пулавамъ и, пройдя 29 верстъ, остановился у Маркушева.

Всѣ собранныя 30-го января свѣдѣнія показывали, что польскія войска расположены на пути наступленія русской арміи, на двухъ дорогахъ: на Брестскомъ шоссе (Жмирскій) и на старой Варшавской дорогѣ въ окрестностяхъ Станислава (Скржинецкій) и что фронтъ ихъ прикрытъ ручьемъ Ливцемъ. Фельдмаршалъ предполагалъ, что поляки будутъ удерживаться за этимъ болотистымъ ручьемъ, который во время половодья представляетъ весьма много удобствъ, какъ оборонительная линія — ледъ прошелъ и всѣ удобства обороны были въ полной силѣ. Поэтому, чтобы разъяснить намѣренія противника, Дибичъ рѣшился произвести усиленную рекогносцировку по направленію къ Венгрову. На 31-е число были отданы слѣдующія распоряженія:

1) *Сакену* до приказанія оставаться въ Вротновѣ.

2) *III резервному кавалерійскому корпусу* (всему), 1-й гусарской дивизіи, 3-й пѣхотной дивизіи и егерской бригадѣ 25-й пѣхотной дивизіи (той самой, которая состояла при корпусѣ Витта) собраться къ 10 часамъ утра къ Вротнову.

3) *Всѣмъ прочимъ войскамъ I-го корпуса* идти къ Вротнову, гдѣ ждать приказаній.

4) *VI корпусу* сблизиться съ 1 и быть въ готовности поддержать его, для чего, къ 10 часамъ утра, авангарду VI корпуса занять селеніе Сточекъ, а къ 12 часамъ пополудни всему корпусу сосредоточиться между Сточекомъ и Липки, фронтомъ къ *Ядову*; разъѣзды выслать на Лоховъ, авангарду стать у Каміонки.

5) *Резервамъ* у Нура переправиться черезъ Бугъ и къ 12 часамъ пополудни сосредоточиться къ Церанову; квартирьеровъ послать въ Стердынь.

6) Всѣмъ войскамъ быть въ готовности къ бою ([117]).

31-го января. 31-го января русскія войска приняли слѣдующее положеніе:

1) *Сакенъ* съ своими двумя уланскими полками и 4 орудіями, усиленный 1-й гусарской бригадой съ конной артиллеріею, выступилъ изъ Вротнова. Подойдя къ Венгрову, онъ выбилъ оттуда слабый польскій отрядъ и преслѣдовалъ его за Ливецъ, но, замѣтивъ тамъ непріятельскую пѣхоту съ артиллеріею, отошелъ къ Венгрову и расположился тамъ на бивакѣ.

2) *I корпусъ* слѣдовалъ за своимъ авангардомъ и къ ночи расположился между Пошевкой и Тхоржевомъ.

3) *Авангардъ VI корпуса*, не встрѣтивъ непріятеля у Ядова и Каміонки, былъ переведенъ оттуда влѣво, къ Старой-Веси, гдѣ ему приказано устроить переправы. За нимъ слѣдовалъ весь VI корпусъ, оставивъ у Сточека арріергардъ для наблюденія за передовыми постами у р. Ливца. VI корпусъ дошелъ до с. Тончи и остановился тамъ на бивакѣ. За нимъ въ резервѣ у Каленчина остановилась Литовская гренадерская бригада. Находясь у Топчи, VI корпусъ былъ расположенъ въ 6 верстахъ отъ Венгрова и въ 3-хъ отъ I корпуса.

4) *III резервный кавалерійскій корпусъ* перешелъ изъ Стердыня въ Высокомержъ и Гржималы.

Такимъ образомъ, всѣ эти войска были сосредоточены и въ готовности форсировать переправу.

5) *Главная квартира* при I корпусѣ, въ Тхоржевѣ.

Резервъ перешелъ черезъ Бугъ и остановился у Стердыня, эшелонируясь на Соколки, слѣдовательно находился за главными силами въ разстояніи небольшаго перехода.

Тотчасъ послѣ резерва началась у Нура переправа обозовъ.

7) *Гейсмару* приказано идти къ Сѣрочину; съ этой стороны прежде всего открылись военныя дѣйствія и Гейсмару первому пришлось выдержать ударъ поляковъ.

8) *Крейцъ* подошелъ къ Пулавамъ, занялъ городъ и приступилъ къ устройству переправы. Боковой его отрядъ (ген. Адама Виртембергскій) занялъ Казимѣржъ.

9) *Шаховской* занялъ Августовъ и рѣшился на слѣдующій день дать дневку.

10) *Мандерштернъ* изъ Щучина перешелъ въ Ставишки.

Нельзя не замѣтить, что отдѣленіе Шаховскаго отъ остальной арміи было весьма неосторожно. Шаховской, дѣйствуя отдѣльно, подвергался и отдѣльнымъ ударамъ противника по мѣрѣ приближенія къ Варшавѣ, такъ что, впослѣдствіи, для выручки Шаховскаго, Дибичъ долженъ былъ принять сраженіе подъ Гроховомъ не тогда, когда хотѣлъ его дать; тутъ-то и выказались дурныя послѣдствія этого отдѣленія.

На другой день Дибичъ предполагалъ переправить I и VI корпуса черезъ Ливецъ, а войска резерва двинуть на Сѣдльце, чтобы твердою ногою стать на Брестскомъ шоссе. Связью между резервомъ и I корпусомъ долженъ былъ служить 3-й резервный кавалерійскій корпусъ.

Такимъ образомъ, если и нельзя оправдать движенія, начатаго въ исходѣ зимы, правымъ берегомъ Буга, то, съ другой стороны, заслуживаетъ вниманія быстрота фланговаго марша къ р. Ливцу. 28-го января оконечность праваго фланга арміи находилась въ Ломжѣ, а резервъ былъ эшелонированъ до Суража. Оба эти пункта лежатъ въ 60 верстахъ отъ Нура и въ 100 верстахъ отъ Венгрова; дороги были испорчены оттепелями; тѣмъ не менѣе, войска 29-го числа стянулись къ Броку и Нуру, 30-го переходили черезъ Бугъ, а 31-го двинулись, вмѣстѣ съ корпусомъ Витта, къ Венгрову.

1-го февраля. На 1-е февраля приказано было 1 корпусу наступать черезъ Венгровъ на Ливъ, а 6 корпусу, устроивъ переправу при Старой-Веси, перейти на лѣвый берегъ Ливца и, дѣйствуя противъ лѣваго фланга непріятеля, облегчить переправу 1 корпуса.—3 рез. кав. корпусу (собств. 3 кир. див. и Новоарх. уланамъ), слѣдовать на Венгровъ за 1 корпусомъ, а резервамъ цесаревича собраться при Соколовѣ и ожидать приказаній (117). Ночью съ 31-го января на 1-е февраля, Сакенъ двинулся для атаки м. Лива. Ливъ небольшое мѣстечко на берегу болотистаго ручья Ливца, черезъ который ведетъ длинный деревянный мостъ, который былъ защищаемъ 2-мя орудіями и однимъ баталіономъ 7-го лин. полка; дорога-же на Яновъ была совершенно оставлена поляками и только наблюдалась постами кавалеріи и 5-го лин. полка (118). Сакенъ сбилъ непріятельскіе передовые посты; при отступленіи они пытались было уничтожить мостъ, но Сакенъ выставилъ 6 конныхъ орудій и застрѣльщиковъ 49-го егер. полка. Затѣмъ переправился 49-й егерскій полкъ, выбилъ непріятеля изъ Лива и овладѣлъ мѣстечкомъ; Сакенъ прошелъ еще 6 верстъ и остановился на ночлегъ у Струпихова. Это было первое авангардное дѣло.

За Сакеномъ переправилась 3-я пѣхотная дивизія съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ и конной ротой и расположилась у Лива.

Прочія войска I корпуса были сосредоточены за Венгровомъ.

VI корпусъ не могъ переправиться весь въ этотъ день, такъ какъ у Старой-Веси Ливецъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и течетъ по чрезвычайно болотистой мѣстности; пришлось устроить три моста, а въ мѣстахъ, гдѣ еще удержался ледъ, устраивать небольшіе мостики.—Работы эти продолжались до 3 часовъ по

полудни, такъ что въ этотъ день успѣлъ переправиться только одинъ авангардъ, который расположился у Турны.

III резервный кавалерійскій корпусъ былъ переведенъ изъ Высокомержа и Гржималы въ Ксенжополь Смоляки.

Резервъ, пройдя отъ Стердыня по сѣдлецкой дорогѣ 20 верстъ, остановился у Соколова, имѣя въ авангардѣ у Сухожебры Гродненскій гусарскій полкъ. — На слѣдующій день Дибичъ предполагалъ перевести весь VI корпусъ и передвинуть въ Сѣдльце резервъ, но цесаревичъ не исполнилъ этого, прося Дибича оставить резервы у Соколова и донося ему о крайне утомленномъ состояніи людей.

Фельдмаршалъ долженъ былъ согласиться на просьбу великаго князя. Вообще говоря, остановка движенія войскъ была необходима какъ для отдыха послѣ движенія по отвратительнымъ дорогамъ, такъ и для пополненія различныхъ запасовъ, приходившихъ къ концу. Поэтому Дибичъ, учредя главную квартиру въ Венгровѣ, рѣшился дать три дня отдыха войскамъ — 2, 3 и 4 февраля, такъ что 2 февраля войска оканчивали свои передвиженія.

2-го февраля. Ко 2 февраля русская армія стояла въ двухъ большихъ массахъ по Ливцу, у Венгрова и у Сѣдльце. VI корпусъ перешелъ Ливецъ и расположился у Корытницы, выславъ авангардъ къ Пневику (на 8 вер. впередъ). III резервный кавалерійскій корпусъ сосредоточился у Мокободъ.

Прочія войска оставались въ прежнемъ положеніи. Впрочемъ великій князь все-таки передвинулъ резервъ къ Сухожебры, а Гродненскій гусарскій полкъ въ Седльце, куда еще раньше утромъ въ этотъ же день пришелъ изъ Збучина отрядъ Анрепа, который былъ извѣщенъ, что Сухоржевскій, узнавъ о занятіи русскими Венгрова, ушелъ изъ Сѣдльце.

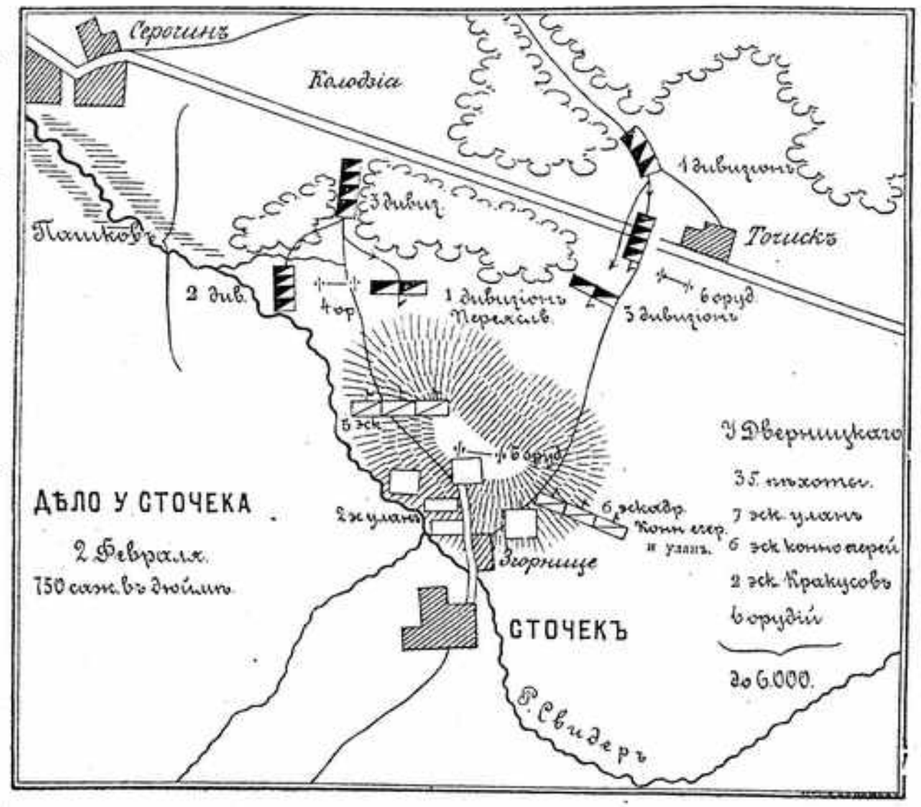
Дѣло при Сточекѣ.

Между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ произошло крайне прискорбное для насъ дѣло, а именно неудачное столкновеніе отряда Гейсмара съ польскими войсками подъ начальствомъ Дверницкаго. Согласно приказанію, Гейсмаръ двигался къ Сѣрочину; 1-го февраля разъѣзды донесли ему о движеніи чрезъ Гарволинъ польскаго отряда. Въ то время польскій генералъ Клицкій получилъ приказаніе съ отрядомъ около 10 т. чел. (третьи и четвертые баталіоны, пятые и шестые эскадроны и пр.) расположиться вверхъ по Вислѣ, имѣя главную квартиру въ Гурѣ. Клицкій имѣлъ назначеніемъ дѣйствовать на одной высотѣ съ арміей и задерживать, а если возможно, то и разбить Крейца и Гейсмара. Для этой цѣли онъ назначилъ стараго, но весьма дѣятельнаго и оказавшагося, при формированіи 5-хъ и 6-хъ эскадроновъ, искуснымъ организаторомъ генерала Дверницкаго, и 29 января далъ ему соотвѣтствующія приказанія *).

Дверницкій, съ отрядомъ изъ 3-хъ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и 6 орудій, переправился, не безъ затрудненій, у Мнишева, черезъ Вислу, 30 января и, узнавъ отъ шпіоновъ, что Гейсмаръ у Лукова, направился въ ту сторону, причемъ 31 января корпусъ его собрался у Желехова. 1-го февраля, получивъ подтвержденіе, что русскіе находятся у Лукова и Ружи, Дверницкій намѣревался скрытно подойти боковыми дорогами къ Гейсмару и съ этою цѣлью направился на Филиповку, откуда расчитывалъ

*) Корпусъ Дверницкаго, назначенный для дѣйствій противъ Крейца, долженъ былъ состоять: 1) изъ третьихъ дивизіоновъ 9-ти полковъ; 2) изъ четвертыхъ баталіоновъ 1, 2, 5 и 6 лин. полковъ, формировавшихся при послѣднихъ; 3) изъ 2-хъ полковъ кракузовъ (Косцюшки и Понятовскаго); 4) баталіона егерей Кушеля; 5) предположеннаго къ формированію Волынскаго легіона; 6) шести орудійной 8 ф. батареи (119).

скрытно напасть на него у Ружи, а затѣмъ повернуть къ Лукову. Между тѣмъ высланные имъ въ разъѣздъ кракузы столкнулись съ казаками и два изъ нихъ попали къ намъ въ плѣнъ. Это могло открыть намѣренія Дверницкаго. Въ ту-же ночь прибыли изъ Лукова два ксендза, которые положительно удостовѣрили, что Гейсмаръ выступилъ изъ Лукова и Ружи и ночуетъ въ Сѣрочинѣ, причемъ намѣренъ переправиться черезъ Вислу у Гуры Кальварія для соединенія съ Крейцомъ, слѣдующимъ къ Варшавѣ черезъ Козенице. Вслѣдствіе этого Дверницкій, разсчитывая напасть на Гейсмара у Сѣрочина, выступилъ изъ Филиповки въ 2 ч. утра 2-го февраля и чтобы не двигаться въ темнотѣ по кратчайшей, но узкой лѣсной дорогѣ, направился на Сточекъ. Съ разсвѣтомъ передовая конница Дверницкаго захватила въ с. Правдѣ, въ 2 в. отъ Сточека, нашъ драгунско-казачій постъ, отъ котораго получены были свѣдѣнія о силахъ Гейсмара. Пройдя



Сточекъ, Дверницкій остановился на привалѣ, въ долинѣ, на дорогѣ въ Сѣрочинъ, какъ получилъ свѣдѣніе отъ крестьянъ, что по дорогѣ отъ Точиска, а затѣмъ и отъ Сѣрочина показались русскія колонны. Это было въ 9-мъ часу утра. Тогда онъ расположилъ свой отрядъ у Сточека слѣдующимъ образомъ: 6 орудій на высотѣ впереди мѣстечка, чтобы они могли обстрѣливать обѣ дороги изъ лѣсу, по которымъ наступали русскіе; три баталіона пѣхоты и дивизіонъ 3-го конно-егерскаго полка стали въ прикрытіе орудій; дивизіоны 1-го и 3-го и эскадронъ 2-го уланскаго полковъ выдвинулись противъ колонны наступавшей изъ Сѣрочина, а дивизіонъ 1-го и 2-го конно-егерскихъ и 4-го уланскаго полковъ — противъ колонны изъ Точиска; дивизіонъ кракузовъ Косцюшки остался при Дверницкомъ ([120]). Между тѣмъ Гейсмаръ намѣревался внезапно атаковать

поляковъ. Пылкій, увѣренный въ себѣ, неукротимо-мужественный и гордый пріобрѣтенной въ прежнія войны славой, особенно въ турецкую кампанію 1828—1829 г., когда онъ выигралъ блестательное сраженіе при Боелешти, Гейсмаръ относился къ польскимъ войскамъ съ презрѣніемъ, считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ народнаго ополченія (рухавка), а потому не позаботился о тщательномъ выясненіи обстановки и не сдѣлалъ соотвѣтствующихъ распоряженій и хлопоталъ только какъ-бы поляки отъ него не ушли ([121]). Для движенія Гейсмаръ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны: правая, подъ начальствомъ ген. Пашкова (Переяславскій конно-егерскій полкъ, 4 кон. ор.), должна была двигаться по прямой дорогѣ изъ Сѣрочина въ Сточекъ черезъ лѣсъ и атаковать непріятеля съ фронта; лѣвая (Виртембергскій конно-егерскій полкъ, 6 кон. ор.), подъ личнымъ начальствомъ Гейсмара, слѣдовала по кружной дорогѣ черезъ Точискъ въ обходъ праваго фланга поляковъ. Другую бригаду своей дивизій Гейсмаръ не счелъ нужнымъ взять съ собою и оставилъ въ Сѣрочинѣ. Дороги представляли лѣсныя дефиле, по которымъ двигаться въ это время года было затруднительно; колонны выступили одновременно, хотя дороги были различной длины; кавалерія наша двигалась узкимъ фронтомъ (по 3), не освѣщаясь разъѣздами. Пашковъ, конечно, вышелъ изъ лѣсу первымъ и долженъ былъ дебушировать подъ огнемъ непріятеля. Онъ выдвинулъ свои 4 орудія вправо отъ дороги; 1-й дивизіонъ развернулся влѣво отъ орудій; 2-й сталъ вправо во взводныхъ колоннахъ; третій дебушировалъ. Поляки не теряли времени на продолжительную стрѣльбу; послѣ залпа уланы понеслись на 2-й дивизіонъ; Пашковъ двинулся съ нимъ впередъ, а первому приказалъ атаковать поляковъ во флангъ; но первый дивизіонъ, подъ вліяніемъ паническаго страха, дрогнулъ и далъ тылъ, увлекая за собой и третій. Второй дивизіонъ, уже рубившійся съ поляками, тоже бросился назадъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля 2 орудія *); съ остальными двумя фейерверкеръ удачно проскочилъ по замерзшимъ болотамъ и въѣхалъ затѣмъ въ интервалъ отступавшихъ частей ([123]). Поляки не могли преслѣдовать Пашкова, такъ какъ въ это время изъ лѣсу показался Гейсмаръ съ другой колонной. Онъ не могъ поддержать Пашкова, будучи отдѣленъ отъ него значительнымъ пространствомъ и вязкой лощиной, и ограничился лишь артил. пальбой. Видя его пассивность, Дверницкій направилъ противъ него 6 эскадроновъ. Поляки бросились впередъ съ отчаянной стремительностью, но стоявшій впереди дивизіонъ Виртембергскаго полка встрѣтилъ атаку почти въ упоръ огнемъ и это такъ озадачило непріятеля, что онъ пріостановился. Видя это замѣшательство, Дверницкій самъ бросился впередъ, приказавъ дивизіону 1-го к. егер. полка заѣхать правымъ плечомъ, чтобы охватить нашъ лѣвый флангъ, а дивизіонамъ 3-го к. егер. и 4-го уланскаго п. атаковать съ фронта. Тогда передовой дивизіонъ Виртембергскаго полка далъ тылъ ([124]). Этому-же послѣдовали и оба другіе дивизіона: едва раздалась команда „маршъ-маршъ“, какъ оба они повернули назадъ, не смотря на всѣ усилія и отвагу Гейсмара, ставшаго во главѣ 2-го дивизіона. Поляки захватили всѣ 6 орудій. Радуясь одержанной побѣдѣ и опасаясь наткнуться на резервы, Дверницкій не извлекъ всѣхъ выгодъ изъ своего успѣха и не преслѣдовалъ Гейсмара. Гейсмаръ, подъ прикрытіемъ другой своей бригады, двигавшейся на выстрѣлы, успѣлъ собрать разсѣянные эскадроны и отступить на Скуржечъ и Сѣдльце. Наша потеря убитыми, ранеными и плѣнными простиралось до 280 чел. и 241 лош.; кромѣ того по-

*) По свидѣтельству Дверницкаго драгуны дрались храбро, но эти крупные люди на тяжелыхъ массивныхъ лошадяхъ не могли проворно парализировать удары и нападенія легкихъ, на ловкихъ лошадяхъ, польскихъ уланъ ([122]).

ляки овладѣли 8 ор. и 9 зар. ящиками. Дверницкій показываетъ свои потери въ 87 чел. убитыми и ранеными.

Въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) Гейсмаръ разбрасываетъ свои силы и не уравниваетъ движенія колоннъ, вслѣдствіе чего подставляетъ поочередно оба раза подъ удары сосредоточенныхъ поляковъ только $^1/_4$ часть его дивизіи; 2) не принимается нашимъ отрядомъ никакихъ мѣръ къ раскрытію непріятельскихъ силъ и ихъ расположенія; 3) сборный пунктъ колоннъ назначенъ въ непріятельскомъ раіонѣ; 4) отсутствіе распорядительности начальниковъ; 5) конно-егеря вооружены были передъ войною пиками, притомъ дурнаго качества; не умѣя владѣть этимъ оружіемъ и не довѣряя ему, люди уже во время боя бросаютъ пики и хватаются за сабли, что производитъ задержку въ атакѣ и содѣйствуетъ замѣшательству *).

Дѣло подъ Сточекомъ ни по нашимъ матеріальнымъ потерямъ, ни по стратегическому значенію не имѣло важности, но моральное его вліяніе на поляковъ было огромное и подняло чрезвычайно ихъ духъ; оно содѣйствовало укорененію убѣжденія въ возможности борьбы съ русскими; вселяло народу увѣренность въ его войска. Дверницкій сдѣлался сразу героемъ и къ нему стала стекаться масса волонтеровъ. — Оставшись на полѣ сраженія у Сточека, онъ занялся организаціей и сколачиваніемъ своего отряда; изъ взятыхъ орудій сформировалъ батарею, давъ ей личный составъ изъ конницы; кавалерію снабдилъ доставшимися ему лошадьми; обучалъ пѣхоту и пр. Въ тотъ-же день къ нему подошелъ еще одинъ дивизіонъ 4-го к. егер. полка ([125]). Только поздно вечеромъ двинулся Дверницкій изъ Сточекъ по направленію на Парисовъ, въ расчетѣ современемъ выдти на лѣвый флангъ главныхъ силъ Дибича, направлявшихся къ Прагѣ. По пути къ нему присоединились изъ Варшавы 4-й баталіонъ 2-го лин. полка, 6-й эскадронъ 2-го улан. полка и нѣсколько десятковъ волонтеровъ. Двигаясь изъ Парисова, отрядъ прибылъ 4-го февр. къ Осецку, гдѣ получилъ приказаніе Клицкаго немедленно переправиться на лѣвый берегъ Вислы у Пулавъ, чтобы разбить или задержать Крейца, двигавшагося къ Варшавѣ (онъ переправился на лѣвый берегъ у Пулавъ уже 2-го февраля). Переправа у Пулавъ, притомъ немедленно, была, по мнѣнію Дверницкаго, невозможна; для этой операціи потребовалось бы около 3-хъ сутокъ, въ теченіе которыхъ Крейцъ достигъ-бы Варшавы, а потому Дверницкій направился къ Гурѣ-Кальваріи, гдѣ 5-го февраля, съ разными приспособленіями, переправился на лѣвый берегъ Вислы ([127]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Дверницкій былъ гораздо сильнѣе Крейца и выходъ ему въ тылъ польскаго отряда былъ очень опасенъ.

*) Дибичъ, узнавъ о дѣлѣ, послалъ запросъ Гейсмару, который отвѣтилъ, что офицеры исполнили свой долгъ, но что солдатами овладѣлъ паническій страхъ и они не слушали командъ; въ частномъ-же письмѣ къ Анрепу указывалъ на офицеровъ, какъ на главныхъ виновниковъ пораженія. Дибичъ приказалъ Толю произвести разслѣдованіе, которое тянулось долго и не дало никакихъ результатовъ. Дѣло подъ Сточекомъ усилило неблаговоленіе государя къ конно-егерскимъ полкамъ. Конные егеря были любимымъ войскомъ имп. Александра I. Полки эти въ 20-хъ годахъ были отличные; составъ офицеровъ превосходный; въ полкахъ былъ двойной комплектъ офицеровъ, которые по 8—10 лѣтъ сидѣли въ одномъ чинѣ, но не думали уходить. Невзгоды конныхъ егерей начались съ 1828 года, когда 1-я конно-егерская дивизія потеряла въ кампаніи почти всѣхъ лошадей, не отъ битвъ, а отъ ложной системы сбереженія лошадей въ мирное время, которыя по своей изнѣженности и разслабленности отъ недостаточнаго движенія не могли вынести трудовъ и лишеній кампаніи. Несчастья 2-й дивизіи начались подъ Сточекомъ. Затѣмъ, разстройство 2-й бригады этой дивизіи произошло отъ того, что на бивакѣ лошади шарахнулись, вырвали слабыя коновязи и разбѣжались, такимъ образомъ много всадниковъ обезлошадились. Кромѣ того на отдѣльномъ посту былъ взятъ въ плѣнъ цѣлый дивизіонъ этой бригады. Къ концу кампаніи дивизія едва могла насчитать по 3 комплектныхъ эскадрона въ полку. По окончаніи войны конно-егер. полки были расформированы ([126]).

Въ ночь со 2-го на 3-е февраля произошло другое дѣло, тоже непріятное для Дибича и доказавшее дурное отправленіе сторожевой службы въ нашихъ войскахъ. Авангардъ 6-го корпуса, расположеннаго у Корытницы, стоялъ у Пневника, выславъ впередъ казачью цѣпь, подкрѣпленную баталіономъ Житомірскаго полка, находившагося за небольшою рощею у д. Закржева. Скржинецкій, стоявшій у Добре, получилъ приказаніе съ 11 бат. и 2 кавал. полками произвести усиленную рекогносцировку русской арміи, для чего онъ скрытно подошелъ ночью на опушку лѣса и очутился въ виду слабаго русскаго передоваго отряда, не принявшаго никакихъ мѣръ охраненія. Скржинецкій приказалъ передовому эскадрону броситься съ крикомъ на русскій бивакъ. Пробудившіеся люди и испуганныя лошади въ величайшемъ безпорядкѣ бросились по полю. Устремившіеся впередъ польскіе уланы налетѣли на авангардъ Влодека, который подался назадъ, оставивъ въ рукахъ поляковъ с. Пневникъ. Скржинецкій, достигнувъ цѣли своей рекогносцировки и убѣдившись, по многочисленности открывшей по немъ безвредную канонаду артиллеріи и по замѣченнымъ бивакамъ, въ присутствіи русской арміи за Ливцемъ ([128]), отступилъ съ ничтожными потерями въ то время, какъ Влодекъ привелъ войска въ порядокъ и выдвинулъ Житомирскій баталіонъ впередъ, подкрѣпивъ его двумя ротами Подольскаго полка. Такъ какъ въ то-же время въ авангардѣ Сакена шарахнулись лошади Ольвіопольскаго полка, чѣмъ вызвана была суматоха, то Дибичъ, раздраженный тремя, слѣдовавшими одна за другой неудачами, издалъ строгій приказъ по арміи о неукоснительномъ исполненіи авангардной и аванпостной службы *).

Сакенъ донесъ 3-го, что противъ него со стороны Калушина находятся значительныя непріятельскія силы; Паленъ тотчасъ подкрѣпилъ его 1-ю пѣх. бригадою и самъ перешелъ на лѣвый берегъ Ливца, чтобы быть въ готовности поддержать свой авангардъ. На слѣдующій день Толь выдвинулъ снова (отступившаго къ Сѣдльце на резервъ Цесаревича) Гейсмара къ Сѣрочину для освѣщенія мѣстности и прикрытія лѣваго фланга арміи; къ нему-же присоединенъ отрядъ Анрепа, расформированный за ненадобностью.

Во время трехдневной стоянки арміи обозы подтянулись, и Дибичъ приказалъ войскамъ возобновить ранечный запасъ, причемъ имѣть на себѣ провіанта на 5 дней и въ обозѣ тоже на 5 дней. Въ виду обезпеченія наличныхъ запасовъ приказано было замѣнять одинъ фунтъ хлѣба—четырьмя фунтами картофеля и $^1/_4$ фунта крупъ—однимъ фунтомъ картофеля; послѣдній приказано брать у жителей реквизиціей, подъ квитанціи.

Дальнѣйшее наступленіе русской арміи.

5-го февраля Дибичъ рѣшился продолжать наступленіе къ Варшавѣ. На этомъ пространствѣ къ непріятельской столицѣ ведутъ слѣдующіе пути: 1) шоссе Сѣдльце—Калушинъ—Минскъ; 2) дорога отъ Лива на Добре, Станиславовъ, Окуневъ; 3) соеди-

*) Безпечность нашихъ войскъ по сторожевой и развѣдывательной службѣ представляется дѣйствительно изумительной, что поражало и лицъ имѣвшихъ возможность со стороны наблюдать это явленіе. Такъ Брандтъ пишетъ: „Въ продолженіи всего моего пути меня изумила проявившаяся повсюду безпечность: нигдѣ не было и слѣдовъ строгой аванпостной службы“. Далѣе: „Мнѣ удалось видѣть въ Ломжѣ, передъ самымъ вѣздомъ, нѣкоторыя войска гвардіи, только что сюда вступившія. Тѣ части пѣхоты, которыя я видѣлъ, состояли изъ видныхъ и красивыхъ людей; на площадкѣ передъ городомъ расположились: артилерійскій паркъ и понтонный баталіонъ — матеріалъ превосходный. Они были въ походѣ нѣсколько мѣсяцевъ и ни люди, ни лошади, ни повозки не имѣли на себѣ даже слѣдовъ его. Повсюду господствовалъ образцовый порядокъ. Но меня удивила безпечность при сохраненіи парка и обоза: все было какъ-бы посреди глубочайшаго мира; лишь кое-гдѣ виднѣлись часовые, больше формальности ради... Отъѣхавъ отъ станціи около мили, я повстрѣчалъ баталіонъ, слѣдовавшій такъ-же, какъ-бы въ мирное время... Казалось будто баталіонъ возвращался съ ученья“ ([129]).

нительная дорога отъ Калушина на Якубовъ къ Станиславову и на Цыганку; 4) соединительная (старая варшавская) дорога между 1-й и 2-й отъ Сѣдльце на Суху, Грембковъ, Зимноводы, Меленчинъ къ Станиславову. Между Добре и Калушинымъ 20 в.; между Окуневымъ и Дембе-Вельке 12 в., а при выходѣ на Гроховскую позицію между дорогами только 3 версты. Всѣ эти дороги представляли лѣсныя дефиле, лишавшія насъ превосходства надъ противникомъ въ кавалеріи и артиллеріи; поляки-же могли оказывать сопротивленіе на каждомъ шагу. При лѣсныхъ дефиле получаютъ особенное значеніе промежуточныя дороги, угрожающія флангамъ позиціи.

Въ зависимости отъ имѣвшихся путей и свѣдѣній о противникѣ, были отданы слѣдующія приказанія для движенія ([130]): 1) *6-му корпусу* наступать отъ Корытницы на Добре; 2) *1-му корпусу* отъ Лива на Калушинъ; 3) *Литовской гренадерской бригадѣ* выступить изъ Венгрова за первымъ корпусомъ и у д. Церпенты свернуть вправо къ Зимноводамъ, на старую варшавскую дорогу; остановясь тамъ, служить связью между 1-мъ и 6-мъ корпусами; 4) *резерву*, подъ начальствомъ Толя, слѣдовать отъ Сѣдльце по шоссе и остановиться у с. Брошковъ; 5) *3-й кирасирской дивизіи* двинуться отъ Мокободъ къ Церпентѣ, а оттуда слѣдовать съ 1-мъ корпусомъ; 6) *конно-егерской* дивизіи Гейсмара снова присоединиться къ резерву. Для занятія въ тылу арміи Нура, Венгрова и Сѣдльце, образованъ, подъ начальствомъ генерала Пенхержевскаго, отрядъ изъ егерской бригады 24-й пѣх. дивизіи съ ея батареею, Татарскаго уланскаго полка и сотни казаковъ *).

Расположеніе русскихъ войскъ у Венгрова заставило поляковъ предполагать, что главный ударъ будетъ направленъ на Добре и Станиславовъ. Вслѣдствіе этого Жимирскому приказано отправить въ подкрѣпленіе Скржинецкаго одинъ полкъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ нимъ.—Жимирскій, выславъ одинъ полкъ по указанію, и подполковника Вольскаго съ однимъ баталіономъ и тремя эскадронами къ Зимноводамъ, для освѣщенія старой варшавской дороги и связи со Скржинецкимъ (отрядъ котораго теперь простирался до 12 бат., 4 эск. и 12 ор.), съ остальными 8 бат., 12 эск. и 28 ор. расположился за Калушиномъ ([131]).

При такомъ расположеніи поляковъ промежуточная дорога играла важную роль; двинувъ по ней значительный отрядъ, можно было угрожать флангамъ обѣихъ непріятельскихъ дивизій и вынудить ихъ къ отступленію; но, какъ упомянуто, по названному пути направлена только Литовская гренадерская бригада, получившая притомъ назначеніе дойти лишь до Зимноводъ.

При наступленіи нашихъ войскъ произошли столкновенія у Калушина и Добре.

Бой у Калушина.

Позицію Жимирскаго за Калушиномъ прикрывалъ съ фронта ручей, переправы чрезъ который, за исключеніемъ одной плотины, были испорчены; за ручьемъ тянулся рядъ высотъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ; артиллерію Жимирскій расположилъ такимъ образомъ, что она обстрѣливала плотину, по которой шло шоссе изъ Калушина въ лѣсъ; пѣхота стала по опушкѣ лѣса, кавалерія—позади, въ резервѣ. Толь, опередивъ съ ре-

*) Отрядъ этотъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: а) *Сѣдльце*—3 бат. 3 эск. 6 ор.; тамъ предполагалось устроить попутный госпиталь; б) *въ Венгровѣ*, подъ начальствомъ ген. Пинабеля, 1 бат., 1 эск. и 2 орудія; в) *въ Нурѣ* остальныя части; онѣ должны были присоединиться къ Шинглеру и поддерживать связь съ кн. Шаховскимъ.

зервомъ 1-й корпусъ, рѣшился обойти крѣпкую непріятельскую позицію съ обоихъ фланговъ; для этого, стянувъ свои силы, онъ, подходя къ Калушину, раздѣлилъ ихъ на три части: двѣ гренадерскія бригады (2-й гр. див.) съ бригадою уланъ и бригадою конныхъ егерей, подъ личнымъ его начальствомъ, направлены на Тржебучу въ обходъ лѣваго фланга поляковъ; карабинерная бригада 2-й грен. дивизіи съ бригадой конно-егерей, подъ начальствомъ Фрейганга,—по лѣсной дорогѣ на Шимоны и Ольшевицы въ обходъ праваго непріятельскаго фланга; гвардія Цесаревича образовала среднюю колонну и слѣдовала по шоссе. Выйдя изъ Тржебучи и густаго лѣса, правая колонна развернулась въ боевой порядокъ, имѣя артиллерію по дорогѣ и по два полка пѣхоты по ея флангамъ. Толь вышелъ къ Калушину раньше средней колонны и приказалъ занять городъ, причемъ двумъ правымъ полкамъ, подъ начальствомъ ген. Чаадаева, двигаться вправо по улицѣ на Станиславовъ, а двумъ лѣвымъ прямо по шоссе. Поляки встрѣтили гренадеръ только ружейнымъ огнемъ изъ за вала, а затѣмъ стали отступать. Жимирскій, въ виду наступленія превосходныхъ силъ, отступилъ къ Ендржееву; но такъ какъ тамъ угрожалъ ему обходомъ Фрейгангъ, то онъ сталъ отходить дальше, и, несмотря на настойчивое преслѣдованіе Гейсмаромъ, безъ большихъ потерь успѣлъ достигнуть Минска. Въ самомъ началѣ отступленія отъ Калушина, Жимирскій отдѣлилъ полковника Стаковскаго, съ 1 батал., 4 эск. Люблинской конницы и 2 ор., на боковую дорогу (Якубовъ-Мистовъ) для поддержанія связи со Скржинецкимъ ([132]); исполняя это, но тѣснимый Чаадаевымъ, Стаковскій отступилъ на Якубовъ; тамъ онъ пытался остановиться, но Сакенъ (съ Новомиргородскимъ уланскимъ полкомъ и двумя сотнями казаковъ), присланный Дибичемъ къ Чаадаеву и назначенный въ авангардъ, вытѣснилъ его оттуда и заставилъ отступить къ Мистову.

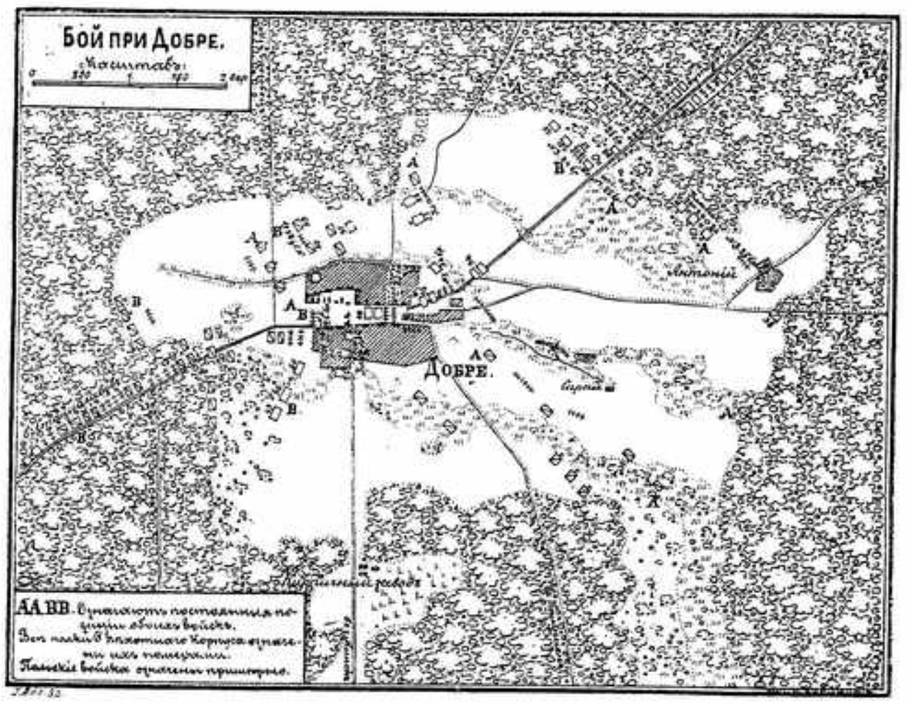
Подполковникъ Вольскій, высланный Жимирскимъ наканунѣ къ Зимноводамъ, еще ранѣе отступилъ къ Станиславову, такъ что когда запоздавшій Муравьевъ прибылъ къ Зимноводамъ, то тамъ уже никого не было.

Бой у Добре.

На правой дорогѣ Розенъ, имѣя въ авангардѣ ген. Влодека съ двумя полками 25-й пѣх. дивизіи, Волынскимъ уланскимъ и Секретова казачьимъ полками, съ легкой пѣшей ротой и двумя конными орудіями, наступалъ къ с. Добре, гдѣ Скржинецкій занялъ позицію. Это старое, полуразрушенное селеніе лежитъ на открытой полянѣ и со всѣхъ сторонъ окружено лѣсомъ; къ сторонѣ наступленія Розена, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ селенія, находится корчма Антонинина-Гута. Впереди и вправо отъ Добре простираются песчаные бугры, а между ними и корчмой—открытое пространство. Впереди корчмы, къ сторонѣ Ливца, на протяженіи трехъ верстъ, тянется лѣсъ, чрезъ который пролегаетъ дорога изъ Пневника въ Добре, а по опушкѣ этого лѣса протекаетъ болотистая рѣчка Осовница, которую можно было перейти по мосту у д. Маковца. Скржинецкій расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: впередъ къ д. Маковцу онъ выдвинулъ одинъ баталіонъ, который разсыпался по берегу рѣчки; на главной позиціи, 4 ор. расположены были прямо на пути наступленія русскихъ; другія 4-ре нѣсколько правѣе для перекрестнаго огня; 3-й полкъ сталъ правѣе орудій, 4-й—лѣвѣе; 4-ре эскадрона и 1 баталіонъ съ остальными орудіями—въ резервѣ за Добре. 8-й полкъ и ветераны расположились у Осенчисненской мельницы, находившейся на затруднительной и узкой дорогѣ, по которой должны были отступать поляки. Авангардъ Розена, подойдя къ Маковцу, заставилъ картечью поляковъ отступить; но ему пришлось

*

потерять много времени на возстановленіе переправы. Перейдя черезъ рѣчку, 50-ый егерскій полкъ, при выходѣ на поляну, разсыпался по опушкѣ лѣса, по обѣ стороны дороги, на которой заняла позицію легкая батарея; лѣвѣе разсыпался 49-й егерскій полкъ, а еще лѣвѣе развернулись Волынскіе уланы. Послѣ непродолжительной кононады, 4-й польскій полкъ смѣло атаковалъ нашъ правый флангъ и уже потѣснилъ было 50-й егер. полкъ, но въ это время стали подходить головныя части корпуса. Розенъ продолжилъ правый флангъ своего авангарда Подольскимъ полкомъ, за нимъ въ резервѣ расположилъ Волынскій пѣх. полкъ, легкую батарею перевелъ, подъ прикрытіемъ Виленскаго полка *), съ дороги къ Антонининой-Гутѣ, а вмѣсто нее поставилъ



батарейныя орудія (4); Литовскіе уланы присоединились къ Волынскимъ. Остальныя войска стягивались по дорогѣ за центромъ. Правый флангъ поляковъ выдавался нѣсколько впередъ, а центръ и лѣвый флангъ опирались на Добре. Путь къ Станиславову пролегалъ тоже за лѣвымъ ихъ флангомъ. Овладѣвъ селеніемъ, можно было поставить непріятеля въ затруднительное положеніе. Розенъ, пользуясь удачнымъ дѣйствіемъ батареи у Антонининой-Гуты, приказалъ наступать своему правому флангу. Подольскій и Волынскій полки, встрѣченные 4-мъ польскимъ (4 бат.), завязали съ нимъ жаркую перестрѣлку. Скржинецкій, понимая опасное положеніе своего праваго фланга, приказалъ ему отступать. Тогда русскіе быстро подались впередъ. Поляки старались удержаться у входа въ лѣсъ, чтобы дать войскамъ вытянуться по дорогѣ, но были тоже сбиты. Авангардъ Влодека преслѣдовалъ ихъ до Осенчисны.

*) Одинъ баталіонъ этого полка занялъ Антонинину-Гуту, а другой—опушку лѣвѣе.

Обѣ стороны въ этомъ бою дѣйствовали мужественно и четыре часа поддерживали сраженіе.

Скржинецкій имѣлъ 12 бат., 4 эск. и 12 ор., Розенъ—19 бат., 56 ор., 2 уланскихъ полка и одинъ казачій; но слѣдуетъ замѣтить, что войска 6-го корпуса вступали въ дѣло по частямъ, и къ концу боя все-таки не успѣлъ принять участія въ дѣлѣ весь корпусъ барона Розена; кромѣ того, на сторонѣ поляковъ были всѣ выгоды крѣпкой позиціи, а русскіе не могли развернуть своей многочисленной артиллеріи. Потери наши простирались до 17 оф. и 740 ниж. чиновъ; поляки потеряли не менѣе 600 чел. Сраженія этого можно было-бы избѣжать, если-бы по старой варшавской дорогѣ, чрезъ Зимноводы къ Станиславову, направить противъ отряда подп. Вольскаго значительныя силы; тогда съ фронта достаточно было-бы ограничиться демонстраціей, а обходомъ съ фланга или отрѣзать Скржинецкаго отъ Станиславова, или-же заставить его очистить свою позицію безъ боя.

Такимъ образомъ 5-го февраля Жимирскій отступилъ къ Минску; Скржинецкій къ Пустельнику, потомъ остановился не доходя Окунева, имѣя только небольшой постъ у Пустельника; Стаковскій достигъ Цыганки.

Дальнѣйшее наступленіе Дибича.

Русскіе расположились на ночлегъ слѣдующимъ образомъ :1) на *правомъ флангѣ, у Добре*, 6-ой корпусъ, имѣя авангардъ у Осенчисны; 2) *въ центрѣ у Якубова*, отрядъ Чаадаева, имѣя передовые посты у Мистова; *позади, у Виты*, 3-я кирасирская дивизія; *правѣе ея* и на одной высотѣ, *у Зимноводъ*, Литовская гренадерская бригада; 3) *на лѣвомъ флангѣ* между *Ендржеевымъ* и *Калушинымъ*, 1-й корпусъ, имѣя передовые посты у Япова; *за нимъ* гв. отрядъ эшелонами, за Калушинымъ; 4) для прикрытія лѣваго фланга, еще во время боя высланъ былъ къ *Цеглову* Гейсмаръ съ тремя полками кавалеріи, однимъ пѣхотнымъ и двумя конно-артиллерійскими ротами; еще болѣе влѣво, къ Сѣрочину и Іерузалему направлены были казачьи партіи.

Бой при Добре и преслѣдованіе Жимирскаго показали, что русская армія двигается въ двухъ массахъ; такое разобщенное движаніе и любовые удары навели Пронзинскаго на мысль о возможности разбить Розена, прежде чѣмъ другія наши войска, задерживаемыя Жимирскимъ съ фронта, успѣютъ подать ему помощь, и такимъ образомъ отрѣзать также и главную нашу армію отъ Шаховскаго. Съ этою цѣлью онъ предложилъ Хлопицкому слѣдующій планъ. Выдвинуть Шембека съ 6-ю баталіоновъ его дивизіи и нѣсколькими эскадронами новой кавалеріи впередъ, въ 1-ую линію къ Пустельнику съ приказаніемъ, слабымъ сопротивленіемъ, завлечь Розена до Окунева, гдѣ должна была сосредоточиться дивизія Скржинецкаго (11 б. съ 4 эск.); послѣднему сопротивляться русскимъ со всевозможнымъ упорствомъ, для чего и придается ему сильная артиллерія. Когда Розенъ выйдетъ изъ лѣсу на поляну, Шембекъ быстро его атакуетъ съ фронта, а съ фланга нападаетъ Мюльбергъ, съ 4 гв. баталіонами (дивизіи Шембека), которые съ этою цѣлью заблаговременно располагаются у Забранице. Ближайшею поддержкою должна была имъ служить дивизія Круковецкаго, которая тоже заблаговременно переводится изъ Радзымина въ Туровъ. Наконецъ у Рынчае и Посвенте сосредоточиваются двѣ дивизіи кавалеріи (8 тысячъ) съ 24 ор., которыя должны были зайти въ тылъ Розену и отрѣзать ему путь отступленія. Планъ этой атаки напоминалъ Гагенлинденское сраженіе. Дивизія Жимирскаго должна была, упорно сражаясь, отходить къ Милоснѣ, поддерживая связь съ главными силами. Если-бы русскія войска успѣли оттѣснить Жимирскаго, перемѣнить фронтъ на право и поддержать Розена, то

тѣ изъ польскихъ частей, которыя были-бы отрѣзаны отъ Праги, могли отступить на Модлинъ. Планъ этотъ настолько былъ заманчивъ и казалось заключалъ въ себѣ столько шансовъ для успѣха, что Хлопицкій принялъ его, и отданы были соотвѣтствующія приказанія войскамъ. Отъ Станислава до Минска 13—14 верстъ, и если-бы Жимирскій задержалъ нашъ лѣвый флангъ, то полякамъ могло-бы удаться разбить отдѣльно корпусъ Розена, прежде чѣмъ къ нему явилась-бы помощь (133). Но весь планъ, помимо его сложности, основанъ былъ на случайности: на предположеніи, что Розенъ увлечется преслѣдованіемъ отступающаго Шембека и не приметъ даже никакихъ мѣръ предосторожности. Между тѣмъ и диспозиція Дибича на 6-ое разстроивала планъ поляковъ. Розену приказано было дойти только до Станислава и выслать авангардъ къ Окуневу, да и то если окажется возможнымъ, но отнюдь далѣе впередъ не подаваться; далѣе отряду Чаадаева приказано двинуться отъ Якубова къ Станиславу, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать Розена (предполагалось, что Станиславовъ занятъ поляками); туда-же приказано было слѣдовать отъ Зимноводъ и Литовской гренадерской бригадѣ, для обхода поляковъ съ фланга; 1-му корпусу—дойти до Дембе-Вельке, а если можно, то выслать авангардъ къ Милоснѣ; гвар. отряду эшелонироваться за нимъ, выславъ для охраненія лѣваго фланга легкую гв. кавалерію къ Цеглову, а находившемуся тамъ Гайсмару перейти въ Шепицу и наблюдать пространство между Латовичами и Колбелемъ; если непріятель будетъ сбитъ у Минска, то Гейсмару продолжать движеніе къ Колбелю; если-же поляки до полудня не очистятъ Минска, то двинутся къ Дембе-Віельке имъ въ тылъ (134).

Благодаря этой диспозиціи, поляки совершенно напрасно прождали на лѣвомъ флангѣ Розена. Послѣдній, согласно диспозиціи, дойдя до Станиславова, остановился между Михаловымъ и Пустельникомъ. Хлоницкій, потерявъ терпѣніе, отвелъ Шембека къ Окуневу. Только въ 5 ч. пополудни къ Окуневу началъ подходитъ авангардъ Влодека, но, встрѣченный сильною кононадою, остановился и выставилъ 10 орудій. Огонь продолжался, когда, наконецъ, показались со стороны Дембе-Вільке русскія войска: это былъ отрядъ Сакена, за нимъ Чаадаева, а далѣе Литовская гренадерская бригада Муравьева *) Въ тоже время Хлоницкій узналъ, что Жимирскій, не оказывая сопротивленія, ушелъ за Милосну, а потому, опасаясь быть отрѣзаннымъ, приказалъ отвести войска на Гроховскую позицію, куда они и прибыли въ 7 ч. утра. Сакенъ наткнулся у Цыганки на отрядъ Стаковскаго, который отказался сдаться, и тогда Сакенъ приказалъ открыть картечный огонь, заставившій поляковъ скрыться въ рѣдкій сосновый лѣсъ; подоспѣвшіе гренадеры успѣли захватить плѣнными 100 чел., а ранеными и убитыми поляки потеряли 2 офиц. и до 189 чел., (135) съ остальными Вольскій пробрался въ Окуневъ.

Между тѣмъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ Жимирскій, получивъ увѣдомленіе отъ Скржинецкаго, что тотъ отступаетъ, и, не желая оставаться въ выдающемся положеніи, очистилъ Минскъ, хотя и былъ подкрѣпленъ кавалерійскою дивизіею Лубенскаго. Отойдя отъ Минска версты на три, Жимирскій занялъ позицію у Стоядле, но, съ появленіемъ русскаго авангарда, оставилъ ее, притомъ съ такою поспѣшностью, что казаки наши успѣли захватить одно орудіе, прислуга котораго, обрѣзавъ постромки, ускакала. Впереди Дембе-Вельке, у корчмы Подкоберне, находилась возвышенность, удобная для расположенія артиллеріи. Жимирскій снова остановился, поставилъ на высотѣ 14 ор., а по сторонамъ пѣхоту; кавалерію же, непригодную для дѣйствій на этой мѣстности, отослалъ къ Милоснѣ. Лопухинъ, выйдя съ авангардомъ изъ лѣсу и выждавъ подхода головы 1 корпуса, атаковалъ Жимирскаго и заставилъ его отойти къ корчмѣ Яновеку, гдѣ Жимирскій хотѣлъ остановиться, но снова былъ вытѣсненъ Лопухинымъ. Тогда Жимирскій отступилъ назадъ и расположился на ночлегъ между Милосной и Вавромъ.

*) Муравьевъ долженъ былъ идти къ Станиславову, но, услышавъ выстрѣлы къ сторонѣ Минска и разсчитывая по времени, что Станиславовъ долженъ быть занятъ нашими войсками, онъ свернулъ на выстрѣлы къ Цыганкѣ и вышелъ въ тылъ отряда Чаадаева.

И въ этотъ день русскіе могли-бы достигнуть лучшихъ результатовъ, если-бы по промежуточной дорогѣ на Якубовъ и Цыганку къ Гржибовской Волѣ направлены были болѣе значительныя силы нежели Сакена и Чаадаева. Когда эти войска вытянулись по дорогѣ, то Дибичъ обратился къ стоявшему во главѣ Новомиргородскаго уланскаго полка полковнику Лахману съ вопросомъ понимаетъ-ли онъ всю важность этого движенія. На это Лахманъ отвѣтилъ, что настолько понимаетъ, что желалъ-бы имѣть за собою вмѣсто пяти двадцать пять баталіоновъ. Но Дибичъ, имѣвшій въ виду нанести сразу рѣшительный ударъ полякамъ и пренебрегавшій второстепенными успѣхами, не обратилъ должнаго вниманія на названную дорогу; рѣшительнаго удара сразу нанесено, какъ увидимъ, не было, а случаи къ частнымъ успѣхамъ, подготовляющимъ рѣшительный ударъ, напрасно были упущены.

Сраженіе при Вавръ.

7-го февраля Дибичъ расчитывалъ продолжать движеніе съ главными силами къ Варшавѣ и овладѣть выходами изъ лѣсу впереди Гроховской позиціи. Дибичъ не предполагалъ на этотъ день боя, а потому произошедшее сраженіе подъ Вавромъ было случайное. Распоряженія фельдмаршала заключались въ томъ, чтобы 1-й корпусъ, авангардъ котораго находился у Милосны, вышелъ на Гроховскую равнину, овладѣвъ выходами изъ лѣснаго дефиле; 6 корпусъ долженъ былъ идти по старой дорогѣ только до фермы Выгоды *). Что Дибичъ не ожидалъ сраженія видно изъ того, что его резервы не были стянуты, а эшелонированы до Ендржеева; распоряженіе объ образованіи боеваго артиллерійскаго резерва въ 56 орудій, выдѣленіемъ по одной батареѣ отъ дивизіи, указываетъ, что фельдмаршалъ не исключалъ, конечно, возможности серьезнаго столкновенія. Резервъ этотъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ отрядомъ Цесаревича. Хлопицкій тоже не думалъ принимать сраженія въ этотъ день, и продолжалъ стягивать войска на Гроховской позиціи; но такъ какъ Жимирскій въ это время былъ сильно тѣснимъ русскими, то Хлопицкій послалъ ему на смѣну, а если нужно то и для поддержки, дивизію Шембека.

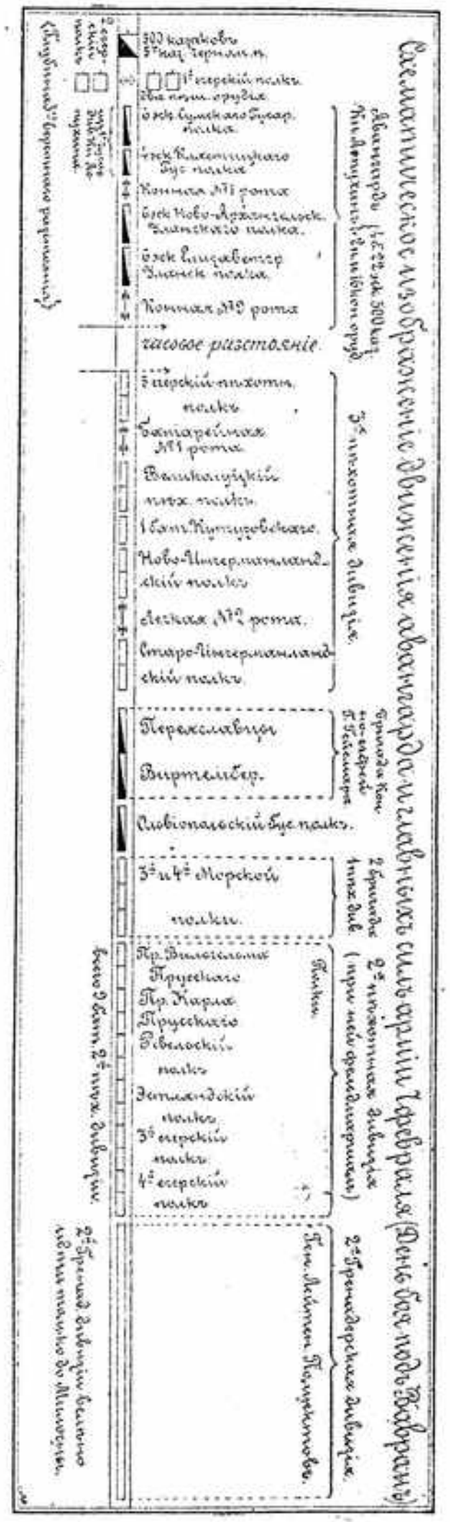
Отъ Окунева до пересѣченія старой дороги съ Брестскимъ шоссе около 12 вер., отъ Милосны до этого же пункта около 8 верстъ; разница эта была еще болѣе ощутительна, вслѣдствіе дурнаго состоянія старой дороги, на которой поляки при отступленіи переломали мосты. Изъ этого видно, что для единовременности дебушированія авангарду Влодека (6 корп.) слѣдовало выступить раньше авангарда Лопухина (1 корп.), а между тѣмъ имъ обоимъ назначено было двинуться въ 7 час. утра, и хотя Лопухину приказано сообразоваться съ движеніемъ Влодека, но онъ этого не исполнилъ.

Въ 4-мъ верстахъ отъ Милосны лѣсъ по лѣвую сторону шоссе, частью вырубленный, кончается и образуется обширная равнина, покрытая мелкими кустами, допускающими движеніе всѣхъ родовъ оружія. Съ правой стороны лѣсъ еще продолжается и окан-

*) Муравьевъ присоединился къ своему (6) корпусу въ Окуневѣ, а Чаадаевъ къ своей дивизіи (2-й гренад.) въ Милоснѣ. Гейсмаръ изъ Шепницы направленъ къ Карчеву. Ему поручено удостовѣриться о состояніи льда на Вислѣ.

чивается почти въ верстѣ отъ корчмы Ваврa, состоящей изъ двухъ небольшихъ деревянныхъ строеній. За Вавромъ въ $1^1/_2$ версты лежитъ домъ Гославской колоніи, а назади Малый Гроховъ. Дорога изъ Окунева при выходѣ изъ лѣсу отстоитъ отъ шоссе на $2^1/_2$ в., далѣе подходитъ къ Малому Грохову, гдѣ и соединяется съ шоссе. Выходъ изъ лѣса съ этой стороны ограниченъ рядомъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ, изъ которыхъ самый значительный Домброва-Гура; вправо отъ шоссе, по Окуневской дорогѣ, въ $2^1/_2$ в. отъ Ваврa, находится корчма Выгода, сѣвернѣе которой лежала небольшая Ольховая роща. На правомъ флангѣ поляковъ находились болотистыя пространства; къ югу отъ Ваврa до самой Вислы тянулся большой лѣсъ, прикрытый болотистымъ ручьемъ.

Авангардъ Лопухина двигался въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й Черноморскій конный полкъ, егерская бригада 1-й пѣх. дивизіи, имѣвшая 2 орудія на шоссе и головы баталіоновъ на линіи по обѣ его стороны; за нею слѣдовала, въ походной колоннѣ, вся кавалерія авангарда въ числѣ 22 эскадроновъ *) и 16 конныхъ орудій. Составъ авангарда очевидно совершенно не соотвѣтствовалъ характеру мѣстности. За авангардомъ слѣдовали: 3-я пѣхотная дивизія, бригада конныхъ егерей **), за ними 2-я пѣхотная дивизія, при которой находился фельдмаршалъ, и затѣмъ 2-я гренад. дивизія, которой приказано слѣдовать только до Милосны. Пѣхота главныхъ силъ, отдѣленная отъ головы авангарда массой малополезной на этой мѣстности кавалеріи, могла подоспѣть на поле сраженія не ранѣе какъ черезъ часъ. Какъ только Лопухинъ, около 9 час. утра. вышелъ изъ лѣса на опушку и развернулъ вправо 1-й егерскій полкъ, а влѣво 2-й съ двумя орудіями между ними, польская 40-орудійная батарея, расположенная впереди Ваврa, встрѣтила ихъ сильнымъ огнемъ ([136]).

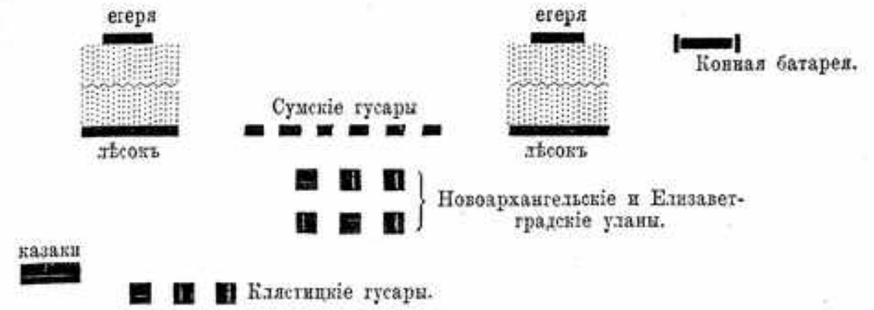

Схематическое изображение движения авангарда
Милосна
Гроховъ
Выгода
Окуневская дорога
Ольховая роща
Ваврa
Домброва-Гура
Гославская колонія
Малый Гроховъ
Окуневская дорога
Милосна
Ваврa
Выгода
Ольховая роща

поламъ, а потому выдвигаетъ на правый флангъ Старонингеманландскій полкъ и баталіонъ 4-го морскаго полка; артиллерію же 3-й дивизіи располагаетъ весьма выгодно уступомъ за конною батареею лѣвѣе шоссе. Въ то-же время 3-й морской полкъ былъ выдвинутъ Нейдгартомъ влѣво, для поддержки егерей и кавалеріи. Эти подкрѣпленія содѣйствовали возстановленію боя въ нашу пользу, но правый флангъ оставался все-таки уступомъ назади относительно войскъ, дѣйствовавшихъ лѣвѣе шоссе. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло, прибывшій около 11 час. дня, на поле сраженія Дибичъ съ конвоемъ изъ эскадрона Лубенскаго гусарскаго полка; за нимъ слѣдовали 9 баталіоновъ 2-й пѣхотной дивизіи. Фельдмаршалъ приказалъ оставшейся на шоссе конно-егерской бригадѣ пропустить впередъ вторую пѣх. дивизію; но пока конные егеря очищали дорогу и пока пѣхота обходила ихъ, поляки, пользуясь своимъ выдающимся положеніемъ въ лѣсу, усилили находившуюся тамъ пѣхоту и снова повели наступленіе, частью противъ фланга нашихъ батарей на шоссе, желая захватить ихъ разсыпнымъ строемъ. Густота лѣса скрывала это движеніе, однако кн. Горчаковъ заблаговременно его замѣтилъ, повернулъ фланговыя орудія конной № 1 батареи направо, фронтомъ параллельно шоссе, и открылъ картечный огонь черезъ шоссе по непріятелю. Встрѣченные градомъ картечи и пораженные внезапностью огня, поляки въ разстройствѣ отошли въ глубину лѣса, но часть ихъ застрѣльщиковъ, миновавъ обстрѣливаемое пространство, бросилась противъ батареи поставленной Толемъ. Дибичъ, видя эту отчаянную атаку, долженъ былъ послать противъ непріятеля полуэскадронъ своего конвоя съ нѣсколькими десятками казаковъ, поддержавъ ихъ 1-мъ саперным баталономъ; поляки были опрокинуты и скрылись въ лѣсу.

Было уже около 12 часовъ, а между тѣмъ правая наша колонна еще не дебушировала изъ лѣсу. Поляки, понимая стратегическую важность нашего праваго фланга, напрягаютъ противъ него свои усилія. Дибичъ посылаетъ торопить Розена и вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпляетъ правый флангъ Эстляндскимъ полкомъ (2-й пѣх. дивизіи), а 2-й гренадерской дивизіи приказываетъ прибыть на поле сраженія.

Розенъ встрѣченъ былъ дивизіею Круковецкаго съ конно-егерскимъ полкомъ (прочіе три полка кавалер. дивизіи Янковскаго находились у Гродзиска для охраненія лѣваго фланга польской арміи). Круковецкій для замедленія движенія Розена выслалъ одну полубатарею со стрѣлками въ лѣсъ, при входѣ въ который расположилась бригада Гелгуда съ полубатареей; прочія войска стали въ резервѣ, правѣе дороги у Выгоды. Влодекъ, миновавъ Гржибовскую Волю и слыша сильную пальбу на лѣвомъ флангѣ Палена, выдвинулъ влѣво отъ дороги въ лѣсъ 50-й егерскій полкъ и баталіонъ 49-го егерскаго полка, а на дорогѣ оставилъ другой баталіонъ этого полка. Высланныя Влодекомъ части, вмѣстѣ съ Эстляндскимъ полкомъ, одновременно двинувшись противъ лѣваго непріятельскаго фланга, дали намъ рѣшительный перевѣсъ. Дибичъ, слыша кононаду на право и не опасаясь за свой правый флангъ, приказалъ начать общее наступленіе въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Толь опрокинулъ Жимирскаго; Паленъ тѣснилъ по шоссе Шембека ([139]).

Еще ранѣе Дибичъ приказалъ Сакену возстановить порядокъ на лѣвомъ флангѣ. Оставивъ Пашкова съ 1-ю бригадою 2-й конно-егерской дивизіи на шоссе, Сакенъ поскакалъ на оконечность лѣваго фланга, гдѣ онъ нашелъ два егерскихъ баталіона чрезвычайно ослабленными огнемъ польской артиллеріи. Сакенъ расположилъ ихъ на опушкахъ двухъ малыхъ перелѣсковъ; четыре орудія 19-й конной батареи онъ поставилъ правѣе праваго лѣска, Сумскихъ гусаръ между перелѣсками въ первой линіи, за ними во 2-й—подходившихъ Новоархангельскихъ и Елисаветградскихъ уланъ, Клястицкихъ гусаръ и 500 казаковъ, лѣвѣе лѣваго перелѣска, уступомъ назадъ, съ цѣлью дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля. Противъ этой кавалеріи выстроились



у поляковъ два уланскихъ и два конно-егерскихъ полка, и затѣмъ первая ихъ линія понеслась въ атаку; Сумскіе гусары бросились на встрѣчу въ карьеръ, но были опрокинуты. Новоархангельскіе уланы поддерживаютъ ихъ и опрокидываютъ первую польскую линію на вторую. Поражаемая съ фланговъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи, угрожаемая обходомъ справа — польская конница отброшена назадъ. Лубенскій, имѣя въ тылу за собой болото, передвигается влѣво и стремится укрыться за пѣхотой; но Жимирскій и Шембекъ тоже тѣснимы. Хлопицкій приказываетъ гвардейскому Гренадерскому полку идти впередъ и самъ его направляетъ. Въ это время Дибичъ поручаетъ Пашкову съ его конно-егерями атаковать поляковъ. Бригадѣ представился случай на глазахъ фельдмаршала загладить свое пораженіе подъ Сточекомъ ([140]). Виртембергцы бросились въ атаку, опрокинули польскій 3-й конно-егерскій полкъ, врубились въ каре гв. гренадеръ и отбросили ихъ къ болотамъ, разсѣявъ и изрубивъ часть людей ([141]). Другіе непріятельскіе баталіоны тоже отступили, а наша пѣхота подошла по шоссе и заняла Вавръ; часть польской кавалеріи была отрѣзана и отброшена на Заставъ и Зержень.

На крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ Розенъ постепенно разворачивалъ прибывавшіе полки. На дорогѣ онъ поставилъ артиллерію; вправо выдвинуты были Подольскій и Волынскій полки, а влѣво Бѣлостокскій и баталіонъ Литовскаго полковъ. Круковецкій держался упорно. Чтобы отвлечь вниманіе Розена онъ послалъ для занятія высоты на правомъ нашемъ флангѣ 5-й пѣх. полкъ. Послѣ оживленнаго боя полкъ этотъ былъ опрокинутъ; тогда Круковецкій смѣнилъ боевую линію свѣжею бригадою. Но въ это время русскіе перешли въ общее наступленіе, правый флангъ поляковъ оттѣсненъ былъ къ Грохову; корчма и с. Выгода были ими тоже очищены; около 2-хъ часовъ пополудни Круковецкій отошелъ къ Ольховой рощѣ занятой дивизіей Скржинецкаго. Желая овладѣть Кавенчиномъ, Розенъ послалъ туда Польскій и Волынскій уланскіе полки и Житомірскій пѣхотный. Скржинецкій выдвинулъ противъ нихъ одинъ баталіонъ, занявшій деревню и Калишскій уланскій полкъ, располажившійся позади селенія; но наши войска опрокинули поляковъ и овладѣли селеніемъ. Круковецкій отступилъ; выходъ изъ лѣсу къ 4-мъ часамъ по полудни окончательно остался за нами—чѣмъ и достигнута была цѣль боя.

Потери наши простирались до 3700 чел., въ томъ числѣ до 100 офицеровъ. Поляки лишились, вѣроятно, ня меньшаго числа людей (въ томъ числѣ плѣнными до 600 чел.). Въ бою приняли участіе 18 баталіоновъ Палена и 19 Розена; но до 12 часовъ Паленъ былъ одинъ противъ 20 польскихъ баталіоновъ, составомъ сильнѣе нашихъ, причемъ всѣ выгоды позиціи находились на сторонѣ непріятеля; наши войска вводились въ бой по частямъ; артиллеріей сначала поляки насъ превосходили, но потомъ мы взяли надъ

ними рѣшительный верхъ. Если бы мы одновременно наступили на оба непріятельскіе фланга, то не позволили-бы себя охватить какъ это было съ корпусомъ Палена; но поспѣшность наступленія авангарда поставила его въ такое трудное положеніе. Къ 12 часамъ дня весь корпусъ Палена былъ въ огнѣ, а Розенъ только къ 3 часамъ развернулъ всѣ свои силы; этими то тремя часами разницы поляки и воспользовались для своихъ атакъ. Даже при такомъ неуравненіи хода колоннъ, если-бы Лопухинъ, открывъ расположеніе поляковъ, не завязывалъ бы дѣла, а выждалъ прибытія шедшей за нимъ 3-й дивизіи, то поляки едва-ли могли-бы одержать надъ нимъ свои первоначальные успѣхи. Это доказывается тѣмъ, что одной 3-й дивизіи, даже по частямъ вводимой въ дѣло, было достаточно для возстановленія весьма невыгодно начатаго дѣла; при совокупномъ-же ея наступленіи успѣхъ былъ болѣе обезпеченъ. Нельзя не указать также на дурной составъ авангарда, въ смыслѣ преобладанія въ немъ кавалеріи, ненужной въ лѣсномъ дефиле. Наконецъ упомянемъ, что между обѣими колоннами не было связи. Сраженіе подъ Вавромъ было случайное, разыгранное не по предварительно составленной программѣ; въ такихъ сраженіяхъ управляютъ ходомъ дѣла частные начальники; ихъ иниціатива, находчивость, предпріимчивость пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Въ этомъ отношеніи наибольшія заслуги принадлежатъ гр. Палену, который быстро прибывъ на поле сраженія, сразу оцѣнилъ положеніе дѣлъ, понялъ значеніе нашего праваго фланга и, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ, принялъ всѣ необходимыя мѣры для удержанія натиска поляковъ.

Поляки выбрали благопріятную минуту для атаки разъединенной русской арміи, что должно отнести на счетъ Жимирскаго и ободрившаго его намѣренія Хлопицкаго; атаки ими были ведены настойчиво и упорно противъ праваго фланга Палена; но, какъ кажется, слѣдовало въ этомъ направленіи употребить сразу еще болѣе средствъ и усилій. Дивизія Скржинецкаго не приняла участія въ бою; будучи-же двинута противъ Палена, могла-бы содѣйствовать рѣшительному удару и окончательному разрыву нашей арміи; если-же польскій главнокомандующій не имѣлъ въ виду произвести рѣшительнаго нападенія, то тогда непонятно съ какою цѣлью Ваврскій бой былъ веденъ поляками въ такихъ размѣрахъ.

Нѣкоторые упрекаютъ Дибича въ томъ, что онъ не довелъ боя до конца, не овладѣлъ Ольховой рощей и не кончилъ войны однимъ ударомъ; но слѣдуетъ замѣтить, что резервъ былъ слишкомъ позади; 2-я гренадерская дивизія прибыла на поле сраженія только вечеромъ. Къ тому же поляки не понесли рѣшительнаго пораженія; дивизіи Круковецкаго, Скржинецкаго и большая часть кавалеріи были весьма мало разстроены, что давало возможность имъ упорно удерживать какъ Ольховую рощу, такъ и позади-лежащія позиціи.

Вѣсть о ваврскомъ пораженіи произвела неблагопріятное впечатлѣніе на столицу; многіе считали уже все потереннымъ. Собравшійся въ этотъ день сеймъ постановилъ независимость свою отъ столицы, и даже въ случаѣ ея паденія онъ долженъ считаться комплектнымъ если соберется 11 сенаторовъ и 33 депутата на незанятой русскими территоріи Польши. При этомъ сеймъ опредѣлилъ раздать сражавшимся помѣстій на 10 мил. злотыхъ—одну половину офицерамъ, другую солдатамъ ([142]).

Наши войска расположились бивакомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигли ихъ приказанія, т. е. на шоссе, впереди лѣса въ одной верстѣ, затѣмъ по Окуневской дорогѣ при корчмѣ Выгодѣ и правѣе по опушкѣ лѣса; у Кавенчина стали войска, направленныя туда во время боя Розеномъ, а лѣвый флангъ простирался отъ шоссе до с. Застава, которое занято было баталіономъ 4-го морскаго полка.

Въ резервѣ находились: на Окуневской дорогѣ Литовская гренадерская бригада съ уланскимъ полкомъ, а на шоссе, впереди Ваврa, 2-я пѣхотная дивизія; за нею расположилась 2-я гренадерская дивизія; артиллерійскій резервъ сталъ въ Милоснѣ, гвардейскій отрядъ у корчмы Яновека, легкая его кавалерія была выдвинута въ Віонзовню, а кирасирская дивизія расположилась у Дембе-Вielке. Баронъ Гейсмаръ достигъ Вислы и занялъ Карчевъ.

Поляки отошли за М. Гроховъ и, не будучи тѣснимы, остановились впереди Б. Грохова и заняли позицію, опираясь правымъ флангомъ на долину Вислы, а лѣвый флангъ протянули за Ольховую рощу до кустарниковъ и болотъ, находящихся противъ с. Кавенчина. Поляки употребили весь вечеръ на приведеніе войскъ въ порядокъ, а ночью сдѣлали необходимыя для обороны измѣненія въ ихъ размѣщеніи. Для этого они прежде всего воспользовались бывшею передъ ними Ольховою рощею. По своему положенію она доставляла большія выгоды, а потому тамъ были расположены четыре баталіона 4-го полка; справа и позади стали остальныя части дивизіи Скржинецкаго, а нѣсколько позади и лѣвѣе вся дивизія Круковецкаго, причемъ шесть баталіоновъ Гелгута, находясь непосредственно за рощей, могли немедленно поддержать 4-й полкъ. Передвиженія поляковъ были замѣчены ночью и такъ какъ невозможно было опредѣлить ихъ цѣли, то ночью-же приказано было Гейсмару къ утру 8-го перейти изъ Карчева ближе къ Прагѣ, и, если услышитъ кононаду, двинуться береговою дорогою во флангъ и тылъ поляковъ. Съ разсвѣтомъ 8-го Гейсмаръ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Праги, между д.д. *Забытками и Жиржиномъ*, а корпуса Розена и Палена стояли въ ружьѣ въ ожиданіи приказаній. Дибичъ, объѣзжая войска, разсматривалъ расположеніе противника, ожидая не предприметъ-ли онъ чего либо съ своей стороны. Въ 10-мъ часу утра онъ приказалъ войскамъ составить ружья и отправился въ Милосну. По пути онъ услышалъ перестрѣлку на нашемъ правомъ флангѣ, которая вскорѣ прекратилась, но затѣмъ опять возобновилась съ большей силой, окончившись жаркимъ дѣломъ. Ольховая роща была выдающимся пунктомъ въ непріятельскомъ расположеніи и подходила близко къ бивакамъ 6-го корпуса. Занимавшіе ее поляки, видя, что русскіе составили ружья, продвинули свою цѣпь къ внѣшней опушкѣ; на постахъ завязлась перебранка, перешедшая скоро въ выстрѣлы, а затѣмъ послѣдовала и кононада. Розенъ, желая обезпечить себя отъ подобныхъ стычекъ, приказалъ начальнику 25 дивизіи Рейбницу оттѣснить поляковъ отъ наружной опушки рощи. Волынскій и Минскій полки назначены были для атаки, а Брестскій и Подольскій для ихъ поддержки.

Передовыя части наши ворвались въ рощу и потѣснили 4 непріятельскихъ баталіона; но затѣмъ поляки, ставъ за канавой внутри рощи, оказали упорное сопротивленіе. Рейбницъ лично повелъ въ дѣло Брестскій и Подольскій полки, но и поляки ввели въ рощу часть бригады Гелгуда.

Видя упорство боя, Розенъ отозвалъ назадъ свои части; послѣ чего поляки уже болѣе не безпокоили нашихъ. Это безполезное дѣло стоило намъ значительныхъ жертвъ; какъ вслѣдствіе упорства боя, такъ и отъ усиленнаго огня непріятеля при отступленіи нашемъ изъ рощи, войска Рейбница лишились 1.620 чел. (въ томъ числѣ 53 офицера) выбывшими изъ строя. Столь важный и сильный тактическій пунктъ, какъ Ольховая роща, требовалъ для атаки гораздо большаго числа войскъ, чѣмъ было направлено Розеномъ.

Въ то же время съ лѣваго нашего фланга замѣчено было, что поляки сооружаютъ въ разныхъ мѣстахъ своего расположенія батареи; это обстоятельство вмѣстѣ съ упорствомъ въ удержаніи за собою рощи, указывало окончательно на ихъ рѣшимость принять на этой позиціи бой ([143]).

ГЛАВА III.

Сраженіе при Бялоленкѣ и Гроховѣ и ихъ послѣдствія.

Движеніе Шаховскаго.

Князь Шаховской двигался по Ковенскому шоссе на Ломжу, куда прибылъ 5-го февраля, имѣя въ авангардѣ Мандерштерна, которому приказано 6-го занять Остроленку, Пултускъ и Сѣроцкъ, выполняя поставленную ему фельдмаршаломъ задачу, заключавшуюся въ томъ, чтобы овладѣть проходимымъ краемъ, собрать возможно больше продовольственныхъ запасовъ и пр. Онъ доносилъ, что встрѣчаетъ противодѣйствіе только со стороны шляхты и духовенства, народъ-же спокоенъ и выдаетъ оружіе безъ сопротивленія, но полагаться на это не слѣдуетъ въ виду вліянія на населеніе дворянства и католическаго духовенства. По пути встрѣчались банды (Пушета, Шона, Годлевскаго и др.), которыя при его приближеніи скрылись въ Пруссіи (впослѣдствіи, впрочемъ, онѣ снова вышли на его сообщенія). При движеніи войскъ кн. Шаховскаго встрѣчены были затрудненія только въ Остроленкѣ, гдѣ ледъ былъ ненадеженъ; существовавшій мостъ былъ испорченъ и архитекторы требовали 4 дня на его исправленіе. Мандерштернъ укрѣпилъ переправу посредствомъ бревенъ и соломы, политыхъ водою, и прошелъ черезъ рѣку, у Остроленки, 7-го февраля; на слѣдующій день прослѣдовалъ тамъ кн. Шаховской, который имѣлъ уже до 10.000 чел. при 48 орудіяхъ, такъ какъ еще въ Ломжѣ къ нему присоединились: слѣдовавшій за нимъ карабинерный Барклая-де-Толли полкъ съ 4 орудіями и прибывшіе изъ Бѣлостока Атаманскій казачій полкъ и артиллерія 2-й гренадерской дивизіи съ баталіономъ 6-го карабинернаго полка; всего у Шаховскаго было 11 бат., 6 эск., 3 казачьихъ полка и 48 орудій ([144]). Тотчасъ послѣ Ваврскаго сраженія Дибичъ послалъ къ кн. Шаховскому своего адъютанта (гв. капитана Муханова) съ приказаніемъ идти къ нему на соединеніе, а на встрѣчу ему выслалъ Сакена, на старую дорогу изъ Праги въ Пултускъ, съ отрядомъ изъ одного баталіона егерей, уланскаго полка, двухъ орудій и роты саперъ, съ приказаніемъ овладѣть мостомъ у Зегржа и прикрыть его. Для обезпеченія Сакена былъ высланъ, подъ начальствомъ полк. Лахмана, уланскій полкъ съ двумя орудіями, чрезъ Кобелку на Рембельщизну, заслономъ къ Варшавѣ. Сакенъ съ 9-го на 10-е февраля двинулся на Слупно и Непорентъ. Поляки занимали зегржскій тетдепонъ двумя баталіонами Модлинскаго гарнизона. Подойдя къ нему Сакенъ замѣтилъ, что противоположный берегъ командуетъ и потому Мандерштерну, приближавшемуся съ той стороны, легко будетъ овладѣть польскимъ укрѣпленіемъ; самъ-же онъ ничего не могъ сдѣлать, имѣя въ своемъ распоряженіи изъ пѣхоты лишь одинъ баталіонъ, вслѣдствіе чего и отошелъ къ Кобелкѣ ([145]). Шиндлеръ, поддерживавшій сообщенія главной арміи съ кн. Шаховскимъ, подошелъ съ казачьимъ полкомъ къ Вышкову и у Кобелки соединился съ Сакеномъ. Послѣ того Сакену приказано, присоединивъ къ себѣ Лахмана и

казачій полкъ, снова двинуться къ Зегржскому тетдепону и овладѣть имъ, что казалось возможнымъ при данной числительности отряда. Если-бы противникъ усилился подкрѣпленіями, то атака Сакена могла быть поддержана Мандерштерномъ, который долженъ былъ къ этому времени тоже подойти къ Зегржу. Между тѣмъ 10-го Шаховской достигъ Пултуска (куда къ нему прибылъ Мухановъ), а Мандерштернъ Сѣроцка. 11-го февраля утромъ всѣ войска кн. Шаховскаго соединились у Сѣроцка, имѣя отрядъ изъ 2 ротъ, 1 эск. и 1 сотни у Насѣльска, для обезпеченія праваго фланга. Сводная карабинерная бригада перешла Буго-Наревъ у Сѣроцка и двинулась по лѣвому берегу рѣки для атаки тетдепона у Зегржа, а Мандерштернъ двинулся туда двумя колоннами по правому берегу. Атаманскій полкъ направленъ былъ на Радзыминъ для охраненія карабинеровъ. Мостъ прикрывался только двумя полукруглыми палисадными стѣнками съ земляннымъ валомъ. Поляки согласно приказанію скоро отступили къ Модлину, не особенно основательно испортивъ мостъ ([146]); Мандерштернъ занялъ укрѣпленія и приступилъ къ исправленію моста; только тогда уже подошелъ Сакенъ, дѣйствія котораго не оказали никакого вліянія ни описанную операцію. 11-го вечеромъ кн. Шаховской перешелъ Буго-Наревъ и расположился бивакомъ у Непорента. Тутъ прибылъ къ нему другой адъютантъ Дибича (Львовъ) съ приказаніемъ: если удалось перевести артиллерію, то идти по старой дорогѣ; въ противномъ случаѣ— оставить артиллерію подъ прикрытіемъ на той сторонѣ рѣки и продолжать движеніе кружнымъ путемъ на соединеніе съ арміей. Шаховской донесъ, что продолжаетъ движеніе по старой дорогѣ. Это донесеніе было послано въ *двѣнадцать* часовъ ночи и могло быть получено только *къ разсвѣту 12-го февраля*. Дибичъ тотчасъ-же отвѣчалъ, чтобы Шаховской не продолжалъ движенія по старой дорогѣ, а *оставался бы все двѣнадцатое число у Непорента*, а 13-го перешелъ-бы въ Кобелку; Толь-же приписалъ, что если онъ уже выступилъ, то *остановиться* тамъ, гдѣ застанетъ приказаніе. Между тѣмъ Хлопицкій выслалъ 11-го февраля Янковскаго съ кавалерійскою дивизіею, однимъ баталіономъ линейной пѣхоты (3-й батал. 6-го полка) бригады Малаховскаго, однимъ баталіономъ стрѣлковъ курповъ и двумя орудіями съ приказаніемъ забрать и доставить въ Варшаву запасы изъ магазина въ Радзыминѣ. Янковскій оставилъ одинъ полкъ (мазуровъ) въ Бялоленкѣ, а съ остальными двинулся на Гродзискъ и Слупно, гдѣ, повѣря слуху о присутствіи русскихъ войскъ въ Непорентѣ и полагая имѣть дѣло съ однимъ Сакеномъ, рано утромъ 12-го числа произвелъ нечаянное нападеніе. Но гренадеры въ нѣсколько минутъ изготовились къ бою; Янковскій встрѣченъ огнемъ и вынужденъ ретироваться на Слупно. Шаховской выслалъ за нимъ Сакена, а самъ двинулся по дорогѣ къ Прагѣ, донося Дибичу, что намѣренъ идти къ Бялоленкѣ, гдѣ приказалъ присоединиться къ себѣ и кавалеріи Сакена, чрезъ Пустельникъ и Копты Гродзиски. Цѣль движенія заключалась въ занятіи дефиле между Кобелкой и Бялоленкой раньше непріятеля, чтобы прикрыть дорогу изъ Кобелки на Гродзискъ, Марки и Зомбки къ Кавенчину. Движеніе это не требовало много времени, такъ какъ отъ Непорента до Бялоленки 13—14 верстъ.

Приказаніе Дибича объ остановкѣ у Непорента опоздало: казакъ, везшій его, наткнувшись на дивизію Янковскаго, взялъ вправо, сдѣлалъ большой объѣздъ, не засталъ Шаховскаго у Непорента и настигъ его уже въ то время, когда онъ втянулся въ дефиле у Кобелки. Шаховской, считая необходимымъ овладѣть выходомъ изъ дефиле, рѣшился не исполнить приказанія главнокомандующаго и взять Бялоленку, что отвѣчало также и его желанію отрѣзать путь отступленія Янковскому.

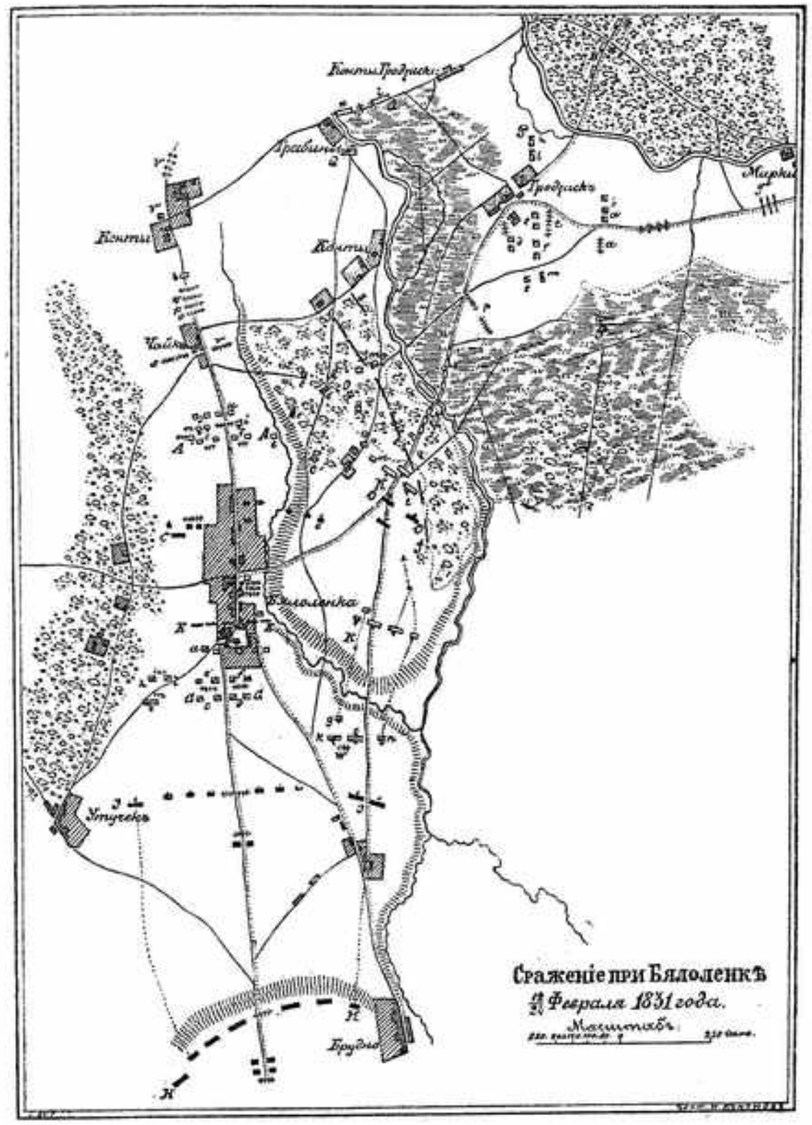
Между прочимъ, какъ увидимъ ниже, Дибичъ имѣлъ въ виду выдвинуть по воз-

можности внезапно и скрытно Шаховскаго, съ частью другихъ войскъ, противъ лѣваго фланга и тыла польской арміи, нанести ей въ этомъ направленіи рѣшительный ударъ—такова была основная мысль фельдмаршала; поэтому-то Шаховской и долженъ былъ не только не высовываться, но по возможности скрывать свое движеніе, чтобы не навести поляковъ на мысль относительно направленія готовившагося имъ главнаго удара. Дибичъ въ этихъ видахъ полагалъ задержать гренадеръ 12-го у Непорента, 13-го придвинуть ихъ къ Кобелкѣ, гдѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться отрядъ гр. Витта, а затѣмъ 14-го числа двинуть къ Бялоленкѣ и оттуда къ Прагѣ. Если-бы Шаховской, даже выступивъ изъ Непорента, но, подойдя къ Кобелкѣ и получивъ приказаніе Дибича, остановился, то все-таки для поляковъ вопросъ о направленіи движенія гренадеръ не былъ-бы окончательно выясненъ, такъ какъ отъ Непорента и Кобелки идутъ дороги и на Кавенчинъ, а слѣдовательно можно было-бы предположить движеніе и въ томъ направленіи.

Бой у Бялоленки.

Когда наши войска стали подходить къ Бялоленкѣ, то поляки уже прочно занимали это селеніе. Бялоленка тянется вдоль по дорогѣ и занимала тогда по ея протяженію около версты. На оконечности, обращенной къ Прагѣ, находилась господская усадьба, которая служила главнымъ опорнымъ пунктомъ полякамъ. Хлопицкій, сильно безпокоясь за свой лѣвый флангъ, утромъ 12-го выслалъ въ Бялоленку бригаду Малаховскаго (2 и 6 полки), при 6-ти орудіяхъ, для поддержанія Янковскаго и обороны селенія до послѣдней крайности. Малаховскій, прибывъ туда въ 11 ч. утра, занялъ позицію такимъ образомъ: 1 бат. (6-го пол.) занималъ наружную ограду; 2 батал. (того-же полка) стали въ господской усадьбѣ; лѣвѣе между селеніемъ и Трахоминскимъ лѣсомъ поставлены 2 баталіона (2-го п.), а 1 батал. (2-го п.) еще лѣвѣе въ лѣсу, скрытно (147); 8 легкихъ орудій—по обѣимъ сторонамъ селенія; мазуры впереди; стрѣлки курпы въ Бялоленкѣ; прибывшій впослѣдствіи Янковскій расположился за правымъ флангомъ.

Около двухъ часовъ по полудни показались атаманцы, оттѣснили мазуровъ къ лѣвому флангу и затѣмъ пріостановились, встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ деревни; за ними шелъ Мандерштернъ. Шаховскій приказалъ послѣднему съ 1 и 2 морскими полками наступать прямо на Бялоленку; 5-й карабинерный полкъ и 2 эск. Лубенскаго гусарскаго полка прикрывали его атаку съ правой стороны, а карабинерный Барклая-де-Толли полкъ—съ лѣвой стороны, противъ показавшейся кавалеріи Янковскаго. Три баталіона Астраханскаго и Суворовскаго полковъ оставались въ резервѣ. Передовые полки Мандерштерна опрокинули поляковъ, занимавшихъ окраину селенія, ворвались въ него, но, встрѣченные непріятельскими резервами, были отброшены назадъ. Въ эту минуту Янковскій получилъ приказаніе возвратиться къ главной арміи. Хотя это приказаніе несомнѣнно относилось къ положенію его у Слупно, но онъ, не смотря на убѣжденія Малаховскаго, оставилъ лишь полкъ мазуровъ, а самъ съ остальными частями своего отряда ушелъ. Между тѣмъ Шаховской приказалъ Суворовскому гр. полку и баталіону 5-го карабинернаго полка двинуться впередъ для атаки непріятеля. Когда Шаховской подъѣхалъ къ суворовцамъ и приказалъ имъ заряжать ружья, то полкъ испросилъ разрѣшеніе атаковать прямо въ штыки („суворовцы не стрѣляютъ"), что и было дозволено. Суворовскіе гренадеры безъ выстрѣла устремились въ атаку, опрокинули непріятеля, ворвались въ селеніе, затѣмъ въ усадьбу и, выбивъ оттуда поляковъ, заняли селеніе. Произведенная при этомъ двумя гусарскими аскадронами атака была отбита огнемъ скрытно расположеннаго въ лѣсу баталіона; но такъ какъ селеніе было потеряно поляками, то Малаховскій отступилъ въ полномъ безпорядкѣ. Полки, лишившись командировъ, тѣснимые и охватываемые нашими стрѣлками, отходили въ совершенномъ разстройствѣ и, по сознанію самихъ поляковъ, могли-бы легко сдѣлаться жертвою нашей кавалеріи; но Шаховской не преслѣдовалъ съ должной энергіей и не выдвинулъ впередъ своей конницы; вслѣдствіе чего бригада Малаховскаго, нѣсколько устроенная имъ и начальникомъ дивизіоннаго штаба, отошла спокойно подъ прикрытіе баталіона 6-го полка къ Брудно, куда спѣшилъ Круковецкій съ бригадою Гелгуда и батарейною батареею (148).



Съ наступленіемъ сумерекъ обѣ стороны расположились одна въ виду другой: Шаховской впереди Бялоленки, Круковецкій впереди Брудно. Поздно вечеромъ къ лѣ-

вому флангу Шаховскаго присоединился Сакенъ, тщетно преслѣдовавшій Янковскаго. Наши потери простирались до 650 чел.; у поляковъ выбыло изъ строя, вѣроятно, не менѣе. Бялоленкскій бой смутилъ Дибича; всѣ его предположенія и расчеты относительно предстоявшаго рѣшительнаго сраженія готовы были рушиться; притомъ поляки могли превосходными силами, разгромить Шаховскаго. Нельзя не замѣтить, что прежде всего отвѣтственность за это падаетъ на самого Дибича. Отдѣленіе Шаховскаго стало приносить уже горькіе плоды. Исторія показываетъ, что дѣйствія двумя отдѣльными массами для достиженія одной и той-же цѣли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ведутъ къ недоразумѣніямъ даже у величайшихъ полководцевъ (Ней подъ Бауценомъ). Кромѣ того, отдѣляя Шаховскаго и давая ему особую задачу, Дибичъ не познакомилъ его съ ролью въ этой операціи; онъ не сообщилъ Шаховскому цѣли его остановки и уклоненія до времени отъ боя. Еще 12-го числа утромъ не было поздно дать подобныя директивы. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ былъ рѣзко нарушенъ, по отношенію къ отдѣльно оперировавшему корпусному командиру, еще Суворовскій завѣтъ „всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“.

Поздно вечеромъ (10—11 часовъ) Дибичъ получилъ отъ Шаховскаго донесеніе о занятіи имъ Бялоленки. Главнокомандующій тотчасъ-же послалъ ему приказаніе остановиться и не завязывать боя вновь, если-же поляки нападутъ на него, то наши главныя силы атакуютъ непріятеля съ фронта; обозы приказано отправить ночью-же на Окуневъ. Адъютантъ, привезшій приказаніе, сообщилъ, что фельдмаршалъ крайне недоволенъ занятіемъ Бялоленки; это сильно взволновало старика Шаховскаго и онъ обратился за совѣтомъ къ своему начальнику штаба Гурко и другимъ, о томъ что предпринять; мнѣнія высказывались различныя; не остановились ни на чемъ; ночь прошла спокойно.

Круковецкій, получившій приказаніе наблюдать за Шаховскимъ, тоже вовсе не думалъ его атаковать, а между тѣмъ на другой день бой все-таки завязался. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Къ утру 13-го февраля, Шаховской хотя и могъ бы съ успѣхомъ противостоять Круковецкому, но, воображая, что вся польская армія обратится противъ него, рѣшился отойти и приказалъ отряду отступать по дорогѣ на Гродзискъ и Марки для соединенія съ главной арміей. Такое распоряженіе, предполагая съ одной стороны уступку непріятелю Бялоленки, съ другой—уклоненіе Шаховскаго отъ даннаго ему приказанія, вдвойнѣ противорѣчило видамъ Дибича. Между Бялоленкою и Гродзискомъ протекаетъ небольшая, но весьма топкая рѣчка, чрезъ которую имѣлся только одинъ мостъ; приходилось двигаться по немъ глубокою колонною въ виду непріятеля. Для облегченія этого движенія Шаховской выслалъ сначала баталіонъ 3-го егерскаго полка, чтобы занять находившіяся передъ лѣвымъ флангомъ строенія по дорогѣ въ с. Брудно; затѣмъ, оставя на этомъ флангѣ карабинерные полки, кавалерію Сакена и Атаманскій полкъ, онъ приказалъ прочимъ войскамъ, начиная съ праваго фланга, сниматься съ позиціи. Для лучшаго обезпеченія своего движенія Шаховской приказалъ генер. шт. полковнику барону Зедделеру отыскать среди болотистой низменности позицію для артиллеріи; вслѣдствіе этого одна батарея заняла высоту у того пункта, гдѣ дорога отдѣлялась на Гродзискъ. Видя движеніе нашихъ егерей впередъ и предполагая затѣмъ съ нашей стороны атаку, Круковецкій открылъ артиллерійскій огонь; наши батареи отвѣчали и завязалась кононада. Войска польскія были расположены на позиціи между Брудно и Трахоминскимъ лѣсомъ, находившемся на ихъ лѣвомъ флангѣ; въ первой линіи поставлено было 8 баталіоновъ съ 24 орудіями; во второй—полкъ косиньеровъ и Люблинская конница; лѣсъ влѣво занятъ

былъ 3-мя баталіонами; уланскій полкъ былъ высланъ на дорогу въ Яблонну, наблюденіе за которой Радзивилъ считалъ необходимымъ: вправо къ Зомбкомъ отряженъ былъ 1-нъ эскадронъ.

Весь отрядъ Круковецкаго состоялъ изъ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 24 ор. и полка косиньеровъ. Силы были почти равныя съ обѣихъ сторонъ. Убѣдившись, что русскіе не наступаютъ, а напротивъ отступаютъ, Круковецкій, по просьбѣ Гелгуда перешелъ въ наступленіе и двинулся въ атаку преимущественно противъ нашего лѣваго фланга. Вся его артиллерія выдвинулась впередъ и сосредоточила огонь по войскамъ, прикрывавшимъ движеніе, а затѣмъ тронулась и пѣхота; на правомъ флангѣ поляковъ наступалъ преимущественно 5-й пѣх. полкъ, а на лѣвомъ 2 орудія со стрѣлками 2-го полка ([149]); но Сакенъ сдерживалъ непріятеля; войска Шаховскаго успѣли пройти дефиле и выстроились подъ прикрытіемъ арьергарда и батареи Чаплица, поставленной Зедделеромъ. Послѣ того арьергардъ тоже началъ отступать; только одна батарея, опоздавшая пройти дефиле подъ защитой Сакена, попыталась переправиться нѣсколько ниже, но, завязнувъ въ болотѣ и потерявъ одно орудіе, принуждена была отступить, съ частью кавалеріи, чрезъ Конты Гродзиски. Занявъ позицію по ту сторону моста и видя, что поляки ничего не предпринимаютъ, Шаховской отошелъ къ Маркамъ. Бой окончился въ 11 ч. утра.

Между тѣмъ Бялоленкскій бой заставилъ предполагать Дибича, что Шаховской подвергся нападенію превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Чтобы выручить его, фельдмаршалъ рѣшился атаковать поляковъ главной арміей, что, конечно, было вполнѣ соотвѣтственнымъ, такъ какъ поляки могли легко раздавить Шаховскаго. Послѣдній своимъ отступленіемъ отъ Бялоленки вызвалъ атаку со стороны Круковецкаго, а это нападеніе, въ свою очередь, было ближайшею причиною атаки нашей главной арміи. Таковой представляется цѣпь фактовъ, недоразумѣній и ошибокъ приведшихъ къ Гроховскому сраженію, обратившемуся изъ преднамѣреннаго въ случайное, и потому далеко не давшему тѣхъ результатовъ, на которые вправѣ былъ расчитывать нашъ главнокомандующій, сосредоточившій на немъ свои главные помыслы, заботы и надежды.

Гроховское сраженіе 13 февраля 1831 г.

Окрестности Праги состоятъ вообще изъ низменной обширной равнины, пересѣченной болотами и осушительными канавами; между болотами находятся незначительныя песчаныя возвышенія. Равнина ограничена съ одной стороны Вислою съ прилежащими къ ней рытвинами и заливами, а съ другой, противуположной,—лѣсомъ. Къ сѣверу отъ Праги, по самому почти берегу рѣки, пролегаетъ Ковенское шоссе. Идущее на востокъ Брестское шоссе образуетъ съ Ковенскимъ уголъ въ 120°. Пространство между первымъ и Вислою, южнѣе Праги, стѣснено болотами и заливами, которые тянутся вдоль шоссе на версту отъ Праги, потомъ удаляются къ югу и на 6-й верстѣ снова подходятъ къ самому шоссе. Такимъ образомъ свободное для маневрированія пространство находится только между обоими шоссе. На разстояніи $4^1/_2$—5 верстъ и 3-хъ верстъ отъ Праги, по двумъ дугамъ, между обоими шоссе находится нѣсколько селеній: а) *по внѣшней дугѣ*: 1) Малый Гроховъ; 2) далѣе въ $2^1/_2$ вер. отъ шоссе Кавенчинъ; 3) Зомбки—въ 5 верстахъ отъ шоссе; 4) Бялоленка—въ 3 вер. отъ Ковенскаго шоссе и наконецъ 5) Зержень, между Вислой и Брестскимъ шоссе; б) *по внутренней дугѣ* въ разстояніи около 3 вер. отъ Праги: 1) Гоцлавъ; 2) Большой Гроховъ: 3) колонія Эльснеръ и 4) Брудно.

Отъ Малаго Грохова къ Бялоленкѣ и мимо ея тянется низкая болотистая мѣстность, перерѣзанная глубокими канавами и простирающаяся противъ Кавенчина въ ширину на версту, а у Зомбокъ на двѣ и болѣе версты. Деревни Кавенчинъ и Зомбки находятся на внѣшнемъ краѣ этой болотистой мѣстности, а колонія Эльснеръ, д. Брудно и Бялоленка на внутреннемъ, т. е. къ сторонѣ Праги.

Кромѣ главной низины все остальное пространство перекопано такими же канавами, но вообще всѣ препятствія болѣе затруднительны къ сторонѣ Брестскаго нежели Ковенскаго шоссе, такъ что между Бялоленкой, Брудно и Прагой уже могутъ дѣйствовать значительныя массы кавалеріи. За внѣшней окраиной упомянутой низменности вся равнина окружена лѣсомъ, который по всей своей опушкѣ оставляетъ мало мѣста для маневрированія, а мѣстами примыкаетъ къ болотистой низинѣ. Главная непріятельская позиція была по Брестскому шоссе между Большимъ и Малымъ Гроховомъ, причемъ первое селеніе приходилось за, а второе — передъ ея центромъ.

Правый флангъ поляковъ опирался въ непроходимыя болота между шоссе и Вислою, которыя, какъ сказано, на 6-й верстѣ отъ Праги подходили къ шоссе и нетолько обезпечивали позицію съ этой стороны, но даже частью прикрывали ее съ фронта.

Лѣвый флангъ позиціи протягивался за Ольховую рощу, находящуюся между Гроховомъ и Кавенчиномъ и кромѣ того прикрытъ былъ низиною. Всѣ канавы, прокопанныя для осушенія этого болота, сходятся въ главный ровъ, проходящій чрезъ всю длину рощи и далѣе къ сторонѣ Бялоленки. Ровъ проходитъ параллельно фронту позиціи и въ рощѣ весьма глубокъ и широкъ—около сажени. Почва Ольховой рощи болотиста, но въ день сраженія подмерзла и допускала движенія. Кромѣ этихъ препятствій, дѣлавшихъ позицію съ фронта довольно сильною, она была укрѣплена еще нѣсколькими наскоро набросанными батареями, расположенными на песчаныхъ высотахъ за низиною, такъ что можно было обстрѣливать низину сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Южнѣе Большаго Грохова находилась роща, гдѣ дивизіей Шембека были устроены засѣки. Далѣе выгоды непріятельской позиціи заключались въ томъ, что наши войска не имѣли достаточнаго пространства для свободнаго развертыванія и должны были исполнять таковое подъ непріятельскимъ артиллерійскимъ и даже ружейнымъ (изъ Ольховой рощи) огнемъ. Пересѣченная мѣстность лишала насъ преимуществъ въ кавалеріи. Наконецъ противникъ имѣлъ въ тылу опорные пункты для постепеннаго отступленія, а именно: с. Гоцлавекъ, Б. Гроховъ, съ рощами между ними и низиной на лѣвомъ флангѣ; далѣе опорнымъ пунктомъ могла служить д. Таргувекъ, потомъ окружавшія Прагу укрѣпленія, наконецъ само предмѣстье Прага, обнесенное валомъ съ укрѣпленіями, имѣвшее обширную эспланаду *); но затѣмъ приходилось уже двигаться по мосту чрезъ Вислу, что дѣлало отступленіе въ высшей степени опаснымъ. Кромѣ этого важнымъ недостаткомъ непріятельской позиціи было то, что лѣвый флангъ ея висѣлъ на воздухѣ **). Изъ этого описанія видно, что атака непріятеля съ фронта была для нашей арміи весьма затруднительна, вслѣдствіе трудности развертыванія подъ близкимъ непріятельскимъ огнемъ и невозможности воспользоваться преимуществами въ кавалеріи и артиллеріи; въ случаѣ-же успѣха можно было, слѣдуя

*) Пражскій тетдепонъ состоялъ изъ 2-хъ бастіонныхъ фронтовъ съ палисадированнымъ рвомъ, тремя люнетами, соединенными съ валомъ посредствомъ коконировъ, и наконецъ съ двойнымъ прикрытымъ путемъ. Кромѣ того само предмѣстье Прага было прикрыто обводнымъ городскимъ валомъ съ полевыми укрѣпленіями, защищавшими всѣ въѣзды. Предмѣстье Прага составляло въ послѣднее время незначительную часть города, застроенную преимущественно деревянными зданіями, съ числомъ жителей менѣе 4 т. чел.

**) См. планъ сраженія.

на плечахъ поляковъ, захватитъ мостъ и пройти по немъ, или, выставивъ по берегу батареи, угрозою бомбардированія заставить Варшаву сдаться; что-же касается направленія удара на лѣвый непріятельскій флангъ, то это представляло несравненно важнѣйшія выгоды: первый періодъ боя для насъ значительно облегчался; мы могли пользоваться вполнѣ всѣми нашими силами, противнику легко отрѣзывался путь отступленія и можно было разсчитывать отбросить его къ непроходимымъ побережнымъ болотамъ Вислы.

Дибичъ именно и полагалъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ съ его лѣваго фланга и съ этой цѣлью составлена была уже диспозиція на 14-е число, которую предполагалось объявить войскамъ наканунѣ, и сущность которой заключалась въ слѣдующемъ. Кн. Шаховской долженъ былъ 14-го числа двинуться къ Бялоленкѣ, занять ее до разсвѣта и, пройдя версты $1^1/_2$ по направленію къ Брудно, развернуться вправо и выдвинуть всю свою артиллерію. Казакамъ его—дѣйствовать по Ковенскому шоссе. Графъ Виттъ, долженъ былъ перейти ночью изъ Милосны къ Бялоленкѣ и, поступивъ подъ начальство кн. Шаховскаго, развернуться за нимъ. Розену въ то же время назначалось съ частью его корпуса обойти справа Кавенчинъ и развернуться по обѣ стороны, имѣя впереди всю артиллерію, за правымъ флангомъ — Литовскую гренадерскую бригаду, за лѣвымъ—всю его кавалерію. Паленъ долженъ былъ: оставить лѣвѣе шоссе 1-ю пѣх. дивизію, правѣе ея развернуть шесть полковъ кавалеріи, а 2-ю и 3-ю пѣхотныя дивизіи примкнуть къ лѣвому флангу бар. Розена. Резерву—собраться за Кавенчиномъ. Такимъ образомъ главныя силы арміи приняли-бы совершенно облическое положеніе противъ лѣваго фланга позиціи поляковъ, а сильный отрядъ кн. Шаховскаго (около $17^1/_2$ т., почти поровну пѣхоты и кавалеріи) сталъ-бы почти въ тылу ея. При хорошихъ нравственныхъ качествахъ арміи и превосходствѣ нашихъ силъ, составленный планъ сраженія обѣщалъ, повидимому, самые рѣшительные результаты.

Утромъ 13 февраля Дибичъ, присутствуя на молебствіи во 2-й гренадерской дивизіи, услышалъ кононаду со стороны Бялоленки. Опасаясь, чтобы польская армія не обрушилась превосходными силами на Шаховскаго, фельдмаршалъ тотчасъ послалъ ему приказаніе удерживаться по возможности, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился атаковать поляковъ главными силами съ фронта, чтобы отвлечь непріятеля отъ Шаховскаго. Такимъ образомъ рухнулъ планъ, составленный для предполагавшагося сраженія подъ Гроховымъ, и бой разыгрался вопреки разсчетамъ и соображеніямъ Дибича ([150]).

Польская армія была расположена на позиціи слѣдующимъ образомъ. Выяснившаяся, во время Ваврскаго сраженія, важность Ольховой рощи была оцѣнена и пунктъ этотъ былъ сильно занятъ; изъ дивизіи Жимирскаго бригада Роланда (3-й и 7-й линейные полки—6 бат.) расположилась въ передней части рощи, имѣя густую цѣпь застрѣльщиковъ по опушкѣ, а сильные резервы недалеко позади; главная масса бригады стояла за главнымъ рвомъ, развернутымъ фронтомъ съ интервалами между частями, такъ что опрокинутыя передніе части могли пройти назадъ и устроиться подъ прикрытіемъ баталнаго огня и штыковъ развернутыхъ частей; всѣ эти передовыя войска поддерживались расположенной за ними бригадою Чижевскаго (2-й и 4-й егерскіе полки). Если бы все таки противникъ овладѣлъ рощей, то за нею вблизи были расположены, за эполементами, батареи, картечь которыхъ пронизывала всю рощу и дѣятельно помогала оборонѣ этого пункта. За рощей поставлена была дивизія Скржинецкаго (4-й и 8-й линейные полки, ветераны и баталіонъ Варшавскихъ юношей), примыкая правымъ флангомъ къ шоссе. Дивизія Шембека составляла правое крыло, примыкая правымъ флангомъ къ болотамъ Сасской-Кемпы; 1-й и 3-й егерскій полки занимали

лѣсъ и его опушку, гренадеры и 20-й полкъ стояли въ резервѣ у Грохова, стрѣлки Кушеля разсыпаны были въ болотистомъ лѣсу на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Четыре батареи обороняли промежутокъ между рощей и шоссе, причемъ батарейная батарея Піонтка стояла на самой дорогѣ; двѣ батареи защищали пространство отъ рощи до Кавенчина. Нѣкоторыя батареи были прикрыты эполементами, довольно плохо впрочемъ исполненными, вслѣдствіе мерзлаго грунта (151). Такимъ образомъ пространство передъ Ольховой рощей обстрѣливалось перекрестнымъ огнемъ батарей, расположенныхъ по ея сторонамъ. Кавалерія Лубенскаго расположена была между шоссе и д. Таргувекъ, поперегъ дороги въ Зомбки. Кавалерійскій корпусъ Уминскаго *) (2 кав. див. и 2 конн. батареи) у колоніи Эльснера, причемъ цѣпью отдѣльныхъ постовъ онъ наблюдалъ селенія Зомбки (куда Круковецкимъ отправленъ 1 баталіонъ и 1 эскадронъ) и Кавенчинъ. Дивизія Круковецкаго дѣйствовала противъ Шаховскаго у Брудно; вблизи Праги поставлены были косиньеры (ополченцы, вооруженные косами), артиллерійскіе резервы и парки. Главнокомандующій Радзивилъ со штабомъ сталъ въ 2-хъ верстахъ отъ Праги у монумента (чугунная пирамида); Хлопицкій находился сперва на батареѣ Піонтка, а впослѣдствіи тамъ, гдѣ его присутствіе было необходимо.

Такъ какъ полякамъ извѣстно было, что Дибичъ ожидаетъ подкрѣпленій и съ этою цѣлью медлитъ нападеніемъ, то за нѣсколько дней до Гроховскаго сраженія, явилось предположеніе попытаться разбить русскую армію, прежде чѣмъ подойдутъ къ ней поджидавшіяся части. Кромѣ того правое крыло русскихъ висѣло на воздухѣ и можно было расчитывать разбить его ранѣе нежели успѣетъ подойти помощь съ отдаленнаго лѣваго крыла, и затѣмъ отбросить русскихъ, отрѣзавъ ихъ отъ операціоннаго пути и базы. Съ этою цѣлью Прондзинскій и Рыбинскій, произведя рекогносцировку русскаго расположенія, представили Хлопицкому планъ, заключавшійся въ слѣдующемъ: 8.000 кавалеріи и 90 орудій выдвинуть между занятой поляками Ольховой рощей и лѣскомъ. Въ то время какъ эта многочисленная артиллерія привлечетъ вниманіе русскихъ усиленнымъ огнемъ — 40 баталіоновъ пѣхоты, сосредоточенныхъ у Ольховой рощи, быстро выдвигаются оттуда, захватываютъ крайнюю правофланговую непріятельскую батарею, перемѣняютъ фронтъ на право и, при демонстративномъ боѣ на другихъ пунктахъ поля сраженія, тѣснятъ противника, подобно тому какъ сдѣлалъ это Фридрихъ II подъ Лейтеномъ (Лисса). Хлопицкій сначала склонялся къ принятію этого плана, но затѣмъ отказался отъ него, говоря, что не можетъ отважиться свести главныя силы съ шоссе и подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ отъ Праги (152). Такимъ образомъ выгоды представляемыя Пражскимъ тетдепономъ и Модлинскою крѣпостью, которые даютъ владѣющему ими свободу маневрированія, и въ настоящемъ случаѣ не послужили ни къ чему для поляковъ.

Русская главная армія расположена была слѣдующимъ порядкомъ: корпусъ гр. Палена, имѣя передъ собою на позиціи часть своей артиллеріи, находился по обѣимъ сторонамъ Брестскаго шоссе, эшелонируясь болѣе въ глубину, причемъ 2 и 3 пѣх. дивизіи стояли сѣвернѣе шоссе до Окуневской дороги, а кавалерія его находилась лѣвѣе шоссе за лѣсомъ, занятымъ частью 1-й пѣх. дивизіи; корпусъ Розена примыкалъ къ правому флангу Палена и бивакировалъ къ сѣверу на упушкѣ большаго лѣса, имѣя тоже часть артиллеріи впереди на позиціи у корчмы Выгоды. 1-я бригада Литовской уланской дивизіи составляла его правый флангъ у Кавенчина, а Волынскій уланскій полкъ стоялъ

*) Уминскій не задолго передъ тѣмъ прибылъ въ польскую армію. За участіе въ политическихъ заговорахъ онъ содержался въ прусской крѣпости Глогау; но, узнавъ о возстаніи, бѣжалъ и получилъ въ командованіе кавалерійскую дивизію Вейсенгофа.

за серединою корпуса. 2-я гренадерская дивизія была расположена на шоссе въ полуверстѣ за корчмою Вавромъ; 3-й резервный кавал. корпусъ, гв. отрядъ и боевой артиллерійскій резервъ были потребованы изъ Милосны, но къ началу сраженія не прибыли.

Силы поляковъ простирались до 36 т. пѣх., 12 т. кавал. и 8 т. косиньеровъ, или 56 т., а *безъ Круковецкаго 44 т. чел.*; *силы русскихъ*: $55^1/_2$ т. пѣх., 16.700 чел. кав. (79 бат. 132 эск. и сот.) или 72.200 чел. при 252 ор.; *а безъ Шаховскаго* $59^1/_2$ *т. при 196 ор.* ($67^1/_2$ бат. 93 эск.). *).

Около $9^1/_2$ ч. утра открытъ былъ артиллерійскій огонь, а вскорѣ затѣмъ, съ приближеніемъ къ Вавру двигавшихся отъ Милосны войскъ, правый флангъ сталъ подаваться вправо, чтобы атаковать Ольховую рощу; три **) баталіона 2-й бриг. 24-й дивизіи, имѣя за собою Брестскій полкъ, выстроились прямо противъ середины рощи; 3-я бригада 25-й пѣх. дивизіи, имѣя за собою Минскій пѣх. полкъ, обходила эту рощу для атаки ея справа, а Литовская гренадер. бригада, съ тремя полками Литовской уланской дивизіи, направлена еще правѣе для наступленія между Кавенчиномъ и Зомбками и связи съ Шаховскимъ. По мѣрѣ такого передвиженія войскъ Розена, сталъ развертываться вправо отъ шоссе и корпусъ гр. Палена: 3-я пѣх. дивизія подавалась за 24-й и готовилась атаковать рощу съ лѣвой стороны, уступивъ свое первоначальное мѣсто 2-й пѣх. дивизіи; 2-я гренадер. дивизія переведена съ шоссе вправо, за песчаные бугры, и поставлена въ резервѣ за корпусомъ Розена, а мѣсто ея на шоссе у Вавра занялъ гв. отрядъ, имѣя за собою артиллерійскій резервъ; 3-й рез. кавал. корпусъ сталъ правѣе Окуневской дороги за Выгодою.

Около 10 ч. утра Розенъ двинулъ свои войска въ атаку, причемъ введено было сразу весьма незначительное ихъ число для дѣйствія противъ столь важнаго и столь сильно занятаго пункта, какъ Ольховая роща; а именно: пущено было всего 5 баталіоновъ 24-й дивизіи ***), съ поддержкой изъ 6 баталіоновъ 25-й пѣх. дивизіи ****). Не смотря на свою малочисленность, войска эти, подъ сильнымъ ружейнымъ и перекрестнымъ артиллерійскимъ непріятельскимъ огнемъ, достигли опушки рощи, ворвались туда и отбросили непріятеля назадъ, но, преслѣдуя его, неожиданно наткнулись на канаву, усиленную засѣками и занятую непріятелемъ, вслѣдствіе чего и были отброшены назадъ, причемъ непріятель, перейдя въ наступленіе, вытѣснилъ ихъ изъ рощи. Тогда Розенъ ввелъ постепенно въ дѣло, поддерживавшіе первую атаку; 3-ю бригаду 25-й пѣх. дивизіи и Минскій пѣх. полкъ. Хлопицкій, видя усиленныя атаки на рощу, отправилъ туда Прондзинскаго. Поляки бросили въ огонь всю дивизію Жимирскаго и оттѣснили нашихъ, которые, не имѣя никакой естественной преграды, какъ опорнаго для себя пункта, должны были постепенно отступать. Въ это время 3-я пѣх. дивизія, образовавшая правый флангъ 1-го корпуса, уже подошла къ рощѣ.

Отступавшія части были подкрѣплены справа Волынскимъ и Подольскимъ полками 25-й пѣх. дивизіи, а слѣва Старо-Ингерманландскимъ и Кутузовскимъ полками 3-й пѣх. дивизіи. Тогда атаковавшія первоначально части устроиваются и вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями вновь стремительно бросаются въ атаку—и вся дивизія Жимирскаго отброшена изъ рощи; самъ онъ смертельно раненъ.

Было около 11 ч. утра; наши войска, совершенно овладѣвшія рощею, очутились однако въ невыгодномъ положеніи, такъ какъ сильно терпѣли отъ картечнаго огня

*) См. прил. VII.

**) Одинъ баталіонъ прикрывалъ госпиталь и обозы 6-го корп. въ Окуневѣ.

***) Три бат. 2-й бриг. 24-й див. и Брестскій пѣх. полкъ.

****) 3-я бриг. 25-й див. и Минскій пѣх. полкъ.

непріятельскихъ батарей, расположенныхъ за рощею. Хлопицкій, сознававшій важность Ольховой рощи, съ потерею которой едва ли можно было расчитывать на успѣшный исходъ сраженія, приказываетъ дивизіи Скржинецкаго поддерживать атаку слѣва бригадой его дивизіи. Въ то время какъ эта бригада (4-й п. и 8-й п. Богуславскаго) двинулась въ рощу, Скржинецкій съ остальною частью своей дивизіи слѣдовалъ въ поддержкѣ. Наши войска (18 батал.), разорвавшіяся при быстромъ наступленіи, потерпѣвшія сильно во время боя и отъ картечнаго непріятельскаго огня при занятіи опушки, не могли долго удерживать натискъ 23 польскихъ баталіоновъ (11 див. Скржинецкаго и 12 Жимирскаго) и были наконецъ выбиты изъ рощи.

Въ это время Литовская грен. бригада и Литовская уланская дивизія подавались впередъ между Кавенчиномъ и Зомбками. Послѣдняя, защищаемая маіоромъ Кіекерницкимъ съ 1 бат. пѣхоты и 1 эск., была занята баталіономъ Несвижскаго карабинернаго полка и Волынскими уланами; другой баталіонъ этого полка направленъ къ колоніи Маціаса, а два уланскихъ полка находились правѣе Кавенчина для охраненія фланга. Со стороны Бялоленки кононада продолжалась. Слыша это и не зная, что тамъ происходитъ, Дибичъ рѣшается вести новую (3-ю) атаку на Ольховую рощу и назначаетъ для этого, кромѣ частей шестаго корпуса, всѣ 10 баталіоновъ 3-й пѣх. дивизіи. Атака рощи поведена была справа 6-мъ корпусомъ, а слѣва 3-й дивизіей. Графъ Толь, усиливъ находившіяся на правомъ флангѣ двѣ батареи 6-го корпуса еще одною батареею, Литовской грен. арт. бригады и взявъ въ прикрытіе ея Житомірскій пѣх. полкъ, сталъ обходить рощу справа, а Нейдгартъ, двинувъ въ рощу 6 баталіоновъ 3-й пѣх. дивизіи, съ остальными ея баталіонами *) и Бѣлостокскимъ пѣхотнымъ полкомъ началъ обходить ее слѣва. Кромѣ артиллеріи 1-го корпуса, расположенной по обѣ стороны шоссе, онъ выдвинулъ 20-ю конно-артиллерійскую роту и 4 ор. учебной полуроты гв. отряда. Ольвіопольскій гусарскій полкъ прикрывалъ эту батарею. Движеніе началось около 12 часовъ. Не смотря на усилившійся жестокій огонь изъ рощи, наши войска атаковали ее и оттѣснили упорно обороняющагося непріятеля отъ опушки. Правый флангъ атакующихъ войскъ снова достигъ только большаго рва; артиллерія, обходившая рощу справа, тоже не могла продвинуться далѣе этого рва; но лѣвый флангъ нашъ, состоявшій изъ свѣжихъ частей 3-й пѣхотной дивизіи; опрокинулъ непріятеля, обогнулъ рощу слѣва и, подавшись слишкомъ впередъ, подставилъ себя подъ учащенный, близкій картечный огонь батарей, расположенныхъ за рощей. Такимъ образомъ, наступленіе снова было остановлено: справа—сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за рва, а слѣва—артиллеріей. Хлопицкій, желая воспользоваться этой минутой, вводитъ въ дѣло на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ всю дивизію Жимирскаго, до этого времени лишь поддерживавшую дивизію Скржинецкаго, а самъ становится во главѣ свѣжихъ 4-хъ баталіоновъ гв. гренадеръ (див. Шембека), примкнувъ къ правому флангу двухъ вышеупомянутыхъ дивизій, и лично ведетъ ихъ въ атаку. Въ ней принимаютъ участіе Прондзинскій, Мюльбергъ и др. Подъ звуки національныхъ пѣсенъ, воодушевляемые личнымъ примѣромъ любимаго вождя, поляки устремляются впередъ и съ неудержимой силой нападаютъ на наши утомленные, разстроенные полки, которые начинаютъ отступать. Поляки захватываютъ постепенно всю рощу; колонны ихъ подходятъ къ самой опушкѣ; застрѣльщики выбѣгаютъ впередъ; Прондзинскій, указывая на русскую батарею, кричитъ: „дѣти, еще 100 шаговъ и эти орудія—ваши“. Два изъ нихъ взяты и направлены на ту высоту, гдѣ стоялъ Дибичъ. Но это было уже по-

*) Новоингерманландскій и Кутузовскій полки.

слѣднее отчаянное усиліе поляковъ. Фельдмаршалъ, видя ихъ смѣлое наступленіе, развертываетъ часть 3-го резервнаго кавал. корпуса для поддержки пѣхоты, усиливаетъ послѣднюю третьей бригадой 2-й грен. дивизіи, а самъ, возмущенный, обращается къ окружающимъ офицерамъ и воскликнувъ: „не стыдно ли, что мы не можемъ овладѣть этою рощею. Теперь настала минута, когда мы лично должны собою жертвовать“— далъ шпоры лошади, помчался въ самую среду боя и, подскакавъ къ 3-й дивизіи, громкимъ голосомъ крикнулъ: „куда вы, ребята, вѣдь непріятель тамъ! впередъ, впередъ!“ и, ставъ во главѣ ихъ, снова двинулъ въ атаку. Командиръ гренадерской бригады, Фрейгангъ, имѣя въ головѣ одинъ баталіонъ карабинеръ въ ротныхъ колоннахъ, а въ интервалахъ за ними остальные 3 баталіона въ колоннахъ къ атакѣ, повелъ ихъ между 6-мъ корпусомъ (правѣе) и 3-ю пѣхотною дивизіею (лѣвѣе).

Къ этому времени Дибичъ узналъ объ отступленіи кн. Шаховскаго отъ Бялоленки, что окончательно разстроивало его первоначальный планъ, такъ какъ поляки легко уже могли отступить на Прагу. Чтобы сколько нибудь поправить дѣло, фельдмаршалъ рѣшилъ усилить еще пѣхоту въ рощѣ, а правѣе ея выдвинуть 3-ю кирасирскую дивизію съ л. гв. Уланскимъ Его Высочества полкомъ, чтобы обходомъ кавалеріи облегчить овладѣніе рощей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ударомъ тяжелой конницы разорвать фронтъ отступающихъ поляковъ и попытаться хотя правый ихъ флангъ отбросить къ болотамъ у Брестскаго шоссе. Для этого приказано было: артиллеріи усилить огонь; 2-й бригадѣ грен. дивизіи поддержать третью бригаду, а 1-й—поддержать выдвигаемую кавалерію, руководство которой поручено было графу Толю. Гренадеры Фрейнганга, поддерживаемые 2-й бригадой своей дивизіи, не отвѣчая на огонь поляковъ, наклонивъ штыки, двигаются къ рощѣ. Поляки видятъ это, но резервы ихъ истощились. Войска третьей дивизіи мужественно бросаются на непріятеля: впереди 5-й егерскій полкъ съ однимъ баталіономъ Кутузовскаго, правѣе Новоингерманландскій, во 2-й линіи—Староингерманландскій (153). Тщетно Хлопицкій, уже раненый въ ногу, выказывая геройское самоотверженіе, старается распоряженіями и личнымъ примѣромъ мужества воодушевить войска, обходя всю передовую линію (154). Гренадеры врываются въ рощу; за ними полки 3-й дивизіи и 6-го корпуса; поляки рѣшительно опрокинуты; они пытаются удержаться за рвомъ, но не выдерживаютъ стремительнаго натиска русскихъ; послѣдніе по грудамъ тѣлъ переходятъ черезъ ровъ и окончательно выбиваютъ поляковъ изъ рощи. Во время этого боя, артиллерія 1-го пѣх. корпуса подалась нѣсколько впередъ и вмѣстѣ съ артиллеріею праваго фланга наносила сильнѣйшій вредъ непріятельскимъ батареямъ, находившимся за рощею. Болѣе 90 орудій дѣйствовали по обѣ стороны Ольховой рощи.

Между тѣмъ кирасиры съ гв. уланами обходили послѣднюю. Успѣхъ обхода зависѣлъ главнымъ образомъ отъ его быстроты, а между тѣмъ мѣстныя условія вовсе этому не благопріятствовали, такъ какъ приходилось пересѣкать многія канавы и въ особенности большой ровъ. Такимъ образомъ кавалерія должна была совершать обходъ по греблѣ въ колоннѣ справа по-шести и, только пройдя эти препятствія, выстраиваться въ боевой порядокъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, давая время полякамъ приготовиться противъ удара. Толь соединилъ подъ начальствомъ Герштенцвейга, батарею изъ 24 конныхъ и 8 пѣшихъ орудій, которыя выдвинулись впередъ и открыли канонаду, подъ покровительствомъ которой, слѣдовавшіе впереди, л. г. Уланскій Его Высочества и кирасирскій принца Альберта полки стали перестроиваться въ боевой порядокъ; но Новгородскій кирасирскій полкъ, двигаясь по растоптанной почвѣ, еще болѣе увязалъ чѣмъ переднія части; полки 1-й бригады 3-й кирасирской дивизіи (Ор-

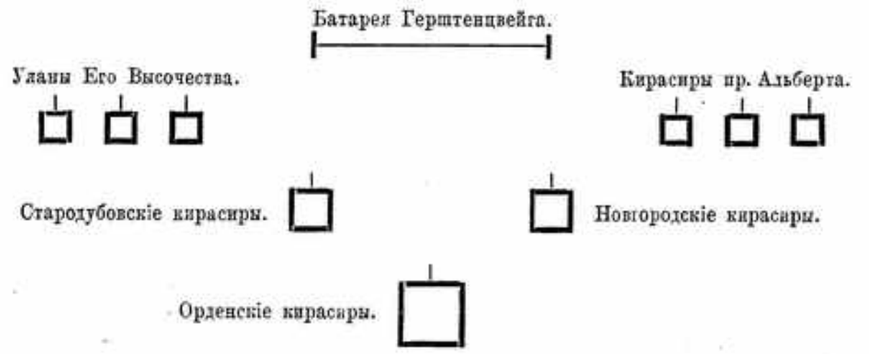
денскій и Стародубовскій) должны были вовсе пріостановиться, чтобы дать время пройти и выстроиться уланамъ и второй бригадѣ. Для обезпеченія столь труднаго движенія кавалеріи, за которой слѣдили поляки, 1-й бригадѣ 2-й гренадерской дивизіи, составлявшей правый флангъ боеваго порядка пѣхоты, приказано было выдвинуться впередъ около правой опушки рощи.

Во время описанныхъ событій Литовская гренадерская бригада съ Литовской уланской дивизіей постепенно подавалась впередъ, причемъ Несвижскимъ полкомъ и двумя уланскими были взяты колоніи Маціасъ и Эльснеръ. Муравьевъ, соображаясь съ движеніями корпуса Розена, а потомъ кавалеріи, примкнулъ правымъ флангомъ въ занятой колоніи, а Литовскимъ уланскимъ полкомъ, расположеннымъ за его лѣвымъ флангомъ, связывался съ обходившей рощу кавалеріей (155).

Между тѣмъ со стороны поляковъ Хлопицкій надѣялся еще повернуть успѣхъ въ свою пользу; съ этою цѣлью онъ приказалъ Круковецкому перейти къ рощѣ, а Лубенскому съ кавалеріей поддержать предстоящую атаку; но послѣдній не считалъ себя обязаннымъ ему повиноваться и не исполнилъ приказанія, находя, что мѣстность неудобна для дѣйствія кавалеріи, причемъ объявилъ, что онъ исполнитъ только формальное приказаніе главнокомандующаго (156). Тогда Хлопицкій отправился къ Радзивилу, чтобы попросить его заставить Лубенскаго повиноваться. Возвращаясь оттуда, онъ былъ раненъ осколкомъ гранаты и унесенъ съ поля сраженія, сохраняя все время полное спокойствіе духа, ободряя по пути солдатъ и отдавая послѣднія приказанія Прондзинскому *).

Съ этой минуты Хлопицкій сходитъ съ историческаго поприща. Удаленіе его съ поля сраженія имѣло для поляковъ самые неблагопріятные результаты; все пришло въ разстройство; общее управленіе исчезло; Радзивилъ совершенно растерялся, шепталъ про себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія; малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствовавшую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи.

Наша кавалерія, обходившая рощу, выстроилась приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:



Гр. Толь собралъ полковыхъ командировъ, объяснилъ имъ цѣль атаки, важность роли кавалеріи въ этомъ случаѣ и приказалъ начать атаку по его сигналу, такъ какъ необходима была единовременность усилій, чтобы отбросить поляковъ къ Гославскимъ

*) Граната, ударивъ въ его лошадь, разорвалась внутри животнаго и изранила ноги Хлопицкаго (157).

болотамъ и отрѣзать отъ Праги. Чтобы обогнуть такимъ образомъ флангъ поляковъ и опрокинуть ихъ къ шоссе, каждый послѣдующій полкъ, во время атаки предъидущаго, долженъ былъ по возможности принимать вправо и подавать впередъ фланга атакующихъ дивизіоновъ. Не смотря на указанія данныя Толемъ относительно единовременности дѣйствій, самъ онъ увлекся частной атакой противъ вышедшаго изъ рощи баталіона 4-го линейнаго полка. Уланы Его Высочества бросились на него въ атаку, но были, на самомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля и подъ его дѣйствительнымъ огнемъ, остановлены глубокой канавой. Гр. Толь, бывшій при уланахъ, приказалъ подвести къ самой канавѣ конную батарею, которая своимъ картечнымъ огнемъ заставила поляковъ отступить и очистила путь для уланъ. Въ то же время нѣсколько правѣе произвелъ атаку кирасирскій принца Альберта полкъ, безпокоимый огнемъ польской батареи. Командиръ полка бар. Мейендорфъ двинулся въ атаку по дивизіонно, впереди 1-й дивизіонъ подп. Зона, за нимъ самъ Мейендорфъ со вторымъ, а третій дивизіонъ остался сзади. Зонъ устремился прежде всего на каре 8-го линейнаго полка (бриг. Богуславскаго, дивиз. Скржинецкаго) и совершенно его разметалъ. Затѣмъ, предоставляя каре первой непріятельской линіи слѣдовавшимъ за нимъ частямъ, Зонъ ударилъ на вторую непріятельскую линію; бар. Мейендорфъ понесся за нимъ, но третій дивизіонъ остался на мѣстѣ при батареѣ. 2-й уланскій польскій полкъ, видя атаку, устремился было противъ Зона, но тотъ, быстро собравъ свой дивизіонъ, атаковалъ уланъ и, опрокинувъ ихъ, погнался за ними чрезъ всю глубину непріятельскаго расположенія, распространяя смятеніе и безпорядокъ въ рядахъ противника. Только въ тылу непріятеля, у самой Праги, Кицкій, собравъ пять эскадроновъ 2-го и 5-го уланскихъ полковъ, взялъ Зона во флангъ, но тотъ простымъ поворотомъ налѣво вышелъ на шоссе и вывелъ дивизіонъ свой изъ подъ направленнаго противъ него огня пѣхоты и ракетной батареи. Потеря, понесенная кирасирами, была велика (около $^1/_2$ состава), но и подвигъ, совершенный ими, блистательный по мужеству, не остался безъ вліянія на общее моральное состояніе противника *), среди котораго распространилась паника, и самъ главнокомандующій Радзивилъ ускакалъ со свитой въ Варшаву (158).

Атака Зона и Мейендорфа, слѣдовавшаго за нимъ, продолжалась 20 минутъ, все пройденное пространство равнялось $2^1/_2$ вер. Очевидно несравненно важнѣйшихъ результатовъ можно было-бы достигнуть, если-бы Толь, поддержавъ Мейендорфа, направилъ за нимъ всю дивизію; но, вернувшись отъ уланъ, онъ ничего уже рѣшительнаго не сдѣлалъ; старшихъ начальствующихъ лицъ тоже не было при дивизіи во время отсутствія Толя, **) и потому атака Мейендорфа преимущественно имѣла значеніе блестящаго подвига.

На лѣвомъ флангѣ начальствовавшій нашей кавалеріей баронъ Гейсмаръ, видя замѣшательство у непріятеля, произведенное атакою кирасиръ, и желая содѣйствовать общему успѣху, въ своей пылкости нѣсколько поторопился атакой. Онъ выдвинулъ впередъ Сумскихъ и Ольвіопольскихъ гусаръ и Украинскихъ уланъ (съ конной батареей), прикрывавшихъ артиллерію 1-го корпуса по уходѣ къ рощѣ 3-й пѣхотной дивизіи; за гусарами слѣдовала бригада конныхъ егерей. Гусары, сильно потерпѣвшіе отъ огня во время прикрыванія ими артиллеріи, тѣмъ не менѣе смѣло атаковали 1-й

*) Подп. Зонъ былъ раненъ на обратномъ пути и взятъ въ плѣнъ. Поляки обращались съ нимъ какъ съ героемъ, тщательно лечили, но рана его оказалась смертельной.

**) Начальникъ дивизіи Каблуковъ, сопровождалъ Толя; Виттъ былъ лѣвѣе съ украинскими уланами.

и 3-й егерскіе полки ([159]) и тѣмъ опрокинули всю дивизію Шембека; атака украинскихъ уланъ, попавшихъ за рощей въ болото, была не удачна; и они, едва выбравшись на шоссе, шли уже за гусарами. Тѣмъ не менѣе вся дивизія Шембека отступала въ полномъ разстройствѣ, поражаемая убійственнымъ огнемъ русской артиллеріи и смущенная трусостью своего начальника ([160]). Нѣкоторые люди побѣжали въ Прагу, другіе къ болотамъ, а иные перебѣжали по слабому льду черезъ Вислу, что произвело ужасъ (grande terreur) въ Варшавѣ; Гроховъ былъ очищенъ; все правое крыло отступало ([161]); но такъ какъ дивизія была опрокинута почти одновременно съ атакой нашихъ кирасиръ на правомъ флангѣ, то поляки отходили однимъ фронтомъ, и гусарамъ удалось только небольшую часть непріятельскихъ войскъ (а именно: косиньеровъ 20-го полка и большую часть 3-го егерскаго) отбросить къ болотамъ Сасской Кемпы.

Въ это время гр. Паленъ 1 двигалъ впередъ пѣхоту съ артиллеріей своего корпуса: 2-я дивизія шла правѣе шоссе, 1-я лѣвѣе, каждая въ двѣ линіи баталіонныхъ колоннъ съ резервами изъ егерскихъ бригадъ. Войска атаковавшія рощу: 2-я и 3-я гр. бригады 2-й гр. дивизіи, 3-я пѣхотная дивизія и 6-й корпусъ подавались впередъ, сообразуясь въ движеніи съ лѣвымъ флангомъ. Только въ это время (ок. 4-хъ часовъ пополудни) подошелъ кн. Шаховской, къ которому на встрѣчу выѣхалъ (по порученіи веденія кавалерійской атаки гр. Толю) къ Кавенчину, нетерпѣливо ожидавшій гренадеръ, гр. Дибичъ ([162]).

У поляковъ всѣ участвовавшіе въ бою старшіе начальники потеряли голову; одинъ только Скржинецкій, сохранившій присутствіе духа, успѣлъ возстановить порядокъ на лѣвомъ флангѣ. Онъ занялъ позицію на песчаныхъ холмахъ, влѣво отъ монумента; правое его крыло, обнаженное бѣгствомъ Шембека, было прикрыто множествомъ болотъ и ямъ, затянутыхъ тонкимъ льдомъ, чрезъ которыя трудно было пробраться русской кавалеріи; слѣва къ нему пристроилась кавалерія Уминскаго и прибывшая къ Таргувеку бригада Гелгуда съ 3 орудіями (дивизіи Круковецкаго, отошедшей назадъ послѣ удаленія кн. Шаховскаго отъ Бялоленки и с. Марки); ([163]) позади расположилась кавалерія Лубенскаго.

Дибичъ, обрадованный прибытіемъ кн. Шаховскаго, не дѣлая никакого упрека за медленность его движенія, объявилъ гренадерамъ, что честь довершенія побѣды предоставляетъ имъ. Приказавъ сложить ранцы, онъ самъ повелъ ихъ въ боевыя линіи, имѣя впереди, въ головѣ колонны, наступавшую отъ колоніи Эльснеръ, бригаду Муравьева съ уланами. Когда гренадеры подошли къ непріятельской позиціи день уже склонялся къ вечеру—было около 5 часовъ. Гр. Дибичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, приказалъ прекратить бой и войскамъ расположиться на бивакахъ въ одной верстѣ отъ Праги *).

Если-бы Дибичъ зналъ въ какомъ состояніи находилась польская армія, то едва-

*) Войска стали въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди, въ видѣ авангарда, бар. Гейсмаръ, съ двумя бригадами пѣхоты (2-й и 25-й дивизій), съ бригадой конныхъ егерей и полкомъ уланъ; за нимъ стали 1-й и 6-й корпуса, по обѣимъ сторонамъ шоссе,—6-й корпусъ правѣе, 1-й—лѣвѣе; крайній правый флангъ всей линіи образовали два уланскихъ полка (Польскій и Литовскій); за 6-мъ корпусомъ стала Литовская гренад. бригада, а за 1-мъ—его кавалерія; войска Шаховскаго эшелонировались за правымъ флангомъ корпуса бар. Розена, по обѣ стороны дороги изъ Кавенчина; къ нимъ присоединилась и 1-я бриг. 2-й гренадерской дивизіи (двѣ другія бригады этой дивизіи остались до утра за 1-мъ корпусомъ); 3-й рез. кавал. корпусъ расположился по обѣимъ сторонамъ шоссе у Большаго Грохова, гдѣ находилась и главная квартира, а гв. отрядъ, прибывшій во время начала боя къ Вавру, оставался тамъ все время до утра слѣдующаго дня; 2-я бригада 2-й конно-егерской дивизіи находилась въ Карчевѣ.

ли бы пріостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивилъ до того растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впослѣдствіи онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу, Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 час. вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія и наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т. е., что въ тылу ея было дефиле—единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы—все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивилъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго (1-й пѣх. див. Круковецкаго), а самъ возвратился въ Варшаву.

Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были устрашены постепеннымъ приближеніемъ гула канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, разказы бѣглецовъ—все это повергло ихъ въ ужасъ и смятеніе ([164]), національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось. Потери поляковъ простирались до 12000 чел. съ 3-мя орудіями; наши до 9400 чел. *), ([165]).

Разборъ Гроховскаго сраженія.

Расматривая обстоятельства приведшія къ Гроховскому сраженію, мы видимъ, что оно случилось раньше чѣмъ предполагалъ гр. Дибичъ и не было ведено такъ какъ онъ расчитывалъ—пришлось, для поданія помощи кн. Шаховскому, рѣшиться на лобовой ударъ, притомъ съ такою поспѣшностью, что наша армія не успѣла даже вполнѣ развернуться и сосредоточиться противъ намѣченнаго пункта атаки: лѣвый флангъ (1-я и 2-я пѣх. дивизіи съ кавалеріей) принялъ лишь ничтожное участіе въ дѣлѣ, и вся тяжесть боя пала на 6-й корпусъ, 3-ю пѣх. дивизію и часть 2-й гр. дивизіи. Все это было вызвано, какъ выше замѣчено, сложной операціей двумя отдѣльными частями арміи, причемъ кн. Шаховской вовсе не былъ посвященъ въ планы и предположенія фельдмаршала, предназначавшаго однако войска Шаховскаго для выполненія важнѣйшей роли въ этихъ планахъ. Впрочемъ и кн. Шаховской съ своей стороны немало содѣйствовалъ разрушенію окончательныхъ расчетовъ Дибича, когда, вопреки приказанію, двинулся отъ Бялоленки, а затѣмъ бездѣйствовалъ у с. Марки и вообще медлилъ своимъ движеніемъ.

Если обратимся непосредственно къ Гроховскому сраженію, то увидимъ, что мы, опрокинувъ непріятеля, одержали, конечно, побѣду, но лишь тактическую, а не стратегическую. Самая незначительность взятыхъ трофеевъ—3 ор.—показываетъ, что наша

*) Наибольшія потери выпали на долю 6-го корпуса (4300 чел.); въ началѣ сраженія мы несли значительныя потери, такъ какъ должны были двигаться по открытому пространству, а затѣмъ атаковать Ольховую рощу; но когда овладѣли ею и выставили 100 орудій, то тогда перевѣсъ въ потеряхъ перешелъ на сторону поляковъ, гдѣ болѣе всего пострадали дивизіи Шембека и Жимирскаго. До какихъ нелѣпостей доходятъ польскіе писатели въ своихъ преувеличеніяхъ видно, напримѣръ, изъ того, что Бржозовскій считаетъ участвующими съ нашей стороны въ Гроховскомъ сраженіи 120000 чел. съ 400 ор., а у поляковъ 35000 чел. съ 100 ор., и что мы потеряли 30000 чел. ([166]).

побѣда не была полной, что непріятельская армія не была потрясена въ своемъ основаніи. Если обратить вниманіе на послѣдствія Гроховскаго сраженія, то не трудно убѣдиться, что оно измѣнило взаимное положеніе даже не въ нашу пользу. До сраженія польская армія находилась на неудобной позиціи, имѣя за собою рѣку, къ которой могла быть приперта и уничтожена; послѣ сраженія—она отошла за рѣку, прикрылась ею; владѣя тетдепономъ, поляки могли предпринять наступательныя операціи и скрываться за преградой, когда нужно; а между тѣмъ ледъ на рѣкѣ сдѣлался ненадежнымъ; переправу нашей арміи приходилось отложить, дождаться вскрытія Вислы и просушки почвы—все это отдаляло войну на довольно продолжительное время, которымъ поляки могли воспользоваться съ величайшей выгодой для организаціи арміи и развитія средствъ борьбы.

Съ другой стороны продовольствіе нашей арміи было чрезвычайно скудно обезпечено: имѣлось запасовъ всего по 20-е февраля, а транспортовъ почти никакихъ; явилась необходимость расположиться на квартирахъ, довольствоваться реквизиціями, что вызвало мародерство и озлобленіе жителей. Для переправы пришлось сойти съ операціонной линіи, подняться вверхъ по Вислѣ и прикрыть базу отдѣльнымъ корпусомъ, что дало непріятелю случай обрушиться на него въ превосходныхъ силахъ и разбить, прежде чѣмъ Дибичъ могъ явиться на помощь; стѣсняемый кромѣ того полнымъ недостаткомъ продовольствія, фельдмаршалъ долженъ былъ двинуться къ своей первоначальной базѣ, т. е. кончить тѣмъ съ чего началъ, а затѣмъ уже вести снова свои операціи. Обращаясь къ причинамъ столь невыгодныхъ для насъ результатовъ Гроховскаго сраженія, можно остановиться на слѣдующихъ:

1) *Непреднамѣренность сраженія*, о чемъ уже упомянуто выше. Впрочемъ даже и при случайности завязки оно могло-бы несравненно выгоднѣе розыграться для насъ, если-бы кн. Шаховской, разъ рѣшившись на отступленіе, двигался-бы быстро къ главной арміи. Его своевременное прибытіе къ Ольховой рощѣ несомнѣнно содѣйствовало-бы ускоренію взятія этого пункта и отрѣзанію хотя части непріятельскихъ войскъ; во всякомъ случаѣ наша армія еще задолго до наступленія сумерекъ подошла-бы къ Прагѣ и штурмовала-бы тетдепонъ. Между тѣмъ кн. Шаховской безполезно простоялъ у Гродзиска отъ 11 до 2 часовъ и прибылъ на поле сраженія въ $4^1/_2$ ч. пополудни, причемъ шелъ вообще медленно. Его движеніе не могло быть стѣснено обозами (какъ полагаетъ историкъ Смитъ) ([167]), потому что обозы еще наканунѣ были отправлены, по распоряженію Толя, къ Окуневу. Съ прибытіемъ своевременно Шаховскаго къ полю сраженія, въ отрядахъ: его, Цесаревича и въ 1-мъ корпусѣ набралось-бы совершенно свѣжихъ до 28 баталіоновъ, а у поляковъ были нетронутыми: дивизія Круковецкаго, полкъ ветерановъ и баталіонъ Варшавскихъ юношей, т. е. почти вдвое меньше чѣмъ у насъ; при такихъ отношеніяхъ являлась возможность окончательно сломить всякое сопротивленіе поляковъ.

2) *Отсутствіе диспозиціи для боя*, вслѣдствіе его случайности; отсюда недостатокъ общихъ распоряженій и единства въ направленіи всѣхъ усилій для достиженія общей цѣли.

3) *Неправильное веденіе атаки на Ольховую рощу.* Сначала направлено было туда 5 бат., затѣмъ 11-ть, потомъ 19-ть, 25 и т. д., а между тѣмъ этотъ сильнѣйшій и важнѣйшій пунктъ непріятельской позиціи защищался цѣлыми двумя дивизіями пѣхоты. Одни историки (Смитъ) ([168]) объясняютъ такое веденіе атаки желаніемъ фельдмаршала, примѣняясь къ характеру поляковъ, сперва утомить ихъ небольшими атаками, а затѣмъ уже нанести рѣшительный ударъ; другіе-же (Ивановъ) говорятъ, что фельдмаршалъ не могъ сразу назначить достаточнаго числа войскъ, выжидая прибытія резерва и подхода отряда кн. Шаховскаго. Такъ или иначе, но оба объясненія не выдерживаютъ критики: первое изъ нихъ слишкомъ натянуто и неопредѣленно; второе-же не указываетъ, почему-же Дибичъ велъ столь рѣшительно бой (имѣвшій будто-бы лишь демонстративный характеръ), что втянулъ въ него большую часть арміи и сталъ наконецъ самъ во главѣ атакующихъ.

4) *Дурное веденіе главной кавалерійской атаки.* Гр. Толь, какъ сказано, увлекается частнымъ эпизодомъ; его примѣру слѣдуютъ: корпусный командиръ, гр. Виттъ, и начальникъ дивизіи, ген. Каблуковъ; старшій-же—бригадный командиръ ген. Гревсъ не обладалъ ни рѣшительностью, ни должной смѣлостью для поддержанія атаки кирасиръ пр. Альберта. Хотя атака уланъ Его Высочества окончилась скоро и Толь, возвратившись, могъ еще поддержать подвигъ Мейендорфа и Зона, но, по неизвѣстной причинѣ, онъ ограничился лишь замѣчаніемъ Гревсу. Историкъ Смитъ винитъ въ неудачѣ этой атаки фельдмаршала, который удалился на встрѣчу къ Шаховскому. Едва-ли такой упрекъ справедливъ: главнокомандующій уѣхалъ, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, когда Ольховая роща была уже въ нашихъ рукахъ, а поляки начали отступать, притомъ направленіе атаки онъ поручилъ своему начальнику штаба, лицу извѣстному всей арміи, прославившемуся во многихъ бояхъ и кампаніяхъ отличными военными соображеніями, подвигами доблести, мужества и энергіи. Между тѣмъ прибытіе отряда кн. Шаховскаго должно было имѣть весьма важное значеніе для послѣдующаго хода боя; такъ что Дибичъ при этихъ условіяхъ имѣлъ, по видимому, полное право удалиться на встрѣчу Шаховскому. Дѣятельность Толя въ этомъ эпизодѣ остается всетаки необъяснимой.

5) *Раннее прекращеніе боя.* Фельдмаршалъ полагалъ, что, разгромивши польскую армію, онъ покоритъ Варшаву и поляковъ, которые вышлютъ на другой день депутацію съ изъявленіемъ покорности. Но онъ совершенно ошибся въ расчетѣ: наступилъ слѣдующій день и поляки приняли мѣры къ энергическому сопротивленію; о покорности не было и рѣчи. Далеко не такихъ результатовъ можно было-бы ожидать, если-бы онъ, не прекращая боя, штурмовалъ-бы Прагу и на плечахъ непріятеля овладѣлъ-бы мостомъ, или-же по крайней мѣрѣ выставилъ на берегу многочисленную артиллерію съ угрозой бомбардировать непріятельскую столицу. Въ оправданіе Дибича приводятся слѣдующія объясненія: а) нѣкоторые очевидцы (Мухановъ, Ливенъ) утверждаютъ, будто-бы бой былъ прекращенъ по настоятельному совѣту Толя; это свидѣтельство впрочемъ не подтверждается другими показаніями; но если-бы фактъ и былъ вѣренъ, то всетаки отвѣтственность ложится на гр. Дибича, какъ главнокомандующаго; б) говорятъ, что у фельдмаршала, хотя и безъ Шаховскаго, было достаточно свѣжихъ войскъ для штурма, а именно около 20 бат. (4 батал. 2-й гренад. дивизіи, 4 батал. гв. пѣхоты и 12 батал. гр. Палена I), но и поляки могли выставить 14 нетронутыхъ баталіоновъ (преимущественно дивизіи Круковецкаго), и кромѣ того Скржинецкій успѣлъ привести въ порядокъ свою дивизію. Такимъ образомъ, при сильной позиціи и Пражскомъ тетдепонѣ, поляки могли оказать упорное сопротивленіе; слѣдовательно русскимъ, при такихъ выгодахъ непріятельскаго положенія, пришлось-бы вести ночной штурмъ противъ укрѣпленія, сопряженный, помимо обычной трудности подобныхъ предпріятій, еще и съ неудобствами ночныхъ дѣйствій для большихъ массъ войскъ. На это нужно замѣтить, что большая часть пражскихъ укрѣпленій была не окончена и плохо вооружена, а на противоположномъ берегу рѣки поляки не устроили фланкирующихъ батарей; при такихъ условіяхъ и деморализаціи большей части польской арміи,

штурмъ, хотя-бы и съ наступленіемъ сумерекъ, не представлялъ значительной опасности; во всякомъ случаѣ послѣдствія его удачи были такъ велики, что, повидимому, слѣдовало рискнуть, тѣмъ болѣе что подобный рискъ ни въ какомъ случаѣ не могъ грозить катастрофой. Дѣйствительно, предположимъ, что атака тетдепона не удалась-бы и наши войска были-бы отбиты; всетаки неудача не могла имѣть серьезныхъ послѣдствій, потому что полякамъ нечего было-бы и думать *о преслѣдованіи*; часть разбитыхъ и утомленныхъ польскихъ войскъ находилась въ Варшавѣ, ночь уже наступила-бы и артиллерія могла прикрыть отступленіе. Конечно, русская армія понесла-бы извѣстныя потери, но, повторяемъ, важность цѣли штурма и относительная его безопасность, вполнѣ ихъ оправдывали. Указываютъ также на то, что, по донесенію кн. Горчакова, въ концѣ сраженія имѣлось всего 5 т. снарядовъ, а парки могли прибыть лишь черезъ день. Но если на все Гроховское сраженіе, длившееся съ $9^1/_2$ ч. утра до 5 часовъ пополудни, потребовалось всего 10 т. снарядовъ, то на обстрѣливаніе пражскихъ укрѣпленій, наполненныхъ густыми, безпорядочными массами, было-бы вполнѣ достаточно имѣвшихся снарядовъ; на слѣдующій день необходимо было утвердиться въ тетдепонѣ, построить тамъ батареи и вооружить ихъ, причемъ разбитая польская армія не могла ничего рѣшительнаго предпринять, а между тѣмъ парки успѣли-бы подойти *).

По отношенію къ полякамъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Смитъ [170] утверждаетъ, что они могли уничтожить Шаховскаго, оставивъ противъ Дибича только 2 дивизіи пѣхоты, и совершить такимъ образомъ маневръ, подобный наполеоновскому подъ Мантуей. Тутъ забыто различіе условій дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ на полѣ сраженія и на театрѣ войны; тому-же Наполеону не удалось воспользоваться разъединенностью союзниковъ при тактическомъ его окруженіи подъ Лейпцигомъ; притомъ Шаховской могъ отступить, а оставлять двѣ дивизіи передъ главною русскою арміею было весьма рисковано; 2) при Хлопицкомъ оборона велась весьма энергически и активно, хотя и обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе общаго резерва (за исключеніемъ косиньеръ и кавалеріи); дивизія Шембека бездѣйствовала на правомъ флангѣ и часть ея можно было или направить къ Ольховой рощѣ, или поставить въ резервѣ; точно также Круковецкій, то напрасно оставался у Брудно, то, двинувшись къ Прагѣ, не зналъ, гдѣ ему расположиться и странствовалъ долго по полю сраженія, не принимая въ бою участія; если-бы онъ былъ ранѣе притянутъ, то оборона рощи могла-бы быть еще болѣе усилена [171] и русскіе вѣроятно еще позднѣе овладѣли-бы ею, а тогда возможность немедленнаго штурма Праги исчезала почти навѣрное.

Таковы были ходъ и результаты этого замѣчательнаго сраженія, въ которомъ, во всякомъ случаѣ, войска обѣихъ сторонъ покрыли себя непререкаемой славой храбрости и отваги.

Новый главнокомандующій польскою арміею.

Между тѣмъ въ Варшавѣ распространилась тревога, многіе считая сраженіе проиграннымъ, ожидали вскорѣ увидѣть русскую армію у варшавскихъ заставъ. Калишская и Краковская дорога были покрыты бѣглецами, принадлежавшими къ высшимъ

*) Даже полякъ Бржозовскій признаетъ, что «ничто не можетъ оправдать фельдмаршала, который долженъ былъ во что-бы то ни стало овладѣть Пражскимъ тетдепономъ, что дало-бы совершенно иной оборотъ всей кампаніи» [169], а фельдмаршалъ носился со своими неумѣстными и ложными идеями о гуманности и опасеніями что скажетъ Европа.

классамъ общества, депутатами и сенаторами. Этотъ упадокъ духа распространился между членами правленія и старшими дивизіонными начальниками, собранными въ 4 ч. утра къ Чарторижскому на военный совѣтъ; въ немъ приняли участіе и нѣкоторые изъ выдающихся штатъ-офицеровъ (Прондзинскій, Хржановскій и Колачковскій). Предложено было на обсужденіе три вопроса: 1) причина неудачи; 2) что дѣлать; 3) кого назначить главнокомандующимъ. Скржинецкій, оспаривая Радзивила въ его донесеніи о положеніи дѣла, предложилъ ему личный вопросъ, на который просилъ искренняго отвѣта, а именно: чувствуетъ-ли онъ себя способнымъ командовать арміею. Радзивилъ отвѣчалъ, что онъ не искалъ этой чести и принялъ на себя званіе главнокомандующаго только по желанію сейма, чтобы спасти армію отъ анархіи, и если кто чувствуетъ себя болѣе способнымъ, то пусть станетъ во главѣ войскъ. Такой отвѣтъ былъ принятъ какъ подача просьбы объ отставкѣ и тогда Уминскій, полагая, что выборъ падетъ на него, спросилъ Хржановскаго кого-бы слѣдовало избрать; но Хржановскій назвалъ Скржинецкаго и Радзивилъ первый присоединился къ этому мнѣнію; за нимъ послѣдовали и другіе. На слѣдующій день собравшійся сеймъ утвердилъ сдѣланный выборъ. Начальникомъ штаба Скржинецкій избралъ Хржановскаго (а его предшественникъ, Моравскій, былъ назначенъ военнымъ министромъ); Прондзинскій занялъ должность генералъ-квартирмейстера [172].

Янъ Скржинецкій родился въ Галиціи, въ 1786 году (изъ мелкаго дворянства), и получилъ основательное образованіе во Львовѣ. Поступя затѣмъ на должность домашняго учителя къ Чарторижскимъ, онъ пріобрѣлъ покровительство этой фамиліи. Вскорѣ, по примѣру многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, Скржинецкій, зачислившись въ 1807 г. въ 16-й полкъ, сражался подъ знаменами Наполеона и въ чинѣ капитана участвовалъ, въ походѣ 1812 г. въ Россію. Въ 1813 году командовалъ баталіономъ въ дивизіи Домбровскаго, пользуясь хорошей репутаціей. Въ 1814 г. Скржинецкій командовалъ баталіономъ въ привислянскомъ полку, причемъ въ сраженіи при Арсисъ-сюръ-Обѣ, Наполеонъ, атакованный русской кавалеріей, нашелъ укрытіе въ каре этого полка. По сформированіи Россіей польской арміи, онъ служилъ въ гв. гренадерахъ, затѣмъ въ 4-мъ лин. полку и наконецъ назначенъ былъ командиромъ 8-го лин. полка. Образованіе Скржинецкаго было болѣе политическое, нежели военное; великій князь Цесаревичъ говорилъ, что „этотъ полковникъ можетъ разсказать все, что заключается въ англійскихъ и французскихъ газетахъ, но ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ у него въ полку“. При началѣ революціи Скржинецкій былъ назначенъ начальникомъ 3-й пѣх. дивизіи и съ честью сражался во главѣ ея при Добре и Гроховѣ. Онъ былъ замѣчательно храбръ, любимъ войсками, умѣлъ водить ихъ въ атаку, но не обладалъ способностями стратегическими и не имѣлъ должнаго понятія объ употребленіи кавалеріи, артиллеріи, о пользованіи инженернымъ искусствомъ и о большихъ операціяхъ вообще. Кромѣ того онъ былъ сибаритъ, любилъ комфортъ въ такой степени, что всю почти кампанію сдѣлалъ въ каретѣ. Эти наклонности, какъ бы ни казались онѣ съ виду маловажными, имѣли иногда весьма невыгодныя для польской арміи послѣдствія, какъ это, напримѣръ, случилось во время сраженія при Игане, когда Скржинецкій проспалъ назначенный имъ часъ атаки (а разбудить его никто не смѣлъ). Будучи лично чрезвычайно отважнымъ, онъ какъ главнокомандующій, вѣроятно отъ недовѣрія къ своимъ силамъ и плохаго пониманія общей обстановки, отличался нерѣдко крайней нерѣшительностью и такъ сказать стратегической трусостью. Обладая блестящей внѣшностью, Скржинецкій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ весьма богомольнымъ, что проявлялъ въ своихъ поступкахъ, и его можно было видѣть иногда

выходящимъ изъ кареты и молящимся на улицѣ передъ образами *). Пока онъ слѣдовалъ совѣтамъ такихъ выдающихся по дарованіямъ людей, какъ Прондзинскій и Хржановскій, все шло хорошо и побѣда иногда слѣдовала за польскими знаменами; но когда обнаружился между ними разладъ и Хржановскій удаленъ былъ съ порученьемъ въ Замостье, то Прондзинскій, окончательно убѣдившись въ ничтожествѣ полководческихъ способностей Скржинецкаго, совершенно отвергалъ его авторитетъ. Несогласія возросли до такой степени, что Прондзинскій долженъ былъ удалиться и на его мѣсто былъ назначенъ Лубенскій. Послѣдній, признавая отличныя дарованія Прондзинскаго, часто обращался къ нему за совѣтами, но Скржинецкому достаточно было убѣдиться изъ какого источника идутъ такія предложенія, чтобы отвергнуть ихъ какъ-бы ни казались вѣрными шансы успѣха. Впослѣдствіи онъ вызвалъ къ себѣ почти всеобщую ненависть и даже долженъ былъ скрыться изъ Варшавы ([174]).

Реорганизація польской арміи.

Вступивъ въ командованіе арміею, Скржинецкій прежде всего старался поднять въ ней духъ, упавшій вслѣдствіе понесеннаго пораженія; затѣмъ онъ занялся ея укомплектованіемъ и устройствомъ. Для пополненія потерпѣвшихъ старыхъ полковъ выбраны были лучшіе люди изъ новыхъ; отъ этого, конечно, первые лишь выиграли, послѣдніе-же ухудшились въ составѣ и, уменьшившись въ числѣ, были переформированы въ двухъ-баталіонный составъ съ резервнымъ депо для пополненія. Кавалерія преобразована Левинскимъ и Турно и раздѣлена на два корпуса: Уминскаго и Т. Лубенскаго и резервную дивизію К. Скаржинскаго; каждая бригада состояла изъ полка стараго и полка новаго формированія. Всѣ 4 пѣхотныя дивизіи получили новыхъ начальниковъ: *1-й* командовалъ *Рыбинскій* (вмѣсто назначеннаго губернаторомъ Варшавы Круковецкаго); *2-й*—*Гелгудъ* (вм. убитаго Жимирскаго); *3-й*—*К. Малаховскій* (замѣстившій Скржинецкаго) и *4-й*—*Мюльберъ*, замѣнившій оказавшагося непригоднымъ Шембека. Каждой изъ дивизій придана была батарея легкой и полубатарея батарейной артиллеріи. Прондзинскій также желалъ придать по одному кавалерійскому полку къ дивизіи, чтобы не дробить крупныхъ кавалерійскихъ частей командированіемъ. Начальникомъ артиллеріи назначенъ былъ Конарскій, человѣкъ образованный и храбрый, но не обладавшій соотвѣтствующимъ характеромъ, что имѣло дурныя послѣдствія при Остроленкѣ ([175]).

Распоряженія Дибича.

Въ несравненно менѣе выгодномъ положеніи находилась русская армія, источники пополненія которой были весьма далеко. Въ промежутокъ отъ начала кампаніи до Гроховскаго сраженія, наша армія не получила вовсе укомплектованій, что вызвало необбодимость уменьшать, по мѣрѣ убыли людей, число баталіоновъ въ полкахъ, (т. е. дѣлать ихъ однобаталіонными); тоже было принято и для кавалеріи въ смыслѣ уменьшенія числа эскадроновъ въ полкахъ; такимъ образомъ по имени осталось прежнее количество частей, но онѣ далеко не выражали собою той силы, которая свойственна была начальному ихъ составу.

Фельдмаршалъ надѣялся, что поляки покорятся и оставался на полѣ сраженія, но скоро пожаръ Праги долженъ былъ убѣдить его въ тщетности его надеждъ. Видя

*) По словамъ Прондзинскаго Скржинецкій всегда старался оригинальничать и отличаться отъ другихъ. Въ данную эпоху онъ наладился на ультра-религіозное настроеніе въ соединеніи съ идеями о свободѣ, по системѣ Ламене, развиваемой во французской газетѣ l'Avenir, которая была прототипомъ его рѣчей, прокламацій и поведенія. Нѣкогда онъ былъ проникнутъ идеями ультра-роялизма, во время Варшавскаго герцогства онъ былъ ультра-либераломъ, всегда *ультра*....([175]).

что Варшава не изъявляетъ покорности, Дибичъ произвелъ рекогносцировку предмостнаго укрѣпленія и увѣрился, что всѣ его части были вооружены и въ полной готовности ко отраженію атаки, а укрѣпленія находились въ достаточно удовлетворительномъ состояніи. Всѣ окружающіе фельдмаршала были убѣждены, что тетдепонъ выдержитъ атаку и что во всякомъ случаѣ такое предпріятіе уже было сопряжено съ большими жертвами. Слѣдуетъ также замѣтить, что даже успѣхъ штурма не давалъ полныхъ результатовъ, такъ какъ, пожертвовавъ гарнизономъ, поляки могли уничтожить мостъ, а въ это время Висла была совершенно недоступна для перехода нашей арміи, слѣдовательно прикрывала собою разстроенную польскую армію. Останавливаясь на мысли повести постепенную атаку на Прагу по вскрытіи рѣки, когда гарнизонъ будетъ отрѣзанъ и изолированъ, Дибичъ приказалъ изготовить осадные матеріалы и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ военнаго министра Чернышева доставить осадный паркъ. На это Чернышевъ отвѣчалъ, что для приведенія въ боевое состояніе осадной артиллеріи съ закупкой нужныхъ для доставленія ея въ армію лошадей, потребуется болѣе 4-хъ мѣсяцевъ; но что Государь приказалъ, на всякій случай, находившійся въ Ригѣ паркъ осадной артиллеріи привести на военное положеніе, а отдѣленіе рижскаго инженернаго парка, годное для осады небольшихъ крѣпостей, немедленно привести въ готовность, на случай если оно потребуется въ армію.

Расположеніе русской арміи на квартирахъ.

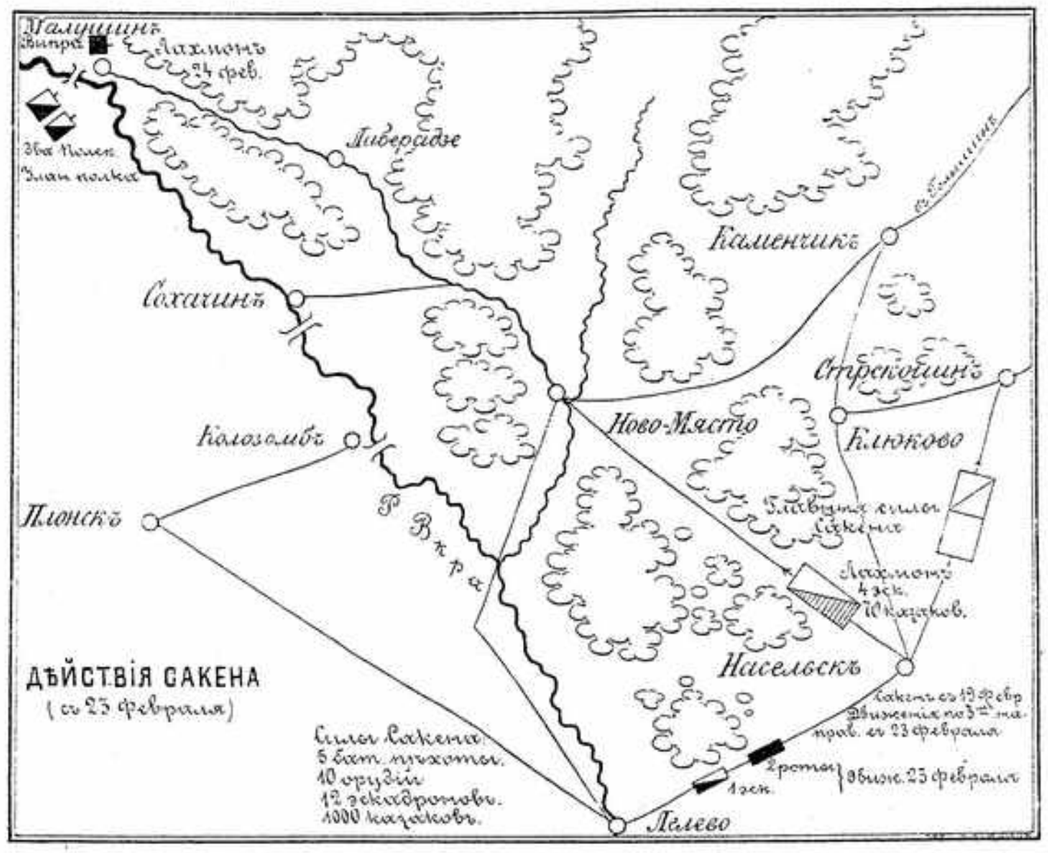
Разстройство хозяйственной части, дурное время года и неудовлетворительное санитарное состояніе арміи заставили Дибича въ ожиданіи переправы расположить армію по квартирамъ, что предположено было исполнить постепенно. Прежде другихъ отошли отъ Праги и переведены, 14-го и 15-го февраля, къ Милоснѣ, гдѣ находилась главная квартира, гвард. отрядъ и 3-й резервный кавалерійскій корпусъ. 17-го кавалерія гв. отряда расмѣстилась въ окрестностяхъ Осѣцка, 3-я кирас. дивизія въ окрестностяхъ Гарволина, Горжно, Ласкаржева и Соболева, а 1-я бриг. 3-й улан. дивизіи вдоль по Вислѣ отъ Карчева (гдѣ находилась 2-я бриг. 2-й конно-егерск. дивизіи) до Маціовице. Прочія части оставались еще сосредоточенными на бивакахъ, во первыхъ, потому что ледъ на Вислѣ еще держался, и мостъ отъ Вислы къ Прагѣ не былъ снятъ; во-вторыхъ, потому, что Угрюмовъ съ 1-ю гр. дивизіею находился еще на пути между Остроленкою и Зегржемъ; если-бы армія удалилась отъ Праги, то поляки, дѣйствуя чрезъ Модлинъ, могли бы воспрепятствовать соединенію Угрюмова съ главными нашими силами, разбить его отдѣльно или оттѣснить ранѣе прибытія къ нему помощи. Вѣроятность такого покушенія была даже причиною напраснаго передвиженія 6-го корпуса.

Движенія Розена на къ Зегржу и Сакена къ Голымину.

Для содѣйствія движенію Угрюмова, у котораго не было кавалеріи, и вообще для обезпеченія Ковенскаго шоссе, имѣвшаго для насъ значеніе, Дибичъ 15-го февраля приказалъ двинуться къ Зегржу бар. Сакену съ 1 бриг. 2-й пѣх. дивизіи, 2-й бригадой 3-й улан. дивизіи съ 8 орудіями и 3-мя казачьими полками *). Послѣ нападенія нѣсколькихъ мелкихъ партій, Сакенъ донесъ фельдмаршалу 18-го числа на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ евреевъ, что у Цѣхановца и Прасныша находится по 6 т. народнаго ополченія, а въ Плонскѣ болѣе 8 т. регулярныхъ войскъ, прибывшихъ изъ-за

*) Въ Зегржѣ должны были къ нему присоединиться: баталіонъ 6-го карабинернаго полка съ 2 ор. и сотнею Атаманскаго полка.

Вислы. Дибичъ повѣрилъ этимъ слухамъ, хотя въ нихъ было много несообразнаго (такъ утверждали, что при регулярныхъ войскахъ имѣлось всего 2 ор.) и приказалъ Розену съ 24 и 25 пѣх. и Литовскою уланскою дивизіями двинуться къ Зегржу, разбить регулярныя войска и разсѣять ополченія. 19-го Розенъ подошелъ къ Зегржу, а Сакена выдвинулъ въ Насельскъ. Извѣстіе о значительныхъ непріятельскихъ силахъ оказалось ложнымъ, и Розенъ черезъ три дня отозванъ былъ назадъ; между тѣмъ Угрюмовъ чрезъ Зегржъ присоединился у Праги къ гренадерскому корпусу; такимъ образомъ Розенъ только напрасно утомилъ свои войска. Сакену приказано было перейти въ Остроленку, уничтоживъ въ Зегржѣ тетдепонъ; назначеніе его заключалось въ томъ, чтобы



мѣшать сбору народныхъ ополченій, охранять спокойствіе въ Плоцкомъ воеводствѣ и ковенскую дорогу, по которой должны были пройти части гв. корпуса, имѣя, такъ сказать, авангардомъ Сакена. Этотъ корпусъ тоже предполагалось расположить на квартирахъ ([176]).

Чтобы перейти отъ Насельска въ Остроленку, Сакену приходилось совершить къ Голымину фланговый маршъ параллельно р. Вкрѣ, на которой поляки владѣли мостами у Малушина, Сохочина и Колозомба и имѣли за ней значительные отряды. По слухамъ оказалось, что польскіе отряды занимаютъ мосты на Вкрѣ, поддержки ихъ стоятъ въ Плонскѣ, а значительный отрядъ въ Малушинѣ. Сакенъ 23 февраля двинулъ для демонстраціи къ Лелеву двѣ роты пѣхоты съ эскадрономъ кавалеріи, приказавъ распустить слухъ о движеніи туда всего отряда; по дорогѣ отъ Насельска на Нове-Мѣсто, Либерадзь и Малушинъ онъ направилъ полк. Лахмана, съ 4-мя эскадронами Новомиргородскихъ уланъ и 70 казаками, для нападенія на непріятеля; самъ-же двинулся къ Голымину. Лахманъ, одинъ изъ способнѣйшихъ кавалерійскихъ офицеровъ, 24-го быстро подошелъ къ Малушину, прикрываясь со стороны Вкры казачьими разъѣздами, и выслалъ офицера генеральнаго Штаба съ 50 казаками, чтобы разрушить мостъ въ тылу селенія, что было быстро исполнено, и потому два непріятельскихъ уланскихъ полка, находившихся на противоположномъ берегу рѣки, не могли придти на помощь къ Малушину. Между тѣмъ Лахманъ спѣшилъ всѣхъ карабинеровъ и направилъ по эскадрону справа и слѣва на селеніе, приказавъ быстро туда ворваться и отрѣзать полякамъ отступленіе. Находившійся въ Малушинѣ отрядъ маіора Венгродскаго въ 500 косиньеровъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе; часть его истреблена, другая утонула въ рѣкѣ, а остальные въ числѣ 200 чел. съ Венгродскимъ попались въ плѣнъ. Послѣ того Лахманъ двинулся къ Голымину и, ночью съ 24-го на 25-ое февраля, присоединился тамъ къ Сакену, сдѣлавъ въ 34 часа 67 верстъ, со стычкой у Малушина. Сакенъ, собравъ отрядъ, двинулся 25-го чрезъ Маковъ въ Остроленку и занялъ городъ безъ боя. Оттуда онъ разсылалъ отряды въ разныхъ направленіяхъ для разсѣянія народныхъ ополченій. Отрядъ его довольствовался покупкой у жителей продуктовъ за деньги и не вызывалъ со стороны ихъ ни малѣйшихъ жалобъ ([177]).

Квартирное расположеніе русской арміи *).

Между тѣмъ войска главной арміи (послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ и выдѣленія особаго своднаго корпуса, подъ начальствомъ Витта, изъ кирасирской дивизіи и Литовской гренадерской бригады, для дѣйствій противъ польскаго генерала Дверницкаго, о чемъ будетъ сказано ниже) расположилась на квартирахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 6-й корпусъ по правую сторону шессе, въ окрестностяхъ Окунева, Посвентне и Станиславова; всѣ остальныя войска на шоссе и по лѣвую его сторону, а именно: въ окрестностяхъ Колбеля, Осѣцка и Парызова 1-й корпусъ, за исключеніемъ 1-й пѣхотной дивизіи и Сумскаго гусарскаго полка; за первымъ корпусомъ—гренадерскій, въ окрестностяхъ Латовиче и Сточека; южнѣе за нимъ гвардейскій отрядъ въ окрестностяхъ Желехова; боевой артиллерійскій резервъ въ Луковѣ; парки въ Радзынѣ. 1-я пѣхотная дивизія, съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ, 2-ю бригадою конно-егерской дивизіи и казаками, оставлена была на шоссе для отпора полякамъ, если-бы они вышли изъ Праги, причемъ эти войска были эшелонированы слѣдующимъ образомъ: а) одна пѣхотная и конно-егерская бригады, подъ начальствомъ барона Гейсмара, въ авангардѣ у Вавра; б) другая пѣхотная бригада, съ 4 эскадронами гусаръ и 2 орудіями, составляла эшелонъ у Дембе-Вielьке, и наконецъ в) егерская бригада, съ остальными двумя эскадронами гусаръ и батареею, у Минска, гдѣ находилась и корпусная квартира гр. Палена. Главная квартира арміи переведена изъ Милосны къ Шенницу. Квартирный раіонъ занималъ по фронту и въ глубину около 40 верстъ. Выгоды широкаго размѣщенія заключались въ расширеніи реквизиціоннаго раіона и въ сближеніи войскъ съ базою. При тогдашнихъ плохихъ дорогахъ, поляки могли дѣйствовать значительными силами толко по шоссе, а на этотъ случай авангарду приказано было послѣдовательно, съ задними эшелонами, отступать къ Дембе-Вielьке и Минску, гдѣ къ тому времени успѣли-бы собраться весь 1-й и 6-й корпуса, или 52 бат., 53 эск., 3 каз. полка и 120 ор., что

*) См. карту восточной части Ц. Польскаго.

давало возможность остановить всю непріятельскую армію; а между тѣмъ въ это время гренадерскій корпусъ и гвардейскій отрядъ, собравшись у Латовича, въ видѣ общаго резерва, могли двинуться, смотря по обстоятельствамъ, или чрезъ Цегловъ для непосредственной поддержки Розена и Палена, или чрезъ Шенницу во флангъ и тылъ непріятелю. Но поляки въ это время не помышляли о выходѣ изъ Варшавы чрезъ Прагу и даже вступили въ переговоры съ фельдмаршаломъ, какъ будетъ видно ниже.

Дѣйствія Крейца.

Во время вышеописанныхъ дѣйствій главной арміи и на правомъ ея флангѣ, баронъ Крейцъ, дѣйствовавшій по Люблинскому шоссе, успѣлъ сначала довольно широко развить свои операціи, но затѣмъ остановленъ былъ и отодвинутъ назадъ значительно превосходнымъ противникомъ.

Занявъ, безъ сопротивленія, Люблинъ и двинувшись къ Пулавамъ (куда прибылъ 1-го февраля), Крейцъ ослабилъ свой отрядъ необходимостью оставить часть его войскъ (6 эск., 2 сотни, 4 ор.) для наблюденія за кр. Замостьемъ и мѣстнымъ населеніемъ, для устройства военно-этапной дороги до Владиміра Волынскаго (на этапахъ оставлялось по взводу драгунъ) и для занятія пунктовъ въ тылу. Въ Казимержѣ Крейцъ захватилъ большой непріятельскій магазинъ. Чтобы не потерять его, а также не имѣть двухъ переправъ (черезъ Вепржъ и Вислу), при сближеніи правымъ берегомъ рѣки съ главною арміею, бар. Крейцъ рѣшился переправиться у Пулавъ, что исполнилъ 2-го февраля, не безъ затрудненій, вслѣдствіе необходимости искусственно укрѣплять слабый ледъ, переправлять орудія разобранными, а войска по частямъ и т. п. Слѣдуетъ также замѣтить, что отрядъ Крейца имѣлъ громадный обозъ съ двухнедѣльнымъ продовольствіемъ. У Пулавъ было захвачено въ плѣнъ нѣсколько ополченцевъ, давшихъ первыя свѣдѣнія о непріятелѣ. По совершеніи операціи, онъ выслалъ въ различныхъ направленіяхъ небольшіе отряды для разсѣянія народныхъ ополченій и захвата военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, самъ-же перешелъ 2-го къ Гнѣвашеву, гдѣ оставался до 6-го, а въ этотъ день передвинулся къ Козеницѣ *).

Между тѣмъ одинъ изъ высланныхъ имъ отрядовъ (2 эск., 2 сотни и 2 оруд.), подъ начальствомъ пр. Адама Виртембергскаго, занялъ Зволинъ. Находившіеся тамъ косиньеры Козаковскаго отступили на свои главныя силы къ Радому. Съ другой стороны отрядъ подъ начальствомъ ген. Делинсгаузена направился тоже къ этому пункту и, соединившись 4-го февраля съ пр. А. Виртембергскимъ, на слѣдующій день занялъ Радомъ, откуда Дзеконскій отступилъ съ 11-мъ и 12-мъ полками. Захвативъ тамъ 3 т. оружія и запасы обмундированія, Делинсгаузенъ истребилъ все это и затѣмъ двинулся въ Козеницы на соединеніе съ Крейцемъ, куда прибылъ 6-го февраля. Эти поиски обратили на себя вниманіе поляковъ, причемъ приказано было депутату Солтыку отправиться въ Сандомірское воеводство и побудить населеніе къ общему возстанію ([170]); вмѣстѣ съ тѣмъ Дверницкому, произведенному за дѣло подъ Сточекомъ въ дивизіонные генералы, ввѣрялось начальствованіе вооруженной силой, собранной на лѣвомъ берегу Вислы, и подчинялась ему дивизія Сѣравскаго, состоящая изъ отличнаго полка кракузовъ, 2-хъ полковъ косиньеровъ, изъ кантонистовъ,

*) Тутъ онъ получилъ непріятное извѣстіе, что въ Грубешовѣ взятъ въ плѣнъ драгунскій взводъ съ офицеромъ, вышедшимъ изъ Замостья, польскимъ эскадрономъ. Молодой офицеръ понятія не имѣлъ о военныхъ предосторожностяхъ и расположился какъ въ мирное время. „Подобныхъ потерь въ продолженіи войны 1831 г. мы понесли не мало, и все по большей части отъ того, что наши офицеры и даже штабъ-офицеры не довольно были знакомы съ основными правилами военной науки“ ([178]).

3-го дивизіона гв. конно-егерскаго полка и трехфунтовой батареи въ 4 орудія. Силы Крейца поляками сильно преувеличивались. Въ Гурѣ Дверницкій соединился съ Сѣравскимъ, причемъ въ обоихъ отрядахъ было около 10 т. чел., или 7 батал., 22 эск. и 16 ор.; между тѣмъ какъ у Крейца имѣлось всего 18 эскадр. и сотенъ и 20 оруд. Такимъ образомъ Дверницкому, если-бы онъ зналъ о слабости Крейца, не было никакой надобности, послѣ дѣла у Сточека, двигаться на предварительное соединеніе съ Сѣравскимъ, а слѣдовало прямо направиться къ Пулавамъ и преградить Крейцу обратный путь черезъ Вислу.

Бой у Нововеси.

Крейцъ, находясь въ Козеницахъ, выдвинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Бутовича (6 эск., 6 ор. и казаки), къ Нововеси. Дверницкій 7-го изъ Гуры передвинулся къ Рычыволи, имѣя въ авангардѣ дивизію Сѣравскаго, чтобы затѣмъ наступать противъ Крейца. Дорога изъ Рычыволи идетъ лѣсомъ, который у с. Майдана образуетъ поляну, пересѣкаемую болотистымъ ручьемъ. Сѣравскій, пройдя Рычыволи, встрѣтился съ нашими казачьими постами. Узнавъ объ этомъ, Дверницкій взялъ три дивизіона конницы и поспѣшилъ впередъ, гдѣ увидилъ казаковъ, отступавшихъ передъ кракузами. Зная казацкую тактику и опасаясь засады, начальникъ отряда приказалъ командиру кракузовъ не увлекаться преслѣдованіемъ, а авангарду не втягиваться въ лѣсъ, пока онъ не будетъ осмотрѣнъ пѣшими патрулями. Но полковникъ отвѣтилъ, что онъ не желаетъ упустить случая обстрѣлять людей и пріобрѣсти славу. Вслѣдствіе этого кракузы, наведенные казаками на нашъ авангардъ около 3 ч. пополудни, пытались его атаковать, но, встрѣченные огнемъ орудій и въ свою очередь атакованные казаками, стремительно обратились въ бѣгство, потерявъ до 40 чел. Авангардъ нашъ былъ расположенъ Бутовичемъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 6 орудій заняли позицію вправо отъ дороги, 4 эскадрона драгунъ — по обѣ стороны батареи, 2 эск.—въ тылу за рѣчкой. Зная отлично эту мѣстность и то что нашъ авангардъ имѣетъ путемъ отступленія только узкую лѣсистую дорогу на Козеницы, Дверницкій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для атаки. Два дивизіона уланъ онъ развернулъ противъ нашей батареи; косиньеры расположились въ лѣсу, у большой дороги на Козеницы. Сѣравскій со своей кавалеріей сталъ противъ праваго крыла; его артиллерія была поставлена Дверницкимъ у лѣса такъ близко къ нашей, что могла обстрѣливать ее картечью; подходившіе къ нашему лѣвому флангу кусты способствовали скрытому приближенію непріятельской пѣхоты и артиллеріи. Расчиты-

вая, что Крейцъ подойдетъ со всѣми силами, Дверницкій хотѣлъ выждать сосредоточенія всего своего корпуса, но, страдая отъ нашего огня и высмотрѣвъ съ своего праваго фланга, что позади нашей позиціи нѣтъ никакихъ войскъ по дорогѣ изъ Козеницы, онъ рѣшился немедленно атаковать (180). Польскіе уланы двинулись рысью „стройно, твердо, какъ на ученьи"; картечь наша вырывала ихъ ряды, но, уланы смыкаясь шли смѣло впередъ. Не доходя до орудій саженей 50, командиръ полка скомандовалъ въ карьеръ и палъ сраженный картечью, но уланы отчаянно, какъ молнія, бросились впередъ и захватили батарею. Наши драгуны тоже двинулись впередъ и встрѣтили уланъ въ упоръ. Произошла отчаянная схватка оружіемъ, банниками, кулаками (181). Артиллеристы, по свидѣтельству поляковъ, защищались съ отчаянной храбростью и почти всѣ пали у своихъ орудій. Самъ Бутовичъ мужественно отбивался, свалилъ нѣсколько уланъ, но тяжелораненый взятъ въ плѣнъ (182). Въ то же самое время Сѣравскій, въ превосходныхъ силахъ, старался охватить нашихъ съ фланга и тыла; стоявшіе въ резервѣ два эскадрона драгунъ бросились на выручку и успѣли отбить 2 орудія, но 2 другіе были увезены. Атакованные Сѣравскимъ драгуны были опрокинуты за рѣчку; между тѣмъ прочія части поляковъ обходили нашихъ, а пѣхота подходила на лѣвомъ флангѣ къ единственной дорогѣ остававшейся для свободнаго отступленія. Въ это время подошло подкрѣпленіе высланное изъ Козеницъ и 2 его орудія открыли огонь, но остановить несравненно превосходнѣйшаго противника было невозможно, какъ вругъ самъ непріятель пріостановился и затѣмъ поспѣшно отошелъ, свернувшись въ походную колонну (183). По словамъ Дверницкаго онъ взялъ въ плѣнъ 158 чел. (6 оф.), а число убитыхъ опредѣляетъ приблизительно въ такую же цифру, между тѣмъ какъ свои потери показываетъ всего въ 63 чел.

Крейцъ, съ смущеніемъ узнавъ о неожиданномъ нападеніи на Бутовича, немедленно собралъ по тревогѣ главныя силы и выслалъ на подкрѣпленіе авангарда 4 эск. при двухъ орудіяхъ; для прикрытія Вагенбурга (верстахъ въ 8 позади) отправилъ тоже 2 эскадрона; такимъ образомъ въ главныхъ силахъ осталось всего 6 эск. драгунъ и полкъ казаковъ при 14 ор., т. е. около 1.500 чел. Положеніе Крейца, имѣвшаго при себѣ обозъ изъ 300 повозокъ (съ двухнедѣльнымъ продовольствіемъ и госпитальными принадлежностями, такъ какъ ни магазиновъ, ни госпиталей въ тылу учреждаемо не было), а позади Вислу съ ненадежнымъ льдомъ, было въ высшей степени критическое. Однако вскорѣ показался авангардъ отступавшій въ полномъ порядкѣ. Крейцъ считалъ отступленіе Дверницкаго только хитростью и опасался ночнаго нападенія. Поэтому казачій полкъ былъ высланъ впередъ для тщательнаго наблюденія за противникомъ; на позиціи оставленъ арьергардъ, а остальныя войска отошли на бивакъ за мѣстечко, гдѣ расположились, не разводя даже огней. Узнавъ утромъ о продолженіи отступленія Дверницкимъ, Крейцъ остался, выжидая разъясненія обстановки. Наконецъ получено было свѣдѣніе отъ шпіоновъ о новомъ движеніи Дверницкаго и тогда Крейцъ рѣшился уйти за Вислу (184).

Причина страннаго отступленія Дверницкаго была слѣдующая. Во время движенія его противъ Крейца, онъ получилъ приказаніе Клицкаго, чтобы, покончивши съ Крейцомъ, немедленно двинулся для защиты столицы въ виду показавшихся у Карчева будто бы значительныхъ русскихъ силъ.

Свѣдѣніе это было ложно и къ Карчеву, отъ главной нашей арміи, былъ сдѣланъ лишь поискъ казаками, освѣщавшими ея флангъ въ день Варшавскаго сраженія. Дойдя до Гуры и убѣдившись въ своей ошибкѣ, Дверницкій составилъ планъ захвата всего отряда бар. Крейца. Съ этою цѣлью Солтыкъ долженъ былъ двинуться со стороны Радома, Сѣравскій—прямо по большой дорогѣ, а Дверницкій между ними, на Гловачевъ

и Бржозе, во флангъ и тылъ Крейца. Но послѣдній обманулъ надежды Дверницкаго и счастливо выпутался изъ разставленной ему сѣти. Узнавъ отъ евреевъ о движеніи противъ него значительныхъ силъ, Крейцъ бросился къ Тырчину, гдѣ съ большими затрудненіями переправился черезъ Вислу 12-го февраля. Когда Дверницкій подошелъ туда, то былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ, помѣшавшимъ ему переправиться. 13-го февраля, въ день Гроховскаго сраженія, Крейцъ отошелъ къ Маціовицамъ; тамъ онъ получилъ извѣстіе о происшествіи въ Пулавахъ (185). По просьбѣ княгини Чарторижской въ этомъ пунктѣ былъ оставленъ эскадронъ драгунъ, для обезпеченія спокойствія замка; эскадронный командиръ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и за это дорого поплатился. Фрейлина княгини снеслась со стоявшими противъ Пулавъ, въ Гурѣ, польскими полковниками Козаковскимъ и Лаговскимъ, увѣдомивъ ихъ, что русскій эскадронъ не трудно захватить. Польскіе отряды были проведены въ замокъ, эскадронъ захваченъ и послѣ упорнаго сопротивленія уничтоженъ, или взятъ въ плѣнъ, выдержавъ неравную борьбу. Крейцъ отрядилъ Делингаузена съ 3 эстадронами въ Пулавы для производства разслѣдованія, а самъ 16-го февраля направился къ Конской Волѣ. Затѣмъ онъ намѣревался двинуться къ Пулавамъ, но узналъ, что въ Люблинѣ готовится возстаніе. Въ виду важности этого пункта, Крейцъ поспѣшилъ къ нему, а у Пулавъ оставилъ Тверской драгунскій полкъ Тухачевскаго съ 2 орудіями и донскимъ казачьимъ Хоперскаго полкомъ. При первоначальномъ движеніи къ Пулавамъ, защита Люблина была поручена Крейцомъ драгунскому эскадрону Эрдмана. Получивъ извѣстіе о происшествіи въ Пулавахъ, а также о томъ будто бы Дверницкій двигается на Люблинъ, Эрдманъ, не провѣривъ этого слуха, не выждавъ приближенія непріятеля, поспѣшилъ очистить городъ и донесъ объ этомъ Крейцу. Но еще раньше послѣдній перехватилъ письмо польскаго подполковника Бѣлинскаго, жившаго въ Люблинѣ и изъявившаго покорность русскимъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ поляковъ, что городъ не занятъ русскими. Крейцъ, направившись къ Люблину, занялъ его 17-го февраля и сталъ было возстановлять порядокъ, но вскорѣ долженъ былъ снова оставить этотъ пунктъ, вслѣдствіе наступленія сильнаго отряда Дверницкаго, назначеннаго для совершенія экспедиціи на Волынь.

Устройство тыла и хозяйственныя распоряженія.

а) Устройство тыла.

По вступленіи арміи въ предѣлы Царства, какъ упомянуто выше, для охраненія тыла оставлено было около 11 тыс. чел., а именно: *третьи* баталіоны 6-го корпуса, въ западныхъ губерніяхъ, и *часть гренадерскаго корпуса*—въ Вильнѣ и по этапамъ. Когда гвардейскій и 2-й пѣх. корпуса, выступившіе позже другихъ съ квартиръ, начали приближаться къ границамъ западныхъ губерній, фельдмаршалъ получилъ возможность притянуть къ тылу арміи, оставленные въ пограничныхъ губерніяхъ резервные баталіоны, а войска находившіяся въ тылу—къ арміи. Въ этихъ видахъ Дибичъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: *а) резервнымъ баталіонамъ*: Брестскому приказано передвинуться изъ Бреста въ Бялу; Подольскому—во Влодаву; резервнымъ баталіонамъ 25-й пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ генерала Балбекова, перейти изъ Дубно во Владиміръ, причемъ подъ начальство этого генерала поступалъ и резервный баталіонъ Житомірскаго полка, находившійся въ Устилугѣ. По переходѣ Крейца на лѣвый берегъ Вислы, Балбековъ долженъ былъ занять Люблинъ, но это ему не удалось исполнить. Резервный баталіонъ Литовскаго полка долженъ былъ перейти изъ Гродно въ Августовъ, а оставленный тамъ Мандерштерномъ резервный баталіонъ 48-го егерскаго полка—передвинутъ въ

Ломжу на смѣну баталіона 4-го морскаго полка, отправленнаго къ арміи; 1-й резервный баталіонъ направленъ къ арміи и прибылъ въ Ковно 15-го февраля; б) слѣдовавшая впереди 2-го пѣх. корпуса, *2-я гусарская дивизія* была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: Иркутскій гусарскій полкъ занялъ всю дорогу отъ арміи до Гродно для конвоированія транспортовъ раненыхъ и плѣнныхъ, а именно: 1-й эскадронъ расположился въ Бялѣ, 2-й въ Мендзыржецѣ, 2-й дивизіонъ въ Брестѣ, 3-й въ Кобринѣ; отъ Елисаветградскаго гусарскаго полка оставлено по дивизіону въ Пружанахъ, Ружанахъ и Слонимѣ; другая бригада 2-й гусарской дивизіи въ Новогрудкѣ и Мирѣ; в) *гвардейскій корпусъ*, какъ уже извѣстно, слѣдовалъ тремя колоннами: правая (2-я гв. пѣх. и 1 кирасир. дивизіи)—по Ковенскому шоссе на *Ломжу*; средняя (1-я гв. пѣх. див.) на *Гродно* и *Бѣлостокъ*; лѣвая (легкая гв. кав. див.) черезъ Лиду на Волковискъ и къ 15-му февраля прибыла на Наревъ; Дибичъ перемѣнилъ направленіе средней и лѣвой колоннъ и приказалъ имъ слѣдовать въ Царство Польское чрезъ *Тыкочинъ* и *Сураж*ъ.

За гвардіею приказано было слѣдовать *и 2-му пѣх. корпусу* съ тѣмъ, чтобы 5-я пѣх. дивизія, оставя одну бригаду въ Вильнѣ, двумя другими заняла Ковно, Сувалки и Ломжу; 6-я дивизія должна была расположиться по-бригадно въ Бѣлостокѣ, Брестѣ и Владавѣ; 7-й пѣхотной дивизіи: 1-й бригадѣ съ Павлоградскимъ гусарскимъ полкомъ занять Сѣдльце, а остальнымъ двумъ со 2-ю бригадою 2-й гусар. дивизіи расположиться въ Люблинѣ *).

Къ 16-му февраля списочное состояніе арміи было слѣдующее: 1) въ главной арміи при Гроховѣ 70.000 чел., въ томъ числѣ 16.000 чел. кавалеріи ($83^3/_4$ бат., 99 эск., 237 ор., 32 сотни); 2) у Сакена и Гейсмара 9.480, въ томъ числѣ 4.600 чел. кавал. (5 батал., 24 эск., 28 ор. и 21 сотня); 3) у Крейца, Угрюмова и Балбекова 10.550 чел., въ томъ числѣ 3.660 чел. кавалеріи ($8^1/_2$ бат., 23 эск., 46 ор. 7 сот.); итого въ главной арміи $97^1/_4$ бат., 146 эск., 311 ор., 60 сот.; или же 90.000 чел., въ томъ числѣ кавалеріи около 22.200 чел. Кромѣ того въ тылу и пограничныхъ пунктахъ находилось $23^3/_4$ батал., 7 эск., 122 ор. и 1 сотня или 17.850 чел., въ томъ числѣ кавал. 1.330 чел. *Всего: 121 батал., 153 эск., 433 ор. и 61 сотня; или 108.870 чел., изъ нихъ 25.400 чел. кавалеріи.* Сравнивая эти цифры съ данными, опредѣляющими составъ нашей арміи передъ вступленіемъ въ Царство, мы увидимъ, что она по 16-е февраля потеряла около 16.500 чел. **), число баталіоновъ увеличилось однимъ (1-й рез. сап. баталіонъ), а эскадроновъ уменьшилось на 3: три эскадрона кирасирскаго пр. Альберта полка соединены въ одинъ, и одинъ эскадронъ драгунъ уничтоженъ въ Пулавахъ; орудій потеряно 11-ть: одно при Бялоленкѣ, 8 подъ Сточекомъ и 2 при Нововеси.

Въ началѣ войны въ тылу находилось 11.760 чел., а къ 16-му февраля 17.850 чел. Если къ составу нашихъ силъ причислить еще слѣдовавшіе къ арміи: гв. корпусъ (25.270 чел.), 1-ю уланскую дивизію (5.850 чел.), 2-й пѣх. корпусъ (32.675 чел.) и 56 донскихъ сотенъ, то общій итогъ ихъ будетъ простираться до 176 бат., 241 эск., 653 ор. или 175.000 чел., въ томъ числѣ кавалеріи 46.100 чел.

*) Кромѣ того были исполнены или исполнялись разныя *частныя передвиженія*: въ первой половинѣ марта должна была вступить, черезъ Брестъ, въ Царство 1-я уланская дивизія; съ приближеніемъ 2-го корпуса, 6-й егерскій полкъ (3-й пѣх. дивизіи) отправленъ изъ губернскаго города Минска къ арміи; туда-же двинутъ изъ Кіева Жандармскій полкъ для несенія штабной службы; въ Вильну, на смѣту оставленнаго тамъ эскадрона Лубенскаго гусарскаго полка, прибылъ донской Кутейникова полкъ, а лубенцы отправлены къ арміи; 47-й егерскій полкъ, входившій въ составъ отряда Пенхержевскаго и конвоировавшій 24 и 25 парки, былъ оставленъ при арміи.

**) См. прилож. VI.

б) Продовольственная часть.

Къ 16-му февраля армія наша была вполнѣ обезпечена запасами имѣвшимися *въ пограничныхъ пунктахъ* *); но пользоваться ими не могла за отсутствіемъ *перевозочныхъ средствъ*. По вычисленіямъ Затлера, для 60-тысячной арміи дневное количество провіанта составляетъ 550 четв. муки и крупъ, для подъема которыхъ необходимо 140—180 подводъ, а для непрерывной подвозки провіанта изъ Бреста требовалось 3—4 тысячи подводъ. Такъ какъ у насъ перевозочныя средства были крайне ограниченныя, то Дибичъ, для сокращенія потребности въ нихъ, призналъ необходимымъ устроить *промежуточную базу* и съ этою цѣлью заложить магазины: 1) *въ Сѣдльце*, для запасовъ изъ Бреста, Бѣлостока и Дрогичина, и 2) *въ Коцкѣ*, для запасовъ изъ Подоліи и Волыни. Для безостановочнаго подвоза провіанта въ эти магазины приказано было собрать подводы отъ жителей, а именно въ Сѣдльце: 1) 750 подводъ съ Бѣлостокской области и 450 подводъ съ Дрогичина; 2) 900 подводъ съ Гродненской губерніи; *въ Коцку*: 600 подводъ съ Волынской губерніи. Сверхъ того формировались подвижные магазины изъ средствъ 2-й (бывшей Турецкой) арміи; двѣ роты этого подвижнаго парка, нагрузившись въ Старо-Константиновѣ, двинулись 6—7 февраля на Брестъ. Дибичъ расчитывалъ также на подвозъ припасовъ водой; этимъ средствомъ можно было пользоваться только въ опредѣленное время года, да и пунктъ сліянія Буга съ Наревомъ—Сѣроцкъ, не былъ въ нашихъ рукахъ. Впрочемъ все таки, для сплава 105 т. четв. по Бугу, было собрано 280 судовъ, отчасти по найму, отчасти реквизиціей. Вообще мы видимъ, что на базисѣ запасовъ было достаточно, но своевременное полученіе ихъ арміей не было правильно организовано и войска наши нерѣдко голодали, а главнокомандующій стѣснялся въ своихъ операціяхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ войска, располагаясь на квартирахъ, довольствовались преимущественно фуражировками и реквизиціями. При движеніи къ Рыкамъ запасъ продовольствія имѣлся на 12 дней.

в) Госпитальная часть.

По мѣрѣ движенія арміи впередъ закладывались госпитали для призрѣнія раненыхъ и больныхъ. Вслѣдствіе потерь въ сраженіяхъ подъ Вавромъ и Гроховомъ были учреждены госпитали: въ Минскѣ и Окуневѣ на 1.200 мѣстъ въ каждомъ, въ Калушинѣ на 600 чел., въ Сѣдльце и Венгровѣ на 1.000 чел. въ каждомъ; сверхъ того въ Ломжѣ на 1.000 чел.; *всего на 6.000 чел. больныхъ*. Для снабженія этихъ госпиталей арміи пришлось выдѣлить вещи изъ своихъ собственныхъ средствъ, въ которыхъ она сама нуждалась. Для перевозки больныхъ вынуждены были обратиться къ паркамъ, а потомъ сдавать на обывательскія подводы для отправленія во внутрь страны. При переходѣ границы, число больныхъ во всей дѣйствующей арміи, не исключая гвардіи и 2-го пѣхотнаго корпуса, простиралось къ 1-му февраля до 5.300 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а черезъ двѣ недѣли, къ 16-му февраля, находилось уже въ госпиталяхъ 9.665 чел. (во внутреннихъ 5.160 и въ заграничныхъ госпиталяхъ 4.505 чел.). Въ бояхъ за это время мы потеряли: убитыми 2.587, ранеными 11.422, контуженными 532 и пропавшими безъ вѣсти 2.498 или всего 17.039 чел., въ томъ числѣ 12 генераловъ и 526 штабъ и оберъ-офицеровъ.

Впослѣдствіи въ войскахъ распространилась холера, нашедшая для своего развитія благопріятную почву среди арміи, изнуренной продолжительными походами, дурными биваками, плохой и недостаточной пищей, неудовлетворительной одеждой

*) Тамъ находились 97 т. четв. муки, 32 т. четв. сухарей, $10^1/_2$ т. четв. крупъ, 57 т. четв. овса, 163 т. пуд. сѣна и 1.217 пуд. соломы.

(не было вовсе теплыхъ вещей) и пр. Двѣ трети арміи перебывало въ госпиталяхъ. Тогда вѣрили въ безусловную заразительность холеры и, какъ предохранительное средство, употребляли частыя обмыванія хлорною водою, конечно безъ пользы, но не безъ вреда. Леченіе состояло въ кровопусканіи и сильныхъ пріемахъ жидкаго опіума и мятнаго масла. Ходъ болѣзни былъ вообще скоротечный.

д) Артиллерійское довольствіе.

При выступленіи арміи въ походъ за нею слѣдовалъ подвижной № 2 паркъ, а 24-му и 25-му паркамъ приказано было сосредоточиться—первому въ Брестѣ, а второму въ одномъ переходѣ оттуда — въ Бульковѣ. До 8-го февраля было выпущено 8.300 снарядовъ, которые тотчасъ пополнилъ паркъ № 2 и отправился за новыми запасами, но потомъ назначеніе его измѣнено и приказано подвозить фуражъ для артиллеріи изъ внутреннихъ магазиновъ; для обезпеченія-же арміи зарядами велѣно было двинуться къ ней 24-му и 25-му паркамъ, которые 8-го и 9-го февраля перешли границу въ Сѣдльце, поступили подъ конвой 47-го егерскаго полка и 14-го прибыли къ арміи; отдавъ весь свой запасъ войскамъ, они пополнили этимъ расходъ Гроховскаго сраженія, а оставшееся значительное число патроновъ и картечи сложили у Дембе-Вielьке.

Парки эти, совершивъ оборотъ къ Гродно и назадъ, могли вернуться къ арміи не ранѣе половины марта, а потому для дальнѣйшаго пополненія арміи боевыми припасами было предписано: а) выступившему изъ Вильны *летучему парку* слѣдовать къ арміи чрезъ Бѣлостокъ и Дрогичинъ (прибылъ къ послѣднему 16-го февраля); б) оставленнымъ при переходѣ границы въ Бѣлостокѣ, *218 зарядныхъ ящикахъ* съ 14 тысячами зарядовъ двинуться на Брестъ, куда также направиться изъ Вильны чрезъ Слонимъ *подвижному арсеналу*; в) *парку № 1 и лабораторная рота № 2 изъ Риги* прибыли къ Ломжѣ, гдѣ и ожидали приказаній; г) кромѣ того къ арміи слѣдовали: 1) изъ *военно-поселенныхъ округовъ гренадерскаго корпуса* третьи зарядные ящики батарейныхъ и вторые легкихъ батарей, которые къ 1-му марта прибыли въ Дрогичинъ; 2) *изъ Кіева* парки №№ 6, 7, 8, 9, 10 и 18 выступили эшелонами, по два парка каждый, 5-го, 10-го и 15-го февраля; 3) *изъ Брянска* паркъ № 4 и изъ Москвы № 16.

Послѣ 15-го февраля въ главной арміи состояло 28.200 артиллерійскихъ снарядовъ. Виды на пополненіе были слѣдующіе: а) *первоначальные*: летучій паркъ, 218 зарядныхъ ящиковъ, паркъ № 1 — всего 30.944 снаряда; б) *дальнѣйшіе*: парки №№ 6, 7, 8, 9 и 10 (приб. въ Брестъ въ концѣ марта); парки №№ 4-й и 6-й—46.080 снар., всего въ артиллеріи могло быть 105.224 снар. Такимъ образомъ армія на мартъ и апрѣль обезпечивалась тѣми парками, которые должны были войти въ ея составъ. Было обращено также вниманіе и на *мѣстные парки*. Генералъ Дидрихсъ назначенъ былъ начальникомъ Гродненскаго и Несвижскаго мѣстныхъ парковъ, которые служили перволинейными депо для пополненія подвижныхъ парковъ; ему были также подчинены: Бобруйскій *запасный паркъ*, Виленскій *арсеналъ* и *артиллерійскій запасный складъ*, учрежденный въ Брестѣ; на него-же возложено было пополненіе мѣстныхъ парковъ чрезъ сношеніе съ артиллерійскимъ департаментомъ. Для лучшаго обезпеченія снабженія арміи артиллерійскими запасами, Дибичъ просилъ перевести въ Брестъ Несвижскій мѣстный паркъ. Вообще артиллерійское довольствіе арміи было организовано превосходно, и парки помимо своего прямаго назначенія оказали арміи неоцѣненныя заслуги перевозкой больныхъ и раненыхъ, подвозомъ провіанта и фуража ([186]).

ГЛАВА IV.

Подготовка къ переправѣ. Дѣйствія на флангахъ и въ тылу арміи. Экспедиція Дверницкаго въ Люблинское воеводство. Движеніе русскихъ къ переправамъ.

Переговоры поляковъ съ Дибичемъ и развитіе ими средствъ борьбы.

Послѣ сраженія при Гроховѣ, поляки, избѣгнувъ рѣшительнаго удара, скоро успокоились и приступили къ реорганизаціи и развитію своихъ вооруженныхъ силъ для дальнѣйшей борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Скржинецкій рѣшился вступить въ переговоры съ фельдмаршаломъ и съ этою цѣлью онъ завелъ предварительныя сношенія съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ депутатовъ. Хржановскій и Прондзинскій, участвовавшіе въ этихъ собесѣдованіяхъ, помогали Скржинецкому всѣмъ ихъ краснорѣчіемъ. Они высчитывали этимъ господамъ обширныя средства Россіи, указывали на потери, понесенныя арміей въ бояхъ и что продолженіе борьбы поведетъ къ полному истощенію страны и лишь болѣе возстановитъ Императора. Но никакіе резоны не имѣли успѣха. Наконецъ Скржинецкому, пустившему въ ходъ все его дипломатическое искусство, удалось добиться разрѣшенія вступить съ фельдмаршаломъ въ переговоры, но подъ строгимъ надзоромъ и въ узко начертанныхъ ему предѣлахъ ([187]). 19 февраля явился на передовые посты бывшій адъютантъ Цесаревича гр. Мицельскій и, принятый Дибичемъ, объявилъ, что онъ присланъ временнымъ польскимъ правительствомъ и главнокомандующимъ съ цѣлью узнать, на какихъ основаніяхъ Императоръ уполномочилъ фельдмаршала прекратить непріязненныя дѣйствія ([188]). Дибичъ отвѣчалъ, что путь къ этому указанъ Высочайшимъ манифестомъ, а именно: польская армія должна была объявить беззаконнымъ актъ объ упраздненіи престола и безусловно положиться на милосердіе государя. Гр. Мицельскій просилъ перемирія для необходимыхъ сообщеній обѣихъ сторонъ со своимъ правительствомъ, но Дибичъ отказалъ, упомянувъ, впрочемъ, что въ случаѣ движенія польской арміи, согласно манифесту, къ Плоцку, онъ ее не будетъ тревожить. Черезъ 5 дней гр. Мицельскій снова явился и былъ принятъ фельдмаршаломъ, но не могъ сдѣлать никакихъ рѣшительныхъ заявленій. Всѣ послѣдующіе переговоры, съ временнымъ польскимъ правительствомъ и съ главнокомандующимъ Скржинецкимъ, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ русскій фельдмаршалъ требовалъ безусловной покорности, а поляки говорили о конституціи, о гарантіяхъ автономныхъ правъ и т. п.—Эти переговоры нисколько не мѣшали полякамъ постепенно возстановить свои вооруженныя силы и развить средства борьбы. Вступивъ въ командованіе арміей, Скржинецкій тотчасъ озаботился относительно мѣръ для за-

щиты Варшавы. Съ этою цѣлью онъ приказалъ устроить батареи на лѣвомъ берегу Вислы и сжечь Прагу для того, чтобы имѣть свободное пространство впереди мостоваго укрѣпленія.

Занимавшія тетденовъ войска Малаховскаго были оттуда выведены и замѣнены гарнизономъ изъ 2-хъ баталіоновъ, подъ начальствомъ маіора Кіекерницкаго; комендантомъ укрѣпленія назначенъ былъ инженеръ-полковникъ Коссъ. Скржинецкій старался поднять духъ не только въ арміи, но пріободрить и правительство. Когда сеймъ желалъ перенести свои засѣданія изъ Варшавы, которую считали опаснымъ мѣстопребываніемъ, въ Мѣховъ, то Скржинецкій возсталъ противъ этого, сказавъ, что сеймъ „долженъ помнить римскихъ сенаторовъ, умершихъ на своихъ курульскихъ креслахъ; что же касается до меня, то вы вполнѣ можете расчитывать, что я буду вашимъ Фабіемъ Кунктаторомъ“. Военнымъ губернаторомъ Варшавы назначенъ былъ Круковецкій, человѣкъ хотя сварливый и задорный, но не безъ способностей. Впрочемъ его кипучая дѣятельность, его вполнѣ польская натура не могли удовольствоваться этимъ мѣстомъ въ столь мятежное время, и онъ втайнѣ, чрезъ вожаковъ народной толпы, интриговалъ противъ Скржинецкаго. По укомплектованіи арміи и реорганизаціи ея, силы поляковъ въ половинѣ марта простирались *до 76 т. чел.* при 158 орудіяхъ; изъ нихъ въ главной арміи, съ Уминскимъ, 51 тыс., въ отрядахъ: Сѣравскаго 7 тыс., Дверницкаго $6^1/_2$ тыс., и въ резервѣ Паца 11 тыс. Сверхъ того: гарнизоны Модлина, Замостья Праги и національная гвардія—до 26 т.; *всего въ польской арміи было болѣе 100000 чел.* (См. прил. XXXII) (189).

Подготовка къ переправѣ русской арміи.

Что касается русской арміи, то, расположившись по квартирамъ въ ожиданіи переправы, она должна была изготовиться къ этой операціи. Средняя Висла вскрывается обыкновенно при напорѣ льда сверху, и Варшава каждый разъ предваряется объ этомъ изъ Кракова; но во время описываемой кампаніи наоборотъ—ледъ ниже Варшавы къ Модлину и далѣе прошелъ раньше; 24-го февраля рѣка ниже пражскаго моста совершенно очистилась отъ льда, между тѣмъ какъ выше указаннаго пункта ледъ стоялъ еще нѣсколько дней, а это показываетъ въ какой степени, вслѣдствіе теплыхъ дней въ концѣ января, ослабъ ледъ на рѣкѣ, хотя въ теченіи февраля температура была ниже точки замерзанія. При такомъ состояніи рѣки приходилось отложить переправу, а слѣдовательно и главныя, рѣшительныя дѣйствія до весны. Для устройства переправы армія не имѣла при себѣ никакихъ средствъ за исключеніемъ понтоновъ, которые, по свойствамъ рѣки, особенно при весеннемъ ея разливѣ, не могли служить для устройства моста. Большихъ якорей и надежнаго каната нельзя было достать въ требуемомъ количествѣ, какъ по неимѣнію пристаней близъ Варшавы, такъ и вслѣдствіе опасенія жителей мщенія со стороны революціонеровъ; можно было достать на мѣстѣ лишь бревна, доски и т. п. Фельдмаршалъ приказалъ ген. Дену составить предположеніе о количествѣ необходимыхъ для переправы средствъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя можно было пріобрѣсти на мѣстѣ. Денъ, принявъ во вниманіе среднюю ширину Вислы по спаденіи водъ, вычислилъ необходимое для устройства моста на судахъ и плотахъ количество якорей, канатовъ, веревокъ и гвоздей *). Кромѣ того половина этого матеріала нужна была на случай устройства понтоннаго моста. Дибичъ приказалъ начальнику 6-го округа путей сообщенія генер. Ризе, находившемуся въ Слонимѣ, заготовить эти матеріалы по р.р. Припети и Шарѣ и, по мѣрѣ заготовленія, отправлять ихъ къ мѣсту переправы на вольныхъ подводахъ и даже по почтѣ (190).

*) Якорей отъ 3 до 4 пуд. вѣсомъ—50 штукъ; канатовъ отъ $3^1/_2$ до 4 д. въ окружности—1.500 саж., веревокъ въ $1^1/_2$ д. въ окружности—2.500 саж; гвоздей отъ 3 до 4 д. длиною 10.000 штукъ.

Экспедиція Дверницкаго въ Люблинское воеводство.

Главныя силы польской арміи оставались около Варшавы и тоже не могли предпринять ничего важнаго, спѣша укомплектоваться и реорганизоваться, для чего имѣлось достаточно времени. Поляки понимали впрочемъ, что и къ веснѣ они не могутъ выставить въ поле силъ достаточныхъ для борьбы съ русской арміей, а потому стремились возбудить мятежъ въ пограничныхъ нашихъ губерніяхъ.

Въ Литвѣ они могли расчитывать на болѣе или менѣе общее къ ихъ дѣлу сочувствіе. Этому способствовали и религія, и обычаи, и нравы литовцевъ, равно какъ и нѣкоторыя историческія причины. Совершенно иначе представлялось дѣло въ Подольской и Волынской губерніяхъ, гдѣ поляки могли привлечь на свою сторону только одну шляхту. Возбудить послѣднюю къ открытому возстанію можно было только при помощи особаго отряда войскъ, на который могли бы опереться инсургентскія банды. Малочисленность корпуса барона Крейца, дѣйствовавшаго въ Люблинскомъ воеводствѣ, и слабое занятіе съ той стороны границы, обнадеживали поляковъ въ успѣхѣ такого предпріятія. Предложеніе относительно возбужденія къ возстанію Волыни было внесено Лелевелемъ въ военный совѣтъ, послѣ Гроховскаго сраженія. Умѣренная партія полагала, что западныя губерніи слѣдовало предоставить самимъ себѣ или, по крайней мѣрѣ, выждать рѣшительныхъ успѣховъ польскаго оружія, а затѣмъ уже выслать туда войска, такъ какъ въ противномъ случаѣ возстаніе легко могло быть подавлено въ самомъ началѣ. Крайняя-же партія, указывая на слабость занятія русскими Люблинскаго воеводства и ненадежность прикрытія границы, а также на возможность, въ случаѣ неудачи, воспользоваться крѣпостью Замостьемъ въ качествѣ опорнаго пункта, требовала немедленно экспедиціи, съ какою цѣлью и рѣшено было сформировать партизанскій отрядъ силою въ тысячу пятьсотъ коней, подъ начальствомъ Дверницкаго, и отправить его на Волынь для возбужденія тамъ возстанія. Скржинецкій ухватился за эту мысль, которая давала ему возможность надѣяться на успѣхъ безъ необходимости самому что нибудь дѣлать. Ген. Дверницкій согласился произвести экспедицію, но съ условіемъ, чтобы ему былъ данъ весь его отрядъ, а именно: пятые и шестые эскадроны его формированія—18 эск., два дивизіона кракузовъ: Понятовскаго и Костюшки—4 эск., третьи баталіоны 1-го, 5-го и 6-го полковъ, баталіонъ стрѣлковъ и 12 ор., *всего 22 эск., 4 батал., и 12 ор., или около 6.500 чел.* Прондзинскій былъ противъ экспедиціи Дверницкаго и представилъ Скржинецкому возраженія, но они не убѣдили Скржинецкаго: „оставьте, говорилъ онъ, Дверницкій счастливъ“. Тогда Прондзинскій составилъ инструкцію для Дверницкаго, въ которой рекомендовалъ ему держаться за Бугомъ разсредоточенно, на значительномъ пространствѣ, не дозволять припереть себя тыломъ къ рѣкѣ или къ границѣ и даже раздѣлиться на нѣсколько отрядовъ, если же не въ состояніи будетъ держаться—броситься въ Литву, перерѣзывая сообщенія русскихъ. Но такая роль партизана уже не соотвѣтствовала видомъ героя Сточека, который желалъ дѣлать завоеванія и производить диверсіи (191).

17-го февраля Дверницкій *) двинулся отъ Козеницы къ Гнѣвашеву; авангардъ его, подъ начальствомъ Лаговскаго, 18-го числа совершилъ переправу у Пулавъ, а 19-го

*) См. карту театра войны.

февраля перешелъ въ этомъ пунктѣ Вислу и Дверницкій: занявъ Пулавы онъ въ тотъ-же день двинулся впередъ. Удаленіе Крейца отъ Пулавъ къ Люблину, въ то время какъ Дверницкій готовился перейти черезъ Вислу, было причиной того, что извѣстіе о переправѣ польскаго отряда замедлилось по крайней мѣрѣ двумя днями и, посланное изъ Люблина кружнымъ путемъ, получено было Дибичемъ только 21 февраля, такъ что Дверницкій выигралъ два перехода. Тотчасъ по полученіи этого донесенія фельдмаршалъ направилъ къ Люблину 3-й резервный кавалерійскій корпусъ и Литовскую гренадерскую бригаду, которая, выступивъ въ тотъ-же день (21 фев.) изъ подъ Праги, должна была присоединиться къ Витту 22 фев. До ея прибытія поручено было гр. Витту сосредоточить свою кавалерію къ р. Вепржу и сдѣлать усиленную рекогносцировку между Пулавами и Люблиномъ, для открытія направленія принятаго Дверницкимъ, а для связи съ бар. Крейцемъ выслать сильную партію влѣво. Такъ какъ Дверницкій тѣмъ временемъ могъ оттѣснить бар. Крейца и приблизиться къ границамъ Волыни, то фельдмаршалъ отправилъ курьера въ Кіевъ, прося главнокомандующаго 1-ю арміею придвинуть къ Дубно, Луцку и Владиміру ближайшія къ этимъ пунктамъ войска: 11-ю пѣхотную и 3-ю гусарскую дивизіи и если нужно поддержать ихъ 4-мъ кавал. корпусомъ. Преувеличенныя свѣдѣнія о силѣ отряда Дверницкаго *) и возможность усиленія его люблинскими ополченіями, заставили Дибича, вслѣдъ за Литовской гренад. бригадой, отправить къ гр. Витту, чрезъ Желеховъ и Рыки, еще 7 баталіоновъ 3-й грен. дивизіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отступленія Крейца къ Устилугу, граница между послѣднимъ и Брестомъ не осталась открытой, Дибичъ приказалъ, слѣдовавшему въ головѣ съ Дона, Катасанова казачьему полку идти изъ Бреста на Влодаву и поступить подъ команду полк. Анрепа, которому прикрывать границу и держать связь съ Крейцомъ, состоя подъ его начальствомъ. Наконецъ вслѣдствіе разобщенности корпусовъ Витта и Крейца, Дибичъ приказалъ Пашкову двинуться съ 1-ю бригадою 2-й конно-егерской дивизіи къ Коцку и оттуда войдти въ связь влѣво съ Крейцомъ и вправо съ Виттомъ. Общее начальство надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ Дверницкаго, поручено было гр. Толю, который и отправился къ сводному корпусу гр. Витта въ Жиржинъ ([192]).

Бой у Курова.

Отрядъ Тухачевскаго, оставленный Крейцомъ у Пулавъ, не имѣя никакой возможности остановить Дверницкаго, который, зная о слабости Крейца, дѣйствовалъ рѣшительно, началъ 19-го фев. отступать на Куровъ, куда двинулся и Дверницкій. Тухачевскій отходилъ, безъ потерь, къ Маркушеву, на соединеніе съ корпусомъ, какъ вдругъ услышалъ сзади себя канонаду. Причина ея была слѣдующая. Назначенный наблюдать за крѣпостью Замостьемъ, ген. Каверъ сдѣлалъ поискъ къ Туробину и Янову съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Финляндскаго драгунскаго полка, 2 сот. казаковъ и 4 орудій. По окончаніи экспедиціи, вмѣсто того чтобы возвратиться къ Замостью, котораго онъ и такъ не долженъ былъ оставлять безъ наблюденія, Каверъ со всѣмъ отрядомъ двинулся къ Бѣлжицѣ, которая вовсе не входила въ назначенный ему Крейцомъ раіонъ дѣйствій. Прибывъ къ Бѣлжицѣ и узнавъ тамъ о переходѣ непріятеля на правый берегъ Вислы, Каверъ направился чрезъ Ванвольницы къ Курову и такимъ

*) Мѣстные жители показывали гр. Витту, будто подъ начальствомъ Дверницкаго находилось 16—18 батал., 30 эскадр. и 5 батарей; утверждали, что, въ составѣ его отряда находится вся дивизія Круковецкаго.

движеніемъ, ставъ впереди отряда Тухачевскаго, съ которымъ не открылъ никакой связи, подставилъ себя подъ удары всего корпуса Дверницкаго. Мало того, выйдя къ Курову, генералъ этотъ занялъ позицію впереди мѣстечка, вмѣсто того чтобы стать за плотиной, спѣшить драгунъ и оборонять мѣстечко. Дверницкій, приблизившись къ Курову и замѣтивъ русскую кавалерію, тотчасъ приказалъ пѣхотѣ занять рощу вправо отъ дороги, а уланамъ—выждать выхода пѣхоты изъ рощи и тогда уже повести атаку. Но уланы, не дожидая пѣхоты, смѣло бросились на нашихъ драгунъ, захватили 4 орудія, едва успѣвшія дать по одному выстрѣлу *), и опрокинули нашъ отрядъ, а затѣмъ погнали его. Каверъ не только не встрѣтилъ атаку атакой-же, но самъ немедленно далъ тылъ, а за нимъ понеслись драгуны, перепрыгивая чрезъ загораживавшую входъ на плотину рогатку, которую въ торопливости не успѣли даже отодвинуть. Тухачевскій, услыша выстрѣлы, повернулъ свой отрядъ назадъ и пошелъ на выручку; на него нестройной толпой неслись финляндскіе драгуны, преслѣдуемые польскими уланами. Тухачевскій, пропустивъ драгунъ, встрѣтилъ поляковъ атакой, опрокинулъ два эскадрона 4-го уланскаго полка и эскадронъ Понятовскаго и успѣлъ отбить у нихъ одно орудіе, но, видя постепенно прибывающія къ непріятелю подкрѣпленія, сталъ отступать къ Люблину, тѣснимый сильно поляками.

Обезумѣвшій Каверъ прискакалъ въ Люблинъ съ однимъ лишь ординарцемъ, ворвался къ Крейцу ([194]) и объявилъ, что весь его полкъ уничтоженъ. Крейцъ немедленно выслалъ Деллингаузена къ Ясткову съ приказаніемъ занять тамъ позицію для прикрытія отступавшихъ полковъ. Дверницкій въ тотъ-же день (19 фев.) занялъ Маркушевъ.

Занятіе Дверницкимъ Люблина.

20-го бар. Крейцъ занялъ позицію впереди Люблина, куда подошелъ и Дверницій съ кавалеріей, и оба отряда до самаго вечера бездѣйствовали; Дверницкій выжидалъ прибытія пѣхоты, направленной въ обходъ на Ожаровъ, чтобы отрѣзать путь отступленія Крейцу, что-же касается Крейца, то, казалось-бы, онъ могъ атаковать непріятельскую кавалерію до прибытія къ ней пѣхоты, а затѣмъ не трудно уже было уничтожить послѣднюю; но, во—первыхъ, Крейцъ предполагалъ противника сильнѣе нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ; во—вторыхъ, въ тылу нашего отряда находился городъ, жители котораго при малѣйшей нашей неудачѣ могли поднять оружіе, а потому рискнуть атакой можно было только при полной увѣренности въ ея успѣхѣ; не имѣя такой увѣренности, въ ложномъ предположеніи о непріятельскихъ силахъ, Крейцъ не рѣшился ввѣриться случайностямъ боя и предпочелъ отступить къ Пяскамъ и Суходолу, отражая огнемъ артиллеріи запальчивое наступленіе поляковъ. Дверницкій занялъ Люблинъ при колокольномъ звонѣ и восторженныхъ овацiяхъ польскаго населенія. Крейцъ перешелъ по плотинамъ р. Быстрицу, сжегъ мосты, отразивъ картечью бросившихся за нимъ поляковъ и тѣмъ помѣшалъ дальнѣйшему преслѣдованію Дверницкаго ([195]). Въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія противника, Крейцъ имѣлъ въ виду перейти при Олесникѣ, или при Стенжицѣ на правый берегъ Вепржа и чрезъ Сѣдлищѣ, Бухачевъ и Ленчну дѣйствовать противъ тыла и фланга Дверницкаго, что и было имъ исполнено. Крейцъ двигался 3 сутокъ слабо тревожимый противникомъ. Изъ Суходола онъ свернулъ съ большой дороги и, перейдя 22-го фев. чрезъ Вепржъ у Олесникъ, уничтожилъ на немъ мосты, а затѣмъ совершилъ фланговый маршъ на Ленчну, прикрываясь фланговыми

*) Артиллерійскій офицеръ защищался съ прислугою до послѣдней крайности и былъ заколотъ на орудіи, которое обнялъ, не желая съ нимъ разстаться ([193]).

позиціями и искусно маневрируя. Это движеніе Крейца вполнѣ соотвѣтствовало обстановкѣ; съ фронта, по слабости силъ, онъ не могъ задержать непріятеля; пришлось-бы отступать, т. е дѣйствовать въ видахъ противника, увлекая его за собою въ томъ направленіи, въ которомъ лежала существенная цѣль его операціи; мѣжду тѣмъ, переходя къ Ленчнѣ, Крейцъ угрожалъ сообщеніямъ Дверницкаго и, въ случаѣ движенія его на Волынь, отрѣзывалъ его отъ Польши.

Между тѣмъ на другой день послѣ занятія Дверницкимъ Люблина часть замосцскаго гарнизона сдѣлала нечаянное нападеніе на Устилугъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Бар. Крейцъ еще ранѣе послалъ приказаніе начальнику резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣх. дивизіи, ген. Балбекову, двигаться къ нему на соединеніе. Приказаніе это было перехвачено небольшой партіей Гедройца въ Грубешовѣ и комендантъ Замостья, Крысинскій, выслалъ изъ крѣпости, ночью съ 18 на 19 фев., 4 роты съ 4 орудіями и съ кракузами къ Устилугу, чтобы напасть на русскихъ и воспрепятствовать соединенію Балбекова съ Крейцомъ. Балбековъ достигъ въ это время Владиміра, а одинъ баталіонъ Житомірскаго полка находился въ Устилугѣ. Командиръ этого баталіона не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и былъ атакованъ на разсвѣтѣ 21 фев. совершенно въ расплохъ. Поляки захватили въ плѣнъ 5 оф. 370 нижн. чиновъ, знамя и благополучно возвратились въ Замостье (196). Балбековъ, услыша выстрѣлы, поспѣшилъ съ остальными двумя баталіонами на помощь, но уже не засталъ поляковъ въ Устилугѣ; онъ занялъ это мѣстечко 21 фев., а затѣмъ двинулся было на соединеніе съ Крейцомъ, чего, какъ увидимъ, ему не удалось достигнуть.

Дальнѣйшія операціи Дверницкаго и Крейца. Обратное занятіе послѣднимъ Люблина.

Дверницкій, занявъ 20 фев. Люблинъ, оставался тамъ до 23-го февраля, пополнилъ запасы, сформировалъ ополченіе, а затѣмъ двинулся на Красноставъ. Узнавъ о движеніи Балбекова отъ Устилуга къ Войсловице, Дверницкій рѣшился захватить его, чтобы помѣшать соединенію съ Крейцомъ и разбить въ отдѣльности. Для этого онъ 26-го числа двинулся самъ къ Войсловице, а влѣво въ обходъ на Раколупы къ Уханамъ выслалъ полковника Рыхловскаго съ 2 батал., 6 эск. и 4 ор., чтобы отрѣзать Балбекову путь на Устилугъ; но Балбековъ, узнавъ объ этомъ, быстро ушелъ въ Устилугъ и избѣгнулъ грозившей ему опасности, пройдя Уханы за полчаса до прибытія туда Рыхловскаго (197).

Назначенный слѣдовать за Дверницкимъ, во второмъ эшелонѣ, генералъ Сѣравскій 20 февраля перешелъ было у Пулавъ Вислу, но, узнавши о движеніи Витта, ушелъ обратно за рѣку.

Между тѣмъ гр. Виттъ крайне медлилъ своими дѣйствіями: 23-го февраля онъ прибылъ въ Рыки, 24 приказалъ навести два моста чрезъ Вепржъ, у Шарнъ и Бобровниковъ, и только 27-го, перейдя Вепржъ, двинулся въ Жиржинъ, куда прибылъ и гр. Толь. Въ этотъ самый день Крейцъ снова занялъ Люблинъ, оставленный Дверницкимъ. Дибичъ приказалъ Крейцу вступить въ связь съ Виттомъ и дѣйствовать противъ Дверницкаго совмѣстно. При такихъ условіяхъ Витту, какъ старшему въ чинѣ, подчинялся отрядъ Крейца. Послѣдній, избѣгая этого и желая сохранить за собою самостоятельность въ дѣйствіяхъ, узнавъ о движеніи Дверницкаго къ Красностову и далѣе противъ Балбекова, 27-го февраля подошелъ къ Люблину и занялъ его послѣ незначительной схватки. Крейцъ подошелъ къ городу съ Сѣдлецкой дороги. Впереди шли 2 драг. полка съ батарейной батареей. Хотя на встрѣчу выѣхали парламентеры, но по въѣхавшему въ городъ офицеру сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Въ тоже время справа, куда

высланъ былъ одинъ драгунскій полкъ съ 2 орудіями раздались выстрѣлы. Оказалось что польская пѣхота около 400 чел. заняла предмѣстье Веняву, гдѣ и рѣшилась защищаться. Крейцъ выслалъ туда, подъ нач. Делинсгаузена, еще 2 полка и 4 орудіями. Делинсгаузенъ спѣшилъ изъ прибывшихъ 8 эскадроновъ и, сломавъ заборы, выдвинулъ впередъ орудія, которыя открыли картечный огонь. Поляки побѣжали назадъ и засѣли тамъ въ мукомольномъ амбарѣ вблизи водяной мельницы. Двинувшіеся на штурмъ драгуны были встрѣчены сильнымъ огнемъ; тогда Делинсгаузенъ открылъ огонь гранатами и брандскугелями, послѣ чего вскорѣ загорѣлся амбаръ и поляки сдались въ числѣ 5 оф. и 200 ниж. чиновъ, потерявъ убит. и ранеными до 150 чел. Наши потери были ничтожны. Эта малополезная операція, раздутая сильно въ реляціи, отвлекла вниманіе Крейца отъ Дверницкаго, слѣдъ котораго былъ потерянъ, такъ что мы не знали ни его силъ, ни принятаго имъ направленія.

Дѣйствія гр. Толя противъ Дверницкаго.

Въ такомъ положеніи найдены гр. Толемъ дѣла по прибытіи его къ отряду гр. Витта въ Жиржинъ. Не получивъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о Дверницкомъ, такъ какъ наши отряды совершенно упустили его изъ виду, гр. Толь долженъ былъ озаботиться прежде всего принятіемъ мѣръ къ сбору необходимыхъ свѣдѣній и кромѣ того сосредоточить войска своднаго корпуса, вступившаго подъ его начальство. 28-го февраля Толь перешелъ къ Люблину, выдвинувъ ген. Муравьева съ Литовскою гренадерскою бригадою и съ бригадою 3-й уланской дивизіи по направленію на Быхаву, къ Праведникамъ, а донской Хоперскаго полкъ—къ Красноставу. Положеніе дѣлъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Изъ Красностава Дверницкій могъ: а) продолжать движеніе на Волынь, чрезъ Дубенку или чрезъ Грубешовъ, б) укрыться до времени въ Замостьи съ тѣмъ чтобы, усилившись тамъ частью гарнизона, артиллеріею, ополченцами и выходцами изъ Галиціи, вторгнуться затѣмъ на Волынь; в) отказавшись вовсе отъ подобнаго намѣренія, обратиться къ Рахову и возвратиться за Вислу. Большая часть извѣстій отъ жителей потверждали послѣднее предположеніе. Кромѣ того по направленію къ предѣламъ Россіи Дверницкій уже выигралъ у насъ нѣсколько переходовъ и, слѣдовательно, при невозможности настигнуть его прямымъ движеніемъ къ Красноставу, можно было открыть ему дорогу къ Вислѣ, если-бы онъ повернулъ на Раховъ. По этимъ соображеніямъ Толь свернулъ къ Быхавѣ, откуда онъ могъ или совершенно преградить Дверницкому обратный путь за Вислу, или-же настигнуть его на переправѣ. Но въ это время поручикъ Львовъ, съ сотнею атаманцевъ обслѣдовавшій все пространство между Люблиномъ и рѣкою, донесъ, что слѣдовъ непріятельскаго корпуса въ томъ направленіи совершенно не замѣтно. Такимъ образомъ оставалось слѣдить за непріятелемъ въ двухъ прочихъ направленіяхъ, т. е. у Замостья и къ сторонѣ русской границы. Гр. Толь поручилъ бар. Крейцу занять Люблинъ и наблюдать Вислу, съ отрядомъ изъ первыхъ бригадъ 2-й драгунской и 2-й конно-егерскихъ дивизій, баталіона 6-го карабинернаго полка, двухъ конныхъ батарей и Хоперскаго казачьяго полка, самъ-же онъ 4-го марта перешелъ въ Жолкѣвку. Тутъ уже были получены свѣдѣнія, что Дверницкій продолжалъ свое движеніе отъ Красностава сначала (вѣроятно съ демонстративной цѣлью) по направленію на Холмъ, а съ полпути, отъ Раіовца, обратился къ югу, пересѣкъ прямую дорогу изъ Красностава въ Грубешовъ и пріостановился у Грабовца. Дверницкій, получавшій вѣрныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, зналъ, какъ о силѣ корпуса Толя и принятомъ имъ направленіи, такъ и о томъ, что уже въ первыхъ числахъ марта съ другой стороны, чрезъ Дубно, подходила къ Владиміру и Устилугу дивизія пѣхоты и бригада гусаръ, направленныя фельдмаршаломъ гр. Сакеномъ.

Дверницкій укрывается въ Замостьи.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Дверницкій оставался нѣкоторое время въ нерѣшительности, но движеніе Толя на Быхаву и опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ Замостья побудили его отступить къ этому пункту, такъ что когда Толь перешелъ въ Жолкѣвку, то Дверницкій находился уже подъ стѣнами крѣпости. Для большаго стѣсненія непріятельскаго корпуса, Толь перешелъ 5-го марта къ Красноставу, выдвинувъ авангардъ свой, подъ начальствомъ ген. Муравьева (Литовская грен. бригада, 2-я бриг. 2-й драг. дивизіи, Украинскій уланскій и донской Платова полки) къ Тарногурѣ, и окружилъ крѣпость къ сторонѣ Вислы и русской границы летучими отрядами: полковникъ Анрепъ, прибывшій съ донскимъ Катасанова полкомъ изъ Влодавы, занялъ сообщенія Замостья съ Грубешовымъ и дѣйствовалъ между Войсловице и Тышовице, а съ другой стороны донской Кирѣева полкъ, находясь у Щебржешина, наблюдалъ пространство отъ Жолкѣвки къ Бѣлгораю. Положеніе Дверницкаго въ Замостьи было вовсе не затруднительно: кромѣ средствъ крѣпости онъ получалъ всякаго рода пособія отъ окрестныхъ жителей и изъ Галиціи. Отрядъ его не былъ изнуренъ и не только не потерпѣлъ въ своемъ составѣ, но еще даже пополнился. Такимъ образомъ, хотя экспедиція на Волынь была задержана, но къ исполненію ея открывалась возможность при первомъ благопріятномъ случаѣ.

Обратное движеніе Толя.

Узнавъ объ отступленіи Дверницкаго къ Замостью, а также о прибытіи къ Луцку и Владиміру 11-й пѣх. и 1-й бригады 3-й гусарской дивизій, которыя, вмѣстѣ съ пятью резервными баталіонами 25-й пѣх. дивизіи, въ достаточной мѣрѣ обезпечивали границу Волыни, Дибичъ поручилъ Толю: а) оставить передъ Замостьемъ, у Красностава, только легкій наблюдательный отрядъ; б) корпусъ бар. Крейца перевести къ Уржендову, откуда онъ легче могъ наблюдать верхнее теченіе Вислы, и в) сводный корпусъ гр. Витта размѣстить по квартирамъ отъ Люблина къ устью Вепржа, для сближенія его съ пунктомъ предположенной переправы. Такъ какъ 11 пѣх. дивизія и бригада гусаръ должны были занять назначенныя имъ по границѣ Волыни мѣста между 1-мъ и 10-мъ числами марта, то Толь началъ обратное движеніе къ Люблину 10-го марта. У Красностова онъ оставилъ полковника Анрепа съ Финляндскимъ драгунскимъ, тремя донскими казачьими полками (Катасанова, Платова и Грекова) и 4-мя конными орудіями; гренадеры были расположены въ окрестностяхъ Люблина и оттуда вдоль шоссе къ Пулавамъ, а кирасиры и уланы между шоссе и р. Вепржемъ, въ окрестностяхъ Любартова, Каміонки и Мѣхова. Крейцъ перешелъ 14 марта въ Уржендовъ, имѣя у Казимержа отрядъ подъ начальствомъ Пашкова, изъ восьми эскадроновъ конныхъ егерей съ конною № 28 батареею. Отрядъ этотъ наблюдалъ и Пулавы.

Выборъ пунктовъ переправы на Вислѣ и обезпеченіе ихъ.

Между тѣмъ въ первыхъ числахъ марта Висла совершенно очистилась отъ льда, а съ 10-го числа и вода въ ней болѣе не возвышалась. Удобнѣйшіе пункты переправы на Вислѣ, между австрійской границей и Варшавой, слѣдующіе: у Карчева, Тарнувека, Тырчина, Стенжице, Модржицы, Казимержа, Пулавъ, Рахова и Юзефова *). Первый изъ этихъ пунктовъ находится въ одномъ Переходѣ отъ Варшавы и потому былъ невыгоденъ для переправы: поляки, пользуясь пражскимъ тетдепономъ, могли свободно

*) См. операціонную карту и карту восточной части Царства Польскаго.

маневрировать на обоихъ берегахъ Вислы и затруднять столь близкую переправу; Тарнувекъ находится въ двухъ переходахъ отъ Варшавы и потому былъ, въ смыслѣ удаленія, выгоднѣе предъидущаго пункта; наконецъ лежащій выше, въ одномъ переходѣ отъ Турнувека, *Тырчинъ* и находящіяся вблизи устья Вепржа *Стенжице и Модржице*, были наиболѣе удобны, какъ въ смыслѣ удаленія отъ Варшавы, такъ и потому, что у Тырчина ширина рѣки не провосходитъ 400 ш., фарватеръ подходитъ ближе къ правому берегу (которй выше противолежащаго), а у лѣваго простирается длинная отмель; наконецъ тамъ находились матеріалы для устройства переправы, и можно было пользоваться Вепржемъ для сплава. Дибичъ предпочелъ Тырчинъ, гдѣ можно было навести два моста: одинъ у самаго селенія, а другой у корчмы Червонной. Сюда были направлены высланныя изъ Россіи мостовыя принадлежности. Для скрытія своихъ намѣреній относительно истиннаго пункта переправы и для развлеченія вниманія противника приготовлялось три моста: у Тырчина, Тарнувека и Карчева; устройство этихъ мостовъ, помимо демонстративныхъ цѣлей, могло принести еще и другую пользу, а именно, по исполненіи переправы, служить арміи для постепеннаго открытія ближайшихъ сообщеній съ Брестскимъ шоссе. Наконецъ, для совершеннаго обезпеченія перехода черезъ Вислу, приготовлялся изъ мѣстныхъ средствъ мостъ въ Казимержѣ. Въ случаѣ прегражденія главной переправы, сводный корпусъ гр. Витта, находившійся по лѣвую сторону Вепржа, могъ утвердиться на лѣвомъ берегу Вислы и содѣйствовать переправѣ главныхъ силъ, посредствомъ операціи на правый непріятельскій флангъ. Для занятія Модржице и для прикрытія работъ въ Тырчинѣ и Тарнувекѣ, придвинута была къ Вислѣ 2-я пѣх. дивизія; она расположилась слѣдующимъ образомъ: 3-й егер. полкъ съ 4 орудіями—въ Тарнувекѣ; 4-й егер. полкъ съ 4 ор.—въ Варкоцинѣ; Ревельскій пѣх. полкъ—въ резервѣ, у Ласкаржева. Въ Карчевъ назначенъ полкъ отъ 3-й пѣх. дивизіи *). Работы у Модржице и Тырчина поручены были ген. Герштенцвейгу, а у Тарнувека и Карчева инженеръ-генералу Дену. Планъ переправы составленъ полковниками Обручевымъ и Фитингофомъ.

Вмѣстѣ съ этими мѣрами, бывшія на шоссе войска 1-го корпуса, съ 4-го на 5-е марта, смѣнены войсками 6-го корпуса и расположились въ окрестностяхъ Колбеля на бывшихъ мѣстахъ, прикрывавшей работы по переправѣ, 2-й пѣхотной дивизіи. На шоссе въ составъ авангарда Гейсмара поступили: вторыя бригады 24-й пѣхотной и Литовской уланской дивизій съ батарейною батареею и 4 конными орудіями; у Дембе-Віельке поставленъ 47-й егерскій полкъ съ 4-я эскадронами конныхъ егерей и легкою батареею и наконецъ передъ Минскимъ у Стоядле расположилась 1-я бригада 24-й пѣхотной дивизіи. 10-го марта къ 47-му егерскому полку присоединился и 48-й егерскій полкъ, смѣненный у Сѣдльце прибывшимъ туда 6-мъ егерскимъ полкомъ, который не могъ выступить въ походъ со своимъ корпусомъ и оставался въ губернскомъ городѣ Минскѣ. Остальныя части 6-го пѣхотнаго корпуса размѣстились въ окрестностяхъ Окунева, Бржозы и Станиславова.

Расположеніе польскихъ войскъ.

Къ этому времени, какъ указано выше, поляки успѣли укомплектовать и реорганизовать свою армію. 1-я пѣхотная дивизія была расположена въ окрестностяхъ Гуры, всѣ остальныя войска—въ окрестностяхъ Варшавы. Съ удаленіемъ Дверницкаго на правый берегъ Вислы, на лѣвомъ ея берегу, у Казимержа и Пулавъ, Сѣравскій сформировалъ новый корпусъ и имѣлъ уже 8 баталіоновъ пѣхоты, 8 эск. и 4 орудія; пѣхота

*) 1-я бригада 2-й пѣх. дивизіи находилась въ отрядѣ Сакена.

его состояла изъ двухъ, оставленныхъ ему Дверницкимъ, четвертыхъ баталіоновъ, изъ бригады, сформированной въ Радомѣ Дзеконскимъ, и егерей, набранныхъ изъ лѣсничихъ и охотниковъ. Поляки приняли также самыя дѣятельныя мѣры къ укрѣпленію Варшавы. Работы съ этою цѣлью были начаты еще осенью; но зимою оставлены; послѣ-же Гроховскаго сраженія обращено на нихъ серьезное вниманіе. Для внутренней обороны города въ нѣкоторыхъ пунктахъ заложены барикады, устроивались фугасные колодцы, прорѣзывались въ стѣнахъ и заборахъ бойницы и т. п. Относительно системы укрѣпленій для наружной обороны Варшавы, Хржановскій совѣтовалъ устроить пять отдѣльныхъ сильныхъ сомкнутыхъ укрѣпленій, имѣя между ними лишь эполементы для прикрытія полевой артиллеріи. Но Скржинецкій не понялъ предложенія Хржановскаго и передалъ все дѣло въ руки инженеровъ, которые стали обносить Варшаву огромнымъ числомъ полевыхъ укрѣпленій, расположенныхъ въ двѣ линіи: городской валъ, укрѣпляемый во многихъ мѣстахъ флешами и реданами, составлялъ третью линію. Только на одномъ пунктѣ, въ Волѣ, устроено было обширное и сильное укрѣпленіе, которое впослѣдствіи, при штурмѣ Варшавы, отчасти оправдало мысль Хржановскаго.

Когда корпусъ гр. Палена подался лѣвымъ флангомъ къ устью Вепржа, и когда приступлено было къ приготовленію мостовъ, тогда и поляки, оставляя дивизію Рыбинскаго (1-ю пѣх.) у Гуры и противь Карчева, перевели дивизію Мюльберга (4-ю пѣх.) на правый берегъ Пилицы и расположили у Козеницы. Чрезъ Модлинъ, на правый берегъ Нарева, былъ выдвинутъ отрядъ, подъ начальствомъ Уминскаго, изъ 1-го егерскаго, 1-го уланскаго, 3-го конно-егерскаго и однаго новаго легко-коннаго полковъ съ 16 орудіями. Движеніе Уминскаго не представляло для насъ никакой опасности: какъ извѣстно, на правый берегъ Нарева отряженъ былъ Сакенъ, съ тѣмъ, чтобы, очистить край до Вкры, отойти къ Остроленкѣ и, служа передовымъ отрядомъ гвардіи, обезпечивать подходъ головныхъ ея частей, которыми, въ случаѣ надобности, онъ могъ быть поддержанъ. Ко времени появленія Уминскаго на Наревѣ Сакенъ былъ уже у Остроленки, а легкая гвардейская кавалерійская дивизія расположилась у Снядова, Пысковъ, Шумова и Андржеева. Уминскій, подойдя къ Рожанамъ и сдѣлавъ 13-го числа рекогносцировку у Остроленки, пришелъ къ заключенію о невозможности отважиться на что либо рѣшительное и, отступивъ на р. Оржецъ, остановился у Шелкова, ограничиваясь лишь наблюденіемъ шоссе и нижняго теченія Нарева. За легкой гвардейской кавалерійской дивизіей подходили къ Ломжѣ остальныя части гвардейскаго корпуса. Корпусъ этотъ заключалъ въ себѣ 18 батал., 40 эск. и 72 ор., или 16860 штыковъ и до 7300 сабель; вмѣстѣ-же съ отрядомъ Сакена числительность его простиралась до 30 тыс. чел. подъ ружьемъ. Такимъ образомъ въ половинѣ марта и правый флангъ русской арміи, подобно лѣвому, былъ вполнѣ обезпеченъ.

Планъ переправы и движеніе къ пунктамъ переправы русской арміи.

Между тѣмъ продовольствіе арміи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; страна между Вислой и Бугомъ была истощена; подвозы изъ Россіи, вслѣдствіе бездорожья, замедлялись, а сплавомъ по рѣкамъ нельзя было еще воспользоваться; все это побуждало фельдмаршала къ открытію дѣйствій главными силами. Но въ это время распутица достигла крайнихъ предѣловъ и дороги были почти совершенно непроходимы для тяжестей. Толь лично въ этомъ удостовѣрился во время дѣйствій противъ Дверницкаго и особенно при возвращеніи бывшихъ подъ его начальствомъ войскъ къ устьямъ Вепржа. Гр. Толь убѣждалъ фельдмаршала повременить дѣйствіями; 10—15 дней не могли чувствительно отразиться на ходѣ операцій, тѣмъ болѣе, что съ улучшеніемъ

путей можно было возмѣстить утраченное время быстротою дѣйствій, а между тѣмъ войска 2-го пѣхотнаго корпуса успѣли-бы подойти ближе, а транспорты, направленные изъ Волынской губерніи къ Коцку, могли-бы тамъ собраться; но Дибичъ, соображавшій всѣ свои дѣйствія такимъ образомъ, чтобы къ половинѣ марта двинуться къ пункту переправы, а къ апрѣлю утвердиться на лѣвомъ берегу Вислы, не желалъ откладывать ни одного дня и 15-го марта отдалъ всѣ приказанія къ движенію. Онъ имѣлъ въ виду, вмѣстѣ съ переходомъ черезъ Вислу и наступленіемъ по лѣвому ея берегу, простымъ движеніемъ гвардіи на правый берегъ Нарева овладѣть Плоцкимъ воеводствомъ и нижнимъ теченіемъ Вислы, чтобы, во время пребыванія его подъ стѣнами Варшавы, имѣть уже продовольствіе арміи обезпеченнымъ посредствомъ сплавовъ изъ Россіи по Бугу и Нареву и по Вислѣ изъ Пруссіи. Сообразно этому были составлены и общія предположенія для дѣйствій, касавшіяся двухъ существенныхъ пунктовъ: форсированія переправы и направленія дѣйствій праваго фланга по утвержденіи главныхъ силъ за Вислою. Въ первомъ отношеніи полагалось слѣдующее. Поляки могли или *непосредственно* противодѣйствовать переправѣ или *отвлекать вниманіе* Дибича въ другую сторону. Для непосредственнаго противодѣйствія переправѣ они могли или прямо оборонять противоположный берегъ рѣки или наступать черезъ Прагу въ тылъ переправляющимся войскамъ. Для *отвлеченія вниманія* поляки могли или по Брестскому шоссе угрожать нашему базису, или по Ковенскому шоссе—гвардейскому корпусу.

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Дибичъ рѣшился, при движеніи главныхъ силъ къ Вепржу, оставить временно на шоссе корпусъ бар. Розена. Ему дано было троякое порученіе: наблюдая Прагу, прикрывать тылъ движенія, обезпечивать край и въ особенности охранять Сѣдльце (базисъ) и сообщеніе съ Брестомъ. Въ случаѣ наступленія поляковъ въ превосходныхъ силахъ, онъ долженъ былъ отступать на Сѣдльце, которое непремѣнно удерживать, причемъ онъ могъ быть поддержанъ подходившими туда чрезъ Нуръ, Дрогичинъ и Брестъ войсками гренадерскаго и 2-го пѣх. корпусовъ *). Если-бы поляки, желая воспользоваться удаленіемъ арміи отъ шоссе и временемъ необходимымъ для переправы, рѣшились выйти всѣми силами изъ Праги и, угрожая Розену оттѣсненіемъ отъ Сѣдльце, заставили-бы опасаться за самую границу имперіи, то (хотя подобное движеніе казалось весьма мало вѣроятнымъ) часть гв. корпуса должна была поспѣшить къ Розену на соединеніе чрезъ Нуръ; тогда Розенъ не только могъ противодѣйствовать полякамъ, но и воспользоваться обратнымъ ихъ движеніемъ къ Прагѣ. Наконецъ, если-бы поляки обратились всѣми силами чрезъ Модлинъ противъ гвардейскаго корпуса, что казалось еще менѣе вѣроятнымъ, то Розенъ, въ свою очередь, долженъ былъ поддержать гвардію движеніемъ чрезъ Нуръ во флангъ и тылъ непріятеля.

Всякое подобнаго рода предпріятіе могло быть исполнено поляками только въ теченіи того краткаго времени, которое необходимо было для совершенія переправы, притомъ съ переходомъ чрезъ Вислу самое положеніе нашей главной арміи на лѣвомъ ея берегу должно было понудить поляковъ къ сосредоточенію войскъ на Пилицѣ. По этимъ соображеніямъ Дибичъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій полагалъ: съ открытіемъ полнаго и рѣшительнаго наступленія по лѣвому берегу Вислы къ Варшавѣ, Розену оставить передъ Прагой только отрядъ изъ 2-хъ бригадъ пѣхоты и 3-хъ бри-

*) Чрезъ *Нуръ* слѣдовали изъ Ломжи: сводный гренадерскій баталіонъ изъ ротъ, оставшихся на этапахъ въ Августовскомъ воеводствѣ, и 1-й резервный саперный баталіонъ съ легкою № 2 батареею 3-й дивизіи, бывшею въ Ломжѣ: чрезъ *Дрогичинъ* 1-я бригада 3-й грен. дивизіи, бывшая въ Вильнѣ и смѣненная 1-ю бригадою 5-й пѣх. дивизіи. По расчету части эти могли прибыть въ Сѣдльце 10 и 22 марта.

гадъ кавалеріи съ казаками, подъ начальствомъ Гейсмара, а съ остальными войсками присоединиться къ арміи чрезъ Тырчинъ. Въ то же время, а именно къ 1-му апрѣля, собраться въ окрестностяхъ Остроленки *) корпусу изъ 13 баталіоновъ, 24 эскадр., 3-хъ казачьихъ полковъ и 38 орудій подъ начальствомъ генерала бар. Бистрома.

Корпусу этому выдвинуться на правый берегъ Нарева, овладѣть Сѣроцкомъ и занять этотъ пунктъ шестью баталіонами пѣхоты, однимъ уланскимъ, однимъ казачьимъ полками и 10 орудіями; остальные-же 7 батал., 18 эск., 28 ор. и казаки, подъ начальствомъ бар. Сакена, должны были дѣйствовать къ Плоцку. По овладѣніи Сѣроцкомъ, легкой гв. кавалерійской и 1-й гв. пѣхотной дивизіямъ расположиться на правомъ берегу Нарева, до прусской границы. По мнѣнію Дибича одно присутствіе тамъ гвардіи обезпечивало-бы и владѣніе Сѣроцкомъ и дальнѣйшія дѣйствія передоваго отряда на Плоцкъ, тѣмъ болѣе, что главныя силы арміи, стѣсняя поляковъ въ это время къ Варшавѣ, привлекли-бы на себя ихъ вниманіе. Сакенъ долженъ былъ, по овладѣніи Плоцкомъ, дѣлать безпрерывные поиски внизъ по Вислѣ до прусской границы и озаботиться приготовленіемъ для себя въ Плоцкѣ переправы. Съ утвержденіемъ его въ послѣднемъ пунктѣ, 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи выдвинуться тоже на правый берегъ Нарева къ сторонѣ Пржасныша и расположиться до р. Вкры. Этими мѣрами предполагалось овладѣть всѣмъ Плоцкимъ воеводствомъ и его средствами. Съ приближеніемъ главныхъ силъ къ Варшавѣ, Дибичъ предполагалъ направить особый отрядъ для занятія Сохачева; тогда Сакенъ могъ уже безопасно перейти на лѣвый берегъ Вислы и, войдя посредствомъ Сохачевскаго отряда въ связь съ лѣвымъ флангомъ арміи, приступить къ очищенію другого берега нижней Вислы, а затѣмъ могъ уже быть открытъ и сплавъ запасовъ изъ Пруссіи. Какъ будетъ видно ниже, этимъ предположеніямъ, развитымъ фельдмаршаломъ съ большимъ искусствомъ, не суждено было осуществиться, вслѣдствіе неожиданнаго оборота дѣлъ. Впрочемъ, если-бы даже общій ходъ событій не былъ существенно измѣненъ наступательными дѣйствіями поляковъ, то все-таки исполненіе плана Дибича на практикѣ встрѣтило-бы по всей вѣроятности немаловажныя затрудненія, вслѣдствіе сложности этого плана. Повидимому проще было-бы предварительно притянуть къ главной арміи гв. корпусъ и затѣмъ уже исполнить операцію переправы; но фельдмаршалъ въ это время не могъ еще свободно располагать гвардіей, такъ что сложность плана обусловливалась обстановкой, въ которой приходилось дѣйствовать Дибичу.

Приступая къ исполненію плана, фельдмаршалъ предоставилъ бар. Розену, по удаленіи главныхъ силъ, дѣйствовать на правахъ командира отдѣльнаго корпуса. Тѣмъ не менѣе въ данномъ ему предписаніи изложены были мысли относительно первоначальнаго расположенія его корпуса передъ Прагою. Дибичъ полагалъ, что для легчайшаго и безопаснѣйшаго сосредоточенія войскъ Розена, въ случаѣ наступленія поляковъ, наиболѣе полезно было-бы, послѣ перваго перехода арміи отъ шоссе, отодвинуть авангардъ Гейсмара къ Милоснѣ или даже къ Дембе-Віелькѣ и наблюдать Прагу казаками съ небольшимъ резервомъ регулярной кавалеріи. Корпусъ-же размѣстить между Минскомъ и Калушиномъ. Такимъ образомъ, бар. Розенъ, при сохраненіи за нимъ полной самостоятельности въ дѣйствіяхъ, получилъ отъ фельдмаршала инструкцію какъ относительно общаго характера его дѣйствій (причемъ Дибичъ весьма проница-

*) Отряду бар. Сакена, Аракчеевскому гренадерскому полку (изъ Ломжи), баталіону 6-го карабинернаго полка (изъ Бѣлостока), 2-й бригадѣ 5-й пѣх. дивизіи (находившейся на маршѣ), 10-му егерскому полку (изъ Гродно) и 2-й бригадѣ 1-й уланской дивизіи (съ Брестскаго шоссе).

тельно предвидѣлъ возможные способы дѣйствій поляковъ, въ томъ числѣ и дѣйствительно осуществившійся), такъ и относительно системы расположенія корпуса.

17-го марта началось движеніе главныхъ силъ нашей арміи къ переправѣ. Но еще до того, фельдмаршалъ, вполнѣ оцѣнивая все значеніе для поляковъ Пражскаго тетдепона, приказалъ изготовить въ Карчевѣ три брандера, состоявшіе изъ соломы, сухихъ бревенъ съ осмоленными вѣнками и наложенныхъ сверху гранатъ; посредствомъ этихъ брандеровъ предполагалось сжечь или, по крайней мѣрѣ, испортить пражскій мостъ. Вести ихъ изъ Карчева взялись штабсъ-капитаны: Эссенъ, Бальцъ и капитанъ Майдель. Въ ночь на 17-е марта брандеры отплыли; на каждомъ изъ нихъ было по одному офицеру и по 12 нижнихъ чиновъ саперъ. Хотя по дорогѣ они были встрѣчены ружейными выстрѣлами егерей Гротгуса, однако продолжали путь. На крутомъ поворотѣ рѣки, верстахъ въ пяти отъ Варшавы, около д. Сіекирки, брандеръ Бальца былъ снесенъ на мель и никакими усиліями нельзя было его стащить; такая же участь постигла и два другіе; пришлось брандеры зажечь, и такимъ образомъ все предпріятіе не удалось; офицеры и солдаты успѣли однако спастись.

17-го марта 1-й пѣхотный и гренадерскій корпуса, гвардейскій отрядъ и артиллерійскій резервъ выступили съ квартиръ къ р. Вепржу *). 1-й корпусъ шелъ чрезъ Ласкаржевъ, а частью берегомъ Вислы, черезъ Маціовице, къ самому устью Вепржа и къ пункту переправы; гренадеры слѣдовали чрезъ Окржею, на Држонговъ и Барановъ; гв. отрядъ и резервная артиллерія собирались къ Коцку. Сводный корпусъ гр. Витта оставался на лѣвомъ берегу Вепржа, на занятыхъ передъ тѣмъ квартирахъ. Хотя по бездорожью движеніе было расчитано на два умѣренные перехода, но уже въ первый день марша пришлось придать къ каждой батареѣ, для помощи, по ротѣ пѣхоты и впрягать въ батарейныя орудія по 15, а въ легкія по 10 лошадей. Въ особенности дурны были дороги, по которымъ шли гренадеры; не смотря ни на какія пособія, артиллерія этого корпуса отстала отъ своихъ дивизій. Люди тоже, совершенно изнеможенные походомъ и притомъ дурно въ предшествуемое время продовольствуемые, отставали кучами, падая на землю отъ безсилія. На третій день марша, 19-го марта, корпусъ Палена собрался у Рыкъ, имѣя часть своей пѣхоты у Тырчина и Модржице и гусарскую дивизію у Бобровниковъ; гренадеры кн. Шаховскаго остановились у Држонгова и Мястечка, имѣя одну бригаду въ Окржеѣ; гв. отрядъ и резервная артиллерія расположилась въ окрестностяхъ Коцка; главная квартира—въ Рыкахъ. Батарейная гренадерская артиллерія присоединилась къ своимъ дивизіямъ на другой день, т. е. 20 марта; но обозы, въ особенности провіантскія фуры, растянулись по всему пройденному пути, и требовалось еще 2—3 дня для ихъ сбора. Понтонный паркъ сдѣлалъ въ два дня 10 верстъ и потерялъ 17 фуръ завязшими въ грязи (199).

Въ то время, какъ фельдмаршалъ готовился приступить къ переправѣ, поляки переходятъ сами въ наступленіе и наносятъ своими главными силами рѣшительный ударъ корпусу бар. Розена, что совершенно измѣняетъ предположенный Дибичемъ планъ дѣйствій.

*) См. прил. VII и карту восточной части Царства Польскаго.

ГЛАВА V.

Наступательныя операціи поляковъ. Сраженія при Дембе-Віельке и Иганахъ. Движеніе главныхъ русскихъ силъ отъ переправы къ Сѣдльце.

Расположеніе Розена.

Оставленный на Брестскомъ шоссе корпусъ барона Розена *), заключалъ въ себѣ, за исключеніемъ отдѣленной въ сводный корпусъ гр. Витта Литовской гренадерской бригады,—24 баталіона, 29 эскадроновъ, 3 полка казаковъ и 49 орудій, или около 13 т. пѣхоты и 5 т. кавалеріи, всего *18000 челов.* Изъ нихъ 6 баталіоновъ 24-й дивизіи, 6 эскадр. уланъ, 10 орудій и казаки, всего около *6000 челов.*, составляли *авангардъ*, подъ начальствомъ Гейсмара, у Вавра. Авангардъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: казачьи посты стояли отъ монумента до Кавенчина и далѣе; главный отрядъ казаковъ находился у Грохова; одинъ баталіонъ съ двумя орудіями—у Гославской колоніи; остальная пѣхота авангарда съ 8 ор. и Волынскій уланскій полкъ у Вавра. Изъ *главныхъ силъ* у Милосны и Гржибовской Воли находился Бѣлостокскій пѣх. полкъ съ 2-мя орудіями; остальная часть 24-й пѣх. дивизіи съ частью кавалеріи эшелонирована была по шоссе у Дембе-Віельке, Стоядле и за Минскомъ у Осины; 25-я дивизія съ прочею кавалеріею (за исключеніемъ 2-хъ эск. конныхъ егерей, содержавшихъ постъ въ Карчевѣ) размѣщена была по квартирамъ, правѣе шоссе, между Окуневымъ, Посвенте, Станиславовымъ и Минскомъ. Не смотря на опасность столь разбросаннаго расположенія войскъ и на указанія фельдмаршала относительно ихъ сосредоточенія, съ подачей головной части назадъ, корпусъ оставался въ этомъ положеніи не только 17-го, но 18-го и даже 19-го числа.

Наступательный планъ поляковъ.

Поляки имѣли свѣдѣнія, какъ о движеніи нашихъ главныхъ силъ, такъ и о расположеніи корпуса бар. Розена. Они хорошо понимали трудность непосредственной обороны Вислы, такъ какъ русская армія могла обратиться или къ Тырчину или къ Казимержу; съ другой стороны утвержденіе русскихъ за Вислою грозило Варшавѣ, главному оплоту революціи, паденіемъ. Гораздо выгоднѣе и удобоисполнимѣе казалось броситься въ превосходныхъ силахъ на Розена (къ чему вполнѣ способствовалъ Пражскій тетдепонъ), разбить его или, по крайней мѣрѣ, отбросить за Калушинъ и, ставъ

*) См. карту восточной части Ц. Польскаго и приложенія VII и XXXII.

между нимъ и главными силами, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, отвлекая такимъ образомъ фельдмаршала отъ переправы.

Уже давно Прондзинскій, слѣдя внимательно за ходомъ возстанія и движеніями русской арміи, помышлялъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Онъ полагалъ, что, выступивъ изъ Праги около 18 марта, съ 50.000 чел., можно было внезапно напасть на квартирное расположеніе русской арміи и бить ее по частямъ, а затѣмъ, развивая успѣхъ наступленіемъ, совершенно разрѣзать и раздѣлить гвардію отъ корпуса гр. Толя, направленнаго противъ Дверницкаго, что и заставитъ ихъ отступить. Проникнутый этими идеями, Прондзинскій въ концѣ февраля и началѣ марта предпринялъ цѣлый рядъ рекогносцировокъ расположенія Гейсмара, съ цѣлью разузнать о состояніи почвы и пріучить Гейсмара къ вылазкамъ изъ Праги. Крупнѣйшая изъ такихъ была рекогносцировка, произведенная Янковскимъ 27 февраля съ 10.000 чел. Къ своему удовольствію Прондзинскій убѣдился, что Гейсмаръ, не смотря на выходъ изъ Праги значительныхъ силъ, не имѣлъ повидимому ни малѣйшаго желанія оставить позицію безъ боя. Осторожность поляковъ во время этой рекогносцировки и нѣкоторыя понесенныя ими неудачи, должны были вселить Гейсмару увѣренность въ силѣ своего положенія. Гораздо труднѣе было дѣло со Скржинецкимъ. Прондзинскій и Хржановскій имѣли по этому поводу съ нимъ продолжительное совѣщаніе. Пренія были весьма оживленныя. Прондзинскій предлагалъ оставить на Вислѣ до Козеницы, въ Варшавѣ и впереди Модлина только такія войска, организація которыхъ еще очень мало подвинулась и не позволяла употребить ихъ въ наступательныхъ операціяхъ. Затѣмъ выступить изъ Праги съ 50.000, развернуть значительныя силы, раздавить Гейсмара и оставивъ соотвѣтственную часть войска для его преслѣдованія, съ остальными двинуться на Сѣнницу, Латовичъ и Желеховъ, атаковать квартирное расположеніе Дибича, который повидимому не ожидалъ отъ поляковъ столь рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій, и можно было расчитывать разбить его по частямъ. При этомъ, если-бы Дибичъ сосредоточился къ Лукову въ направленіи на Брестъ, то можно было отрѣзать нѣкоторыя колонны и разбить ихъ отдѣльно. Если же онъ сосредоточится къ Рыкамъ, то польская армія, оперируя отъ Желехова, заставитъ его принять бой тыломъ къ Вепржу и Вислѣ, т. е. въ крайне опасномъ положеніи. Выдѣленіе отъ главныхъ силъ корпуса Толя, указываетъ, что поляки во всѣхъ этихъ операціяхъ имѣли-бы превосходныя силы. Состояніе почвы при распутицѣ въ высшей степени затрудняетъ движеніе артиллеріи, что лишило-бы русскихъ важнаго преимущества въ этомъ родѣ оружія. Скржинецкій въ свою очередь предложилъ тоже планъ, состоявшій въ томъ, чтобы частью войскъ занять Вислу, оставить гарнизонъ въ Модлинѣ, а съ остальными силами выступить черезъ Модлинъ на правый берегъ Нарева противъ гвардіи; мысль о столкновеніи съ гвардіей его очень прельщала; онъ надѣялся, что петербургскіе господчики („панычи“) не проявятъ особеннаго желанія сразиться и что побѣда надъ ними будетъ легка; кромѣ того онъ надѣялся захватить богатый обозъ, которымъ гвардія будетъ обременена. Этотъ планъ поддерживалъ и Хржановскій. Прондзинскій заболѣлъ отъ безпрерывныхъ тревогъ и споровъ. Вслѣдствіе этого стали дѣлаться приготовленія къ исполненію плана Хржановскаго. Отрядъ Уминскаго былъ выдвинутъ къ Пултуску, чтобы изгнать Сакена изъ Плоцкаго воеводства и наблюдать за гвардіей. Отрядъ, образованный изъ войскъ новаго формированія, былъ (подъ нач. Сѣравскаго) расположенъ на Вислѣ, между Солецомъ и Гурой. Третій корпусъ, подъ начальствомъ Паца, тоже былъ расположенъ на Вислѣ между Козеницей и Гнѣвашевымъ, причемъ былъ поддержанъ 4-й пѣх. дивизіей Мюльберга. Янковскій съ частью кавалеріи Уминскаго

долженъ былъ тоже поддержать Паца. Около половины марта Хржановскій сталъ передвигать войска, согласно принятаго плана: Рыбинскій съ дивизіей пѣхоты передвинулся противъ Модлина, Лубенскій съ кавалеріей перешелъ уже тамъ Вислу. Въ это время русскіе приготовлялись къ переправѣ и имѣли нерѣдкую перестрѣлку съ войсками Паца. Выздоровѣвшій Прондзинскій явился къ Скржинецкому, высказался въ рѣшительной формѣ противъ всего что дѣлалось у поляковъ и укорялъ, что Скржинецкій не только потеряетъ столь счастливо посылаемый судьбой случай одержать успѣхъ надъ русскими, но и погубитъ свою армію, раздробивъ ее на части; послѣ самыхъ горячихъ объясненій и споровъ, Скржинецкій наконецъ сдался на доводы своего генералъ—квартермистра и только еще смущался тѣмъ, что придется отмѣнить отданныя приказанія; но его успокоилъ Прондзинскій, заявивъ, что ихъ легко можно будетъ объяснить какъ демонстрацію. 19 марта было назначено днемъ нападенія на Гейсмара. Рыбинскій, Лубенскій и Мюльбергъ получили приказаніе поспѣшить къ Варшавѣ; послѣдній, не смотря на усиленные марши, не могъ своевременно прибыть. Уминскій, Пацъ и Сѣравскій были слишкомъ удалены (200).

Въ видахъ скрытности выполненія плана и усыпленія русскихъ, кромѣ частыхъ нападеній на аванпосты Гейсмара (съ цѣлью пріученія ихъ не обращать вниманія на подобныя дѣйствія поляковъ) и рекогносцировокъ, никому о предпріятіи не было сообщено заранѣе и даже Варшавскій губернаторъ Круковецкій ничего объ этомъ не зналъ; а наканунѣ движенія Скржинецкій пригласилъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ начальниковъ войскъ и только тамъ объявилъ имъ, чтобы изготовились къ походу, въ виду предпринятыхъ русскими маневровъ для переправы (201).

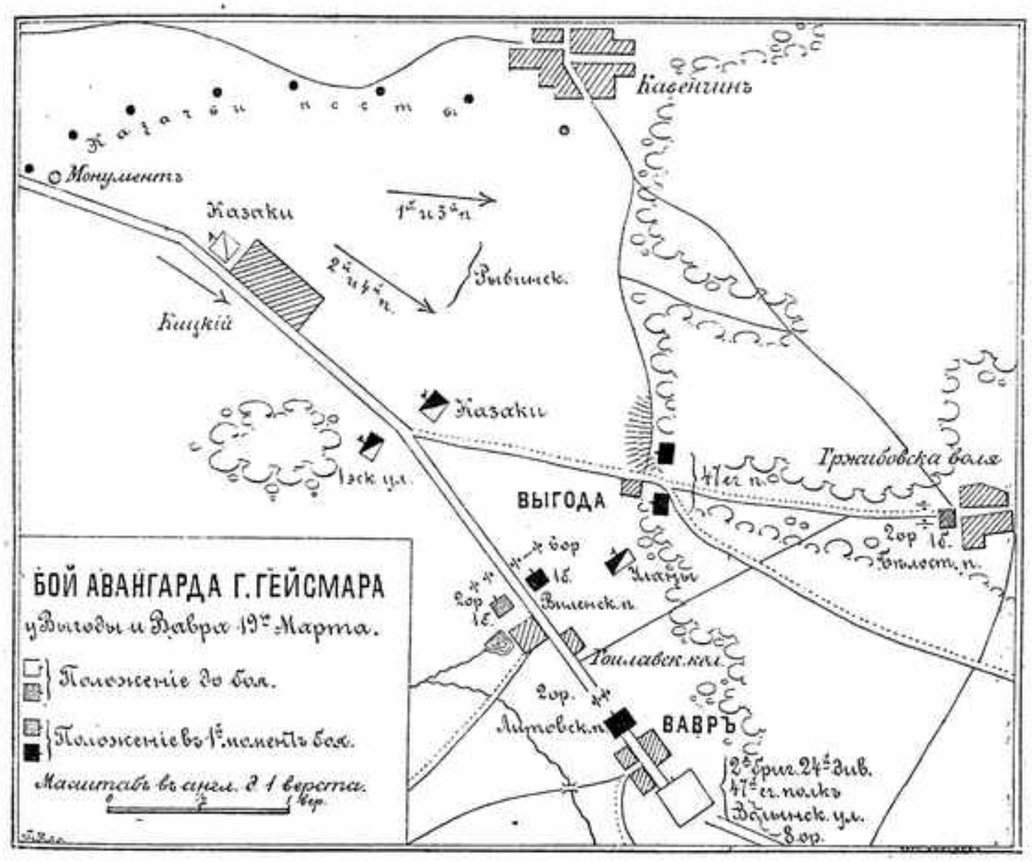
Мостъ черезъ Вислу былъ устланъ соломою, чтобы не было слышно стука артилерійскихъ колесъ. Скрытности способствовало также то обстоятельство, что ночью и утромъ 19-го лежалъ густой туманъ, такъ что нельзя было наблюдать за движеніями поляковъ.

Планъ поляковъ для атаки состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ Праги должны были дебушировать 36 батал. пѣхоты (3 дивизіи), 40 эск. кавалеріи и 116 орудій, всего до 40 тыс. человѣкъ, противъ 18 тыс. Розена, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи. Рыбинскій съ 12-ю бат. своей дивизіи, 14-ю оруд. и кавалерійской бригадой І. Каминскаго долженъ былъ ночью на 19-е число двинуться чрезъ Зомбки по дорогѣ, проходившей по болотамъ и найденной проходимой, оттуда повернуть вправо на Кавенчинъ и, слѣдуя по опушкѣ лѣса, съ разсвѣтомъ атаковать правый флангъ Гейсмара. Затѣмъ ему приказано было по возможности направляться на тылъ русскихъ войскъ, чтобы предупредить ихъ на шоссе и отрѣзать имъ отступленіе. Кицкій со своею бригадою дивизіи Скаржинскаго (2 и 3 уланскіе полки), усиленною нѣсколькими баталіонами и конною батареею, долженъ былъ наступать по шоссе до монумента и первоначально завязать перестрѣлку, посредствомъ фланкеровъ, съ казаками Гейсмара, а затѣмъ, когда обнаружится атака Рыбинскаго,—быстро ударить съ фронта *); за Кицкимъ передъ мостовымъ укрѣпленіемъ становились остальныя войска въ сосредоточенномъ порядкѣ, построенные между мостомъ и валами.

*) Уже во время боя Скржинецкій и Хржановскій лично удерживали Кицкаго отъ наступленія, говоря, что его рѣшительное движеніе впередъ можетъ заставить Гейсмара отступить, а между тѣмъ нужно напротивъ—привлечь его вниманіе съ фронта; неточное исполненіе этой демонстраціи и было причиной того, что Гейсмару удалось спасти большую часть своего авангарда.

Пораженіе авангарда Гейсмара.

Ночью польская армія скрытно дефилировала: Рыбинскій двинулся въ обходъ, причемъ около 3-хъ часовъ онъ вышелъ изъ Зомбской заставы, а около 4-хъ былъ у Кавенчина. Около 5-ти часовъ выдвинулись и прочія дивизіи (202). Туманъ скрывалъ всѣ эти движенія. Сбитые наши посты дали знать о наступленіи непріятеля Гейсмару; для поддержанія казаковъ онъ выслалъ эскадронъ уланъ, а для задержанія Рыбинскаго двинулъ 47-й егерскій полкъ на опушку лѣса, противъ Выгоды, и занялъ имъ высоту, находящуюся при выходѣ Окуневской дороги изъ лѣсу. На шоссе у Гоцлавка оставался въ это время Виленскій пѣх. полкъ съ 8-ю орудіями, причемъ интервалъ между нимъ и егерями, протяженіемъ почти въ версту, занятъ былъ только кавалеріей; у Вавра находился Литовскій пѣх. полкъ съ 2-мя орудіями; онъ могъ поддержать



тотъ или другой флангъ. Поляки съ фронта не сильно тѣснили Гейсмара, такъ какъ, во 1-ыхъ, выжидали главнокомандующаго, который до 6 час. отдавался молитвамъ, и, во 2-хъ, русскіе, не зная силъ непріятеля, скрываемыхъ туманомъ и мѣстностью, стремительно его атаковали и съ такимъ успѣхомъ, что опрокинули и обратили въ бѣгство 3-й уланскій полкъ, для поддержки котораго долженъ былъ развернуться 2-й конно-егерскій полкъ у самыхъ валовъ Праги (203). Между тѣмъ Рыбинскій обходилъ правый его флангъ двумя колоннами: одна бригада (2 и 4 полки) наступала прямо противъ 47-го егер. полка, а другая (1 и 5 полки) направились лѣ-

вѣе лѣсомъ, чтобы выйти въ тылъ Гейсмару. Генералъ Насакенъ съ 47-мъ егерскимъ полкомъ упорно держался противъ непріятеля, но наконецъ тройныя силы противника (6 батал. противъ 2-хъ) заставили его отступить назадъ. Почти въ это-же время поляки стали напирать и по шоссе; приблизясь къ Грохову, колонна эта приняла направленіе на Ольховую рощу, чтобы войти въ связь съ Рыбинскимъ. Гейсмаръ видя чрезмѣрное превосходство непріятельскихъ силъ, понималъ невозможность держаться у Вавра, но, опасаясь чтобы поляки быстрымъ движеніемъ чрезъ Ольховую рощу не затруднили отступленія бывшихъ на шоссе Виленскаго полка и артиллеріи, выдвинулъ къ Выгодѣ Литовскій полкъ съ 2-мя орудіями и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ податься впередъ на правомъ флангѣ егерямъ; въ тоже время онъ приказалъ Виленскому полку съ артиллеріей отходить назадъ. Хотя егеря съ прибытіемъ Литовскаго полка бросились въ штыки на егерей Рыбинскаго и потѣснили ихъ нѣсколько, но, не поддержанные Литовскимъ полкомъ, противъ котораго направились поляки изъ Ольховой рощи, должны были вскорѣ отойти назадъ. Такъ какъ въ это время лѣвѣе литовцевъ Виленскій полкъ тоже отступалъ, то они оказались въ выдающемся къ непріятелю положеніи; не смотря на это полкъ оказывалъ сопротивленіе, а затѣмъ, уступая превосходному непріятелю, началъ отходить къ шоссе, но уже было поздно, такъ какъ польскіе егеря отрѣзали ему путь отступленія; когда-же при этомъ сражавшійся во главѣ литовцевъ командиръ полка Курошъ выбылъ изъ строя, то Литовскій полкъ капитулировалъ и положилъ оружіе передъ окружавшимъ его непріятелемъ, не пытаясь пробиться; вмѣстѣ съ тѣмъ поляки овладѣли и бывшими при полку двумя орудіями, такъ какъ офицеръ, командовавшій ими, стремясь пробраться между поляками, направилъ свои орудія къ лѣсной дорогѣ, по которой отступали казаки, но они увязли въ грязи и взяты непріятелемъ, вмѣстѣ съ исколотымъ штыками офицеромъ. Съ прочими войсками авангарда Гейсмаръ отступилъ сначала къ Милоснѣ, на бывшій тамъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка и старался задержать ихъ при выходѣ изъ дефиле передъ селеніемъ, а потомъ отошелъ къ Яновеку, на другой баталіонъ того же полка, притянутый отъ Гржибовской Воли. Наконецъ въ 3 часа пополудни, послѣ десятичасоваго, почти непрерывнаго боя съ многочисленнымъ противникомъ, Гейсмаръ подошелъ къ Дембе-Віельке, на сосредоточенную тамъ часть корпуса и ввелъ свои войска на позицію въ совершенномъ порядкѣ ([204]).

Если нашъ авангардъ, исполняя слишкомъ пассивно передовую службу, и прозѣвалъ выходъ непріятеля изъ Праги и первоначальное его наступленіе, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что только благодаря энергіи и распорядительности Гейсмара и отличной стойкости 47-го егерскаго полка (предводимаго полякомъ Квицинскимъ), отрядъ вышелъ относительно благополучно изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ онъ очутился; капитуляція Литовскаго полка въ открытомъ полѣ, представляется исключительнымъ примѣромъ въ исторіи русской арміи, полки которой предпочитали лучше быть истребленными, нежели цѣликомъ класть оружіе передъ непріятелемъ, безъ попытки проложить себѣ путь штыками. Что касается поляковъ, то дѣйствія ихъ отличались въ этотъ день столько-же искусствомъ, сколько и смѣлостью; впрочемъ, быстрое, своевременное направленіе Рыбинскимъ кавалерійской бригады Каминскаго на шоссе къ Милоснѣ могло-бы привести къ тому, что былъ-бы отрѣзанъ путь отступленія всему авангарду Гейсмара.

Сраженіе у Дембе-Віельке (см. планъ сраженія).

Розенъ получилъ въ 6 ч. утра донесеніе Гейсмара о выступленіи изъ Варшавы всей непріятельской арміи. Наибольшее разстояніе между частями его корпуса было

не болѣе 12 верстъ; слѣдовательно сосредоточиться можно было въ 3—4 часа; полагая часъ на разсылку приказаній и столько-же времени на частный сборъ, выходитъ, что корпусъ могъ бы собраться къ 12 часамъ дня; но это случилось позже, такъ какъ дороги были плохи, а потому только стойкость Гейсмара воспрепятствовала полякамъ захватить Розена въ расплохъ; кромѣ того баронъ Розенъ, вмѣсто сосредоточенія всѣхъ войскъ въ одномъ пунктѣ, сгруппировалъ ихъ въ трехъ мѣстахъ: у Дембе-Віельке, у Рыше и у Мистова. Вслѣдствіе всего этого Розенъ соединилъ у Дембе-Віельке только остальную пѣхоту 24-й дивизіи съ 50-мъ егерскимъ полкомъ, Литовскій уланскій полкъ и 3 эскадрона конныхъ егерей; такъ что вмѣстѣ съ войсками авангарда онъ имѣлъ всего 12 батал., 15 эск., 26 орудій и 2 казачьихъ полка, противъ четверныхъ силъ непріятеля.

С. Дембе-Віельке лежитъ по сѣверную сторону шоссе, вдоль небольшаго ручья, который у западной оконечности селенія пересѣкаетъ шоссе и впадаетъ въ протекающую недалеко р. Меню; на ручьѣ по шоссе имѣлся мостъ и высокая гать; по южную сторону шоссе находился только господскій дворъ. Мѣстность позади селенія возвышенная; высоты идутъ подъ угломъ къ шоссе, направляясь къ западу, и имѣютъ слабую покатость къ сторонѣ Праги; внизу впереди селенія и южнѣе шоссе простирались низменные луга, а по сѣверную сторону—болотистый кустарникъ, который, окружая поляну, подходитъ довольно близко къ селенію. Выгоды позиціи для насъ заключались въ томъ, что мы свободно могли передвигаться на высотахъ и обозрѣвать непріятеля, который долженъ былъ проходить по болотистой мѣстности; главный-же недостатокъ позиціи состоялъ въ томъ, что она тянулась подъ угломъ къ пути отступленія, который легко отрѣзывался для всего нашего центра и праваго фланга съ овладѣніемъ поляками лѣвымъ флангомъ; слѣдуетъ также замѣтить, что Розенъ почему-то не разрушилъ мостъ на шоссе.

Войска наши расположились на позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ 50-й егерскій полкъ (1 бат.), имѣя за собою въ частномъ резервѣ 48-й егерскій; тутъ же находились и 4 орудія; три баталіона Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ съ 8 ор. стояли на высотѣ впереди селенія; за ними Литовскій уланскій полкъ, а правѣе 3 эск. Тираспольскихъ конныхъ егерей; наконецъ баталіонъ Брестскаго полка съ 2 орудіями стоялъ влѣво отъ Дембе, у шоссе; за нимъ стали части авангарда Гейсмара; за лѣвымъ флангомъ наблюдали казаки ([205]).

Всѣ силы Розена на позиціи, считая и отрядъ Гейсмара, простирались до 8 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи. Какъ упомянуто выше три полка 25-й пѣхотной дивизіи и Польскій уланскій полкъ собрались у Рыше; если назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы наблюдать за непріятелемъ, то нельзя не замѣтить, что этой цѣли можно было достигнуть съ помощью лишь небольшой кавалерійской части; если-же они назначались для противодѣйствія возможному обходу, то выдѣленіе отряда съ подобною цѣлью могло быть сдѣлано по полученіи отъ наблюдающей кавалеріи соотвѣтственнаго извѣщенія; заблаговременное-же откомандированіе такого значительнаго отряда привело лишь къ разброскѣ войскъ; наконецъ рѣшительно нельзя объяснить зачѣмъ собирались еще далѣе назади пѣхотная бригада и 6 эск. конныхъ егерей, которымъ приказано было ожидать у Мистова приказаній. Во всякомъ случаѣ въ такихъ обстоятельствахъ Розену едва-ли можно было и думать о переходѣ въ наступленіе, а при этомъ условіи разрушеніе моста на шоссе, обезпечивало-бы въ значительной степени опасный лѣвый флангъ нашей позиціи; но это не было исполнено и привело къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Вскорѣ за Гейсмаромъ подошли къ Дембе-Віельке и поляки. Скржинецкій уже въ то время все опасался что Дибичъ ударитъ на его правый флангъ и въ этомъ его утвердило ложное свѣдѣніе будто-бы справа, со стороны Віонзовни, появилась русская колонна. Вслѣдствіе этого онъ выслалъ въ томъ направленіи бригаду кавалеріи и дивизію пѣхоты, которая, ничего тамъ не найдя, возвратилась вскорѣ обратно ([206]). Пронд-зинскій шелъ во главѣ дивизіи Малаховскаго, тороня войска; 4-й полкъ (Богуславскій) немедленно былъ выдвинутъ по шоссе, но, встрѣченный нашей артиллеріей, остановился. Скржинецкій приказалъ 8-му полку (Венгерскій) двинуться черезъ лѣсъ и атаковать нашъ правый флангъ; но осыпанный картечью онъ тоже отошелъ къ опушкѣ. Всѣ попытки поляковъ выдвинуть артиллерію были неудачны, такъ какъ вслѣдствіе болотистой почвы орудія, сходившія съ шоссе, увязали въ грязь почти по ступицу. Адъютантъ главнокомандующаго, Потоцкій, выдвинулъ впередъ по шоссе два 12 ф. орудія, но сильный огонь русской артиллеріи заставилъ ихъ вскорѣ сняться съ позиціи. Видя эти неудачи Скржинецкій приказалъ усилить 8-й полкъ двумя баталіонами 2-го егерскаго полка. Поляки на лѣвомъ флангѣ продвинулись было впередъ, но, встрѣченные огнемъ русской артиллеріи и пѣхоты и атаками Тираспольскихъ конныхъ егерей, очутились сами въ оборонительномъ положеніи. Бой на этомъ флангѣ велся съ большимъ упорствомъ. Замѣтя что главныя усилія поляковъ направлены на нашъ правый флангъ и опасаясь вслѣдствіе этого порвать связь съ войсками собиравшимися у Рыше, Розенъ усилилъ этотъ флангъ тремя баталіонами Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ изъ центра, куда переведены были приведенные Гейсмаромъ 47-й егерскій и Виленскій пѣхотные полки ([207]).

Такимъ образомъ былъ ослабленъ нашъ лѣвый флангъ, имѣвшій важнѣйшее значеніе. Поляки это замѣтили и двинули по шоссе семь баталіоновъ, которые почему-то наступали по сильно болотистой мѣстности въ каре, имѣя стрѣлковъ впереди. Наступленіе было встрѣчено сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; когда-же непріятель все-таки бросился черезъ луга къ селенію, то Литовскій полкъ отважными атаками нѣсколько разъ отбрасывалъ непріятельскую пѣхоту. Къ сожалѣнію эти атаки не могли имѣть болѣе рѣшительнаго успѣха, такъ какъ, попадая на пахоть, лошади увязали почти по брюхо ([208]). Приближеніе вечера заставило Скржинецкаго даже подумывать о прекращеніи боя на этотъ день по отозваніи пѣхоты. Но такъ какъ это было-бы сопряжено съ большими опасностями и притомъ 4-му полку удалось занять ближайшія дома Дембе-Віельке, то Хржановскій просилъ главнокомандующаго приказать кавалеріи проскакать по шоссе по ту сторону деревни и отрѣзать русскимъ путь отступленія ([209]). Съ согласія Скржинецкаго, Хржановскій предложилъ кому нибудь изъ офицеровъ исполнить это движеніе. Начальникъ кавалерійской дивизіи Скаржинскій вызвался самъ произвести маневръ, но, по представленію Дембинскаго, съ бо́льшими силами, такъ какъ ударъ долженъ быть рѣшительнымъ.

Тогда Скаржинскій сталъ во главѣ колонны, построенной справа по шести; впереди находились два эскадрона 2-го конно-егерскаго полка, за нимъ два эскадрона карабинеровъ, дальше два Познанскихъ эскадрона и 5-й уланскій полкъ. Два эскадрона 2-го к. егерскаго полка, находявшагося въ головѣ, по предложенію Дембинскаго, были направлены вправо по дорогѣ къ господскому дому ([210]). Кавалерія понеслась по шоссе на плотину; нѣсколько выстрѣловъ встрѣтили ее изъ Дембе. Не обращая на это вниманія, Скаржинскій проскакиваетъ за деревню, развертываетъ конно-егерей вправо, карабинеровъ влѣво и тотчасъ бросается на русскую артиллерію и пѣхоту (2 бат.) лѣваго крыла. Одинъ эскадронъ конныхъ егерей повернулъ вправо, ударилъ на нашъ

баталіонъ, который выдержалъ атаку, но былъ окруженъ непріятелемъ, а затѣмъ Дембинскій бросилъ туда-же другой эскадронъ, который заставилъ баталіонъ положить оружіе. Карабинеры устремились влѣво разсѣяли тамъ баталіонъ, а затѣмъ наскакали на орудія ([211]). Розенъ, отправившій уже назадъ часть кавалеріи и орудій, приказываетъ Литовскимъ уланамъ идти на встрѣчу польской кавалеріи; литовцы бросились на карабинеровъ, опрокинули ихъ на другую сторону шоссе и успѣли было отнять два орудія, но, атакованные во флангъ конно-егерями, принуждены отступить, потерявъ плѣннымъ храбраго полк. Шиндлера; въ происшедшей схваткѣ самъ Розенъ едва не попадаетъ въ плѣнъ. Подъ прикрытіемъ этой кавалерійской атаки поляки овладѣваютъ господскимъ дворомъ и селеніемъ. Видя невозможность держаться противъ превосходнаго непріятеля, баталіоны центра и праваго фланга начинаютъ отходить, преслѣдуемые польской кавалеріей и потерявъ генер. Левандовскаго; но прямой путь отступленія былъ отрѣзанъ и правому флангу приходилось броситься окружной дорогой; къ счастью въ это время подошли три полка стоявшіе у Рыше; Розенъ приказалъ Гейсмару, какъ съ этими частями, такъ и съ остатками Брестскаго, Виленскаго и 47-го егерскаго полковъ прикрыть общее отступленіе; тѣмъ не менѣе часть батарейныхъ орудій завязла въ болотѣ и досталась непріятелю. Къ ночи корпусъ достигъ Минска, почти не преслѣдуемый непріятелемъ. Адьергардъ Гейсмара остановился у Стоядле; въ его составъ вошли: двѣ егерскія бригады, 2-я бригада 25-й пѣх. дивизіи, три уланскихъ полка, казаки и 6 орудій ([212]). Такимъ образомъ въ этомъ сраженіи Скржинецкій не дѣйствовалъ на лѣвомъ флангѣ сразу достаточными силами и не поддержалъ дивизіей Лубенскаго конницу Скаржинскаго, послѣ прорыва русскаго расположенія.

Отступленіе Розена.

Въ два часа по полудни Розенъ продолжалъ отступленіе къ Калушину, приказавъ идти туда и собравшимся у Мистова: 1-й бригадѣ 25-й пѣх. дивизіи съ 6-ю эскадронами конныхъ егерей. Гейсмаръ оставался до утра при Стоядле, чтобы дать возможность выйти на шоссе обозамъ, которые утопали въ грязи по боковымъ дорогамъ. Въ Калушинѣ корпусъ остановился для отдыха, выждалъ прибытія арьергарда (остававшагося у Стоядле до 8 ч. утра) и къ вечеру 20 марта отступилъ за р. Костржинъ къ с. Полякамъ, оставивъ арьергардъ Гейсмара у самой рѣчки при с. Ягодне. Съ польской стороны Продзинскій и многіе другіе офицеры совѣтовали Скржинецкому безостановочно продолжать наступленіе, но Скржинецкій большую часть дня колебался; наконецъ рѣшено было выдвинуть для преслѣдованія свѣжія войска и съ этою цѣлью назначены были кавалерійская дивизія Лубенскаго *) и пѣхотная (2-я) Гелгуда; вмѣстѣ съ тѣмъ для наблюденія за фельдмаршаломъ высланъ былъ изъ Минска на Гарволинъ отрядъ Скаржинскаго. Такъ какъ дивизіи Лубенскаго и Гелгуда находились въ хвостѣ, то имъ пришлось пробираться черезъ всю колонну, по пути загроможденному парками, обозами и пр., что задержало преслѣдованіе на нѣсколько часовъ. Продзинскій далъ инструкцію Лубенскому — преслѣдовать энергически и атаковать все, что попадется, расчитывая на упадокъ духа въ войскахъ, потерпѣвшихъ пораженіе. Мѣстность отъ Минска до Калушина пересѣченна, почему Гейсмаръ выслалъ кавалерію и артиллерію впередъ. Лубенскій, подходя къ Калушину, преслѣдовалъ русскихъ; недалеко отъ этого города польскіе уланы (4-й полкъ)

*) Слѣдуетъ однако замѣтить, что дивизія Скаржинскаго вовсе не была утомлена: она стояла въ Варшавѣ и затѣмъ двинулась къ Дембе-Віельке, гдѣ произвела одну атаку; между тѣмъ дивизія Лубенскаго, направленная сначала къ Модлину, подошла потомъ къ арміи форсированнымъ маршемъ ([213]).

опрокинули находившихся въ арьергардѣ казаковъ, внезапно наскочили на 49 и 50 егерскіе полки, атаковали ихъ и схватили два знамени. Опомнившіеся люди бросились отбивать знамена; командиръ 4-го уланскаго полка, гр. Замойскій, не поддержанный Лубенскимъ, очутился въ критическомъ положеніи и только бросившись въ лѣсъ успѣлъ тамъ скрыться унося драгоцѣнную добычу, но будучи самъ раненымъ. Съ этихъ поръ корпусъ Розена вполнѣ деморализовался. Лубенскій пошелъ за Гейсмаромъ до Костржина, а главныя силы поляковъ остановились у Калушина. Потеря наша убитыми, ранеными и плѣнными была весьма значительна; она увеличилась еще оттого, что 19-го числа около 1.200 чел. производили дальнюю фуражировку; всѣ они были отрѣзаны отъ корпуса и среди распространившейся паники захвачены поляками. Общая потеря простиралась до 5.500 ч., 5 знаменъ и 10 орудій. По словамъ Прондзинскаго поляки потеряли въ бою съ Гейсмаромъ и у Дембе-Віельке менѣе 500 чел. ([214]).

Прондзинскій предлагалъ Скржинецкому на другой день воспользоваться энтузіазмомъ арміи по случаю одержанной побѣды и неожиданно для русскихъ двинуться съ поля сраженія немедленно сосредоточенными силами черезъ Шенницу и Латовичъ, и атаковать фельдмаршала съ силами (считая имѣвшаго присоединиться Мюльберга), простиравшимися до 40.000 чел., не считая нѣсколько тысячъ заслона противъ Розена, который въ теченіи нѣкотораго времени не могъ и помышлять о наступленіи. Но Скржинецкій и Хржановскій не допускали и мысли о возможности атаки Дибича. Хотя войска польскія уже пришли въ движеніе, но Скржинецкій самъ еще не понималъ куда слѣдуетъ направиться. Въ это время были доставлены бумаги, найденныя на убитомъ вѣстовомъ Розена. Въ числѣ ихъ находилась инструкція, данная фельдмаршаломъ Розену. Изъ нее поляки узнали, что послѣдній долженъ былъ во время операціи переправы черезъ Вислу прикрывать операціонную линію Дибича, которая теперь шла на Коцкъ, Мендзыржецъ и Брестъ. Дибичъ, дѣлая, по его мнѣнію, невѣроятное предположеніе, что поляки выйдутъ противъ Розена въ знач. превосходныхъ силахъ, разрѣшалъ ему отступать, но никакъ не далѣе Сѣдльце, которое слѣдовало отстаивать во что-бы то ни стало и даже прибѣгнуть, въ случаѣ крайности, къ помощи гвардіи. — Эти свѣдѣнія повидимому положили конецъ колебаніямъ Скржинецкаго, который рѣшился наступать всѣми силами къ Сѣдльце; но тамъ собственно дѣлать было нечего, такъ какъ рѣшительный бой, предписанный Розену у этого пункта, уже разыгрался съ Гейсмаромъ и у Дембе-Віельке. Кромѣ того въ бумагахъ Розена найдена была подробная дислокація русской арміи, показывавшая что главные парки должны быть сосредоточены у Лукова. Это обстоятельство должно было-бы побудить къ ускоренію движенія поляковъ къ Рыкамъ, чтобы отрѣзать фельдмаршала отъ его парковъ. Но Скржинецкій надумался послать розыскать на Наревѣ полкъ Кушеля, который былъ набранъ въ Подляхіи и, какъ знакомый съ мѣстностью, долженъ быть двинутъ къ Лукову, чтобы уничтожить парки. Лубенскій вытянулся къ Костржину; главн. квартира перешла въ Калушинъ. На другой день прибыла депутація отъ правительства съ крестомъ для Скржинецкаго, — пріемъ ея задержалъ армію на цѣлый день. Побуждаемый обратить наконецъ свои взоры къ арміи, Скржинецкій рѣшается на полумѣры и высылаетъ 20 марта кав. дивизію Скаржинскаго съ 3 батал., которая занимаетъ Шеницу, поспѣшно очищенную русскими, оставившими въ рукахъ поляковъ нѣсколько повозокъ, ящиковъ и захваченными разъѣздами около 200 плѣнныхъ. На слѣд. день Скаржинскій получилъ извѣстіе, что фл.-ад. полк. Реадъ занимаетъ небольшимъ отрядомъ Гарволинъ. Скаржинскій выступилъ туда немедленно, двигался ночью и подошелъ съ разсвѣтомъ 22-го числа. Реадъ отступилъ къ Желехову, слабо преслѣдуемый Скаржинскимъ, три эскадрона котораго атаковали въ 7 вер. за Гар-

волиномъ, Ольвіопольскихъ гусаръ и казаковъ Реада, неизвѣстно почему торопившихся отступленіемъ. Въ тотъ же день Скаржинскій направился на Мястковъ, а 23-го занялъ Желеховъ. Тамъ къ нему присоединился Хржановскій, который былъ высланъ съ 3 батал., 4 эскадронами и 4 оруд. изъ Калушина на Куфлевъ и Сточекъ. Къ ночи поляки отошли на Мястковъ и потомъ къ Латовичу. Скржинецкій, потерявъ два дня въ Калушинѣ, передвинулся наконецъ съ главными силами въ Сѣнницу, гдѣ онъ еще потерялъ 3 дня, послѣ чего, оставивъ тамъ 2-ую пѣх. дивизію, выдвинулся, съ большимъ однако опасеніемъ и только съ 2-мя дивизіями (1-й и 3-й), къ Латовичу. Подошедшій Мюльбергъ получилъ приказаніе остановиться въ Минскѣ. Скржинецкій не удовольствовался пребываніемъ только съ двумя дивизіями у Латовича, а раздробилъ и ихъ небольшими отрядами по всѣмъ проходамъ болотистой р. Свидера. Такимъ образомъ послѣ ряда одержанныхъ успѣховъ, польская армія очутилась въ оборонительномъ положеніи, опасаясь атаки фельдмаршала и не помышляя о наступательныхъ дѣйствіяхъ ([215]).

Одновременно со Скаржинскимъ и Хржановскимъ полковникъ Дембинскій, съ 4-мя эскадронами, изъ Калушина (три эск. 5-го и одинъ 3-го ул. п.) направленъ влѣво къ Бугу и Ливцу; ему поручено было также очистить окрестную страну отъ русскихъ и захватить отрѣзанныхъ солдатъ Розена. Дембинскій направился на Станиславовъ и оставивъ тамъ эскадронъ съ приказаніемъ производить развѣдки, двинулся съ остальными къ Ливу. Заставъ въ расплохъ тамъ нашъ кавалерійскій постъ, онъ его прогналъ и захватилъ мостъ на Ливцѣ, который наши подожгли, но не успѣли сжечь. Отрядъ Пинабеля, находившійся у Венгрова, отступилъ передъ этими тремя эскадронами къ Соколову. Ночью Дембинскій былъ внезапно атакованъ пѣхотою, какъ оказалось своею собственною (2 бат. Кіекерницкаго), высланною сюда Скржинецкимъ. По увѣренію Дембинскаго, онъ успѣлъ захватить у насъ во время этого поиска до 1.500 чел. при 14 офицерахъ, а затѣмъ отправился къ главнымъ силамъ ([216]).

Скржинецкій не рѣшился идти на Сѣдльце, опасаясь что въ такомъ случаѣ Дибичъ отрѣжетъ его отъ Варшавы. Подобное опасеніе было неосновательно, въ чемъ легко убѣдиться простымъ расчетомъ времени. До Сѣдльцѣ полякамъ оставалось всего 30 верстъ, т. е. одинъ переходъ; выступивъ 21-го числа Скржинецкій въ тотъ-же день могъ достигнуть Сѣдльце; 22-го онъ двинулся-бы назадъ, такъ какъ нечего сомнѣваться въ возможности быстраго овладѣнія этимъ пунктомъ, и *24-го марта* былъ бы у Милосны (отъ Сѣдльце до Праги около 80 верстъ), слѣдовательно внѣ ударовъ фельдмаршала. Между тѣмъ Дибичъ получилъ обстоятельное донесеніе Розена только 22-го числа; 23-е необходимо было употребить на сосредоточеніе арміи; 24-го—фельдмаршалъ могъ выступить и, сдѣлавъ 3 большихъ перехода, только *26-го подходилъ-бы* къ Прагѣ, т. е. въ то время, когда Скржинецкій уже ушелъ-бы за Вислу. Этотъ расчетъ показываетъ, что, даже при болѣе быстромъ выясненіи обстановки для фельдмаршала, Скржинецкій могъ вполнѣ расчитывать ускользнуть изъ подъ удара главныхъ силъ русской арміи, прикрывшись отъ нихъ боковымъ авангардомъ и упорно задерживая ихъ движеніе.

Донесенія Розена и соотвѣтственныя мѣры Дибича.

Первое донесеніе отъ Розена, посланное передъ полуднемъ, о выступленіи поляковъ изъ Праги, Дибичъ получилъ по прибытіи въ Рыки *), вечеромъ 19-го марта къ нему было приложено также донесеніе Гейсмара о томъ, что авангардъ атакованъ

*) См. карту вост. части Ц. Польскаго.

и отступаетъ; Розенъ извѣщалъ о выступленіи поляковъ въ значительныхъ силахъ изъ Праги и о томъ, что онъ сосредоточиваетъ свои войска къ Дембе-Вielьке и Мистову. Дибичъ полагалъ, что, при соразмѣрности силъ, Розенъ отразитъ нападеніе; въ противномъ случаѣ—отступитъ на Минскъ и Калушинъ. На другой день, 20-го марта, осматривая работы по приготовленію къ переправѣ въ Тырчинѣ, Дибичъ получилъ второе, собственноручное, донесеніе Розена, въ которомъ онъ въ сущности скрылъ свое рѣшительное пораженіе. Баронъ Розенъ кратко извѣщалъ, что, послѣ упорнаго боя, онъ принужденъ былъ отступить отъ Дембе-Вielьке и что ночью-же намѣренъ отойти къ Калушину, куда направлены и тѣ части 25-й пѣх. дивизіи, которыя въ теченіи дня не успѣли къ нему присоединиться. Въ донесеніи не были опредѣлены ни его потери, ни силы выступившихъ изъ Праги поляковъ; но очевидно было, что эти силы были значительны. Это обстоятельство вполнѣ, казалось, соотвѣтствовало общимъ предположеніямъ фельдмаршала, облегчая ему переправу, такъ какъ полякамъ трудно было поспѣть съ Брестскаго шоссе для обороны Вислы. Положеніе корпуса барона Розена тоже не возбуждало опасеній; изъ донесеній видно было, что только половина его войскъ участвовала въ сраженіи 19-го числа и что корпусъ сосредоточивается у Калушина. Въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія поляковъ, Розенъ могъ отойти за Костржинъ и даже въ Сѣдльце, гдѣ долженъ былъ значительно усилиться. Дибичъ въ тотъ-же еще день писалъ ему: „я не вижу ничего отчаяннаго въ вашемъ положеніи; въ 25-й дивизіи, расположенной въ Окуневѣ, вы имѣете сильный резервъ, а у Калушина и у Ливца къ вамъ примкнутъ еще многія войска. Къ тому-же и графъ Паленъ 2-й, съ передовыми полками 7-й дивизіи, прибываетъ уже 27-го марта въ Сѣдльце“. Чтобы предупредить уступку Сѣдльце, Дибичъ намѣревался поспѣшить переправой, надѣясь, что самое наведеніе мостовъ должно было заставить поляковъ возвратиться за Вислу на защиту Варшавы. Гр. Витту приказано было собрать 21-го числа 3-ю гренадерскую дивизію при Конской Волѣ, а 3-ю кирасирскую съ бригадою уланской при Маркушевѣ, чтобы отвлечь вниманіе поляковъ, бывшихъ за Вислою, къ Казимержу, гдѣ приказано усилить приготовленія къ наведенію моста. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нейгардту поручено сообразить движеніе 1-го и гренадерскаго корпусовъ, гв. отряда и боеваго артиллерійскаго резерва къ Тырчину. Дальнѣйшія извѣстія съ праваго фланга арміи пріостановило исполненіе этихъ распоряженій.

Вечеромъ 21-го марта получено было третье донесеніе Розена, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что поляки 20-го безпокоили его арьергардъ только до Калушина, а затѣмъ ограничились наблюденіемъ небольшими силами. Въ то же время получено было свѣдѣніе о появленіи польскихъ войскъ у Желехова. Правый флангъ казачьей цѣпи, наблюдавшей Вислу между главными силами и корпусомъ Розена, съ отступленіемъ послѣдняго загнутый къ Колбелю, былъ оттуда опрокинутъ къ Гарволину, а утромъ 22-го числа оттѣсненъ къ Желехову, причемъ Гарволинъ, Парысовъ и Сточекъ оказались сильно занятыми польскою кавалеріею. Слабое преслѣдованіе Розена по шоссе и приближеніе къ Желехову, по сходящимся дорогамъ, сильной польской кавалеріи, подали основательный поводъ фельдмаршалу предполагать, что Скржинецкій, выйдя изъ Праги съ значительными силами и отбросивъ Розена, намѣренъ былъ дѣйствовать въ тылъ переправы; поэтому, прежде чѣмъ приступить къ ней, слѣдовало оттѣснить поляковъ къ Прагѣ; а если-бы Скржинецкій принялъ сраженіе,—нанести ему рѣшительный ударъ. Въ этихъ видахъ князь Лопухинъ съ 1-ю пѣхотною дивизіею и съ тремя полками 1-й гусарской немедленно былъ выдвинутъ по направленію къ Желехову на р. Окржейку, а остальныя части корпуса гр. Палена (кромѣ Эстляндскаго

пѣхотнаго и 4-го егерскаго полковъ, прикрывавшихъ береговыя работы) и корпусъ кн. Шаховскаго — эшелонированы за авангардомъ въ самомъ близкомъ разстояніи; гв. отрядъ съ артиллерійскимъ резервомъ изъ окрестностей Коцка и сводный корпусъ Витта съ лѣваго берега Вепржа были направлены къ Рыкамъ и Бобровникамъ. За Вепржемъ для удержанія Люблинскаго воеводства, наблюденія верхней Вислы и кр. Замостья съ находившимся тамъ отрядомъ Дверницкаго, оставленъ корпусъ бар. Крейца, усиленный Литовскою гренадерскою бригадою.

Изъ Рыкъ въ Желеховъ черезъ р. Окржейку ведутъ двѣ дороги. Лопухинъ расположился на правой у Клочева, а на лѣвую къ Вилежину (въ 3—4 вер. отъ Клочева) отдѣлилъ полкъ пѣхоты и гусаръ. Кромѣ того онъ выставилъ Лубенскій гусарскій полкъ на соединеніе обѣихъ упомянутыхъ дорогъ, между рѣчкою и Желеховымъ, къ Задыбе, для поддержки находившагося впереди Желехова Ольвіопольскаго гусарскаго полка. Надѣясь на превосходство своихъ силъ и не сомнѣваясь въ успѣхѣ столкновенія съ Скржинецкимъ, фельдмаршалъ, сосредоточивая армію по направленію къ Желехову, не переставалъ дѣлать окончательныхъ распоряженій къ переправѣ черезъ Вислу; между прочимъ, въ ряду другихъ мѣръ, онъ 22-го же числа поручилъ капитану 1-го ранга Римскому-Корсакову принять собранныя въ устьи Вепржа суда, приспособить ихъ къ плаванію и приготовить къ высадкѣ части войскъ на лѣвый берегъ Вислы. Но новое донесеніе Розена и извѣстія о безпорядкахъ въ Литвѣ обнаружили наконецъ истинное положеніе дѣлъ, какъ на театрѣ дѣйствій, такъ и въ тылу арміи. Въ этомъ, четвертомъ донесеніи опредѣлена была наконецъ вся потеря 6-го корпуса, а также указывалось на его безпомощность, такъ какъ ожидавшіяся въ Сѣдльце войска, вслѣдствіе распутицы, запоздали прибытіемъ. „Литовскій полкъ—писалъ Розенъ—съ его знаменами уже не существуетъ; онъ былъ окруженъ у Вавра и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя орудіями; у Дембе-Вielьке завязло 8 орудій; генералъ Левандовскій и полковникъ Соколовъ взяты въ плѣнъ при орудіяхъ; многія повозки съ хлѣбомъ и порохомъ не могли быть вытащены изъ грязи и достались въ руки непріятеля; уронъ въ офицерахъ и солдатахъ весьма значительный. Пѣхоты имѣю всего на всего не болѣе 4 т. человѣкъ. Артиллерія и кавалерія еле двигаются. Ни помощи, ни подкрѣпленія я ни откуда не вижу; въ Сѣдльце войска еще не прибыли, а только ожидаются къ 23-му марта. Я предвидѣлъ свое несчастіе, но, привыкнувъ слѣпо повиноваться, я не рапортовался больнымъ не смотря на горячку и контузію. Что можетъ сдѣлать человѣкъ противъ судьбы ([217])“. Донесеніе это было получено 22-го марта, а 23-го утромъ пришло извѣстіе о волненіяхъ въ Литвѣ, что угрожало всѣмъ нашимъ сообщеніямъ.

Первые безпорядки въ Литвѣ возникли въ Тельшевскомъ уѣздѣ еще въ концѣ февраля. Толпы вооруженныхъ крестьянъ предавались буйству и грабежу, затрудняли даже производившійся наборъ рекрутъ. Хотя волненія эти скоро были на время усмирены, а въ донесеніи говорилось, что даже зачинщики перехвачены, но тѣмъ не менѣе самый фактъ указывалъ на неспокойное состояніе нашихъ пограничныхъ губерній, и можно было опасаться, что, при дальнѣйшихъ успѣхахъ поляковъ или замедленіи дѣйствій, наши сообщенія окажутся небезопасными.

23-го марта Дибичъ собралъ въ Рыкахъ военный совѣтъ, которому и очертилъ положеніе дѣлъ. Графъ Толь съ своей стороны полагалъ, что при данной обстановкѣ движеніе за Вислу могло быть предпринято не иначе какъ: 1) съ присоединеніемъ къ главнымъ силамъ у Желехова всего гвардейскаго корпуса и корпуса бар. Крейца; 2) съ подходомъ къ Сѣдльце всей 2-й гусарской, 6-й и 7-й пѣх. дивизій и 3) съ перемѣщеніемъ изъ Волынской губерніи въ Люблинское воеводство корпуса Ридигера, усиливъ его резерв-

ными баталіонами 25-й дивизіи и конно-егерскою бригадою изъ корпуса Крейца. Тогда въ главныхъ силахъ имѣлось-бы 60 т. пѣх., 20 т. кавалеріи и 300 орудій; на Брестскомъ шоссе, для охраненія Сѣдльце, — до 30 тыс. войскъ корпусовъ бар. Розена и гр. Палена 2-го, а въ окрестностяхъ Люблина и наблюденія за Дверницкимъ — болѣе 10 т. Ридигера. Для наблюденія пространства между Бугомъ и Наревомъ, Толь полагалъ достаточнымъ отрядъ бар. Сакена, а для сохраненія порядка въ Литвѣ—5-ю пѣхотную дивизію. Въ ожиданіи-же подхода гвардіи, 2-го корпуса и Ридигера онъ предлагалъ дѣйствовать правымъ берегомъ Вислы во флангъ и тылъ польской арміи. Подвозы съ Волыни, уже направленные на Влодаву, могли-бы обезпечить продовольствіе арміи до совершеннаго утвержденія ея на лѣвомъ берегу Вислы, а потомъ можно было воспользоваться мѣстными средствами еще не раззореннаго края и сплавами изъ Австріи, гдѣ можно было сдѣлать заготовленія. Съ переходомъ черезъ Пилицу и стѣсненіемъ поляковъ подъ Варшавой, можно было воспользоваться сплавами по Бугу и Нареву; запасы заготовленные въ Пруссіи сохранились-бы для дальнѣйшаго довольствія арміи. Всѣ члены совѣта согласились съ мнѣніемъ гр. Толя, и Дибичъ, присоединившись къ нимъ, представилъ проектъ дальнѣйшихъ дѣйствій на усмотрѣніе государя, такъ какъ фельдмаршалъ не могъ распоряжаться корпусомъ Ридигера, не входившимъ въ составъ дѣйствующей арміи, и былъ стѣсненъ въ употребленіи гвардейскаго корпуса.

Для полученія отвѣта изъ Петербурга, а затѣмъ для передвиженія войскъ необходимо было нѣкоторое время; между тѣмъ отсрочка переправы могла произвести столь невыгодное впечатленіе для насъ, какъ въ Царствѣ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, что даже самое пораженіе польской арміи на правомъ берегу Вислы едва-ли парализовало-бы всѣ его послѣдствія; къ тому-же Скржинецкій могъ уклониться отъ рѣшительнаго боя при невыгодныхъ для него условіяхъ. Только переходъ на лѣвый берегъ Вислы и пораженіе поляковъ подъ Варшавой обѣщали самые полные результаты. По этимъ соображеніямъ гр. Дибичъ хотя и согласился съ мнѣніемъ Толя, но повидимому не отказался отъ мысли, отбросивъ поляковъ къ Прагѣ, всетаки переправиться черезъ Вислу съ тѣми войсками, которыя собраны были у Рыкъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что хотя послѣ военнаго совѣта сдѣлано было распоряженіе объ уничтоженіи приготовленнаго моста, но затѣмъ фельдмаршалъ лично отдалъ поспѣшное приказаніе объ отмѣнѣ этого распоряженія.

Между тѣмъ 23-го числа, кромѣ небольшаго кавалерійскаго отряда изъ Сточека, поляки не приближались къ Желехову, и потому рѣшено было идти и атаковать ихъ въ занятомъ расположеніи. Общее наступленіе назначено было на 25-е, а 24-го утромъ сдѣланы всѣ необходимыя предварительныя передвиженія: авангардъ кн. Лопухина передвинутъ къ самому Желехову *); 1-й корпусъ сосредоточился на его мѣстѣ за р. Окржейкою, у Клочева; гренадерскій корпусъ расположенъ по дорогѣ на Вилежинъ, что также на р. Окржейкѣ; гв. отрядъ и вся резервная кавалерія и артиллерія собраны у Рыкъ. Сверхъ того выставлены были боковые отряды: въ Окржеѣ, подъ начальствомъ ген. Штрандмана (л.-гв. Уланскій его высочества и Гродненскій гусарскій полки) и въ Ласкаржевѣ, подъ командою полк. Беренса, изъ 4-хъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка. Въ береговомъ отрядѣ ген. Герштенцвейга оставлены: Эстляндскій пѣхотный и 4-й егерскій полки, Литовскій саперный баталіонъ и двѣ роты 1-го сапернаго бат., два эскадрона Новоархангельскаго уланскаго полка и 8 орудій ([218]).

*) Въ составъ авангарда вмѣсто 1-й пѣх. дивизіи поступила 3-я дивизія, а вмѣсто Сумскаго гусарскаго (оставшагося при корпусѣ)—Ольвіопольскій, который находился впереди Желехова еще съ 22-го числа.

Между тѣмъ Скржинецкій, оставя у Бойме для наблюденія на р. Костржинѣ кавалерійскую дивизію Лубенскаго и бригаду пѣхоты Роланда (2-й дивизіи, 7 и 3 лин. полки), всѣ прочія войска расположилъ 22-го числа въ окрестностяхъ Латовича, Старограда, Вельколясъ (близь Дембе) и частью у Шенницы. Дивизія Скаржинскаго заняла Парысовъ и Гарволинъ; небольшой отрядъ поставленъ былъ у Сточека для наблюденія путей изъ Желехова. Мюльбергъ съ 4-й дивизіей долженъ былъ служить резервомъ Лубенскому; Андрихевичъ съ 20-мъ полкомъ высланъ въ Ливъ. Главная квартира въ Шеницѣ. Въ этомъ положеніи Скржинецкій выжидалъ прибытія съ праваго берега Нарева кавал. корпуса Уминскаго, которымъ, съ выдвиженіемъ главныхъ силъ изъ Праги, послано было приказаніе поспѣшить на соединеніе съ арміей. Уминскій направленъ былъ на Сѣроцкъ и оттуда долженъ былъ выдвинуться къ Ливу и Венгрову, для наблюденія Буга и прямаго сообщенія между корпусомъ Розена и гвардіей. Подъ предлогомъ дурнаго состоянія дорогъ, Уминскій двинулся черезъ Прагу и потому могъ подойти только въ послѣднихъ числахъ марта; но Мюльбергъ, бывшій на лѣвомъ берегу Вислы, уже миновалъ Варшаву и 25-го долженъ былъ расположиться впереди Калушина, съ тѣмъ чтобы служить резервомъ, какъ главнымъ силамъ арміи, находившейся на *р. Свидеръ*, такъ и Лубенскому, наблюдавшему на р. Костржинѣ. Но и приближеніе такого сильнаго подкрѣпленія не могло уничтожить опасеній Скржинецкаго и вывести его изъ бездѣйствія; все его вниманіе обращено было къ Желехову, куда были направлены для развѣдки Скаржинскій и Хржановскій ([219]). Пѣхота съ нѣсколькими эскадронами уланъ слѣдовала по дорогѣ изъ Сточека; два полка кавалеріи по дорогѣ изъ Гарволина и одинъ кавал. полкъ изъ Парысова. Подходя къ Желехову, Хржановскій отдѣлилъ со сточекской дороги часть войскъ на дорогу изъ Лукова. Такимъ образомъ поляки окружили городъ со всѣхъ сторонъ, но онъ былъ уже занятъ находившимся тамъ полковникомъ Тишинымъ, начальникомъ госпиталей, который, вооруживъ всѣхъ слабосильныхъ, способныхъ къ оружію, и выставивъ аванпосты, остановилъ тѣмъ непріятеля. Приближеніе поляковъ въ значительныхъ силахъ и со всѣхъ сторонъ къ Желехову еще болѣе, казалось, подтверждало предположеніе о наступленіи ихъ арміи и подавало надежду разбить ихъ, не удаляясь отъ переправы. Дибичъ приказалъ всѣмъ войскамъ собираться къ Вилежину, гдѣ предполагалось дать сраженіе, а кн. Лопухину приказано удерживать Желеховъ до вечера и только при сильномъ наступленіи превосходныхъ силъ отойти на ночь къ Задыбе; на другой-же день, постепенно отступая на Вилежинъ, — наводить поляковъ на занятую тамъ позицію; но если-бы подошедшіе поляки имѣли въ виду только высмотрѣть наше расположеніе, а затѣмъ отступили-бы обратно, то Лопухину, не ожидая уже особаго приказанія,—немедленно двинуться за ними чтобы не потерять непріятеля изъ виду. Гр. Палену приказано было, по первому извѣстію о движеніи авангарда, тотчасъ слѣдовать за нимъ для поддержки его наступленія. Фельдмаршалъ имѣлъ намѣреніе идти за I-мъ корпусомъ со всею арміею. Но князь Лопухинъ оказался совершенно неспособнымъ авангарднымъ начальникомъ. Прибывъ къ Желехову, онъ нашелъ невозможнымъ его удерживать и очистилъ городъ, полагая притомъ, что поляки быстрымъ его занятіемъ обнаружатъ цѣль своихъ дѣствій. Хржановскій, изумленный внезапнымъ очищеніемъ города и подозрѣвая въ этомъ какую либо ловушку, не рѣшился войти въ городъ и занялъ только внѣшнюю его опушку небольшимъ числомъ застрѣльщиковъ, стараясь, въ ожиданіи вечера, скрыть настоящія свои силы за перелѣсками. Съ наступленіемъ сумерекъ, онъ отошелъ за *р. Вильгу*, уничтоживъ за собою всѣ мосты. Кн. Лопухинъ, упустивъ изъ виду Хржановскаго,

обратился съ вопросомъ въ главную квартиру: по какой дорогѣ двигаться за поляками, такъ какъ ему неизвѣстно по которой они отступали; въ этой неизвѣстности онъ оставался не только въ теченіи ночи, но и все 25-е число, такъ что Дибичъ не могъ узнать даже, въ какомъ направленіи находились главныя силы поляковъ. Такимъ образомъ, вопреки всѣмъ желаніямъ и расчетамъ Дибича, военныя дѣйствія задерживались, а между тѣмъ 26-го числа получено было отъ временнаго виленскаго генералъ-губернатора Храповицкаго новое неблагопріятное извѣстіе изъ Литвы.

14-го марта въ Вильнѣ открытъ обширный заговоръ и хотя онъ былъ уничтоженъ, но въ Россіенскомъ и Шавельскомъ уѣздахъ вооруженные бунтовщики распустили арестантовъ, разогнали въ Эйраголѣ рекрутъ и на виндавскихъ государственныхъ работахъ захватили четырехъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ убитъ. Бывшій въ Ковно съ л.-гв. конно-піонернымъ эскадрономъ полк. Бартоломей *) присоединилъ къ себѣ оставленныя тамъ на этапѣ двѣ роты гренадерскаго короля Прусскаго и двѣ роты 9-го егерскаго полковъ съ 4 ор. и двинулся для усмиренія возмутителей, но отрядъ его былъ слишкомъ слабъ. Дибичъ видѣлъ необходимость принятія нѣкоторыхъ особыхъ мѣръ. Гвардейскому корпусу указано было ограничиться защитою края между Наревомъ и Бугомъ и удержаніемъ въ повиновеніи Августовскаго воеводства; бригада 5-й пѣх. дивизіи, шедшая къ Остроленкѣ, и обѣ бригады 1-й уланской дивизіи направлены были къ Ковно, причемъ уланамъ предписано двигаться форсированнымъ маршемъ для скорѣйшаго соединенія съ пѣхотою; общее начальство надъ ними поручено кн. Хилкову. Онъ долженъ былъ рѣшительно дѣйствовать въ сѣверной части Виленской губерніи.

Въ главной арміи авангардъ усиленъ былъ Украинскимъ уланскимъ полкомъ; кн. Лопухинъ устраненъ отъ командованія имъ и замѣщенъ княземъ Горчаковымъ 3-мъ, которому приказано сдѣлать съ кавалеріею усиленную рекогносцировку на всемъ пространствѣ до р. Свидера, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно открыть расположеніе польской арміи. Гарволинъ уже былъ занятъ въ это время Новоархангельскимъ уланскимъ полкомъ, а Сточекъ—Лубенскимъ гусарскимъ. Кн. Горчаковъ съ 1-ю гусарскою дивизіею и Украинскимъ уланскимъ полкомъ ночью съ 26-го на 27-е марта подошелъ къ Лопаціанкѣ, а на разсвѣтѣ 27-го, опрокинувъ передовыя войска поляковъ,—къ Латовичамъ; высмотрѣвъ ихъ расположеніе, онъ полагалъ, что удобнѣе всего было-бы дѣйствовать на сообщенія непріятеля съ Прагою. Къ этому времени бар. Розенъ уже успѣлъ привести въ порядокъ свои войска и получить подкрѣпленія, а именно: 22-го марта къ нему прибыли Румянцевскій и Сибирскій полки (4 бат.) 3-й гренадерской дивизіи, остававшіеся въ Вильнѣ; потомъ два гусарскихъ полка (подъ начальствомъ Сиверса) 2-го корпуса; наконецъ 7-я пѣх. дивизія приближалась отъ Брестъ-Литовска. Поэтому Розенъ уже 24-го марта выслалъ генерала графа Тимана съ 5-ю эскадронами для открытія связи съ главною арміею чрезъ Луковъ, а самъ со 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи, съ Польскимъ и Волынскимъ уланскими полками и 8-ью орудіями двинулся къ Сѣрочину, гдѣ занялъ наблюдательную позицію и открылъ связь съ Горчаковымъ. Донесенія Розена вполнѣ согласовались съ таковыми-же Горчакова.

Польская армія къ 25-му марта занимала слѣдующее расположеніе: на оконечности лѣваго фланга, у *Лива* находился 20-й пѣх. полкъ и туда ожидался Уминскій; Лубенскій съ кавал. дивизіей и Роландъ съ бригадой (3-й и 7-й) дивизіи Гелгуда, составляли у *Бойме на р. Костржинъ лѣвое крыло*; двѣ бригады дивизіи Малаховскаго

*) Этотъ эскадронъ ожидалъ въ Ковно своихъ понтоновъ.

и Рыбинскаго (ветераны, 5-й егер., 2 и 6 лин. п.) съ большею частью кавалеріи составляли *центръ* расположенія и находились въ *Латовичахъ*; Ромарино (1-ой дивизіи Рыбинскаго) съ 1-мъ и 5-мъ пѣх. полками прикрывалъ правѣе важный пунктъ переправы у *Старогруда* (по дорогѣ изъ Парысова въ Шенницу); для подкрѣпленія его стояла въ *Шенницѣ* бригада дивизіи Гелгуда; 4-я дивизія Мюльберга, прибывшая въ это время изъ за Вислы, должна была служить въ Минскѣ и Калушинѣ общимъ резервомъ (220).

Получивъ необходимыя свѣдѣнія о непріятельскомъ расположеніи, Дибичъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для движенія арміи чрезъ Гарволинъ и Колбель. Розену предписано къ бывшей съ нимъ въ Сѣрочинѣ кавалеріи присоединить изъ Сѣдльце прибывшую туда 1-ю бригаду 3-й гренадерской дивизіи со своднымъ гренадерскимъ баталіономъ и 6-й егерскій полкъ съ частью артиллеріи. Онъ долженъ былъ уклоняться отъ столкновенія съ превосходными непріятельскими силами, а напротивъ, не удерживая ихъ наступательныхъ стремленій, увлекать за собою, содѣйствуя тѣмъ маневру главной нашей арміи.

Донесенія генералъ-интенданта и вынужденное движеніе Дибича къ Сѣдльце.

Въ то время какъ задумана была и близилась къ осуществленію эта рѣшительная операція, новое неблагопріятное обстоятельство снова, съ роковой послѣдовательностью, разрушило всѣ расчеты русскаго полководца. Обстоятельство это не было случайнымъ по существу, а составляло лишь естественный результатъ дурнаго устройства въ арміи продовольствія и перевозочныхъ средствъ. Неоднократное вредное вліяніе неудовлетворительно организованной административной части на ходъ операцій этой кампаніи составляетъ для насъ важный историческій урокъ и даетъ наглядный примѣръ необходимости той гармонической связи между различными элементами военнаго устройства и военнаго дѣла вообще, которою обусловливается успѣшное достиженіе важныхъ военныхъ цѣлей.

Главныя силы нашей арміи, при выступленіи къ Вепржу, имѣли довольствія на 12 дней, и этого запаса хватило-бы до утвержденія нашего на лѣвомъ берегу Вислы, если-бы переправа не была пріостановлена, хотя слѣдуетъ замѣтить, что съ отступленіемъ Розена и съ распространеніемъ непріятельскихъ отрядовъ до Гарволина и Желехова наша армія потеряла 65 провіантскихъ фуръ съ имѣвшимся на нихъ почти двухдневнымъ запасомъ продовольствія. Для пополненія запасовъ по случаю сосредоточенія арміи на р. Окржейкѣ, имѣлись только два средства: транспорты, ожидавшіеся къ Коцку, и реквизиціи. Что касается реквизицій, то, вслѣдствіе краткости времени, истощенія края и нерасположенія къ намъ жителей, онѣ успѣха не имѣли. Дибичъ разрѣшалъ производить покупки на наличныя деньги и возвысилъ тарифъ на всѣ предметы; но и эта мѣра оказалась недѣйствительною, такъ какъ весь излишекъ продуктовъ былъ частью уже скупленъ, а частью собранъ и тщательно скрывался въ монастыряхъ и у жителей. Такимъ образомъ вся надежда оставалась на транспорты, но, вслѣдствіе плохаго состоянія дорогъ, они тянулись еще далеко и ожидались въ Коцкѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Курьеры за курьерами скакали къ нимъ на встрѣчу, но, конечно, не могли ускорить ихъ движенія. Наконецъ, когда 27-го марта армія получила приказаніе выступить къ Желехову и диспозицію для движенія на 28-е къ Гарволину, генералъ-интендантъ арміи донесъ фельдмаршалу, что къ тому времени успѣла собраться въ Коцкѣ только одна рота подвижнаго магазина изъ 200 подводъ съ провіантомъ и 250 подводъ съ зерновымъ фуражемъ, а что остальные обозы

частью едва миновали Влодаву, большею-же частью тянулись еще за Бугомъ. Хотя графъ Толь настаивалъ на исполненіи предположеннаго наступленія, но корпусные командиры (Витъ, Паленъ, Шаховской) единогласно отвѣчали на вопросъ фельдмаршала, что, вслѣдствіе сильнаго истощенія края, особенно около Праги, безъ подвижныхъ магазиновъ нѣтъ никакой возможности продовольствовать войска въ сборѣ, хотя бы въ теченіи самаго непродолжительнаго времени. Тогда Дибичъ рѣшился, фланговымъ движеніемъ къ Лукову, сблизиться съ запасами въ Сѣдльце и Мендзыржецѣ и съ транспортами изъ Бреста и Дрогичина.

Армія немедля была раздвинута: первый корпусъ гр. Палена перешелъ къ Желехову, гренадеры остались при Вилежинѣ, гвардейскій отрядъ съ резервною артиллеріею отодвинутъ къ Рыкамъ, а резервная кавалерія гр. Витта переведена въ Држонговъ. На слѣдующій день, вмѣсто движенія къ Колбелю, всѣ эти войска получили назначеніе слѣдовать по направленію къ Лукову и Радзыну. Русская армія должна была 28-го марта двигаться четырьмя колоннами: а) корпусъ Палена изъ Желехова прямо на Луковъ; б) гренадеры Шаховскаго изъ Вилежина чрезъ Окржею и Радорышъ тоже на Луковъ; в) гвардейскій отрядъ съ боевымъ артиллерійскимъ резервомъ изъ Рыкъ, чрезъ Адамовъ на Уланъ, и г) 3-й резервный кавалерійскій корпусъ гр. Витта изъ Држонгова чрезъ Коцкъ къ Радзыну. Авангардъ долженъ былъ соображаться съ движеніемъ главныхъ силъ и чрезъ Сточекъ направиться на дорогу въ Луковъ. Въ этотъ день колонны достигли Осинъ, Радорыша, Войцешкова и Коцка и такимъ образомъ стали на дорогу, ведущую отъ шоссе чрезъ Сточекъ въ Коцкъ. Горчаковъ съ кавалеріей перешелъ вечеромъ къ Сточеку, а пѣхоту передвинулъ на ту-же дорогу въ Каменку. Такимъ образомъ авангардъ, 1-й и гренадерскій корпуса въ 3—4 часа могли сосредоточиться въ одномъ пунктѣ, а гвардейскій отрядъ, резервная артиллерія и кавалерія могли быстро подойти къ нимъ по хорошей дорогѣ. Отрядъ Герштенцвейга оставался по прежнему на Вислѣ въ Модржицѣ и Тырчинѣ, а для прикрытія его со стороны шоссе и связи съ арміею, оставленъ былъ въ Желеховѣ, прибывшій туда наканунѣ изъ Сѣдльце, гр. Тиманъ съ 5-ю эскадронами кавалеріи ([221]).

Планъ Прондзинскаго для новой атаки Розена.—Движеніе русскихъ къ Сѣдльце и поляковъ къ Игане.

Въ то самое время, когда русская армія приступила къ исполненію вышеуказаннаго фланговаго передвиженія, Прондзинскій, чтобы побудить Скржинецкаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, отказавшись отъ предложеннаго имъ плана, настойчиво развивалъ предложеніе Солтыка заключавшееся въ томъ, чтобы двинуться на Сѣдльце и добить корпусъ Розена ([222]). Прондзинскій предлагалъ воспользоваться позиціей у Латовиче, чтобы еще разъ нанести ударъ Розену, обойдя, чрезъ Водыне, выдвинутый имъ къ Костржину авангардъ, и овладѣть Сѣдльце съ его магазинами, парками и госпиталями. При успѣхѣ можно было продвинуться къ Бресту и, отрѣзавъ Дибича отъ гвардіи и сообщеній, идущихъ съ сѣвера, принудить русскую армію къ отступленію за Бугъ. Скржинецкій согласился, наконецъ, приступить къ исполненію этого плана.

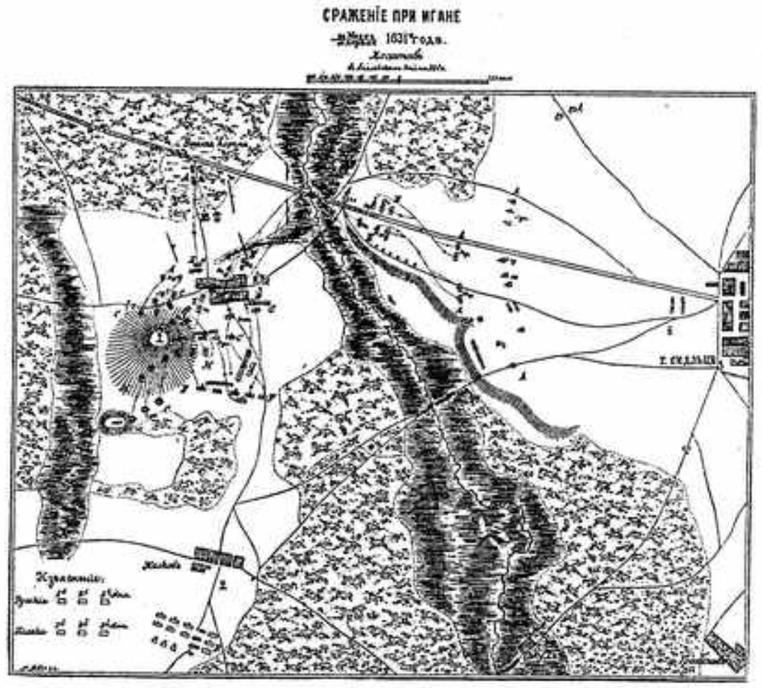
Предполагалось атаковать Розена одновременно съ трехъ сторонъ, прежде чѣмъ онъ получитъ подкрѣпленіе изъ главной арміи, а именно: съ фронта, отъ Бойме, должны были вести атаку находившіяся тамъ пѣхота и артиллерія Лубенскаго; слѣва, чрезъ Суху,—кавалерійская дивизія Лубенскаго, для чего она должна была сосредоточиться рано утромъ 29-го у Сухи, гдѣ имѣлся бродъ, и перейти его при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ или же какъ только русскіе очистятъ Костржинъ, а затѣмъ поспѣшно наступать къ шоссе, двигаться на выстрѣлы и стараться отрѣзать путь войскамъ, идущимъ отъ Костржина къ переправамъ у Игане, Ходова и Мокободъ. Общее управленіе корпусомъ Лубенскаго взялъ на себя Скржинецкій; главный ударъ, справа, возлагался на Прондзинскаго. Для этой послѣдней атаки сформированъ былъ отрядъ изъ отборныхъ польскихъ войскъ, а именно: изъ бригадъ Богуславскаго и Ромарино (4-й и 8-й, 1-й и 5-й пѣхотные полки), шести эскадроновъ, подъ начальствомъ Кицкаго (2-й уланскій полкъ и 2 эскадрона 1-го полка мазуровъ), 6-ти пѣшихъ и 10-ти конныхъ орудій, подъ начальствомъ маіора Бема, всего около 10.000 чел. Для демонстраціи и отвлеченія вниманія русскихъ Хржановскій съ кавалерійской дивизіей Скаржинскаго (3-й и 4-й улан., 2-й конно-егерск. полки и карабинеры) и 4-мя баталіонами пѣхоты, за которыми еще находились 6 баталіоновъ, подъ начальствомъ Малаховскаго, и 8 орудій должны были выступить къ Сѣрочину, противъ авангарда главной русской арміи, какъ бы для его атаки и вмѣстѣ для прикрытія Прондзинскаго, впереди котораго и двигался этотъ отрядъ на Іерузалемъ, Сточекъ и Сѣрочинъ. Въ то же время Рыбинскій, остававшійся въ Латовиче, долженъ былъ произвести демонстрацію противъ фельдмаршала, перейдя черезъ Свидеръ ([223]). Движеніе польской арміи началось 28 марта, т. е. въ тотъ-же день какъ и фланговое передвиженіе русской арміи, и такимъ образомъ обѣ стороны двигались параллельно одна другой, исполняя одновременно фланговый маршъ. Русскіе замѣтили длинную польскую колонну, тянувшуюся 28-го марта чрезъ Іерузалемъ на Водыне, но цѣли этого передвиженія не могли себѣ уяснить. Такъ какъ при движеніи авангарда Горчакова къ Сточеку и Ружѣ Розенъ не могъ уже оставаться съ кавалеріею въ Сѣрочинѣ, то Дибичъ поручилъ ему оставить въ Сточекѣ часть конницы, до прибытія туда Горчакова, а самому отойти къ Сѣдльце, возвратя туда и 1-ю бригаду 3-й гренадерской дивизіи съ 6-мъ егерскимъ полкомъ, которые прежде приказано было ему притянуть къ себѣ. Вслѣдствіе этого Розенъ 28-го марта вечеромъ возвратилъ пѣхоту отъ Ружи въ Доманице, а послѣ полудня туда-же отправилъ артиллерію съ частью кавалеріи, оставя въ Сѣрочинѣ, для прикрытія своего движенія, генерала Сиверса съ Елисаветградскимъ и Иркутскимъ гусарскими и Польскимъ уланскимъ полками. Около полуночи Сиверсъ перешелъ въ Точискъ. Въ 4 часа по полуночи Розенъ отправилъ изъ Доманице въ Сѣдльце всю пѣхоту съ артиллеріей и 3-мя эскадронами уланъ, а кавалерію оставилъ у Доманице до прибытія туда Сиверса (который подошелъ съ разсвѣтомъ).

На другой день, 29-го числа, когда главныя силы русской арміи шли къ Лукову, Улану и Раджину, поляки продолжали наступленіе своимъ правымъ флангомъ. Прондзинскій изъ Водыне (гдѣ почевалъ) двигался на Доманице, а Хржановскій подавался чрезъ Сѣрочинъ къ Ружѣ, но близость кавалеріи русскаго авангарда, ночевавшаго у Сточека, заставила Хржановскаго двигаться медленно и Горчаковъ успѣлъ предупредить поляковъ у Ружи и заслонить луковскую дорогу. Пѣхота авангарда, слѣдовавшая изъ Каменки на одной высотѣ съ колонною гр. Палена, перешла въ Домбе. Прондзинскій, подходя къ Доманице и видя тамъ русскихъ, направилъ противъ Сиверса 4 эскадрона Мицельскаго (2-го улан. полка) и 2 конныхъ орудія. Завязался упорный бой, въ которомъ русскіе страдали, не имѣя при себѣ артиллеріи. Наконецъ, приближеніе польской пѣхоты заставило русскихъ отступить ([224]). Сиверсъ медленно въ полномъ порядкѣ сталъ отходить на Сѣдльце, гдѣ, за отсутствіемъ Розена, командовалъ войсками Гейсмаръ. По полученіи извѣстій о движеніи поляковъ Дибичъ писалъ Розену, чтобы онъ по возможности держался передъ Сѣдльце на р. Мухавцѣ и предупреждалъ его, что на другой день во всякомъ случаѣ атакуетъ поляковъ всѣми силами со сто-

роны Лукова. Кн. Горчакову приказано оставить въ Домбе только полкъ пѣхоты и полкъ кавалеріи, а со всѣми остальными частями авангарда выдвинуться на дорогу къ Сѣдльце въ Біарды.

Сраженіе у Игане.

Между тѣмъ у Игане, недалеко отъ Сѣдльце, уже шелъ ожесточенный бой. Городъ Сѣдльце лежитъ на открытой мѣстности и со стороны Варшавы прикрытъ рѣчкой Мухавцемъ, протекающемъ верстахъ въ трехъ отъ города. Противоположный берегъ рѣчки, обращенный къ Варшавѣ, лѣсистъ. На немъ, въ виду города и почти въ верстѣ южнѣе шоссе, находится с. Игане, а еще въ двухъ верстахъ далѣе лежитъ д. Желковъ, чрезъ которую проходитъ дорога изъ Сѣрочина. Кромѣ шоссе и Сѣрочинской дороги, на которыхъ устроены гребли и мосты, другихъ переправъ вблизи города не имѣется, такъ какъ берега рѣки вязки и болотисты. Такимъ образомъ позиція у Игане, прикрывающая Сѣдльце, обладала значительной оборонительной силой, будучи прикрыта болотистой рѣкой съ удобной переправой только на шоссе, гдѣ имѣлся мостъ и длинная плотина. Удержаніе этой позиціи имѣло важное значеніе для Гейсмара, такъ какъ необходимо было дать время отойти за рѣчку авангарду, подъ начальствомъ ген. Фези оставленномуРозеномъ при отступленіи у Ягодне на Костржинѣ, въ 19-ти верстахъ отъ Сѣдльце, и состоявшему изъ 25-й пѣх. дивизіи съ двумя егерскими полками 24-й дивизіи и Литовскаго уланскаго полка, всего около 6 т. челов. *). Гейсмаръ расположилъ на позиціи находившіяся въ его распоряженіи войска слѣдующимъ образомъ. Прибывшая наканунѣ, т. е. 28-го числа, егерская бригада (4 бат.) 7-й пѣхотной дивизіи составляла правый флангъ и обороняла мостъ на шоссе; влѣво, на возвышенномъ берегу рѣки, заняли позицію 28 орудій; три слабые полка 24-й пѣх. дивизіи: Виленскій, Брестскій и Бѣлостокскій стояли лѣвѣе, вверхъ по рѣчкѣ, причемъ послѣдній изъ нихъ охранялъ переправу на Сѣрочинской дорогѣ. Съ прибытіемъ Розена, 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, 2 эск. гусаръ и 4 эск. конныхъ егерей составили вторую линію, а 6-й егерскій полкъ занялъ Сѣдльце; всего около 11 т. чел. Парки, излишнія орудія (25), больные и госпитали были высланы назадъ по Брестской дорогѣ съ приказаніемъ въ случаѣ занятія не-



*) См. приложеніе X.

пріятелемъ Сѣдльце, взорвать парки на воздухъ. Авангарду Фези послано приказаніе по возможности ускорить движеніе. Едва были окончены эти распоряженія, какъ показался Сиверсъ, сильно тѣснимый Пронздзинскимъ. Въ подкрѣпленіе нашей кавалеріи выслано было 2 конныхъ орудія; для обезпеченія-же отступленія авангарда Фези, который еще не показывался, Розенъ приказалъ баталіону 14-го егерскаго полка съ 2 ор. занять д. Игане, а Сиверсу, опираясь на этотъ пунктъ, — удерживать наступленіе Пронздзинскаго. Сиверсъ сталъ между Игане и холмомъ съ вѣтряной мельницей. Ничего не зная о расположеніи русскихъ и опасаясь за свой тылъ и фланги, Пронздзинскій оставилъ три баталіона 4-го полка съ 2-мя орудіями и однимъ эскадрономъ у Голомбека на половинѣ дороги отъ Доманице, а одинъ баталіонъ съ эскадрономъ выдвинулъ вправо къ Мухавцу для наблюденія брода, по которому опасался быть обойденнымъ. Ослабивъ такимъ образомъ себя безъ нужды передъ самымъ боемъ (въ чемъ самъ сознается), Пронздзинскій появился у Желкова съ 9 батал., 4-мя эскадронами и 14 орудіями, всего около 7 т. чел. Остановивъ въ кустарникѣ свои войска, Пронздзинскій устроилъ ихъ и далъ отдыхъ, а самъ съ Кицкимъ и др. выѣхалъ впередъ на рекогносцировку. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, причемъ Кицкій совѣтовалъ отступить, Пронздзинскій, замѣтивъ позади фронта русскихъ длинный рядъ отступавшихъ повозокъ, орудій и частей войскъ, рѣшился, наконецъ, повести атаку. Оставленный позади 4-й пѣх. полкъ получилъ приказаніе присоединиться къ отряду и стать въ резервѣ. Опасаясь, чтобы лѣвый флангъ не былъ окруженъ многочисленною русской кавалеріею, и желая выдвиженіемъ праваго фланга отрѣзать ей единственный путь отступленія по плотинѣ, Пронздзинскій рѣшился атаковать правымъ флангомъ, чтобы отрѣзать путь отступленія русскимъ, а свой лѣвый флангъ держать уступомъ назади, примкнулъ его къ небольшому холму, выдающемуся изъ кустарника, и построилъ пѣхоту въ каре уступами, а на холмъ выдвинулъ 4 пѣшія орудія. Бемъ съ 10-ю конными орудіями, подъ прикрытіемъ кавалеріи Кицкаго, выдвинулся впередъ и въ 3 часа пополудни началось наступленіе съ пальбою. Стоявшій въ центрѣ 5-й пѣх. полкъ двигался уступами впередъ въ каре, а 8 полкъ, образовавшій правый флангъ, — въ баталіонныхъ колоннахъ со стрѣлками впереди, направляясь прямо на Игане; 4-й полкъ назначался по его прибытіи въ резервъ праваго фланга. Не смотря на сильный фланговый огонь русской артиллеріи съ противоположнаго берега Мухавца, поляки храбро достигли Игане, овладѣли частью домовъ въ восточной части селенія и двумя орудіями, увязшими въ болотѣ. Нѣсколько атакъ Елисаветградскаго гусарскаго полка опрокинули польскихъ уланъ и задержали польскія каре лѣваго фланга, но такъ какъ войскъ Фези еще не было видно и необходимо было удерживать за собою плотину, то приказано было остальнымъ 3-мъ баталіонамъ 13-го и 14-го егерскихъ полковъ перейти черезъ рѣчку по мосту и отбить у непріятеля Игане. Храбрые егеря („варшскіе львы“), гордые блистательной славой, пріобрѣтенной ими въ недавно-оконченной турецкой войнѣ, прошли чрезъ дефиле узкимъ фронтомъ, обратились влѣво и съ ружьями на перевѣсъ устремились на Игане; ворвавшись въ селеніе, они неустрашимо атаковали 8-й польскій полкъ, выбросили его въ безпорядкѣ изъ пылавшаго селенія и отбили два взятыхъ поляками орудія; но вмѣсто того, чтобы ограничиться оборону, они, увлеченные пыломъ своей атаки, бросились преслѣдовать непріятеля, притомъ въ той-же глубокой походной колоннѣ, въ которой перешли плотину. Однако правый флангъ поляковъ очутился въ полномъ безпорядкѣ, а Бемъ объявилъ, что онъ разстрѣлялъ свои снаряды. Пронздзинскій быстро оцѣнилъ положеніе дѣлъ и рѣшился немедленно воспользоваться ошибкою зарвавшихся храбрецовъ. Онъ приказалъ Кицкому въ возможномъ порядкѣ отвести правое крыло назадъ,

а самъ поспѣшилъ къ своему лѣвому флангу, перестроилъ его изъ каре въ баталіонныя колонны и, ставъ во главѣ войскъ, повелъ ихъ въ атаку противъ праваго нашего фланга. Между тѣмъ бывшіе въ головѣ авангарда Фези Волынскій и Минскій полки (всего числительностью около 1.000 чел.) прибыли къ Игане и получили приказаніе занять высоты вправо отъ селенія; кавалерія Сиверса стала отступать, чтобы успѣть своевременно пройти дефиле. Въ это именно время Прондзинскій произвелъ наступленіе. Ромарино съ 1-мъ пѣх. полкомъ долженъ былъ овладѣть упорно защищаемою мызою на западной оконечности Игане, а Прондзинскій провелъ чрезъ селеніе, бѣгомъ, 5-й пѣх. полкъ прямо къ плотинѣ. Егеря 13-го и 14-го полковъ, замѣтя угрожавшую имъ опасность, пріостановили преслѣдованіе и повернули назадъ, но Прондзинскій успѣлъ опередить ихъ и занялъ плотину. Тогда на этомъ пунктѣ завязался упорный ожесточенный бой штыками и прикладами; ружейный и пушечный огонь совершенно прекратился. Храбрые егеря, хотя съ большими потерями, все-таки пробились, причемъ командиръ 13-го полка полковникъ Безсоновъ былъ поднятъ поляками на штыки. Фези пытался тоже сдѣлать съ Волынскимъ и Минскимъ полками, но это удалось только небольшой ихъ части,—остальные были или разсѣяны, или взяты въ плѣнъ. Изъ прочихъ полковъ авангарда Житомірскій и Подольскій полки успѣли перейти мостъ еще съ кавалеріей Сиверса, а 47-й и 48-й егерскіе и Литовскій уланскій полки, подойдя позже и замѣтя, что плотина въ рукахъ непріятеля, обратились влѣво и переправились чрезъ Мухавецъ частью по мосту у Ходова, частью въ бродъ. Поляки взяли у насъ знамя (Волынскаго полка) и одно орудіе, у котораго сломалась ось. Попытка сдѣланная непріятелемъ овладѣть мостомъ была отбита съ урономъ и сраженіе окончилось въ 7 ч. вечера. Вся потеря наша превосходила 3.000; поляки понесли меньшій уронъ, такъ какъ не имѣли плѣнныхъ. Только поздно вечеромъ появился со стороны Сухи Стрыенскій съ кавалерійскою бригадою, а затѣмъ и самъ Скржинецкій. Несвоевременность этого появленія объясняется слѣдующимъ. Скржинецкій, выѣхавъ изъ Латовичей не ночью, а только утромъ 29 марта, прибылъ къ корпусу Лубенскаго, ожидавшему его подъ ружьемъ; не выходя изъ кареты, онъ сталъ жаловаться на утомленіе и немедленно отправился въ близь лежавшее позади селеніе, гдѣ позавтракалъ и легъ отдыхать. Громъ выстрѣловъ у Игане хорошо былъ слышенъ у Лубенскаго, который послалъ наконецъ извѣстіе о томъ Скржинецкому. Только тогда явился главнокомандующій и приказалъ исправлять мостъ; кавалерія-же всетаки не была собрана у брода Сухи и только впослѣдствіи Скржинецкій приказалъ Стрыенскому поспѣшно двинуться къ Сухѣ, но не далъ ему инструкціи, а потому переправившись въ бродъ и встрѣтивъ русскую кавалерію, Стрыенскій не зналъ, что ему дѣлать и послалъ за приказаніями. Въ этомъ бездѣйствіи и прошло время.

Между тѣмъ русскія войска заняли позицію за Мухавцемъ и готовы были отразить нападеніе. Атаковать вечеромъ Сѣдльце, съ утомленными войсками, Скржинецкій не рѣшался, а на слѣдующее утро могъ подойти самъ фельдмаршалъ; такимъ образомъ отрѣзать авангардъ Фези не удалось и весь планъ, столь удачно задуманный, не принесъ полякамъ ощутительныхъ результатовъ. Скржинецкій на слѣдующее утро отвелъ свои войска въ Калушинъ, а потомъ въ Цегловъ, но затѣмъ снова выслалъ къ Костржину часть войскъ, куда 31 марта подошелъ и русскій авангардъ. Хржановскій и Скаржинскій отступили отъ Ружи къ Куфлеву. Послѣ этихъ операцій въ польской арміи появилась холера, далеко впрочемъ не свирѣпствовавшая такъ опустошительно у нихъ какъ въ нашей арміи ([225]).

Обращаясь къ оцѣнкѣ сраженія при Игане, нельзя не замѣтить, что Прондзинскій, не смотря на первоначальныя колебанія, дѣйствовалъ затѣмъ съ большою смѣлостью и искусствомъ; обстановка боя была имъ угадана съ замѣчательною проницательностью и онъ воспользовался всѣми благопріятными для поляковъ обстоятельствами съ быстротой и энергіей, видоизмѣнивъ, въ зависимости отъ хода боя, предварительно составленный планъ атаки. Если сраженіе не дало ощутительныхъ результатовъ, а въ стратегическомъ отношеніи не имѣло никакого значенія, то отвѣтственнымъ за это является Скржинецкій, дѣйствія котораго въ этотъ день внѣ критики. При изслѣдованіи операцій нашихъ войскъ представляется вопросъ, почему Гейсмаръ, а затѣмъ Розенъ сразу не заняли с. Игане и прилежащія высоты достаточнымъ числомъ войскъ; почему авангардъ Фези не былъ направленъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга и почему, наконецъ, въ бой введена была только часть отряда, а остальная бездѣйствовала въ резервѣ? Пылкій Гейсмаръ имѣлъ въ виду дѣйствовать болѣе рѣшительно, но бар. Розенъ воспротивился этому по слѣдующимъ соображеніямъ: а) извѣстно было, что подъ начальствомъ Прондзинскаго сражалась только часть войскъ; главныя-же силы должны были подойти со Скржинецкимъ. При такихъ условіяхъ дѣйствовать съ слабѣйшими силами наступательно, имѣя въ тылу дефиле, было-бы неблагоразумно; б) вся задача боя при Игане сводилась къ обезпеченію пути отступленія авангарду Фези; общая-же цѣль дѣйствій Розена состояла въ пассивной оборонѣ позиціи у р. Мухавца противъ непріятельской арміи, съ цѣлью защиты Сѣдльце, куда направлялся фельдмаршалъ съ главными силами; эти задачи и разрѣшились принятыми мѣрами; в) поляки могли на слѣдующій день произвести покушеніе всѣми своими силами; у Розена-же осталась нетронутой только гренадерская бригада съ частью кавалеріи, которыми онъ не могъ рисковать для второстепенныхъ цѣлей.

Въ день сраженія при Игане, 29 марта, Дибичъ прибылъ съ главными силами въ Луковъ. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ волновалъ его самыми тревожными ожиданіями, грозя возможностью потерять Сѣдльце, имѣвшее столь важное для русской арміи значеніе. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ атаковать поляковъ, если-бы они даже заняли Сѣдльце, и отнять обратно городъ. 30-го марта въ 4 часу по полуночи выступила наша армія изъ Лукова, имѣя за авангардомъ весь 1-й корпусъ, за нимъ гренадеровъ и далѣе гв. отрядъ съ боевымъ артиллерійскимъ резервомъ. Гр. Виттъ съ резервною кавалеріею двигался позади и долженъ былъ на походѣ обогнать резервную артиллерію. Не доходя Сѣдльце, на высотѣ Вишнева, Дибичъ остановилъ армію, чтобы дать ей отдыхъ и разузнать о положеніи дѣлъ. Къ величайшему удовольствію онъ получилъ свѣдѣніе, что Сѣдльце во власти Розена, а непріятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ; онъ тотчасъ-же выслалъ за противникомъ отъ главныхъ силъ кн. Горчакова по Сѣрочинской дорогѣ на Скружечъ, а отъ корпуса Розена—Гейсмара по шоссе; но поляки, отступивъ за Костржинъ, уничтожили за собою всѣ мосты и преслѣдованіе было пріостановлено. Успокоенный на счетъ общаго положенія дѣлъ, Дибичъ остановился на ночлегѣ въ Бялкѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Сѣдльце, и вступилъ въ городъ только утромъ 31 марта.

Между тѣмъ движеніе арміи отъ Лукова къ Сѣдльце окончательно отвлекло ее отъ Вислы, и фельдмаршалъ отдалъ, наконецъ (въ Луковѣ), приказаніе ген. Герштенцвейгу уничтожить мостъ и затопить суда, заготовленныя въ устьѣ Вепржа, а съ войсками отойти къ Коцку. Гр. Тиманъ съ конными егерями направленъ былъ изъ Желехова къ Лукову и долженъ былъ охранять движеніе Герштенцвейга.

Такъ рушилась операція задуманная фельдмаршаломъ. Главнѣйшими причинами неудачи предпріятія были: а) оставленіе корпуса Розена передъ Прагою и б) преждевременное возобновленіе дѣйствій. Розенъ былъ слишкомъ слабъ, не могъ удерживать

наступленія непріятельской арміи, а слѣдовательно ни прикрыть тыла главныхъ силъ, ни охранить Сѣдльце, а между тѣмъ выдѣленіе его, ослабивъ армію, подвергало этотъ корпусъ опасности отдѣльнаго пораженія, что на самомъ дѣлѣ и случилось. Конечно, если-бы бар. Розенъ, какъ предполагалъ Дибичъ, отошелъ 18-го числа къ Минску и Калушину, а авангардъ свой отодвинулъ къ Дембе-Вielьке и сосредоточился, то положеніе его было-бы гораздо менѣе опасно, нежели въ принятомъ имъ расположеніи, но тѣмъ не мѣнѣе Розену всетаки не осталось-бы вѣроятно ничего инаго, какъ отступить къ Сѣдльце. Городъ этотъ лежитъ въ трехъ переходахъ отъ Праги, и поляки, безъ всякаго опасенія за свой тылъ и фланги, могли имъ овладѣть, такъ какъ ни главныя силы нашей арміи, разбросанныя между Тырчиномъ, Пулавами и Коцкомъ, ни гв. корпусъ, занимавшій все пространство между Бугомъ и Наревомъ, не могли-бы воспрепятствовать въ этомъ Скржинецкому, если-бы онъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе. Фельдмаршалъ полагалъ, что Розенъ, отступая на Сѣдльце, встрѣтилъ-бы тамъ значительныя подкрѣпленія, съ помощью которыхъ могъ удержать городъ; но, во-первыхъ, подкрѣпленія опоздали, а, во-вторыхъ, всѣ шансы сраженія оставались на сторонѣ поляковъ, имѣвшихъ значительное превосходство въ силахъ. Столь невыгодныя стратегическія условія операціи переправы были отчасти естественнымъ слѣдствіемъ стѣсненія Дибича въ употребленіи гв. корпуса.—Слишкомъ раннее возобновленіе военныхъ дѣйствій, во время распутицы, послужило тоже въ пользу поляковъ. Крайне дурное состояніе путей замедлило всѣ наши дѣйствія, затруднило движеніе обозовъ и транспортовъ, которые не успѣли своевременно доставить арміи необходимые запасы. Самое разстройство 6-го корпуса могло быть меньшимъ, если-бы его артиллерія и обозы не вязли въ грязи, вызывая необходимость упорно держаться при Дембе-Вielьке, вмѣсто того чтобы съ относительно меньшими потерями отступать свободно на Минскъ, Калушинъ и далѣе. Возобновленіе военныхъ дѣйствій двумя недѣлями позже представляло для насъ весьма значительныя выгоды. Къ 1-му апрѣля подошли къ Сѣдльце три полка 2-й гусарской дивизіи, бригада 1-й уланской, 6 баталіоновъ гренадеръ, двѣ бригады 7-й пѣх. дивизіи и подходила остальная бригада этой дивизіи; вмѣстѣ съ находившимися тамъ 6-мъ егерскимъ и Татарскимъ уланскимъ полками, войска эти составили-бы корпусъ въ 20 батал., 34 эск. и болѣе 50 ор., или до 20 тысячъ штыковъ и сабель. Въ первыхъ числахъ апрѣля и транспорты шедшіе къ Коцку стали тамъ собираться.

Что касается непріятельской стороны, то бездѣйствіе поляковъ объясняется личными свойствами ихъ главнокомандующаго. Скржиницкій, быстро возвысясь изъ полковыхъ командировъ въ начальника дивизіи, внезапно затѣмъ очутился во главѣ арміи; не обладая природными стратегическими дарованіями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ никакого навыка въ предводительствѣ значительными массами войскъ, а потому, получивъ въ командованіе армію, не зналъ что съ нею дѣлать. Если онъ и способенъ былъ усвоивать въ кабинетѣ совѣты и планы Пронздинскаго, то исполненіе ихъ было уже выше его средствъ: сложность управленія дѣйствіями арміи и необходимость при этомъ сообразоваться съ быстро мѣняющимися условіями обстановки, которыя, въ военное время, приходится еще угадывать, запутали его съ самаго-же начала. Самая даже легкость одержаннаго имъ перваго успѣха могла этому способствовать: приступивъ къ дѣлу совершенно для него новому, и важность котораго онъ, конечно, понималъ, Скржинецкій устремилъ всѣ способности своего ума на начало предпріятія, а затѣмъ уже не въ состояніи былъ обнять всего разнообразія неизбѣжно вытекавшихъ послѣдствій и немедленно соображать съ ними дальнѣйшія дѣйствія. Отсюда и крайняя его нерѣшительность ([226]).

ГЛАВА VI.

Возстаніе въ Литвѣ. Дѣйствія на флангахъ: а) Угрюмова противъ Уминскаго; б) Крейца противъ Сѣравскаго и в) Ридигера противъ Дверницкаго.

Возстаніе въ Литвѣ.

Нерѣшительность удара, нанесеннаго полякамъ подъ Прагою *), и вынужденная необходимость тогда-же пріостановить военныя дѣйствія несомнѣнно произвели невыгодное для насъ впечатлѣніе на умы поляковъ, какъ въ предѣлахъ Царства, такъ въ Литвѣ и на Волыни; тѣмъ не менѣе опасеніе быстраго окончанія кампаніи съ наступленіемъ весны сдерживало многихъ отъ прямаго участія въ возстаніи; но когда Скржинецкому удалось нанести рядъ ударовъ корпусу Розена, а затѣмъ когда фельдмаршалъ вынужденъ былъ отказаться отъ переправы, то надеждамъ поляковъ повидимому ужъ не было предѣловъ; полагая свое дѣло выиграннымъ, каждый изъ нихъ старался принять дѣятельное участіе въ возстановленіи отечества. Вся Польша стала уже противъ насъ, заволновалась шляхта отдаленной Подоліи и Волыни, Литва была охвачена мятежемъ. Крестьяне обольщенные разными обѣщаніями, отягощенные разнородными, трудноисполнимыми въ распутицу повинностями для арміи и рекрутскимъ наборомъ, нерѣдко противъ своей воли пополняли ряды бандъ, образованные буйной шляхтой, дворней, разными экономами, коммиссарами и т. п. Кромѣ того развитію мятежа содѣйствовала ошибка мѣстной администраціи, которая не поняла значенія мятежа, не предпявъ никакихъ предусмотрительныхъ мѣръ, сразу обратилась къ строгости, видя въ ней одно спасеніе и не вводя соотвѣтствующаго управленія въ уѣздахъ. Между тѣмъ еще съ ноября 1830 года все готовилось къ мятежу; въ Виленской и Минской губерніяхъ уже въ январѣ и февралѣ 1831 г. дѣйствовали тайные революціенные агенты, подготовлявшіе умы, собиравшіе оружіе и пр. Всѣ собранныя банды не могли-бы достигнуть цѣли, если-бы мятежники, пользуясь совершеннымъ безначаліемъ въ управленіи областей, не образовали прочнаго управленія въ уѣздахъ. Вслѣдствіе этого всѣ жители были вынуждены болѣе или менѣе содѣйствовать мятежу и никакое приказаніе революціоперовъ не оставалось безъ исполненія. Наши-же начальствующія лица не обратили вниманія, что сила мятежниковъ заключалась въ гражданскомъ управленіи и что необходимо было по мѣрѣ движенія войска, разрушить ихъ управленія и учреждать соотвѣтствующія временныя правительства, поддержанныя вооруженной силой, не раз-

*) См. карту театра войны.

дражал мнѣній самоуправствомъ. Многочисленные отряды, посланные въ Литву, не только не принесли никакой пользы, но, слѣдуя за бандами, уступавшими силѣ и повсюду вновь соединявшимися, возбуждали въ нихъ лишь пущее самомнѣніе. Военное-же начальство, вслѣдствіе отсутствія системы въ управленіи, брало по своему произволу, безъ ближняго разбора виновности, многихъ лицъ, отсылало ихъ къ главному гражданскому управленію, которое наполняло губернскіе города множествомъ арестантовъ, томя ихъ многіе мѣсяцы въ заточеніи ([227]). Бунтъ, обнаружившійся въ Россіенахъ и Шавляхъ, быстро разлился по всей Виленской губерніи, проникъ въ Гродненскую и даже Минскую губернію. Главное вниманіе фельдмаршала было обращено на Литву, такъ какъ Кіевская, Волынская и Подольская губерніи были заняты войсками 1-й арміи, имѣвшей на р. Стыри корпусъ Ридигера, который, вмѣстѣ съ резервными баталіонами 25-й дивизіи, вполнѣ могъ противодѣйствовать вторженію Дверницкаго. Къ тому-же народонаселеніе этихъ губерній состоитъ главнымъ образомъ изъ коренныхъ русскихъ. Напротивъ литовскія губерніи, какъ принадлежавшія къ раіону дѣйствующей арміи, не могли быть вскорѣ заняты никакими другими войсками и по составу народонаселенія были гораздо менѣе надежными. По этому, кромѣ направленныхъ уже чрезъ Ковно въ сѣверную часть Виленской губерніи войскъ 1-й уланской и части 5-й пѣх. дивизіи *) и бригады этой дивизіи, находившейся въ Вильнѣ, немедленно были двинуты въ Литву всѣ остальныя войска 2-го пѣх. корпуса, не успѣвшія присоединиться къ арміи. 10-й егерскій полкъ, выдвинутый передъ тѣмъ въ Ломжу, возвращенъ въ Гродно; 1-я и 2-я бригады 6-й пѣх. дивизіи остановлены въ Бѣлостокѣ и Слонимѣ, а егерская бригада направлена въ Вильну на соединеніе съ бывшею тамъ бригадою 5-й пѣх. дивизіи. Изъ кавалеріи двинуты въ Литву: гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда полкъ, содержавшій этапы между Брестомъ и Пружанами (оставлено лишь по взводу отъ эскадрона) и шедшіе къ арміи: Сборно-линейный и Тептярскій казачьи полки. Въ Минскѣ (губернскомъ) оставленъ былъ гарнизономъ баталіонъ Архангелогородскаго полка съ 2-мя орудіями. Гвардейскому корпусу предписывалось ограничиться оборономъ Нарева и посылать часть войскъ для подавленія возстанія въ Августовскомъ воеводствѣ.

Въ Литвѣ собственно до половины марта сохранялось наружное спокойствіе; но когда ходъ дѣлъ въ главной арміи принялъ невыгодное для насъ направленіе, а Литва оказалась весьма слабо занятою войсками, тогда заговорщики рѣшились дѣйствовать открыто. Въ Вильнѣ тогда находилась лишь бригада 5-й пѣхотной дивизіи (2-го корпуса) силою около 3200 человѣкъ; гарнизоны-же въ прочихъ городахъ были ничтожны и состояли преимущественно изъ инвалидныхъ командъ. Не смотря на просьбы энергическаго военнаго губернатора Храповицкаго о присылкѣ помощи, Дибичъ помогъ ему немногимъ, считая съ одной стороны его опасенія преувеличенными, а съ другой полагалъ, что Храповицкій найдетъ поддержку въ тѣхъ частяхъ 2-го корпуса, которыя должны были къ тому времени проходить чрезъ Литву. Между тѣмъ въ половинѣ марта назначены были русскимъ правительствомъ, по всей Литвѣ, рекрутскій наборъ и налогъ хлѣба и фуража для арміи. Революціонеры положили воспользоваться этими обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей и прежде всего поднять Самогитію. 14-го марта многочисленныя банды вооруженныхъ дворянъ и крестьянъ съ трехъ сторонъ напали

*) 1-я уланская дивизія отъ Нура шла въ Самогитію форсированными маршами въ двухъ колоннахъ: одна бригада должна была направиться чрезъ Августовское воеводство, а другая чрезъ Бѣлостокъ, Гродно, Меречь, Олиту. 2-я бригада 5-й пѣх. дивизіи слѣдовала къ арміи чрезъ Августовское воеводство, но получила приказаніе немедленно обратиться къ Ковно и дѣйствовать противъ инсургентовъ вмѣстѣ съ отрядомъ полковн. Бартоломея.

на Россіены, заняли этотъ городъ, обезоружили находившихся тамъ 60 инвалидовъ, захватили казну и провозгласили независимость Литвы. Примѣръ Россіенъ нашелъ подражателей въ другихъ мѣстностяхъ Жмуди, а вскорѣ возстаніе начало распространятся изъ уѣзда въ уѣздъ пока, наконецъ, охватило всю Литву. Вездѣ рекруты и арестанты освобождались, русскихъ чиновниковъ брали въ плѣнъ, нѣкоторыхъ умерщвляли, казну, оружіе захватывали; появились трехцвѣтныя кокарды, прокламаціи и т. п. Опредѣлено было, чтобы каждые два дыма выставили по одному конному ратнику. Въ Ворнѣ устроенъ былъ оружейный заводъ; мастеровые энергически работали, приготовляя одежду и снаряженіе; близость Пруссіи облегчала пріобрѣтеніе пороха, свинца и пр. За Россіенами поднялись, на слѣдующій день, Тельши, а днемъ позже Шавли. Когда въ Ковно прибыли первыя извѣстія о возстаніи въ Россіенахъ, рѣшено было принять тотчасъ энергическія мѣры. Съ этою цѣлью полковникъ Бартоломей, ожидавшій съ л. гв. конно-піонернымъ эскадрономъ понтоновъ, получилъ приказаніе выступить 16-го марта противъ инсургентовъ со своимъ эскадрономъ, 4-мя ротами и 4-мя орудіями, всего около 1200 чел. Въ тотъ-же день, избранный главнымъ предводителемъ І. Станевичъ (а Калиновскій начальникомъ кавалеріи) собралъ нѣсколько тысячъ чѣловѣкъ, въ томъ числѣ 800 вооруженныхъ ружьями, и двинулся къ Эйраголѣ на встрѣчу Бартоломею; но 18-го марта былъ тамъ разбитъ на голову и едва спасся съ нѣсколькими кавалеристами; часть его отряда разбѣжалась, часть-же отступила въ разныхъ направленіяхъ, на Юрбугъ, Нѣмокшты, Выдуклы и Цытовяны, распространяя повсюду возстаніе и возбуждая всѣхъ къ войнѣ. Бартоломей занялъ Россіены. Между тѣмъ тельшинскіе инсургенты пустились вдоль по границѣ къ Полангену, прогоняя слабые отряды таможенныхъ солдатъ и казаковъ, которые, вмѣстѣ съ русскими властями, должны были спасаться въ Пруссію. Особенное вниманіе революціонеровъ направлено было на Полангенъ, гдѣ они надѣялись открыть связи моремъ со своими внѣшними друзьями. Мѣстечко это было защищаемо храбрымъ капитаномъ Бушеномъ съ небольшимъ отрядомъ пограничной стражи. Хотя однажды, а именно 24-го ноября, дѣйствовавшимъ въ окрестностяхъ, превосходнымъ числомъ, инсургентамъ удалось овладѣть Полангеномъ, но тотчасъ они были оттуда выбиты. Въ тоже время, вслѣдствіе слабаго занятія нашими войсками прибалтійскихъ губерній *), курляндское дворянство, граждане Либавы и Митавы и часть рижской городской гвардіи, извѣстныя подъ названіемъ „черныхъ головъ“, вооружились противъ литовцевъ. Фортмейстеръ Мантейфель сформировалъ изъ лѣсничихъ отрядъ въ 500 стрѣлковъ, съ которыми защищалъ предѣлы Курляндіи. 28-го марта выступили изъ Поневѣжа на помощь Вилькомірскому уѣзду около 2200 чел., чтобы атаковать ген. Безобразова, который находолся въ Вилькомирѣ съ кадрами 4-хъ рез. эскадроновъ, силою въ 2400 чел., для обученія 800 рекрутъ и 200 молодыхъ польскихъ дворянъ, поступившихъ на службу въ послѣдніе мѣсяцы; многіе изъ нихъ теперь перешли съ оружіемъ и полнымъ снаряженіемъ къ инсургентамъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, Безобразовъ только случайно избѣгъ опасности и пробрался въ Вильну, захвативъ въ плѣнъ одного изъ предводителей инсургентовъ (Лобановскаго), готовившаго, вмѣстѣ съ своими сотоварищами, засаду русскому отряду. Въ самой Вильнѣ, волнуемый безпрерывно дѣйствовавшимъ главнымъ комитетомъ, Храповицкій только своею рѣшительностью и казнью нѣсколькихъ заговорщиковъ (Лобановскаго, Кудревича) съ трудомъ сохранялъ наружную тишину.

*) Въ Курляндіи и Лифляндіи находилось всего 6 кадровыхъ баталіоновъ 4-й пѣхотной дивизіи, силою до 2400 человѣкъ; изъ нихъ 4-ре находилось въ Ригѣ и 2 въ Динабургѣ.

Выше уже упомянуто о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя были сдѣланы фельдмаршаломъ по полученія извѣстій о волненіяхъ въ Литвѣ. Войска, назначенныя для подавленія возмущенія въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, состояли: изъ 1-й уланской дивизіи, подъ начальствомъ кн. Хилкова ($3^1/_2$ т. сабель), и 5-й пѣх. дивизіи генер. Сулимы (10 тыс. челов.), 1-я бригада которой (Бѣлозерскій и Олонецкій полки) находилась въ Вильнѣ; 2-я—(Шлиссельбургскій и Ладожскій п.), подъ начальствомъ Малиновскаго, слѣдовала въ Самогитію, а 3-я—(9-й и 10-й егер. полки) занимала главнѣйшіе пункты страны, какъ-то: Гродно, Меречъ, Ковно. Къ этимъ войскамъ долженъ былъ присоединиться ген. Отрощенко съ 3-ею бригадою 6-й пѣх. дивизіи (11 и 12 егер. полки), направленный изъ Несвижа (куда онъ прибылъ) въ Вильну *), и нѣкоторыя кавалерійскія части. Со стороны Курляндіи также были приняты мѣры; губернія объявлена на военномъ положеніи, и разбросанные внутри имперіи резервные баталіоны 1-го, 2-го и 3-го пѣх. корпусовъ получили повелѣніе двинуться, при помощи подводъ, частью къ Двинѣ, частью къ Могилеву на Днѣпрѣ. До прибытія ихъ предписано начать немедленныя дѣйствія противъ инсургентовъ, со стороны Митавы и Динабурга, сводной бригадѣ 4-й пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ генерала Ширмана.

Нападеніе инсургентовъ на Ковно.

Между тѣмъ возстаніе не утихало и вспыхнуло въ Яновѣ, Ширвинтѣ, Нѣменчинѣ, Свѣнцянахъ, Видзахъ, Трокахъ и до самой Вильны; въ Гродненской и Минской губерніяхъ также появились признаки мятежа. Въ концѣ марта инсургенты рѣшились даже попробовать общими силами овладѣть важнымъ для нихъ г. Ковно. Къ Ковенскомъ уѣздѣ М. Прозоръ учредилъ революціонное правленіе въ Яновѣ и собралъ болѣе 2 т. челов., которыхъ разставилъ отдѣльными постами, чтобы прервать сообщеніе между Вильной и Ковно. Вслѣдъ затѣмъ кн. Огинскій, Мажанскій, Шукшта и другіе предводители этой страны, по совѣщаніи съ августовскими предводителями Пушетомъ и Шономъ, условились произвести общее нападеніе на Ковно 26-го марта. Въ этомъ неукрѣпленномъ городѣ находились только шесть ротъ 9-го егерскаго полка и 2 орудія, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго полковника Вышковскаго, командира 9 егер. полка. Узнавъ о готовящемся нападеніи, Вышковскій собралъ офицеровъ и взялъ съ нихъ клятву защищать городъ до послѣдней крайности. Утромъ 26-го марта явился Мажанскій и занялъ предмѣстье Виліамполь, по ту сторону Виліи. Вышковскій послалъ противъ него, на двухъ лодкахъ, 60 егерей-охотниковъ, а на удобномъ мѣстѣ поставилъ одно орудіе, огонь котораго, совмѣстно съ атакой егерей, обратилъ въ бѣгство банду Мажанскаго. Въ это время получено было извѣстіе, что Пушетъ съ августовцами готовится къ переправѣ и собралъ много лодокъ; тогда Вышковскій съ одною ротою и орудіемъ немедленно двинулся къ пункту переправы и, покровительствуемый туманомъ, внезапно открылъ огонь, когда инсургенты намѣревались войти въ лодки, что заставило ихъ отойти въ полномъ безпорядкѣ за прибрежныя высоты. Затѣмъ Вышковскій собралъ своихъ людей и обратился на инсургентовъ, двигавшихся по виленской дорогѣ. Эта банда, узнавъ о бѣгствѣ двухъ другихъ, тоже отступила, не выждавъ подкрѣпленія. Такимъ образомъ Ковно было спасено и для безопасности на будущее время обнесено нѣсколькими полевыми укрѣпле-

*) 5-я, 6-я и 7-я пѣх. дивизіи составляли 2-й корпусъ Палена 2-го. Изъ нихъ 5-я пѣх. дивизія оставалась въ Литвѣ, 6-я—была на маршѣ къ Слониму, а 7-я—двигалась къ Бресту (одна ея бригада—егерская—сражалась при Итане).

ніями. Въ началѣ апрѣля Прозоръ снова приблизился къ Ковно, но былъ разбитъ тѣмъ-же Вышковскимъ при *Кормяловѣ*.

Въ то время какъ все это происходило у Ковно, полк. Бартоломей 8 дней держался въ Россіенахъ, производя вылазки противъ окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ инсургентовъ; такъ онъ сперва нечаянно напалъ на отрядъ Рымкевича и частью истребилъ, частью разсѣялъ его; затѣмъ двинулся противъ Калиновскаго, приблизившагося во время его отсутствія къ Россіенамъ, и обратилъ его въ бѣгство. Тѣмъ не менѣе, ощущая сильный недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ, онъ рѣшился проложить себѣ путь къ Юрбургу, чтобы выждать тамъ подкрѣпленій изъ Ковно. Отступленіе произведено было въ боевомъ порядкѣ, причемъ по два орудія находились подъ прикрытіемъ пѣхоты въ авангардѣ и арьергардѣ, а кавалерія по сторонамъ дороги. 29-го марта Бартоломей занялъ позицію, тыломъ къ Прусской границѣ, на р. Свентѣ у мѣстечка Антшвентепа. Соединенныя банды инсургентовъ, числомъ до 10 т., атаковали на этой позиціи Бартоломея 31-го марта. Хотя атака эта была отбита на всѣхъ пунктахъ и инсургенты отступили въ близь лежавшій лѣсъ, но недостатокъ продовольствія заставилъ Бартоломея, по предварительномъ сношеніи съ прусскими властями, перейти черезъ границу

Ошмянское дѣло.

Возстаніе, разгорѣвшееся съ юга, запада и сѣвера Вильны, вспыхнуло, наконецъ, и къ востоку отъ этого города въ Ошмянахъ, чѣмъ были прерваны послѣднія сообщенія губерніи съ внутренней Россіей. Во главѣ возстанія находились Важинскій и гр. Пржездзецкій (бывшій полковникъ французской службы). Число набранныхъ инсургентовъ (кромѣ отрядовъ волонтеровъ) скоро возросло здѣсь болѣе чѣмъ до $2^1/_2$ т. чел., правильно раздѣленныхъ на эскадроны и роты и спѣшно обучавшихся строевой службѣ. Городъ попалъ въ руки повстанцевъ; инвалидная команда и 40 чел. Великолуцкаго полка сдѣлались ихъ трофеемъ. Между тѣмъ Храповицкій получилъ въ подкрѣпленіе прибывшій съ Кавказа Сводно-линейный казачій полкъ, закаленный въ бояхъ съ горцами. Не желая лишиться послѣднихъ сообщеній съ Россіей, военный губернаторъ выслалъ 1-го апрѣля къ Ошмянамъ отрядъ изъ 300 линейныхъ казаковъ, 500 человѣкъ пѣхоты и 4-хъ орудій, подъ начальствомъ полков. Верзилина. Слухъ о движеніи русской колонны произвелъ смятеніе въ городѣ, и предводители возстанія рѣшились отступить въ лѣса около Вишнева, оставя въ городѣ только арьергардъ въ 600 чел., который долженъ былъ послѣдовать за главными силами; но начальникъ арьергарда не желалъ отступить безъ боя и тѣмъ погубилъ городъ. Выдвинувшійся впередъ противъ русскихъ арьергардъ былъ разбитъ и, отброшенный въ предмѣстье, а затѣмъ въ городъ, гдѣ защищался ожесточенно; по русскимъ стрѣляли на площадяхъ, изъ оконъ домовъ, нанося казакамъ потери. Раздраженные этимъ линейцы соскочили съ коней и съ шашками въ рукахъ ворвались въ городъ. Ожесточенный бой былъ непродолжительный, и въ нѣсколько часовъ возмущеніе въ Ошмянахъ было подавлено. Въ пылу схватки рѣдко кто получалъ пощаду; спокойствіе было пріобрѣтено цѣною 350 труповъ инсургентовъ, но предводители ихъ, бросивъ все на жертву, спаслись. Остатки революціонеровъ, разбѣжавшись по странѣ, распространяя по всюду страхъ и смятеніе; съ тѣхъ поръ слово „черкесъ“ производило устрашающее дѣйствіе на возмутителей.

Волненія въ Августовскомъ воеводствѣ.

Въ сосѣднемъ Литвѣ Августовскомъ воеводствѣ велась противъ насъ тоже дѣятельная партизанская война. Предводители бандъ, маіоры Пушетъ, Шонъ и др., скры-

ваясь среди болотъ и въ глуши лѣсовъ, выходили оттуда съ небольшими партіями, чтобы нападать на транспорты и подводы, перехватывать почту, курьеровъ, и пр. Великій князь, командиръ гв. корпуса, предоставилъ въ распоряженіе Августовскаго военнаго губернатора ген. фонъ-Фрикена баталіонъ Шлиссельбургскаго и баталіонъ Литовскаго полковъ съ полубаталіономъ гренадерскаго гр. Аракчеева полка, эскадронъ л. гв. Казачьяго и 4 сотни 8-го Оренбургскаго казачьяго полковъ съ 2 мя орудіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ помощь Фрикену великій князь отправилъ своего адъютанта подп. Анненкова, съ приказаніемъ употребить самыя рѣшительныя мѣры къ успокоенію края. Анненковъ прибылъ въ Маріамполь, гдѣ находился отрядъ подполковника Каниболоцкаго изъ баталіона Шлиссельбургскаго полка, 250 казаковъ и 2-хъ орудій. Наканунѣ его прибытія инсургенты въ небольшихъ силахъ пытались напасть на городъ, но были отбиты. Принявъ отрядъ, Анненковъ намѣревался немедленно начать дѣйствія, но Пушетъ и Шонъ съ бандами числительностью до 4 т. чел. уже сами выступили и 10-го апрѣля атаковали городъ. Послѣ упорнаго боя, инсургенты были разбиты на голову, чему способствовалъ генер. Малиновскій, подоспѣвшій къ мѣсту боя изъ Кальваріи съ 3 эскадронами Оренбургскаго уланскаго полка. Пушетъ спасся, но Шонъ былъ взятъ и разстрѣлянъ за жестокости, особенно противъ евреевъ, которыя онъ себѣ дозволялъ; взято было также въ плѣнъ 1170 чел. инсургентовъ. Потери русскихъ простирались до 53 чел. убитыми и ранеными. Во второй половинѣ апрѣля инсургенты снова стали собираться въ окрестностяхъ Августова. Полк. Анненковъ и подполк. Каниболоцкій съ 4-я ротами пѣхоты, 2 орудіями и 170 казаками, выступивъ 17-го числа изъ Маріамполя по двумъ дорогамъ, соединились у Сейны и 22-го числа продолжали движеніе къ д. Руда-Горчицы, гдѣ была ими встрѣчена и разсѣяна передовая толпа инсургентовъ; главный же ихъ бивакъ находился между Рудою и с. Ястржембно; атакованные съ двухъ сторонъ, августовцы совершенно разсѣялись по лѣсамъ и болотомъ ([228]).

Дѣйствія на р. Ливцѣ.

Послѣ сраженія при Дембе-Віельке, Скржинецкій, двигаясь къ Минску и Калушину и предполагая выдвинуть Уминскаго къ Ливу, направилъ туда предварительно полк. Андрихевича съ 20-мъ линейнымъ полкомъ 2 орудіями и съ небольшею частью кавалеріи Дембинскаго. Андрихевичъ подошелъ 21-го марта къ Ливу, опрокинулъ, высланные изъ Венгрова, русскіе разъѣзды обратно за Ливецъ, но до 27-го числа ничего не предпринималъ противъ Венгрова, не смотря на слабость находившагося тамъ русскаго поста. Когда же поляки готовились къ наступленію своимъ правымъ флангомъ на Сѣдльце, то, вѣроятно для отвлеченія вниманія русскихъ, Андрихевичъ 27-го числа подошелъ къ венгровскому мосту и показалъ видъ, что намѣренъ овладѣть переправою. Бывшій въ Венгровѣ ген. Пинабель съ 2-мя ротами 6-го егерскаго и эскадрономъ Татарскаго уланскаго полковъ, разобралъ мостъ и отступилъ оттуда къ Мокободамъ. Тамъ онъ получилъ приказаніе снова двинуться впередъ и во что-бы то ни стало удерживать переправу у Ливца. Присоединивъ къ своему слабому отряду 1-й рез. саперный баталіонъ, 2 эск. уланъ и 300 фуражировъ 6-го корпуса съ 4-мя орудіями, онъ на другой день возвратился къ Венгрову. Между тѣмъ Андрихевичъ, въ отсутствіе Пинабеля, не только возстановилъ мостъ, но и успѣлъ прикрыть его флешью, которую занялъ полубаталіономъ пѣхоты. 28-го марта Пинабель съ егерями, поддержанными саперами, атаковалъ тетдепонъ, взялъ его приступомъ, истребилъ большую часть перешедшаго непріятеля и подрубилъ мостъ; но на слѣдующій день, 29-го марта

когда подошелъ, наконецъ, корпусъ Уминскаго, Пинабель снова отступилъ, предоставивъ вторично переправу въ руки непріятеля.

Какъ упомянуто выше, Уминскій съ кавалерійскою дивизіей *), 1-мъ егерскимъ полкомъ и Кушелевскими вольными стрѣлками (всего около 6500 чел.) былъ высланъ для наблюденія за гвардейскимъ корпусомъ, который занималъ квартиры въ окрестностяхъ Ломжи, имѣя впереди себя у Макова отрядъ Сакена. 14-го марта Уминскій, двигаясь чрезъ Модлинъ, подошелъ къ Остроленкѣ (куда отошелъ Сакенъ) и приказалъ Хлаповскому произвести рекогносцировку этого города. Послѣ незначительной перестрѣлки Хлаповскій возвратился и донесъ, что въ этомъ мѣстѣ невозможно надѣяться на успѣхъ, такъ какъ Сакенъ можетъ быть поддержанъ на противоположномъ берегу Нарева всѣмъ гв. корпусомъ, который, вслѣдствіе преувеличенныхъ свѣдѣній о силахъ Уминскаго, дѣйствительно былъ придвинутъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ къ Остроленкѣ.

Тогда Уминскій отступилъ къ Рожану, а затѣмъ далѣе къ Шелкову, гдѣ и бездѣйствовалъ. Между тѣмъ Великому Князю было донесено, что онъ переправился у Рожана на лѣвый берегъ Нарева, чтобы съ этой стороны напасть на Остроленку. Въ это время Сакенъ получилъ приказаніе, прямо изъ штаба арміи, воспрепятствовать движенію Уминскаго къ Нуру и прикрыть лабораторную и артиллерійскую роты, слѣдовавшія изъ Ломжи. Вслѣдствіе этого Сакенъ двинулся впередъ и 16-го марта достигъ Говорова, гдѣ убѣдился, что непріятель не оставлялъ Шелкова. 20-го марта передался намъ польскій офицеръ, который сообщилъ, что Уминскій получилъ приказаніе отступить, вслѣдствіе чего Сакену приказано было вторично двинуться впередъ, чтобы не выпускать Уминскаго изъ виду. Сакенъ нашелъ Уминскаго отступающимъ и донесъ, что онъ наводитъ мостъ у Старо-Зомбска. Великій Князь приказалъ генералу Ностицу произвести рекогносцировку по направленію чрезъ Пржетыче къ Пултуску; но еще прежде того, именно 22 марта, Ностицъ съ тою-же цѣлью переправилъ, на баркахъ и лодкахъ, на правый берегъ Нарева, у Рожана, два полуэскадрона гв. гусаръ и драгунъ, которые были внезапно атакованы 4-мя эскадронами польскихъ уланъ и конныхъ егерей и принуждены отступить съ потерею 2-хъ офицеровъ и 31 ниж. чина. Получивъ это извѣстіе, Великій Князь, расположившійся у Ломжи, составилъ отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Бистрома, изъ войскъ Сакена, легкой гв. кавалерійской дивизіи и одной гв. пѣх. бригады съ 24 орудіями, который долженъ былъ выступить 24 марта изъ Остроленки и очистить отъ непріятеля все пространство между Бугомъ и Наревомъ. Бистромъ нигдѣ не встрѣтилъ противника; передовая кавалерія донесла, что Уминскій разломалъ мостъ у Старо-Зомбска и отошелъ по правому берегу Нарева черезъ Пултускъ. Тогда гвардія расположилась на тѣсныхъ квартирахъ, имѣя штабы: 1-й пѣхотной дивизіи въ Ломжѣ, 2-й—въ Мястковѣ, легкой гв. кавалерійской—въ Червинѣ, 1-й гв. кирасирской—въ Щучинѣ; артиллерійскаго резерва — въ Ломжѣ; Сакенъ сталъ въ Остроленкѣ.

Уминскій получилъ приказаніе занять на Бугѣ позицію, наблюдая сообщенія Розена съ гвардіей, которую поляки полагали въ движеніи отъ Ломжи къ Сѣдльце. Уминскій выступилъ 23-го марта изъ Шелкова, но вмѣсто того, чтобы направиться по кратчайшему пути изъ Пултуска на Вышковъ, онъ, подъ предлогомъ бездорожья, двинулся чрезъ Сѣроцкъ на Прагу, Станиславовъ къ Ливу, куда прибылъ 29 марта.

---

*) Она состояла изъ 5 полковъ съ одною конною батареею: а именно: изъ 1-го уланскаго, 3-го конно-егерскаго, Краковскаго, Августовскаго и Люблинскаго полковъ, всего около 3000 чел.

Между тѣмъ ген. Гейсмаръ, въ предвидѣніи сраженія при Игане, усилилъ еще венгровскій отрядъ, для обезпеченія своего праваго фланга, выславъ туда ген. Насакена со сводным гренадерскимъ баталіономъ, 3-мя эскадронами (2 к. егерскіе и 1 Татарскаго уланскаго полка, при 2-хъ конныхъ орудіяхъ), поручивъ этому генералу общее начальство надъ войсками у Лива. Прибывъ 29-го на мѣсто и присоединивъ къ себѣ отрядъ Пинабеля, Насакенъ двинулся противъ мостоваго укрѣпленія, которое и было занято ротою Астраханскаго полка. Поляки придвинули къ берегу батарею и ограничились лишь канонадою. Послѣ полудня Насакенъ узналъ, что Скржинецкій со всѣми своими силами направился къ Сѣдльце и получилъ приказаніе, чтобы въ случаѣ отступленія корпуса, отходить на присоединеніе къ нему на Збучинъ или даже на Мендзыржецъ *); наконецъ къ вечеру онъ узналъ, что прямое его сообщеніе съ Сѣдльце было прервано отрядомъ поляковъ, занявшимъ Мокободы. Не зная о результатахъ сраженія при Игане и опасаясь въ случаѣ отступленія корпуса быть совершенно отъ него отрѣзаннымъ, Насакенъ не рѣшился удерживать Венгровъ до слѣдующаго дня и ночью отошелъ къ Соколову; оттуда бывшая у него сводная пѣхота отдѣлилась къ своимъ частямъ, а для наблюденія Венгрова оставленъ лишь небольшой кавалерійскій отрядъ съ казаками. Уминскій не видя передъ собою непріятеля, занялъ 30-го Венгровъ, исправилъ мостъ, усилилъ тетдепонъ и 31-го марта частью своего корпуса сдѣлалъ сильный поискъ къ Соколову. Движеніе это обратило на себя вниманіе Дибича, и для оттѣсненія Уминскаго обратно за Ливецъ сформированъ былъ отрядъ подъ начальствомъ ген. Угрюмова. Въ тоже время авангардъ главныхъ силъ долженъ былъ произвести рекогносцировку за р. Костржиномъ, чтобы удостовѣриться въ расположеніи главныхъ силъ поляковъ. Если-бы оказалось, что Скржинецкій предпринималъ своимъ лѣвымъ флангомъ общее движеніе къ Венгрову, то, имѣя въ виду близость этого пункта къ границамъ имперіи, фельдмаршалъ намѣревался двинуться туда со своею арміею.

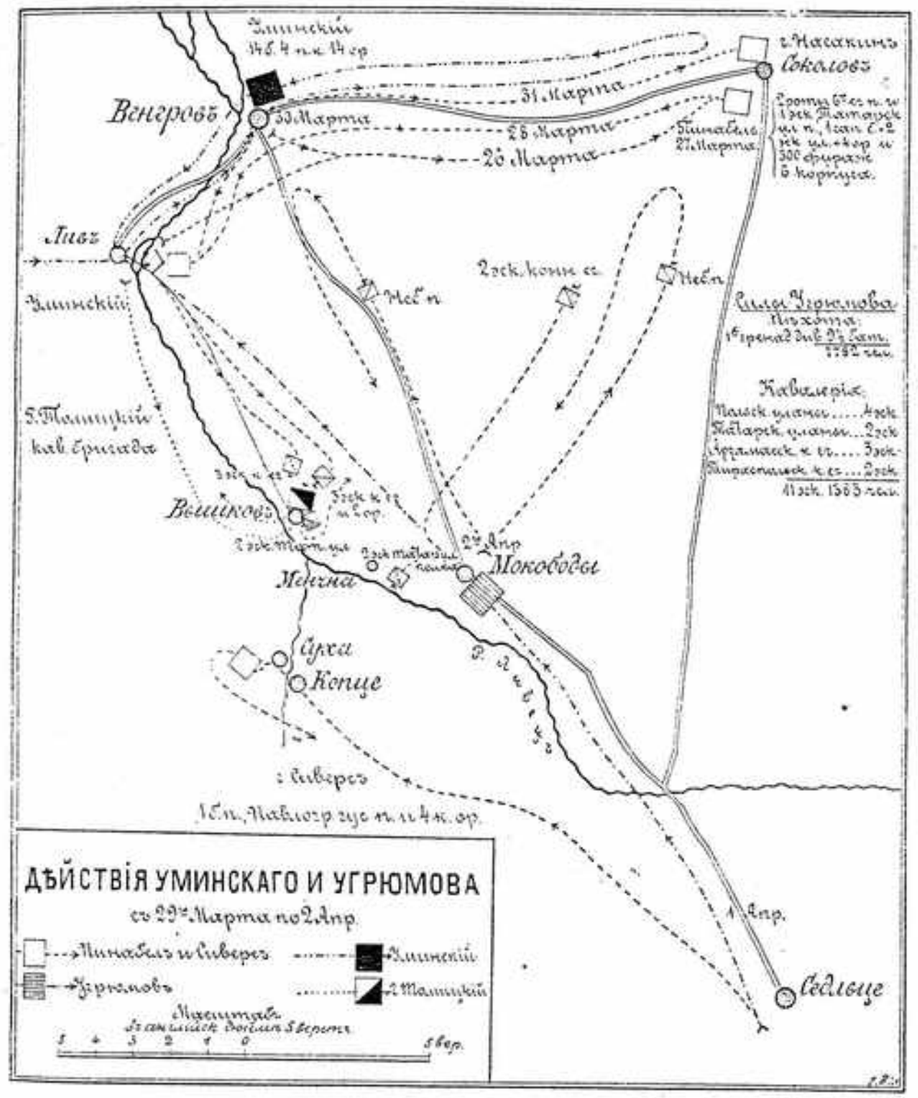
Генералъ Угрюмовъ, съ $9^1/_2$ баталіонами 1-й гренадерской дивизіи **), съ 11 эскадронами Польскаго (4 э.) и Татарскаго уланскихъ (2 э.), Арзамасскаго (3 э.) и Тираспольскаго (2 э.) конно-егерскихъ полковъ и съ 16 орудіями, 1-го апрѣля рано утромъ двинулся изъ Сѣдльце. Не зная, гдѣ ему придетя встрѣтиться съ противникомъ, онъ выслалъ на развѣдку небольшія партіи къ Соколову и Венгрову, а самъ остановился на ночлегѣ вблизи Мокободъ. Цѣль этихъ дѣйствій непонятна, такъ какъ если-бы даже непріятель и находился въ Соколовѣ, то, двинувшись рѣшительно на Ливъ и овладѣвъ тамошнимъ тетдепономъ, Угрюмовъ отрѣзалъ бы полякамъ путь отступленія; все это тѣмъ болѣе повидимому обязательно было для Угрюмова, что важнѣйшимъ предметомъ его дѣйствій былъ тетдепонъ у Лива, притомъ приказанія, данныя Угрюмову, указывали именно на этотъ пунктъ. Но предшествующіе успѣхи поляковъ вселили чрезмѣрную осторожность въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ.

Возвратившіяся партіи донесли Угрюмову, что въ Соколовѣ находилось передъ тѣмъ 1,500 человѣкъ съ 4 орудіями, но что они отошли уже къ Венгрову, гдѣ генер. Уминскій, по показаніямъ жителей, сосредоточилъ 14 батал. пѣх., 4 полка кавалер. и 14 ор. (на самомъ дѣлѣ эти свѣдѣнія оказались преувеличенными; Уминскій имѣлъ 14 ор., 5 полковъ кавалеріи и 8 бат. пѣхоты, а именно: 4-ре батал. 1-го егерскаго, 3 баталіона 20-го линейнаго полковъ и баталіонъ стрѣлковъ волонтеровъ). Если-бы

*) Приказаніе это было отдано Гейсмаромъ до прибытія къ Сѣдльце Розена и до полученія увѣдомленія Дибича о намѣреніи его атаковать поляковъ.

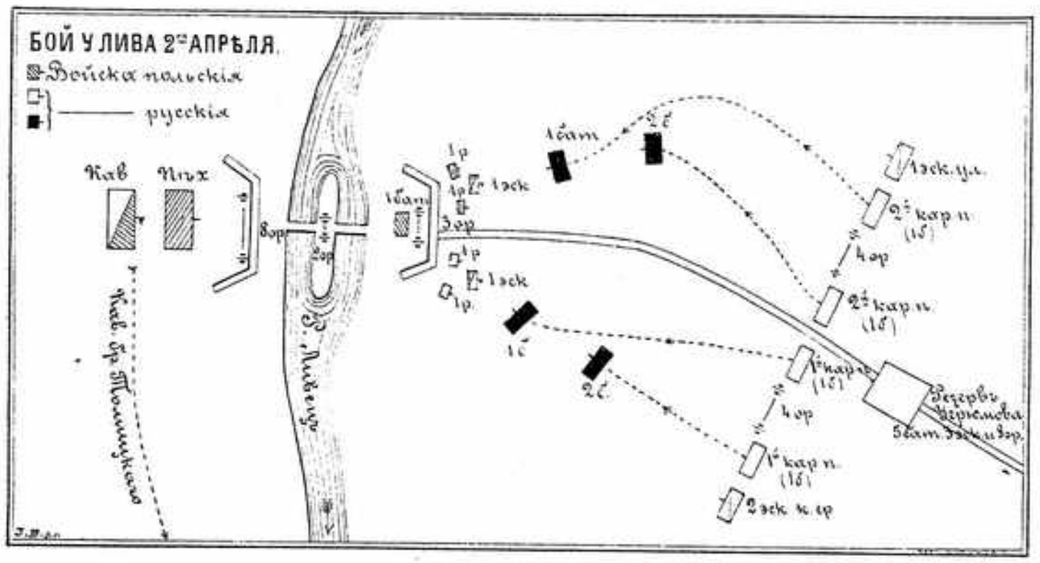
**) Изъ состава этой дивизіи гренадерскій гр. Аракчеева полкъ и 2 роты короля Прусскаго полка оставлены были въ началѣ кампаніи въ Августовскомъ воеводствѣ и въ Ковно.

русскій начальникъ дѣйствовалъ энергичнѣе, то польскій отрядъ могъ-бы быть отрѣзанъ въ Соколовѣ, но, вслѣдствіе излишней осторожности и медленности Угрюмова, поляки были предувѣдомлены и успѣли своевременно отступить. На слѣдующій день, 2-го апрѣля, послѣ вторичнаго приказанія Дибича, Угрюмовъ двинулся къ Венгрову. Поляки, узнавъ объ этомъ движеніи, перевели войска на лѣвый берегъ Ливца и оставили въ тетдепонѣ только баталіонъ 1-го егерскаго полка съ 3-мя орудіями, а впереди



его нѣсколько ротъ пѣхоты съ 2-мя эскадронами. Въ этомъ мѣстѣ р. Ливецъ образуетъ два рукава, протекающіе между болотистыми берегами; оба рукава раздѣлены островкомъ, на которомъ Уминскій поставилъ 2 орудія, для фланговой обороны тетдепона, а на лѣвомъ берегу возвелъ батарею на 8 орудій, которая могла обстрѣливать противоположный берегъ; позади батареи онъ развернулъ свою кавалерію и пѣхоту; чрезъ оба рукава, а также чрезъ болотистую низменность имѣлась длинная деревянная плотина

съ мостомъ. Угрюмовъ приближался къ непріятельской позиціи съ чрезвычайною осторожностью; для наблюденія за прочими переправами на Ливцѣ онъ оставилъ въ тылу у Менчина 2 эск. Татарскаго уланскаго полка *); къ Соколову выслалъ 2 эск. конныхъ егерей, для обезпеченія себя съ этой стороны, хотя въ этомъ направленіи ему не угрожало никакой опасности; съ остальными-же войсками наступалъ къ мосту у Лива. Не доходя еще 4-хъ верстъ отъ этого пункта, услышаны были звуки трубъ и барабановъ. Угрюмовъ, прійдя къ заключенію, что поляки его ожидаютъ, перестроилъ войска въ боевой порядокъ: правѣе венгровской дороги шелъ 2-й карабинерскій (кн. Барклая де-Толли) полкъ съ 4-мя орудіями и эскадрономъ Польскаго уланскаго полка; лѣвѣе—1-й карабинерный полкъ также съ 4-мя орудіями и двумя эскадронами Арзамасскаго конно-егерскаго полка; самъ Угрюмовъ, съ остальными 5-ю баталіонами, 3 эскадронами и 8 орудіями составлялъ резервъ; одинъ эскадронъ высланъ былъ внизъ по рѣкѣ для



наблюденія брода у Старой-Веси. Бой начался канонадой съ обѣихъ сторонъ; наша батарейная артиллерія обстрѣливала перекрестнымъ огнемъ какъ тетдепонъ, такъ и находившійся впереди него польскій отрядъ, что заставило послѣдній переправиться на островъ, и въ тоже время находившіяся въ укрѣпленіи три орудія были оттуда увезены. Тогда съ нашей стороны былъ поведенъ штурмъ. Прославившійся своею храбростью и искусствомъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Сливицкій и генералъ Фези приняли начальство надъ штурмовыми колоннами. Отъ каждаго изъ карабинерныхъ полковъ отдѣлилось по одному баталіону для атаки, а другой баталіонъ составлялъ, за каждымъ изъ нихъ, частный резервъ. Съ разстоянія въ 100 шаговъ баталіоны были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью съ противоположнаго берега; особенно подвергался огню, двигавшійся лѣвѣе, баталіонъ 1-го карабинернаго полка, подходившій къ укрѣпленію по самому берегу Ливца; онъ долженъ былъ выдержать огонь густой, почти сплошной застрѣльщичьей польской цѣпи, засѣвшей по берегу; не смотря на это баталіонъ ворвался въ укрѣпленіе одновременно съ баталіономъ кн. Барклая де-Толли полка; большая часть защитниковъ укрѣпленія была положена на мѣстѣ,

*) См. карту вост. части Царства Польскаго.

а остальные, въ числѣ 230 человѣкъ, взяты въ плѣнъ. Затѣмъ карабинеры бросились черезъ первый мостъ на островъ, чтобы овладѣть находившимися тамъ орудіями, но, атакованные съ нѣсколькихъ сторонъ, должны были отступить; въ это время подвезена была къ тетдепону русская артиллерія, заставившая своимъ огнемъ отступить непріятеля съ острова. Уминскій, недовольный потерею тетдепона, часъ спустя послалъ 20-й полкъ съ приказаніемъ непремѣнно овладѣть укрѣпленіемъ. Поляки смѣло бросились по плотинѣ, но стойкость полка пр. Прусскаго, смѣнившаго карабинеровъ, заставила ихъ возвратиться назадъ. Послѣ того поляки еще четыре раза возобновляли свои покушенія, но каждый разъ были отбиваемы съ большими потерями; эти атаки тѣмъ болѣе были тщетны, что русскіе разрушили съ своей стороны настилку моста до острова. Для поддержанія своихъ попытокъ Уминскій приказалъ ген. Томицкому переправиться съ кавалерійскою бригадою чрезъ Ливецъ у Вышкова и, атакуя русскихъ, овладѣть переправой съ противоположной стороны. Находившіеся тамъ 2 эскадрона Татарскаго уланскаго полка встрѣтили 1-й уланскій полкъ во время переправы, но были опрокинуты; точно также были отброшены къ лѣвому флангу позиціи присланные на помощь дивизіонъ Польскаго уланскаго и эскадронъ Арзамасскаго конно-егерскаго полковъ. Только съ прибытіемъ еще 3-хъ эскадроновъ (дивизіонъ Тираспольскаго конно-егерскаго и эскадронъ Польскаго ул. п.) и 2-хъ орудій удалось остановить польскую кавалерію, послѣ чего она обратно переправилась на другой берегъ рѣки ([229]). Въ этихъ столкновеніяхъ русская кавалерія понесла значительный уронъ. Причиною этому, главнымъ образомъ, было неправильное ея употребленіе: эскадроны вводились въ бой порознь противъ соединенныхъ силъ непріятеля. Въ 10 часовъ вечера дѣло было окончено, а ночью Угрюмовъ привелъ въ оборонительное состояніе часть тетдепона, обращенную къ непріятелю и бывшую открытою. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня три польскихъ баталіона съ 6-ю орудіями снова покушались овладѣть укрѣпленіемъ, но также безуспѣшно, какъ и наканунѣ. Такъ какъ на р. Ливцѣ имѣлось много другихъ переправъ, то стремленіе Уминскаго овладѣть, съ большими жертвами, оспариваемой у него Угрюмовымъ переправой, не находитъ себѣ никакого разумнаго основанія.

Одновременно съ движеніемъ Угрюмова, приказано было Палену 2-му сдѣлать диверсію къ Вышкову; для этого высланъ былъ отрядъ Сиверса, изъ одного баталіона пѣхоты, Павлоградскаго гусарскаго полка и 4 конныхъ орудій. Сиверсъ перешелъ р. Ливецъ у Конце, овладѣлъ д. Сухой, выбилъ оттуда пѣхотный постъ, оборонявшій переправу, а самъ съ гусарами вытянулся впередъ, къ Вышкову; это встревожило противника и заставило его стянуть свои войска. Видя, что силы непріятеля увеличиваются, Сиверсъ отошелъ обратно за Костржинъ. Уронъ нашъ въ этихъ дѣлахъ простирался до 982 чел. убитыми и ранеными, въ томъ числѣ на долю кавалеріи приходится 222 чел. Уронъ поляковъ вѣроятно, былъ значительнѣе вслѣдствіе неоднократныхъ атакъ на тетдепонъ подъ сильнымъ нашимъ огнемъ. Вслѣдъ затѣмъ Угрюмовъ получилъ приказаніе уничтожить тетдепонъ и отойти со своими войсками къ Ходову, недалеко отъ Сѣдльце, что исполнилъ съ наступленіемъ ночи, отойдя сперва къ Мокободамъ, а на слѣдующій день, т. е. 4-го апрѣля, къ Ходову, на правый флангъ расположенія арміи. При этомъ фельдмаршалъ донесъ Государю, что удержаніе переправы у Лива не входитъ въ его планы, а потому онъ и оттянулъ оттуда Угрюмова ([230]). Въ Венгровѣ, для наблюденія оставленъ былъ только постъ изъ 2-хъ эскадроновъ кавалеріи, съ поддержками въ Соколовѣ и Мокободахъ.

Послѣ этого непонятно съ какою цѣлью было принесено столько жертвъ въ напрасныхъ бояхъ у Лива.

Съ этого времени Уминскій, возстановившій мостъ и занявшій Венгровъ не предпринималъ никакихъ значительныхъ дѣйствій и ограничился лишь малою войною; причемъ полякамъ удалось произвести два нечаянныхъ нападенія. Такъ, ночью съ 8-го на 9-е апрѣля, за полчаса до разсвѣта, постъ вблизи Соколова изъ полутора эскадрона конныхъ егерей былъ внезапно окруженъ двумя эскадронами 1-го уланскаго и 3-го конно-егерскаго польскихъ полковъ. Разъѣзды, ходившіе по всѣмъ дорогамъ, не замѣтили непріятеля, скрытно подведеннаго ночью мѣстными жителями. Хотя замундштученный полуэскадронъ и двинулся въ атаку, но съ одной стороны численное превосходство атаковавшаго эскадрона 1-го уланскаго полка, а съ другой огонь спѣшенныхъ польскихъ конныхъ егерей, заставили нашъ постъ поплатиться за свою неосторожность, причемъ онъ потерялъ убитыми 42 чел. и плѣнными 178 чел. Подобный же случай произошелъ въ Мокободахъ на слѣдующій день; стоявшій тамъ дивизіонъ Татарскаго уланскаго полка, тоже былъ предательски окруженъ превосходнымъ непріятелемъ, но ему удалось, съ потерею 33 человѣкъ убитыми и плѣнными, пробиться и даже захватить плѣнныхъ ([231]). Эти частныя неудачи были заглажены успѣхами Крейца на лѣвомъ флангѣ арміи. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію ихъ, для полноты очерка положенія дѣлъ на правомъ флангѣ арміи, необходимо упомянуть о дѣйствіяхъ Сакена.

Дѣйствія Сакена.

Находясь въ Остроленкѣ, Сакенъ имѣлъ довольно частыя стычки съ инсургентами. По удаленіи Уминскаго приказано было полковнику Левинскому, съ частью Модлинскаго гарнизона, прикрывать край и поддерживать образовавшіяся тамъ шайки, причемъ Левинскій долженъ былъ попытаться пробраться въ Августовское воеводство и въ Литву для поддержки тамошнихъ инсургентовъ регулярными войсками; но послѣ боя у Шелкова, 8-го апрѣля, Сакенъ принудилъ польскаго начальника отступить назадъ. Левинскаго замѣнилъ ген. Янковскій, усиленный отборными войсками, а именно: 1-мъ уланскимъ и 1-мъ егерскимъ (4 баталіона) полками съ легкой батареей, но и онъ не имѣлъ успѣха, хотя и былъ усиленъ еще партизанскимъ отрядомъ Заливскаго. Заливскій, принадлежавшій къ числу главнѣйшихъ зачинщиковъ революціи, получилъ разрѣшеніе образовать волонтерные отряды для партизанской войны, которую онъ велъ съ успѣхомъ. Въ то время какъ получившіе подобное же дозволеніе, полк. Годлевскій и маіоръ Венгродскій, предводительствуя большими бандами и предпочитая дѣйствовать въ открытомъ полѣ, были скоро уничтожены, Заливскій съ небольшимъ числомъ людей, укрываясь въ лѣсахъ, производилъ нападенія только ночью и безпрерывно измѣнялъ свое мѣстопребываніе; онъ утвердился частью въ Августовскомъ, частью въ Плоцкомъ воеводствахъ и увеличилъ свои силы въ такой степени, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ имѣлъ уже около 1.000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ и привыкшихъ къ мелкимъ успѣхамъ; съ такимъ отрядомъ онъ уже считалъ возможнымъ выполнять и крупныя предпріятія. Въ это время онъ получилъ приказаніе направиться вдоль прусской границы до Пишны и, въ связи съ Янковскимъ, подать помощь литовцамъ. Но такъ какъ Янковскій, удерживаемый Сакеномъ, не могъ податься далѣе Пултуска, то и Заливскій остался въ Пишнѣ и только впослѣдствіи, съ появленіемъ въ этой странѣ Гелгуда, примкнулъ къ его авангарду.

Дѣйствія бар. Крейца противъ Сѣравскаго.

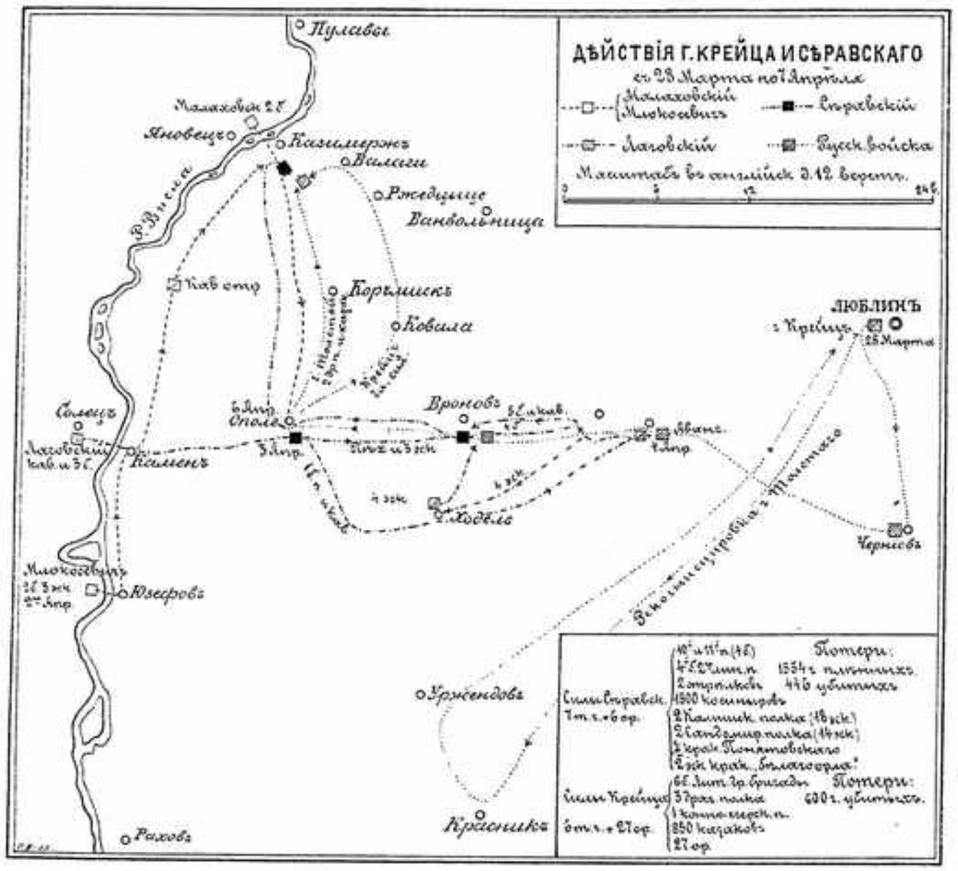
Изъ новосформированныхъ польскихъ войскъ было образовано за Вислою *два* отряда: а) одинъ *на р. Пилицѣ* *), подъ начальствомъ *Паца*, изъ 12, 13, 14, 15, 16 и

*) См. карту театра войны.

21-го пѣх. полковъ, каждый въ два баталіона, и кавалерійскихъ полковъ: 1-го краковъ (4 эск.), Плоцкаго (6 эск.) и 1-го конно-егерскаго, *всего 12 бат. и 14 эск., съ 14 орудіями, или около 12.000 чел.*; б) другой на *верхней Вислѣ*, подъ начальствомъ *Сѣравскаго*, изъ 10-го и 11-го пѣх. полковъ, въ два баталіона каждый, четвертаго баталіона 2-го лин. полка (подъ начальствомъ Мальчевскаго), двухъ баталіоновъ стрѣлковъ (подъ начальствомъ Ю. Малаховскаго и Кржесимовскаго) и около 1.500 косиньеровъ; изъ кавалеріи: два калишскихъ полка, два сандомірскихъ, половина полка Понятовскаго (другая половина находилась у Дверницкаго) и два эскадрона краковъ „Бѣлаго орла“, *всего 7 бат. 15 эск. и 6 орудій, или около 7.000 чел.* ([232]).

По вступленіи нашей главной арміи изъ Рыкъ, Крейцъ получилъ приказаніе, отъ 23 марта, сжечь начатые (для демонстраціи) мосты у Рахова и Казимержа и сосредоточить свои силы у Люблина, но при этомъ ему предписывалось, кромѣ казачьей цѣпи по Вислѣ, содержать болѣе значительные посты въ Красноставѣ, Горжковѣ и Урженловѣ, чтобы получать немедленно свѣдѣнія о каждомъ движеніи Дверницкаго и Сѣравскаго. Крейцъ былъ расположенъ такимъ образомъ: самъ онъ съ гренадерами и тремя драгунскими полками находился въ окрестностяхъ Люблина и Глуска; при Бѣлжицѣ имѣлъ отрядъ, подъ начальствомъ ген. Толстаго (изъ Несвижскаго Карабинернаго, Казанскаго драгунскаго, конно-егерскаго Виртембергскаго и казачьяго Хоперскаго полковъ); въ Пулавахъ и Казимержѣ—отрядъ ген. Пашкова (изъ двухъ ротъ Несвижскихъ карабинеръ и Переяславскаго конно-егерскаго полка); казачій Грекова полкъ наблюдалъ теченіе Вислы выше Казимержа и наконецъ отрядъ Давыдова (быв. Анрепа) занималъ линію отъ Красностава, черезъ Горжковъ, Жолкѣвку и Туробинъ для наблюденія Замостья. Въ концѣ марта Крейцъ узналъ, во-первыхъ, о заготовленіяхъ дѣлаемыхъ по дорогѣ отъ Замостья къ Вислѣ, какъ будто съ цѣлью принятія корпуса Дверницкаго, а, во вторыхъ, о приготовленіяхъ Сѣравскаго къ переправѣ черезъ Вислу. Вскорѣ (28 марта) Крейцъ донесъ фельдмаршалу, что едва онъ успѣлъ сосредоточить свои войска у Люблина, какъ получилъ свѣдѣніе, что 26 и 27 марта непріятель переправился чрезъ Вислу между Раховомъ и Юзефовомъ. Вслѣдствіе этого онъ выслалъ Толстаго на рекогносцировку по направленію къ Краснику и Урженлову, чтобы удостовѣриться не имѣетъ ли это движеніе связи съ какимъ либо предпріятіемъ Дверницкаго изъ Замостья. Крейцъ былъ убѣжденъ, что Дверницкій имѣетъ единственную цѣлью—возвращеніе за Вислу, а Сѣравскій долженъ ему содѣйствовать въ этомъ движеніи. Какъ впослѣдствіи обнаружилось, Крейцъ заблуждался въ своихъ предположеніяхъ. Въ отвѣтъ на донесеніе Крейца, Дибичъ далъ ему, еще изъ Лукова, инструкцію, согласно которой, въ случаѣ перехода Сѣравскаго черезъ Вислу, Крейцъ долженъ былъ попытаться разбить отдѣльно его или Дверницкаго; если же этимъ генераламъ удастся соединиться, то Крейцъ оказываетъ имъ возможное сопротивленіе и дѣйствуетъ по обстоятельствамъ; при необходимости отступленія онъ отходитъ на Ленчну и Коцкъ и тогда будетъ поддержанъ — съ цѣлью во чтобы то ни стало уничтожить оба непріятельскіе отряда. Въ такомъ случаѣ Ридигеръ долженъ двинуться отъ Владиміра къ Красноставу и дѣйствовать по соглашенію съ Крейцомъ, причемъ связь между ними могъ поддерживать отрядъ ген. Давыдова. Изъ слѣдующихъ донесеній Крейца, отъ 30 и 31 марта, оказалось, что движеніе Сѣравскаго не имѣло серьезнаго значенія. Это обстоятельство не уменьшило увѣренности Крейца и многихъ другихъ въ намѣреніи Дверницкаго возвратиться изъ Замостья, гдѣ свирѣпствовала холера за Вислу, такъ какъ движеніе его на Волынь казалось въ высшей степени опаснымъ; это убѣжденіе усиливалось безпрерывными переправами и нападеніями

партій Сѣравскаго. Между тѣмъ Дибичъ получилъ важное донесеніе Ридигера, изъ Владиміра, *отъ вечера 29 марта*, что Дверницкій переправился въ тотъ день черезъ Бугъ между Крыловымъ и Литовижомъ, и что Ридигеръ, не будучи въ состояніи съ незначительнымъ отрядомъ воспрепятствовать переправѣ, отступилъ по направленію къ р. Стыри, чтобы сосредоточиться у Тарговицы. Тогда Крейцъ получилъ въ Люблинѣ приказаніе, отъ 31 марта, выступить немедленно со всѣми силами и быстро преслѣдовать Дверницкаго; ген. Давыдовъ долженъ былъ, съ драгунскимъ и 3-мя казачьими полками, отрѣзать сообщенія польскаго отряда съ крѣп. Замостьемъ, а Ридигеръ—встрѣтить непріятеля съ фронта. Крейцъ сосредоточилъ свои войска близъ Черніова, на югъ отъ Люблина, но тотчасъ же сдѣлалъ представленіе



фельдмаршалу, въ которомъ излагалъ, что, по его мнѣнію, движеніе Дверницкаго не болѣе какъ демонстрація, съ помощью которой польскій генералъ намѣревается лишь оттянуть его отъ Вислы, чтобы облегчить переправу Сѣравскому. Далѣе Крейцъ представлялъ, что если онъ двинется за Дверницкимъ, то этимъ откроетъ для вторженія непріятеля Люблинское воеводство, дѣло русскихъ въ этомъ краѣ будетъ поколеблено, да и самъ онъ, попавъ между двумя непріятельскими отрядами, не будетъ въ состояніи ничего сдѣлать Дверницкому, такъ какъ ему придется заботиться о собственной оборонѣ противъ Сѣравскаго. Эти доводы оказались вполнѣ убѣдительными, и Дибичъ предоставилъ Крейцу дѣйствовать по собственному соображенію,

въ зависимости отъ условій обстановки. Въ это самое время Крейцъ получилъ свѣдѣніе, что Сѣравскій переправился черезъ Вислу и со всѣми силами наступалъ противъ него; Крейцъ рѣшился идти на встрѣчу непріятелю.

Скржинецкій, предпринимая движеніе къ Игане, имѣлъ въ виду воспользоваться для этого также отрядами Паца и Сѣравскаго. Первый изъ нихъ долженъ былъ переправиться чрезъ Вислу у Потыча, гдѣ поляки устроили превосходный тендепонъ и мостъ на судахъ *), и поддерживать правое крыло арміи, не уступая въ то же время изъ виду и Потыча, которому могъ по мнѣнію главной квартиры угрожать бар. Крейцъ. Пацъ переправился 31 мая черезъ Вислу и двинулся на Гарволинъ и Сточекъ, но, не встрѣтивъ нигдѣ русскихъ и простоявъ нѣсколько дней у Борове, между Латовичемъ и Гарволиномъ, возвратился въ Потычъ, не принеся никакой пользы дѣлу ([234]). Въ то же время приказано было двинуться и Сѣравскому для преслѣдованія русскаго арьергарда, такъ какъ поляки предполагали русскую армію въ полномъ отступленіи къ Бугу, подъ прикрытіемъ корпуса бар. Крейца. Сѣравскій долженъ былъ тѣснить послѣдняго, но въ то же время уклоняться отъ рѣшительнаго боя, а въ случаѣ угрозы превосходныхъ силъ отходить за Вепржъ, на корпусъ Паца, который получилъ соотвѣтственныя приказанія и долженъ былъ дѣйствовать на одной высотѣ съ нимъ; въ случаѣ невозможности соединиться съ Пацомъ, Сѣравскому предписывалось обратиться къ Замостью и искать связи съ Дверницкимъ. Согласно этихъ указаній Сѣравскій сообщилъ свой планъ дѣйствій Пацу, а затѣмъ переправился черезъ Вислу въ трехъ пунктахъ: прежде другихъ перешелъ черезъ рѣку у Юзефова, въ ночь на 2-е апрѣля, полк. Млокосевичъ съ двумя баталіонами и тремя эскадронами и двинулся влѣво къ Камену, чтобы оттѣснить находившіеся тамъ посты; Лаговскій со своею кавалеріею и тремя баталіонами пѣхоты также переправился туда изъ Солецъ. Соединившись, они выслали кавалерійскій отрядъ къ Казимержу, чтобы выбить казаковъ и содѣйствовать переправѣ остальныхъ двухъ баталіоновъ, подъ начальствомъ Ю. Малаховскаго. Все это удалось, благодаря тому, что русскіе содержали по берегу только казачью цѣпь съ нѣсколькими эскадронами конныхъ егерей. Сѣравскій выслалъ одну часть своихъ судовъ къ Голомбу въ распоряженіе Паца, а другую оставилъ для себя въ Казимержѣ; затѣмъ онъ приказалъ всѣмъ отрядамъ двинуться и соединиться у Ополе 3-го апрѣля. На слѣдующій день Сѣравскій двинулся съ пѣхотою и тремя эскадронами кавалеріи къ Вронову, а Лаговскій съ остальною конницею и баталіономъ Мальчевскаго—правѣе, чрезъ Ходель на Бѣлжицу. Лаговскій, въ безплодной погонѣ за казаками, присылалъ сперва хвастливыя донесенія, но едва только Сѣравскій расположился со своею колонною у Вронова, какъ было получено донесеніе Лаговскаго, въ которомъ онъ извѣщалъ о встрѣчѣ съ превосходными русскими силами и о своемъ критическомъ положеніи, почему и просилъ подкрѣпленій. Сѣравскій поспѣшилъ исполнить эту просьбу и пошелъ къ нему съ четырьмя баталіонами. Между тѣмъ Крейцъ, сосредоточенный у Черніова, двинулся на встрѣчу Сѣравскому чрезъ Стржешковице; 4-го апрѣля Крейцъ остановился, не доходя Бабина. Въ 3 ч. пополудни появилась непріятельская кавалерія, которая потѣснила какъ казаковъ авангарда, такъ и высланные имъ въ подкрѣпленіе 4 эск. конно-егерей и драгунъ; затѣмъ весь нашъ авангардъ сталъ отходить назадъ, наводя противника на главныя силы; но, пройдя Бабино, поляки остановились, причемъ могли замѣтить силу нашего отряда, который хотя и старался расположиться

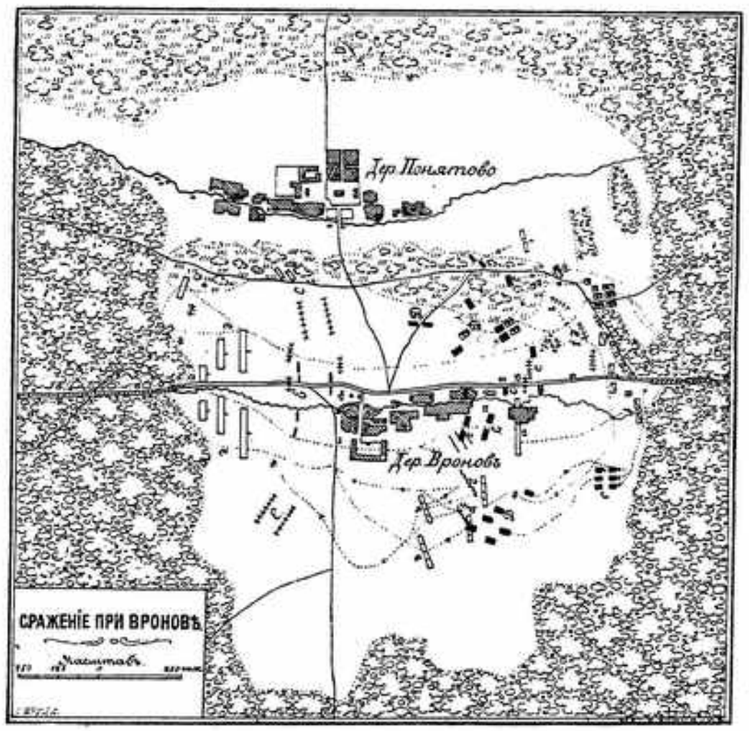
*) Стратегическимъ пунктомъ было мѣсто сліянія Вепржа съ Вислой. Потычъ же былъ избранъ вслѣдствіе отличныхъ мѣстныхъ удобствъ къ устройству переправы ([233]).

скрытно, но былъ видимъ для непріятеля. Обѣ стороны оставались нѣкоторое время въ бездѣйствіи, а затѣмъ стали отступать.

Тогда Крейцъ выслалъ авангардъ Толстаго для преслѣдованія непріятеля ([235]). Поляки заняли Радовчики и стали оттуда развертываться подъ огнемъ русской артиллеріи; когда замѣчено было разстройство непріятеля, тогда гр. Толстой съ Виртембергскимъ конно-егерскимъ полкомъ, дивизіономъ Казанскаго драгунскаго полка и казаками Хоперскаго, бросился на ихъ лѣвый флангъ, между тѣмъ какъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями атаковалъ деревню, но былъ отбитъ; затѣмъ подкрѣпленный двумя баталіонами, подъ начальствомъ храбраго Толстаго, бросился въ штыки ([236]). При всемъ упорствѣ поляки принуждены были оставить селеніе и отступить къ Бабанну, преслѣдуемые русскими. Сѣравскій, прибывъ къ отряду Лаговскаго, нашелъ баталіонъ Мальчевскаго въ Бѣлжицѣ, а кавалерію разстроенною и упавшею духомъ. Онъ рѣшился отступить къ Вронову еще ночью, такъ какъ движеніе днемъ по Бѣлжицкой равнинѣ, въ виду превосходства русской кавалеріи, считалъ опаснымъ. Для обезпеченія этого отступленія Лаговскій долженъ былъ съ 4-мя эскадронами двинуться на Ходель и расположиться тамъ бивакомъ, недалеко отъ праваго фланга Вроновской позиціи, а въ Бѣлжицѣ оставлено было 2 роты.

Бой у Вронова.

Въ то время какъ Сѣравскій обдумывалъ планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, онъ получилъ письмо отъ генералъ-квартирмейстера арміи съ выраженіемъ упрековъ за недостаточно энергическое преслѣдованіе русскихъ и удивленіе по поводу его бездѣйствія; это обстоятельство, въ связи съ полученными свѣдѣніями, что силы обѣихъ сторонъ почти равны, заставило Сѣравскаго принять сраженіе у Вронова, вопреки первоначально принятому рѣшенію о дальнѣйшемъ отступленіи. Дѣйствительно, Крейцъ имѣлъ перевѣсъ надъ Сѣравскимъ въ кавалеріи и артиллеріи, но не въ пѣхотѣ. Такъ у Крейца изъ пѣхоты находилось 6 слабыхъ баталіоновъ Литовской гренадерской бригады, числительностью всего въ 3100 чел., три драгунскихъ, одинъ конно-егерскій полки и казаки или около 3450 всадниковъ и 27 орудій—*всего 6600 чел.*; у Сѣравскаго-же было *около 7000 чел.*—7 батал. и 15 эск. съ 6 орудіями, но въ нравственномъ отношеніи паши старыя, испытанныя войска рѣшительно превосходили новобранцевъ Сѣравскаго. Избранная послѣднимъ позиція у Вронова представляла значительныя выгоды. Селеніе Вроново тянулось по обѣимъ сторонамъ столбовой дороги, на небольшой полянѣ, окруженной лѣсомъ и поросшей кустарникомъ. Стрѣлковый баталіонъ Малаховскаго занялъ названное селеніе, а прочая пѣхота стала позади, у опушки, въ трехъ линіяхъ, и скрытно отъ взоровъ русскихъ; лѣвое крыло ея примыкало къ лощинѣ, покрытой кустарникомъ, а правое—къ лѣсу; всѣ шесть орудій расположились вмѣстѣ, противъ дефиле, изъ котораго должны были дебушировать русскіе; Лаговскому приказано было, какъ только услышитъ кононаду, двинуться со своей кавалеріей къ главнымъ силамъ ([237]). Съ разсвѣтомъ авангардъ нашъ встрѣтилъ сопротивленіе въ Бѣлжицѣ. Атакованные нашей пѣхотой поляки были выброшены изъ мѣстечка. Толстой приказалъ казакамъ обскакать ихъ съ тыла, а Казанскимъ драгунамъ броситься въ атаку. Поляки остановились и встрѣтили драгунъ залпомъ, но казанцы смѣло ворвались въ ряды противника и частью его истребили, частью разсѣяли—ни одинъ не спасся; въ плѣнъ взято 6 оф. и 126 н. чиновъ. Затѣмъ авангардъ продолжалъ движеніе ([238]). Русскіе показались у выхода изъ лѣсу 5-го апрѣля въ 7 часовъ утра и были встрѣчены огнемъ польской артиллеріи. Тотчасъ прибывшій на полѣ сраженія бар. Крейцъ замѣтилъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга незанятую высоту, которая командовала почти всею деревнею и прилежащею къ ней мѣстностью; онъ приказалъ генералу Делингсгаузену поставить на этой высотѣ бывшую въ головѣ колонны 27-ю конную батарею, подъ прикрытіемъ Казанскаго драгунскаго полка; конная батарея вынеслась на позицію въ карьеръ, а драгуны спѣшились для ея прикрытія. Косвенные выстрѣлы батареи, на самомъ близкомъ разстояніи, отлично содѣйствовали дебушированію русскихъ изъ лѣсу и войска, по мѣрѣ подхода къ опушкѣ, развертывались вправо. Тщетно Сѣравскій дѣлаетъ попытки сбросить русскихъ съ высоты; калишская кавалерія, которую онъ нѣсколько разъ водилъ въ атаку, была опрокидываема постепенно подходившими драгунами и конными егерями; самъ Сѣравскій едва избѣжалъ плѣна. Прибывшія русскія войска расположились такъ: конная № 28 батарея—лѣвѣе 27-й; Виртембергскій



конно-егерскій полкъ присоединился къ Казанскому драгунскому; гренадерская батарея—правѣе дороги, подъ прикрытіемъ Несвижскаго карабинернаго полка; Луцкій гренадерскій полкъ—у самой дороги; Самогитскій—въ резервѣ за его лѣвымъ флангомъ; Тверской и герцога Виртембергскаго драгунскіе полки—въ резервѣ; Грекова и Хоперскаго казачьи полки наблюдали на лѣвомъ флангѣ польскую кавалерію. Въ центрѣ тоже кипѣлъ горячій бой. Баталіонъ Несвижскаго полка (другой баталіонъ этого полка прикрывалъ артиллерію) атаковалъ д. Вроново, но стрѣлки Малаховскаго храбро ее обороняли; тогда ген. Крейцъ приказалъ Луцкому полку поддержать атаку, а Муравьеву съ Самогитскимъ полкомъ—двинуться влѣво противъ наступавшей непріятельской пѣхоты. Значительно превосходная русская артиллерія, дѣйствовавшая частью даже картечью, совершенно разстроила ряды польскихъ новобранцевъ и принудила батарею противника почти совершенно замолчать; при такихъ условіяхъ поляки были опрокинуты

изъ деревни, которую заняли Несвижскіе карабинеры; непріятельская пѣхота, выдвинувшаяся противъ Самогитскаго полка, тоже была отброшена штыками. Противъ кавалеріи Лаговскаго, прибывшей въ это время на поле сраженія и стремившейся охватить лѣвый флангъ Самогитскаго полка, Крейцъ немедленно выдвинулъ Тверской и герцога Виртембергскаго драгунскіе полки; въ то же время гр. Толстой съ дивизіономъ Казанскаго драгунскаго и дивизіономъ Виртембергскаго конно-егерскаго полковъ атаковалъ ослабленный лѣвый флангъ поляковъ, и вся линія русскихъ быстро подалась впередъ.

Поляки не могли устоять ни на одномъ пунктѣ и подъ защитою стрѣлковъ, занявшихъ опушку лѣса, въ 4 часа пополудни стали отступать на Ополе. Такъ какъ поляки уничтожили за собою всѣ мосты, то преслѣдованіе было задержано, да притомъ и велось недостаточно энергично и русскіе только въ 11 ч. ночи прибыли въ Ополе, откуда Сѣравскій отступилъ уже на Казимержъ, гдѣ высокій, пересѣченный оврагами берегъ могъ, по его мнѣнію, способствовать спуску войскъ въ долину и посадкѣ ихъ на суда. Кромѣ того Сѣравскій расчитывалъ на содѣйствіе Паца и въ такомъ случаѣ полагалъ идти на Бобровники, гдѣ, по слухамъ, Пацъ намѣревался переправиться черезъ Вепржъ, имѣя въ виду овладѣть Люблиномъ; но во время этого отступленія прибылъ адъютантъ, посланный Сѣравскимъ къ Пацу, и донесъ, что на содѣйствіе послѣдняго расчитывать нечего, такъ какъ онъ получилъ приказаніе отъ главнокомандующаго двинуться къ Латовичамъ. Такимъ образомъ Сѣравскій былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Въ полночь онъ прибылъ въ Казимержъ и не принялъ никакихъ энергическихъ мѣръ къ скорѣйшей переправѣ своего отряда, такъ что, когда на слѣдующій день къ 12 часамъ показались русскія войска, то у Сѣравскаго были переправлены только часть кавалеріи и четыре орудія; точно также онъ ничего не сдѣлалъ для обороны города. Между тѣмъ ген. Крейцъ съ разсвѣтомъ 6-го апрѣля двинулся преслѣдовать непріятеля. Узнавъ, что Сѣравскій надѣется соединиться съ Пацомъ на Вепржѣ, онъ вознамѣрился преградить ему путь и для этого двинулся двумя колоннами: самъ онъ, съ главными силами, пошелъ вправо чрезъ Ковалу и Вылаги, а гр. Толстой съ двумя драгунскими полками и казаками направился прямо чрезъ Корчмиску къ Казимержу. Но при этомъ двигался недостаточно смѣло, съ педантическимъ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей: каждый мѣстный предметъ осматривался, колонны пріостанавливались и затѣмъ уже двигались. Обѣ колонны почти одновременно показались передъ непріятелемъ. Казимержъ расположенъ въ глубокой котловинѣ на берегу Вислы и охваченъ, въ видѣ полукруга отвѣсными скалами, частью поросшими кустарникомъ; города можно было достигнуть только по тремъ углубленнымъ дорогамъ. Сѣравскій оборонялъ эти пути съ оставшимися подъ рукою частями пѣхоты Млокосевича и Малаховскаго и орудіями; его слабый отрядъ былъ растянутъ на огромномъ протяженіи и раздѣленъ на нѣсколько частей, которыя почти не оказывали одна другой взаимной поддержки. Бой не могъ быть продолжительнымъ; русскіе постепенно овладѣли всѣми высотами; тщетно два баталіона старались устроиться на полянѣ у самаго берега рѣки—они были смяты конными егерями, слѣдовавшими позади пѣхоты; часть Сандомірской кавалеріи, видя свой путь отрѣзаннымъ, бросилась вплавь чрезъ Вислу—и погибла въ ея волнахъ; Кржесимовскій съ егерями заключился въ развалины стараго замка короля Казиміра, но долженъ былъ положить оружіе; многіе разсѣялись по оврагамъ и, скрываясь какъ отъ своихъ такъ и отъ русскихъ, бросали оружіе, радуясь скорому прекращенію своего военнаго поприща. Только Сѣравскому съ небольшою горстью пѣхоты и кавалеріи и съ двумя орудіями удалось пробраться по берегу и

ночью переправиться чрезъ Вислу у Пулавъ и Голомба. По сознанію самихъ поляковъ они потеряли болѣе 2000 чел., изъ которыхъ 54 оф. и 1500 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ. *) Русскій отрядъ за все время потерялъ не болѣе 600 чел., достигнувъ весьма важныхъ результатовъ, какъ непосредственныхъ въ смыслѣ разгрома непріятельскаго, такъ и косвенныхъ въ смыслѣ нравственномъ: побѣды Крейца обезпечивали владѣніе Люблинскимъ воеводствомъ и показали жителямъ его малую боевую пригодность новонабранныхъ войскъ входившихъ уже значительнымъ элементомъ въ составъ польской арміи ([239]). Вообще во всей этой операціи Крейцъ дѣйствовалъ съ большою проницательностью и энергіею; не говоря о кавалеріи, но и пѣхота его отряда—Литовская гренадерская бригада—сдѣлала въ 3 дня 60 верстъ, ежедневно сражаясь съ непріятелемъ. Что касается Сѣравскаго, то онъ обнаружилъ большое упорство въ оборонѣ, хотя имѣлъ въ распоряженіи только молодыя войска; лично выказался храбрымъ генераломъ, появляясь во всѣхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ и въ труднѣйшія минуты, чтобы выпутаться изъ того положенія, въ которое поставилъ себя излишней самонадѣянностью и недостаткомъ предусмотрительности. Впрочемъ въ несчастьи, постигшемъ его корпусъ, главнымъ виновникомъ оказывается самъ главнокомандующій польской арміей. Корпуса Паца и Сѣравскаго дѣйствовали врозь, безъ всякой прочной взаимной связи. Совершенно иныхъ результатовъ можно было-бы ожидать, если-бы, вмѣсто безполезнаго передвиженія Паца взадъ и впередъ, соединить его вмѣстѣ съ Сѣравскимъ, и тогда, имѣя около 18000 чел. вмѣстѣ, дѣйствовать противъ Крейца. Движеніемъ отъ Потыча къ Коцку и затѣмъ къ Любартову Крейцъ отрѣзывался отъ главной арміи; или-же, двинувшись отъ Юзефова или Рахова на Замостье, можно было войти въ связь съ Дверницкимъ. Совокупныя силы этихъ трехъ генераловъ были-бы вѣроятно, достаточными для борьбы, какъ съ Крейцомъ, такъ и съ Ридигеромъ. Точно также со стороны поляковъ была сдѣлана ошибка въ томъ отношеніи, что они не укрѣпили тетдепономъ устья Вепржа, который для южной части театра дѣйствій имѣетъ такое-же значеніе какъ Буго-Наревъ для сѣверной. Владѣя этими рѣками, можно свободно маневрировать по обоимъ ихъ берегамъ, затруднять связь между отдѣльными русскими отрядами и, при случаѣ, пытаться разбить ихъ по частямъ.

Крейцъ, давъ своимъ войскамъ небольшой отдыхъ, выступилъ къ Вепржу, на встрѣчу Пацу, но послѣдній уже успѣлъ возвратиться за Вислу. Такимъ образомъ Дверницкій тоже предоставленъ былъ самому себѣ.

Сѣравскій былъ смѣненъ Дзеконскимъ который вскорѣ пополнилъ и реорганизовалъ разбитыя войска и оставленъ былъ на лѣвомъ берегу Вислы, при числительности отряда даже большей нежели у Сѣравскаго ([241]).

Около половины марта Дверницкій получилъ приказаніе главнокомандующаго возможно поспѣшнее перейти черезъ Бугъ и двинуться на Почаевъ, Радзивиловъ и Волочискъ къ Каменецъ-Подольску, чтобы поднять въ странѣ возстаніе. Въ тоже время возвратился изъ поѣздки по Волыни и Подоліи эмисаръ революціоннаго правительства, Хрущиковскій, отправленный туда Дверницкимъ для подготовки возстанія и сбора необходимыхъ свѣдѣній. Хрущиковскій утверждалъ что страна готова вполнѣ поднять бунтъ и ожидаетъ лишь прибытія польскихъ войскъ. Дверницкій снова его туда отправилъ и приказалъ сообщить, что 29 марта онъ перейдетъ Бугъ въ окрестностяхъ Владиміра и Порицка ([242]).

---

*) По словамъ Хржановскаго корпусъ Сѣровскаго послѣ дѣла у Казимержа, «страшно ослабленный, а главное совершенно деморализованный, на долго остался ни къ чему негоднымъ» ([240]).

Дѣйствія Ридигера и Дверницкаго. Возстаніе на Волыни.

Хотя отрядъ Дверницкаго значительно нотерпѣлъ отъ холеры, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро пополнялся приливомъ молодежи изъ Галиціи, Волыни и Подоліи; кромѣ того онъ присоединилъ къ себѣ лучшихъ людей изъ стражи безопасности, бывшей въ окрестностяхъ Замостья; такимъ образомъ отрядъ Дверницкаго, по числительности личнаго состава, при выступленіи изъ Замостья *) былъ даже нѣсколько больше нежели при вступленіи въ эту крѣпость. Онъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ линейной пѣхоты, одного баталіона стрѣлковъ, 22-хъ эскадроновъ превосходной кавалеріи и 12 орудій всего около 6000 чел. **) Сверхъ того Дверницкій сильно расчитывалъ на содѣйствіе долженствовавшей возстать Волыни и на помощь Сѣравскаго. Дверницкій въ это время хотя уже былъ въ почтенномъ возрастѣ—52 лѣтъ—но отличался необыкновеннымъ кавалерійскимъ пыломъ и отвагою; кромѣ того онъ обладалъ замѣчательными организаторскими способностями и въ военномъ дѣлѣ имѣлъ достаточную боевую опытность, пріобрѣтенную имъ еще въ эпоху Наполеона, подъ знаменами котораго онъ служилъ и достигъ чина полковника. Отличаясь живымъ характеромъ и всѣми свойствами превосходнаго товарища, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался неограниченною любовью солдатъ, о которыхъ заботился съ отеческой попечительностью и съ которыми охотно дѣлилъ всѣ труды боевой и бивачной жизни. Успѣхи одержанные имъ надъ Гейсмаромъ и Крейцемъ высоко подняли его репутацію и сдѣлали его идоломъ молодежи.

Передъ выступленіемъ изъ Замостья, Дверницкій распустилъ, въ видахъ демонстраціи, слухъ, что, опасаясь значительныхъ русскихъ силъ на Волыни, онъ отказывается отъ предполагавшейся экспедиціи и намѣренъ переправиться обратно за Вислу у Завихостья. Онъ выслалъ нѣсколько эскадроновъ въ Звержинецъ для занятія этого пункта, а 20-го марта приказалъ войтамъ, лежавшихъ въ томъ направленіи гминъ, чтобы, подъ страхомъ смертной казни, собрали для корпуса необходимое продовольствіе и фуражъ. Наконецъ, 22 марта Дверницкій со всѣмъ отрядомъ двинулся на Звержинецъ, куда прибылъ на слѣдующій день. Простоявъ тамъ два дня, онъ 25 марта повернулъ назадъ и быстро двинулся чрезъ Немирувекъ и Тышовце къ Крылову на Бугѣ, куда прибылъ 28 марта и, внезапно напавъ на казачій постъ, сбилъ его; только вечеромъ 29 марта былъ оконченъ устройствомъ мостъ черезъ рѣку, и Дверницкій тотчасъ выдвинулъ 2 эскадрона и роту вольныхъ стрѣлковъ для занятія на противоположномъ берегу с. Кржечева. Переправа, вслѣдствіе болотистой мѣстности, продолжалась отъ 2-хъ часовъ пополудни до утра слѣдующаго дня и 30 весь корпусъ уже былъ на правомъ берегу Буга, наблюдаемый нашими казаками и гусарами. Относительно дальнѣйшихъ дѣйствій Дверницкій замѣчаетъ, что двинуться непосредственно противъ Ридигера онъ не могъ, потому что пришлось бы идти по весьма лѣсистой мѣстности, причемъ Ридигеръ имѣлъ войска неизмученныя, выгоды разстоянія и обезпеченность переправы. Затѣмъ всѣ склады Ридигера находились за р. Стырью. Послѣдняя, войдя изъ Галиціи въ предѣлы Волыни течетъ къ Луцку по мѣстности не особенно лѣсистой, затѣмъ отъ Луцка къ Припети, она уже течетъ по Полѣсью. Къ рѣкѣ вело два пути:

*) См. карту театра войны.

**) *Кавалерія* состояла изъ *третьихъ* дивизіоновъ 4-хъ уланскихъ и 5-ти конно-егерскихъ полковъ (18 эск.), дивизіона кракузовъ Костюшки (2 эск.) и дивизіона кракузовъ Понятовскаго (2 эск.)—всего 22 эск.; *пѣхота* изъ *четвертыхъ* баталіоновъ 1-го, 5-го и 6-го полковъ и баталіона стрѣлковъ—4 бат.; *артиллерія* изъ 2-хъ батарей по 6 ор. каждая. Отрядъ дѣлился на четыре бригады: 1-я бригада, подп. Рыхловскаго, 1 бат. и 4 эск. съ конно-батарейною батареею кап. Пузино; 2-я бригада подп. Терлецкаго, 1 стр. бат. и 6 эск.; 3-я бриг. подп. Вержхлейскаго—1 бат. и 4 эск.; 4-я бригада, подп. Сцептицкаго, 1 бат., 8 эск. и конно-легкая батарея поруч. Фрелиха. Артиллерія имѣла 3000 зарядовъ.

лѣсистый на Холбутово и Торчинъ и открытый на Гороховъ и Боремель. Движеніе по первой, вслѣдствіе состава отряда, преимущественно изъ кавалеріи, было невыгодно. Предпочтительнее было направиться на Гороховъ, тѣмъ болѣе, что это отвѣчало требованію главнокомандующаго: идти на Каменецъ-Подольскъ, *кратчайшимъ* путемъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Дверницкій направилъ 30 марта на Порицкъ (248), чтобы обойти Ридигера, расположеніе котораго не было, впрочемъ, въ точности ему извѣстно. Вторженіе Дверницкаго на Волынь вовсе на было неожиданнымъ для Ридигера, который всегда полагалъ, что польскій генералъ имѣетъ въ виду именно эту экспедицію, а не возвращеніе за Вислу. Войска Ридигера, а также имѣвшія войти въ составъ его отряда, занимали слѣдующее расположеніе: *авангардъ*, изъ резервныхъ баталіоновъ Минскаго и 49 егерскаго полковъ, 1-й бригады 3-й гусарской дивизіи и казачьяго Попова полка съ 4-мя конными орудіями, находился въ *Устилугѣ* (казаки въ *Грубешовѣ*); *самъ Ридигеръ*, со 2-й и 3-й бригадами 11-й пѣх. дивизіи, 1 бригадой 1 драг. дивизіи и 6-ю оруд., находился въ *Локачахъ и Бубновѣ*; *1-я бригада 11-й пѣх. дивизіи и резервный баталіонъ* Волынскаго полка занимали *Луцкъ и Дубно*. Кромѣ того двигались на соединеніе съ нимъ: вся 10-я пѣх. дивизія, остальныя бригады 3-й гусарской и 1-й драгунской дивизій и 1-я бригада 1-й конно-егерской дивизіи. Гусарскій пр. Оранскаго полкъ уже миновалъ Дубно, 1-я бригада 10-й пѣх. дивизіи была на высотѣ этого города, а 3-я и 2-я бригады шли за нею непосредственно. Ридигеръ заблаговременно предполагалъ, какъ только Дверницкій переправится черезъ Бугъ,—отойти къ Тарговицѣ съ тѣмъ, чтобы, вопервыхъ, прикрыть Дубно и не быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній, а, во-вторыхъ, чтобы присоединить къ себѣ подходившія войска. По этимъ соображеніямъ онъ 30 марта притянулъ къ Локачамъ свой авангардъ и присоединилъ его къ тѣмъ частямъ, которыя занимали какъ этотъ пунктъ, такъ и Бубново; но такъ какъ сосредоточенныя войска принадлежали къ числу тѣхъ, которыя возвратились изъ Турціи, то они были въ значительномъ некомплектѣ и составляли не болѣе 5.500 чел. *). Предполагая противника гораздо сильнѣе нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, Ридигеръ дѣйствовалъ съ большою осторожностью; чтобы собрать свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, онъ выслалъ въ разныхъ направленіяхъ разъѣзды, а для поддержки ихъ выдвинулъ къ Порѣцку 4 эск. Каргопольскихъ драгунъ; послѣдніе очутились среди войскъ Дверницкаго и, атакованные частями 2-го улан. и 4-го к. егер. полковъ, съ трудомъ успѣли пробиться, потерявъ до 150 чел., причемъ, будучи отрѣзанными отъ Локачей, отошли на Скурче, куда на слѣдующій день, т. е. 31 марта, подошелъ и Ридигеръ, чтобы присоединить къ себѣ, какъ эти эскадроны такъ и гусарскій пр. Оранскаго полкъ, шедшій впереди всѣхъ подкрѣпленій, двигавшихся къ Ридигеру. На другой день, 1-го апрѣля, Ридигеръ отошелъ къ Красному, гдѣ и занялъ позицію за р. Стырью. Въ этомъ пунктѣ успѣли присоединиться къ нему еще 1-я и 3-я бригады 10-й пѣх. дивизіи, слѣдовавшія за полкомъ пр. Оранскаго, Елецкій полкъ изъ Луцка и резервный баталіонъ Волынскаго полка изъ Дубно, такъ что Ридигеръ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи около 11000 чел. съ 36 орудіями, но силы непріятеля онъ по прежнему преувеличилъ, а потому держался все, еще оборонительнаго положенія **). Между тѣмъ Дверницкій все 31-е число провелъ

*) 2-я и 3-я бриг. 11 пѣх. дивизіи, 8 батал., 2246 чел.; два рез. баталіона, 660 чел.; 1-я бригада 3-й гусарской и 1-я бригада 1-й драг. дивизіи, 24 эск., 2580 чел., всего 10 батал. и 24 эск.

**) 2-я и 3-я бриг. 11 дивизіи, 1-я и 3-я бриг. 10-й дивизіи, 5300 чел.; 3 рез. баталіона 25-й пѣх. дивизіи, 1000 чел.; Елецкій полкъ (1-й бриг. 11 пѣх. див.), 650 чел., *всего пѣхоты 6950 чел.*; 1-я бриг. 3-й гусарской дивизіи 1510 чел.; полкъ принца Оранскаго (2-й бриг. той-же дивизіи), 800 чел.; 1-я бриг. 1-й драгунской див., 920 человѣкъ; казаковъ 600 чел. *всего кавалеріи 3830 чел.*, а вообще въ отрядѣ 10780 чел.

въ Порицкѣ въ ожиданіи обѣщаннаго подкрѣпленія отъ мѣстныхъ жителей. Онъ издалъ воззваніе въ которомъ выражалъ надежду, что подъ его знамена стекутся тысячи волынянъ, подолянъ и украинцевъ и приглашалъ, по примѣру Польши, къ пожертвованіямъ достояніемъ и всѣми средствами для борьбы. 1-го апрѣля онъ двинулся на Милятинъ къ Дружкополю, расчитывая уже найти плоды своего воззванія (244); но войска его встрѣтили равнодушный пріемъ, и къ нему присоединилась лишь нѣсколько дворянъ со своими дворовыми людьми и незначительное число городскихъ волонтеровъ; крестьяне же оставались совершенно спокойными. Въ Дружкополь къ нему явились только графы Чацкій, Стецкій и Тарновскій. Эти дворяне вызвались выставить на свой счетъ по одному полку, вслѣдствіе чего Дверницкій выдѣлилъ имъ часть офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для образованія кадровъ. Надежды поляковъ на образованіе на Волыни конфедераціи совершенно не оправдались. Изъ бесѣды съ Чацкимъ и др. Дверницкій убѣдился въ отсутствіи единства между ними и замѣтилъ нѣкоторую робость, объяснявшуюся неувѣренностью въ успѣхѣ дѣла (245). Видя все это, Дверницкій организовалъ революціонное правленіе, а самъ намѣревался пробраться въ Подолію, гдѣ имѣлъ помѣстья и надѣялся на помощь населенія. Тогда Ридигеръ ставитъ себѣ цѣлью воспрепятствовать исполненію намѣренія своего противника и преградить ему путь. 3-го апрѣля Ридигеръ перешелъ изъ Краснаго въ Хрыники, откуда онъ надѣялся помѣшать переправѣ Дверницкаго черезъ р. Стырь. Польскій генералъ, держась близко къ австрійской границѣ, направился на Берестечко. Ридигеръ въ тотъ-же день (3-го апрѣля) поспѣшилъ къ этому пункту и занялъ позицію у Плешева, но тутъ онъ замѣтилъ, что Дверницкій потянулся внизъ по лѣвому берегу Стыри. До сліянія съ Иквой, рѣка эта не представляла въ то время затрудненій для переправы, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ показались броды; такимъ образомъ невозможно было, защищая всѣ эти пункты, непосредственно воспрепятствовать переправѣ непріятеля. Поэтому Ридигеръ 4 апрѣля перешелъ на центральную позицію у Ленчки, откуда онъ обезпечивалъ Дубно, городъ важный по значительнымъ коммисаріантскимъ складамъ, прикрывалъ Кременецъ, гдѣ находился извѣстный лицей, поддерживавшій польскій національный духъ въ странѣ, и, наблюдая рѣку на значительномъ протяженіи, могъ своевременно поспѣть къ любому пункту переправы (246).

4-го апрѣля Дверницкій перешелъ къ Боремлю и Михайловкѣ и полагалъ здѣсь переправиться, чтобы двинуться на Дубно. Тутъ-же присоединилось къ нему около 100 инсургентовъ, приведшихъ съ собою взятыхъ въ плѣнъ адъютантовъ Ридигера и фельдмаршала. Приэтомъ поляки успѣли перехватить донесеніе Ридигера Дибичу, отъ 2-го апрѣля, въ которомъ онъ извѣщалъ, что сосредоточилъ у Краснаго около 8 т. чел., но что старослужащихъ только третья часть,—остальные рекруты, не умѣющіе стрѣлять; что онъ обремененъ своей артиллеріей, въ которой много людей изъ пѣхоты, неопытныхъ въ новой службѣ; силы Дверницкаго онъ опредѣлилъ въ 8000 чел. одной лишь пѣхоты, причемъ поляки усиливались постоянно приливомъ волонтеровъ. Эта депеша, открывая преувеличенность свѣдѣній о силахъ Ридигера, придала увѣренности Дверницкому. Подойдя 7-го апрѣля къ Боремлю, Дверницкій расположилъ кавалерію и артиллерію за мѣстечкомъ, а пѣхотой занялъ Боремель и берегъ рѣки у разрушеннаго русскими моста, который Дверницкій приказалъ возстановить. Высланный къ Берестечку на развѣдку дивизіонъ конницы, донесъ будто-бы тамъ находится полкъ пѣхоты и полкъ кавалеріи съ конной батареей изъ отряда Ридигера. Вслѣдствіе чего Дверницкій счелъ нужнымъ зорко наблюдать за Берестечкомъ. Боремель—это небольшое мѣстечко на лѣвомъ берегу р. Стыри, которая, дѣлая въ этомъ мѣстѣ изгибъ

подходитъ къ Боремлю и Михайловкѣ отъ д. Толпыжина, лежащей въ $2^1/_2$ в. выше, и тотчасъ, круто поворачивая, протекаетъ почти по противоположному направленію къ д. Хрыники, лежащей въ 4 в. ниже. Боремель соединяется съ д. Новоселки, расположенной по высотамъ, образующимъ лѣвый берегъ рѣки. Въ южной части мѣстечка находился дворецъ Чацкаго, тыломъ къ рѣкѣ,. къ которой примыкаетъ его садъ. Съ одной изъ терасъ сада открывается обширный кругозоръ на правый берегъ р. Стыри, которая имѣетъ здѣсь до 30 саж. ширины. За мостомъ тянется гребля, насыпанная на болотѣ и протяженіемъ до 300 саж. По ней идетъ широкая дорога на Хрословецъ и Дубно. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ моста, справа отъ гребли находилась каменная пивоварня. Для обстрѣливанія гребли Дверницкій расположилъ скрытно въ саду 4 орудія. Три роты пѣхоты, по доскамъ, положеннымъ на балки моста, перешли рѣку и заняли противолежащій лѣсокъ. На другой день, 5-го апрѣля, Дверницкій получилъ свѣдѣніе о движеніи русскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого, тотчасъ по возстановленіи моста, онъ выдвинулъ на правый берегъ рѣки нѣсколько эскадроновъ кавалеріи съ ротой пѣхоты, чтобы развѣдать о непріятелѣ и въ случаѣ надобности удерживаться у лѣска занятаго 3-мя ротами пѣхоты. Но этотъ отрядъ возвратился къ вечеру не открывъ русскихъ. Только на другой день разъѣзды донесли о встрѣченныхъ ими верстахъ въ 7 отъ Боремля казачьихъ постахъ (247). Ридигеръ узнавъ о покушеніи Дверницкаго, немедленно двинулся впередъ и расположился 6-го апрѣля между дд. Толпыжиномъ и Хрыниками; опираясь на послѣднее своимъ правымъ флангомъ, онъ лѣвымъ атаковалъ занятый поляками лѣсъ. Къ вечеру четыре егерскіе баталіона (19-го, 20-го, 22-го и 49-го полковъ) съ 2-мя орудіями, поддержанные Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, вытѣснили поляковъ изъ лѣсу и, не смотря на поддержку противника еще двумя ротами, опрокинули его обратно за Стырь. Бой этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ открылъ глаза на силы непріятеля Ридигеру, который съ этого времени пересталъ опасаться своего соперника и рѣшился перейти въ наступленіе. Между тѣмъ русскіе подошли къ берегу и открыли канонаду по непріятелю; но переправиться здѣсь было трудно, такъ какъ Дверницкій занималъ сильную позицію и русскіе, отдѣленные отъ него широкою рѣкою съ болотистой долиной, могли подойти только по узкой плотинѣ, которая вела къ лежавшему на высотѣ замку гр. Чацкаго и обстрѣливалась шестиорудійной батареей, расположенной Дверницкимъ на терассѣ этого замка.

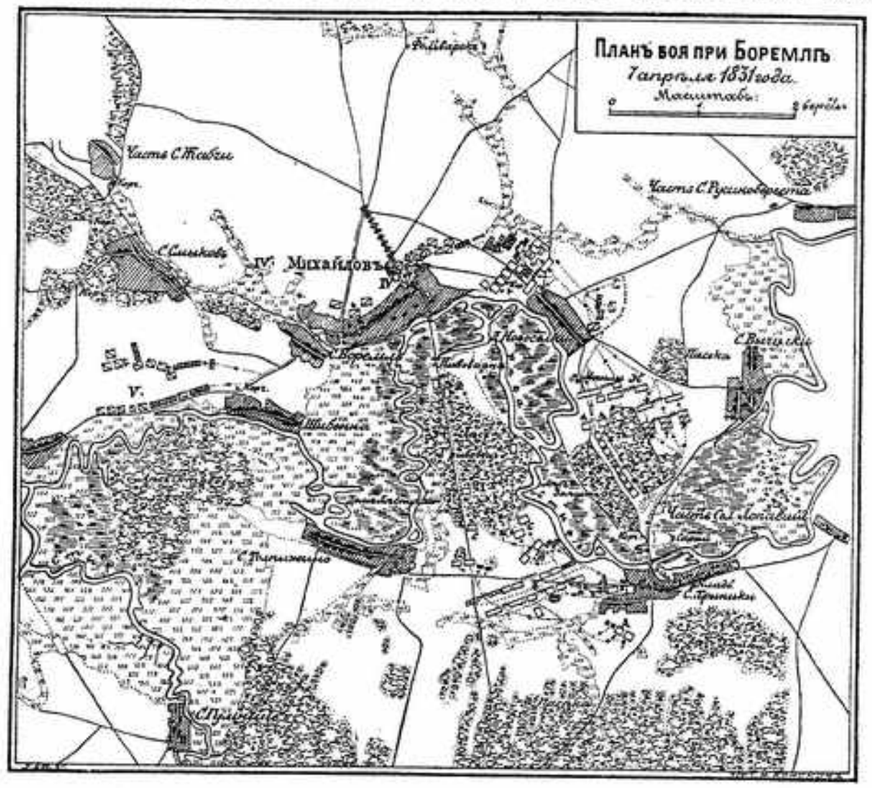
Польскій генералъ затруднялся относительно дальнѣйшаго плана дѣйствій; съ одной стороны онъ встрѣтилъ у Ридигера рѣшимость помѣряться съ нимъ силами и потерпѣлъ уже неудачу въ авангардномъ бою, а потому хотѣлъ-бы уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія, особенно въ виду равнодушія волынцевъ и надеждъ на Подолію; съ другой стороны онъ не зналъ сосредоточилъ-ли Ридигеръ противъ Боремля всѣ свои силы, или оставилъ часть ихъ въ Берестечкѣ; въ первомъ случаѣ онъ полагалъ двинуться къ этому пункту и совершить тамъ переправу; въ послѣднемъ—атаковать находившуюся тамъ часть корпуса и проложить себѣ путь на Дубно. Свѣдѣнія изъ Берестечка заставили его держать тамъ 4 эскадрона и 2 орудія, чтобы задержать возможную по его предположенію, переправу тамъ русскихъ.

О готовящейся переправѣ русскихъ у Хрыникъ Дверницкій узналъ ночью съ 6 на 7 апрѣля. Въ утро 7-го числа русскіе стрѣлки появились въ недалекомъ разстояніи отъ р. Новоселки, на опушкѣ дубоваго лѣса, между тѣмъ какъ лѣсокъ впереди деревни былъ занятъ поляками. Въ самомъ селеніи находился 1 баталіонъ поляковъ, а лѣвѣе (западнѣе) его—дивизіонъ 4-го уланскаго и 1 конно-егерскаго полковъ. Влѣво отъ Боремля стояла кавалерія и артиллерія въ 2 линіи, а пѣхота у костела при въѣздѣ

отъ Новоселокъ. Дверницкій думалъ что русскіе будутъ его атаковать не только со стороны Хрыникъ но и со стороны Берестечка, а равно что и пѣхота, стоявшая на правомъ берегу рѣки за пивоварней, тоже перейдетъ въ наступленіе. Вслѣдствіе этого маіору Вержхлейскому (бывшему въ направленіи Берестечка) приказано было съ 4 эск. кавалеріи, 1 батал. пѣхоты и 2 орудіями занять с. Рудки въ 2 в. отъ Боремля по дорогѣ въ Берестечко, а двумъ ротамъ пѣхоты приказано оборонять мостъ. Въ такомъ расположеніи находился отрядъ Дверницкаго въ 11 ч. утра ([248]).

Бой у Боремля.

Ридигеръ перешелъ черезъ Стырь правымъ своимъ флангомъ у Хрыникъ и двинулся по лѣвому берегу рѣки на д. Новоселки. На правомъ берегу, передъ мостомъ у Михайловки, оставлены были: 2 баталіона егерей (19-го и 20-го полковъ), за



ними часть кавалеріи и только что прибывшая къ корпусу 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи. Ридигеръ, подходя къ Новоселкамъ, имѣлъ пѣхоту на лѣвомъ флангѣ, обезпеченномъ рѣкою, и намѣревался, опираясь на крутой ея берегъ, выдвинуть на правый флангъ кавалерію и обогнуть тылъ поляковъ, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія на Гороховъ. На обоихъ его крыльяхъ находилось по 12 орудій. Хотя пересѣченная оврагами мѣстность и неблагопріятствовала атакамъ кавалеріи, но находящаяся за Новоселками небольшая, открытая равнина могла нѣсколько способствовать намѣренію Ридигера. Вначалѣ передовая линія поляковъ подалась назадъ и, укрываясь отъ выстрѣловъ русскихъ батарей, занявшихъ позицію западнѣе с. Новоселки, спустилась въ лощину. Затѣмъ Дверницкій приказалъ батареѣ Пузино открыть огонь, послѣ чего

первая линія поляковъ устремилась на нашу батарею и наскочила на нее. Тогда наши драгуны (которые были въ 1-й линіи кавалерійскаго крыла Ридигера, имѣя за собою гусарскую бригаду), бросились на встрѣчу полякамъ. Завязался ожесточенный рукопашный бой; ген. Плахово, командовавшій 1-ю линіею, нѣсколькими сабельными ударами былъ сбитъ съ лошади, но поляки все таки отступили. Тогда Дверницкій ввелъ въ дѣло свою 2-ю линію (гв. конные егеря и кракузы Костюшки), которые бросились на нашихъ преслѣдовавшихъ драгунъ; послѣдніе не выдержали натиска и опрокинулись на гусарскую бригаду. Тѣснота мѣста и безпорядокъ отброшенной линіи драгунъ произвели замѣшательство и между гусарами. При этомъ поляки овладѣли 8-ю нашими орудіями. Только гусарскій пр. Оранскаго полкъ, стоявшій уступомъ за правымъ флангомъ, сохранилъ полный порядокъ. Командиръ его флигель-адъютантъ Плаутинъ, быстро выдвинулся впередъ и ударилъ во флангъ, разстроенной собственной атакой, польской кавалеріи. Этотъ своевременный ударъ возстановилъ дѣло въ нашу пользу; послѣ жестокаго рукопашнаго боя, въ которомъ пострадали особенно польскіе гвардейскіе конные егеря, гусары отбили 3 орудія; пять-же остальныхъ Пузино увезъ при помощи лошадей своей батареи. *) Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ открылась канонада. Усиленный потребованными отъ Вержхленскаго 3-мя эскадронами, Дверницкій произвелъ еще нѣсколько атакъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Ридигеръ готовился къ рѣшительному удару; пѣхота двигалась, чтобы овладѣть Боремлемъ и взять поляковъ во флангъ и тылъ, въ то время какъ кавалерія будетъ тѣснить ихъ съ фронта, но вдругъ погода рѣзко измѣнилась; разразилась сильнѣйшая буря съ грозой, сопровождаемая градомъ и ливнемъ. При такихъ условіяхъ пальба изъ ружей оказалась невозможной, и Ридигеръ, опасаясь нападенія польской конницы на беззащитную пѣхоту (Феръ-Шампенуазъ), а также въ виду наступавшей темноты (было 6 ч. вечера) прекратилъ бой. Поле сраженія осталось за русскими; поляки расположились въ виду ихъ **). Со стороны замка дѣло ограничилось канонадою. Потери поляковъ въ бою простирались до 500 чел. ***); наши около 300 чел. и 5 орудій ([249]).

Движеніе Дверницкаго къ границамъ Подоліи и изгнаніе его въ Австрію.

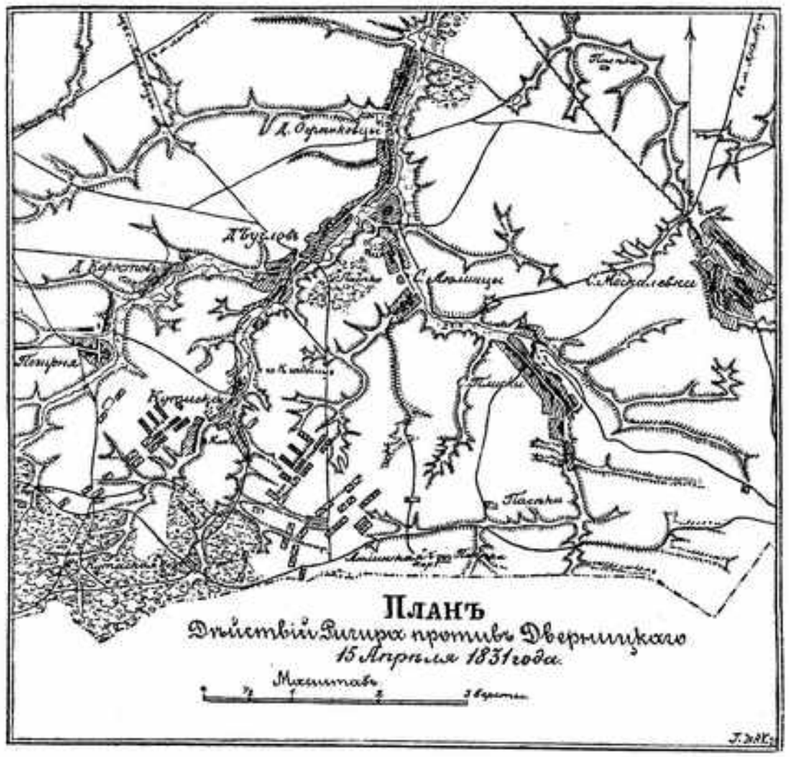
Положеніе Дверницкаго было затруднительно. Двигаться назадъ, на Ковель, гдѣ уже вспыхнуло возстаніе, оказывалось невозможнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, Ридигеръ былъ ближе къ этому пункту нежели поляки, и потому едва-ли можно было уклониться отъ сраженія, котораго Дверницкій избѣгалъ, а, во-вторыхъ, въ такомъ случаѣ русскія силы были-бы привлечены прямо на инсургентовъ; наконецъ въ тылу находились русскія войска. Такимъ образомъ оставалось продолжать выполненіе принятаго плана относительно вторженія въ Подолію, причемъ Дверницкій надѣялся опередить русскихъ и получить необходимое снабженіе изъ Галиціи. Въ этихъ видахъ онъ скрытно, не зажигая бивачныхъ огней и оставя въ Боремлѣ своихъ раненыхъ, снялся съ позиціи и быстро двинулся къ Берестечку, приказавъ поспѣшно исправить мостъ. Дверницкій частью по немъ, частью въ бродъ перешелъ р. Стырь, сломалъ за собою мостъ и 8-го апрѣля, сдѣлавъ 40 верстъ, достигъ Хотина; но едва его арьергардъ

*) Въ этой схваткѣ самъ Дверницкій упалъ со своей лошади и едва не былъ схваченъ нашими драгунами, но его спасъ подскакавшій эскадронъ 4-го уланскаго полка.

**) Такъ говоритъ Ридигеръ, но Дверницкій утверждаетъ, будто-бы ему удалось оттѣснить Ридигера до дубовой рощи (хотя далѣе самъ заявляетъ что с. Новоселки, было занято ночью русскою пѣхотою и артиллеріею). Впрочемъ, ссылка на ливень и «беззащитность» пѣхоты нѣсколько странна при значительномъ численномъ превосходствѣ отряда Ридигера.

***) Эту цифру даетъ Прондзинскій, а Дверницкій показываетъ всего 110 чел.

перешелъ Стырь, какъ авангардъ Ридигера показался на противоположномъ берегу рѣки. Опасаясь, чтобы Дверницкій не предупредилъ его въ Дубно или Кременцѣ, Ридигеръ выслалъ непосредственно за поляками Каргопольскій драгунскій и гусарскій принца Оранскаго полки, а самъ съ главными силами направился влѣво къ Козину, чтобы быстрымъ параллельнымъ движеніемъ стать на одну высоту съ непріятелемъ. 9-го апрѣля Ридигеръ прибылъ въ Козинъ, и, опасаясь не двигается-ли уже непріятель по большой дорогѣ изъ Радзивилова въ Дубно, немедленно выслалъ свой авангардъ къ Вербѣ, на дубенской дорогѣ, и заперъ полякамъ путь на этомъ пунктѣ. Между тѣмъ Дверницкій достигъ 9-го апрѣля Радзивилова. Русскія власти заблаговременно удалились въ Галицію, а Радзивиловская таможня попала въ руки евреевъ, разграбившихъ немедленно всѣ документы по провозу контрабанды; граница оказалась открытой и массы галиційцевъ стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы привѣтствовать и снабдить всѣмъ необходимымъ польскій отрядъ. Дверницкій приказалъ разбить русскіе таможенные гербы. Онъ ласково былъ встрѣченъ австрійскими властями, которымъ



поручилъ своихъ больныхъ, въ числѣ 37 чел. офицеровъ и нижнихъ чиновъ. На слѣдующій день, 10-го апрѣля, Дверницкій выступилъ къ Кременцу, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала молодежь; но его предупредилъ Ридигеръ, который усиленнымъ переходомъ достигъ Кременца утромъ 10-го апрѣля. Кромѣ того, сверхъ находившагося въ городѣ резервнаго баталіона 50-го егерскаго полка, подоспѣла туда 2-я бригада 1-й драгунской дивизіи и гусарскій кн. Витгенштейна полкъ. Отправивъ въ городъ два конно-егерскихъ полка и усилившись второю бригадою 1-й драгунской дивизіи, Ридигеръ занялъ позицію вблизи города, у Большаго фольварка. Отсюда онъ могъ преградить полякамъ путь въ любомъ направленіи. Дверницкій повернулъ вправо на

Почаевъ и достигъ Вышинца, владѣтель котораго, гр. Мнишекъ, отказался прибыть къ нему. На слѣдующій день, 11-го апрѣля, польскій генералъ направился въ Колодно, гдѣ тщетно старался склонить къ возстанію хотя часть дворянъ. Ридигеръ былъ на маршѣ, когда узналъ, что противникъ остановился у Колодно; тогда онъ повернулъ къ этому пункту, чтобы атаковать поляковъ, но на пути получилъ извѣстіе о выступленіи Дверницкаго и движеніи его лѣсами вдоль австрійской границы. Ридигеръ поспѣшилъ за нимъ и, при усиленномъ движеніи, достигъ Вышгородка одновременно съ авангардомъ Дверницкаго, который былъ немедленно атакованъ и отброшенъ къ селенію — этимъ окончательно отрѣзывался польскому отряду путь въ Подолію. Тогда Дверницкій занялъ крѣпкую позицію при Люлинской корчмѣ. Правое его крыло прикрывалось лѣсомъ, примыкавшимъ къ границѣ; центръ и лѣвый флангъ были открыты, но доступъ къ нимъ затруднялся крутыми ущельями и оврагами. Ридигеръ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, старался маневрами выманить непріятеля изъ его крѣпкой позиціи. Но Дверницкій, избѣгая боя, рѣшился оставаться на своей позиціи пока вспыхнетъ возстаніе въ Подоліи и на Украинѣ и оттянетъ къ себѣ часть силъ русскихъ. Ридигеръ отошелъ къ Москалевкѣ, откуда онъ, въ случаѣ движенія Дверницкаго въ Подолію, могъ отбросить его къ болотистой долинѣ пограничной р. Збручъ.

Убѣдившись въ томъ, что Дверницкій не желаетъ покинуть своей позиціи и получивъ донесеніе (оказавшееся ложнымъ) изъ Кременца, будто-бы отрядъ Сѣравскаго подошелъ къ Радзивилову, Ридигеръ рѣшился, наконецъ, атаковать противника. Русскій отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ: *кавалерія* — 3-я гусарская и 1-я драгунская дивизіи и 1-я бригада 1-й конно-егерской дивизіи, всего 6,600 чел.; *пѣхота*: четыре полка 10-й и три полка 11-й пѣх. дивизіи, всего 5,200 чел.; или-же *60 эск. и 14 баталіоновъ, общею числительностью до 12.000 чел.* *). Кромѣ того въ Кременцѣ оставленъ гарнизонъ. Для атаки войска должны были исполнить слѣдующее: 15-го апрѣля пѣхотѣ, въ двухъ колоннахъ, двинуться чрезъ овраги и ущелья, противъ центра и лѣваго фланга непріятеля; Каргопольскому драгунскому полку съ небольшою частью пѣхоты занимать дорогу, ведущую въ Колодно; 3-й гусарской дивизіи, имѣя въ резервѣ 3 драгунскихъ полка, направиться влѣво, чтобы угрожать правому флангу непріятеля и отрѣзать ему путь отступленія въ Подолію. Теперь Дверницкому оставалось только искать убѣжища въ Галиціи. Сперва онъ отправилъ туда своихъ раненыхъ и обозъ, а самъ сталъ выжидать какого-либо благопріятнаго случая; но пѣхота Ридигера успѣла уже пройти овраги и начала развертываться по противоположную ихъ сторону, а кавалерія стала обходить поляковъ справа. Тогда Дверницкій перешелъ, наконецъ границу. Австрійскія власти, до полученія инструкцій изъ Львова, указали полякамъ расположиться лагеремъ при с. Хлѣбановкѣ. Ридигеръ отправилъ въ Галицію генер. Берга, чтобы потребовать выдачи Дверницкаго. Австрійцы объявили, что не могутъ исполнить этого ранѣе, чѣмъ будутъ стянуты необходимыя войска. Между тѣмъ австрійскій генералъ Штутергеймъ отдалъ приказаніе въ Лембергѣ, приглашая поляковъ добровольно сложить оружіе, въ противномъ случаѣ угрожалъ принудить ихъ къ тому силою, для чего приказалъ сосредоточить у Тарнополя 8 бат. и 24 эск. 19-го апрѣля Дверницкій со своимъ отря-

*) 3-я гусарская, а также 10 и 11 пѣхотныя дивизіи принадлежали къ 3-му корпусу Кайсарова, а 1-я драгунская и 1-я конно-егерская—къ 4-му кавалерійскому корпусу Ридигера. 2-я бригада 1-й конно-егерской дивизіи изъ Дубно была выслана въ Гороховъ и Дружкополь для разсѣянія тамошнихъ вооруженій. Она исполнила это порученіе 11-го апрѣля, причемъ захватила 100 старыхъ солдатъ, оставленныхъ Дверницкимъ для образованія кадровъ.

домъ добровольно сложилъ оружіе; самъ генералъ отправленъ былъ на жительство въ Лайбахъ; большая-же часть его людей перебѣжала черезъ границу въ Царство; многіе пробрались туда подъ видомъ лакеевъ и пр. Артиллерія, оружіе и вся матеріальная часть были выданы австрійскимъ правительствомъ *). Числительность отряда въ минуту перехода немного превосходила 4,000 чел.; болѣе 2,000 частью погибли въ бою, частью оставлены въ разныхъ пунктахъ или бѣжали (250).

Если не касаться оцѣнки самой идеи экспедиція Дверницкаго на Волынь, которая ему не принадлежала, то генералъ этотъ обнаружилъ много искусства въ своихъ дѣйствіяхъ. Находясь въ Замостьи, онъ искусно скрылъ свои намѣренія, затѣмъ весьма удачно маневрировалъ на Звержинецъ и ввелъ противника въ заблужденіе относительно истиннаго смысла своихъ операцій. Вторгнувшись на Волынь и не встрѣтивъ дѣятельнаго сочувствія возстанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ преувеличивая силы русскихъ, онъ уже начинаетъ дѣйствовать нерѣшительно и даже робко. Тѣмъ не менѣе, когда Ридигеръ дѣйствительно сосредоточилъ значительно превосходныя силы, то Дверницкій, благодаря отчасти своей смѣлости въ бою, отчасти энергіи въ дѣйствіяхъ и искусству маневровъ, избѣгаетъ рѣшительнаго пораженія. Впрочемъ если-бы онъ, видя спокойствіе Волыни, направился къ Пинскимъ болотамъ, или далѣе въ Литву то, дѣйствуя въ этихъ странахъ, въ высшей степени благопріятныхъ для партизанской войны, могъ-бы нанести значительный вредъ русскимъ и спасти свой отрядъ отъ необходимости искать убѣжище за предѣлами Россіи и быть тамъ уничтоженнымъ. Однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для Дверницкаго обстоятельствъ было то, что онъ встрѣтилъ въ генералѣ Ридигерѣ искуснаго противника. Отличаясь уже въ войнахъ Наполеона, Ридигеръ особенно сдѣлался извѣстнымъ въ турецкую кампанію. Обладая практическимъ военнымъ взглядомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ хорошее теоретическое образованіе и былъ знакомъ съ лучшими произведеніями современной ему военной литературы. Вопреки мнѣнію всѣхъ прочихъ генераловъ, онъ предвидѣлъ вторженіе на Волынь Дверницкаго. Когда-же это событіе совершилось, то Ридигеръ, избѣгая неровнаго столкновенія, отходитъ назадъ, сосредоточиваясь къ прибывающимъ резервамъ, чѣмъ, между прочимъ, сразу выигрываетъ у непріятеля цѣлый переходъ. Имѣя сначала ложныя свѣдѣнія о силахъ польскаго отряда, который полагалъ большимъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности, Ридигеръ дѣйствуетъ нерѣшительно и занимаетъ такія оборонительныя позиціи, которыя обезпечиваютъ какъ его войска, такъ и прикрываемые имъ пункты. Его маневры на Стыри и оборона переправъ на этой рѣкѣ заслуживаютъ полнаго вниманія; вмѣсто разброски отряда по частямъ, онъ держится сосредоточенно на центральной позиціи, откуда можетъ своевременно атаковать противника на любомъ пунктѣ переправы. Въ бою подъ Боремлемъ остается непонятнымъ зачѣмъ оставлено было для демонстраціи на лѣвомъ флангѣ слишкомъ много войскъ; если для обмана противника относительно истиннаго пункта переправы, то эта цѣль не была достигнута, да и трудно было расчитывать на столь грубую ошибку польскаго генерала, если принять во вниманіе мѣстныя условія этой демонстративной переправы; между тѣмъ присутствіе части бездѣйствовавшихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки, могло бы придать болѣе рѣшительный характеръ бою. Дальнѣйшее *параллельное* преслѣдованіе, по вѣрности основной идеи и энергіи его веденія, — образцово. Въ заключительномъ фазисѣ этой операціи, а именно въ бою у Люлинской корчмы, тоже неясны побужденія, колебавшія рѣшимость Ридигера атако-

*) Русскимъ передано 17 орудій (въ томъ числѣ 5 отбитыхъ при Боремлѣ) со снарядами, около $2^1/_2$ т. ручнаго огнестрѣльнаго и до 3 т. холоднаго оружія.

вать своего противника, надъ которымъ онъ имѣлъ тройное превосходство силъ. Труднодоступность непріятельской позиціи не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ всетаки пришлось прибѣгнуть къ атакѣ, и одной такой угрозы оказалось достаточно, чтобы заставить непріятеля передаться въ руки австрійцевъ *).

Частныя вспышки на Волыни и ихъ прекращеніе.

Въ то время какъ происходили вышеописанные маневры между Дверницкимъ и Ридигеромъ, генералъ Давыдовъ, направленный бар. Крейцомъ за Дверницкимъ съ Финляндскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, отрѣзалъ ему сообщеніе съ Замостьемъ и вообще съ Царствомъ Польскимъ. 6-го апрѣля Давыдовъ прибылъ въ Крыловъ и захватилъ тамъ нѣсколькихъ офицеровъ Дверницкаго, студентовъ изъ Лемберга и прокламаціи къ нашимъ войскамъ, составленныя отъ имени Ермолова, который пользовался высокой популярностью, какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ арміи. Между тѣмъ во Владимірѣ и его окрестностяхъ вспыхнуло возстаніе, возбужденное молодымъ, богатымъ и пылкимъ гр. Стецкимъ. Собравъ 30 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ, онъ вооружилъ ихъ изъ собственныхъ средствъ и направился къ Владиміру. Усилившись по пути новыми инсургентами, онъ 6-го апрѣля, въ день прибытія Давыдова въ Крыловъ, занялъ вышеупомянутый городъ. Послѣдовалъ рядъ общепринятыхъ поляками въ подобныхъ случаяхъ мѣръ и учреждено временное правленіе, во главѣ котораго сталъ гр. Добржинскій. Узнавъ объ этомъ, Давыдовъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Владиміру, имѣя впереди казачій полкъ Катасанова, разсѣялъ встрѣченныя имъ шайки и ворвался въ городъ. Напрасно инсургенты пытались держаться въ домахъ и церквахъ: часть спѣшенныхъ казаковъ и драгунъ выбили ихъ оттуда; самъ Стецкій успѣлъ ускакать со своими всадниками; но его жена выказала много мужества, энергически поддерживая сопротивленіе; тогда казаки подожгли ея домъ и сама графиня едва была спасена однимъ офицеромъ. Затѣмъ городъ былъ усмиренъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился между прочимъ самый вліятельный изъ инсургентовъ, дворянинъ Чарнолускій, котораго Давыдовъ, для примѣра строгости, приказалъ разстрѣлять, а трупъ повѣсить на висѣлицу. По словамъ самаго Давыдова, онъ „поставилъ во Владимірѣ все вверхъ дномъ и отбилъ охоту бунтовать“. Послѣ того онъ обратился къ Крылову, чтобы занять путь сообщенія Дверницкаго съ Замостьемъ и прекратить небольшія возстанія въ окрестностяхъ.

Одновременно, а частью ранѣе еще, чѣмъ Стецкій овладѣлъ Владиміромъ, нѣкоторые дворяне произвели возстаніе въ разныхъ пунктахъ Луцкаго, Ковельскаго и Ровенскаго уѣздовъ, причемъ шайки ограничивались нападеніемъ на почту, курьеровъ, транспорты и т. п. Особенную дѣятельность на этомъ поприщѣ проявилъ гр. Ворчель въ окрестностяхъ Луцка. Наконецъ 10-го апрѣля предводители инсургентовъ собрались на совѣщаніе въ лагерѣ при Черевахъ, Владимірскаго уѣзда. Главнѣйшими между ними были графы: Ворчель, Олизаръ, Поцей, Мошинскій и др. Они привели съ собою небольшіе отряды, состоявшіе изъ мелкаго дворянства, дворовыхъ людей, лѣсничихъ и незначительнаго числа крестьянъ, съ запасами продовольствія и оружія. Во главѣ гражданскаго и военнаго совѣтовъ поставленъ былъ гр. Олизаръ, а начальникомъ войскъ назначенъ былъ Богдановичъ. Сформировано было два эскадрона и двѣ егерскія роты, которыхъ

*) Поляки привыкли получать отъ Дверницкаго благопріятныя извѣстія, поэтому его неудача и изгнаніе корпуса въ Галицію произвели весьма тяжелое на нихъ впечатлѣніе; впослѣдствіи часто говорили: „съ Дверницкимъ насъ покинуло счастье“ (251).

обучили дѣйствію оружіемъ, а затѣмъ часть отряда предприняла экспедицію въ Ковель, а другая осталась въ лагерѣ для набѣговъ. Посланный Ридигеромъ генер. Квитницкій напалъ на лагерь при Черевахъ и разсѣялъ инсургентовъ, а затѣмъ обратился къ Ковелю, которымъ гр. Олизаръ овладѣлъ 19-го апрѣля. Узнавъ о приближеніи Квитницкаго, гр. Олизаръ распустилъ свою пѣхоту, а съ 200 всадниковъ намѣревался присоединиться къ Дверницкому, но, получивъ свѣдѣніе о неудачѣ экспедиціи послѣдняго, распустилъ часть своего отряда по домамъ, а дворяне, входившіе въ составъ послѣдняго, пробрались въ Галицію. Только Ворчель со своей бандой оставался нѣкоторое время въ лѣсахъ, а затѣмъ присоединился къ Рожицкому и ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу (252).

Вообще съ изгнаніемъ Дверницкаго рушилась надежда революціонеровъ соединить отдѣльныя движенія на Волыни въ общее возстаніе. Изъ вышеизложеннаго видно, какъ уничтожены были вспышки во Владимірѣ, Ковелѣ и пр.; въ Гороховѣ и Дружкополѣ вооруженія были прекращены посланными Ридигеромъ конно-егерями и только на берегахъ Припети, въ сѣверо-западной Волыни продолжалось еще волненіе. Для прекращенія его и вообще успокоенія всей губерніи фельдмаршалъ Сакенъ приказалъ Ридигеру, послѣ разбитія Дверницкаго, двинуться къ Торчину и очистить страну отъ инсургентовъ посредствомъ высылки подвижныхъ колоннъ. Ридигеръ, занимавшій до 18-го апрѣля наблюдательное положеніе относительно вытѣсненнаго за границу корпуса Дверницаго, отошелъ въ Вишневецъ, а 21-го апрѣля направился къ Торчину и исполнилъ съ успѣхомъ возложенное на него Сакеномъ порученіе.

ГЛАВА VII.

Бездѣйствіе русской арміи у Сѣдльце. Наступательныя движенія Дибича. Дѣйствія Крейца и Хржановскаго (Любартовъ).

Пребываніе русской арміи въ Сѣдльце.

Съ прибытіемъ нашей главной арміи къ Сѣдльце, послѣ того какъ фельдмаршалу пришлось отложить операцію переправы черезъ Вислу *) на неопредѣленное время, наступилъ періодъ бездѣйствія, вызванный, съ одной стороны необходимостью дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, принять рядъ серьезныхъ мѣръ для обезпеченія тыла, гдѣ волненія усиливались все болѣе и болѣе, наконецъ—необходимостью обезпечить довольствіе арміи, находившееся въ плачевномъ состояніи. На все это требовалось по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени.

За выдѣленіемъ части войскъ 6-го корпуса къ Брестъ-Литовску, о чемъ будетъ сказано ниже, армія наша заняла слѣдующее расположеніе: *1-й корпусъ* гр. Палена 1-го и *гренадерскій* кн. Шаховскаго бивакировали передъ самымъ гор. *Сѣдльце*; гр. Виттъ съ 3-мъ *рез. кавалерійскимъ корпусомъ* сперва былъ пріостановленъ въ Луковѣ, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ кавалеріи, а затѣмъ переведенъ въ *Морды*; *гв. отрядъ* оставленъ въ *Радзынѣ* и окрестностяхъ, а боевой *артиллерійскій резервъ* отодвинутъ въ *Збучинъ*; наиболѣе потерпѣвшія батареи, въ видахъ скорѣйшаго ихъ приведенія въ порядокъ, отправлены въ Брестъ. У Сѣдльце, кромѣ оставленныхъ при арміи частей 6-го корпуса, присоединились къ ней также и прибывшія туда войска 2-го корпуса гр. Палена 2-го. Изъ нихъ составленъ былъ *авангардъ*, выдвинутый по шоссе, причемъ 2-я бригада 2-й гусарской и 3-я бригада 7-й пѣх. дивизій, подъ начальствомъ генер. Сиверса, находились на р. Костржинѣ *у Ягодне*; а 2-я бригада 7-й пѣх. дивизіи съ Павлоградскимъ гусарскимъ полкомъ составляли поддержку передовой части и расположены были позади *у Мингосъ*. *Бывшій авангардъ* главныхъ силъ, двинутый по сѣрочинской дорогѣ, расположился *у Скурженча*; въ составъ его входили: три полка 1-й гусарской дивизіи и 1-я бр. 1-й пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ ген. Мандерштерна. *Береговой отрядъ* Герштенцвейга, направленный отъ Вислы *къ Коцку*, остановленъ въ этомъ пунктѣ, съ приказаніемъ привести его въ оборонительное положеніе. *Гр. Тиманъ*, съ 6 эскадронами конныхъ егерей и казачьимъ Егорова полкомъ перешелъ въ *Радоришъ*, а въ *Ружъ* оставленъ полк. *Траскинъ* съ Новоингерманладскимъ пѣхотнымъ и Украинскимъ уланскимъ полками при 2-хъ орудіяхъ **).

*) См. карту восточной части Царства Польскаго.

**) См. прил. XI.

Непріятельская армія была расположена такимъ образомъ, что главныя силы группировались около Калушина, а боковые отряды достигали Лива и Гарволина; а именно: *Уминскій* съ кавалерійской дивизіей Томицкаго и двумя полками пѣхоты (1-й егерскій и 20-й линейный) находился *у Лива*; *Рутіе* со своею кавалерійскою дивизіею и пѣхотною бригадою Завадскаго (2-й и 6-й полки) стоялъ вверхъ по теченію, у брода *Сухи*; *Лубенскій* съ 4-ю пѣхотною дивизіею Мюльберга находился еще выше по Костржину, на прежней позиціи *у Бойме*; позади, у *Калушина* расположилась бригада *Ромарино* (1-й и 5-й пѣх. и 5-й егерскій полки); правѣе у *Цеглова* стала дивизія 2-я *Гелуда*, имѣя впереди, у *Куфлева*, кавалерійскую бригаду *Дембинскаго* (4-й уланскій и 2-й мазуров.) съ двумя баталіонами (4-го егер. п.) пѣхоты и 4 орудіями (253). Позади Калушина, у *Ендржеева*, расположилась *главная квартира*, тамъ-же находился и *общій резервъ*, состоявшій изъ пѣхотной дивизіи Малаховскаго и кавалерійской Скаржинскаго; на крайнемъ правомъ флангѣ, между *Латовичами* и *Гарволиномъ*, былъ *Пацъ*. Числи-

тельность всѣхъ этихъ войскъ простиралась до 60 т. чел. Расположеніе поляковъ было достаточно сосредоточено и представляло мало слабыхъ пунктовъ; прикрытое болотистымъ ручьемъ Костржиномъ, оно было трудно доступно съ фронта. Польскій главнокомандующій, занятый безплодной дипломатической перепиской и редакціей длинныхъ посланій къ европейскимъ государямъ и министрамъ (причемъ, иронически замѣчаетъ Прондзинскій, не былъ забытъ даже Раисъ-Ефенди и докторъ Грофе въ Берлинѣ), пересталъ помышлять о всякихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Въ ожиданіи магическаго дѣйствія этихъ просьбъ о помощи и вмѣшательствѣ, онъ предался спокойному бездѣйствію и, считая себя великимъ законникомъ, полагалъ что поразилъ государей своими несокрушимыми аргументами. Въ случаѣ необходимости, онъ рѣшился принять

бой на Гроховской позиціи, которую стали приводить въ оборонительное положеніе, но при этомъ укрѣпленія были дурно трасированы; точно также была укрѣплена поляками, притомъ очень хорошо, позиція у Дембе-Вielьке *).

Укрѣпленіе Брестъ-Литовска.

Фельдмаршалъ Дибичъ, расположившись въ окрестностяхъ Сѣдльце и Лукова, прежде всего озаботился объ обезпеченіи своего тыла. Главное его вниманіе было привлечено къ Литвѣ, куда, какъ выше изложено, направлены были нѣкоторыя части войскъ для умиротворенія страны. Но оставалось еще позаботиться о безопасности мѣстности, лежавшей непосредственно въ тылу арміи, а именно Брестъ-Литовска съ ближайшими уѣздами Гродненской и Волынской губерній. Покрытыя болотами, лѣсами, прилегающими непосредственно къ пинскимъ и припетьскимъ лѣсамъ, упомянутая мѣстность представляла значительныя удобства къ сбору и укрытію непріятельскихъ отрядовъ въ самомъ тылу расположенія русской арміи. Особенное значеніе имѣлъ самый Брестъ-Литовскъ, какъ по его центральному въ разсматриваемой мѣстности и стратегическому вообще положенію, такъ и вслѣдствіе находившихся въ немъ всевозможныхъ армейскихъ складовъ и запасовъ. Дибичъ рѣшился привести его въ такое состояніе, чтобы онъ господствовалъ надъ окрестностью, распространяя свое вліяніе на всю Бѣловѣжскую пущу и верхнюю Припеть и служилъ-бы надежнымъ складочнымъ пунктомъ, обезпечивающимъ вполнѣ всѣ запасы при удаленіи арміи. Для занятія его назначены были *12 бат., 10 эскадроновъ и 60 орудій*, преимущественно изъ войскъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ бар. Розена. Онъ выступилъ изъ Сѣдльце 2-го апрѣля. Изъ частей его корпуса, 1-я бригада Литовской уланской дивизіи (Татарскій и Польскій полки), Бѣлостокскій и Виленскій пѣхотные, 47-й и 48-й егерскіе полки и Литовскій саперный баталіонъ были оставлены при арміи, а взамѣнъ ихъ даны 1-я бригада 7-й пѣхот. дивизіи и резервный саперный баталіонъ (впослѣдствіи приданъ еще и 2-й саперный баталіонъ), которые по числу людей даже превосходили оставленныя при арміи части 6-го корпуса, такъ какъ полки его, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной слабости, приведены были: пѣхотные—въ однобаталіонный, а кавалерійскіе въ четырехъ-эскадронный составъ. Всѣ бывшія въ Брестѣ команды, находившійся во Влодавѣ резервный баталіонъ и прибывшій съ Дона казачій Карпова 4-го полкъ, назначенные для охраненія моста черезъ Бугъ, построеннаго въ началѣ апрѣля для слѣдованія плѣнныхъ и особенно транспортовъ, поступили также подъ начальство Розена.

На него-же, совмѣстно съ начальникомъ инженеровъ арміи ген. Деномъ, возложено было возведеніе брестскихъ укрѣпленій, причемъ предполагалось обнести городъ съ обѣихъ сторонъ Буга полевыми верками, такъ чтобы онъ способенъ былъ отражать всякія частныя противъ него покушенія. Для успѣшнѣйшаго производства работъ, разрѣшено было, кромѣ части нижнихъ чиновъ, пользоваться и вольнымъ наймомъ, съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи корпуса на мѣсто, всѣ главныя работы были окончены не позже какъ черезъ 10 дней. По примѣрному расчету предполагалось употреблять ежедневно на работу по 1.000 чел. нижнихъ чиновъ и по 3.000 вольнонаемныхъ людей, съ платою каждому по 25 коп. серебромъ въ день. Такъ какъ Сѣдльце находится отъ Бреста въ 5-ти переходахъ, то, слѣдовательно, можно было надѣяться на окончаніе главныхъ инженерныхъ работъ только въ началѣ второй половины апрѣля. Впослѣд-

*) Въ это именно время Скржинецкій получилъ письмо извѣстнаго маршала Груши, предлагавшаго полякамъ свои услуги (254).

ствіи, къ 5-му мая, когда приведены были въ окончательный видъ всѣ работы по укрѣпленію Бреста и Терасполя, эта позиція представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Вся возвышенность сѣверной стороны передъ городомъ отъ р. Буга до р. Мухавца, чрезъ которую пролегаетъ большая дорога въ Бѣлостокъ и Кобринъ, занята была 9-ю отдѣльными люнетами и редутомъ. Для усиленія ихъ и для центральной обороны приспособлена каменная ограда еврейскаго кладбища, находившаяся почти въ серединѣ отдѣльныхъ укрѣпленій. На Волынскомъ форштатѣ, по Ковельской дорогѣ, два монастыря съ каменными оградами и вообще всѣ дома и заборы приспособлены для обороны, также какъ и древній городской замокъ. Мостовое укрѣпленіе на Бугѣ составляли три отдѣльные люнета, находившіеся подъ выстрѣлами съ трехъ батарей и помянутаго замка. Всѣ эти укрѣпленія требовали для своей защиты 2.450 чел. гарнизона и 114 орудій для полнаго вооруженія, а для уменьшеннаго 76. Такъ какъ въ Брестѣ имѣлось всего 81 орудіе, то предполагалось, въ случаѣ надобности, выдѣлить изъ арміи до шести артиллерійскихъ ротъ, лошади которыхъ были наиболѣе изнурены. Фельдмаршалъ предоставилъ бар. Розену съ людьми, изобличенными въ участіи въ возстаніи, поступать по полевому уголовному положенію, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса; такая-же власть ему представлена относительно тѣхъ окрестныхъ Брестскому уѣздовъ, которые могли быть отрѣзаны возстаніемъ отъ прямаго ихъ начальства—военнаго губернатора Виленской и Гродненской губерній ([255]).

Заботы о продовольствіи арміи.

Не мало времени требовало также устройство продовольственной части арміи, т. е. чтобы, за удовлетвореніемъ текущей потребности, образовать еще и необходимый наличный запасъ. Къ этому приложены были фельдмаршаломъ всевозможныя старанія. Еще ранѣе, въ предположеніи производить сплавы по Бугу, имѣлось въ виду нагружать суда въ Дрогичинѣ, а для перевозки туда запасовъ изъ Бреста собрано было 7500 обывательскихъ подводъ. Съ передвиженіемъ арміи съ Сѣдльце, всѣ онѣ, нагруженныя запасами, отправлены были къ этому пункту, а изъ арміи высланы въ Брестъ за продовольственными запасами 450 полковыхъ провіантскихъ фуръ и 7 подвижныхъ артиллерійскихъ парковъ (до 2000 повозокъ), которымъ приказано сложить на время заряды въ Брестѣ и доставить оттуда зерновой фуражъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля начали также подходить и транспорты, шедшіе чрезъ Влодаву къ Коцку. Въ окрестностяхъ Лукова и Радзына открыта была, не обѣщавшая впрочемъ успѣха, покупка за деньги продовольственныхъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ, при усиленномъ подвозѣ изъ Бреста, можно было къ 15-му апрѣля, образовать при арміи 14-ти дневный запасъ на 120000 чел. и 30000 лошадей.

Между тѣмъ фельдмаршалъ получилъ согласіе Государя на сближеніе гв. корпуса съ главными силами арміи. При выступленіи гвардіи изъ столицы не предвидѣлось надобности въ ея содѣйствіи на театрѣ войны. Выдвигая этотъ корпусъ въ Царство Польское, Дибичъ желалъ только прикрыть литовскую границу однимъ присутствіемъ гвардіи между Бугомъ и Наревомъ и дать ей возможность расположиться въ мѣстности еще не истощенной войною. Въ видахъ еще большаго спокойствія гвардейцевъ, къ корпусу приданъ былъ отрядъ Сакена для наблюденія Нарева. Корпусъ Розена долженъ былъ обезпечивать квартирный раіонъ гвардіи со стороны Буга. Но это спокойствіе нарушено было тѣмъ, что, съ одной стороны, не смотря на бездѣйствіе Уминскаго, а за нимъ Левинскаго и самого Скржинецкаго, Сакенъ не всегда могъ ограничиться силами своего отряда и нуждался въ поддержкѣ гвардіи, а съ другой стороны пораженіе Розена и

отступленіе его къ Сѣдльце, обнажало флангъ расположенія гвардіи; наконецъ неблагопріятный ходъ дѣйствій на главномъ театрѣ возбуждалъ населеніе, какъ внутри самого раіона занятаго гвардейскимъ корпусомъ, такъ и въ тылу его. Вслѣдствіе этого вся легкая гв. кавалерія и часть 2-й гв. пѣхотной дивизіи находились въ постоянномъ почти передвиженіи, то для содѣйствія Сакену, то для очищенія праваго берега Буга. Тѣмъ не менѣе гв. корпусъ понесъ несравненно менѣе трудовъ нежели прочія части дѣйствующей арміи; онъ вполнѣ отдохнулъ отъ совершеннаго имъ похода и продовольствіемъ былъ обезпеченъ преимущественно покупками въ Восточной Пруссіи. Ломжа, какъ главный складочный пунктъ, была сильно укрѣплена для двухтысячнаго гарнизона. Такимъ образомъ къ апрѣлю гвардія была вполнѣ готова оказать содѣйствіе главнымъ силамъ.

Наступательныя дѣйствія Дибича.

Приведя въ порядокъ войска, давъ имъ время отдохнуть, обезпечивъ свой тылъ и возстановивъ 14-ти дневный запасъ продовольствія, фельдмаршалъ рѣшился перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Для этого онъ полагалъ сосредоточить гвардію къ Нуру, а съ главными силами арміи произвести фланговое движеніе чрезъ Водыне и Іерузалемъ къ Куфлеву, обойти такимъ образомъ расположеніе польскаго авангарда на Костржинѣ и, дѣйствуя чрезъ Цегловъ и Минскъ или чрезъ Калушинъ, отбросить непріятеля съ шоссе на Ливецъ и къ Бугу, гдѣ гвардія была въ готовности содѣйствовать главнымъ силамъ въ нанесеніи противнику рѣшительнаго удара. Для этого положено было: 9-го апрѣля произвести небольшимъ отрядомъ рекогносцировку до самаго Куфлева; затѣмъ 12-го числа выдвинуть скрытно всѣ главныя силы почти на одну высоту съ авангардомъ, чтобы на слѣдующій день возможно внезапнѣе и быстрѣе двинуться чрезъ Куфлевъ во флангъ и тылъ расположенія поляковъ. Гв. корпусъ долженъ былъ оставить отрядъ Сакена на правомъ берегу Нарева, у Рожанъ, а 1-ю бриг. 1-й кирас. дивизіи и роту саперъ—для окончанія укрѣпленій въ Ломжѣ, остальными-же силами собраться къ Нуру 14-го числа, гдѣ немедленно устроить мостъ черезъ Бугъ, чтобы свободно дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ ([256]).

Рекогносцировка къ Куфлеву поручена была ген. Мандерштерну. Въ Куфлевѣ находился польскій авангардъ подъ начальствомъ Дембинскаго (4 и 5 улан. полки, подляхская кавалерія, 2 бат. пѣхотнаго полка и 4 орудія); позади, у Цеглова стояла дивизія Гелгуда. Къ Куфлеву со стороны русскихъ вели три дороги. Одна отъ Сѣрочина на Іерузалемъ и Калачъ, проходя у послѣдней черезъ небольшую греблю, насыпанную на болотѣ; со стороны Куфлева у этой гребли имѣлся холмъ поросшій лѣсомъ; тамъ Дембинскій держалъ постоянно одинъ полкъ кавалеріи, отъ котораго высылался къ Калачу сильный постъ. Другой путь направляется отъ Водыне, проходитъ черезъ лѣсъ и доходитъ до Куфлева; тамъ находилась рота пѣхоты. Третій путь шелъ отъ Калушина и Сухи въ тылъ къ Куфлеву. На этой дорогѣ бивакировала половина пѣхоты Дембинскаго. Въ самомъ Куфлевѣ находился полкъ конницы и рота пѣхоты; вправо отъ Куфлева (запад.) на высотѣ, за эполементомъ, стояла батарея съ 2 ротами. Позади въ 2 т. шагахъ находился Подляхскій конный полкъ. Въ день наступленія Мандерштерна въ лѣску у гребли стоялъ 5-й ул. полкъ. Такъ какъ получались свѣдѣнія о возможности наступленія русскихъ, то Дембинскій распорядился высылкой ежедневно на развѣдку одного эскадрона къ Іерузалему. Между тѣмъ Мандерштернъ выступилъ изъ Скуржеча съ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, 3-мя сотнями атаманцевъ и 2-го к. черноморскаго полка и подошелъ къ Калачау, гдѣ замѣченъ былъ кавалерійскій

*

постъ 5-го уланскаго полка. Мандерштернъ, не выказывая гусаръ и артиллерію, выслалъ впередъ казаковъ. Замѣтивъ это, командиръ 5-го уланскаго полка (Гавронскій) взялъ одинъ взводъ и очередной развѣдочный эскадронъ и двинулся впередъ противъ казаковъ. Послѣдніе его заманили на свои подкрѣпленія, а затѣмъ внезапно ударили, опрокинули и взяли въ плѣнъ самого Гавронскаго. Подошедшій эскадронъ освободилъ полковника, но вынужденъ былъ отступить. Тогда весь 5-й полкъ двинулся черезъ греблю. Казаки, повторяя свою тактику, стали отходить назадъ и навели поляковъ на нашу скрытую артиллерію. Послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, Лубенскіе гусары бросились на непріятеля и нанесли ему рѣшительное пораженіе (какъ говоритъ Дембинскій wielką klęskę), а затѣмъ на плечахъ ихъ пронеслись черезъ греблю. Приведенный Дембинскимъ на помощь 4-й уланскій полкъ заставилъ нашихъ гусаръ пріостановить преслѣдованіе, а затѣмъ они отошли назадъ. Цѣль рекогносцировки была достигнута, такъ какъ Мандерштернъ успѣлъ выяснить силы и расположеніе противника. Потеря поляковъ была ощутительна (по словамъ Дембинскаго 5-й полкъ лишился 80 чел.) (257). Наши *потери были ничтожны* *).

Плѣнные подтвердили имѣвшіяся въ главной квартирѣ свѣдѣнія о расположеніи непріятельской арміи и Дибичъ приготовился къ исполненію своего плана. До этого времени погода была хорошая, но 11-го и 12-го шелъ проливной дождь, сильно испортившій дороги и особенно броды на Костржинѣ, которые сдѣлались почти непроходимыми; но Дибичъ не желалъ откладывать движенія и войска въ назначенный день выступили тремя колоннами: а) *правая* (имѣя въ авангардѣ Скобелева), подъ начальствомъ гр. *Палена 1-го*, изъ войскъ 1-го корпуса, кромѣ авангарда Мандерштерна, шла чрезъ *Цизе* и Ожаровъ и остановилась на ночлегѣ не доходя Осинска б) *средняя*, подъ начальствомъ *кн. Шаховскаго*, изъ 3-й и 2-й гренадерскихъ дивизій, 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, боеваго артиллерійскаго резерва и отряда г.-л. Угрюмова,—чрезъ Скуржечъ и Гроле; для ночлега она эшелонировалась: двѣ гренадерскія дивизіи расположились не доходя Руды, кавалерія въ Гроле и отрядъ Угрюмова у самого Скуржеча; в) *лѣвая колонна*, изъ гвардейскаго отряда, шла изъ Лукова по Сѣрочинской дорогѣ и имѣла ночлегъ въ Ружѣ; тамъ присоединился къ ней отрядъ Герштенцвейга, выступившій изъ Коцка 11-го числа, Украинскій уланскій полкъ и отрядъ Тимана. Авангардъ Мандерштерна изъ 4-хъ батал., 6 эск. и 500 казаковъ находился передъ среднею колонною и расположился на ночлегъ у с. Руды. *Главный авангардъ гр. Палена*, въ числѣ до 6600 чел., стоявшій на шоссе у Ягодне и Мингосъ, долженъ былъ весь первый день оставаться на мѣстѣ, приготовить скрытно мосты у Олексина и Лончки, и выступить тогда только, когда Дибичъ съ главными силами, въ числѣ до 40000 чел., обойдетъ правый флангъ непріятеля. Угрюмовъ, снявшись со своей позиціи, оставилъ Татарскій уланскій полкъ въ Макободахъ и Сухожебрахъ.

Войска имѣли въ ранцахъ сухарей на 5 дней, а кавалерія и артиллерія на 12 дней фуража; всѣ-же обозы отправлены были въ общій вагенбургъ въ Мендзыржецъ, гдѣ оставались подъ прикрытіемъ баталіоновъ 47 и 48 егерскихъ полковъ, 3-хъ эскадроновъ Волынскаго уланскаго полка и эскадрона жандармовъ съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ ген. Лесовскаго. Кромѣ того, для охраненія Сѣдльце, оставленъ былъ ген. Пенхержевскій съ Виленскимъ пѣхотнымъ и Польскимъ уланскимъ полками и 4-мя орудіями. Хотя и не предполагалось наступленія со стороны поля-

*) Къ сожалѣнію мы лишились подававшаго большія надежды генеральнаго штаба пор. Кобякова, который, слѣдуя съ передовыми казаками, палъ подъ непріятельскими саблями.

ковъ, но все таки на подобный случай приказано было авангарду гр. Палена 2-го отступать на правую колонну на *Зелешевъ*, а Пенхержевскому вмѣстѣ съ Татарскимъ уланскимъ полкомъ на Мендзыржецъ, гдѣ Лесовскій, присоединивъ его къ себѣ, долженъ былъ по возможности удерживаться (258).

Успѣхъ предпріятій, подобныхъ задуманному фельдмаршаломъ, главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ скрытности и быстроты; но въ этомъ именно отношеніи операція не была обезпечена. Такъ, войска получили диспозицію на 12-е число еще 10-го; вслѣдствіе этого поляки могли быть предувѣдомлены о готовившемся движеніи; далѣе приказано было корпуснымъ командирамъ исправить дороги въ раіонахъ ихъ расположенія и такимъ образомъ обнаружено было тоже въ какомъ направленіи предполагалось наступать; наканунѣ движенія въ войскахъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, чѣмъ возбуждалось вниманіе непріятеля, которое могло быть также встревожено слишкомъ заблаговременно произведенной рекогносцировкой Мандерштерна.

Быстрота исполненія предпріятія также сильно потерпѣла, вслѣдствіе наступившихъ проливныхъ дождей, испортившихъ дороги, и войска въ первый день марша прошли всего 12 верстъ.

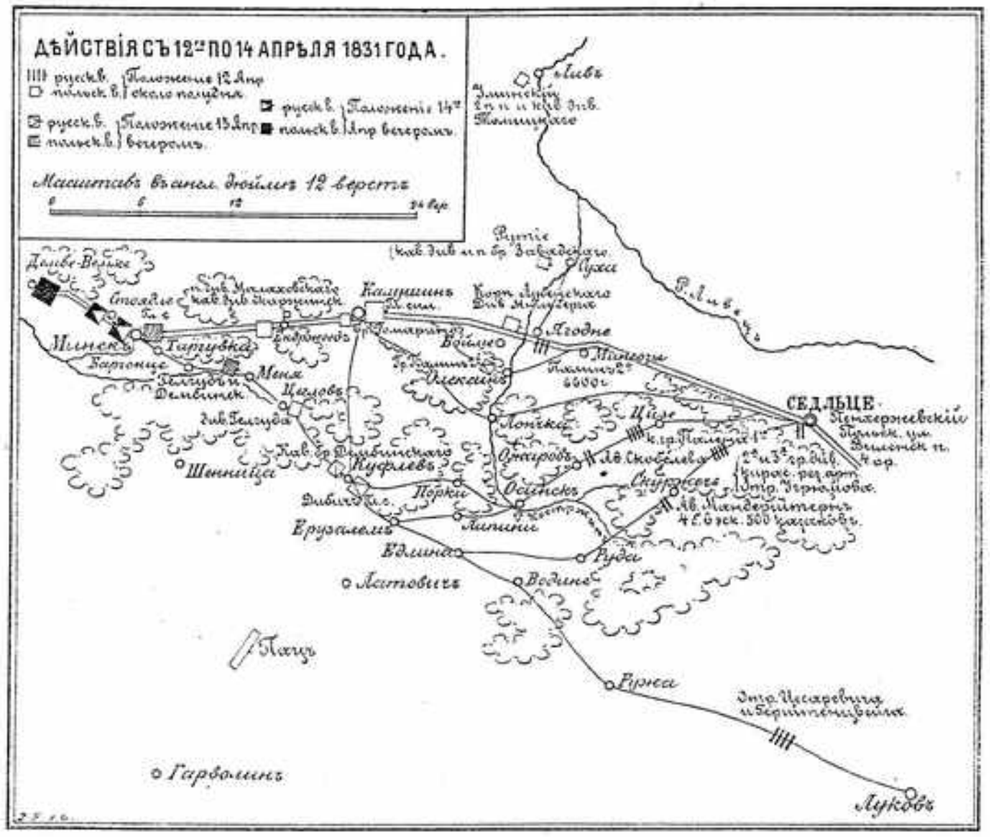
Польскій главнокомандующій, заблаговременно былъ увѣдомленъ о предпріятіи Дибича *). Скржинецкій хотя былъ не слабѣе фельдмаршала, но, слѣдуя своей системѣ, не желалъ принимать сраженія, а рѣшился отходить къ Грохову и только тамъ вступить въ бой. Наоборотъ Пронзинскій и Хржановскій желали сраженія. Послѣдній предлагалъ ожидать русскихъ у Куфлева съ тремя пѣхотными и двумя кавалерійскими дивизіями, а одну пѣхотную и двѣ кавалерійскія дивизіи оставить у Костржина. Затѣмъ съ главными силами оборонять выгодную позицію у Куфлева, для чего построить между двумя лѣсками батарею на 60 орудій; одну дивизію пѣхоты расположить правѣе, другую лѣвѣе, а третью вмѣстѣ съ кавалеріею оставить въ резервѣ. По свойствамъ мѣстности русскіе не могли-бы воспользоваться своей превосходной артиллеріей, а польская пѣхота, занимая лѣса и дѣйствуя огнестрѣльнымъ оружіемъ, имѣла-бы превосходство въ подобномъ бою надъ русскими. Наконецъ, при необходимости, оставался свободный путь отступленія на Цегловъ и Минскъ, между тѣмъ въ тылу русскихъ находилось болото и путь ихъ отступленія проходилъ на лѣвомъ флангѣ, притомъ по плохой плотинѣ. Скржинецкій не сдавался ни на какіе доводы и вызвалъ замѣчаніе Хржановскаго: „мы ведемъ войну какъ трусы“, что было причиной охлажденія между ними.

13-го апрѣля съ разсвѣтомъ наша армія продолжала движеніе къ Куфлеву: правая колонна чрезъ *Липины*, средняя чрезъ *Едлине* и лѣвая чрезъ *Водыне*. Для обезпеченія движенія слѣва составленъ былъ, подъ начальствомъ полк. Кузнецова, летучій отрядъ изъ казачьихъ полковъ: Атаманскаго, 2-го и 5-го конно-черноморскихъ. Гр. Паленъ 2-й долженъ былъ оставаться на шоссе часовъ до 9 утра и потомъ двинуться лѣвымъ флангомъ къ переправѣ при Олексинѣ и Лончкѣ съ тѣмъ, чтобы, перейдя Костржинъ, могъ начать наступленіе съ первыми пушечными выстрѣлами у Куфлева, а если ихъ не услышитъ, то не позже 3—4 часовъ пополудни. Съ цѣлью скрытія его движенія съ шоссе, ему приказано было произвести, передъ выступленіемъ, демонстрацію на правомъ своемъ флангѣ, отъ Конце на Суху, двумя кавалерійскими полками, которые, отступивъ затѣмъ, должны были замыкать его движеніе. За Іеру-

*) Полякъ, врачъ Беніовскій, предался своимъ и сообщилъ имъ подробныя свѣдѣнія о предпріятіи и силѣ русскихъ, причемъ изобразилъ состояніе нашей арміи въ плачевномъ видѣ (голодъ и чрезмѣрныя болѣзни) (252).

залемомъ передъ Куфлевымъ Мандерштернъ встрѣтилъ полкъ пѣхоты, три полка конницы (4-й уланскій, 2-й мазуровъ—замѣнившій разбитый Мандерштерномъ 5-й уланскій)—и 4 орудія, подъ начальствомъ Дембинскаго.

Исправленіе русскими мосты на Костржинѣ указало полякамъ на предстоящее наступленіе, котораго они ожидали. При этомъ Скржинецкій далъ инструкцію Дембинскому, требуя, чтобы тотъ выигралъ для него одинъ день, дабы дать арміи возможность отступать къ Минску. Вслѣдствіе этого Дембинскій выслалъ 12-го эскадронъ Подляхской конницы къ с. Менжичнѣ, по дорогѣ отъ Борове въ Іерузалемъ, чтобы онъ тамъ, поддерживая связь съ Пацомъ, скрытно расположился и появился на флангѣ русскихъ при ихъ наступленіи къ Куфлеву. 13-го къ вечеру русскіе казачьи разъѣзды показались передъ Дембинскимъ. Трудность позиціи съ фронта и появленіе Подляхской кон-



ницы на нашемъ лѣв. флангѣ, по словамъ Дембинскаго, удержали казаковъ отъ наступленія. Тѣмъ не менѣе когда подошла наша регулярная конница, то немедленно и стремительно бросилась черезъ мостъ и такъ ударила на 4-й уланскій полкъ, что разорвала его на двѣ части. Къ счастью поляковъ на выручку подошелъ полкъ мазуровъ, выдвинувшійся въ интервалъ разорваннаго 4-го полка, послѣ чего поляки стали отступать въ шахматномъ порядкѣ, едва сдерживая атаки русской конницы. Дембинскій сомнѣвался удастся-ли ему благополучно достигнуть селенія занятого пѣхотой и потому приказалъ 2-й линіи произвести короткую контръ—атаку; при этомъ мазуры, бросились очертя голову, были окружены нашей конницей и имъ грозила гибель, но часть

4-го улан. полка, съ праваго крыла Дембинскаго, ударомъ въ лѣвый флангъ нашей конницы, освободила мазуровъ. Тѣмъ не менѣе отступленіе поляковъ становилось все труднѣе, и хотя конница была поддержана небольшею пѣхотною частью, выдвинувшеюся изъ селенія впередъ, тѣмъ не менѣе и она была оттѣснена, съ большими потерями до самаго селенія, гдѣ наступленіе нашей кавалеріи было удержано непріятельской пѣхотой, занявшей селеніе, за которое и убралась польская конница. Такимъ образомъ поляки заняли позицію у Куфлева, имѣя правѣе селенія батарею, подъ прикрытіемъ 2-хъ р. пѣхоты; на томъ же флангѣ находилась вся конница (3 полка).

Выждавъ подхода русскихъ Дембинскій сталъ отступать назадъ: собралъ 2 полка конницы съ арт. и пѣхотой, приказалъ занять послѣднимъ позицію у лѣса по дорогѣ въ Куфлевъ и прикрыть отступленіе 4-мъ ул. полкомъ, въ шахматномъ порядкѣ. Сильно тѣснимый этотъ полкъ едва сдерживалъ напоръ нашей конницы, затѣмъ быстро открылъ фронтъ своей артиллеріи, которая сдержала нашихъ картечью. Тогда русскіе развернули свою артиллерію, а пѣхота наша стала выдвигаться противъ лѣваго фланга поляковъ; кромѣ того, неся значительныя потери въ артиллеріи, Дембинскій рѣшился продолжать отступленіе, убралъ назадъ конницу и артиллерію, приказавъ послѣдней занять удачную позицію для обстрѣливанія дебушрующихъ изъ лѣсу русскихъ, и прикрылъ отступленіе пѣхотой (5-й часъ пополудни). Поляки отступили до Цеглова, гдѣ не имѣли хорошей позиціи, такъ какъ лѣсъ подходилъ къ самому мѣстечку. Русскіе остановились на ночлегѣ. Отрядъ Дембинскаго былъ расформированъ и прикрытіе отступленія арміи возложилъ на Гелгуда съ дивизіями: его и Скаржинскаго (260). Гелгудъ отступилъ къ Менѣ, предупреждая тѣмъ послѣдовавшее общее распоряженіе Скржинецкаго. Польскій главнокомандующій, услышавъ выстрѣлы у Куфлева и получивъ затѣмъ донесеніе Дембинскаго, послѣ совѣщанія съ Прондзинскимъ и Хржановскимъ, приказалъ всѣмъ отрядамъ арміи поспѣшно отступать. Скржинецкій опасался быть отрѣзаннымъ. Пацъ долженъ былъ отойти на Потычъ, Уминскій — на Окуневъ. Отступленіе продолжалось всю ночь, и на слѣдующее утро большая часть арміи уже прошла чрезъ Минскъ.

Перемѣна расположенія польскихъ войскъ противъ того, въ которомъ они находились у Куфлева 9-го апрѣля, ничего еще не значила. Казалось, что если-бы поляки были предувѣдомлены о движеніи русской арміи и предприняли общее отступленіе, то и войска, занимавшія Костржинъ, не могли бы оставаться въ прежнемъ положеніи, и въ такомъ случаѣ движеніе ихъ оттуда не должно было-бы укрыться отъ бывшаго на шоссе русскаго авангарда. Между тѣмъ отъ гр. Палена 2-го не было еще никакихъ извѣстій, а напротивъ слышны были съ Костржина пушечные выстрѣлы. Скорѣе можно было думать, что польская армія стянулась къ Калушину и своимъ авангардомъ удерживаетъ переправы чрезъ Костржинъ. Она могла даже, удерживая наступленіе Палена 2-го только частью своихъ войскъ, со всѣми остальными силами двинуться русскимъ во флангъ, если-бы они безостановочно слѣдовали на Цегловъ. Такой маневръ тѣмъ возможнѣе былъ для Скржинецкаго, что, въ случаѣ неудачи, онъ могъ отступить не только къ Прагѣ, но и чрезъ Зегржъ къ Модлину, и въ такомъ случаѣ Паленъ 2-й могъ быть совершенно отрѣзанъ и стѣсненъ въ болотистой мѣстности по Костржину.

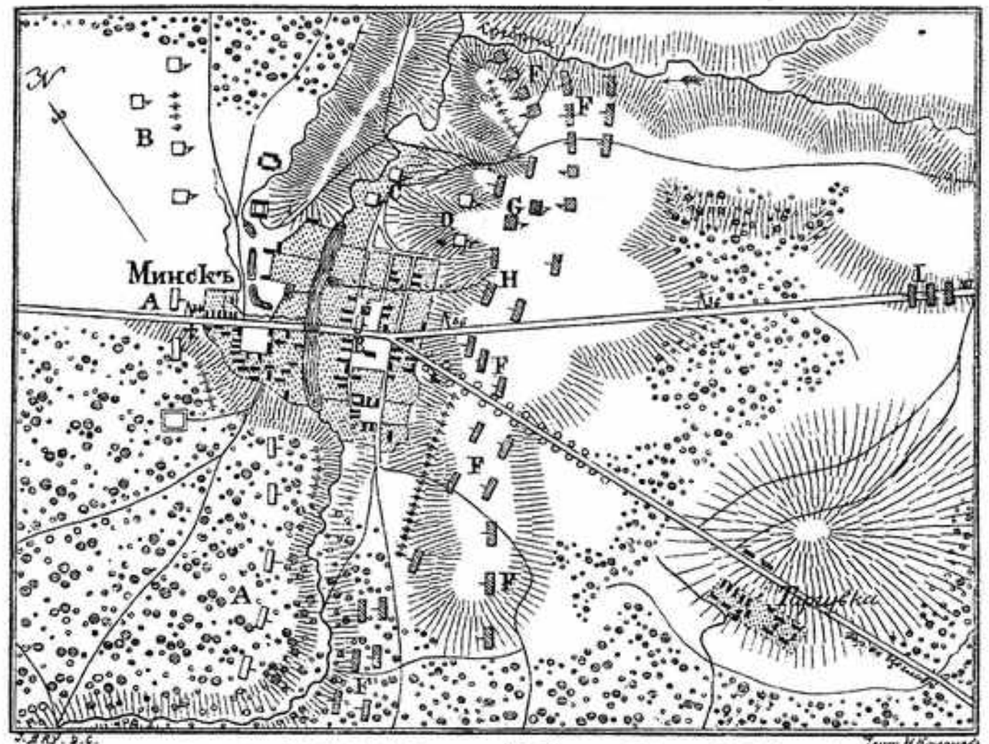
Ожидая донесенія отъ Палена, Дибичъ рѣшился остановить войска. Не получая никакихъ извѣстій, фельдмаршалъ выслалъ казаковъ для открытія съ Паленомъ прямой связи чрезъ лѣсъ, куда, для поддержки казаковъ, выдвинутъ былъ одинъ егерскій баталіонъ, съ приказаніемъ идти, въ случаѣ надобности, хотя-бы до самаго Костр-

жина. Такъ какъ вскорѣ наступилъ вечеръ, то пришлось отложить исполненіе всѣхъ предположеній, уже достаточно обнаруженныхъ, на 14-е число. Войска бивакировали тамъ, гдѣ были остановлены. Только ночью получено донесеніе, отправленное Паленомъ 2-мъ въ $8^1/_2$ ч. вечера. Онъ сообщалъ, что поляки сильно защищали переправу при Олексинѣ, что онъ стянулъ свои войска къ Лончкѣ, но и тамъ не могъ устроить быстро моста, и овладѣлъ переправою, переведя въ бродъ егерей, поддержанныхъ огнемъ его артиллеріи. Обстоятельства эти не лишали еще совершенно надежды на успѣхъ предпріятія. Съ одной стороны, хотя переправа у Лончки не была упорно защищаема, но оборона у Олексина давала поводъ думать, что поляки не оставили еще Калушина, а потому съ разсвѣтомъ 14-го апрѣля армія продолжала наступленіе двумя колоннами. *Авангардъ Мандерштерна* и за нимъ весь *корпусъ гр. Палена 1-го*, бывшій наканунѣ въ правой колоннѣ, пошли на *Цегловъ и Минскъ*; *3-я и 2-я гренад. дивизіи съ Новоархангельскимъ уланскимъ полкомъ и 3-я кирасирская* дивизіи—на *Калушинъ*, куда приказано было наступить гр. *Палену 2-му* прямо отъ р. Костржина. *Гв. отрядъ, резервная артиллерія и отрядъ Угрюмова* стянулись къ *Куфлеву* въ ожиданіи тамъ дальнѣйшаго направленія. Летучій отрядъ полк. *Кузнецова* еще до разсвѣта двинулся къ *Шенницъ*. Ему приказано было при встрѣчѣ тамъ незначительныхъ непріятельскихъ силъ встревожить ихъ внезапнымъ нападеніемъ; но если-бы онъ не могъ этого исполнить безъ опасности для своего отряда, то долженъ былъ отойти на Цегловъ, прикрывъ дорогу на Куфлевъ сильною партіею; наконецъ при совершенномъ отсутствіи польскихъ войскъ въ Шенницѣ, ему приказано было сдѣлать поискъ къ Дембе-Віельке. Но, какъ извѣстно, поляки находились въ полномъ отступленіи, причемъ они отходили не только передъ нашими главными силами, но и по шоссе отъ Костржина, гдѣ посты снялись 13-го числа вечеромъ и ночью отошли къ Минску.

Гр. Паленъ 1-й, быстро слѣдуя чрезъ Цегловъ, настигъ у Барчонце только кавалерійскій непріятельскій отрядъ изъ 2-го конно-егерскаго и 3-го уланскаго полковъ съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ Кицкаго. Мандерштернъ, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, оттѣснилъ его до д. Таргувки, за которой оказался весь арьергардъ непріятельской арміи, состоявшій изъ дивизій Гелгуда и Каз. Скаржинскаго. Гелгудъ съ 8-ю баталіонами и 18-ю орудіями, прикрытый руч. Серебрянымъ, занималъ холмы позади Минска, имѣя впереди себя 1 батал. въ селеніи и 2 кав. полка (2 и 3 улан.) съ 4-мя конными орудіями (отступившіе, какъ сказано выше, отъ Барчонце), подъ начальствомъ Кицкаго, на полянѣ; орудія были расположены частью на песчаныхъ возвышенностяхъ правѣе шоссе, частью въ самомъ Минскѣ, у церкви; правый флангъ былъ прикрытъ лѣсомъ, лѣвый—остальною кавалеріею Скаржинскаго. Гр. Паленъ выдвинулъ авангардъ Мандерштерна влѣво отъ дороги противъ праваго фланга позиціи; Скобелева, съ двумя полками 2-й дивизіи,—противъ центра, а 3-й пѣх. дивизіи приказалъ обходить правый флангъ поляковъ. Остальная часть 1-й пѣх. дивизіи поддерживала наступленіе Мандерштерна, 6-й егерскій полкъ служилъ резервомъ Скобелеву, а кавалерія слѣдовала за пѣхотой. Русскія батареи скоро заставили замолчать непріятельскія, а общее наступленіе корпуса понудило ихъ вовсе сняться съ позиціи. Въ это время 2 эскадрона Лубенскаго гусарскаго полка, желая воспользоваться благопріятной минутой для атаки, прошли въ интервалѣ между 3-мъ и 4-мъ морскими полками и устремились на поляковъ, но атака не могла имѣть успѣха, вслѣдствіе того, что лубенцы попали въ болото. Замѣтивши это, эскадроны Кицкаго бросились на нихъ, опрокинули, а затѣмъ устремились на пѣхоту Мандерштерна. Но 4-й морской полкъ, не успѣвшій еще убрать своихъ стрѣлковъ и перестроиться въ каре, встрѣтилъ польскую конницу съ полнымъ

хладнокровіемъ и заставилъ ее дать тылъ; послѣ того Мандерштернъ двинулъ впередъ свои морскіе полки, ворвался въ городъ и опрокинулъ поляковъ на всѣхъ пунктахъ, не смотря на обнаруженное непріятелемъ упорство при оборонѣ зарѣчной части города. Гелгудъ спѣшилъ отступить на позицію у Стоядле. Гр. Паленъ провелъ черезъ Минскъ свой корпусъ и еще разъ атаковалъ поляковъ въ занятой ими позиціи, которую они очистили послѣ непродолжительнаго сопротивленія. Авангардъ Мандерштерна тѣснилъ ихъ до Коберне, а Лубенскій и Клястицкій гусарскіе полки преслѣдовали до самой укрѣпленной позиціи у Дембе-Віельке. Корпусъ былъ остановленъ за авангардомъ впереди Стоядле. ([261])

Кроки боя у Минска 14 Апрѣля 1831г.



A 2 пѣх. Польская дивизія. B Дивизія Скаржинскаго. C 2ой уланскій полкъ. D 3ій уланскій полкъ. E Баталіонъ 2 Егерскаго полка. F Корпусъ Палена. G Лубенскій гусарскій полкъ. H 4ій Морской полкъ. I Главныя русскія силы.

Когда Паленъ миновалъ Цегловъ, тогда Дибичъ съ гренадерами выходилъ къ Калушину и убѣдился, что поляки оттуда давно отступили. Вскорѣ услышана была канонада у Минска. Фельдмаршалъ тогда вытянулся по шоссе къ Минску и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ приказаніе оставленному въ Куфлевѣ резерву выдвигаться туда-же чрезъ Цегловъ. Гренадеры и кирасиры подвинулись къ Янову; гв. отрядъ подошелъ къ Таргувкѣ, боевой арт. резервъ и Угрюмовъ остановлены у Барчонце. Но вскорѣ оказалось, что гр. Паленъ 1-й вовсе не нуждался въ поддержкѣ и даже не ввелъ въ дѣло большей части своего корпуса. По совершенномъ прекращеніи дѣла, войска расположились для ночлега въ слѣдующемъ порядкѣ. Корпусъ гр. Палена остался на занятыхъ имъ мѣстахъ; къ нему придана была еще 3-я гренадерская дивизія. Отряды Угрюмова и Гер-

штенцвейга, состоявшіе во время движенія подъ общимъ начальствомъ ген. Куруты, присоединились къ своимъ корпусамъ. 1-я и 2-я гр. дивизіи расположились у самаго Минска, правѣе города; кирасиры—позади его у Осинъ; артиллерійскій резервъ—за гв. отрядомъ. Гр. Палену 2-му приказано придвинуться изъ Калушина впередъ къ Янову и выслать отрядъ изъ полка казаковъ и дивизіона гусаръ, подъ начальствомъ Насакена, къ Станиславову. Между тѣмъ отрядъ полк. Кузнецова, не найдя непріятеля въ Шенницѣ, двинулся внизъ по р. Менѣ и сдѣлалъ поискъ уже не къ Дембе-Віельке, а къ самой Милоснѣ. Но, не доходя этаго мѣстечка, наткнулся у Віонзовни на знач тельныя непріятельскія силы изъ всѣхъ родовъ оружія, а переправу черезъ Меню нашелъ укрѣпленною, почему и отступилъ на высоты за д. Порембы. Потеря корпуса гр. Палена въ бою подъ Минскомъ простиралась до 11 офиц. и 345 нижн. чиновъ убитыми и ранеными (между прочимъ генералу Скобелеву оторвана ядромъ рука). Поляки показываютъ свои потери въ 365 чел.; наиболѣе пострадалъ у нихъ 3-й уланскій полкъ.

Во время этихъ операцій отрядъ Сакена оставался на правомъ берегу Нарева, а гвардейскій корпусъ (за исключеніемъ 1-й бр. 1-й кирасирской дивизіи и роты саперъ, оставленныхъ въ Ломжѣ) выступилъ съ мѣстъ своего расположенія 12-го и 13-го апрѣля, 14-го сосредоточился къ Нуру и расположился на правомъ берегу Буга, причемъ былъ приготовленъ мостъ для наведенія черезъ рѣку. ([262])

15 апрѣля Дембинскій, отступавшій къ Окуневу, произвелъ рекогносцировку къ Станиславову съ 2-я эск. Люблинской конницы; онъ неожиданно напалъ на небольшой отрядъ изъ части Павлоградскихъ гусаръ и казаковъ. Полковникъ Длусскій атаковалъ ихъ и отбросилъ съ потерею до 100 чел. убитыми и взятыми въ плѣнъ. ([263])

Предпринимая описанную операцію къ Куфлеву и Минску, фельдмаршалъ имѣлъ въ виду воспользоваться своимъ успѣхомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ; онъ думалъ перевести гвардію къ Сѣдльце, двинуться къ верхней Вислѣ и переправиться тамъ по понтонному мосту. Вмѣстѣ съ движеніемъ арміи и понтонныя отдѣленія были выдвинуты изъ Бреста въ Мендзыржецъ. Если-бы во время наступленія главныхъ силъ арміи получено было извѣстіе, что Ридигеръ успѣлъ нанести Дверницкому рѣшительное пораженіе, то Дибичъ предполагалъ немедленно усилить Крейца пѣхотною дивизіею и приказать ему, переправившись чрезъ Вислу, утвердиться на лѣвомъ ея берегу. Въ такомъ случаѣ фельдмаршалъ полагалъ оставить на правомъ берегу 1-й и 2-й пѣх. корпуса и части 6-го корпуса, а съ гвардіею (безъ 1-й кирасирской дивизіи), гренадерами и 3-мъ рез. кавалерійскимъ корпусомъ двинуться вслѣдъ за Крейцомъ, за Вислу. Волынская губернія была-бы тогда достаточно обезпечена корпусомъ Ридигера, а для прикрытія Бѣлостокской области служилъ-бы отрядъ Сакена съ 1-ю кирасирскою дивизіею, къ которымъ, по усмиренію Литвы, могла-бы присоединиться и 1-я уланская дивизія. Но всѣ эти предположенія рушились сами собою. О Дверницкомъ не было еще никакихъ положительныхъ извѣстій и хотя ген. Давыдовъ доносилъ что Ридигеръ разбилъ противника при Боремлѣ, но это сообщеніе онъ дѣлалъ только по слухамъ и въ достовѣрности его не былъ убѣжденъ. Извѣстія изъ Литвы были еще менѣе благопріятны; возстаніе распространялось такъ быстро и повсюду, что трудно было разсчитывать на скорое успокоеніе страны. Наконецъ и на главномъ театрѣ, передъ Прагой, положеніе наше не представляло никакихъ выгодъ: непріятельская армія, избѣгая боя, успѣла ускользнуть отъ пораженія; прикрывшись укрѣпленными позиціями, она могла обнаружить рѣшительное упорство. Въ то время какъ Скржинецкій съ 1-ю дивизіею и резервомъ артиллеріи отступалъ къ Милоснѣ, на превосходно

укрѣпленной позиціи у Дембе-Віельке начальство надъ всѣми войсками принялъ Хржановскій. Позиція эта находилась въ узкомъ дефиле, между двумя болотистыми рѣчками, причемъ непріятель имѣлъ обезпеченное отступленіе чрезъ лѣса до самой Праги. Такимъ образомъ, даже при величайшихъ жертвахъ со стороны русской арміи, фельдмаршалъ не могъ-бы достигнуть никакихъ существенно-важныхъ результатовъ, а между тѣмъ неудача имѣла-бы гибельныя послѣдствія.

Въ концѣ концовъ планъ хорошо задуманный въ основной своей идеѣ, но исполнный безъ должныхъ предосторожностей и притомъ вяло (особенно операція 13-го числа, когда армія медленно двигалась, а потомъ и заночевала на мѣстахъ случайной временной остановки), не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ. ([264])

Планъ войны, указанный Императоромъ Николаемъ.

Когда такимъ образомъ обстоятельства какъ-бы издѣвались надъ всѣми усиліями фельдмаршала и онъ въ своихъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчался съ неожиданными препятствіями, разрушавшими всѣ его расчеты и предположенія, императоръ Николай Павловичъ, тревожно и заботливо слѣдившій за ходомъ кампаніи, самъ рѣшился дать главнокомандующему указанія относительно плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Государь полагалъ: водвореніе порядка въ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ губерніяхъ и охраненіе тыла дѣйствующей арміи—возложить на *1-ю* и вновь сводимую *резервную армію*; части 2-го пѣхотнаго корпуса и 1-й уланской дивизіи—присоединить по принадлежности къ дѣйствующей арміи и тогда двинуть ее для переправы не на верхнюю, а на *нижнюю Вислу*, обезпечивъ продовольствіемъ первоначально покупкою запасовъ въ Пруссіи, а впослѣдствіи подвозами изъ Россіи чрезъ Данцигъ. Фельдмаршалъ, оставивъ свои намѣренія, обратилъ съ этой минуты всѣ усилія къ скорѣйшему, насколько отъ него зависѣло, выполненію воли Государя.

Въ ожиданіи, съ одной стороны, пока резервная армія могла сосредоточиться и вступить въ Литву, а бывшія тамъ части 2-го корпуса и 1-й уланской дивизіи двинуться въ Царство Польское, а съ другой стороны—пока спокойствіе Волыни и Подоліи будетъ упрочено уничтоженіемъ Дверницкаго и достаточнымъ занятіемъ края войсками 1-й арміи, Дибичу предстояло озаботиться, во-первыхъ, объ окончаніи укрѣпленій въ Брестѣ и Терасполѣ, чтобы обезпечить этотъ пунктъ, который, съ удаленіемъ арміи, долженъ былъ остаться совершенно открытымъ; во-вторыхъ, объ упраздненіи въ Сѣдльце, Мендзыржецѣ и на другихъ этапахъ госпиталей и складовъ, переведя ихъ въ Брестъ или во внутренніе пограничные пункты и совершенно очистя Брестское шоссе; въ третьихъ, о принятіи возможно энергическихъ мѣръ къ приготовленію всего необходимаго на новой операціонной линіи отъ Нарева къ нижней Вислѣ и, наконецъ, въ четвертыхъ, о заблаговременномъ приготовленіи на нижней Вислѣ надежныхъ средствъ къ быстрому устройству переправы, что, по свойствамъ рѣки, было тамъ сопряжено съ большими трудностями нежели на верхнемъ теченіи. Все это требовало времени, а между тѣмъ всякое предпріятіе къ верхней Вислѣ или къ Прагѣ становилось теперь совершенно безполезнымъ и сопряжено было-бы лишь съ напраснымъ разстройствомъ и утомленіемъ войскъ; наоборотъ—совершенно необходимо было освѣжить ихъ, уравнять составъ баталіоновъ и эскадроновъ, поправить въ кавалеріи и артиллеріи изнуренныхъ лошадей—однимъ словомъ возстановить силы и матеріальную часть арміи ([265]). Въ этихъ видахъ Дибичъ рѣшился отвести войска обратно за р. Костржинъ и расположить въ центральной позиціи между Калушиномъ, Сѣдльце и Венгровомъ. Эта позиція, прикрывая Брестское шоссе и всѣ дороги чрезъ Венгровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ да-

вала возможность, при удаленіи поляковъ къ которому либо изъ ихъ флангoвъ, или прямымъ наступленіемъ чрезъ Калушинъ дѣйствовать въ тылъ ихъ арміи, или фланговымъ движеніемъ къ Нуру или Коцку уничтожить всякое ихъ покушеніе на правый берегъ какъ Нура, такъ и Вепржа.

Расположеніе русской арміи на позиціи Конце-Суха.

Положеніе селеній *Сухи* и *Конце*, находящихся въ 5 в. сѣвернѣе шоссе, на противоположныхъ берегахъ р. Костржина и вмѣстѣ съ тѣмъ на соединеніи дорогъ изъ Калушина, Станиславова, Сѣдльце и Венгрова, въ полупереходѣ отъ перваго пункта (12 в.) и въ небольшомъ переходѣ (16—20 в.) отъ послѣднихъ, удовлетворяло вполнѣ всѣмъ желательнымъ условіямъ, и Дибичъ рѣшился избрать эту мѣстность для временнаго расположенія арміи.

Послѣ дневки между Минскомъ и Дембе-Вielке войска наши начали 16-го апрѣля обратное движеніе, не будучи безпокоимы непріятелемъ, который медленно слѣдовалъ за ними. Гр. Паленъ 2-й оставленъ былъ въ этотъ день впереди Калушина, а корпуса: 3-й рез. кавалерійскій, гренадерскій и часть 1-го, вмѣстѣ съ боевымъ артиллерійскимъ резервомъ, къ вечеру пришли за Калушинъ. Графъ Курута, съ гв. отрядомъ и приданными ему подъ начальствомъ ген. Гурко двумя бригадами 2-й пѣх. дивизіи и бригадою конныхъ егерей, отошелъ на ночлегъ въ Куфлеву. На слѣдующій день гв. отрядъ отошелъ къ Рудѣ, ген. Гурко въ Липины, а ген. Мандерштернъ направленъ по шоссе съ частью пѣхоты, полкомъ гусаръ и полкомъ казаковъ; всѣ-же прочія войска двинулись къ Сухѣ и Конце.

Войска наши заняли слѣдующее расположеніе: *авангардъ* изъ 10 бат., 18 эск., 10 сот. и 22 оруд. (2 и 3 бриг. 7-й пѣх. дивизіи, 47 егер. полкъ, Литовскій сапер. баталіонъ, 3 полка 2-й гусарской дивизіи и два казачьихъ полка), подъ начальствомъ гр. Палена 2-го, былъ расположенъ на лѣвомъ бер. Костржина *у. д. Сухи*; за нимъ, на правомъ берегу Костржина, у *Конце* располо- жились войска гр. *Палена 1-го*, $29^1/_2$ батал., 18 эск. 74 оруд. (двѣ бриг. 1-й пѣх. дивизіи, 3-я пѣхотная и 3-я гренадерская дивизіи, три полка 1-й гусар. дивизіи и полубаталіонъ саперъ); принадлежавшій къ корпусу Палена 1-го отрядъ *Мандерштерна*, изъ 4-хъ батал., 6 эск., 5 сотенъ и 4 оруд. (3-й и 4-й морскіе, Лубенскій гусарскій и Ильина казачій полки) находился на шоссе у *Миюсь* и *Ягодне*, и занималъ переправы у Олескина и Лончки. Корпусъ кн. *Шаховскаго*, за исключеніемъ 3-й грен. дивизіи и полковъ Аракчеевскаго и Мекленбургскаго, расположенъ былъ, въ составѣ $19^1/_2$ батал. и 32 орудій, *двумя эшелонами*, за корпусомъ гр. Палена 1-го: по дорогѣ изъ Сѣдльце, у д. *Кваснянки*, 2-я гренадерская дивизія, а у *Жукова* (гдѣ находилась и главная квартира, пробывшая передъ тѣмъ два дня въ Хоечно)—1-я грен. дивизія. *Гр. Виттъ* съ 3-ю кир. дивизіею и Новоархангельскимъ уланскимъ полк. въ числѣ 28 эск. и 16 оруд. отведенъ за р. Ливецъ и расположился у *Кржеслина*. *Боевой артиллерійскій резервъ* (59 ор.) сталъ въ *Збучинѣ*, подъ прикрытіемъ грен. пр. Мекленбургскаго полка; *гв. отрядъ* отошелъ 18-го числа за Мухавецъ и расположился вблизи Сѣдльце у д. *Грабяновой*, а ген. *Гурко*, съ егерскими полками 2-й пѣх. дивизіи, конно-егерскою бригадою и казачьимъ Егорова полками, остался въ *Скуржечѣ* и служилъ съ той стороны передовымъ отрядомъ. Вмѣстѣ съ нимъ гр. Курута имѣлъ 7 батал. 19 эскадр., 5 сотенъ и 28 орудій. 2-я бригада 2-й пѣх. дивизіи, бывшая во время движенія въ отрядѣ Гурко, съ прибытіемъ на мѣсто назначена была для хлѣбопеченія и находилась въ лагерѣ у Сѣдльце; независимо того

для охраненія города тамъ имѣлись, подъ начальствомъ ген. Пенхержевскаго, баталіоны Бѣлостокскаго, Виленскаго и 48-го егерскаго и три эскадрона Польскаго уланскаго полковъ.

Татарскій уланскій полкъ изъ Ходова и Мокободъ переведенъ къ деревнѣ Смоляки. Для наблюденія пространства, съ одной стороны между Ливцемъ и Бугомъ, а съ другой между шоссе и Вепржемъ и для обезпеченія такимъ образомъ флангoвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ для связи чрезъ Нуръ съ гвардіей и чрезъ Коцкъ съ Крейцомъ, составлены были два отряда: на правомъ флангѣ, подъ начальствомъ полковника Траскина, изъ Украинскаго уланскаго и 2-го конно-черноморскаго полковъ, и на лѣвомъ, подъ начальствомъ полк. Кузнецова, изъ казачьихъ полковъ—Атаманскаго и 5-го конно-черноморскаго. Всѣ эти войска состояли тогда изъ 81-го баталіона, 104 эск. и 36 сотенъ, въ числѣ *44138 штыковъ*, *14792 сабель и 225 орудій*. Позиція авангарда передъ Сухой была усилена тремя реданами, а для удобнѣйшаго движенія войскъ чрезъ Костржинъ устроено на немъ два моста. У Коцка также были возведены тетдепопы на обоихъ берегахъ рѣки съ цѣлью облегчить связь съ Крейцомъ, имѣвшимъ порученіе очищать отъ непріятеля страну по лѣвому берегу Вепржа. Крейцъ находился съ главными силами у Наленчова, выдвинувъ небольшіе отряды, подъ начальствомъ генер. Толстого и Пашкова, къ Бобровникамъ на Вепржѣ и къ Уржендову на Вислѣ (256).

Пользуясь обратнымъ движеніемъ русскихъ отъ Минска, поляки могли всѣми силами направиться за Бугъ и дѣйствовать противъ гв. корпуса; имъ легко было выиграть два перехода, а можетъ быть даже совершить переправу, прежде чѣмъ русскіе открыли-бы ихъ намѣренія. Опасаясь этого, Дибичъ на время перехода арміи къ Костржину, оставилъ гвардію у Нура: тамъ она была прикрыта самымъ движеніемъ арміи и скорѣе могла быть поддержана. Чрезвычайная медленность и осторожность, съ которой поляки подавались за русскими къ Костржину, оправдывали опасенія Дибича; но Скржинецкій не имѣлъ подобныхъ видовъ и польская армія выдвинулась къ Калушину, расположившись тамъ гораздо тѣснѣе прежняго; главныя силы группировались около этого пункта, Рыбинскій съ 1-й дивизіей занялъ Цеглавъ и Куфлевъ, Пацъ продвинулся впередъ, а Уминскій расположился на дорогѣ изъ Станислава къ Зимноводамъ (257). Подойдя туда 19-го апрѣля, поляки даже сдѣлали рекогносцировку къ Сухѣ. Три баталіона, восемь эскадроновъ и четыре орудія приблизились къ д. Яблонкѣ, заняли находившіяся за нею высоты и открыли кононаду по русскимъ передовымъ постамъ; занимавшій ихъ казачій Борисова полкъ бросился на ближайшій къ нему эскадронъ мазуровъ (причемъ Борисовъ собственноручно убилъ маіора Сѣраковскаго) и захватилъ въ плѣнъ 1 оф. и 24 нижнихъ чиновъ; между тѣмъ къ нему было выслано подкрѣпленіе и тогда поляки отошли въ свое прежнее расположеніе.

Плѣнные доставили свѣдѣніе о расположеніи польской арміи; тогда наша гвардія получила приказаніе выступить 20-го числа въ окрестности Ломжи и Остроленки. Фельдмаршалъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ командиру гв. корпуса Вел. Кн. Михаилу Павловичу, въ случаѣ движенія поляковъ въ превосходныхъ силахъ на правый берегъ Буга, не принимать съ ними боя, а, уклоняясь къ Бугу, сосредоточиться у Нура. Въ такомъ случаѣ Дибичъ думалъ двинуться туда немедленно со всею арміею.

Въ польской главной квартирѣ дѣйствительно высказывались предположенія относительно нападенія на гвардейскій корпусъ, но Скржинецкій не рѣшился на это и исполненіе такого плана было отложено до другаго времени *).

*) Гвардія размѣстилась 23-го апрѣля въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я гв. пѣхот. дивизія расположилась впереди Ломжи, 2-я—двумя эшелонами по шоссе къ Остроленкѣ: 4-я бригада на бивакахъ, въ 8-хъ вер-

Затѣмъ поляки еще разъ произвели рекогносцировку къ Сухѣ. 21-го апрѣля они подошли къ русскому авангарду въ числѣ 12 баталіоновъ и 8 эскадроновъ и, занявъ д.д. Яблонку и Куски, выдвинулись весьма осторожно нѣсколько впередъ; высмотрѣвъ расположеніе авангарда, который находился въ полной боевой готовности, они немедленно отступили. Такъ какъ отъ Скржинецкаго трудно было ожидать рѣшимости вступить въ генеральное сраженіе, то явилось предположеніе, что подобными рекогносцировками онъ имѣлъ въ виду лишь развлекать вниманіе русскихъ, а на самомъ дѣлѣ готовится къ какимъ либо операціямъ на флангахъ. Въ этихъ видахъ фельдмаршалъ въ тотъ-же день просилъ великаго князя, чтобы гв. корпусъ возможно тщательнѣе наблюдалъ нижнее теченіе Буга и пространство у сліянія его съ Наревомъ. При своевременномъ открытіи непріятельской переправы и силъ гв. корпуса не трудно было, повидимому, сосредоточиться къ оконечности своего лѣваго фланга, а затѣмъ безпрепятственно отойти къ Нуру.

Если-бы, впрочемъ, поляки успѣли скрыть свою переправу и выиграть пространство такъ, что движеніе къ Нуру становилось-бы опаснымъ, то Дибичъ указывалъ гвардіи отходить чрезъ Цѣхановецъ къ Гранѣ. Впрочемъ еслибы противникъ переправился не въ превосходныхъ силахъ, то гв. корпусъ долженъ былъ двинуться противъ него и разбить прежде нежели онъ успѣетъ утвердиться между Бугомъ и Наревомъ.

Между тѣмъ, чтобы наказать поляковъ, Дибичъ въ свою очередь произвелъ 22-го апрѣля усиленную рекогносцировку къ Зимноводамъ. Она поручена была ген. Граббе съ егерскими бригадами 1-й и 3-й пѣх. дивизій, Елизаветградскимъ и Клястицкимъ гусарскими и Борисова казачьимъ полками и 6-ю орудіями; для поддержки ихъ выдвинуты были на высоты къ д. Яблонкѣ остальныя части 1-го корпуса и кавалерія авангарда, а на случай если-бы поляки сосредоточили всѣ свои силы и завязалось бы большое дѣло—приказано и прочимъ войскамъ быть въ готовности къ выступленію. Съ приближеніемъ ген. Граббе передовые непріятельскіе посты отступили на скрытыя въ лѣсу пѣхотныя поддержки, но и послѣдніе были опрокинуты русскими егерями. Поляки стали сосредоточиваться у корчмы Яворска, за болотистымъ ручьемъ, на выгодной позиціи. Кромѣ войскъ, которыя могли быть удобно скрыты, у непріятеля видно было 4 баталіона, 8 эскадроновъ и батарея въ 8 ор. Вскорѣ было замѣчено движеніе кавалеріи отъ Калушина, и одно время фельдмаршалъ предполагалъ даже, что Скржинецкій рѣшился принять сраженіе; вслѣдствіе этого приняты были мѣры къ усиленію передоваго отряда и удобному вводу въ бой прочихъ войскъ; но, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, поляки отступили за д. Зимноводы, оставивъ только слабые посты. По показаніямъ плѣнныхъ непріятель и на этотъ разъ былъ предупрежденъ за нѣсколько часовъ о движеніи русскихъ, вслѣдствіе чего успѣли заблаговременно отправить назадъ бывшіе при войскахъ обозы. Въ то время, какъ Дибичъ приказалъ Граббе

стахъ отъ Остроленки, а 3-я бригада между Мастковомъ и Ломжею; легкая гв. кавалерійская дивизія частью была въ готовности дѣйствовать съ 4-ю гв. пѣхотною бригадою къ Остроленкѣ, частью обезпечивала расположеніе корпуса со стороны Сѣроцка и Вышкова, а наконецъ служила связью съ Нуромъ и главными силами арміи; 1-я ея бригада находилась близъ Остроленки въ Окрестностяхъ Ржекуня и Суска; л.-гв. Казачій полкъ—въ Пржетычѣ, имѣя эскадронъ въ Порембахъ; л.-гв. Гусарскій полкъ—за нимъ, въ Пискахъ, имѣя эскадронъ, для поддержки казаковъ, въ Вонсевѣ; л.-гв. конно-егерскій полкъ—въ Островѣ и Андржеевѣ. 2-я бр. 1-й кирасирской дивизіи находилась въ окрестностяхъ Снядова и Грабова, составляя резервъ легкой гв. кавалеріи, а 1-я гв. кирасирская бригада отодвинута была за Ломжу и размѣщена въ Кольно, Щучинѣ и Августовѣ. Главная квартира Великаго Князя—въ Ломжѣ. Отрядъ Сакена возвратился отъ Рожана въ Остроленкѣ и оставался по прежнему за Наревомъ.

прекратить дѣло, онъ получилъ радостное извѣстіе, вызвавшее всеобщее одушевленіе и въ войскахъ, о томъ что корпусъ Дверницкаго вытѣсненъ изъ Волыни и положилъ оружіе въ Австріи.

Ударъ, нанесенный полякамъ на Волыни, былъ первымъ шагомъ къ выполненію предположеннаго движенія къ нижней Вислѣ. Съ уничтоженіемъ корпуса Дверницкаго, можно было уже не опасаться волненій на Волыни и въ Подоліи, такъ какъ безъ содѣйствія регулярныхъ войскъ оно не могло развиться до сколько-нибудь угрожающихъ размѣровъ. Для усмиренія мелкихъ возмущеній совершенно достаточно было войскъ, расположенныхъ внутри страны, корпусъ-же Ридигера могъ уже вступить въ Люблинское воеводство и смѣнить тамъ Крейца, что давало возможность въ скоромъ времени стянуть лѣвый флангъ арміи къ Брестскому шоссе и притянуть его къ главнымъ силамъ; тогда все уже зависѣло-бы только отъ благопріятнаго хода дѣлъ въ Литвѣ. Перемѣщеніе корпусовъ Ридигера и Крейца могло быть сдѣлано въ первой половинѣ мая; къ тому-же времени могли быть окончены исполненіемъ и всѣ хозяйственныя мѣры, связанныя съ перенесеніемъ операціонной линіи къ Нареву; окончаніе работъ по сооруженію Брестскихъ укрѣпленій разсчитано было на 5-е мая. Очищеніе Брестскаго шоссе, тоже не вызывало особыхъ затрудненій. Болѣе всего времени требовалось для упраздненія бывшихъ госпиталей въ Сѣдльце, Мендзыржецѣ и Бялѣ; но уже было сдѣлано распоряженіе о переводѣ 4,500 больныхъ въ Брестъ, Дрогичинъ и Бѣлостокъ, а остальныхъ чрезъ Брестъ во внутренніе госпитали второй линіи.

Мѣры по заготовленію продовольствія на предстоящей операціонной линіи тоже шли успѣшно. Сверхъ заказовъ, сдѣланныхъ, еще до открытія военныхъ дѣйствій, данцигскому купечеству, чрезъ тамошняго генеральнаго консула Тенгоборскаго, приступлено было къ новымъ заготовленіямъ въ Іоганисбургѣ, Нейденбургѣ, Страсбургѣ и Торнѣ, съ условіемъ доставлять заказанные продукты, на вольнонаемныхъ подводахъ, на разстояніе 10 миль въ Царство Польское на тѣ пункты, гдѣ встрѣтится надобность. Для содѣйствія Тенгоборскому, по ускоренію русскихъ заказовъ, отправленъ былъ туда 17 апрѣля дѣйств. ст. совѣтникъ Пейкеръ. Къ 1-му мая почти все количество запасовъ по первому заказу было скуплено и сдѣланы были распоряженія къ доставкѣ ихъ въ назначенные пункты; вмѣстѣ съ тѣмъ производились дальнѣйшія закупки. Заключены были также, въ видахъ обезпеченія переправы арміи чрезъ Нижнюю Вислу, условія съ судохозяевами въ окрестностяхъ Торна и ниже къ Данцигу о снабженіи арміи, по вольнымъ цѣнамъ и по востребованію, необходимымъ количествомъ большихъ лодокъ, годныхъ къ наведенію моста ([268]).

Новая организація польской арміи.

Поляки со своей стороны старались также увеличить вооруженныя силы. Въ теченіе апрѣля онъ значительно усилилъ свою армію. Корпусъ Паца, состоявшій также изъ войскъ новаго формированія, былъ включенъ въ дѣйствующую армію и распредѣленъ между ея частями. Вмѣсто прежнихъ четырехъ дивизій пѣхоты было составлено пять, причемъ четыре первыя остались подъ командою прежнихъ начальниковъ (Рыбинскаго, Гелгуда, Малаховскаго и Мюльберга), а пятую получилъ Каминскій. Составъ ихъ былъ слѣдующій: *1-я п. дивизія*—2-й, 12-й и 16-й линейные и 1-й егерскій полки; *2-я п. дивизія*—7-й и 19-й линейные, 2-й и 4-й егерскіе полки; *3-я п. дивизія*—4-й и и 8-й линейные, 5-й егерскій и полкъ ветерановъ; *4-я п. дивизія*—гв. гренадерскій, 13-й и 15-й линейные и 3-й егерскій полки; *5-я п. дивизія*—3-й, 6-й, 14-й и 20-й линейные полки. Такимъ образомъ почти всѣ бригады заключали съ себѣ одинъ старый

и одинъ новый полкъ ([269]). Гренадерскій и 4-й полки состояли, по прежнему, каждый изъ 4-хъ баталіоновъ; всѣ старые и 20-й линейный полки имѣли по 3 баталіона; прочіе новые полки состояли каждый изъ 2-хъ баталіоновъ; такимъ обрязомъ 3-я дивизія имѣла 12 баталіоновъ, прочія по 11-ти каждая. Кавалерія осталась въ прежнемъ составѣ. Но кромѣ пяти дивизій пѣхоты и пяти дивизій кавалеріи, составленъ былъ, на правомъ флангѣ польской арміи, особый отрядъ, подъ командою бывшаго начальника штаба арміи, Хржановскаго, изъ пѣхотной бригады Ромарино (1-й и 5-й линейные полки по 3 бат. каждый), егерскаго баталіона (волонтеры Гротгуса), кавалерійской бригады Амвр. Скаржинскаго (1-й конно-егерскій, легко-конный Краковскій полки, по 4 эск. въ каждомъ, и 1 эск. Плоцкихъ всадниковъ), полубатареи пѣшей и полубатареи конной артиллеріи; *всего 7 бат., 9 эскадроновъ и 10 орудій, или 6½ т. челов.* (*въ томъ числѣ 1,500 ч. кавалеріи*). 9-й линейный полкъ прикрывалъ мостъ у Потыча; остатки 11-го и 22-й полкъ находились на лѣвомъ берегу верхней Вислы у Дзеконскаго; остатки 10-го, а также 21-й и 23-й полки были въ Варшавѣ, 17-й и 18-й въ Модлинѣ. Къ концу апрѣля всей пѣхоты было у поляковъ 65 баталіоновъ въ дѣйствующихъ войскахъ, кромѣ имѣвшихся въ Замостьи и Модлинѣ, и до 10 баталіоновъ за Вислою.

Дѣйствія Хржановскаго и Крейца.

Отдѣльный отрядъ Хржановскаго имѣлъ двоякое назначеніе. Поляки не знали еще объ участи, постигшей Дверницкаго; въ послѣднихъ донесеніяхъ онъ говорилъ только о намѣреніи своемъ двинуться вдоль галиційской границы въ Подолію. Для многихъ казалось очевиднымъ опасное положеніе этого отряда, и Хржановскій утверждалъ, что для спасенія его необходимо было выслать значительное подкрѣпленіе, причемъ онъ полагалъ, что присутствіе сильнаго корпуса въ Замостьи можетъ удержать русскихъ отъ движенія къ верхней Вислѣ. Съ другой стороны направленіемъ особаго отряда въ Люблинское воеводство полагалось возможнымъ отвлечь вниманіе Дибича и скрыть замыслы, противъ гвардіи, которые Скржинецкій, по усиленіи его арміи, рѣшился наконецъ привести въ исполненіе. Послѣдняго назначенія отряда Хржановскій могъ и не знать, но оно обнаруживается изъ того обстоятельства, что, даже по полученіи извѣстія объ изгнаніи Дверницкаго, Хржановскому, какъ будетъ видно ниже, приказано было продолжать движеніе къ Замостью, причемъ могли надѣяться, что обезоруженный отрядъ Дверницкаго большею частью проберется обратно въ Царство и соберется подъ стѣнами крѣпости. Скржинецкій, питавшій большое довѣріе къ способностямъ Хржановскаго и желавшій дать ему случай отличиться, предложилъ ему взять на себя исполненіе этого предпріятія, съ полной свободой дѣйствій ([270]).

21-го апрѣля Хржановскій двинулся отъ Ендржеева *) и на слѣдующій день прибылъ въ Желеховъ, гдѣ къ нему присоединился со своей кавалерійской бригадой А. Скаржинскій, бывшій въ составѣ расформированнаго отряда Паца. Хржановскому представлялось два пути: одинъ болѣе вѣрный, но и болѣе длинный—по лѣвому берегу Вислы до австрійской границы, а оттуда чрезъ Яновъ въ Замостье; другой кратчайшій, но болѣе опасный, пересѣкавшій расположеніе русской арміи.—Хржановскій избралъ послѣдній. Сначала онъ двинулся къ Рыкамъ и Бобровникамъ, но, видя что сдѣланныя тамъ приготовленія къ переправѣ чрезъ Вепржъ открыты и опасаясь при дальнѣйшемъ слѣдованіи быть припертымъ къ Вислѣ отрядомъ Крейца, онъ 24-го апрѣля обратился влѣво къ Коцку, прямо на перерѣзъ сообщеній русской арміи съ Крейцомъ. Приготов-

*) См. карту восточной части Царства Польскаго.

ленія для его переправы чрезъ Вепржъ дѣлались непріятельскими ополченіями, перебравшимися въ разныхъ мѣстахъ изъ за Вислы въ лодкахъ; весь правый берегъ Вислы между Пулавами и устьемъ Вепржа былъ усѣянъ подобными партіями, которыя подымались по Вепржу къ Бобровникамъ, Сарнамъ и даже къ Джонгову; главный-же ихъ отрядъ находился у самаго устья Вепржа. Обстоятельство это обратило вниманіе Крейца и Дибича; полагали что поляки готовились дѣйствовать противъ корпуса Крейца, вслѣдствіе чего еще 21-го апрѣля направлены были чрезъ Коцкъ къ Люблину 3-я бригада 24-й пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ ген. Фези, и оставшіеся на лицо (находившіеся передъ тѣмъ у Гурко, въ Скуржецѣ) 7-мь эскадроновъ 2-й бр. 2-й конно-егерской дивизіи, подъ начальствомъ ген. Тимана (1-я бригада этой дивизіи была у Крейца). Такая помощь была тѣмъ необходимѣе, что состоявшая въ распоряженіи Крейца Литовская гренад. бригада сильно уменьшилась въ составѣ, какъ отъ болѣзней, такъ и отъ потерь въ сраженіяхъ. Посланное подкрѣпленіе было весьма незначительно—всего 2150 чел. (въ томъ числѣ 646 коней), но слѣдуетъ имѣть въ виду, что хотя корпусъ Сѣравскаго былъ пополненъ людьми и могъ держаться въ полѣ, но Дзеконскій, устрашенный примѣромъ своего предшественника, ограничивался оборонительными дѣйствіями на лѣвомъ берегу Вислы. 23-го апрѣля отрядъ Фези былъ въ Коцкѣ и Серокомлѣ, а 24-го выступилъ въ Каміонку. Между тѣмъ летучій отрядъ полк. Кузнецова (Атаманскій и 5-й Черноморскій казачьи полки), направленный Дибичемъ и сдѣлавшій поискъ чрезъ Желеховъ къ Рыкамъ, 23-го апрѣля находился въ Бобровникахъ и, встрѣтивъ тамъ передовыя войска Хржановскаго, вышелъ 24-го, на дорогу изъ Рыкъ въ Коцкъ, но тамъ получилъ приказаніе спѣшить также на усиленія Крейца, вслѣдствіе чего двинулся къ Лысобокамъ, переправился вплавь чрезъ Вепржъ и доставилъ Крейцу первое извѣстіе о движеніи польскаго отряда. Такимъ образомъ дорога къ Коцку осталось открытою и Хржановскій, двигаясь чрезъ Лысобоки, подошелъ туда 25-го апрѣля вечеромъ. Утромъ 26-го апрѣля онъ занялъ Коцкъ и нашелъ тамъ депо изъ 150 лошадей и команду въ 168 чел., которыми завладѣлъ. Тиманъ отошелъ отъ Коцка на Каменку къ Фези. Отъ плѣнныхъ Хржановскій узналъ объ участи Дверницкаго, а потому обратился къ главнокомандующему, испрашивая приказаній для дальнѣйшихъ дѣйствій; Скржинецкій отвѣчалъ ему чтобы продолжалъ движеніе къ Замостью и притянулъ-бы къ себѣ туда остатки отряда Дверницкаго. Въ ожиданіи этого отвѣта Хржановскій потерялъ цѣлый день и 27-го перешелъ въ Фирлей, сломавъ за собою мостъ у Коцка. Изъ Фирлея онъ выслалъ Ромарино съ 4 бат., 2 эск. и 4 ор. къ лѣсу, лежавшему между Любартовскою дорогою и Каміонкою, такъ какъ опасался съ этой стороны приближенія Крейца. Дѣйствительно послѣдній, имѣя свои войска въ Пулавахъ и на Вепржѣ и получивъ извѣстіе о движеніи поляковъ, сосредоточилъ 26-го апрѣля свой корпусъ (за исключеніемъ отряда Давыдова и 2-хъ казачьихъ полковъ, оставленныхъ на Вислѣ) въ окрестностяхъ Гарбова на полпути между Люблиномъ и Пулавами. Отрядъ Фези достигъ Каміонки и остановился въ видѣ авангарда корпуса. Въ то время какъ Хржановскій выступилъ изъ Коцка въ Любартовъ, Крейцъ двинулся 27-го апрѣля со своимъ корпусомъ изъ Гарбова къ Каміонкѣ, а генералу Фези приказалъ сдѣлать рекогносцировку къ сторонѣ Коцка. Дорога къ этому городу изъ Каміонки пролегаетъ большею частью лѣсомъ. Фези, оставя конныхъ егерей у опушки, двинулся съ пѣхотою въ лѣсъ; встрѣченные тамъ посты Ромарино немедленно были опрокинуты; но Фези не удовольствовался свѣдѣніями, которыя могъ получить отъ захваченныхъ плѣнныхъ, и рѣшился пройти сквозь весь лѣсъ, чтобы высмотрѣть расположеніе поляковъ. Послѣдніе, видя малочисленность нашего отряда, вознамѣрились

совершенно его уничтожить. Но Хржановскій, желая достигнуть возможно полныхъ результатовъ, выслалъ кавалерію въ обходъ на д. Скробовъ, чтобы заслонить Каміонку и отрѣзать отступленіе русскому отряду. Это движеніе отняло много времени и когда поляки приблизились къ Каміонкѣ, то туда стали подходить головныя части Крейца. Слѣдовавшій съ ними бар. Делинсгаузенъ, видя движеніе поляковъ изъ Скробова, взялъ случившійся подъ рукою эскадронъ Тираспольскаго конно-егерскаго и эскадронъ Виртембергскаго драгунскаго полковъ съ двумя орудіями 27-й конной батареи и бросился съ ними на польскую кавалерію; вскорѣ онъ поддержанъ былъ подходившими войсками, и поляки съ этой стороны были задержаны. Но Фези находился въ большой опасности. Превосходная числомъ польская пѣхота совершенно его окружила въ лѣсу; егеря храбро сражались, но помощи ни откуда не имѣли; наконецъ раздавшіеся сзади пушечные выстрѣлы указали что подошелъ корпусъ Крейца; тогда, сомкнувъ ряды, они проложили себѣ путь штыками и отступили къ Каміонкѣ съ потерею около 570 чел. Съ наступленіемъ ночи поляки потянулись къ Любартову, а Крейцъ расположился у Козловки ([271]).

Отрядъ ген. Крейца, вмѣстѣ съ бригадами Фези и Тимана состоялъ приблизительно изъ 7700 чел. *).

Любартовъ находится на лѣвомъ берегу Вепржа, со стороны Каміонки и Козловки онъ окруженъ высотами. Такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ, то Хржановскій расположилъ свой отрядъ бивакомъ за высотами близъ города, фронтомъ къ югу. Желая непремѣнно вступить въ бой съ непріятелемъ, Крейцъ приказалъ ночью произвести рекогносцировку. Одинъ гвардейскій офицеръ, прикомандированный къ Литовской гренадерской бригадѣ **), пользуясь безпечностью поляковъ, не принявшихъ мѣръ предосторожности и стоявшихъ лицомъ къ югу, а не къ русскому отряду, подошелъ къ самому биваку и сосчиталъ даже число баталіоновъ. Согласно полученнымъ свѣдѣніямъ Крейцъ составилъ планъ для нападенія на непріятеля. Опасаясь чтобы поляки не ушли изъ Любартова, Крейцъ еще ночью выслалъ на дорогу ведущую оттуда къ Люблину графа Толстаго съ 12 эскадронами драгунъ и двумя полками казаковъ отряда полк. Кузнецова, поручивъ ему двинуться къ д. Нѣмце и выставить передъ собою въ д. Луцка сильный постъ, какъ можно ближе къ Любартову, съ тѣмъ чтобы, между прочимъ, истребить мостъ у Сырниковъ. Гр. Толстому велѣно было ожидать приказаній, а если услышитъ пушечные выстрѣлы у Любартова, то немедленно туда двинуться и дѣйствовать по большой любартовской дорогѣ. Гренадеры Муравьева должны были, пройдя лежащее на полпути с. Новыдворъ, движеніемъ за высотами обойти флангъ непріятеля; ген. Заборинскому съ войсками Фези, Тимана и Виртембергскимъ драгунскимъ полкомъ—подвигаться лѣвѣе къ Любартову; ген. Пашковъ съ 12 эскадронами остался въ резервѣ у Новыдвора.

Бой у Любартова.

Между тѣмъ поляки спокойно ночевали на бивакѣ; Хржановскій и большая часть офицеровъ отправились отдыхать въ Любартовъ. Въ 4 ч. утра, 28-го числа, Хржановскій

*) Литовская гренадерская бригада (Самогитскій, Луцкій и Несвижскій полки), 6 батал., 2518 чел., 2-й драгунской дивизіи три полка (Казанскій, 5 эск., Виртембергскій и Тверской по 6 эск.) и конныхъ егерей два полка (Переяславскій и Виртембергскій по 4 эск.), всего кавалеріи 25 эскадроновъ, 3217 чел.; артиллеріи 27 орудій; два полка казаковъ—786 чел.; бриг. Фези—700 чел.; бриг. Тимана—500 чел.; итого пѣхоты—3218 чел.; кавалеріи съ казаками 4503 чел. Общая численность отряда съ казаками—7721 чел.

**) Л.-гв. Гренадерскаго полка поруч. Мелинъ ([272]).

отправился на бивакъ и нашелъ тамъ полную безпечность: лошади разсѣдланы, посты сняты, не выслано ни одного разъѣзда. Раздраженный этими упущеніями, онъ отдалъ соотвѣтствующія приказанія и поѣхалъ затѣмъ въ сопровожденіи офицера на высоты. Къ величайшему своему изумленію онъ наткнулся на русскій разъѣздъ, а далѣе, въ разстояніи около двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ замѣтилъ весь отрядъ Крейца, подвигавшійся въ порядкѣ. Хржановскій поспѣшилъ въ лагерь, приказалъ ударить тревогу и, взявъ два изготовившихся эскадрона, бросился съ ними на высоты. Въ головѣ отряда Крейца шелъ Муравьевъ *). Видя передъ собой непріятельскую кавалерію, 27-я конная батарея снялась съ передковъ и открыла огонь для подготовки атаки, а Муравьевъ пріостановилъ свое наступленіе; его примѣру послѣдовали и прочія войска. Эта остановка спасла Хржановскаго, который постепенно усиливался прибывавшими на высоты частями. Въ то время какъ артиллерія его завязывала канонаду, а кавалерія, подъ начальствомъ самаго Хржановскаго, производила стремительныя атаки, его пѣхота выстроилась позади, параллельно фронту русскихъ и, примыкая правымъ флангомъ къ Любартову, гдѣ одна рота 1-го полка заняла церковь. Муравьевъ, какъ сказано выше, наткнувшись на польскую кавалерію, развернулся въ боевой порядокъ; слѣдовавшій лѣвѣе его по дорогѣ отъ Каміонки ген. Заборинскій съ бригадой Фези и 4-мя эск. Виртембергскихъ драгунъ сталъ тоже развертываться, на лѣвомъ флангѣ боеваго порядка, вправо; батарея Литовской бригады выдвинулась лѣвѣе 27-й конной роты. Хржановскій, выигрывая время, атаковалъ нашу артиллерію 1-мъ конно-егерскимъ полкомъ, но эта атака была отбита картечью. Тираспольскій конно-егерскій полкъ тоже опрокинулъ устраивавшихся передъ городомъ кракузовъ. Не смотря на это и на опасность позиціи, примыкавшей тыломъ къ Вепржу, Хржановскій, благодаря своимъ искуснымъ дѣйствіямъ, а также нерѣшительности русскихъ и неудачному маневру Крейца, вышелъ относительно благополучно изъ своего затруднительнаго положенія.

Крейцъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы отрѣзать Хржановскому путь отступленія на Коцкъ, а дорогу въ Люблинъ оставилъ открытою, полагаясь на находившійся тамъ отрядъ Толстаго. Хржановскій не имѣлъ вовсе намѣренія держаться въ городѣ и старался скорѣе овладѣть выходами къ Люблину и Вепржу и вытянуться по люблинской дорогѣ; занявъ частью пѣхоты городскія строенія, чтобы противопоставить временную преграду натиску русскихъ, онъ стремился отвести свою кавалерію, артиллерію и обозы за Любартовъ. Замѣтивъ это, Крейцъ приказалъ Фези двинуться на Любартовъ, а бар. Делинсгаузену съ 4-мя эскадронами направиться по луговой долинѣ съ цѣлью отрѣзать польскій баталіонъ, конвоировавшій взятыхъ за день передъ тѣмъ русскихъ плѣнныхъ; но баталіонъ этотъ бросился черезъ небольшой мостъ на другую сторону Вепржа и ускользнулъ отъ опасности.

Муравьевъ тоже подался впередъ, и въ то время какъ Фези атаковалъ поляковъ засѣвшихъ за каменною оградою церкви и въ ближайшихъ къ ней домахъ, Несвижскій карабинерный полкъ съ 4-мя эскадронами Виртембергскихъ драгунъ и 4-мя орудіями направленъ былъ правѣе города, прямо къ Вепржу, чтобы совершенно отрѣзать оставшуюся въ городѣ часть польской пѣхоты. Самъ-же Крейцъ съ 12 эскадронами резерва (1-я бригада 2-й конно-егерской дивизіи и 3 эскадрона казанскихъ драгунъ), стоявшими первоначально за правымъ флангомъ Муравьева, двинулся преслѣдовать отступавшихъ

*) Съ Литовской греп. бригадой; лѣвѣе отъ Каміонки двигался Заборинскій съ бригадой 24-й дивизіи (Фези); за нею 2-я бригада 2-й к. егер. дивизіи (гр. Тимана) и Виртембергскій драгунскій полкъ; за Муравьевымъ шла 6-я бр. 2-ой к. егер. дивизіи (Пашковъ) ([272]).

изъ Любартова поляковъ. Малочисленный отрядъ непріятельской пѣхоты, оставленный въ городѣ, держался съ большею храбростью, въ особенности рота 1-го полка, занимавшая капуцинскій костелъ съ каменной оградой; но когда занятыя поляками деревянныя строенія были зажжены, а въ оградѣ костела сдѣланъ былъ проломъ и русскіе готовились идти на приступъ, тогда часть непріятельской пѣхоты бросилась вплавь черезъ Вепржъ, а рота, находившаяся за оградой, подняла бѣлое знамя. Мужеству плѣнныхъ были оказаны русскими должные знаки уваженія. Остатки одного изъ баталіоновъ 5-го полка спаслись черезъ Вепржъ и послѣ трехъ дней усиленныхъ маршей присоединились къ Хржановскому. Послѣдній производилъ свое отступленіе отъ Любартова въ полномъ порядкѣ, уступами, нигдѣ не давая возможности русскимъ съ выгодою атаковать его отрядъ. Крейцъ преслѣдовалъ его сначала безостановочно, надѣясь притомъ что покажется, наконецъ, гр. Толстой. Хржановскій, узнавъ отъ разъѣздовъ, что дорога въ Люблинъ прегражденa, обратился влѣво на Ленчну, думая только о томъ, чтобы поскорѣе поставить Вепржъ между собою и русскою кавалеріею. Въ этомъ ему помогъ самъ Крейцъ, поддавшись обману. Во время преслѣдованія къ Крейцу подъѣхалъ фурштатъ и доложилъ, что поляки показались вблизи нашего обоза у Каміонки. Крейца это извѣстіе озадачило и онъ приказалъ пріостановить преслѣдованіе, полагая не Пацъ-ли вышелъ ему въ тылъ. Въ Каміонку высланъ былъ на развѣдку дивизіонъ кавалеріи, причемъ оказалось что донесеніе было ложное и въ Каміонкѣ не встрѣтили ни одного непріятельскаго солдата. Мнимый фурштатъ былъ переодѣтый польскій офицеръ, подосланный Хржановскимъ ([275]). Послѣдній, двигаясь безостановочно, переправился черезъ Вепржъ, подъ защитой 2-хъ орудій, у Сырниковъ и, разрушивъ за собою мостъ, поспѣшно потянулся къ Ленчнѣ по противоположному берегу, гдѣ густые лѣса затрудняли всякое преслѣдованіе. Вслѣдствіе изгибовъ, дѣлаемыхъ рѣкою, ему пришлось переправляться чрезъ Вепржъ, еще два раза (у Заверняице и Ленчны) и наконецъ ночью онъ достигъ д. Спичи.

Когда Хржановскій былъ внѣ опасности, тогда только показался гр. Толстой. Слыша выстрѣлы у Любартова, онъ не рѣшался туда двинуться; посланные же къ нему: казакъ, предупрежденный о возможности встрѣчи съ непріятелемъ и, получивъ указаніе сдѣлать маленькій объѣздъ, сдѣлалъ его верстъ въ 20, опасаясь попасть въ руки поляковъ, а адъютантъ сбился съ дороги и тоже поздно прибылъ. Неизвѣстно почему Толстой не уничтожилъ мостъ у Сырниковъ ([276]). Крейцъ преслѣдовалъ поляковъ лично до Ленчны, а затѣмъ поручилъ это гр. Толстому съ его отрядомъ и двумя полками Кузнецова. Но, двигаясь по пятамъ непріятеля, притомъ по лѣсистой мѣстности, онъ ничего не могъ сдѣлать полякамъ, отступавшимъ чрезвычайно быстро и пользовавшимся обывательскими подводами, для перевозки больныхъ и ранцевъ, и лошадьми для припряжки ихъ къ орудіямъ. Въ теченіи 54 часовъ поляки сдѣлали около 106 верстъ: 28-го, въ день боя, они достигли до с. Спичи (37 в.) *); 29-го, двигаясь чрезъ Сѣдлице и Павловъ, прибыли къ Заставу, близь Красностава (39 в.), гдѣ провели вторую ночь; 30-го, выступивъ съ разсвѣтомъ, отступали далѣе; въ то время, какъ они оставили уже за собою Избицу, а обозъ и плѣнные были отправлены въ Замостье (30 в. отъ ночлега), они были настигнуты гр. Толстымъ, который ихъ немедленно атаковалъ у Стараго Замостья и нанесъ имъ чувствительный уронъ, причемъ особенно пострадалъ 1-й конно-егерскій полкъ. Тѣмъ не менѣе не удалось помѣшать Хржановскому войти въ Замостье,

*) См. карту театра войны.

и отрядъ его, истощенный боемъ и форсированными переходами, вступилъ подъ защиту крѣпости въ 3 ч. пополудни 30-го апрѣля, приведя съ собою и взятыхъ у Фирлея плѣнныхъ. Генер. Давыдовъ, не имѣя извѣстій о движеніи Хржановскаго, только 30-го выдвинулся къ Избицѣ съ бывшими у него двумя казачьими полками, стараясь безпокоить тылъ отступавшихъ поляковъ. Впослѣдствіи онъ былъ усиленъ, вмѣсто Финляндскаго драгунскаго полка, 2-й бригадою 2-й конно-егерской дивизіи и оставленъ по прежнему для наблюденія за Замостьемъ и для поддержки связи съ Ридигеромъ, находившимся тогда во Владимірѣ. Потеря поляковъ за это время простиралась, надо полагать, до 1000 чел., причемъ плѣнными мы взяли 13 оф. и до 600 чел. нижнихъ чиновъ; мы потеряли 19 оф. и 634 нижнихъ чина.

Хржановскій, какъ видно изъ вышеизложеннаго, дѣйствовалъ сначала нерѣшительно и безпечно. Онъ могъ 24-го числа застать въ расплохъ у Коцка Фези и Тимана и разбить ихъ ранѣе нежели-бы подоспѣлъ Крейцъ; далѣе, пользуясь полной свободой дѣйствій, онъ, узнавъ объ изгнаніи Дверницкаго, останавливается въ нерѣшительности, и въ ожиданіи приказаній теряетъ напрасно цѣлый день. У Любартова онъ допускаетъ полную безпечность въ своемъ отрядѣ. Изъ Коцка онъ могъ двинуться къ Замостью двумя путями: по лѣвому или по правому берегу Вепржа. Первый путь былъ лучше, но за то и опаснѣе, такъ какъ, двигаясь по немъ, приходилось подставлять незащищенный флангъ русскимъ. Если-бы Хржановскій выступилъ изъ Коцка 26-го, то 27-го былъ-бы въ Ленчнѣ, а затѣмъ и въ Замостьи, избѣжавъ сраженія. Между тѣмъ, простоявъ день въ Коцкѣ, онъ двинулся сначала по лѣвому берегу Вепржа и попалъ подъ удары Крейца. Только счастливое сочетаніе благопріятныхъ случайностей и энергическихъ дѣйствій Хржановскаго спасаетъ его отъ рѣшительнаго пораженія. Что касается Крейца, то начальныя его распоряженія вполнѣ отвѣчали обстановкѣ, и быстрое, искусное движеніе на флангъ непріятеля къ Каміонкѣ заслуживаетъ полнаго вниманія; но затѣмъ онъ дѣйствуетъ нерѣшительно и совершенно не оцѣниваетъ труднаго положенія непріятеля, захваченнаго въ расплохъ у Любартова, и вмѣсто рѣшительной атаки занимается безплодной кононадой, давая возможность непріятелю собраться, устроиться, перемѣнить фронтъ и исполнить всѣ подготовительныя мѣры къ отступленію. Стремленіе Крейца отрѣзать Хржановскому путь отступленія на Коцкъ едва-ли было удачно: Хржановскій самъ сломалъ находившійся тамъ мостъ и потому въ случаѣ обратнаго движенія былъ-бы припертъ къ рѣкѣ, притомъ онъ могъ быть перехваченъ и войсками отъ нашихъ главныхъ силъ, а потому, какъ кажется, Крейцу оставалось мѣшать выполненію поставленной себѣ польскимъ генераломъ цѣли, т. е. перехватить ему пути на Замостье и дѣйствовать правымъ флангомъ; но Крейцъ подъ Любартовомъ атакуетъ правый флангъ непріятеля, содѣйствуя такимъ образомъ выполненію цѣли преслѣдуемой непріятелемъ. Перехватъ путей на Замостье не удался, вслѣдствіе бездѣйствія гр. Толстаго, что обусловливалось, какъ личными военными качествами послѣдняго, такъ и недостаточностью связи главныхъ силъ Крейца съ этимъ отрядомъ. Наконецъ, допустивъ уже Хржановскаго къ Ленчнѣ, Крейцъ достигъ-бы вѣроятно болѣе успѣшныхъ результатовъ, если-бы двинулся оттуда чрезъ Бискупцы на Красноставъ, т. е. по хордѣ дуги описываемой движеніемъ отряда Хржановскаго, что, между прочимъ, совѣтовалъ Муравьевъ. Довольно странно также, что ген. Давыдовъ и самъ ничего не знаетъ и не получаетъ отъ Крейца увѣдомленія о движеніи отряда Хржановскаго.

Для поддержки Хржановскаго, Дзеконскому тоже слѣдовало-бы переправиться на правый берегъ Вислы и въ случаѣ нужды соединиться съ нимъ. Но Дзеконскій пере-

правился только 30-го апрѣля, т. е. въ день вступленія въ Замостье Хржановскаго; услыхавъ, что Крейцъ приближается, онъ быстро возвратился обратно подъ прикрытіе рѣки. Вскорѣ онъ былъ замѣненъ генераломъ Ромарино. Въ этихъ операціяхъ сказались между прочимъ всѣ выгоды центральнаго положенія Крейца и дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. Имѣя всего около 7000, Крейцъ съ успѣхомъ противодѣйствовалъ Хржановскому, Сѣравскому, а потомъ Дзеконскому, т. е. отрядамъ даже порознь почти равнымъ ему, а въ совокупности вдвое его превосходившимъ.

Бездѣйствіе Скржинецкаго.

Во время бездѣйствія русской арміи на позиціи Суха-Копце, польскій главнокомандующій тоже ничего не хотѣлъ предпринимать, что во многихъ вызвало противъ него неудовольствіе. Поляки полагали что бездѣйствіе для нихъ гораздо опаснѣе нежели для русскихъ, средства борьбы которыхъ неистощимы и время можетъ только ихъ увеличить. Наоборотъ положеніе поляковъ было таково, что они должны были съ возможной быстротой воспользоваться своимъ кратковременнымъ превосходствомъ для достиженія важнѣйшихъ рѣшеній, прежде чѣмъ русскіе окрѣпнутъ, усмирятъ возстаніе въ Литвѣ, притянутъ къ себѣ новыя подкрѣпленія. Прондзинскій настойчиво и неоднократно доказывалъ Скржинецкому, что поляки никогда не будутъ имѣть столь благопріятнымъ шансовъ для побѣды надъ русскимъ полководцемъ, какъ въ то время. По его расчетамъ русская армія имѣла не болѣе 50 т. чел., а польская, съ отрядами Паца и Дзеконскаго, но безъ Хржановскаго, могла выставить болѣе 60 т.

Исходя изъ этихъ данныхъ и взаимнаго положенія сторонъ, Прондзинскій предлагалъ слѣдующій планъ нападенія на русскую армію: 1) Дзеконскому въ связи съ Пацомъ наступать чрезъ Потычъ, Латовичи *) и Жебракъ, въ то время какъ Хржановскій будетъ занимать Крейца; 2) по присоединеніи двухъ первыхъ отрядовъ къ арміи, оставить шоссе и со всѣми силами переправиться чрезъ Костржинъ у Лончки, подъ прикрытіемъ высланныхъ впередъ легкихъ войскъ; 3) атаковать русскую армію шестью пѣхотными и тремя кавалерійскими дивизіями и при успѣхѣ припереть ее въ уголъ между болотами Ливца и Костржина; 4) при неуспѣхѣ отступить на Потычъ, гдѣ преслѣдованіе, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, было-бы затруднительно. Планъ этотъ былъ причиной безпрестанныхъ споровъ Прондзинскаго съ главнокомандующимъ, который немогъ выйти изъ заколдованнаго круга своихъ соображеній, то выставляя на видъ многочисленность русской артиллеріи, то говоря о русскихъ кирасирахъ, и требовалъ убѣдительныхъ доказательствъ, что успѣхъ неминуемъ и что арміи его не грозитъ никакая опасность. Прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь Скржинецкій желалъ выжидать точнѣйшихъ свѣдѣній о непріятелѣ, а между тѣмъ на войнѣ приходится обыкновенно руководствоваться только неполными данными, дополняя ихъ личнымъ соображеніемъ и ввѣряясь голосу военнаго инстинкта. Но все это было совершенно темно для Скржинецкаго (du veritable grecq, какъ говоритъ Прондзинскій). По замѣчанію-же Прондзинскаго, нѣкоторыя, плохо переваренныя, историческія свѣдѣнія, приводили Скржинецкаго къ убѣжденію, „что когда онъ вовсе ничего не дѣлаетъ, то подражаетъ этимъ Фабію Кунктатору, и если не даетъ сраженія, то за то ничѣмъ и не рискуетъ“, конечно, слѣдовало-бы прибавить,—ничего и не выигрываетъ; на войнѣ-же, особенно революціонной, такое бездѣйствіе ведетъ прямо къ гибели. Прондзинскому однажды удалось увлечь за собою Скржинецкаго на аванпосты для обозрѣнія русскаго расположенія—

*) См. карту театра войны.

это была единственная рекогносцировка, сдѣланная польскимъ главнокомандующимъ. Замѣтивъ укрѣпленія у Сухи, онъ уже рѣшительно отказался отъ всякой мысли объ атакѣ („какъ, восклицалъ онъ, атаковать укрѣпленія!“), хотя Прондзинскій и указывалъ ему, что укрѣпленія можно обойти. Тогда пришлось обратиться къ старой идеѣ о нападеніи на гвардію. Хотя Скржинецкій и согласился съ этимъ предложеніемъ Прондзинскаго, но поставилъ себѣ весьма ограниченныя цѣли (какъ замѣчаетъ Прондзинскій: „захватить нѣсколько обозныхъ телѣгъ“), а также желалъ что нибудь сдѣлать для литовцевъ. Когда экспедиція была рѣшена и Прондзинскій сталъ уже составлять и пересоставлять инструкцію для Уминскаго, Дзеконскаго и Хржановскаго, Скржинецкій все еще колебался, отмѣнялъ отданныя приказанія и т. п. Разъ войска даже начали движеніе, но затѣмъ были остановлены, По ироническому замѣчанію Прондзинскаго: „Скржинецкій на этотъ разъ имѣлъ весьма основательную причину медлить; онъ выписалъ изъ Варшавы живописца и давалъ ему сеансы, дабы отлитографировать свой портретъ“. Наконецъ, когда портретъ былъ оконченъ операція окончательно предпринята ([276]).

Второе наступленіе Дибича.

Между тѣмъ движеніе Хржановскаго чрезъ Коцкъ къ Любартову, прекративъ на нѣкоторое время прямое сообщеніе арміи съ корпусомъ бар. Крейца, не могло не обезпокоить Дибича относительно безопасности лѣваго фланга арміи. Непріятельскія партіи отъ Коцка показывались въ окрестностяхъ Радзына, а на верховьяхъ Костржина поляки производили хотя маловажныя, но постоянныя рекогносцировки; замѣчена была также осторожность польскихъ передовыхъ постовъ, чтобы не позволить захватить языка; наконецъ 29-го апрѣля получено было извѣстіе отъ лазутчиковъ, будто-бы Скржинецкій намѣревается двинуться 1-го мая со всѣми силами противъ лѣваго фланга русской арміи и атаковать Сѣдльце; тогда Дибичъ, предупреждая непріятеля, рѣшился тоже двинуться 1-го мая къ Калушину, противъ центра расположенія польской арміи. Если-бы главныя силы поляковъ оставались на своихъ мѣстахъ, у шоссе, и вновь старались-бы уклониться отъ общаго сраженія, то быстрое наступленіе на ихъ центръ отъ Калушина могло-бы доставить нашей арміи случай нанести имъ хотя частный уронъ; если-бы они дѣйствительно предприняли наступленіе къ Сѣдльце, то могли потерпѣть рѣшительное пораженіе и быть отброшенными отъ шоссе. Впрочемъ Дибичъ имѣлъ собственно въ виду произвести лишь усиленную рекогносцировку по направленію къ Калушину. На этотъ разъ всѣ необходимыя мѣры скрытности были соблюдены фельдмаршаломъ. Войска получили диспозицію ([277]) къ 6-ти часамъ пополудни 30-го апрѣля, и въ тотъ-же день вечеромъ 1-й пѣхотный и гренадерскій корпуса, пѣхота гв. отряда и два полка 2-й гусарской дивизіи выступили съ биваковъ, оставивъ аванпосты на своихъ мѣстахъ, и къ полуночи собрались передъ д. Яблонкой въ густыхъ колоннахъ, въ четыре линіи, на самыхъ тѣсныхъ интервалахъ, чтобы по возможности скрыть свои силы, почему не разводили и огней. 3-й рез. кавал. корпусъ на ночь перешелъ къ Невискѣ и на другой день долженъ былъ слѣдовать за прочими войсками; всего было двинуто 53 бат., 60 эск. и 134 ор. Генер. Сиверсъ съ егерскою бригадою 7-й дивизіи, Елизаветградскимъ гусарскимъ полкомъ и 8-ю орудіями выдвинутъ былъ къ д. Куски для прикрытія праваго фланга арміи. Защита Сѣдльце поручена была ген. Кнорррингу съ отрядами: Гурко, Пенхержевскаго, частью отряда Мандерштерна, л.-гв. Подольскимъ кирасирскимъ полкомъ и артиллерійскимъ резервомъ, подвинутымъ туда изъ Збучина. Въ укрѣпленіяхъ при Сухѣ оставлена была 2-я бр. 7-й пѣх. дивизіи съ 20 орудіями.

Л.-гв. Уланскій Его Высочества полкъ направленъ изъ Лукова къ Коцку для связи съ корпусомъ Крейца.

Съ разсвѣтомъ 1-го мая главныя силы арміи начали наступленіе; когда голова колонны миновала Тржебучу, то по опушкѣ лѣса, находящагося передъ Калушиномъ, встрѣчена была передовая непріятельская цѣпь *), которая немедленно отступила; вслѣдъ затѣмъ и Калушинъ былъ очищенъ безъ сопротивленія. Дибичъ, съ корпусомъ Палена 1-го, продолжалъ наступать за Калушинъ; по дорогѣ встрѣчались слѣды оставленныхъ обширныхъ бивуковъ, а разъѣзды, освѣтившіе все пространство влѣво къ верховьямъ Костржина, удостовѣрили, что поляки никакого въ томъ направленіи наступленія не предпринимали. Жители Калушина показывали, что поляки отправили 30 числа вечеромъ сначала артиллерію, а за нею уже потянулись и войска на Минскъ къ Прагѣ. Но наконецъ непріятель былъ открытъ у Ендржеева въ значительныхъ силахъ и повидимому въ готовности къ отпору. Лѣсъ, сходящійся къ шоссе и прикрывающій подступъ къ селенію, былъ сильно занятъ польскою пѣхотою, а на шоссе стояли 4-ре орудія, открывшія огонь по головѣ русской колонны. Отошедшій назадъ 3-й егерскій полкъ сталъ лѣвѣе шоссе, а гренадерскій—правѣе; 15-й линейный—въ резервѣ; оба фланга упирались въ лѣсъ, занятый пѣхотой; мѣстность не позволяла русскимъ развернуть значительныя силы и вообще позиція была выгодна для поляковъ ([279]). Со стороны русскихъ впереди шли, по обѣ стороны дороги, 1-й и 2-й морскіе полки, имѣя 2 орудія въ интервалѣ. 1-й полкъ немедленно былъ усиленъ двумя баталіонами 1-го и 2-го егерскихъ полковъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, ген. Лидерсъ повелъ 2-й морской полкъ, въ сомкнутыхъ колоннахъ, по густому лѣсу и сталъ тѣснить штыками находившихся тамъ польскихъ гв. гренадеръ. Послѣ упорнаго сопротивленія, причемъ поляки три раза усиливали своихъ застрѣльщиковъ, Лидерсъ овладѣлъ лѣсомъ. Правѣе шоссе 1-й морской полкъ также двинулся впередъ, атаковалъ польскій 3-й егер. полкъ и занялъ перелѣсокъ, который, будучи сравнительно рѣдкимъ, допускавшимъ нѣкоторую свободу въ движеніяхъ русскихъ колоннъ, менѣе благопріятствовалъ оборонѣ поляковъ и легче достался въ наши руки, нежели южный лѣсокъ. Послѣ того полки 1-й пѣх. дивизіи были поддержаны изъ 3-й пѣх. дивизіи полками: Староингерманландскимъ, Кутузовскимъ и 5-мъ егерскимъ, и выдвинуты частью на поляну передъ Ендржеевымъ, частью вправо по опушкѣ окружавшаго тамъ поляну лѣса. На полянѣ поставлены были также батареи изъ 18 орудій, подъ прикрытіемъ двухъ дивизіоновъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка; остальные-же три полка 3-й пѣх. дивизіи и вся 3-я гренадерская дивизія съ Клястицкимъ и Иркутскимъ гусарскимъ полками и съ дивизіономъ Сумскаго гусарскаго полка оставались за лѣсомъ, въ резервѣ. Поляки отступили къ Ендржеевской мызѣ, отвѣчая русской артиллеріи огнемъ 12-ти орудій, но наши батареи вскорѣ были значительно усилены (до 40 ор.) и взяли совершенно верхъ надъ непріятельскими, что, вмѣстѣ съ наступленіемъ пѣхоты, заставило поляковъ сняться съ занятой ими позиціи и отступить на версту за лощину, къ начинающемуся тамъ лѣсу. Они были опрокинуты и оттуда, а затѣмъ стали отступать безостановочно. Русскіе преслѣдовали ихъ только до Янова, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Войска, оставшіяся въ резервѣ и не вступавшія въ дѣло, ночевали у Ендржеева, а корпуса кн. Шаховскаго и гр. Витта съ пѣхотою гв. отряда оставались за Калушиномъ. На другой день, 2-го мая, всѣ возвратились за Костржинъ и заняли мѣста прежняго своего расположенія. Рекогносцировка стоила русскимъ до 180 чел. убитыми и ранеными, а полякамъ, по свидѣтельству Уминскаго, около 300 чел., въ этомъ числѣ 74 чел. плѣнныхъ. Изъ показаній послѣднихъ обнаружилось, что при Ендржеевѣ мы имѣли столкновеніе съ корпусомъ Уминскаго, состоявшимъ изъ пѣхотной дивизіи Мюльберга и кавалерійской Томицкаго, и что главныя силы Скржинецкаго оставили свое расположеніе дѣйствительно вечеромъ наканунѣ наступленія Дибича и пошли къ Прагѣ. Изъ этого фельдмаршалъ заключилъ, что и на этотъ разъ поляки, предувѣдомленные о нашемъ движеніи *), поспѣшили отступить, чтобы уклониться отъ сраженія, подобно тому какъ это было при наступленіи на Куфлевъ. Но оказалось, что Скржинецкій оставилъ теперь окрестности Калушина вовсе не съ цѣлью отступленія, а для того, чтобы исполнить давно задуманный планъ нападенія на гвардію ([280]).

*) Поляки были расположены слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ 3-го егерскаго полка занималъ Калушинъ, а впереди, у Грошки и Пржетучи, находились передовые посты изъ втораго баталіона того-же полка и конница Буковскаго ([278]).

Развитіе холеры въ русской арміи.

Четырехнедѣльное пребываніе русской арміи у Сѣдльце, хотя было полезно и необходимо, но вмѣстѣ съ тѣмъ причинило и немаловажный вредъ, такъ какъ поляки не только успѣли за это время пополнить ряды своихъ дѣйствующихъ войскъ, но и окончить формированіе новыхъ полковъ по воеводствамъ. Включеніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ полковъ въ составъ дѣйствующихъ войскъ, они значительно усилили. Съ другой стороны бездѣйствіе нашей арміи, внушая полякамъ преувеличенное понятіе объ ихъ силѣ и значеніи одержанныхъ ими частныхъ успѣховъ, подняло духъ въ непріятельской арміи и имѣло неблагопріятное для насъ нравственное вліяніе на населеніе, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ пограничныхъ губерніяхъ. Необходимость принятія и исполненія различныхъ мѣръ, вызываемыхъ предположенной перемѣной базы и операціонной линіи, не могла-бы препятствовать дѣйствіямъ на Брестскомъ шоссе, результаты которыхъ могли-бы быть чрезвычайно важны, если-бы представился случай къ нанесенію рѣшительнаго пораженія польской арміи и если-бы воспользовались этимъ случаемъ съ должной рѣшительностію и энергіею. Сознавая это, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь на позиціи у Сухи и поглощенный хозяйственными заботами, ничего не предпринималъ для преодолѣнія неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, а подчинялся имъ пассивно, что и вызвало наконецъ непріятеля къ активнымъ операціямъ. Однимъ изъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ была холера, распространившаяся въ русской арміи во время ея пребыванія въ окрестностяхъ Сѣдльце. Болѣзнь эта появилась въ предѣлахъ Россіи первоначально на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря еще въ 1830 году и, устремясь къ западу, распространилась въ 1831 году почти по всей Россіи и даже въ западной Европѣ.

Конечно, при быстромъ и сильномъ распространеніи этой эпидимической болѣзни, не было возможности предохранить отъ нея армію **), въ особенности въ условіяхъ

*) Когда русскія войска стали переходить 30-го числа Костржинъ, то впереди ихъ расположенія, внѣ передовыхъ постовъ, произошелъ довольно сильный пожаръ. Подобные случаи весьма часто повторялись при движеніи нашихъ войскъ.

**) Послѣ первыхъ случаевъ появленія холеры въ арміи фельдмаршалъ учредилъ особый комитетъ съ цѣлью изученія признаковъ болѣзни и предохранительныхъ мѣръ. Выработанныя комитетомъ мѣры совершенно не соотвѣтствовали обстановкѣ; рекомендовались: хорошая пища, теплая одежда, предохраненія ногъ отъ сырости и пр.; только нѣкоторыя могли быть примѣнены: необходимы подбавка къ водкѣ перцу и проч. ([281]).

военно-походной жизни, но тѣмъ не менѣе, избѣгая продолжительнаго расположенія войскъ на одномъ мѣстѣ и возбуждая въ людяхъ бодрость и чувство довольства, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ поводы къ упадку духа, можно было-бы уменьшить вліяніе заразы. Изъ войскъ дѣйствующей арміи признаки холеры обнаружились прежде всего въ казачьемъ Хоперскаго полку, вскорѣ по выступленіи его съ Дона, 8-го и 14-го декабря, и потомъ въ Луцкѣ 13-го января, всего у 5-ти казаковъ. Полкъ этотъ поступилъ въ корпусъ бар. Крейца и болѣзнь въ немъ уже не возобновлялась. Главнѣйшимъ и можетъ быть единственнымъ путемъ проникновенія холеры въ армію былъ Брестъ-Литовскъ, куда стекались со всѣхъ сторонъ различныя воинскія части и команды и большая часть транспортовъ. Тамъ она появилась 6-по марта одновременно среди войскъ и жителей. Не смотря на принятыя мѣры, она быстро пошла далѣе: 8-го марта появилась въ Бялѣ, 11-го въ Мендзыржецѣ, 17-го въ Сѣдльце, а 19-го въ тамошнемъ госпиталѣ.

Въ теченіи марта всѣхъ больныхъ холерой въ госпиталяхъ въ Россіи въ Ц. Польскомъ было 682 чел., но съ приближеніемъ арміи къ Сѣдльце болѣзнь быстро распространилась въ войскахъ, и жертвою ея въ теченіи апрѣля было уже около 8720 чел., изъ которыхъ до 2800 чел. умерло. Съ возобновленіемъ дѣйствій, въ продолженіи мая, больныхъ холерою было гораздо менѣе. Въ самомъ началѣ апрѣля холера проникла и въ польскую армію, которая однако пострадала отъ нея менѣе русской *) ([282]).

Хозяйственныя распоряженія по 1-е мая.

а) Устройство тыла.

Выше уже упомянуто какія мѣры были приняты и приводились въ исполненіе по обезпеченію непосредственно примыкавшей къ тылу русской арміи мѣстности, имѣвшей своимъ центромъ Брестъ-Литовскъ. Но этимъ далеко не исчерпывались заботы, вызванныя необходимостью водворенія прочнаго порядка въ пограничныхъ Царству губерніяхъ. 9-го апрѣля получены были указанія Государя относительно мѣръ и средствъ къ прекращенію возстанія въ Виленской губерніи и на границахъ Курляндіи. Первоначально для этого имѣлись: сводная бригада 4-й пѣхотной дивизіи въ Ригѣ и Динабургѣ, 600 старослужащихъ солдатъ, собранныхъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ, и 3-я бригада 6-й пѣхотной дивизіи съ двумя казачьими полками, направленные уже къ Вильнѣ. Въ Ригу и Динабургъ приказано было направить на подводахъ также по 3 резервныхъ баталіона 1-го пѣхотнаго корпуса, а до прибытія ихъ генер. Ширманъ, назначенный дѣйствовать со стороны Курляндіи, еще 24-го марта выступилъ изъ Динабурга съ баталіонами 7-го и 8-го егерскихъ полковъ и съ 4-мя ор. 4-й артиллерійской бригады, направляясь чрезъ Вилькоміръ и Ковно въ Россіены, куда могъ прибыть чрезъ 15 дней безостановочнаго марша; митавскій-же отрядъ долженъ былъ двинуться къ Шавлямъ. Между тѣмъ рижскій военный губернаторъ Паленъ, которому принадлежало направленіе дѣйствій со стороны Курляндіи, предписалъ Ширману слѣдовать на Поневѣжъ, расчитывая послѣ 5-го апрѣля, т. е. когда прибытіе резервныхъ баталіоновъ въ Ригу и Динабургъ и состояніе Двины дозволитъ усилить митавскій отрядъ и послать *три* отряда, каждый въ 1000 человѣкъ одинъ въ *Шавли*, другой изъ Риги чрезъ Баускъ въ *Поневѣжъ*, съ тѣхъ, чтобы первый, открывъ шавельскихъ инсургентовъ, присоединился къ отряду, назначенному въ Поневѣжъ для обезпеченія пространства между этимъ городомъ и Динабургомъ, причемъ дальнѣйшія дѣйствія направляются генералъ-адъютантомъ Храповицкимъ; третій-же отрядъ—въ *Тельши* для содѣйствія

*) См прил. XVIII.

отряду въ 500 чел., направленному уже на Полангенъ такимъ образомъ, чтобы Полангенскій отрядъ дѣйствовалъ по самой прусской границѣ на Юрбургъ, а Тельшинскій на Россіены, гдѣ можетъ соединиться съ отрядомъ Храповицкаго и достигнуть Ковно. Обезпеченіе границъ Курляндіи отъ набѣговъ мелкихъ партій возложено на отрядъ оберъ-форстмейстера Мантейфеля, составленный изъ курляндскихъ лѣсничихъ, а для охраненія Митавы назначенъ гарнизонъ изъ одного баталіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Храповицкому, съ прибытіемъ къ нему 3-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи и 2-хъ казачьихъ полковъ, начать дѣйствовать противъ возставшихъ уѣздовъ. Независимо отъ этихъ распоряженій Государь приказалъ приблизить къ границамъ Минской губерніи 4-го пѣхотнаго корпуса 4-ю гусарскую, 13-ю и 15-ю пѣхотныя дивизіи, затѣмъ весь 2-й резервный кавалерійскій корпусъ и резервную дивизію 3-го пѣхотнаго корпуса, подчинивъ резервные баталіоны 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ генералу Савоини.

Первая линія квартирнаго расположенія этихъ войскъ указана отъ Дриссы, чрезъ Полоцкъ, Сенно, Оршу, Могилевъ, Старый Быховъ и Бобруйскъ до Новой Бѣлицы; 13-й дивизіи назначено расположиться въ задней линіи, имѣя дивизіонный штабъ въ Духовщинѣ. Квартиры прочихъ войскъ находились: 15-й пѣх. въ Красномъ; 4-й гусарской въ Орлѣ, 2-й кирасирской въ Стародубѣ, 2-й уланской въ г. Новой-Бѣлицѣ, резервной 3-го пѣхотнаго корпуса въ Витебскѣ. Резервные баталіоны 13-й, 14-й и 15-й пѣхотныхъ дивизій и сводной бригады 16-й пѣхотной оставлены въ Москвѣ. Впослѣдствіи для необходимаго единства въ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ всѣ отряды генераловъ: Палена, Ширмана, кн, Хилкова, Сулимы и Отрощенки, а равно и прочія части, за исключеніемъ войскъ, составлявшихъ гарнизонъ г. Вильны, подчинены главнокомандующему *резервною арміею* генералу отъ инфантеріи гр. Толстому *). Ему поручено было, исполняя первоначальный планъ дѣйствій вышеупомянутыхъ отрядовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принять скорѣйшія мѣры къ прегражденію повстанцамъ возможности вторгаться въ Минскую губернію и обезпечить свободное сообщеніе Брестъ-Литовска съ Петербургомъ (главный почтовый трактъ) и Динабурга съ Вильной. Вмѣстѣ съ тѣмъ войска, отдѣленныя отъ дѣйствующей арміи для усмиренія Литвы, должны были возвратиться въ распоряженіе Дибича при первой возможности.

Востановленіе спокойствія въ губерніяхъ Волынской и Подольской и охраненіе границы съ Царствомъ отъ Брестъ-Литовска до Галиціи и далѣе возлагалось на 1-ю армію. Для прекращенія безпокойствъ на Волыни и Подоліи, по изгнаніи Дверницкаго, полагалось совершенно достаточнымъ имѣвшихся тамъ войскъ; 3-й пѣхотный корпусъ, по соединеніи всѣхъ его частей, назначено расположить по границѣ Люблинскаго воеводства, а 4-й резервный кавалерійскій выдвинуть въ это воеводство, чтобы дать возможность корпусу Крейца присоединиться къ главнымъ силамъ.

*) Въ составъ резервной арміи поступили войска: а) *гвардейскія*: 1) вторые дивизіоны 1-й кирасирской и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи; 2) резервы полковъ: л. гв. Подольскаго кирасирскаго, Уланскаго Его Высочества, и Гродненскаго гусарскаго; 3) вторые баталіоны 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и гвардейскій экипажъ; 4) резервы полковъ л. гв. Литовскаго и Волынскаго; 5) вторые дивизіоны гвардейской пѣшей артиллеріи; б) *армейскія:* 1) 2-й резервный кавалерійскій корпусъ съ принадлежащею къ нему артиллеріею и резервами и 1-й конно-піонерный эскадронъ; 2) резервы: 1-й уланской, 1-й и 2-й гусарскихъ, 3-й кирасирской, 3-й уланской, 2-й драгунской, 2-й конно-егерской и Литовской уланской дивизій; 3) 4-й пѣхотный корпусъ съ принадлежащей къ нему артиллеріей; 4) сводная бригада 4-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріею; 5) резервные баталіоны 1-й, 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій; 6) резервы Литовской гренадерской бригады; 7) резервные баталіоны 1-го, 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ; 8) резервные роты 1-й, 2-й и 3-й гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ и 9) резервные бригады 1-й, 2-й 3-й и 4-й артиллерійскихъ дивизій.

Приступлено было также къ укомплектованію 6-го пѣхотнаго корпуса, причемъ убыль въ полкахъ не потерявшихъ своихъ знаменъ пополнялось по возможности всѣми нижними чинами пѣхотныхъ полковъ другихъ корпусовъ, выздоравливавшихъ изъ Брестскаго военнаго госпиталя, кромѣ гренадеръ, и чинами полковъ 6-го корпуса, потерявшихъ свои знамена, оставляя въ нихъ самое ограниченное число людей для образованія кадровъ, которые приказано отправить къ ихъ резервнымъ баталіонамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повѣлено переименовать Литовскую уланскую дивизію и Литовскую артиллерійскую дивизію, соотвѣтственно въ 6-ю уланскую и 6-ю артиллерійскую дивизіи.

Приказомъ по арміи предписано было всѣ пѣхотные полки, имѣвшіе менѣе 720 рядовыхъ, привести въ однобаталіонный составъ, а кавалерійскіе полки съ числомъ рядовъ менѣе 12 во взводѣ — въ 4-хъ эскадронный составъ. Кадры-же 5-хъ и 6-хъ эскадроновъ отправить въ г. Кобринъ, гдѣ они должны быть сформированы въ полные эскадроны. Въ Кобринскомъ уѣздѣ учреждено было кавалерійское депо, въ которое отправлены изъ полковъ слабыя и изнуренныя лошади и выпущены тамъ на подножный кормъ.

По случаю отбитія непріятелемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ обоза приказано было уравнять число его такимъ образомъ, чтобы хотя въ каждой бригадѣ находилось по одному аптечному ящику.

Препровожденіе плѣнныхъ отъ Брестъ-Литовска до Пружанъ возложено на войска Розена, а отъ Пружанъ по распоряженію Храповицкаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ всѣхъ военно-плѣнныхъ отправлять на сборный пунктъ въ губ. городъ Минскъ, а оттуда направлять далѣе по особому распредѣленію главнокомандующаго 1-ю арміею.

б) Продовольствіе.

Изъ предъидущаго изложенія извѣстно, что всѣ хозяйственныя распоряженія Дибича первоначально были направлены къ достиженію одной первостепенной цѣли— перенесенію театра войны въ концѣ марта на лѣвый берегъ Вислы; на выполненіи этихъ распоряженій было основано дальнѣйшее продовольствіе войскъ до новаго урожая.

Но послѣдовавшія затѣмъ неудачи и возстаніе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ совершенно разстроили всѣ способы продовольствія, съ такимъ трудомъ обезпеченнаго, но основаннаго единственно на успѣхахъ нашего оружія за Вислою. Разъ этого не случилось, то данцигскіе подвозы съ нижней Вислы, составлявшіе треть всѣхъ нашихъ средствъ, особенно въ овсѣ, остались временно безполезными для арміи. Затѣмъ возстаніе Литвы лишило армію весьма значительной части подвозовъ уже находившихся въ слѣдованіи и не позволяло расчитывать на запасы, сложенные въ разныхъ пунктахъ охваченной возстаніемъ мѣстности. Такія-же послѣдствія имѣло возстаніе на Волыни и кромѣ того угрожало возможностью неполученія значительнѣйшей части рогатаго скота, ожидавшагося изъ Волынской и Подольской губерній, и назначеннаго частью къ составленію подвижнаго магазина. Къ довершенію всего прошлогодній урожай былъ весьма плохой во всѣхъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ слѣдуетъ еще прибавить различныя неблагопріятныя случайности; съ одной стороны разлитіе водъ и совершенно испорченныя дороги, въ странѣ болотистой, въ которой грязь, по выраженію Наполеона, составляетъ пятую стихію, съ другой, распространившаяся изъ Бреста холера, вызвавшая оцѣпленіе и предохранительныя мѣры, — стѣсняли и даже прерывали сообщенія и увеличивали непомѣрно число больныхъ въ госпиталяхъ. Время это было весьма гибельно и для лошадей, изнуренныхъ

недостаткомъ корма и частыми перемѣщеніями. Все это вмѣстѣ приковало нашу армію къ ея источникамъ продовольствія и обусловливало собою ея продолжительное пребываніе въ окрестностяхъ Сѣдльце. Необходимо было возстановить какъ силы арміи, такъ и ея довольствіе, текущее и запасное, хотя-бы въ двухнедѣльномъ размѣрѣ.

Положительныя средства продовольствія арміи заключались въ запасахъ: брестскихъ, кобринскихъ, слонимскихъ, пружанскихъ, гродненскихъ и скидельскихъ, въ продуктахъ поставленныхъ уже изъ запасовъ Виленской губерніи (въ Долистовскій и Гоніондзскій магазины) и въ находившихся налицо въ Царствѣ Польскомъ.

Всего имѣлось: муки и сухарей 129.879 четвертей, крупъ 11.078 четвертей, овса 101.199 четвертей, т. е. провіанта по армейскому тарифу для 150.000 чел. на 4-ре мѣсяца и овса для 60.000 лош. на одинъ мѣсяцъ. Но изъ этого числа при арміи и на ближайшей промежуточной базѣ въ Сѣдльце (гдѣ между прочимъ выпекалось ежедневно покупнаго хлѣба на 6 т. чел.) имѣлось провіанта весьма недостаточно, а именно на 7 дней на армію въ 120 т. челов. Ближайшій источникъ пополненія находился въ Брестъ-Литовскѣ. Чтобы воспользоваться имъ для текущаго довольствія войскъ и образованія запаса на 14 дней, какъ выше указано, фельдмаршалъ приказалъ 7.500 подводъ, собранныхъ въ Брестѣ съ первоначальною цѣлью перевозки провіанта въ Дрогичинъ для сплава его по Бугу, назначить для перевозки продовольствія изъ Бреста къ арміи. Для той-же цѣли назначено было 7 артиллерійскихъ парковъ и 450 полковыхъ провіантскихъ фуръ. Всѣ эти транспорты, сдѣлавъ въ 16 дней два оборота между Сѣдльце и Брестомъ, могли обезпечить армію текущимъ запаснымъ продовольствіемъ. Затѣмъ, для обезпеченія довольствія арміи вообще, были приняты слѣдующія мѣры: 1) гв. корпусу предоставлено пріобрѣсти продовольственные продукты въ Пруссіи, въ мѣсячной пропорціи и съ доставкою въ Ломжу; 2) чиновнику Скребицкому поручено заготовить покупкою, съ доставкою въ Брестъ или Сѣдльце не позже 15 іюня, 50 т. четвертей муки съ пропорціею крупъ, а если возможно, то и 50 т. четв. зернового фуража: 3) изъ сельскихъ запасовъ Гродненской губерніи взять вторую треть, т. е. 35.789 четв. муки и 3.357 крупъ; муку превратить въ сухари и вмѣстѣ съ крупой свести въ Долистовъ и Гоніондзъ, воспользовавшись для того первою минутою тишины и спокойствія; 4) данное прежде приказаніе о нарядѣ 1.000 пароконныхъ подводъ съ Волынской и Гродненской губерній отмѣнено; для постояннаго-же движенія пограничныхъ запасовъ приказано учредить подвижный магазинъ изъ 2.680 пароволовыхъ и 1.640 пароконныхъ подводъ; лошади—по наряду отъ Виленской, Минской и Гродненской губерній; а волы изъ тѣхъ 20 тыс., которыя заготовлялись временнымъ Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ на мясную порцію для арміи; повозки съ упряжью и подвозчиковъ приказано собрать изъ вышеупомянутыхъ губерній; этому-же генералъ-губернатору поручено было, изъ заготовляемаго имъ для арміи рогатаго скота, еще составить 4.000 пароволовыхъ подводъ и нагрузить на нихъ 16 т. четв. сухарей съ пропорціею крупъ и до 12 т. четв. овса, пріобрѣтя хлѣбъ покупкою въ тѣхъ-же губерніяхъ, а фуры, упряжь и погонщиковъ — нарядомъ.

Всѣми этими мѣрами, съ прибавкой наличныхъ средствъ, можно было-бы обезпечить армію провіантомъ до сентября, но, къ сожалѣнію, къ пріобрѣтенію необходимаго количества зернового фуража, вслѣдствіе предшествующаго неурожая, не представлялось никакой возможности. Вслѣдствіе этого заблаговременно были приняты слѣдующія мѣры: 1) всѣмъ строевымъ кавалерійскимъ и артиллерійскимъ лошадямъ ограничена суточная дача двумя гарнцами овса, казеннымъ подъемнымъ, по 1-е мая, однимъ гарнцомъ; съ 1-го же мая лошадей этихъ довольствовать подножнымъ кор-

момъ, скашивая гдѣ нѣтъ травы, озимыя поля; 2) съ 15-го мая всѣхъ казенныхъ лошадей, кромѣ кирасирскихъ, довольствовать травой съ полученіемъ овса по возможности; 3) на офицерскихъ верховыхъ лошадей, вмѣсто отпуска фуража въ натурѣ, выдавать деньгами по 8 р. за четверть; изъ этого распоряженія исключились лошади чиновъ главной квартиры, которымъ отпускалась половинная дача, т. е. по 2 гарнца въ сутки; а на остальную выдавались деньги; на всѣхъ подъемныхъ офицерскихъ лошадей отпускались съ 16-го апрѣля по 1-е мая деньги. Мѣры эти до гвардіи не относились. При недостаткѣ сѣна и травы для подножнаго корма, предписано было замѣнять ихъ сѣчкою изъ соломы съ пересыпкой мукою, отпуская за каждый гарнецъ овса и за каждые 5 ф. сѣна по одному фунту муки.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что первоначальный заказъ по покупкѣ припасовъ въ Пруссіи уже былъ исполненъ Тенгоборскимъ; по послѣднему же заказу, Пейкеръ не надѣялся купить болѣе половины назначеннаго количества въ четырехнедѣльный срокъ. Купленный до этого времени хлѣбъ обошелся на мѣстѣ по 5 р. 72 к. серебромъ четверть ржи.

Къ 1-му мая продовольственныхъ запасовъ состояло:

	Четвертей.			Пудовъ.			Вед.
	Муки.	Сухар.	Крупъ.	Зернов. фураж.	Сѣна.	Соломы.	Водки.
Въ магазинахъ: Бѣлостокской области и губерній: Гродненской, Минской, Виленской и Волынской . .	130.677	33.056	12.329	53.313	69.585	252	—
Въ Царствѣ Польскомъ: въ Мендзыржецѣ, Коцкѣ, Тыкочинѣ, Сѣдльце	5.617	8.628	2.558	4.115	—	—	5.955

Эти цифры показываютъ, что, при обиліи запасовъ на базѣ (за исключеніемъ сѣна и соломы), вблизи арміи ихъ было немного.

в) Госпитальная часть.

Уже упомянуто было о появленіи и распространеніи холеры въ нашей арміи. Болѣзнь, мало изслѣдованная, считалась тогда заразительною и передающеюся путемъ соприкосновенія, поэтому правительственныя мѣры, принятыя противъ нея, состояли въ томъ, что всѣ воинскія команды, подвозы и проѣзжающія лица были направляемы мимо зараженныхъ мѣстъ. Въ Бялѣ и Сѣдльце предписано устроить обсерваціонныя заставы и при каждой имѣть дома: одинъ для сомнительныхъ, другой для имѣвшихъ съ ними сообщеніе и особый домъ для одержимыхъ холерою. Высочайше повелѣно: при распространеніи болѣзни въ мѣстахъ расположенія арміи, учреждать только частныя оцѣпленія тѣхъ мѣстъ, гдѣ она появится, а при дальнѣйшемъ ея распространеніи оцѣплять города и селенія, отдѣльно каждый пунктъ. Число больныхъ всякой категоріи постепенно увеличивалось и къ 1-му мая состояло въ госпиталяхъ: заграничныхъ 4878 чел. и во внутреннихъ 13695 чел. Вслѣдствіе этого усилены госпитали Брестъ-Литовскій, Бѣлостокскій, Кобринскій, Слонимскій, Дрогичинскій и Свислочьскій, *) и учреждены новые въ Пружанахъ и Рожанахъ **); кромѣ того учреждены небольшіе госпитали, 300 — 450 чел. каждый, во Владавѣ, Дрогичинѣ и Семятичахъ, а при 1-мъ, 6-мъ и гренадерскомъ корпусахъ и при гв. отрядѣ — сводные лазареты. Госпитали: въ Великой Берестовицѣ, Шавляхъ, Ломжѣ и Тыкочинѣ закрыты — первый по тѣснотѣ въ размѣщеніи, второй по малому числу оставшихся въ немъ больныхъ, а два послѣдніе по недостатку въ наличности госпитальныхъ вещей; взамѣнъ этого

*) Первыя два на 4 т. чел. каждый, третій на 2000 чел., четвертый и пятый на 2400 чел. каждый, шестой на 1000 чел.

**) Первый на 2400 чел., второй на 1200 чел.

предписано учредить для больныхъ гв. корпуса сводный лазаретъ въ Ломжѣ или Тыкочинѣ, снабдивъ его какъ лазаретными вещами, такъ и медицинскими чинами 6-го корпуса. Въ госпитали приказано отправлять только больныхъ, требующихъ продолжительнаго леченія. Больные изъ Желехова, Коцка и Сѣдльце перевозились въ Мендзыржецъ, а изъ Венгрова въ Дрогичинъ и Семятичи, затѣмъ далѣе ихъ направляли въ Брестъ-Литовскъ, а оттуда внутрь имперіи. Устройство госпиталей въ Гродненской губерніи поручено было Храповицкому, а въ Бѣлостокской области генер. Петерсону съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ недостатка строеній для помѣщенія больныхъ, были заняты сараи. Относительно снабженія ихъ госпитальными вещами предоставлено генералъ-интенданту арміи распорядиться такимъ образомъ, чтобы изъ вещей, остающихся послѣ уничтоженія госпиталей въ Сѣдльце, Бялѣ и Мендзыржецѣ и назначенныхъ во вновь учреждаемые госпитали, отдѣленъ былъ запасъ для заграничныхъ госпиталей на 4000 чел., который хранить до востребованія въ Мендзыржецѣ.

г) Артиллерійское довольствіе.

Расходъ снарядовъ, выпущенныхъ въ сраженіяхъ при Дембе-Віельке и Иганахъ, былъ пополненъ безъ всякихъ затрудненій. Затѣмъ, какъ упомянуто, парки № 2, 4, 6, 7, 8, 9 и 10, для немедленнаго снабженія арміи продовольствіемъ, получили приказаніе сложить въ Брестѣ свои снаряды и, нагрузившись провіантомъ, доставить его въ Сѣдльце; по истеченіи двухъ недѣль, т. е. въ половинѣ апрѣля, имъ приказано снова обратиться къ своему прямому назначенію по подвозкѣ къ арміи боевыхъ припасовъ.

Паркъ № 24-й, нагрузившись въ Гродно артиллерійскими снарядами, направленъ въ Ломжу для присоединенія къ гв. корпусу; а паркъ № 25 раздѣлился на три части, изъ которыхъ одна, самая малая, оставлена при гв. корпусѣ, другая слѣдовала изъ Гродно къ Бресту со снарядами, куда прибыла къ концу апрѣля, а третья, самая большая, направлена для перевозки изъ Бѣлостока въ Динабургъ орудій артиллерійскаго резерва. Часть летучаго парка, изъ 37 ящиковъ, отправлена къ 5-му резервному кавалерійскому корпусу, для пополненія зарядовъ, израсходованныхъ въ послѣднихъ сраженіяхъ; исполнивъ это и сложивъ излишніе снаряды въ Люблинѣ, ящики двинулись черезъ Коцкъ въ Мендзыржецъ, куда прибыли въ концѣ апрѣля и присоединились къ летучему парку. Вмѣсто этой части летучаго парка было отправлено туда-же, къ 5-му резервному кавалерійскому корпусу, другое отдѣленіе съ 1000 артиллерійскихъ зарядовъ, а затѣмъ туда еще выслано 3000 артилл. зарядовъ и 120 т. патроновъ. Всѣхъ зарядовъ въ летучемъ и подвижныхъ паркахъ къ 1-му мая состояло 40272 кромѣ обыкновеннаго комплекта въ артиллерійскихъ ротахъ, т. е. въ достаточномъ количествѣ на 4—5 сраженій, подобныхъ Гроховскому по числу израсходованныхъ снарядовъ.

Лабораторная № 2 рота и подвижный арсеналъ оставались въ Брестъ-Литовскѣ: первая для приготовленія зарядовъ, а второй для исправленія попорченныхъ орудій съ принадлежностью и парковыхъ повозокъ.

Относительно артиллеріи 6-го пѣх. корпуса, приказано начальнику 6-й артиллерійской дивизіи привести каждую роту въ 8-ми орудійный составъ, взявъ недостающія орудія и запасные лафеты изъ брестскихъ складовъ и третьихъ дивизіоновъ гренадерскаго корпуса; зарядные-же ящики и обозъ — изъ 3-хъ дивизіоновъ 6-й артиллерійской дивизіи, на обзаведеніе которыхъ предназначалась особая сумма ([283]).

ГЛАВА VIII.

Переломъ въ ходѣ кампаніи.—Походъ Скржинецкаго противъ гвардіи.

Выше было уже упомянуто о тѣхъ настоятельныхъ представленіяхъ, которыя дѣлалъ Пронздзинскій польскому главнокомандующему относительно необходимости наступательныхъ дѣйствій. При этомъ атака главныхъ русскихъ силъ на позиціи за Костржиномъ признавалась неудобной; лѣвый флангъ русской арміи, гдѣ дѣйствовалъ корпусъ Крейца, не былъ достаточно важенъ, и побѣда надъ Крейцомъ не могла дать большихъ матеріальныхъ или нравственныхъ результатовъ; совершенно въ иномъ видѣ представлялась обстановка на правомъ флангѣ главныхъ русскихъ силъ, гдѣ находился гв. корпусъ; разбитіе его могло-бы заставить Дибича очистить Царство Польское и тогда, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя послѣдствія истребленія русской императорской гвардіи были-бы неисчислимы. Достиженію такой цѣли повидимому способствовали многія обстоятельства: разбросанное расположеніе русскихъ, удобство наступленія подъ прикрытіемъ Модлина, обезпечивающаго сообщенія съ Варшавой, а также пользуясь съ выгодой для себя Бугомъ и Наревомъ; наконецъ—надежда на легкость побѣды надъ сравнительно малочисленной и казавшейся полякамъ избалованной, недостаточно закаленной въ боевомъ смыслѣ гвардіей. Долго Скржинецкій колебался въ своихъ рѣшеніяхъ, то соглашаясь на представленія Пронздзинскаго и отдавая соотвѣтствующія приказанія, то отмѣняя ихъ. Тогда самъ Чарторижскій указалъ ему на необходимость дать новый толчекъ настроенію духа польской націи и отвлечь ея вниманіе отъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Скржинецкій, наконецъ, окончательно рѣшился броситься на отдѣльно расположенный русскій гвардейскій корпусъ.

Страна между Бугомъ и Наревомъ въ топографическомъ отношеніи уже описана выше; здѣсь необходимо указать только нѣкоторые важнѣйшіе стратегическіе пункты. Удобнѣйшія центральныя позиціи, смотря потому приближался-ли противникъ отъ Сѣроцка къ Вышкову или отъ Каменчика къ Нуру, были у Снядова и Замброва. При расположеніи у Снядова непріятель берется во флангъ при наступленіи какъ къ Остроленкѣ, такъ и къ Острову; кромѣ того выгоды снядовской позиціи заключались еще въ томъ, что передъ ея фронтомъ, прикрытымъ ручьемъ Ружемъ, Старый Якацъ представляется сильнымъ передовымъ пунктомъ для расположенія авангарда, и имѣлись удобные пути отступленія на Ломжу и на Бѣлостокъ. Что касается до Замброва, то соединеніе съ одной стороны дорогъ изъ Нура, Брока и Остроленки, а съ другой

изъ Ломжи, Тыкочина и Суража дѣлаютъ его важнымъ стратегическимъ пунктомъ, а сама позиція, прикрытая рѣчкою Гасцемъ, удобна для расположенія значительныхъ силъ. При наступленіи непріятеля со стороны Сѣроцка, важнѣйшими пунктами являются Говорово, Вонсево и Островъ. Занимая Говорово, можно наблюдать за переправою у Рожанъ, препятствовать судоходству по Нареву, и здѣсь-же оканчиваются обширные лѣса. Вонсево непріятель не могъ миновать, не подставляя своего фланга; значеніе Острова уменьшалось окружающею его болотистою мѣстностью. Впереди этихъ пунктовъ, посреди лѣса, въ узлѣ нѣсколькихъ путей, находилось с. Пржетыче, удобное для рекогносцировокъ лѣса въ различныхъ направленіяхъ. При наступленіи непріятеля между Каменчикомъ и Нуромъ, кромѣ Замброва находилось Чижево, пунктъ важный для поддержки прямой связи съ переправами у Брока и Нура и имѣвшій удобные пути отступленія на Замбровъ и Суражъ.

Кромѣ этихъ пунктовъ большое значеніе имѣли: Остроленка и Ломжа. Первая важна по удобству наблюденія за непріятелемъ на правомъ берегу Нарева, а Ломжа—какъ узелъ путей изъ Варшавы, Суража, Бѣлостока и Ковно; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи стратегическимъ ключемъ сѣверной части Августовскаго воеводства, она, посредствомъ водяныхъ сообщеній по Нареву и Бобру, имѣла прямую связь съ большею частью этого воеводства. По близости своей къ русской и прусской границамъ (за прусской мы дѣлали покупки продовольствія) Ломжа была удобнымъ складочнымъ пунктомъ; по всѣмъ этимъ причинамъ она была нами укрѣплена и сдѣлана базой и опорнымъ пунктомъ для операцій гв. корпуса; тамъ находилась главная квартира великаго князя, госпитали, парки, обозы и пр.; отсюда, наконецъ, гвардія держала въ покорности страну между Бугомъ и Наревомъ и все Августовское воеводство.

Планы поляковъ.

Планъ нападенія на гвардію держался въ польской главной квартирѣ въ величайшемъ секретѣ, и приняты были всевозможныя мѣры, чтобы отвлечь вниманіе русскаго главнокомандующаго отъ задуманнаго удара и возможно долѣе удержать его въ невѣдѣніи относительно истиннаго направленія этого удара. Такъ распространенъ былъ чрезъ лазутчиковъ слухъ о томъ, что будто-бы поляки готовятся напасть съ фланга на расположеніе русской арміи за Костржиномъ; это имѣло успѣхъ и вызвало, какъ описано выше, безплодное наступленіе Дибича къ Калушину и Ендржееву; при этомъ отобранныя отъ плѣнныхъ показанія, свѣжіе слѣды большихъ биваковъ, удостовѣреніе, что самъ польскій главнокомандующій находился при войскахъ, наконецъ, присутствіе въ рядахъ отступавшаго арьергарда гвардейскихъ гренадеръ — все это способствовало ложности заключеній фельдмаршала. Отправленіе Хржановскаго въ Замостье тоже послужило къ тому, что вниманіе Дибича было отвлечено въ совершенно противоположную сторону; наконецъ, чтобы не возбудить особыхъ подозрѣній при появленіи польскихъ войскъ на правомъ берегу Буга, распущенъ былъ слухъ о высылкѣ небольшаго отряда чрезъ Августовское воеводство на помощь литовскимъ инсургентамъ. Въ этихъ-же общихъ видахъ, а также для защиты Варшавы и переправы черезъ Вислу, въ случаѣ рѣшительнаго наступленія русскихъ, на Брестскомъ шоссе, въ прежнемъ расположеніи, оставленъ былъ сильный заслонъ изъ 4-й пѣхотной дивизіи Мюльберга и кавалерійской Томицкаго, силою около 11000 чел. съ 24 орудіями, подъ начальствомъ Уминскаго. Въ данной ему инструкціи рекомендовано соблюдать величайшую осторожность, дабы не подвергнуться нападенію Дибича; но какъ только фельдмаршалъ покинетъ лагерь у Сухи—немедленно перейти въ насту-

пленіе и очистить край между Вислою и Бугомъ. Для этой цѣли отданъ былъ въ его распоряженіе отрядъ Дзеконскаго, который, переправясь у Потыча, могъ въ нѣсколько переходовъ присоединиться къ Уминскому. Послѣднему предоставлено было притянуть къ себѣ подкрѣпленія изъ Варшавы, гдѣ нѣкоторые новые полки оканчивали свое формированіе. Наконецъ Хржановскій рѣшительными дѣйствіями изъ Замостья въ Люблинскомъ воеводствѣ долженъ былъ способствовать операціямъ Уминскаго. Въ общемъ силы, отданныя въ распоряженіе послѣдняго, простирались до 25000 чел. и болѣе 40 орудій ([284]); но начальники отрядовъ не были непосредственно ему подчинены, и отношенія его къ нимъ были неопредѣленны, а, при необходимости ихъ содѣйствія, Уминскій долженъ былъ входить въ сношенія съ главною квартирою, что, конечно, было мѣшкотно и стѣсняло свободу и рѣшительность дѣйствій.

Такъ какъ при предстоявшихъ операціяхъ главныхъ польскихъ силъ Сѣроцкъ пріобрѣталъ важное значеніе, то у этого пункта, а также въ Зегржѣ возведено было три тетдепона: одинъ на лѣвомъ берегу Буга, другой при сліяніи Буга и Нарева, а третій у Зегржа; всѣ, они были довольно слабы. Для прикрытія ихъ выдвинута была чрезъ Зегржъ, на правый берегъ Нарева, кавалерійская дивизія Янковскаго; находившійся на Ковенскомъ шоссе съ частью модлинскаго гарнизона, Сѣраковскій усилилъ его пѣхотою.

Планъ Пронзинскаго для дѣйствій противъ гвардіи заключался въ слѣдующемъ: слѣдовало съ главными силами быстро двинуться противъ гв. корпуса и разбить его прежде нежели Дибичъ явится на помощь. Отбросивъ остатки корпуса на значительное разстояніе,—войти въ связь съ литовскими инсургентами чрезъ Августовское воеводство и послать имъ подкрѣпленіе; при наступленіи русскихъ главныхъ силъ противъ Скржинецкаго, расположиться въ оборонительной позиціи на правомъ берегу Нарева, чтобы отрѣзать русскимъ сообщеніе съ Пруссіею и воспрепятствовать движенію Дибича къ нижней Вислѣ, о которомъ въ польской главной квартирѣ имѣлись неопредѣленныя свѣдѣнія. У Сѣроцка предполагалось возвести укрѣпленный лагерь; опираясь на этотъ пунктъ и на Ломжу, можно было дѣйствовать во флангъ и тылъ русской арміи. Когда такимъ образомъ главныя русскія силы притянуты были-бы къ Нареву, тогда корпусъ Уминскаго, въ связи съ отрядомъ Дзеконскаго, долженъ былъ перейти къ энергическому наступленію и очистить край до Буга. Съ присоединеніемъ Хржановскаго, какъ выше указано, Уминскій имѣлъ-бы около 25,000 челов. и тогда могъ-бы двинуться, смотря по обстоятельствамъ: или чтобы напасть на русскихъ по правую сторону Буга, или-же на соединеніе съ главными силами для совокупной атаки арміи Дибича. Подробности исполненія общей идеи плана должны были развиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя заранѣе предвидѣть невозможно ([285]). Превосходно составленный Пронзинскимъ планъ не только не далъ полякамъ ожидаемыхъ результатовъ, но и привелъ ихъ къ остроленкской катастрофѣ; одною изъ главныхъ причинъ этого былъ самъ польскій главнокомандующій Скржинецкій, обнаружившій окончательно полную свою неспособность предводительствовать арміею и руководить ея дѣйствіями.

Вечеромъ 30-го апрѣля, Скржинецкій выступилъ изъ своего расположенія между Минскомъ и Калушиномъ, съ 4-мя пѣхотными (1, 2, 3 и 5) и 2-мя кавалерійскими корпусами по направленію къ Сѣроцку, двумя колоннами: одна, состоявшая главнымъ образомъ изъ войскъ, потянулась по ближайшей дорогѣ чрезъ Окуневъ и Кобелку, другая, состоявшая преимущественно изъ артиллеріи и парковъ,—по шоссе, мимо Праги, чрезъ Яблонку. Въ видахъ скрытія марша, офицерамъ запрещено было при прохожденіи мимо Праги заходить въ столицу. На слѣдующій день, 1-го мая, большая часть арміи прибыла къ Сѣроцку, гдѣ переправа черезъ Бугъ потребовала довольно много времени. *) Съ присоединеніемъ дѣйствовавшаго до тѣхъ поръ отдѣльно отряда Янковскаго, но безъ модлинскихъ войскъ Сѣраковскаго, силы поляковъ простирались до 45 бат. пѣхоты (четыре дивизіи, изъ которыхъ три имѣли по 11 батал., а одна—Малаховскаго—12 бат.), 44 эскадрона (въ 2-хъ корпусахъ) и болѣе 100 орудій. Всѣ полки были передъ тѣмъ укомплектованы; считая ихъ въ 800 штыковъ каждый, а эскадронъ въ 150 сабель, числительная сила польской арміи, включая артиллеристовъ, опредѣлится въ 45—46 тысячъ боеваго элемента.

Расположеніе и сосредоточеніе русской гвардіи.

Русская гвардія, вмѣстѣ съ отрядомъ Сакена, состояла изъ 23 бат. 37 эскадроновъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и 84 орудій, или 19,550 штыковъ и 6995 сабель, всего съ артиллеріей около 27,000 чел. Командиръ гв. корпуса, получивъ первыя свѣдѣнія о появленіи непріятельскихъ войскъ 29-го апрѣля между Бугомъ и Наревомъ, не смотря на неопредѣленность этихъ свѣдѣній, сосредоточилъ корпусъ у Замброва, чтобы, или двигаться противъ слабѣйшаго противника, или, если онъ будетъ въ превосходныхъ силахъ, отступить къ Нуру для соединенія съ Дибичемъ. Для наблюденія за непріятелемъ выдвинутъ былъ къ Вонсеву авангардъ, подъ начальствомъ генерала барона Бистрома, въ составѣ 4-й гвардейской пѣхотной бригады **), сапернаго полубатальона и легкой гв. кавалерійской дивизіи безъ л. гв. конно-егерскаго полка, и 2-хъ батарей. 1-го мая Бистромъ двинулся изъ Вонсева въ Пржетыче, гдѣ узналъ, что непріятель, силою въ 6—8 т. чел., находится уже близъ с. Велондки. Такъ какъ густые болотистые лѣса этой мѣстности представляли мало выгодъ для наступательныхъ дѣйствій, то Бистромъ получилъ приказаніе уклоняться отъ рѣшительнаго столкновенія и отходить къ Снядову. Вслѣдствіе этого Бистромъ вновь отошелъ къ Вонсеву, оставивъ у Пржетыче *передовой отрядъ*, подъ начальствомъ командира л. гв. Егерскаго полка генер. Полешки, изъ баталіона л. гв. Егерскаго полка, полубаталіона финскихъ стрѣлковъ, 3-хъ эскадроновъ л. гв. Казачьяго полка и 2-хъ легкихъ орудій. Для поддержанія авангарда Бистрома выставленъ былъ эшелонъ изъ 3-й гв. пѣхотной бригады ***) и батарейной батареи, на р. Оржѣ, близъ Червина. Л. гв. Конно-егерскій полкъ находился впереди

*) Одинъ мостъ на козлахъ поляки построили у Сѣрецка, а другой, на понтонахъ, при сліяніи Буга съ Наревомъ ([286]).

**) Полки л. гв. Егерскій и Финляндскій.

***) Полки л. гв. Измайловскій и Павловскій.

въ Островѣ и Андржеевѣ, для наблюденія за непріятелемъ по берегу Буга. Остальная часть корпуса, т. е. 1 гв. пѣх. и 1 кирасирская дивизіи передвинуты были изъ Замброва въ Снядово. Корпусъ, какъ сказано, сначала былъ сосредоточенъ къ Замброву. Фельдмаршалъ, получившій свѣдѣніе объ этомъ расположеніи, не былъ имъ доволенъ, такъ какъ главныя силы находились не на одной операціонной линіи съ авангардомъ и вторымъ эшелономъ, такъ что непріятель могъ, быстро двинувшись чрезъ Островъ, отрѣзать авангардъ отъ главныхъ силъ. Дибичъ просилъ великаго князя, во-первыхъ, двинуться съ главными силами корпуса къ Снядову, а, во-вторыхъ, усиленно наблюдая за Бугомъ и Наревомъ, постоянно ближе держаться къ первому, чтобы, въ случаѣ наступленія превосходныхъ непріятельскихъ силъ, уклоняясь отъ боя, присоединиться къ главной арміи. Но еще ранѣе гв. корпусъ былъ передвинутъ какъ сказано въ Снядовъ; л. гв. Конно-егерскій полкъ остался въ Островѣ, имѣя одинъ эскадронъ въ Порембахъ, для наблюденія дорогъ ведущихъ оттуда къ Замброву и Андржееву для обезпеченія лѣваго фланга корпуса; правый его флангъ охранялся отрядомъ Сакена, находившимся по прежнему у Остроленки. Великій князь, собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія о непріятелѣ, донесъ фельдмаршалу, отъ 2-го мая, что поляки построили у Сѣроцка мосты чрезъ Бугъ и Паревъ, что партіи ихъ были открыты между этими двумя рѣками и что авангардъ ихъ уже у Велондки, а позади его у Выпихи, какъ кажется, расположился генер. Уминскій. Относительно послѣдняго обстоятельства оговорено было въ донесеніи, что оно требуетъ еще подтвержденія. Случайно въ этотъ-же день гр. Толь получилъ письмо отъ ген. Уминскаго, съ приложеніемъ частной корреспонденціи; такимъ образомъ свѣдѣніе о присутствіи этого генерала у Выпихи оказалось невѣрнымъ, вслѣдствіе чего не придано было должнаго значенія и остальной части донесенія, а между тѣмъ свѣдѣніе о появленіи впервые между Бугомъ и Наревомъ значительныхъ регулярныхъ непріятельскихъ войскъ (прежде тамъ появлялись только ополченія) заслуживало, въ данныхъ обстоятельствахъ, полнаго вниманія ([287]).

Положеніе Великаго Князя дѣйствительно было чрезвычайно трудное и опасное. Болотистый Наревъ дѣлаетъ дугу между Ломжей и Остроленкой и противъ этой дуги находилась гвардія, для отступленія въ прямомъ направленіи имѣлся только одинъ мостъ въ Ломжѣ съ длинной, узкой плотиной, чрезвычайно затруднявшей переправу. Что касается пути на Тыкочинъ, то поляки, очутившіеся въ виду русской гвардіи, дѣйствуя противъ ея лѣваго фланга и имѣя превосходство силъ, могли отбросить русскихъ къ болотистымъ берегамъ Нарева, тянущимся параллельно помянутой дорогѣ. Такимъ образомъ Великій Князь могъ или съ войсками, стоявшими первоначально у Замброва, отступить по направленію къ Тыкочину, предоставляя собственной участи войска у Снядова и отрядъ Сакена въ Остроленкѣ, которые тогда неминуемо погибли-бы, или сосредоточится къ Снядову, рискуя принять бой всѣми силами противъ числительно превосходнаго непріятеля. Конечно послѣднее рѣшеніе было и правильнѣе и достойнѣе русскихъ войскъ—оно и было принято Михаиломъ Павловичемъ.

Наступленіе поляковъ.

Между тѣмъ польская армія для дальнѣйшаго наступленія отъ Сѣроцка раздѣлилась на три колонны: одна, подъ начальствомъ ген. *Дембинскаго*, изъ 4-хъ батал., *) 6 эск. и 6 двѣнадцатифунтовыхъ орудій, **) *всего, 4,200 чел.*, должна была двигаться по

*) Четвертые баталіоны полковъ: 4-го линейнаго, 3-го егерскаго и 18-й лин. полкъ изъ модлинскаго гарнизона. Кромѣ баталіона 4-го полка прочая пѣхота была частью вооружена косами ([288]).

**) 3-й уланскій полкъ и 220 плоцкихъ всадниковъ. ([289])

шоссе, по правому берегу Нарева, къ Остроленкѣ, чтобы овладѣть тамошнимъ мостомъ или, если гвардія будетъ оттѣснена въ эту сторону и вознамѣрится спасаться по названному мосту,—разрушить его. Въ связи съ Дембинскимъ долженъ быть дѣйствовать партизанскій отрядъ Заливскаго, державшійся въ болотистой мѣстности недалеко отъ Остроленки. Дембинскій приказалъ ему перейти р. Омулевъ и двинуться по направленію на Новогродъ ([290]). Вторая колонна, подъ начальствомъ генер. *Лубенскаго*, изъ его кавалерійскаго корпуса и пѣхотной дивизіи Каминскаго, всего 12 бат. и 24 эскадрона, или *12,00 чел. при 20 орудіяхъ*, должна была идти вдоль Буга къ Нуру, уничтожить всѣ мосты и суда и наблюдать теченіе рѣки, прервавъ всякую связь гвардіи съ главными силами. Лубенскій долженъ былъ зорко слѣдить за всѣми движеніями фельдмаршала и ежедневно объ этомъ доносить. Въ случаѣ переправы Дибича черезъ Бугъ, Лубенскому приказано, не теряя русскихъ изъ виду, отступать на главную польскую армію; остальная часть арміи изъ 3-хъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, въ составѣ 36 бат. и 24 эскадроновъ при 72 орудіяхъ, силою *около 30,000 чел.*, подъ предводительствомъ *Скржинецкаго*, двигалась въ срединѣ между двумя упомянутыми выше колоннами, по направленію къ Ломжѣ. Во главѣ этой средней колонны слѣдовалъ авангардъ, подъ начальствомъ Янковскаго, изъ пѣх. дивизіи Рыбинскаго и одной кавалерійской бригады, имѣя впереди 1-й уланскій и 1-й егерскій полки ([291]). Нельзя не замѣтить ошибочности дѣйствій Скржинецкаго при самомъ началѣ исполненія предпріятія. Какъ выше упомянуто, въ гв. корпусѣ вмѣстѣ съ отрядомъ Сакена имѣлось $28^1/_2$ т. чел., а безъ этого отряда около 24 тысячи; въ распоряженіи-же Скржинецкаго находилось окол. 45 тысячъ, т. е. двойныя силы; *) сосредоточивъ ихъ и дѣйствуя по возможности въ совокупности, онъ могъ вполнѣ надѣяться одержать побѣду надъ гвардіей; вмѣсто-же этого онъ безполезно дробитъ свою армію. Высылка Лубенскаго съ отрядомъ въ 12 т. человѣкъ для дѣйствій противъ Дибича не находитъ себѣ основательнаго объясненія: задача Лубенскаго, заключавшаяся въ наблюденіи за фельдмаршаломъ, могла быть исполнена небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ; наоборотъ силъ его было совершенно недостаточно для задержанія русской арміи. Далѣе, высылка Дембинскаго съ 4,000 чел. къ Остроленкѣ противъ Сакена тоже напрасно ослабляла польскую армію въ главной точкѣ удара: слабый отрядъ Сакена (4 т.) при наступленіи поляковъ самъ долженъ былъ отступить изъ Остроленки, чтобы не быть отрѣзаннымъ; что-же касается другой возложенной на него задачи—разрушить мостъ, дабы преградить путь отступленія разбитой и отброшенной къ Остроленкѣ русской арміи—то соображенія, на которыхъ она основывалась, слишкомъ искусственны и возможность ихъ осуществленія была весьма гадательна. Такимъ образомъ изъ собранныхъ Скржинецкимъ для похода 45 тысячъ, у него осталось въ непосредственномъ распоряженіи всего около 30 тысячъ человѣкъ, а съ этими войсками едва-ли уже возможно было разсчитывать на побѣду надъ гвардіей, которая отличалась превосходными боевыми качествами и еще только 18 лѣтъ назадъ на поляхъ Кульма разбила и отбросила вдвое сильнѣйшаго непріятеля, воспитаннаго въ школѣ побѣдъ. Далѣе Скржинецкому предстояло выбрать одинъ изъ двухъ путей для наступленія: или на Ломжу, или южнѣе на Островъ. При движеніи по второму пути Скржинецкій достигалъ несравненно болѣе важныхъ результатовъ нежели по первому: путь на Островъ былъ лучшій и велъ къ чувствительнѣйшему мѣсту въ расположеніи гвардіи; слѣдуя по немъ, польскій главнокомандующій имѣлъ возможность отрѣзать гвардейскій корпусъ отъ Дибича, притомъ и мѣстность тамъ была открыта; между тѣмъ Скржинецкій двинулся по направленію на Ломжу, гдѣ непрерывныя

*) См. прил. XII и XXXIII.

лѣсныя дефиле лишили его всѣхъ выгодъ превосходства силъ, а также онъ терялъ всѣ тѣ стратегическія преимущества, о которыхъ упомянуто выше. Въ добавокъ ко всему, встрѣтивъ неожиданно упорное сопротивленіе гвардіи, какъ будетъ видно ниже, Скржинецкій сталъ дѣйствовать крайне нерѣшительно.

3-го мая польская главная квартира прибыла въ Волю; Янковскій съ авангардомъ находился впереди, въ разстояніи около 7 верстъ, у Поржондзе; на одной высотѣ съ главными силами расположились и боковыя колонны: Лубенскаго у Вышкова, Дембинскаго у Пултуска; русскіе нигдѣ не были встрѣчены. На слѣдующій день 4-го мая съ разсвѣтомъ Янковскій съ авангардомъ двинулся къ Пржетыче.

Отступленіе Полешки отъ Пржетыче.

Тамъ, какъ извѣстно, находился передовой отрядъ ген. Полешки изъ третьяго баталіона *) л.-г. Егерскаго полка, двухъ ротъ финскихъ стрѣлковъ, трехъ эскадроновъ лейбъ-казаковъ (которыхъ Хлаповскій въ своихъ „Письмахъ" называетъ лучшей русской конницей) и двухъ орудій. Казаки занимали дороги впереди; по одной изъ нихъ, влѣво, къ д. Ящулты выдвинута была 9-я рота л.-гв. Егерскаго полка, а по другой, вправо, къ д. Стецихѣ—8-я рота того-же полка; отъ послѣдней впередъ къ д. Поржондзе выслано было еще 40 (292) чел. Янковскій **) опрокинулъ наши передовые посты у Стецихи и продолжалъ наступленіе. Между тѣмъ ген. Полешко приказалъ всѣмъ ротамъ егерей отходить къ Пржетыче и стать за деревней, за исключеніемъ 3-й карабинерной и 60 финскихъ стрѣлковъ, которыхъ разсыпалъ въ лѣсу впереди ручья. Вскорѣ показались за отступавшими казаками польскіе застрѣльщики. Янковскій приказалъ

*) Гвардейскіе полки выступали въ походъ въ составѣ первыхъ и третьихъ баталіоновъ.

**) Авангардъ Янковскаго состоялъ изъ одной кавалерійской и 1-й пѣх. дивизій; въ головѣ этого авангарда шли 1-й уланскій и 1-й егерскій полки. (293)

баталіону 1-го егерскаго полка, поддержанному другимъ баталіономъ, атаковать селеніе. Завязалась перестрѣлка; каждый шагъ былъ оспариваемъ у поляковъ, но наконецъ получено было извѣстіе объ обходѣ непріятелемъ нашего праваго фланга. Тогда, по сигналу, передовые егеря побѣжали къ мосту, но, найдя его разобраннымъ, перешли частью по балкамъ, частью въ бродъ и отступили въ резервъ сквозь новую цѣпь, разсыпанную передъ деревней. Эта цѣпь встрѣтила поляковъ, но и она не могла долго держатся, потому что обходное движеніе продолжалось: съ лѣвой стороны, по дорогѣ изъ Ящулты, показались, на рысяхъ, польскіе уланы. Роты 3-го бат. отошли въ лѣсъ, цѣпь отступала отстрѣливаясь, но, занятая перестрѣлкой, медлила и не успѣла дойти до лѣса, какъ на полянѣ между деревней и лѣсомъ была атакована кавалеріей. Стрѣлки построили кучки, на которыя набросились польскіе уланы, и хотя одна изъ нихъ была прорвана, но егеря устояли, а пущенный крикъ будто генер. Бистромъ ѣдетъ, воодушевилъ ихъ настолько, что они бросились въ штыки на конницу и опрокинули ее. Въ это время появилась непріятельская пѣхота; тогда данъ былъ сигналъ отступленія: стрѣлки скрылись въ лѣсу, а картечь 2-хъ орудій; поставленныхъ на дорогѣ, вмѣстѣ съ огнемъ двухъ ротъ, разсыпанныхъ на опушкѣ, остановила напиравшія колонны. Съ прибытіемъ къ полякамъ подкрѣпленій, наступленіе продолжалось; наши отошли назадъ. Полешко распоряжался хладнокровно; постоянно 2 роты и часть финскихъ, стрѣлковъ были въ цѣпи. Поляки тоже дѣйствовали разсыпнымъ строемъ; но когда цѣпь ихъ слишкомъ тѣснила нашу, тогда Полешко выдвигалъ резервы, которые штыками опрокидывали поляковъ и, прогнавъ ихъ, разсыпались, а прежняя цѣпь смыкалась въ резервы. Полѣшко отступилъ къ Длугосѣдлу, гдѣ дорога, окаймленная по обѣимъ сторонамъ рвами и плетнемъ, благопріятствовала сопротивленію, но держаться тамъ подъ огнемъ непріятельской батареи, осыпавшей защитниковъ картечью, и въ виду предпринятаго обхода, не было возможности, вслѣдствіе чего Полешко выдвинувъ вправо три эскадрона лейбъ-казаковъ, сталъ отходить назадъ (294). Путь отъ Длугосѣдла пролегалъ по сплошному лѣсу. Между тѣмъ, прибывшій вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и недовольный медленностью дѣйствій авангарда, Прондзинскій приказалъ 1-му уланскому полку двинуться на рысяхъ чрезъ селеніе, а кракузамъ, составлявшимъ конвой главнокомандующаго, идти въ обходъ; но тщетно генер. Хлаповскій и адъютанты Скржинецкаго лично вели эту отборную каваларію—атаки ея не удались. Финскіе стрѣлки, засѣвшіе на правомъ флангѣ въ плетневомъ сараѣ, поражали кавалерію своимъ огнемъ во флангъ, а 8-я рота егерей, отходившая къ опушкѣ, хладнокровно залпами встрѣтила ее съ фронта; при этомъ 30 чел. финновъ нельзя было отозвать и, при отступленіи отряда Полешки, они попали въ плѣнъ. Такимъ образомъ, задерживая поляковъ, Полешко отступилъ къ Плевкамъ, гдѣ къ нему присоединились высланныя на подкрѣпленіе двѣ роты 1-го баталіона лейбъ-егерей, двѣ роты финскихъ стрѣлковъ и два орудія, а у Брудокъ онъ усилился остальными двумя ротами 1-го баталіона л. гв. Егерскаго полка и л. гв. Уланскимъ полкомъ. Имѣя пѣхоту впереди селенія, казаковъ правѣе, а уланъ лѣвѣе, его отрядъ оставался тамъ до наступленія вечера, а затѣмъ отошелъ къ Вонсеву, но не нашолъ уже тамъ Бистрома, который отступилъ къ Соколову, куда 5-го утромъ прибылъ и Полешко. 4-го вечеромъ главныя силы поляковъ достигли Длугосѣдла, Дембинскій—Рожанъ, Лубенскій—Брока. Эскадронъ русскихъ гв. кон.-егерей, расположенный у Порембы, былъ атакованъ эскадрономъ 4-го польскаго конно-егерскаго полка, слѣдовавшаго въ головѣ колонны Лубенскаго и, отойдя къ своему полку въ Островъ, привелъ нѣсколько плѣнныхъ, отъ которыхъ узнали, что вся польская армія наступаетъ въ трехъ колоннахъ. (295).

Сосредоточеніе гвардіи у Снядова—Янова.

Свѣдѣніе о наступленіи главной польской арміи было немедленно сообщено въ Замбровъ Великому Князю, который, не видя возможности соединиться съ Дибичемъ черезъ Нуръ и, желая притянуть къ себѣ находившійся въ опасномъ положеніи авангардъ у Вонсева *), рѣшился (до полученія еще такого-же приказанія фельдмаршала) сосредоточить всѣ свои силы у Снядова, дабы, смотря по обстоятельствамъ, или принять сраженіе, или отступить за Наревъ въ ожиданіи распоряженій главнокомандующаго; такъ какъ при этомъ поляки движеніемъ на Островъ и Шумово могли отрѣзать авангардъ отъ главныхъ силъ корпуса, бывшихъ еще въ Замбровѣ, то ген. Бистромъ долженъ былъ еще ночью съ 4-го на 5-е мая оставить Вонсево и расположиться за р. Оржемъ у Соколова, куда въ 5 ч. утра прибылъ Полешко и генер. Олферьевъ, шедшій съ гв. уланами лѣвѣе чрезъ Пржиборовецъ. Утромъ 5-го числа поляки продолжали наступленіе, но уже съ меньшей энергіей, встрѣтивъ со стороны гвардіи такое сопротивленіе какого не ожидали; особенное впечатленіе это обстоятельство произвело на польскаго главнокомандующаго, который впалъ въ сомнѣнія и нерѣшительность. Подходя къ Соколову и видя, что русскій авангардъ былъ за р. Оржемъ въ боевомъ порядкѣ и мосты разрушены, поляки въ 4 ч. пополудни развернули значительныя силы и разсыпали стрѣлковъ по берегу Оржа. Чтобы не быть вынужденнымъ проходить подъ непріятельскимъ огнемъ дефиле у Якаца, гдѣ длинная плотина идетъ чрезъ болотистый р. Русць, а также желая лишь высмотрѣть непріятельскія силы, генер. Бистромъ рѣшился отойти назадъ, какъ только развернулись дивизіи Янковскаго и Рыбинскаго и можно было замѣтить, что за ними слѣдуютъ еще значительныя колонны. Бистромъ, имѣя въ виду вышеупомянутыя дефиле въ тылу его расположенія, заблаговременно отправилъ свою пѣхоту, чтобы, отойдя за болото, она заняла высоты у Стар. Якаца. Изъ полковъ легкой гв. кавалеріи, л.-гв. Уланскій съ 4-мя легкими орудіями посланъ былъ для рекогносцировки и уничтоженія моста къ Червину, л.-гв. Драгунскій—для занятія у Клечкова переправы, находящейся правѣе Якацкаго дефиле, а л.-гв. Гусарскій съ 4-мя орудіями прикрывалъ отступленіе пѣхоты. Олферьевъ съ л.-гв. Уланскимъ полкомъ прошелъ по греблѣ послѣднимъ. Войска исполнили всѣ движенія въ отличномъ порядкѣ на глазахъ прибывшаго командира корпуса. Пока русскіе окончательно расположились у Якаца, Янковскій успѣлъ перевести черезъ р. Оржъ всѣ свои силы и вновь развернулъ ихъ на высотахъ передъ болотомъ и греблею. Выдвинутая имъ батарея изъ 16 орудій открыла частый огонь, а баталіонъ 1-го егерскаго полка съ баталіономъ стрѣлковъ Кушеля и съ 2-мя орудіями бросился къ греблѣ, чтобы овладѣть переправою; но гв. саперы, не смотря на картечный огонь, разрушили мостъ. Поляки, желая овладѣть переправой, три раза пытались оттѣснить отъ гребли оборонявшій ее л.-гв. Финляндскій полкъ, но всякій разъ бывали отбрасываемы съ урономъ ([295]). Послѣ того Бистромъ замѣнилъ свои легкія орудія присланными ему изъ резерва батарейными и такимъ образомъ взялъ верхъ надъ непріятельской артиллеріей. Къ вечеру всѣ силы поляковъ сосредоточились между Надборами и Соколовомъ; съ другой стороны, на протяженіи отъ Якаца до Снядова собрался 5-го числа гв. корпусъ и занялъ слѣдующее расположеніе: 4-я бригада (егеря и финляндцы) съ саперами, финскими стрѣлками, гв. уланами и гусарами и 32 орудіями остались на позиціи у Ст. Якаца; главныя силы—3 пѣх. и 3 кирасирскихъ полка съ 16 ор.—у Снядова; 3-я гв. бригада (измайловцы и павловцы) съ 8-ю орудіями—между Якацомъ и Снядовомъ; вправо,

*) См. планъ восточной части Царства Польскаго.

противъ Клечкова—гв. драгуны; влѣво, у Качинска и Глембока—гв. конно-егеря; промежуточный отрядъ—гренадеры и лейбъ-кирасиры—у Духне. Баронъ Сакенъ оставался у Остроленки; такъ какъ находившаяся у него уланская бригада была отправлена въ бѣлостокъ для поправки лошадей, то ему придано 3 эскадрона гв. казаковъ. Передовые посты шли отъ Остроленки по лѣвой сторонѣ Русця до Якаца и оттуда вдоль болотъ до Духне и Глембока. Въ этомъ расположеніи гвардія оставалась весь слѣдующій день, имѣя въ виду выяснить намѣренія противника. Со стороны полковъ 1-я дивизія Рыбинскаго ночевала впереди Надборъ, 3-я див. Малаховскаго по дорогѣ къ Клечкову, кав. Скаржинскаго между ними, Гелгудъ со 2-й дивизіей въ Соколовѣ, главная квартира—въ Ксензополѣ. Дембинскій прибылъ въ этотъ день на разстояніе 7 верстъ отъ Остроленки, а съ другой стороны Лубенскій вступилъ въ Нуръ. Тамъ для охраненія моста находилась рота (2-я минерная) л.-гв. Сапернаго баталіона, эскадронъ украинскихъ уланъ и нѣсколько казаковъ. Командиръ минерной роты шт.-кап. Назимовъ, узнавъ въ 2 ч. пополудни 5-го мая о наступленіи поляковъ, зажегъ какъ суда, такъ находившіеся въ мѣстечкѣ соляной и хлѣбный магазины; выждавъ дѣйствія пламени, онъ выступилъ съ минерами и уланами по направленію къ Цѣхановцу, прикрываясь застрѣльщиками. Лубенскій выслалъ за нимъ въ погоню 2 эскадрона 5-го (бывшаго гвардейскаго) конно-егерскаго полка, полуэскадронъ 7-го уланскаго и 2 легкихъ орудія. Движеніе Назимова было задержано обозомъ, увязавшимъ въ пескѣ, вслѣдствіе чего онъ былъ настигнутъ и окруженъ поляками въ 2-хъ верстахъ за Нуромъ. Подпустивъ непріятеля на самый близкій выстрѣлъ, минеры, построенные въ каре, встрѣтили его столь мѣткимъ огнемъ, что польская кавалерія не выдержала его, смѣшалась и дала тылъ; отважнѣйшіе всадники, наскочившіе на минеровъ, были опрокинуты штыками при содѣйствіи украинскихъ уланъ. Поляки послѣ этого не рѣшались атаковать храбрыхъ минеровъ и дѣйствовали по нимъ только изъ орудій. Въ 8 ч. вечера Назимовъ привелъ свой отряда съ обозомъ въ Цѣхановецъ а послѣ привала двинулся къ Брянску. Потеря его была менѣе 30 человѣкъ ([196]). Лубенскій выдвинулъ свои передовые посты до Тымянокъ, на полпути къ Цѣхановцу.

Лубенскій имѣлъ приказаніе наблюдать за всѣми движеніями Дибича, посылать о томъ ежедневныя донесенія и въ особенности слѣдить за переходомъ русской арміи черезъ Бугъ. Въ случаѣ осуществленія этой переправы Лубенскій долженъ былъ оставить Бугъ, равно какъ и дорогу по которой самъ пришелъ, и безъ потери времени одходить на главныя силы, не теряя изъ вида Дибича ([297]).

Скржинецкій считалъ настоящую минуту весьма удобной для того, чтобы послать нѣкоторую помощь, въ видѣ кадровъ, литовскимъ инсургентамъ, и возложилъ это порученіе на ген. Хлаповскаго, отличавшагося, еще въ качествѣ ординарца Наполеона, познаніями въ военномъ искусствѣ и неустрашимостью. Хлаповскій получилъ превосходный 1-й уланскій полкъ, 100 пѣхотинцевъ и 2 легкихъ орудія, всего, со включеніемъ 100 учителей, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, около 800 чел., всѣ на хорошихъ лошадяхъ. 7-го мая онъ выступилъ изъ Ксензополя, 9-го, не встрѣтивъ русскихъ, прибылъ въ Меню, гдѣ перешелъ границу, и направился на Брянскъ.

И такъ весь гвардейскій корпусъ, со славою отразивъ первый напоръ непріятельской арміи, былъ собранъ между Снядовомъ и Якацомъ, занимая въ глубину всего около 5 вер. Противъ него находился непріятель, мечтавшій о совершенномъ истребленіи русской гвардіи, но, вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ своего главнокомандующаго, очутившійся въ положеніи, не обѣщавшемъ никакихъ рѣшительныхъ выгодъ. Русскихъ было около 22—23 тыс. отборныхъ войскъ; поляковъ — около 30 тыс.; число орудій съ обѣихъ сторонъ почти одинаковое — съ небольшимъ по 70; превo-

сходство въ кавалеріи принадлежало русскимъ, которые притомъ занимали выгодную позицію, съ трудными подступами по двумъ длиннымъ дефиле у Якаца и Клечкова.

Занятіе поляками Остроленки.

Такимъ образомъ результаты атаки гвардіи при указанныхъ условіяхъ становились весьма сомнительными—отсюда опасенія и колебанія Скржинецкаго. Вслѣдствіе такого состоянія духа, польскій главнокомандующій выразилъ Прондзинскому, когда тотъ явился вечеромъ 5-го мая за приказаніями для атаки на слѣдующій день, что такая атака невозможна, ибо онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній отъ Уминскаго и не знаетъ занялъ-ли Лубенскій Нуръ, притомъ Дибичъ можетъ переправиться чрезъ Бугъ и напасть во время боя съ тылу. Напрасно Прондзинскій возражалъ, что неполученіе извѣстій отъ названныхъ генераловъ служитъ именно признакомъ, что у нихъ все благополучно—это не убѣдило Скржинецкаго, который схватился за другой доводъ и указалъ на нахожденіе въ Остроленкѣ Сакена, который, въ случаѣ пораженія, могъ причинить польской арміи большой вредъ. Прондзинскій замѣтилъ, что нѣтъ никакихъ основаній опасаться Сакена и что для поляковъ выгодно присутствіе 7 тысячъ (такой силы считался ошибочно отрядъ Сакена, имѣвшаго всего 4200 чел.) русскихъ въ этомъ пунктѣ, а не на полѣ сраженія; въ случаѣ успѣха поляковъ, Сакенъ погибъ-бы, такъ какъ онъ находился дальше отъ Ломжи нежели они. Тогда Скржинецкій объявилъ, что онъ не сдѣлаетъ ни шагу впередъ пока не овладѣетъ мостомъ у Остроленки и обезпечитъ такимъ образомъ свой путь отступленія, на случай если-бы Дибичъ сталъ наступать противъ него. Такимъ образомъ рѣшено было на другой день атаковать Остроленку, причемъ Прондзинскій предложилъ послать туда всю дивизію Гелгуда и овладѣть предварительно ломжинскою дорогою, чтобы отрѣзать путь отступленія Сакену. Но Скржинецкій, опасаясь ослабить себя противъ гвардіи, не согласился съ этимъ и, послѣ продолжительнаго спора, приказалъ двинуться къ Остроленкѣ, чрезъ Трошинъ, только одному полку пѣхоты, изъ дивизіи Гелгуда, съ нѣсколькими орудіями. Прондзинскій удалился, унося въ сердцѣ своемъ полное презрѣніе къ главнокомандующему, за его военное невѣжество и нерѣшительность, и раздраженіе за его привычку къ пустымъ спорамъ, въ которыхъ Скржинецкій стремился блистать остротой своихъ выводовъ и постоянно требовалъ, чтобы его убѣдили, не желая въ тоже время убѣдиться въ чемъ бы то ни было ([298]). На слѣдующее утро, 6-го мая, Р. Солтыкъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ на главнокомандующаго, долженъ былъ сдѣлать еще попытку склонить его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ гвардіи, но Скржинецкій остался при своемъ мнѣніи, приказавъ, впрочемъ, чтобы вся дивизія Гелгуда послѣ обѣда выступила къ Остроленкѣ. Двинутый предварительно туда отрядъ, подошедшій уже на разстояніе 4-хъ верстъ къ городу, долженъ былъ остановиться. Всѣмъ прочимъ войскамъ, кромѣ дивизіи Малаховскаго, которая должна была занять Клечковъ на Русцѣ, приказано оставаться на своихъ мѣстахъ. Самъ Скржинецкій отправился къ дивизіи Гелгуда и медленно подвигался съ нею впередъ, хотя громъ канонады въ отрядѣ Дембинскаго былъ ясно слышенъ. Въ Трошинѣ узнали, что русскій обозъ, шедшій изъ Остроленки, выступилъ незадолго передъ тѣмъ изъ д. Грунцеле (въ 2-хъ вер. отъ Трошина) въ Мястково. Скржинецкій не желалъ даже попытаться напасть на него, но Прондзинскій тайно выслалъ 50 чел. конвойнаго эскадрона, подъ начальствомъ полк. Шидловскаго, для преслѣдованія обоза. Шидловскій не настигъ обоза, но видѣлъ поспѣшное отступленіе русской пѣхоты изъ Остроленки; дойдя до Нарева, онъ овладѣлъ нѣсколькими барками съ хлѣбомъ.

Между тѣмъ еще наканунѣ, т. е. 5-го числа, передовые посты Сакена имѣли на Омулевѣ стычку съ Дембинскимъ, который подойдя къ Омулеву и считая мостъ черезъ него въ нашихъ рукахъ, рѣшился, демонстрируя съ фронта, переправиться черезъ Омулевъ въ бродъ у д. Крукъ, что и удалось ему (при помощи крестьянина, спустившаго шлюзы у мельницы и образовавшаго бродъ), но оказалось, что мы не только не занимали, но и не разрушали моста на Омулевѣ. Тогда Дембинскій, какъ онъ говоритъ, двинулся впередъ чтобы штурмовать наши укрѣпленіе передъ мостами на Наревѣ у Остроленки, но вскорѣ получилъ извѣстіе, что русскіе очистили укрѣпленіе и срываютъ настилку моста. Къ разсвѣту его артиллерія заняла позицію лѣвѣе шоссе и съ обѣихъ сторонъ открылись канонады продолжавшаяся до 9 час. утра затѣмъ, потерявъ подбитыми 4-ре орудія разстрѣлявъ всѣ снаряды Дембинскій оставался въ бездѣйствіи до 11 час. утра, когда замѣтилъ сильное движеніе въ русскомъ отрядѣ ([299]). Въ это время Сакенъ, смотрѣвшій исключительно впередъ, получилъ извѣстіе о приближеніи съ противоположной стороны двухъ сильныхъ польскихъ колоннъ. Не теряя ни минуты, онъ очистилъ Остроленку и отступилъ къ Мясткову и такимъ образомъ избѣгнулъ вѣрной гибели. Между тѣмъ выстрѣлы у Остроленки, вмѣсто того чтобы ускорить движеніе Скржинецкаго, побудили его, напротивъ, слѣдовать съ крайнею осторожносью. Наконецъ въ 3 час. пополудни Гелгудъ показался у песчаныхъ холмовъ передъ городомъ и, полагая, что русскіе находятся еще въ немъ, занялъ однимъ полкомъ мястковскую дорогу; но Сакенъ былъ уже далеко: послѣднія его войска покинули Остроленку въ часъ пополудни, и Дембинскій, возстановивъ мостъ, занялъ этотъ городъ. По соединеніи Гелгуда съ Дембинскимъ въ Остроленкѣ, Скржинецкій выслалъ дивизію перваго за Сакеномъ по ломжинской дорогѣ, а самъ вернулся въ Трошинъ (болѣе 11 вер. отъ Надборъ), куда, ради личныхъ удобствъ, перенесъ главную квартиру. Гелгудъ преслѣдуя Сакена, но не успѣвъ его настигнуть, очутился почти въ тылу гвардіи *). Въ тоже время Малаховскій занялъ Клечково и пытался возстановить сожженный мостъ черезъ Русць. На подкрѣпленіе находившагося тамъ л. гв. Драгунскаго полка высланъ былъ л. гв. Егерскій полкъ съ 4-мя орудіями. Послѣ этого, казалось, польскому главнокомандующему не было причины отлагать болѣе атаку гвардіи. Прондзинскій, побуждая Скржинецкаго на это предпріятіе и очерчивая обстановку, замѣтилъ, между прочимъ, что, при численномъ превосходствѣ поляковъ и отличномъ духѣ войскъ, гвардія, атакованная съ фронта чрезъ Якацъ и Клечково, въ то время какъ Гелгудъ зайдетъ ей въ тылъ, будетъ совершенно уничтожена, такъ какъ единственный ея путь отступленія проходитъ чрезъ длинныя дефиле у Ломжи и Гасця. Скржинецкій колебался, и дебаты его съ Прондзинскимъ окончились сильнымъ взаимнымъ раздраженіемъ. Ночью получено было донесеніе, что Лубенскій занялъ Нуръ и что Дибичъ все еще находится у Сѣдльце. Прондзинскій составилъ немедленно диспозицію для атаки русскихъ, но главнокомандующій приказалъ отложить все до утра; когда-же Прондзинскій явился къ Скржинецкому 7-го числа утромъ, то къ изумленію узналъ, что войскамъ назначенъ на этотъ день отдыхъ и только дивизіи Гелгуда приказано двинуться къ Ломжѣ и занять ее. Тщетно Прондзинскій доказывалъ, что дѣйствовать такимъ образомъ значитъ не только умышленно отказываться отъ большаго успѣха, но въ добавокъ посылать дивизію Гелгуда на вѣрную гибель, поручая ей атаку хорошо укрѣпленнаго пункта въ тылу непріятельскаго кор-

*) Только на другой день изъ отряда Дембинскаго высланъ былъ Сѣраковскій, съ 18 пѣх. полкомъ плоцкими всадниками и 2 оруд., для овладѣнія шоссе за Ломжею (остальная часть отряда Дембинскаго направлена къ дивизіи Гелгуда) ([300]).

пуса, отъ котораго польскія главныя силы были отдѣлены препятствіемъ. Скржинецкій сталъ указывать на возможность занятія Сакеномъ Остроленки во время сраженія, но Прондзинскій убѣждалъ въ невозможности со стороны русскаго генерала столь безумнаго поступка, который привелъ-бы его отрядъ къ гибели; вѣрнѣе что онъ двинется на гулъ выстрѣловъ и усилитъ собою гвардейскій корпусъ, что однако, при численномъ превосходствѣ поляковъ (съ отрядомъ Дембинскаго), не могло имѣть особеннаго значенія. Эти объясненія между главнокомандующимъ и начальникомъ штаба окончились полнымъ между ними разладомъ. Оставаясь при своемъ мнѣніи, Скржинецкій самъ написалъ приказаніе объ отдыхѣ для арміи и объ атакѣ Гелгудомъ Ломжи; затѣмъ онъ сообщилъ послѣднему, что значительныя непріятельскія силы находятся въ Клечковѣ, а потому Гелгудъ долженъ тщательно охранять свой правый флангъ; затѣмъ, подъ вліяніемъ сомнѣній и колебаній, онъ увѣдомилъ Гелгуда, что нападеніе на Ломжу должно быть произведено подъ начальствомъ Дембинскаго, который находился еще въ Остроленкѣ, а Гелгуду оставаться въ Мястковѣ для прикрытія этой атаки. Противорѣчившія одно другому приказанія совершенно сбили съ толку Гелгуда и онъ простоялъ весь день на мѣстѣ, произведя лишь рекогносцировку по направленію къ Щепанкову ([301]). Въ томъ-же направленіи была произведена рекогносцировка нашими гв. драгунами.

Дальнѣйшее отступленіе гвардіи.

Между тѣмъ Великій Князь на 6-е мая получилъ, въ Снядовѣ, донесеніе о томъ, что Нуръ занятъ, сообщеніе съ фельдмаршаломъ прервано и что на правомъ крылѣ Мястково и Клечково тоже заняты непріятелемъ, который находится на правомъ флангѣ и даже въ тылу гвардіи. При такихъ условіяхъ Михаилъ Павловичъ, считая положеніе своего корпуса опаснымъ, рѣшился отойти назадъ на Бѣлостокъ для того, чтобы прикрыть этотъ важный складочный пунктъ, увлечь за собою непріятеля, давая время Дибичу зайти ему въ тылъ, и, наконецъ, возстановить свои сообщенія съ главною арміею.

Главныя силы русской арміи находились между тѣмъ въ своемъ прежнемъ расположеніи у Сухи. Хотя фельдмаршалъ давно предусматривалъ движеніе Скржинецкаго противъ гвардейскаго корпуса, но затѣмъ, когда это стало совершаться, онъ долго не могъ убѣдиться, что польская армія дѣйствительно туда направилась; ни постройка мостовъ у Сѣроцка еще въ концѣ апрѣля, ни отступленіе поляковъ отъ Калушина при наступленіи русской арміи 1-го мая, ни извѣстіе о переходѣ значительныхъ непріятельскихъ силъ чрезъ Бугъ и Наревъ—ничто не служило ему достаточнымъ доказательствомъ исполненія задуманной поляками операціи. Хотя сообщенное Великимъ Княземъ извѣстіе, отобранное у мѣстныхъ жителей, что перешедшіе Бугъ и Наревъ войска находятся подъ начальствомъ Уминскаго было неточно въ томъ смыслѣ, что генералъ этотъ несомнѣнно находился съ войсками, стоявшими на Брестскомъ шоссе, но существенная часть извѣстія, а именно свѣдѣніе о появленіи между Бугомъ и Наревомъ значительныхъ непріятельскихъ регулярныхъ войскъ, имѣло важное значеніе. Если это послѣднее обстоятельство въ связи съ отступленіемъ Скржинецкаго отъ Калушина и не могло побудить къ началію рѣшительныхъ дѣйствій главными силами, то по крайней мѣрѣ вызывало необходимость предварительныхъ распоряженій къ тому, чтобы армія готова была немедленно по востребованію приступить къ нимъ, т. е. двинуться къ Бугу и дѣйствовать съ должной быстротой. Извѣстія, полученныя въ главной квартирѣ 5-го мая, должны были разсѣять всѣ сомнѣнія. Разъѣзды отъ авангарда открыли что непріятельскіе передовые посты на шоссе остави ночью свои мѣста передъ Калушиномъ и отступили за Минскъ; партіи, ходившія къ Латовичамъ и чрезъ Рыки за Вепржъ, донесли, что между шоссе и Вепржемъ нигдѣ давно уже не было польскихъ войскъ; чрезъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія, что непріятельскій корпусъ, силою въ 10—15 тыс. чел., показался въ окрестностяхъ Добре и Ядова; наконецъ великій князь увѣдомлялъ, что поляки двинулись отъ Велондокъ, чрезъ Длугосѣдло, противъ отряда Полешки, который вынужденъ былъ отойти къ Вонсеву на соединеніе съ авангардомъ гвардейскаго корпуса. На войнѣ едва-ли возможно расчитывать на полученіе свѣдѣній болѣе согласныхъ между собою и болѣе опредѣленныхъ.

Наступленіе поляковъ между Бугомъ и Наревомъ къ Вонсеву доказывало, что они находятся тамъ въ значительныхъ силахъ; оставленіе-же ими Брестскаго шоссе и появленіе ихъ корпуса у Добре и Ядова, ясно обнаруживали окончательное движеніе ихъ праваго фланга къ Бугу. Обратился-ли бы Скржинецкій съ своими главными силами къ Вонсеву, Острову или Броку—это было безразлично: во всякомъ случаѣ онъ разрывалъ связь арміи съ гв. корпусомъ, и для противодѣйствія его намѣреніямъ необходимо было немедленно сблизиться съ Бугомъ и перейти хотя къ Венгрову и Мендзнѣ, чтобы на другой день уже быть въ готовности двинуться къ Нуру, Броку или даже Вышкову. Вмѣсто этого посланъ былъ въ Мендзну къ Сточеку только кавалерійскій отрядъ изъ 11 эскадроновъ 1-й бригады 3-й уланской дивизіи и 2-го конно-черноморскаго казачьяго полка для освѣщенія пространства по Ливцу до Каменчика и наблюденія Ядова. Наконецъ 6-го мая получено было донесеніе о занятіи поляками м. Нура. Направленный къ Сточеку кавалерійскій отрядъ ген. Кизмера, не доходя Мендзны, встрѣтилъ команду фуражировъ, высланную наканунѣ отъ бывшихъ въ Нурѣ минерной роты и уланскаго эскадрона; команда эта, по возвращеніи съ фуражировки, не могла уже присоединиться къ своимъ частямъ и обратилась къ главнымъ силамъ. Это обстоятельство побудило Кизмера двинуться къ Нуру. Хотя Бугъ отдѣлявшій русскій кавалерійскій отрядъ отъ Лубенскаго и не позволялъ добыть языка, но, судя по бивакамъ, показаніямъ жителей и по другимъ признакамъ, Кизмеръ могъ заключить, что поляки имѣли у Нура не менѣе дивизіи пѣхоты и значительное число кавалеріи. Это извѣстіе убѣдило, наконецъ, Дибича въ дѣйствительности движенія Скржинецкаго противъ гвардіи, но все-таки онъ рѣшился выступить не ранѣе 8-го числа и писалъ Михаилу Павловичу, что 9-го мая двинется съ главными силами къ Нуру, надѣясь, что къ тому времени и силы, и направленіе поляковъ обнаружатся съ достаточной точностью. Такъ какъ, вслѣдствіе занятія Лубенскимъ Нура, изъ гвардейскаго корпуса 6-го числа не было получено никакихъ извѣстій и Дибичъ не зналъ, что происходило съ 4-го мая въ авангардѣ гвардіи, то онъ просилъ Великаго Князя уклоняться отъ рѣшительнаго столкновенія и при отступленіи направиться на Бѣлостокъ; если-бы это оказалось невозможнымъ, то занять Ломжу и, воспользовавшись возведенными тамъ укрѣпленіями, защищаться до послѣдней крайности; въ особенности-же просилъ Дибичъ Великаго Князя при обратномъ отступленіи поляковъ тотчасъ двинуться впередъ и тѣснить ихъ съ возможной энергіей. Отзывъ этотъ былъ полученъ въ гв. корпусѣ на другой день, т. е. 7-го мая, но уже до полученія его, какъ выше упомянуто, Великій Князь рѣшился покинуть Снядовскую позицію и отступить. Рѣшеніе это, при данныхъ обстоятельствахъ, и между прочимъ при томъ условіи, что на помощь главныхъ силъ нельзя было разсчитывать ранѣе 10-го числа,—вполнѣ соотвѣтствовало обстановкѣ. Во исполненіе принятаго рѣшенія, обозъ долженъ былъ на разсвѣтѣ 7-го мая двинуться по ломжинской и тыкочинской дорогамъ, самъ-же Великій Князь съ пѣхотою, резервомъ артиллеріи и

Кавалергардскимъ полкомъ началъ отступленіе около 9 ч. утра; въ арьергардѣ у Снядова оставленъ былъ ген. Бистромъ съ остальною кавалеріею, 4-ю пѣхотною бригадою, саперным баталіономъ и финскими стрѣлками. Едва войска тронулись, какъ на правомъ флангѣ арьергарда показался, посланный Гелгудомъ изъ Щепанкова, отрядъ; но, выставленные противъ него 8 эскадроновъ Конной гвардіи и Кирасирскаго полка и 3-й баталіонъ л.-гв. Егерскаго полка съ 8 орудіями, заставили его возвратиться въ Мястковъ. Бистромъ началъ отступленіе послѣ полудня и, не тревожимый нисколько поляками, совершилъ его въ порядкѣ; между тѣмъ движеніе чрезъ непрерывный рядъ дефиле, по песчанымъ дорогамъ, было весьма утомительно, и поляки, дѣйствуя энергически, могли-бы причинить нашему арьергарду значительныя затрудненія. Совершивъ переходъ въ 31 в., главныя силы корпуса достигли въ этотъ день Менженина, арьергардъ—Гача, Сакенъ направился къ Ломжѣ ([302]).

Когда отошелъ арьергардъ отъ Снядова, Янковскій донесъ объ этомъ и просилъ разрѣшенія двинуться за русскими, но получилъ приказаніе оставаться спокойнымъ; однако вслѣдъ затѣмъ вся польская армія получила приказаніе выступить. Самъ Скржинецкій до утра слѣдующаго дня, 8-го мая, оставался въ Трошинѣ и только въ 8 ч. утра сѣлъ въ карету и пустился отыскивать войска; прибывъ въ Снядовъ онъ никого тамъ не нашелъ—главнокомандующій потерялъ свою собственную армію. Послѣдняя, пройдя Снядовъ, для облегченія движенія раздѣлилась на три колонны и слѣдовала за русскимъ арьергардомъ по направленію къ Гачу, исчезнувъ изъ глазъ главнокомандующаго, который вдругъ совершенно измѣнился, видя ускользнувшую отъ него русскую гвардію. Прибывъ наконецъ къ арміи, Скржинецкій проявляетъ необыкновенную дѣятельность и всѣми силами старается побудить войска къ возможно быстрому движенію ([303]).

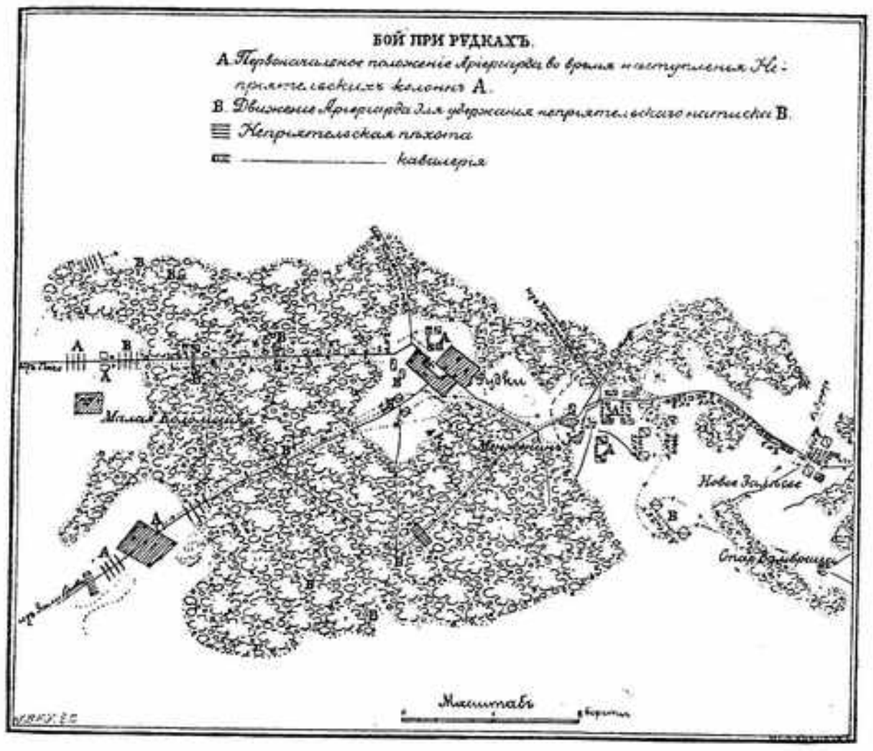
Бой у Рудокъ.

Между тѣмъ 8-го числа русская гвардія продолжала движеніе главными силами къ Лопухову; Бистромъ съ 4-ю гв. пѣхотною бригадою, л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ и легкою гв. кавалеріею перешелъ къ Менженину, оставя Полешка съ л.-гв. Егерскимъ полкомъ, 2-мя эскадронами л.-гв. Драгунскаго и л.-гв. Уланскаго полковъ и съ 4-мя легкими орудіями у Рудокъ; л.-гв. Конно-егерскій полкъ, шедшій изъ Духне чрезъ Замбровъ, остановленъ былъ между Рудками и Менженином. Бистромъ получилъ приказаніе удерживаться съ арьергардомъ до вечера, чтобы дать время отойти корпусу, обозы котораго и артиллерійскіе парки застряли въ пескахъ, причемъ для помощи имъ при движеніи высланъ былъ л.-гв. Павловскій полкъ ([304]).

Скржинецкій, авангардъ котораго успѣлъ 7-го числа достичь только Снядова, 8-го мая сдѣлалъ усиленный переходъ двумя колоннами: пѣхотная дивизія Малаховскаго и большая часть кавалеріи шли прямо чрезъ Гачъ на Рудки, а пѣхотная дивизія Рыбинскаго съ частью кавалеріи направлена чрезъ Замбровъ въ обходъ Бистрома; послѣднее не удалось, такъ какъ гвардія успѣла выиграть у непріятеля значительное пространство, вслѣдствіе чего Рыбинскій вновь вышелъ на Ломжинскую дорогу и соединился съ Малаховскимъ, не успѣвъ настигнуть даже тыльнаго отряда Полешки у с. Рудки. Селеніе это, какъ со стороны Ломжи, такъ и со стороны Замброва прикрыто большимъ сплошнымъ лѣсомъ, который былъ занятъ застрѣльщиками л.-гв. Егерскаго полка. Въ четвертомъ часу по полудни голова польскихъ войскъ начала стягиваться передъ отрядомъ Полешки и заняла селенія Коломыю и Коломыйку.

Выставивъ батарею въ 14 орудій (Полешко имѣлъ только 4 ор.), поляки стали обстрѣливать картечью опушку лѣса, а затѣмъ съ фронта двинулись въ атаку, подъ

начальствомъ Янковскаго, части дивизіи Рыбинскаго. Встрѣтивъ отпоръ съ фронта, Скржинецкій вмѣсто того, чтобы сразу развернуть превосходныя силы и пустить ихъ въ атаку, придумалъ сложный планъ: для обхода русскаго отряда, онъ направилъ влѣво, на Каленчинъ, бригаду Богуславскаго, а вправо, на Рудки, кавалерійскую бригаду съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ Кицкаго; еще правѣе, по замбровской дорогѣ на Менженинъ, въ тылъ Полешки, двинута была остальная кавалерія Скаржинскаго. Между тѣмъ съ фронта завязался упорный бой; Скржинецкій хотя и располагалъ превосходными силами, но, не умѣя ими воспользоваться и горячась въ раздраженіи, что упустилъ изъ рукъ гвардію, сталъ бросать на нее войска по частямъ, по мѣрѣ ихъ подхода ([305]). Такъ сперва двинутъ былъ баталіонъ 2-го полка, который, подъ прикрытіемъ густой цѣпи, ворвался въ лѣсъ; Полешко усилилъ своихъ застрѣльщиковъ двумя ротами (3-го баталіона), атаковалъ поляковъ въ штыки и отбросилъ ихъ, взявъ



плѣнныхъ; послѣ того поляки усилились другимъ баталіономъ 2-го полка и Подляхскими стрѣлками и снова двинулись впередъ. Егеря, отступая, навели непріятеля на резервы, которые приняли ихъ въ штыки и вытѣснили за опушку. Тогда поляки выдвинули еще третій баталіонъ 2-го полка и 12-й полкъ, и въ то-же время Богуславскій началъ атаку слѣва отъ Каленчина ([306]). Въ это время Бистромъ прислалъ въ Рудки л.-гв. Финляндскій полкъ съ приказаніемъ Полешкѣ непремѣнно удерживаться до ночи. Получивъ это подкрѣпленіе Полешко ввелъ въ дѣло 1-й баталіонъ л.-гв. Егерскаго полка и снова опрокинулъ поляковъ. Впослѣдствіи пришлось Полешкѣ еще разъ усилить боевую часть четырьмя ротами л.-гв. Финляндскаго полка (остальныя 4 роты оставались все время у Рудокъ) и отбить окончательно напоръ поляковъ; такимъ образомъ три гвардейскіе баталіона въ теченіи шести часовъ (съ 4 до 10 вечера) отбивали атаки шести непрія-

тельскихъ баталіоновъ: весь бой велся съ нашей стороны весьма энергически и искусно. Обходныя движенія поляковъ не имѣли успѣха: Кицкій и Скаржинскій, сдѣлавшіе большой обходъ, прибыли поздно по назначенію и не рѣшились произвести нападенія. Ночное время способствовало и Полешкѣ безпрепятственно отступить, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ, къ Меженину, на находившіеся тамъ л.-гв. Гренадерскій и Конно-егерскій полки съ батареей. Поляки должны были ограничиться занятіемъ с. Рудокъ; ихъ застрѣльщики пытались было податься впередъ, но л.-гв. драгунскій и уланскій эскадроны не позволили имъ выйти изъ лѣсу. Главныя силы Скржинецкаго расположились по опушкѣ лѣса, не входя въ него ([307]).

Отступленіе гвардіи къ Тыкочину и Жолткамъ.

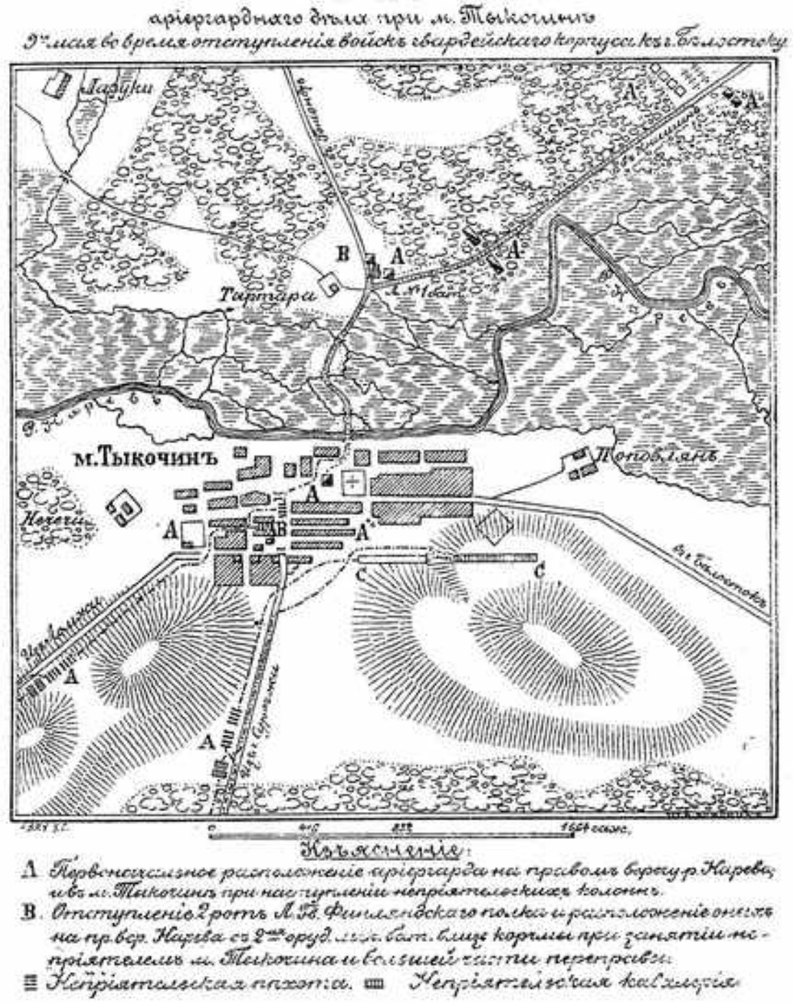
Бистромъ, давъ небольшой отдыхъ сражавшимся войскамъ, ночью-же отошелъ къ Лопухову, откуда корпусъ 9-го мая съ разсвѣтомъ продолжалъ свое движеніе. Великій Князь, съ главными силами, направился на Златарію и, перейдя черезъ Наревъ у Жолтокъ, расположился на правомъ берегу рѣки. Для обезпеченія лѣваго фланга высланъ былъ къ Суражу л.-гв. Кирасирскій полкъ съ 4-мя орудіями. Между тѣмъ Бистромъ узналъ отъ разъѣздовъ, что поляки наступали значительными массами чрезъ Яблонну къ Нареву, на Жолтки, и такимъ образомъ могли предупредить у послѣдняго пункта войска, бывшія подъ его начальствомъ у Лопухова, и притиснуть ихъ съ фланга и тыла къ Нареву; вслѣдствіе этого обстоятельства Бистромъ рѣшился двинуться къ Тыкочину и, переправившись тамъ, соединиться съ Великимъ Княземъ чрезъ Кнышинъ.

Находясь съ главною квартирою въ Коломыѣ, Скржинецкій узналъ тамъ, что Гелгудъ 7-го дошелъ до Ломжи, затѣмъ, обманутый ложнымъ извѣстіемъ, отступилъ назадъ верстъ на 15, гдѣ соединился съ Дембинскимъ и 8-го занялъ оставленную русскими Ломжу; благодаря обратному движенію Гелгуда, Сакену удалось уничтожить собранные въ Ломжѣ значительные запасы и мостъ черезъ Наревъ, послѣ чего онъ отступилъ на Ставишки; такимъ образомъ поляки нашли въ Ломжѣ только госпиталь съ 800 чел. больныхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣли вывезти. Прибывшій въ городъ, въ минуту его занятія Гелгудомъ, Прондзинскій, осмотрѣвъ укрѣпленія, весьма удивился что Сакенъ, съ вполнѣ достаточнымъ отрядомъ, не пытался защищать столь прочныя укрѣпленія, владѣніе которыми угрожало движенію поляковъ и могло пріобрѣсть важное значеніе при переходѣ въ наступленіе русской арміи. Сакенъ объясняетъ свое рѣшеніе слѣдующими соображеніями: 1) со слабымъ отрядомъ и нѣсколькими пушками невозможно было защищать обширный городъ съ батареями на 24 орудія; 2) непріятель могъ переправиться у Новогрода (Ниже Ломжи); 3) онъ непремѣнно желалъ воспрепятствовать непріятелю вторгнуться въ Августовское воеводство и истребить тамъ наши мелкіе отряды, а затѣмъ соединиться съ литовскими инсургентами.

Возстановивъ мостъ черезъ Наревъ, Гелгудъ выслалъ Сѣраковскаго съ небольшимъ отрядомъ вслѣдъ за Сакеномъ, а самъ съ остальною частью своей дивизіи направился въ тотъ-же день къ главной арміи въ Коломыю.

Утромъ 9-го мая польская армія продолжала преслѣдованіе русскаго арьергарда къ Тыкочину; чтобы предупредить его у Нарева, кавалерійская дивизія Скаржинскаго и пѣхотная Гелгуда были высланы вправо къ Жолткамъ; но этотъ маневръ не удался, такъ какъ Бистромъ переправился у Тыкочина въ расчетѣ соединиться съ Великимъ Княземъ уже по ту сторону рѣки. Правый берегъ Нарева у Тыкочина весьма болотистъ, и переправа состоитъ тамъ изъ длинной, въ 500 саж., гребли съ четырьмя мостами, расположенными не въ прямомъ направленіи, а зигзагами. Мостъ черезъ рѣку нахо-

дился у самаго города, а прочіе на серединѣ гребли, черезъ ручьи, протекающіе по болоту. Перейдя греблю, Бистромъ оставилъ ошибочно для прикрытія моста двѣ роты л. гв. Финляндскаго полка въ городѣ, а шесть ротъ этого полка съ двумя орудіями поставилъ по ту сторону рѣки на оконечности моста; ([308]) въ трехъ верстахъ оттуда былъ поставленъ ген. Ностицъ съ легкою кавалеріею; наконецъ остальныя войска арьергарда расположились по дорогѣ въ Крыпно. Оставленные въ Тыкочинѣ ген. Шильдеръ и Гербель рѣшились защищать переправу не уничтожая мостовъ. Въ 4 часа по-



полудни показался передъ Тыкочиномъ польскій авангардъ и принудилъ двѣ роты финляндцевъ отступить съ такою поспѣшностью, что они едва имѣли время сбросить настилку съ двухъ переднихъ мостовъ; при этомъ несмѣненный караулъ въ городѣ былъ почти совершенно истребленъ; впрочемъ одному изъ саперъ удалось передъ самимъ непріятелемъ запереть желѣзной цѣпью съ замкомъ барьерныя ворота. Двигавшійся во главѣ польской колонны французской службы полковникъ Лангерманъ бросился къ мостамъ съ 1-мъ егерскимъ полкомъ; ему удалось перевести своихъ стрѣлковъ и

подъ ихъ прикрытіемъ возстановить мосты, но при дальнѣйшемъ движеніи его колонны были встрѣчены картечью и отступили назадъ. Прибывшій въ это время Пронздзинскій, видя Лангермана одного съ саблею въ рукахъ двигавшагося по балкамъ моста, воодушевилъ людей и заставилъ ихъ снова двинуться впередъ, но, не смотря на всѣ усилія, польскіе егеря (309), встрѣченные ружейнымъ огнемъ финляндцевъ, получившихъ въ подкрѣпленіе л. гв. Егерскій полкъ съ 4-мя орудіями, не могли перейти черезъ 3-й мостъ, даже и тогда, когда егерскій полкъ былъ усиленъ баталіономъ 2-го линейнаго полка. Они пытались противопоставить русской артиллеріи свою батарею, выставленную на греблѣ, но ихъ орудія, не успѣвъ сняться съ передковъ, были демонтированы; они могли лишь утвердиться на небольшомъ островкѣ среди болота, откуда до ночи поддерживали ружейный оконь. Бой стоилъ полякамъ около 200 чел.

Покушеніе поляковъ при Жолткахъ тоже не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Великій Князь двинулся къ этому пункту изъ Лопухова, совершилъ переправу чрезъ Наревъ и занялъ на правомъ берегу рѣки сильную позицію, къ которой тоже можно было приблизиться лишь по греблѣ съ нѣсколькими мостами. Высланный на развѣдку кирасирскій Ея Величества полкъ возвратился около пополудня съ извѣстіемъ о наступленіи сильной непріятельской колонны изъ кавалеріи съ конной артиллеріей. Между тѣмъ Великій Князь выставилъ 24 орудія для обстрѣливанія плотины; Семеновскій полкъ сталъ по обѣ ея стороны, а остальныя войска—позади. Едва окончены были эти распоряженія, какъ появилась польская конница, слѣдовавшая непосредственно за кирасирами. Непріятель расчитывалъ прослѣдовать чрезъ плотину на плечахъ кирасиръ, но, высланная отъ Семеновскаго полка, команда, пропустила свою скакавшую кавалерію и немедленно приступила къ уничтоженію моста, не смотря на непріятельскій артиллерійскій огонь. За кавалеріею подошла и польская пѣхота; пока эти войска сосредоточивались и развертывались, русская артиллерія подбила у непріятеля одно орудіе и взорвала два зарядныхъ ящика. Канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ до вечера. Поляки, видя превосходство русской артиллеріи и замѣчая трудность форсированія столь хорошо защищенной переправы, ничего не предпринимали. Въ этомъ положеніи оставалась польская армія весь послѣдующій день, 10-е мая. Такъ окончился походъ противъ гвардіи, который поляки праздновали какъ побѣду; но на самомъ дѣлѣ онъ имъ не принесъ ничего кромѣ вреда. Гвардейскій корпусъ за все время потерялъ убитыми ранеными и плѣнными (сверхъ захваченныхъ въ Ломжѣ больныхъ 800 чел.) менѣе 700 чел.; въ то же время Скржинецкій утомилъ напрасно свою армію, нанесъ ударъ лишь по воздуху и очутился въ крайне рискованномъ стратегическомъ положеніи, выдвинувшись столь далеко къ берегамъ Нарева. По мнѣнію Пронздзинскаго предпріятіе противъ гвардіи должно было окончитъся у Снядова, послѣ чего все вниманіе слѣдовало обратить но фельдмаршала; каждый шагъ, дѣлаемый по ту сторону Снядова, по его мнѣнію, предоставлялъ случаю существованіе всей арміи, если только Дибичъ выказалъ-бы нѣкоторую дѣятельность *).

Отступленіе Скржинецкаго къ Остроленкѣ.

Хотя Скржинецкій пренебрегалъ сперва указаніями своего талантливаго помощника, но, послѣ неудачныхъ результатовъ похода, старался разузнать мнѣніе Пронздзинскаго относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Пронздзинскій полагалъ стянуть всю

*) Въ Менженинѣ, Пронздзинскій, послѣ запальчиваго объясненія со Скржинецкимъ, просилъ увольненія отъ должности генералъ-квартирмейстера. Главнокомандующій просилъ его временно остаться при исполненіи своихъ обязанностей пока найденъ будетъ ему преемникъ (310).

армію къ Ломжѣ, расположиться на позиціи по правому берегу Нарева между рѣками Писекомъ и Бобромъ, сильно занять укрѣпленія Ломжи и содержать армію средствами Августовскаго воеводства. Значительный отрядъ долженъ былъ усилить Сѣраковскаго, разбить Сакена и проникнуть по то сторону Нѣмана въ Литву. Если-бы пришлось уступить русскимъ сильную позицію у Ломжи, то позиціи у Граева, Райгорода, Августова представляли много средствъ для того, чтобы удержать русскихъ и затянуть войну. Между тѣмъ польскія войска, направленныя въ Литву, могли притянуть туда русскихъ, отвлекая ихъ отъ Варшавы, и дали-бы тѣмъ возможность Уминскому дѣйствовать наступательно. Планъ этотъ не былъ принятъ Скржинецкимъ. Во 1-хъ, онъ не въ состояніи былъ понять возможности защиты какого либо пункта (въ данномъ случаѣ Варшавы), не располагаясь непосредственно у этого пункта; во 2-хъ, менѣе всего думая о сраженіи, онъ успѣлъ даже отправить парки въ Модлинъ, а потому казалось невозможнымъ приступать къ исполненію предполагаемой операціи съ однимъ комплектомъ боевыхъ припасовъ. Такимъ образомъ Скржинецкій высказался въ пользу отступленія къ Остроленкѣ. При этомъ приходилось оставить Ломжу и предоставить собственной участи отрядъ Сѣраковскаго, который въ то время прошелъ уже Граево. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ безплодныхъ споровъ и колебаній, Скржинецкій прибѣгъ къ самой вредной полумѣрѣ — оставилъ Сѣраковскаго противъ Сакена, Гелгуду приказалъ занять Ломжу, а главнымъ силамъ направиться къ Остроленкѣ. Многочисленный обозъ двинулся главнымъ образомъ за колонною Гелгуда, что впослѣдствіи вредно отразилось на ея подвижности. 10-го мая польская армія оставила Тыкочинъ и затѣмъ ей приказано отступать къ Остроленкѣ; къ 12-му мая она была расположена такъ: дивизіи Каминскаго и Лубенскаго въ Надборахъ, позади дивизіи Рыбинскаго; дивизія Малаховскаго въ Червинѣ, Скаржинскаго въ Клечковѣ, Гелгуда въ Ломжѣ; главная квартира въ Трошинѣ (311).

ГЛАВА IX.

Переходъ русской арміи въ наступленіе.—Сраженіе при Остроленкѣ и его послѣдствія.—Кончина Дибича.

Движеніе главныхъ силъ на соединеніе съ гвардіей.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ Дибича *). Предполагая начать общее движеніе 8-го мая, фельдмаршалъ подвинулъ 7-го числа къ Соколову авангардъ, подъ начальствомъ ген. Угрюмова, придавъ ему только что прибывшаго генеральнаго штаба генер. Берга. Въ составъ авангарда вошли: 1-я гренадерская дивизія, Сумскій гусарскій полкъ и отрядъ Кизмера. Въ тотъ-же день разъѣзды открыли, что поляки, занимая Добре, очистили Ядовъ и вновь показались у Калушина; вслѣдствіе этого Дибичъ,съ цѣлью скрытія своего движенія, выслалъ къ Калушину Павлоградскій гусарскій полкъ съ приказаніемъ опрокинуть передовые польскіе посты и податься на ночь къ самому городу, показывая видъ, что на другой день наступленіе будетъ продолжаться. Исполнивъ порученіе, полкъ ночью присоединился къ своей дивизіи. Между тѣмъ ночью-же и въ 7 ч. утра 8-го числа получено было два донесенія отъ Великаго Князя: одно о дѣйствіяхъ авангарда 5-го числа и другое о расположеніи гв. корпуса 6-го числа при Якацѣ и Снядовѣ, объ отступленіи изъ Остроленки Сакена и о намѣреніи Великаго Князя отойти 7-го отъ Снядова по направленію къ Бѣлостоку. Бездѣйствіе поляковъ 6-го числа, по мнѣнію Дибича, вовсе не доказывавшее превосходства ихъ силъ, вновь заставило его усумниться, что Скржинецкій двинулся за Бугъ со всѣми своими главными силами. Движеніе-же поляковъ къ Остроленкѣ и даже къ Нуру онъ объяснилъ тѣмъ, что отряды эти могли имѣть цѣлью сборъ рекрутъ и продовольственныхъ запасовъ. Тѣмъ не менѣе необходимо было двинуть армію къ Бугу согласно отправленнымъ къ Великому Князю предположеніямъ. Для выбора пункта переправы былъ высланъ на рекогносцировку гр. Толь. Онъ донесъ, что Нуръ сильно занятъ непріятелемъ, а переправа открытою силою затруднительна вслѣдствіе командованія праваго берега на всемъ ближайшемъ къ Нуру пространствѣ. Переправа ниже Нура, не смотря на значительныя ея выгоды, тоже не могла быть принята, такъ какъ Уминскій, двинувшись вслѣдъ за русскою арміею, тотчасъ овладѣлъ-бы всѣми ея сообщеніями, и она очутилась-бы безъ продовольствія и въ невозможности воспользоваться своею кавалеріею въ крайне неудобной, лѣсистой мѣстности между Бугомъ и Наревомъ. По этимъ причинамъ Толь предложилъ переправиться въ Гранѣ, которая не была занята непріятелемъ, хотя и тамъ правый берегъ

*) См. карту восточной части Царства Польскаго.

командовалъ лѣвымъ. Дибичъ принялъ это предложеніе. Вслѣдствіе этого Угрюмовъ съ авангардомъ долженъ былъ 8-го мая двинуться къ Гранѣ и построить тамъ мостъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ двинулась послѣ полудня и армія тремя колоннами: *лѣвая*, подъ начальствомъ гр. Палена 1-го, перешла въ Венгровъ; она состояла изъ 1-й и 3-й пѣхотныхъ и 3-й гренадерской дивизій, Ольвіопольскаго и Клястицкаго гусарскихъ, Секретова и Борисова казачьихъ полковъ; *средняя*, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, перешедшая въ Соколовъ, состояла изъ 2-й гренадерской дивизіи, гв. пѣхотнаго отряда, 1-го сапернаго баталіона и Лубенскаго гусарскаго полка; *правая*, подъ начальствомъ гр. Витта, шла на Роговъ и состояла изъ 3-й кирасирской дивизіи, артиллерійскаго резерва съ прикрытіемъ, обозовъ арміи и л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Вмѣстѣ съ авангардомъ Угрюмова, армія двинулась въ числѣ *55 баталіоновъ, 67 эскадроновъ, 197 орудій и 18 сотенъ казаковъ* *). Для охраненія Сѣдльце и Брестскаго шоссе, которое не было еще очищено отъ разныхъ складовъ, оставлены, подъ начальствомъ гр. Палена 2-го,—вторая и третья бригада 2-й пѣх. дивизіи, 1-й рез. саперный баталіонъ, три полка 2-й гусарской дивизіи, Татарскій уланскій, Ильина и Егорова казачьи, л. гв. Подольскій кирасирскій и Уланскій Его Высочества полки, всего 9 батал., 32 эск., 26 орудій и 12 сотенъ. Ночью съ 8-го на 9-е число получено было новое донесеніе отъ великаго князя, посланное 8-го изъ Лопухова. Его Высочество писалъ, что находится въ затруднительномъ положеніи, но надѣется изъ него выпутаться. На слѣдующее утро, т. е. 9-го мая, получено второе сообщеніе Михаила Павловича, который извѣщалъ, что онъ благополучно переправилъ гв. корпусъ у Жолтковъ и Тыкочина и думаетъ соединиться съ главною арміею черезъ Бѣльскъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ предпринялъ наступательное движеніе; если Великій Князь обратится на Бѣльскъ, то необходимо ему притянуть къ себѣ всѣ войска, находящіяся въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ; если-же непріятель воспрепятствуетъ взять это направленіе, то слѣдуетъ обратиться на Гродно для прикрытія этого важнаго пункта, но въ такомъ случаѣ необходимо защищать каждый ручеекъ и отступать только шагъ за шагомъ. Хотя такимъ образомъ Дибичъ предполагалъ, что поляки будутъ преслѣдовать гвардію далѣе въ Литву, но онъ не упускалъ изъ виду также возможности ихъ отступленія и потому просилъ Великаго Князя, какъ только онъ замѣтитъ ослабленіе находящагося передъ нимъ непріятеля, тотчасъ опять перейти въ наступленіе. Послѣднее донесеніе великаго князя разсѣяло всякія сомнѣнія фельдмаршала и точно очертило взаимное положеніе обѣихъ сторонъ. Оставалось поспѣшить переходомъ черезъ Бугъ и дѣйствовать со всевозможною быстротою, чтобы не упустить случая нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Къ полудню наведенъ былъ у Граны постоянный мостъ черезъ Бугъ, и вслѣдъ за Угрюмовымъ перешли на правый берегъ: Кизмеръ со своимъ отрядомъ и гр. Виттъ съ 3-ю кирасирскою дивизіею. Передъ вечеромъ былъ наведенъ еще понтонный мостъ, такъ что къ ночи успѣла переправиться еще и колонна кн. Шаховскаго; для выигрыша времени кавалерія переходила частью въ бродъ ниже мостовъ. По совершеніи переправы гр. Виттъ соединился съ ген. Угрюмовымъ и расположился на ночлегъ у Перлеева, а кн. Шаховской и главная квартира оставались до слѣдующаго дня у Граны. Гр. Паленъ 1-й подался изъ Венгрова только къ Сололову, давая время переправиться резервной артиллеріи и обозамъ, которые переходили осторожно по мостамъ даже ночью. 10-го мая, когда корпусъ гр. Палена 1-го двинулся изъ Соколова къ переправамъ, фельдмаршалъ приказалъ гр. Витту

*) Составъ дѣйств. арміи къ 3 мая, см. прил. XIII.

идти въ Цѣхоновецъ, гдѣ былъ наканунѣ польскій передовой отрядъ, и атаковать Лубенскаго, котораго необходимо было или уничтожить, или хотя отбросить, чтобы затѣмъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, не опасаясь за флангъ и тылъ арміи (312).

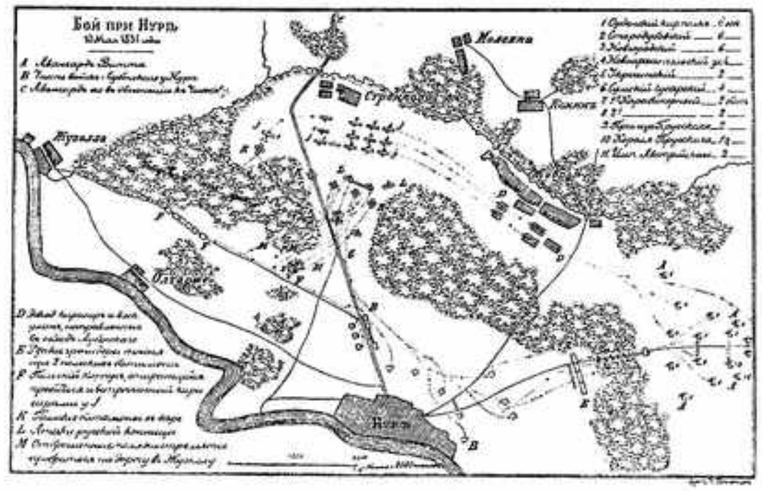
Бой у Нура.

По соединеніи съ Угрюмовымъ, гр. Виттъ имѣлъ $9^1/_2$ батал., 40 эскадр. и 32 орудія, всего около $8^1/_2$ тысячъ человѣкъ, противъ части отряда Лубенскаго. Гр. Виттъ не засталъ поляковъ у Цѣхановца и послѣ привала, въ 2 ч. пополудни, продолжалъ движеніе къ Нуру. Миновавъ д. Тымяны, его передовыя войска открыли два эскадрона непріятельскихъ уланъ и опрокинули ихъ; отъ плѣнныхъ узнали, что Лубенскій находился еще въ Нурѣ. Виттъ перестроился въ боевой порядокъ и двинулся къ небольшому лѣсу, находившемуся впереди Нура; въ головѣ слѣдовала легкая кавалерія, затѣмъ въ двухъ линіяхъ гренадеры, а далѣе кирасиры (313). Нуръ охваченъ въ видѣ полукруга рѣдкимъ лѣсомъ, чрезъ который пролегали три дороги: одна на Цѣхановецъ, другая чрезъ Жузелу на Брокъ и Островъ и третья посрединѣ между двумя предъидущими, чрезъ Стренково въ Чижево. Между тѣмъ Лубенскій, согласно данныхъ ему инструкцій, долженъ былъ, по переходѣ русской арміи черезъ Бугъ, немедленно сняться со своей позиціи и, слѣдя за Дибичемъ, отходить на главныя силы; но онъ только на другой день (11-го и то довольно) поздно приказалъ части своихъ войскъ отходить на Чижевъ; самъ-же съ 5 баталіонами Красицкаго, 10 орудіями и 6-ью эскадронами оставался въ Нурѣ до ночи (314). Лѣсъ къ сторонѣ Цѣхановца былъ занятъ только двумя баталіонами полк. Левинскаго, остальныя же войска Лубенскаго находились у Нура и должны были выступить оттуда лишь ночью. Двигавшіеся въ головѣ гренадеръ, четыре карабинерные баталіона 1-й гр. дивизіи безъ труда вытѣснили изъ лѣсу Левинскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ 4-ре эскадрона сумскихъ гусаръ обошли этотъ лѣсокъ со стороны Буга. За лѣсомъ поляки встрѣтили русскихъ огнемъ 8 орудій, но, выдвинутая немедленно, батарея въ 10 орудій заставила польскую артиллерію замолчать, сняться съ позиціи и вмѣстѣ съ пѣхотою отступить къ самому Нуру. Присутствовавшій лично при наступленіи гр. Дибичъ, желая стѣснить поляковъ къ Бугу, выслалъ 18 эскадроновъ кирасиръ и 6 эскадроновъ уланъ *) съ 6-ю орудіями въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, между лѣсомъ и д. Ласковецъ, къ с. Стренкову, съ тѣмъ чтобы занять большую дорогу изъ Нура въ Чижево и преградить полякамъ отступленіе на ихъ главныя силы. Между тѣмъ карабинеры, поддержанные гренадерами и остальною кавалеріею, продолжали наступать прямо къ Нуру, откуда Лубенскій только что выступилъ со своимъ арьергардомъ. Часть поляковъ успѣла миновать Стренково прежде, чѣмъ туда прибыла русская кавалерія; самъ-же Лубенскій съ остальною частью своихъ войскъ уже встрѣтилъ тамъ кирасиръ въ боевомъ порядкѣ въ 2-хъ линіяхъ; онъ имѣлъ при себѣ 5 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 10 орудій. Бывшій при русскомъ отрядѣ ген. Бергъ въ сопровожденіи трубача, какъ парламентеръ, подъѣхалъ къ полякамъ и, приведенный къ Лубенскому, объявилъ ему, что его отрядъ окруженъ и отрѣзанъ, а потому долженъ сдаться. По нѣкоторомъ размышленіи Лубенскій отвѣчалъ: „хорошо! такъ мы проложимъ себѣ путь“. Берегъ тотчасъ-же повернулъ назадъ, и русскія орудія открыли картечный огонь. Поляки спѣшили занять лѣсъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы по опушкѣ пробраться мимо праваго

*) Полки: Военнаго Ордена, Стародубовскій и Новгородскій кирасирскіе и Ново-Архангельскій уланскій.

фланга кирасиръ, но дивизіонъ Орденскаго кирасирскаго полка съ двумя орудіями былъ выдвинутъ вправо, чтобы воспрепятствовать выходу поляковъ изъ лѣсу; встрѣтивъ тамъ польскій баталіонъ, орденцы атаковали его и опрокинули обратно въ лѣсъ.

Видя, что движеніе ихъ влѣво обнаружено, поляки рѣшились открыть себѣ путь общимъ движеніемъ. Построенные въ каре ихъ баталіоны, поддержанные Конно-егерскимъ (бывшимъ гвардейскимъ) полкомъ, устремились противъ всей линіи русской кавалеріи, но это усиліе оказалось тщетнымъ. Русская батарея удержала огнемъ направленный на нее натискъ; Стародубовскій кирасирскій полкъ опрокинулъ конныхъ егерей и, преслѣдуя ихъ, захватилъ одно непріятельское орудіе *); Орденскій кирасирскій полкъ прорвалъ двигавшееся противъ него каре и разсѣялъ его; новгородскіе кирасиры бросились на правый флангъ поляковъ, а уланы на ихъ центръ и смяли каре. Поляки спаслись въ лѣсу и, пользуясь наступившею совершенною темнотою, пробрались на дорогу въ Жузелу, а оттуда по боковымъ дорогамъ—въ Чижево. Кромѣ орудія, взятаго стародубовскими кирасирами, захвачено у непріятеля 5 зарядныхъ ящиковъ и 159 плѣнныхъ; убитыми и ранеными поляки потеряли до 90 чел. Спасенію поляковъ содѣйствовала наступившая темнота и отсутствіе пѣхоты въ русскомъ отрядѣ.



Лубенскій, собравъ разсѣянныя войска въ Чижевѣ, двинулся на слѣдующій день форсированнымъ маршемъ къ Замброву, гдѣ встрѣтился съ Янковскимъ и вошелъ въ связь съ польскою главною арміею, образуя съ этого времени ея арьергардъ. Лубенскій былъ самъ виноватъ въ постигшей его неудачѣ (не исполнивъ данныхъ ему инструкцій), хотя нельзя не замѣтить, что, благодаря своей рѣшимости, онъ счастливо выпутался изъ созданнаго имъ самимъ критическаго положенія. Еще ночью 9-го онъ узналъ о переправѣ русскихъ и, не смотря на это, оставался въ бездѣйствіи въ Нурѣ 24 часа.

Послѣ боя кирасиры расположились у д. Стренкова; къ нимъ присоединенъ былъ гренадерскій императора Австрійскаго полкъ; всѣ-же прочія войска гр. Витта остались у Нура; кн. Шаховской изъ Граны перешелъ въ Тымянкѣ, а гр. Паленъ, послѣ переправы чрезъ Бугъ, остановился у Граны и выдвинулъ 3-ю гренадерскую дивизію въ Цѣхановецъ; арьергардъ его, изъ первой бригады 1-й пѣх. дивизіи, Ольвіопольскаго гусарскаго и казачьихъ Борисова и Секретова полковъ, оставленъ былъ, подъ начальствомъ ген. Лидерса, на лѣвомъ берегу Буга, такъ какъ еще не всѣ обозы успѣли переправиться.

*) Прислуга ускакала, такъ что пѣхотинцы тащили пушки своими руками, спасая ихъ отъ русскихъ.

Движеніе Дибича на Высоко-Мазовецкъ.

Послѣ разбитія Лубенскаго у Нура *) можно уже было предвидѣть, какъ отступленіе Скржинецкаго, такъ даже и направленіе этого отступленія. Бездѣйствуя противъ гвардіи, онъ, конечно, не могъ уже отважиться на рѣшительныя операціи въ виду перехода въ наступленіе главныхъ силъ русской арміи; при этомъ обратное движеніе на Сѣроцкъ оказывалось для него уже невозможнымъ, а слѣдовательно русской арміи оставалось стараться предупредить его у Остроленки, чтобы такимъ образомъ дѣйствовать противъ его тыла и на путь отступленія. Отъ Нура къ Остроленкѣ пролегаютъ двѣ дороги: одна чрезъ Островъ, другая чрезъ Чижево и Андржеево; обѣ онѣ пересѣкаются р. Брокомъ; Дибичъ не желалъ двинуться ни по одной изъ нихъ, предполагая, что Лубенскій при отступленіи отъ Нура уничтожилъ за собою всѣ переправы и потому, слѣдуя за нимъ, можно было встрѣтить на каждомъ шагу препятствія. Кромѣ того онъ полагалъ, что прямое движеніе къ Остроленкѣ слишкомъ удалило-бы его отъ гвардейскаго корпуса, отъ котораго, послѣ свѣдѣній доставленныхъ въ Грану, никакихъ извѣстій не имѣлось. По этимъ соображеніямъ Дибичъ, вмѣсто смѣлаго движенія въ тылъ непріятеля съ имѣвшимися въ его распоряженіи 37.000 чел. (въ томъ числѣ $10^1/_2$ т. кавалеріи), испытанныхъ, закаленныхъ въ бояхъ и трудностяхъ походной жизни войскъ, предпочитаетъ болѣе осторожное, но и обѣщавшее меньше выгодъ, рѣшеніе—сдѣлать обходъ на Высоко-Мазовецкъ, сблизиться съ гвардіею и войти съ нею въ связь. Тѣмъ не менѣе главныя силы бездѣйствовали до полудня 11-го числа, и только по полученіи извѣстія отъ Великаго Князя объ отступленіи поляковъ и о намѣреніи его преслѣдовать непріятеля 12-го числа, Дибичъ, сдѣлавъ небольшой переходъ, сосредоточилъ свои войска 11-го мая по направленію къ Высоко-Мазовецку у Клюкова; далѣе въ этотъ день они не могли двигаться, во первыхъ, потому, что войскамъ 1-го пѣхотнаго корпуса изъ Граны и даже съ лѣваго берега Бута невозможно было-бы поспѣть за другими корпусами, во вторыхъ, потому, что необходимо было дать время подойти хотя части продовольственныхъ запасовъ. Составленъ былъ авангардъ, подъ начальствомъ ген. Берга, изъ 3-го карабинернаго, Екатеринославскаго гренадерскаго, Лубенскаго гусарскаго и, прибывшихъ изъ арьергарда гр. Палена, Борисова и Секретова казачьихъ полковъ, который и выдвинутъ къ д. Жабенецъ. Обозъ арміи, вмѣстѣ съ понтонными отдѣленіями, по снятіи мостовъ перешелъ въ Цѣхановецъ и долженъ былъ идти къ Брянску; для прикрытія его оставлены были: 1-й и 2-й морскіе полки съ 2-мя орудіями, дивизіонъ Украинскаго уланскаго полка и полусотня казаковъ. 12-го мая до полудня армія перешла къ Высоко-Мазовецку и остановилась для выясненія положенія и намѣреній непріятеля. Она очутилась на одной высотѣ съ гвардейскимъ корпусомъ, бывшимъ уже въ Менженинѣ.

Такимъ образомъ Скржинецкому предоставлялась полная возможность ускользнуть отъ удара русской арміи. Польскій главнокомандующій, узнавъ отъ Лубенскаго, вечеромъ 10-го числа, о переходѣ Дибича чрезъ Бугъ, ночью на 11-е число оставилъ свое расположеніе у Тыкочина и Злотаріи и отступилъ чрезъ Рудки по той самой дорогѣ, по которой за день передъ тѣмъ наступалъ. Поляки двигались столь поспѣшно, что уже въ 6 ч. утра 11-го числа ихъ арьергардъ миновалъ д. Заводы. Въ Тыкочинѣ былъ оставленъ ими госпиталь со всѣми ранеными, а по дорогѣ брошено не мало слабыхъ и отсталыхъ. Къ вечеру 11-го числа вся польская армія миновала д. Гачъ, а 12-го мая отступила къ Надборамъ; тамъ присоединился къ Скржинецкому и Лубенскій; дивизія

*) См. карту восточной части Царства Польскаго.

Гелгуда была направлена изъ Гача къ Ломжѣ. На слѣдующій день, т. е. 13-го мая, Лубенскій со своею кавалерійскою дивизіею и пѣхотною Каминскаго оставался у Надборъ; пѣхотная дивизія Малаховскаго была у Червина, Гелгуда въ Ломжѣ, а Рыбинскаго по дорогѣ къ Остроленкѣ у Трошина; кавалерія находилась у Клечкова.

Переходъ въ наступленіе гвардіи.

Между тѣмъ 10-го мая вечеромъ, въ то время какъ поляки начали свое отступленіе отъ Тыкочина и Злотаріи, Великій Князь получилъ увѣдомленіе отъ Дибича, что онъ переправился 9-го у Граны и форсированными маршами наступаетъ противъ непріятельскаго праваго фланга. На слѣдующій день, 11-го мая, когда отступленіе поляковъ сдѣлалось очевиднымъ, Великій Князь выслалъ для преслѣдованія два эскадрона гвардейскихъ казаковъ; затѣмъ у Тыкочина переправился гр. Ностицъ (имѣя въ головѣ двѣ роты для исправленія мостовъ) съ бригадою легкой кавалеріи и 8-ю конными орудіями; послѣ того перешолъ рѣку, у Жолтокъ, гвардейскій Конно-егерскій полкъ съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ ген. Слатвинскаго. Соединившись оба отряда преслѣдовали въ этотъ день непріятеля до Рудокъ, захвативъ множество отсталыхъ, которые въ числѣ болѣе 300 чел. были отправлены въ Бѣлостокъ; часть обоза тоже досталась въ руки нашей кавалеріи, но непріятельскихъ колоннъ она настигнуть не успѣла. На слѣдующій день (12-го мая) гр. Ностицъ продолжалъ наступленіе и авангардъ его достигъ Гача; за нимъ слѣдовали прочія войска гвардейскаго корпуса, за исключеніемъ гусаръ, направленныхъ въ Бѣлостокъ, вслѣдствіе волненія, произведеннаго, какъ видно будетъ ниже, Хлаповскимъ въ Бѣлостокской области. Въ то время какъ Бистромъ прибылъ въ Менженинъ къ этому же пункту подошли разъѣзды главной арміи и достигли извѣстіе, что Дибичъ находится въ Клюковѣ, а авангардъ его въ Высоко-Мазовецкѣ. Великій Князь тотчасъ отправилъ своего адъютанта Философова къ фельдмаршалу, чтобы дать ему отчетъ о положеніи дѣлъ со стороны гвардіи, которая въ этотъ день эшелонировалась по ломжинской дорогѣ въ слѣдующемъ порядкѣ; три полка легкой гвардейской кавалерійской дивизіи—въ Гачѣ; три полка 1-й кирасирской дивизіи съ двумя ротами гвардейскихъ саперъ въ Менженинѣ; 2-я гвардейская пѣхотная дивизія въ Циборахъ; 1-я гвардейская пѣхотная дивизія съ л. г. Кирасирскимъ полкомъ у Лопухова. ([315])

Въ то еще время, когда связь между гвардейскимъ корпусомъ и главною арміею была прервана, какъ извѣстно изъ вышеизложеннаго, назначенный въ Литву отрядъ Хлаповскаго, двинувшись 7-го мая чрезъ Снядово и Гачъ къ Тыкочину, направился къ Нуру, а оттуда вверхъ по р. Нурцу къ д. Менѣ; тамъ съ 9-го по 10-е число онъ перешелъ границу, 10-го миновалъ Бѣльскъ, а къ вечеру 11-го числа уже вошелъ въ Бѣловѣжскіе лѣса у д. Гайновщизны ([316]). Великій Князь, узнавъ о движеніи этого отряда къ верховьямъ Нарева, направилъ противъ него къ м. Нареву л. гв. Гусарскій полкъ съ 4-мя конными орудіями и бывшимъ въ Бѣлостокѣ эскадрономъ черноморскихъ казаковъ; для усиленія-же кавалеріею Бѣлостокскаго гарнизона приказалъ перевести туда 4 эскадрона 2-й бригады 3-й уланской дивизіи. Дибичъ съ своей стороны предписалъ гр. Палену 2-му выдѣлить отъ войскъ, оставленныхъ для охраненія Сѣдльце, ген. Кнорринга съ л. гв. Подольскимъ кирасирскимъ и Уланскимъ Его Высочества Цесаревича полками чрезъ Дрогичинъ къ Бѣльску. Кноррингу поручено было очищать все пространство между Бугомъ и Бѣловѣжскою пущею до Нарева и даже до Бѣлостока, вслѣдствіе чего ему разрѣшено было присоединить къ себѣ изъ Бѣлостока и баталіонъ 6-го карабинернаго полка. Какъ ни вредно было это вторженіе Хлановскаго,

но оно не могло оказать вліяніе на ходъ главныхъ операцій, и Дибичъ, хотя и потерялъ много времени, надѣялся еще настигнуть Скржинецкаго у Остроленки.

Движеніе соединенной русской арміи къ Остроленкѣ.

Освободившись отъ опасеній за гвардію, фельдмаршалъ дѣйствуетъ уже смѣло; его энергія и предпріимчивость пробуждаются въ немъ съ нѣкогда свойственной имъ силой. Изъ Высоко-Мазовецка онъ писалъ Великому Князю, что намѣревается на слѣдующій день, 13-го мая, произвести форсированный маршъ въ Пыски, чтобы отрѣзать непріятеля у Остроленки; онъ приглашалъ Великаго Князя сдѣлать такой-же форсированный переходъ всею или хотя-бы частью гвардіи къ Снядову, чтобы войти съ нимъ въ непосредственную связь.

13-го мая, въ 2 ч. пополуночи, главная армія выступила изъ Мазовецка двумя колоннами: *правая* (имѣя впереди авангардъ Берга: Екатеринославскій гренадерскій, Лубенскій гусарскій, Борисова и Секретова казачьи полки), подъ начальствомъ гр. Палена 1-го, состояла изъ 3-й гренадерской, 3-й и 1-й пѣх. и 1-й гусарской дивизій, кирасирскаго принца Альберта полка съ 4 ор. и резервной артиллеріи; *лѣвая*, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, имѣя въ видѣ авангарда л. гв. Гродненскій гусарскій полкъ, состояла изъ 2-й и 1-й гренадерскихъ дивизій, пѣхоты гвардейскаго отряда и 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Первая шла чрезъ Яблонку до Воли Замбровской, а вторая чрезъ Висневекъ и Краіевъ на Рыкаче, откуда, послѣ часоваго привала, обѣ продолжали слѣдовать къ Шумову—одна колонна чрезъ Вондолки и Бузиты, другая чрезъ Длугоборжъ и Загробы; у Шумова войска пробыли четыре часа; авангардъ Берга находился въ это время у с. Глембоцка; Бистромъ, со всею гв. кавалеріею, кромѣ л. г. Кирасирскаго полка, перешелъ въ Снядовъ. Этотъ день былъ жаркій, удушливый; облака пыли покрывали колонны; но войска шли бодро, весело, въ нетерпѣливомъ ожиданіи боя, котораго непріятель такъ избѣгалъ до сихъ поръ. Въ Шумовѣ фельдмаршалъ узналъ о близости непріятеля и питалъ уже надежду настигнуть его. Послѣ варки каши, въ 6 ч. пополудни, армія, кромѣ войскъ бывшихъ подъ начальствомъ гр. Витта и артиллерійскаго резерва, продолжала движеніе далѣе. Гр. Паленъ слѣдовалъ по большой дорогѣ чрезъ Кусково на Надборы и Пыски, а кн. Шаховской чрезъ Ржонсникъ къ Люботину. Гр. Виттъ съ 1-ю гренадерскою и 3-ю кирасирскою дивизіями и артиллерійскимъ резервомъ оставленъ на ночлегѣ у Шумова. Не доходя Надборъ, у с. Гостеръ открытъ былъ непріятельскій арьергардъ и въ тоже время со стороны Стар. Якаца показалась голова колонны Бистрома. Непріятель старался было защищать переправу чрезъ ручей Русцъ у Якаца, но былъ потѣсненъ, какъ съ фронта, такъ и съ фланга. Въ $^3/_4$ часа мостъ былъ устроенъ и войска Бистрома переправились на глазахъ фельдмаршала, прибывшаго къ авангарду Берга. Поляки отступили къ Надборамъ, а затѣмъ лѣсомъ по дорогѣ къ Червину, но оттуда свернули чрезъ Трошинъ на Остроленку. Бистромъ, перейдя Русцъ, присоединился у Надборъ къ колоннѣ гр. Палена 1-го и вмѣстѣ съ бывшей въ головѣ 3-й гренад. дивизіей слѣдовалъ къ д. Пыскамъ. Авангардъ Берга выдвинулся еще нѣсколько далѣе впередъ и расположился между сс. Милево и Филово, а 3-я и 1-я пѣхотныя дивизіи были оставлены у Надборъ и Гостеръ. Войска прибыли на указанныя мѣста передъ полуночью. Великій Князь тоже около полуночи прибылъ въ Снядовъ со 2-ю гв. пѣх. дивизіею, которая составила такимъ образомъ сильный эшелонъ за правымъ флангомъ гр. Палена, подобно тому какъ колонна кн. Шаховскаго образовала въ Люботинѣ такой-же за лѣвымъ его флангомъ. 1-я гв. пѣх. дивизія съ л. гв. Кирасирскимъ полкомъ перешла въ тотъ-же день

изъ Лопухова въ Гачъ. Поздно вечеромъ Дибичъ прибылъ въ совершенно разрушенныя Пыски, гдѣ уцѣлѣла только церковь и два дома, въ которыхъ онъ и остановился. Надежда настигнуть непріятеля въ немъ все болѣе и болѣе возростала; немедленно было приступлено къ отдачѣ приказаній относительно дальнѣйшаго движенія. Войска, бывшія подъ начальствомъ гр. Палена 1-го, въ теченіи 21-го часа уже сдѣлали переходъ почти въ 50 верстъ, 2-я гв. пѣхотная дивизія и колонна кн. Шаховскаго въ тоже время прошли по 40 верстъ каждая, а прочія войска—не менѣе 30 верстъ; тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ рѣшился послѣ короткаго ночнаго правила продолжать на другой день движеніе *). Генералъ *Бистромъ* (начальникъ всего авангарда) съ л. гв. Конноегерскимъ, Уланскимъ и Драгунскимъ полками и съ 12-ю орудіями шелъ въ головѣ; за нимъ въ 3 ч. пополуночи, 14-го мая, выступилъ *Бергъ* съ 3-мъ карабинернымъ, Екатеринославскимъ гренадерскимъ, Лубенскимъ гусарскимъ и кирасирскимъ принца Альберта полками и съ 8-ю орудіями; въ 4 ч. пополудни *за Бергомъ* двинулись: 3-я гренадерская, 3-я и 1-я пѣхотныя и 1-я гусарская дивизіи; 1-я кирасирская дивизія, безъ л. гв. Кирасирскаго полка, замыкала колонну; *кн. Шаховской* съ лѣвою колонною выступилъ изъ Люботина въ 2 ч. пополуночи и слѣдовалъ чрезъ Зохи и Залуски; на походѣ къ нему присоединился отъ гр. Витта Новгородскій кирасирскій полкъ, который и слѣдовалъ за пѣхотою гв. отряда; *гр. Витту* съ 1-ю гренадерскою дивизіею и остальными двумя полками 3-й кирасирской приказано было слѣдовать изъ Шумова только до Люботина, а резервной артиллеріи до Кускова; *2-я гв. пѣх. дивизія* оставалась до полудня въ Снядовѣ, для соединенія *съ 1-ю гв. пѣх.* дивизіею и л. гв. Кирасирскимъ полкомъ; послѣ полудня эти войска были направлены за арміею ([817]).

Сраженіе при Остроленкѣ 14 Мая 1831 г.

Г. Остроленка составляла узелъ главныхъ путей, пролегавшихъ между Бугомъ и Наревомъ. Кромѣ Ковенскаго шоссе тамъ сходились дороги изъ Чижева, Острова и Говорова. При этомъ Ковенское шоссе служило сообщеніемъ между Остроленкою и сѣверною частью Августовскаго воеводства; дорога изъ Чижева, отдѣляя отъ себя другія двѣ вѣтви, служила сообщеніемъ со всѣми главными пунктами Бѣлостокской области; дорога чрезъ Островъ вела изъ Остроленки въ Сѣдлецкое воеводство и, наконецъ, дорога чрезъ Говорово соединяла городъ съ Сѣроцкомъ, Вышковомъ и Брокомъ, т. е. съ главнѣйшими переправами на нижнемъ Бугѣ. Всѣ эти дороги, подходя къ Остроленкѣ, совершенно между собою сближаются, такъ что верстъ на 10 отъ города пролегаютъ почти по одному направленію, не удаляясь одна отъ другой болѣе 2—5 верстъ; въ особенности двѣ первыя (изъ Чижева и изъ Острова) отъ самаго Трошина идутъ почти параллельно. На правомъ берегу Нарева отдѣляется отъ шоссе только одна дорога на Мышинецъ и къ прусской границѣ; самое-же шоссе, служа первоначально продолженіемъ моста, въ 110 саженяхъ отъ берега рѣки круто, почти перпендикулярно поворачиваетъ на лѣво, къ югу, и идетъ вдоль берега, внизъ по Нареву, при чемъ на нѣкоторомъ протяженіи представляетъ насыпь въ грудной ростъ человѣка. Въ 150 саженяхъ отъ поворота оно пересѣчено небольшимъ ручьемъ и въ 2 верстахъ ручьемъ Омулевымъ, который, приближаясь оттуда къ Остроленкѣ, впадаетъ въ Наревъ въ верстѣ отъ города. Выше города Наревъ имѣетъ ширину въ 30 саж., ниже — въ 20 саж., а у самой Остроленки, гдѣ находится много мелкихъ, низменныхъ острововъ, русло его расширяется болѣе нежели на 100 сажень; теченіе рѣки быстрое и глубина

*) См. прилож. XIV.

ея значительная; у самаго города она дѣлаетъ небольшой изгибъ, доставляющій лѣвому берегу нѣкоторое командованіе надъ правымъ. Кромѣ постояннаго моста чрезъ рѣку, на сваяхъ, длиною около 120 саж., въ 50 саженяхъ ниже его находился еще другой пловучій мостъ. Берега рѣки вообще низменны; съ одной ея стороны паходится лишь нѣсколько окружающихъ Остроленку песчанныхъ бугровъ, изъ которыхъ толко одинъ представлетъ значительное возвышеніе, а съ другой стороны, кромѣ небольшихъ песчаныхъ-же возвышенностей по мышинецкой дорогѣ, въ верстѣ отъ мостовъ, никакихъ иныхъ высотъ вблизи не находится. Мѣстность на лѣвомъ берегу Нарева, послужившая главнымъ полемъ сраженія, представляла собою продолговатый четвереугольникъ, образуемый съ одной стороны Наревомъ, съ другой противолежащими вышеупомянутыми холмами, съ 3-й р. Омулевомъ, съ четвертой небольшимъ болотистымъ ручьемъ, впадавшимъ въ Наревъ. Ограниченное такимъ образомъ пространство заключало не болѣе 3 кв. верстъ, т. е. $1^1/_2$ в. ширины и 2 в. длины по серединѣ. Мѣстность слегка возвышается къ западу, при чемъ песчаные холмы, ограничивающіе поле сраженія въ этомъ направленіи, были покрыты мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, за которымъ находился лѣсъ, прорѣзанный мышинецкою дорогою. Пространство между холмами и Наревомъ состояло изъ низменности перерѣзанной болотистыми жилами незначительными ручьями и затопами р. Нарева, трудно доступными для конницы.

Самый городъ Остроленка, расположенный на лѣвомъ берегу Нарева, имѣлъ въ то время 177 преимущественно деревянныхъ домовъ и 1500 жителей; двѣ главныя улицы вели по прямой линіи къ мостамъ; рыночная площать была просторна и окружена частью каменными домами, а на сѣверномъ ея концѣ стоялъ бернардинскій костелъ, окруженный каменною стѣной и представлявшій собой прочный редюитъ. Поляки однако не успѣли, вслѣдствіе быстроты наступленія русскихъ, воспользоваться выгодами этого пункта для тѣхъ наступательно-оборонительныхъ цѣлей, которыя обнаружились въ нихъ дѣйствіяхъ. Улицы города были слабо баррикадированы, а укрѣпленія вокругъ города, воздвигнутыя прежде Сакеномъ, оставлены безъ вниманія.

Скржинецкій, имѣя армію и численно и нравственно уступавшую соединеннымъ войскамъ Дибича и гвардіи, едва-ли могъ помышлять объ активной оборонѣ; но въ его положеніи остроленское поле сраженія представляло много выгодъ для пассивной обороны; сосредоточившись тамъ и разрушивъ мосты, онъ могъ бить по частямъ переправляющіяся русскія войска и такимъ образомъ въ высшей степени затруднить для нихъ или даже сдѣлать совершенно невозможной переправу на этомъ пунктѣ. На самомъ же дѣлѣ произошло нѣчто совершенно иное. Скржинецкій, не ожидая столь быстраго, какъ оказалось, наступленія русской арміи, оставался со своими войсками между Червиномъ, Клечковомъ и Трошиномъ почти до самаго вечера 13-го числа. Когда Бистромъ съ гв. кавалеріею со стороны Снядова и Дибичъ съ колонною гр. Палена со стороны Шумова уже почти подходили въ самому расположенію его арьергарда, стоявшаго впереди Надборъ и Гостеръ, только тогда онъ отдалъ приказаніе своимъ войскамъ отступать къ Остроленкѣ и переходить на правый берегъ Нарева. Дивизія Гелгуда, находившаяся въ Ломжѣ, была имъ въ суетахъ совершенно забыта; Лубенскій съ арьергардомъ оставался на лѣвомъ берегу Нарева, въ 5-ти верстахъ отъ Остроленки, у с. Ржекунь, и былъ усиленъ еще 7-ю баталіонами бригады Богуславскаго.

Скржинецкій не имѣлъ опредѣленнаго плана относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ, впрочемъ, не сомнѣвался, что городъ и мосты можно будетъ удержать, а рѣку считалъ неодолимымъ препятствіемъ, которое исключало всякую возможность переправы открытою силою. Тѣмъ не менѣе вечеромъ 13-го мая онъ обратился къ Прондзинскому съ вопросомъ, что дѣлать съ мостами. Прондзинскій указывалъ на невозможность ихъ разрушить, такъ какъ по ту сторону рѣки находилось еще много польскихъ войскъ; точно также едва-ли можно было расчитывать сдѣлать ихъ негодными для русскихъ, которые вѣроятно будутъ слѣдовать по пятамъ за отступающими и воспрепятствуютъ разрушенію этихъ мостовъ. Однако онъ былъ убѣжденъ въ возможности истребить (если только воспользоваться выгодами позиціи) ту часть русской арміи, которая переправиться. Онъ предполагалъ, укрывъ войска въ кустарникахъ, громить переправившихся выстрѣлами, а затѣмъ совокупнымъ нападеніемъ съ нѣсколькихъ сторонъ отбросить ихъ въ Наревъ, причемъ по тѣснотѣ мѣста русскіе не будутъ имѣть возможности ни развернуться, ни употребить значительныхъ силъ, особенно кавалеріи. Совершенно успокоенный Скржинецкій, не ожидавшій на слѣдующій день боя, расчитывая на медленность движенія русскихъ, уѣхалъ въ м. Круки, предоставивъ Прондзинскому сдѣлать необходимыя распоряженія; самъ-же провелъ ночь на постояломъ дворѣ, услаждаясь шампанскимъ. Прондзинскій расположилъ войска на остроленкскомъ полѣ сраженія въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я и 3-я пѣхотн. дивизіи стали скрытно на песчаныхъ холмахъ, въ кустарникахъ, противъ Нарева, причемъ первая дивизія стала правѣе и нѣсколько уступомъ назадъ относительно третьей дивизіи, занявшей позицію лѣвѣе ея и упираясь лѣвымъ флангомъ въ самый высокій холмъ, поросшій лѣсомъ и кустарникомъ; на этомъ холмѣ заняли позицію 10 орудій батареи Турскаго; Бѣлицкій съ 12 орудіями былъ выдвинутъ къ самому мосту, а батарея Неймановскаго расположена была передъ правымъ флангомъ войскъ для поддержки отступленія арьергарда Лубенскаго, послѣ чего эта батарея равно какъ и батарея Бѣлицкаго должны были отойти назадъ въ общую линію боеваго порядка, причемъ Бѣлицкому приказано примкнуть къ батареѣ Турскаго, гдѣ, какъ на важнѣйшемъ пунктѣ, сосредоточено было-бы такимъ образомъ 22 орудія, отлично прикрытыя кустарникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма удобно расположенныя для обстрѣливанія не только мостовъ, но и города. Кавалерія, по неудобству мѣстности поля сраженія для ея дѣйствій, была первоначально отведена за Омулевъ, какъ для отдыха, такъ и для наблюденія за Наревомъ до Рожанъ, куда были отосланы резервные парки и обозъ ([318]).

Арьергардъ Лубенскаго, состоявшій изъ его кавалерійской и пѣхотной Каминскаго дивизій, съ бригадою Богуславскаго и полкомъ ветерановъ, назначенныхъ для поддержки арьергарда,—остался на лѣвомъ берегу Нарева, въ 5-ти верстахъ отъ Остроленки. Послѣ стычки у Якаца и Гостеръ, Лубенскій ночью отошелъ чрезъ Трошинъ назадъ и занялъ позицію между сс. Ржекунемъ и Лавами *). На лѣвомъ его флангѣ находилось 6 батал. и 10 орудій, расположеніе которыхъ было прикрыто у Лавъ небольшою болотистою рѣчкою; 4 баталіона и 6 орудій стали на правомъ флангѣ, передъ самымъ выходомъ изъ лѣса Замостья; 2 баталіона и 4 орудія составили общій резервъ за центромъ. Кавалерія находилась во 2-й линіи; ближе къ Остроленкѣ поставлена была бригада Богуславскаго, которая, вмѣстѣ съ полкомъ ветерановъ, расположеннымъ между трошинскою дорогою и ломжинскимъ шоссе, имѣла назначеніемъ поддерживать Лубенскаго, причемъ 4-й линейный полкъ выдвинутъ былъ по ломжинской дорогѣ а 8-й—сталъ у Остроленки. Избранная Лубенскимъ позиція, при многихъ ея недостаткахъ, представляла ту выгоду, что польскій арьергардъ владѣлъ обѣими дорогами, по которымъ приближались русскіе, т. е. чрезъ Сускъ и Замостье. Опасность положенія

*) См. планъ сраженія при Остроленкѣ.

Лубенскаго заключалась въ томъ, что онъ съ слабѣйшими силами былъ далеко выдвинутъ впередъ, и, попавъ подъ удары русской арміи, дѣйствовавшей съ необыкновенной стремительностью и энергіей, имѣлъ въ тылу у себя дефиле и не могъ быть поддержанъ изъ своихъ главныхъ силъ, хотя въ 7 час. утра 14-го мая и получилъ приказаніе Скржинецкаго непремѣнно защищаться, въ своей позиціи, такъ какъ, въ случаѣ сильнаго натиска непріятеля, будетъ поддержанъ остальною арміею. Едва Лубенскій окончилъ всѣ приготовленія для встрѣчи противника, какъ около 9 ч. утра приблизился чрезъ Замостье и Сускъ русскій авангардъ, вблизи за которымъ слѣдовала вся армія, а именно: Набоковъ съ 3-ею гренад. дивизіею, 20-ю орудіями и кирасирскимъ принца Альберта полкомъ; затѣмъ Лопухинъ съ тремя полками 1-й гусарской дивизіи и 12 орудіями; далѣе Мандерштернъ съ 1-ю пѣхотною дивизіею и 8-ю орудіями; за нимъ 3-я пѣхотн. дивизія Шкурина съ 10 орудіями; наконецъ: резервъ артиллеріи, гродненскіе гусары, остальныя части 2-й грен. дивизіи, л.-гв. Литовскій и Волынскій пѣх. полки и новгородскіе кирасиры съ соотвѣтствующею артиллеріею; въ хвостѣ шли: 1-я грен. дивизія и 1-я бригада кирасирской дивизіи. Фельдмаршалъ слѣдовалъ при авангардѣ.

Въ 6 ч. утра 14 мая Бистромъ съ легкою гв. кавалеріею (конно-егеря, уланы, драгуны) уже миновалъ Трошинъ и былъ на высотѣ сс. Замостья и Янова, въ 13 верстахъ отъ Пысковъ и въ 9 отъ Остроленки. Передовые казаки донесли, что впереди лежащій лѣсъ занятъ поляками и что за лѣсомъ видны значительныя непріятельскія силы въ боевомъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого Бистромъ приказалъ гр. Ностицу съ легкими гв. кавалерійскими полками и съ двумя конными батареями обходить лѣсъ съ правой стороны, по дорогѣ на Янохи и Сускъ, а шедшему за нимъ Бергу съ карабинернымъ и Екатеринославскимъ гренадерскимъ полками—наступать лѣсомъ по средней дорогѣ изъ Замостья. Непосредственно за авангардомъ подходила 3-я грен. дивизія, составлявшая голову колонны гр. Палена 1-го. Дибичъ, имѣя въ виду направить главный ударъ на непріятельскій правый флангъ, чтобы опрокинуть поляковъ на ломжинское шоссе и притиснуть къ Нареву выше Остроленки, приказалъ 1-ю бригаду 3-й грен. дивизіи (полки: Сибирскій и Румянцовскій) выдвинуть на лѣвую дорогу, ведущую на Говорово, остальныя же войска стягивались по средней дорогѣ передъ лѣсомъ. Ширина послѣдняго по дорогѣ не болѣе версты; вдоль его опушки, къ сторонѣ Остроленки, протекаетъ болотистый ручей, который пересѣкаетъ дорогу и изливается въ обширное болото между средней и правой дорогами. Какъ выше указано было, правый непріятельскій флангъ, примыкая къ с. Ржекуню, находился приблизительно въ верстѣ отъ лѣса, но занималъ опушку послѣдняго, вдоль ручья, густою цѣпью стрѣлковъ; батарея же была расположена у дороги такъ, что она могла обстрѣливать ближайшую часть лѣса картечью. Когда ген. Бергъ приблизился къ ручью, то былъ встрѣченъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Войска Берга были построены въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ баталіонъ 3-го карабинернаго полка двигался въ ротныхъ колоннахъ, причемъ одна рота съ 2 батарейными орудіями шла по главной дорогѣ, другія двѣ правѣе и лѣвѣе, а 4-я, разсыпанная въ застрѣльщики, шла въ головѣ; за этимъ баталіономъ двигался другой баталіонъ того-же полка, а далѣе Екатеринославскій гренадерскій полкъ. Завязавъ бой головнымъ карабинернымъ баталіономъ и 2-мя орудіями, Бергъ выдвинулъ Екатеринославскій полкъ вправо, приказавъ командиру полка, Рейценштейну, съ однимъ баталіономъ перейти ручей ниже, чтобы обойти находившагося тамъ непріятеля слѣва; но Рейценштейнъ принялъ слишкомъ вправо и, попавъ въ сильныя болота, не могъ перебраться черезъ ручей. Огонь съ обѣихъ сторонъ усиливался

и хотя гренадеры подавались впередъ, но поляки держались стойко. Тогда Бергъ, выбравъ мѣсто для перехода чрезъ ручей, лично повелъ туда другой баталіонъ Екатеринославскаго полка; въ то-же время гр. Паленъ приказалъ Набокову съ 3-мя баталіонами карабинерной бригады 3-й гренад. дивизіи поддержать наступленіе Берга. Натискъ 7 баталіоновъ заставилъ передовую часть праваго фланга поляковъ отойти на главную позицію у с. Ржекунь.

Гр. Ностицъ, наступая по правой дорогѣ, встрѣтилъ непріятельскія передовыя кавалерійскія части у Суска, атаковалъ ихъ гв. уланами, отбросилъ и двинулся затѣмъ къ Лавамъ, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ 10 орудій, противъ которыхъ выдвинулъ немедленно своихъ 10-ть-же, вскорѣ взявшихъ перевѣсъ надъ польскими. Такъ какъ къ непріятелю можно было подойти только по длинному деревянному мосту чресъ болотистый ручей, то гр. Ностицъ отдѣлилъ л.-гв. Конно-егерскій полкъ по дорогѣ на Яворки, въ обходъ лѣваго фланга поляковъ, самъ-же намѣревался съ уланами броситься по мосту, но непріятель сталъ отступать къ Остроленкѣ. Между тѣмъ 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, направленная по лѣвой дорогѣ, тоже миновала лѣсъ и быстро подавалась къ с. Таболицѣ, огибая правый флангъ общаго расположенія польскаго арьергарда. За нею Дибичъ направилъ всю пѣхоту 1-го корпуса. Видя опасность своего положенія, Лубенскій безъ всякаго почти сопротивленія сталъ отступать къ Остроленкѣ. Русскіе двинулись за нимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ по средней дорогѣ шелъ Набоковъ съ карабинерною (5-й и 6-й полки; послѣдній въ однобаталіонномъ составѣ) и 2-ю (Суворовскій и Астраханскій полки) бригадами 3-й гренадерской дивизіи; на правомъ флангѣ гр. Ностицъ, по возстановленіи моста у Лавъ, направилъ л.-гв. Уланскій полкъ по правой дорогѣ, а съ л.-гв. Драгунскимъ полкомъ и 4-мя орудіями вышелъ на лѣвый флангъ Набокова и связалъ его колонну съ наступавшею по лѣвой дорогѣ на Таболицу. Бергъ, собравъ пѣхоту своего отряда и притянувъ къ себѣ изъ за лѣса Лубенскій гусарскій и кирасирскій принца Альберта прусскаго полки, слѣдовалъ за общимъ движеніемъ къ с. Выпихамъ; за нимъ двинулась потомъ кавалерія колонны гр. Палена 1-го, т. е. по три полка 1-й кирасирской и 1-й гусарской дивизій ([319]).

Въ такомъ порядкѣ въ 11 часу утра 14-го мая русскія войска приближались къ Остроленкѣ, послѣ почти безостановочнаго 32-хъ часоваго марша, пройдя 70 верстъ въ сутки съ небольшимъ, сохранивъ отличный порядокъ, бодрость духа и пылкое стремленіе схватиться съ неуловимымъ врагомъ.

Русскіе предполагали, что Лубенскій, имѣя въ тылу дефиле, не станетъ упорно защищать г. Остроленку, а перейдетъ на правый берегъ Нарева, разрушитъ за собою мосты и затѣмъ общими силами поляки воспрепятствуютъ переправѣ нашей арміи; но на самомъ дѣлѣ Лубенскій пожелалъ воспользоваться песчаными холмами, окаймляющими городъ въ видѣ полукруга и расположилъ на нихъ свою пѣхоту и нѣсколько батарей артиллеріи; кавалерію-же свою и часть орудій онъ успѣлъ переправить за Наревъ. Скржинецкій, по опыту предъидущихъ операцій, не ожидалъ отъ русскаго главнокомандующаго проявленія такой энергіи и стремительности въ дѣйствіяхъ, какъ это обнаружено имъ въ описываемыхъ обстоятельствахъ и потому въ польскомъ главномъ лагерѣ господствовала полная безпечность: кавалерія имѣла лошади разсѣдланными, пѣхотинцы большею частью разсѣялись за добычей дровъ, воды или для купанья. Скржинецкій предложилъ Прондзинскому заняться разборомъ накопившихся въ огромномъ количествѣ неисполненныхъ бумагъ, такъ какъ съ этимъ дѣломъ не способенъ былъ справиться помощникъ начальника главнаго штаба; при этомъ Скржинецкій за-

мѣтилъ, что армія его прикрыта рѣкой и можетъ разсчитывать на покой въ теченіи нѣкотораго времени; что-же касается необходимыхъ распоряженій по оборонѣ Остроленки, отступленію Лубенскаго, а также поддержкѣ его при натискѣ русскихъ—то все это онъ бралъ на себя. Когда въ 9 час. утра услышана была канонада на лѣвомъ берегу Нарева, Скржинецкій не обратилъ на нее вниманія и не вѣрилъ присутствію вблизи самаго Дибича. Слабость русскаго авангарда у Нура и въ послѣдующіе дни убѣждала его въ томъ, что русскія силы еще не соединились. Наконецъ показаніе одного дворянина, за день передъ тѣмъ прибывшаго изъ окрестностей Чижева, утверждавшаго что тамъ показались только слабые русскіе отряды и что о фельдмаршалѣ нѣтъ никакихъ слуховъ, окончательно утверждали его въ предположеніи объ удаленіи отъ Остроленки русскихъ главныхъ силъ ([320]).

Между тѣмъ наши войска приближались около 10 ч. утра къ позиціи Лубенскаго. Фельдмаршалъ приказалъ начальнику артиллеріи въ арміи кн. Горчакову сбить непріятельскія батареи; самый городъ должна была атаковать средняя колонна, а бывшая на лѣвомъ флангѣ 1-я бригада 3-й гр. дивизіи была направлена изъ д. Помянъ къ лѣсу, находившемуся на берегу Нарева въ верстѣ ниже Остроленки, причемъ ей приказано было занять этотъ лѣсъ и наблюдать противоположный берегъ Нарева, обезпечивая такимъ образомъ наступленіе арміи. Кн. Горчаковъ выдвинулъ 16 орудій и, примкнувъ съ ними направо къ 6-ти орудіямъ, выставленнымъ гр. Ностицемъ и на лѣво къ 4-мъ орудіямъ, дѣйствовавшимъ по приказанію гр. Палена 1-го, сталъ громить поляковъ этими 26 орудіями. Непріятельская артиллерія скоро приведена была въ разстройство и стала сниматься съ позиціи вмѣстѣ съ пѣхотою дивизіи Каминскаго; Богуславскій прикрывалъ это отступленіе своею бригадою и ветеранами. Прибытіе въ это время семи баталіоновъ гренадеръ Набокова, дало возможность Горчакову перейти въ наступленіе. Онъ приказалъ тремъ баталіонамъ карабинеровъ ворваться въ городъ на плечахъ поляковъ, что и было исполнено столь-же быстро, какъ и блистательно; поляки, стремительно тѣснимые, не успѣли занять города надлежащимъ способомъ и воспользоваться тѣми баррикадами, которыя сооружены были ген. Пацомъ. Одинъ польскій баталіонъ былъ отрѣзанъ и частью истребленъ, частью разсѣянъ или взятъ въ плѣнъ (280 чел. при 3-хъ офицерахъ). Между тѣмъ 2-я бригада 3-й грен. дивизіи (Суворовскій и Астраханскій полки), слѣдуя, подъ начальствомъ неустрашимаго Мартынова, за карабинерами, двинулась тоже, по глубокимъ пескамъ, на штурмъ города въ линіи баталіонныхъ къ атакѣ колоннъ съ густою цѣпью застрѣльщиковъ, и въ то время какъ карабинеры очищали отъ непріятеля южную его часть, суворовцы и астраханцы, безъ выстрѣла, съ ружьями на перевѣсъ, устремились въ городъ прямо по дорогѣ, астраханцы правѣе, суворовцы лѣвѣе. 1-й баталіонъ Астраханскаго полка ворвался туда раньше другихъ, одновременно съ карабинерами. Ни усилія поляковъ удержаться у входа въ улицы, ни ружейный огонь изъ занятыхъ непріятелемъ домовъ, ничто не могло удержать передовыхъ гренадеръ. Въ то время какъ 1-й баталіонъ астраханцевъ прошелъ городъ до моста и занялъ ближайшіе къ нему дома, другой ихъ баталіонъ и два баталіона суворовцевъ очистили позади лежащія строенія, площадь (откуда встрѣчены были сильнымъ ружейнымъ огнемъ), монастырское кладбище и захватили плѣнныхъ, причемъ кладбище удалось взять только при помощи двухъ орудій. Во время штурма поляки навѣсными выстрѣлами зажгли зданія, составлявшія правый фасъ площади; но огонь былъ потушенъ дружными усиліями суворовцевъ. Богуславскій отступилъ, пробираясь къ мосту; тамъ путь отступленія былъ ему уже частью отрѣзанъ и онъ только съ потерею около половины своихъ людей, послѣ ожесточеннаго и кровопролитнаго рукопашнаго боя, пробился на противоположный берегъ, гдѣ, при содѣйствіи батареи Бѣлицкаго, старался воспрепятствовать переправѣ русскихъ. Знаменитый 4-й полкъ, входившій въ составъ его бригады, нигдѣ не могъ устоять противъ русскихъ и былъ сильно разстроенъ. Полкъ этотъ вмѣстѣ съ баталіономъ ветерановъ наблюдалъ Ломжинскую дорогу и защищалъ выходъ изъ города въ этомъ направленіи; часть его была разбита, разсѣяна и взята въ плѣнъ въ городѣ, часть спаслась за Наревъ, но одинъ баталіонъ, находившійся внѣ города, тѣснимый, по приказанію гр. Ностица, л.-гв. Уланскимъ и Конно-егерскимъ полками, былъ припертъ къ Нареву такъ, что атаки одного (6-го) эскадрона гвардейскихъ уланъ оказалось достаточно, чтобы почти никто не спасся: одна половина положила оружіе, другіе погибли подъ ударами уланъ или въ волнахъ Нарева.

Всего взято русскими въ плѣнъ въ разныхъ частяхъ города до 1200 чел. Такимъ образомъ въ $11^1/_2$ ч. дня Остроленка была въ рукахъ Дибича и ни одного польскаго баталіона не оставалось на лѣвомъ берегу Нарева. Поспѣшность отступленія польскаго арьергарда и достигнутый русскими успѣхъ давали, повидимому, возможность Дибичу немедленно перевести свои войска на правый берегъ Нарева, чтобы принудить Скржинецкаго къ отступленію или къ бою. Между тѣмъ у Остроленки находилась лишь часть нашей арміи, составлявшая колонну гр. Палена 1-го. Князь Шаховской былъ еще на походѣ и около полудня находился на высотѣ с. Замостья, въ 9 верстахъ отъ Остроленки; гр. Виттъ съ 1-ю гренадерскою дивизіею, двумя кирасирскими полками и съ боевымъ артиллерійскимъ резервомъ оставался въ Люботинѣ, а пѣхота гвардейскаго корпуса съ л. гв. Кирасирскимъ полкомъ — въ Снядовѣ, т. е. почти въ 30 верстахъ отъ мѣста сраженія, и только послѣ полудня должны были выступить оттуда; напротивъ у поляковъ большая часть арміи была сосредоточена на правомъ берегу Нарева. Въ такихъ условіяхъ русскимъ войскамъ предстояло форсировать переправу. Фельдмаршалъ, не смотря на это, не могъ отказаться отъ результатовъ достигнутыхъ успѣховъ и потому приказалъ продолжать бой, овладѣть мостами и опрокинуть непріятеля, стремившагося устроиться за Наревомъ. Вслѣдствіе этого кн. Горчаковъ поставилъ въ городѣ 3 орудія у выхода улицъ ведущихъ къ Нареву; ген. Гербель расположилъ 4 орудія на возвышенности правѣе города, а гр. Толь съ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ и 2 конными орудіями направился влѣво, на одну высоту съ прочими войсками, имѣя приказаніе Дибича возможно поспѣшнѣе занять берегъ Нарева и послать разъѣзды къ сторонѣ Сѣроцка, въ предположеніи, что польская армія отойдетъ въ томъ направленіи. Толь поставилъ на берегу свои два орудія, а гусаръ укрылъ за ближайшими песчаными холмами. Батареи Гербеля и Толя были постепенно усилены артиллеріей 3-й гренадерской и 3-й пѣхотной дивизій и возросли; первая до 28, а вторая до 34 орудій, причемъ особенный вредъ наносила непріятелю батарея выставленная Толемъ ([321]).

Съ польской стороны батарея Бѣлицкаго стрѣляла по улицамъ города; два-же орудія этой батареи, утвердившись на шоссе въ концѣ моста, обстрѣливали продольнымъ огнемъ, какъ самый мостъ, такъ и главныя улицы; съ ними вступили въ борьбу вышеупомянутыя три орудія, поставленныя въ городѣ Горчаковымъ. Въ теченіи вышеописанныхъ событій дивизіи Лубенскаго и Каминскаго благополучно переправились за Наревъ подъ прикрытіемъ арьергарда Богуславскаго; кавалерійская дивизія Лубенскаго была направлена Пронзинскимъ влѣво, чтобы наблюдать теченіе Нарева вверхъ до Новогрода, въ то время какъ кавалерія Скаржинскаго наблюдала отъ праваго фланга расположенія польской арміи нижнее теченіе рѣки; 5-я пѣхотная дивизія Каминскаго,

изнуренная сильно маршами, отправлена во 2-ю линію. Бригада Богуславскаго, какъ изложено выше, была отброшена за мосты, при этомъ небольшая часть нашихъ войскъ перешла вслѣдъ за непріятелемъ, но, встрѣченные картечью, гренадеры отошли назадъ, такъ что мостъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ оставался свободнымъ. Пользуясь этимъ, поляки старались его зажечь; выставленныя Горчаковымъ и Толемъ орудія воспрепятствовали имъ въ этомъ; тогда они стали снимать съ постояннаго моста настилку и уже было успѣли разобрать нѣсколько ея сажень, но картечный огонь нашихъ батарей разогналъ рабочихъ и принудилъ бывшій у мостовъ отрядъ отойти назадъ.

Пользуясь этимъ ген. Граббе приказалъ Астраханскому гренадерскому полку овладѣть мостомъ и находившимися за нимъ двумя польскими орудіями. По собственному желанію георгіевскіе кавалеры стали въ головѣ колонны и полкъ, имѣя впереди 2-й баталіонъ, устремился къ мосту. Не смотря на огонь всѣхъ польскихъ батарей, не смотря на картечь въ упоръ двухъ польскихъ орудій, астраханцы, увлекаемые примѣромъ капитана Яковлева, съ неудержимымъ мужествомъ бросились на мостъ, перебрались по переводинамъ, мгновенно захватили оба непріятельскія орудія, которыя не могли сняться съ позиціи (такъ какъ почти вся ихъ прислуга и лошади были перебиты) затѣмъ устремились противъ артиллерійскаго прикрытія, пытавшагося оспаривать орудія и переправу, и штыками отбросили его назадъ. Пацъ, съ остатками арьергарда, пылко бросился на храбрыхъ гренадеръ, но къ нимъ уже спѣшила помощь: генералъ Мартыновъ, видя за рѣкою ожесточенное побоище, воодушевилъ суворовцевъ и повелъ одинъ баталіонъ этого полка черезъ рѣку по пловучему мосту (въ 50 с. ниже постояннаго), сначала незамѣченному, а другой направилъ по постоянному мосту; за Мартыновымъ послѣдовалъ сперва полуэскадронъ, а затѣмъ еще $1^1/_2$ (друг. показываютъ $2^1/_2$) эскадрона л. гв. Уланскаго полка съ однимъ коннымъ орудіемъ, а 6-й саперный баталіонъ приступилъ къ исправленію настилки постояннаго моста. Баталіонъ Суворовскаго полка прогналъ у пловучаго моста непріятельскія команды, стремившіяся обрубить канаты *). Между тѣмъ астраханцы дрались до изнеможенія и даже должны были уступить непріятелю одно изъ захваченныхъ орудій. Тѣмъ не менѣе, хотя припертые къ рѣкѣ, они не теряли мужества. Въ свою очередь поляки сражались съ такимъ увлеченіемъ, что замѣтили суворовцевъ лишь тогда, когда Мартыновъ крикнулъ: „коли ихъ ребята!“ Тогда оба наши полка перешли въ наступленіе и опрокинули непріятеля прямо на его батарею (323). Одно орудіе, изъ числа захваченныхъ первоначально двухъ, осталось въ рукахъ астраханцевъ. Произведенныя полуэскадрономъ, а впослѣдствіи нѣсколькими эскадронами уланъ атаки, по неудобству мѣстности, не могли дать ощутительныхъ результатовъ.

Переходъ русскихъ черезъ Наревъ вывелъ Скржинецкаго изъ бездѣйствія. Находясь въ с. Крукахъ онъ, по полученіи первыхъ извѣстій отъ Паца, выслалъ своего адъютанта разузнать о положеніи дѣлъ, а затѣмъ самъ, полный безпокойства, появился на полѣ сраженія. Онъ былъ свидѣтелемъ какъ русскіе утвердились на правомъ берегу рѣки и почти на его глазахъ овладѣли двумя орудіями Бѣлицкаго. Подъ вліяніемъ одной мысли — отбросить назадъ поскорѣе русскихъ — Скржинецкій поскакалъ къ своему лѣвому флангу, гдѣ, наткнувшись на батарею Турскаго, приказалъ ему выдвинуться впередъ противъ русскихъ и обстрѣлять ихъ картечью. Докладъ Турскаго, что съ занятой имъ позиціи онъ хорошо обстрѣливаетъ, какъ городъ, такъ и мосты,

*) Уланы произвели нѣсколько атакъ, но, вслѣдствіе пересѣченности мѣстности, не могли ворваться въ непріятельскія каре и нанести противнику существенный вредъ; какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе понесенныхъ ими потерь, они были вскорѣ отозваны Бистромомъ (322).

вызвалъ гнѣвъ главнокомандующаго и повтореніе даннаго приказанія, которое затѣмъ немедленно было исполнено. Огонь батареи прекратился. Выѣхавъ впередъ, она была осыпана градомъ пуль и понесла быстро значительныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, и едва успѣла убраться назадъ въ кустарникъ къ батареѣ Бѣлицкаго, которая тоже приводилась въ порядокъ. Подъѣхавъ къ оставшейся бригадѣ Венгерскаго изъ дивизіи Малаховскаго, Скржинецкій приказалъ ей также двинуться впередъ и атаковать русскихъ въ штыки, чтобы отбросить за Наревъ. Едва началъ движеніе Венгерскій и вышелъ изъ кустовъ, какъ прибылъ Прондзинскій, устроивавшій войска на правомъ флангѣ и выдвинувшій для обстрѣливанія города и мостовъ батарею Неймановскаго къ находившимся въ верстѣ отъ переправы фабричнымъ зданіямъ. Онъ замѣтилъ главнокомандующему, что предпринятая атака слишкомъ слаба и преждевременна; что, согласно условленному между ними плану, слѣдуетъ предварительно разстроить русскихъ артиллерійскимъ огнемъ и затѣмъ уже атаковать ихъ значительными силами; если они успѣютъ переправить еще болѣе войскъ, то это ничего не значитъ, такъ какъ, ограниченные тѣснымъ пространствомъ, они будутъ мѣшать сами себѣ или-же маскировать огонь батарей, расположенныхъ на противоположномъ берегу, если вздумаютъ развертываться и продвигаться впередъ. Скржинецкій сперва приказалъ вернуть назадъ Венгерскаго, но затѣмъ отмѣнилъ отданное приказаніе, замѣтивъ, что можетъ быть „съ Божьею помощью атака удастся“. Такимъ образомъ Венгерскій съ 5-ю баталіонами продолжалъ движеніе. Скржинецкій, въ неописанномъ волненіи, разослалъ адъютантовъ съ приказаніями: паркамъ, отправленнымъ къ Рожанамъ, вернуться назадъ, пѣхотѣ выстроиться къ бою, а кавалеріи приблизиться къ боевому порядку (324).

Между тѣмъ баталіонъ суворовцевъ и астраханцы, опрокинувъ непріятеля, преслѣдовали его по пятамъ и вмѣстѣ съ нестройной толпой бѣгущихъ ворвались на батарею, причемъ овладѣли нѣсколькими орудіями, оставшимися безъ прикрытія, лошадей и прислуги, побѣжавшей тоже въ направленіи къ кустамъ. Впрочемъ гренадерамъ не удалось воспользоваться своими трофеями: слѣва показались, изъ-за лѣса, польскіе конные егеря. Суворовцы быстро, безъ ранжира, построились въ каре, или, вѣрнѣе, въ общую кучу, и встрѣтили непріятельскую конницу, которая въ карьеръ понеслась на ближайшій баталіонъ; огонь не смутилъ польскихъ конныхъ егерей, которые, окруживъ баталіонъ и силясь ворваться въ каре, бросились на штыки и рубили саблями ружья. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, баталіонный командиръ приказалъ бить тревогу и кричать ура; тогда испуганныя лошади повернулись сами и понеслись назадъ, провожаемыя выстрѣлами баталіона. Едва была отбита эта атака, какъ показалась справа непріятельская пѣхота: это была бригада Венгерскаго. Мартыновъ приказалъ своимъ войскамъ отходить назадъ, чтобы занять выгодное положеніе за шоссейной насыпью. Лишь только наши три баталіона отошли шаговъ 200 назадъ, какъ слѣва показалась часть 2-го польскаго уланскаго полка, двинутаго Скржинецкимъ въ атаку. Баталіонъ суворовцевъ пріостановился и приготовился къ встрѣчѣ; уланы, задержанные рядомъ мѣстныхъ препятствій (особенно болотъ) при своемъ движеніи, выстроились, наконецъ, открыли одно орудіе, которое дало выстрѣлъ по нашему баталіону, а затѣмъ бросились на суворовцевъ; встрѣченные шаговъ со 100 мѣткимъ огнемъ, поляки смѣшались, повернули въ противоположную сторону, попали вправо въ болото и понесли огромныя потери отъ огня орудій, выставленныхъ Толемъ на лѣвомъ берегу Нарева. Послѣ того три баталіона гренадеръ (одинъ суворовцевъ еще не подошелъ) спокойно отошли за шоссе, гдѣ были устроены Мартыновымъ: астраханцы правѣе, суворовцы (325) лѣвѣе. Это расположеніе было весьма выгодно, такъ какъ съ фронта

прикрыто было высокой шоссейной насыпью, справа недоступной мѣстностью и слѣва болотистымъ ручьемъ. Кромѣ того фланги расположенія обезпечивались артиллеріей, поставленной на противоположномъ берегу, особенно батареей Толя, не смотря на то, что Неймановскій, стоявшій у фабричныхъ зданій и обстрѣливавшій до тѣхъ поръ мосты, направилъ теперь свой огонь на нее.

При всемъ томъ Мартыновъ чувствовалъ всю трудность положенія своего малочисленнаго отряда, противъ котораго бодро, съ пѣснями, наступала превосходная числомъ бригада Венгерскаго, поддерживаемая батареей Турскаго. Мартыновъ, обходя ряды, воодушевлялъ людей: „смотри ребята — говорилъ онъ — крѣпче держитесь, не отступай къ рѣкѣ, человѣкъ по пяти на штыкъ сади“. Польскіе баталіоны подошли къ самому шоссе и остановились въ нерѣшительности, положивъ ружья на насыпь. Мартыновъ отвелъ людей шаговъ на 50 назадъ, чтобы лучше встрѣтить нападающаго. Близость обѣихъ сторонъ вызвала взаимныя перебранки и задирательства: „прочь вы москали“ кричали поляки, а наши бросали въ отвѣтъ камнями, пескомъ и т. п. Наконецъ польскіе баталіоны взобрались на шоссе и съ крикомъ бросились на гренадеръ; встрѣченные дружнымъ огнемъ, они смѣшались, но не отступили, ворвались въ наши ряды и завязали жестокій рукопашный бой. Подошелъ 1-й баталіонъ Суворовскаго полка (переходившій рѣку по постоянному мосту) и, бросившись во флангъ полякамъ, ввязался въ рукопашный бой, который продолжался съ ожесточеніемъ, причемъ поляки потѣснили нашъ лѣвый флангъ. Тогда Мартыновъ приказалъ бить тревогу; бой былъ принятъ по всей линіи и гренадеры съ крикомъ ура и съ новыми усиліями ударили на непріятеля; энергія послѣдняго, наконецъ, была сломлена. Ошеломленные поляки въ паническомъ страхѣ бросились назадъ, провожаемые ружейнымъ огнемъ гренадеръ, занявшихъ снова шоссе. Успѣшному отбитію атаки содѣйствовала также наша артиллерія, поражавшая съ праваго берега Нарева наступавшія непріятельскія колонны и приведшая въ сильное разстройство батарею Неймановскаго ([326]). Что-же касается гвардейскихъ уланъ, то, по тѣснотѣ пространства и неудобству мѣстности, ихъ атаки, произведенныя еще передъ наступленіемъ Венгерскаго, не принесли пользы, а потому, какъ упомянуто выше, по приказанію Бистрома (которому Дибичъ поручилъ главное начальство надъ войсками въ Остроленкѣ и на правомъ берегу Нарева), эта малочисленная кавалерія была отозвана назадъ. При этомъ порвался пловучій мостъ, служившій главнымъ средствомъ сообщенія, такъ какъ постоянный не былъ къ тому времени возстановленъ.

Между тѣмъ непріятель не отказался отъ намѣренія еще попытаться отбросить къ Нареву гренадеръ Мартынова. Бригада Венгерскаго, кое-какъ устроенная и приведенная въ порядокъ, снова была поведена въ атаку. Но къ этому времени къ гренадерамъ Мартынова успѣла подойти уже помощь. Генералъ Бергъ, прибывъ съ 3-мъ карабинернымъ и Екатеринославскимъ полками въ Остроленку скоро по переправѣ Мартынова, приказалъ людямъ сложить ранцы и шинели, повелъ ихъ къ пловучему мосту, который на скоро связалъ канатами, а затѣмъ двинулся съ карабинерами и екатеринославцами. 3-й карабинерный полкъ двинулся вправо и, поддерживаемый справа екатеринославскими гренадерами, атаковалъ наступавшихъ поляковъ съ лѣваго ихъ фланга въ то время, какъ Мартыновъ дѣйствовалъ съ фронта. Непріятель былъ отброшенъ, причемъ карабинеры захватили одно орудіе. Послѣ того наши войска были отведены за шоссе: гренадеры Мартынова на прежнее мѣсто, а полки Берга правѣе. Когда бригада Венгерскаго, потерявъ около половины людей, разбитая и совершенно разстроенная скрылась въ кустахъ, тогда наступила очередь вести атаку бригадѣ Лангермана, состоявшей изъ 1-го егерскаго и 16-го линейнаго полковъ, въ числѣ около 4000 чел. Скржинецкій лично отдалъ нелѣпое приказаніе Лангерману не только отбросить русскихъ за рѣку, но и „овладѣть городомъ“ ([327]). Лангерманъ смѣло подвинулся впередъ до песчаныхъ холмовъ у изгиба шоссе; тамъ онъ разсыпалъ егерей въ цѣпь, а 16-й полкъ оставилъ въ резервѣ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, Лангерманъ сталъ во главѣ 16-го полка и повелъ его въ атаку; воодушевляемые примѣромъ начальника, баталіоны устремляются на непріятеля, но гренадеры Берга и Мартынова спѣшатъ имъ на встрѣчу и штыками опрокидываютъ назадъ наступавшихъ поляковъ—Лангермана постигаетъ участь Венгерскаго. Послѣ этого Бергъ и Мартыновъ возвращаются снова за шоссе, оставивъ впереди только часть застрѣльщиковъ, которые поддерживаютъ огонь со стрѣлками 1-го егерскаго польскаго полка. Скржинецкій, видя неудачу Лангермана, высказалъ ему незаслуженные упреки, а затѣмъ, передавъ Прондзинскому совершенно разстроенное лѣвое крыло, въ изступленіи поскакалъ вдоль фронта, крича изо всѣхъ силъ: „Малаховскій впередъ! Рыбинскій впередъ! всѣ впередъ!“. Войска оставили свои позиціи въ кустарникахъ и выдвинулись безпорядочно впередъ на поляну. Стало уже обнаруживаться разстройство въ польской арміи, проявившееся между прочимъ въ томъ, что дѣйствовавшая на правомъ флангѣ у фабричныхъ зданій (150 саж. отъ Нарева и около версты отъ мостовъ) батарея Неймановскаго, сильно терпѣвшая отъ батареи Толя, снялась, подъ предлогомъ разстрѣла всѣхъ зарядовъ, съ позиціи и удалилась съ поля сраженія. Такимъ образомъ правый флангъ наступавшихъ войскъ могъ быть поддержанъ только двумя батареями Рыбинскаго. На лѣвомъ флангѣ поляковъ сильно пострадавшая батарея Турскаго укрылась въ кустахъ и старалась тамъ оправиться и только батарея Бѣлицкаго, выдвинутая на выше названный самый высокій холмъ, вновь открыла огонь. Такимъ образомъ русская артиллерія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ польской. Общая атака со стороны непріятеля не состоялась; по прежнему Скржинецкій направлялъ одну бригаду за другой и по очереди разбивалъ ихъ о русскихъ непобѣдимыхъ гренадеръ. Одной изъ стремительнѣйшихъ атакъ была произведенная полк. Красицкимъ. Когда, входившая въ составъ арьергарда Лубенскаго, 5-я пѣхотная дивизія Каминскаго оправилась и пришла въ порядокъ, Скржинецкій подъѣхалъ къ ней, усилилъ бригаду Красицкаго, состоявшую изъ 3-го и 14-го полковъ, нѣсколькими эскадронами Лубенскаго и 20-мъ пѣх. полкомъ, а затѣмъ самъ сталъ во главѣ этихъ войскъ и повелъ ихъ въ атаку, при звукахъ національной пѣсни „еще Польска не сгинела“; остатки дивизіи Малаховскаго получили приказаніе поддерживать эту атаку ([328]). Не смотря на воодушевленіе, поляки встрѣтили достойныхъ соперниковъ въ противостоявшихъ имъ гренадерахъ, гордыхъ совершенными уже ими геройскими подвигами. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступающіе баталіоны несли сильный уронъ отъ русскихъ батарей на лѣвомъ берегу Нарева. Принятые въ штыки полками Берга и Мартынова, войска Каминскаго дрогнули и бросились въ смятеніи назадъ; первымъ отступилъ 20-й полкъ; долѣе держались 3-й и 14-й полки (участвовавшіе нѣсколько дней назадъ въ сраженіи при Нурѣ), но, взятые во флангъ карабинерами, и они пришли въ полное разстройство; самъ Красицкій, опрокинутый на землю ударомъ ружейнаго приклада, взятъ въ плѣнъ со многими другими офицерами. Отпоръ, данный на этотъ разъ полякамъ, былъ тѣмъ губительнѣе, что кромѣ огня батарей съ лѣваго берега Нарева они были встрѣчены картечью 4-хъ орудій, находившихся при гренадерахъ на правомъ берегу рѣки; а именно: кн. Горчаковъ, замѣтивъ приготовленія поляковъ къ атакѣ, поручилъ начальнику артиллеріи гренадерскаго корпуса ген. Гербелю лично перевести на правый берегъ

Нарева дивизіонъ батарейной № 2 батареи 2-й гр. артиллерійской бригады, который и принялъ участіе въ отбитіи гренадерами непріятельской атаки. Въ свою очередь поляки, чтобы не позволять русскимъ усиливаться подкрѣпленіями, все время стрѣляли ядрами и гранатами по мостамъ и городу, такъ что приходилось постоянно держать часть войскъ въ Остроленкѣ для тушенія пожара.

Причинами того что Бергъ и Мартыновъ такъ долго не получали подкрѣпленій были: во-первыхъ, недостаточная прочность мостовъ, изъ которыхъ пловучій, связанный кое-какъ, постоянно рвался, а на постоянномъ не возстановлена вполнѣ настилка; во-вторыхъ Дибичъ выжидалъ прибытія войскъ, двигавшихся къ Остроленкѣ. Установленіе прочнаго сообщенія поручено было саперному полковнику Обручеву, который, наконецъ, обезпечилъ его въ достаточной степени, а прибытіе къ Остроленкѣ кн. Шаховскаго, съ 6-ю баталіонами 2-й гр. дивизіи и 4-мя баталіонами гв. отряда, давало уже возможность ввести въ дѣло, служившую до тѣхъ поръ резервомъ, пѣхоту 1-го корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось ненужнымъ присутствіе 1-й бригады 3-й гр. дивизіи въ лѣсу ниже Остроленки; поэтому Дибичъ приказалъ Набокову съ 4-мя баталіонами этой бригады (Сибирскій и Румянцовскій полки) и Мандерштерну съ 5-ю баталіонами: 2-го егерскаго (1-й ег. полкъ оставленъ въ Остроленкѣ для тушенія пожара), 3-го и 4-го морскихъ полковъ перейти за Наревъ. Въ 4 часа пополудни войска эти двинулись къ мостамъ. Такимъ образомъ на правомъ берегу Нарева собиралось уже 17 баталіоновъ отборныхъ русскихъ войскъ ([329]).

Послѣ атаки Красицкаго бой на нѣкоторое время ослабѣлъ; поляки старались устроиться. Скржинецкій, слишкомъ уже поздно, задумалъ произвести атаку совокупными силами; артиллерія должна была выдвинуться впередъ на картечный выстрѣлъ; остатки дивизій Малаховскаго и Каминскаго снова построены въ колонны и, поддерживаемые дивизіею Рыбинскаго и кавалеріею Скаржинскаго, должны одновременно атаковать русскихъ. Скржинецкій намѣревался самъ управлять этимъ нападеніемъ, но воодушевленіе, возбуждавшееся прежде въ войскахъ присутствіемъ главнокомандующаго, пѣніемъ національныхъ пѣсенъ и пр., уже уступило мѣсто сознанію своего безсилія и непобѣдимости непріятеля; страхъ передъ опасностью закрался въ сердца людей. Прежде чѣмъ предпринята была атака, направленныя Дибичемъ подкрѣпленія вступили на полѣ сраженія. Мандерштернъ, совершивъ переправу, двинулся противъ центра поляковъ, съ цѣлью оттѣснить ихъ въ кусты и выиграть такимъ образомъ болѣе пространства для развертыванія войскъ и обезпеченія мостовъ. 2-й егерскій полкъ шелъ впереди, а 3-й и 4-й лѣвѣе, образуя за нимъ два уступа; графа Румянцова полкъ поддерживалъ наступленіе слѣва, а Бергъ съ 3-мъ карабинернымъ полкомъ и 2-мя орудіями наступалъ по мышинецкой дорогѣ уступомъ за правымъ флангомъ егерей; прочіе гренадерскіе полки, остались въ резервѣ. Мандерштернъ бросился со 2-мъ егерскимъ полкомъ (всего около 500 чел.) на непріятельскую цѣпь, укрывавшуюся по ту сторону шоссе за неровностями мѣстности; встрѣченный сильнымъ огнемъ, онъ долженъ былъ отступить, но тотчасъ былъ поддержанъ храбрыми морскими полками, которые съ крикомъ ура бросились на наступавшаго непріятеля; завязался ожесточенный бой. Наконецъ Мандерштернъ съ 5-ю баталіонами, лѣвѣе его Набоковъ съ Румянцевскимъ полкомъ и правѣе Бергъ съ 3-мъ карабинернымъ устремились одновременно на непріятеля и опрокинули его назадъ; послѣ того обѣ стороны поддерживали огонь застрѣльщиками, прерванный только кавалерійской атакой. Мицельскій со 2-мъ уланскимъ полкомъ, составлявшимъ украшеніе польской конницы, бросился на нашихъ стрѣлковъ, но люди морскихъ полковъ и гренадеры мгновенно собрались въ кучки и

съ полнымъ хладнокровіемъ встрѣтили непріятеля близкимъ ружейнымъ огнемъ и отбили атаку. Тогда Скржинецкій лично приказываетъ вести его въ другомъ направленіи; но новая атака уланъ отбита съ такимъ же успѣхомъ какъ и первая; храбрые уланы трижды возобновляли свои нападенія и всякій разъ неудачно; почти половина полка выбыла изъ строя ([330]). Между тѣмъ Мандерштернъ, выдвинувшись слишкомъ впередъ, тѣмъ самымъ маскировалъ огонь нашей фланговой батареи и самъ попалъ подъ картечь батареи Бѣлицкаго. Въ тоже время поляки перешли въ общее наступленіе. Скржинецкій самъ повелъ пѣхоту, построенную въ баталіонныя колонны и поддерживаемую кавалеріей. Четыре баталіона и кавалерійскій полкъ устремились на два баталіона Румянцовскаго полка; 6 баталіоновъ и два кавалерійскихъ полка на 4-й морской и на 1-й баталіонъ 3-го морскаго полка; находившіеся на правомъ флангѣ, близь мышинецкой дороги, баталіонъ 2-го егерскаго и второй баталіонъ 3-го морскаго полковъ не были атакованы. Завязался рукопашный бой, причемъ Румянцовскій полкъ, не смотря на блестящія атаки, вынужденъ нѣсколько отступить, равно какъ 4-й морской и 1-й баталіонъ 3-го морскаго полковъ. Поляки, видя, что эта часть боеваго порядка подалась назадъ, пылко стремятся за отступающими. 7 русскихъ баталіоновъ первой линіи имѣли за правымъ своимъ флангомъ, на самой мышенецкой дорогѣ, 2 баталіона карабинеръ (3-го п.), а за центромъ и лѣвымъ флангомъ 8 баталіоновъ гренадеръ (Екатеринославскій, Сибирскій, Астраханскій и Суворовскій полки). Увлекаясь наступленіемъ, поляки подставили свой правый флангъ дѣйствію батареи съ противоположнаго берега Нарева, а лѣвый—неатакованнымъ частямъ первой линіи, т. е. баталіону 2-го егерскаго и 1-му баталіону 3-го морскаго полковъ, которые въ удобную минуту бросились въ штыки, опрокинули поляковъ и захватили до 250 чел. въ плѣнъ.

Отброшенный непріятель не отказался однако отъ новыхъ попытокъ къ атакѣ и возобновлялъ нападеніе попеременно то пѣхотою, то кавалеріею. Знаменитая уланская бригада Кицкаго (2-й, 3-й и 5-й полки) нѣсколько разъ кидалась на русскую пѣхоту, не будучи въ состояніи сломить ее; нѣкоторые пѣхотные полки отбивали по шести кавалерійскихъ атакъ. Отъ генерала до послѣдняго рядоваго всѣ исполнили геройски свой долгъ. Неустрашимый Мартыновъ, не смотря на рану, остался въ строю; Мандерштернъ съ раздробленной челюстью унесенъ съ поля сраженія; ген. Лидерсъ замѣстилъ его. Наконецъ наши послѣ упорнаго боя перешли въ наступленіе. Въ то время какъ бывшія въ первой линіи части атаковали непріятеля съ фронта, три морскихъ баталіона и Румянцовскій полкъ, поддержанные Сибирскимъ полкомъ, устремились на поляковъ съ фронта. Польскіе баталіоны столпились и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Эта минута была переломомъ въ ходѣ сраженія. Огонь со стороны поляковъ сталъ видимо ослабѣвать и въ теченіи нѣкотораго времени они не предпринимали никакихъ новыхъ покушеній. Поляки повидимому сдѣлали все что могли и все таки не достигли успѣха. Уронъ ихъ былъ чрезвычайно великъ; многія части совершенно разсѣялись и люди поодиночкѣ бродили въ кустахъ. Каминскій, Кицкій убиты; Пацъ, Богуславскій, Малаховскій (остался въ строю) ранены. Прондзинскій былъ въ отчаяніи отъ исхода всего предпріятія противъ гвардіи. Скржинецкій, главный виновникъ несчастій постигшихъ польскую армію, сохранилъ въ эти ужасныя минуты непоколебимую твердость; въ продолженіи 8 часовъ онъ подвергался сильнѣйшему огню, ища смерти. „Здѣсь мы должны побѣдить или погибнуть всѣ—говорилъ онъ окружающимъ—здѣсь рѣшается судьба Польши“. Согласно такому убѣжденію Скржинецкій старался возобновлять свои нападенія, какъ только могъ собрать подъ рукою сколько нибудь устроенныя войска. Прондзинскій тоже сталъ во главѣ 5-го егерскаго

полка и, поддержанный 3-мъ уланскимъ, повелъ его въ атаку, которая имѣла участь всѣхъ предъидущихъ.

Не смотря на все это, положеніе дѣлъ для Дибича оставалась неяснымъ. Судя по плѣннымъ, было видно, что дивизія Гелгуда вовсе не участвовала въ бою и можно было думать, что Скржинецкій своими безпрерывными атаками намѣревался лишь истощить силы русскихъ съ цѣлью потомъ нанести рѣшительный ударъ, сберегая для того необходимый резервъ; въ противномъ случаѣ трудно было объяснить, какъ завязку имъ дѣла, такъ въ особенности веденіе его съ настойчивымъ упорствомъ. Если-бы польскій главнокомандующій пожелалъ избѣжать боя, то къ этому представлялась полная возможность: прикрываясь арьергардомъ онъ могъ безпрепятственно отступить, не опасаясь настойчиваго преслѣдованія едва нагнавшей его усиленными переходами русской арміи, раскинувшейся на довольно значительное разстояніе въ глубину. Но вмѣсто того Скржинецкій сосредоточилъ свои войска и рѣшился принять генеральный бой, пользуясь выгодами своего положенія, а также въ надеждѣ, что русская армія не успѣетъ къ вечеру стянуться у Остроленки. Въ виду этихъ обстоятельствъ Дибичъ, предполагая еще возможность рѣшительнаго удара со стороны поляковъ, приказалъ гр. Палену 1-му перевести на правый берегъ Нарева остальные три баталіона 3-й гренад. дивизіи, которые поставлены на лѣвомъ флангѣ у самаго Нарева, близъ ручья; вслѣдъ за ними двинуты и 5 баталіоновъ 3-й пѣхотной дивизіи ген. Шкурина. Такимъ образомъ къ 6 ч. пополудни гр. Паленъ имѣлъ на правомъ берегу рѣки всю бывшую подъ его начальствомъ пѣхоту (за исключеніемъ 1-го егерскаго полка *), продолжавшаго тушеніе пожаровъ въ Остроленкѣ), всего 25 баталіоновъ. Изъ числа вновь перешедшихъ войскъ 3-й пѣхотной дивизіи, Старо и Новоингерманландскіе полки вступили въ боевую линію правѣе шоссе, остальные-же три полка (всѣ пять однобаталіоннаго состава) сначала остались позади. Скржинецкій, видя движеніе новыхъ русскихъ подкрѣпленій, опасался рѣшительнаго перехода въ наступленіе, причемъ легко обнаружилось-бы то разстройство, въ которомъ находилась польская армія. Въ такомъ положеніи онъ рѣшился собрать остатки разбитой арміи и еще разъ произвести наступленіе, чтобы выиграть время и затянуть бой до вечера. Самъ Скржинецкій и всѣ начальники, до младшихъ офицеровъ включительно, собирали разсѣянныхъ по кустамъ солдатъ и по мѣрѣ свода баталіоновъ вводили ихъ въ огонь по всей линіи, безъ общей связи или опредѣленнаго порядка. Тѣмъ не менѣе они двинулись противъ русскихъ съ густою цѣпью застрѣльщиковъ впереди и съ нѣсколькими батареями въ интервалахъ. Всѣ офицеры шли впереди колоннъ, ободряя людей своимъ примѣромъ. Не смотря на отсутствіе резервовъ, и слѣдовательно на общую слабость боевой линіи, поляки подвигались смѣло впередъ, а одна батарея съ чрезвычайной отвагой подскакала къ только что перешедшимъ Наревъ баталіонамъ 3-й пѣхотной дивизіи и осыпала ихъ густою картечью. Старо и Новоингерманландскій полки бросились назадъ, особенно первый, и мостъ покрылся уже бѣгущими. Опасность была велика; примѣръ могъ заразительно подѣйствовать на другихъ, но хладнокровіе и мужество начальниковъ остановили полки. Молодой офицеръ Адлербергъ съ саблей въ рукахъ загородилъ мостъ бѣглецамъ, а прибывшіе туда Мартыновъ, Бергъ, затѣмъ Бистромъ возстановили окончательно порядокъ и направили снова къ непріятелю бѣжавшія части; полки 3-й дивизіи, поддерживаемые полками 1-й, рѣшительно двинулись впередъ и опрокинули наступавшихъ поляковъ (331).

*) См. прил. XVII.

Съ этой минуты бой еще болѣе ослабѣлъ; всѣ полки польской арміи были въ огнѣ и лишь немногія части оставались въ нѣкоторомъ порядкѣ; подъ конецъ Скржинецкій имѣлъ при себѣ только слабые остатки 2-го, 6-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ Лангермана, нѣкоторые, обезсиленные безпрерывными атаками, кавалерійскіе полки и нѣсколько батарей. Къ 7 часамъ вечера бой казался оконченнымъ; канонада съ обѣихъ сторонъ постепенно прекратилась и польская армія скрылась отъ взоровъ русскихъ въ кустарникахъ. Дибичъ вмѣстѣ съ Толемъ отправился на правый берегъ Нарева, чтобы точнѣе выяснить себѣ положеніе дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ увезти три захваченныя орудія. Это движеніе, а равно волненіе произведенное между войсками присутствіемъ фельдмаршала, непріятель счелъ началомъ отступленія, вслѣдствіе чего Скржинецкій, около 8 ч. вечера, выслалъ впередъ свѣжую, 12-ти орудійную конную батарею Бема, который выдвинулся съ лѣваго фланга и съ высоты у мышинецкой дороги открылъ сильный огонь какъ по нашимъ войскамъ, такъ по мосту и городу; въ тоже время часть польской пѣхоты подалась нѣсколько впередъ, причемъ ея застрѣльщики завязали довольно живую перепалку, но не могли потѣснить даже передовую цѣпь гр. Палена 1-го. Вскорѣ батареи съ лѣваго берега Нарева направили свой огонь на Бема и черезъ $^1/_4$ часа заставили его отступить съ потерею половины людей и лошадей. Такъ закончилось, наконецъ, кровопролитное сраженіе, 14-го мая, при Остроленкѣ.

При томъ разстройствѣ, въ которомъ находилась польская армія, рѣшительный переходъ Дибича въ наступленіе несомнѣнно привелъ-бы ее къ катастрофѣ и остроленкская побѣда увѣнчалась-бы для русскаго главнокомандующаго самыми полными результатами. У фельдмаршала находились подъ рукою совершенно нетронутыми: 10 баталіоновъ 2-й гренадерской дивизіи и гвардейскаго отряда, 2-й егерскій полкъ, легкая гв. кавалерія, 1-я гусарская дивизія, л. гв. Гродненскій гусарскій и кирасирскій принца Альберта полки, казаки и значительная артиллерія, а именно: хотя артиллерійскій резервъ находился еще далеко и въ этотъ день не могъ прибыть къ арміи, но при войскахъ, стянувшихся къ Остроленкѣ, уже въ 3-мъ часу дня имѣлось 126 орудій; изъ нихъ до 70 было въ дѣйствіи, 10-ть были подбиты во время сраженія и около 50-ти оставалось въ резервѣ. Поддерживая этими частями Палена, находившагося на правомъ берегу Нарева, Дибичъ могъ-бы рѣшительно двинуться впередъ и, не давъ времени Скржинецкому собрать свои разбитыя и разсѣянныя войска, нанести ему окончательное пораженіе; пассивное-же отбитіе атаки, представляло непріятелю возможность укрыться въ лѣсъ и, устроившись кое-какъ за ночь, отступить хотя и въ безпорядкѣ въ избранномъ направленіи. Къ сожалѣнію Дибичу не было извѣстно то состояніе, въ которомъ находилась польская армія.

Расположеніе непріятеля было скрыто неровностями мѣстности и особенно кустарниками. Русскія войска находились на скатѣ, обращенномъ къ Нареву, а польскія на скатахъ къ р. Омулеву и къ болотистой лощинѣ, бывшей у нихъ въ тылу, между дд. Писарцами и Круками. Высоты, находившіяся въ верстѣ отъ переправы по мышинецкой дорогѣ, незначительны и боковые ихъ скаты нечувствительны, но все-таки высшія точки не дозволяли видѣть того, что происходило вдали отъ мостовъ, тѣмъ болѣе, что противоположная расположенію нашей арміи отлогость была покрыта вблизи небольшими и рѣдкими, а въ $1^1/_2$ в. отъ Нарева уже сплошными кустарниками. Выдвиженіе нашихъ войскъ впередъ (до перехода въ общее наступленіе) съ одними лишь рекогносцировочными цѣлями казалось опаснымъ, ибо тогда всѣ выгоды расположенія принадлежали-бы полякамъ. Самый ходъ боя мало могъ способствовать выясненію об-

становки, такъ какъ хотя атаки непріятеля были отбиваемы, но изъ этого трудно было заключить о степени разстройства его арміи, тѣмъ болѣе, что непріятель въ теченіи всего боя производилъ стремительныя, съ каждымъ почти разомъ усиливавшіяся, нападенія; это давало поводъ думать, что польская армія сохраняла какъ надлежащую бодрость, такъ и резервы за собою. Кромѣ того, около 7 ч. вечера было получено извѣщеніе отъ Великаго Князя, изъ Снядова, что наканунѣ и ночью поляки сильно занимали г. Ломжу. Это обстоятельство объясняло упорство борьбы Скржинецкаго и можно было расчитывать, что если дивизія Гелгуда, занимавшая Ломжу, еще и не присоединилась къ арміи, то во всякомъ случаѣ не замедлитъ прибытіемъ, такъ какъ для этого ей нужно было совершить по правому берегу Нарева одинъ усиленный переходъ въ 15 — 16 часовъ. Между тѣмъ безъ полной увѣренности въ крайнемъ разстройствѣ поляковъ ничего рѣшительнаго въ тотъ день фельдмаршалъ предпринять не могъ. Польская армія имѣла подъ Остроленкою 34 сильныхъ баталіона и болѣе 50 эскадроновъ, числительностью по меньшей мѣрѣ въ 30000 чел.; кромѣ того ожидалось присоединеніе изъ Ломжи до 11000 чел. У Дибича, съ прибытіемъ кн. Шаховскаго, на обоихъ берегахъ Нарева имѣлось 36 батал. и 57 эскадроновъ, числительностью тоже около 30000 чел. (29950 чел.). Изъ остальныхъ войскъ пѣхота гв. корпуса съ л. гв. Кирасирскимъ полкомъ и 1-я гренадерская дивизія не могли прибыть ранѣе полуночи, а гр. Виттъ съ 1-ю бригадою 3-й кир. дивизіи, Новоархангельскимъ уланскимъ полкомъ и боевымъ артиллерійскимъ резервомъ присоединился къ арміи только на слѣдующій день. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Дибичъ ограничился въ день сраженія лишь утвержденіемъ на правомъ берегу Нарева и приказалъ только наиболѣе пострадавшіе и утомленные боемъ восемь баталіоновъ Мартынова и Берга смѣнить изъ-за Нарева шестью баталіонами 1-й бригады 2-й грен. дивизіи и 4-го карабинернаго полка. Самъ Дибичъ возвратился на лѣвый берегъ рѣки.

Между тѣмъ Скржинецкій собралъ въ 11 ч. вечера военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе старшіе начальники до бригадныхъ включительно. По показаніямъ Прондзинскаго, онъ предложилъ продолжать держаться при Остроленкѣ, такъ какъ, отступивъ хотя шагъ, можно было подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ тяжкаго пораженія. Русскіе, выславъ за разбитой польской арміей, истинное положеніе которой для нихъ тогда выяснилось, свою многочисленную кавалерію, лишатъ поляковъ возможности собрать свои разсѣянныя войска, которыя такимъ образомъ попадутъ въ руки непріятеля; дивизія Гелгуда и все дѣло поляковъ неминуемо погибнутъ сразу. Такъ какъ русскіе, повидимому, не знали о степени разстройства польской арміи, и при томъ сами понесли значительный уронъ, то Прондзинскій предлагалъ рѣшительнымъ занятіемъ позиціи удерживать противника до прибытія Гелгуда, которому еще во время боя послано было приказаніе поспѣшить на соединеніе съ главными силами, и, собравъ разсѣянныя войска, подъ его прикрытіемъ возстановить армію и удерживать русскихъ у Нарева; если-же Дибичъ, вопреки ожиданію успѣетъ дебушировать утромъ, то всегда будетъ время отступить подъ прикрытіемъ лѣсистой мѣстности ([332]) *). Скржинецкій, имѣвшій въ виду поскорѣе добраться до Варшавы, предложилъ генераламъ затрудни-

*) Дембинскій впрочемъ утверждаетъ, что когда онъ послѣ совѣта отправился къ дивизіи Гелгуда, то на другой день встрѣтилъ ее на полдорогѣ отъ Ломжи къ Новогроду только въ 1-мъ часу пополудни и что, не умѣя хорошо ходить, Гелгудъ въ этотъ день едва достигъ-бы Новогрода. Такимъ образомъ, чтобы выждать прибытія Гелгуда польской арміи пришлось-бы удерживаться передъ Остроленкой 48 часовъ ([333]).

тельный вопросъ: можетъ-ли армія дать утромъ на слѣдующій день сраженіе *). Смущенные событіями дня, всѣ отвѣтили, что это невозможно, по разстройству и утомленію войскъ, изнуренію лошадей и ослабленію артиллеріи, матеріальная часть которой сильно пострадала и ощущался недостатокъ въ снарядахъ. Скржинецкій охотно схватился за это предложеніе и приказалъ Лубенскому руководить отступленіемъ, которое начать немедленно и вести прямо къ Варшавѣ; но заявилъ при этомъ, что онъ уступаетъ лишь общему мнѣнію, вопреки личному убѣжденію, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе возобновить на слѣдующій день сраженіе.

Общее смущеніе было такъ велико, что отрядъ Дембинскаго, съ которымъ Сѣраковскій слѣдовалъ за Сакеномъ, оставили на произволъ судьбы, а дивизіи Гелгуда дано было направленіе вдоль прусской границы на Плоцкъ, хотя Прондзинскій сознавалъ, что дивизія эта, атакованная во флангъ, неминуемо погибнетъ. Тогда Дембинскій предложилъ послать дивизію Гелгуда въ Литву (гдѣ она, по мнѣнію Прондзинскаго, тоже должна погибнуть) и вызвался лично, со 2-мъ Познанскимъ эскадрономъ, передать это приказаніе Гелгуду. Получивъ вечеромъ записку съ предписаніемъ Гелгуду „отправиться въ Литву согласно словесной инструкціи, которую передастъ ему Дембинскій“, послѣдній въ полночь двинулся съ Познанскимъ эскадрономъ по назначенію ([335]). Скржинецкій, превозмогавшій себя до сихъ поръ, совершенно упалъ духомъ и, по окончаніи военнаго совѣта, вмѣстѣ съ Прондзинскимъ отправился въ Варшаву. Все дѣло Польши онъ считалъ окончательно потеряннымъ.

Сраженіе подъ Остроленкою дорого стоило обѣимъ сторонамъ. Русская армія лишилась убитыми и ранеными 172 офицеровъ и до 4700 нижнихъ чиновъ **), поляки, по собственному ихъ свидѣтельству, потеряли 255 офицеровъ и до 9000 ниж. чиновъ, въ томъ числѣ плѣнными они лишились 2100 чел. и взято у нихъ 3 орудія; такимъ образомъ въ польской пѣхотѣ выбыло изъ строя около половины офицеровъ и $^1/_3$ нижнихъ чиновъ, что вполнѣ подтверждаетъ вышесказанное о крайнемъ разстройствѣ арміи. Скржинецкій послѣ совѣта сѣлъ въ экипажъ, взялъ съ собою Прондзинскаго и съ первой станціи написалъ правленію, что все потеряно. Въ пути онъ въ слезахъ все время твердилъ „finis Polonies“, „мы проиграли постыднѣйшее сраженіе“ ([336]).

Поляки ночью начали свое отступленіе и, пользуясь темнотою старались болотистыми боковыми дорогами чрезъ Круки и Наклы ***) достигнуть рожанской дороги. Къ полуночи только одинъ 2-й уланскій полкъ оставался на мѣстѣ, а затѣмъ и онъ послѣдовалъ за прочими войсками. Въ 2 ч. ночи гр. Толю было донесено, что у непріятеля большой шумъ. Толь, разбудивъ фельдмаршала, доложилъ ему объ отступленіи непріятеля и необходимости преслѣдованія, но Дибичъ не согласился на послѣднее, такъ какъ считалъ необходимымъ предварительно организовать продовольствіе войскъ. Съ разсвѣтомъ 15-го мая непріятель уже скрылся изъ виду и Дибичъ тогда только направилъ за нимъ полковника Костина съ казачьими Борисова и Секретова полками, по правому берегу Нарева, и генер. Пилара съ Атаманскимъ полкомъ по лѣвому берегу рѣки, на одной высотѣ съ Костинымъ. Фельдмаршалъ прежде всего желалъ удостовѣриться успѣла-ли присоединиться къ Скржинецкому дивизія Гелгуда изъ Ломжи. Съ этою цѣлью высланъ былъ въ Мястково ген. Олферьевъ съ 1-й брига-

*) При этомъ онъ замѣтилъ: „Messieurs! la bataille à été honteuse, mais l'honneur nous ordonne de nous ensevelir ici et de ne pas céder“. Затѣмъ заявилъ, что намѣренъ удерживать русскихъ конницей, выставивъ противъ мостовъ 40 орудій ([334]).

**) См. прил. XVI.

***) См. карту восточной части Ц. Польскаго.

дой легкой гв. кавалерійской дивизіи (драгунскій и уланскій полки) съ 2-мя орудіями. Оказалось, что Гелгудъ 14-го числа оставался на мѣстѣ и только 15-го рано утромъ выступилъ оттуда правымъ берегомъ Нарева на Хлудне. Съ другой стороны казаки изъ-за Нарева доносили, что часть польскихъ обозовъ тянулась отъ Остроленки къ Мышинцу, что давало фельдмаршалу поводъ предполагать намѣреніе со стороны Гелгуда пробраться туда-же.

По этимъ соображеніямъ Дибичъ рѣшился направить вдоль по р. Россогѣ, къ сторонѣ прусской границы, значительный отрядъ для прегражденія Гелгуду пути въ Плоцкое воеводство; Олферьеву-же поручено было занять Ломжу. Между тѣмъ по шоссе къ Рожанамъ, за казаками, высланъ былъ, только около полудня, авангардъ, подъ начальствомъ гр. Витта, изъ 1-й гренадерской дивизіи ($9^1/_2$ бат.), полубатальона саперъ, 1-й бригады 3-й уланской дивизіи (Украинскій и Новоархангельскій полки) и Лубенскаго гусарскаго полка, всего 7000 чел. при 16 ор. Гр. Виттъ двигался съ чрезвычайной медленностью; переночевавъ въ д. Ношевѣ, онъ 16 го числа достигъ почти Зелунь, верстахъ въ 4-хъ отъ Рожана. Казаки выдвинулись къ р. Оржицу, откуда поляки, послѣ ночлега съ 15-го на 16-е, выступили не ранѣе 9 ч. утра. Арьергардъ ихъ, изъ нѣсколькихъ слабыхъ баталіоновъ пѣхоты, полка уланъ и 4-хъ орудій, отступилъ въ тотъ день только до Пултуска. Наконецъ 17-го числа поляки перешли въ Сѣроцкѣ на лѣвый берегъ Буга и укрылись въ Прагу. Казаки наши 16-го числа были въ Клешевѣ, 17-го подошли къ Пултуску, а вечеромъ того-же дня къ Сѣроцку и Зегржу (Пиларъ въ Вышковѣ), гдѣ мосты черезъ Бугъ и Наревъ нашли уже разломанными. Гр. Виттъ двигался столь медленно, что только 19-го мая, т. е. на 5-й день марша, достигъ Пултуска, отстоящаго отъ Остроленки всего верстъ на 55. За авангардомъ Витта выдвинуты были, 18-го числа, въ Рожаны, 2-я гренадерская дивизія и 2-я бригада 3-й кирасирской дивизіи, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго. Съ главными-же силами Дибичъ оставался въ Остроленкѣ до 20 мая.

Обстоятельства, которыя препятствовали, по мнѣнію Дибича, преслѣдовать немедленно и энергически польскую армію заключались въ слѣдующемъ. Прежде всего фельдмаршалъ былъ задержанъ крайнею скудностью продовольствія. Мѣстныя средства Польши, вообще говоря, незначительныя, въ то время, вслѣдствіе истощенія края, а также недоброжелательства къ намъ жителей, не могли удовлетворить ежедневной потребности войскъ, при быстромъ ихъ движеніи, когда не доставало-бы времени для сбора продуктовъ на достаточно обширномъ раіонѣ. При себѣ-же армія почти ничего не имѣла, такъ какъ обозы отстали отъ войскъ еще при переправѣ черезъ Бугъ у Нарева, 9-го мая, и, при всей поспѣшности слѣдованія, не могли прибыть къ арміи ранѣе 16-го числа; имѣвшійся-же на людяхъ шестидневный ранечный запасъ уже былъ израсходованъ. Ближайшій транспортъ, изъ 675 повозокъ подвижнаго магазина и 2-хъ парковъ съ овсомъ, выступилъ 10, 11 и 12-го изъ Бреста и остановился въ Высоко-Мазовецкѣ по случаю появленія Хлаповскаго. Остальныя подводы находились въ обратномъ слѣдованіи или нагружались. Ломжинскихъ магазиновъ не существовало, оставались ближайшими Гродненскій и Скидельскій, откуда продовольствіе не могло быть двинуто ранѣе 19-го числа. Далѣе Дибичъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о дивизіи Гелгуда и ея назначеніи; наконецъ утомленіе войскъ, напрягавшихъ свои усилія почти безъ малѣйшаго отдыха въ теченіи 48 часовъ, вѣроятно тоже повліяли на рѣшенія Дибича и онъ остался пассивнымъ въ виду отступленія Скржинецкаго. Все это, конечно, не исключало возможности преслѣдованія по пятамъ поляковъ если не всѣми силами, то многочисленной кавалеріей съ конной артиллеріей, что будетъ разсмотрѣно

ниже. Относительно дивизіи Гелгуда, какъ сказано, Олферьевъ доносилъ изъ Мясткова, что она, по выступленіи изъ Ломжи, потянулась правымъ берегомъ Нарева къ Хлудне. Чтобы воспрепятствовать соединенію ея съ главными силами, былъ высланъ къ Мышинцу, вверхъ по р. Россогѣ, корпусъ гр. Палена, усиленный 1-ю бригадою 3-й кирасирской дивизіи. Паленъ тотчасъ убѣдился, что ни со стороны Ломжи, ни со стороны Остроленки никакихъ польскихъ войскъ между шоссе и прусскою границею не было; замѣченные-же казаками обозы были транспорты съ частью больныхъ, направленные въ Хоржель; вслѣдствіе этого Паленъ 18-го числа былъ притянутъ назадъ и только Сумскій гусарскій полкъ остался для наблюденія Россоги. Олферьевъ, занявъ Ломжу *), узналъ, что Гелгудъ 15-го-же числа передъ вечеромъ повернулъ отъ Хлудне къ Ставишкамъ и затѣмъ продолжалъ движеніе на Щучинъ. Слѣдуя за нимъ, Олферьевъ самъ направился на Щучинъ, куда прибылъ 18-го числа и узналъ, что Гелгудъ еще наканунѣ атаковалъ Сакена у Райгорода и заставилъ его отступать, но куда именно — на Ковно или на Гродно — узнать было невозможно. Направленіе, принятое Гелгудомъ, возбудило опасенія фельдмаршала относительно Гродно. Въ этомъ пунктѣ находилось лишь по баталіону Архангелогородскаго и 10-го егерскаго полковъ и $1^1/_2$ эскадрона гусарскаго эрцъ-герцога-Фердинанда полка; вблизи-же никакихъ значительныхъ отрядовъ не было; а между тѣмъ городъ этотъ, помимо его важности по относительному положенію, имѣлъ значеніе какъ складочный пунктъ, въ которомъ сосредоточены были громадные продовольственные запасы, и кромѣ того, по близости свой, онъ долженъ былъ служить тогда главнымъ источникомъ снабженія арміи. Вслѣдствіе этого Дибичъ приказалъ, находившемуся въ Бѣльскѣ съ л. гв. Подольскимъ кирасирскимъ и Уланскимъ Его Высочества полками, генер. Кноррингу немедленно идти въ Гродно, самыми усиленными переходами, присоединивъ къ себѣ въ Бѣлостокѣ два баталіона пѣхоты. Изъ Остроленки былъ направленъ на Ломжу графъ Курута съ л. гв. Литовскимъ, Волынскимъ и Гродненскимъ гусарскимъ полками при 12-ти орудіяхъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, онъ также поспѣшилъ въ Гродно чрезъ Тыкочинъ и Васильковъ. Присоединивъ къ себѣ отряды Сакена и Кнорринга и гродненскій гарнизонъ, Курута имѣлъ возможность не позволить полякамъ перейти Нѣманъ, а если-бы Гелгудъ быстро занялъ Гродно, то вытѣснить его оттуда. Припасы, собранные въ этомъ пунктѣ, воспрещено было уничтожать, за исключеніемъ пороха. Принявъ мѣры къ обезпеченію Гродно, фельдмаршалъ вовсе не опасался за Вильну, потому что въ Виленской губерніи находилось достаточное число войскъ; притомъ если-бы Гелгудъ двинулся къ нижнему Нѣману, то имѣлось-бы необходимое время для сосредоточенія этихъ войскъ. Поэтому, поручивъ Олферьеву не упускать поляковъ изъ виду, Дибичъ съ главными силами оставилъ Остроленку 20-го мая и расположился между Пултускомъ, Голыминомъ и Маковомъ ([337]).

Дѣйствія Уминскаго.

Въ заключеніе изложенія Остроленской операціи остается упомянуть о дѣйствіяхъ Уминскаго. Послѣ дѣла у Ендржеева 1-го мая, генералъ этотъ съ 3-мя кавалерійскими полками наблюдалъ за русскими на Костржинѣ, а самъ съ главными силами, согласно инструкціи, оставался у Дембе-Віельке. По полученіи свѣдѣнія о выступленіи Дибича, Уминскій выслалъ за нимъ 11-го мая два отряда: одинъ, изъ легкой кавалеріи, дошелъ до Граны и Дрогичина и захватилъ нѣсколько повозокъ и плѣнныхъ; другой, изъ од-

*) См. карту театра войны.

ной пѣхотной и одной кавалерійской бригадъ съ 16 оруд., двинулся на Сѣдльце; найдя мосты на Костржинѣ разрушенными, отрядъ этотъ возстановилъ одинъ изъ нихъ и 12-го числа безуспѣшно напалъ на Сѣдльце, защищаемый гр. Паленомъ 2-мъ. Уминскій, срывъ возведенное русскими укрѣпленіе у Сухи, оставался съ прочими своими войсками въ лагерѣ у Дембе-Вielьке, опасаясь при наступательныхъ дѣйствіяхъ быть отрѣзаннымъ Крейцомъ отъ Варшавы. Тутъ Уминскій былъ внезапно отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ и отозванъ въ Варшаву. Отъ него ожидали болѣе энергическихъ дѣйствій и кромѣ того главнокомандующій былъ оскорбленъ колкостями, которыя дозволилъ себѣ Уминскій въ сношеніяхъ съ нимъ.

Оцѣнка Остроленкскаго сраженія.

Обращаясь къ оцѣнкѣ Остроленкскаго сраженія и останавливаясь на дѣйствіяхъ поляковъ, прежде всего слѣдуетъ указать на ошибку Скржинецкаго, оставившаго 13-го мая Лубенскаго съ значительными силами на лѣвомъ берегу Нарева, что, какъ было замѣчено выше, могло быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если-бы польскій главнокомандующій желалъ и имѣлъ возможность активно оборонять Наревъ, а не при пассивныхъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ Скржинецкій совершенно напрасно ослабилъ себя удаленіемъ отряда Сѣраковскаго и оставленіемъ сильной дивизіи Гелгуда въ Ломжѣ. Далѣе польскій главнокомандующій ошибся въ своихъ расчетахъ относительно прибытія къ Остроленкѣ русской арміи и съ полной безпечностью не принялъ никакихъ мѣръ для облегченія отступленія Лубенскаго и истребленія мостовъ или прочнаго удержанія ихъ въ своихъ рукахъ, если это могло входить въ его виды. Особенно-же гибельными оказались для польской арміи безсвязныя атаки Скржинецкаго во время сраженія 14-го мая. Совершенно обезумѣвъ, онъ самъ разбилъ свои войска о значительно слабѣйшаго непріятеля.

Первые перешедшіе черезъ Наревъ четыре баталіона русскихъ гренадеръ лишили польскаго главнокомандующаго хладнокровія и, потерявъ всякое соображеніе, онъ бросался отъ одной бригады къ другой, поочередно посылая ихъ на убой. Съ полудня и до самаго окончанія сраженія было переведено, изъ русскихъ войскъ, всего $14^1/_2$ т. штыковъ. Примкнутые тыломъ къ рѣкѣ, они не могли ни слишкомъ выдвинуться впередъ, ни развернуться на флангахъ, т. е. должны были вести бой по частямъ, не въ совокупности, ограничиваясь притомъ пассивнымъ отбитіемъ нападенія. Тѣмъ не менѣе 25.000 польской пѣхоты повторительными атаками, каждый разъ сравнительно небольшими силами, въ теченіи шести часовъ были до такой степени разстроены, что не сохранили ни одной свѣжей части и, наконецъ, не имѣли ни одного баталіона въ резервѣ. Выше уже указано было на тотъ планъ дѣйствій, который Прондзинскій предложилъ Скржинецкому и съ которымъ послѣдній согласился; слѣдовательно польскому главнокомандующему, для котораго была вполнѣ выяснена обстановка, оставалось лишь привести въ исполненіе принятыя имъ самимъ рѣшенія, но и эта задача оказалась ему не по силамъ. По замѣчанію польскаго писателя Бржозовскаго, Скржинецкому, вмѣсто отдѣльныхъ атакъ бригадами, слѣдовало сосредоточить всю свою артиллерію—болѣе 60 орудій—въ одну батарею и осыпать снарядами русскихъ, не имѣвшихъ мѣста для развертыванія и тѣснившихся у моста, а затѣмъ, когда огонь этотъ произвелъ-бы свое дѣйствіе, повести атаку 15—20 баталіонами. Если-же Скржинецкій этого не желалъ, то могъ оставаться на высотахъ и спокойно выжидать русскихъ, которые были-бы стѣснены въ своемъ развертываніи и въ теченіи продолжительнаго времени подвергались-бы дѣйствію огня, въ то время какъ поляки были-бы укрыты лѣсистыми высотами. При такихъ условіяхъ легко можно было удержаться до прибытія Гелгуда. Во всякомъ случаѣ еслибы при обнаруженной геройской стойкости русской пѣхоты и могущественномъ дѣйствіи многочисленной артиллеріи, польская армія и испытала-бы неудачу, то она ни въ какомъ случаѣ не потерпѣла-бы катастрофы, подобной случившейся на самомъ дѣлѣ.

Что касается дѣйствій Дибича, то уже выше упомянуто о тѣхъ причинахъ, по которымъ онъ, переправившись у Граны, не двинулся вслѣдъ за Лубенскимъ во флангъ и тылъ польской арміи, а избралъ болѣе осторожное, но менѣе плодотворное направленіе на Замбровъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что его предъидущія колебанія и бездѣятельность, по полученіи свѣдѣній о движеніи польскихъ значительныхъ силъ противъ гвардіи, были причиною затемнѣнія обстановки, неведѣнія о положеніи гвардіи и непріятельской арміи, что и опредѣлило собою робкое рѣшеніе двинуться для предварительнаго соединенія съ гвардіей на Высоко-Мазовецкъ. Затѣмъ русскій главнокомандующій, успокоенный на счетъ гвардейскаго корпуса, обнаруживаетъ чрезвычайную энергію въ стремленіи нагнать непріятельскую армію. Это ему удается, но необычайная форсировка движенія была причиною того, что армія растянулась, обозы отстали, вслѣдствіе чего Дибичъ не могъ своевременно сосредоточить достаточныхъ силъ у Остроленки и вынужденъ былъ вести бой небольшою частью войскъ противъ превосходнаго числомъ непріятеля; только ошибки противника и, главнымъ образомъ, удивительное геройство гренадеръ безповоротно обезпечили побѣду. Точно также фельдмаршалъ, не имѣя подъ рукою всѣхъ силъ, не можетъ перейти своевременно въ рѣшительное наступленіе и ограничивается пассивнымъ отпоромъ врага. Отсутствіе обозовъ при арміи не дозволяетъ Дибичу извлечь надлежащей пользы изъ блистательнаго успѣха русской арміи. Но если недостатокъ продовольствія и удаленіе обозовъ были непреодолимыми препятствіями къ движенію всей арміи съ цѣлью доконать непріятеля, то нежеланіе Дибича энергически тѣснить отступающую польскую армію многочисленной кавалеріей не находитъ себѣ никакого объясненія. Фельдмаршалъ получалъ со всѣхъ сторонъ донесенія о томъ безпорядочномъ состояніи, въ которомъ уходила непріятельская армія, а это ясно указываетъ, какіе результаты могъ-бы извлечь Дибичъ изъ одержанной побѣды, если-бы настойчиво тѣснилъ противника.

Офицеръ генеральнаго штаба, слѣдовавшій съ передовыми казаками, доносилъ: [338] „польская армія не отступаетъ, а бѣжитъ; обозъ былъ уже посланъ 14 мая, а также 16 орудій. Въ 3 часа ночи Скржинецкій съ эскадрономъ кракузовъ прибылъ въ Рожанъ, гдѣ оставался 2 часа... Здѣсь въ Рожанѣ собралась часть его войскъ, но когда въ 9 ч. вечера показались оба казачьи полка на Млинаржской высотѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Рожанъ, все обратилось въ бѣгство, предполагая, что то наступаетъ вся русская армія. Два эскадрона уланъ (остатки 2-го полка) съ застрѣльщичьей цѣпью и 4 орудіями прикрывали отступленіе. Жители сознаются, что армія ихъ прошла въ величайшемъ безпорядкѣ; солдаты прибывали кучками въ 3, 5 и 10 чел.; все было въ совершенномъ разстройствѣ, многіе разбѣжались по лѣсамъ, ни одного полка не было въ порядкѣ. Повсюду видны упадокъ духа, уныніе на лицахъ... усталыхъ и больныхъ, а также и раненыхъ оставили на дорогѣ“... У Млинаржскаго дефиле дорога была такъ загромождена, что приходилось ждать по нѣсколько часовъ, чтобы продвинуться; вся резервная артиллерія оставалась тамъ безъ прикрытія до 15 мая и лишь позже была увезена особо для того назначенными войсками.

Только въ Рожанѣ, благодаря неусыпной дѣятельности Лубенскаго, войска начали приходить въ нѣкоторый порядокъ. Въ Пултускѣ, куда армія прибыла 16-го мая, она

оставалась на короткое время (причемъ Скржинецкій передалъ главное начальство Лубенскому, а самъ уѣхалъ въ Варшаву) и съ удивленіемъ узнала, что русскіе ее не преслѣдуютъ. Всѣ вышеприведенные факты въ достаточной мѣрѣ убѣждаютъ, что если-бы рано утромъ, когда Толь доложилъ фельдмаршалу объ отступленіи непріятеля, высланы были-бы не два казачьи полка, а по возможности вся кавалерія съ конной артиллеріей, то можно было-бы отрѣзать значительную часть непріятельскихъ войскъ и ея матеріальнаго снабженія и тѣмъ самымъ окончательно убить нравственный духъ и силу сопротивленія польской арміи. Что соображенія о продовольствіи не имѣли въ этомъ случаѣ никакого значенія, это понятно само собою, такъ какъ конница нашла-бы всегда способы для своего существованія, какъ средствами страны, такъ и въ отхваченныхъ непріятельскихъ запасахъ; фельдмаршалъ, впрочемъ, и самъ не стѣснялся указанными соображеніями, такъ какъ выдвинулъ въ полдень гр. Витта, хотя лишь съ частью кавалеріи, но съ придачей къ ней гренадерской пѣхотной дивизіи. Сдѣлано было это уже слишкомъ поздно, притомъ графъ Виттъ, столь неспѣшно выдвинутый, и самъ дѣйствовалъ крайне медленно, за что, конечно, вина ложится уже на него самого.

Послѣдствія Остроленкскаго сраженія.

Не смотря на многія сходныя черты въ Гроховскомъ и Остроленкскомъ сраженіяхъ, какъ по отношенію веденія самого боя, такъ и по отсутствію преслѣдованія разбитаго противника, Остроленкское сраженіе въ противоположность Гроховскому все-таки имѣло для насъ весьма выгодныя послѣдствія; оно дорого стоило полякамъ и облегчило намъ всѣ послѣдующія дѣйствія. Отступленіе Гелгуда, казавшееся сначала весьма выгоднымъ, на самомъ дѣлѣ привело къ гибели эту дивизію подобно отряду Дверницкаго, высланному на Волынь. Польская армія, значительно ослабленная еще до Остроленкскаго сраженія, потерпѣла въ немъ такой уронъ и такъ была разстроена нравственно и матеріально, что уже никогда болѣе не могла вполнѣ оправиться. До возстанія она состояла приблизительно изъ 30.000 чел. отличнѣйшихъ войскъ, а въ началѣ возмущенія, призывомъ 20.000 старослужащихъ, усилилась до 50.000 прекрасно обученныхъ, въ полной боевой готовности, войскъ, кромѣ многочисленныхъ ополченій.

Въ сраженіи подъ Гроховомъ, кромѣ трехъ новонабранныхъ пѣхотныхъ полковъ и части кавалеріи, всѣ остальныя польскія силы состояли изъ старыхъ частей. Но такой составъ не долго сохранялся; уже послѣ первыхъ рѣшительныхъ столкновеній старая пѣхота была на $^1/_3$ укомплектована новобранцами. Затѣмъ, послѣ обезоруженія отряда Дверницкаго, а также значительной убыли въ войскахъ отъ холеры и боевыхъ потерь, не только старые полки были еще разъ укомплектованы новобранцами, но и перемѣшаны въ составѣ арміи съ частями новаго формированія. Во время похода противъ гвардіи уже всѣ пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи имѣли по два полка стараго и по два новаго состава. Поэтому и по боевымъ качествамъ польская армія, сражавшаяся подъ Остроленкой, рѣшительно уступала той, которая оспаривала побѣду у русской арміи подъ Гроховомъ. Но до Остроленкскаго сраженія эта новая армія сохранила по крайней мѣрѣ самоувѣренность и вѣру въ своего полководца; послѣ-же испытанной катастрофы всѣ мечты о побѣдѣ надъ русскими должны были разсѣяться, а по отношенію къ предполагаемымъ дарованіямъ главнокомандующаго наступило полное разочарованіе; армія упала духомъ. Кромѣ того Остроленкское сраженіе лишило поляковъ: до 9 т. выбывшими изъ строя, до 11 т. ушедшихъ съ Гелгудомъ и до 1 т. отправленныхъ въ Литву съ Хлаповскимъ, въ числѣ которыхъ было до 10.000 старыхъ солдатъ; можно было пополнить ряды войскъ новобранцами, но потеря старослужащихъ

людей была безвозвратна, точно также какъ и потеря 25 орудій (20 ушло съ Гелгудомъ, 2—съ Хлаповскимъ, 3 взято русскими въ бою подъ Остроленкой).

Отступленіе къ Варшавѣ, гдѣ такъ трудно было возстановить дисциплину и притомъ сразу уступалась противнику значительная часть территоріи, тоже слѣдуетъ признать ошибкой. Лучше было-бы собраться на правомъ берегу Нарева, прикрываясь сильнымъ арьергардомъ, который могъ занимать послѣдовательныя позиціи на Омулевѣ, Оржѣ и Вкрѣ, а затѣмъ армія могла укрыться подъ укрѣпленія Модлина, гдѣ легко ее было привести въ порядокъ. Уминскаго по прежнему можно было оставить противъ Крейца и Ридигера. Затѣмъ, поднявъ духъ войскъ, присоединивъ Хржановскаго и дѣйствуя совокупно съ Уминскимъ,—предпринять наступательныя дѣйствія съ 50 т. чел. Хотя эта армія уступала-бы качествами прежней, но полякамъ, въ ихъ положеніи, нужно было удвоить энергію и дѣятельность, чтобы воспрепятствовать готовившейся переправѣ черезъ Вислу главныхъ русскихъ силъ, о чемъ поляки знали, какъ по обширнымъ сплавамъ изъ Данцига, такъ и изъ перехваченныхъ бумагъ ([339]).

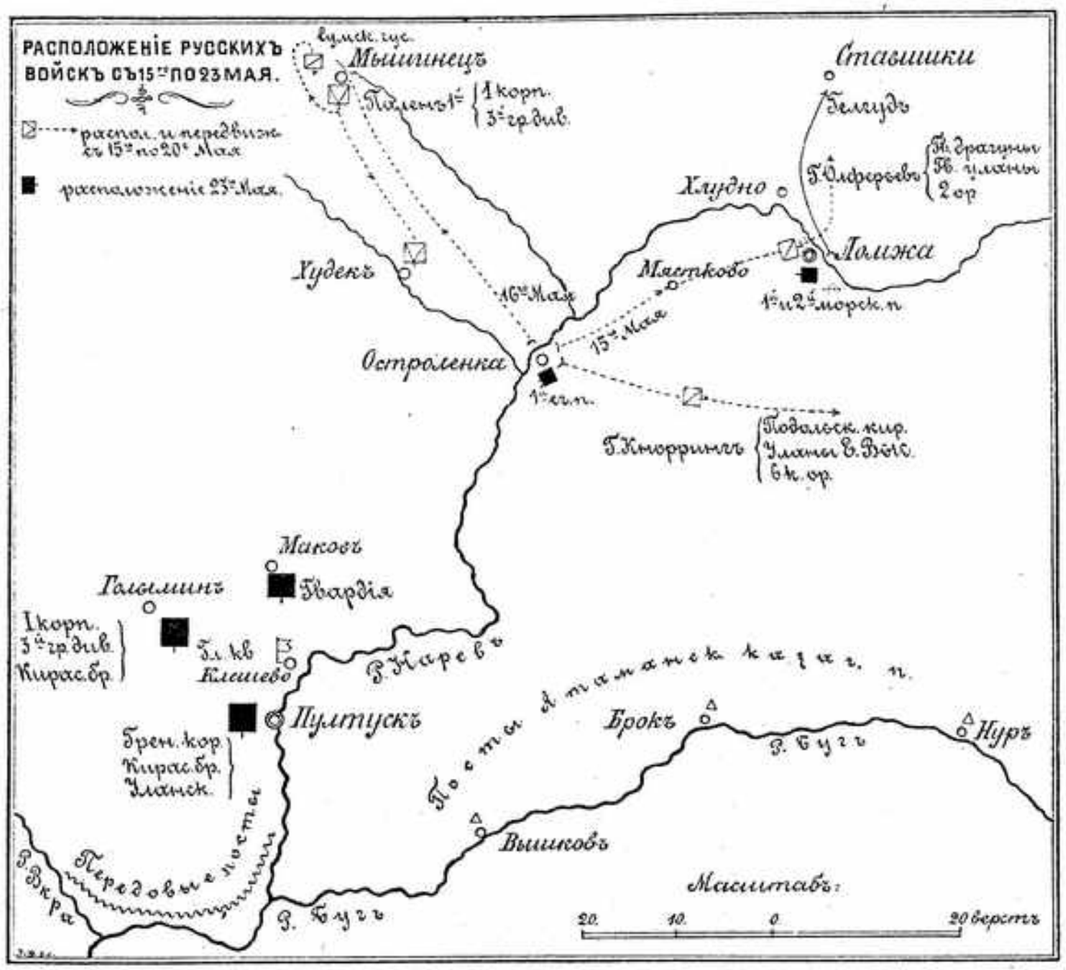
Устройство тыла и хозяйственныя распоряженія.

а) Тылъ арміи.

Дѣла въ тылу русской арміи, не смотря на ихъ кажущуюся грозность, въ сущности принимали благопріятный оборотъ. Движеніе Гелгуда, при ослабленіи главной польской арміи, не только не могло продлить возмущенія въ Литвѣ, но обѣщало скорыя и благопріятныя послѣдствія. Въ Виленской губерніи находились 5-я и 6-я пѣхотныя и 1-я уланская дивизіи, гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда полкъ, Сводный линейный и 2-й Тептярскій казачій полки; кромѣ того туда-же двигались отряды Сакена и Куруты. Гелгудъ не имѣлъ противъ нихъ и половины войскъ и никакихъ военныхъ запасовъ. Такимъ образомъ участь его можно было предвидѣть; истребленіе-же этого отряда должно было произвести рѣшительное вліяніе на умы жителей Литвы и содѣйствовать къ скорѣйшему умиротворенію страны. Но если-бы подавленіе возстанія было задержано какими-либо обстоятельствами, то уже въ первой половинѣ іюня въ Литву должны были вступить войска резервной арміи, подъ командою графа Толстаго, а находившіяся тамъ части дѣйствующей арміи могли быть смѣнены и двинуться къ Нареву или нижней Вислѣ, на главный театръ военныхъ дѣйствій.

Что касается корпуса бар. Крейца и войскъ, остававшихся на Брестскомъ шоссе, то они уже получили приказаніе двинуться на соединеніе съ арміей. Съ соизволенія Государя, въ Люблинское воеводство вступили, изъ состава 1-й арміи, 4-й кавалерійскій корпусъ и 10-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ ген. Ридигера. Войска эти находились въ описываемое время у Міончина и наблюдали со стороны границъ Имперіи за кр. Замостьемъ и находившимся тамъ отрядомъ Хржановскаго; Крейцу поручено было оставить за Вепржемъ, также въ распоряженіи Ридигера, 2-ю конно-егерскую дивизію и 2 казачьихъ полка. Вмѣстѣ съ ними Ридигеръ имѣлъ 12 батал., 36 эскадр., 10 сотенъ и 24 ор., всего 11.900 (въ томъ числѣ 6.850 ч. кавалеріи). Такой сильный корпусъ уничтожалъ всякое опасеніе на счетъ присутствія въ Замостьи Хржановскаго, тѣмъ болѣе, что внутреннее спокойствіе Волыни обезпечивалось находившимся тамъ войсками 1-й арміи. Присутствіе на Брестскомъ шоссе войскъ, остававшихся у Сѣдльце, тоже становилось ненужнымъ, такъ какъ всѣ пункты, лежащіе впереди Бреста, уже были совершенно очищены отъ всѣхъ складовъ; самый-же Брестъ былъ надежно обезпеченъ, не только корпусомъ бар. Розена, но и положеніемъ главныхъ силъ арміи на правомъ берегу Нарева.

Между тѣмъ главная армія Дибича расположилась такъ, что правый ея флангъ находился у Голымина, лѣвый у Пултуска и Клешева, а гвард. корпусъ у Макова и Червонки. На правомъ флангѣ гр. Паленъ имѣлъ 20 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, казачій полкъ и 40 орудій. 3 баталіона 2-й пѣх. дивизіи и Сумскій гусарскій полкъ съ 6-ю орудіями и казаками были выдвинуты имъ къ с. Гарнову, составляя передовой его отрядъ къ сторонѣ Насельска и Новемяста. На лѣвомъ флангѣ кн. Шаховской, вмѣстѣ съ авангардомъ гр. Витта, имѣлъ 19 батал., 25 эскадр., 2 полка казаковъ и 40 орудій. Казачьи полки находились впереди: Секретова на шоссе въ Дзіерженинѣ, а



Борисова—на р. Вкрѣ у Мокржина. Для поддержанія ихъ были выдвинуты уланскіе полки: въ Винницу Украинскій и въ Покржавницу Новоархангельскій. Гвардія, у Макова и Червонки (гдѣ находилась 1-я кирасирская дивизія), была въ числѣ 18 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 70 орудій. Боевой артиллерійскій резервъ, съ прикрывавшимъ его гренадерскимъ пр. Мекленбургскаго полкомъ, находился у Шелкова, главная квартира арміи—въ Клешевѣ. Въ Остроленкѣ оставался 1-й егерскій полкъ, а въ Ломжѣ 1-я бриг. 1-й пѣх. дивизіи съ 4 ор. и сотнею казаковъ. Для наблюденія пространства между Бугомъ и Наревомъ оставленъ былъ въ Островѣ летучій отрядъ изъ

дивизіона Новоархангельскаго уланскаго полка съ сотнею казаковъ, подъ начальствомъ Пилара, и въ Брокѣ временно находился Атаманскій казачій полкъ, имѣвшій постъ также въ Нурѣ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ главныхъ силъ арміи изъ Остроленки къ Пултуску, Крейцъ началъ свое движеніе изъ Люблинскаго воеводства. 23-го мая онъ сосредоточилъ къ Коцку всѣ бывшія его войска (за исключеніемъ 2-й конно-егерской дивизіи, Хоперскаго и Кирѣева казачьихъ полковъ) и выдвинулъ, подъ начальствомъ пр. Адама Виртембергскаго, легкій отрядъ къ Серокомлѣ, а 24-го числа перешелъ въ Раджинъ. Вслѣдствіе назначенія гр. Палена 2-го начальникомъ резервной кавалеріи дѣйствующей арміи, бар. Крейцъ получилъ 2-й пѣх. корпусъ, почему войска, шедшія съ нимъ изъ Люблинскаго воеводства, должны были соединиться съ остававшимися на шоссе у Сѣдльце и затѣмъ тѣ и другія продолжать дальнѣйшее слѣдованіе уже подъ общимъ начальствомъ чрезъ Цѣхановецъ, Андржеево, Пыски и Остроленку на правый берегъ Нарева. Дибичъ приказалъ раздѣлить ихъ на два эшелона: первый, подъ командою Муравьева, состоялъ изъ Литовской гренадерской бригады, 2-й и 3-й бригадъ 2-й пѣх. дивизіи, 2-й бригады 2-й драгунской дивизіи и казачьяго Карпова полка; бар. Крейцъ со 2-ю бр. 7-й пѣхотной, съ 1-ю бригадою 2-й драгунской, тремя полками 2-й гусарской дивизій и казачьими Грекова и Егорова полками долженъ былъ образовать второй эшелонъ и выступить къ арміи по особому распоряженію. Остальныя войска изъ бывшихъ на шоссе у Сѣдльце и Мендзыржеца, а именно: Татарскій уланскій и Ильина казачій полки, 3-я бригада 7-й пѣх. дивизіи и 1-й резервный саперный баталіонъ, имѣли назначеніе присоединиться къ корпусу Розена въ Брестѣ.

Во время движенія арміи противъ Скржинецкаго всѣ войсковыя тяжести, за исключеніемъ летучаго парка, ящиковъ третьихъ дивизіоновъ артиллеріи, одного понтоннаго отдѣленія и полковыхъ провіантскихъ фуръ,—оставлены были въ Брестѣ; такъ какъ ихъ удобно было присоединить вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ съ Брестскаго шоссе, то и предписано было, во-первыхъ, Муравьеву слѣдовать чрезъ Дрогичинъ и Цѣхановецъ, а, во-вторыхъ, чтобы бар. Розенъ отправилъ всѣ тяжести изъ Бреста. Муравьевъ долженъ былъ перейти чрезъ Бугъ въ Дрогичинѣ 29-го мая и, въ случаѣ надобности, выждать тамъ движенія тяжестей, которыя Розенъ раздѣлилъ на три транспорта; въ первомъ изъ нихъ были: денежная армейская казна, мостовыя принадлежности, полевой почтамтъ и типографія, часть подвижнаго магазина и 400 штукъ рогатаго скота; для прикрытія этого транспорта, кромѣ войскъ Муравьева, при немъ находились: 2-й саперный баталіонъ изъ выздоровѣвшихъ, прибывшій на укомплектованіе 3-й дивизіи, изъ округа Херсонскаго поселенія, сводный кирасирскій полкъ, конная № 30 батарея и сотня казаковъ. Транспортъ этотъ выступилъ изъ Бреста 24-го числа и двигался чрезъ Брянскъ, куда прибылъ 28-го мая. Во второмъ транспортѣ должны были слѣдовать: двѣ батареи 1-й гр. и 1-й пѣх. дивизій, конныя № 19 и 20 батареи, понтонное отдѣленіе и подвижные: парки, лабораторія и арсеналъ, подъ прикрытіемъ втораго и третьяго маршевыхъ баталіоновъ и сотни казаковъ. Транспортъ этотъ былъ направленъ на Семятичи, откуда долженъ былъ слѣдовать за колонною Муравьева. Наконецъ третій транспортъ состоялъ изъ подвижнаго госпиталя съ запасными вещами для больныхъ, съ перевязочными припасами и съ подвижною аптекою; онъ долженъ былъ слѣдовать подъ прикрытіемъ четвертаго маршеваго баталіона и своднаго полка уланъ, прибывшаго (вмѣстѣ со своднымъ кирасирскимъ полкомъ) на укомплектованіе 3-й уланской дивизіи. Транспортъ этотъ не могъ выступить изъ

Бреста ранѣе 30-го мая и направленъ, какъ и первый, на Брянскъ и Высоко-Мазовецкъ.

Крейцъ со 2-мъ эшелономъ войскъ долженъ былъ до времени оставаться на лѣвомъ берегу Буга, занимая Сѣдльце кавалерійскимъ отрядомъ. Дибичъ имѣлъ въ виду притянуть его къ главнымъ силамъ передъ самымъ выступленіемъ ихъ къ нижней Вислѣ. Прибытіе обоихъ эшелоновъ Крейца, числомъ около $13^1/_2$ т. человѣкъ, значительно усиливало главныя силы арміи, числительность которыхъ простиралась-бы до 65.000 чел.

Готовясь къ предстоявшей операціи переправы на нижней Вислѣ, фельдмаршалъ озаботился и объ инженерной подготовкѣ раіона военныхъ дѣйствій. Онъ осмотрѣлъ Сѣроцкъ съ находившимися тамъ укрѣпленіями, возведенными въ 1807 году и еще довольно хорошо сохранившимися. Но оказалось, что окопы были расположены преимущественно на правомъ берегу и слѣдовательно невыгодно относительно предстоявшей операціонной линіи; на лѣвомъ-же берегу находились лишь незначительныя укрѣпленія, которыя пришлось-бы усиливать, а для удержанія ихъ назначить, по крайней мѣрѣ, 40 ор. и 4.000 гарнизона, притомъ безъ всякой пользы, такъ какъ, во-первыхъ, поляки всегда могли-бы дѣйствовать изъ Модлина въ обходъ этихъ укрѣпленій; во-вторыхъ, вслѣдствіе близости ихъ къ Прагѣ и Модлину, тамъ нельзя было заложить никакихъ складовъ; въ-третьихъ, занятіемъ Сѣроцка нельзя было даже обезпечить праваго берега Буга, такъ какъ выше Вышкова на рѣкѣ были броды. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Дибичъ предпочелъ укрѣпить Ломжу, а Сѣроцкъ удерживать лишь демонстративно, пока армія находилась у Пултуска. Начальнику инженеровъ, Дену, поручено было привести Ломжинскія укрѣпленія въ такое состояніе, чтобы для обороны ихъ было достаточно 4-хъ баталіоновъ и 24 орудій. Кромѣ того для обезпеченія сообщеній отъ нижней Вислы какъ съ Ломжей, такъ и съ границею Имперіи, заложено было у Остроленки предмостное укрѣпленіе съ двумя сильными батареями на лѣвомъ берегу Нарева.

б) Продовольственная часть.

Продовольственныхъ запасовъ арміи къ 15-му мая имѣлось: въ Бѣлостокской области и губерніяхъ: Гродненской, Минской, Виленской и Волынской, всего 130.103 четв. муки, 35.237 четв. сухарей, 10.938 четв. крупъ, 46.783 четв. овса, 78.611 пудовъ сѣна и 1.782 пуд. соломы; кромѣ того въ предѣлахъ Царства Польскаго, въ Мендзыржецѣ, находилось 456 четв. муки, 6.130 четв. сухарей, 674 четв. крупъ и 186 четв. овса. Такимъ образомъ почти всѣ запасы находились за предѣлами Царства. По расположенію арміи ближайшими крупными запасами были гродненскіе, имѣвшіеся въ числѣ 80.277 четв. муки, 26.759 четв. сухарей, 7.822 четв. крупъ, 33.477 четв. овса, 61.818 пудовъ сѣна и 252 пуд. соломы. Запасы каждой изъ прочихъ вышеперечисленныхъ губерній были несравненно меньшіе. Для надлежащаго устройства продовольствія арміи, Дибичъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры, какъ къ увеличенію запасовъ вообще, такъ въ особенности къ доставкѣ ихъ войскамъ. Независимо отъ общихъ заготовленій внутри Имперіи и въ пограничныхъ пунктахъ Пруссіи, заботы фельдмаршала направлены были, во-первыхъ, къ тому, чтобы облегчить способы къ пріобрѣтенію мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ; во-вторыхъ, составить двадцатидневный наличный запасъ и, въ третьихъ, усилить перевозочныя средства арміи, весьма незначительныя въ то время. Заграничныя заготовленія производились съ должной энергіей.

Пейкеръ и Тенгоборскій частью скупили въ огромномъ количествѣ всякаго рода продовольственные продукты въ Данцигѣ, Торнѣ и Кенигсбергѣ, частью же они были привезены изъ Россіи и сложены вдоль границы. Суда привезшія эти запасы оставались на Вислѣ для дальнѣйшихъ распоряженій фельдмаршала. Относительно внутреннихъ заготовленій можно упомянуть слѣдующія мѣры: 1) по предложенію гр. Витта, командовавшаго поселеннымъ въ Херсонской губерніи 3-мъ рез. кавалерійскимъ корпусомъ, Дибичъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія позаимствовать до 72 тысячъ четвертей овса изъ запасовъ Херсонскихъ военныхъ поселеній, съ покупкою у поселянъ воловъ и повозокъ для перевозки овса къ арміи и съ назначеніемъ въ погонщики людей изъ рекрутъ набора 1831 г., ближайшихъ уѣздовъ Херсонской, Екатеринославской и Кіевской губерній; 2) возобновлена, пріостановленная прежде, перевозка изъ богатаго запасами Гродно и Скиделя въ Брестъ и Бѣлостокъ 27.900 четв. провіанта и фуража посредствомъ наряда обывательскихъ подводъ изъ Гродненской губерніи, съ пособіемъ 2.000 подводъ изъ Бѣлостокской области и съ платою на каждую версту по 2 коп. за четверть сухарей или овса и $2^1/_2$ к. за четверть крупъ; 3) для усиленія фуражныхъ средствъ, поручено чиновнику Женету покупать въ ближайшихъ къ Бресту мѣстахъ рожь и пшеницу, въ возможномъ количествѣ, безъ утвержденія цѣнъ гражданскимъ губернаторомъ; наконецъ 4) слѣдуетъ упомянуть, что значительный подвижной магазинъ, составленный въ Волынской и Подольской губерніяхъ изъ порціоннаго скота, назначеннаго для арміи, и нагруженный 20 т. четвертей сухарей и $23^1/_2$ т. четвертей овса, уже приближался къ Бресту *). Что касается облегченія способовъ пріобрѣтенія мѣстныхъ средствъ, то фельдмаршалъ испрашивалъ и уже получилъ разрѣшеніе замѣнить обыкновенно производимыя реквизиціи сборомъ продуктовъ на иныхъ, болѣе выгодныхъ для обѣихъ сторонъ началахъ, а именно: 1) реквизиціонный сборъ подъ простыя квитанціи отмѣнить и, въ особенности, освободить отъ исполненія его войска; 2) вмѣсто этого учредить раскладки на поставку продуктовъ за наличныя деньги по опредѣленнымъ, обоюдовыгоднымъ, цѣнамъ; 3) независимо отъ этого, вслѣдствіе крайней надобности въ зерновомъ фуражѣ, покупать его чрезъ нарочныхъ коммисіонеровъ изъ обывателей края; 4) съ поднятіемъ на корню зеленаго хлѣба, косить его съ выдачею квитанцій и предоставленіемъ вознагражденія по соразмѣрной цѣнѣ извѣстнаго пространства земли. Всѣ эти мѣры были тѣмъ надежнѣе, что успѣхъ оружія ощутительно склонялся въ пользу русскихъ, а поборы, назначаемые польскими военачальниками, становились тягостнѣе.

Главное вниманіе фельдмаршала было обращено на заготовленіе при арміи двадцатидневнаго наличнаго запаса продовольствія и на составленіе подвижнаго магазина для перевозки той части этого запаса, которой войска не могли поднять собственными средствами. Главнымъ источникомъ подвозовъ служили тогда, какъ упомянуто, гродненскіе магазины. Съ цѣлью скорѣйшаго перепеченія муки въ сухари, приказано было устроить въ Гродно сверхъ имѣвшихся 13 казенныхъ еще 29 большихъ печей; для ускоренія-же сплавовъ по р. Бобру до Визны и по Нареву до Ломжи разрѣшено было производить посредствомъ найма перевозку продуктовъ изъ Гродно до пунктовъ нагрузки; для сбора свѣдѣній о судахъ, имѣвшихся для сплава по Бугу, Нареву и Бобру, командированы чиновники, которые должны были также доставить свѣдѣнія о состояніи обыкновенной воды въ упомянутыхъ рѣкахъ, а также сколько рейсовъ могутъ сдѣ-

*) Магазинъ этотъ состоялъ изъ 6.630 пароволовыхъ и 600 пароконныхъ подводъ; онъ двигался чрезъ Луцкъ и голова его должна была прибыть въ Брестъ въ первыхъ числахъ іюня.

лать суда отъ мѣстъ нахожденія по Бобру до Визны, по Нареву до Ломжи, Остроленки и Пултуска, а по Бугу до Брока, Вышкова и Сѣроцка. Необходимыя для подвижнаго магазина при арміи новозки собирались посредствомъ найма по вольнымъ цѣнамъ извощиковъ въ ближайшихъ пограничныхъ мѣстахъ Россіи и Пруссіи и даже въ Царствѣ Польскомъ.

в) Артиллерійское довольствіе.

Паркамъ №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8 и части 25-го, нагруженнымъ огнестрѣльными припасами, а также №№ 7 и 1-му гренадерскимъ съ овсомъ, остановившимся, вслѣдствіе движенія Хлаповскаго, въ Цѣхановцѣ, послано приказаніе слѣдовать въ Остроленку; парки-же № 24 и другая часть № 25-го находились въ Бѣлостокѣ; туда-же положено было возвратить, если дозволитъ безопасность края, третью часть лошадей парка № 25-го, перевозившихъ 62 орудія артиллерійскаго резерва. Большая часть летучаго парка и третьи дивизіоны находились при арміи; остальная-же часть летучаго парка была отправлена на пополненіе зарядами корпуса Крейца. Вся артиллерія 2-го эшелона артиллерійскаго резерва, въ числѣ 50 орудій, съ выступленіемъ арміи отъ Костржина, переведена была на правый берегъ Буга и Розену предоставлено было употребить ее для вооруженія укрѣпленій Бреста.

Убыль въ людяхъ и лошадяхъ въ сраженіи при Остроленкѣ пополнена изъ 3-хъ дивизіоновъ; зарядами батареи укомплектованы изъ ящиковъ этихъ-же дивизіоновъ. Вообще въ половинѣ мая въ летучемъ и подвижныхъ паркахъ состояло на лицо 37.427 зарядовъ, т. е. армія была вполнѣ обезпечена боевыми припасами по крайней мѣрѣ на три большихъ сраженія.

г) Госпитальная часть.

Къ 16 мая состояло больныхъ: во внутреннихъ госпиталяхъ 20749 офицеровъ и нижнихъ чиновъ и въ заграничныхъ 4539 чел. Такимъ образомъ по отношенію къ общей числительности арміи % больныхъ представляется высокимъ. Разрѣшено было учредить госпитали: во Владимірѣ-Волынскомъ на 500 чел., въ Пинскѣ на 1200 чел. и въ Остроленкѣ на 4000 чел.; кромѣ того усилить: Ольскій до 1600 ч. и Ломжинскій до 4000 челов. Предположенный госпиталь въ Луцкѣ переведенъ въ Дубно (500 ч.). Неспособныхъ къ полевой службѣ нижнихъ чиновъ предписано было выписывать изъ госпиталей, причемъ годныхъ къ инвалидной службѣ—назначать на укомплектованіе подвижныхъ инвалидныхъ ротъ, состоявшихъ при госпиталяхъ.

Послѣднія распоряженія Дибича и его внезапная кончина.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Дибичемъ приняты были всѣ средства къ скорѣйшему движенію на нижнюю Вислу. На ряду съ мѣрами по сосредоточенію войскъ, ихъ продовольствію, артиллерійскому обезпеченію и пр., обращено было также вниманіе на изготовленіе матеріаловъ для устройства самой переправы; съ этою цѣлью инженеръ—полковникъ Фитингофъ занимался покупкой и приготовленіемъ всѣхъ мостовыхъ принадлежностей. Фельдмаршалъ надѣялся, что, при первыхъ успокоительныхъ извѣстіяхъ изъ Литвы, можно будетъ безостановочно двинуться къ нижней Вислѣ и перенести главныя операціи на лѣвый ея берегъ, базируясь на Пруссію. Но соображая всѣ обстоятельства съ временемъ прибытія въ Виленскую и Гродненскую губерніи резервной арміи, Дибичъ полагалъ, что переправу можно будетъ совершить не ранѣе 20 іюня, о чемъ и доносилъ Государю въ письмѣ отъ 26 мая.

Предварительно въ началѣ іюня, фельдмаршалъ полагалъ направить къ нижней Вислѣ, чрезъ Плоцкъ, легкій отрядъ, задача котораго заключалась въ слѣдующемъ: во-первыхъ, распространеніемъ возванія къ народу, кроткимъ обращеніемъ съ жителями и исправнымъ платежемъ за всѣ потребности для продовольствія отряда поселить въ краѣ довѣріе къ русскимъ и внушить жителямъ убѣжденіе, что они могутъ достигнуть мира и благоденствія только покорностью законной власти и пренебреженіемъ требованій предводителей возстанія; во-вторыхъ, гдѣ мѣры кротости оказались-бы напрасными силою оружія овладѣть всѣми суммами и запасами, принадлежащими революціонному правительству и воспрепятствовать, какъ новому набору рекрутъ, такъ и всякаго рода поборамъ въ пользу польской арміи; наконецъ въ третьихъ, движеніемъ отъ Плоцка вдоль по Вислѣ, до самой границы Пруссіи, дать средство офицерамъ генеральнаго штаба къ обозрѣнію береговъ рѣки, къ сбору свѣдѣній о мѣстныхъ средствахъ для устройства переправы и къ открытію параллельныхъ путей отъ Нарева къ Нижней Вислѣ. Въ составъ этого отряда назначены были: казачьи полки: Атаманскій Наслѣдника Цесаревича, донской Катасанова, 2-й и 5-й конно-Черноморскіе, 2 эск. л. гв. Конно-егерскаго полка и 2 конныхъ орудія; начальство надъ отрядомъ, положено было ввѣрить походному атаману Власову. Хотя Дибичу предстоялъ небезопасный фланговый маршъ мимо Модлина, но онъ надѣялся совершить его скрытно и быстро, причемъ предполагалось направить армію тремя колоннами. Но фельдмаршалу не пришлось самому привести въ исполненіе этихъ предположеній—неожиданная смерть постигла Дибича въ то время, когда всѣ почти трудности компаніи были пережиты и омраченная слава замѣчательнаго воина должна была снова возсіять яркимъ блескомъ. Плодами его, трудовъ суждено было воспользоваться уже другому, болѣе его счастливому, баловню судьбы. 29-го мая не стало фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго: онъ сдѣлался жертвою холеры *).

*) Незадолго до этого въ Петербургѣ были распространены о немъ и ввѣренной ему арміи самые невыгодные слухи. Говорили будто-бы армія находилась въ совершенномъ разстройствѣ, а полководца выставляли какъ человѣка неспособнаго выполнить возложенную на него задачу, причемъ указывали также на невоздержность его за столомъ и пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Въ виду назойливости и обилія подобныхъ слуховъ, Государь счелъ необходимымъ отправить въ армію довѣренное лицо, дабы на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣлъ. Выборъ Государя палъ на генералъ-адъютанта гр. Орлова, пользовавшагося искреннимъ расположеніемъ и любовью гр. Дибича. Хотя Орловъ прибылъ въ армію не безъ предубѣжденія, но въ донесеніи Государю долженъ былъ сознаться, что нашелъ ее въ отличномъ состояніи, хорошо снабженною, полною бодрости и гордою одержанною недавно блистательною побѣдою. Фельдмаршалъ приготовлялся къ празднованію 29—30 мая, годовщины Кулевчинской побѣды, открывшей ему побѣдоносное шествіе къ Адріанополю. 28-го онъ жаловался, что чувствовалъ себя не хорошо, но весь день былъ веселъ и не было никакого сомнѣнія даже относительно состоянія его здоровья. Передъ вечеромъ онъ по обыкновенію прогуливался и около 10 час. легъ спать; въ 11-мъ часу онъ былъ разбуженъ по спѣшнымъ служебнымъ дѣламъ и казался совершенно здоровымъ. Въ третьемъ часу ночи онъ вдругъ почувствовалъ дурноту, позвалъ людей, но запретилъ кого-бы то ни было, даже врача, безпокоить. Въ 4-мъ часу, чувствуя усиленіе боли, онъ потребовалъ главнаго медика Шлегеля, который нашелъ у фельдмаршала всѣ признаки сильнѣйшей холеры. Тотчасъ были поданы всевозможныя пособія, и Шлегелю, при помощи другихъ врачей, удалось около 7 часовъ утра нѣсколько успокоить больнаго. Обращаясь къ гр. Орлову, Дибичъ, между прочимъ, сказалъ: «сообщите его Величеству все, что вы видѣли; скажите ему, что я охотно умираю, потому что я честно исполнилъ возложенныя на меня обязанности, и былъ наконецъ такъ счастливъ, что запечатлѣлъ своею смертью вѣрность моему Государю». Въ 11¼ ч. дня Дибича не стало. Тѣло его было набальзамировано и отправлено въ Россію,—только сердце предано землѣ въ Пултускѣ. Прахъ Дибича покоится въ Петербургѣ, на протестантскомъ кладбищѣ, близъ Волкова поля. По случаю смерти фельдмаршала были распространены нелѣпые слухи будто-бы онъ отравился или былъ намѣренно отравленъ. Никогда за время польской кампаніи фельдмаршалъ не былъ такъ доволенъ собою, какъ послѣ Остроленкскаго сраженія, когда

На основаніи „Учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи“, впредь до назначенія главнокомандующаго, въ командованіе войсками вступилъ начальникъ главнаго штаба гр. Толь. 30-го мая главная квартира изъ Клешева была переведена въ Пултускъ, а 1-го іюня отданъ послѣдній долгъ покойному генералъ-фельдмаршалу и тѣло его предварительно отправлено въ Ломжу, въ сопровожденіи 2-хъ эскадроновъ кирасирскаго пр. Альберта прусскаго полка съ двумя орудіями ([340]).

окончательный успѣхъ дѣла казался неминуемымъ, армія была въ прекрасномъ состояніи и Государь былъ въ томъ удостовѣренъ чрезъ Орлова. Слѣдовательно къ насильственному прекращенію жизни не было ни малѣйшаго повода. Что-же касается другой варьяціи вышеупомянутаго слуха, то она столько-же возмутительна, сколько и безсмысленна; если-бы русская центральная власть была недовольна фельдмаршаломъ и потеряла-бы къ нему всякое довѣріе, то несомнѣнно онъ былъ-бы смѣненъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, былъ смѣненъ извѣстный герой 1812 г. ки. Витгенштейнъ, не оправдавшій надеждъ въ Турецкую кампанію 1828 года.

ГЛАВА X.

Возстаніе въ Литвѣ и Подоліи.

Возстаніе въ Литвѣ *).

Въ Остроленкѣ Дибичъ получилъ извѣстіе о совершенномъ почти подавленіи возстанія въ Литвѣ и Подоліи. Впрочемъ относительно Литвы трудно было сомнѣваться, что прибытіе Гелгуда и Хлаповскаго вновь подыметъ страну. Между тѣмъ русская армія не мало уже пострадала отъ волненій литовцевъ, такъ какъ она получала свое продовольствіе преимущественно изъ Литвы. Недостатокъ войскъ въ тылу препятствовалъ энергически и быстро подавить возстаніе; въ то-же время польскіе эмисары, опираясь на нѣкоторые наши частныя неудачи на главномъ театрѣ войны, вновь раздули пламя возстанія. Характеръ его въ основныхъ чертахъ уже выше выясненъ: банды формировались обыкновенно у помѣщиковъ, въ ихъ имѣніяхъ; ксендзъ говорилъ рѣчь, призывая прихожанъ вооружиться противъ „москалей“; слушатели, большею частью помѣщики съ ихъ челядью, брались за оружіе и такимъ образомъ появлялось ядро банды; затѣмъ къ нему пристававали и крестьяне, то по собственной охотѣ, то по принужденію; участіе крестьянскаго элемента въ литовскомъ возмущеніи дѣлало его и болѣе глубокимъ и болѣе обширнымъ нежели возстанія на Волыни и Подоліи, гдѣ дѣятелемъ мятежа было исключительно почти дворянство съ небольшой примѣсью горожанъ.

Болѣе подробный ходъ литовскаго возмущенія заключается въ нижеслѣдующемъ. Изъ числа 11 уѣздовъ Виленской губерніи, какъ объяснено выше, 9 были въ возстаніи, и въ рукахъ нашихъ войскъ находились лишь города Вильна и Ковно, гдѣ, впрочемъ, скрывались главные дѣятели. Скоро возстаніе коснулось и двухъ остальныхъ уѣздовъ: Свѣнцянскаго и Брацлавскаго, хотя уѣздный городъ Видзы (Брацлавскаго уѣз.) оставался спокойнымъ, благодаря присутствію тамъ небольшаго отряда, подъ начальствомъ энергическаго полковника Каховскаго. Въ Минской губерніи возмущеніе обнаружилось позже нежели въ Самогитіи; заговорщики оставались весь мартъ спокойными, но уже въ самомъ началѣ апрѣля возмущеніе произошло въ Дисненскомъ и Вилейскомъ уѣздахъ. Не долго, впрочемъ, революціонерамъ пришлось тамъ наслаждаться своими успѣхами; съ приближеніемъ къ Вилейкѣ отряда Больценталя со 2-мъ Тептярскимъ казачьимъ полкомъ, слѣдовавшимъ въ Вильну, банды разсѣялись, причемъ одна изъ нихъ, а именно Вилейская, подъ начальствомъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ (бывшаго полковника французской службы) Радзишевскаго, ушла въ Мядзіолъ, гдѣ, въ трудно-до-

*) См. карту для объясненія дѣйствій Толстаго противъ Гелгуда, а также карту театра войны.

ступной позиціи, среди болотъ и лѣсовъ, вскорѣ усилилась до 3000 чел. пѣхоты и 300 всадниковъ. Радзишевскій имѣлъ даже артиллерію: одна знатная дама подарила его бандѣ два 4 ф. орудія, остававшіяся зарытыми къ землѣ со времени раздѣла; къ нимъ были прибавлены еще два деревянныя, обитыя желѣзными обручами, но эти послѣднія разорвались при первомъ выстрѣлѣ.

Изъ трехъ городовъ—Вильны, Ковно и Видзъ—находившихся въ рукахъ русскихъ, послѣдній не имѣлъ важнаго значенія; попытка противъ втораго не удалась; оставалась Вильна, имѣвшая для литовцевъ такое-же важное значеніе, какъ Варшава для поляковъ Царства. Помимо огромнаго нравственнаго вліянія на умы жителей страны, занятіе Вильны было-бы чрезвычайно полезно для инсургентовъ въ томъ отношеніи, что дало-бы необходимыя средства для веденія войны и всякаго рода запасы и припасы: склады продовольствія, ружья, порохъ, снаряды и пр.; наконецъ только тамъ можно было учредить высшее правительство, которому повиновались-бы всѣ уѣзды. При всей заманчивости подобнаго предпріятія нельзя было не сознавать всей трудности атаковать городъ, защищаемый 3000 регулярныхъ войскъ. Прежде всего необходимо было избрать одного общаго начальника надъ всѣми войсками, которыя предполагалось сосредоточить для овладѣнія Вильной. Выборъ палъ на предводителя унитскихъ инсургентовъ Залусскаго, человѣка съ громкимъ именемъ, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и любовію, но не имѣвшаго ни военныхъ познаній, ни военной опытности. Согласно выработанному плану, Залусскій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: Виленскій уѣздъ долженъ былъ сосредоточить свои вооруженныя силы на вильномірской дорогѣ, у Мейшаголы, въ одномъ переходѣ отъ Вильны; Свенцянскій и Брацлавскій уѣзды—въ такомъ-же разстояніи отъ города, у Нѣменчина, по динабургской дорогѣ; Ошмянскій уѣздъ—по минской дорогѣ; наконецъ вооруженныя силы Трокскаго, Вилькомірскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ должны были сосредоточиться у Евьи на ковенской дорогѣ. Надѣялись такимъ образомъ собрать 16—20 т. чел. въ разстояніи 20—28 верстъ кругомъ Вильны и затѣмъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Чтобы обезпечить себя извнѣ, поручено было ковенскимъ инсургентамъ, подъ начальствомъ Прозора, наблюдать Ковно и охранять переправы чрезъ Вилію; вилькомірцы должны были удерживать русскихъ со стороны Динабурга, а самогитцы—со стороны Курляндіи. Каждый отрядъ долженъ былъ запастись продовольствіемъ на 14 дней и озаботиться устройствомъ подвозовъ на послѣдующее время. 5-го апрѣля Залусскій съ отрядами изъ Трокъ и Поневѣжа, подъ начальствомъ Огинскаго, Матусевича и Билевича, переправился чрезъ Вилію у Чабишекъ и къ вечеру занялъ позицію недалеко отъ Евьи у Ковганъ. Собранныя здѣсь силы простирались, по показанію польскаго писателя Вротновскаго, до 3000 чел., въ томъ числѣ 150 всадниковъ, 1000 вооруженныхъ ружьями и 2000 косиньеровъ. Храповицкій, получивъ извѣстіе, что инсургенты въ значительныхъ силахъ собираются на лѣвомъ берегу Виліи, выслалъ туда 6-го апрѣля только что возвратившагося изъ Ошмянъ полк. Верзилина на рекогносцировку съ 300 казаковъ, двумя ротами Бѣлозерскаго полка и двумя орудіями. Инсургенты, получивъ извѣстіе, что русскіе находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ, въ с. Овсяншикахъ, рѣшили сами произвести нападеніе. Залусскій и Пржецишевскій двинулись впередъ съ конницей, а Билевичъ слѣдовалъ за ними съ пѣхотой. Казаки своевременно замѣтили скакавшихъ непріятельскихъ всадниковъ и, подавшись назадъ, навели ихъ на пѣхоту и артиллерію. Встрѣченные пулями и картечью инсургенты смѣшались и обратились въ бѣгство. Билевичъ поспѣшно со своей пѣхотой засѣлъ въ домахъ и овинахъ селенія и открылъ сильный ружейный огонь. Верзилинъ, избѣгая напрасныхъ потерь, приказалъ зажечь строенія, послѣ чего пѣхота Билевича покинула селеніе, ища спасенія въ лѣсу. Потери непріятеля простирались одними убитыми до 120 чел.; Верзилинъ лишился всего 6 чел. Казаки преслѣдовали инсургентовъ только до лѣса, а затѣмъ Верзилинъ чрезъ Троки возвратился въ Вильну. Спасшіеся инсургентскіе предводители выждали прибытія къ Ковганамъ еще нѣкоторыхъ отрядовъ, и рѣшили было оставаться пока у Ковганъ, выдвинувъ авангардъ къ Овсяншикамъ. Но въ это время получены были неутѣшительныя для нихъ извѣстія о паденіи Ошмянъ и наступленіи генер. Ширмана и о разбитіи Вышковскимъ Прозора у Кормялова близъ Ковно. Всѣ эти обстоятельства заставили инсургентскихъ предводителей, со всѣми силами собранными у Ковганъ, числительностью до 7000 чел., отойти 12-го апрѣля за Вилію, чрезъ Яново въ Шаты; тамъ Залусскій надѣялся положить предѣлъ успѣхамъ генерала Ширмана.

Гораздо искуснѣе управляли возмущеніемъ самогитскіе начальники. Предводитель Россіенскаго уѣзда Станевичъ серьезно занимался организаціей своихъ войскъ и заготовкой боевыхъ припасовъ. Наибольшіе же таланты къ партизанской войнѣ обнаружилъ предводитель тельшинскихъ инсургентовъ Яцевичъ. Онъ понялъ что съ инсургентскими войсками невозможно дѣйствовать большими массами и давать рѣшительныя сраженія, а слѣдуетъ ограничиться малою войною. Поэтому онъ раздѣлилъ свои войска на небольшіе, но довольно самостоятельные отряды и расположилъ ихъ вдоль курляндской границы, такъ что пораженіе одного изъ нихъ не могло вредить другимъ, а войска и начальники имѣли возможность въ небольшихъ стычкахъ, при благопріятныхъ условіяхъ столкновенія, или же уклоняясь отъ боя, когда онъ невыгоденъ, постепенно пройти школу боевой подготовки. Согласно этому Яцевичъ выставилъ четыре отряда тельшевцевъ отъ Горждъ на прусской границѣ до Пикели въ окрестностяхъ Виндавы; далѣе начиналась цѣпь постовъ шавельскихъ инсургентовъ, къ которой примыкали поневѣжцы и вилькомірцы. Вышеупомянутые четыре отряда составляли первую линію тельшинцевъ; для поддержанія ихъ находились четыре отряда (Плунгяны, Салантъ, Плотелла, Сяды), силою каждый въ 500—900 пѣх. и кавалеріи; всего въ обѣихъ линіяхъ имѣлось 5000—6000 чел.; наконецъ общій резервъ образовали: учебный отрядъ въ 600 чел. пѣх. и 300 всадниковъ въ Тельшахъ и два отряда въ Ворнахъ для обезпеченія учрежденныхъ тамъ оружейныхъ заводовъ. Въ такомъ расположеніи инсургенты вели малую войну, успѣшную для нихъ, такъ какъ русскихъ войскъ въ странѣ было чрезвычайно мало; со стороны Курляндіи тоже ограничивались однимъ лишь пассивнымъ наблюденіемъ постами. 6-го апрѣля ген. Ренненкампфъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ въ Полангенѣ, гдѣ находилось всего 150 чел. объѣздчиковъ пограничной стражи, 200 ч. учебнаго баталіона, двѣ егерскія роты и 136 военно-рабочихъ съ Виндавскаго канала, всего около 800 чел. съ 3 орудіями. У моста чрезъ Аа, у Руцау находились егеря—лѣсничіе Мантейфеля и нѣсколько совершенно слабыхъ отрядовъ по границѣ Литвы съ Курляндіей. Ренненкампфъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ рѣшился напасть на инсуртентовъ; 8-го апрѣля онъ, съ цѣлью демонстраціи, двинулся сперва въ Кретингенъ, а затѣмъ повернулъ къ Дорбянамъ и внезапно атаковалъ непріятеля частью въ самомъ мѣстечкѣ, частью въ ближайшей рощѣ. Послѣ упорнаго боя инсургенты бѣжали къ Салантамъ и Шкудамъ. Разсѣявъ банду, Ренненкампфъ возвратился въ Полангенъ, охраненіе котораго было для него обязательно; по слабости-же своего отряда онъ не могъ оттуда значительно удаляться. Въ Полангенѣ Ренненкампфъ нашелъ полк. Бартоломея, котораго пруссаки отказались пропустить въ Августовское воеводство и предоставили ему свободный доступъ только въ предѣлы Имперіи; вслѣдствіи того, двинувшись черезъ Тильзитъ и Мемель, Бартоломей при-

былъ въ Полангенъ. Ренненкампфъ, усилившись этимъ отрядомъ и получивъ свѣдѣніе, что непріятель собираетъ новыя силы для нападенія на Полангенъ, рѣшился, согласно своей системѣ активной обороны, немедленно снова атаковать инсургентовъ. Выступивъ 11 апрѣля съ отрядомъ силою въ 1000 чел., онъ атаковалъ съ разсвѣтомъ близь Кретингена банду, которая почти безъ сопротивленія обратилась въ бѣгство и была энергически преслѣдуема русскими, послѣ чего Ренненкампфъ возвратился въ Полангенъ. Точно также были разсѣеваемы и другія банды; но слѣдуетъ замѣтить, что послѣднія также быстро собирались, какъ и разбѣгались, согласно принятому ими плану дѣйствій; русскія-же войска въ краѣ были слишкомъ слабы для рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Среди этихъ мятежныхъ дѣйствій самогитскіе крестьяне, преимущественно большихъ имѣній близь границы Курляндіи, столь часто побуждаемые къ возстанію, рѣшились попытаться взяться за оружіе и ради своихъ собственныхъ цѣлей; они обратили свою ненависть противъ исправниковъ, экономовъ и дворянъ, отъ которыхъ не мало приходилось имъ терпѣть; произведя грабежи и убійства, они двинулись противъ Тельшей, намѣреваясь установить тамъ свое собственное правленіе; Яцевичу едва удалось справиться съ этими буйными толпами, причемъ зачинщики потерпѣли наказаніе; одна часть крестьянъ была распущена, другая присоединена къ инсургентскимъ бандамъ. Русскіе ничего не знали объ этихъ волненіяхъ и оставались въ бездѣйствіи.

Наступательныя дѣйствія русскихъ.

Наконецъ къ русскимъ войскамъ подошли подкрѣпленія и можно уже было перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. 12 и 13 апрѣля кн. Хилковъ вступилъ въ Вильну съ 12-мъ егерскимъ полкомъ и 1-ю бригадою командуемой имъ 1-й уланской дивизіи, а 15-го апрѣля генералы Сулима и Малиновскій съ Ладожскимъ полкомъ и Офенбергъ съ 2-ю бригадою 1-й уланской дивизіи Хилкова при 12-ти орудіяхъ прибыли въ Ковно. Для дѣйствій противъ инсургентовъ былъ присланъ изъ Петербурга планъ, заключавшійся въ томъ, что изъ Вильны, какъ изъ центральнаго пункта, должны были выступить въ различныхъ направленіяхъ отряды, какъ для очищенія важнѣйшихъ путей, такъ и для преслѣдованія инсургентовъ небольшими подвижными колоннами. Согласно этому ген. Отрощенко долженъ былъ охранять Ошмянскій уѣздъ и дороги въ Минскъ и Гродно; кн. Хилковъ получилъ приказаніе открыть сообщеніе съ Петербургомъ чрезъ Видзы и Динабургъ; Сулима долженъ былъ вступить въ Самогитію, занять уѣздные города и высылкой подвижныхъ колоннъ успокоить страну. Небольшіе отряды Верзилина, Крагельскаго и пр. назначались для очищенія отъ инсургентовъ ближайшихъ окрестностей Вильны. Для содѣйствія этимъ операціямъ приказано было бар. Палену и Ширману занять главнѣйшіе пункты близь Курляндской границы, особенно Шавли и Тельши и преслѣдовать возставшихъ подвижными колоннами.

7-го апрѣля выступилъ изъ Вильны Отрощенко съ $1^1/_2$ батал. 11-го егерскаго полка, эскадрономъ гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка и 6 ор.; нѣсколько спустя также двинулся Ширманъ съ кадрами 7 и 8 егерскихъ полковъ и 4 ор. Въ каждомъ изъ этихъ отрядовъ было около 1200 чел. Получивъ свѣдѣнія, что инсургенты, подъ начальствомъ Пржездзецкаго, собираются въ Вишневскихъ лѣсахъ. Отрощенко двинулся туда и 11-го апрѣля авангардъ его опрокинулъ банду. Инсургенты направились къ Руму, надѣясь на свою безопасность среди тамошнихъ лѣсовъ и болотъ. Отрощенко, усиленный уланскимъ Великаго Князя Михаила Павловича полкомъ, рѣшился дѣйствовать противъ непріятеля съ двухъ сторонъ, въ направленіи двухъ дорогъ: изъ Бакшты и Воложина. Для этого онъ двинулъ Севастьянова съ 2-мя ротами, эскадрономъ уланъ и 2-мя орудіями чрезъ Воложинъ, а часть уланъ и казаковъ должны были преградить инсургентамъ путь къ Бакштѣ. Севастьяновъ напалъ у с. Рума на сильную банду, числительностью около 2000 чел., причемъ инсургенты потеряли убитыми около 100 чел., остальные-же, послѣ нѣкотораго сопротивленія, разсѣялись. Главные дѣятели возмущенія въ Ошмянахъ или были взяты въ плѣнъ, или бѣжали. Возстанію въ Ошмянахъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Генералъ Ширманъ, разсѣивая по пути шайки, двинулся сперва на Поневѣжъ, откуда, возстановивъ законное правительство и захвативъ съ собою зачинщиковъ и ксендзовъ, направился къ Шавлямъ, чтобы выждать тамъ генералъ-губернатора Палена, долженствовавшаго прибыть съ другою колонною изъ Митавы. Залусскій, вернувшійся изъ своей неудачной виленской экспедиціи въ Шады и имѣвшій уже въ своемъ распоряженіи до 7000 чел., старался преградить Ширману путь въ Шавли, но этого ему не удалось достигнуть.

Баронъ Паленъ выступилъ изъ Митавы съ кадрами полковъ 4-й резервной пѣхотной дивизіи: Невскаго, Софійскаго, Нарвскаго и Копорскаго, съ 2-мя эскадронами и 6-ю орудіями, всего около 2000 чел. Разбивъ сперва банду Тышкевича, а затѣмъ 17 апрѣля соединенныя силы шавельцевъ, подъ начальствомъ Херубовича и Шеміота у Янишекъ, Паленъ соединился 25 апрѣля съ Ширманомъ въ Шавляхъ. Въ это-же время къ послѣднему пункту приближались, въ различныхъ направленіяхъ отряды кн. Хилкова и Сулимы. Согласно общаго плана кн. Хилковъ съ 12-мъ егерскимъ и Сибирскимъ уланскимъ полками и 8-ю орудіями, выступивъ 16-го апрѣля изъ Вильны, обратился сперва къ Вилькоміру и разбилъ 17-го апрѣля у Мейшаголы банды Виленскаго уѣзда. Послѣ того онъ двинулся чрезъ Гедройцы, Маляты, Любонары, Колтыняны въ Свенцяны, куда прибылъ 24-го апрѣля. Наканунѣ Борткевичъ покинулъ городъ съ лучше вооруженными людьми и направился на Лужки для соединенія съ дисненскими инсургентами. Задержанный въ Свенцянахъ холерою, кн. Хилковъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы обезпечить дорогу изъ Вильны въ Динабургъ посредствомъ постовъ въ 20—30 чел. и общаго водворенія порядка.

Сулима, Малиновскій и Офенбергъ, 16-го апрѣля двинулись съ Ладожскимъ пѣх. полкомъ, двумя уланскими полками и 12 орудіями изъ Ковно въ Кейданы; на слѣдующій день инсургенты Прозора пытались воспрепятствовать переправѣ Офенберга черезъ Невяжу и разобрали мостъ, но къ вечеру удалось послѣдній возстановить, не смотря на огонь засѣвшихъ инсургентовъ, которые затѣмъ отступили. Генералъ Сулима также направился на Шавли, чтобы принять у Ширмана большой транспортъ съ боевыми припасами, приведенный для главной арміи изъ Динабурга. Залусскій, узнавъ о приближеніи русскихъ, приказалъ Прозору отойти къ Бейсаголѣ и наблюдать за движеніями непріятеля, самъ-же собралъ соединенныя силы у Смильги, между Поневѣжемъ и Шадовымъ, а послѣ того отправился въ Поневѣжъ, гдѣ, по удаленіи Ширмана, господствовала анархія. Получивъ извѣстіе о наступленіи къ этому пункту ген. Сулимы, Залусскій отправился въ Смильги и съ отрядомъ изъ 7000 чел. выступилъ въ Шадовъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, отступить въ Россіенамъ, гдѣ не было еще русскихъ войскъ; 21-го апрѣля онъ расположился бивакомъ у мызы Пржистовяны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги на Шадовъ; Прозоръ съ ковенскими и трокскими инсургентами занялъ позицію въ тылу у Бейсаголы. Сулима 22-го апрѣля настигъ арьергардъ Залусскаго и, опрокинувъ его, немедленно затѣмъ атаковалъ главныя силы.

Послѣднія расположились позади Пржистовянъ. Послѣ кратковременной перестрѣлки, Сулима двинулся во главѣ Ладожскаго полка на центръ непріятельской позиціи, а Офенбергъ съ уланами атаковалъ находившуюся на лѣвомъ флангѣ кавалерію Пржецишевскаго, въ числѣ около 400 всадниковъ. Послѣ непродолжительнаго боя инсургенты обратились въ поголовное бѣгство; уланы ихъ настойчиво преслѣдовали, и только у Бейсаголы Прозору удалось расположить въ лѣсу, по обѣ стороны дороги, стрѣлковъ, огонь которыхъ заставилъ пріостановиться уланъ. Уронъ инсургентовъ въ этомъ крупномъ дѣлѣ былъ весьма значителенъ, причемъ нѣсколько ихъ предводителей пали подъ штыками. Отдохнувъ нѣсколько часовъ въ Бейсаголѣ, Залусскій, съ оставшимися у него 5000 чел., направился въ Россіенамъ, куда прибылъ 23-го апрѣля. Здѣсь между предводителями возникло несогласіе. Станевичъ былъ недоволенъ тѣмъ, что движеніемъ къ Россіенамъ Залусскій могъ привлечь туда русскія войска; онъ-же подалъ совѣтъ отказаться отъ „безумной мечты о большихъ сраженіяхъ“, а разойтись и вести каждому на своей родинѣ, подобно испанскимъ гверильясамъ, тяжелую для русскихъ партизанскую войну. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство и Залусскій долженъ былъ сложить съ себя главное начальство. Послѣ того отдѣльные отряды потянулись въ различные уѣзды и прибыли благополучно по назначенію, такъ какъ Сулима, согласно данной ему инструкціи, послѣ побѣды у Пржистовянъ обратился къ Шавлямъ куда прибылъ 26-го апрѣля.

Въ этомъ пунктѣ, вмѣстѣ съ притянутымъ туда отрядомъ Бартоломея, собралось около 7000 чел., назначенныхъ для водворенія порядка въ трехъ самогитскихъ уѣздахъ, гдѣ еще не было русскихъ войскъ. Съ этой цѣлью они выступили туда по тремъ различнымъ направленіямъ: Сулима съ половиною своего отряда эскортировалъ вышеупомянутый транспортъ въ Ковно; Малиновскій и Офенбергъ съ другою половиною—въ Россіены; въ Шавляхъ остался гарнизонъ изъ 600 чел. съ 2 орудіями. Паленъ, выступивъ 27-го апрѣля изъ Шавель, отдѣлилъ полковника Ховена къ Ворнамъ, и, двигаясь по назначенію, 30-го апрѣля разбилъ передъ Тельшами инсургентовъ этого города и занялъ городъ, гдѣ быстро возстановилъ порядокъ; тоже случилось и въ Ворнахъ послѣ стычки съ непріятелемъ. 1-го мая Паленъ соединился съ Ховеномъ и направился къ Плунгянамъ, въ расчетѣ зайти въ тылъ главнымъ силамъ тельшинцевъ у Полангена, гдѣ въ это время происходили жаркія столкновенія; но онъ прибылъ уже поздно. Атака Полангена, весьма важнаго по мнѣнію поляковъ и литовцевъ, была давно рѣшена. 25-го апрѣля Яцевичъ стянулъ большую часть своихъ силъ къ Дорбянамъ и Кретингену, придавъ имъ двѣ 4 ф. пушки, привезенныя изъ Ворнъ. Числительность собранныхъ войскъ простиралась до 4000 чел., почти на половину вооруженныхъ ружьями, правильно обученныхъ и обмундированныхъ; изъ нихъ около 1000 чел., подъ начальствомъ Калиновскаго и Товткевича были въ Кретингенѣ, прочіе въ Дорбянахъ. Предполагая напасть на Полангенъ 27-го апрѣля, инсургенты узнали, что русскіе сами ихъ атакуютъ въ двухъ направленіяхъ. Яцевичъ выслалъ 400 чел. въ рощу передъ городомъ, на встрѣчу ближайшему русскому отряду, наступавшему отъ моста у Руцау, а самъ съ остальными войсками построился къ бою въ городѣ. Атаку въ этомъ направленіи велъ со стороны русскихъ подполк. Куролесовъ. Онъ слѣдовалъ съ резервнымъ баталіономъ Ревельскаго полка (200 ч.) и 1 орудіемъ въ Полангенъ на усиленіе гарнизона, значительно ослабленнаго съ уходомъ Бартоломея. Ренненкампфъ, узнавъ о приготовленіяхъ инсургентовъ, рѣшился предупредить ихъ нападеніемъ и, подкрѣпивъ Куролесова 60 кавалеристами, приказалъ ему двинуться отъ моста Руцау въ Дорбяны, а самъ съ 400 чел. (въ томъ числѣ 90 кавалеристовъ) и 1 орудіемъ обратился туда-же изъ Полангена. Быстро появившись, Куролесовъ вытѣснилъ передовой непріятельскій отрядъ изъ рощи, затѣмъ двинулся къ городу, гдѣ его встрѣтилъ Яцевичъ со всѣми своими силами.

Послѣ горячей перестрѣлки, русскіе повели стремительную атаку въ штыки и заставили было инсургентовъ отступить, а отправленный изъ города непріятельскій обозъ успѣли захватить; но Яцевичу удалось остановить отступавшихъ и, указаніемъ на малочисленность русскихъ, побудить къ наступленію противъ города. Бой возобновился и Куролесовъ, не получая никакихъ подкрѣпленій, подавленный громаднымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ, вынужденъ былъ отступать, отстрѣливаясь, къ Полангену. Между тѣмъ Ренненкампфъ на пути къ Дорбянамъ имѣлъ у Рудайцъ схватку съ бандами Калиновскаго и Товткевича, высланными къ Кретингену; послѣ продолжительнаго боя, онъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Узнавъ, что Куролесовъ сильно тѣснимъ, Ренненкампфъ повернулъ влѣво и вышелъ во флангъ и тылъ преслѣдовавшимъ Куролесова, чѣмъ и заставилъ ихъ повернуть назадъ. Послѣ того обѣ стороны отошли на свои позиціи. Уронъ русскихъ простирался до 50 ч., убитыми и ранеными.

Ободренные нѣкоторымъ успѣхомъ, инсургенты, пополнивъ свои боевые припасы изъ Ворнъ и Ретова, приготовились произвести 1-го мая большое нападеніе на Полангенъ; оно было ведено въ двухъ направленіяхъ: Калиновскій и Товткевичъ отъ Кретингена, а Яцевичъ, съ главными силами, отъ Дорбянъ. Инсургенты смѣло наступали противъ укрѣпленій, возведенныхъ передъ Полангеномъ, для защиты которыхъ Ренненкампфъ собралъ все что только могъ, т. е. не болѣе 800 чел. Нѣсколько атакъ было уже отбито, когда Яцевичъ получилъ извѣстіе, что Паленъ съ значительными силами дошелъ до Тельшей и угрожаетъ зайти ему въ тылъ. Тогда Яцевичъ отдалъ приказаніе своимъ войскамъ отступать чрезъ Кретингенъ и Горжды въ Ретовскіе лѣса. Это приказаніе вызвало столь поспѣшное исполненіе, что Яцевичу едва удалось на слѣдующій день, 2-го мая, собрать свои войска, привести ихъ въ порядокъ и отвести вдоль прусской границы къ Таурогену, такъ какъ получено было извѣстіе, что Ширманъ, посланный Паленомъ изъ Плунгянъ, подвинулся влѣво до Ретова, имѣя въ виду зайти въ тылъ тельшинцамъ. Паленъ выдвинулся 3-го мая до Кретингена и вошелъ въ связь съ Ренненкампфомъ; а Ширманъ направился отъ Плунгянъ къ Ретову, гдѣ находилось нѣсколько бандъ, которыя онъ разсѣялъ, затѣмъ сжегъ пороховые заводы, овладѣлъ 8 пушками, отлитыми въ Ворнахъ, и уничтожилъ всѣ мастерскія. Послѣ того Ширманъ направился вслѣдъ за непріятельскими бандами на Нове-Място и Таурогенъ, вблизи отъ котораго находился Яцевичъ со своими войсками. Тамъ одно появленіе русскаго отряда заставило банды разсыпаться въ разныя стороны. Ширманъ, оставивъ ихъ, какъ болѣе уже не опасныя, направился къ Юрбургу противъ Станевича, которому и нанесъ чувствительный ударъ. Инсургентскій предводитель, тѣснимый съ одной стороны Ширманомъ, а съ другой Малиновскимъ, преслѣдовавшимъ его отъ Россіенъ, находился въ весьма затруднительномъ положеніи; потерявъ большую часть своихъ людей, онъ укрылся въ Цытовянскихъ лѣсахъ, бывшихъ въ то время сборнымъ пунктомъ всѣхъ бѣглецовъ. Яцевичъ укрывался тамъ тоже нѣсколько времени, затѣмъ направился съ имѣвшимися у него войсками въ Россіены, куда прибылъ (съ 30 всадниками и только приблизительно со 100 пѣхотинцами) въ то время какъ Малиновскій выступилъ для преслѣдованія Станевича. Тамъ онъ засталъ Калиновскаго и нѣсколькихъ другихъ предводителей. Слухъ о приближеніи къ Россіенамъ Малиновскаго заставилъ ихъ всѣхъ разсѣяться. Яцевичъ бѣжалъ черезъ Дубису въ Шидлово. Зарывъ въ лѣсу двѣ пушки, которыя до тѣхъ поръ слѣдовали за нимъ, онъ распустилъ сво-

ихъ офицеровъ, которымъ назначилъ сборнымъ пунктомъ Ретовскіе лѣса. Большинству изъ нихъ удалось явиться туда, такъ что, ко времени прибытія Гелгуда въ Литву, Яцевичъ снова собралъ банду въ 900 чел.

Малиновскій, разсѣявъ 8-го мая банду Станевича у Эржвилокъ, возвратился обратно въ Россіены. Послѣ того онъ переправился чрезъ Дубису и двинулся къ Цытовянскому лѣсу; нѣсколько дней было употреблено на обыскъ послѣдняго и разсѣяніе укрывавшихся тамъ инсургентскихъ отрядовъ. Ширманъ возвратился въ Тельши, занявъ гарнизонами важнѣйшіе пункты и этимъ онъ, вмѣстѣ съ Ренненкампфомъ, сохранялъ порядокъ во всей сѣверной части края. Линія ихъ постовъ простиралась отъ Полангена, чрезъ Кретингенъ, Плунгяны, Тельши и Шавли до Янишекъ; небольшія подвижныя колонны прорѣзывали страну по всѣмъ направленіямъ. Подобнымъ-же образомъ Сулима и Малиновскій удерживали въ повиновеніи южную часть Самогитіи. Паленъ, утомленный маршами и преслѣдованіями, возвратился въ Ригу. Страна постепенно успокоивалась; крестьяне толпами возвращались по домамъ. Для тѣхъ-же кто желалъ поддерживать возмущеніе оставались убѣжищемъ только лѣса и болота; для этой цѣли главнымъ образомъ служили густые Ретовскіе, Куршанскіе и Цытовянскіе лѣса. Оттуда остатки инсургентовъ вели мелкую партизанскую войну. Хотя такимъ образомъ инсургенты не достигли какихъ-либо положительныхъ результатовъ, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и для русскихъ эта война была крайне тягостна. Имѣя повсюду друзей, получая всѣ необходимыя свѣдѣнія, инсургенты всегда почти были заблаговременно предупреждены о движеніяхъ русскихъ войскъ; они могли свободно дѣйствовать, не заботясь о своихъ сообщеніяхъ и въ надеждѣ всегда найти удобное убѣжище. Русскіе, напротивъ, прикованные къ опредѣленнымъ пунктамъ, должны были прикрывать главные пути и неутомимо гоняться за инсургентами, которые если и бывали настигаемы, то, послѣ незначительнаго сопротивленія, разсѣявались, съ тѣмъ, чтобы потомъ собраться въ условленномъ пунктѣ; это тѣмъ легче было для нихъ, что въ качествѣ туземцевъ они отлично знали всѣ дороги, тропинки и убѣжища. Перебѣгая изъ одного пункта въ другой, изъ лѣса въ лѣсъ, они ускользали изъ подъ самыхъ глазъ русскихъ, чтобы затѣмъ собраться у нихъ въ тылу. Такимъ образомъ удары, направляемые противъ нихъ, были большею частью лишь ударами по воздуху. Только сознаніе въ нашихъ войскахъ громаднаго нравственнаго превосходства надъ неустроеннымъ и плохо обученнымъ непріятелемъ поддерживало бодрость людей и увѣренность, что всякая встрѣча со врагомъ есть для него уже и пораженіе.

Во время этихъ событій въ западной части страны, т. е. въ Самогитіи, дѣла инсургентовъ въ восточной ея части, т. е. собственно въ Литвѣ, были не въ лучшемъ положеніи. Залусскій, послѣ возвращенія изъ Россіенъ, нашелъ въ Упитскомъ уѣздѣ полную анархію и долженъ былъ заняться прежде всего установленіемъ тамъ какого нибудь порядка; точно также въ Вилькомірскомъ уѣздѣ, при подобныхъ же условіяхъ во главѣ революціоннаго правленія былъ поставленъ Конча; въ Виленскомъ, Трокскомъ и Ковенскомъ уѣздахъ оставались прежніе предводители, которые продолжали вести мелкую партизанскую войну. Въ Ошмянскомъ, Свенцянскомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ порядокъ былъ поддерживаемъ Отрощенкой, Хилковымъ и Каховскимъ. Въ Трокскомъ и Вилькомірскомъ уѣздахъ сохраненію порядка содѣйствовали колоніи русскихъ раскольниковъ, филиповцевъ, называвшихся въ общежитіи бурлаками и водворившихся въ странѣ еще при Сигизмундѣ Августѣ. Въ началѣ они оставались спокойными, но впослѣдствіи, терпя притѣсненія отъ революціонеровъ, не только защищались отъ нихъ,

но, образовавъ изъ себя небольшія партіи, сами стали дѣятельно преслѣдовать инсургентовъ.

На восточной границѣ наибольшею вооруженною силою располагали инсургенты Вилейскаго, Свенцянскаго и Дисненскаго уѣздовъ. Первые, подъ начальствомъ Радзишевскаго, были расположены, какъ упомянуто выше, у Мадзіола. Они рѣшились произвести нападеніе на Вилейку; къ нимъ присоединились остатки ошмянцевъ, разбитыхъ у Рума. 22-го апрѣля инсургенты ворвались въ городъ съ двухъ сторонъ; но тамъ въ это время находился ген. Сафьяновъ, прибывшій наканунѣ съ двумя слабыми резервными баталіонами; быстро собравшись, они сами перешли въ наступленіе и обратили банду Радзишевскаго въ бѣгство; тогда онъ обратился на Глубокое, чтобы соединиться съ инсургентами Дисненскаго уѣзда. Послѣдніе напали 26-го апрѣля на свой уѣздный городъ; русскій гарнизонъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, отступилъ; но черезъ три дня подошелъ полк. Марковъ съ 3-мя баталіонами и 2 ор. и опять овладѣлъ Дисной. Инсургенты возвратились въ Лужки, гдѣ къ нимъ присоединился Борткевичъ съ свенцянцами, бѣжавшими передъ Хилковымъ.

Вмѣстѣ съ Радзишевскимъ, прибывшимъ 1-го мая въ Глубокое, въ этомъ мѣстѣ было сосредоточено около 5—6000 инсургентовъ. Между тѣмъ ген. Сафьяновъ, опрокинувшій Радзишевскаго въ Вилейкахъ, получилъ въ подкрѣпленіе два эскадрона уланъ и двинулся противъ непріятеля; ему удалось разбить банду Радзишевскаго 3-го мая, прежде чѣмъ къ послѣднему подошли на помощь свенцянцы и дисненцы; послѣ того всѣ эти отряды возвратились въ Лужки. Въ виду наступленія русскихъ войскъ и приближенія резервной арміи гр. Толстаго, инсургентскіе предводители рѣшились отступить въ Вилькомірскій уѣздъ, гдѣ они были ближе къ границѣ. Чтобы обмануть русскихъ, одна, лучше вооруженная, часть инсургентовъ должна была двинуться влѣво въ избранномъ направленіи, а другая, для демонстраціи, въ Витебскій уѣздъ. 6-го мая обѣ колонны выступили изъ Лужекъ. Вторая изъ нихъ напала на Лепель, вытѣснила оттуда инвалидную команду и стремилась поднять возстаніе въ Витебской губерніи; но уже чрезъ нѣсколько дней была окружена бригадою 4-й гусарской дивизіи, подъ начальствомъ ген. Каблукова, и совершенно разбита. Другая банда числомъ до 2.500 чел., взявшая направленіе влѣво, двинулась скрытно и быстро къ Видзамъ, чтобы пробраться между ними и Свенцянами, а оттуда къ Кочергишкамъ (въ полумилѣ отъ Видзъ); у послѣдняго пункта инсургенты оттѣснили русскій отрядъ изъ 120 егерей и 60 уланъ и направились на Салаки; 11-го мая они перешли въ Вижуны, гдѣ открыли связь съ вилькомірскими инсургентами.

Въ этой мѣстности находилось множество мелкихъ, хорошо вооруженныхъ, самостоятельно дѣйствовавшихъ бандъ; но каждый изъ 3-хъ соединенныхъ уѣздовъ пожелалъ поставить во главѣ своего предводителя; послѣ продолжительныхъ споровъ и ссоръ, Радзишевскій удержалъ начальство надъ вилейцами; свенцяницы-же и дисненцы, сохранившіе между собою согласіе, ввѣрили Борткевичу конницу, а Брохоцкому пѣхоту; при нихъ-же состоялъ отрядъ „отчаянныхъ“ ошмянцевъ. Послѣ того банды разъединились: Борткевичъ и Брохоцкій двинулись 12 мая чрезъ Шиманцы, Купишки въ Трашкуны, гдѣ оставались 8 дней до отозванія ихъ къ Гелгуду, съ которымъ и соединились 29 мая у Жеймы. Радзишевскій, преслѣдуемый нѣкоторое время кн. Хилковымъ, выступилъ изъ Свенцянъ, шелъ чрезъ Купишки, Коварскъ и Вилькоміръ къ Подширвинтамъ, гдѣ получилъ приказаніе примкнуть къ Хлаповскому у Чабишекъ. 1-го іюня они соединились; изъ пѣхоты Радзишевскаго былъ образованъ 26-й пѣхотный, а изъ конницы 12-й уланскій полкъ; пѣхота двухъ другихъ уѣздовъ была при-

соединена къ 19-му пѣх. полку, а изъ конницы сформированы 10-й и 11-й уланскіе полки. Точно также трокцы, вилькомірцы, упитцы и др. были присоединены къ войскамъ Гелгуда; всѣ эти толпы инсургентовъ доставили послѣднему, кромѣ пришедшихъ съ нимъ вмѣстѣ, отъ 10 до 12 т. чел.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о виленскихъ студентахъ. Долго, но тщетно они ожидали возстанія въ самомъ городѣ; наконецъ, соскучившись, вышли, вооружились спрятаннымъ для нихъ въ монастыряхъ и костелахъ оружіемъ и рѣшились вести партизанскую войну. Высланный противъ нихъ отрядъ Крагельскаго нанесъ части ихъ 7-го мая пораженіе въ Рудникскомъ лѣсу; спустя 4 дня студенты удачно отбили преслѣдовавшую ихъ роту Виленскаго полка, но, наконецъ, двигаясь отъ Барбаришекъ къ Воштартанскимъ лѣсамъ, были настигнуты тамъ полк. Севастьяновымъ и совершенно имъ разбиты, потерявъ до 200 чел. Остатки ихъ присоединились впослѣдствіи къ Хлаповскому. Таковы были дѣла въ Виленской губерніи ([341]).

Дѣйствія въ Бѣловежской пущѣ.

Въ Гродненской губерніи революціонное движеніе *) было еще слабѣе, такъ какъ большая часть молодежи, пользуясь близостью Царства, своевременно туда удалилась. Впрочемъ и въ этой губерніи образовался заговоръ, во главѣ котораго сталъ Красковскій, личный секретарь гражданскаго губернатора; нѣкоторые изъ примкнувшихъ къ нему дворянъ, опасаясь быть открытыми, бросились въ Бѣловежскіе лѣса, гдѣ швейцарецъ, главный лѣсничій инспекторъ Ронко, посвященный въ заговоръ, сдѣлалъ всѣ приготовленія. Бѣловежскій лѣсъ (на границѣ Гродненской губерніи и Бѣлостокской области) хвойный, смѣшанный съ березовымъ, имѣетъ 160 верстъ въ окружности, до 50 в. въ длину и около 40 въ поперечникѣ. Хотя онъ окруженъ безлѣснымъ пространствомъ, однако образуетъ лишь малую часть огромной полосы лѣсовъ, которая тянется по всей Литвѣ. Въ немъ три главные населенные пункта, не болѣе впрочемъ какъ простыя селенія, а именно: въ центрѣ—Бѣловежа, на сѣверо-востокѣ—Рудня и на сѣверо-западѣ—Наревка; они образуютъ собою узлы путей идущихъ черезъ лѣсъ. Пути эти слѣдующія: 1) большая дорога, съ юга на сѣверъ, отъ Каменца-Литовскаго чрезъ Бѣловежу въ Рудню и далѣе на Свислочъ; 2) дорога съ востока на западъ, отъ Шершева на Бѣловежу, а оттуда вправо на Наревку и влѣво чрезъ Гайновщизну на Бѣльскъ; 3) дорога тоже съ востока на западъ, изъ Пружанъ, чрезъ Газены, вправо на Рудню и влѣво чрезъ Масево въ Наревку. Кромѣ этихъ дорогъ есть еще множество тропинокъ, извѣстныхъ только лѣсничимъ; есть и такія мѣста, гдѣ никогда не ступала нога человѣческая. По сѣверной опушкѣ лѣса протекаетъ Наревъ; посреди лѣса беретъ начало Наревка; Лѣсна и Бяла прорѣзываютъ его близъ границъ. Почва частью песчаная и глинистая, частью черноземная; только $^1/_{12}$ часть всего пространства болотистая, но и та проходима. За исключеніемъ ничтожной части, принадлежавшей гр. Тышкевичу, лѣсъ составлялъ казенную собственность. Онъ служилъ инсургентамъ отличнымъ убѣжищемъ, изъ котораго они дѣлали набѣги на транспорты слѣдовавшіе къ Бресту. Силы инсургентовъ возросли скоро до 800—1000 чел. и раздѣлялись на нѣсколько отрядовъ; значительную ихъ часть составляли лѣсничіе.

Ген. Розенъ, узнавъ, что окрестные дворяне составляютъ ночныя собранія въ с. Криницѣ, въ восточной части лѣса, выслалъ 28 апр. подп. Горскаго съ 2 эскадронами Волынскаго уланскаго полка въ Шершево. Затѣмъ извѣщенный, что въ лѣсу

*) См. карту театра войны и похода Дембинскаго.

дѣлаются большія приготовленія къ возстанію и что къ лѣсничимъ пристаютъ дворяне и сосѣдніе крестьяне, Розенъ 1-го мая выслалъ для подкрѣпленія Горскаго подп. Сарабію съ 3 ротами Муромскаго полка, 1 орудіемъ и 14 казаками. Сарабія прибылъ 4-го числа въ Бѣловежу и нашелъ ее покинутую жителями; оттуда онъ безотлагательно двинулся въ Королевскую Альтону, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находился главный сборный пунктъ инсургентовъ. Сарабія выгналъ ихъ оттуда, захвативъ лагерь съ запасами водки, пороха и оружія. Такъ какъ въ это время нашъ транспортъ въ 418 повозокъ, слѣдовавшій изъ Бреста въ Скидель, былъ атакованъ въ лѣсу у рѣчки Гвозны и уничтоженъ, причемъ изъ прикрытія въ 53 чел. спаслось всего 28 ч., то Сарабія, считая свое положеніе въ лѣсу опаснымъ, почелъ нужнымъ отступить на югъ къ Дмитровичамъ. Когда Розенъ убѣдился, что инсургенты были сильнѣе нежели онъ полагалъ, то онъ отправилъ 6-го мая ген. Линдена съ Житомірскимъ полкомъ, полуэскадрономъ волынскихъ уланъ и 2 ор., приказавъ имъ соединиться съ отрядами Сарабіи и Горскаго, очистить лѣсъ и возстановить прямое сообщеніе Бреста съ Гродно. Линденъ двинулся изъ Шестакова въ Опаку и оттуда предпринялъ экспедицію опять къ Королевской Альтонѣ. Затѣмъ онъ обратился на Гайновщизну, гдѣ неожиданно наткнулся на Хлаповскаго. Таково было положеніе дѣлъ въ литовскихъ губерніяхъ, когда въ нихъ вступили Гелгудъ и Хлаповскій.

Послѣдній, какъ извѣстно, когда польская армія стояла еще у Снядова, былъ посланъ изъ Ксенжополя въ Литву съ отрядомъ изъ 1-го уланскаго полка (500 чел.), 100 чел. 1-го егерскаго полка, 100 офицеровъ и унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и 2-хъ конныхъ орудій съ прислугой, достаточной для батареи, всего болѣе 800 чел., для помощи инсургентамъ. Согласно инструкцій литовцамъ, данныхъ польскимъ революціоннымъ правительствомъ и отправленныхъ къ нимъ съ Хлаповскимъ, инсургенты должны были избѣгать большихъ сраженій въ открытомъ полѣ, до тѣхъ поръ пока не явятся изъ Польши новыя, болѣе значительныя подкрѣпленія; вмѣсто того литовцы должны были воспользоваться временемъ для организаціи и обученія войскъ и въ особенности — стремиться во что-бы то ни стало овладѣть балтійскимъ побережьемъ, куда должны были прибыть заграничные транспорты съ оружіемъ. Дезидерій Хлаповскій *), какъ по своимъ военнымъ дарованіямъ, такъ и по свойствамъ характера, былъ способенъ къ выполненію опасныхъ и трудныхъ предпріятій. Удачному исполненію возложеннаго на него порученія способствовало, впрочемъ, положеніе русской арміи въ то время, когда гв. корпусъ отступалъ передъ арміею Скржинецкаго, а Дибичъ съ главными силами находился еще далеко. Хлаповскій счастливо пробрался въ открытое пространство между ними, двигаясь чрезъ Андржеево и Чижево. Онъ распускалъ повсюду слухъ, что составляетъ только авангардъ слѣдующаго за нимъ значительнаго корпуса. Перейдя ночью съ 9-го на 10-е мая границу Царства у Міени, онъ направился къ Брянску **) (выславъ конныхъ саперъ для разрушенія моста чрезъ Наревъ на Бѣлостокской дорогѣ), а затѣмъ чрезъ Бѣльскъ въ Бѣловежскую пущу на соединеніе съ инсургентами. 11-го мая онъ наткнулся при Гайновщизнѣ на ген. Линдена, прибывшаго туда въ этотъ-же день съ отрядомъ числительностью около 700 чел. при

*) Хлаповскій, ординарецъ Наполеона, затѣмъ командиръ эскадрона его гвардіи, оставилъ свою блистательную карьеру, обиженный тѣмъ, что не былъ произведенъ въ полковники. Онъ также не могъ простить Хлопицкому, что тотъ ничего не сдѣлалъ для осуществленія его честолюбивыхъ стремленій.

**) Тамъ онъ нашелъ значительные продовольственные запасы, причемъ смотритель магазина, по безтолковости своей, явился польскому генералу и представилъ даже форменный рапортъ о состояніи магазиновъ.

*

2-хъ орудіяхъ. Линденъ занималъ селеніе и имѣлъ наблюдательный постъ (около роты) на дорогѣ въ Наревку, куда онъ обратилъ все свое вниманіе, не ожидая вовсе нападенія со стороны движенія польскаго отряда. Подойдя скрытно, уланы Хлаповскаго пронеслись въ карьеръ чрезъ селеніе, поражая разсѣянныхъ въ немъ пѣхотинцевъ. Линденъ старался собрать своихъ людей позади селенія, но, осыпанный картечью, почти въ упоръ, 2-хъ польскихъ орудій, и снова атакованный уланами, онъ отбилъ одно нападеніе, но при повторенной атакѣ потерялъ одно орудіе и старался найти спасеніе въ лѣсу. Наблюдательный его постъ, совершенно отрѣзанный непріятелемъ, положилъ оружіе. Вся потеря Линдена, убитыми и плѣнными простиралась до 200 чел., въ томъ числѣ 7 офицеровъ; кромѣ того онъ лишился одного орудія. Линденъ отступилъ къ Бѣловежу, соединился тамъ съ Сарабіей и Горскимъ, а затѣмъ отошелъ въ Шершево. Хлаповскій, не думая о преслѣдованіи, двинулся чрезъ Наревку и Массево на Рудню, а оттуда чрезъ Гринки на Свислочъ. По пути къ нему присоединилось нѣсколько инсургентскихъ отрядовъ. Чтобы ввести русскихъ въ заблужденіе, онъ демонстрировалъ въ разныхъ направленіяхъ, особенно къ Слониму, гдѣ находился Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а затѣмъ пошелъ между Волковискомъ на Мосты, гдѣ 17 мая переправился на судахъ чрезъ Нѣманъ. Двинувшись затѣмъ съ цѣлью демонстраціи на Гродно, онъ повернулъ потомъ направо и, идя день и ночь, напалъ на Лиду. Находившійся тамъ кап. Комарницкій, съ двумя ротами Виленскаго резервнаго баталіона и двумя орудіями, съ приближеніемъ Хлаповскаго отступилъ по виленской дорогѣ; настигнутый въ открытомъ полѣ конницей Хлаповскаго, онъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, положилъ оружіе вблизи лѣса, который давалъ ему возможность съ честью выйти изъ его положенія, подобно подполковнику Гаферланду. Послѣдній съ командою выздоровѣвшихъ и съ лошадьми 64-хъ резервныхъ орудій за день передъ тѣмъ прибылъ въ Жирмуны и уже выступилъ по направленію къ Лидѣ. Хлаповскій, уничтоживъ Комарницкаго, обратился на Гаферланда; но тотъ утвердился на мызѣ среди лѣса и отбилъ всѣ атаки направленнаго на него вновь сформированнаго литовскаго баталіона. Хлаповскій, понеся значительный уронъ и опасаясь преслѣдованія, долженъ былъ оставить Гаферланда въ покоѣ и повернулъ чрезъ Мыто на Ораны. Между тѣмъ Храповицкій, не имѣя точныхъ свѣдѣній о силахъ Хлаповскаго, значительно преувеличенныхъ молвою, принялъ всѣ мѣры для защиты Вильны, рѣшившись, въ случаѣ надобности, покинуть ненадежный городъ и защищаться въ арсеналѣ окруженномъ валомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы приказанія генералу Сулимѣ прибыть изъ Вилькоміра въ Вильну, а Отрощенкѣ изъ Ошмянъ двинуться въ Солечники и, собравъ тамъ небольшіе окрестные отряды, удержать непріятеля. Вскорѣ было получено донесеніе Гаферланда, которое въ значительной степени разсѣяло опасенія Храповицкаго; тогда онъ приказалъ Отрощенкѣ отыскать и разбить Хлаповскаго. Отрощенко собралъ болѣе 1000 чел. пѣхоты, эскадронъ уланъ, 400 казаковъ и 9 орудій и двинулся чрезъ Яшуны на Ганушишки; но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ Хлаповскій въ это время уже успѣлъ пройти отъ Оранъ чрезъ Ужогость на Стоклишки и двигался далѣе къ Кейтовишкамъ, гдѣ надѣялся встрѣтить Огинскаго. Литовцы, ободренные прибытіемъ Хлаповскаго, снова возстали. Въ лицѣ польскаго генерала они думали найти человѣка, который поведетъ ихъ къ побѣдамъ. Слава пріобрѣтенная (довольно недорогою впрочемъ цѣною) Хлаповскимъ, его блестящая внѣшность, видъ регулярныхъ польскихъ войскъ — все это производило на литовцевъ опьяняющее дѣйствіе. Въ Кейтовишкахъ Огинскій привелъ къ Хлаповскому около 1000 чел. инсургентовъ и 160 ч. виленскихъ студентовъ, встрѣтившихъ польскаго

генерала съ юношескимъ энтузіазмомъ; скоро цѣлыя толпы повстанцевъ стали присоединяться къ прибывшему изъ Польши отряду; литовцы снабжали Хлаповскаго всѣмъ нужнымъ и доставляли ему всѣ свѣдѣнія о русскихъ. Недолго, впрочемъ, продолжалось это восторженное настроеніе. Высокомѣріе Хлаповскаго, пренебреженіе, съ которымъ какъ онъ, такъ и его войска относились къ своимъ „литовскимъ братьямъ“, видя въ ихъ бандахъ лишь сбродъ или „рухавку“, скоро охладили первоначальный пылъ литовцевъ. Тѣмъ не менѣе, притянувъ къ себѣ различныя банды, Хлаповскій скоро усилился до 5000 чел.; это дало ему возможность сформировать вновь 2 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ полка съ батареей въ 5 орудій. Онъ ревностно занялся организаціей этихъ войскъ въ Жижморахъ, откуда угрожалъ, какъ Вильнѣ, такъ и Ковно, хотя истинное его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы, обойдя Вильну, двинуться чрезъ Минскъ на Мозырь къ болотамъ Припети, гдѣ уже подготовлялось возстаніе. Въ это время онъ неожиданно узналъ отъ одного изъ жителей о прибытіи Гелгуда. Хотя Хлаповскій понималъ важность содѣйствія столь значительнаго отряда, но его неудовольствіе было вызвано съ одной стороны необходимостью отказаться отъ мысли главноначальствованія въ краѣ, а съ другой — подчиненіемъ генералу, который былъ гораздо ниже его по военнымъ дарованіямъ. Хлаповскій писалъ Дембинскому, прося склонить Гелгуда къ движенію на Вильну для атаки этого, пока еще слабо защищеннаго, пункта; но это письмо не имѣло желательныхъ послѣдствій, такъ какъ Гелгудъ переправился черезъ Нѣманъ далеко къ западу у Гелгудишекъ и требовалъ къ себѣ Хлаповскаго и прежде всего чтобы онъ прибылъ въ Кейданы для совѣщаній ([342]).

Возстаніе въ Подоліи.

На Волыни и Подоліи *), послѣ изгнанія Дверницкаго, фельдмаршалъ гр. Сакенъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: ген. Ридигеръ съ 4-мъ кавал. корпусомъ, 10-ю пѣхотною дивизіею и 2-мя казачьими полками долженъ былъ занять Владимірскій и Ковельскій уѣзды, въ пространствѣ между Бугомъ и Стырью, и охранять границу отъ Крылова до Влодавы; ему также поручено было наблюдать Замостье, возстановить спокойствіе до границъ Гродненской и Минской губерній и поддерживать связь съ главною арміею. Генер. Кайсаровъ, съ 3-мъ пѣх. корпусомъ, къ которому вмѣсто 10-й пѣх. дивизіи была присоединена 8-я сводная бригада и два вновь сформированные полка: Люблинскій и 52-й егерскій, долженъ былъ очистить сѣверную часть Волыни и смѣнить Ридигера, если онъ будетъ отозванъ къ Замостью. Наконецъ генер. Ротъ, командиръ 5-го пѣх. корпуса, расположеннаго въ Бессарабіи, получилъ приказаніе съ 18-ю пѣхотною и 5-ю уланскою дивизіями поддерживать спокойствіе въ Подоліи.

Въ то время какъ главное вниманіе русскихъ было обращено на Волынь — возстаніе вспыхнуло въ Подольской губерніи.

Возстаніе въ Варшавѣ подняло и въ Подоліи часть дворянства, духовенства и шляхты, хотя преобладающій элементъ населенія, крестьянство, осталось вѣрнымъ русскому правительству. Революціонеры составили тайный комитетъ или юнту; положено было собирать войска, числительность которыхъ надѣялись довести до 20000 чел.

Для первоначальныхъ дѣйствій было выбрано пространство между Днѣстромъ и Бугомъ. Самое начало возстанія предположено было отложить до полученія свѣдѣній о Дверницкомъ. Пораженіе послѣдняго при Боремлѣ и изгнаніе затѣмъ въ Австрію, хотя казалось-бы должны были разсѣять мечты заговорщиковъ, но они уже слишкомъ обнаружили свои замыслы, чтобы остановиться и потому рѣшились, пользуясь выступ-

*) См. карту театра военныхъ дѣйствій.

леніемъ всѣхъ нашихъ войскъ къ польскимъ границамъ, приступить къ подготовленному уже возстанію. 15-го апрѣля три богатые помѣщика, братья Собанскіе, собрали въ своемъ имѣніи Петковкѣ, недалеко отъ Ольгополя, банду въ 250 чел., съ которой пустились по уѣзду, приглашая примкнуть къ нимъ всѣхъ единомышленниковъ. Вслѣдствіе отсутствія по близости русскихъ войскъ, они нигдѣ не встрѣтили противодѣйствія и возстаніе быстро распространилось. Къ Собанскимъ присоединился гр. Ржевускій, прозванный эмиромъ по долговременному его пребыванію въ Аравіи, и др. Ушицкій предводитель дворянства Л. Стемпковскій двинулся съ бандой на Шаргородъ въ надеждѣ соединиться съ Собанскими, но былъ настигнутъ Шереметевымъ, находившимся по близости съ нѣсколькими эскадронами, разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Изъ другихъ заговорщиковъ, престарѣлый Колышко, дѣятель еще временъ Косціушки, маіоръ Орликовскій и др. собрались въ с. Губникѣ (Гайсинскаго уѣзда), имѣніи Еловицкихъ, гдѣ рѣшено было сосредоточиться всѣмъ въ Красноселкѣ (на Бугѣ, ниже Губника) и оттуда начать возстаніе.

23-го апрѣля тамъ дѣйствительно собрались всѣ заговорщики, съ ихъ бандами, въ томъ числѣ Собанскіе, Ржевускій, отецъ и три сына Еловицкіе, привезшіе съ собою три шведскія пушки, съ изготовленными для нихъ снарядами, и пр. Числительность вооруженныхъ людей простиралась до 1000 чел. всадниковъ и 200 пѣхотинцевъ; почти всѣ они были дворяне или шляхтичи, на превосходныхъ лошадяхъ, хорошо вооруженные пиками, саблями и пистолетами, а пѣхотинцы охотничьими ружьями. Предводителемъ избранъ былъ бодрый еще, но не имѣвшій авторитета, старецъ Колышко, а начальникомъ штаба маіоръ Орликовскій, лишенный всякой военной опытности. Всѣ наличныя силы были раздѣлены на 11 эскадроновъ, долженствовавшихъ служить кадрами для будущихъ полковъ; пѣхотинцы, кромѣ косиньеровъ, образовали отрядъ въ 150 чел. стрѣлковъ, а 3 орудія Еловицкаго — артиллерію. Недостаточнымъ людямъ положено выдавать жалованье изъ собранной военной казны въ 60000 злотыхъ (10000 р.). 29-го апрѣля инсургенты двинулись въ Граново, имѣніе князей Чарторижскихъ. Тамъ къ нимъ присоединились многочисленныя банды Запольскаго, Потоцкаго и другихъ, пришедшія изъ Скалы и Умани, такъ что силы ихъ возросли до 3000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 17-ть эскадроновъ и двѣ роты стрѣлковъ, имѣвшихъ частью даже ружья со штыками. Въ Грановѣ они пировали до 2-го мая, присягнули, въ лицѣ Колышки, на вѣрноподданство будущему королю Польши и провозгласили своего вождя главнокомандующимъ дѣйствующихъ на югѣ польскихъ войскъ; 2-го-же мая инсургенты выступили въ Дашевъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Гранова. Пунктъ этотъ, находящійся на границѣ Подоліи и Украины, они думали сдѣлать центромъ своей дѣятельности; оттуда расчитывали устремиться на Кіевъ, а при надобности можно было принять бой на обширной равнинѣ, окружающей Дашевъ, весьма удобной для дѣйствій многочисленной кавалеріи Колышки.

Между тѣмъ, какъ замѣчено, Подолія и Украйна, за исключеніемъ такихъ пунктовъ, какъ Кіевъ, Каменецъ-Подольскъ, была занята крайне слабо нашими войсками; въ уѣздныхъ городахъ находились обыкновенно лишь небольшія команды жандармовъ и инвалидовъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ Бердичевъ, Махновка, стояли депо резервныхъ эскадроновъ; кромѣ того нѣсколько баталіоновъ были разсѣяны во всей странѣ небольшими частями. Ротъ только что выступилъ изъ Бессарабіи. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ для подавленія возстанія вызвана была поселенная Бугская уланская дивизія. Ротъ спѣшилъ форсированными маршами. Направивъ Шереметева съ 2-мя уланскими и 6-ю орудіями на Ладыжинъ, самъ онъ съ Харьковскимъ улан-

скимъ и 35-мъ егерскимъ полками при 6 орудіяхъ быстро двинулся изъ окрестностей Каменецъ-Подольска, чрезъ Шаргородъ по направленію къ Ольгополю и Красноселкѣ; узнавъ въ Петковкѣ, что инсургенты выступили въ Грановъ и что генер. Рейтернъ съ Бугской уланской дивизіей, на пути въ Ладыжинъ, находился лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петковки, онъ обратился влѣво, притянулъ къ себѣ Рейтерна и, переправившись черезъ Бугъ въ бродъ у Ладыжина, достигъ, форсированнымъ маршемъ, ночью на 2-е мая, Гайсина. Получивъ свѣдѣніе, что инсургенты находятся въ Грановѣ, Ротъ направилъ ген. Соболева съ 2-мя баталіонами 35-го егерскаго полка, 2-мя орудіями и Ольвіопольскимъ уланскимъ полкомъ по большой дорогѣ къ Гранову, а самъ съ Вознесенскимъ (6 эск.), Харьковскимъ (4 эск.) и Одесскимъ (6 эск.) уланскимъ полками и 4-мя конными орудіями двинулся по лѣвому берегу Соба, чтобы обойти непріятеля съ праваго фланга. Инсургенты ничего не знали о прибытіи Рота и, полагая, что за ними слѣдуетъ только отрядъ Рейтерна, продолжали въ безпорядкѣ слѣдовать къ Дашеву, куда прибыли около 10 час. утра 2-го мая. Арьергардъ ихъ въ числѣ 3-хъ эскадроновъ, подъ начальствомъ Побѣдзинскаго, находился въ 6 верстахъ назади у с. Городка, наблюдая за большою кіевскою дорогою. Въ два часа пополудни отрядъ Рота приближался къ Городку. Въ головѣ шелъ дивизіонъ Одесскаго уланскаго полка, за нимъ, въ разстояніи $1^1/_2$ версты, самъ Ротъ съ двумя другими дивизіонами и 2-мя конными орудіями, а нѣсколько назади два остальные уланскіе полка и орудія. При выходѣ изъ Городка, составляющаго положеніемъ своимъ довольно затруднительное дефиле, головной нашъ дивизіонъ былъ атакованъ поляками и опрокинутъ; но Ротъ встрѣтилъ преслѣдующихъ картечнымъ огнемъ и этимъ далъ время Одесскому полку пройти Городокъ и выстроиться влѣво отъ большой дороги по направленію къ Дашеву. Съ своей стороны главныя силы инсургентовъ, по первому пушечному выстрѣлу, одинъ эскадронъ за другимъ, спѣшили изъ Дашева и стройно развернулись передъ Ротомъ. На правомъ ихъ флангѣ находилась густая пѣхотная колонна, около 1000 чел., имѣя впереди себя 4-ре орудія; центръ и лѣвое крыло, съ тремя орудіями, построены были въ двѣ линіи, развернутымъ фронтомъ и съ надлежащими интервалами. Между тѣмъ подоспѣли усиленной рысью Харьковскій и Вознесенскій уланскіе полки. Ротъ поставилъ первый на лѣвомъ флангѣ, противъ сомкнутой колонны, а Рейтерна съ Вознесенскимъ и Одесскимъ полками противъ центра и лѣваго крыла непріятеля и немедленно двинулся впередъ. Инсургенты, защищаясь мужественно, отступали въ порядкѣ и, опрокинутые нѣсколько разъ, возобновляли нападеніе. Въ одной изъ атакъ взяты были у нихъ 4-ре орудія и палъ Побѣдзинскій; эскадроны его дали тылъ. Начальникъ штаба Орликовскій, а затѣмъ и Колышко хотѣли возстановить дѣло, но также принуждены были отступить къ Дашеву. Пѣхота, оставшись безъ прикрытія, была атакована нашими уланами и частью положена на мѣстѣ, частью взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя орудіями. Ротъ преслѣдовалъ бѣгущихъ не столько своею кавалеріею сколько артиллерійскимъ огнемъ. Онъ держалъ свои 4-ре орудія на дорогѣ; по обѣ ея стороны развернулъ по 2 эскадрона, за ними еще два и нѣсколько правѣе одинъ эскадронъ; позади слѣдовали прочіе эскадроны въ общей колоннѣ. Въ такомъ порядкѣ Ротъ достигъ мѣстечка, гдѣ господствовало величайшее смятеніе. Три эскадрона, оставшіеся въ Дашевѣ и хотѣвшіе удержать другихъ, были частью увлечены, но однако изъ нихъ образовалась кучка, къ которой примкнули другіе, и всѣ они въ числѣ около 150—200 чел. вдругъ бросились въ атаку на подошедшаго Рота. Съ отчаяннымъ мужествомъ эта небольшая толпа устремилась прямо къ нашимъ орудіямъ и наскакала на нихъ; завязалась упорная схватка. Атакованные съ фронта эскадрономъ Харьков-

скихъ, а съ фланга и тыла 2-мя эскадронами Вознесенскихъ уланъ, поляки мужественно дрались, причемъ особенною храбростью отличались братья Собанскіе, Еловицкіе, 70-лѣтній Борзецкій и др.; послѣ продолжительнаго рукопашнаго боя погибла значительная часть этого родовитаго польскаго дворянства.

Спасшіеся инсургенты ускакали въ Линзы; Колышко поспѣшно отступилъ по тому-же направленію. Настала ночь. Ротъ съ однимъ уланскимъ полкомъ занялъ мѣстечко, а съ остальными расположился на бивакѣ позади него. Дѣло при Дашевѣ сразу нанесло рѣшительный ударъ возстанію на югѣ. Инсургенты лишились своей артиллеріи, казны, части обоза, до 400 плѣнныхъ и множества убитыхъ и раненыхъ. Они уже не могли думать о распространеніи возстанія, а должны были сами искать спасенія. Потери русскихъ въ дѣлѣ простирались до 98 чел. убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 8 офицеровъ.

Величайшій безпорядокъ, царствовавшій все время въ польскомъ отрядѣ, недостатокъ единства управленія, вслѣдствіе слабости Колышки, и дѣйствіе въ бою небольшими частями противъ сосредоточенныхъ силъ Рота, достаточно объясняютъ почему поляки, не смотря на обнаруженную ими отчаянную храбрость, потерпѣли столь рѣшительное пораженіе, будучи въ общемъ сильнѣе войскъ, имѣвшихся подъ рукою у Рота.

Въ то время какъ собиравшіеся въ Линзахъ разбитые инсургенты старались устроиться и обдумывали дальнѣйшія свои дѣйствія, генер. Ротъ, оставляя ихъ въ покоѣ, нѣсколько дней безполезно пребывалъ въ Дашевѣ, занимаясь ловлей отдѣльно бродившихъ инсургентовъ. Затѣмъ онъ приказалъ ген. Шереметеву съ двумя полками уланъ обратиться къ Тыврову, а самъ съ двумя другими уланскими полками потянулся чрезъ Яновъ, Хмѣльникъ и Мендзыбожъ, съ цѣлью не допустить инсургентовъ на Волынь и отбросить ихъ на Шереметева; въ тоже время тремъ запаснымъ эскадронамъ конныхъ егерей, собраннымъ въ депо у Махновки, предписано было идти къ нимъ на встрѣчу къ Винницѣ. Между тѣмъ часть спасшихся у Дашева инсургентовъ слѣдовала черезъ Вороницу къ Михалевкѣ, близь Тыврова, чтобы переправиться тамъ черезъ Бугъ. Тывровъ (на правомъ берегу Буга) уже былъ занятъ Шереметевымъ, но два его эскадрона, посланные въ авангардъ къ Михайловкѣ (на лѣвомъ берегу Буга), расположившись тамъ безъ всякихъ мѣръ предосторожности, были внезапно 5-го мая атакованы повстанцами и съ уономъ отброшены за рѣку. Видя путь у Тыврова прегражденнымъ, инсургенты искали переправы ниже, но Шереметевъ зорко слѣдилъ за ними; поэтому они на слѣдующій день, 6-го мая, потянулись вверхъ къ Янову. Для того чтобы избѣжать движенія по большой дорогѣ изъ Брацлава въ Винницу, они сначала возвратились въ Ободное, гдѣ наканунѣ провели ночь.

На слѣдующій день, при переходѣ черезъ большую дорогу, поляки перехватили курьера съ депешей, изъ которой узнали, что генер. Шуцкій съ 2-мя эскадронами Дерптскаго и Нѣжинскаго конно-егерскихъ полковъ и двумя орудіями 26-й конной батареи прибылъ въ Ободное, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. Въ тоже время показался ген. Шуцкій съ своими войсками; небольшой лѣсокъ раздѣлялъ обѣ стороны. Инсургенты, подъ проливнымъ дождемъ, быстро выстроились въ три массы, а затѣмъ стремительно бросились на русскихъ. Вмѣсто того чтобы устремиться на непріятеля, генер. Шуцкій, быть можетъ болѣе довѣрявшій карабинамъ нежели саблямъ, принялъ атаку на мѣстѣ, приказавъ людямъ открыть пальбу по взводно. Почти всѣ выстрѣлы пошли на воздухъ и прежде чѣмъ разсѣялся ихъ дымъ поляки ворвались въ ряды нашихъ эскадроновъ и начали истреблять беззащитныхъ людей, не успѣвшихъ даже

выхватить своихъ сабель. Еловицкій, Борзецкій и другіе всадники бросились на орудія, едва успѣвшія дать пять выстрѣловъ, изрубили прислугу и овладѣли пушками. Не многіе изъ егерей успѣли спастись въ бѣгствѣ. Виновникъ несчастья Шуцкій, многіе офицеры и солдаты были взяты въ плѣнъ.

Послѣ того повстанцы двинулись къ Янову, куда и прибыли благополучно 9-го мая; тамъ они, тяготясь плѣнными, отпустили солдатъ, но генерала и офицеровъ оставили при себѣ. Изъ Янова повстанцы рѣшили двинуться въ Баръ, гдѣ, по слухамъ, возстаніе шло успѣшно. Ложность этихъ извѣстій не замедлила обнаружиться и привела ихъ въ величайшее уныніе. Тогда инсургенты поспѣшно оставили Яновъ, разломавъ за собою мость, и окольными дорогами, избѣгая встрѣчи съ Шереметевымъ, поспѣшили къ предѣламъ Галиціи. 10-го мая въ ночь инсургенты заняли позицію у с. Майданека, недалеко отъ Деражни, въ Летичевскомъ уѣздѣ. Генералъ Ротъ, согласно своему намѣренію не допустить инсургентовъ на Волынь, двинулся изъ Янова въ обходъ ихъ праваго фланга на Хмѣльникъ и Мендзыбожъ, а Шереметевъ, спѣшившій отъ Тыврова, старался преградить имъ путь въ Баръ. Когда поляки 10-го мая ночевали у Майданека, Ротъ находился уже недалеко отъ Летичева, а Шереметевъ, попавшій на слѣдъ повстанцевъ, шелъ къ Майданеку.

Едва инсургенты выступили 11-го мая въ дальнѣйшій путь, какъ Шереметевъ приблизился къ нимъ съ тылу. Прежде чѣмъ поляки успѣли выбраться изъ лѣсистаго дефиле и построиться къ бою, наши уланы понеслись въ атаку, опрокинули непріятельскій арьергардъ, взяли часть обоза и, послѣ упорной схватки, отбили взятыя у Шуцкаго два орудія. Пораженіе инсургентовъ было рѣшительно; храбрѣйшіе изъ нихъ, какъ Борзецкій, отецъ Еловицкій и др., пали; Орликовскій, видя все потеряннымъ и терзаясь дѣлаемыми ему упреками за пораженіе при Дашевѣ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ; многіе разсѣялись или взяты въ плѣнъ. Одними убитыми и ранеными инсургенты потеряли до 300 чел.; русскіе лишились 110 чел., въ томъ числѣ 2 офицеровъ.

Между тѣмъ еще ранѣе только что описанныхъ событій въ Летичевскомъ уѣздѣ тоже возникло возстаніе подъ предводительствомъ отставнаго поручика Нагорнишевскаго. Хорошо вооруженная его банда скоро возросла до 400 чел., которые были раздѣлены на два эскадрона. Нападеніе, произведенное инсургентами на Летичевъ, не удалось, такъ какъ ночью туда прибыла партія рекрутъ, которые вмѣстѣ съ конвойными отбили атаку.

Нѣсколько дней спустя къ Нагорнишевскому примкнуло еще около 150 всадниковъ; усилившись такимъ образомъ инсургенты успѣли овладѣть 10-го мая Баромъ. Колышко еще изъ Ободнаго приглашалъ Нагорнишевскаго присоединиться къ нему; это соединеніе произошло лишь 12-го мая, за Женишковцами, во время бѣдственнаго отступленія Колышки изъ Майданека. Но это не могло уже поправить дѣла; деморализація подольскихъ повстанцевъ быстро сообщилась и барскимъ. Вслѣдствіе этого, послѣ долгихъ преній, рѣшено было направиться въ Галицію. Соединенныя банды двинулись чрезъ Шаровку на Сатановъ, гдѣ 14-го мая, въ день Остроленкскаго сраженія, перешли границу въ числѣ 700 чел. и 1,200 лошадей. Нѣсколько часовъ спустя подошелъ туда и Шереметевъ. Австрійскій гусарскій полкъ обезоружилъ поляковъ, но впослѣдствіи многимъ изъ нихъ удалось бѣжать и пробраться въ Царство. Только Колышко съ 300 чел. былъ отправленъ въ Трансильванію, гдѣ и умеръ, спустя 10 мѣсяцевъ.

Таковъ былъ конецъ подольскаго возстанія, въ которомъ, впрочемъ, изъ милліоновъ населенія участвовало всего 5.000 чел.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о волненіяхъ на Волыни. Въ Овручѣ знамя возстанія было поднято уѣзднымъ предводителемъ дворянства Головинскимъ. Изъ базиліанскаго монастыря получилъ онъ 6 фальконетовъ и успѣлъ захватить 60,000 руб. казенныхъ суммъ. Банда его простиралась до 500 чел. Въ то-же время радомышльскій предводитель дворянства Галецкій собралъ банду въ своемъ уѣздѣ и удалился съ нею въ Чернобыль на Припети. Полковникъ Севастьяновъ, съ Пензенскимъ полкомъ, 120 казаками и 2 орудіями, сперва двинулся противъ овручскихъ инсургентовъ и разбилъ ихъ 21-го мая въ числѣ 300 чел. въ лѣсу у Васьковичъ; затѣмъ 22-го мая онъ подошелъ къ Овручу, гдѣ находилась масса вооруженныхъ людей, большею частью помѣщичьихъ крестьянъ, насильно приведенныхъ своими господами; около 400 чел. расположилось впереди города; нѣсколькими выстрѣлами они были прогнаны; послѣ того Севастьяновъ завладѣлъ городомъ безъ всякихъ затрудненій. При этомъ кромѣ множества плѣнныхъ отбитъ былъ захваченный передъ тѣмъ нашъ транспортъ и освобождена партія рекрутъ въ 300 чел. Затѣмъ Севастьяновъ обратился на Галецкаго, атаковалъ его въ расплохъ, совершенно разсѣялъ банду, причемъ самъ Галецкій былъ убитъ, а значительная часть его людей попала въ плѣнъ.

Только одной изъ здѣшнихъ бандъ удалось счастливо уйти въ Царство, а именно той, которая была сформирована недалеко отъ Житоміра и въ двухъ миляхъ отъ Чуднова, бывшимъ капитаномъ польскихъ войскъ Карломъ Рожицкимъ. Онъ пользовался хорошей военной репутаціей, что и оправдалось его послѣдующими дѣйствіями. Собравъ около 130 ч., онъ обучилъ ихъ правильно, снарядилъ всѣмъ необходимымъ и намѣревался присоединиться къ Колышкѣ, съ какою цѣлью и перешелъ черезъ Бугъ недалеко отъ Янова; но, узнавъ объ участи Колышки, Рожицкій обратился назадъ съ цѣлью пробраться въ Царство. Искусно демонстрируя, онъ повернулъ къ Краснополю, вблизи котораго разбилъ роту полка Велингтона, стремившуюся преградить ему путь; по дорогѣ къ нему присоединился Ворчель, черезъ что банда усилилась до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Переправившись чрезъ Стырь, Рожицкій двинулся форсированными маршами по лѣсамъ и болотамъ. Прорвавъ ночью цѣпь постовъ отряда Кайсарова у Уханъ, Рожицкій достигъ 29-го мая Замостья, откуда Хржановскій вышелъ ему на встрѣчу. Этотъ продолжительный походъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ опасностей, но Рожицкій благополучно отъ нихъ ускользнулъ или преодолѣлъ ихъ, благодаря своей проницательности и военнымъ дарованіямъ ([343]).

ГЛАВА XI.

Дѣйствія главной арміи до прибытія гр. Паскевича.

Политическая борьба въ Варшавѣ.

Остроленкское сраженіе, вслѣдствіе неожиданности его результатовъ, поразило жителей ужасомъ; вмѣсто побѣдныхъ донесеній, которыми не скупился Скржинецкій во время своего безплоднаго похода противъ гвардіи, вдругъ распространилось извѣстіе, что главнокомандующій прибылъ въ Прагу безъ войскъ, а вслѣдъ затѣмъ стали появляться транспорты съ ранеными и бѣглецы. Пылкое, воспріимчивое населеніе, увлекавшееся недавно смѣлыми мечтами о вторженіи въ предѣлы Россіи до самыхъ береговъ Двины и Днѣпра, теперь сразу упало духомъ, видя уже столицу подъ ударами побѣдоноснаго непріятеля. Скржинецкій, прибывъ въ Прагу 16-го мая, пригласилъ къ себѣ двухъ вліятельныхъ членовъ сейма и изложилъ передъ ними положеніе дѣлъ, но притомъ прикрасилъ его и извратилъ факты въ такой степени, что Остроленкское сраженіе выставилъ какъ нерѣшительное, уменьшилъ свои потери вдвое и увѣрилъ, что не лишился ни одного орудія; русская-же армія, по его словамъ, потеряла 12 т. чел. за свою попытку сбить поляковъ съ ихъ позиціи и, ослабленная такими потерями, не смѣла двинуться впередъ. Сеймъ, обрадованный полученными извѣстіями, которыя оказались гораздо утѣшительнѣе чѣмъ ожидали, выразилъ главнокомандующему довѣріе. Для воспрепятствованія офицерамъ распространять истинныя свѣдѣнія о дѣлѣ, Скржинецкій воспретилъ кому-бы то ни было отлучаться въ Варшаву; но волей неволей пришлось тамъ размѣстить раненыхъ, разсказы которыхъ скоро открыли всѣмъ глаза.

Между тѣмъ Скржинецкій всѣми силами старался возстановить порядокъ въ арміи и пополнить ея ряды. Дисциплина, вообще слабая въ польской арміи, тутъ окончательно разшаталась. Въ концѣ концовъ правила полевой службы почти вовсе не выполнялись; на походѣ порядокъ не соблюдался — ни одинъ почти офицеръ не шелъ на своемъ мѣстѣ; большая часть пѣхотныхъ офицеровъ были на лошадяхъ и двигались какъ хотѣли. Въ результатѣ—масса отсталыхъ на каждомъ переходѣ. Что еще хуже—тоже самое повторялось и въ бою; тотъ кто сражался по истинѣ могъ назваться добровольцемъ; можно было избѣгать боя безъ всякаго опасенія наказанія. Вслѣдствіе этого многія части ослабѣли значительно въ своемъ личномъ составѣ. Хотя полки укомплектовывались, но, вслѣдствіе разсѣянія людей, нѣкоторыя дивизіи, особенно 1-я, до конца войны строились въ 2 шеренги. Видя это сеймъ рѣшился сформировать еще по 1 полку на воеводство и 1 батал. отъ Варшавы; но такъ какъ три воеводства были цѣликомъ заняты русскими, то можно было организовать только 5 полковъ, но и они, вслѣдствіе плохого хода формированія, не могли выступать въ поле ([344]). Модлинъ былъ быстро

приведенъ въ оборонительное положеніе; отъ 30 до 40 орудій поставлено на его валы, гдѣ запасены также разные средства и матеріалы для противодѣйствія штурму. Гарнизонъ, силою въ 5000 чел., состоялъ подъ начальствомъ рѣшительнаго Иги. Ледоховскаго; подъ защитой укрѣпленій, окружавшихъ самую крѣпость, собиралась часть войскъ, отступившихъ отъ Остроленки. Но предшествующія неудачи и ошибки Скржинецкаго были такъ велики, что врагамъ его представлялось достаточное поприще для возбужденія злобы противъ него или-же для опасныхъ обвиненій. Круковецкій, давно уже невидѣвшій Скржинецкаго, сѣялъ противъ него неудовольствіе въ обществѣ и народѣ, и самъ не упускалъ случая глумиться надъ нимъ. На требованіе прислать нѣсколько орудій изъ Праги въ Модлинъ, Круковецкій, иронизируя надъ благочестіемъ Скржинецкаго, отвѣчалъ, что если-бы сама Ченстоховская Божія Матерь сошла для защиты пражскихъ валовъ, все таки онъ, какъ старый солдатъ, признаетъ необходимымъ имѣть орудія для отраженія непріятеля. Это окончательно вывело изъ терпѣнія Скржинецкаго, который рѣшился отдѣлаться отъ своего врага; послѣ продолжительныхъ настаиваній, Скржинецкій добился отрѣшенія Круковецкаго отъ должности губернатора Варшавы, хотя и не удалось предать его суду. Оставшись въ столицѣ, престарѣлый, но безпокойный интриганъ Круковецкій не мало повредилъ впослѣдствіи главнокомандующему. Съ другой стороны Пронздзинскій, разстроенный и больной отъ пережитыхъ трудовъ, волненій и непріятностей, составилъ записку, въ которой съ рѣзкостью и раздраженіемъ, но въ сущности справедливо, осуждалъ дѣйствія Скржинецкаго. Записка Пронздзинскаго попала въ руки депутатовъ и послужила еще болѣе къ возбужденію неудовольствія противъ главнокомандующаго. Б. Немоіевскій требовалъ даже, чтобы записка Пронздзинскаго была приложена къ официальнымъ документамъ, но высокоталантливый, умный стратегъ, былъ человѣкомъ слабаго характера, и, опасаясь обвиненія въ честолюбивыхъ замыслахъ, не довелъ дѣло до конца и такимъ образомъ лишь содѣйствовалъ къ подрыву довѣрія къ полководцу.

На ряду съ этимъ друзья Скржинецкаго, преимущественно изъ аристократическаго круга, старались упрочить его положеніе во главѣ арміи. По предложенію І. Ледоховскаго, камеры 19-го мая рѣшили, подобно „римскому сенату послѣ пораженія при Каннахъ“, поднести главнокомандующему и арміи благодарственный адресъ. Принимая по этому случаю торжественную депутацію, Скржинецкій между прочимъ выразилъ желаніе, чтобы формы правленія были измѣнены, такъ какъ у него слишкомъ мало силы и вѣсу, быть можетъ отъ излишняго числа членовъ правленія. Это замѣчаніе, переданное сейму 21-го мая, возбудило цѣлую бурю среди депутатовъ. Волненіе обнаружилось не только въ камерахъ, но лихорадочно охватило все варшавское общество, которое на время забыло даже думать о войнѣ.

Избранная сеймомъ комиссія представила палатамъ проектъ закона, по которому правленіе должно было сосредоточиться въ рукахъ „штатгальтера“; при немъ долженъ былъ состоять совѣтъ министровъ изъ предсѣдателя и шести членовъ съ совѣщательнымъ голосомъ; главнокомандующаго предполагалось устранить отъ управленія. Обсужденіе этого проэкта сопровождалось жаркими преніями, причемъ обѣ партіи какъ реформистская, такъ и противная ей, выставили своихъ лучшихъ бойцовъ; наконецъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 42-хъ противъ 35-ти голосовъ и все осталось по старому. Хотя Скржинецкому возбужденіемъ этого вопроса и удалось на время отвлечь общественное вниманіе, но въ концѣ концовъ его предложеніе объ усиленіи власти лишило, какъ его самого, такъ и покровительствовавшаго ему кн. А. Чарторижскаго, популярности. а въ демократической партіи посѣяло къ нему непримиримую ненависть (345).

Положеніе обѣихъ армій.

Между тѣмъ, какъ замѣчено выше, послѣ смерти гр. Дибича, гр. Толь, на основаніи „учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи“, вступилъ во временное командованіе войсками. Всѣ почти расчитывали, что онъ и будетъ назначенъ главнокомандующимъ, въ уваженіе къ его талантамъ и во вниманіе къ отличному знакомству его съ положеніемъ дѣлъ; дѣйствительно гр. Толь повидимому не могъ имѣть въ данномъ случаѣ соперниковъ; но Государь, лично благоволившій къ гр. Паскевичу, озаренному недавней славой, пріобрѣтенной въ войнѣ съ азіатскими скопищами, поставилъ его во главѣ арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ.

Гр. Толь, полагая, что кончина главнокомандующаго могла вызвать со стороны поляковъ покушеніе противъ расположенія русскихъ, предупредилъ изъ предосторожности корпусныхъ командировъ, что, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны непріятеля на правый берегъ Нарева, онъ предполагаетъ встрѣтить противника и принять бой у Винницы или на нагорной равнинѣ впереди Пултуска. Но Скржинецкій не отваживался объ этомъ и думать; вниманіе его было обращено въ другомъ направленіи. Въ это время, какъ извѣстно, русская армія, въ ожиданіи устройства своей хозяйственно-административной части и прибытія подкрѣпленій, подъ начальствомъ Муравьева, оставалась въ окрестностяхъ Пултуска—Голымина—Макова. Бар. Крейцъ, со вторымъ эшелономъ, былъ еще у Сѣдльце, гдѣ находился также Герштенцвейгъ съ однимъ уланскимъ и однимъ казачьимъ полками изъ корпуса Розена; самъ Розенъ занималъ Брестъ и его окрестности; Ридигеръ, смѣнившій Крейца, 27 мая прибылъ въ Люблинъ. Присоединивъ къ себѣ слабую 2-ю конно-егерскую дивизію съ 2-мя казачьими полками, онъ сосредоточилъ до 12 бат., 16 эск. и 900 казаковъ, всего до 12000 чел. съ 24 ор.; тылъ его прикрывалъ, близь границъ Волыни, ген. Кайсаровъ *). Съ другой стороны вооруженныя силы поляковъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ; разбитая подъ Остроленкой армія собиралась у Праги, гдѣ и старалась возстановить свои силы; Дзеконскій былъ смѣненъ Ромарино, который долженъ былъ съ небольшимъ отрядомъ прикрывать верхнюю Вислу; отрядъ Хржановскаго находился въ Замостьи; Гелгудъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ въ Литвѣ, гдѣ возстаніе продолжалось; на Волыни-же и въ Подоліи волненіе было подавлено. Розенъ полагалъ необходимымъ положить конецъ возстанію и въ Бѣловежскомъ лѣсу съ окрестной ему страною и для этого воспользоваться прохожденіемъ черезъ Брестъ нѣкоторыхъ маршевыхъ баталіоновъ. Онъ выслалъ также особый отрядъ подъ начальствомъ ген. Головина и полагалъ, дѣйствуя одновременно значительными силами, произвести на инсургентовъ натискъ съ разныхъ сторонъ. Слѣва Головинъ съ 5-ю баталіонами, 3-я эскадронами и 4-мя орудіями долженъ былъ двинуться изъ Шестакова, чрезъ Опаку, Дубины и Наревку на Рудню, гдѣ находились главныя силы инсургентовъ; въ серединѣ ген. Фези съ 2-мя баталіонами и 2-мя орудіями направленъ изъ Каменца чрезъ Крулевъ—Мостъ на Бѣловежу; справа Линденъ съ 1 баталіономъ, $2^1/_2$ эскадронами и 2-мя орудіями долженъ былъ двинуться изъ Шершева также на Рудню и наблюдать дорогу изъ Бакунъ въ Новы-Дворъ, дабы помѣшать инсургентамъ, отступающимъ передъ Головинымъ, уйти въ лѣса. 25-го мая всѣ три колонны выступили одновременно.

*) См. карту театра войны.

Фези разсѣялъ банду у р. Соломянки, а на другой день Головинъ разбилъ еще болѣе значительное скопище въ сѣверной части лѣса, близь Свѣтлишъ и, послѣ упорнаго сопротивленія, оттѣснилъ инсургентовъ на авангардъ Линдена, нанесшій имъ окончательное пораженіе; 27-го, 28-го и 29-го мая соединенные отряды Головина и Линдена прошли лѣсъ по направленію между Наревомъ и пружанскою дорогою, причемъ отбили 3 небольшихъ орудія. Всѣ банды были разсѣяны, а запасы ихъ достались въ руки русскихъ. Для обезпеченія спокойствія на будущее время, Головинъ полагалъ имѣть въ этой мѣстности отрядъ достаточной силы; вслѣдствіе этого ему предписано было выдѣлить для того соотвѣтственное число войскъ, а съ остальными возвратиться въ Брестъ ([346]).

Между тѣмъ Скржинецкій предался полнѣйшему бездѣйствію въ смыслѣ какихъ либо наступательныхъ операцій. По словамъ Прондзинскаго, главнокомандующій содрогался при одной мысли о новыхъ битвахъ и, отказываясь отъ всякихъ предложеній въ этомъ родѣ, постоянно указывалъ на сраженіе при Остроленкѣ, какъ доказавшее будтобы, что войска болѣе не желаютъ драться. Послѣ ссоры съ Прондзинскимъ, начальникомъ главнаго штаба онъ назначилъ Томаша Лубенскаго, человѣка съ военными познаніями, трудолюбиваго, но сознававшаго все превосходство надъ нимъ Прондзинскаго, а потому ничего серьезнаго и не предпринимавшаго безъ его совѣта. Лубенскій употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить въ арміи порядокъ и совершенно упавшую дисциплину *). Офицеры считали свой долгъ совершенно исполненнымъ, если ходили храбро въ атаку; начальникъ, твердо поддерживавшій порядокъ службы, терялъ всякую популярность; всѣ офицеры заражены были духомъ политическихъ партій и не стѣснялись въ періодической печати нападать на главнокомандующаго и его распоряженія, а во время сеймовыхъ преній были дѣятельными участниками всѣхъ буйныхъ сценъ. Пѣхотныхъ дивизій по прежнему было 5-ть, причемъ вторая съ Гелгудомъ находилась въ Литвѣ, 1-ю дивизіею командовалъ Рыбинскій; 3-ю Малаховскій; 4-ю Мюльбергъ и 5-ю Сѣравскій; кавалерійскихъ дивизій три: 1-я Ягмина, 2-я Турно и 3-я Казиміра Скаржинскаго. Артиллерія пополнена нѣсколькими вновь отлитыми орудіями. Не считая отрядовъ Гелгуда, Хржановскаго, Ромарино и гарнизоновъ, въ главныхъ силахъ 5 пѣх. и 3 кав. див. было опять до 40000 чел. **).

Экспедиція противъ Ридигера.

Прондзинскій часто высказывалъ мнѣніе, что каждый день промедленія ухудшаетъ положеніе дѣлъ для поляковъ. До нихъ доходили слухи о значительныхъ приготовленіяхъ дѣлавшихся русскими въ Торнѣ, о магазинахъ устроенныхъ на прусской границѣ; наконецъ была перехвачена важная депеша, въ которой говорилось о предстоящей переправѣ на нижней Вислѣ. Прондзинскій полагалъ, что для облегченія положенія польскихъ войскъ въ Литвѣ и для воспрепятствованія готовившейся переправѣ, если уже Скржинецкій отказывается отъ всякихъ операцій противъ главныхъ русскихъ силъ,—необходимо дѣйствовать противъ Крейца или Ридигера. Положеніе послѣдняго представляла повидимому особенныя выгоды для нападенія и обѣщало важные результаты. Хржановскій съ 5000 ч. находился въ Замостьи, т. е. въ тылу Ридигера; Ромарино съ такими-же силами на верхней Вислѣ, слѣдовательно оставалось напасть на русскаго генерала съ фронта и обойти его съ праваго фланга чрезъ Коцкъ

*) Между прочимъ онъ организовалъ полевую жандармскую службу, ввѣренную полевой стражѣ (straż polowa) ([347]).

**) См. прил. XXXIV.

или Ленчну. Въ случаѣ пораженія Ридигера обширныя южныя области, защищаемыя только слабыми войсками Кайсарова и Рота, открывались для новыхъ предпріятій.

Послѣ долгихъ настояній Лубенскаго, Скржинецкій, наконецъ, согласился выйти изъ бездѣйствія. Однажды Лубенскій объявилъ Прондзинскому, что главнокомандующій приказываетъ Хржановскому со стороны Замостья и Ромарино *) изъ за Вислы (между Солецомъ и Пулавами) напасть на Ридигера. Мысль эта была порождена слѣдующимъ обстоятельствомъ. Хржановскому приказано было двинуться изъ Замостья на Волынь но онъ заявилъ, что ему невозможно было-бы бороться (имѣя тысячъ 6-ть) съ двумя дивизіями, которыя Кайсаровъ противопоставилъ-бы ему при движеніи на Волынь; если-же при этомъ и Ридигеръ выслалъ-бы противъ него отрядъ, то онъ былъ-бы совершенно окруженъ и вынужденъ перейти въ Галицію. Хржановскій считалъ возможной экспедицію только при томъ условіи если Ридигеръ будетъ уничтоженъ, а отрядъ, назначенный для вторженія на Волынь, усиленъ до 12—14 тысячъ чел. Тогда-то и рѣшена была экспедиція противъ Ридигера; но въ тѣхъ условіяхъ, какъ предполагалъ Скржинецкій, она грозила гибелью только польскимъ отрядамъ. На сообщеніе Лубенскаго Прондзинскій замѣтилъ, что Ридигеръ будетъ имѣть возможность разбить направляемые противъ него отряды Хржановскаго и Ромарино одинъ за другимъ. По мнѣнію Прондзинскаго, Ромарино долженъ былъ соединиться правымъ берегомъ Вепржа съ Янковскимъ (командовавшимъ бывшимъ корпусомъ Уминскаго у котораго Скржинецкій отнялъ начальствованіе), стоявшимъ на Брестскомъ шоссе, и затѣмъ совмѣстно двинуться чрезъ Коцкъ противъ Ридигера, чтобы отбросить его къ Вислѣ; содѣйствіе Хржановскаго могло имѣть лишь второстепенное значеніе, но главная армія должна была направиться къ Бугу, чтобы парализовать дѣятельность русской арміи. Послѣ уговоровъ, причемъ приглашенъ былъ Прондзинскій (съ которымъ Лубенскій велъ переговоры тайно отъ Скржинецкаго, возненавидѣвшаго своего бывшаго начальника штаба), Скржинецкій рѣшился измѣнить свой планъ, но далеко не такъ, какъ предполагалъ Прондзинскій. Главнокомандующій не считалъ нужнымъ выдвигать значительныя силы противъ главной русской арміи, опасаясь ввязаться въ неравный бой; затѣмъ онъ желалъ нанести одновременно ударъ какъ Крейцу, такъ и Ридигеру. Съ этою цѣлью онъ полагалъ двинуть одну часть войскъ съ Сѣдльце, другую къ Коцку, а самому остаться съ резервомъ въ Шенницѣ; для наблюденія за русскими—ограничиться цѣпью отдѣльныхъ постовъ на Бугѣ, и наконецъ эшелонировать за собою часть войскъ для обезпеченія отступленія. Прондзинскій, оставя Скржинецкаго, замѣтилъ Лубенскому, что цѣлой дивизіи, посылаемой въ Сѣдльце, нечего тамъ дѣлать если не желаютъ тамъ доводить операціи до рѣшительнаго конца; если-же Скржинецкій намѣревается нанести рѣшительный ударъ Крейцу, то одной дивизіи будетъ мало; пребываніе-же главныхъ силъ въ Шенницѣ совершенно безцѣльно. Планъ Скржинецкаго остался неизмѣннымъ, но исполненіе его было безпричинно отложено на два дня. ([348]).

Русская армія, продолжая свои приготовленія къ переправѣ, оставалась въ прежнемъ расположеніи. Наконецъ 2-го іюня Скржинецкій выступилъ изъ Праги съ 2-мя кавалерійскими (2 и 3-я) и 3-я пѣхотными (1, 3 и 5) дивизіями и достигъ Віонзовни. 4-я пѣх. и 2-я кавалерійская дивизіи (Мюльберга и Турно), подъ начальствомъ Янковскаго, находились уже въ Дембе-Віельке. Амв. Скаржинскій съ 4-мя баталіонами, 4-мя эскадронами и 4-мя орудіями оставленъ былъ для наблюденія Буга отъ Модлина

*) Ромарано получилъ въ командованіе отрядъ Дзекоискаго, противъ котораго было сильно возбуждено общественное мнѣніе за его несочувствіе революціи.

до Каменчика; летучій отрядъ изъ 1000 чел. пѣхоты и кавалеріи, подъ начальствомъ С. Рожицкаго, добрался до Коцка, откуда извѣщалъ, что берегъ Вепржа никѣмъ не охраняется. На слѣдующій день главныя силы двинулись изъ Віонзовни въ Шенницу, а Янковскій изъ Дембе-Віельке къ Куфлеву *). Въ то-же время Ромарино съ войсками бывшими на лѣвомъ берегу верхней Вислы, въ числѣ около 5000 ч., началъ переправляться по судовому мосту у Голомба и противъ устья Вепржа, имѣя въ виду соеди-

нить свои войска у Бобровниковъ, а затѣмъ двинуться на присоединеніе къ Янковскому, чтобы совмѣстно напасть на Ридигера и оттѣснить его къ рѣкѣ и на Хржановскаго, который, будучи уже о всемъ предувѣдомленъ, тоже двинулся изъ Замостья. Усиленіе польскихъ постовъ за Бугомъ противъ Сѣроцка побудило Толя перемѣстить нѣкоторыя войска въ окрестностяхъ Пултуска. Карабинерная бригада 1-й гренадерской дивизіи съ 4-мя орудіями была выдвинута къ Винницѣ, а за нею, у Пржеводова, сосредоточена 3-я кирасирская дивизія; наконецъ всѣ войска лѣваго фланга были придвинуты ближе къ Пултуску. Въ тоже время получены были свѣдѣнія изъ Вар-

*) См. карту восточной части Ц. Польскаго, а также окрестностей Коцка, Лысобокъ и Бобровниковъ.

шавы, что поляки двинулись изъ Праги по Брестскому шоссе, имѣя притомъ намѣреніе снова направить корпусъ въ предѣлы имперіи. Гр. Толь полагалъ это вѣроятнымъ и, соображаясь съ движеніемъ Скржинецкаго къ Минску, обратилъ преимущественное вниманіе на Коцкъ и Влодаву. Но такъ какъ нельзя было положительно основываться на полученныхъ свѣдѣніяхъ, то были сдѣланы распоряженія въ предположеніи важнѣйшихъ случаевъ. Муравьевъ, двигавшійся на правомъ берегу Буга, былъ остановленъ у Андржеева; Крейцу предписано, въ случаѣ движенія поляковъ къ Бугу, на Нуръ или Дрогичинъ, отойти за Бугъ на Муравьева и защищать переправу, не теряя связи съ главною арміею и не обнажая Ломжи; въ случаѣ-же движенія непріятеля чрезъ Сѣдльце къ Бресту, сообразоваться съ его силами и, въ зависимости отъ этого—или, присоединивъ къ себѣ Муравьева на лѣвомъ берегу Буга, атаковать поляковъ и опрокинуть ихъ обратно къ Прагѣ, или, при несоразмѣрности силъ, оставить Муравьева за Бугомъ, а самому уклониться къ Бресту. Въ такомъ случаѣ Розену поручено было совмѣстно съ Крейцомъ удерживать Брестъ (для чего разрѣшалось притянуть и отрядъ изъ Бѣловежской пущи) со всевозможнымъ упорствомъ, до послѣдней крайности. Наконецъ Ридигеру приказано было, при движеніи какого либо непріятельскаго корпуса чрезъ Коцкъ по направленію къ Влодавѣ, перейти чрезъ Вепржъ и дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ фланга и тыла поляковъ; при покушеніи-же ихъ вторгнуться въ Люблинское воеводство изъ за Вислы, выше впаденія въ нее Вепржа, тоже, смотря по силамъ, или атаковать и отбросить за Вислу, или уклониться къ границамъ Волынской губерніи, на находившійся тамъ 3-й пѣх. корпусъ Кайсарова, для совмѣстной защиты предѣловъ имперіи. Съ главными силами Толь предполагалъ двинуться только тогда, когда обстоятельства совершенно выяснятся и рѣшительныя дѣйствія будутъ необходимы (349).

4-го іюня Скржинецкій съ 3-ю пѣх. дивизіею Малаховскаго и кавалерійскою К. Скаржинскаго оставался въ Шенницѣ; 5-я пѣх. дивизія, Сѣравскаго, выдвинулась въ Калушинъ; 1-я пѣх. Рыбинскаго, кавалерійская Ягмина и корпусъ Янковскаго сосредоточились у Водыне. На слѣдующій день, 5-го іюня, они раздѣлились: Рыбинскій двинулся чрезъ Доманице къ Сѣдльце, а Янковскій чрезъ Сточекъ къ Гулову. 6-го іюня Рыбинскій вытѣснилъ изъ Сѣдльце передовой кавалерійскій отрядъ Крейца и занялъ этотъ пунктъ. Крейцъ отошелъ къ Бугу, въ Савице-Русске, и, согласно инструкціямъ Толя, намѣреваясь дѣйствовать наступательно, приказалъ Муравьеву еще 5-го числа переправиться у Нура и двинуться на соединеніе съ нимъ къ Соколову. Авангардъ Розена, подъ начальствомъ Герштенцвейга, отступилъ къ Мендзыржецу. Рыбинскій оставался въ Сѣдльце лишь нѣсколько часовъ, а затѣмъ отошелъ на нѣсколько верстъ назадъ по варшавской дорогѣ, опасаясь наступательныхъ дѣйствій русскихъ главныхъ силъ, которыя, какъ указано будетъ ниже, ввели Скржинецкаго въ заблужденіе своими демонстраціями. Янковскій того-же 6-го числа достигъ Гулова (у Адамова). Тамъ онъ долженъ былъ присоединить къ своему 11-ти тысячному отряду Ромарино, подходившаго черезъ Мястковъ болѣе чѣмъ съ 5.000 чел., и Рожицкаго съ 1.000 чел. и образовать такимъ образомъ корпусъ силою въ 17.000 чел., чтобы затѣмъ атаковать Ридигера съ фронта и стараться оттѣснить его отъ Буга, въ то время какъ Хржановскій выйдетъ изъ Замостья въ тылъ русскому отряду.

Въ день прибытія къ Гулову Янковскій выдвинулъ подошедшій къ нему изъ Потыча 9-й пѣх. полкъ къ самому Коцку; Ромарино подался вверхъ по Вепржу до Собѣшина и Подлодова. Въ Гуловѣ Янковскій къ удивленію узналъ, что Ридигеръ самъ 6-го іюля перешелъ Вепржъ у Лысобокъ. Причины этого заключались въ слѣдующемъ.

Положеніе Ридигера въ Люблинѣ было изолированнымъ, и на чью-бы то ни было помощь ему трудно было разсчитывать, такъ какъ Розенъ находился слишкомъ далеко, а Кайсаровъ не перешелъ еще Буга; изъ главной квартиры свѣдѣній онъ не имѣлъ, потому что инструкція Толя отъ 2-го іюня пошла кружнымъ путемъ и попала въ руки Ридигера уже впослѣдствіи, послѣ сраженія при Будзискѣ. Между тѣмъ 3-го іюня Ридигеръ получилъ извѣстіе, что Ромарино съ отрядомъ въ 5—6 т. человѣкъ переправился чрезъ Вислу у Моджице, дошелъ до Коцка и ожидаетъ подкрѣпленій отъ главной арміи, чрезъ Шенницу и Окржею. Вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что русскіе посты у Коцка, Замостья, Казимержа и Пулавъ оттѣснены. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ Ридигеръ просилъ Кайсарова обезпечить особымъ отрядомъ его тылъ и сообщенія съ Волынью, но Кайсаровъ отказался вслѣдствіе слуховъ (оказавшихся ложными) будто-бы въ Кременецкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ готовится возстаніе. Тогда Ридигеръ рѣшился попытаться разбить Ромарино прежде чѣмъ онъ успѣетъ получить подкрѣпленія; если-же такое нападеніе не удастся, то перемѣнить операціонную линію въ направленіи на Холмъ (вмѣсто Красностава). Для этого Ридигеръ приказалъ ген. Тиману съ 7-ю эскадронами 2-й конно-егерской дивизіи и 2-мя казачьими полками, находясь въ Люблинѣ, имѣть наблюдательные посты, какъ къ сторонѣ Замостья, такъ и по Вислѣ; если-же онъ принужденъ будетъ покинуть Люблинъ, то долженъ прикрывать тылъ отряда Ридигера; ген. Ольшевскому, находившемуся въ Красностовѣ съ 7-ю эскадронами 1-й конно-егерской дивизіи, приказано расположить въ Сѣдище и Холмѣ по одному эскадрону для поддержки сообщеній съ Волынью, одинъ эскадронъ оставить въ Красностовѣ, какъ пунктѣ лежавшемъ на главномъ комуникаціонномъ пути, а съ остальными четырьмя эскадронами перейти въ Любартовъ, для наблюденія къ сторонѣ Коцка и поддержки, въ случаѣ надобности, Тимана. Затѣмъ Ридигеръ сосредоточилъ: 12 баталіоновъ 10-й пѣх. дивизіи (5.557 чел.), 16-ть эскадроновъ 1-й драгунской и 5 эскадроновъ 2-й конно-егерской дивизіи, всего 12 баталіоновъ, 21 эскадроновъ и 24 орудія или 8.780 чел., съ тѣмъ чтобы, перейдя Вепржъ, атаковать Ромарино и оттѣснить его въ уголъ между Вепржемъ и Вислою. 5-го іюня въ 2 ч. утра Ридигеръ скрытно выступилъ изъ Люблина, а на разсвѣтѣ 6-го іюня войска его уже прибыли чрезъ Каміонку и Мѣховъ къ Вепржу, противъ Лысобокъ, сдѣлавъ въ сутки болѣе 50 верстъ. Ридигеръ выбралъ этотъ пунктъ потому, что у Коцка рѣка образуетъ нѣсколько рукавовъ, перейдя которые нужно еще съ полверсты двигаться по узкой плотинѣ, проложенной чрезъ болотистую мѣстность. Войска Ридигера перешли Вепржъ въ бродъ, глубиною въ $3^1/_2$—4 ф., при ширинѣ рѣки до 100 шаговъ, причемъ артиллерійскіе заряды перевезены кавалеріей. Ридигеръ занялъ позицію у Пржиточно, гдѣ сходятся дороги изъ Коцка, Адамова, Окржеи и Рыкъ, приказавъ немедленно, въ видахъ обезпеченія пути отступленія, построить два моста на плотахъ. На противоположномъ берегу рѣки былъ оставленъ обозъ, построенный вагенбургомъ, для прикрытія котораго и защиты мостовъ назначенъ отрядъ изъ 1 баталіона, 2-хъ эскадроновъ и 2-хъ орудій.

Еще изъ Люблина Ридигеръ послалъ ген. Квитницкаго съ двумя драгунскими полками и двумя орудіями на рекогносцировку къ Коцку, и небольшой отрядъ, изъ 2-хъ ротъ пѣхоты и $^1/_2$ эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ капит. Самовича, къ Чемерникамъ и Парчеву, чтобы узнать не двинулся-ли непріятель на Влодаву. Квитницкій съ 2-мя эскадронами и 2-мя орудіями (остальныя войска оставлены при выходѣ изъ Фярлейскаго лѣса) приблизился къ Коцку, чтобы пустить туда нѣсколько снарядовъ. На плотинѣ, за брустверомъ, показалась непріятельская пѣхота; тогда Квитницкій, не успѣвъ захватить плотины и не имѣя достаточно пѣхоты, чтобы овладѣть ею силою, присоединилъ къ себѣ отрядъ Самовича и двинулся къ Лысобокамъ, куда прибылъ уже по совершеніи Ридигеромъ переправы.

Отъ захваченныхъ разъѣздами плѣнныхъ Ридигеръ узналъ, что Ромарино находится вблизи Подлодова, а затѣмъ получилъ свѣдѣніе, что Янковскій съ значительнымъ отрядомъ находится на маршѣ и вступилъ въ пространство между Будзиско, Серокомлею и Коцкомъ; въ то-же время сдѣлалось извѣстнымъ, что непріятель находится въ Коцкѣ и Барановѣ; такимъ образомъ положеніе русскаго отряда, окруженнаго съ трехъ сторонъ, казалось критическимъ, какъ неожиданное отступленіе 6-го іюля Ромарино отъ Подлодова устранило опасность съ лѣваго фланга. Ромарино считалъ, какъ видно изъ перехваченнаго его письма изъ Собіешина, это отступленіе весьма искуснымъ съ его стороны маневромъ. Говоря въ письмѣ о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ къ Коцку и надеждахъ достигнуть Люблина, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приписалъ, что по только что полученнымъ свѣдѣніямъ русская пѣхота и кавалерія переправляются въ надеждѣ, конечно, отрѣзать его отъ Вислы, но прибавлялъ: „à bon chat bon rat“ (350).

Сраженіе при Лысобокахъ или Будзискѣ *).

Ридигеръ имѣлъ въ виду прежде всего атаковать ближайшіе отряды и развлечь вниманіе непріятеля демонстраціями; съ этою цѣлью 6-го числа были высланы во всѣ стороны небольшія партіи, а къ сторонѣ Коцка произведена двукратная демонстрація. Вслѣдствіе этого Янковскій (опасавшійся упустить Ридигера и запиравшій всѣ выходы для него) усилилъ находившійся въ Коцкѣ отрядъ Рожицкаго (9-й пѣх. полкъ и 3 эск.) конною бригадою Буковскаго изъ 10 эскадроновъ и 3-мя баталіонами гренадеръ, а остальныя свои войска **) собралъ между Гуловской-Волей и Серокомлей, съ той цѣлью, чтобы, въ случаѣ движенія Ридигера на Коцкъ, устремиться къ Лысобокамъ, отрѣзать русскаго генерала отъ переправъ и припереть его къ Вепржу у Коцка, гдѣ не было ни брода, ни средствъ для переправы. Опасаясь, чтобы Ридигеръ не ускользнулъ отъ него, Янковскій сталъ разбрасывать свои войска и выслалъ еще Турно съ 4 бат., 7 эскадронами и 8 ор. къ Будзискѣ, а самъ съ 13-мъ и 15-мъ полками, подъ начальствомъ Мюльберга, остался въ Серокомлѣ. Если-бы Ридигеръ направился къ западу, то Янковскій намѣревался увлечь его въ бой съ Турно, а затѣмъ Мюльбергъ изъ Серокомли и Буковскій изъ Коцка, при содѣйствіи Ромарино, снова перешедшаго въ наступленіе чрезъ Мястечко, должны были атаковать русскаго генерала съ обоихъ фланговъ. Но Ридигеръ, разстроилъ этотъ планъ, самъ перейдя въ наступленіе.

Изъ Пржиточно къ Будзискѣ ведутъ двѣ дороги: лѣвая, прямая, лучшая и кратчайшая; правая на Харліевъ—хуже нѣсколько и длиннѣе. Ридигеръ, опасаясь непріятельскаго обхода, рѣшился воспользоваться обѣими упомянутыми дорогами. Для этого онъ приказалъ ген. Давыдову, выдвинутому, тотчасъ послѣ переправы чрезъ Вепржъ, къ Подлодову, съ 4-мя баталіонами егерской бригады 10-й пѣх. дивизіи, 5-ю эскадронами 2-й конно-егерской дивизіи и 4-я орудіями (всего 2400 чел.), выступить въ 2 ч.

*) См. планъ сраженія при Будзискѣ.

**) У Янковскаго находились слѣдующія войска: а) *4-я пѣхотная дивизія Мюльберга:* гв. гренадеры 4 бат., 3-й егерскій полкъ, 3 бат., 13-й линейный полкъ 3 бат.; б) *отрядъ Рожицкаго:* 9-й линейный полкъ (1 батал.) и 3 эскадрона; в) *кавалерійская дивизія Турно:* 5-й конно-егерскій полкъ, 4 эск., 2-й краковскій, 4 эск., Литовско-Волынскій легіонъ 2 эск., 4-й конно-егерскій полкъ, 4 эск., 5-й уланскій полкъ 3 эск.; всего 14 бат., 20 эск.

ночи и идти по кратчайшей дорогѣ прямо на Будзиску; самъ Ридигеръ съ 6-ю баталіонами, 6-ю эскадронами и 16-ю орудіями (всего ок. 4000 чел.) направился на Харліевъ; для обезпеченія-же себя справа, со стороны Коцка, онъ двинулъ ген. Плахово, съ 8-ю эскадронами драгунъ, 1 батал. и 4 орудіями (всего 1600 чел.), къ Тальчину съ приказаніемъ маневрировать между Серокомлей и Коцкомъ, дабы воспрепятствовать соединенію непріятельскихъ отрядовъ, находившихся въ этихъ пунктахъ; наконецъ ген. Рикордъ, съ 1 батал., 2 эск. и 2 ор., оставленъ былъ для охраненія мостовъ и обоза.

Поляки утромъ 7-го іюня сами начали движеніе и были удивлены встрѣчей съ русскими, которыхъ они предполагали еще у Лысобокъ. Ген. Давыдовъ, приблизившись въ 4 ч. утра къ Будзискому лѣсу, при выходѣ изъ него наткнулся на выступившій изъ Будзиски отрядъ Турно; послѣдній состоялъ изъ 1 бат. гренадеръ, 3-хъ баталіоновъ 3-го егер. полка, 4-хъ эскадроновъ 4-го конно-егерскаго п., 3-хъ эскадроновъ 7-го уланскаго полка и 8-ми орудій, всего 4 батал., 7 эск. и 8 ор., или 3500 чел., т. е. былъ въ полтора раза сильнѣе Давыдова ([351]). Завязался бой; 20-й егерскій полкъ ворвался въ лѣсъ, а Пашковъ съ конными егерями выдвинулся вправо по опушкѣ лѣса, противъ непріятельской кавалеріи, показавшейся на боковой дорогѣ и, вѣроятно, наблюдавшей движеніе русскихъ. Польскіе егерскіе баталіоны, гораздо болѣе сильные составомъ нежели русскіе, скоро вытѣснили изъ лѣса егерей 20-го полка и выдвинулись на поляну, гдѣ завязался жаркій бой. Между тѣмъ Ридигеръ, слѣдуя безпрепятственно къ Харліеву и слыша канонаду на лѣвомъ флангѣ, чтобы помочь Давыдову повернулъ влѣво и направился противъ непріятельскихъ войскъ, оставшихся у Будзиски (составлявшихъ, вѣроятно, резервъ Турно), и завязалъ съ ними канонаду. Польскія войска, сражавшіяся съ Давыдовымъ, слыша пушечную стрѣльбу у себя въ тылу и сознавая опасность своего положенія, стали поспѣшно отступать на свой резервъ, который не могъ оказать имъ помощи, имѣя передъ собою Ридигера; эта часть отряда Турно отошла за Будзиску на высоту, примыкающую къ лѣсу, и затѣмъ фланговымъ маршемъ приблизилась къ дорогѣ, ведущей изъ Харліева въ Серокомлю, быть можетъ съ цѣлью войти въ связь съ ожидаемыми подкрѣпленіями. Это движеніе окончательно изолировало войска, сражавшіяся съ Давыдовымъ. Польскіе егеря могли-бы быть совершенно отрѣзаны и окружены, но имъ помогли нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства.

По дорогѣ изъ Серокомли показалась непріятельская колонна съ двумя орудіями. Ридигеръ въ виду этого не рѣшился удаляться отъ Харліова, такъ какъ опасался, что Янковскій, занявъ это селеніе, будетъ дѣйствовать ему во флангъ и съ тылу. Тѣмъ не менѣе, отрядивъ въ деревню одинъ баталіонъ Полтавскаго полка и, усиливъ правый флангъ 4-я орудіями, Ридигеръ подвинулъ свой лѣвый флангъ къ лѣсу и ввелъ въ него два баталіона пѣхоты, а къ опушкѣ придвинулъ дивизіонъ драгунъ, чтобы довершить пораженіе поляковъ, отступавшихъ передъ Давыдовымъ, когда они покажутся изъ лѣсу. Тѣснимый съ фронта егерями 10-й дивизіи, атакованный во флангъ пѣхотою, посланною въ лѣсъ Ридигеромъ, и встрѣченный при выходѣ изъ лѣсу драгунами, польскій 3-й егерскій полкъ былъ совершенно разстроенъ: два его баталіона были почти уничтожены, причемъ 11 офицеровъ и 506 н. чиновъ взяты въ плѣнъ. Остатки спаслись въ Чарну, а оттуда въ Гуловскую-Волю, куда отступилъ и Янковскій съ прочими своими войсками. Такимъ образомъ Янковскій, оставаясь неподвижнымъ въ Серокомлѣ, не оказалъ никакой помощи Турно, выдержавшему шестичасовой бой. Столь-же успѣшно дѣйствовалъ и Плахово между Коцкомъ и Серокомлей. Янковскій приказалъ посланнымъ имъ къ Коцку обозамъ возвратиться. Когда Плахово подошелъ къ большой дорогѣ, соединяющей Серокомлю съ Коцкомъ, то обозъ этотъ уже

былъ близко отъ Серокомли. Вслѣдъ за нимъ немедленно былъ высланъ на рысяхъ въ погоню дивизіонъ Московскаго драгунскаго полка, а для поддержки его выдвинутъ другой дивизіонъ драгунъ и застрѣльщики баталіона Кременчугскаго полка. Весь казенный обозъ (50 подв.) и частныя повозки были захвачены; драгунамъ досталось 1200 арт. зарядовъ, 1000 патроновъ, 3200 злотыхъ казенныхъ суммъ и пр.; въ плѣнъ взято: 4 офицера (въ томъ числѣ начальникъ штаба корпуса Бутрымъ и 2 адъютанта Скржинецкаго) и 74 ниж. чина. Въ это время Буковскій, отозванный изъ Коцка, находился со своею кавалеріею по дорогѣ въ Серокомлю близъ Руды; получивъ донесеніе о нападеніи на транспортъ, онъ не рѣшился двинуться на помощь, считая это рискованнымъ. Покончивъ съ обозомъ, Плахово обратился на встрѣчу двигавшемуся изъ Коцка забытому тамъ отряду Рожицкаго и атаковалъ его близъ Тальчина. Видя прямой путь прегражденнымъ, Рожицкій уклонился за рѣчку, протекающую у Тальчина, и продолжалъ свое движеніе по лѣвому ея берегу до д. Вульки, а на слѣдующій день отошелъ къ Окржеѣ. Туда-же направился и прибылъ 7-го числа вечеромъ Янковскій, узнавъ, что тамъ находится Ромарино. Послѣдній во время боя у Будзиски былъ весьма близко отъ Мястечка, но вмѣсто того, чтобы спѣшить на выстрѣлы Турно, онъ сперва остановился, а затѣмъ отступилъ къ Окржеѣ.

Потеря русскихъ убитыми и ранеными простиралась до 6 оф. и 157 н. чиновъ; наиболѣе пострадалъ 20-й егерскій полкъ.

Между тѣмъ Ридигеръ въ полдень отступилъ на свою позицію у Пржиточно; узнавъ отъ плѣнныхъ о значительности дѣйствовавшихъ противъ него непріятельскихъ силъ, къ которымъ долженъ былъ еще подойти Рыбинскій, Ридигеръ, опасаясь быть подавленнымъ превосходнымъ непріятелемъ, притомъ будучи обремененъ парками, обозомъ, плѣнными и ощущая недостатокъ въ продовольствіи, рѣшился переправиться обратно, отойти къ Ленчнѣ, гдѣ въ центральной позиціи, прикрытой Вепржемъ, ожидать развитія событій, чтобы дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; причемъ, если-бы непріятель двинулся къ Влодавѣ, то онъ имѣлъ въ виду маневрировать противъ его фланга и тыла, а при движеніи поляковъ на Люблинъ и Красноставъ — соединиться съ Кайсаровымъ и встрѣтить ихъ съ фронта. Ридигеръ также желалъ выиграть хотя одинъ маршъ у непріятеля, сосредоточеннаго у Окржеи, чтобы имѣть время разбить Хржановскаго, если-бы тотъ намѣревался преградить ему путь. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, русскій отрядъ выступилъ изъ Пржиточно рано утромъ 8-го іюня и двинулся правымъ берегомъ Вепржа къ Коцку, а оттуда, по возстановленіи мостовъ, направился чрезъ Любартовъ на Ленчну; переправившись у Кіаны черезъ Быстрицу, онъ достигъ Ленчны 10-го іюня, возстановилъ сообщеніе съ Кайсаровымъ и выслалъ на лѣвый берегъ Вепржа часть своей кавалеріи.

Одновременно съ Ридигеромъ, предпринялъ отступленіе и Янковскій, къ которому примкнулъ и Рыбинскій. Послѣдній, получивъ приказаніе главнокомандующаго объ отступленіи, выступилъ изъ Сѣдльце утромъ 7-го числа и, сдѣлавъ болѣе 40 верстъ, прибылъ въ Войческовъ, откуда на слѣдующій день двинулся къ Окржеѣ, гдѣ такимъ образомъ сосредоточилось около 24000 чел. Отсюда собравшіяся войска 8-го числа по полудни разошлись: Ромарино направился чрезъ Бобровники и Голомбъ въ Сандомірское воеводство; Рыбинскій потянулся чрезъ Желеховъ въ Потычъ, а за нимъ послѣдовалъ, въ видѣ арьергарда, Янковскій. 10-го числа оба корпуса переправились въ Потычѣ на лѣвый берегъ Вислы ([352]).

Демонстрація гр. Толя.

Исполненіе неудачной операціи противъ Ридигера и Крейца находилась въ тѣсной связи съ демонстративными дѣйствіями главныхъ силъ русской арміи. Гр. Толь, имѣя свѣдѣнія объ ударѣ, направленномъ противъ двухъ русскихъ отрядовъ, не могъ оказать имъ поддержки рѣшительными дѣйствіями главныхъ силъ, такъ какъ, во-первыхъ, онъ стоялъ во главѣ арміи лишь временно, а, во-вторыхъ, подобныя дѣйствія были въ данное время или трудновыполнимыми или даже невозможными. Такъ операція переправы черезъ Бугъ и атака Праги потребовала-бы слишкомъ значительныхъ жертвъ, а движеніе мимо этихъ укрѣпленій и крѣпости Модлина, оставляя ихъу себя на флангѣ, было-бы весьма опасно; съ другой стороны движеніе къ нижней Вислѣ было несвоевременно, такъ какъ приготовленія къ переправѣ не были еще окончены. Гр. Толь долженъ былъ ограничиться демонстраціей, которая дала блестящіе результаты *).

Прежде всего онъ послалъ приказаніе Власову, назначенному, согласно плану покойнаго фельдмаршала, для поиска съ летучимъ отрядомъ къ нижней Вислѣ и уже выступившему изъ Пултуска, но пріостановленному у Голымина по случаю движенія поляковъ,—продолжать движеніе по назначенію. Затѣмъ на разсвѣтѣ 5-го іюня гр. Толь, сопровождаемый Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, отправился въ Сѣроцкъ и произвелъ тамъ, въ виду непріятельскихъ постовъ, рекогносцировку мѣстности, продолживъ развѣдку оттуда до Зегржа. Прибывшая вслѣдъ затѣмъ къ Сѣроцку 2-я бригада 1-й гренадерской дивизіи съ 4-мя орудіями расположилась бивакомъ и приступила къ предварительнымъ работамъ по устройству моста. Высоцкій, начальствовавшій передовыми непріятельскими постами на противоположномъ берегу, немедленно донесъ А. Скаржинскому о наступленіи русской арміи и готовящейся ея переправѣ. Скаржинскій, не провѣривъ этого важнаго извѣстія, тотчасъ-же послалъ донесеніе главнокомандующему, оттянувъ притомъ свои посты назадъ, такъ, что не могъ наблюдать внимательно за противникомъ. На слѣдующій день, 6-го іюня, русскіе продолжали свои работы и чтобы еще болѣе ввести непріятеля въ заблужденіе, отправили къ пункту демонстраціи гвардейскій и 6-й саперные баталіоны. Высланный на противоположный берегъ разъѣздъ донесъ, что поляки потянулись на Радзыминъ, разломавъ за собою мосты. Скржинецкій, получившій донесеніе Скаржинскаго въ Шенницѣ въ полдень 6-го числа, пришелъ въ ужасъ и совершенно растерялся. Призванный къ нему Прондзинскій высказалъ увѣренность, что Толь производитъ лишь демонстрацію; на всякій-же случай предложилъ съ тремя дивизіями, находившимися при главной квартирѣ немедленно двинуться въ Віонзовню, а на слѣдующій день въ Прагу, причемъ, если русская армія не переправится, то двинуться къ Буго-Нареву, чтобы имѣть ее въ виду, если-же русскіе воспрепятствуютъ такому движенію, то можно направиться къ Потычу, гдѣ переправиться черезъ Вислу, а въ то же время Янковскій можетъ покончить съ Ридигеромъ (353). Скржинецкій, опасавшійся при такой комбинаціи ввязался въ дѣло съ русской арміей (если она успѣла-бы переправиться), отвергъ предложеніе Прондзинскаго (вполнѣ обманутый „грубой“, какъ выражается послѣдній, демонстраціей Толя) и приказалъ войскамъ двинуться чрезъ Осѣцкъ къ переправѣ у Потыча; Рыбинскому—слѣдовать форсированнымъ маршемъ изъ Сѣдльце чрезъ Луковъ въ Окржею и переправиться на лѣвый берегъ Вислы у устья Вепржа. Янковскому было послано, съ адъютантомъ Скржинецкаго Дзялынскимъ, увѣдомленіе о движеніи русской арміи, гдѣ было между прочимъ сказано, что главнокомандующій спѣшитъ обратно въ Варшаву, которой угрожаетъ главная русская армія; если Янковскій не встрѣтилъ еще Ридигера, то долженъ былъ остановиться; а если настигъ—то атаковать и разбить; въ томъ и другомъ случаѣ онъ долженъ былъ преправиться у Потыча, а если невозможно, то у устья Вепржа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Янковскій извѣщался, что по всей вѣроятности главная русская армія будетъ уже 7-го числа въ Шенницѣ. Это предписаніе было получено Янковскимъ уже по прибытіи его въ Окржею и соединеніи съ Ромарино. Дзялынскій настаивалъ, чтобы Янковскій немедленно произвелъ нападеніе на Ридигера; но Янковскій, больной физически и разстроенный нравственно, вслѣдствіе неудачнаго боя, упрековъ уже высказанныхъ ему и опасеній переправы русской арміи, не принялъ предложеній Дзялынскаго и рѣшился отступать; созванный военный совѣтъ одобрилъ его мнѣніе; войска Янковскаго двинулись 8-го іюня къ Потычу, гдѣ и переправились 10-го числа, два дня спустя послѣ Скржинецкаго, на лѣвый берегъ Вислы.

*) Дѣлу весьма помогъ такъ называемый «двойной шпіонъ»; незадолго передъ тѣмъ онъ былъ пойманъ нашими войсками и обязался доставлять въ польскую главную квартиру сообщаемыя ему свѣдѣнія, отчасти справедливыя, для поддержки довѣрія, отчасти ложныя, выгодныя для русскихъ. Гонецъ, доставлявшій эти свѣдѣнія, тоже привозилъ извѣстія о непріятелѣ, а 4-го іюня онъ прибылъ въ русскій лагерь со свѣдѣніями о выступленіи польской арміи къ Сѣдльце и съ порученіемъ разузнать, гдѣ находятся русскіе понтоны и не собираются-ли у Сѣроцка матеріалы для устройства моста. Это и дало Толю идею предпринятой имъ демонстраціи.

Дѣйствія Хржановскаго.

Остается разсмотрѣть дѣйствія Хржановскаго *). Для содѣйствія экспедиціи Янковскаго, Хржановскій, согласно полученныхъ приказаній, выступилъ изъ Замостья съ 8 баталіонами, 8 эскадронами и 10 орудіями, всего около 5.000 чел.; сперва онъ направился къ Вислѣ, чтобы очистить край отъ русскихъ партій и открыть путь для транспорта съ 26-ю крѣпостными орудіями, отправленными имъ изъ Замостья въ Варшаву для усиленія тамошней артиллеріи. Затѣмъ обратился на Красноставъ; но такъ какъ онъ не замѣтилъ никакого движенія на Холмской дорогѣ, которое указывало-бы на отступленіе Ридигера, то дошелъ до Пясковъ, имѣя въ виду преградить русскому генералу путь, если онъ вздумаетъ возвратиться въ Люблинъ; а еслибы Ридигеръ намѣревался выйти на влодавскую дорогу—то предупредить его у этого пункта. Въ обоихъ случаяхъ Хржановскій расчитывалъ настолько задержать Ридигера, чтобы дать время подойти Янковскому, хотя послѣдній писалъ ему отъ 9-го іюня, что экспедиція не удалась и что ему слѣдуетъ спасаться на лѣвый берегъ Вислы, но письмо это не дошло по назначенію. Между тѣмъ, перехваченное въ Пяскахъ письмо русскаго офицера къ его женѣ, въ которомъ онъ приглашалъ ее прибыть въ Люблинъ, гдѣ уже не будетъ болѣе поляковъ, заставило Хржановскаго предполагать, что Янковскій разбитъ; а вскорѣ затѣмъ онъ узналъ, что Ридигеръ, слѣдуя изъ Любартова въ Ленчну, имѣлъ обозъ за собою, а не въ головѣ колонны,—это привело заключенію, что Ридигеръ не преслѣдуемъ Янковскимъ и что ему, Хржановскому, самому пора подумать о собственной безопасности. Онъ предполагалъ, что легко можетъ возвратиться чрезъ Жолкевъ въ Замостье, но опасеніе, что при этомъ транспортъ съ крѣпостной артиллеріей, слѣдовавшій съ весьма слабымъ прикрытіемъ, легко можетъ попасться въ руки русскихъ и тогда несомнѣнно появятся упреки въ продажѣ его непріятелю, заставили Хржановскаго броситься въ Люблинъ, съ цѣлью притянуть за собою Ридигера и тѣмъ самымъ отдалить его насколько возможно отъ артиллерійскаго транспорта. Вечеромъ Хржановскій выступилъ къ Люблину, куда и прибылъ 11-го числа въ 7-мъ часу утра и немедленно послалъ 2-хъ офицеровъ для поднятія нѣсколькихъ судовъ въ Голомбъ и устройства тамъ моста. Между

*) См. карту театра войны.

тѣмъ Ридигеръ, при постоянныхъ своихъ передвиженіяхъ, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о движеніи Хржановскаго и потому, оставивъ въ Ленчнѣ Давыдова съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ, двинулся 10-го іюня оттуда къ Сѣдлище, съ цѣлью отвести въ безопасное мѣсто парки, обозъ и плѣнныхъ; тамъ только онъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, какъ объ отступленіи Янковскаго, такъ и о движеніи Хржановскаго къ Люблину. Съ разсвѣтомъ 11-го іюня Ридигеръ снова двинулся къ Вепржу, который перешелъ въ бродъ у Сестржена и, слѣдуя по крайне труднымъ дорогамъ, прибылъ въ Пяски. Необходимость дать отдыхъ утомленной пѣхотѣ, заставила его выслать впередъ къ Люблину, для задержки непріятеля, только кавалерію въ составѣ 20 эскадроновъ и казачьяго полка, при нѣсколькихъ конныхъ орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ Давыдова. Около 3-хъ часовъ по полудни Давыдовъ прибылъ къ Люблину и завязалъ перестрѣлку, которую Хржановскій умышленно затягивалъ до вечера, такъ какъ не рѣшался днемъ двигаться, въ виду многочисленной русской конницы, по открытой мѣстности между Люблиномъ и Вислою. Обманутый Давыдовъ и не замѣтилъ, какъ Хржановскій съ наступленіемъ почи снялся съ позиціи и, пройдя 42 версты, къ 9 часамъ слѣдующаго утра находился уже въ лѣсу около Конской Воли. Тамъ онъ узналъ, что въ 3 часа по полудни будутъ въ Голомбѣ 7 судовъ и что дѣлаются приготовленія къ устройству моста. Въ 6 часовъ по полудни Хржановскій продолжалъ движеніе, тревожимый лишь казаками и, сдѣлавъ въ одинъ переходъ всего 70 верстъ, переправился черезъ Вислу утромъ 13-го іюня, тотчасъ по изготовленіи моста; часть войскъ прошла въ бродъ. Въ 3 часа утра переправился арьергардъ и тогда только показались русскія колонны; но Хржановскій былъ уже въ безопасности и приказалъ немедленно оттянуть часть моста. Около двухъ недѣль онъ оставался въ Гневашовѣ, наблюдая Вислу небольшими отрядами до самаго Завихостья. У послѣдняго пункта весьма счастливо переправился транспортъ съ крѣпостными орудіями и благополучно прибылъ по назначенію въ Варшаву (354).

Баронъ Крейцъ, по удаленіи Рыбинскаго, остановился въ окрестностяхъ Сѣдльце, у Сухожебры, Кржеслина и Малацина, занявъ городъ, 8-го іюня, только арьергардомъ, своего корпуса. Онъ не могъ двинуться вслѣдъ за непріятелемъ, такъ какъ долженъ былъ оставаться вблизи Буга, въ виду предстоявшаго ему движенія къ Пултуску на присоединеніе къ главной арміи.

Разсматривая вышеизложенную операцію, не трудно замѣтить, что она отличается тѣми-же свойствами какъ и всѣ почти предпріятія Сржинецкаго, т. е. неопредѣленностью цѣли въ общихъ соображеніяхъ и робкою нерѣшительностью въ ихъ исполненіи. Если онъ желалъ усилить Хржановскаго для новаго вторженія на Волынь или только для того, чтобы разбить Ридигера, то прежде всего непонятно зачѣмъ было предпринято движеніе Рыбинскаго къ Сѣдльце и выступленіе къ Шенницѣ, могшее вызвать русскую армію изъ ея расположенія. Далѣе, самое направленіе движенія Янковскаго было выбрано неискусно; гораздо лучше было-бы двинуть его лѣвымъ берегомъ Вислы къ Казимержу или даже къ Юзефову, чтобы такимъ образомъ скрыть намѣренія и облегчить установленіе связи съ Хржановскимъ. Если-же, наконецъ, предпринято было движеніе къ Сѣдльце и къ Коцку, то неизвѣстно зачѣмъ былъ, такъ сказать косвенно, отозванъ Янковскій въ то время, когда онъ долженъ былъ перейти черезъ Вепржъ и слѣдовательно находился внѣ всякой опасности со стороны главныхъ силъ русской арміи, для удержанія которой, прикрываясь рѣками и крѣпостями, достаточно было войскъ, находившихся въ Сѣдльцѣ и Шенницѣ. Во всякомъ случаѣ возможность движенія русской арміи къ Прагѣ должна была входить въ соображенія еще до начала дѣйствій; но Скржинецкій, получивъ свѣдѣнія о приготовленіяхъ у Сѣроцка, потерялъ совершенно голову, подобно тому какъ подъ Остроленкой, и принялъ цѣлый рядъ несообразныхъ мѣръ. Что касается сраженія при Будзискѣ, 7-го іюня, то оно легко могло-бы получить другой оборотъ, если-бы Янковскій, выдвинувъ Буковскаго на Харліевъ, самъ съ остальными войсками пошелъ прямо чрезъ Кренну на Пржиточно и притянулъ-бы туда 9-й полкъ изъ Коцка. Будучи вообще значительно сильнѣе Ридигера, а пѣхотою въ особенности, онъ могъ-бы поставить его въ крайне затруднительное положеніе. Если Янковскій не оцѣнивалъ значенія подобнаго маневра, то совершенно непонятно почему онъ самъ не поддержалъ Турно, выдержавшаго шестичасовой бой, а Буковскій не выручилъ своего обоза. Столь-же мало выдерживаютъ критику дѣйствія Ромарино, который въ безтолковыхъ странствованіяхъ, почитаемыхъ имъ весьма искусными стратегическими операціями, и въ напрасныхъ ожиданіяхъ потратилъ лишь время, не принесъ дѣлу никакой пользы и, напротивъ, своимъ отступленіемъ лишь облегчилъ положеніе Ридигера. Торопливое отступленіе Янковскаго объясняется не столько полученными приказаніями, такъ какъ привезшій ихъ довѣренный адъютантъ Скржинецкаго, знакомый съ общимъ положеніемъ дѣлъ, убѣждалъ его напасть на Ридигера, сколько нерѣшительностью Янковскаго и неспособностью къ крупнымъ самостоятельнымъ операціямъ, въ чемъ онъ самъ сознавался и уклонялся отъ назначенія на высшую должность, но долженъ былъ уступить настояніямъ Скржинецкаго. Дѣйствія Хржановскаго, какъ всегда, отличались проницательностью, вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и энергіею исполненія.

При оцѣнкѣ дѣйствій Ридигера польскіе писатели (Мѣрославскій напримѣръ) говорятъ, что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, надѣялся на помощь Провидѣнія или на ошибки противника. Это само собою разумѣется. Случайность и ошибки непріятеля суть составные элементы почти всякаго военнаго предпріятія; но, во-первыхъ, нужно умѣть ими пользоваться, а во-вторыхъ, обезпечить себя, по возможности, отъ вліянія неблагопріятныхъ случайностей. Выше было указано, какія мѣры были приняты Ридигеромъ на случай вынужденнаго отступленія или дѣйствій Хржановскаго (устройство моста, перемѣна операціонной линіи); онъ не забылъ также обезпечить прочно свой тылъ, войдя въ сношеніе съ Кайсаровымъ, но не встрѣтилъ должной поддержки. Пассивное пребываніе въ Люблинѣ тоже не могло обѣщать ему ничего хорошаго; смѣлое его движеніе впередъ обусловливалось неизвѣстностью о числѣ направленныхъ противъ него непріятельскихъ войскъ, но эта смѣлость заставила Янковскаго предполагать, что онъ лишь потому дѣйствуетъ такъ рѣшительно, что притянулъ къ себѣ значительныя подкрѣпленія отъ Кайсарова. Убѣдившись въ рѣшительномъ превосходствѣ противника и не имѣя обезпеченнаго должнымъ образомъ тыла, Ридигеръ довольствуется пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и отходитъ назадъ, что, конечно, вполнѣ соотвѣтствовало всѣмъ положительнымъ даннымъ обстановки, такъ какъ при болѣе рѣшительномъ противникѣ нежели Янковскій дальнѣйше пребываніе у Лысобокъ, а тѣмъ болѣе движеніе впередъ, могло-бы поставить русскій отрядъ въ безвыходное положеніе. Неуспѣшность дѣйствій противъ Хржановскаго объясняется столько-же военными талантами послѣдняго, сколько ошибками Давыдова, въ которыхъ онъ самъ сознается.

Волненія въ Варшавѣ.

Неудачная экспедиція противъ Ридигера вызвала въ Варшавѣ величайшее неудовольствіе противъ Скржинецкаго и Янковскаго. Камеры потребовали отъ главно-

командующаго, чтобы онъ приказалъ изслѣдовать дѣйствія тѣхъ генераловъ, которыми онъ былъ недоволенъ; такой оборотъ дѣла былъ весьма неудобенъ для Скржинецкаго и крайне для него непріятенъ, такъ какъ главнымъ виновникомъ неудачи операціи былъ прежде всего онъ самъ.

Тѣмъ не менѣе Скржинецкій для удовлетворенія требованію камеръ, долженъ былъ отрѣшить отъ командованія Янковскаго и Буковскаго и предать ихъ военному суду. Въ это тревожное для Скржинецкаго время случилось обстоятельство, отвлекшее на время вниманіе столичнаго населенія и давшее иное направленіе общественному неудовольствію. Одинъ изъ подольскихъ депутатовъ получилъ въ Галиціи на имя главнокомандующаго письмо отъ г-жи Цыбульской, жившей на границѣ Польши, въ которомъ сообщалось въ видѣ слуха о существованіи въ Варшавѣ заговора, имѣвшаго цѣлью произвести возстаніе и съ помощью военноплѣнныхъ, содержавшихся въ Ченстоховѣ, предать столицу русскимъ. Во главѣ заговора находился, будто-бы, бывшій комендантъ Замостья генер. Гуртигъ; а участниками его были ген. Янковскій, Круковецкій, Крысинскій и пр. Не смотря на неопредѣленность и бездоказательность доноса, Скржинецкій ухватился за него, чтобы выпутаться изъ того затруднительнаго и опаснаго положенія въ которомъ самъ находился. Янковскій, расположившійся лагеремъ передъ Мокотовской заставой, и генералъ Гуртигъ были арестованы, причемъ первый былъ тайно провезенъ въ замокъ, а послѣдній, при слѣдованіи туда, избитъ и едва не истерзанъ разъяренной народной толпой. Разслѣдованіе, произведенное двумя коммисіями и нарочно-посланнымъ къ Цыбульской, убѣдило лишь въ ничтожествѣ обвиненія. Тѣмъ не менѣе упомянутые выше арестованные, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, впослѣдствіи, во время волненій столичной черни, погибли мучительной смертью.

Послѣднія дѣйствія главной арміи до прибытія Паскевича.

Въ заключеніе остается сказать о послѣднихъ дѣйствіяхъ частей главной арміи и распоряженіяхъ гр. Толя до прибытія новаго главнокомандующаго.

Летучій отрядъ Власова окончилъ успѣшно свой поискъ. Выступивъ 5-го іюня изъ Голымина въ Сохочинъ *), онъ продолжалъ движеніе 6-го числа чрезъ Плонскъ, Гуру и Старозембы до Ціолкова, гдѣ захвачено 3 офицера; послѣ привала, Власовъ ночью двинулся къ Плоцку и рано утромъ 7-го числа занялъ этотъ городъ; предувѣдомленные о движеніи русскихъ, польскіе власти и рекруты успѣли скрыться за Вислу, увезя съ собою и всѣ казенныя денежныя суммы; продовольственныхъ запасовъ въ Плоцкѣ не найдено, но на Вислѣ перехвачено было на шедшихъ судахъ 1500 корцевъ пшеницы; нѣсколько человѣкъ, залегшихъ на берегу, открыли огонь по казакамъ, но спѣшенные черноморцы скоро схватили ихъ всѣхъ. Въ городѣ найдено было немного огнестрѣльнаго оружія и пикъ. Изъ Плоцка Власовъ продолжалъ движеніе внизъ по Вислѣ; 8-го іюня онъ перешелъ въ Добржинъ, 9-го въ Бобровники и 10-го въ Осѣкъ; 11-го уже возвращался оттуда и былъ въ Серпцѣ; а затѣмъ въ два перехода, 12-го и 13-го іюня, онъ долженъ былъ возвратиться къ арміи. Власовъ доносилъ, что революціонный духъ замѣченъ имъ только между шляхтою; крестьяне-же были совершенно покойны; повсюду, гдѣ войска проходили, поля были покрыты земледѣльцами и ихъ стадами; приближеніе русскихъ не тревожило сельскаго населенія и при видѣ казаковъ никто не обнаруживалъ даже намѣренія скрыться.

Съ увѣренностью ожидая, съ часу на часъ, благопріятныхъ извѣстій изъ Литвы, гр. Толь полагалъ, что армія можетъ начать движеніе къ нижней Вислѣ 15-го или

*) См. карту западной части Ц. Польскаго.

16-го іюня, почему еще 10-го числа были сдѣланы всѣ необходимыя передъ выступленіемъ распоряженія.

Войскамъ, находившимся на Брестскомъ шоссе, въ окрестностяхъ Сѣдльце, предписано было слѣдовать оттуда усиленными переходами черезъ Нуръ и Островъ къ Пултуску. Такъ какъ значительнѣйшая часть 2-го пѣх. корпуса находилась въ Литвѣ и вскорѣ должна была съ 1-ю уланскою дивизіею отправиться оттуда на присоединеніе къ дѣйствующей арміи, то главнокомандующій резервною арміей гр. Толстой просилъ, чтобы бар. Крейцу разрѣшено было лично отправиться въ Вильну и потому начальство надъ войсками, находившимися на Брестскомъ шоссе, поручено было ген. Муравьеву. Ему приказано было, во время слѣдованія къ Пултуску, отдѣлить, подъ командою Герштенцвейга, въ Ломжу егерскую бригаду 2-й пѣхотной и 1-ю бригаду 2-й драгунской дивизій съ 10-ю орудіями. Кромѣ того приказано было смѣнить въ отрядѣ Пиллара дивизіонъ драгунъ дивизіономъ Новоархангельскаго полка, а другой дивизіонъ драгунъ отправить въ Остроленку. Егерская бригада 2-й дивизіи, вмѣстѣ съ бывшею въ Ломжѣ 1-ю бригадою 1-й дивизіи и 38 орудіями должна была составлять гарнизонъ этого пункта; драгунской-же бригадѣ предписано выдвинуться въ Августовское воеводство на смѣну находившагося тамъ отряда Олферьева.

Подходившіе къ Остроленкѣ армейскіе обозы, раздѣленные на 3 эшелона, были направлены въ Цѣхановъ съ тѣмъ, чтобы, съ выступленіемъ арміи отъ Нарева, они могли слѣдовать особою колонною. Вмѣстѣ съ ними выдвинуты были въ Цѣханово: 1-й егерскій и казачій Карпова полки съ 4-я орудіями; 6-й егерскій полкъ, прикрывавшій подвозы припасовъ изъ Пруссіи чрезъ Хоржель, тоже назначался въ прикрытіе къ армейскимъ обозамъ. Въ Остроленку вмѣсто 1-го егерскаго полка отправленъ былъ 2-й егерскій. Для надежнѣйшаго же сбора армейскихъ обозовъ въ Цѣхановѣ, предписано было Власову, чтобы онъ на возвратномъ пути съ нижней Вислы принялъ направленіе на Разданово, повернувъ туда 12-го числа изъ Серпца, и потомъ 13-го числа слѣдовалъ бы внизъ по р. Вкрѣ до Плонска; въ послѣднемъ пунктѣ ему предписано было остановиться и наблюдать какъ дороги изъ Модлина, Вышгорода и Плоцка, такъ и все пространство къ Вислѣ, для полнаго обезпеченія съ той стороны всѣхъ путей къ Цѣханову.

Гр. Толь полагалъ начать движеніе лишь съ тѣми войсками, которыя уже составляли главныя силы на Наревѣ въ числѣ 59 бат., 76 эск., 40 сот. казаковъ и 250 орудій, числительностью въ 38000 штыковъ и 15000 сабель, всего 53000 чел. Корпусъ же, направленный съ Брестскаго шоссе къ Пултуску, Толь думалъ оставить до времени, подъ начальствомъ Муравьева, на правомъ берегу Нарева. За отдѣленіемъ Герштенцвейга съ бригадою драгунъ и за командировкою драгунскаго полка частью въ Остроленку и частью въ отрядъ Пиллара, у Муравьева оставалось 14 батал 22., эск., 10 сотенъ и 60 орудій, числительностью въ 7000 штыковъ и 3000 сабель, всего 10000 чел. Корпусъ этотъ долженъ былъ прикрывать сообщеніе арміи чрезъ Остроленку и Ломжу. Онъ могъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ: къ Новемясту, Плонску и даже Плоцку; въ случаѣ наступленія со стороны Модлина превосходныхъ непріятельскихъ силъ, онъ могъ отходить, смотря по его относительному положенію, или къ Остроленкѣ, гдѣ уже было предмостное укрѣпленіе, или къ пункту переправы главныхъ силъ арміи, гдѣ также предполагалось прикрыть мосты двойнымъ тетдепономъ. Самое утвержденіе арміи на лѣвомъ берегу Вислы, по мнѣнію Толя, уже должно было доставить значительныя выгоды, хотя бы недостатокъ силъ и не позволилъ немедленно подступить къ Варшавѣ, потому что одно приближеніе къ ней должно

было принудить польскую армію оставаться передъ своею столицею и стянуть всѣ частные отряды на лѣвый берегъ Вислы. Тогда представилась бы возможность присоединить къ арміи и войска Муравьева, Крейца и Розена, а корпусъ Ридигера перевести чрезъ верхнюю Вислу, гдѣ онъ могъ содѣйствовать главной арміи съ величайшею пользою ([355]).

Ожидаемыя съ нетерпѣніемъ извѣстія изъ Литвы были тоже благопріятны. Въ тотъ самый день, когда уничтожено было послѣднее предпріятіе Скржинецкаго въ Царствѣ Польскомъ на берегу Вепржа, соединенныя силы Гелгуда, Хлаповскаго, Огинскаго, Станевича и др., были разбиты 7-го іюня у Вильны на Понарскихъ высотахъ, и должны были затѣмъ обратиться въ бѣгство передъ превосходными русскими войсками. Еще гораздо ранѣе былъ уничтоженъ отрядъ Дверницкаго. Польская армія лишилась лучшихъ людей въ Остроленкскомъ сраженіи; ея главнокомандующій окончательно потерялъ и лишился довѣрія правительства; армія уже испытывала на себѣ вліяніе анархическихъ идей.... Такимъ образомъ окончательный успѣхъ русской арміи былъ хорошо подготовленъ; оставалось нанести рѣшительный ударъ, и къ этому акту явился новый главнокомандующій—гр. Паскевичъ-Эриванскій.

ГЛАВА XII.

Экспедиція Гелгуда въ Литву. Походъ Дембинскаго.

Экспедиція Гелгуда.

15 мая, т. е. на другой день послѣ Остроленкскаго сраженія, Гелгудъ двигался на соединеніе съ главными силами польской арміи, когда Дембинскій прибылъ съ эскадрономъ Познанскихъ кракузовъ и передалъ ему словесныя инструкціи касательно новаго его назначенія. Такимъ образомъ Гелгудъ, лишенный всякихъ военныхъ дарованій, очутился во главѣ весьма важной экспедиціи, хотя не могъ самъ себѣ хорошо дать отчета относительно сущности его назначенія. Послѣ публичнаго примиренія съ Дембинскимъ, оба генерала рѣшили быстро двинуться чрезъ Ставишки *) въ Августовское воеводство. Отряды Гелгуда и Дембинскаго (Сѣраковскаго) ([356]), со включеніемъ волонтеровъ Заливскаго, простирались въ общемъ до 12000 чел. при 26 орудіяхъ **). 16 мая поляки достигли уже Граева, гдѣ Дембинскій встрѣтилъ свой отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Сѣраковскаго, и взялъ его подъ свою команду.

Изъ предъидущаго извѣстно, что Сакенъ, преслѣдуемый дивизіею Гелгуда до Ломжи, оставилъ этотъ пунктъ и направился въ Августовское воеводство. Не имѣя указаній относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, онъ занялъ 11-го мая позицію у Райгорода, чтобы прервать связь поляковъ съ литовскими инсургентами. Мѣстность повидимому отвѣчала этой цѣли.

Между двумя озерами, соединенными небольшою рѣчкою Егржною, тянется узкая полоса земли; Райгородское озеро простирается до самой Пруссіи; оз. Дренство могло быть обойдено лишь по довольно узкому дефиле близь д. Вознавѣси, такъ какъ далѣе начинаются непроходимыя болота, соединяющіяся съ болотами Бобра. Сакенъ, по присоединеніи къ нему отряда Анненкова, дѣйствовавшаго до тѣхъ поръ противъ партизанъ Пушета, имѣлъ всего $7^3/_4$ батал., 4 эск. и 300 казаковъ или 5500 чел. съ

---

*) См. карту театра войны.

**) *Отрядъ Гелгуда:* бригада Ролланда—7-й лин. полкъ (3 б.), 19 лин. полкъ (2 б.); бригада д'Отерива—4-й егерскій и 2-й егерскій полки (по 3 бат. въ каждомъ); рота саперъ; 2 эск. калишскихъ всадниковъ; 1 батарейная и 1 легкая (10 ор.) батареи—22 ор. съ 200 снар. на каждое; всего $11^1/_4$ *б.*, 2 эск., 22 ор. или 8000 чел.

Отрядъ Дембинскаго: два баталіона 18-го линейнаго и одинъ баталіонъ 3-го егерскаго полковъ, одинъ эскадронъ 3-го уланскаго полка, по 2 эскадрона Познанскихъ и Плоцкихъ, 5 орудій; всего 3 бат., 5 эск., 4 орудія или около 2460 чел. Всего у Гелгуда $10^1/_2$ т. человѣкъ, а съ волонтерами Заливскаго (1500 ч.)—болѣе 12000 чел.

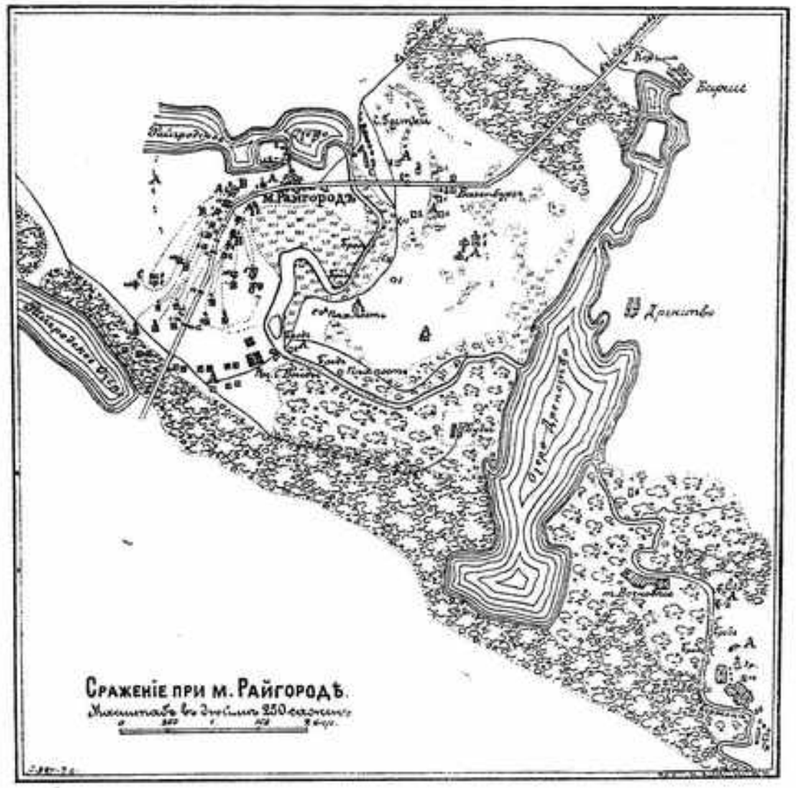
14 орудіями *). Этихъ войскъ было недостаточно для занятія избранной позиціи. Отдѣливъ 9 ротъ съ 4 ор. и сотнею казаковъ лѣвѣе оз. Дренство къ д. Вознавѣси для обороны имѣвшагося тамъ брода, Сакенъ съ остальными своими войсками расположился между озерами на позиціи, прикрытой рѣчкою Егржною. Полк. Сѣраковскій, слѣдовавшій изъ Ломжи непосредственно за Сакеномъ, пытался неудачно прорвать это расположеніе, а затѣмъ вернулся въ Граево.

Между тѣмъ Сакенъ получилъ, въ ночь на 17 мая, извѣстіе отъ Великаго Князя, что непріятель отовсюду отступаетъ и приказаніе двинуться къ Ломжѣ, чтобы занять этотъ важный пунктъ. Въ тоже время до него дошли слухи изъ Пруссіи, о проигранномъ поляками большомъ сраженіи. Всѣ эти обстоятельства привели Сакена къ убѣжденію, что непріятель находится въ полномъ отступленіи, и онъ рѣшился его преслѣдовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая воспрепятствовать полякамъ подать помощь литовцамъ, Сакенъ не покидаетъ и Райгородской позиціи, а дробитъ свой отрядъ такимъ образомъ, что находившіяся у Вознавѣси войска тамъ-же и остаются; два баталіона съ 4 орудіями и казаками продолжаютъ занимать позицію у Райгорода, а самъ онъ съ $3^1/_2$ баталіонами (полковъ Вильгельма и Аракчеева), 4 эск. и 6 ор., всего до 3 т. чел., двигается къ Граеву. Но не успѣлъ Сакенъ отойти еще и 3-хъ верстъ, какъ при входѣ въ лѣсъ наткнулся на авангардъ Гелгуда, изъ кавалеріи и 2-го егерскаго полка, подъ начальствомъ Дембинскаго ([357]). Сакенъ продолжая думать, что онъ имѣетъ дѣло только съ однимъ отрядомъ Сѣраковскаго, смѣло завязалъ съ нимъ бой, но это уже былъ авангардъ Гелгуда, подъ начальствомъ Дембинскаго, состоявшій изъ полка кавалеріи, егерскаго полка и 4-хъ орудій. При выходѣ изъ лѣсу польскаго авангарда, Сакенъ встрѣтилъ его сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, Дембинскій тоже выдвинулъ свою артиллерію и открылъ кононаду. Сакенъ, желая отбросить поляковъ къ озеру Дренству, выдвинулъ впередъ пѣхоту своего праваго фланга и сталъ обходить лѣвое крыло Дембинскаго. Послѣдній пытался противодѣйствовать пѣхотой, но она была опрокинута въ штыковой схваткѣ, причемъ поляки были отброшены столь рѣшительно и отступали съ такою поспѣшностью, что наша пѣхота находилась уже недалеко отъ ихъ батареи. Въ это самое время прибылъ полк. Піонтка съ 22 орудіями. Огонь сталъ многочисленной артиллеріи остановилъ наше наступленіе, и уяснилъ Сакену его положеніе. Пѣхота наша стала отходить, преслѣдуемая польской конницей; послѣдняя, замѣтивъ наши войска на позиціи, устремилась на нихъ и понесла сильныя потери. Тогда Дембинскій собралъ Познанскую конницу и бросилъ ее на полубаталіонъ пѣхоты оставленный Сакеномъ передъ мостомъ на шоссе ([358]). Въ это время Гелгудъ успѣлъ уже развернуться и занять такой боевой порядокъ: въ центрѣ артиллерія, влѣво 7-й лин. полкъ и баталіонъ 4-го егер. полка; правѣе батареи по баталіону 4-го и 2-го егер. полковъ; въ резервѣ 18-й и 19-й полки и баталіонъ 3-го егер. полка. Оставалось овладѣть позиціей Сакена за рѣкой. Лѣвый флангъ поляковъ и 19-й полкъ двинулись по шоссе и правѣе; еще правѣе пошелъ полк. Коссъ съ 18-мъ лин. и 4-мъ егерскимъ полкомъ съ 4 орудіями ([359]). Полубаталіонъ аракчеевскихъ гренадеръ подъ начальствомъ полк. Тютрюмова, отбивши у непріятеля захваченное уже имъ знамя пр. Вильгельма полка, съ такой стойкостью прикрывалъ отступленіе Сакена, что, за исключеніемъ двухъ отрѣзанныхъ полубаталіоновъ пр. Вильгельма полка **), весь отрядъ успѣлъ достигнуть прежней своей позиціи за р. Егржною. Отрѣзанные полубаталіоны большею частью были взяты въ плѣнъ; нѣкоторымъ людямъ удалось спастись то по одиночкѣ, то кучками. Затѣмъ обѣ стороны открыли канонаду, продолжавшуюся около 4 часовъ. Наконецъ полякамъ удалось открыть бродъ у сгорѣвшей д. Войды (между озерами), куда направился п. Коссъ. Поляки стали обходить русскихъ съ лѣваго ихъ фланга и тогда Сакенъ началъ отступать на Августово, опасаясь быть отрѣзаннымъ. Бой у Райгорода далъ возможность Сакену предувѣдомить о движеніи непріятеля всѣ отряды, находившіеся въ тылу, а также отправить назадъ обозъ.

*) По $1^3/_4$ баталіону полковъ пр. Вильгельма и пр. Карла, 2 баталіона гренадерскаго гр. Аракчеева полка, 1 маршевой баталіонъ разныхъ полковъ, 1 рез. баталіонъ 48 егерскаго полка, 1 рота гв. саперъ, 3 эск. гв. казаковъ, 1 эск. елизаветградскихъ уланъ и 300 казаковъ.

**) Сакенъ раздѣлилъ всю свою пѣхоту на полубаталіоны.

Выше уже было сдѣлано замѣчаніе относительно раздробленія силъ Сакеномъ при выдвиженіи его съ Райгородской позиціи. Самая идея этого наступленія объясняется только ложностью тѣхъ свѣдѣній, которыя Сакенъ имѣлъ о положеніи дѣлъ; необходимо также указать, что, замѣтивъ значительныя непріятельскія силы, русскій генералъ совершенно напрасно поддерживалъ слишкомъ долго бой впереди позиціи и этимъ самымъ поставилъ свой отрядъ въ критическое положеніе, изъ котораго онъ вышелъ относительно благополучно, съ потерею всего убитыми, ранеными и особенно плѣнными менѣе 1500 ч., только благодаря мужеству аракчеевскихъ гренадеръ, а также вялости дѣйствій и ошибочности распоряженій Гелгуда. Непріятель потерялъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Стойкость нашихъ войскъ обнаруживается уже изъ того одного обстоятельства, что они въ числѣ 3000 должны были сражаться, имѣя дефиле въ тылу, противъ 12000 поляковъ. Продолжительность боя на самой райгородской позиціи была весьма полезна для насъ, какъ указано выше.



Отступленіе Сакена къ Ковно.

Слабо преслѣдуемые Шимановскимъ, только съ однимъ 19-мъ полкомъ выдвинутымъ впередъ, русскіе ночью достигли Августова, находящагося въ 25 в. отъ Райгорода, а вечеромъ 21-го мая были уже въ Ковно, пройдя въ 4 дня 150 верстъ, и уничтожили за собою мостъ на Нѣманѣ. По пути Сакенъ присоединилъ къ себѣ разные

мелкіе отряды, а въ Ковно примкнулъ къ нему ген. Малиновскій, дѣйствовавшій по правому берегу Нѣмана, между Ковно и Юрбургомъ. На другой день послѣ своей побѣды, поляки пустились за Сакеномъ на Августово; такъ какъ шоссе между Райгородомъ и Сувалками образуетъ у Августова уголъ, то прямымъ движеніемъ на Рачки можно было предупредить Сакена у Сувалокъ и отбросить его на Гродно. Но этого не было сдѣлано; впрочемъ Гродно было весьма важнымъ для русскихъ складочнымъ пунктомъ, съ громадными запасами разнаго рода, и если-бы Сакенъ принужденъ былъ отступить въ этомъ направленіи, то положеніе его отнюдь не было-бы критическимъ. Для самаго Гелгуда движеніе на Гродно, по указанной важности этого пункта, было несравненно выгоднѣе, нежели предпринятая имъ операція въ направленіи на Ковно. Повсюду, особенно-же въ Сувалкахъ, его встрѣчали какъ героя и предлагали остаться тамъ въ теченіи нѣкотораго времени, обѣщая снабдить богатыми запасами изъ средствъ еще неистощенной страны. Здѣсь онъ образовалъ революціонное правленіе, назначивъ организаторомъ Августовскаго воеводства кн. Святополка-Мірскаго ([360]). Но Заливскій, оставшійся въ Августовѣ, доносилъ о движеніи по пятамъ Гелгуда русскихъ въ числѣ 10000 чел. (на самомъ дѣлѣ тамъ былъ только Олферьевъ съ кавалерійской бригадой, т. е. около 1200 чел. съ 2 кон. ор.), а потому Гелгудъ оставилъ въ Сувалкахъ только полковника Кіекерницкаго съ двумя ротами пѣхоты (присоединившимся тоже чрезъ нѣсколько дней къ главнымъ силамъ), а самъ продолжалъ движеніе чрезъ Кальварію въ Маріамполь, куда прибылъ 21-го мая. Тамъ онъ восторженно былъ встрѣченъ депутатами отъ литовскихъ инсургентовъ.

Переправа Гелгуда черезъ Нѣманъ.

По выступленіи изъ Маріамполя былъ возбужденъ вопросъ о мѣстѣ переправы чрезъ Нѣманъ. Нѣкоторые совѣтовали перейти рѣку у Олиты и, предупредивъ Сакена быстрымъ движеніемъ у Вильны, занять этотъ слабо оборонепный городъ. Но предпочтеніе было отдано мнѣнію, по которому слѣдовало переправиться у Гелгудишекъ, верстахъ въ семи выше Юрбурга; при этомъ надѣялись подать помощь самогитамъ, которые усердно о томъ просили черезъ своихъ эмисаровъ, и расчитывали встрѣтить въ Полангенѣ столь нетерпѣливо ожидаемый англійскій корабль съ оружіемъ *); наконецъ Гулгудъ желалъ прославить этой переправой замокъ своихъ предковъ. Гелгудъ совершенно не оцѣнилъ значенія Вильны—этого главнаго и центральнаго пункта страны, куда сосредоточивались русскіе со всѣхъ сторонъ. Обладаніе этимъ пунктомъ передавало въ руки Гелгуда обширныя матеріальныя средства, военныя запасы и всевозможные способы для формированія значительной вооруженной силы, ядро которой образовалъ-бы его корпусъ. Поэтому, послѣ Райгородскаго сраженія Гелгудъ долженъ былъ со всѣми силами кратчайшимъ операціоннымъ путемъ двинуться къ Вильнѣ и овладѣть ею во чтобы то ни стало. Но Гелгудъ не понялъ вовсе обстановки въ разсматриваемомъ періодѣ операціи и направился къ Гелгудишкамъ ([361]). Для демонстраціи высланъ былъ на Ковно авангардъ Дембинскаго, который долженъ былъ маскировать движеніе на Гелгудишки. 22-го мая Дембинскій прибылъ въ Алексотинъ, противъ Ковно, и открылъ канонаду по городу, которую продолжалъ и весь слѣдующій день. Узнавъ отъ бѣжавшихъ студентовъ, что Ковно слабо занято, Дембинскій предложилъ Гелгуду переправиться въ этомъ пунктѣ и, овладѣвъ городомъ, занять такимъ образомъ центральную позицію, изъ которой можно было устремиться въ любомъ направленіи: въ Самогитію, въ Августовское воеводство или по обоимъ берегамъ Виліи въ Литву; но ложныя свѣдѣнія, сообщаемыя Заливскимъ о движеніи значительныхъ русскихъ силъ, заставили Гелгуда торопиться переправою; 25-го мая его отрядъ уже двигался на правый берегъ Нѣмана. Дембинскій былъ притянуть туда-же. Послѣ переправы поляки разбили биваки у Равданъ. Между тѣмъ Олферьевъ, движеніе котораго такъ смущало Заливскаго, слѣдовалъ чрезъ Райгородъ и Сувалки къ Кальваріи, гдѣ остановился по приказанію графа Толя, для того, чтобы возстановить порядокъ въ Августовскомъ воеводствѣ и наблюдать теченіе Нѣмана; ему было предписано также уничтожить устроенный непріятелемъ мостъ и затруднять Гелгуду отступленіе въ Августовское воеводство.

*) Всѣ подобныя ожиданія оказались тщетными: первый транспортъ оружія прибылъ къ балтійскому побережью только въ сентябрѣ 1831 г., т. е. когда возстаніе было потушено.

Командовавшій за болѣзнію Сакена ген. Малиновскій, узнавъ что непріятель намѣревается переправиться у Веліонъ, двинулся туда 24 мая съ 4 бат., 10 ор. и 200 казаковъ. Выздоровѣвшій Сакенъ послѣдовалъ за нимъ съ прочими войсками; но было уже поздно, такъ какъ поляки успѣли переправиться, а потому Сакенъ возвратился 26-го мая въ Ковно, гдѣ засталъ увѣдомленіе отъ Храповицкаго объ опасности, грозящей Вильнѣ, какъ со стороны Гелгуда, такъ и со стороны Хлаповскаго.

Отступленіе Сакена къ Вильнѣ и бездѣйствіе Гелгуда.

Присоединивъ къ себѣ Фрикена и Малиновскаго, а также нѣсколько мелкихъ отрядовъ, Сакенъ собралъ 10 батал., 10 эск., 760 казаковъ и 26 ор., всего около 7000 чел., не считая нѣсколькихъ сотъ человѣкъ разныхъ полковъ (которые должны были сопровождать большой обозъ, 700 чел. плѣнныхъ и 500 больныхъ). Уничтоживъ мостъ на Виліи, суда находившіяся въ Ковно, а равно различные запасы, Сакенъ 27 мая выступилъ къ Вильнѣ, находящейся въ 4-хъ переходахъ отъ Ковно (97 в.). По недостатку времени и переправочныхъ средствъ, Сакену однако пришлось оставить въ Ковно 900 чел. больныхъ съ ихъ врачами и около 50000 пудовъ сухарей въ магазинѣ. 29-го мая Сакенъ находился у Евье, а ночью съ 30-го на 31-е прибылъ къ Вильнѣ, въ 7 верстахъ отъ которой занялъ позицію на Понарскихъ высотахъ *).

На военномъ совѣтѣ въ Равданахъ, Гелгудъ принялъ сперва оборонительный планъ дѣйствій. Рѣшено было держаться на пространствѣ отъ Вилькоміра до Ковно, за р.р. Свентою и Виліею, а тѣмъ временемъ окончить организацію набранныхъ въ Самогитіи людей и овладѣть Полангеномъ. Согласно этому, Гелгудъ и Дембинскій должны были двинуться съ главными силами на Кейданы, дабы занять линію позади вышеупомянутыхъ рѣчекъ; Хлаповскій получилъ приказаніе выступить изъ Жижморъ, переправиться черезъ Вилію у Янова и присоединиться къ Гелгуду; а Шимановскій съ 19-мъ пѣх., полкомъ силою въ 1100 чел., долженъ былъ направиться въ Самогитію, присоединить къ себѣ инсургентовъ и овладѣть Полангеномъ. Гелгудъ выступилъ 26-го мая и на другой день прибылъ чрезъ Чейкишки въ Кейданы, гдѣ явился къ нему лично Хлаповскій, отрядъ котораго, переправившись чрезъ Вилію у Янова, занялъ позицію у Жеймы. Движеніе Гелгуда было тріумфальнымъ шествіемъ: духовенство въ полномъ облаченіи благословляло войска, населеніе, въ энтузіазмѣ, усыпало ихъ путь цвѣтами

*) Составъ отряда Сакена былъ слѣдующій: а) *пѣхота:* 1 рота гв. саперъ—229 чел., 1 баталіонъ выздоровѣвшихъ изъ гвардіи людей—470 ч., 2 баталіона гр. Аракчеевскаго—796 ч., 1 бат. принца Вильгельма—564 ч., 1¼ бат. принца Карла—974 ч., 2 баталіона Шлиссельбургскаго—1384 ч., 1 рез. баталіонъ 48 егерскаго—334 ч., 1 рез. баталіонъ Литовскаго полковъ 455 ч., итого 10 баталіоновъ, или 5206 ч.; б) *кавалерія:* 3 эск. гв. казаковъ—318 ч.; 1 эск. Елизаветградскаго уланскаго—74 ч., 6 эск. Оренбургскаго полковъ—670 ч., итого 10 эск. или 1062 ч.; казаковъ 760 ч.; в) *артиллерія* 26 ор. всего 7028 ч. ([362]).

и доставляло имъ всѣ необходимые припасы. Между тѣмъ Хлаповскій, благодаря своимъ способностямъ и военной опытности, скоро пріобрѣлъ вліяніе надъ слабохарактернымъ и бездарнымъ Гелгудомъ и убѣдилъ его измѣнить принятый планъ дѣйствій. По его мнѣнію слѣдовало воспользоваться тѣмъ, что войска Куруты и Толстаго не подошли еще къ Вильнѣ и попытаться овладѣть этимъ пунктомъ, имѣвшимъ важное значеніе какъ столица Литвы. Гелгудъ хотя и согласился съ Хлаповскимъ, но медлилъ въ исполненіи его плана, упуская такимъ образомъ драгоцѣнное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы удовлетворить Дембинскаго и Станевича, требовавшихъ прежде всего изгнанія русскихъ войскъ изъ Самогитіи, онъ отправилъ туда наконецъ Шимановскаго съ 19-мъ пѣх. полкомъ, присоединивъ къ нему Станевича съ самогитской конницей и 2 орудіями; такъ ослаблялъ себя Гелгудъ въ ту минуту, когда рѣшился атаковать Вильну ([363]).

Хлаповскій возвратился въ Жеймы для окончанія организаціи формировавшихся тамъ войскъ, а именно 10-го, 11-го и 12-го уланскихъ, 25-го и 26-го пѣхотныхъ, исключительно состоявшихъ изъ литовцевъ; всѣ они были отлично обмундированы и вооружены, а конница имѣла прекрасныхъ лошадей *). Хлаповскій имѣлъ еще изъ прежде сформированныхъ литовскихъ войскъ 6-й конно-егерскій полкъ и баталіонъ Матусевича въ 390 человѣкъ. Сверхъ того формировались новыя войска изъ бандъ, приведенныхъ къ Хлаповскому по приказанію Гелгуда изъ различныхъ уѣздовъ; все число вновь организованныхъ литовскихъ войскъ простиралось до 11000 чел. и вмѣстѣ съ приведенными Гелгудомъ и Хлаповскимъ польскими войсками (ок. 13 т. чел.) они составляли корпусъ въ 24000 ч., который могъ быть весьма опаснымъ для русскихъ, въ виду того, что силы ихъ еще не успѣли сосредоточиться. Гелгудъ не только медлилъ, наслаждаясь дѣлаемыми ему торжественными встрѣчами, но и продолжалъ дробить свои силы; такъ, кромѣ Шимановскаго, онъ выслалъ еще Дембинскаго съ $2^1/_2$ т. ч. и 4 орудіями, чрезъ Ширвинты, къ сѣверу отъ Вильны, а Хлаповскій приблизительно съ такимъ-же отрядомъ долженъ былъ двинуться къ западу отъ нея съ цѣлью развлечь вниманіе русскихъ; самъ-же онъ перешелъ 31-го мая къ Жеймамъ, гдѣ занялся частью организаціею и обученіемъ новыхъ войскъ, къ чему былъ вовсе неспособенъ, частью учрежденіемъ народнаго правленія (или, какъ говоритъ польскій писатель Питкевичъ, народіи правленія) изъ 6-ти лицъ (президентъ Тышкевичъ, вице-президентъ и завѣдующій военными дѣлами Огинскій и пр.) **). Обнаруженное, какъ при этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, Гелгудомъ самовластіе вызвало довольно сильное негодованіе среди литовцевъ ([365]).

Между тѣмъ Хлаповскій, по распоряженію Гелгуда, переправился чрезъ Вилію у Чабишекъ и двинулся по ковенской дорогѣ, къ ручью Вака, въ 18 верстахъ отъ Вильны, гдѣ и расположился 2 іюня на позиціи у Рыконтъ. Дембинскій-же направился 3 іюня чрезъ Ширвинты, по вилькомірской дорогѣ до Каушаголы, въ 10 вер. отъ Вильны. По слабости своихъ силъ, ни тотъ ни другой не могли предпринять противъ города чего либо серьезнаго. Партизанъ Заливскій съ своимъ отрядомъ, усиленнымъ августовцами до 1500 ч. пѣхоты и 400 всадниковъ, переправился чрезъ Нѣманъ, овладѣлъ покинутымъ русскими Ковно и чрезъ Троки приблизился къ главнымъ силамъ для содѣйствія имъ при атакѣ Вильны. Такимъ образомъ непосредственно противъ этого города направлено было 21000 ч.; кромѣ того, по соглашенію съ жителями, послѣдніе, въ числѣ 500 ч., должны были, какъ только Понарскія высоты попадутъ въ руки поляковъ, разрушить всѣ мосты и воспрепятствовать уничтоженію арсенала и пороховаго магазина. Между тѣмъ Шимановскій вступилъ въ Россіены, гдѣ былъ принятъ населеніемъ восторженно; множество инсургентовъ присоединилось къ нему, такъ что отрядъ его увеличился до 5000 ч. Тогда онъ двинулся 4 іюня чрезъ Шидлово и Цытовяны въ Шавли, расчитывая легко овладѣть этимъ городомъ, гдѣ находилось гарнизономъ до 600 ч. при 2 орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Мака. Хотя русскіе были захвачены въ расплохъ, но тѣмъ не менѣе оказали столь упорное сопротивленіе, что всѣ атаки поляковъ и литовцевъ были отбиты. Шимановскій, съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ огромными потерями въ рядахъ его отряда (однихъ офицеровъ выбыло 25 ч.), долженъ былъ отступить па Цытовяны ([366]).

*) Одной изъ ротъ командовала дѣвица гр. Платеръ ([364]).

**) И въ этомъ дѣлѣ Гелгудъ оказался недальновиднымъ и безхарактернымъ. Всѣ почти назначенія сдѣланы были имъ по соображенію родственныхъ связей или по протекціи, и въ составъ правленія попали большею частью люди неспособные. Такъ президентъ гр. Тышкевичъ, не обладалъ ни достаточными умственными способностями, ни энергіей, необходимой въ столь тревожное время; завѣдываніе внутренними дѣлами возложено на Яна Гелгуда, еще болѣе ограниченнаго чѣмъ его братъ и притомъ малограмотнаго; кн. Огинскій былъ слишкомъ старъ, и т. п.

Тѣмъ временемъ русскія войска сосредоточивались къ Вильнѣ; 23-го мая прибылъ Сулима съ Ладожскимъ пѣхотнымъ и Ямбургскимъ уланскимъ полками; кн. Хилковъ, оставивъ большую часть своихъ войскъ на динабургскй дорогѣ, прибылъ, 28-го мая, съ 3-мя ротами егерей и 2-мя эскадронами уланъ; 31-го мая, какъ упомянуто, подошелъ Сакенъ съ 10 бат., 10 эск. и 26 ор.; наконецъ 2-го іюня Отрощенко, неудачно преслѣдуя Хлаповскаго, дошелъ до Жижморъ и Виліи. Числительность всѣхъ этихъ войскъ простиралась до 12000 ч. съ 52 ор.; кромѣ того въ Виленскомъ гарнизонѣ было около 6000 чел. *). Войска эти заняли позицію на Понарскихъ высотахъ, въ 7 вер. отъ Вильны, и привели ее въ оборонительное состояніе. Войска наши ожидали подкрѣпленій, которыя должны были привести гр. Курута и Толстой ([367]).

Движеніе Гелгуда къ Вильнѣ и окончательное сосредоточеніе тамъ русскихъ войскъ.

Гелгудъ только 5-го іюня выступилъ изъ Жеймъ и 6-го іюня достигъ Рыконтъ. Онъ еще не рѣшилъ окончательно слѣдуетъ-ли ему атаковать Вильну, такъ какъ нѣкоторые изъ его совѣтниковъ были противъ этого. Подобная нерѣшительность вызвала наконецъ величайшія неудовольствія въ войскахъ; среди офицеровъ собиралась даже подписка на адресъ варшавскому правительству съ просьбою отрѣшенія Гелгуда отъ должности; наконецъ собралось до 300 офицеровъ, которые, явившись къ нему 6-го іюня, потребовали передачи начальствованія Хлаповскому. Испуганный Гелгудъ обѣщалъ атаковать русскихъ непремѣнно на слѣдующій день, и этимъ подорвалъ къ себѣ послѣднее уваженіе. Ускореніе атаки, которую первоначально имѣлось въ виду произвести 8-го числа, лишило Гелгуда содѣйствія Дембинскаго, которому предписано было

*) а) Отрядъ *Сулимы*: 2 бат. Ладожскаго полка, 1371 ч., 6 эскадр. Ямбургскаго уланскаго полка 790 ч., 8 ор.; *всего 2 бат., 6 эск., 8 ор. или 2161 чел.*; б) отрядъ кн. *Хилкова*: $^3/_4$ батал. 12-го егерскаго полка, 400 ч.; 2 эск. Сибирскаго ул. полка 196 ч., 10 ор.; *всего $^3/_4$ батал., 2 эск., 596 чел.*, 10 ор.; в) отрядъ *Отрощенки*: 2 бат. 11-го егерскаго полка, 1250 ч.; 6 эск. уланскаго Вел. Кн. Михаила Павловича полка, 815 ч., 8 орудій; *всего 2 бат., 6 эск., 8 ор., 2065 чел.*; отрядъ *Сакена—10 бат., 10 эск., 26 ор., 76 казаковъ*; *всего 7028 чел. при 26 ор.*; итого во всѣхъ отрядахъ $14^3/_4$ бат., 24 эск., 760 каз., 52 ор. или 11850 ч. Гарнизонъ *Вильны*: 1) *пихота*: 2 бат. Бѣлозерскаго п., 1481 ч., 2 бат. Олонецкаго, 1414 ч.; 1 бат. 9-го егерскаго полковъ 498 ч.; 1 бат. гренадерскихъ саперъ 482 ч.; всего 6 бат., 3875 ч.; 2) *кавалерія*: казаковъ: линейныхъ 477, тептярскихъ 234, Кутейникова 272 (остальные люди этихъ полковъ по разнымъ постамъ); гусарское депо Безобразова 1100 чел. (изъ нихъ только 100 имѣли лошадей); всего въ виленскомъ гарнизонѣ 5958 чел.

двинуться 7-го іюня къ Нѣменчину, съ цѣлью угрозы комуникаціонной линіи русскихъ, а затѣмъ онъ долженъ былъ произвести нападеніе на Вильну съ сѣвера. Еще за два дня до того Дембинскій былъ потѣсненъ русскими отъ Вильны. Противъ него были выдвинуты три колонны, силою каждая въ 2 батал., 3 эск., 1 сотня и 6 орудій: на Яново, Вилькоміръ и Нѣменчинъ, гдѣ Дембинскій имѣлъ свои отряды *). Лѣвѣе шелъ Отрощенко, правѣе Малиновскій—въ серединѣ Офенбергъ; 6 эскадроновъ уланъ и 4 орудія составляли позади общій резервъ. Дембинскій хотя былъ повсюду оттѣсненъ, а на яновской дорогѣ часть его войскъ почти совершенно истреблена ([369]), но, дѣйствуя весьма искусно, успѣлъ соединить свои отряды и отступить къ Мейшаголѣ. Кн. Хилковъ, руководившій всѣми дѣйствіями противъ Дембинскаго, не имѣя права, согласно инструкціи, удаляться значительно отъ Вильны, долженъ былъ возвратиться назадъ, такъ какъ получено было извѣствіе о движеніи Гелгуда и предстоявшей атакѣ Вильны. Между тѣмъ подошелъ такъ долго ожидаемый гр. Курута. Занявъ 27-го мая Гродно, онъ присоединилъ къ себѣ отрядъ Кнорринга, находившійся въ Бѣлостокской области и состоявшій изъ баталіона 6-го карабинернаго полка, 8 эскадроновъ л.-гв. Подольскаго кирасирскаго и Уланскаго Его Высочества полковъ, а также бывшіе въ Бѣлостокѣ 3 эскадрона Новомиргородскаго уланскаго полка; л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ онъ отправилъ по назначенію въ Ломжу. Въ Гродно Курута (не имѣвшій никакой военной опытности и выдвинувшійся по службѣ какъ воспитатель Константина Павловича) безполезно простоялъ 2 дня, не зная что ему предпринять и куда направиться. Безпрестанно обращаясь съ вопросами въ главную квартиру, въ Пултускъ, онъ, наконецъ вызвалъ рѣзкій отвѣтъ гр. Толя, что при движеніи, гдѣ все зависитъ отъ быстроты и рѣшительности, онъ не долженъ ожидать приказаній изъ главной квартиры, которыя всегда окажутся запоздалыми, а дѣйствовать по собственному соображенію, пользуясь удобной минутой. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ былъ посланъ къ нему ген. Даненбергъ, чтобы руководить его операціями. Соображая, съ одной стороны, свѣдѣнія о Гелгудѣ, полученныя имъ отъ Олферьева, находившагося уже въ Сувалкахъ, съ другой извѣстія о Хлаповскомъ, присланныя ему изъ Вильны Храповицкимъ, наконецъ приказанія главнокомандующаго, Курута рѣшился дѣйствовать по берегу Нѣмана на Меречъ и оттуда, смотря по обстоятельствамъ, на Олиту и Ковно, или на Ораны и Вильну.

Выступивъ 29-го мая изъ Гродно, отрядъ его находился 31-го мая въ Меречѣ, а 2-го іюня въ Оранахъ. Тамъ онъ получилъ приглашеніе отъ Храповицкаго поспѣшить на соединеніе съ прочими войсками, собранными для защиты Вильны, и немедленно туда двинуться. 3-го іюня Курута былъ въ Лейпунахъ, а 4-го подошелъ къ Вильнѣ, приведя съ собою около 6000 чел. при 20 орудіяхъ **). Такимъ образомъ всѣ силы русскихъ, собранныя около Вильны, считая и гарнизонъ города простирались до 24000 чел. съ 72 ор. ([370]).

Сраженіе на Понарскихъ высотахъ.

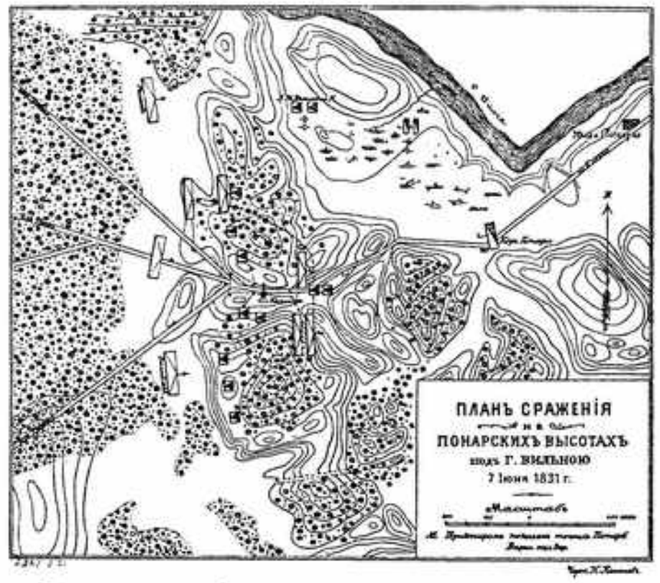
Городъ Вильна лежитъ въ песчаной продолговатой долинѣ, ограниченной съ сѣвера высотами Кальваріи, а съ востока Понарскими высотами. На вершинѣ послѣд-

*) А именно: въ центрѣ онъ стоялъ самъ; вправо по яновской дорогѣ высланъ былъ искусный партизанъ Іесмянъ съ его отрядами конныхъ стрѣлковъ и небольшою частью Подляхской кавалеріи; влѣво, къ с. Кальваріи направленъ былъ баталіонъ съ 50 всадниками ([368]).

**) 2 б. л.-гв. Литовскаго полка, 1409 ч.; 2 б. л.-гв. Волынскаго п., 1627 ч., 1 бат. 6-го карабинернаго п. 791 ч., 1 б. Вологодскаго п. 521 ч.; итого пѣхоты 4348 ч.; по четыре эскадрона полковъ: Подольскаго кирасирскаго (592 ч.), Уланскаго Его Высочества (483 ч.) и 3 эск. Новомиргородскаго уланскаго (371 ч.); итого кавалеріи 1446 челов.; одна пѣшая и одна конная батарея—20 орудій; всего въ отрядѣ 5974 челов.

нихъ былъ расположенъ отрядъ Сакена, имѣя крутой поросшій лѣсомъ склонъ частью за собою, а частью на флангѣ, къ сторонѣ Виліи.

Извилистая, углубленная дорога вела съ высотъ въ долину и была единственнымъ, весьма опаснымъ путемъ отступленія. На лѣсистомъ плато, занятомъ русскими, соединялись три широкія дороги: изъ Гродно, Трокъ и Ковно. Такимъ образомъ позиція русскихъ была довольно крѣпкой съ фронта, но, въ случаѣ неудачнаго исхода боя, опрокинутыя войска сдѣлались-бы жертвой непріятеля, будучи стѣсненными въ узкомъ дефиле, единственномъ ихъ пути отступленія; кромѣ того она имѣла незначительное протяженіе по фронту, а потому не дозволяла развѣрнуть достаточнаго числа войскъ. Позиція эта была укрѣплена Сакеномъ, которому, до прибытія Куруты, Храповицкій предоставилъ командованіе войсками на Понарахъ. Въ центрѣ, составлявшемъ ключъ позиціи, устроена двухъярусная батарея на 18 орудій; передъ фронтомъ, на дальній пушечный выстрѣлъ, вырубленъ лѣсъ, особой командой, присланной Храповицкимъ, оказывавшимъ всевозможное содѣйствіе войскамъ; сваленныя деревья составляли при этомъ преграду движеніямъ непріятеля; точно также на лѣвомъ обнаженномъ флангѣ устроена была отличная засѣка *). Въ шести верстахъ передъ фронтомъ позиціи протекала р. Вака. Русскія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: впередъ было выдвинуто три авангарда: 1) по Ковенской дорогѣ, у корчмы „Ковенская-Вака“, главный авангардъ, подъ начальствомъ отличнаго офицера, полк. Гембица, изъ двухъ баталіоновъ пр. Карла Прусскаго полка, 3-хъ эскадр. оренбургскихъ уланъ, 180 арм. казаковъ и 4-хъ орудій; впереди расположенія этого авангарда протекала р. Вака; 2) по трокской дорогѣ находился подп. Крагельскій съ двумя ротами Виленскаго полка; 3) наконецъ по гродненской дорогѣ, у р. Ваки, стояло 3 эскадр. невомиргородскихъ уланъ, подъ начальствомъ полк. Лахмана. На высотахъ у каплицы стоялъ Сакенъ; позади его гв. отрядъ въ видѣ репли, а ближе къ Вильнѣ кн. Хилковъ съ 4 бат. 14 эск. и 12 орудіями. Изъ числа виленскаго гарнизона 4000 чел. были двинуты на высоты къ сѣверу отъ города, для противодѣйствія ожидавшемуся съ той стороны нападенію Дембинскаго. Если считать всѣ войска, которыя назначены были для дѣйствія противъ Гелгуда, то общая ихъ числительность простиралась до 18 бат., 35 эск. и 58 ор. или 17000 чел.; но собственно на Понарскихъ высотахъ, впереди ихъ и позади, т. е. въ отрядахъ Сакена и Куруты было къ этому времени съ небольшимъ 11 т. чел. (въ томъ числѣ 7770 ч. пѣх.) при 38 ор., а въ бою приняли участіе всего около 8000 чел., такъ какъ по тѣснотѣ позиціи нельзя было развернуть на ней большаго числа войскъ ([371]).



*) Заботливость Храповицкаго къ войскамъ простиралась до того, что для снабженія ихъ водою на высотахъ онъ прислалъ пожарную команду и т. п.

Сакенъ расположилъ свои войска впереди каплицы слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ находились 4 баталіона съ 18 орудіями, поставленными въ два яруса (батарейныя вверху, легкія внизу) для обстрѣливанія 3-хъ дорогъ, радіально расходившихся съ высоты; впослѣдствіи еще были поставлены правѣе, на полянѣ, присланныя Курутой два конныя орудія. Лѣвѣе центральной батареи стояли въ лѣсу, укрѣпленномъ засѣкою, 3 баталіона, выдвинувъ впередъ небольшой авангардъ; нѣсколько эскадроновъ кавалеріи поддерживали связь между центромъ и лѣвымъ флангомъ. Вправо внизу, въ долинѣ Виліи, стоялъ л.-гв. Волынскій полкъ съ 4-мя орудіями; для связи его съ центромъ поставленъ былъ баталіонъ пр. Карла Прусскаго полка; л.-гв. Литовскій полкъ расположился въ видѣ репли за центромъ, а за правымъ флангомъ, т. е. за расположеніемъ л.-гв. Волынскаго полка, поставлены были полки л.-гв. Подольскій кирасирскій и Уланскій Его Высоч. съ остальными орудіями гв. отряда и конной № 3 батареей. Выдвинутымъ впередъ авангардамъ приказано было при наступленіи непріятеля отходить назадъ и занять на позиціи предназначенныя имъ мѣста, указанныя выше. Войскамъ объявлено было, что отступленіе невозможно, что необходимо во чтобы то ни стало спасти Вильну и что поэтому должно или побѣдить или погибнуть; нравственный духъ войскъ стоялъ на высотѣ подобной задачи. Командованіе войсками должно было принадлежать гр. Курутѣ, какъ старшему, но онъ предоставилъ эту опасную честь барону Сакену *).

Между тѣмъ польскія войска приближались. О движеніи Гелгуда разъѣзды Сакена доносили ему еще съ 3-го іюня. 7-го іюня съ разсвѣтомъ поляки, переправившись чрезъ Вилію, атаковали отряды Гембица и Крагельскаго, которые согласно приказанія стали отступать на главную позицію; непосредственно за ними въ 9 ч. утра показались главныя непріятельскія силы. Начальникъ штаба Гелгуда полковникъ Валентинъ д'Отеривъ былъ противъ сраженія; самъ Хлаповскій смутился, увидѣвъ русскую позицію и расположенныя на ней войска, но Гелгудъ, подъ впечатлѣніемъ сцены, произошедшей наканунѣ, рѣшился вести атаку, замѣтивъ самоувѣренно относительно русской позиціи: „нашъ 7-й линейный полкъ ее возьметъ". Предположено было держаться болѣе вправо, такъ чтобы лѣвый флангъ наступалъ по ковенской дорогѣ, причемъ Роландъ съ баталіономъ егерей и баталіономъ 2-го полка образовалъ лѣвый флангъ боеваго порядка и долженъ былъ выйти въ тылъ, къ углубленной дорогѣ, чтобы угрожать пути отступленія русскихъ, а 7-й полкъ, поддержанный остальными войсками центра,—атаковать съ фронта. Появившійся почти неожиданно уже при началѣ движенія Заливскій (котораго приняли сначала за непріятеля) съ отрядомъ въ 1500 чел., двинутъ былъ для атаки лѣваго крыла русскихъ.

Поляки открыли бой канонадой, но они не имѣли удобнаго мѣста для расположенія своей артиллеріи; едва полковникъ Піонтка успѣвалъ выставить нѣсколько орудій, какъ они въ самомъ непродолжительномъ времени были демонтируемы огнемъ превосходной двухъярусной батареи; вслѣдствіе этого поляки должны были разбросать свою артиллерію по лѣсу, частями не болѣе какъ по два орудія, гдѣ только находили удобное для того мѣсто, а потому она не могла произвести надлежащаго дѣйствія. Между тѣмъ непріятельская пѣхота пошла въ атаку. Заливскій, поддержанный однимъ баталіономъ отъ Гелгуда, двинулся противъ лѣваго крыла русскихъ, но былъ тамъ стойко встрѣченъ и всѣ его атаки были отбиты преимущественно баталіономъ 6-го карабинернаго полка. Роландъ съ 4-мъ егерскимъ баталіономъ 2-го полка, вмѣсто движенія по ковенской дорогѣ, свернулъ влѣво, спустился въ узкую долину Виліи и хотя довольно безпорядочно, но съ живостью наступалъ противъ л.-гв. Волынскаго полка. Послѣдній, разсыпавъ цѣпь застрѣльщиковъ, упиравшуюся правымъ флангомъ въ Вилію, а лѣвымъ занимавшую высоты, мужественно встрѣтилъ пять непріятельскихъ баталіоновъ; послѣ продолжительной перестрѣлки, во время которой застрѣльщичья цѣпь два раза усиливалась, волынцы, поддержанные огнемъ двухъ орудій, расположенныхъ за цѣпью, потѣснили поляковъ назадъ, а затѣмъ бросились въ штыки. Непріятель былъ отброшенъ, понесъ большія потери, какъ отъ волынцевъ, такъ и отъ двухъ ротъ пр. Карла полка, которыя, будучи скрыты въ кустарникахъ, поражали огнемъ отступавшаго Роланда (373). Атака центра тоже была неудачна; тамъ находился 7-й полкъ, нѣсколько егерскихъ баталіоновъ, литовская пѣхота и 1-й уланскій полкъ. Гелгудъ лично подавалъ примѣръ храбрости, но вліянія на общій ходъ дѣла не имѣлъ, предоставивъ Роланду и Хлаповскому дѣйствовать самостоятельно. Послѣдній, прибывъ изъ отряда Заливскаго, гдѣ онъ передъ тѣмъ находился, нашелъ, что всѣ дѣйствовавшія на лѣвомъ крылѣ войска направляются влѣво; Роландъ уже спустился съ высотъ, а остальныя части стремились туда-же, отчасти опасаясь за свой путь отступленія, отчасти избѣгая огня большой батареи Сакена. Вездѣ царствовалъ безпорядокъ; войска и орудія были повсюду разбросаны. Гелгудъ просилъ Хлаповскаго прикрыть отступленіе 1-мъ уланскимъ полкомъ. Между тѣмъ Сакенъ, отразивъ непріятельскую пѣхоту, поспѣшилъ перевести на правый флангъ конницу *) и построилъ ее въ двѣ линіи: оренбургцевъ въ первой, а новомиргородцевъ во второй (374).

Хлаповскій, занявъ удобную позицію такъ, что его нельзя было охватить съ фланговъ, стоялъ въ эскадронной колоннѣ, имѣя 1-й эскадронъ впереди другихъ шагахъ въ 300. Вскорѣ два эскадрона нашихъ Оренбургскихъ уланъ стали выстраиваться; Хлаповскій быстро атаковалъ ихъ передовымъ эскадрономъ и опрокинулъ; два русскихъ эскадрона бросились во флангъ полякамъ, но были удержаны выдвинутыми Хлаповскимъ двумя эскадронами. Въ то же время выстроился нашъ Новомиргородскій полкъ и бросился въ атаку на поляковъ, но съ слишкомъ дальняго разстоянія, такъ что Хлаповскій былъ убѣжденъ, что полкъ „разлетится"; выждавъ этого, Хлаповскій бросился стремительно со своими уланами и опрокинулъ новомиргородцевъ. Въ это время оренбургцы устроились и удачно повели атаку. Хлаповскій долженъ былъ повернуть назадъ; оренбургцы настигли поляковъ и по словамъ Хлаповскаго смѣшались съ ними какъ „горохъ съ капустой". Между тѣмъ на песчаномъ и сухомъ полѣ поднялся вихрь, такъ что трудно было опознаться въ 3-хъ шагахъ. Схватка оренбургцевъ съ поляками продолжалась очень долго, раздавался лязгъ пикъ и пистолетные выстрѣлы, наконецъ болѣе короткія пики дали въ рукопашномъ бою полякамъ преимущество и оренбургцы отступили. Во время свалки русскіе развернули батарею, на которую наткнулись оренбургцы при своемъ отступленіи, а преслѣдовавшіе ихъ поляки стали рубить канонировъ. Тогда изъ за батареи появилась пѣхота, которая открыла по полякамъ огонь, а оренбургцы были поддержаны новомиргородцами. Поляки бросились спасаться. Тщетно Хлаповскій трубилъ сборъ—прошло болѣе 10 минутъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ собрать своихъ уланъ (потерявшихъ 18 убит. и 43 ранеными) и отошелъ къ прежнему расположенію, причемъ замѣтилъ, что русская пѣхота и конница скрылись за укрѣпленія и

*) „Mon général, vous avez choisi la position, vous avez engagé le combat, la gloire de la journée est à vous, je ne serai que le spectateur"—сказалъ Курута, обращаясь къ Сакену (372).

*) Новомиргородскіе уланы стояли лѣвѣе большой батареи, упираясь тыломъ въ крутой лѣсистый оврагъ; оренбургскіе уланы, стоявшіе сперва правѣе батареи и терпѣвшіе отъ непріятельскаго огня, были переведены влѣво и поставлены впереди новомиргородцевъ.

только казаки выѣзжали по одиночкѣ впередъ ([375]). Въ то-же время нашъ лѣвый флангъ, отразивъ непріятельскую пѣхоту, преслѣдовалъ ее по пятамъ; причемъ сводный полкъ изъ гв. казаковъ и елизаветградскихъ уланъ, отрѣзавъ одинъ польскій баталіонъ, разсѣялъ его и взялъ много плѣнныхъ. Энтузіазмъ непріятеля, двигавшагося атаковать Вильну, теперь совершенно исчезъ; онъ замѣнился не только упадкомъ духа, но даже паникой, имѣвшей послѣдствіемъ поголовное бѣгство войскъ Роланда. Къ этому времени явился на позицію и хитрый грекъ Курута; будучи старшимъ, онъ заявилъ теперь свои права на командованіе всѣми войсками. По просьбѣ Сакена, онъ приказалъ слѣдовать за непріятелемъ подольскимъ кирасирамъ и гв. уланамъ, а л.-гв. Литовскій и 9-й егерскій полки перевелъ на позицію. Преслѣдованіе съ позиціи было ведено въ двухъ направленіяхъ: по ковенской дорогѣ и по трокской; въ послѣднемъ направленіи отступилъ Заливскій; отрѣзанный отъ главныхъ силъ и не предувѣдомленный своевременно Гелгудомъ, онъ еще сражался нѣкоторое время, понесъ большія потери и былъ отброшенъ на Троки. Къ сожалѣнію преслѣдованіе, и то слабое, продолжалось всего шесть верстъ, до р. Ваки. Не смотря на всѣ убѣжденія, Курута воспротивился дальнѣйшему наступленію русскихъ войскъ и наконецъ рѣшительно сказалъ Сакену: „нѣтъ, вы преслѣдовать не будете“ ([376]). Это печальное рѣшеніе обусловливалось довольно страннымъ соображеніемъ: гр. Курута опасался, что Гелгудъ (совершенно разбитый и растерявшій войска) сдѣлаетъ ночной переходъ и атакуетъ Вильну съ противоположной стороны, отъ р. Виліи. Соединенные отряды Куруты и Сакена возвратились къ вечеру на позицію. Уронъ русскихъ простирался убитыми и ранеными до 364 чел.; поляки лишились болѣе 600 ч. плѣнными и столько-же убитыми; а вмѣстѣ съ разбѣжавшимися, по показаніямъ польскихъ писателей, убыль простиралась до 2000 чел. Нечего и говорить въ какой степени эти потери возросли-бы при энергическомъ преслѣдованіи.

Обращаясь къ оцѣнкѣ описанныхъ дѣйствій, слѣдуетъ указать, во-первыхъ, на крайнюю медленность дѣйствій гр. Куруты, его пассивность и вообще полную неспособность оріентироваться въ военной обстановкѣ. При болѣе энергическомъ и рѣшительномъ непріятелѣ нежели былъ Гелгудъ, русскія войска могли-бы быть разбиты по частямъ, вслѣдствіе колебаній и медленности движеній гр. Куруты. Относительно операцій подъ Вильной нельзя не замѣтить, что русскіе не воспользовались вовсе ни бездѣйствіемъ Гелгуда, ни разбросокой его силъ, когда онъ отдѣлилъ Дембинскаго, Хлаповскаго и Шимановскаго. То и другое создавало благопріятныя условія для наступательныхъ дѣйствій и при энергическомъ ихъ веденіи едва-ли сомнительна возможность отдѣльнаго разбитія Дембинскаго и Хлаповскаго во время бездѣйствія Гелгуда въ Жеймахъ; но русскіе считали непріятеля болѣе сильнымъ нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а нѣкоторые предшествующіе его успѣхи порождали излишнія опасенія. По этимъ причинамъ рѣшено было ограничиться пассивной обороной; избранная для того позиція была хотя сильной съ фронта, но весьма опасной въ тылу, по крайнему неудобству пути отступленія; если-бы нашъ отрядъ постигла неудача, возможность чего допускалась военачальниками, то тогда катастрофа была-бы неминуема, особенно если-бы Дембинскій овладѣлъ въ тылу городомъ, куда направлены были его дѣйствія. Отсутствію преслѣдованія послѣ побѣды дана уже оцѣнка выше.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Гелгуда, можно замѣтить, что послѣ Райгородскаго сраженія онъ могъ двинуться или на Гродно или на Ковно. Движеніе въ первомъ направленіи приводило его къ пункту, гдѣ находились огромные запасы и склады русской арміи; правда важность этого пункта умалялась въ данное время тѣмъ, что русской арміи предстояла уже въ близкомъ будущемъ перемѣна базиса, но тѣмъ не менѣе съ захватомъ Гродно русскимъ нанесенъ былъ-бы чрезвычайный матеріальный вредъ, а поляки пріобрѣли-бы въ изобиліи всякаго рода запасы; затѣмъ уже Гелгудъ могъ-бы быстро обратиться противъ столицы Литвы, Вильны, которая была также слабо занята какъ и Гродно. Второй операціонный путь Гелгуда лежалъ на Ковно. Черезъ Нѣманъ польскій генералъ могъ переправиться у Мереча, Олиты или Пренъ, причемъ этой операціи содѣйствовалъ-бы Хлаповскій. Овладѣвъ Ковно, лежащимъ у двухъ большихъ рѣкъ, Гелгудъ пріобрѣталъ чрезвычайно важный опорный пунктъ; укрѣпивъ его и устроивъ переправы на Нѣманѣ и Виліи, онъ могъ уже свободно маневрировать на обоихъ берегахъ этихъ двухъ рѣкъ. Двинувшись отсюда безотлагательно къ Вильнѣ, онъ овладѣвалъ этимъ важнымъ политическимъ и военнымъ пунктомъ, гдѣ нашелъ-бы арсеналъ, 200 орудій, магазины и вообще всѣ средства для веденія борьбы. Изъ Вильны онъ могъ дѣйствовать наступательно, въ любомъ направленіи, противъ разъединенныхъ русскихъ войскъ, мѣшая имъ соединиться. Вмѣсто этого Гелгудъ медленно двигается по Августовскому воеводству, чтобы переправиться вдали отъ Вильны въ Гелгудишкахъ, носится съ жалкой мыслью объ англійскомъ кораблѣ въ Полангенѣ и теряетъ драгоцѣнныхъ для него 12 дней; переправившись 25 мая, онъ, по принужденію, атакуетъ Вильну только 7-го іюня и притомъ въ то время, когда самъ разбросался, а русскіе успѣли соединиться, имѣя почти непосредственно за собою подходившую резервную армію Толстаго. Не малою ошибкою было со стороны Гелгуда и то, что онъ собралъ большую часть инсургентскихъ бандъ въ большія массы и двинулъ ихъ для боя въ открытомъ полѣ съ значительными регулярными войсками. Этимъ самымъ онъ призывалъ ихъ къ несоотвѣтственной имъ дѣятельности и давалъ возможность русскимъ сразу нанести рѣшительный ударъ всѣмъ этимъ скопищамъ, совершенно неуловимымъ въ ихъ лѣсахъ и болотахъ, подъ защитою которыхъ, дѣйствуя внезапно, малыми партіями, они вели изнурительную для противника партизанскую войну, разсыпаясь при неудачѣ и возрождаясь для новыхъ предпріятій при благопріятныхъ условіяхъ. Изъ всѣхъ инсургентскихъ предводителей одинъ Станевичъ остался при своей системѣ войны и до самаго паденія Варшавы держался въ лѣсахъ Самогитіи, и только тогда, когда все было потеряно, спасся въ Пруссію.

Непосредственно передъ сраженіемъ на Понарахъ, Гелгуду представлялась возможность, владѣя Троками, попытаться воспрепятствовать соединенію Куруты съ Сакеномъ и атаковать перваго прежде, нежели послѣдній успѣетъ явиться къ нему на помощь; послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сакенъ, имѣя задачей непосредственную защиту Вильны и усвоивъ себѣ послѣ Райгородскаго дѣла строго оборонительную систему дѣйствій, едва-ли-бы даже двинулся съ занятыхъ имъ Понаръ. Наконецъ относительно самого сраженія 7-го іюня, очевидно что ключемъ русской позиціи былъ ея центръ, т. е. высота съ двухъярусной батареей. Съ переходомъ ея въ руки поляковъ, русскія войска разрѣзывались пополамъ и непріятель захватывалъ единственный ихъ путь отступленія. Но Гелгудъ повелъ атаку (вольно или невольно) главнымъ образомъ на оба фланга русской позиціи, причемъ войска разошлись, ослабивъ центръ. Далѣе, со стороны поляковъ рѣзко обнаруживается отсутствіе общаго управленія ходомъ боя; вліянія Гелгуда ни въ чемъ не замѣтно и частные начальники дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ Гелгудъ въ этомъ рѣшительномъ, какъ для него, такъ и для всей страны, сраженіи, въ этой можно сказать борьбѣ на жизнь и смерть, начинаетъ отступать слишкомъ рано, далеко не истощивъ всего запаса имѣвшихся у него силъ и средствъ.

На другой день послѣ сраженія, а именно 8-го іюня прибылъ въ Вильну главнокомандующій резервною арміею гр. Толстой съ главною квартирою, а 11-го числа сосредоточился къ этому городу и весь 4-й пѣх. корпусъ.

Послѣ Понарскаго пораженія Хлаповскій предложилъ Гелгуду стянуть всѣ силы къ Алексотѣ, у Ковно, тамъ окопаться и устроить нѣсколько мостовъ на Нѣманѣ, привлечь сюда непріятеля, и если онъ захочетъ обойти, то въ одну ночь выйти изъ лагеря въ различныя стороны, раздѣлиться на 6 отрядовъ: два въ Жмудь, два въ окрестности Вильны и два къ Витебску и Минску и такимъ образомъ разлиться по всей Жигуди и Литвѣ. Подобно тому какъ до соединенія русскихъ силъ, полякамъ слѣдовало дѣйствовать сосредоточенно, такъ теперь когда русскіе соединились—слѣдовало разбросаться.

Планъ этотъ, изложенный сперва словесно, а потомъ письменно, понравился Гелгуду, но не повстанцамъ, которые не хотѣли уходить далеко отъ своихъ мѣстъ жительства, другіе опасались службы въ регулярныхъ полкахъ, наконецъ движеніе къ Нѣману принято было-бы за отступленіе, что произвело-бы дурное моральное дѣйствіе ([377]).

Оборона поляками линіи Свенты и Виліи.

Гелгудъ рѣшился обратиться къ первоначально предложенному плану дѣйствій, а именно: удерживать линію Свенты и Виліи отъ Вилькоміра до Ковно *) и сформировать за нею многочисленныя силы. Гелгудъ съ пѣхотою, переправясь чрезъ Вилію у Кернова, отошелъ къ Кейданамъ; Хлаповскій съ кавалеріей направился туда-же чрезъ Ковно, а Заливскій обратился изъ Трокъ на Меречъ, гдѣ переправился чрезъ Нѣманъ и скрылся въ лѣсахъ Августовскаго воеводства. На мѣсто д'Отерива, утонувшаго въ Виліи, начальникомъ штаба Гелгудъ назначилъ Хлаповскаго. Оборона линіи Свенты и Виліи была поручена Дембинскому, подъ прикрытіемъ котораго предполагали организовать боевыя силы Самогитіи, занять Полангенъ и сохранить связь съ Царствомъ чрезъ Августовское воеводство; оборона этой длинной линіи поручена была вновь сформированнымъ литовскимъ войскамъ, за исключеніемъ отряда Дембинскаго, причемъ имъ почти вовсе не было придано артиллеріи. Центромъ оборонительной линіи Дембинскаго былъ Вилькоміръ. Въ Ковно, важнѣйшемъ пунктѣ линіи находился 25-й пѣх. полкъ силою въ 1200 ч. подъ начальствомъ Кіекерницкаго и эскадронъ литовцевъ, подъ начальствомъ Прозора; въ Яновѣ для обороны Виліи былъ расположенъ баталіонъ 4-го егерскаго полка и эскадронъ уланъ; въ Вепржахъ и Бечи (близь Вепржовъ), для обороны Свенты, находились 10-й и 11-й уланскіе полки (слабаго состава) подъ начальствомъ полк. Солтана; тамъ-же былъ и 26-й полкъ, отозванный затѣмъ Дембинскимъ къ Вилькоміру, гдѣ находился онъ самъ съ 2.400 чел. и 4 ор. (18-й полкъ изъ 2-хъ батал., баталіонъ 3-го егер. полка, эскадронъ 3-го уланскаго полка, познанскіе и плоцкіе кракузы). Дембинскій энергически занялся увеличеніемъ своихъ силъ и чрезъ нѣсколько дней онъ имѣлъ уже около 4.500 чел. при 6-ти орудіяхъ; за Дембинскимъ находился въ Цытовянахъ Шимановскій. Главныя силы Гелгуда (старыя польскія войска при 27 орудіяхъ) выступили изъ Кейданъ въ Россіены съ намѣреніемъ двинуться къ Полангену; въ Кейданахъ оставлена была лишь кавалерійская бригада Янковскаго (6-й конно-егерскій и 12-й уланскій полки) и баталіонъ пѣхоты **) ([378]).

*) См. карту дѣйствій арміи гр. Толстого.

**) См. прил. XIX.

Наступленіе арміи Толстого и прорывъ непріятельской оборонительной линіи.

Между тѣмъ резервная армія гр. Толстого стала прибывать къ Вильнѣ. Какъ сказано выше, повелѣніе объ ея сформированіи было дано 25-го апрѣля; въ составъ ея должны были войти: 4-й пѣхотный и 2-й кавалерійскій корпуса, а также резервные баталіоны и эскадроны дѣйствующей арміи. Изъ числа этихъ войскъ вступили въ Вильну: 8-го іюня 4-я гусарская, а 9-го и 11-го числа 13 и 15 пѣх. дивизіи; 2-й кавалерійскій корпусъ былъ тоже недалеко. Силы эти, въ общемъ около 40,000 чел., значительно превосходили непріятельскія. При такихъ условіяхъ можно было ожидать блистательныхъ для насъ результатовъ, но на самомъ дѣлѣ этого не случилось: большая часть непріятельскихъ войскъ, какъ увидимъ ниже, спаслась въ Пруссію. Первоначальною причиною такого исхода дѣла было отсутствіе преслѣдованія послѣ сраженія на Понарахъ, а затѣмъ медлительность въ возобновленіи дѣйствій Толстымъ, который только 12-го открылъ ихъ, поджидая сбора по возможности всѣхъ войскъ. Вслѣдствіе всего этого непріятель не только былъ совершенно упущенъ изъ виду, но ему предоставлено было также время устроиться и подкрѣпиться.

По распоряженію Толстаго войска 12-го іюня выступили для преслѣдованія непріятеля двумя колоннами: а) *лѣвая*, подъ начальствомъ кн. Хилкова, почти исключительно изъ войскъ отрядовъ Хилкова, Сулимы и Сакена, въ составѣ 19 бат., 22 эск., казаковъ и 63 ор., или 15340 чел. (въ томъ числѣ 11877 ч. пѣх.); она направилась по большой ковенской дорогѣ; б) *правая*, подъ начальствомъ гр. Куруты, изъ 17 бат., 21 эскадрона, казаковъ и 52 ор., или 15282 чел. (въ томъ числѣ 11429 ч. пѣхоты)—двинулась правѣе на Яново. Летучему отряду изъ Кіевскаго гусарскаго и 4-го егерскаго полковъ, съ 4 конными орудіями (всего ок. 2000 чел.), подъ начальствомъ ген. Гельфрейха, приказано было переправиться у Вильны чрезъ Вилію, чтобы очистить правый берегъ этой рѣки и прикрыть движеніе обѣихъ колоннъ, постоянно поддерживая связь съ правой колонной, но отнюдь не вступая въ неравный бой. Для обезпеченія Вильны съ окрестностями и динабургской дорогой, въ распоряженіи Храповицкаго оставлено: 15 бат., 18 эскадроновъ, часть казаковъ и 32 ор., всего 11000 чел. 2-й резервный кавалерійскій корпусъ ген. Никитина, изъ 2-й кирасирской и 2-й уланской дивизій (одна бригада уланъ оставлена въ Кіевѣ въ распоряженіи фельдм. Сакена), силою въ $5^1/_2$ т. сабель, направленъ къ Гродно и его окрестностямъ. Общій планъ Толстого, по его объясненію, заключался въ слѣдующемъ: отрѣзать мятежникамъ пути къ отступленію въ Ц. Польское и съ тѣмъ вмѣстѣ, по разбитіи ихъ, стараться вогнать въ предѣлы Пруссіи. Зная, что непріятель оставилъ свои запасы и способы формированія войскъ въ западной части Виленской губерніи, главнокомандующій рѣшился главныя силы направить вдоль Виліи по Ковенской дорогѣ, гдѣ, удостовѣрившись рѣшительно въ движеніи мятежниковъ, которые, по полученнымъ свѣдѣніямъ направлялись въ Самогитію, имѣлъ намѣреніе, соображаясь съ обстоятельствами и сколь возможно менѣ раздѣляя свои силы, переправиться въ удобномъ мѣстѣ черезъ рѣку Вилію, тѣснить непріятеля съ восточной стороны губерніи, занявъ между тѣмъ важный для насъ пунктъ г. Ковно, и, основавъ такимъ образомъ свою операціонную линію вдоль по р. Виліи, обезпечить посредствомъ ея продовольствіе войскъ ([379]).

Въ то время какъ главныя колонны наступали по лѣвому берегу Виліи отыскивая непріятеля, Храповицкій выслалъ изъ Вильны подп. Владиславлевича съ Ингерманландскимъ гусарскимъ полкомъ и 2 орудіями по вилькомірской дорогѣ, для собранія свѣдѣній о непріятелѣ съ этой стороны. Владиславлевичъ извѣстилъ, что Вилькоміръ занятъ Дембинскимъ, вслѣдствіе чего Храповицкій приказалъ немедленно

3-мъ пѣхотнымъ и одному гусарскому полкамъ съ 10-ю орудіями выступить 15-го іюня для поддержанія Владиславлевича. Толстой поручилъ командованіе этой колонной Каблукову и приказалъ ему въ началѣ „ограничиться наблюденіемъ“ и, лишь убѣдившись, что въ Вилькомірѣ одинъ Дембинскій, атаковать его, но не иначе, какъ совмѣстно съ Гельфрейхомъ. Каблуковъ остановился въ Мейшаголѣ; обѣ главныя колонны медленно и осторожно подвигались. 16-го іюня ген. Малиновскій, командовавшій авангардомъ кн. Хилкова, атаковалъ Ковно, совершенно разбилъ тамъ полк. Кіекерницкаго, потерявшаго кромѣ 500 ч. убитыми и ранеными, около 600 ч. при 32 оф. плѣнными (въ томъ числѣ и начальника отряда), и занялъ городъ. Въ тотъ-же день начальникъ авангарда правой колонны, полк. Лахманъ, отбросилъ непріятеля изъ Янова и овладѣлъ этимъ пунктомъ. Между тѣмъ Толстой, получивъ ложныя свѣдѣнія о присутствіи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ Вепржахъ, остался въ Зубишкахъ. Затѣмъ потрачено было нѣсколько дней (до 20-го) на устройство мостовъ у Ковно, Янова, Зубишекъ, причемъ войска совершенно бездѣйствовали; только Гельфрейгъ, произведя 17-го рекогносцировку, занялъ Бечи и Вепржи, откуда бѣжалъ непріятель, и приступилъ къ устройству тамъ моста. Такимъ образомъ оборонительная линія поляковъ была прорвана русскими (не смотря на вялость ихъ дѣйствій) безъ всякихъ почти усилій.

Дальнѣйшее отступленіе поляковъ.

Въ это время гр. Курута былъ извѣщенъ въ командованіи правою *) колонною бар. Крейцемъ, недавно прибывшимъ въ армію, и тогда дѣйствія нѣсколько оживились. Произведенная Делингсаузеномъ рекогносцировка указала, что Дембинскій едва съ 5000 чел. и 6 ор. находился въ Вилькомірѣ, вслѣдствіе чего Каблукову было приказано двинуться противъ него изъ Мейшаголы. Главныя колонны тоже выступили, наконецъ, 20-го іюня: лѣвая выдвинула свой авангардъ изъ Ковно по дорогѣ въ Кейданы, а правая потянулась къ Жеймамъ. Въ Кейданахъ собиралась большая часть инсургентовъ, разбитыхъ въ Ковно и бѣжавшихъ съ Виліи. Гелгудъ, прибывъ 18-го іюня въ Кейданы, намѣревался дать тамъ русскимъ сраженіе; съ этою цѣлью онъ притягивалъ къ себѣ Дембинскаго; но послѣдній, желая дѣйствовать самостоятельно и опасаясь соприкосновенія своихъ войскъ съ деморализованными войсками Гелгуда, не только уклонился отъ исполненія приказанія, но даже отступилъ 19-го вечеромъ отъ Товянъ къ Поневѣжу. По этой причинѣ Гелгудъ не рѣшился помѣряться силами съ русскими, и когда они стали дѣлать приготовленія къ переправѣ — приказалъ отступать къ Россіенамъ. Роландъ, направленный первоначально Гелгудомъ (думавшимъ защищаться) вверхъ по Невяжѣ, отошелъ къ Бейсаголѣ, и такимъ образомъ польско-литовскія войска отступали въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Гр. Толстой готовился къ атакѣ непріятеля въ Кейданахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы лишить поляковъ возможности переправиться чрезъ Нѣманъ, онъ приказалъ ген. Отрощенкѣ (съ 11-мъ егерскимъ полкомъ и двумя эскадронами) переправиться въ Ковно на лѣвый берегъ этой рѣки и, слѣдуя внизъ по ея теченію до прусской границы, уничтожить на ней всѣ мосты и средства къ переправѣ.

Получивъ 22-го іюня извѣстіе объ отступленіи поляковъ изъ Кейданъ, гр. Толстой направилъ лѣвую колонну на Шаровъ во флангъ непріятеля; ген. Делингсаузену,

*) По полученіи извѣстія о кончинѣ Великаго Князя Константина Павловича гр. Курута отправился въ Витебскъ.

съ авангардомъ изъ 7 батал., 10 эск., 16 ор. и 400 каз., приказалъ преслѣдовать поляковъ по россіенской дорогѣ, а самъ съ главною колонною, присоединивъ къ себѣ Гельфрейха, направился въ Кейданы. На слѣдующій день, 23-го іюня, Делингсаузенъ настигъ непріятельскій арьергардъ и оттѣснилъ его за Эйраголу; послѣ этого арьергардъ этотъ переправился чрезъ Дубису у Плембурга и разломалъ за собою мостъ. Гелгудъ намѣревался тамъ держаться, чтобы присоединить къ себѣ Роланда и Дембинскаго, но Делингсаузенъ, переправивъ Лахмана съ частью отряда нѣсколько ниже по глубокому броду, смѣло атаковалъ непріятеля одновременно съ фронта и съ фланга и заставилъ его отступить.

Во время преслѣдованія взято было въ плѣнъ около 170 чел. Поляки, не останавливаясь въ Россіенахъ, пошли дальше. Толстой съ главными силами дошелъ только до Эйраголы и выдвинулъ вправо, на Дантовъ, ген. Кнорринга съ гв. отрядомъ и линейными казаками для преслѣдованія Роланда; бригада Фрикена оставлена въ Кейданахъ, чтобы очистить окрестные лѣса отъ инсургентовъ; часть колонны Хилкова ($4^1/_2$ бат., 9 эск., 400 каз. и 20 ор.), подъ начальствомъ Сакена, отправлена была влѣво чрезъ Чейкишки, чтобы преслѣдовать полк. Коса, еще ранѣе съ понтонами выдвинутаго Гелгудомъ въ Ковно для устройства тамъ переправы, а теперь забытаго имъ и спѣшившаго за своими отступавшими войсками. Остальная часть колонны Хилкова должна была прибыть въ Эйраголу для соединенія съ главными силами; наконецъ Каблуковъ преслѣдовалъ Дембинскаго. Такимъ образомъ русскія войска раздробились на 4 части: лѣвѣе двигались Отрощенко, по берегу Нѣмана и Сакенъ, преслѣдовавшій Коса; въ центрѣ — Делингсаузенъ и Толстой, слѣдовавшіе за Гелгудомъ; правѣе — Кнорринъ шелъ за Роландомъ и наконецъ еще правѣе — Каблуковъ, послѣдовавшій за Дембинскимъ (380).

Косъ, угрожаемый одновременно Сакеномъ и Отрощенкой, старался выйти отъ Нѣмана окольными дорогами на соединеніе съ Гелгудомъ. Съ другой стороны Дембинскій 23-го мая, въ день боя при Плембургѣ, долженъ былъ тоже выдержать напоръ Каблукова. Дембинскій имѣлъ въ виду отступать на Поневѣжъ, чтобы затѣмъ войти въ связь съ Гелгудомъ; но при этомъ онъ не торопился своимъ движеніемъ, благодаря чему былъ настигнутъ Каблуковымъ, слѣдовавшимъ за нимъ по пятамъ (вмѣсто того, чтобы идти кратчайшимъ путемъ на Ремиголу и отрѣзать непріятеля у Поневѣжа — этого и опасался Дембинскій). Атакованный Каблуковымъ (ок. 4200 чел. и 12 ор.) у Поневѣжа, Денбинскій вынужденъ былъ отступить и совершилъ этотъ маневръ съ свойственнымъ ему искусствомъ. Хотя при этомъ польскому генералу пришлось пройти 5 верстъ по открытой полянѣ, но преслѣдовавшіе его нарвскіе гусары при всѣхъ усиліяхъ ничего не могли сдѣлать; пользуясь свойствами мѣстности, Дембинскій выдвигалъ то пѣхоту, то конницу и, прикрываясь ими, благополучно ретировался; при этомъ онъ извлекъ не мало пользы изъ части своей пѣхоты посаженной на коней *). Къ 23—24 іюня всѣ непріятельскіе отряды находились въ полномъ отступленіи: Косъ двигался къ Немокштамъ, Роландъ—отъ Бейсаголы къ Цытовянамъ, куда слѣдовалъ также Гелгудъ изъ Россіенъ; Дембинскій — за Невяжу. Съ русской стороны: Сакенъ шелъ къ Гелгудишкамъ; Делингсаузенъ, направляясь къ Дубиссѣ, дошелъ до Бейданце, гдѣ былъ остановленъ сломаннымъ мостомъ; главныя силы прибыли въ Россіены; Кнорринъ направлялся къ Бейсаголѣ; Каблуковъ расположился отдыхать въ Поневѣжѣ.

*) Отступленіе это описано весьма подробно самимъ Дембинскимъ (381).

Движеніе Гелгуда къ Шавлямъ и блистательная оборона города Крюковымъ.

Вечеромъ 24-го іюня Гелгудъ, Роландъ и Шимановскій съѣхались въ Цытовянахъ для совѣщанія. На военномъ совѣтѣ Гелгудъ предлагалъ, соединившись предварительно съ Дембинскимъ, пробиться къ Нѣману, но другіе, особенно Шимановскій, потребовали прежде всего овладѣть Шавлями, чтобы поднять упавшій духъ войскъ. Планъ этотъ былъ столь-же опасенъ—потому что тогда слѣдовало уже отказаться отъ всякихъ сообщеній съ Царствомъ—сколько лишенъ смысла, такъ какъ не было никакой цѣли, жертвуя послѣдними снарядами, отбивать открытый городъ, лишенный запасовъ, затѣмъ только, чтобы покинуть его въ виду наступленія превосходныхъ русскихъ силъ. Нападеніе на Шавли было рѣшено. Между тѣмъ Дембинскій, отступивъ отъ Поневѣжа, не зналъ какое ему принять дальнѣйшее направленіе; въ это время онъ получилъ приказаніе Гелгуда—присоединиться къ нему чрезъ Шавли или Шавляны. Приказаніе это было неопредѣленно, такъ какъ оба эти пункта находятся одинъ отъ другаго въ 35 в. и неизвѣстно было, гдѣ искать Гелгуда. Въ виду движенія русскихъ войскъ, Дембинскій предпочелъ направленіе на Шавли. Принявъ мѣры къ скрытію своего движенія, онъ ушелъ нисколько не тревожимый Каблуковымъ, который, по непостижимымъ соображеніямъ, цѣлыхъ три дня оставался въ Поневѣжѣ. 25-го іюня Дембинскій прибылъ въ Шавли, сдѣлавъ въ два дня 64 версты. Онъ тотчасъ-же произвелъ рекогносцировку города. Шавли лежатъ на небольшой возвышенности, окруженный съ юга и востока двумя озерами, соединенными между собою болотистымъ рвомъ. Между озерами пространство имѣетъ протяженія около 200 с.; тамъ по болотистому грунту пролегаетъ виленская дорога, подымающаяся затѣмъ на высоту къ городу. Изъ укрѣпленій, возведенныхъ русскими па высотѣ, можно было обстрѣливать, какъ дорогу, такъ и дефиле. Съ востока, вслѣдствіе тамошняго озера и болотистой мѣстности, городъ мало доступенъ; только съ сѣверной, или митавской, и въ особенности съ западной, или тельшинской сторонъ мѣстность представляла свободные доступы. Дембинскій слѣдовательно приблизился съ самой недоступной стороны. Желая заставить русскихъ очистить безъ боя городъ, онъ выслалъ на митавскую дорогу Бржезанскаго съ большою частью кавалеріи и приказалъ ему двигаться медленно. Опасаясь также преслѣдованія Каблукова, онъ распорядился уничтожить мостъ между двумя болотами на поневѣжской дорогѣ и поставилъ тамъ одно орудіе, конныхъ пѣхотинцевъ и 60 кавалеристовъ, которые могли быть поддержаны эшелономъ изъ 25-го пѣх. полка. Вскорѣ онъ получилъ радостное извѣстіе, что Гелгудъ съ Роландомъ и Хлаповскимъ приближается изъ Цытовянъ чрезъ Подубисе, а Шимановскій двигается чрезъ Рекіевъ и что на слѣдующій день въ 2 ч. утра предположено атаковать Шавли со всѣхъ сторонъ. Дембинскій подкрѣпилъ кавалерію Бржезанскаго 18-мъ пѣх. полкомъ, съ приказаніемъ крѣпко запереть митавскую дорогу. Вскорѣ Шимановскій съ 3000 пѣх., 800 всадниковъ и 4 ор. соединился съ Дембинскимъ на виленской дорогѣ, между тѣмъ какъ Гелгудъ приближался съ западной стороны. Первоначальное предположеніе объ атакѣ по ракетнымъ сигналамъ было отмѣнено за неимѣніемъ ракетъ и рѣшено вести ее по двумъ пушечнымъ выстрѣламъ, которые раздались наконецъ около 4-хъ ч. утра.

Русскій начальникъ, полк. Крюковъ, имѣлъ подъ своей командой 5 резервныхъ баталіоновъ: Невскаго, Копорскаго, Принца Карла, 3-го и 4-го егерскихъ полковъ и 125 волонтеровъ—всадниковъ изъ Риги, всего 2500 чел. съ 5-ю орудіями *). Крюковъ,

*) Въ теченіи непродолжительнаго времени Шавли переходили изъ рукъ въ руки. Выше было упомянуто о блистательно отбитой полк. Макомъ, 4-го іюня, атакѣ этого пункта Шимановскимъ. Послѣ того начальствовавшій войсками полк. Коцебу, получивъ извѣстіе о приближеніи значительныхъ непріятельскихъ

отрѣзанный отъ всѣхъ русскихъ войскъ, получилъ 25-го іюня извѣстіе о наступленіи значительныхъ непріятельскихъ массъ и скоро убѣдился, что противъ него двигались не только инсургенты, но и многочисленныя регулярныя войска. Получивъ приглашеніе сдаться, Крюковъ созвалъ военный совѣтъ изъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ. Общимъ голосомъ рѣшено: защищаться до послѣдней крайности; приняты для этого всѣ необходимыя мѣры; отслужено торжественное молебствіе. Не зная откуда будетъ произведено нападеніе, Крюковъ поставилъ на каждой изъ трехъ дорогъ по одному баталіону; къ тѣмъ изъ нихъ, которые стояли по литовской и виленской дорогамъ, придано по два орудія, а къ третьему баталіону—одно; одинъ баталіонъ былъ поставленъ болѣе на востокъ къ сторонѣ озера, а пятый остался на рыночной площади, гдѣ находился обозъ, построенный вагенбургомъ. Впослѣдствіи Крюковъ перевелъ одно орудіе съ литовской дороги на тельшинскую. Въ польскомъ лагерѣ господствовала несомнѣнная увѣренность въ побѣдѣ. Между Шимановскимъ и Дембинскимъ произошелъ споръ изъ-за командованія; послѣдній былъ старше перваго по службѣ, но, за указаннымъ выше выдѣленіемъ частей его отряда, онъ имѣлъ подъ рукою меньше войскъ нежели Шимановскій; на этомъ обстоятельствѣ главнымъ образомъ и основывалась претензія послѣдняго быть главнымъ распорядителемъ дѣла, въ побѣдоносномъ исходѣ котораго онъ былъ вполнѣ увѣренъ; Дембинскій не уступалъ и единства командованія не было установлено. Дембинскій со своею пѣхотою и 4-мя орудіями расположился лѣвѣе, Шимановскій правѣе дороги—всего около 6000 чел. съ 8 орудіями. По данному Гелгудомъ, около 4 ч. утра 26 іюня, сигналу послѣдовала канонада какъ въ отрядѣ Гелгуда, такъ и у Шимановскаго. Вслѣдствіе того, что Хлаповскій не раздѣлялъ принятаго плана нападенія на Шавли и устранился отъ всякаго въ немъ участія, а Гелгудъ страдалъ отъ болѣзни, отрядомъ послѣдняго (болѣе 7000 ч. съ 20 ор.) распоряжался Роландъ. Какъ упомянуто выше, Крюкову угрожала еще опасность и съ сѣвера, гдѣ находился бывшій отрядъ Бржезанскаго, поступившій теперь подъ начальство Сѣраковскаго, силою ок. 2000 ч. Такимъ образомъ противъ $2^1/_2$ т. Крюкова было направлено ок. 15000 непріятельскихъ войскъ. Піонтка, распоряжавшійся артиллеріей у Гелгуда, выставилъ на дорогѣ батарею изъ 6-ти орудій, а Роландъ, выславъ впередъ застрѣльщиковъ 7-го полка, поддержалъ ихъ колоннами; Шимановскій-же на оборотъ—разсыпалъ въ цѣпь почти всю свою пѣхоту. Подойдя къ укрѣпленію впереди города, Шимановскій былъ встрѣченъ густымъ картечнымъ огнемъ, а затѣмъ часть Копорскаго баталіона бросилась въ штыки на его стрѣлковъ и опрокинула ихъ въ полномъ разстройствѣ. Тщетно Шимановскій выказывалъ личное мужество; люди его отступали и только прибывшій съ подкрѣпленіями Дембинскій удержалъ русскихъ и выручилъ орудія, которымъ уже угрожала опасность. Со стороны Роланда 7-й полкъ продолжалъ наступленіе, причемъ одинъ баталіонъ ворвался даже въ городъ; но Крюковъ схватилъ баталіонъ полка пр. Карла и атаковалъ поляковъ; произошелъ жаркій бой, въ которомъ палъ польскій начальникъ; тогда воинственный ксендзъ Лога, одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи, съ крестомъ и ружьемъ бросился впередъ, стремясь увлечь за собою людей, но немедленно былъ поднятъ на штыки; почти весь польскій баталіонъ былъ истребленъ, а другой, спѣшившій ему на помощь, опоздалъ и при-

силъ, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, очистилъ 14-го іюня городъ и отступилъ къ Курляндской, границѣ, а самъ уѣхалъ лѣчиться въ Митаву. Шимановскій воспользовался этимъ и тотчасъ занялъ городъ. Узнавъ объ этомъ, командовавшій войсками въ сѣверной Самогитіи, ген. Ширманъ, приказалъ Крюкову съ 5 бат., 1 эск. и 5 ор. овладѣть городомъ, Крюковъ атаковалъ 21-го іюня непріятеля, оттѣснилъ его и овладѣлъ городомъ, послѣ чего Шимановскій отступилъ къ Цытовянамъ.

нужденъ былъ отступить. Между тѣмъ Шимановскій устроилъ свои войска и, поддерживаемый Дембинскимъ, снова двинулся въ атаку; но, осыпанный картечью и затѣмъ принятый въ штыки, отступилъ въ такомъ безпорядкѣ, что не могъ уже собрать своихъ людей. Одновременно съ этимъ и Роландъ энергически возобновилъ атаку, оканчившуюся также безуспѣшно, какъ и первая. Крюковъ, зорко слѣдившій за ходомъ боя, быстро являлся съ резервнымъ баталіономъ на помощь къ наиболѣе угрожаемымъ пунктамъ.

Такимъ образомъ поляки дѣлали тщетныя попытки сломить сопротивленіе малочисленнаго русскаго отряда; со стороны Роланда эти попытки, поддерживаемыя огнемъ многочисленной артиллеріи, возобновлялись до семи разъ; два раза польскіе баталіоны проникали до самой рыночной площади, но были отбрасываемы назадъ. Крюковъ пополнялъ свой истощенный отрядъ нестроевыми и деньщиками, которые, будучи воодушевленны геройскимъ примѣромъ начальниковъ, сражались также храбро какъ и прочіе. Дембинскій пожелалъ помочь дѣлу кавалеріей. Онъ хотѣлъ выдвинуть храбрѣйшихъ охотниковъ стараго 3-го улан. полка (подъ командой Яновича), поставить ихъ во главѣ, а за ними литовскихъ всадниковъ Нарбута изъ отряда Шимановскаго, съ тѣмъ, чтобы ихъ атакой по дорогѣ побудить и пѣхоту Шимановскаго двинуться впередъ; но Нарбутъ не выждавъ этого, бросился впередъ къ городу въ колоннѣ по три. Увидя это Дембинскій приказалъ Яновичу съ цѣлымъ полкомъ поддержать литовскихъ инсургентовъ ([382]). Всадники смѣло бросились по плотинѣ къ виленской заставѣ; русскіе подпустили ихъ на самое близкое разстояніе, а затѣмъ дали картечный залпъ въ середину глубокой колонны, которая при этомъ разорвалась пополамъ: задняя ея часть (съ упавшимъ Яновичемъ) подалась назадъ, а передняя, имѣя въ головѣ скачущаго съ крестомъ въ рукѣ ксендза, ворвалась въ городъ и доскакала по пустымъ улицамъ до самаго вагенбурга, гдѣ перевязывали раненыхъ; тамъ она была встрѣчена изъ-за повозокъ огнемъ фурштатовъ, наскоро-вооружившихся ружьями раненыхъ; тогда поляки бросились къ митавской заставѣ, но находившійся тамъ баталіонъ повернулся назадъ и встрѣтилъ ихъ ружейнымъ, а орудіе картечнымъ огнемъ; оттуда они устремились къ тельшинской и виленской заставамъ, но вездѣ встрѣтили одинъ пріемъ; только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось спастись по болоту; Нарбутъ палъ вмѣстѣ съ тремя своими сыновьями. Такъ окончилась эта атака кавалеріи; пѣхота, долженствовавшая ее поддерживать, видя неудачу конницы, отказалась двигаться впередъ, не смотря ни на просьбы, ни на угрозы Дембинскаго и Шимановскаго. Во все время боя Сѣраковскій съ 1200 чел. пѣх. и 800 кавал. совершенно бездѣйствовалъ, ссылаясь на то, что ему приказано было „отрѣзать путь отступленія русскимъ“. Канонада еще продолжалась нѣсколько времени, а затѣмъ Гелгудъ приказалъ отступить на Куршаны; Дембинскій и Шимановскій двинулись вправо и обогнули озеро. Бой продолжался около 10 часовъ; по свѣдѣніямъ русскихъ поляки лишились около 4000 ч. убитыми и ранеными и 400 ч. плѣнными; у русскихъ выбыло изъ строя болѣе 500 чел. безъ офицеровъ (15), т. е. $^1/_5$ часть отряда.

Со стороны поляковъ и въ этомъ дѣлѣ наглядно обнаружилось отсутствіе общаго руководства дѣломъ, разъединенность и безпорядочность атакъ; пѣхота, напрягая усилія, успѣвала врываться въ городъ, но, своевременно не поддержанная, была выбрасываема оттуда энергическимъ обороняющимся. Вмѣсто наступленія колоннами, войска разсыпаютъ густыя цѣпи и ведутъ атаки разсыпнымъ строемъ. Что касается обороны, то вышеизложенное въ достаточной степени выясняетъ съ какимъ разумомъ и энергіей она была ведена; сами поляки это признаютъ („Si notre attaque était brave, mais mal ordonnée, la defense de l'ennemi était d'un courage superbe et d'une habilité admirable“).

Въ этотъ-же день Гелгуда постигла еще и другаго рода неудача. При движеніи къ Шавлямъ обозъ его слѣдовалъ, въ числѣ около 1000 телѣгъ, по дорогѣ на Рекіевъ за колонной Шимановскаго, подъ прикрытіемъ трехъ эскадроновъ и 25-го пѣх. полка. Делингсгаузенъ, слѣдуя отъ Бейданцевъ на Цытовяны и задерживаемый испорченными мостами, только 26-го числа, въ день боя подъ Шавлями, настигъ недалеко отъ Рекіева прикрытіе непріятельскаго транспорта. Онъ приказалъ Лахману съ 3-мя эскадронами новомиргородскихъ уланъ и 2-мя конными орудіями атаковать противника. Огонь артиллеріи прогналъ непріятельскую конницу, а затѣмъ Лахманъ съ уланами ворвался въ каре, часть его (до 300 ч.) изрубилъ, до 250 ч. взялъ въ плѣнъ, а прочихъ разсѣялъ по лѣсамъ; изъ обоза спасся только артиллерійскій паркъ и нѣсколько другихъ телѣгъ. Но послѣ этого Делингсгаузенъ пріостановился и не продолжалъ движенія къ Шавлямъ, гдѣ вошелъ-бы въ соприкосновеніе съ непріятелемъ. Русскія главныя силы находились еще далеко; 25-го они дошли до Шидлова, 26-го — до Пошавше. Вслѣдствіе остановки авангарда Делингсгаузена (котораго еще нѣсколько оправдываетъ отдаленность главныхъ силъ) и Каблукова, а также медленности движеній Толстаго, во-первыхъ, непріятель снова скрылся изъ виду, а, во-вторыхъ, храбрый Крюковъ былъ предоставленъ собственнымъ ничтожнымъ силамъ и вынужденъ выдержать отчаянный бой противъ въ шесть разъ превосходнаго числомъ непріятеля; съ непріятельской стороны не только Гелгудъ успѣлъ отступить, но спасся и Дембинскій, который могъ-бы быть поставленъ въ критическое положеніе при большей смѣлости и энергіи дѣйствій русскихъ военачальниковъ.

Совѣтъ въ Куршанахъ. Дальнѣйшее отступленіе польскихъ отрядовъ въ разныхъ направленіяхъ.

Неудача подъ Шавлями породила въ войскахъ неудовольствіе противъ Гулгуда, неспособность котораго сдѣлалась для всѣхъ очевидной. Дисциплина была подорвана и нѣкоторымъ изъ предводителей уже тогда казалось, что единственнымъ средствомъ къ спасенію остается переходъ въ предѣлы Пруссіи. Между тѣмъ общимъ сборнымъ пунктомъ были назначены Куршаны, куда всѣ и направились; вскорѣ это мѣстечко и его окрестности были запружены войсками, лошадьми, парками, обозами. На собранномъ Гелгудомъ военномъ совѣтѣ 27-го іюня, среди бурныхъ преній и укорительныхъ сценъ, высказано было два мнѣнія: Дембинскій предлагалъ двинуться на востокъ къ Динабургу, а оттуда пробраться въ Царство; Хлаповскій-же, Шимановскій и др. полагали, что если всѣ войска будутъ держаться вмѣстѣ, то тѣмъ самымъ привлекутъ на себя превосходныя силы русскихъ, а потому слѣдуетъ раздѣлить корпусъ на три части *) и произвести эксцентрическое отступленіе; въ то время какъ русскіе будутъ преслѣдовать одну изъ нихъ, другія двѣ могутъ уйти. Это мнѣніе было принято большинствомъ только одного голоса Гелгуда; раздѣленіе корпуса рѣшено. Дембинскій предлагалъ даже отрѣшеніе Гелгуда и отъ главнаго начальствованія, но не встрѣтилъ достаточной поддержки. Начальниками трехъ отдѣльныхъ частей были назначены: Дембинскій, Роландъ и Хлаповскій; Гелгудъ могъ оставаться при томъ отрядѣ, гдѣ желалъ, и тогда уже имъ и начальствовалъ. Дембинскій избралъ направленіе для

*) Собственно онъ желалъ раздѣленія на 6 частей, но такъ какъ не было начальниковъ, желавшихъ взять на себя отвѣтственность за самостоятельныя дѣйствія, то предложено было раздѣлиться на 3 отряда ([384]).

движенія согласно своему плану; Роландъ—къ Полангену; Хлаповскій на Юрбургъ. Особымъ приказомъ разрѣшалось офицерамъ отдѣлиться отъ войскъ, чтобы продолжать самостоятельно партизанскую войну. Войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ *): 1) у *Хлаповскаго*: 1-й уланскій полкъ, Калишскій эскадронъ, 2-й и 4-й егерскіе пѣх. полки и около сотни человѣкъ 1-го егер. полка, конно-артил. взводъ и одна пѣшая батарея—4¼ батал., 5 эск., 10 ор. или ок. 3600 ч.; 2) у *Роланда* (съ примкнувшимъ потомъ къ нему отрядомъ полк. Коса) 7-й и 19 полки, 1 батал. 2-го егер. п., 1 бат. Брохоцкаго, батар. батарея Піонтка, литовская кавал. бригада Солтана, отряды самогитской пѣхоты Шеміота и конницы Калиновскаго и Гржимайлы; всего 7 бат., 15 эск., 15 ор., кромѣ самогитской пѣхоты и кавалеріи—болѣе 5000 ч.; 3) у *Дембинскаго*: 18-й и 26-й полки, баталіонъ 3-го егер. полка, баталіонъ Матусевича, самогитскіе стрѣлки волонтеры; 1 эск. 3-го уланскаго, 2 эскадрона 13-го уланскаго полковъ, 4-ре эскадрона Познанскихъ и 2 эск. Плоцкихъ кракузовъ, 250 литовскихъ всадниковъ, 6 орудій; всего 6 б., 10 эск. и 6 ор.—около 6000 чел. Хлаповскій и Роландъ, не теряя времени, выступили, а Дембинскій, послѣ нѣкоторой душевной борьбы, въ виду предстоявшаго ему труднаго дѣла, бросился къ сѣверу и, совершивъ искусный маневръ, прибылъ, пробираясь по лѣсамъ и болотамъ, къ Груздямъ въ тотъ-же день, т. е. 27 іюня.

Преслѣдованіе поляковъ русскими.

Между тѣмъ русскіе, потерявъ соприкосновеніе съ непріятелемъ, вовлечены были этимъ въ рядъ ошибокъ. Движеніе Дембинскаго непосредственно послѣ боя при Шавляхъ къ сѣверу, въ обходъ озера, принято было за направленіе движенія всей арміи, а потому возникли опасенія за Курляндію. Получивъ это извѣстіе, Толстой приказалъ Делингаузену съ авангардомъ немедленно двинуться къ Шавлямъ; самъ съ главными силами выступилъ 27-го іюня туда-же изъ Пошавше; соотвѣтственно былъ передвинутъ и Кнорринтъ. Но, когда войска прошли уже 10 верстъ, получено было извѣстіе о движеніи непріятеля къ западу, на Куршаны; при этомъ русской арміи необходимо было направиться на перерѣзъ на Куртовяны и для этого, вслѣдствіе болотъ у Рекіева, предварительно возвратиться на прежнія мѣста; такъ былъ напрасно потерянъ цѣлый день; Делингаузенъ остался въ Шавляхъ и, при измѣнившемся направленіи движенія арміи, рѣшился выдвинуть новый авангардъ, подъ начальствомъ Офенберга, изъ Ямбургскаго уланскаго полка, 2 конныхъ орудій и 40 казаковъ. Еще ранѣе, а именно, 25-го іюня, Сакенъ прибылъ къ замку Гелгуда, противъ Гелгудишекъ; получивъ извѣстіе, что Косъ отступилъ къ Немокштамъ, Сакенъ притянулъ къ себѣ съ лѣваго берега Нѣмана Отрощенку и выступилъ къ Россіенамъ и Немокштамъ, раздѣлившись, для лучшаго обыска лѣсовъ, на четыре небольшія колонны. 27-го онъ прибылъ въ Россіены и получилъ приказаніе занять позицію, чтобы не допустить непріятеля къ Нѣману. Наконецъ и Каблуковъ счелъ возможнымъ прекратить свое бездѣйствіе въ Поневѣжѣ, выступивъ 27-го іюня къ Шавлямъ.

Хлаповскій и Роландъ двинулись на Лукники; первый (при отрядѣ котораго былъ и Гелгудъ), преимущественно съ легкими войсками, шелъ впереди; Роландъ-сзади и нѣсколько въ сторонѣ. Для облегченія движенія Хлаповскій приказалъ въ своемъ отрядѣ сжечь около 1000 повозокъ, но при этомъ богатый багажъ генераловъ былъ сохраненъ въ цѣлости къ величайшему неудовольствію войскъ, у которыхъ сожгли

*) См. прилож. XXXV.

даже лазаретные фургоны, а раненыхъ бросили на произволъ судьбы. На слѣдующій день движеніе, нисколько не безпокоимое русскими, продолжалось быстро, причемъ Хлаповскій пошелъ на Жараны, а Роландъ свернулъ къ Ужвенту, гдѣ оставилъ въ госпиталѣ своихъ больныхъ и раненыхъ; тамъ къ нему присоединился наконецъ отрядъ Коса, который считали погибшимъ; къ вечеру 28-го числа Роландъ достигъ Повондине, гдѣ далъ отдыхъ своимъ усталымъ войскамъ. Съ русской стороны Делингаузенъ въ этотъ день прибылъ въ Куршаны, гдѣ узналъ о раздѣленіи непріятельскихъ силъ и принятомъ ими направленіи. Извѣщенный объ этомъ Толстой немедленно двинулся на Куртовяны, а оттуда, послѣ краткаго отдыха,—въ Слободку. Сакенъ расположился у Немокштъ; Каблуковъ—въ Смильгѣ; Кнорринтъ оставался въ Цытовянахъ, чтобы очистить отъ инсургентовъ сосѣдніе лѣса. Главное начальство надъ войсками, направленными противъ Роланда и Хлаповскаго, было поручено бар. Крейцу, и онъ оживилъ всѣ дѣйствія. Делингаузенъ, прибывшій, какъ выше упомянуто, 28-го числа въ Куршаны, сдѣлалъ усиленный переходъ чрезъ Лукники, Ужвентъ въ Повондне, куда прибылъ, въ 2 ч. утра 29-го іюня, съ передовою кавалеріею изъ казаковъ и 7 эск. гусаръ и уланъ; завязавъ бой съ непріятелемъ, выдвинувшимъ противъ него артиллерію и пѣхоту, подъ начальствомъ Шимановскаго, онъ не могъ предпринять ничего положительнаго и долженъ былъ выжидать прибытія главныхъ силъ авангарда.

Только въ 5 ч. пополудни прибылъ Офенбергъ съ 4 б., 6 эск. и 6 орудіями. Но Роландъ началъ уже отступать, весьма искусно прикрываемый арьергардомъ Шимановскаго; тѣмъ не менѣе русскіе захватили ок. 150 ч. въ плѣнъ. Станевичъ со своею бандою отдѣлился отъ Роланда, чтобы продолжать партизанскую войну. При принятомъ двумя польскими отрядами направленіи имъ грозила опасность еще и съ другой стороны; а именно: находившійся въ Тельшахъ ген. Ширманъ могъ тоже выйдти имъ на перерѣзъ. Дѣйствительно Делингаузенъ извѣстилъ его, что непріятель направился на Ужвентъ. Ширманъ выступилъ 29-го утромъ, съ 2 бат., 4 ор. и 150 каз., на Ворны но узналъ что непріятель уже миновалъ этотъ пунктъ и тянется къ Жоранамъ; Ширманъ повернулъ туда, но не засталъ тамъ Хлаповскаго, который въ этотъ день ушелъ къ Плунгянамъ; Ширманъ устремился за нимъ и достигъ этого пункта, усиленнымъ маршемъ, въ 9 ч. вечера, но Хлаповскаго и тамъ не захватилъ: онъ повернулъ влѣво и поспѣшно уходилъ черезъ лѣса. Чтобы отрѣзать непріятелю путь къ Нѣману, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Сакенъ долженъ былъ изъ Немокштъ передвинуться въ Колтыняны, а Кнорринтъ изъ Цытовянъ перейти въ Кельмы, для связи главныхъ силъ съ Сакеномъ. Такимъ образомъ поляковъ окружали: слѣва Сакенъ, справа Ширманъ, въ центрѣ Делингаузенъ и Офенбергъ; оставался открытымъ путь только въ Пруссію.

Переходъ поляковъ въ предѣлы Пруссіи.

Хлаповскій, преслѣдуемый Ширманомъ, двигался вблизи прусской границы; 30-го іюня онъ шелъ сначала на Горжды, но, пройдя Выжайцы, повернулъ влѣво. Ширманъ отказался отъ мысли настигнуть его и остался въ Плунгянахъ, послалъ приказаніе Бартоломею, расположенному въ Кретингенѣ, выйти на встрѣчу непріятелю къ Горждамъ, съ отрядомъ изъ одного піонернаго эскадрона, полубаталіона пѣхоты и 2-хъ орудій; но Хлаповскій достигъ уже своей цѣли: 30 іюня онъ подошелъ у Гудауна (Шлаугштена) къ самой прусской границѣ и, подъѣхавъ къ образующему ее рву, перебросилъ чрезъ него свою шинель со словами: „кто истинный полякъ тотъ послѣдуетъ за мною“. 1-й уланскій полкъ и люди прибывшіе съ Хлаповскимъ изъ

Польши перешли черезъ ровъ; другія части остановились въ нерѣшительности. На другой день, 1-го іюля, когда показались издали войска Роланда, принятыя сперва за русскихъ, всѣ колебавшіеся еще поспѣшили перейти границу, но потомъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, нѣкоторые бросились опять назадъ и присоединились къ проходившей колоннѣ Роланда. Въ эту минуту постигъ трагическій конецъ и Гелгуда. Въ то время, какъ онъ выслушивалъ, сидя верхомъ, упреки и ругательства окружавшихъ его офицеровъ, къ нему подскакалъ адъютантъ проходившаго мимо 7-го полка капитанъ Скульскій (или Скальскій) и, выстрѣливъ изъ пистолета въ грудь, убилъ его на повалъ, а затѣмъ на глазахъ всѣхъ присоединился къ своей колоннѣ. Такъ печально окончилъ жизнь Гелгудъ, этотъ добрый, храбрый, безхарактерный человѣкъ, вся вина котораго заключалась въ томъ, что онъ не по своей волѣ очутился во главѣ дѣла, направленіе котораго требовало и большаго характера, и большихъ умственныхъ способностей нежели тѣ, которыми онъ обладалъ, и военныхъ дарованій, которыхъ онъ былъ лишенъ.

Между тѣмъ Роландъ, отойдя къ Ворнамъ, ночью на 30-е іюля выступилъ оттуда чрезъ Тверь къ Ретову. Мало по малу его покинули всѣ литовцы (Станевичъ, Шеміотъ, Калиновскій и др.). Делингсаузенъ и Офенбергъ преслѣдовали его до Ретова, но, напавъ на его обозъ и занявшись имъ, они дали ему возможность благополучно добраться до Куле. Въ это время Крейцъ съ главными силами прибылъ въ Ворны, а Сакенъ въ Колтыняны. Роландъ, узнавъ 1-го іюля въ Куле, что Полангенъ (первоначальная цѣль его движенія) занятъ русскими, а Ширманъ двигается отъ Плунгянъ,— рѣшился идти къ Горждамъ, гдѣ по слухамъ долженъ былъ находиться Хлаповскій. Въ это время онъ получилъ извѣстіе, что послѣдній перешелъ въ Пруссію. Собранный военный совѣтъ положилъ: не обращая вниманія на прочіе отряды пробраться въ Царство; но это было уже невозможно, вслѣдствіе близости русскихъ войскъ, надвигавшихся со всѣхъ сторонъ. Роландъ двинулся на Выжайце и Швекшне. Крейцъ, прибывшій лично къ авангарду въ Ретовѣ, направилъ Делингсаузена на Горжды, а самъ съ отрядомъ Офенберга повернулъ на Вевиржаны, чтобы предупредить непріятеля на этой проселочной дорогѣ. Ширманъ тоже выступилъ изъ Плунгянъ и направился по слѣдамъ Роланда.

Делингсаузенъ съ кавалеріей и конной артиллеріей двинулся на рысяхъ за непріятелемъ, настигъ его хвостъ у Выжайцевъ и отрѣзалъ часть его съ 2-мя орудіями. Крейцъ, достигнувъ Вевиржанъ, выслалъ офицера съ предложеніемъ полякамъ сдаться, но они отвергли это предложеніе. Въ этотъ день Ширманъ, сдѣлавъ до 60 верстъ, достигнулъ Гудауна; Делингсаузенъ, послѣ перехода почти въ 50 в., прошелъ нѣсколько дальше, а затѣмъ только Верзилинъ, со своими неутомимыми казаками, слѣдовалъ по пятамъ непріятеля, не упуская его изъ виду. Сакенъ подошелъ къ Шилелямъ и выдвинулъ постъ къ Теневямъ. Главныя силы дошли только до Твери, а Кноррингъ оставленъ въ Кельмахъ. 2-го іюля Крейцъ изъ Вевиржанъ, съ Ямбургскимъ уланскимъ и 8-мъ Оренбургскимъ казачьимъ полками, настигъ польскій арьергардъ, подъ начальствомъ Шимановскаго, и вмѣстѣ съ Верзилинымъ энергически его тѣснилъ; поляки отступили къ Гордому, откуда были оттѣснены Крейцомъ къ Новемясту, а затѣмъ, узнавъ о движеніи Сакена, безостановочно отошли къ Дегуце. Баронъ Сакенъ изъ Тенени форсированнымъ маршемъ прибылъ въ Новемясто, но, не заставъ тамъ поляковъ, бросился съ одною кавалеріею и конною артиллеріею, по ихъ слѣдамъ и настигъ польскій отрядъ только въ 10 ч. вечера на позиціи у Дегуце. Крейцъ отправилъ Сакена въ Жвинги для прегражденія непріятелю пути въ Юрбургъ, а самъ

съ Делингсаузеномъ расположился у Новемяста. 3-го іюля, когда арьергардъ поляковъ былъ атакованъ Крейцомъ, они, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ прусскими властями, вынуждены были перейти границу. Съ Хлаповскимъ перешло 237 оф., 2,271 н. чиновъ и 6 орудій; съ Роландомъ 398 оф., 3,770 н. чин., 19 ор. и 25 зар. ящиковъ. По словамъ нѣмцевъ лошади были хорошо кормлены, а люди обладали достаточными физическими силами, но были деморализованы.

Получивъ извѣстіе о совершенномъ изгнаніи непріятеля, гр. Толстой прежде всего далъ на нѣсколько дней отдыхъ войскамъ, а затѣмъ части, принадлежавшія къ составу дѣйствующей арміи, должны были двинуться въ Царство тремя колоннами; войска-же резервной арміи были распредѣлены въ Виленской губерніи, и главная квартира Толстого прибыла въ Вильну 13 іюля, т. е. ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ своего выступленія оттуда ([385]).

Незадолго до перехода Гелгуда въ Пруссію былъ также уничтоженъ партизанскій отрядъ Заливскаго. Послѣдній, какъ выше сказано, послѣ сраженія на Понарахъ пробрался въ Августовское воеводство, а оттуда въ окрестности Бѣлостока. Противъ него было выслано нѣсколько отрядовъ, изъ которыхъ одинъ подъ начальствомъ полк. Маске, изъ роты Вологодскаго полка съ однимъ орудіемъ и 200 казаковъ, атаковалъ Заливскаго въ расплохъ въ болотахъ близь д. Соколды, между Гродно и Бѣлостокомъ; польскій отрядъ, изъ 600 чел. и 1 орудія, былъ отброшенъ къ рѣкѣ и уничтоженъ; только нѣсколькимъ десяткамъ чел., съ самимъ Заливскимъ, удалось скрыться въ лѣсахъ. Такимъ образомъ всѣ отряды, участвовавшіе въ предпріятіи на Литву, за исключеніемъ отряда Дембинскаго, были или оттѣснены за границу или уничтожены; предводители инсургентскихъ бандъ и многіе дворяне большею частью примкнули къ Роланду и Хлаповскому; нѣкоторые присоединились къ Дембинскому и только наиболѣе дѣятельные, энергичные, какъ Станевичъ, Яцевичъ и др., остались въ странѣ, гдѣ вели скитальческую жизнь, преслѣдуемые русскими отрядами и тщетно стараясь возбуждать крестьянъ, которые оставались по домамъ или возвращались туда, послѣ всѣхъ тревогъ и волненій буйнаго времени. Страна постепенно успокоилась.

Не касаясь вопроса объ исполнимости всего предпріятія Гелгуда по самому существу этой операціи, можно сказать, что слишкомъ быстрая неудача, постигшая поляковъ, вполнѣ обусловливалась тѣми важными ошибками Гелгуда, которыя выше съ достаточной подробностью выяснены. Кромѣ того въ періодъ дѣйствій послѣ Понарскаго сраженія Гелгудъ избираетъ театромъ своихъ операцій западные уѣзды Виленской губерніи, расчитывая на помощь самогитовъ; между тѣмъ какъ лѣсистые восточные уѣзды предоставляли ему болѣе выгодныя условія для борьбы съ превосходнымъ силами и нравственно противникомъ; кромѣ того при дѣйствіяхъ на западѣ являлась вѣроятность быть притиснутымъ къ иностранной границѣ, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ. Оборона линіи Виліи и Свенты была организована по кордонной системѣ и войска распредѣлены весьма неискусно. Атака Шавель была совершенно безцѣльна и при сколько нибудь большей энергіи со стороны Толстого, Гелгудъ рисковалъ быть истребленнымъ или капитулировать въ открытомъ полѣ; эта-же операція отдаляла его, какъ отъ главной цѣли дѣйствій, такъ и отъ границъ Царства. Раздѣленіе корпуса на три части, послѣ совѣта въ Куршанахъ, слѣдуетъ считать сообразнымъ обстановкѣ. Разъ вопросъ шелъ уже о спасеніи, то, такъ сказать, бѣгство врозь представляло извѣстныя выгоды сравнительно съ отступленіемъ всѣми силами, которыя, по ихъ относительно меньшей подвижности, вѣроятно были-бы настигнуты русскими; кромѣ того при эксцентрическомъ отступленіи легче можно было поставить въ недо-

умѣніе противника. Яцевичъ предлагалъ Гелгуду и Хлаповскому раздробить корпусъ на мелкія части и распредѣлить въ видѣ кадровъ между возставшими уѣздами. Такой способъ дѣйствій несомнѣнно затянулъ-бы военныя операціи въ Литвѣ, но на ходъ дѣйствій главной арміи не долженъ былъ повліять нисколько: съ прибытіемъ резервной арміи Толстого въ Литву Крейцъ свободно могъ выступить съ бывшими подъ его начальствомъ войсками дѣйствующей арміи на присоединеніе къ Паскевичу. Такимъ образомъ операціи подъ Варшавой нисколько не могли быть задержаны событіями въ Литвѣ. Для дѣйствій въ этой странѣ осталась-бы только резервная армія Толстого, совершенно достаточной числительности для поставленной ей задачи. Партизанская война, при сильной затяжкѣ, могла-бы повести также къ тяжкому раззоренію и истощенію страны.

Что касается дѣйствій гр. Толстого, то очевидно, что онъ достигъ успѣха надъ Гелгудомъ вовсе не вслѣдствіе искусства своихъ соображеній и энергіи операцій, а благодаря лишь огромному численному превосходству русскихъ войскъ. Какъ видно изъ донесенія Государю, планъ его заключался въ томъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія въ Царство, лишить его возможности перебраться въ восточные уѣзды, затѣмъ разбить и отбросить въ предѣлы Пруссіи *). Если обратить вниманіе на распредѣленіе силъ Толстого, то, при выступленіи изъ Вильны, распредѣленіе это вовсе не отвѣчало принятому плану, такъ какъ почти всѣ войска были сгруппированы по лѣвому берегу Виліи и тащились тамъ весьма медленно; такимъ образомъ непріятелю оставлена была полная возможность пробраться сѣверными путями въ восточную часть губерніи, такъ какъ ни двинутый въ сѣверномъ направленіи двухтысячный отрядъ Гельфрейха, ни высланный позже Каблуковъ съ 4-мя тысячами не могли воспрепятствовать непріятелю въ исполненіи подобной операціи. Толстой располагалъ вполнѣ достаточными силами, чтобы, охвативъ непріятеля съ обоихъ фланговъ, тѣснить его съ тылу, обезпечивъ въ то же время безопасность какъ Вильны такъ и Ковно. Далѣе, медленность всѣхъ операцій Толстого, ошибка Делингаузена, не продвинувшагося къ Шавлямъ, несообразная бездѣятельность Каблукова, достаточно выше разъясненныя, имѣли послѣдствіемъ то, что непріятеля постоянно упускали изъ виду и старались потомъ форсированными маршами, изнуреніемъ войскъ поправить ошибки начальниковъ; вслѣдствіе всего этого послѣ сраженія подъ Понарами Толстому не удалось нанести Гелгуду ни одного рѣшительнаго удара и даже Крюковъ со своимъ маленькимъ отрядомъ былъ счастливѣе его въ этомъ отношеніи.—

Походъ Дембинскаго **).

По свидѣтельству Дембинскаго составъ его отряда, при выступленіи изъ Куршанъ, былъ слѣдующій: а) *пѣхота*: 18-й полкъ, 1100 чел., 26-й полкъ 700 ч., баталіонъ 3-го егерскаго полка (съ литовцами) 600 ч., конной пѣхоты 130 ч., итого пѣхоты 2530 ч.; б) *кавалерія*: Познанскіе эскадроны 380 ч. (кромѣ познанцевъ тутъ была часть литовскихъ шляхтичей), 13-й уланскій, 420 ч. (онъ заключалъ въ себѣ литовскіе отряды Прозора, Лисецкаго и др. и около 120 ч. старослужащихъ), 3-го уланскаго полка, Плоцкихъ и Самогитскихъ всадниковъ — 350 ч.; итого кавалеріи 1150 чел.;

*) Государь, давая указанія Толстому, самъ требовалъ отъ него, чтобы Гелгуда «непремѣнно вогнать въ Пруссію» (письма отъ 1-го и 14-го іюня 1831 г.).

**) Походъ этотъ относится къ позднѣйшей эпохѣ войны, но излагается здѣсь, дабы не нарушить цѣльности описанія всей литовской операціи Гелгуда съ ея послѣдствіями. И въ очеркѣ дѣйствій резервной арміи Толстого уже былъ нарушенъ хронологическій порядокъ изложенія событій.

в) *артиллерія*—2 батарейныхъ и 4 легкихъ орудія; конныхъ саперъ 46 ч.; всего съ артиллеріею и саперами около 3800 чел. при 6 орудіяхъ; боевыхъ припасовъ всего на 450 выстрѣловъ; патроновъ—недостаточно. Двинувшись 28-го іюня утромъ изъ Груздей къ Мишкуцамъ, Дембинскій внезапно напалъ на прибывшую туда роту въ числѣ 135 чел. съ офицерами; рота, командиръ которой былъ убитъ, отбивъ огнемъ первое нападеніе, бросилась въ церковную колокольню и на кладбище; но Дембинскій, выдвинувъ противъ нее свою артиллерію, заставилъ русскихъ положить оружіе; важнымъ пріобрѣтеніемъ тутъ для него были захваченные патроны (6 т.) и 475 червонцевъ. Послѣ того Дембинскій, уничтоживъ лишній обозъ, двинулся на Поневѣжъ, откуда Каблуковъ выступилъ еще 27 іюня, оставивъ лишь свой обозъ подъ прикрытіемъ эскадрона гусаръ. Дембинскій 1-го іюля неожиданно атаковалъ городъ, половину гусарскаго эскадрона и 5 офицеровъ взялъ въ плѣнъ, прочіе спаслись бѣгствомъ въ Вилькоміръ. Жители Поневѣжа оказали Дембинскому денежную поддержку. Собранный имъ, какъ гарантія для будущаго, военный совѣтъ пришелъ къ заключенію о необходимости оставленія Литвы и движенія въ Царство. При исполненіи этой задачи Дембинскій рѣшилъ: избѣгать открытыхъ пространствъ и значительныхъ городовъ, пробираться по лѣсамъ, между русскими отрядами, разбивая мелкіе изъ нихъ и обходя болѣе сильные; описавъ такимъ образомъ полукругъ около Вильны, достигнуть Бѣловежской пущи *), а оттуда границы Царства. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ считалъ обязанностью заботиться прежде всего о томъ, чтобы благополучно прошелъ ближайшій слѣдующій день; такимъ образомъ число дней постепенно уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась надежда на успѣхъ. Дембинскій былъ проникнутъ непоколебимой рѣшимостью достигнуть поставленной имъ себѣ цѣли; эту рѣшимость онъ съумѣлъ вдохнуть и всему своему отряду. Изъ Поневѣжа, узнавъ, что онъ преслѣдуемъ, Дембинскій направился мимо Рогова на Трупье и Коварскъ, гдѣ былъ настигнутъ русскими. Каблуковъ, бездѣйствовавшій сперва въ Поневѣжѣ, выступивъ оттуда простоялъ 5 дней въ Смильгахъ; тамъ его смѣнилъ 2-го іюля командиръ 4-го армейскаго корпуса ген. Савоини, устремившійся за Дембинскимъ съ величайшей поспѣшностью и энергіей, имѣя 4 баталіона, 14 эск. и 14 орудій. Узнавъ въ Поневѣжѣ, что Дембинскій снялся оттуда только за 7 часовъ до его прихода, Савоини, послѣ небольшаго отдыха, выступилъ въ 11 ч. ночи и погнался по слѣдамъ непріятеля. Задерживаемый по пути сломанными мостами, русскій отрядъ, двигаясь съ ничтожными отдыхами почти двое сутокъ, днемъ и ночью, только 4-го числа въ 3 ч. пополудни настигъ Дембинскаго въ Овантѣ. Польскій генералъ занялъ позицію въ нѣсколькихъ верстахъ позади города, на высотѣ, причемъ правый его флангъ былъ прикрытъ лѣсомъ, лѣвый—озеромъ, фронтъ р. Виринтою; въ 3—4 верстахъ позади позиціи начинался лѣсъ. Около половины втораго часа пополудни аванпосты Дембинскаго были опрокинуты изъ Ованты кавалеріей Савоини, а затѣмъ вскорѣ показалась русская колонна, во главѣ которой шла конница съ 4 орудіями, имѣя за собою 25-й егерскій полкъ, а далѣе остальныя войска. Савоини выдвинулъ конную артиллерію, подъ прикрытіемъ которой былъ возстановленъ мостъ черезъ Виринту. Съ другой стороны Дембинскій, не имѣя въ виду втягиваться въ бой, желалъ лишь выиграть время для спокойнаго отступленія. Онъ тотчасъ послалъ приказаніе полк. Радзишевскому съ 26-мъ пѣх. полкомъ и обозами спѣшить на Маляты, а Яновичу съ 13-мъ уланскимъ полкомъ и познанцами прикрывать отступленіе. Между тѣмъ русская конница, покровительствуемая своей артиллеріей, перейдя

*) См. карту похода Дембинскаго.

мостъ, устремилась противъ праваго непріятельскаго фланга. Чтобы дать пѣхотѣ время пройти черезъ лѣсъ, Дембинскій усилилъ свою арьергардную кавалерію до 1000 и выдвинулся противъ русскихъ; высота, которую онъ занялъ, мѣшала послѣднимъ видѣть отступленіе его отряда и заставила ихъ пріостановиться для выстроиванія боеваго порядка. Выигравъ такимъ образомъ около получаса, Дембинскій приказалъ конницѣ отступать, причемъ въ арьергардѣ оставилъ только 4-ре эскадрона Яновича. Въ то-же время послано было приказаніе Матусевичу занять позади, съ 200 отборныхъ людей его баталіона, опушку придорожнаго лѣса и удерживать ее по возможности до вечера. Тѣмъ не менѣе Яновичъ съ трудомъ могъ удерживаться противъ атакъ русской конницы. Положеніе Дембинскаго было тѣмъ опасно, что до Малять приходилось слѣдовать по открытой мѣстности. Для прикрытія движенія, онъ выслалъ остальную кавалерію съ 2-мя орудіями, а самъ сталъ въ порядкѣ отходить то уступами, то шахматами, съ одной позиціи на другую; такъ какъ русская пѣхота отстала, то кавалерія, атаки которой затруднялись волнистой мѣстностью, не могла причинить непріятелю серьезнаго вреда. Къ вечеру Дембинскій достигъ Малять, гдѣ позади заблаговременно была занята, по его приказанію, Сѣраковскимъ крѣпкая позиція, впереди ея находилось селеніе; правый флангъ прикрывался озеромъ, а на лѣвомъ была высота. Дембинскій приказалъ преградить доступы къ позиціи кольями, засѣками и пр. Ему пришлось выдержать упорный бой, чтобы дать время обозу, двинувшемуся по дорогѣ на Любонары (которая ведетъ къ Свенцянамъ, занятымъ русскими войсками), перейти на дорогу въ Интурки. Болѣе часу Дембинскій выдерживалъ усиленную канонаду; русская пѣхота уже подходила и положеніе его становилось критическимъ, но въ это время онъ получилъ извѣстіе, что обозъ уже успѣлъ выйти на дорогу въ Интурки. Тогда Дембинскій, подъ защитою арьергарда, державшагося въ домахъ селенія, и наступавшихъ сумерекъ, сталъ постепенно снимать войска, приказавъ, для скрытности, стаскивать орудія съ позиціи руками. Русская пѣхота тѣмъ не менѣе ворвалась въ городъ и успѣла отрѣзать одного офицера съ 40 пѣхотинцами. Поляки были еще преслѣдуемы огнемъ до лѣса, по направленію котораго они отступали. Потери Дембинскаго въ этомъ дѣлѣ были велики и простирались до 400 чел. убитыми и ранеными. Поляки затѣмъ двигались всю ночь и рано утромъ прибыли въ Интурки, откуда дальнѣйшій путь пролегалъ по мосту, проходящему по самой серединѣ длиннаго озера. Въ сильнѣйшемъ волненіи польскій партизанъ съ нѣсколькими саперами, посаженными на коней, поспѣшилъ къ мосту, чтобы убѣдиться въ его состояніи; Дембинскій ясно сознавалъ, что, въ случаѣ разрушенія этого моста, онъ легко могъ быть притиснутъ къ озеру и уничтоженъ. Къ величайшей радости онъ увидѣлъ, что опасенія его были совершенно напрасны. Онъ приказалъ немедленно обложить мостъ соломой, чтобы сжечь его по прохожденіи отряда и такимъ образомъ преградить русскимъ прямой путь движенія. Не смотря на счастье, сопровождавшее до сихъ поръ Дембинскаго, онъ ясно представлялъ себѣ всѣ опасности, предстоявшія ему на дальнѣйшемъ пути: позади его слѣдовалъ Савоини, а съ обѣихъ сторонъ находились русскіе отряды въ Свенцянахъ, Вилькомірѣ, Нѣменчинѣ и Вильнѣ, которые могли затруднять его движеніе одной уже порчей многочисленныхъ переправъ, а между тѣмъ малѣйшее замедленіе было для него гибельно; въ особенности онъ опасался открытыхъ пространствъ около Ошмянъ. Правда жители сообщали ему всѣ свѣдѣнія о нашихъ войскахъ, а гарнизоны тѣхъ пунктовъ, черезъ которые или мимо которыхъ онъ проходилъ, были слишкомъ слабы для непосредственнаго ему сопротивленія, но это, конечно, не лишало ихъ возможности испортить пути для задержки непріятеля, принявъ

мѣры къ раскрытію направленія его движенія. Изъ Интурокъ Дембинскій двинулся въ Подбродзе, приказавъ зажечь мостъ черезъ озеро, какъ только русскіе къ нему стали подходить. Подбродзе былъ занятъ 100 чел. пѣхоты 12-го егер. полка и 30-ю уланами; отрядъ этотъ охранялъ мостъ, чрезъ Жеймяну, причемъ егеря занимали почтовую станцію на лѣвомъ (ближайшемъ къ польскому отряду) берегу рѣки, а уланы были расположены въ трактирѣ по другую сторону рѣки. Дембинскій рѣшился внезапно напасть на этотъ постъ. Взявъ съ собою познанскіе эскадроны, конную пѣхоту и одно орудіе, онъ, прикрываясь лѣсомъ, подошелъ незамѣтно къ Подбродзе и приказалъ: двумъ эскадронамъ проскакать черезъ мостъ и броситься на уланъ, конным пѣхотинцамъ окружить почтовую станцію, а одному эскадрону съ орудіемъ оставаться въ резервѣ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, уланскій постъ, не успѣвшій сѣсть на коней, цѣликомъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Пѣхотная рота мужественно защищалась въ почтовомъ домѣ, но непріятельская артиллерія заставила и ее сдаться. Дембинскому досталось 40.000 патроновъ, небольшой запасъ продовольствія и крайне необходимыя для него впослѣдствіи мостовыя принадлежности. Захваченныя лошади были отданы въ кавалерію въ замѣнъ переданныхъ въ артиллерію, часть которой уже имѣла конную прислугу. Для того чтобы ввести русскихъ въ заблужденіе, Дембинскій направился сперва къ Свенцянамъ и, пройдя 10—12 верстъ, свернулъ затѣмъ по труднымъ проселочнымъ дорогамъ на Михалишки, и въ тотъ-же день, 5-го іюля, прибылъ къ Зулову. По пути было отобрано у еврея 50.000 злотыхъ въ подозрѣніи, что они принадлежатъ казнѣ.

Между тѣмъ ген. Савоини избралъ весьма невыгодный способъ преслѣдованія непріятеля, а именно гнался за нимъ по пятамъ; само собою разумѣется, что онъ постоянно былъ задерживаемъ, такъ какъ противникъ портилъ за собою путь, разрушалъ мосты и т. п. Никакая форсировка движенія не могла привести къ цѣли, и послѣ чрезмѣрныхъ усилій войскъ неуловимый непріятель исчезалъ въ ту минуту, когда генералу Савоини казалось, что онъ уже его настигъ. Такимъ образомъ когда Савоини подошелъ къ мосту у Интурокъ, то нашелъ мостъ въ пламени и преслѣдованіе было задержано; пока затѣмъ онъ обходилъ озеро, Дембинскій успѣлъ уже выиграть у него значительное разстояніе; но и послѣ того Савоини не измѣнилъ системы своихъ дѣйствій и вмѣсто того чтобы, двинуться, напримѣръ, въ Солы, откуда онъ могъ наблюдать всѣ переправы на верхней Виліи и отбросить непріятеля къ Вильнѣ или Минску, онъ погнался за польскимъ отрядомъ въ Подбродзе, куда прибылъ въ 10 ч. утра 6-го іюля, т. е. 18 ч. спустя послѣ ухода оттуда Дембинскаго. Только теперь, наконецъ, Савоини направился по дорогѣ къ Нѣменчину, переправился чрезъ Вилію въ ночь на 7-е іюля и послѣ небольшаго отдыха прибылъ въ Быстрицу ночью, получивъ донесеніе, что непріятель пошелъ на Михалишки. Высланные разъѣзды донесли, что непріятель не доходя 3-хъ верстъ до послѣдняго пункта, повернулъ на Свирь; справедливо подозрѣвая въ такомъ движеніи лишь демонстрацію, Савоини перешелъ въ Слободку, гдѣ занялъ центральную позицію по отношенію къ переправамъ на Виліи; при этомъ русскій генералъ не выслалъ кавалеріи для выслѣживанія непріятеля, вслѣдствіе чего упустилъ его изъ виду и оставался опять въ полной неизвѣстности относительно его движеній. Дембинскій въ тотъ день, когда Савоини прибылъ въ Подбродзе, т. е. 6-го іюля, выступилъ изъ Зулова къ Михалишкамъ, произвелъ тамъ вышеупомянутую демонстрацію на Свирь, а затѣмъ повернулъ къ Невстанишкамъ, гдѣ и ночевалъ на 7-е число. Съ привала еще онъ выслалъ, подъ начальствомъ Радзишевскаго, своихъ саперъ съ двумя эскадронами уланъ и конной пѣхотой,

чтобы устроить мостъ у Данушева и уничтожить всѣ переправы на Виліи вправо и влѣво отъ этого пункта. 7-го іюля Дембинскій выступилъ довольно поздно изъ Невлѣво отъ этого пункта. 7-го іюля Дембинскій выступилъ довольно поздно изъ Невстанишекъ и въ тотъ-же день со всѣмъ своимъ отрядомъ переправился на лѣвый берегъ рѣки, приказавъ оставить, до времени, мостъ въ цѣлости. На дальнѣйшемъ пути ему продстояло совершить опасное движеніе мимо Ошмянъ, далѣе переправиться чрезъ Нѣманъ и при этомъ двигаться по открытой мѣстности, гдѣ уже гораздо труднѣе было, чѣмъ до сихъ поръ, скрыть свое движеніе. Чтобы обмануть Савоини, Дембинскій, давъ 20 часовъ отдыха своимъ войскамъ, выслалъ три небольшихъ кавалерійскихъ отряда съ конной пѣхотой: одинъ вправо на дорогу изъ Солъ въ Вильну, другой влѣво по минской дорогѣ, третій прямо къ Сморгоню; спѣшенные конные пѣхотинцы должны были заставить противника думать, что въ данномъ направленіи двигается весь отрядъ. Польскій отрядъ отдохнулъ въ теченіи 20 часовъ, но такъ какъ Дембинскій не зналъ гдѣ находится Савоини, то 8-го іюля (въ день прибытія русскаго отряда въ Слободку) онъ сдѣлалъ небольшой переходъ къ Сморгони, гдѣ надѣялся получить необходимыя ему свѣдѣнія. Съ города была взята контрибуція сапогами, въ которыхъ сильно нуждались обносившіеся люди.

Савоини, узнавъ отъ разъѣздовъ о переправѣ Дембинскаго у Данушева, двинулся 9-го іюля въ Ошмяны, гдѣ запасся продовольствіемъ; затѣмъ, извѣщенный лазутчиками, что непріятель изъ Сморгони направился къ Кревy, чтобы затѣмъ продолжать будто-бы движеніе на Воложинъ, выступилъ вечеромъ въ Баруны, расчитывая настигнуть непріятельскій отрядъ въ Кревѣ, что было совершенно невозможно, такъ какъ разстояніе до этого пункта изъ Ошмянъ почти вдвое болѣе нежели изъ Сморгони. Вмѣсто того, чтобы двигаться по внутренней операціонной линіи, на одной высотѣ съ противникомъ, и высылкой кавалерійскихъ отрядовъ затруднять ему движеніе, Савоини обыкновенно устремлялся къ тому пункту, у котораго противникъ былъ наканунѣ и потому естественно никогда не могъ его настигнуть. Точно также, при желаніи выйти на перерѣзъ непріятелю, необходимо выбирать болѣе отдаленный нежели ближайшій пунктъ, такъ какъ тогда является возможность ускореніемъ движенія, выигравъ у непріятеля пространство, предупредить его въ избранномъ пунктѣ. Если-бы съ движеніемъ Дембинскаго на Кревъ, Савоини направился на Ольшаны, то или столкнулся-бы съ противникомъ, или упредилъ-бы его на Нѣманѣ. Что касается движенія Дембинскаго на Воложинъ, то оно было совершенно невѣроятно и онъ никогда о немъ не думалъ, такъ какъ южнѣе этого пункта попалъ-бы въ непроходимыя болота.

Выступивъ изъ Сморгони Дембинскій показалъ видъ будто имѣетъ намѣреніе слѣдовать на Вишневъ и Николаевъ, но уже изъ Крева, желая выиграть внутреннюю кратчайшую операціонную линію, повернулъ на Ольшаны. Для ускоренія движеніи каждому баталіону придано было по 30—40 подводъ для перевозки слабыхъ. По счастливой случайности для Дембинскаго, русскіе разъѣзды за нѣсколько часовъ до его прибытія ушли какъ изъ Баруновъ, такъ и изъ Ольшанъ и донесли, что не встрѣтили непріятеля въ этомъ направленіи. Дембинскій-же узналъ отъ жителей, что Савоини въ 7 ч. утра прибылъ въ Ошмяны. Вслѣдствіе неудачно выбраннаго русскимъ генераломъ направленія, Дембинскій успѣлъ достигнуть Ольшанъ тогда, когда Савоини достигъ Баруновъ (позади Ольшанъ), сдѣлавъ ударъ по воздуху въ этомъ направленіи; этотъ выигрышъ времени имѣлъ громадное значеніе для послѣдующей переправы Дембинскаго чрезъ Нѣманъ. Въ два часа утра 10-го іюля, Дембинскій (проведшій всю ночь въ безпокойствѣ и рекогносцировкахъ, вслѣдствіе неизвѣстности о выбранномъ Савоини направленіи) выступилъ далѣе и, сдѣлавъ форсированный переходъ (около

55 в.), съ двумя привалами, остановился въ Ивье. На привалѣ въ Трабахъ онъ получилъ наконецъ извѣстіе о Савоини; офицеръ, высланный съ разъѣздомъ къ Ошмянамъ, спрятавшись въ кустарникѣ при дорогѣ, видѣлъ движеніе русскаго отряда къ Баруновъ и сосчиталъ, что въ немъ было 2 полка кавалеріи, нѣсколько баталіоновъ и 12 ор.; рекогносцирующій офицеръ не ограничился этимъ, а послѣдовалъ за русскими и видѣлъ какъ они располагались бивакомъ у Баруновъ. Изъ Ивьи Дембинскій выслалъ къ Нѣману конную пѣхоту, 60 кавалерійскихъ лошадей и саперъ съ канатами, гвоздями и пр. (которые онъ собиралъ во время марша), приказавъ устранть мостъ у Збойска. Въ это время онъ получилъ тревожное извѣстіе, что на противоположномъ берегу Нѣмана показалась русская кавалерія; Дембинскій готовъ былъ уже считать все свое дѣло погибшимъ, но оказалось, что тревоги его были напрасными. Появившаяся кавалерія была эскадрономъ гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка; эскадронъ этотъ былъ расположенъ въ Новогрудкѣ; генер. Игельстромъ, когда вспыхнуло въ той мѣстности возстаніе, не рѣшился тамъ оставаться и выступилъ съ эскадрономъ по виленской дорогѣ къ Нѣману; по прибытіи въ Збойскъ, узнавъ о движеніи Дембинскаго, гусары разрушили мостъ, какъ тамъ, такъ и въ Николаевѣ, а затѣмъ, не выждавъ приближенія непріятеля и ничего положительнаго о немъ не развѣдавъ, поторопились уйти въ Несвижъ. Между тѣмъ Дембинскій приказалъ начальнику арьергарда Яновичу разрушить въ тылу, по пути, всѣ мосты для задержанія русскихъ, а войска отъ Ивье разставилъ уступами до Нѣмана; Яновичъ, въ случаѣ напора русскихъ, долженъ былъ съ 13-мъ уланскимъ и пѣхотнымъ Радзишевскаго полками удерживать Ивье, а Сѣраковскій съ остальными войсками занять позицію ближе къ Нѣману; самъ Дембинскій торопилъ работы на рѣкѣ. Такъ какъ устройство моста шло довольно медленно, то Дембинскій приказалъ вязать плотъ, на которомъ въ $10^3/_4$ ч. вечера было перевезено одно орудіе и зарядный ящикъ; часть кавалеріи и артиллерійскихъ лошадей пошла вплавь; позже былъ открытъ бродъ и весь отрядъ частью по немъ, частью на плотахъ переправился чрезъ Нѣманъ ночью на 11-е іюля. Между тѣмъ Савоини, сдѣлавъ въ 30 часовъ 77 верстъ, прибылъ 11-го іюля въ 3 ч. утра въ Ивье и завязалъ перестрѣлку съ арьергардомъ Яновича; но послѣдній отошелъ чрезъ небольшой лѣсокъ и, подъ прикрытіемъ артиллеріи съ противоположнаго берега, перешелъ рѣку въ бродъ, не понеся никакихъ потерь. Съ чувствомъ превосходства смотрѣлъ на своего противника Дембинскій, гордый сознаніемъ, что успѣхъ былъ достигнутъ не только ошибками непріятеля, но и проницательностью, энергіей, умѣніемъ воспользоваться обстоятельствами со стороны его самого. Такъ какъ Дембинскій приказалъ уничтожить всѣ ближайшія переправы и перевозочныя средства, то Савоини переправился у Морина только на другое утро, т. е. 12 іюля. Ему теперь нечего уже было и думать настигнуть своего противника; противъ Дембинскаго выступилъ другой отрядъ, а именно ген. Станковича, командовавшаго въ Слонимѣ запасными частями 5-го кавалерійскаго корпуса (всего 500 чел., изъ которыхъ только 200 имѣли лошадей); кромѣ того подъ его начальствомъ состояло 3 слабыхъ баталіона при 7 орудіяхъ. Дембинскій оставался въ Збойскѣ, для отдыха, цѣлый день, но для обезпеченія себя выслалъ разъѣзды вправо на Бѣлицу и влѣво на Николаевъ, съ приказаніемъ разрушать всѣ паромы на рѣкѣ. Вечеромъ въ тотъ-же день онъ выступилъ черезъ Вселюбъ къ Дзенціолу. По дорогѣ онъ услышалъ пушечные выстрѣлы; оказалось, что, высланный имъ впередъ чрезъ Бѣлицу, полк. Брезанскій съ познанскимъ эскадрономъ и однимъ орудіемъ соединился съ новогрудскими инсургентами и столкнулся со Станковичемъ, который съ 1 бат. 4 эскадр. и 3 орудіями выступилъ изъ Слонима для

усмиренія возстанія; Станковичъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ цѣлымъ отрядомъ, не долго медля отступилъ въ Слонимъ, очищая такимъ образомъ путь непріятелю. Дембинскій, показавъ видъ будто преслѣдуетъ его, направился къ Віелькой-Волѣ, переправился черезъ р. Шару, частью на паромѣ, частью въ бродъ, а потомъ прошелъ по плотинѣ, длиною въ 5 верстъ, на которой мосты (числомъ 5) не были уничтожены русскими; послѣ того Дембинскій безпрепятственно достигъ Деречина, откуда Станковичъ незадолго вывелъ въ Слонимъ всѣхъ находившихся тамъ людей депо. Въ Деречинѣ поляки нашли богатые боевые запасы и конское снаряженіе.

Когда Дембинскій такимъ образомъ уже благополучно перешелъ черезъ Шару, получено было, приведенное немедленно въ исполненіе, приказаніе уничтожить мосты на Шарѣ; этимъ былъ собственными руками прегражденъ путь Савоини, слѣдовавшему за Дембинскимъ. Къ послѣднему присоединилась еще изъ Слонима банда въ 250 чел., въ числѣ которыхъ было много егерей изъ Бѣловежской пущи. 14-го іюля Дембинскій двинулся чрезъ Зельву на Изабелинъ и узналъ, что Станковичъ намѣревался въ Зельвѣ перехватить ему путь, но тогда онъ уже давно миновалъ этотъ пунктъ. На слѣдующій день польскій отрядъ продолжалъ движеніе проселочными дорогами, черезъ Порозово къ Бѣловежскому лѣсу. Хотя удача до сихъ поръ сопровождала его повсюду, но теперь онъ вступалъ въ мѣстность занятую довольно сильно русскими войсками, которыя его выжидали. Кромѣ небольшихъ отрядовъ, справа въ Бѣлостокѣ находился отрядъ генер. Петерсона, относительно слабый (2 бат., 7 эск.), но онъ могъ усилиться выздоровѣвшими изъ тамошняго большаго госпиталя и приближавшейся къ нему изъ Гродно бригадой 2-й кавалерійской дивизіи. Позади находился Савоини, который съ небольшими отдыхами гнался за нимъ три дня и три ночи, на Дзенціолъ, Деречинъ, Изабелинъ, и уже близко подошелъ. Наконецъ впереди, въ Брестъ-Литовскѣ и его окрестностяхъ, находилось до 15 баталіоновъ и 10 эскадроновъ, подъ начальствомъ бар. Розена. Положеніе Дембинскаго оказывалось въ высшей степени опаснымъ, но случилось событіе чрезвычайно для него благопріятное. 10-го іюля, когда онъ переправился черезъ Нѣманъ, другой польскій партизанъ, Рожицкій, перешелъ Бугъ у Дрогичина, распространяя повсюду слухъ, что онъ составлялъ лишь авангардъ 10—тысячнаго корпуса Ромарино, слѣдующаго непосредственно за нимъ. Получивъ это извѣстіе, Розенъ не озаботился подтвержденіемъ столь маловѣроятнаго свѣдѣнія и немедленно сообщилъ его повсюду, какъ вполнѣ достовѣрный фактъ. Это произвело гибельное вліяніе на распоряженія и дѣйствія всѣхъ начальниковъ отрядовъ: Станковичъ, двигавшійся къ Зельвѣ, немедленно устремился назадъ, въ Слонимъ; неутомимый Савоини, бывшій уже у Порозова, отошелъ 16-го іюля къ Волковиску, гдѣ и занялъ наблюдательную позицію; Петерсонъ сталъ въ оборонительное положеніе у Новосадъ для прикрытія Бѣлостока и т. п. Даже гр. Толстой пріостановилъ на нѣсколько дней выступленіе Крейца въ Царство. Только чрезъ три дня Розенъ убѣдился въ своей ошибкѣ.

Относительно Дембинскаго онъ допустилъ три предположенія: во-первыхъ, что польскій генералъ двинется на Волынь, чтобы поднять тамъ возстаніе; во-вторыхъ, онъ можетъ направиться въ Бѣловежскую пущу съ цѣлью тамъ держаться, или, наконецъ, въ-третьихъ, намѣревается возвратиться въ Царство. Первое предположеніе Розена лишено серьезныхъ основаній, такъ какъ, послѣ сдѣланнаго Дверницкимъ опыта на Волыни, притомъ когда главнѣйшіе дѣятели возстанія были или въ плѣну, или въ изгнаніи, или, наконецъ перебрались въ Царство, вторженіе въ эту сторону могло грозить лишь гибелью полякамъ; предположеніе, что Дембинскій утвердится въ Бѣловежскомъ лѣсу, точно также было невѣроятно, такъ какъ мѣстность эта была лишена

всякихъ средствъ и запасовъ для веденія тамъ продолжительныхъ операцій съ отрядомъ такой числительности и состава, какъ Дембинскаго. Такимъ образомъ изъ трехъ предположеній Розена остается одно, а именно возможность движенія польскаго отряда въ Царство; кромѣ того Дембинскій могъ-бы направиться къ Пинску; окрестная ему болотистая и лѣсистая страна представляла значительныя выгоды для веденія продолжительной партизанской войны; Дембинскаго тамъ даже ожидали и приготовлялись къ его принятію. Для опредѣленія которое изъ двухъ направленій приметъ польскій генералъ, т. е. къ предѣламъ Царства или къ Пинску, указателемъ могло служить направленіе его движенія *послѣ переправы чрезъ Нѣманъ*. Находясь въ Брестѣ, Розенъ уже 15-го іюля могъ знать, что Дембинскій двинулся отъ Нѣмана на Деречинъ, т. е. по направленію къ Царству. Сообразно этому и должны были быть приняты мѣры. Если-бы Розенъ расположился съ главными силами въ Боцкахъ, то, занимая этотъ узелъ путей, онъ могъ-бы встрѣтить польскій отрядъ откуда-бы онъ ни появился, такъ какъ Боцки, составляютъ центральный пунктъ всей страны между Бугомъ, Нурчекомъ, Наревомъ и Бѣловежскимъ лѣсомъ. Розенъ могъ прибыть туда самое позднее 17-го іюля вечеромъ, т. е. когда Дембинскій достигъ Орлы; тамъ русскій отрядъ стоялъ-бы на прямой линіи между Бѣловежскимъ лѣсомъ и Варшавою.

Между тѣмъ Розенъ, подъ вліяніемъ тѣхъ предположеній, которыя онъ себѣ составилъ о дѣйствіяхъ непріятеля, считая притомъ наименѣе вѣроятнымъ движеніе его въ Царство, для противодѣйствія Дембинскому съ юга рѣшился занять центральную позицію у Каменца-Литовскаго, южнѣе Бѣловѣжскаго лѣса, оставивъ гарнизонъ въ Брестѣ. Для объединенія дѣйствій на сѣверѣ, а именно операцій войскъ Савоини, Никитина и находившихся въ Бѣлостокской области, онъ отправилъ туда своего начальника штаба Гасфорта. Чтобы воспрепятствовать непріятелю броситься чрезъ Кобринъ и Дивинъ, или чрезъ Яново и Козелищину въ пинскіе лѣса, Розенъ приказалъ разрушить всѣ мосты на дивинскихъ плотинахъ и двинулъ 200 ч. изъ Ковеля въ Козелищину для уничтоженія единственной переправы—тамошняго моста чрезъ Пину. Когда 16-го іюля Розенъ узналъ, что Дембинскій направился въ Порозово, то, предполагая возможность его движенія оттуда къ югу на Новы-Дворъ или къ востоку на Ружану, онъ приказалъ Станковичу двинуться изъ Слонима къ Ружанѣ, а плотину при Новы-Дворѣ разрушить. Если-бы Дембинскій направился на западъ къ Руднѣ, то оттуда онъ могъ двинуться по тремъ направленіямъ: чрезъ Шершево къ Пружанамъ, чрезъ Бѣловежу къ Каменцу и наконецъ на западъ къ Наревкѣ и Бѣловежскому лѣсу. Вслѣдствіе такихъ предположеній полк. Ильинскій съ нѣсколькими кадровыми эскадронами изъ Кобрина и три роты Виленскаго полка съ двумя орудіями были посланы изъ Пружанъ къ Шершеву, съ приказаніемъ распустить слухъ, что за ними слѣдуютъ еще другія войска. Въ Бѣловежѣ уже находились 2 роты Муромскаго полка; онѣ были подкрѣплены баталіономъ Литовскаго полка; наконецъ къ выходу изъ лѣса у Каменца былъ двинутъ 17-го іюля ген. Влодекъ съ 4-мя баталіонами Брестскаго, Бѣлостокскаго, Подольскаго и Житомірскаго полковъ, 6-ью эскадронами Волынскаго уланскаго полка и 6-ью орудіями. Относительно важнѣйшаго выхода изъ лѣса, т. е. западнаго, Розенъ былъ болѣе всего спокоенъ, полагая, что тамъ достаточно было ген. Болена съ 5-ью ротами Муромскаго полка, $1^1/_2$ эск. елизаветградскихъ уланъ, 2 орудіями и 70 казаками.

Если-бы Дембинскій двинулся на Бѣльскъ, то, по мнѣнію Розена, Боленъ могъ соединиться съ прикрывавшимъ Бѣлостокъ (своимъ расположеніемъ у Новосадъ) ген. Петерсономъ и дѣйствовать противъ фланга и тыла непріятеля. Такимъ образомъ

Розенъ находился окончательно въ заблужденіи относительно опасности, грозившей ему съ западной стороны; Боленъ съ пятью ротами не могъ оказать рѣшительнаго сопротивленія, Петерсонъ прикрывалъ Бѣлостокъ съ госпиталемъ, а Никитинъ находился еще далеко. Въ противоположность недостаточной оцѣнки всей важности разсматриваемаго фронта, Розенъ обнаруживалъ слишкомъ преувеличенную заботливость къ развитію мѣръ для воспрепятствованія движенію непріятеля на Волынь и въ Полѣсье, для чего приказалъ разрушить мосты и плотины, когда непріятель находился оттуда болѣе чѣмъ за 100 верстъ.

На 16-е іюля Дембинскій ночевалъ у д. Берники, оттуда въ часъ по полуночи выслалъ впередъ саперъ съ однимъ баталіономъ, двумя эскадронами и двумя орудіями, съ приказаніемъ занять мосты чрезъ Наревъ у Рудни и чрезъ Наревку у деревни того-же имени, для обезпеченія движенія чрезъ лѣсъ. Такъ какъ при этомъ по ошибкѣ мостъ у Наревки не былъ занятъ, то Дембинскій выслалъ туда Сѣраковскаго съ небольшимъ отрядомъ, а самъ двинулся къ Руднѣ. Тамъ ему суждено было испытать тягчайшее несчастіе—враждебную подозрительность своихъ собственныхъ войскъ, подъ предлогомъ, что онъ продалъ себя русскимъ и намѣренъ передать весь отрядъ въ ихъ руки. Только благодаря своему хладнокровію и твердости Дембинскій могъ возстановить порядокъ. Въ это время получено было донесеніе изъ авангарда, что замѣченные войсками разъѣзды принадлежатъ отряду Рожицкаго, который переходилъ черезъ плотину на Наревкѣ. Оба отряда радостно привѣтствовали другъ друга, надѣясь на взаимную помощь въ опасности; подобно Дембинскому, преслѣдуемому Савоини, Рожицкій потерпѣлъ пораженіе отъ Болена, который преслѣдовалъ его до Лѣсны. Рожицкій, узнавъ что Дембинскій только и стремится въ Царство, рѣшился слѣдовать вмѣстѣ. По возстановленіи мостовъ, оба отряда 17-го іюля *) двинулись къ Орлѣ. Между тѣмъ Боленъ занялъ наблюдательную позицію при Лосинкѣ, гдѣ его и оставилъ Гасфортъ, отправившійся въ Бѣлостокъ за подкрѣпленіями. Разъѣзды Болена открыли 17-го утромъ движеніе Дембинскаго отъ Нарева къ Дубинамъ, вслѣдствіе чего онъ направился къ Орлѣ, куда прибылъ ранѣе непріятеля; но когда вечеромъ сюда подошелъ Дембинскій, то Боленъ, имѣвшій въ своемъ отрядѣ не болѣе 1000 чел., не рѣшился противостать непріятелю и ночью на 18-е отступилъ черезъ Бѣльскъ къ Плескамъ. Не смотря на слабость отряда Болена, онъ имѣлъ полную возможность, пользуясь рр. Орлянкой, Нурчекомъ и др., протекающими въ болотистыхъ берегахъ, если и не остановить непріятеля, то задержать его движеніе, тѣмъ болѣе, что, по выясненіи движенія Дембинскаго, къ Болену подошло-бы въ непродолжительномъ времени подкрѣпленіе; во всякомъ случаѣ ничто не могло помѣшать этому генералу разрушить мостъ на Орлянкѣ, а между тѣмъ, удаляясь къ Плескамъ, онъ оставилъ его въ цѣлости. Такъ какъ въ это время Савоини былъ въ Волковискѣ, а Влодекъ подошелъ къ Каменцу, то движенію польскаго отряда былъ открытъ широкій путь. Дембинскій и Рожицкій, спокойно отдохнувъ въ Орлѣ, выступили 18-го іюля, въ 10 ч. утра, далѣе и прибыли въ 3 часа пополудни къ Боцкамъ. Тамъ между обоими польскими партизанами произошла размолвка: Рожицкій желалъ переправиться черезъ Бугъ въ Дрогичинѣ, т. е. въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ перешелъ эту рѣку при своемъ движеніи въ Литву; Дембинскій-же, обладавшій болѣе вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, настаивалъ на

*) Въ этотъ день Савоини узналъ отъ своихъ разъѣздовъ о соединеніи Дембинскаго съ Рожицкимъ и о движеніи ихъ къ Наревкѣ; онъ получилъ также отъ Розена опроверженіе слуховъ относительно Ромарино. Тогда неутомимый Савоини рѣшился снова пуститься за своимъ врагомъ, хотя не могъ не сознавать безнадежности этой погони.

движеніи къ Цѣхановцу, чтобы переправиться тамъ подъ прикрытіемъ р. Нурчека. Въ тотъ день, когда поляки двигались къ Боцкамъ, т. е. 18-го числа, русскіе отряды были въ слѣдующемъ положеніи: Боленъ, видя, что его никто не преслѣдуетъ, возвратился къ Боцкамъ; ген. Гасфортъ двигался черезъ Бѣльскъ къ Брянску съ 4-мя эскадронами астраханскихъ кирасиръ и 3-мя конными орудіями; Савоини, выступивъ въ 2 час. утра изъ Волковиска, сдѣлалъ форсированный переходъ въ 40 в. и достигъ Свислоча; наконецъ Розенъ, прибывъ вечеромъ въ Каменецъ, узналъ о движеніи Дембинскаго отъ Наревки къ западу. Тогда только онъ разгадалъ истинное положеніе дѣлъ. Ни мало не медля, уже въ 6 ч. вечера 18-го числа, онъ приказалъ гв. генеральнаго штаба капитану Сливицкому взять 120 казаковъ и съ величайшей поспѣшностью, какая только была возможна, устремиться черезъ Мелейчицы къ Цѣхановцу; полк. гр. Цукато съ Волынскимъ уланскимъ полкомъ и двумя конными орудіями двинуться чрезъ Семятичи; самъ-же Розенъ съ пѣхотой выступилъ въ 7 час. вечера къ Высоко-Литовску, въ надеждѣ захватить непріятеля у Дрогичина или Граны. Но все это было уже напрасно. Дембинскій выступилъ изъ Боцковъ 19-го іюля въ 4 час. утра и только офицерскій эскадронъ Рожицкаго замѣшкался, не смотря на приказанія, до 6 час. утра, когда наконецъ снялся съ бивака, узнавъ о приближеніи Болена. Дембинскій приказалъ разломать за собою мостъ черезъ Нурчекъ, чѣмъ задержалъ русскихъ на нѣсколько часовъ. Между тѣмъ Гасфортъ направилъ изъ Брянска кирасиръ на перерѣзъ непріятелю, но опять-таки, подобно Савоини, не къ болѣе отдаленному пункту (т. е. по дорогѣ на Грану, напримѣръ на Мочидлы, отъ которыхъ кирасиры были ближе нежели поляки), а къ ближайшему—на Долобово. Какъ и слѣдовало ожидать, ко времени прихода туда кирасиръ, Дембинскій уже прослѣдовалъ этотъ пунктъ. Въ довершеніе всего въ Долобовѣ кирасиры и прибывшій туда Боленъ получили свѣдѣніе будто-бы отъ Орлы двинутъ имъ въ тылъ 4-хъ тысячный непріятельскій отрядъ; поэтому, прекративъ преслѣдованіе, они поспѣшили уйти къ Брянску. Въ этотъ день Савоини, сдѣлавъ опять громадный переходъ въ 50 в., достигъ только Нарева, а Розенъ, двигаясь всю ночь, прибылъ въ Высоко-Литовскъ въ 7 ч. утра и послѣ небольшаго отдыха двинулся далѣе на Семятичи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ Брестскій полкъ и роту саперъ на подводахъ вслѣдъ за Цукато къ Цѣхановцу; начальство надъ ними было поручено ген. Волховскому, которому приказано принять также команду надъ всѣми отрядами, направленными въ ту сторону. Между тѣмъ Дембинскій, имѣя отъ жителей извѣщенія о всѣхъ движеніяхъ русскихъ, прибылъ чрезъ Долобово и Побикры къ Цѣхановцу. Собравъ свѣдѣнія о расположеніи русскихъ войскъ въ Царствѣ, онъ выступилъ 20 іюля въ 2 ч. утра и, спустившись по теченію Нурчека, переправился въ бродъ у Мысліборъ, а затѣмъ двинулся черезъ Стердынь и Коссовъ въ Угосци. Рожицкій, отдѣлившійся отъ Дембинскаго при Цѣхановцѣ, перешелъ черезъ Бугъ при Нурѣ и совершенно утомленный прибылъ въ Коссовъ тогда, когда Дембинскій уже выступилъ оттуда съ отдохнувшими войсками.

Вскорѣ по уходѣ Дембинскаго изъ Цѣхановца стали подходить туда русскіе отряды; ранѣе другимъ прибылъ Сливицкій, сдѣлавшій въ 36 час. 120 верстъ; Цукато съ уланами дошелъ до Скоржева, близь Цѣхановца, сдѣлавъ 110 верстъ; Брестскій полкъ съ ротой саперъ прибылъ въ Мочидлы; къ полудню подошли къ Цѣхановцу Боленъ и кирасиры. Что касается Розена, то онъ, въ тѣ-же 36 часовъ сдѣлавъ 80 верстъ, прибылъ 20-го іюля въ 7 ч. утра въ Семятичи, а затѣмъ, послѣ непродолжительнаго движенія, направился чрезъ Острожаны къ Цѣхановцу, но уже по пути узналъ, что польскому отряду удалось ускользнуть. Наконецъ Савоини достигъ въ этотъ

день Бѣльска, а на другое утро остановился въ Брянскѣ, узнавъ, что Дембинскій перешелъ границу.

Ошибки этого энергическаго генерала достаточно выяснены при самомъ изложеніи его дѣйствій, и если ему не удалось достигнуть цѣли, которую онъ преслѣдовалъ хотя безъ особеннаго искусства, но съ изумительной энергіей, то съ другой стороны его храбрыя войска совершили достойный полнаго вниманія подвигъ: въ 18 сутокъ они прошли 700 верстъ (средній переходъ 40 в.), при этомъ постоянно строя и исправляя мосты и переправляясь черезъ такія рѣки, какъ Свента, Вилія, Нѣманъ и Шара.

Розену оставалась еще надежда, что отрядъ Голсвина, находившійся въ Мендзыржецѣ, успѣетъ перехватить поляковъ, но приказаніе чтобы преградить путь непріятелю пришло слишкомъ поздно и хотя Головинъ, не мѣшкая, двинулся 20-го іюля къ Мордамъ, а 21-го числа къ Папротнѣ, чтобы затѣмъ устремиться на Дрогичинъ и Грану, но онъ скоро узналъ, что поляки уже успѣли миновать Коссовъ и Ядовъ, а потому и самъ вернулся въ Сѣдльце.

Дембинскій отъ Радзымина двинулся на Марки, близь Варшавы, куда прибылъ 22-го іюля и остановился тамъ для отдыха, затѣмъ торжественно вступилъ въ Варшаву, восторженно встрѣтившую храбрый отрядъ и его достойнаго предводителя. Видъ войскъ былъ чрезвычайно пестрый и разнообразный; солдаты, одѣтые въ польскіе и русскіе мундиры, въ студенческіе сюртуки и крестьянское платье; рваная одежда, босыя ноги и приэтомъ часто дорогое оружіе; всадники на самогитскихъ русскихъ, казацкихъ лошадяхъ, засѣдланныхъ и снаряженныхъ столь-же разнообразно и пр. все это наглядно свидѣтельствовало о трудностяхъ и опасностяхъ перенесенныхъ прибывшимъ въ столицу отрядомъ.

Примѣчаніе. Выше упомянуто было о соединеніи съ Дембинскимъ отряда Рожицкаго. Послѣдній былъ высланъ во время наступленія (въ іюлѣ) Скржинецкаго противъ Головина и Розена. Отрядъ его состоялъ изъ баталіона стрѣлковъ, 3 эскадроновъ кавалеріи, 2-хъ орудій и учебной роты изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ (изъ которыхъ, между прочимъ, одинъ маіоръ, еврей Берекъ)—всего до 1000 чел. Задача Рожицкаго заключалась въ томъ, чтобы вторгнуться въ страну между Новогрудкомъ и Пинскомъ, соединиться съ Дембинскимъ и дѣйствовать на сообщенія русскихъ. Рожицкій двинулся сперва отъ Сѣдльце на Высокомазовецкъ, потомъ круто повернулъ на Дрогичинъ, гдѣ 10 іюля переправился черезъ Бугъ, а затѣмъ пошелъ на Мелейчицы къ Бѣловежскому лѣсу, распространяя слухъ что его отрядъ составляетъ лишь авангардъ корпуса Ромарино—шаблонная хитрость, имѣвшая и на этотъ разъ выгодныя для поляковъ послѣдствія, вызвавъ ошибочныя мѣры со стороны русскихъ (386).

ГЛАВА XIII.

Прибытіе Паскевича. Переходъ русской арміи на лѣвый берегъ Вислы и занятіе Ловича. Дѣйствія Ридигера противъ Рожицкаго.

Прибытіе Паскевича.

13-го іюня прибылъ въ Пултускъ, чрезъ Мемель и Ломжу, новый главнокомандующій дѣйствующею арміею, закавказскій герой, генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, еще окруженный ореоломъ недавно пріобрѣтенной славы на поляхъ Малой Азіи. Успѣшное и блестящее окончаніе войны, съ плохо вооруженными, обученными и дурно руководимыми войсками и азіатскими скопищами, возвысили его какъ полководца. Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, происходя изъ рода Чалыхъ (причемъ его фамилія не имѣетъ ничего общаго съ польско-литовской фамиліей Пашкевичей), родился въ 1782 г. въ Полтавѣ. Воспитывался онъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1800 г. въ л.-гв. Преображенскій полкъ съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ. Недостатки корпуснаго образованія онъ старался пополнить частными уроками. Войны царствованія императора Александра I доставили ему случай проявить замѣчательное личное мужество, а также обнаружить ловкость и неустрашимость при выполненіи возлагавшихся на него особыхъ порученій, какъ напримѣръ въ Турецкую войну 1806—1811 г. Въ 1812 г. онъ уже командовалъ 26-ю пѣх. дивизіею, съ отличіями при Салтановкѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ и Малоярославцѣ. Затѣмъ онъ со славою заявилъ о себѣ командуя 7-мъ корпусомъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Впослѣдствіи Паскевичъ командовалъ 2-й и 1-й гв. пѣх. дивизіями и 1-мъ пѣх. корпусомъ. Будучи отправленъ на Кавказъ въ Ермоловское время, Паскевичъ разбилъ персіянъ при Елизаветополѣ (1826 г.), а въ слѣдующемъ году ему ввѣрено начальствованіе въ Закавказіи съ правами главнокомандующаго. Въ послѣдовавшей персидской войнѣ, онъ заслужилъ новыя отличія и взялъ осадой Эривань (1827). Въ турецкую войну 1828 г. онъ взялъ штурмомъ Карсъ, затѣмъ Ахалцихъ и Ахалкалаки, а въ 1829 г. — Эрзерумъ, за что и удостоился ордена св. Георгія 1 ст. (387).

Брантъ, видѣвшій Паскевича въ концѣ польской кампаніи, говоритъ, что въ его движеніяхъ было что-то безпокойное, но что, впрочемъ, во всей его наружности „не было ничего особенно замѣчательнаго“. Явившись въ Польшу, онъ естественно хлопоталъ сохранить пріобрѣтенную репутацію и по этой-же причинѣ предрасположенъ былъ къ излишней осторожности въ дѣйствіяхъ; но кромѣ того онъ не зналъ хорошо состоянія ни русской, ни польской армій. Въ послѣдней онъ продолжалъ видѣть все еще ге-

роевъ Гроховскаго сраженія, хотя, какъ это сраженіе, такъ и Остроленкское, лишили польскія войска лучшихъ элементовъ, и непріятельская армія состояла преимущественно изъ плохо-обученныхъ, мало дисциплинированныхъ рекрутъ; тяжелыя впечатлѣнія Остроленкскаго сраженія были еще у всѣхъ слишкомъ живы; въ правительствѣ и обществѣ началась ожесточенная борьба партій, а страна была истощена. Напротивъ того, въ описываемую эпоху, русская армія состояла изъ закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ, она гордилась недавно одержанной блистательной побѣдой, была всѣмъ хорошо снабжена и готова къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ Паскевичъ, при мнительности и нерѣшительности своего характера, видѣлъ во всемъ дурное, выказывалъ недовѣріе, какъ къ войскамъ, такъ и къ окружавшимъ его лицамъ, предполагая притомъ въ послѣднихъ (изъ бывшаго штаба графа Дибича) предумышленное къ нему недоброжелательство. Будучи мало предпріимчивымъ, хотя и упорнымъ въ разъ принятомъ рѣшеніи, онъ съ опасеніемъ отказывался отъ всякаго смѣлаго предпріятія и потому безпрерывно имѣлъ столкновенія съ Толемъ, ученикомъ Суворова, всегда энергичнымъ и рѣшительнымъ. Принципъ Паскевича заключался въ томъ, чтобы держать войска сосредоточенными, но не съ цѣлью наносить рѣшительные удары противнику, а для того только, чтобы, будучи готовымъ отразить всякую случайность, предоставлять дѣла своему собственному теченію. Въ странномъ подражаніи Наполеону, онъ постоянно твердилъ: „Il faut porter un grand coup; un jour de bataille il faut réunir tout ce qu' on peut“, а между тѣмъ достаточно было ничтожному непріятельскому отряду появиться гдѣ-нибудь на флангѣ или въ тылу, какъ фельдмаршалъ предавался живѣйшимъ опасеніямъ, принимая цѣлый рядъ ненужныхъ мѣръ и задерживая операціи. Свои азіатскія войны 1828 и 1829 годовъ Паскевичъ считалъ образцомъ военнаго искусства и старался примѣнявшіяся тамъ правила перенести и на европейскій театръ. Такъ, напримѣръ, въ азіатской войнѣ, вслѣдствіе малонаселенности страны, отсутствія хорошихъ картъ и пр., ему трудно было посылать партизановъ, поэтому онъ боялся высылать ихъ и въ Польшѣ, а въ то-же время самъ опасался нападенія таковыхъ на наши обозы; это-то обстоятельство и заставило его таскать послѣдніе непосредственно при самыхъ войскахъ или, самое большое, не далѣе одного перехода, что стѣсняло операціи. На походѣ Паскевичъ требовалъ, чтобы войска шли такъ сосредоточенно, какъ-бы движеніе совершалось по персидскимъ степямъ, гдѣ не встрѣчается почти никакихъ препятствій. Въ общемъ можно сказать, что Паскевичъ, будучи лично весьма храбрымъ и распорядительнымъ въ роли второстепеннаго начальника, не обладалъ дарованіями выдающагося полководца. Даромъ слова и способностью вліять своей личностью на войска онъ не владѣлъ; неограниченное самолюбіе и высокое самомнѣніе—черты его характера, которыя тоже нельзя обойти молчаніемъ ([888]). Справедливость требуетъ упомянуть, что фельдмаршалъ обладалъ недюжинными дарованіями по интендантской части, и въ дѣлѣ обезпеченія войскъ довольствіемъ обнаруживалъ столько-же искусства, сколько предусмотрительности и заботливости.

Проѣздомъ чрезъ Ломжу, Паскевичъ осмотрѣлъ окрестности этого города и, признавъ стратегическую его важность, приказалъ устроить укрѣпленія для этого города съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было ограничиться гарнизономъ въ 3 — 4 т. чел. Ломжа должна была служить надежнымъ пунктомъ между предѣлами имперіи и войсками, дѣйствовавшими въ Плоцкомъ воеводствѣ, а также временной базой для частей, которыя, по усмиреніи Литвы, двинутся на соединеніе съ главными силами. По прибытіи Паскевича въ Пултускъ, Толь представилъ ему свѣдѣнія о расположеніи и состояніи арміи, а именно:

Расположеніе русской арміи *).

Аванпосты арміи (казачьи полки Борисова и Секретова) тянулись вдоль лѣваго берега р. Вкры и праваго Буго-Нарева между Мокржиномъ и Дзіержениномъ; *резервъ ихъ*, состоявшій изъ Лубенскаго гусарскаго и Новоархангельскаго уланскаго полковъ, былъ расположенъ въ Насельскѣ, у Покржывницы и Винницы; позади въ Голондковѣ и Пултускѣ находился *аванпостъ Витта*, изъ $10^1/_2$ батал. пѣхоты, 15 эск., 10 сот. и 22 ор.—всего въ этихъ передовыхъ частяхъ 8700 чел. и 28 ор.; *правый флангъ*, подъ начальствомъ гр. Палена 1-го, изъ $17^3/_4$ батал., 20 эскадр. и 4 сот., всего 12800 чел.

съ 44 орудіями, стоялъ у Голымина, Гзы и Прасныша; 6-й егерскій полкъ, принадлежавшій къ корпусу гр. Палена, сопровождалъ провіантскій транспортъ у Хоржеля; *лѣвый флангъ*, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, изъ 9 батал. и 10 эск., всего 6600 чел. съ 22 орудіями, былъ расположенъ у Клешева и Пржеводова; резервъ, подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, изъ $17^3/_4$ батал. и 24 эск., всего 18800 чел. при 70 орудіяхъ, стоялъ у Макова, Голымина и Червонки; отрядъ изъ 1150 чел. (2 бат.) охранялъ 89 ор. *артиллерійскаго резерва* у Шелкова; другой отрядъ, приблизительно такой же силы ($1^1/_4$ бат., 5 сот., 4 ор.) прикрывалъ *парки* у Цѣханова; наконецъ три полка казаковъ и два эскадрона л. гв. Конно-егерскаго полка, подъ начальствомъ *Власова*, находились впереди у Плонска. Такимъ образомъ въ главной арміи, въ окрестностяхъ Пултуска, находилось 59 бат. и 74 эск., всего около 52000 чел. съ 263 ор.;

*) См. карту западной части Ц. Польскаго.

кромѣ того ожидалось прибытіе Муравьева (командовавшаго теперь корпусомъ Крейца) съ 18 бат., 35 эск., 10 сот. и 71 ор., всего 14300 чел., при 71 орудіи.

Въ Ломжѣ, требовавшей, какъ упомянуто, гарнизона въ 5 т. чел., находилось 1900 чел. и ихъ предполагалось усилить изъ колонны Муравьева; въ Остроленкѣ, значеніе которой опредѣлялось промежуточнымъ положеніемъ между Ломжею и Пултускомъ, находился 2-й егерскій полкъ, числительностью въ 580 чел.; Гродненскій гусарскій полкъ (570 чел.) прикрывалъ сообщеніе Ломжи съ Пруссіею, чрезъ Колно и Винценты, гдѣ находились вооруженныя банды; Пиларъ съ 700 чел. (2 эск. Новоархангельскихъ уланъ и казаки Платова 2-го) наблюдалъ теченіе Буга отъ Острова; ожидалось обратное присоединеніе къ арміи отряда Олферьева (1250 чел. съ 2 конными орудіями), который предположено было смѣнить двумя драгунскими полками Муравьева и 200 кавалеристовъ (кир. пр. Альберта), сопровождавшихъ тѣло скончавшагося гр. Дибича и плѣнныхъ; баронъ Розенъ, съ 18000 чел. и 106 ор., защищалъ укрѣпленный Брестъ съ окрестностями и границы имперіи съ той стороны, а ген. Ридигеръ, съ 11300 чел. и 24 ор. (12 бат., 36 эск., 10 сот.), прикрывалъ Люблинское воеводство съ границами имперіи на Волыни, которая охранялась и частью войскъ 1-й арміи подъ начальствомъ Кайсарова. Бѣлостокъ и Гродно заняты были 10000 чел. съ 30 ор.; кромѣ того около $25^1/_2$ т. съ 92 ор. ($25^1/_2$ бат., $44^1/_2$ эск., $31^1/_2$ сот.), изъ войскъ дѣйствующей арміи, были посланы въ Литву; теперь-же, по прибытіи резервной арміи гр. Толстаго, можно было возвратить ихъ обратно. Такимъ образомъ вся числительность войскъ, долженствовавшихъ поступить подъ начальство гр. Паскевича ($158^1/_4$ бат., 240 эск., 116 сот., 674 ор.) простиралась *до 137000 чел., въ томъ числѣ кавалеріи 42000, при 674 ор.* *).

Продовольствіе арміи было хорошо устроено; войска были обезпечены, считая съ 22 іюня (т. е. дня выступленія къ нижней Вислѣ), на 14 дней, хотя разстояніе до переправы у Осѣка расчитано только на 8 переходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по границѣ Пруссіи дѣятельно и безостановочно производилась закупка провіанта Пейкеромъ и Тенгоборскимъ. Перевозочныя средства арміи состояли изъ 1330 подводъ, поднимавшихъ 10-ти дневную потребность провіанта. Нравственно наша армія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельской, благодаря своему прекрасному личному составу и одержаннымъ успѣхамъ. Возстаніе на Волыни, въ Подоліи, Бѣловежской пущѣ и Литвѣ, или было подавлено или приходило къ концу.

Расположеніе польской арміи.

Польская армія, послѣ неудавшейся экспедиціи Янковскаго, заняла къ 13-му іюня слѣдующее расположеніе: 1-я дивизія Рыбинскаго, въ числѣ 15 бат. и 16 ор., всего около 8000 чел., занимала Дембе-Вielьке; у Праги были сосредоточены: 3-я пѣх. дивизія Малаховскаго—такой-же числительности, при 12 орудіяхъ, и резервъ артиллеріи въ 18 орудій; у Варшавы были расположены: 4-я пѣх. дивизія Мюльберга, 13 бат., 14 ор., всего 7880 чел.; 5-я дивизія Сѣравскаго, 12 бат., 20 ор. или 6420 чел.; 1-я и 2-я кавал. дивизіи Ягмина и Турно, каждая въ 20 эск., 8 ор., всего около 5800 чел., и 3-я кавал. дивизія К. Скаржинскаго изъ 23 эск., т. е. 3080 чел. при 12 орудіяхъ. Всего *подъ Варшавою* было сосредоточено *около 40000 чел. и 100 ор.* **). У Потыча былъ оставленъ корпусъ Ромарино, въ числѣ 9 бат. и 10 эск. при 10 орудіяхъ, или 6300 чел.;

*) См. прил. XVII.

**) См. прил. XXXIV.

корпусъ Хржановскаго, въ составѣ 8 бат., 9 эск. и 12 ор., или 5800 чел., занималъ Гнѣвашевъ. Отрядъ Бѣлинскаго, изъ 3 бат., 4 эск. и 12 ор., или 1750 чел., находился въ Радзыминѣ. Кромѣ того въ Литвѣ оставались: дивизія Гелгуда, отряды Дембинскаго и Хлаповскаго, числительностью около 11000 чел. при 24 ор. Такимъ образомъ сила дѣйствующей арміи, бывшей въ предѣлахъ Царства подъ начальствомъ Скржинецкаго, превосходила 53 т. чел. (въ томъ числѣ болѣе 11000 чел. кавалеріи) при 142 ор. Если сюда прибавить гарнизонъ Варшавы 2400 чел., Модлина 5800 и Замостья 2900 чел., то общая числительность боевыхъ силъ поляковъ выходитъ не менѣе 64000 чел., а съ бывшими регулярными войсками въ Литвѣ около 75000 чел. и 166 полев. орудій ([389]). О нравственномъ состояніи этой арміи, слабости въ ней дисциплины, господствѣ духа политическихъ партій среди молодыхъ офицеровъ, о преобладаніи новобранцевъ надъ старыми опытными солдатами было говорено раньше. Самъ главнокомандующій, заботившійся о поддержаніи своего значенія въ Варшавѣ, мало думалъ объ арміи и къ тому-же, преслѣдуемый кровавымъ призракомъ Остроленкскаго сраженія, не рѣшался ничего предпринимать противъ русскихъ. Для усиленія средствъ борьбы, депутатомъ Шанявскимъ было внесено въ сеймъ предложеніе, чтобы не откладывать задуманнаго уже раньше плана поголовнаго ополченія. Предложеніе это встрѣтило восторженный пріемъ; 19-го іюня правленіе объявило отечество въ опасности и обратилось къ польской націи съ воззваніемъ, приглашая во имя Бога, свободы и будущихъ поколѣній взяться за оружіе. Но время для такой мѣры было уже упущено и она не могла принести ожидаемыхъ результатовъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) весь почти правый берегъ Вислы былъ уже въ рукахъ русскихъ и источникомъ для ополченія могли служить почти исключительно только четыре воеводства лѣваго берега, сильно истощенныя въ минувшій періодъ войны; 2) лучшіе элементы населенія пошли уже на укомплектованіе и формированіе регулярной арміи; 3) приближалось время жатвы и потому трудно было отрывать крестьянъ отъ полевыхъ работъ. Хотя по призыву ксендзовъ и образовались въ нѣкоторыхъ селеніяхъ толпы, вооруженныя плохими пиками, топорами или косами, но подобныя банды не могли принести почти никакой пользы и разсѣивались при появленіи самыхъ незначительныхъ нашихъ кавалерійскихъ партій ([390]).

Движеніе Паскевича къ нижней Вислѣ.

Планъ переправы на нижней Вислѣ и перенесенія театра войны на лѣвый берегъ рѣки, былъ какъ извѣстно, присланъ Государемъ еще во время пребыванія Дибича въ Сѣдльце. Паскевичъ предварительно счелъ необходимымъ сосредоточить войска, выждать прибытія Муравьева, что увеличивало главныя силы до 60000 чел., и назначилъ днемъ выступленія 22 іюня, такъ какъ Муравьевъ ожидался 20-го числа.

Предпринимая движеніе за Вислу *), нужно было пожертвовать прежнею базою и операціонною линіею и удалиться съ бывшаго дотолѣ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ оставался только слабый отрядъ бар. Розена. Паскевичъ предписалъ ему, находясь съ главными силами въ Брестѣ и обороняя его въ случаѣ надобности до послѣдней капли крови, выдвинуть впередъ къ Сѣдльце авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головина (8 бат., 7 эск. уланъ и 1 полкъ казаковъ, всего до 7000 чел. при 14 ор.). Авангарду этому была дана трудная, при его малочисленности, задача: 1) безпрерывно тревожить оставшагося въ Подляхскомъ воеводствѣ непріятеля; 2) стараться навлекать на себя вниманіе и возможно больше войскъ главной польской

*) См. карту переправы черезъ Вислу и движенія русскихъ войскъ къ Ловичу.

арміи, чтобы облегчить этимъ переправу фельдмаршала; 3) занимать весь край между Бугомъ и Вепржемъ, Брестомъ и Вислою, оставаясь въ связи не только съ бароном Розеномъ, но также съ Ридигеромъ въ Люблинѣ и отрядомъ Пиллара въ Островѣ; 4) не вступать въ рѣшительное дѣло съ превосходными непріятельскими силами, а отступать, находясь отъ нихъ въ разстояніи одного перехода; наконецъ 5) держаться Брестскаго шоссе, но при удобномъ случаѣ дѣлать демонстраціи до Минска, Праги и Модлина ([391]).

Генералу Ридигеру съ 11 т. и 24 ор., наблюдавшему кр. Замостье и верхнюю Вислу, предложено было также переправиться чрезъ Вислу, чѣмъ противникъ отрѣзывался отъ южныхъ воеводствъ и крѣпости Замостья; для обезпеченія-же тыла Ридигера рѣшено было блокировать эту крѣпость войсками Кайсарова.

Муравьевъ, отдѣливъ Герштенцвейга въ Ломжу съ 2 егерскими и 2 драгунскими полками при 10 орудіяхъ, прибылъ чрезъ Островъ и Длугосѣдло въ Пултускъ 20 іюня и привелъ съ собою 9200 чел. пѣхоты, 4100 чел. кавалеріи (съ казаками) и 64 орудія. Герштенцвейгъ достигъ Ломжи, гдѣ къ нему присоединился отрядъ ген. Штрандмана изъ 3 бат. пѣх., л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка и 4 ор. Наблюдая за Августовскимъ воеводствомъ и страною до прусской границы, Герштенцвейгъ имѣлъ отряды въ Остроленкѣ, Островѣ (Пиллара) и Нурѣ.

Подвозъ продовольствія изъ Россіи былъ не обезпеченъ, вслѣдствіе возстанія въ тылу арміи, а изъ Пруссіи затруднялся карантинными мѣрами. Перевозочныя средства арміи состояли изъ 1330 подводъ, подымавшихъ десятидневный запасъ провіанта. Паскевичъ приказалъ: 1) готовые сухари сохранять для похода, а войскамъ на квартирахъ, въ окрестностяхъ Пултуска, выдавать муку, которую они сами должны были перепекать въ хлѣбъ; 2) производить закупки провіанта на мѣстѣ, какъ самимъ войскамъ, такъ и чрезъ интендантскихъ чиновниковъ; 3) для обезпеченія продовольствія арміи по прибытіи ея къ пункту переправы, доставить изъ Данцига и ближайшихъ магазиновъ 12000 четвер. муки и 8000 четвер. овса на границу въ Шильно, близъ Торна (это впрочемъ, было лишь повтореніемъ распоряженія сдѣланнаго уже Толемъ); 4) увеличить перевозочныя средства арміи посредствомъ найма подводъ, число которыхъ такимъ образомъ возросло до 2073.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій, войска, выступивъ изъ Пултуска 22 іюня имѣли при себѣ въ ранцахъ и въ полковомъ обозѣ: провіанта на 14 дн., овса: кавалерія на 4 дн., артиллерія на 6; мяса, въ живомъ скотѣ, на 10 дней и водки на 5 дней. Въ подвижномъ транспортѣ имѣлось: муки 5300 четв. и овса 2000 четв., что состояло запасъ на армію: муки на 9 дней и овса на 3 дня. Обширные ломжинскіе склады дали впослѣдствіи возможность Крейцу запастись тамъ десятидневнымъ довольствіемъ.

Толь предполагалъ произвести движеніе къ Вислѣ по четыремъ параллельнымъ, хорошимъ, только что обрекогносцированнымъ Власовымъ, дорогамъ; сообразно этому были отданы диспозиціи для движенія; но нападеніе поляковъ на передовой постъ у Насельска и совершенно ложное донесеніе военнаго генералъ-полиціймейстера Лесовскаго будто-бы непріятель съ 20000 чел. переправился у Влоцлавска и устраиваетъ также мостъ у Плоцка, съ цѣлью дѣйствовать по направленію на Серпецъ и Шренскъ, повергли Паскевича въ смущеніе и онъ, не смотря на возраженія Толя и Нейдгарта, приказалъ измѣнить планъ движенія. По новой диспозиціи колонны сближались между собою болѣе прежняго, а обозъ притягивался ближе къ правой колоннѣ. Все же движеніе уклонялось къ сѣверу отъ первоначально принятаго направленія (лѣвая колонна

въ 2-хъ переходахъ отъ Вислы). Не смотря на все это, въ боевомъ смыслѣ указанное Паскевичемъ движеніе было гораздо опаснѣе нежели расчитанное Толемъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ войскамъ приходилось дѣлать ежедневно отъ 28 до 35 верстъ, но удобнымъ, осмотрѣннымъ дорогамъ, и 29-го іюня армія была-бы уже у Осѣка, а при такомъ быстромъ движеніи противникъ, находившійся въ окрестностяхъ Варшавы, ничего не могъ сдѣлать. При новой-же диспозиціи предстоялъ обходъ по чрезвычайно лѣсистой, пересѣченной и болотистой мѣстности, такъ что войска могли дѣлать всего по 10—15 верстъ въ день и прибыть 26-го іюня только къ Плоцку ([392]).

Паскевичъ раздѣлилъ армію на 4 колонны: *авангардъ* (ближайшая къ непріятелю колонна) гр. Витта, изъ 5 батал., 18 эскадроновъ и 200 казаковъ, всего 6000 чел., долженъ былъ двинуться на Сохочинъ и Плонскъ, имѣя впереди Власова съ 5 казачьими полками (2 т. чел.); *лѣвая колонна*, кн. Шаховскаго, изъ 32 батал., 28 эскадр. и 500 казаковъ, всего ок. 21000 чел., слѣдовала вмѣстѣ съ главной квартирой на Слонскъ, Либерадзь, Малушинъ, Ржевинъ и Роготворскъ; *правая колонна*, Великаго Князя Михаила Павловича, изъ $17^1/_2$ гв. баталіоновъ, 26 эскадр. и резервная артилерія, всего 19000 чел., двигалась на Маковъ, Цѣхановъ и Раціонжъ; *отдѣльная колонна* гр. Палена 1-го, изъ 17 батал., 20 эскадр. и 300 казаковъ, всего 11000 чел., слѣдовала на Прасныш, Млаву, Шренскъ, Безунь и Липно. *Обозы и парки*, подъ прикрытіемъ 3-хъ слабыхъ егерскихъ полковъ, роты саперъ, 4 орудій и одного казачьяго полка, шли частью съ гр. Паленомъ, частью еще правѣе; за каждою колонною находился небольшой арьергардъ. Ген. Анрепъ, съ двумя полками кавалеріи, оставаясь нѣкоторое время въ Остроленкѣ, долженъ былъ потомъ слѣдовать въ хвостѣ всего движенія. Въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій поляковъ со стороны Модлина или Зегржа, колоннамъ предписано было присоединиться къ войскамъ кн. Шаховскаго, послѣ чего фельдмаршалъ намѣренъ былъ принять сраженіе, дѣйствуя преимущественно многочисленною своею конницею на лѣвый флангъ непріятеля, чтобы, отрѣзавъ его отъ Модлина, отбросить къ Нареву ([393]).

Движеніе началось 22-го іюня и со втораго перехода сопровождалось величайшими трудностями, такъ какъ войска тонули въ невылазной грязи. 26-го числа армія прибыла въ Плоцкъ. Авангардъ Витта сталъ у Боришева; кн. Шаховской и главная квартира заняли Плоцкъ, гвардія—Трженово, гр. Паленъ—Поржинъ, особый арьергардъ, составленный во время слѣдованія изъ 6 полковъ пѣхоты, 1-го гусарскаго и казачьяго полковъ, подъ начальствомъ Муравьева, занялъ Лещино, имѣя впереди казаковъ Власова. Поляки не мѣшали обходу, что для насъ было весьма благопріятно, такъ какъ если-бы непріятель атаковалъ ближайшій къ Модлину авангардъ Витта, то никакая часть арміи не могла-бы своевременно придти къ нему на помощь, потому что колонны ея забрались въ такія болота, изъ которыхъ почти вовсе не было поперечныхъ дорогъ для сообщеній съ авангардомъ.

Мѣры Скржинецкаго.

Между тѣмъ непріятелю было совершенно точно извѣстно о движеніи и предстоявшей переправѣ нашей арміи; но Скржинецкій не желалъ мѣшать этому рѣшительными мѣрами: во-первыхъ, онъ считалъ такое движеніе ошибочнымъ и полагалъ, что если русская армія потерпитъ пораженіе, то будетъ поставлена въ критическое положеніе, оторвавшись отъ своей базы и сообщеній; во-вторыхъ, онъ не имѣлъ въ виду мелкихъ успѣховъ, а намѣревался все свести къ рѣшительному отпору подъ стѣнами Варшавы, гдѣ сосредоточенная польская армія, въ соединеніи съ храбрымъ на-

селеніемъ, должна была, по его мнѣнію, отбросить русскихъ. Хотя такой планъ вполнѣ отвѣчалъ природной лѣни Скржинецкаго и оставлялъ ему достаточно времени для борьбы съ политическими партіями, но въ военномъ отношеніи онъ былъ несообразенъ: 1) русская армія была хорошо снабжена всякаго рода довольствіемъ и потому могла нѣкоторое время дѣйствовать безъ базы, имѣя таковую какъ-бы при себѣ; переправившись-же чрезъ Вислу Паскевичъ базировался на Пруссію; 2) подойдя къ Варшавѣ русскій фельдмаршалъ могъ войти въ связь съ Ридигеромъ, находившимся въ Люблинскомъ воеводствѣ, и базироваться въ новомъ направленіи; 3) частные выигрыши на войнѣ подготовляютъ общій успѣхъ, возвышаютъ духъ арміи, создаютъ общую благопріятную обстановку. Кромѣ того Скржинецкій полагалъ, что можетъ опереться на авторитетъ Наполеона, говорившаго, что невозможно оборонять рѣку на значительномъ пространствѣ. Но польскій военачальникъ забывалъ, что онъ могъ оборонять Вислу съ того берега, на которомъ находился противникъ, сохраняя при этомъ надежный путь отступленія на Модлинъ.

Послѣ долгихъ колебаній Скржинецкій выслалъ 4-ю пѣхотную дивизію Мюльберга и конную Турно чрезъ Модлинъ на правый берегъ Вислы. 24-го іюня Турно съ 8 эскадронами напалъ на Плонскъ и вытѣснилъ оттуда атаманскихъ казаковъ, но далѣе не пошелъ. 26-го числа Скржинецкій перешелъ изъ Варшавы въ Модлинъ съ двумя пѣхотными и одною кавалерійскою дивизіями; изъ нихъ 5-я пѣхотная, Сѣравскаго, стала у Пржиборовице, въ подкрѣпленіе Мюльбергу, пододвинутому къ Плонску; 3-я пѣхотная, Малаховскаго, расположилась у самаго Модлина, а кавалерійская на лѣвомъ берегу Вислы у Казуня. Этимъ ограничились дѣйствія польскаго главнокомандующаго, и Паскевичъ могъ безпрепятственно продолжать движеніе. Отказавшись отъ всякихъ предпріятій противъ главной русской арміи и довольствуясь лишь созерцаніемъ ея движенія, онъ предпочелъ заняться второстепенными операціями, расчитывая разбить прежде всего Головина. Съ этою цѣлью назначенъ былъ, подъ начальствомъ Хржановскаго, отрядъ изъ дивизіи Рыбинскаго, войскъ Ромарино и кавал. корпуса Ягмина (быв. Уминскаго), всего до 20.000 чел. ([394]).

Движеніе русской арміи отъ Плоцка къ Осѣку.

Между тѣмъ пунктомъ переправы главной русской арміи было избрано с. Осѣкъ у прусской границы; мѣстность тамъ благопріятствовала постройкѣ мостовъ, рѣка была раздѣлена островами на рукава; наконецъ можно было съ удобствомъ пріобрѣсти въ Торнѣ всѣ необходимые матеріалы. Ближайшія распоряженія по переправѣ возложены были на гр. Палена 1-го, отрядъ котораго былъ выдвинутъ впередъ.

Чтобы дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, Паскевичъ остановился въ Плоцкѣ на 3 дня. Онъ имѣлъ въ виду также демонстраціей у этого пункта ввести поляковъ въ заблужденіе на счетъ истиннаго пункта переправы; для чего показалъ видъ устройства моста и занялъ на рѣкѣ островъ; но такъ какъ непріятель имѣлъ и постоянно получалъ надежныя свѣдѣнія объ истинныхъ замыслахъ русскихъ, то принятая фельдмаршаломъ мѣра была безполезной. Паскевичъ, оставаясь въ Плоцкѣ, желалъ дать также время выдвинуться впередъ къ Осѣку авангарду гр. Палена. Колонна его была усилена всѣми имѣвшимися при арміи 4-мя саперными баталіонами, бригадою пѣхоты съ 8-ю орудіями изъ отряда Муравьева, 2-мя казачьими полками, 48-ю орудіями резервной артиллеріи, 3-мя понтонными отдѣленіями и ротой гв. экипажа. Кн. Горчаковъ и Денъ должны были ему содѣйствовать въ устройствѣ переправы.

28-го іюня гр. Паленъ, выступивъ изъ Парженя, достигъ однимъ переходомъ Липно, а 30-го былъ уже въ Осѣкѣ. Въ тоже время летучій отрядъ изъ гусарскаго полка и 200 казаковъ, подъ начальствомъ генер. кн. Гагарина, былъ посланъ для осмотра пространства къ сторонѣ Остроленки и Ломжи и наблюденія—не приближается-ли оттуда непріятель. Со стороны поляковъ дивизіи Мюльберга и Турно, а за ними Сѣравскій подвинулись къ Нацпольску и Булкову, откуда начали тревожить арьергардъ гр. Витта. Фельдмаршалъ, опасаясь встрѣчею съ ними остановить свое главное предпріятіе, оставилъ 30-го іюня Плоцкъ и двинулся къ Сребрно, а 1-го іюля на Камень-Котово, впереди Липно, гдѣ помѣстилась главная квартира. Движеніе изъ Плоцка предпринято было ночью и съ такой поспѣшностью, какъ будто армія потерпѣла пораженіе. Артиллерія и тяжести шли по дорогѣ, въ грязи по ступицу; кавалерія и пѣхота по сторонамъ, чрезъ засѣянныя и вспаханныя поля, такъ что на переправахъ все стѣснялось къ этимъ пунктамъ и армія представлялась разбитой и гонимой противникомъ толпой. Паскевичъ торопилъ всѣхъ, приказывалъ ускорить шагъ и пр.; все это отразилось неблагопріятно и на духѣ арміи. А между тѣмъ, по показаніямъ плѣнныхъ, всѣ силы Мюльберга, находившіяся противъ Витта, простирались лишь до 6—8 тысячъ; прочія-же непріятельскія войска, въ числѣ 12000 чел., подъ начальствомъ Скржинецкаго, были эшелонированы къ Модлину ([395]).

1-го іюля отрядъ Муравьева, посланный сначала на подкрѣпленіе гр. Палена, притянутъ оттуда назадъ къ арміи и присоединился къ ней у Камень-Котова. Гр. Виттъ расположился на правомъ берегу р. Скрвы, истребляя всѣ мосты на этой рѣкѣ и наблюдая за дорогами, ведущими въ Липно и Осѣкъ. Между тѣмъ Мюльбергъ занялъ Плоцкъ двумя бригадами: одною своею и одною кавалерійской дивизіи Турно; другую бригаду Турно выдвинулъ въ Слупно, а свою одну оставилъ въ Булковѣ.

Паскевичъ, подъ вліяніемъ затверженнаго имъ правила, что „въ день битвы нужно все имѣть подъ рукой“, предпринимая движеніе къ нижней Вислѣ, желалъ притянуть къ себѣ Герштенцвейга съ 6000 чел. изъ Ломжи; но возраженія Толя о необходимости прочно удерживать этотъ важный стратегическій пунктъ, дававшій возможность держать въ покорности все Августовское воеводство и обезпечивать сообщеніе съ Россіей, заставили Паскевича отказаться на время отъ своей мысли, тѣмъ болѣе что предпріятіе Гелгуда не было еще окончено въ Литвѣ и русскій отрядъ имѣлъ также назначеніемъ отрѣзать ему путь отступленія въ Царство. Тѣмъ не менѣе, послѣ выступленія изъ Плоцка, фельдмаршалъ приказалъ Герштенцвейгу произвести диверсію въ тылъ полякамъ, посредствомъ наступленія чрезъ Остроленку и Маковъ въ Новемясто ([396]). Съ своей стороны польскіе летучіе отряды захватили въ Млинарже, близь Остроленки, постъ изъ двухъ эскадроновъ драгунъ, но они были остановлены Скржинецкимъ. Послѣдній, получивъ извѣстіе объ удачныхъ дѣйствіяхъ Хржановскаго противъ Головина, рѣшился воспользоваться удаленіемъ фельдмаршала, лично стать во главѣ польскихъ войскъ и довершить пораженіе русскаго отряда. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: Мюльбергу и Турно приказано отступить къ Модлину; дивизіямъ Сѣравскаго и Малаховскаго—перейти въ Варшаву; Каз. Скаржинскому съ его кавалерійской дивизіей и бригадой пѣхоты занять Сохачевъ. Согласно этому 5-го іюля поляки начали свое отступленіе.

Дѣйствія Хржановскаго и Скржинецкаго противъ Головина.

Раньше уже было указано, что Паскевичъ, двинувшись изъ Пултуска къ прусской границѣ, приказалъ Розену составить для занятія Брестскаго шоссе особый от-

рядъ, подъ названіемъ авангарда 6-го корпуса. Въ составъ этого отряда вошли: три слабыхъ полка 4-й пѣхот. дивизіи (Нижегородскій, 13-й и 14-й егерскіе), два баталіона 47-го и 48-го егер. полковъ, 6-ть ротъ Модлинскаго полка, двѣ роты саперъ, 7-мь эскадроновъ Польскаго и Татарскаго уланскаго полковъ и казачій Ильина полкъ; *всего 6700 чел.* (въ томъ числѣ 1300 чел. кавалеріи) *съ 10 тяшими и 4 конными* орудіями (10 батал., 7 эск., 14 ор.), подъ начальствомъ генер. Головина. Задача, поставленная Головину (см. выше), могла быть исполнена не иначе, какъ посредствомъ величайшей дѣятельности и смѣлости, не упуская въ тоже время изъ виду и нужныхъ мѣръ осторожности. Головинъ понималъ, что первая и важнѣйшая его обязанность состояла въ обращеніи на себя сколь возможно болѣе вниманія и силъ поляковъ, и что для этого ему слѣдовало дѣйствовать наступательно, по разнымъ направленіямъ, дабы казаться непріятелю сильнѣе и опаснѣе нежели онъ былъ въ дѣйствительности. 20-го іюня Головинъ двинулся изъ Мендзыржеца въ Збучинъ; 22-го онъ занялъ Сѣдльце и расположился впереди города на р. Мухавцѣ. Передовой отрядъ былъ выдвинутъ въ Ополе, а небольшія конныя партіи доходили до Добре, Калушина, Сточека и Желехова *). Для обезпеченія своихъ сообщеній, Головинъ оставилъ въ Бялѣ и Мендзыржецѣ 6-ть ротъ Модлинскаго полка, такъ что числительность его отряда простиралась всего до 5800 чел. ([397]).

По полученнымъ свѣдѣніямъ польскій корпусъ Рыбинскаго (16 батал., 16 эскадр., 18 ор.) былъ расположенъ въ Калушинѣ; отрядъ Ромарино (8 батал., 8 эскадр., 8 ор.) переправился чрезъ Вислу у Гуры Кальваріи съ намѣреніемъ двинуться на Луковъ и Коцкъ противъ Ридигера. Не смотря на столь значительное превосходство непріятельскихъ силъ, Головинъ рѣшился немедленно приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, хотя и не получилъ просимаго имъ содѣйствія со стороны Ридигера. Своими безпрерывными и смѣлыми рекогносцировками, изъ которыхъ нѣкоторыя проникали до самаго Калушина, и распущеніемъ слуховъ, что за авангардомъ слѣдуетъ весь 6-й корпусъ, онъ заставилъ Рыбинскаго отступить 26-го іюня къ Дембе-Біельке, занимая Минскъ арьергардомъ. Ромарино изъ Осѣцка повернулъ на Шенницу. Отрядъ Головина вступилъ 27-го числа въ Калушинъ; небольшой его авангардъ расположился у Ендржеева, а боковые отряды у Зимноводъ и Мени. 27-го числа казаки, опрокинувъ непріятельскій арьергардъ, заняли Минскъ; полковникъ-же Маковскій, посланный съ однимъ баталіономъ, двумя эскадронами и двумя орудіями къ Шенницѣ, успѣлъ 28-го іюня искусными демонстраціями заставить Ромарино отступить къ Глинянкѣ. Въ этомъ расположеніи отрядъ остался до 2-го іюля. Извѣстія, собираемыя съ одной стороны отъ жителей и лазутчиковъ, а съ другой донесенія нашихъ партій явно противорѣчили другъ другу. Первыя твердили, что поляки, получивъ извѣстіе о переходѣ нашей главной арміи на лѣвый берегъ Вислы, спѣшатъ обратно въ Варшаву; другія увѣряли, напротивъ, что они собираются у Дембе-Віельке и, получивъ подкрѣпленіе изъ Варшавы, готовятся напасть на насъ. Оставалось одно средство: предпринять общую, усиленную рекогносцировку и убѣдиться собственными глазами въ достовѣрности или ложности тѣхъ или другихъ свѣдѣній. Между тѣмъ у поляковъ произошло слѣдующее. Скржинецкій поручилъ Хржановскому начальство надъ всѣми войсками, собранными между Бугомъ и Вепржемъ, приказавъ ему прикрывать съ этой стороны Варшаву и препятствовать Ридигеру переправиться чрезъ Вислу. Войска между Бугомъ и Вепржемъ состояли изъ дивизій Рыбинскаго, Ягмина и отряда Ромарино. Хржановскій присоединилъ къ нимъ изъ Гнѣвашева, отъ собственнаго отряда, 1-й линейный

*) См. карту дѣйствій Головина съ 20 іюня по 8 іюля.

полкъ, кавалерійскую бригаду Длусскаго и 8 орудій, оставивъ на верхней Вислѣ, у Гнѣвашева, подъ начальствомъ полковника Шептицкаго, 22-й пѣх. полкъ, 2 баталіона вольныхъ стрѣлковъ, 2 эскадрона волынскихъ уланъ и 4 орудія. Переправившись у Потыча, Хржановскій быстро двинулся къ Минску; прибытіе его оживило поляковъ. Считая русскихъ сильнѣе нежели они были, онъ желалъ предварительно сосредоточить свои войска. Всего у Хржановскаго собралось (съ прибывшимъ къ нему изъ Модлина 17-мъ полкомъ) 24 батал., 34 эскадр. и 42 ор., т. е. отъ *20 до 22 тыс. чел.* Рыбинскій долженъ былъ еще 1-го іюля въ 4 ч. пополудни двинуться къ Стоядле; исполнивъ это, онъ вечеромъ занялъ передовыми войсками Минскъ; самъ Хржановскій съ Ромарино двинулся изъ Глинянки и расположился за Рыбинскимъ; въ Глинянкѣ оставался лишь небольшой отрядъ. Держась скрытно въ теченіи ночи, Хржановскій намѣревался утромъ внезапно атаковать Головина. Въ это самое время послѣдній, желая добыть вѣрныя свѣдѣнія о противникѣ, самъ рѣшился, какъ упомянуто, перейти въ наступленіе, и, назначивъ для этого 2-е число іюля, далъ войскамъ слѣдующую диспозицію. Отрядъ дѣлился на одну главную, двѣ боковыя и нѣсколько малыхъ колоннъ, чтобы казаться сильнѣе непріятелю, тревожить его на разныхъ пунктахъ и лучше узнать его силы и расположеніе. *Главная колонна*, подъ начальствомъ ген. Заса, $2^1/_2$ батал. 13 и 48 егерскихъ полковъ, $^1/_2$ батал. саперъ, $2^1/_2$ эск. Польскаго и Татарскаго уланск. полковъ и 100 казаковъ (около 2000 чел. при 4-хъ орудіяхъ) собирается ночью на 2-е число у Осинъ и съ разсвѣтомъ двигается къ Минску, снова занятому наканунѣ непріятелемъ, а оттуда къ Дембе-Віельке, гдѣ, по мнѣнію Головина, находились главныя непріятельскія силы; *правая боковая колонна*, подъ начальствомъ полковника барона Врангеля, $1^1/_2$ батал. 47 и 13 егерскихъ полковъ, $1^1/_2$ эск. Польскаго улан. полка и 70 казаковъ (около 1000 чел. съ 2 ор.), перейдя ночью изъ Зимноводъ къ Мистову, должна была чрезъ Бржозу и Цыганку направиться къ Дембе-Віельке; *лѣвая боковая колонна*, подъ начальствомъ подп. Жиркова, 2 батал. 14 егерскаго полка, $1^1/_2$ эск. Татарскаго улан. полка и 40 казаковъ (около 1000 чел. съ 2 ор.), собравшись въ Погоржелахъ, слѣдуетъ туда-же чрезъ Головецъ и Подрудзе. Небольшіе летучіе отряды высланы справа на Станиславовъ, слѣва на Колбель и должны стараться проникать до Карчёва и собрать тамъ извѣстія о положеніи дѣлъ. Первое репли (4 роты Нижегородскаго полка и 2 орудія) оставлены въ Ендржеевѣ; другое (двѣ роты того-же полка и обозъ)—въ Калушинѣ; а остальныя двѣ роты съ 4 батарейными орудіями и партія казаковъ у Ягодне. Пѣхотѣ приказано было строиться въ двѣ шеренги; каждымъ двумъ ротамъ образовать баталіонъ, а каждымъ двумъ взводамъ кавалеріи—эскадронъ. Войскамъ указано дѣйствовать смѣло, но и осторожно; стремительно нападать на слабѣйшаго или равносильнаго непріятеля, но не завязывать дѣла съ сильнѣйшимъ, а отступать эксцентрически, чтобы удобнѣе скрыться, по тѣмъ-же дорогамъ, по которымъ пришли.

Въ случаѣ напора слишкомъ превосходнаго непріятеля на одну изъ боковыхъ колоннъ ей предоставлялось обратиться по ближайшему направленію на Калушинъ и, защищая городъ, ожидать тамъ прибытія главной колонны. Такимъ образомъ $5^1/_2$ т. русскихъ, не зная силъ своего противника, двинулись противъ 22.000 поляковъ. 2-го іюля, въ 4 часа утра, средняя колонна, при которой находился самъ Головинъ, подступила къ Минску. Впереди мѣстечка стояли два эскадрона поляковъ и одно орудіе; они были внезапно атакованы полуэскадрономъ Польскаго уланскаго полка и опрокинуты съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ. Эскадронъ Татарскаго уланскаго полка проникнулъ въ Минскъ, но огнемъ засѣвшей въ замкѣ пѣхоты былъ принужденъ отсту-

пить. Тогда Головинъ двинулъ впередъ 13-й егерскій полкъ; егеря быстро очистили предмѣстье и готовились брать замокъ, какъ вдругъ показались на высотахъ за Минскомъ сильныя колонны непріятельской пѣхоты, а конница стала спускаться влѣво отъ мѣстечка. Это заставило Головина прекратить бой и медленно отступить къ Осинамъ, извѣщая о томъ боковыя колонны сильною пушечною пальбою. Непріятель сначала вовсе не преслѣдовалъ и вообще дѣйствовалъ нерѣшительно, но около 9 ч. утра два полка, а именно 3-й конно-егерскій и 4-й уланскій, обскакавъ рощу, занятую 48-мъ егерскимъ полкомъ, и, опрокинувъ нашихъ уланъ, бросились на 13-й егерскій полкъ и въ тоже время овладѣли однимъ коннымъ орудіемъ. Не смотря на нечаянность атаки, егеря отбили ее, затѣмъ бросились въ штыки и возвратили потерянное орудіе, которое, будучи подбитымъ и лишенное большей части прислуги, было отправлено въ Калушинъ. Непріятель снова прекратилъ преслѣдованіе, выжидая отступленія нашихъ боковыхъ колоннъ, вмѣсто того, чтобы прямымъ рѣшительнымъ наступленіемъ по шоссе отрѣзать ихъ, и средняя наша колонна отступила въ Ендржеево, гдѣ соединилась съ Нижегородскимъ полкомъ.

Въ правой боковой колоннѣ полк. Врангель, приблизившись къ Бржозѣ, внезапно напалъ на находившіеся тамъ два эскадрона Сандомірскихъ кракузовъ Малаховскаго, захватилъ въ плѣнъ 6 офиц. (въ томъ числѣ Малаховскій) и 120 нижн. чин., положилъ на мѣстѣ до 50 чел., а остальныхъ гналъ до Цыганки, гдѣ былъ остановленъ значительными массами непріятельской пѣхоты и кавалеріи (дивизіи Ягмина). Отправивъ плѣнныхъ въ Калушинъ, подъ прикрытіемъ роты 47-го егерскаго полка, Врангель сталъ на позиціи впереди Бржозы, но, видя наступленіе противъ него значительнаго непріятеля, отступилъ обороняясь къ Мистову. Тамъ онъ раздѣлилъ свою колонну: пѣхоту выслалъ чрезъ Якубово въ Калушинъ, а самъ съ конницею направился въ Зимноводы. Ягминъ преслѣдовалъ его до Вишнева, а потомъ, поворотивъ на Якубово, отбросилъ пѣхоту къ Витамъ и около 11 ч. утра явился предъ Калушиномъ въ тылу средней колонны.

Въ продолженіи этихъ событій въ центрѣ и на правомъ крылѣ лѣвая колонна подп. Жиркова, отрядивъ двѣ роты 14-го егерскаго полка и взводъ уланъ въ Глинянку, двинулась къ с. Замены. Расположенные тамъ два баталіона и четыре эскадрона поляковъ были немедленно атакованы, оттѣснены къ Подрудзе и вторичнымъ нападеніемъ отброшены за это селеніе. Но въ это время Жирковъ получилъ донесеніе отъ разъѣздовъ, что съ одной стороны идутъ на него изъ Минска два полка непріятельской пѣхоты, а съ другой, изъ Глинянки, вся дивизія Ромарино. Жирковъ поспѣшно возвратился въ Подгурже, откуда, узнавъ объ отступленіи главной колонны, направился обратно въ Цегловъ. Посланный въ Глинянку отрядъ, встрѣтившись съ Ромарино, отступилъ въ Шенницу, но Польскаго уланскаго полка ротмистръ Прушинскій съ 30 уланами, выдавая себя за польскій разъѣздъ, проникъ до Карчева, собралъ тамъ нужныя свѣдѣнія и, объявивъ предъ выступленіемъ изумленнымъ жителямъ что онъ русскій, благополучно прискакалъ въ Шенницу.

При появленіи Ягмина предъ Калушиномъ, тамъ были только три роты пѣхоты (2 роты Нижегородскаго и 1 рота 48-го егерскаго полковъ) и одно подбитое конное орудіе. Средняя колонна только что приближалась со стороны Ендржеева. Положеніе отряда было, можно сказать, отчаянное. Въ эту минуту прискакалъ въ Калушинъ генеральнаго штаба полк. бар. Зедделеръ, посланный Головинымъ для скорѣйшаго направленія обоза и плѣнныхъ въ Сѣдльце. Онъ приказалъ одной ротѣ Нижегородскаго полка выступить немедленно съ обозами и плѣнными; одну роту 48-го егерскаго полка

и орудіе поставилъ на возвышенной площади у церкви, откуда можно было обстрѣливать Станиславскую дорогу, а самъ съ остальною ротою бросился къ заставѣ на встрѣчу непріятеля. Смѣлостью этого движенія и удачнымъ дѣйствіемъ стрѣлковъ и орудія, голова польской колонны, уже вступившей въ Калушинъ, была опрокинута; Ягминъ отступилъ, но, повернувъ вправо, отрѣзалъ часть средней колонны (Нижегородскій и 48-й егерскій полки), при которыхъ находился Головинъ. Два полка польской пѣхоты немедленно ударили въ штыки, между тѣмъ какъ преслѣдовавшая со стороны Ендржеева кавалерія понеслась въ атаку; но отважная оборона Нижегородскаго полка и близость лѣса спасли отрядъ. Головинъ, покинувъ шоссе, поворотилъ вправо и лѣсными тропинками направился на Скроду, а оттуда на Лончку; часть баталіона 48-го егерскаго полка и одно орудіе были захвачены непріятелемъ; впрочемъ людямъ большею частью удалось пробраться и спастись. Около 2-хъ часовъ пополудни Жирковъ приближался къ Цеглову, тѣснимый авангардомъ Ромарино. Ягминъ съ двумя полками кавалеріи прискакалъ изъ Калушина и, ставъ на пути Жиркова, требовалъ сдачи. Хотя отрядъ былъ ничтожной числительности, а солдаты едва двигались отъ зноя и усталости, на то былъ славный 14-й егерскій полкъ, гордый воспоминаніями Анапы, Варны и Игане. Жирковъ пробился. Потеря русскаго отряда не могла быть незначительною и простиралась до 1.100 чел. убитыми, ранеными и плѣнными. Потеря поляковъ неизвѣстна; въ плѣнъ нами взято около 160 чел.

Ночью на 3-е число Головинъ продолжалъ отступленіе на Сѣдльце, гдѣ занялъ прежнюю свою позицію за Мухавцемъ и гдѣ примкнули къ нему всѣ его отряды и отдѣльные посты. Непріятель остался до 6-го іюля въ Калушинѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи, но потомъ рѣшился наказать Головина, расчитывая взять въ плѣнъ весь его отрядъ. Самъ Скржинецкій прибылъ изъ Варшавы, полагая стать во главѣ войскъ, чтобы избѣгнуть справедливыхъ нареканій на его бездѣйствіе относительно главной русской арміи, и такимъ образомъ возстановить колебавшуюся его славу, казалось, несомнѣннымъ торжествомъ. 6-го числа отряды Ромарино и Хржановскаго сосредоточились въ окрестностяхъ Сточека и Ружи. Рѣшено было, что Скржинецкій 8-го іюля двинется на Сѣдльце чрезъ Доманице, а Хржановскій, въ ночь съ 7-го на 8-е число— чрезъ Біарды въ Збучинъ, чтобы отрѣзать Головину путь отступленія въ Мендзыржецъ. Хржановскій двинулся по назначенію съ 8-ю баталіонами пѣхоты, 2 полками кавалеріи и 10 орудіями; онъ разогналъ у Збучина обозъ авангарда и, ставъ на дорогѣ въ Мендзыржецъ, направился къ Сѣдльце, въ тылъ Головина. Скржинецкій наступалъ изъ Калушина съ корпусомъ Рыбинскаго. Но Головинъ давно уже слѣдилъ за движеніями непріятеля и оставался въ Сѣдльце только до открытія настоящей его цѣли. Узнавъ отъ посланнаго въ Біардамъ разъѣзда съ унтеръ-офицеромъ (наблюдавшимъ скрытно изъ лѣса) о маршѣ Хржановскаго, Головинъ въ 9 ч. вечера оставилъ городъ и, взявъ направленіе на Морды и Лосице, благополучно вышелъ изъ разставленной вокругъ него сѣти. Польскія войска, собравшись у Сѣдльце и не достигнувъ никакой положительной цѣли, потянулись 9-го іюля обратно къ Варшавѣ. Головинъ снова двинулся впередъ и занялъ Луковъ, имѣя небольшой отрядъ на шоссе у Збучина. Тамъ онъ впослѣдствіи получилъ предписаніе Розена идти форсированнымъ маршемъ чрезъ Морды къ Дрогичину на перерѣзъ Дембинскому при движеніи его изъ Литвы. Хотя Головинъ шелъ по 50 вер. въ сутки, но, какъ извѣстно уже, не успѣлъ захватить польскаго отряда (397).

Нѣкоторые военные писатели называли дѣйствія Головина необдуманною дерзостью, справедливо наказанною опрокинутіемъ авангарда 6-го корпуса 3-го іюля у

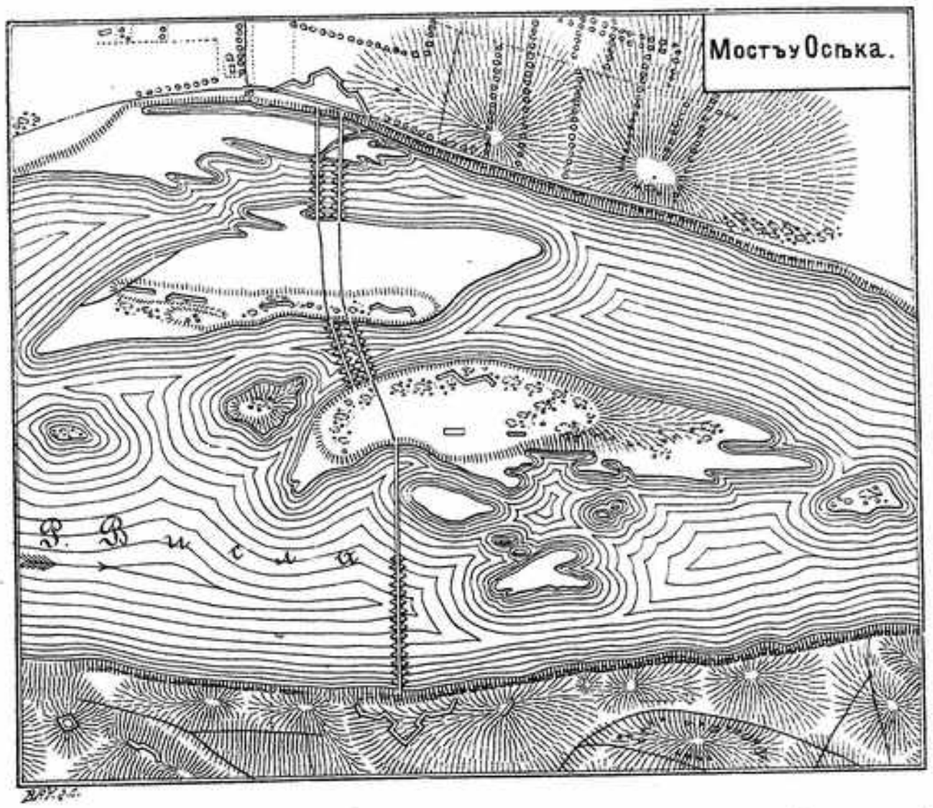
Минска, и приписывали одному лишь счастью опасеніе его отъ совершеннаго разбитія у Калушина и плѣненія у Сѣдльце; ему также ставили въ упрекъ разброску войскъ при наступленіи, предпринятомъ 2-го іюля. Смѣлость Головина озадачила непріятеля, вызвала его осторожность и нерѣшительность въ преслѣдованіи; только при этомъ условіи нашъ отрядъ могъ бороться и отвлекать отъ Варшавы и нижней Вислы главнокомандующаго съ силами въ четыре раза превосходившими авангардъ 6-го корпуса; при всемъ томъ, выполнивъ эту трудную задачу, Головинъ вышелъ изъ своего опаснаго положенія благополучно безъ важныхъ потерь. Если-бы его отрядъ потерпѣлъ даже рѣшительное пораженіе, то и тогда дѣйствія Головина нашли-бы себѣ оправданіе въ важности поставленной ему задачи. Излишняя быть можетъ смѣлость, съ которою Головинъ бросался собственно въ бой, всегда будетъ вызывать симпатіи военнаго человѣка, чтобы ни говорила критика, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, въ виду чрезмѣрной осторожности, обнаруженной нѣкоторыми нашими военачальниками въ описываемую кампанію. Что касается разброски войскъ Головина при движеніи къ Дембе-Віельке, то, отвѣчая цѣлямъ, которыя онъ преслѣдовалъ, это именно обстоятельство способствовало тому, что онъ не потерпѣлъ рѣшительнаго пораженія отъ болѣе чѣмъ въ четверо сильнѣйшаго противника; если-бы онъ шелъ сосредоточенно, то поляки легко могли его окружить. Со стороны непріятеля, не говоря о безцѣльности всей операцій, въ виду дѣйствій главной русской арміи и близившагося роковаго удара подъ Варшавой,—дѣйствія Ягмина и Ромарино были вялы; оба они наступали нерѣшительно. Точно также преслѣдованіе производилось Хржановскимъ безъ энергіи, не продолжалось столько сколько слѣдовало и закончилось бездѣйствіемъ. Опасеніе прибытія Ридигера тутъ не имѣло мѣста, такъ какъ, уничтоживъ Головина, можно было превосходными силами устремиться противъ 11 тыс. Ридигера, въ особенности пользуясь подкрѣпленіями изъ Праги ([398]).

Дѣйствія главной русской арміи до занятія Ловича включительно.

Съ 1-го іюля гр. Паленъ началъ постройку мостовъ, обезпечивая ихъ занятіемъ лежащихъ на этомъ мѣстѣ двухъ острововъ, устройствомъ тетдепоновъ на обоихъ берегахъ рѣки, батареями на правомъ берегу и на островахъ и наконецъ переправой на лѣвый берегъ полка казаковъ и бригады егерей. Казаки немедленно заняли Служево *), Раціонжекъ и Нѣшаву, а егеря приступили къ укрѣпленію моста. Укрѣпленія были разсчитаны такъ, что для занятія всѣхъ ихъ требовалось около 4 т. человѣкъ. Нѣсколько судовъ были вооружены пушками и составили небольшую флотилію, управляемую отрядомъ гв. экипажа. Общая длина всѣхъ мостовъ простиралась до 540 с. Переходъ арміи начался 4-го іюля. Сперва переправился корпусъ гр. Палена и занялъ позицію у Раціонжека; за нимъ двинулись парки и тяжести (6500 повозокъ). Главныя силы оставались до 6-го числа у Киколя; гр. Виттъ находился впереди Липно. 7-го іюля главныя силы перешли въ Осѣкъ и начали дебушировать на лѣвый берегъ. Въ головѣ двигалась резервная артиллерія, затѣмъ отрядъ Муравьева, потомъ гвардія и гренадеры. Гр. Виттъ расположился на позиціи у Липно, имѣя аванпосты на р. Скрвѣ. 8-го числа онъ послѣдовалъ за арміею и, направившись къ Ловичеку, уже занятому гр. Паленомъ, опять составилъ авангардъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ 6 казачьихъ полковъ, Литовскую гренадерскую бригаду Муравьева и двѣ бригады легкой кавалеріи; 1-я гренадерская дивизія примкнула къ своему корпусу. Армія заняла слѣдующее

*) См. карты: 1) переправы; 2) окрестностей Бзуры и 3) театра войны.

расположеніе: главная квартира въ Нѣшавѣ, гренадеры въ Брудново, гвардія въ Бржезнѣ гр. Паленъ въ Ловичекѣ, впереди его гр. Виттъ съ авангардомъ, числительностью около 6000 чел. Общая числительность переправившихся войскъ простиралась до 54000 чел. и 318 орудій. Кромѣ того должны были вскорѣ присоединиться къ арміи: кн. Гагаринъ съ 3 кавалерійскими полками и Герштенцвейгъ съ 6 т. человѣкъ, которому приказано было прибыть, какъ только получено было извѣстіе объ изгнаніи Гелгуда въ предѣлы Пруссіи. Со стороны поляковъ Мюльбергъ и Турно, отошедшіе къ Бодзанову, получили приказаніе занять снова оставленныя ими позиціи. 7-го іюля они занали: Булково одною пѣхотною, Плоцкъ одною кавалерійскою бригадою, а Слупно остальными силами.



Между тѣмъ въ Осѣкѣ находилось муки на 20 дней, но не имѣлось печей для обращенія ея въ сухари. Вслѣдствіе этого, по приказанію Паскевича, построено было подъ наблюденіемъ командира л.-в. Гренадерскаго полка ген.-м. Шипова, въ теченіи 5 дней 540 печей; 5000 чел. занялись денно и нощно печеніемъ сухарей, при чемъ въ каждой печи выпекалось ежедневно отъ 3 до 6 четв. муки. Въ теченіи 5 дней обращено въ сухари до 10000 четв. муки, т. е. такое количество, котораго въ Пруссіи, по распоряженію Тенгоборскаго, при всѣхъ усиліяхъ и издержкахъ, нельзя было приготовить въ 4 мѣсяца ([399]). Съ 15-го іюля армія имѣла уже 14-ти дневный запасъ провіанта, преимущественно въ сухаряхъ. Въ то-же время фельдмаршалъ разослалъ по окрестностямъ коммисіонеровъ для покупки, на наличныя деньги, за выгодныя цѣны, картофеля и другихъ съѣстныхъ припасовъ; какъ пруссаки, такъ и поляки, получая хорошую плату, наперерывъ старались доставлять въ армію требуемые продукты ([400]).

Во время столь кипучей дѣятельности по хозяйственной части, армія оставалась въ полномъ бездѣйствіи до 14-го іюля, выжидая исполненія наряда по хлѣбопеченію. Толь напрасно убѣждалъ Паскевича занять Брестъ-Куявскій, чтобы захватить больше территоріи; фельдмаршалъ, опасаясь завязать „пѣхотное дѣло" рѣшительно уклонялся отъ подобныхъ предложеній. Даже высылка небольшихъ кавалерійскихъ частей для освѣщенія фланга производилось тайкомъ отъ него по распоряженію Толя (401). Въ это именно время получено было оффиціальное извѣстіе о вогнаніи войскъ Гелгуда и Хлаповскаго въ Пруссію. Благопріятное это обстоятельство уменьшало важность значенія Литвы и позволяло присоединить къ арміи часть войскъ дѣйствовавшихъ въ Литвѣ. Паскевичъ, какъ упомянуто, приказалъ Герштенцвейгу, оставить въ Ломжѣ небольшой гарнизонъ, двинуться чрезъ Раціонжъ и Липно къ Осѣку, а бар. Крейцу со всѣми войсками, входившими въ составъ дѣйствующей арміи, примкнуть къ ней, направляясь на Августовъ, Ломжу, Шренскъ и Скомпе. Такое направленіе движенія, какъ Герштенцвейга, такъ и Крейца, представлялось далеко небезопаснымъ. Поляки, владѣя Модлиномъ, легко могли атаковать ихъ превосходными силами и уничтожить или-же вогнать въ предѣлы Пруссіи, гдѣ они были-бы обезоружены. Несравненно безопаснѣе было-бы движеніе этихъ войскъ, подъ прикрытіемъ корпуса Розена, къ Ридигеру, гдѣ, соединившись съ послѣднимъ, они составили-бы сильный, способный къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ корпусъ. Но Паскевичъ до такой степени заботился о сосредоточеніи при себѣ побольше войскъ, что даже не согласился выждать соединенія Герштенцвейга съ Крейцомъ и пустилъ ихъ въ отдѣльности совершить трудное движеніе.

Поляки вовсе не показывались на лѣвомъ берегу нижней Вислы и только 9-го и 10-го іюля дѣлали слабыя рекогносцировки къ Вислѣ. Такимъ образомъ они не помѣшали ни фланговому маршу русской арміи, ни ея переправѣ, хотя знали о послѣдней они не воспользовались мѣстными условіями на лѣвомъ берегу Вислы и уступили противнику безпрепятственно рядъ удобныхъ оборонительныхъ позицій. Между тѣмъ Скржинецкій могъ собрать 50—60 т. войскъ и, оспаривая переправу, сдѣлать ее для русской арміи въ высшей степени затруднительной. Затѣмъ, разъ что русская армія перешла рѣку, поляки должны были воспользоваться сильными позиціями на лѣвомъ ея берегу и выгодами, которыя представляли имъ Модлинъ, Плоцкъ и пр. Такъ они могли занять крѣпкую позицію у Гостынина, усилить ее укрѣпленіями, построить мостъ у Плоцка и, перевезя всѣ военные запасы въ Модлинъ, задерживать одною частью войскъ Паскевича, а другой дѣйствовать на правомъ берегу Вислы противъ Герштенцвейга и Крейца; но Скржинецкій не выходилъ изъ своего летаргическаго состоянія (402). Теперь стало очевиднымъ для всѣхъ, что не Скржинецкій былъ творцемъ тѣхъ плановъ, которые первоначально дали полякамъ побѣды. Съ тѣхъ поръ какъ Скржинецкій поссорился съ Пронздзинскимъ, его ничтожество, какъ полководца, обнаружилось съ полной ясностью.

Паскевичъ былъ очень радъ, что все идетъ по его предположеніямъ, осуществленію которыхъ, впрочемъ, никто рѣшительно не мѣшалъ. При всемъ томъ мысль о переходѣ къ оборонѣ не покидала его и онъ часто говорилъ, указывая Толю: „вотъ хорошая позиція", а „вотъ еще лучше". Такъ или иначе, при всей вялости операцій, необходимо было двигаться дальше и направиться къ главному предмету дѣйствій— Варшавѣ.

Пространство отъ Нѣшавы до Варшавы нѣсколько менѣе лѣсисто и низменно нежели Плоцкое воеводство, но оно также пересѣкается многими болотистыми рѣчками, которыя представляютъ, отступающему по дорогѣ изъ Торна въ Варшаву, черезъ

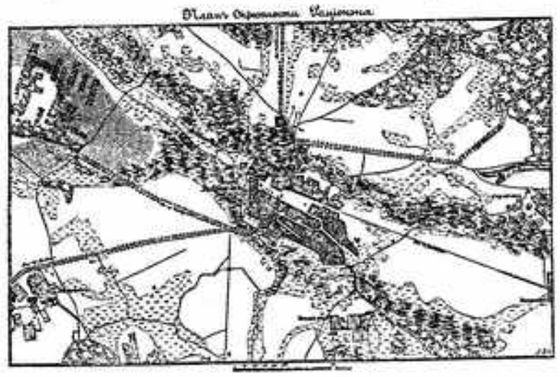
Брестъ, Коваль и Гостынинъ, довольно хорошія оборонительныя позиціи: 1) у Гомбина, за рѣчкою Дьявольскомъ, 2) между Смѣловице и Накуновомъ, 3) за Скрвою, у Гостынина, 4) 14 верстъ далѣе—за ручьемъ Скокомъ, у сс. Смоленты, Решки и Щавинъ, 5) наконецъ у Сохачева за Бзурою, откуда до Варшавы простираются уже открытыя равнины. Выгоднѣйшая изъ всѣхъ этихъ позицій находится у Сохачева. Рѣка Бзура превосходно прикрываетъ ея фронтъ; впадающія въ нее, по перпендикулярному направленію, рѣчки Утрата и Писсія обезпечиваютъ фланги; правый берегъ, на которомъ лежитъ Сохачевъ, командуетъ лѣвымъ. Обойти эту позицію можно только двигаясь на Ловичъ; боковыхъ сообщеній тамъ мало.

Передъ выступленіемъ изъ Нѣшавы Толь представилъ Паскевичу планъ относительно предстоявшихъ дѣйствій. Планъ этотъ былъ строго соображенъ съ обстановкой, съ тѣмъ состояніемъ анархіи, дисциплинарной распущенности, нравственной подавленности, въ которыхъ находилась польская армія послѣ остроленкскаго погрома; планъ отвѣчалъ вполнѣ энергическому, рѣшительному характеру Толя. Главной цѣлью онъ ставилъ разбитіе непріятельской арміи, а если поляки и тогда не покорятся, то слѣдовало взять Варшаву штурмомъ. Указавъ на трудность положенія, въ которомъ находилась наша армія, вслѣдствіе того, что приходилось базироваться на пунктъ въ чужеземномъ государствѣ (Торнъ), на множество неблагопріятныхъ случайностей, которыя при этомъ могли еще болѣе усложнить такое положеніе (холера, карантины, затрудненія въ доставкѣ транспортовъ, при томъ или иномъ расположеніи къ намъ иноземныхъ властей), Толь затѣмъ подробно развилъ свой планъ. По его мнѣнію, армія, снабженная 14-ти-дневнымъ продовольствіемъ, должна, пользуясь временемъ, быстро двинуться впередъ и атаковать противника вездѣ, гдѣ только онъ попытается оказать сопротивленіе. Для перемѣны опасной комуникаціонной линіи, Розенъ, соединившись съ Ридигеромъ, долженъ двинуться на Гуру Кальварію, куда также слѣдовало отправить особый отрядъ отъ главной арміи для занятія моста у Потыча. Такимъ образомъ открыта была-бы комуникаціонная линія или чрезъ Гуру и Коцкъ, или чрезъ Пулавы на Люблинъ и оттуда на Волынь. Главная армія, быстро двинувшись къ Варшавѣ, легко могла овладѣть ею штурмомъ. Поляки построили слишкомъ много укрѣпленій вокругъ города; линія ихъ обороны превышала средства имѣвшейся живой силы, а потому, сосредоточивъ противъ какого нибудь выдающагося верка 150 орудій и овладѣвъ имъ, легко уже затѣмъ проникнуть въ городъ и заставить его капитулировать. Принудить столицу къ сдачѣ голодомъ невозможно или, по крайней мѣрѣ, средство это слишкомъ медленно, при томъ условіи, что поляки владѣли выходами: въ Плоцкое воеводство чрезъ Модлинъ и Подляхское чрезъ Прагу. Но представленный гр. Толемъ планъ не отвѣчалъ ни характеру, излишне осторожному, Паскевича, ни тому мнѣнію, которое онъ имѣлъ о польской арміи, ни его методу веденія войны вообще. Фельдмаршалъ прежде всего помышлялъ о покореніи Варшавы, что-же касается непріятельской арміи, то онъ менѣе всего желалъ встрѣчаться съ нею; поэтому онъ хотѣлъ, избѣгая боя, привести свои войска въ цѣлости въ окрестности столицы и затѣмъ блокадою принудить ее капитулировать. Изъ всего вышеупомянутаго видно, насколько подобныя операціи соотвѣтствовали условіямъ данной обстановки (403).

Фельдмаршалъ рѣшился, наконецъ, 15-го іюля (16-го Герштенцвейгъ прибывалъ въ Осѣкъ) двинуться впередъ, опасаясь при этомъ ежеминутно атаки поляковъ. Для обезпеченія переправы и защиты тетдепоновъ онъ назначилъ генер. Рене съ отрядомъ изъ 1 и 5 егер., Карпова и Секретова казачьихъ полковъ, 3-хъ ротъ саперъ и одной роты гв. экипажа съ 20 орудіями; къ этому надо прибавить 2-ю бр. 7-й пѣх. дивизіи,

оставшуюся въ Раціонжекѣ для приготовленія сухарей; флотилія изъ небольшихъ судовъ (прибывшая изъ Петербурга чрезъ Данцигъ) препятствовала разрушать мостъ брандерами; если-же непріятель показался-бы со значительными силами на правомъ берегу рѣки, то Рене имѣлъ приказаніе, перейдя съ артиллеріею и войсками съ тетдепона на острова, отвести за нихъ переднюю половину моста. Армія должна была взять съ собою 14-ти-дневный запасъ хлѣба и сухарей. Дальнѣйшее продовольствіе полагалось производить подвозомъ сухарей изъ Раціонжека, подъ прикрытіемъ отряда Герштенцвейга. Для этой цѣли въ упомянутомъ пунктѣ оставлено было 1000 подводъ; часть ихъ распредѣлена для возки провіанта и заболѣвающимъ по корпусамъ.

Между тѣмъ предписаніе посланное Герштенцвейгу относительно движенія къ Осѣку застало его на р. Вкрѣ, близь Сохочина. Авангардъ его, изъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка и эскадрона гвардейскихъ казаковъ, былъ въ Плонскѣ; 5-ть баталіоновъ и 4 эскадрона занимали Гутаржево; легкая гв. кавалерійская бригада Олферьева находилась въ арьергардѣ у Новемяста; генер. Анрепъ, съ двумя полками драгунъ, прикрывалъ лѣвый флангъ въ сторонѣ Модлина. Кн. Гагаринъ дѣйствовалъ вправо къ сторонѣ Цѣханова *). 10-го іюля Герштенцвейгъ двинулся къ Раціонжу. У него имѣлось 5 батал., 25 эскадр. и 22 ор., всего около 6250 чел.; авангардомъ командовалъ ген. Штрандманъ. Занявъ мѣстечко 11-го іюля, онъ замѣтилъ сильную массу непріятельской конницы, которая приближалась по дорогѣ изъ Гуры въ Вильково: это была конная дивизія Турно, за которою слѣдовалъ Мюльбергъ со своею пѣхотною дивизіею. Къ Раціонжу, расположенному на правомъ берегу р. Скрвы, съ юга ведутъ двѣ дороги: одна по самому берегу рѣки; пройдя чрезъ д. Киники, она направляется въ Ржевинъ, откуда слѣдовалъ отрядъ Герштенцвейга; другая пролегаетъ западнѣе и ведетъ черезъ Вильково въ Гуру; сѣвернѣе Вилькова, по обѣимъ ея сторонамъ простираются два довольно обширные лѣса; по этому пути наступалъ Турно. Достигнувъ Вилькова, послѣдній раздѣлилъ свою дивизію на двѣ части: первая, изъ 3-хъ полковъ (2-й мазуровъ, 4 и 5 конно-егерскіе) и 8 орудій, подъ начальствомъ Миллера, двинулась въ промежутокъ между обоими лѣсами; другая изъ 4-хъ полковъ (5-й и 7-й уланскіе, 2-й кракузовъ и Литовско-Волынскій), подъ начальствомъ Мицельскаго, пошла въ обходъ лѣса съ лѣвой стороны. Герштенцвейгъ поспѣшилъ съ тремя драгунскими полками на подкрѣпленіе авангарда. Кракузы, шедшіе въ головѣ Мицельскаго, завязали въ грязи и повернули назадъ; другіе два полка обошли болото по направленію къ Чичіерску. Тамъ они были атакованы Штрандманомъ съ л.-гв. Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ и остановлены; но затѣмъ, устроившись, снова пошли впередъ. Тогда Штрандманъ направилъ эскадронъ гв. казаковъ противъ ихъ лѣваго фланга, между тѣмъ какъ гродненцы напали на нихъ съ фронта; поляки были опро-



*) Гагаринъ, какъ извѣстно, съ партизанскимъ отрядомъ въ 800 чел. былъ высланъ Паскевичемъ изъ Плоцка 28-го іюня для поддержанія сообщеній съ Остроленкою и Ломжею. Дойдя до Цѣханова, онъ, по приказанію фельдмаршала, притянулъ къ себѣ изъ Остроленки Ольвіопольскій гусарскій полкъ, изъ отряда Герштенцвейга, и двинулся затѣмъ къ главной арміи въ Липно.

кинуты съ потерею 124 чел., взятыхъ въ плѣнъ. Прибытіе драгунъ заставило настойчиваго Мицельскаго, двинувшагося было снова въ атаку, совершенно очистить поле сраженія. Въ самое это время Турно приблизился къ Раціонжу; но нашъ 4-й егерскій полкъ, поддержанный 4-мя орудіями, занималъ уже дороги, ведущія туда изъ Киниковъ и Вилькова. Началась сильная канонада, причемъ превосходная числомъ непріятельская артиллерія причинила значительный вредъ егерямъ. Герштенцвейгъ послалъ за резервною батареею и приказалъ арьергарду Олферьева ускорить движеніе. Этими мѣрами бой былъ возстановленъ и Турно отошелъ за Вильково ([404]). Покушеніе на правый флангъ Герштенцвейга снова появившагося Мицельскаго, было также отбито кавалеріею и огнемъ 4-хъ орудій. При самомъ началѣ дѣла Турно послалъ въ Гуру просить Мюльберга поспѣшить своимъ прибытіемъ къ полю сраженія, но тотъ счелъ необходимымъ дать своимъ войскамъ отдыхъ, не смотря на важность предстоявшей ему задачи ([405]). Его 2-я бригада явилась только тогда подъ Раціонжемъ, когда бой былъ уже конченъ, а 1-я бригада прибыла послѣ полуночи. По прибытіи Мюльберга, Герштенцвейгъ отступилъ за Вкру и сталъ въ выгодной позиціи у Глиноецка; Мюльбергъ также не остался въ Раціонжѣ, а, вслѣдствіе полученнаго отъ Скржинецкаго предписанія, отошелъ 12 числа чрезъ Бобошево въ Плонскъ и потомъ двинулся къ Модлину и Сохачеву. Потеря той и другой стороны не превышала 500 чел. Относительно дѣйствій поляковъ въ описанномъ бою можно замѣтить, что Турно до прибытія Мюльберга могъ-бы *или* занять наблюдательную позицію между Чичіерскомъ и Вильковомъ и выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій противника—тогда русскіе не ствжились-бы, въ виду непріятеля и подставляя ему свой флангъ, двигаться на Дробинъ или Липно; соединившись-же съ Мюльбергомъ, онъ уже могъ превосходными силами атаковать русскихъ; *или-же*, не дробя своихъ войскъ, Турно могъ дѣйствовать сосредоточенно и по возможности атаковать Герштенцвейга съ тыла. Что касается Мюльберга, то въ его дѣйствіяхъ не обнаружилось стремленія къ боевой товарищеской выручкѣ.

Между тѣмъ кн. Гагаринъ занялъ Раціонжъ, а оттуда поспѣшилъ на соединеніе съ главною арміею; за нимъ послѣдовалъ Герштенцвейгъ; двигаясь чрезъ Шренскъ и Ломжинъ, онъ разсѣявалъ по дорогѣ собиравшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпы поголовнаго ополченія; 16 онъ прибылъ въ Осѣкъ, а 17 переправился чрезъ Вислу.

На лѣвомъ берегу рѣки два летучіе отряда: одинъ подъ начальствомъ Кузнецова, изъ казачьяго полка и двухъ эскадроновъ уланъ, а другой, поруч. Козловцева, изъ 25-ти охотниковъ, были посланы Толемъ къ шоссе, ведущему изъ Варшавы въ Калишъ. Кузнецовъ разогналъ близь Самопольно двѣ партіи въ 1500 чел. милиціи и взялъ въ плѣнъ около 180 челов. Козловцевъ, скрытно проникшій до Колло, былъ принужденъ отступить передъ выдвинувшейся противъ него сильнѣйшей кавалеріей, но успѣлъ тоже захватить нѣсколько плѣнныхъ. Наконецъ, для освѣщенія фланговъ главныхъ силъ арміи, двигался слѣва изъ Влоцлавска, вверхъ по Вислѣ, отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ, 2-хъ эскадроновъ и 100 казаковъ съ 2-мя конными орудіями; а справа 2 эскадрона уланъ и 100 казаковъ на Клодаву.

Въ первый день движенія армія достигла Бреста-Куявскаго. 16-го іюля главныя силы прибыли въ Ковель, лѣвый отрядъ остался въ Добегневѣ, правый былъ на маршѣ въ Клодаву. 17 передвинулись къ Гостынину ([406]). Въ диспозиціи на слѣдующій день Паскевичъ хотѣлъ приказать двинуться по обѣ стороны болотистой р. Скоки; но такъ какъ, по замѣчанію Толя, между обѣими дорогами не было соединительныхъ путей, то рѣшено двигаться въ одной колоннѣ. Хотя противника рѣшительно нигдѣ не было

*

видно, но Паскевичъ, опасаясь что поляки будутъ ожидать насъ у Решки, ночью приказалъ усилить гренадерами шедшій впередъ 1-й корпусъ. 18 іюля армія безпрепятственно прибыла въ Гомбинъ *), авангардъ въ Осмолинъ, а лѣвая колонна въ Радзиве. Тамъ рѣшено было дать дневку войскамъ, шедшимъ четыре дня подъ проливнымъ дождемъ; только лѣвая колонна продвинулась въ Вымисле. Графъ Толь предложилъ отрядъ Герштенцвейга направить изъ Бреста-Куявскаго чрезъ Клодаву въ Кутно, но фельдмаршалъ приказалъ выслать только два драгунскихъ полка съ сотней казаковъ и двумя орудіями на Радзеево, Избицу, Клодаву въ Красневице, для противодѣйствія сбору поголовнаго ополченія, а остальныя войска, т. е. два егерскихъ и три гв. кавалерійскихъ полка, двинуть чрезъ Кутно на Ловичъ къ главнымъ силамъ съ транспортомъ провіанта и въ видѣ его прикрытія, хотя слѣдуетъ замѣтить, что движеніе этого транспорта вполнѣ-бы прикрывалось отрядомъ Герштенцвейга, выдвинутымъ въ указанномъ Толемъ направленіи. Не смотря на то, что Ловичъ находился всего въ $1^1/_2$ переходахъ отъ Гомбина и что занятіе этого пункта было крайне необходимо прежде чѣмъ противникъ разломаетъ мосты и укрѣпится за Бзурой, фельдмаршалъ все-таки полагалъ оставаться въ Гомбинѣ въ ожиданіи подвозовъ (407). Благопріятная случайность измѣнила это рѣшеніе; польскій отрядъ Заливскаго, находившійся въ Ловичѣ, очистилъ этотъ городъ до появленія русскихъ. Разъѣзды нашего праваго фланга, дойдя до Бзуры и узнавъ объ этомъ, тотчасъ заняли свободный Ловичъ; за казаками поспѣшилъ Муравьевъ и 20 іюля утромъ, къ удовольствію Паскевича, вступилъ туда съ 4-мя полками пѣхоты, 6-ю эскадронами и 10-ю орудіями. Армія тоже повернула туда: гр. Виттъ занялъ Бочки, лѣвофланговая колонна—Залусковъ, гр. Паленъ прибылъ въ Коціержево, кн. Шаховской въ Мостки, Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ Черніевъ, фельдмаршалъ въ Кернозію. Передовые посты имѣли небольшія стычки съ поляками впереди Сохачева и у Кутно. 21 іюля авангардъ вступилъ въ Ловичъ; казаки заняли Аркадію и Неборовъ, а аванпосты ихъ весь лѣвый берегъ р. Равки. Гр. Паленъ сталъ у Виціе, кн. Шаховской у Свержникова, гвардія у Голенско, главная квартира переведена въ Мольжицу (408). Такимъ образомъ 7-го и 8-го іюля совершена переправа и только 21-го, т. е. спустя 13 — 14 дней, армія достигла Ловича, отстоящаго отъ пункта переправы на 130 верстъ.

Вечеромъ 21-го числа Паскевичъ получилъ свѣдѣніе, чрезъ нѣмецкаго колониста, что Скржинецкій со всею арміею прибылъ изъ Блоне въ Сохачевъ. Толь предложилъ быстрымъ движеніемъ между Блоне и Сохачевымъ отрѣзать полякамъ сообщеніе съ Варшавою и отбросить ихъ къ Вислѣ; но Паскевичъ находилъ, что нужно стянуть армію въ 4-хъ верстахъ отъ Ловича на Сохачевскомъ шоссе и, уперевъ флангъ въ Бзуру, ожидать непріятеля въ выгодномъ, по мнѣнію фельдмаршала, положеніи (409). Вслѣдствіе этого 22-го іюля, до разсвѣта, Паленъ долженъ былъ стать у Забостова, имѣя авангардъ въ Компинѣ и гусарскую бригаду въ Бочкахъ; Шаховской расположился позади Палена у Попова, а за нимъ сталъ гвард. корпусъ; авангардъ Витта остался на правомъ берегу въ своемъ расположеніи у Аркадіи; обозъ отошелъ на 10 верстъ назадъ. Графъ Толь, произведя рекогносцировку, замѣтилъ, что поляки, выдвинувшіеся было къ Рыбно, отступили къ самой переправѣ, оставивъ на лѣвомъ берегу Бзуры лишь слабые пѣхотные и кавалерійскіе посты.

Между тѣмъ въ правомъ боковомъ отрядѣ Анрепъ дѣйствовалъ удачно у Коло, гдѣ онъ разсѣялъ нѣсколько польскихъ эскадроновъ и занялъ этотъ пунктъ.

*) См. карту окрестностей Бзуры.

Послѣ безплодной попытки противъ Головина, польская армія была, въ началѣ іюля, совершенно разбросана: отдѣльный корпусъ Хржановскаго, силою болѣе 20000 чел., находился въ Сѣдльце; Мюльбергъ и Турно, числительностью до 11000 чел.,—вокругъ Плоцка; Каз. Скаржинскій съ кавалерійской дивизіей — въ Сохачевѣ; Амвр. Скаржинскій съ кавалерійской бригадой — въ Пултускѣ; дивизіи Сѣравскаго и Малаховскаго (5-я и 3-я пѣхотныя) — въ Модлинѣ и Варшавѣ.

Послѣ переправы русскихъ войскъ чрезъ Вислу правленіе приказало главнокомандующему возвратиться въ Варшаву съ корпусомъ Хржановскаго и воспрепятствовать дальнѣйшему наступленію противника. Скржинецкій прибылъ въ столицу и приказалъ слѣдовать туда-же Хржановскому, но потомъ вернулъ его обратно въ Бялу съ порученіемъ доставить 20 тысячъ корцевъ хлѣба.

Противъ Скржинецкаго поднялось общее негодованіе за его бездѣйствіе и назначенъ былъ даже судъ, засѣданіе котораго, впрочемъ, превратилось въ военный совѣтъ. Здѣсь рѣшено было вступить съ русской арміей въ бой до прибытія къ ней подкрѣпленій изъ Литвы. Вслѣдствіе этого разосланы были приказанія польскимъ войскамъ двигаться къ Сохачеву, куда и направились дивизіи: Малаховскаго и Сѣравскаго изъ Варшавы, Мюльберга и Турно изъ Плоцка, бригада Амвр. Скаржинскаго изъ Модлина, а 18-го іюля двинулся туда и корпусъ Хржановскаго. Скржинецкій оставался въ Варшавѣ до прибытія туда Хржановскаго, а 21-го іюля вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь при Сохачевѣ. Войска, воодушевленныя надеждой предстоящаго боя, встрѣтили Скржинецкаго радостными восклицаніями, которыя не нашли отголоска въ сердцѣ главнокомандующаго, опасавшагося сраженій. Во всякомъ случаѣ онъ приказалъ генералъ-квартирмейстеру Колачковскому *) составить диспозицію для боя на слѣдующій день, предполагая атаковать русскихъ у Рыбно: поляки не знали, что наша армія уже заняла Ловичъ, благодаря Заливскому, начальнику польскаго отряда, оставившему безъ сопротивленія этотъ важный пунктъ. Между тѣмъ Хржановскій убѣдилъ главнокомандующаго отмѣнить данныя приказанія; предполагая русскихъ въ Ловичѣ, а не въ Рыбно, какъ думалъ Скржинецкій, Хржановскій находилъ движеніе къ послѣднему пункту опаснымъ: Паскевичъ могъ или двинуться кратчайшимъ путемъ на Болимовъ и Блоніе и овладѣть Варшавой до прибытія польской арміи, или-же онъ могъ атаковать Скржинецкаго на лѣвомъ берегу рѣки, что, въ случаѣ неудачи, поставило-бы польскую армію въ безвыходное положеніе, такъ какъ путь ея отступленія отходилъ-бы отъ лѣваго фланга. Такое рѣшеніе вполнѣ отвѣчало и настроенію самаго Скржинецкаго, а потому онъ охотно соглашался съ доводами Хржановскаго; на возраженія-же Колачковскаго отвѣчалъ гнѣвомъ и даже грозилъ разстрѣлять своего генералъ-квартирмейстера. Такимъ образомъ вмѣсто ожидаемаго боя была произведена 22-го іюля рекогносцировка по направленію къ Рыбно, убѣдившая, что русскіе занимаютъ Ловичъ. Послѣ того поляки остались между Тополой и Сохачевомъ, имѣя авангардъ впереди, одну дивизію въ Жуковѣ, другую въ Козлувѣ Бискупѣ. Польская армія состояла изъ 61 баталіона и 81 эскадрона или 39000 пѣх., 11500 кав., всего 50000 чел., при 142 орудіяхъ. Противъ нея у Ловича стояла русская армія силою въ 61 бат. и 103 эскадр., или 36000 пѣхоты, 15500 кавалеріи, всего 51000 чел. при 196 орудіяхъ и кромѣ того 122 орудія артиллерійскаго резерва. Въ рядахъ русской арміи находилось отборнѣйшихъ войскъ: 16000 гренадеръ и 18000 гвардіи, между тѣмъ какъ польскіе полки, обновлявшіеся по 3 — 4 раза, состояли по преимуществу изъ плохо-обу-

*) Назначенному вмѣсто Пронзвинскаго.

ченныхъ новобранцевъ. Атаковать русскихъ, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ Варшавы, Скржинецкій не рѣшался; такая-же опасность грозила при дальнѣйшемъ пребываніи у Сохачева, ибо русскіе могли достичь столицы ближайшимъ путемъ на Болимовъ — поэтому рѣшено было отступить назадъ и занять позицію у Болимова за р. Равкою. Рыбинскій со своею дивизіею и Шнейде съ конною бригадою должны были остаться у Сохачева для охраненія Бзуры до устья; главныя-же силы 23-го перешли черезъ Червонную Ниву къ Болимову, куда прибыли 24-го и заняли позицію за р. Равкой. Паскевичъ могъ самъ овладѣть этой рѣчкой, но не пожелалъ этого, а между тѣмъ именно Равка дополняла его ловичскую позицію; владѣя этою рѣчкою, онъ лишалъ возможности поляковъ держаться какъ у Сохачева, угрожая ихъ флангу, такъ, конечно, и у Болимова (410).

24-го іюля Ромарино произвелъ рекогносцировку къ Неборову, который и былъ занятъ польскимъ авангардомъ. Непріятельская армія съ нетерпѣніемъ ожидала диспозиціи къ бою, но вмѣсто нея былъ изданъ дневной приказъ, приглашавшій солдатъ къ усердной молитвѣ и посѣщенію церковной службы и предписывавшій особыя утренія и вечернія молитвы. Русскіе удержали за собою Аркадію, занятую, по приказанію Паскевича, бригадою Муравьева. На случай непріятельской атаки фельдмаршалъ предполагалъ занять позицію за Ловичемъ, которую успѣли уже нѣсколько укрѣпить, и дать тамъ сраженіе „подобное Дрезденскому“ (411). Едва-ли поляки рѣшились-бы атаковать насъ на подобной позиціи; напротивъ, воспользовавшись пересѣченной мѣстностью, они могли запереть русскую армію на правомъ берегу Бзуры въ тѣсномъ пространствѣ вокругъ Ловича. Такъ какъ притомъ нельзя было терпѣть въ столь близкомъ разстояніи непріятеля, который могъ внезапно напасть на авангардъ Витта и отбросить его къ Ловичу, прежде поданія ему помощи отъ главныхъ силъ, то Толю удалось наконецъ убѣдить Паскевича двинуться 25-го числа впередъ и оттѣснить противника. Польскій главнокомандующій отошелъ назадъ, занявъ Болимовъ сильнымъ отрядомъ; Паскевичъ не рѣшился выбить непріятеля изъ этого пункта и удовольствовался тѣмъ, что заставилъ главныя силы польской арміи отойти за Равку. Русская армія къ 27-му іюля расположилась слѣдующимъ образомъ: гренадеры (11 т. 36 ор.) заняли пространство лѣвѣе Аркадіи до Мыслакова, имѣя рѣчку позади себя; гвардія (17 т., 68 ор.) правѣе; Виттъ съ авангардомъ ($9^1/_2$ т., 28 ор.) въ Неборовѣ, имѣя сильный передовой караулъ у Ласечниковъ; гр. Паленъ ($13^1/_2$ т., 60 ор.) остался на лѣвомъ берегу Бзуры близь Ловича, авангардъ его — въ Бочкахъ, а главныя силы въ Плоскоцинѣ и Компинѣ. Власовъ охранялъ правый флангъ арміи двумя казачьими полками у Стахлева и отдѣльнымъ постомъ въ Мокрѣ; для обезпеченія лѣваго фланга особый летучій отрядъ изъ легкой гв. кавалерійской бригады и одного эскадрона гв. казачьяго съ 4 конными орудіями, подъ начальствомъ гр. Ностица, былъ посланъ въ Бжозовъ. Въ Ловичѣ расположена была резервная артиллерія Глинки изъ 122 ор. и отрядъ инженеровъ Дена изъ 3-хъ саперныхъ баталіоновъ и казачьяго полка, всего 2300 чел. Слѣдовательно въ окрестностяхъ Ловича было сосредоточено всего около 55000 чел. при 318 ор. Кромѣ того къ составу арміи принадлежали: а) отрядъ Анрепа изъ 2-хъ драгунскихъ полковъ, 2 сотенъ казаковъ и 2-хъ конныхъ орудій въ числѣ 1050 чел., высланный для обезпеченія операціонной линіи справа и противодѣйствія поголовному ополченію въ Калишскомъ воеводствѣ. Анрепъ, выполняя свою задачу, разсѣялъ значительную банду близь Коло и занялъ Красневице; б) отрядъ Лесовскаго изъ 2 эск. и 2 конныхъ орудій, высланный въ Лодзь; в) оставленные у мостовъ при Осѣкѣ, въ распоряженіи Ренне 2 казачьихъ полка и 18 орудій, всего 2350 чел.; г) одна пѣхотная бригада, занимавшаяся приготовленіемъ сухарей; д) наконецъ 2 полка и 4 орудія, подъ начальствомъ ген. Бракера, конвоировавшіе повозки. Всего на лѣвомъ берегу Вислы Паскевичъ имѣлъ 61 т. ч. и 344 ор.

На соединеніе съ главной арміей слѣдовалъ изъ Ломжи корпусъ Крейца въ числѣ $21^1/_2$ т. чел. при 90 ор. Розенъ, возвратившійся въ Брестъ изъ неудачной экспедиціи противъ Дембинскаго, имѣлъ около 16000 чел. при 106 ор., изъ числа которыхъ около 4000 чел. составляли авангардъ Головина въ Сѣдльце. Ридигеръ, только что переправившійся чрезъ верхнюю Вислу у Юзефова, имѣлъ около 16000 чел. при 56 ор., изъ нихъ до $3^1/_2$ тыс. было оставлено для охраненія Люблинскаго воеводства. Если присчитать всѣ перечисленныя войска, то общій итогъ находившихся въ подчиненіи Паскевичу войскъ простирался до 117 тыс. чел. при 596 ор.; кромѣ того Кайсаровъ съ 12000 чел. 3-го корпуса блокировалъ Замостье *).

Противъ русской арміи была расположена польская за Равкой: корпусъ Ромарино, изъ 6-й пѣхотной и 2-й кавалерійской дивизій, силою въ 11850 чел. при 26 ор., занималъ Болимовъ; Хржановскій съ 5-й пѣхотной и 3-й кавалерійской дивизіями, силою въ 11800 чел. и 28 ор., находился вправо и влѣво отъ Зіомбковъ; резервъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій (3-я и 4-я пѣхотн. и 1-я кавал.) съ артиллерійскимъ резервомъ, всего силою 17750 чел. при 72 ор., стоялъ за Болимовомъ; наконецъ Рыбинскій со своей дивизіей (1-й пѣх.) и частью конницы, силою всего въ 8300 чел. при 16 ор., находился въ Сохачевѣ. Всего въ окрестностяхъ Болимова и Сохачева сосредоточено было 49700 чел. (въ томъ числѣ 11000 кавалеріи) и 142 ор. **). Обозъ арміи находился между Шимановымъ и Касками. Кромѣ этихъ войскъ въ Варшавѣ и Прагѣ находилось до 12 т. человѣкъ, изъ которыхъ половина не имѣла вооруженія. Модлинъ и Замостье заняты были 10000 чел. Въ Сандомірскомъ воеводствѣ, въ отрядахъ Шептицкаго и Коленковскаго и въ кавалерійскихъ резервахъ Стрыенскаго считалось до 6000 чел.; туда-же посланъ былъ Рожицкій съ 2500 чел. Всего регулярныхъ войскъ имѣлось до 80000 чел. Кромѣ того формировалось ополченіе, но за недостаткомъ оружія дѣло подвигалось медленно; запасъ боевыхъ припасовъ былъ достаточный; продовольствія-же главныя силы имѣли всего на 6 дней.

Въ такомъ положеніи обѣ арміи остались бездѣйствовать до первыхъ чиселъ августа. Польская армія пережила кризисъ сильнѣйшаго революціоннаго движенія; русская этимъ не только не воспользовалась, но находилась въ постоянной, хотя напрасной, тревогѣ въ ожиданіи непріятельскаго нападенія; виною этого, кромѣ обычной чрезмѣрной боязливой осторожности фельдмаршала, было также близкое расположеніе нашего авангарда отъ своихъ главныхъ силъ, такъ что всякое движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ отражалось на спокойствіи нашихъ войскъ. Бездѣйствіе польской арміи объясняется дезорганизаціей ея, вслѣдствіе ожесточенной борьбы партій и смѣны главнокомандующаго. Вмѣсто Скржинецкаго назначенъ былъ временно-главнокомандующимъ Дембинскій, прославившійся въ незадолго передъ тѣмъ блистательно исполненномъ имъ походѣ изъ Литвы въ Варшаву. Русская-же армія бездѣйствовала вслѣдствіе нежеланія фельдмаршала предпринять что-либо до прибытія Крейца.

Въ виду важности стратегическаго значенія Ловича рѣшено было сильно его укрѣпить. Городъ этотъ былъ опорнымъ пунктомъ на операціонной линіи, прикрывалъ переправу на Вислѣ, будучи на флангѣ ведущихъ туда путей, и содѣйствовалъ связи

*) См. прил. XXI, XXII и XXIII.
**) См. прил. XXXVI.

съ Ридигеромъ; отъ Варшавы онъ находился всего въ верстахъ въ 80-ти и могъ служить временной базой при движеніи къ столицѣ Царства. Паскевичъ пожелалъ укрѣпить его не только отдѣльными верками, но и непрерывнымъ валомъ со рвомъ. Дѣло это было возложено на генерала Дена, въ распоряженіе котораго отдано 3 саперныхъ баталіона и 375 казаковъ. Такимъ образомъ тамъ можно было въ безопасности оставить излишній обозъ, орудія, парки, госпитали и депо; а сосредоточеніемъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ облегчались дальнѣйшія операціи (412).

Армія довольствовалась сухарями и хлѣбомъ, изготовлявшимися въ Раціонжекѣ и оттуда доставлявшимися въ войска. Отъ Раціонжека до Ловича 6 переходовъ, слѣдовательно на кругооборотъ транспорта требовалось 12 дней, 2 дня на пріемъ и нагрузку хлѣба и 1 день на разгрузку въ Ловичѣ. Это показываетъ, что для безостановочнаго снабженія арміи требовалось имѣть такой транспортъ, который-бы поднималъ 15-ти дневный запасъ на всю армію; между тѣмъ въ распоряженіи генералъ-интенданта находилось нѣсколько менѣе 2000 подводъ, которыя могли поднять 11-ти-дневное продовольствіе. Вслѣдствіе этого тотчасъ по занятіи Ловича, Паскевичъ приказалъ, чтобы подводы по прибытіи въ Раціонжекъ нагружались тамъ не только сухарями, но и мукою, перепеченіе которой производилось уже въ Ловичѣ, частью войсками, частью жителями за опредѣленную плату.

Вмѣстѣ съ тѣмъ интендантскіе чиновники были командированы въ окрестности для закупки продовольствія; сдѣланы распоряженія о поставкѣ крупы, овса и картофеля, по установленной цѣнѣ, изъ княжества Ловичъ и другихъ мѣстностей; воспользовались также предложеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ окрестностей Лодзи относительно поставки въ армію разныхъ жизненныхъ припасовъ, а для защиты ихъ отъ польскихъ инсургентовъ былъ посланъ въ Лодзь генералъ Лесовскій съ 2 батал., 2 эскадр. и 2 конными орудіями. Довольно высокая цѣна за муку и немедленный расчетъ наличными деньгами, привлекли мѣстныхъ жителей къ поставкамъ.

Вслѣдствіе всего этого, когда армія покинула Ловичъ, то войска имѣли въ ранцахъ и въ полковыхъ фурахъ 13-ти дневный запасъ провіанта. Кромѣ того въ Ловичѣ оставалось 6000 четвертей муки; при помощи закупокъ и поставокъ туда-же ежедневно доставлялось 200—300 четвертей, не считая подвозовъ отъ пункта переправы. Такимъ образомъ, не смотря на недостатокъ перевозочныхъ средствъ, продовольствіе арміи было обезпечено. Въ этомъ интендантскомъ дѣлѣ гр. Паскевичъ обнаруживалъ обычное свое искусство и предусмотрительность (413).

Дѣйствія Ридигера.

По окончаніи похода противъ Янковскаго и Хржановскаго *), Ридигеръ съ 11200 чел. при 24 орудіяхъ занималъ Люблинское воеводство. Въ составъ его отряда входили: 10-я пѣхотная, 1-я драгунская и 2-я конно-егерская дивизіи, 1-я бригада 1-й конно-егерской дивизіи и два казачьихъ полка: Кирѣева и Хоперскаго, всего 5100 чел. пѣхоты и 6100 конницы. Назначеніе Ридигера состояло въ томъ, чтобы удерживать Люблинское воеводство и прикрывать его со стороны Вислы и Вепржа, поддерживая связь съ войсками Кайсарова, охранявшими границу Волыни. Такъ какъ войска Ридигера принадлежали къ составу 1-й арміи фельдмаршала Сакена, то обо всѣхъ распоряженіяхъ Паскевича Ридигеръ долженъ былъ предварительно доносить Сакену, испрашивая у него разрѣшеніе на приведеніе ихъ въ исполненіе. Войска Ридигера были расположены слѣдующимъ образомъ: одинъ казачій полкъ занималъ линію аванпостовъ

*) См. карту театра войны.

отъ Уржендова до устья Вепржа; эскадронъ регулярной кавалеріи по Вепржу отъ Баранова до Коцка; резервы передовыхъ постовъ, подъ начальствомъ ген. Тимана,—въ Куровѣ и Бѣлжицѣ. Вторая линія, лѣвѣе предъидущей, отъ Красника до Избицы, была занята другимъ казачьимъ полкомъ, имѣвшимъ резервъ въ Высокомъ; 3 эскадрона были расположены въ Грубешовѣ и держали связь съ третьей линіей аванпостовъ, занятой войсками Кайсарова и проходившей отъ Избицы на юго-западъ къ австрійской границѣ мимо Замостья: одна драгунская бригада и пѣхота съ артиллеріей находились у Люблина; одна драгунская бригада у Быхавы; одна конно-егерская у Красностова, другая у Любартова и третья—у Кіаны. Противъ Ридигера на верхней Вислѣ въ половинѣ іюня стояли два польскихъ корпуса: Ромарино съ 6500 чел. занималъ Потычъ, а Хржановскій съ 5000 охранялъ теченіе Вислы отъ Завихостья до р. Пилицы, имѣя главныя силы въ Гнѣвашевѣ.

Приготовляясь къ движенію на нижнюю Вислу, Паскевичъ желалъ развлечь вниманіе противника и предложилъ также Ридигеру переправиться чрезъ верхнюю Вислу, поддерживая связь съ Головинымъ, долженствовавшимъ дѣйствовать по Сѣдлецкому шоссе. Ридигеръ немедленно донесъ объ этомъ Сакену, прося его также прислать подкрѣпленій, а для обезпеченія тыла приказать Кайсарову блокировать Замостье. Въ ожиданіи просимаго разрѣшенія Ридигеръ озаботился приготовленіемъ матеріаловъ къ переправѣ, произвелъ рекогносцировку берега Вислы и поручилъ служившему во флотѣ доктору Далю (извѣстному писателю) произвести у Ванвольницы постройку понтоновъ. Для продовольствія отряда заготовленъ былъ, частью путемъ реквизиціи, частью поставкой отъ подрядчиковъ, 22-хъ дневный запасъ сухарей, перевозка которыхъ должна была производиться на собранныхъ въ воеводствѣ 600 подводахъ. Между тѣмъ въ концѣ іюня онъ получилъ отъ Головина извѣстіе о намѣреніи послѣдняго наступать къ Минску, для чего онъ просилъ у Ридигера содѣйствія. Ридигеръ не могъ исполнить этой просьбы въ виду возложеннаго на него порученія, но обѣщалъ выслать одну бригаду кавалеріи, если Головину удастся оттянуть Ромарино къ Сѣдльце. Когда Ридигеръ получилъ извѣстіе о томъ, что Головинъ оттѣсненъ къ Сѣдльце, то для обезпеченія себя справа сосредоточилъ 2-ю конно-егерскую дивизію у Коцка. Разъѣзды Пашкова доходили до Желехова, Лукова и Мендзыржеца. Скржинецкій, полагая что самъ Ридигеръ слѣдуетъ за ними, выдвинулъ отрядъ Ромарино къ Лукову и Коцку, который, послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ стычекъ, убѣдился, что Ридигеръ находится въ Люблинѣ; вскорѣ Ромарино былъ оттянутъ назадъ. 2-го іюля получено было разрѣшеніе Сакена на переправу корпуса Ридигера и увѣдомленіе, что ему послано подкрѣпленіе изъ 4-хъ полковъ 11-й пѣх. дивизіи и двухъ 1-й конно-егерской; Кайсарову-же приказано блокировать Замостье. Такимъ образомъ силы Ридигера съ прибытіемъ подкрѣпленій должны были возрости почти до 17000 чел. при 56 орудіяхъ. Теперь уже представлялась возможность переправиться черезъ Вислу, чтобы вторженіемъ въ Сандомірское воеводство принудить поляковъ раздѣлить свои силы, прервать ихъ сообщенія съ Краковомъ и разсѣять народное ополченіе. Выборъ мѣста переправы былъ предоставленъ усмотрѣнію Ридигера. Назначивъ для этого Юзефовъ, онъ отправилъ туда бар. Гейсмара съ 2-мя полками пѣхоты, 2-мя эскадронами драгунъ, 1 казачьимъ полкомъ и 6-ю орудіями; ген. Плахово, находясь съ 6-ю эскадронами драгунъ въ Бѣлжицѣ, подкрѣплялъ Гейсмара; Давыдовъ съ бригадою конныхъ егерей и казачьимъ полкомъ наблюдалъ Вислу до устья Вепржа и дѣлалъ демонстрацію переправы у Пулавъ; 1-я бригада 2-й конно-егерской дивизіи должна была наблюдать Вепржъ у Коцка, а 2-я бригада поддерживать связь съ Кайсаровымъ; Брян-

ский пѣх. полкъ съ 3-мя эскадронами конныхъ егерей и 8-ю орудіями оставленъ былъ въ Люблинѣ; самъ Ридигеръ съ главными силами перешелъ въ Гарбовъ (414).

24-го іюля мостъ, строившійся подъ руководствомъ Даля *), былъ оконченъ и войска Ридигера (14 бат., 29 эск., 2 полка казаковъ, всего 12000 чел. съ 42 ор.), прогнавъ ополченія, показавшіяся на лѣвомъ берегу Вислы и не оказавшія никакого сопротивленія, перешли рѣку 25-го и 26-го числа. Для защиты моста были оставлены 2 полка пѣхоты и 10 орудій, подъ начальствомъ ген. Слатвинскаго. Люблинское воеводство было занято отрядомъ ген. Кайсарова, который облагалъ также Замостье съ 6-ю пѣхотными, 3-мя гусарскими и 1 казачьимъ полками; одинъ гусарскій полкъ стоялъ въ Грубешовѣ.

По полученіи въ Варшавѣ извѣстій о готовившейся переправѣ Ридигера, немедленно былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Сандомірскаго, Калишскаго и Краковскаго воеводствъ генер. Рожицкій, недавно вернувшійся изъ похода съ Дембинскимъ. Собранныя на верхней Вислѣ войска были раздѣлены на два отряда: одинъ, подъ начальствомъ полк. *Коленковскаго* (изъ 2-хъ баталіоновъ 22-го полка, Сандомірскихъ стрѣлковъ и другихъ мелкихъ частей), силою всего около 1700 чел., стоялъ у Казимержа, наблюдая за теченіемъ Вислы отъ устья Пилицы до Яновца; другой (изъ баталіона 22-го линейнаго полка, баталіона Русско-Литовскаго легіона, стрѣлковъ Гротгуса и 450 всадниковъ Волынскаго полка, Рожицкаго) всего числительностью около 1500 чел., подъ начальствомъ полк. *Шептицкаго*, занималъ Тарловъ и Павловскую-Волю. Эти войска должны были усилиться бывшимъ партизанскимъ отрядомъ Рожицкаго, въ числѣ 1000 чел. съ 4 орудіями, изъ отряда Дембинскаго, слѣдовавшими подъ начальствомъ полк. Обуховича, форсированными маршами, изъ Варшавы въ Радомъ. Такимъ образомъ всѣ силы Рожицкаго простирались до 4200 чел. Кромѣ того въ трехъ подчиненныхъ ему воеводствахъ генералы: Вейсенгофъ, Каменскій, Стрыенскій, Бернацкій и др. заняты были формированіемъ ополченія, что, впрочемъ, медленно подвигалось впередъ, за недостаткомъ оружія и снаряженія. Задача Рожицкаго заключалась въ томъ, чтобы собрать всѣ матеріальныя и боевыя средства края, ускорить поголовное ополченіе, удерживать русскихъ на всей границѣ воеводства, между Опатовомъ и Ченстоховомъ и, наконецъ, прикрывать склады и заводы, находившіеся въ главныхъ городахъ страны. Такъ въ Конскѣ и въ Кельцахъ были большіе чугунные и желѣзные заводы, снабжавшіе инсургентовъ оружіемъ, а въ городахъ Калишскаго и Краковскаго воеводствъ, содержались русскіе плѣнные. Рожицкій, введенный въ заблужденіе демонстраціями Ридигера и расположеніемъ его главныхъ силъ у Гарбова, полагалъ, что русскіе переправятся у Казимержа и двинутся на соединеніе съ главною арміею гр. Паскевича, и потому онъ рѣшился занять оборонительную линію Радомки и Пилицы,

*) Ридигеръ для постройки моста назначилъ особый комитетъ, а проектъ постройки и непосредственное ея исполненіе были возложены на доктора (бывшаго лейтенанта флота и извѣстнаго писателя) Даля и генер. штаба капитана Семякина. Даль прінскалъ около с. Ванвольницы небольшое озеро, построилъ на немъ 14 лодокъ и паромъ на бочкахъ, необходимые для перваго дессанта, и, въ ожиданіи собиравшихся съ большими затрудненіями матеріаловъ (канаты, гвозди, якоря и пр.), обучалъ набранныхъ изъ полковъ людей мастеровымъ работамъ, обучалъ гребцовъ и показывалъ какъ закидывать канаты и вязать плоты. Когда было все готово, Семякинъ произвелъ съ баталіономъ демонстрацію къ Пулавамъ, а заготовленныя лодки и паромъ были перевезены, сухимъ путемъ, къ Юзефову и спущены на Вислу, гдѣ послужили для переправы передоваго отряда, занявшаго противолежащій возвышенный полуостровъ, хорошо прикрывавшій работы по постройкѣ мостовъ.

Впослѣдствіи, двигаясь къ Пилицѣ, Ридигеръ приказалъ Далю спустить этотъ мостъ къ Подгурже, гдѣ онъ былъ окончательно установленъ 15 августа (415).

укрѣпить Радомъ и, опираясь на послѣдній, дѣйствовать противъ лѣваго фланга русскихъ. Прибывъ въ Сенно для осмотра войскъ, Рожицкій неожиданно узналъ о переправѣ Ридигера у Юзефова и движеніе его къ Радому. Отправившись немедленно въ Опатовъ, Рожицкій принялъ начальство надъ отступившимъ изъ Тарлова отрядомъ Шептицкаго; онъ рѣшился держаться строго оборонительныхъ дѣйствій и прежде всего собрать разсѣянныя на большомъ пространствѣ войска. Изъ Опатова Рожицкій направился въ Островецъ, перешелъ тамъ р. Каміонку и двинулся къ Илжѣ (416).

Задача, предстоявшая Ридигеру послѣ переправы, указана выше; между прочимъ онъ долженъ былъ установить и поддерживать связь съ главною арміей; но до прибытія ея въ Блоне, ему предписывалось не удаляться отъ переправы далѣе 2—3 переходовъ и дѣйствовать только на сообщенія противника съ Краковомъ; съ прибытіемъ-же главной арміи къ Блоне онъ долженъ былъ наступать чрезъ Радомъ къ Равѣ и войти съ нею въ связь чрезъ Мшоновъ. 25-го іюля, во время переправы Ридигера у Юзефова, главная армія находилась въ Ловичѣ и его окрестностяхъ; Ридигеръ рѣшился двинуться на Радомъ, чтобы приблизиться къ ней и перевести мостъ отъ Юзефова къ Подгурже, на прямомъ пути изъ Люблина въ Радомъ. Одновременно съ этимъ онъ намѣревался очистить отъ непріятеля берегъ Вислы и уничтожить всѣ средства для переправы противника на верхнемъ теченіи рѣки. Съ этою цѣлью Ридигеръ раздѣлилъ свои войска на четыре части: а) авангардъ подъ начальствомъ *Гейсмара* (19 и 20 егерскіе, Кинбурнскій и Новороссійскій и 1 казачій полки съ 8 орудіями, всего 3500 чел.) долженъ былъ двинуться, 26-го іюля, изъ Павловской-Воли въ Липско; б) отрядъ *пр. Адама Виртемберскаго* (Каргопольскій драгунскій и Орловскій пѣхотный полки съ 4 орудіями, всего около 1400 чел.) направленъ былъ въ Тарловъ и Опатовъ, вслѣдъ за отрядомъ Шептицкаго; в) *графъ Тиманъ* съ Дерптскимъ конно-егерскимъ полкомъ, силою около 450 чел., долженъ былъ двинуться на Сандоміръ; наконецъ г) *главныя силы* изъ 4-хъ пѣхотныхъ, 4-хъ конно-егерскихъ и 1 казачьяго полковъ, всего около 7000 чел., подъ личнымъ начальствомъ Ридигера, направлялись за авангардомъ Гейсмара, въ готовности поддержать и прочіе два отряда. 27-го числа Гейсмаръ достигъ Цепелова, Ридигеръ—Липско; пр. Виртембергскій, узнавъ въ Ожаровѣ, что занимавшій его непріятель направился къ Илжѣ и Радому, усилился четырьмя эскадронами Нѣжинскаго конно-егерскаго полка изъ главныхъ силъ и тотчасъ повернулъ туда, въ намѣреніи атаковать противника у Островеца, но не могъ его нагнать. Ридигеръ, получивъ извѣстіе о слѣдованіи отряда Коленковскаго изъ Яновца въ Радомъ, приказалъ принцу преслѣдовать Рожицкаго, а для пресѣченія полякамъ пути на Радомъ двинулъ изъ авангарда, подъ начальствомъ генер. Квитницкаго, 1 баталіонъ, 4 эскадрона и 2 орудія на Илжу. Для уничтоженія отряда Коленковскаго остальныя войска Гейсмара были направлены форсированнымъ маршемъ въ тылъ противнику къ Границѣ. 2 баталіона, 3 эскадрона и 2 орудія, подъ начальствомъ генер. Плахово, наступали изъ Липско въ Зволинъ; а подп. Черкасовъ съ 1 батал., 2 эскадр. и 2 ор. двинутъ былъ противъ Коленковскаго съ фронта, на Яновецъ *); наконецъ остальныя войска Ридигера направились въ Цепеловъ. 28-го іюля Квитницкій настигъ Рожицкаго въ Илжѣ и, не дождавшись пр. Виртембергскаго, атаковалъ превосходнаго непріятеля (около 2000 чел.). Рожицкій наскоро баррикадировалъ улицы, одинъ баталіонъ и Волынскій конный полкъ выдвинулъ передъ городъ, дома по окраинѣ занялъ стрѣлковымъ баталіономъ, а костелъ, торговую площадь и прочія улицы остальными

*) См. карту театра войны между верхней Вислой и Пилицей.

войсками. Баталіонъ Квитницкаго повелъ атаку на городъ, ворвался въ него и занялъ центральную площадь; но, поражаемый огнемъ превосходнаго непріятеля, укрытаго домами, долженъ былъ отступить; въ тоже время наши драгуны, къ сѣверу отъ города, были атакованы и опрокинуты волынцами; пользуясь замѣшательствомъ, Рожицкій отступилъ на Шидловецъ. Въ это время Гейсмаръ достигъ блестящаго успѣха. Коленковскій, узнавъ что онъ окруженъ войсками Ридигера, рѣшился, измѣнивъ направленіе движенія, пробираться на сѣверъ къ Гнѣвашеву. До Границы онъ достигъ благополучно, но тамъ былъ атакованъ Гейсмаромъ. Построивъ каре, Коленковскій оказывалъ рѣшительное сопротивленіе, но когда 2 его каре были прорваны кинбурнскими драгунами, а 2 орудія захвачены, тогда онъ бросился для спасенія въ ближайшій лѣсъ, но былъ предупрежденъ тамъ егерями Гейсмара. Окруженный со всѣхъ сторонъ и потерявъ уже 2 ор. и до 300 чел. убитыми, Коленковскій съ 17 офиц. и 505 нижн. чин. положилъ оружіе; только 170 чел. изъ резерва спаслись, пробравшись по лѣсамъ на соединеніе съ Рожицкимъ.

Убѣдившись въ слабости противника, Ридигеръ рѣшился дѣйствовать смѣлѣе и приказалъ прежде всего, для сокращенія сообщенія съ Люблиномъ, перевести мостъ, подъ прикрытіемъ Елецкаго пѣх. полка, изъ Юзефова къ Подгурже, близь Казимержа. Гр. Тиманъ, возвратившійся изъ своей экспедиціи въ Сандоміръ, высланъ былъ съ Полтавскимъ пѣхотнымъ и Дерптскимъ конно-егерскимъ полками и 4 орудіями въ Конскъ; онъ долженъ былъ занять этотъ пунктъ 1-го августа, разсѣявъ по пути народныя ополченія и истребивъ непріятельскіе запасы и склады; пр. А. Виртембергскій долженъ былъ занять Радомъ, а по прибытіи туда главныхъ силъ—преслѣдовать Рожицкаго; ему же поручено было открыть связь съ главной арміей, посредствомъ высылки небольшаго отряда къ Новемясту на Пилицѣ. Квитницкій направленъ на присоединеніе къ авангарду Гейсмара въ Гнѣвашевъ; Ридигеръ перешелъ черезъ Зволинъ въ Радомъ.

Рожицкій послѣ боя у Илжи двинулся къ Радому, но, узнавъ что этотъ пунктъ занятъ русскими, пріостановился, а 30-го числа обратился на Закржевъ въ намѣреніи соединиться съ отрядомъ Обуховича, переправившимся уже чрезъ Пилицу; но у Закржева былъ атакованъ пр. Вертембергскимъ и, послѣ упорнаго боя, долженъ былъ отступить къ Пржилыку, гдѣ къ нему присоединился отрядъ Обуховича и спасшіеся 170 чел. отряда Коленковскаго.

Между тѣмъ Ридигеръ 31-го іюля прибылъ въ Радомъ и притянулъ къ себѣ Гейсмара. Ничего объ этомъ не зная, Рожицкій въ ночь на 1 августа скрытно двинулся туда, въ намѣреніи атаковать пр. Виртембергскаго и только подойдя къ городу узналъ о прибытіи Ридигера. Рожицкій могъ двинуться на сѣверъ, но тогда отрѣзывался отъ южныхъ территорій, а на переправѣ чрезъ Пилицу могъ быть настигнутымъ Ридигеромъ; перенеся же операціи на югъ, онъ присоединялъ къ себѣ подкрѣпленія, находившіяся во Мніовѣ, и могъ въ благопріятной мѣстности продолжать борьбу. По этимъ соображеніямъ онъ двинулся въ Шидловецъ, куда прибылъ 1-го августа Между тѣмъ Тиманъ, уничтожая по пути своего движенія оружейныя фабрики и заводы и захвативъ баталіонъ ополченцевъ, прибылъ 1-го августа въ Конскъ. Рожицкій двинулся для противодѣйствія Тиману туда-же 2-го августа. Ридигеръ, узнавъ, что Рожицкій усилился отрядомъ Обуховича, рѣшился самъ его преслѣдовать и выступилъ 1-го августа, оставивъ въ Радомѣ Орловскій пѣх. полкъ и 6 ор., подъ начальствомъ пр. Виртембергскаго. Рожицкій 2-го числа подошелъ къ Конску, который оказался очищеннымъ гр. Тиманомъ, отступившимъ къ Пржисухѣ, вслѣдствіе ложнаго извѣстія будто бы на соединеніе съ Рожицкимъ двигается отрядъ Ромарино. Рожицкій занялъ городъ и расположился къ востоку отъ него на сильной позиціи. Поздно вечеромъ, Ридигеръ, пройдя полосу лѣсовъ, показался въ виду непріятельскихъ биваковъ; по множеству костровъ, пылавшихъ на обширномъ пространствѣ этихъ биваковъ, онъ догадался, что имѣетъ передъ собою не Тимана, а Рожицкаго. Немедленная атака была невозможна, вслѣдствіе того, что отрядъ Ридигера растянулся при движеніи по лѣснымъ дефиле. Между тѣмъ Рожицкій, извѣщенный аванпостами о прибытіи русскаго отряда, поспѣшно отступилъ. Ридигеръ занялъ Конскъ, но не преслѣдовалъ непріятеля, такъ какъ, во-первыхъ, кавалерія его сильно отстала въ лѣсу; во-вторыхъ, онъ ощущалъ недостатокъ въ продовольствіи и, въ-третьихъ, онъ получилъ увѣдомленіе отъ Паскевича о предполагавшемся наступленіи главной арміи, причемъ ему предложено было приблизиться къ ней чрезъ Раву. 4-го августа Ридигеръ двинулся изъ Конска обратно въ Радомъ.

Приглашеніе Паскевича противорѣчило предписанію фельдмаршала Сакена, воспрещавшаго, въ видахъ обезпеченія Люблинскаго воеводства и надежнаго прикрытія границъ Волыни, переходить за Пилицу. Кромѣ того при движеніи на Раву Рожицкому предоставлялась свобода дѣйствій и непріятель могъ пользоваться средствами очищаемаго края; наконецъ приходилось отказаться отъ мысли объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ, содержавшихся въ Калишскомъ воеводствѣ; по всѣмъ этимъ соображеніямъ Ридигеръ просилъ у Паскевича разрѣшенія остаться на правомъ берегу Пилицы. Въ ожиданіи этого разрѣшенія, войска его расположились слѣдующимъ порядкомъ: гр. Тиманъ съ однимъ конно-егерскимъ полкомъ занималъ Вержбицу и наблюдалъ за Рожицкимъ; пр. Виртембергскій съ 4 эскадронами и 2-мя конными орудіями стоялъ въ Пржилыкѣ и наблюдалъ дороги изъ Варшавы чрезъ Новемясто и Бялобржеги въ Конскъ; Кирѣевъ со своими казаками, находясь въ Гловачевѣ, содержалъ аванпосты по Пилицѣ и наблюдалъ переправы у Варки и Мнишева. Орловскій пѣх. полкъ и 2 эскадрона драгунъ были посланы въ Подгурже на смѣну Елецкаго полка и 1 эскадрона драгунъ, которые должны были выступить къ Радому вмѣстѣ съ прибывшимъ въ Подгуржѣ 31-го іюля Сѣвскимъ пѣх. полкомъ и обозомъ; остальныя войска занимали Радомъ.

Между тѣмъ Рожицкій изъ Конска отступилъ въ Мніовъ и усилился тамъ кавалерійскимъ отрядомъ Кушеля, 6-мъ Краковскимъ пѣхотнымъ полкомъ и Краковскимъ стрѣлковымъ баталіономъ (всего около 2.000 чел.), такъ что числительность его отряда возросла до 6.000 чел. при 10 орудіяхъ. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать наступательно и перешелъ снова въ Шидловецъ, откуда могъ прикрывать Калишское и Краковское воеводства. Тамъ къ нему присоединились различныя подкрѣпленія и довели числительность его отряда до 8.000 чел. Оттуда Рожицкій выслалъ на пути сообщенія Ридигера, въ лѣса между Гнѣвашовомъ и Радомомъ, небольшой партизанскій отрядъ Гедройца, а самъ 9-го августа двинулся чрезъ Вержбицу въ Скарышевъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, сблизиться съ Гедройцомъ и оказать ему при надобности поддержку, а съ другой—тревожить Ридигера и по возможности препятствовать его соединенію съ главною арміею. Скрываясь въ лѣсахъ, раздѣляясь на малые отряды, перемѣняя мѣста своего расположенія, угрожая Подгурже и пр., Рожицкій сильно тревожилъ Ридигера, который долженъ былъ ограничиться лишь наблюденіемъ за нимъ посредствомъ отрядовъ Тимана, пр. Виртембергскаго и Гейсмара.

Между тѣмъ Гедройцъ 8-го августа захватилъ, въ 8 верстахъ отъ Радома, у с. Гржемучина, русскій транспортъ съ овсомъ. Ридигеръ, узнавъ объ этомъ, выслалъ подп.

Булгарова съ 2 баталіонами и 2 эскадронами для преслѣдованія Гедройца, а подп. Черкасова съ 1 батал. и нѣсколькими казаками направилъ ему въ тылъ. Булгаровъ 10-го августа настигъ у Квятки-Крулевской Гедройца, разбилъ и взялъ въ плѣнъ его самого и 117 чел.; лишь немногимъ удалось спастись. Узнавъ объ этомъ и тѣснимый Гейсмаромъ, Рожицкій отступилъ изъ Скарышева чрезъ Илжу въ Островецъ, гдѣ 11-го августа занялъ позицію за р. Каміонкою, въ ожиданіи подкрѣпленій. Между тѣмъ въ тотъ-же день Ридигеръ получилъ отъ Паскевича предписаніе отправить на соединеніе съ главною арміею только 10-ю пѣх. дивизію, а съ остальными войсками продолжать наблюденіе за Рожицкимъ. Не успѣлъ онъ исполнить еще это приказаніе, какъ оно было отмѣнено въ виду высылки поляками изъ Варшавы отряда Ромарино на Гарволинъ. Не зная куда онъ направится, Паскевичъ приказалъ Ридигеру обратить вниманіе на мостъ у Подгурже и воздержаться пока высылкой 10-й дивизіи. Но Ридигеръ, получивъ ложное, какъ оказалось, извѣстіе, что Ромарино отступилъ въ Варшаву, 18-го августа отправилъ въ Надаржинъ къ главной арміи Гейсмара съ 10-й пѣх. дивизіей. Между тѣмъ Рожицкій, усилившись 1000-ью человѣкъ, 13-го августа снова занялъ Илжу и, уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, продолжалъ малую войну. Ридигеръ, выдѣливъ изъ 10-ти оставшихся у него баталіоновъ 4 для охраненія моста у Подгурже, а 2 для прикрытія радомскихъ его магазиновъ и обоза, съ остальными четырьмя баталіонами не могъ предпринять ничего рѣшительнаго и потому обѣ стороны до 22-го августа ограничивались лишь взаимнымъ наблюденіемъ.

Разсматривая военныя дѣйствія за очерченный періодъ времени, можно замѣтить, что обѣ стороны дѣйствовали весьма искусно. Ридигеръ сдѣлалъ своевременно всѣ приготовленія къ переправѣ и успѣлъ своими, хорошо расчитанными, демонстраціями, ввести непріятеля въ заблужденіе относительно мѣста выбраннаго для устройства моста. Совершивъ безпрепятственно переправу, Ридигеръ прежде всего старался расширить свою базу, очистилъ берегъ отъ непріятеля, возстановилъ, переводомъ моста въ Подгурже, кратчайшее сообщеніе и, имѣя противъ себя слабѣйшаго противника, не опасался раздѣлить свои силы на нѣсколько отрядовъ. Если при этомъ Квитницкій потерпѣлъ пораженіе при Илжѣ, то исключительно по своей собственной винѣ. Наткнувшись на вдвое превосходнаго числительностью непріятеля, онъ вмѣсто того, чтобы выждать пр. Виртембергскаго, который долженъ былъ прибыть съ минуты на минуту, ввязался въ бой и жестоко поплатился за свое неосновательное презрѣніе къ непріятелю. Эта неудача нашла противовѣсъ въ блистательномъ разгромѣ Гейсмаромъ Коленковскаго. Ошибка другаго подчиненнаго Ридигера—гр. Тимана—разрушила планъ начальника отряда относительно задуманнаго имъ удара Рожицкому у Конска. Однимъ словомъ и въ этихъ операціяхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, можно замѣтить недостатокъ боевой подготовки у многихъ нашихъ частныхъ начальниковъ. При оцѣнкѣ дѣйствій Ридигера необходимо имѣть въ виду составъ его отряда, не отвѣчавшій характеру лѣсистой и пересѣченной мѣстности страны; кавалерія была слишкомъ значительна числомъ по сравненію съ пѣхотой. Сочувствіе жителей инсургентамъ настолько-же облегчало дѣйствія Рожицкаго, сколько затрудняло наши. Дальнѣйшія дѣйствія Ридигера по необходимости принимаютъ пассивный характеръ.

Рожицкій показалъ себя достойнымъ соперникомъ Ридигера и отличнымъ партизаномъ. Съ слабѣйшими, большею частью плохо обученными, войсками онъ ведетъ непрерывную, утомительную борьбу съ своимъ противникомъ. Отлично пользуясь мѣстностью, уклоняясь отъ столкновеній съ превосходнымъ непріятелемъ, онъ немедленно переходитъ въ наступленіе, какъ только ему удается собрать значительныя силы или

напасть на слабѣйшаго противника. Такъ, разбивъ Квитницкаго, онъ не увлекается преслѣдованіемъ, но отступаетъ передъ превосходнымъ отрядомъ пр. Виртембергскаго; соединившись съ Обуховичемъ, онъ намѣревается врасплохъ напасть на пр. Виртембергскаго въ Радомѣ, но, узнавъ, что этотъ городъ занятъ уже Ридигеромъ—уклоняется отъ неравнаго боя; тотъ-же характеръ носятъ его дѣйствія у Конска противъ Тимана и Ридигера. Наконецъ его малая война у Скарышова совершенно связываетъ руки Ридигеру, который становится такъ сказать въ оборонительное положеніе. Пораженіе Гедройца приводитъ Рожицкаго къ необходимости отступленія къ Илжѣ, что онъ совершаетъ съ свойственнымъ ему искусствомъ ([417]).

ГЛАВА XIV.

Штурмъ Варшавы. Заключительныя дѣйствія главныхъ силъ и отдѣльныхъ корпусовъ.

Дѣйствія главной русской арміи до штурма Варшавы.

Медленныя и вялыя дѣйствія Скржинецкаго давно уже вооружили противъ него общественное мнѣніе, въ особенности-же якобинцевъ „патріотическаго общества“ и преданныхъ имъ журналистовъ, ненавидившихъ его еще за наклонность къ дипломатическимъ переговорамъ и аристократическія убѣжденія. Сеймъ, принужденный уступить общему негодованію, отправилъ 28-го іюля коммисію въ Болимовъ, составленную изъ членовъ правительства, сената и камеры депутатовъ, съ полномочіемъ дѣйствовать сообразно съ опаснымъ положеніемъ отечества. Коммисія, созвавъ военный совѣтъ (въ которомъ приняли участіе даже нѣкоторые младшіе офицеры съ ближайшихъ биваковъ, что, по словамъ Хржановскаго, произвело настоящій скандалъ и нанесло субординаціи послѣдній ударъ), старалась изслѣдовать положеніе дѣла, причемъ почти всѣ присутствующіе высказались противъ излишней осторожности и малой предпріимчивости Скржинецкаго, не желавшаго принять сраженія ранѣе какъ подъ стѣнами Варшавы. Тогда депутація, отрѣшивъ Скржинецкаго отъ командованія арміей, облекла временно его званіемъ Дембинскаго. Скржинецкій вызвался командовать резервами. Окончательный выборъ главнокомандующаго долженъ былъ принадлежать сейму. Послѣдній предложилъ Пронздзинскому стать во главѣ арміи, но тотъ, опасаясь упрековъ въ интриганствѣ, въ преднамѣренномъ содѣйствіи устраненію Скржинецкаго, чтобы очистить себѣ мѣсто, отклонилъ это предложеніе; кромѣ того, по словамъ Пронздзинскаго, онъ чувствовалъ себя способнымъ направлять операціи хотя-бы стотысячной арміи, но не могъ держать въ повиновеніи и тысячи человѣкъ. Между тѣмъ Дембинскій въ тотъ-же день пригласилъ къ себѣ для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, назначенныхъ коммисіей, по недовѣрію къ его полководческимъ способностямъ ([418]), начальника штаба—Лубенскаго и генералъ-квартирмейстера Пронздзинскаго *). Послѣдній предложилъ главнокомандующему попытаться покончить борьбу мирными переговорами, и уже въ случаѣ ихъ неудачи открыть военныя дѣйствія. Планъ его заключается въ слѣдующемъ. Польская армія въ это время получила новую организацію: главныя силы состояли изъ 2-хъ корпусовъ—1-го, подъ командою Уминскаго, и 2-го, подъ командою Ромарино; каждый изъ нихъ состоялъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій и 2-хъ кавалерійскихъ бригадъ (пѣхотныя дивизіи: 1-я Рыбинскаго, 4-я Мюльберга, 5-я Сѣравскаго и 6-я вновь сформированная изъ пѣхоты Хржановскаго, Ромарино и Вѣлинскаго), резервъ состоялъ изъ 3-ей пѣх. дивизій Малаховскаго и трехъ кавалерійскихъ дивизій—Ягмина, Турно и Скаржинскаго, и резервной артиллеріи Хоржевскаго, начальникомъ резерва былъ Скржинецкій, а его кавалеріи Хржановскій. Наступленіе этой арміи черезъ Неборовъ на Ловичъ не обѣщало полякамъ особенныхъ выгодъ, даже въ случаѣ успѣха, такъ какъ приводило къ отпору русскихъ за Бзуру по направленію къ ихъ базѣ, и укрѣпленія Ловича давали возможность русскимъ къ свободному переходу. Между тѣмъ полякамъ въ ихъ положеніи нуженъ былъ рѣшительный успѣхъ. Поэтому Пронздзинскій предполагалъ со всею арміею дебушировать у Сохачева и Коціержева, раздавить авангардъ 1-го корпуса и кавалерію Ностица, находившіеся передъ этими дебуше и затѣмъ двинуться безостановочно, чтобы дать сраженіе на лѣвомъ берегу Бзуры, и бросить на шоссе отрядъ для прегражденія сообщеній русской арміи съ Кутно. Паскевичъ не могъ дозволить отрѣзать его сообщенія съ Торномъ и связь съ Крейцомъ, а потому долженъ былъ принять сраженіе. Если при этомъ поляки рисковали при неудачѣ быть отрѣзанными отъ Сохачева, то и русскіе, въ случаѣ проигрыша сраженія, отбрасывались отъ своей базы въ сторону возбужденную возстаніемъ и враждебную имъ. Притомъ положеніе поляковъ было таково, что они должны были рисковать всѣмъ, чтобы выиграть все *) ([420]). Дембинскій, по совѣщаніи съ Хржановскимъ и Скржинецкимъ, отвергъ предложеніе Пронздзинскаго изъ опасенія, что Паскевичъ или атакуетъ польскую армію на лѣвомъ берегу Бзуры и, пользуясь превосходствомъ силъ, припретъ ее къ Вислѣ, или-же, оставивъ армію безъ вниманія, двинется по кратчайшему направленію на Варшаву и займетъ ее безъ сопротивленія. Тогда составленъ былъ новый планъ для атаки русской арміи на правомъ берегу Бзуры. Ромарино долженъ былъ выбить русскихъ изъ Неборова, а затѣмъ, принявъ влѣво, атаковать ихъ правый флангъ; Хржановскій, содѣйствуя сперва Ромарино въ атакѣ Неборова, долженъ былъ затѣмъ, составляя правое крыло, сдерживать русскихъ между Бзурой и Неборовомъ. Рыбинскій, съ цѣлью демонстраціи, направлялся отъ Сохачева по лѣвому берегу Бзуры къ Ловичу. Между тѣмъ Хржановскій полагалъ, что имѣвшіяся въ его распоряженіи силы (12 баталіоновъ, изъ которыхъ половина вновь сформированныхъ, 20 эск. и 26 ор.), совершенно недостаточны для выполненія возложенной на него задачи ([421]), а на содѣйствіе Рыбинскаго, направленнаго по другому берегу рѣки, онъ не расчитывалъ. Свой взглядъ онъ высказалъ Дембинскому, вслѣдствіе чего и это предполагавшееся сраженіе было отложено. Дембинскій былъ весьма доволенъ такимъ рѣшеніемъ дѣла, потому что имѣлъ свой собственный планъ операцій. Онъ полагалъ, что военныя дѣйствія слѣдовало перенести въ Литву, а для этого прежде всего отвести армію подъ защиту варшавскихъ верковъ; административный-же центръ края съ разными запасами перенести въ Модлинъ, который снабдитъ 10-ти тысячнымъ гарнизономъ. Затѣмъ онъ полагалъ раздѣлить армію на двѣ части: одна изъ нихъ задерживаетъ русскихъ передъ Варшавой, другая, около 30 т., бросается на Розена, разбиваетъ его и овладѣваетъ Брестомъ; оттуда она дѣйствіемъ противъ Кайсарова, Ридигера и пр., всѣхъ ихъ разбиваетъ и соединяется съ Рожицкимъ; въ то-же время часть оставленная въ Варшавѣ переправляется на правый берегъ Вислы, равно какъ и другіе отряды, и дѣйствуютъ всѣ во взаимной связи для дости-

*) Дембинскій самъ желалъ выбрать себѣ помощниковъ, но народное правленіе, все болѣе и болѣе вмѣшивавшееся въ военное дѣло, заставило его принять указанныхъ лицъ ([419]).

*) Излагая этотъ планъ, Пронздзинскій вспоминаетъ Александра, возвращавшагося изъ Египта, Аннибала въ Италіи, Цезаря при Фарсалѣ и русскихъ при Куннерсдорфѣ, которые не задумывались принять бой, не имѣя пути отступленія.

женія главной цѣли. Въ случаѣ переправы русской арміи на правый берегъ Вислы, половина польской арміи, оставленная противъ Варшавы, отходитъ назадъ и дѣйствуетъ въ связи съ Дембинскимъ, который отходитъ къ берегамъ болотистой Шары, входитъ въ связь съ Вильной, а въ случаѣ надобности направляется къ Пинску, гдѣ дѣйствуетъ въ связи съ Подоліей, Украиной и возставшимъ Царствомъ Польскимъ (422). Въ видахъ исполненія этого страннаго, фантастическаго плана, Дембинскій приказалъ войскамъ въ ночь со 2-го на 3-е августа отступить изъ Болимова къ Шиманову, разрушивъ мосты на Равкѣ; правофланговому корпусу Уминскаго и резервному Скржинецкаго—двинуться на Тополову; лѣвофланговому Ромарино—къ Шиманову; обозъ еще ранѣе былъ отправленъ въ Варшаву.

Русская армія съ 26-го іюля и до 2-го августа оставалась бездѣятельно въ занятомъ ею расположеніи. Еще съ 27-го числа гр. Толь произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи и предложилъ Паскевичу планъ атаки, но предложеніе это не было принято. Фельдмаршалъ составлялъ свои собственные проекты наступательныхъ дѣйствій, но затѣмъ самъ отъ нихъ отказывался. 1-го августа было получено извѣстіе о бывшихъ безпорядкахъ въ польскомъ лагерѣ и о смѣнѣ Скржинецкаго, но это вызвало со стороны Паскевича лишь опасенія быть атакованнымъ непріятелемъ, почему приняты были разныя изнурительныя для войскъ мѣры предосторожности.

Ночью, со 2-го на 3-е августа польская армія начала свое отступленіе къ Шиманову и Олтаржеву, согласно вышеупомянутыхъ предположеній Дембинскаго. Къ 3 часамъ пополуночи главныя силы уже успѣли вытянуться, а затѣмъ двинулись и передовые посты по направленію къ Червонной Нивѣ. Такъ какъ авангардъ Витта былъ задержанъ до 6 ч. утра возстановленіемъ мостовъ на Равкѣ, то на хвостѣ поляковъ двигались только казаки. Фельдмаршалъ для преслѣдованія непріятеля приказалъ гренадерамъ и гвардіи двинуться черезъ Болимовъ, а корпусу Палена чрезъ Сержковъ. Для обезпеченія лѣваго фланга арміи и преслѣдованія Рыбинскаго, гр. Ностицъ долженъ былъ съ легкою гв. кавалерійскою бригадою и двумя гусарскими полками изъ авангарда Палена двинуться по лѣвому берегу Бзуры къ Сохачеву; наконецъ на правомъ флангѣ арміи слѣдовалъ отъ Скерневицъ, чрезъ Мщоновъ и Гродзискъ, Герштенцвейгъ съ двумя гусарскими полками и 4-мя орудіями.

Польская армія продолжала движеніе: лѣвый ея флангъ, корпусъ Ромарино, дойдя до Шиманова, долженъ былъ переправиться тамъ чрезъ р. Писсію по двумъ мостамъ; это его задержало на нѣкоторое время. Гр. Толь, прибывшій къ авангарду и по пути именемъ фельдмаршала приказавшій гренадерамъ двигаться безостановочно впередъ, намѣревался атаковать поляковъ, какъ только подойдутъ гренадеры, а до того приказалъ авангарду пріостановиться и расположить его скрытно. Толь торопилъ гренадеръ прибытіемъ, но къ величайшей досадѣ узналъ, что они были остановлены Паскевичемъ на привалѣ и остались тамъ, не смотря на просьбы двинуть ихъ скорѣе впередъ (423). Между тѣмъ былъ уже 4-й часъ пополудни и Ромарино успѣлъ переправиться, оставивъ въ Шимановѣ лишь арьергардъ изъ 3-хъ баталіоновъ. Тогда Толь выдвинулъ батарею изъ 8 орудій, а пѣхота авангарда двинулась въ атаку; 4-й егерскій полкъ и баталіонъ Луцкаго полка атаковали селеніе; три польскіе баталіона упорно сопротивлялись (особенно Сандомірскіе стрѣлки) и, наконецъ, съ потерею около 100 чел. отступили, но при этомъ разрушили оба моста черезъ рѣчку, такъ что нашъ авангардъ снова былъ задержанъ и преслѣдованіе продолжалось только казаками. Такъ какъ дорога по переходѣ черезъ Писсію поворачиваетъ вправо и идетъ на нѣкоторомъ протяженіи по берегу рѣки, то Толь, выставивъ 16 орудій правѣе Шиманова, заставилъ

Ромарино свернуть влѣво къ Каскамъ; съ прибытіемъ гренадеръ, Паскевичъ двинулъ вверхъ по рѣкѣ два баталіона и батарею, которая, остановившись на высотѣ Каски, заставила поляковъ продолжать отступленіе. Къ вечеру авангардъ занялъ Каски, гренадеры стали правѣе Шиманова, а гвардія лѣвѣе.

Одновременно съ этими дѣйствіями, гр. Ностицъ переправился по глубокому броду черезъ Бзуру, не доходя Сохачева, и двинулся по шоссе. Арьергардъ Уминскаго пріостановился у с. Папротни: 8 орудій заняли, подъ прикрытіемъ кавалерійской бригады Длусскаго, позицію впереди селенія; три баталіона 12-го полка должны были поддержать конницу. Ностицъ выставилъ на шоссе 4 орудія, а кавалерію построилъ уступами съ праваго фланга; затѣмъ гвардейскіе гусары пошли въ атаку и послѣ нѣсколькихъ схватокъ опрокинули 1-й Краковскій полкъ, который отошелъ въ интервалы, двигавшагося къ нему на помощь 1-го Конно-егерскаго полка; на выручку гусарамъ бросились два эскадрона Сумскаго полка, пытавшіеся охватить флангъ конно-егерей, но такъ какъ въ это время подошелъ 12-й линейный полкъ, то Ностицъ, не имѣвшій при себѣ пѣхоты, принужденъ былъ отойти за с. Тополово. Поляки выдвинули къ этому селенію сильный арьергардъ и, продолжая безпрепятственно отступленіе, заняли сильную позицію за р. Утратою, имѣя арьергардъ впереди Блоне. На правомъ флангѣ русской арміи Герштенцвейгъ дошелъ до Гродзиска, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. Потеря наша въ этотъ день простиралась до 164 чел.; плѣнныхъ взято у непріятеля 282 чел.

На слѣдующій день, 5-го августа, Дембинскій продолжалъ отступленіе и занялъ позицію позади Воли: Уминскій сталъ сѣвернѣе Сохачевскаго шоссе, Ромарино южнѣе, Скржинецкій у Чисте (предмѣстье Варшавы); на флангахъ находились двѣ кавалерійскія дивизіи; третья была отправлена въ Прагу для доставки оттуда продовольствія и производства поисковъ противъ партій Головина, доходившихъ до самой Праги. Русская армія тоже продолжала движеніе къ Блоне, причемъ фельдмаршалъ, опасаясь непріятельской атаки, велъ армію скучено, имѣя непосредственно впереди ея авангардъ Витта. Наконецъ войска наши достигли Блоне; къ вечеру авангардъ былъ выдвинутъ къ самой р. Утратѣ. Герштенцвейгъ достигъ Котовицъ; Ностицъ присоединился къ главной арміи (424).

Между тѣмъ ночью съ 3-го на 4-е августа въ Варшавѣ вспыхнуло возмущеніе. Кн. Чарторижскій убѣжалъ въ главную квартиру въ Осторжевъ. Якобинцы *) и уличная чернь обвиняли правительство въ снисхожденіи къ измѣнникамъ; подстрекаемый крайними революціонерами, и не безъ содѣйствія Круковецкаго (426), народъ бросился къ дому, гдѣ содержались подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, и, схвативъ тамъ генер. Янковскаго, Гуртига, Феншау, предалъ ихъ мучительной смерти на площади Сигизмунда. На слѣдующій день безпорядки продолжались и было совершено еще нѣсколько убійствъ лицъ, слывшихъ шпіонами русской власти до революціи. Тогда президентъ правленія кн. Чарторижскій и члены: Лелевель, Немоіевскій и др. подали въ отставку. Сеймъ приступилъ къ организаціи правленія, причемъ рѣшено было предоставить президенту болѣе власти и, между прочимъ, подчинить ему главнокомандующаго арміей, котораго онъ могъ смѣнить и назначить ему преемника по своему усмотрѣнію. За сеймомъ осталась законодательная дѣятельность и право утверждать трактаты.

*) Среди которыхъ большинство составляли члены патріотическаго общества и множество офицеровъ, изъ числа произведенныхъ регментарями, Гелгудомъ, Дверницкимъ и пр., не находившіе себѣ мѣста, или не желавшіе таковаго, въ рядахъ арміи (425).

Президентомъ былъ избранъ Круковецкій, который въ это время занималъ уже должность губернатора Варшавы, переданную теперь имъ Хржановскому.

Главнокомандующимъ арміею былъ утвержденъ Дембинскій, такъ какъ другіе отказывались отъ столь трудной въ это время должности, а Прондзинскій хотя и согласился было, убѣжденный просьбами депутатовъ, стать во главѣ арміи, но не иначе какъ при условіи, что Круковецкій будетъ ему подчиняться. Послѣдній выразилъ на это согласіе, но когда Прондзинскій уже готовился вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, то замѣтилъ неискренность согласія президента, а потому окончательно устранился отъ командованія арміей. Дембинскій тоже не обнаруживалъ желанія подчиниться новому главнокомандующему ([427]).

На слѣдующій день Паскевичъ рѣшился дать арміи дневку, чтобы запастись сухарями для людей и стоявшими еще на поляхъ яровыми посѣвами для лошадей. Вечеромъ получено было донесеніе Власова объ отступленіи поляковъ къ самой Варшавѣ. Паскевичъ, по просьбѣ Витта, разрѣшилъ ему произвести на слѣдующій день усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Воли, но съ условіемъ соблюденія полной осторожности.

5-го августа начальникъ штаба польской арміи Лубенскій поручилъ Уминскому и Ромарино выдвинуть всю приданную имъ конницу для рекогносцировки впереди ихъ расположенія, въ виду появившихся казаковъ, что, по мнѣнію Прондзинскаго, было совершенно безполезно и сдѣлано только по рутинѣ, ибо и безъ того извѣстно было, что подошла русская армія, а въ подзорную трубу съ Лютеранскаго костела видно было все пространство до Блоніе. Приказаніе написано было по польски и Ромарино не поинтересовался даже познакомиться съ его содержаніемъ, а передалъ своему начальнику штаба Замойскому. Послѣдній, имѣя въ виду, что большая часть конницы была на аванпостахъ, распорядился замѣнить ее пѣхотой и такимъ образомъ высланъ былъ полк. Галлоа, съ 2-мя баталіонами 3-го лин. полка, 2-мя оруд. и 2 эск. Калишскаго полка ([428]). Галлоа двинулся по Сохачевскому шоссе къ Олтаржеву. Бывшій при авангардѣ ген. Бергъ, тотчасъ по полученіи о томъ извѣстія отъ атамана Власова, поскакалъ впередъ съ Украинскимъ и Новоархангельскимъ уланскими полками и 4-я конными орудіями, присоединивъ къ себѣ на аванпостахъ еще одинъ гусарскій полкъ. Уланы развернулись по обѣ стороны шоссе, а орудія отвѣчали польскимъ. Галлоа, который уже прошелъ с. Броните, замѣтилъ значительную массу русской конницы, и повернулъ назадъ къ селенію. Бергъ приказалъ Атаманскому казачьему полку объѣхать селеніе съ лѣвой стороны, а гусарамъ (Иркутскимъ) съ правой, расчитывая такой угрозой пути отступленія поляковъ заставить ихъ выйти въ открытое поле; дѣйствительно Галлоа сталъ отступать изъ Броните по шоссе къ Варшавѣ, имѣя артиллерію между обоими баталіонами. Тогда уланы Берга бросились въ атаку съ фронта: новоархангельскіе правѣе, а украинскіе лѣвѣе; одновременно съ этимъ гусары, двинувшись съ южной стороны, опрокинули польскую конницу, державшуюся позади. Встрѣченные огнемъ изъ-за шоссейныхъ рвовъ, уланы перескочили черезъ нихъ и врубились въ каре; казаки старались перехватить съ тылу часть спасавшейся польской конницы, опрокинутой гусарами. Полковникъ Галлоа и вся его пѣхота въ числѣ 16 оф. и 1322 н. чиновъ, при 2-хъ орудіяхъ, были взяты въ плѣнъ; небольшая часть кавалеріи ускакала въ Варшаву. Русскіе потеряли всего 55 чел.

Въ этотъ день Герштенцвейгъ, продолжая свое движеніе, достигъ Рашина.

6-го августа начато было обложеніе Варшавы *). Для прикрытія фланговаго передвиженія, гр. Виттъ съ большею частью кавалеріи былъ высланъ впередъ къ Рашину;

*) См. планъ штурма Варшавы.

гвардія и гренадеры перешли къ Надаржину, корпусъ Палена къ Волицѣ; для наблюденія шоссе въ Блоне оставленъ ген. Ланской съ 2 гусарскими полками и 4-мя орудіями; Герштенцвейгъ занялъ Пясечно, а гр. Виттъ сталъ у Рашина; казаки заняли непрерывную цѣпь постовъ передъ Варшавою; Герштенцвейгъ, вошедшій въ связь съ Виттомъ, и Ланской высылали разъѣзды до берега Вислы. Въ Ловичѣ оставленъ былъ отрядъ ген. Притвица, изъ 5 батал., 2-хъ эскадроновъ и 20 орудій. Въ этомъ расположеніи Паскевичъ желалъ дождаться прибытія Крейца и тогда уже открыть дальнѣйшія дѣйствія.

Между тѣмъ Крейцъ, выступивъ изъ Вильны тремя эшелонами, 25-го іюля достигъ Ломжи, запасся тамъ продовольствіемъ и, согласно приказанія Паскевича, продолжалъ движеніе на Остроленку, Праснышъ, Шренскъ, Скомпе и Осѣкъ. Первый эшелонъ (5900 чел., 24 ор.), подъ начальствомъ Кнорринга, переправился чрезъ Вислу 6-го августа, 2-й (5300 чел., 16 ор.) Сакена — 8-го августа, 3-й (10300 чел., 50 ор.) кн. Хилкова — 9-го августа; всего Крейцъ имѣлъ $21^1/_2$ т. чел. и 90 ор. Всѣ, достигшія Ломжи, но не присоединившіяся къ Крейцу, войска должны были образовать 4-й эшелонъ, подъ начальствомъ генер. Штегмана, и двинуться тѣмъ-же путемъ на присоединеніе къ арміи; наконецъ всѣ неприбывшія еще къ Ломжѣ войска назначались для усиленія Розена, которому приказано было въ это время затруднить непріятелю подвозъ продовольственныхъ запасовъ съ праваго берега Вислы и, если можно, овладѣть Прагою. Чтобы помѣшать полякамъ запасаться довольствіемъ чрезъ Модлинъ и Зегржъ, Паскевичъ приказалъ Пиллару съ Финляндскимъ драгунскимъ и казачьимъ Платова полками изъ Ломжи перейти на правый берегъ Нарева; тамъ къ нему должны были присоединиться изъ эшелона Штегмана Сибирскій и Его Высочества Михаила Павловича уланскіе полки (8 эскадроновъ); общимъ начальникомъ этого отряда назначенъ былъ Дохтуровъ, который и долженъ былъ открыть партизанскія дѣйствія въ Плоцкомъ воеводствѣ ([429]).

Свои главныя силы, расположенныя между Надаржиномъ и Раковомъ, фельдмаршалъ довольствовалъ изъ Ловичскихъ магазиновъ, для чего туда отправлялись ежедневно подводы, возвращавшіяся къ войскамъ на 7-й день; часть продовольствія была перевезена, на вольнонаемныхъ подводахъ, въ Надаржинъ. Что касается фуража, то ни Паскевичъ, ни Погодинъ о немъ не заботились и армія въ этомъ отношеніи испытывала большую нужду.

Между тѣмъ въ польской арміи произошла опять перемѣна. Дембинскій, поддерживавшій въ войскахъ строгій порядокъ и ненавидимый якобинцами за свои симпатіи къ Скржинецкому, не сошелся также съ Круковецкимъ, который передалъ командованіе арміей старику Малаховскому, человѣку честному, храброму, но совершенно лишенному дарованій полководца. 7-го августа былъ собранъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Круковецкаго, для обсужденія направленія дальнѣйшихъ дѣйствій. Было предложено нѣсколько плановъ ([430]) (Дембинскій — поддержанный Сѣравскимъ — очищеніе Варшавы и движеніе на Брестъ и къ Щарѣ, Хржановскій — атака Паскевича всѣми силами по направленію на Служевецъ и пр. *), причемъ Круковецкій остановился на томъ, который хотя былъ изложенъ Уминскимъ, но принадлежалъ Прондзинскому и впослѣдствіи былъ имъ развитъ письменно. А именно, Прондзинскій полагалъ частью

*) Хржановскій предлагалъ свой планъ безъ надежды на успѣхъ, но ради чести арміи. Онъ уже тогда совершенно потерялъ вѣру въ польское дѣло, видя большую часть арміи, состоящую изъ новобранцевъ, а равно господствующій въ войскахъ духъ революціонной анархіи и отсутствіе дисциплины ([431]).

арміи, поддержанной нац. гвардіей и стражей безопасности, занимать Варшаву и сдерживать фельдмаршала, а другую перевести на правый берегъ Вислы, собрать тамъ продовольствіе и, усилившись рекрутами, разбить Розена, овладѣть Брестомъ и привлечь тѣмъ на правый берегъ Вислы Ридигера, чтобы дать возможность Рожицкому стать на Пилицѣ и дѣйствовать противъ тыла русской арміи и ея сообщеній; вмѣстѣ съ тѣмъ — выслать большую часть кавалеріи, безполезную при оборонѣ Варшавы, въ Плоцкое воеводство, занятое только казаками, чтобы пользоваться средствами края, доставлять продовольствіе въ Варшаву и угрожать мостамъ у Осѣка. Согласно этому плану рѣшено было выслать, подъ начальствомъ вызвавшагося къ тому Лубенскаго, 3000 кав. съ конной артиллеріей къ Модлину и далѣе на правый берегъ Вислы, чтобы очистить Плоцкое воеводство, высылать партіи на лѣвый берегъ Вислы, на сообщенія непріятеля, а для дѣйствій противъ Розена предназначено было 20000 чел. съ 42 ор. подъ начальствомъ Ромарино. Вмѣсто Лубенскаго начальникомъ штаба назначенъ Левинскій *).

Между тѣмъ Розенъ пытался въ ночь на 8-е августа сжечь пражскій мостъ и дошелъ съ главными силами до Вавра, намѣреваясь, въ случаѣ успѣха предпріятія, атаковать Прагу. Для отвлеченія вниманія непріятеля Паскевичъ приказалъ авангарду, поддержанному частью корпуса Палена, двинуться къ Ракову. Войска эти, въ присутствіи фельдмаршала, продвинулись нѣсколько впередъ и, прокричавъ ура, по случаю, рожденія Великаго Князя Николая Николаевича, возвратились назадъ. Эта невинная демонстрація нѣсколько встревожила поляковъ. На слѣдующій день, 9-го августа, непріятельскіе отряды, назначенные для дѣйствій на правомъ берегу Вислы, выступили изъ Варшавы. 10-го августа было приступлено къ укрѣпленію Рашина. Опасаясь атаки поляковъ по направленію на Служевецъ, причемъ они могли-бы разрѣзать армію пополамъ, Паскевичъ, смущенный еще и вылазкой поляковъ 12-го августа на Раковъ, отбитой казаками, приказалъ корпусу Палена перейти на правый флангъ Витта къ с. Фаленты, а гренадерамъ расположиться на мѣстѣ Палена, у Волицы. По полученіи извѣстія, вечеромъ 10-го августа, о выступленіи изъ Варшавы значительнаго отряда противъ Розена, Толь предложилъ двинуться ближе къ Варшавѣ и даже атаковать ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для связи съ Розеномъ, устроить мостъ у Гуры-Кальваріи. Первое было отклонено Паскевичемъ, а въ удовлетвореніе 2-го предложенія приказано перевести два понтонныя отдѣленія изъ Мщонова въ Торчинъ; но все-таки наводить мостъ Паскевичъ не желалъ изъ опасенія, что прикрывающій наводку отрядъ можетъ быть разбитъ поляками (433). Между тѣмъ 14-го августа было получено донесеніе Розена, что Ромарино съ 4-мя пѣх., 4-мя кавалерійскими полками и 18 орудіями выступилъ къ Гарволину. Это направленіе указывало на возможность дѣйствій какъ противъ Розена, такъ и противъ Ридигера, поэтому первому приказано было держаться отъ непріятеля въ одномъ и болѣе переходѣ, а второму не высылать пока потребованныхъ частей его отряда къ главной арміи, а оберегать мостъ у Подгурже; вмѣстѣ съ этимъ Паскевичъ рѣшился построить мостъ у Гуры-Кальваріи. Съ этою цѣлью двинутъ туда отрядъ Герштенцвейга (смѣненный 2-я гусарскими полками Сиверса), усиленный 2-я егерскими полками и 4-я орудіями; онъ долженъ былъ сдѣлать всѣ приготовленія къ наводкѣ

*) Конечно при этомъ поляки ослабляли себя въ Варшавѣ и облегчали русскимъ овладѣніе ею, когда фельдмаршалъ наконецъ рѣшится на это; но однако нельзя было заставить его атаковать соединенную польскую армію. Притомъ положеніе поляковъ было столь тяжелое что приходилось выбирать лучшее изъ худшаго. При этомъ ободряли себя воспоминаніями о сопротивленіи Варшавы прусскому королю въ 1794 г. и надѣялись, что, при рѣшительномъ успѣхѣ на правомъ берегу Вислы, можно будетъ парализовать дѣятельность главной русской арміи до наступленія осенннихъ дней (432).

моста и наблюдать Вислу отъ Карчева до устья Пилицы. Лубенскій съ дивизіей К. Скаржинскаго (24 эск.) и 6-ю конными орудіями, всего 2800 чел., двинулся чрезъ Модлинъ, Пултускъ и Маковъ въ Гуру; въ Модлинѣ онъ усилился еще 1200 человѣкъ изъ бывшихъ уланъ и егерей Дембинскаго и безпрепятственно занялъ Плоцкое воеводство; главныя его силы находились въ Гурѣ, какъ центральномъ пунктѣ между Раціонжомъ, Плоцкомъ и Плонскомъ; оттуда онъ высылалъ небольшіе отряды въ разныхъ направленіяхъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, появившись у Осѣка, заставилъ генер. Ренне развести мостъ между правымъ берегомъ Вислы и большимъ островомъ. Собранные продовольственные запасы отправлены въ Модлинъ и Варшаву, какъ по Вислѣ, такъ и сухимъ путемъ.

Остается упомянуть объ обезпеченіи Паскевичемъ своей комуникаціонной линіи. До переправы Крейца эту задачу выполняли три отряда: а) отрядъ Ланскаго, расположенный въ Блоне, изъ 2-хъ гусарскихъ и одного казачьяго полковъ при 4-хъ орудіяхъ; онъ охранялъ пространство между расположеніемъ арміи и Бзурой; б) отрядъ, находившійся въ Сохачевѣ, изъ 2-хъ гв. кавалерійскихъ полковъ съ 4-я орудіями, подъ начальствомъ Олферьева, вмѣстѣ съ 2-мя егерскими и 2-мя казачьими полками Ренне, занимавшими Осѣкъ, охранялъ шоссе и пути къ мѣсту переправы; в) отрядъ Анрепа, изъ 2-хъ драгунскихъ полковъ и двухъ сотенъ казаковъ, расположенъ былъ въ Красневицахъ. Кромѣ того Ловичъ занятъ былъ 2000 чел.

Послѣ переправы Крейца Паскевичъ приказалъ изъ части его кавалеріи составить два отряда: одинъ въ составѣ 1 уланскаго, 1 кирасирскаго и 1 драгунскаго (изъ отряда Анрепа) полковъ и 8 орудій, подъ начальствомъ Кнорринга, долженъ былъ двинуться чрезъ Коло къ Калишу для водворенія въ краѣ порядка и сбора продовольствія; другой, въ составѣ уланской бригады, драгунскаго полка (изъ отряда Анрепа) и 12-ти конныхъ орудій, подъ начальствомъ кн. Хилкова, назначался смѣнить Олферьева. Паскевичъ приказалъ Хилкову, для ближайшаго наблюденія за Лубенскимъ, выдвинуть противъ Плоцка 2 эскадрона кавалеріи, а съ остальными силами занять Гомбинъ.

Между тѣмъ Кноррингъ чрезъ Калишъ, гдѣ былъ радушно встрѣченъ населеніемъ, дошелъ до Піотркова; 21-го августа онъ получилъ приказаніе занять Красневице. Съ этого времени охраненіе комуникаціонной линіи было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: а) отъ Модлина до Бзуры — Ланской (Блоне); б) отъ Бзуры до Плоцка — Хилковъ (Гомбинъ); в) отъ Плоцка до переправы — Кноррингъ (Красневице) и Ренне (Осѣкъ).

Подводя итогъ описаннымъ дѣйствіямъ главныхъ силъ обѣихъ сторонъ, слѣдуетъ замѣтить, что 14-ти-дневное пребываніе Паскевича въ Ловичѣ не вызывалось вовсе требованіями обстановки; устройство продовольственной части и тыла требовало лишь нѣсколько дней; но фельдмаршалъ, не смотря на полное отсутствіе предпріимчивости со стороны непріятеля, съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлается все болѣе и болѣе осторожнымъ и медлитъ подъ различными предлогами. Въ концѣ концовъ, въ ожиданіи прибытія Крейца, онъ занимаетъ оборонительное положеніе и ничего не хочетъ предпринимать. Между тѣмъ позиція избранная имъ у Аркадіи далеко не была удобна, какъ относительно отходившаго отъ нея подъ острымъ угломъ пути отступленія, такъ и въ смыслѣ тѣсноты ея въ тылу; притомъ мостовъ наведенныхъ черезъ Бзуру было недостаточно для быстрой переправы арміи, которая, такимъ образомъ, въ случаѣ неудачи, могла быть сброшена въ рѣку. Медленностью дѣйствій нетолько затягивалось окончаніе дѣла, но и предоставлена была возможность непріятелю укрѣпить свою позицію; одно это обстоятельство могло уже уравновѣсить выгоды, получавшіяся отъ прибытія корпуса Крейца, не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи на обѣ борющіяся

стороны (но въ обратномъ смыслѣ) смѣлыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Счастье продолжаетъ благопріятствовать Паскевичу: поляки очищаютъ свою позицію; фельдмаршалъ разрѣшаетъ преслѣдованіе, и когда оставалось лишь пользоваться его плодами, когда Ромарино былъ уже настигнутъ въ опасномъ положеніи на переправахъ, Паскевичъ задерживаетъ гренадеръ, вмѣсто того, чтобы ускорить движеніе войскъ.

По прибытіи въ Надаржинъ—опять безпрерывныя опасенія непріятельской атаки. Даже устройство моста у Гуры, столь выгоднаго въ видахъ связи съ Розеномъ и вообще свободы операцій, откладывается изъ опасенія, что поляки, двинувшись на Іезерно, могутъ нанести пораженіе отряду, прикрывающему наводку моста; не говоря уже о невѣроятіи направленія поляками подобнаго отряда фланговымъ маршемъ, на протяженіи 30 верстъ, мимо всей русской арміи, фельдмаршалъ, будучи въ 25 верстахъ отъ Гуры, имѣлъ всегда возможность поддержать свой отрядъ. Только 15-го августа, опасаясь уже за Розена, Паскевичъ приказываетъ навести мостъ. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что фельдмаршалъ, столь осторожный, нерѣдко даже боязливый въ своихъ дѣйствіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ Крейцу совершить продолжительный опасный фланговый маршъ изъ Ломжи на Осѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поляки имѣли полную возможность нанести ему пораженіе. Но тутъ принципъ осторожности долженъ былъ уступить мѣсто другому догмату, которому фельдмаршалъ подчинялся съ послѣдовательностью чисто теоретической исключительности, а именно—принципъ сосредоточенія силъ передъ боемъ. Между тѣмъ направленіе Крейца не къ Осѣку, а къ Розену и далѣе къ Ридигеру было-бы не только безопаснѣе, но и выгоднѣе въ другихъ отношеніяхъ: Крейцъ отвлекалъ тогда вниманіе непріятеля въ свою сторону, т. е. въ противоположную операціямъ главной арміи; по соединеніи съ Ридигеромъ образовался корпусъ числительностью около 38 т., изъ которыхъ, отдѣливъ тысячъ 15 противъ Рожицкаго, съ остальными можно было двинуться прямо къ сѣверу и угрожать такимъ образомъ всѣмъ непріятельскимъ позиціямъ отъ Бзуры до Варшавы, т. е. содѣйствовать скорѣйшему ихъ очищенію; наконецъ при такомъ положеніи Крейца устанавливалась прочная связь съ Розеномъ и Варшава была-бы тѣсно блокирована.

Польская армія имѣла достаточно времени укрѣпить свою сильную позицію на Равкѣ и оказать русскимъ серьезное сопротивленіе; но, благодаря фантазіямъ Дембинскаго о перенесеніи войны къ Бресту и Щарѣ (при чемъ всей арміи пришлось-бы броситься въ страну, гдѣ не было никакихъ запасовъ, ни складовъ оружія, и отдать въ руки русскихъ настоящій центръ возстанія—Варшаву), оставляетъ ее безъ боя. Планъ предложенный Прондзинскимъ—атаковать отдѣльно стоявшій корпусъ Палена, а затѣмъ дѣйствовать на сообщенія русской арміи, хотя по существу подобнаго рода операцій и кажется рискованнымъ, но онъ былъ строго соображенъ съ характеромъ фельдмаршала, а слѣдовательно и соотвѣтствовалъ обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣтилъ Прондзинскій, въ положеніи поляковъ оставалось только рисковать всѣмъ. Наконецъ по отступленіи въ Варшаву польская армія не остается въ пассивномъ положеніи, а ведетъ и активныя операціи. По совѣту того-же Прондзинскаго высылаются отряды Лубенскаго и Ромарино. Расчетъ на разбитіе Розена былъ гадателенъ, такъ какъ тотъ всегда могъ уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія. Если эту задачу исключить, то тогда главное назначеніе Ромарино заключалось-бы въ открытіи доступовъ къ Варшавѣ изъ Подляхіи, и 20-тысячный его отрядъ можно было-бы уменьшить, усиливъ этими частями Лубенскаго для болѣе энергическихъ дѣйствій на сообщенія русской арміи, что конечно заставило-бы весьма чувствительнаго въ этомъ

отношеніи Паскевича усилить свой тылъ войсками, а слѣдовательно ослабить себя передъ Варшавой.

Дѣйствія Ромарино и Розена.

Послѣ неудачной экспедиціи противъ Дембинскаго, Розенъ возвратился въ Брестъ-Литовскъ и сосредоточилъ въ окрестностяхъ его 20 бат. и 106 орудій. Изъ этого числа $7^1/_2$ баталіоновъ Нижегородскаго пѣхотнаго, 13-го, 14-го, 47-го, 48-го, 49-го и 50-го егерскихъ полковъ, 7 эскадроновъ Татарскаго и Польскаго уланскихъ полковъ и казачій Ильина полкъ, всего около 5500 чел., подъ начальствомъ Головина, составляли авангардъ въ Калушинѣ, имѣя передовой отрядъ въ Минскѣ; особый летучій отрядъ гр. Цукато, числительностью въ 200 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, былъ высланъ Головинымъ, 25-го іюля, къ Добре, для разсѣянія народныхъ ополченій. Въ этотъ именно день Паскевичемъ послано было, уже упомянутое выше, приказаніе Розену дѣйствовать наступательно къ Варшавѣ, дабы отрѣзать пути подвозовъ къ столицѣ и, при возможности, овладѣть Прагою посредствомъ нечаяннаго нападенія, но въ то-же время соблюдать осторожность и, при надобности, отступать на Брестъ, заманивая тѣмъ непріятеля подальше отъ Варшавы. Согласно этому Розенъ приказалъ Головину, усилившись двумя баталіонами Муромскаго пѣхотнаго и четырьмя эскадронами Волынскаго уланскаго полковъ, двинуться къ Прагѣ; а самъ, оставивъ въ Брестѣ 4 полка пѣхоты и сотню казаковъ, выступилъ 28-го іюля въ Сѣдльце съ остальными войсками, числительностью около 6000 чел. съ 24 орудіями. Головинъ произвелъ 29-го іюля усиленную кавалерійскую рекогносцировку къ Прагѣ; рекогносцировка эта убѣдила его въ справедливости слуховъ, сообщенныхъ мѣстными жителями, что всѣ польскіе отряды отступили къ Варшавѣ; послѣ перестрѣлки съ пѣхотою, занимавшею Пражскій тетдепонъ, Головинъ отошелъ въ прежнее свое расположеніе и продолжалъ высылать въ разныя стороны кавалерійскіе отряды для разсѣиванія ополченій. 3-го августа въ Минскъ прибылъ Розенъ. Авангардъ Головина былъ уменьшенъ до 7 бат., 8 эскадроновъ и 10 орудій и выдвинутъ къ Дембе-Віельке, а 47-й и 48-й егерскіе полки присоединены къ главнымъ силамъ. Между тѣмъ до Розена дошли слухи, что Дембинскій намѣревается выслать кавалерійскую дивизію для того, чтобы оттѣснить Головина подальше. Въ видахъ обезпеченія себя отъ этого нападенія Розенъ рѣшился попытаться уничтожить Пражскій мостъ; исполнить это вызвался генеральнаго штаба капитанъ Сливицкій, а для содѣйствія ему авангардъ Головина продвинулся 6-го августа къ Милоснѣ. 7-го Головинъ произвелъ рекогносцировку Пражскихъ укрѣпленій, а въ ночь на 8-е августа главныя силы Розена переведены къ Вавру, авангардъ къ Кавенчину, чтобы съ разсвѣтомъ штурмовать Прагу, если предпріятіе Сливицкаго удастся; но оно не удалось, вслѣдствіе чего 8-го числа главныя силы отошли къ Минску, а авангардъ къ Дембе-Віельке. По приказанію Паскевича отрядъ Цукато вошелъ въ связь съ Пилларомъ, находившимся недалеко отъ Яблонны, а влѣво, къ Карчеву, для поддержки сношеній съ главной квартирой высланъ былъ небольшой отрядъ подп. Дучинскаго (434).

Между тѣмъ, какъ извѣстно, на военномъ совѣтѣ въ Варшавѣ, 7-го августа, рѣшена была экспедиція Ромарино противъ Розена *). Корпусъ Ромарино состоялъ изъ пѣхотныхъ дивизій: 5-й Сѣраковскаго и 6-й Бѣлинскаго и кавалерійской Миллера (бывшей

*) По словамъ Прондзинскаго Ромарино былъ храбрый офицеръ, но по способностямъ не долженъ-бы подниматься выше бригаднаго командира. Кромѣ того для него война служила сама цѣлью; интересамъ поляковъ онъ не придавалъ никакого значенія. Однимъ словомъ это типъ новѣйшаго кондотьери, котораго Прондзинскій въ этотъ послѣдній періодъ кампаніи справедливо называетъ злымъ геніемъ Польши (435).

Каз. Скаржинскаго) всего 20300 чел. (въ томъ числѣ 4300 кавалеріи) и 42 орудій. Выступивъ изъ Варшавы ночью съ 9 на 10 августа, Ромарино, пройдя Прагу, повернулъ вправо на Карчевъ. При его отрядѣ находились: Чарторижскій, Сапѣга, Густ. Малаховскій и другіе представители знатнѣйшихъ фамилій, уже предвидѣвшіе неизбѣжное паденіе Варшавы. Получивъ извѣстіе о наступленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ, Розенъ тотчасъ отступилъ къ Сѣдльце, а Головинъ къ Минску; у Дембе-Вielьке оставлено было два казачьихъ полка. На слѣдующій день, 11 августа, Ромарино двинулся на Осѣцкъ; Головинъ перешелъ утромъ въ Калушинъ и получилъ отъ разъѣздовъ свѣдѣніе, что поляки показались у Осѣцка; жители-же утверждали, что это 30 тысячный корпусъ Ромарино назначенный для дѣйствій на Волыни. Розенъ рѣшился пропустить непріятеля впередъ и стать между нимъ и Варшавою, о чемъ донесъ 13-го числа Паскевичу и направилъ вечеромъ авангардъ Головина чрезъ Куфлевъ въ Латовичи, для угрозы непріятельскому флангу, а одинъ казачій полкъ двинулъ къ Парызову для дѣйствій въ тылъ Ромарино, который, двигаясь медленно и малыми переходами, дошелъ до Гарволина. Прибывъ 14-го числа въ Латовичи и узнавъ, что поляки передвигаются къ Желехову, Головинъ для сближенія съ ними пошелъ къ с. Правдѣ, куда прибылъ и Розенъ. Между тѣмъ къ Ромарино въ Гарволинъ прибылъ, посланный Круковецкимъ, по настоятельнымъ просьбамъ Чарторижскаго, въ качествѣ руководителя и совѣтчика, Прондзинскій. Въ тоже время Круковецкій просилъ Чарторижскаго быть посредникомъ и согласителемъ между Ромарино и Прондзинскимъ. Едва не будучи захваченнымъ русскими разъѣздами, Продзинскій пришелъ, между прочимъ, къ заключенію, что Розенъ не успѣлъ еще отступить далеко по шоссе и что поэтому можно на него напасть и уничтожить, а затѣмъ безъ боя овладѣть Брестомъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Прондзинскій, прибывъ 4-го августа къ Ромарино, предложилъ двинуться на Правду; но послѣдній, недовольный присылкой Прондзинскаго, остался при своемъ мнѣніи, предпочитая движеніе на Желеховъ *), куда и прибылъ 14-го числа, и такимъ образомъ отдалился отъ первой своей главной цѣли—Розена.

15-го августа поляками была перехвачена въ Желеховѣ депеша Ридигера, въ которой онъ извѣщалъ Розена, что, въ случаѣ движенія непріятеля къ Вепржу, онъ возвратится со всѣми силами въ Люблинское воеводство, защищаемое всего $2^1/_2$ т. чел. Пашкова, а Розенъ долженъ отрѣзать противнику отступленіе въ Варшаву. Полякамъ приходилось дѣйствовать быстро, чтобы разбить русскихъ по частямъ. Прондзинскій составилъ немедленно планъ для нападенія на Розена, и войска Ромарино, взявъ направленіе на Луковъ, дошли въ тотъ-же день до Казута, гдѣ стали бивакомъ въ лѣсу ([436]). Головинъ двинулся на Сточекъ, а оттуда въ Осины, причемъ разъѣзды его доходили до лѣса, въ которомъ находился непріятельскій бивакъ. Розенъ, имѣя въ виду предписаніе Паскевича держаться не ближе перехода отъ непріятеля и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Бреста, рѣшился отступить на Мендзыржецъ, прикрываясь отрядомъ Головина. Ночью съ 15-го на 16-е Розенъ двинулся изъ Сточека на Зджары и утромъ остановился у с. Крынки, куда подошелъ и арьергардъ Головина. Послѣ небольшаго отдыха главныя силы направились къ Мендзыржецу, по дорогѣ черезъ Зембры у шоссе. Головинъ оставленъ былъ въ Крынкахъ, чтобы дать время обозамъ прослѣдовать чрезъ дефиле ([437]).

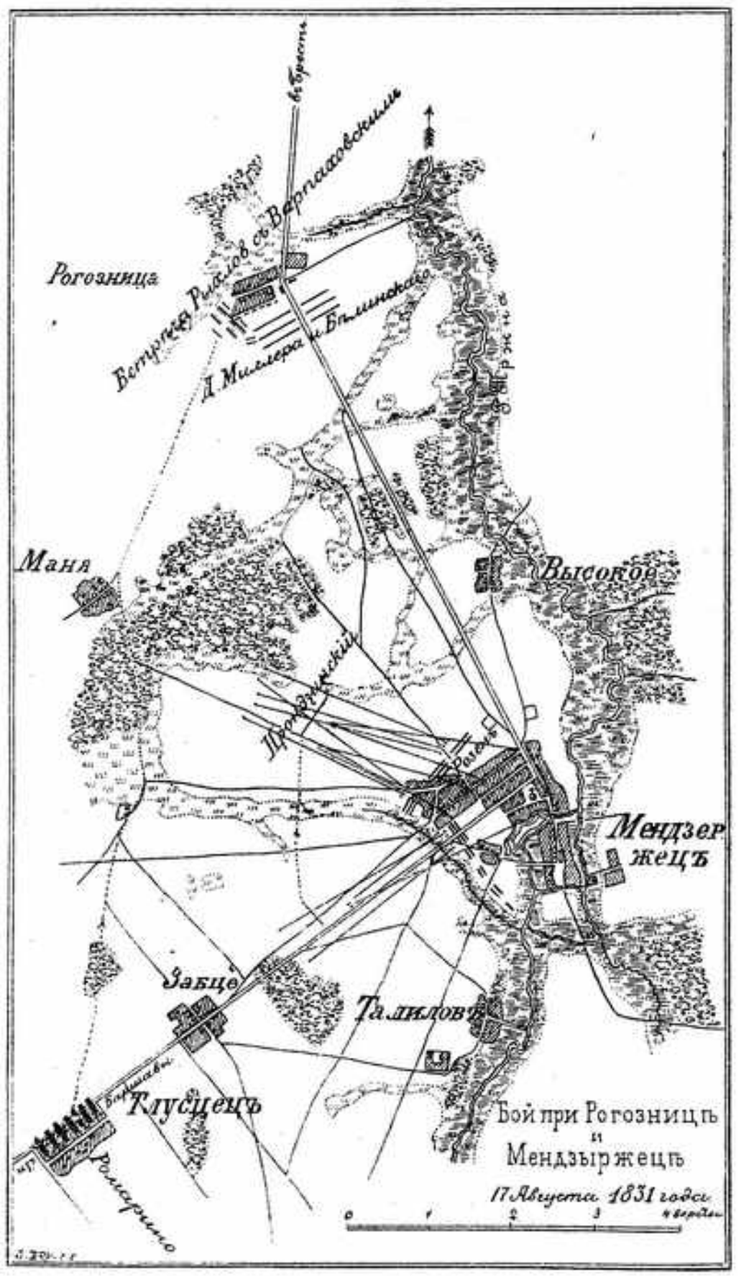
Ромарино, не торопившійся своими дѣйствіями, выступилъ изъ Казута довольно поздно и прибылъ въ Луковъ въ 10 ч. утра, 16 августа. Мѣстные жители извѣщали

*) Ромарино все тянуло къ Замостью, чтобы оперировать въ его окрестностяхъ, гдѣ онъ уже передъ тѣмъ находился въ составѣ отряда Хржановскаго.

о поспѣшномъ отступленіи русскихъ, параллельно движенію поляковъ, отъ Правды чрезъ Ружу, Ягодно и Гренковку, вслѣдствіе чего Прондзинскій написалъ диспозицію, по которой войска, послѣ часоваго отдыха, должны были двинуться на Крынки (въ 7 в. отъ Лукова), а для задержки русскихъ, если они уже дотянулись изъ Крынокъ, высланъ былъ на Тржебуску Канарскій, съ небольшимъ отрядомъ, которому приказано было двинуться влѣво, если онъ улышитъ оттуда выстрѣлы. Затѣмъ Продзинскій, лично отправившись къ передовымъ постамъ, замѣтилъ у Крынокъ движеніе черезъ поле арьергарда Головина и послалъ торопить Ромарино, но тотъ выступилъ лишь въ 4 ч. пополудни ([438]). Между тѣмъ Головинъ, отрядивъ 300 чел. егерей 49-го и 50-го полка для занятія лѣса въ тылу позиціи, остальныя свои войска расположилъ позади Крынковъ, въ двѣ линіи, въ слѣдующемъ порядкѣ: правое крыло составлялъ 14-й, лѣвое 13-й егерскіе полки; муромцы и нижегородцы образовали вторую линію; Татарскій уланскій полкъ сталъ на правомъ флангѣ, а Волынскій уланскій на лѣвомъ, въ первой линіи. Прондзинскій, лично ставъ во главѣ передовыхъ польскихъ войскъ, потѣснилъ казаковъ и татарскихъ уланъ; 6 конныхъ орудій выѣхали на позицію и завязали канонаду съ 4-мя кон. ор. Головина, расположенными на правомъ флангѣ. Такъ какъ обозъ уже прошелъ, то Головинъ еще ранѣе приказалъ своимъ войскамъ отходить назадъ и его пѣхота стала уже входить въ лѣсъ; въ это время польская конница опрокинула татарскихъ уланъ, но затѣмъ сама была остановлена продольнымъ огнемъ артиллеріи. Оправившись 2-й к. егерскій полкъ два раза бросался на первый баталіонъ 14-го егерскаго полка, но былъ опрокидываемъ огнемъ и штыками. Въ то-же время непріятельская пѣхота завязала горячую перестрѣлку съ 13-мъ егерскимъ полкомъ. Подошедшій къ авангарду Ромарино и Прондзинскій стали усиленно напирать на Головина (лѣвымъ крыломъ командовалъ Ромарино, а правымъ Прондзинскій), стараясь охватить съ фланговъ, а ударомъ съ фронта сбросить его въ болото около с. Зембры, гдѣ дорога пролегала по узкой и плохой плотинѣ. Польская конница, соревнуя пѣхотѣ, стремительно бросилась въ атаку; не разъ она проносилась черезъ первую линію, но затѣмъ была отбиваема огнемъ второй линіи. Доблестные 13-й и 14-й егерскіе полки поддержали съ новымъ блескомъ свою боевую славу, созданную цѣлымъ рядомъ подвиговъ. По сознанію самаго Прондзинскаго, поляки этимъ боемъ не достигли цѣли. Постоянно сражаясь, арьергардъ Головина къ 11 ч. вечера достигъ Зембры и перешелъ тамъ плотину. У этого селенія былъ оставленъ Розеномъ ген. Фези съ 4-мя баталіонами для прикрытія отступленія. Чтобы не позволить русскимъ разрушать плотину, Прондзинскій приказалъ Завадскому съ нѣсколькими баталіонами слѣдовать по пятамъ отступающаго, а самъ съ Ромарино, со всѣмъ штабомъ и съ взводомъ 3-го улан. полка поскакалъ впередъ. Въ темнотѣ ночи польскіе генералы очутились у начала плотины и были встрѣчены въ упоръ батальнымъ огнемъ Фези. Баталіоны выдержали отлично залпы, ожидая непріятеля въ глубокой тишинѣ (dans le silence le plus parfait). Среди общаго замѣшательства Прондзинскій упалъ съ своею лошадью и чрезъ него перескочило нѣсколько всадниковъ; Ромарино тоже былъ сброшенъ въ ровъ. Послѣ этого преслѣдованіе прекратилось. 14-й егерскій полкъ занялъ Зембры и прикрылъ отступленіе чрезъ плотину войскъ Фези. Выйдя на шоссе и давъ войскамъ отдыхъ, Головинъ двинулся затѣмъ къ Мендзыржецу, куда прибылъ 17-го августа.

Прондзинскій, не находя уже возможнымъ отрѣзать Розену путь отступленія на Брестъ, предлагалъ послать за нимъ только авангардъ Канарскаго, а главныя силы расположить между Луковомъ и Мендзыржецомъ. Затѣмъ выслать, подъ начальствомъ Завадскаго, бригаду на Коцкъ и Люблинъ, чтобы такимъ образомъ притянуть туда

Ридигера и тѣмъ освободить Рожицкаго для дѣйствій въ тылъ главной русской арміи. При такомъ расположеніи Ромарино съ главными силами прикрывалъ-бы подвозы въ Варшаву, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ могъ-бы обрушиться на Ридигера или Головина. Кромѣ того небольшой партизанскій отрядъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ Шанецкаго, направленъ къ Холму, чтобы дѣйствовать на сообщенія русскихъ съ южными губерніями. 17-го августа Завадскій потянулся къ Лукову, а Канарскій къ Мендзыржецу, куда подошелъ около 9 ч. утра.



Мендзыржецъ лежитъ при сліяніи р.р. Кржны и Жны, причемъ доступы съ юга прикрыты болотомъ, на которомъ растутъ отдѣльныя деревья; проходящее чрезъ городъ Брестское шоссе круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ къ Рагозницѣ, откуда идетъ въ восточномъ направленіи къ Бресту. Вслѣдствіе такого направленія пути, можно было, двинувшись изъ Мендзыржеца по проселочнымъ дорогамъ, обойти Рагозницу съ юга, а вмѣстѣ съ тѣмъ выйти кратчайшимъ путемъ на шоссе. Розенъ, получивъ извѣстіе о наступленіи непріятеля, рѣшился принять бой. Головинъ съ арьергардомъ долженъ былъ оборонять городъ, образуя вмѣстѣ съ тѣмъ лѣвый флангъ боеваго расположенія Розена, который съ остальными войсками сталъ за городомъ на мѣстности прикрытой болотами. Въ Рагозницу отправлены были 3 бат., 2 эск. уланъ и 4 ор., всего 1800 чел., подъ начальствомъ ген. Варпаховскаго, задача котораго заключалась въ томъ, чтобы удерживать Рагозницу, на случай движенія въ томъ направленіи непріятеля, и такимъ образомъ обезпечить путь отступленія Розену *). Поспѣшившій на гулъ пушечныхъ выстрѣловъ Прондзинскій, вмѣстѣ съ Ромарино, замѣтилъ, что въ Мендзыржецѣ находится весь корпусъ Розена и потому немедленно составилъ планъ для его атаки. Задерживая русскихъ незначительными силами у Мендзыржеца, Прондзинскій полагалъ обойти ихъ съ праваго фланга, гдѣ проходилъ путь отступленія, а затѣмъ общимъ напоромъ отбросить къ югу. Согласно этому 6-я пѣх. дивизія Бѣлинскаго и двѣ бригады кавал. дивизіи Миллера, всего около 10000 чел. съ 24 ор., должны были двинуться проселочной дорогой изъ Тлуцеца на Рагозницу, причемъ движеніе это укрывалось отъ русскихъ лѣсами; 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи Сѣравскаго и бригада Канарскаго, всего около 5 т. чел. и 10-ть орудій, назначены наступать прямо по шоссе и подаваться постепенно влѣво для связи съ обходной колонной, общее начальство надъ которой предоставилъ себѣ Ромарино, а Прондзинскій сталъ во главѣ демонстративной колонны и продолжалъ канонаду. Едва Ромарино оставилъ Прондзинскаго, какъ, измѣнивъ свои намѣренія, онъ послалъ приказаніе бригадѣ Завадскаго, направленной къ Коцку, вернуться назадъ, а самъ легъ спать въ с. Тлуцецѣ, никого объ этомъ не повѣстивъ. Бѣлинскій, не получившій никакихъ приказаній отъ Ромарино, двинулся проселкомъ на Рагозницу, имѣя въ авангардѣ 5-й пѣхотный полкъ Рыховскаго. Отрядъ Варпаховскаго, не принявшій никакихъ мѣръ осторожности, былъ захваченъ совершенно въ расплохъ. Рыховскій, съ 5-мъ пѣх. полкомъ, поддержанный 2-мъ конно-егерскимъ полкомъ, стремительно ворвался въ селеніе и русскій отрядъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, потерявъ 600 чел., т. е. $^1/_3$ своего состава, частью (200 ч.) положилъ оружіе, частью спасся въ Брестъ. Между тѣмъ Прондзинскій подавался постепенно впередъ, показывая видъ, что имѣетъ намѣреніе ворваться по луковской дорогѣ, а между тѣмъ сталъ, согласно общему плану, стягивать свои войска влѣво. Услышавъ около 5 ч. пополудни канонаду, а затѣмъ ружейный огонь, по направленію къ Рагозницѣ, онъ рѣшительно двинулся впередъ. Но, встрѣченныя огнемъ артиллеріи, выставленной Розеномъ, войска его, особенно бригада Канарскаго, пришли въ разстройство и остановились.

Огонь со стороны Рагозницы скоро замолкъ и Розенъ, полагая, что въ томъ направленіи велась только демонстрація, а между тѣмъ съ фронта онъ отбилъ атаку, рѣшился было самъ перейти въ наступленіе, но въ это время онъ получилъ печальное извѣстіе о гибели отряда Варпаховскаго и занятіи непріятелемъ его пути отступленія. На собранномъ Розеномъ военномъ совѣтѣ было принято предложеніе Фези — двинуться къ Бресту чрезъ Ломазы и Пищацъ. Главныя силы Розена тотчасъ начали отступленіе, прикрываясь арьергардомъ Головина, который оставался на позиціи до утра, а затѣмъ снялся и, перейдя Жну, разрушилъ на ней мосты, не будучи тревожимъ непріятелемъ. Между тѣмъ Прондзинскій, не имѣя возможности продвинуться впередъ, потерявъ подбитыми два орудія и зарядный ящикъ взорваннымъ, отошелъ назадъ въ лощину и просилъ Ромарино прислать подкрѣпленій, чтобы тѣснить Головина при его отступленіи; но Ромарино явился только въ 8 ч. утра и занялъ Мендзыржецъ. Прондзинскій указалъ на возможность еще воспользоваться выгодами положенія польскихъ войскъ. Такъ какъ главныя силы Ромарино находились впереди у Рагозницы, то, пользуясь этимъ выигрышемъ пространства, можно было быстро двинуться по шоссе и пре-

*) Розенъ сдѣлалъ ошибку, расположивъ столь значительный отрядъ въ Рагозницѣ, подъ вліяніемъ ложной идеи объ обезпеченіи отступленія. Самая остановка въ Мендзыржецѣ, лежавшемъ не на линіи отступленія Розена, — было большой ошибкой.

дупредить Розена, слѣдовавшаго по проселкамъ. Согласно этому Прондзинскій составилъ диспозицію для немедленнаго движенія, но самъ долженъ былъ остаться на нѣсколько часовъ въ Мендзыржецѣ, мучимый страданіями, причиненными ему паденіемъ наканунѣ и Ромарино, задержанный кн. Чарторижскимъ въ его имѣніи Мендзыржецѣ, выступилъ не ранѣе 4 ч. пополудни, почему поляки прибыли въ Бялу только поздно вечеромъ 18-го августа; Розенъ достигъ Пищаца 19-го августа въ 2 ч. утра; къ вечеру главныя его силы и большая часть кавалеріи перешли въ Брестъ-Литовскъ, а авангардъ расположился у Терасполя. Польскій корпусъ выступилъ изъ Бялы поздно и, найдя всѣ мосты по шоссе разрушенными, свернулъ на Пищацъ, гдѣ было получено свѣдѣніе, что Розенъ уже съ разсвѣтомъ двинулся къ Пищацу.

На созванномъ военномъ совѣтѣ Прондзинскій предложилъ оставить на шоссе арьергардъ, а съ остальными войсками немедленно двинуться въ Варшаву, такъ какъ Розенъ ускользнулъ, а дѣйствія противъ Ридигера не удались, потому что назначенный для движенія къ Коцку Завадскій былъ отозванъ Ромарино; но послѣдній не согласился съ этимъ и объявилъ, что онъ на слѣдующій день двинется къ Бресту. Въ это время была получена депеша Круковецкаго отъ 16-го августа, въ которой онъ между прочимъ порицалъ Ромарино за чрезмѣрное удаленіе отъ Варшавы. Прондзинскій, не желая подвергнуться отвѣтственности за ошибки и неповиновеніе Ромарино, оставшагося при прежнемъ мнѣніи относительно движенія къ Бресту,—возвратился въ Варшаву.

Между тѣмъ русскій арьергардъ 19-го августа перешелъ въ Брестъ изъ Терасполя, гдѣ остались только 13 и 14 егерскіе полки, подъ начальствомъ Головина. Ромарино, выйдя снова на шоссе, занялъ, на другой день, 20-го августа, Кобыляны, а авангардъ выдвинулъ къ Терасполю. Въ это время онъ получилъ второе письмо отъ Круковецкаго съ строгимъ приказаніемъ не удаляться столь далеко отъ Варшавы. Вслѣдствіе этого Ромарино 21-го августа рѣшился отступать, а для прикрытія своего движенія направилъ вечеромъ къ Терасполю часть пѣхоты. Головинъ, согласно приказанію Розена, очистилъ городъ и разрушилъ за собою мостъ чрезъ лѣвый рукавъ Буга. Опасаясь нападенія непріятеля, Розенъ производилъ, ночью на 22-е августа, отъ времени до времени канонаду по Терасполю, вслѣдствіе чего большая часть его была разрушена. Но Ромарино уже отступалъ и 22-го августа вечеромъ былъ въ Бялѣ. Тогда Розенъ приказалъ Головину перейти въ наступленіе; по причинѣ порчи мостовъ это можно было исполнить только 23-го числа, когда Ромарино дневалъ въ Бялѣ. За Головинымъ пошелъ и Розенъ съ главными силами своего корпуса и, согласно инструкціи Паскевича, не торопилъ отступленія Ромарино, а слѣдовалъ за нимъ по мѣрѣ того, какъ польскій генералъ отходилъ назадъ. 24-го Ромарино прибылъ въ Мендзыржецъ и остановился тамъ для сбора продовольствія, денегъ и одежды. 25-го числа получено было отъ Круковецкаго извѣстіе, что русскіе вступили въ переговоры. Это заставило Ромарино пріостановить свое отступленіе и только одна бригада была выдвинута въ Сѣдльце. Авангардъ Головина занялъ 26-го августа Бялу; Розенъ съ главными силами остановился у Ляховки ([439]).

Разсматривая дѣйствія Розена мы видимъ, что, согласно инструкціи фельдмаршала, онъ начинаетъ отступать передъ выдвинутымъ противъ него, превосходнымъ числомъ, непріятельскимъ корпусомъ и тѣмъ самымъ стремится увлечь его за собою. Но отходитъ только до Сѣдльце, а затѣмъ, обманутый свѣдѣніями о намѣреніи Ромарино пробраться на Волынь, стремится стать на его сообщенія съ Варшавой. Не говоря уже о малой вѣроятности столь безцѣльнаго движенія въ этотъ отдаленный край сильнаго польскаго корпуса, въ то время когда самой Варшавѣ грозило разрушеніе, планъ Розена не соотвѣтствовалъ обстановкѣ еще и потому, что еслибы Ромарино дѣйствительно рѣшился вторгнуться на Волынь, то сообщенія съ Варшавой, въ данныхъ условіяхъ, уже утрачивали для него значеніе; напротивъ, займи Розенъ фланговое положеніе относительно направленія движенія Ромарино, онъ не лишился-бы возможности тревожить его при движеніи на Волынь, а вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ-бы своимъ положеніемъ Брестъ, куда, при надобности, пути отступленія были ему открыты. Затѣмъ Розенъ рѣшился отступить отъ Крынокъ на Мендзыржецъ, съ тою цѣлью (по объясненію Головина), чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Бреста и, согласно инструкціи фельдмаршала, оттянуть непріятеля возможно дальше. Благодаря форсированному маршу, распорядительности Головина и отличной храбрости 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, а также ошибкамъ непріятеля, Розенъ достигаетъ Мендзыржеца и имѣетъ полную возможность отступить къ Бресту; но, оцѣнивъ тактическія выгоды позиціи у Мендзыржеца и не придавъ должнаго значенія ея важному стратегическому недостатку, т. е. опасному, вслѣдствіе поворота шоссе, направленію пути отступленія, шедшему почти параллельно фронту позиціи, Розенъ рѣшается оказать сопротивленіе непріятелю. При этомъ съ его стороны не принято надлежащихъ мѣръ къ развѣдкамъ на флангахъ, вслѣдствіе чего онъ узнаетъ объ обходѣ Бѣлинскаго лишь тогда, когда отрядъ Варпаховскаго истребленъ. Что касается Варпаховскаго, то гибель отряда произошла главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе его полной непредусмотрительности и отсутствія всякихъ мѣръ охраненія; слѣдуетъ однако замѣтить, что, будучи застигнутымъ въ расплохъ отрядъ потерялъ въ отчаянной борьбѣ треть своего состава, хотя противъ него направлены были болѣе чѣмъ пятерныя силы (въ бою, впрочемъ, приняли непосредственное участіе только два польскихъ полка), тѣмъ не менѣе другія части русской арміи, какъ напримѣръ 13 и 14 егерскіе полки, умѣли пробиваться чрезъ ряды непріятеля и въ болѣе трудномъ положеніи. Послѣдующія дѣйствія Розена уже вполнѣ отвѣчаютъ, какъ обстановкѣ, такъ и даннымъ ему инструкціямъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Ромарино, прежде всего остается непонятнымъ первоначально избранное имъ направленіе на Желеховъ. Разнородныя объясненія, даваемыя военными писателями по этому поводу, нисколько не выясняютъ дѣла и во всякомъ случаѣ гадательны. Медленность дѣйствій Ромарино, составляла основную сущность безплодности всей его операціи. Къ Прондзинскому, присланному Круковецкимъ по просьбѣ Чарторижскаго, Ромарино относился недовѣрчиво и предлагаемые имъ совѣты вовсе не считалъ для себя обязательными. Медленность и несообразность дѣйствій Ромарино у Крынокъ, у Мендзыржеца и на слѣдующій день послѣ боя 17-го августа достаточно выяснена при самомъ изложеніи этихъ событій. Упустивъ нѣсколько случаевъ разбить Розена, Ромарино затѣмъ начинаетъ гнаться за нимъ до самаго Бреста. Атака этого превосходно укрѣпленнаго пункта не обѣщала успѣха, а между тѣмъ польскій генералъ такимъ движеніемъ удалился на 180 верстъ отъ Варшавы, т. е. по крайней мѣрѣ на шесть переходовъ; очевидно онъ лишенъ былъ при этомъ возможности оказать непосредственную помощь оборонѣ столицы. Для удовлетворенія такому требованію, Ромарино не долженъ былъ удаляться болѣе какихъ нибудь двухъ переходовъ отъ Варшавы. По достиженіи Пищаца, какъ совѣтовалъ Прондзинскій, убѣдившись что Розенъ ускользнулъ, слѣдовало немедленно обратиться къ Варшавѣ и, занявъ вблизи ея вышеуказанное положеніе, или выжидать благопріятнаго случая для нападенія на Розена, или-же, при надобности, содѣйствовать оборонѣ столицѣ. Ромарино-же не только не исполняетъ этого, но обнаруживаетъ признаки того непослушанія, которое впослѣдствіи приняло характеръ измѣны тому правительству, которому

онъ служилъ и привело его корпусъ къ гибели. Что касается Прондзинскаго, то необыкновенныя военныя дарованія этого замѣчательнаго человѣка, его поразительная способность быстро оріентироваться во всякой обстановкѣ, проницательно разгадать положеніе дѣлъ и затѣмъ тотчасъ пріискать соотвѣтствующее рѣшеніе, все это нашло обширное примѣненіе при развитіи событій изложенной операціи; но его голосъ далеко не всегда имѣлъ рѣшающее значеніе; еще чаще, принимая его идеи, очень мало дѣлали для ихъ осуществленія; самъ-же Прондзинскій былъ излишне деликатенъ съ Ромарино и не обнаруживалъ иногда должной настойчивости.

Штурмъ Варшавы, 25-го и 26-го августа, и его послѣдствія.

Во время пребыванія арміи у Надаржина подошли къ ней ожидаемыя подкрѣпленія; первымъ прибылъ, между 15 и 19 августа. Крейцъ, двигавшійся тремя эшелонами, и привелъ съ собою къ главнымъ силамъ арміи (за выдѣленіемъ отрядовъ Хилкова, Кнорринга и полк. Ренне) 10.800 чел. (въ томъ числѣ 2.100 кавалеріи) съ 76 орудіями; послѣ него, между 21 и 23 августа, подошелъ, высланный Ридигеромъ, Гейсмаръ съ 4-мя полками пѣхоты, числительностью около 4.000 чел., и съ 8-ю полупудовыми мортирами, доставленными изъ Кіева. Часть войскъ, приведенныхъ Крейцомъ, была распредѣлена по своимъ корпусамъ, а остальныя, принадлежавшія къ командуемому имъ 2-му пѣх. корпусу, расположились у Давидъ, близь Пясечно. Числительность войскъ, сосредоточенныхъ подъ Варшавой у Надаржина, возвысились до 70.000 (въ томъ числѣ 14.000 кавал.) съ 360 орудіями, при которыхъ имѣлось до 7.000 артилеристовъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ расположенія у Блоне и Сохачева находилось до 3.350 чел. подъ начальствомъ Ланскаго и кн. Хилкова, а на крайнемъ правомъ у Гуры—3.150 чел. подъ начальствомъ Герштенцвейга; Притвицъ съ 2.150 чел. занималъ Ловичъ, а Лесовскій съ 720 чел. охранялъ Лодзь; въ Красневицахъ находился полк. Ренне съ 500 чел. и туда-же двигался Кнорринтъ съ 1.400 чел.; въ Осѣкѣ и Раціонжекѣ находилось до 4.000 чел. подъ начальствомъ Ренне; наконецъ 400 драгунъ конвоировали транспорты; въ общемъ на лѣвомъ берегу Вислы, подъ непосредственнымъ начальствомъ Паскевича, находилось 86.000 чел. при 438 орудіяхъ. Нравственный духъ арміи былъ превосходный; она жаждала положить конецъ войнѣ штурмомъ Варшавы, къ которому тщательно готовилась: по приказанію фельдмаршала устроены были вблизи каждаго корпуса редуты, на подобіе непріятельскихъ подъ Варшавой; войскамъ розданы лѣстницы, туры и фашины, при помощи которыхъ они обучались производству штурма *).

Главная польская армія, на которую возложена была непосредственная оборона Варшавы, состояла изъ корпусовъ: Уминскаго и Дембинскаго и резервной артиллеріи Хоржевскаго, общей числительностью до 35.000 чел. (безъ артиллеристовъ и гарнизона Варшавы) съ 92 орудіями. Кромѣ того имѣлись: на лѣвомъ берегу Вислы, противъ Ридигера, Рожицкій съ 7.000 чел., а на правомъ Ромарино съ 20.000 чел.; въ Плоцкомъ воеводствѣ дѣйствовалъ Лубенскій съ 4 т. чел., разсѣянныхъ малыми отрядами до самой прусской границы; наконецъ Модлинъ и Замостье были заняты 10.600 ч.; слѣдовательно общій итогъ вооруженныхъ силъ поляковъ простирался до 80.800 чел. съ 151 оруд. **) Изъ нихъ непосредственно противъ войскъ Паскевича, сосредоточенныхъ у Надаржина въ числѣ 70.000 чел., могли дѣйствовать: корпуса Уминскаго и Дембинскаго, съ артиллеріей Хоржевскаго и большая часть корпуса Ромарино, т. е. около

*) См. прил. XXIV.
**) См. прил. XXXVII.

50.000 чел. Варшава защищена была множествомъ укрѣпленій. Нѣтъ быть можетъ въ мірѣ города, который такъ трудно было-бы защищать какъ Варшаву. Расположенная на обширной равнинѣ, не представляющей мѣстныхъ предметовъ, при помощи которыхъ можно было-бы сдѣлать часть окружности неприступной и сосредоточить средства на пунктахъ болѣе доступныхъ, Варшава на лѣвомъ берегу занимаетъ полукругъ, діаметръ котораго вдоль Вислы не менѣе 3.700 саж. Это обширное пространство занято городомъ, населеніе котораго не было въ соотвѣтствіи съ жилищами (за исключеніемъ небольшой центральной части города), разсѣянными между обширными дворами и даже полями и выстроенными большею частью изъ дерева; каменныя-же постройки далеко не отличались солидностью, чтобы быть надежными цитаделями. Вотъ почему нельзя было расчитывать на серьезную оборону внутри города даже не при особо сильной артиллеріи противника; кромѣ того значительная часть населенія, состоя изъ евреевъ и нѣмцевъ, не была расположена къ защитѣ города; такимъ образомъ мѣры принимавшіяся для внутренней обороны предназначались только для воздѣйствія на общественное мнѣніе и для того, чтобы задержать какую либо партію, пытающуюся прорваться въ городъ.

Въ эпоху революціи Варшава была обведена оградой, построенной противъ контрабандъ и состоявшей изъ рва и вала. Ограда образовала длина линіи, безъ всякаго соображенія съ условіями обороны, длиною до 19 верстъ, не считая горжи по Вислѣ; для ея обороны требовалось около 60.000 человѣкъ. Конечно нельзя было ею довольствоваться и потому прибавили сначала редуты и люнеты для ея фланговой обороны, а затѣмъ пошли далѣе и далѣе, включивъ въ систему обороны всѣ внѣшные мѣстные предметы, которые могли доставить впереди закрытіе или представляли препятствіе. Такимъ образомъ окружали окопами жилища, рощи, возводили укрѣпленія повсюду, гдѣ подъемъ мѣстности указывалъ на возможность расположенія батареи. Всѣ эти постройки были возведены по правиламъ, указаннымъ въ соотвѣтственныхъ книгахъ,—но въ основаніи всѣхъ работъ лежалъ ложный принципъ;—повидимому забыли совершенно масштабъ, съ которымъ слѣдовало соображаться и число войскъ, которыми можно было располагать для обороны. Слѣдовало, конечно, принять такую систему, которая-бы дозволяла защищать городъ съ возможно меньшимъ числомъ войскъ. Между тѣмъ въ Варшавѣ желали все прикрыть, все за собою обезпечить, а потому и оказались повсюду слабыми. Между тѣмъ уже при началѣ возстанія былъ возбужденъ вопросъ объ укрѣпленіи столицы; тогда-же Хржановскій предлагалъ построить три отдѣльныхъ форта на лѣвомъ берегу Вислы и одинъ на правомъ; для лучшей взаимной обороны лѣвобережныхъ фортовъ онъ полагалъ выдвинуть передъ нихъ 5 пентагоновъ съ эполементами для артиллеріи въ интервалахъ этихъ пентагоновъ. Занятіе всѣхъ укрѣпленій потребовало-бы, по его разсчетамъ, 15.000 чел., да въ резервъ 10.000 чел.; слѣдовательно для обороны Варшавы необходимо было только 25.000 чел. Предложеніе это не было принято и особый комитетъ изъ инженерныхъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Малета (или Малецкаго) и полк. Колачковскаго, выработалъ особый планъ укрѣпленій. Такъ какъ Хлопицкій полагалъ единственнымъ средствомъ спасенія Варшавы сраженіе, то непосредственной оборонѣ города онъ не придавалъ значенія; но онъ желалъ имѣть нѣсколько хорошо укрѣпленныхъ пунктовъ, которые давали-бы ему возможность, уперевъ въ нихъ флангъ или часть арміи, маневрировать другимъ противъ превосходнаго непріятеля, намѣревающагося произвести охватъ на этой обширной равнинѣ. Для обороны Люблинской, Краковской и Калишской дорогъ рѣшено было укрѣпить лежащіе на нихъ три пункта: с. Крули-

карню, Раковецъ и Волю *), а также и с. Парижъ для обороны сѣверо-западной части города. Но мало по малу между этими четырьмя опорными пунктами рѣшили возвести цѣлый рядъ промежуточныхъ укрѣпленій; ради извѣстной системы (440) пространство между укрѣпленіями предполагалось занять артиллеріей и кавалеріей; за первой линіей рѣшено было возвести вторую, а роль третьей линіи долженъ былъ играть городской валъ, усиленный реданами и флешами. Всѣхъ редутовъ и люнетовъ считалось 100, изъ нихъ 81 на лѣвой сторонѣ Вислы. Къ 23 августа верки находились въ слѣдующемъ положеніи: боевая линія укрѣпленій простиралась отъ Вержбно чрезъ Раковецъ, Волю, Парижъ до редута у Потоки; протяженіе ея—ок. 16 верстъ. Сильнѣйшимъ пунктомъ этой линіи было укрѣпленіе Воля или № 56 на Калишскомъ шоссе. Въ начертаніи оно представляло сомкнутый редутъ съ полубастіонами на углахъ и съ редюитомъ въ юго-западномъ углѣ; рвы имѣли фланговую оборону. Протяженіе фронтовъ—300 ш.; высота бруствера 12 ф., ровъ глубокій и частью палисадированный; внутренность укрѣпленія раздѣлилась на двѣ части ретраншаментами съ глубокимъ палисадированнымъ рвомъ; въ одной, большей по размѣрамъ, части укрѣпленія былъ садъ, продолжавшійся и за оградою; въ меньшей—каменный костелъ, окруженный каменною стѣною, ок. 8 ф. вышины; какъ въ церкви такъ и въ оградѣ продѣланы были бойницы и входъ въ церковь загражденъ палисадомъ; передъ юго-западнымъ исходящимъ угломъ находилось 3 ряда волчьихъ ямъ. Подступы къ Волѣ оборонялись вынесеннымъ впередъ люнетомъ № 57, командовавшимъ всею окружающею мѣстностью; южнѣе Воли находился редутъ № 54; оба поименованныя укрѣпленія были замкнуты съ горжи и имѣли палисадированные рвы и волчьи ямы; укрѣпленіе № 55 было открыто съ горжи и слабѣе предъидущихъ. Укрѣпленія правѣе Воли—тщательно отдѣланы, а расположенныя лѣвѣе—хуже и даже не всѣ окончены, какъ напримѣръ у Раковца; профиль всѣхъ верковъ 1-й линіи довольно значительная, многія изъ нихъ замкнуты съ горжи, взаимное удаленіе ихъ отъ 300 до 400 саж.

Вторая линія укрѣпленій отстояла отъ городской ограды на 200—300 саж. и была особенно сильна у Калишскаго шоссе; тамъ, южнѣе, находилось укрѣпленіе № 22 съ палисадомъ, блокгаузомъ и сомкнутою горжею; сѣвернѣе его № 23-й—тоже сильное, обширное, съ бастіонами укрѣпленіе. Наконецъ 3-ю линію составлялъ городской валъ, высотою и толщиною въ 10 ф., усиленный люнетами и флешами, вынесенными частью сажень на 50 впередъ. Іерусалимская застава была сильнѣйшимъ пунктомъ 3-й линіи, благодаря укрѣпленіямъ №№ 15, 16 и 18. Ближайшіе къ оградѣ дома не представляли особыхъ удобствъ для обороны, но узкія улицы лишали обороняющагося возможности ввести въ городъ сразу достаточное число войскъ; изъ мѣстныхъ предметовъ по окраинѣ города наиболѣе важными были: сѣвернѣе Вольской заставы, внѣ городскаго вала, евангелическое кладбище и садъ въ предмѣстьи Чисте, окруженные каменными стѣнками съ пробитыми въ нихъ бойницами. Для вооруженія верковъ, кромѣ полевыхъ орудій, имѣлось много крѣпостныхъ (по Прондзинскому 200, по русскимъ указаніямъ 132); орудія были разбросаны по всѣмъ укрѣпленіямъ: такъ въ Волѣ находилось 9, въ № 57 и 54 по 5-ти и проч. Такимъ образомъ польская артиллерія хотя значительно уступала числомъ русской и была дурно распредѣлена, слишкомъ разбросана, но калибромъ превосходила ее. Оборона позиціи раздѣлена была на двѣ части: корпусъ Уминскаго долженъ былъ защищать укрѣпленія отъ Черняковской заставы до № 54, а Дембинскій остальное пространство; такъ какъ при этомъ предполагалось, что русскіе поведутъ атаку съ южной стороны, то корпусъ Уминскаго былъ усиленъ до 20.000 чел.; у

*) См. планъ штурма Варшавы.

Дембинскаго-же оставалось около 13.009; національная гвардія назначена для защиты баррикадъ; часть-же ея пополнила артиллерійскую прислугу. Войска большею частью были распредѣлены по укрѣпленіямъ, такъ что, напримѣръ, у Дембинскаго вовсе не имѣлось резерва *).

Прибытіе подкрѣпленій подъ начальствомъ Крейца и Ридигера, высылка непріятелемъ корпуса Ромарино и недостатокъ въ фуражѣ для лошадей, вывели, наконецъ, Паскевича изъ бездѣйствія, уничтожая всякій предлогъ къ дальнѣйшему откладыванію штурма Варшавы, при первомъ взглядѣ на которую у него вырвалось: „да вѣдь они укрѣпились по горло (mais ils sont fortifiés jusqu'aux dents)“. Паскевичъ собралъ предварительно военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе: Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ, кн. Щербатовъ, графы: Толь, Паленъ, Виттъ и генералы: кн. Шаховской, Нейдгартъ, кн. Горчаковъ, Денъ и Шильдеръ. На совѣтѣ фельдмаршалъ предложилъ вопросы: 1) необходимо-ли овладѣть Варшавою штурмомъ и 2) какъ повести его наилучшимъ образомъ. На первый вопросъ послѣдовалъ единодушный утвердительный отвѣтъ; относительно-же втораго мнѣнія раздѣлились. Предварительно фельдмаршалъ поручилъ Толю, Нейдгарту, Горчакову, Дену, Шильдеру и Данненбергу изложить письменно ихъ мнѣнія относительно того, съ какой стороны и какъ вести штурмъ. Толь, Нейдгартъ, а за ними и самъ Паскевичъ полагали вести штурмъ съ южной стороны, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) съ юга находились неровности мѣстности, которыя могли дать укрытія войскамъ; 2) не всѣ непріятельскія укрѣпленія были тамъ окончены; 3) атака облегчалась обходомъ всѣхъ укрѣпленій между Мокотовомъ и Раковцемъ; 4) легкость овладѣнія центромъ города по занятіи Бельведера, обсерваторіи и военнаго госпиталя. Другіе генералы, и во главѣ ихъ Горчаковъ, полагали вести атаку со стороны Воли, поддерживая ее демонстраціей въ направленіи Мокотова. Мотивами такого рѣшенія были выставлены: 1) мѣстность съ западной стороны болѣе доступна; 2) овладѣніе Іерусалимскою заставою влекло за собою паденіе укрѣпленій на Мокотовскомъ полѣ, такъ какъ нетрудно уже было овладѣть недлинной аллеей отъ заста-

*)

	Батал.	Эскадр.	Орудій.	Пѣхот.	Кавал.	Артил.
Корпусъ Уминскаго.						
Дивизія Рыбинскаго	12	—	16	6857	—	343
Дивизія Мюльберга	12	—	14	7609	—	357
Кавалерійская дивизія Ягмина	—	13	—	—	1471	—
Бригада Чижевскаго	5	—	—	3721	—	—
Всего	29	13	30	18187	1471	700
Корпусъ Дембинскаго.						
Дивизія Богуславскаго	14	—	12	8710	—	225
Бригада Рутье (ветераны и большая часть бывшаго отряда Дембинскаго)	5	5	—	2873	668	—
Кавалерійская бриг. Длусскаго	—	8	—	—	1178	—
Всего	19	13	12	11583	1846	225
Резерв. артил. Хоржевскаго.						
6 батарей	—	—	50	—	—	1252
Саперы	1/4	—	—	189	—	—
Всего	1/4	—	50	189	—	1252
Итого	48 1/4	—	92	29959	3317	2177
Гарнизонъ Варшавы	—	26	—	161	478	1668
Въ общемъ	48 1/4	26	92	30120	2975	3895 (441)

вы до Пражскаго моста—это былъ кратчайшій поперечникъ города; 3) съ паденіемъ Воли, можно было уже расчитывать и на паденіе Варшавы; для войскъ овладѣвшихъ Волей штурмъ прочихъ укрѣпленій былъ дѣломъ сравнительно легкимъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что при штурмѣ въ южномъ направленіи являлось и то неблагопріятное обстоятельство, что позади Мокотовской заставы находилось открытое пространство, которымъ поляки, потерявъ валъ, могли воспользоваться для упорной обороны. Вообще при наступленіи съ южной стороны, войскамъ приходилось по овладѣніи валомъ двигаться по длинному поперечнику города, а слѣдовательно преодолѣвать болѣе преградъ нежели при направленіи штурма со стороны шоссе. Толь, ознакомившись съ доводами генераловъ, представившихъ проекты противорѣчившіе его собственному, отказался отъ своего мнѣнія и согласился съ предлагавшими вести атаку на Волю. Паскевичъ-же оставался при своемъ мнѣніи на томъ основаніи, чтобы въ случаѣ неудачи имѣть свободный путь отступленія на Ридигера и на мостъ у Гуры Кальваріи. Но прежде окончательнаго рѣшенія фельдмаршалъ приказалъ членамъ совѣта подать письменное мнѣніе къ 23 августа. Когда вновь былъ созванъ военный совѣтъ, то Нейдгартъ предлагалъ вести демонстрацію со стороны Воли и главную атаку со стороны Мокотова, Горчаковъ предлагалъ наканунѣ штурма вести ложную атаку на Мокотовъ и Повонзки, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня рѣшительно атаковать Іерусалимскую аллею (къ этому мнѣнію присоединились Крейцъ и Шаховской). Наконецъ принято было большинствомъ голосовъ мнѣніе гр. Толя, а именно вести атаку между Калишскимъ и Краковскимъ шоссе безъ всякихъ демонстрацій (442) и штурмовать Волю. Между тѣмъ, сообразно намѣреніямъ Государя и присланному манифесту, въ которомъ обѣщана была амнистія, всѣмъ возставшимъ, если только они немедленно возвратятся къ своему долгу, Паскевичъ отправилъ Данненберга для переговоровъ съ поляками. Съ ихъ стороны вечеромъ 23 августа явился на аванпосты къ Раковцу Пронздзинскій. Предложеніе русскихъ было передано имъ Круковецкому, который созвалъ министровъ, президента сената, маршала сейма и главнокомандовавшихъ войсками. Рѣшено было, что Круковецкій отвѣтитъ Паскевичу, причемъ Б. Немоіевскій редактировалъ письмо, которое, по замѣчанію Пронздзинскаго, было-бы хорошо если-бы польская армія побѣдоносно стояла въ Оршѣ, но не находилась въ ея настоящемъ крайнемъ положеніи. Пронздзинскій энергически возражалъ, говоря, что Паскевичъ уже владѣлъ всей страной и что съ минуты на минуту можетъ овладѣть и столицей, что надо схватиться за удобный случай, чтобы выйти съ честью изъ даннаго положенія и что если переговоры не удадутся, то надо воспользоваться временемъ, чтобы притянуть Ромарино. Не смотря на это большинство рѣшило отправить письмо. Въ немъ между прочимъ было сказано: „поляки подняли оружіе за національную независимость въ тѣхъ предѣлахъ, какіе издревле отдѣляли ихъ отъ Россіи; народное правленіе ожидаетъ извѣщенія вашего превосходительства, въ какой мѣрѣ Его Величеству Императору благоугодно исполнить ихъ желаніе“ (443). Такимъ образомъ мечъ опять долженъ былъ вступить въ свои права. Штурмъ предполагалось произвести 27-го августа, но извѣстіе объ удаленіи Ромарино къ Бресту побудило ускорить дѣло и назначить приступъ на утро 25-го августа. Вечеромъ 24-го числа, войска, пользуясь темнотою, заняли слѣдующія мѣста: а) 1-й пѣхотный корпусъ гр. Палена 2-го, въ числѣ 11370 пѣх. и 400 кавалеристовъ съ 70 ор., назначенный для атаки Воли, ея передоваго люнета и другихъ укрѣпленій, лежавшихъ по направленію къ с. Парижу, сталъ по обѣимъ сторонамъ Калишскаго шоссе, на высотѣ Хржанова; б) 2-й пѣх. корпусъ бар. Крейца, 11250 пѣх., 1150 ч. кавал. и 72 ор., назначенный для атаки укрѣпленій впра-

во отъ Воли къ Рашинскому шоссе, расположился по правой сторонѣ с. Влохи; в) отрядъ Муравьева изъ 3160 пѣх. и 16 ор., долженствовавшій дѣйствовать на с. Раковецъ, для привлеченія вниманія и силъ поляковъ по Краковскому шоссе, перешелъ къ с. Раковъ; г) отрядъ Штрандмана, изъ 1400 пѣх., 870 каз. и 500 кавал. при 6 ор., назначенный для ложной атаки и наблюденія по Люблинскому шоссе, сталъ на крайнемъ правомъ флангѣ въ с. Служевцѣ; д) отрядъ кн. Хилкова изъ 2800 кавал., 850 каз. и 10 ор., назначенный для охраненія крайняго лѣваго фланга, расположился лѣвѣе гр. Палена около с. Хржанова; е) легкая гвардейская кавалерійская дивизія, въ числѣ 2100 сабель и 16 к. ор., подъ начальствомъ гр. Ностица, назначенная для содержанія связи между отрядами Муравьева и Штрандмана и для отряженія въ этомъ направленіи вылазокъ, расположилась позади с. Зборжа; ж) пѣхота гв. корпуса, въ числѣ 15760 чел. и двѣ дивизіи гренадеръ, 11060 чел., составлявшія резервъ, стали: гвардія—влѣво отъ с. Опоче-Вielьке, за 2-мъ корпусомъ, а гренадеры—по обѣ стороны Калишскаго шоссе, на высотѣ с. Шамоты, позади 1-го корпуса; з) резервная артиллерія изъ 136 ор., принадлежавшихъ корпусамъ, и 64 ор. общаго артиллерійскаго резерва, а также вся резервная кавалерія гр. Витта, въ числѣ 8600 чел., стали: артиллерія у с. Солинцы, а конница—за нею у с. Шамоты; и) казаки были распредѣлены по флангамъ и назначались тревожить непріятеля у Маримонта и Чернякова. Главная квартира перешла въ с. Влохи *). Отъ каждаго гвардейскаго полка вызваны были охотники, изъ которыхъ составлены полубаталіоны. Рѣшено было передъ штурмомъ обстрѣливать укрѣпленія въ теченіи 2-хъ часовъ, затѣмъ пѣхота должна была двинуться быстро впередъ вмѣстѣ съ конною артиллеріею, которая, обгоняя пѣхоту, подскакиваетъ къ укрѣпленіямъ для непосредственной подготовки атаки своимъ огнемъ. По взятіи первой линіи укрѣпленій войска должны были пріостановиться и не двигаться впередъ безъ особаго приказанія главнокомандующаго (444).

Польская армія на разсвѣтѣ 25-го августа расположилась слѣдующимъ порядкомъ: а) *корпусъ Уминскаго*: 1) позади укрѣпленія № 79 дивизія Рыбинскаго, долженствовавшая занять укрѣпленія №№ 15, 16, 18, 81 и 54 и Раковецъ; 2) дивизія Мюльберга стала правѣе Мокотовскихъ верковъ и назначалась для обороны укрѣпленій влѣво отъ занятыхъ Рыбинскимъ; 3) въ серединѣ между ними находилась кавал. дивизія Ягмина; бригада Чижевскаго была расположена между Сольцами и Бельведеромъ; б) *корпусъ Дембинскаго*: 1) 10 батал. и 12 ор. 3-й пѣх. дивизіи Богуславскаго находились по обѣ стороны Калишскаго шоссе позади укрѣпленій №№ 22 и 23; 2) правѣе, ближе къ городу и частью позади Парижа, расположилась кавалерійская бригада Длусскаго, предназначенная для вылазокъ; 3) Рутье съ 3-я баталіонами и своею кавалеріею (большею частью бывшій отрядъ Дембинскаго) занималъ пространство отъ Повонзокъ до Вислы; 4) *резервная артиллерія* Бема находилась въ центрѣ всей позиціи и Чисте.

Въ полночь съ 24 на 25 августа русскія войска заняли указанныя имъ мѣста, люди были въ мундирахъ, въ полной формѣ, но безъ ранцевъ. Никакой звукъ не нарушалъ безмолвной тишины, ни одинъ костеръ не пылалъ подъ сводамъ звѣзднаго неба (445).

25-го августа въ 4 ч. утра войска были совершенно готовы на мѣстахъ, а въ 5 час. двинулись по назначенію. Первый непріятельскій выстрѣлъ раздался съ укрѣпленія № 57; 92 ор. корпусовъ Крейца и Палена, подъ командой генер. Перрена, откры-

*) Въ общемъ для штурма назначались: 96½ бат., 133½ эскадр., 390 ор.; или 54000 пѣх. и 17200 кавал. (съ казаками). См. прил. XXV.

ли на линіи Хржанова огонь съ нашей стороны. Постепенно подвигаясь впередъ и приблизившись къ укрѣпленіямъ на 400 саж., артиллерія усилила пальбу; прочія войска тоже въ это время наступили: Муравьевъ на Раковецъ, Штрандманъ къ Шопамъ, Ностицъ къ Вынгленбову; кавалерія Хилкова развернулась у Гурцевъ, казаки Анрепа направлялись на Вавришевъ. Корпусъ Крейца, имѣя за собою гвардію, остановился передъ укрѣпленіями №№ 54 и 55; корпусъ гр. Палена, съ гренадерскими позади,— передъ № 57; резервная артиллерія дошла до Влоховъ. Когда послѣ двухчасовой канонады непріятельскія укрѣпленія были значительно повреждены, а часть орудій въ нихъ подбита, корпуса Крейца и Палена двинулись на штурмъ, раздѣлившись каждый на двѣ колонны (построенныя въ двѣ линіи) съ резервомъ позади.

Корпуса Палена и Крейца и отрядъ Муравьева были раздѣлены для штурма слѣдующимъ образомъ (446).

I. Корпусъ гр. Палена.

а) *Первая колонна*, ген.-м. Лидерса: 1) *первая линія*: гв. охотники (100 ч.), 4 и 3-й морскіе и Ревельскій пѣхотный полки; 2) *вторая линія*: 2 роты 6-го сапер. баталіона, полки пр. Карла, пр. Вильгельма и 5-й карабинерный. Всего $8^1/_2$ батал. 4130 ч.

б) *Вторая колонна* г.-л. Набокова: 1) *первая линія*: гв. охотники (100 чел.), полки: Астраханскій, Суворовскій, 6-й карабинерный; 2) *вторая линія*: 2 роты 6-го сап. баталіона, полки: Румянцовскій, Сибирскій и 5-й карабинерный. Всего $9^1/_2$ бат., 5680 чел.

в) *Резервъ*: Новоингерманландскій, Староингерманландскій, Великолуцкій и Кутузовскій полки; всего 4 батал., 1660 чел.

II. Корпусъ бар. Крейца.

а) *Первая колонна*, г.-л. Сулимы: 1) *первая линія*: гв. охотники (100 чел.), полки: Бѣлозерскій и Олонецкій; 2) *вторая линія*: 2 роты 2-го сап. бат.; полки: Шлиссельбургскій и Ладожскій. Всего $8^1/_2$ бат., 5120 чел.

б) *Вторая колонна* г.-л. бар. Гейсмара: 1) *первая линія*: гв. охотники (100 чел.), полки Елецкій и Сѣвскій; 2) *вторая линія*: 2 роты 2-го сапер. батал., полки: Александропольскій и Кременчугскій. Всего $8^1/_2$ батал., 4160 чел.

в) *Резервъ*: Вологодскій пѣх. и 11 егерскій полки—4 бат., 2120 чел.

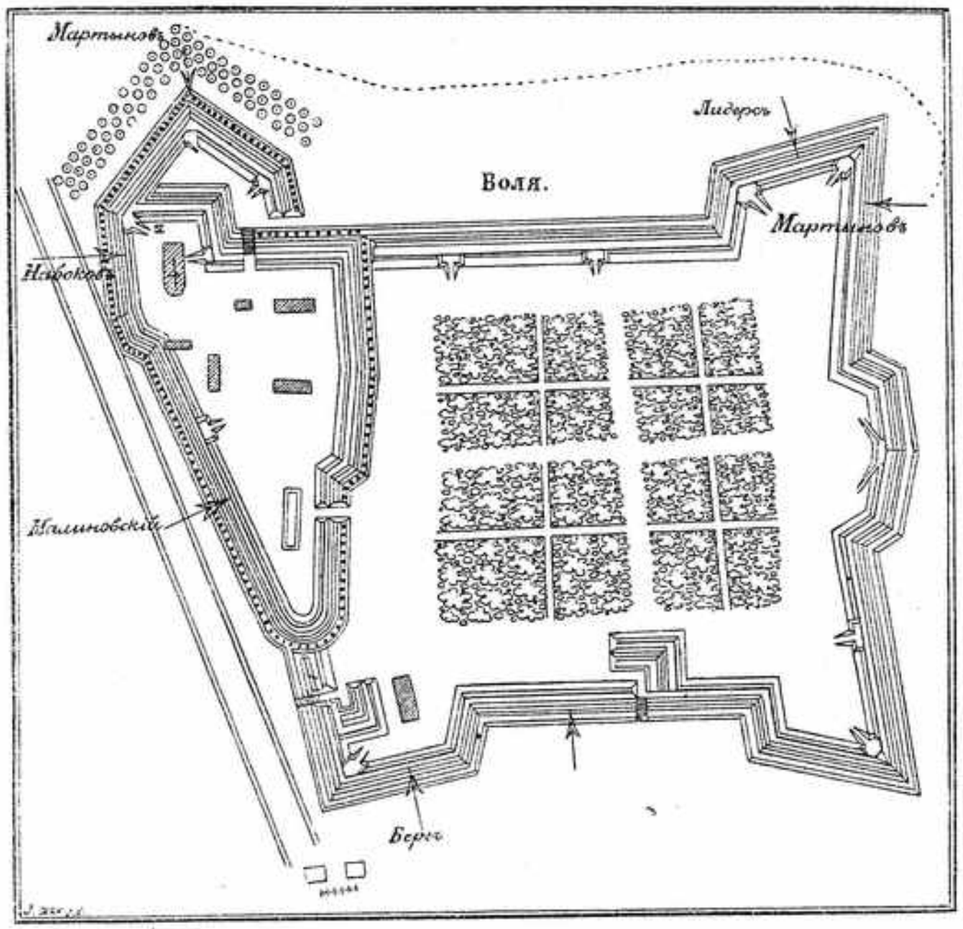
III. Отрядъ Муравьева.

Первая линія: Пражскій и Несвижскій полки; *вторая линія*: Луцкій и Самогитскій полки. Всего 7 бат., 3140 чел.

Лѣвая колонна 2-го корпуса, подъ начальствомъ Гейсмара, устремилась на укрѣпленіе № 55, которое оказалось не занятымъ; находившійся при колоннѣ Нейдгартъ, приказалъ занять его 1 баталіономъ, а остальныя войска двинулъ вправо къ укрѣпленію № 54-й, противъ котораго находилась другая колонна 2-го корпуса, подъ начальствомъ ген. Сулимы; борьба не могла быть продолжительна: польскій полубаталіонъ, занимавшій укрѣпленіе, будучи атакованъ съ фронта и съ тыла, мужественно сопротивляясь, погибъ почти весь цѣликомъ. Тяжело раненнаго Гейсмара замѣнилъ полк. Липранди. Достигнутый успѣхъ долженъ былъ еще окупиться тяжкой жертвой: по неизвѣстной причинѣ взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ, причемъ убито у насъ до 100 человѣкъ *). Оба занятыя укрѣпленія тотчасъ были приспособлены къ

*) Лауницъ говоритъ, что во время рукопашной схватки какой-то польскій артиллерійскій офицеръ, ища убѣжища, спрятался въ пороховой погребъ. Не смотря на увѣщанія солдатъ, онъ не желалъ сдаться; тогда одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него и погребъ взлетѣлъ на воздухъ (447).

оборонѣ и вооружены артиллеріей, такъ какъ взятыя шесть непріятельскихъ оказались или подбитыми или заклепанными. — Штурмъ войсками 1-го корпуса люнета № 57 требовалъ болѣе продолжительной подготовки, такъ какъ подступы къ этому укрѣпленію обстрѣливались не только его артиллеріей, но также изъ Воли. Послѣ продолжительной канонады наши батареи вынеслись на картечный выстрѣлъ и, направивъ огонь на оба укрѣпленія, ослабили дѣйствіе непріятельской артиллеріи; послѣ того, правая колонна Лидерса устремилась на люнетъ, обороняемый 200 чел.; два баталіона 3 и 4 морскихъ полковъ бросились на лѣвый флангъ, Ревельскій полкъ обошелъ



люнетъ съ тыла, а три баталіона (полковъ: пр. Вильгельма, пр. Карла и 5 карабинернаго) атаковали исходящій уголъ. Поляки встрѣтили сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ наши колонны, прошедшія волчьи ямы и затѣмъ переходившія ровъ. Воткнутые штыки послужили ступеньками для подъема на брустверъ храбрецовъ, имѣвшихъ во главѣ поручика 4-го морскаго полка Васильева. Не смотря на отчаянное сопротивленіе люнетъ былъ взятъ (448). Большую часть гарнизона положили на мѣстѣ, а 80 ч. были взяты въ плѣнъ. Теперь предстояла труднѣйшая задача—штурмъ укрѣпленій Воли, занятыхъ 5-ю баталіонами и 12 орудіями, подъ начальствомъ старика ген. Совинскаго. 52 орудія гр. Палена, поддержанныя конною артиллеріею, расположились противъ сѣверозападнаго исходящаго угла; гр. Толь для обстрѣливанія укрѣпленія съ южной

стороны выдвинулъ 16 орудій корпуса Крейца, а затѣмъ усилилъ ихъ еще конной батареей полк. Паскевича, подскакавшей къ непріятелю на полукартечный выстрѣлъ. Замѣтивъ, что поляки стали показываться въ нѣсколькихъ колоннахъ со стороны Маримонта, угрожая нашему лѣвому флангу, гр. Толь поспѣшилъ къ уланамъ Хилкова и приказалъ имъ двинуться впередъ и при надобности атаковать и отбросить непріятеля (449). Послѣ артиллерійской подготовки, пѣхота двинулась на штурмъ: Лидерсъ съ храбрыми морскими полками устремился противъ сѣверозападнаго исходящаго угла; Мартыновъ съ первымъ эшелономъ лѣвой колонны корпуса Палена направился къ юго-западному бастіону, наконецъ Бергъ, осмотрѣвшій по приказанію фельдмаршала заднюю часть укрѣпленія, направленъ былъ къ юго-восточному бастіону съ взятыми изъ резерва Старо и Ново-ингерманландскими пѣхотными и 11-мъ егерскимъ полками при 6 орудіяхъ. Лидерсъ поднялся на валъ и ворвался въ укрѣпленіе, но былъ остановленъ стремительной атакой поляковъ, хотя, впрочемъ, удержался въ саду до прибытія подкрѣпленій. Бергъ обошелъ подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ укрѣпленіе съ южной стороны, чтобы стать противъ восточнаго бастіона; тамъ онъ выставилъ, подъ прикрытіемъ 11-го егерскаго полка, 6 своихъ орудій для противодѣйствія непріятельской артиллеріи 2-й линіи, а самъ съ остальными двумя полками бросился и ворвался въ укрѣпленіе. Гренадеры Мартынова, взобравшись на брустверъ бастіона, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ изъ редюита и остановились въ нерѣшительности передъ неожиданнымъ для нихъ новымъ рвомъ и брустверомъ. Паленъ, замѣтивъ успѣхъ колонны Лидерса, приказалъ Мартынову оставить одинъ баталіонъ на занятомъ бастіонѣ, а съ остальными слѣдовать по тому-же пути, что и было исполнено. Поляки, не смотря на отчаянное сопротивленіе, были выбиты изъ сада; но затѣмъ огонь изъ за втораго вала остановилъ русскихъ.—Между тѣмъ для поддержки 6 орудій Берга, Толь направилъ лѣвѣе Воли еще 12 ор.; вслѣдъ затѣмъ Горчаковъ двинулъ туда и остальную артиллерію Палена и Крейца, потому что съ тѣхъ поръ какъ русскія войска ворвались въ Волю нельзя было стрѣлять по ней; такимъ образомъ сосредоточено было до 70 орудій, которыя завязали живую канонаду со 2-ю оборонительною линіею поляковъ и препятствовали движенію подкрѣпленій къ атакованному пункту. Нейдгартъ теперь нашелъ возможнымъ послать въ укрѣпленіе и 11-й егерскій полкъ, прикрывавшій 6 ор. Берга. Между тѣмъ фельдмаршалъ, находившійся противъ юго-западнаго угла Воли, приказалъ двинуть къ укрѣпленію второй эшелонъ правой колонны Крейца (Шлиссельбургскій и Ладожскій полки) подъ начальствомъ ген. Малиновскаго; гр. Толь сталъ во главѣ этихъ войскъ и направилъ ихъ съ южной стороны (гдѣ находился редюитъ). Съ своей стороны Паленъ приказалъ Набокову съ остальною частью своей дивизіи (Сибирскій и Румянцовскій полки, имѣя въ резервѣ 5-й карабинерный) идти на штурмъ укрѣпленія. Набоковъ, имѣя впереди Сибирскій полкъ, взошелъ на юго-западный бастіонъ и устремился вдоль вала къ редюиту, монастырской оградѣ и костелу. Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля русскіе войска должны были преодолѣть цѣлый рядъ препятствій; но близость цѣли всѣхъ воспламеняла; перебравшись черезъ монастырскую ограду, войска наши подступили къ палисадамъ, ограждавшимъ входъ въ костелъ; сдѣлавъ тамъ проломъ они очутились передъ заваленными дверями костела, которыя пришлось выбить; наконецъ удалось ворваться внутрь церкви, гдѣ, послѣ ожесточенной схватки, непріятель былъ истребленъ или взятъ въ плѣнъ. Генералъ Савинскій, давшій слово, что пока онъ будетъ живъ русскіе не овладѣютъ Волею,—сдержалъ свое обѣщаніе и палъ подъ штыками гренадеръ, защищаясь у алтаря. Въ 11 ч. утра Воля пала; плѣнными взято 30 оф. и 1200 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказался и столь извѣстный по началу революціи Высоцкій.

Между тѣмъ Муравьевъ, согласно полученныхъ приказаній, атаковалъ Раковецъ, вытѣснилъ оттуда и изъ ближайшихъ небольшихъ укрѣпленій поляковъ и затѣмъ открылъ непрерывную канонаду. Штрандманъ овладѣлъ Шопами и началъ обстрѣливать Круликарню, выславъ вмѣстѣ съ тѣми два казачьихъ полка вдоль Вислы къ Чернякову. На лѣвомъ флангѣ кн. Хилковъ развернулъ свою кавалерію противъ укрѣпленій №№ 58, 59 и 60, которыя вскорѣ были очищены поляками, вслѣдствіе сильнаго огня русской артиллеріи (450).

Въ началѣ боя польскіе генералы, убѣжденные, что атака будетъ поведена русскими со стороны Мокотова, не сдѣлали никакой перемѣны въ расположеніи войскъ. Во время штурма укрѣпленія № 57-й Малаховскій, по настоянію Прондзинскаго, послалъ приказаніе Уминскому и Бему привести резервы пѣхоты и артиллеріи къ Волѣ, но это не было исполнено, такъ какъ оба эти генерала считали упомянутую атаку только демонстраціей (451). Только по взятіи № 57-го Бемъ выдвинулся впередъ съ 12-ю орудіями, но, подавляемый несравненно превосходнѣйшей русской артиллеріей, отъѣхалъ во вторую линію, изъ которой открытъ былъ огонь по русскимъ колоннамъ, наступавшимъ къ Волѣ; тогда-же часть резерва Дембинскаго усилила войска 1-й линіи укрѣпленій. На лѣвомъ флангѣ поляковъ Уминскій рѣшился перейти въ наступленіе и съ этою цѣлью онъ назначилъ одной бригадѣ Рыбинскаго двинуться по Краковской дорогѣ, а оставшейся отъ занятія укрѣпленій части дивизіи Мюльберга—отнять у Штрандмана с. Шопы. Получивъ извѣстіе отъ Муравьева о готовящейся вылазкѣ, Паскевичъ, объѣзжавшій войска, воодушевленныя одержаннымъ уже успѣхомъ, приказалъ, не смотря на представленія Толя, пріостановить пока всякія дальнѣйшія наступательныя дѣйствія и продолжать только канонаду, а самъ съ уланскою дивизіею, взятою изъ резерва Витта, поспѣшилъ къ Муравьеву; но тамъ онъ не могъ замѣтить нигдѣ сосредоточенія значительныхъ непріятельскихъ массъ.

Едва фельдмаршалъ успѣлъ осмотрѣться, какъ получилъ извѣстіе, что непріятель въ значительныхъ силахъ произвелъ вылазку противъ Воли. Паскевичъ, усиливъ Муравьева полками л.-гв. Литовскимъ и Волынскимъ, отправился къ Волѣ и прибылъ туда когда все уже было кончено. Когда русскіе пріостановили свое наступленіе, то поляки, полагая что это обусловливается истощеніемъ силъ, рѣшились попытаться отнять Волю. Бемъ долженъ былъ выставить двѣ резервныя батареи по обѣ стороны укрѣпленія № 23, а атаку вести назначено остаткамъ 8 и 10 полковъ, поддержанныхъ двумя баталіонами 4-го полка; кракузы прикрывали движеніе справа, а 40 орудій его поддерживали. Цѣпь 5-го и 6-го карабинерныхъ полковъ была потѣснена, и поляки, подаваясь впередъ, подошли къ Волѣ на полуружейный выстрѣлъ; находившіеся тамъ первые два карабинерные полка (корп. Шаховскаго), безъ всякаго приказанія, съ отчаянной стремительностью бросились впередъ въ штыки; послѣ жестокой рукопашной схватки поляки были опрокинуты; но при дальнѣйшемъ наступленіи карабинеры были взяты во флангъ съ одной стороны артиллеріей Бема, съ другой кракузами, и опрокинуты съ урономъ; поляки снова перешли въ наступленіе; карабинеры, оправившись, снова устремились на непріятеля, снова его опрокинули, а затѣмъ, какъ и при первой атакѣ, отброшены назадъ; непріятель устремился опять на Волю; карабинеры, получивъ подкрѣпленія и имѣя своего любимаго начальника кн. Шаховскаго во главѣ, въ третій разъ двигаются въ атаку и съ такою силою отбрасываютъ поляковъ, что тѣ уже не рѣшаются болѣе переходить въ наступленіе; часть карабинеровъ пробралась

между укрѣпленіями 2-й непріятельской линіи, а нѣсколько смѣльчаковъ даже до Вольскаго предмѣстья, но, по приказанію фельдмаршала, всѣ они были отозваны назадъ. Эпизодъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ теченіи всего дня (452).

Нѣсколько времени спустя и Уминскій перешелъ въ наступленіе. 13-й и 23-й линейный и 3-й егерскій полки, поддержанные батареей Ржевецкаго, будучи въ значительно превосходныхъ силахъ, выбили Штрандмана изъ с. Шопъ, но Ностицъ расположился со своею кавалеріею параллельно Люблинской дорогѣ и этой угрозой атаки во флангъ удержалъ поляковъ въ Шопахъ. Штрандманъ отступилъ въ Служевецъ. Наступленіе бригады Рыбинскаго по Краковской дорогѣ было остановлено огнемъ 16 орудій Муравьева. Съ этого времени дѣйствія по всей линіи ограничились только канонадою. Хотя было только 3 часа дня, когда атаки Уминскаго и Малаховскаго были отбиты, но Паскевичъ, считая, что въ этотъ день сдѣлано уже достаточно, ничего не желалъ болѣе предпринимать. На собранномъ фельдмаршаломъ военномъ совѣтѣ было потрачено время въ разговорахъ и трудно было надѣяться, что онъ подтолкнетъ къ энергическому рѣшенію, разъ какъ Паскевичъ самъ не былъ склоненъ къ таковому. Нѣкоторые корпусные командиры обратили вниманіе на усталость людей, другіе молчали; Толь же рѣшительно настаивалъ на штурмѣ, говоря, что русскія войска сосредоточены, въ то время какъ непріятель разсѣянъ и что слѣдуетъ не медля воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы овладѣть 2-ю линіею укрѣпленій и городскимъ валомъ; откладывая дѣло до другаго дня придется принести тройныя жертвы, такъ какъ непріятель, зная пунктъ атаки, сосредоточитъ свои войска. Всѣ настоянія Толя остались безуспѣшными (453). Около 5 ч. пополудни замолкли послѣдніе выстрѣлы и послѣ грохота сраженія наступила всеобщая тишина *).

Диспозиція на 26 составлена была самимъ Толемъ и утверждена безъ измѣненія фельдмаршаломъ, по существу она не отличалась отъ отданной наканунѣ и заключала лишь нѣкоторыя измѣненія и перемѣщенія въ расположеніи войскъ. Войска должны были продолжать штурмъ съ разсвѣтомъ, причемъ первый корпусъ лѣвѣе, второй—правѣе Калишскаго шоссе; остальныя войска—въ прежнемъ порядкѣ. Къ отряду Муравьева присоединенъ былъ изъ войскъ Штрандмана 4-й егерскій полкъ и кромѣ того, съ цѣлью прикрыть его лѣвый флангъ,—2-я бригада 3-й кир. дивизіи; между тѣмъ какъ 1-я отдѣлена была къ кн. Хилкову. Въ центрѣ общаго расположенія, въ видѣ резерва, оставлены были 1-я кир. и 3-я уланская дивизіи, гвардія и Атаманскій полкъ. Ночь войска провели нѣсколько отступя отъ занятыхъ ими укрѣпленій, большинство безъ шинелей и теплой пищи; многіе даже безъ куска хлѣба, такъ какъ нѣкоторые полки запаслись имъ лишь на одинъ день (454).

Вечеромъ Круковецкій призвалъ Пронздзинскаго и приказалъ ему, съ согласія совѣта министровъ (даже наиболѣе непримиримыхъ, какъ Б. Немоіевскій и Ѳ. Моравскій), отправиться къ Паскевичу съ письмомъ, въ которомъ Круковецкій считалъ обязанностью освѣдомиться на какихъ условіяхъ фельдмаршалъ уполномочивался переговариваться "чтобы я могъ судить—говоритъ онъ—въ какой мѣрѣ эти условія согласуются съ интересами и честью польскаго народа". Пронздзинскій заявилъ членамъ совѣта, что, по его мнѣнію, послѣ предъидущаго письма и одержаннаго русскими успѣха, немыслимо надѣяться на успѣхъ переговоровъ, не признавъ откровенно власти Императора; если же этого не желаютъ, то надо немедленно приступить такъ сказать къ погребаль-

*) Въ первый день штурма русскіе потеряли убитыми и раненымп около 3000 чел., а поляки лишились болѣе 7000 чел.

нымъ распоряженіямъ. Тогда Круковецкій замѣтилъ, что если окажется необходимымъ, то онъ уполномочиваетъ Пронздзинскаго принять основой переговоровъ признаніе власти Императора. Весь совѣтъ съ этимъ согласился, хотя Круковецкій не имѣлъ еще на то уполномочія. Только въ 3 ч. утра Пронздзинскій прибылъ на аванпосты. Паскевичъ принялъ его въ присутствіи Вел. Кн. Михаила Павловича и гр. Толя. Паскевичъ, возмущенный предъидущимъ письмомъ Круковецкаго, заявилъ, что не желаетъ говорить ни о какихъ условіяхъ и что всѣ распоряженія для атаки уже сдѣланы. Только при участіи Вел. Кн. Михаила Павловича Паскевичъ рѣшился на продолженіе переговоровъ, но потребовалъ предварительно отъ Пронздзинскаго письменнаго объявленія, что Круковецкій имѣетъ намѣреніе „подчиниться безусловно Его Величеству вмѣстѣ со всѣмъ польскимъ народомъ и что въ настоящее время онъ пользуется полной властью". При этомъ Пронздзинскій заявилъ, что это лишь его личное мнѣніе. Тогда Паскевичъ согласился принять Круковецкаго для переговоровъ и отложить возобновленіе боя на 2 часа. Паскевичъ полагалъ что поляки затягиваютъ дѣло, чтобы дать время прибыть корпусу Ромарино, но онъ былъ слишкомъ далеко и едва-ли могъ прибыть даже на слѣдующій день. По возвращеніи Пронздзинскаго оказалось, что Круковецкій не получилъ еще требуемыхъ полномочій и что даже Сеймъ еще не собрался, но такъ какъ времени было мало, то онъ отправился къ Паскевичу.

Второй день штурма.

Въ 9 ч. утра къ полуразрушенной корчмѣ у Воли прибылъ фельдмаршалъ, сопровождаемый Великимъ Княземъ и гр. Толемъ; туда-же явился и Круковецкій, но былъ допущенъ къ переговорамъ только съ Пронздзинскимъ. Круковецкій предъявилъ цѣлый рядъ условій, на которыхъ полагалъ вести переговоры, но Паскевичъ повторялъ, что кромѣ полной и совершенной покорности волѣ Императора онъ не принимаетъ другихъ соглашеній. Завязались жаркія пренія, смягченныя нѣсколько Михаиломъ Павловичемъ, причемъ Круковецкій заявилъ, что не имѣетъ ни власти, ни полномочій Сейма для заключенія мира и обѣщалъ по возвращеніи въ Варшаву предложить вопросъ его рѣшенію. Фельдмаршалъ согласился ждать отвѣта до 1 часа дня, а затѣмъ, открыть дѣйствія, причемъ переговоры могутъ продолжаться, и Круковецкій уѣхалъ (455). Между тѣмъ еще съ вечера послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи войскъ.

Войска были расположены слѣдующимъ образомъ *):

I. Корпусъ гр. Палена.

а) *Лѣвая колонна* г.-м. фонъ-деръ-Бригена, у Калишской дороги: 1-й и 2-й карабинерные, Астраханскій и Суворовскій гренадерскій полки (6 бат. 3100 чел.).

б) *Правая колонна* г.-л. Набокова: 5-й и 6-й карабинерные, Сибирскій и Румянцевскій гренадерскіе полки (8 бат. 3900 чел.).

в) *Резервъ*: Старо и Новоингерманландскіе, Кутузовскій и Великолуцкій полки (4 бат., 1600 чел.), всего 18 бат., 8600 чел.

II. Корпусъ бар. Крейца.

а) *Лѣвая колонна* полк. Липранди, позади укрѣпленія № 55, полки: Александропольскій, Кременчугскій, Елецкій и Сѣвскій (8 бат. 3700 чел.).

*) См. планъ штурма Варшавы 26 августа.

б) *Правая колонна* г.-л. Сулимы, позади укрѣпленія № 54, полки: Бѣлозерскій, Олонецкій, Ладожскій и Шлиссельбургскій (8 бат. 4600 чел.).

в) *Резервъ*, полки: Вологодскій, 2-й егерскій, наслѣднаго принца Прусскаго и Аракчеевскій гренадерскій (8 бат. 3700 чел.), всего 23 батал. 1200 чел.

III. Позади гр. Палена (выдвинуты позже).

Подъ начальствомъ *кн. Шаховскаго*, полки: императора Австрійскаго, короля Прусскаго, Екатеринославскій и пр. Павла Мекленбургскаго, 7 бат. 3400 чел.

IV. Позади бар. Крейца (выдвинуты позже).

Подъ начальствомъ г.-л. *Полуэктова*, полки: Кіевскій и пр. Евгенія Виртембергскаго гренадерскіе, 3-й и 4-й карабинерные—8 бат. 3850 чел.

V. Волю защищали полки: пр. Вильгельма, пр. Карла, Ревельскій, 3-й и 4-й морскіе, 2800 чел., которые, въ случаѣ надобности, могли быть подкрѣплены л. г. Литовскимъ и л. г. Волынскимъ полками силою въ 2600 чел.

Гр. Палену и бар. Крейцу придано по одной бригадѣ гренадеръ; Муравьеву—гвардейская бригада съ 16 орудіями и 2 баталіона егерей отъ Штрандмана; князю Шаховскому, взамѣнъ взятыхъ у него войскъ, дана гв. пѣхотная бригада съ артиллеріею. Резервная кавалерія была раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна (1-я кирасирская и 3-я уланская дивизіи, атам. казаки—47½ эск., 24 ор.) предназначалась для поддержки центра и лѣваго фланга, а другая (3-я кир. див. и бригада 3-й гусар. дивизіи—36 эск. 16 ор.)—праваго фланга. Атаку предположено вести двумя колоннами: войскамъ гр. Палена—влѣво отъ Калишскаго шоссе на укрѣпленіе №№ 23 и 24, а корпусу Крейца—вправо отъ того же шоссе на укрѣпленіе №№ 21 и 22. Муравьевъ, отвлекая вниманіе непріятеля усиленной канонадой, долженъ былъ поддерживать этимъ атаку упомянутыхъ двухъ корпусовъ. По овладѣніи четырьмя указанными укрѣпленіями, войска продолжаютъ атаку на городской валъ и по занятіи его съ ближайшими домами и садами утверждаются тамъ, приступивъ немедленно къ пробитію амбразуръ для артиллеріи. Утромъ войска заняли назначенныя имъ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) кн. Хилковъ съ 30 эск. и 18 ор., всего 3100 ч., занялъ позицію между укрѣпленіями №№ 58, 59 и 60; 2) гр. Паленъ съ 18 бат. и 50 ор., всего 8600 чел., расположился въ двухъ колоннахъ къ ю. в. отъ Воли; 3) бар. Крейцъ съ 23 бат. и 68 ор., всего 12000 ч., сталъ тоже въ двухъ колоннахъ, позади укрѣпленій №№ 54 и 55; 4) Лидерсъ съ наиболѣе пострадавшими наканунѣ 7 баталіонами, всего 2800 ч. при 20 ор., занялъ Волю; 5) Муравьевъ съ 14 бат. и 32 ор., всего 6700 чел., расположился передъ Раковцемъ, имѣя одну гвардейскую бригаду въ резервѣ; 6) гр. Ностицъ съ 16 эск. и 16 ор., всего 2100 чел., сталъ у Выглендова; 7) Штрандманъ съ 1 б., 4 эск. и 4 ор., или 1250 чел., выдвинулся передъ Служевецъ; 8) Анренъ съ 800 каз.—между Гурцами и Вавришевымъ; 9) резервъ составляли: а) часть гренадеръ Шаховскаго вмѣстѣ съ 1-й гв. пѣх. бригадой, 18½ б. и 48 ор., или 10000 ч., расположенные позади редута № 57; б) гвардія Великаго Князя Михаила Павловича, 12 б. и 40 ор., 9800 ч.—за корпусомъ Крейца; в) одна часть кавалеріи, 47½ эск. и 24 ор., или 6000 ч.—въ трехъ линіяхъ между Калишскимъ шоссе и гвардіей, другая часть, 36 эск. и 11 ор., или 3600 чел.—лѣвѣе и позади Муравьева; г) резервъ артиллеріи изъ 46 орудій остался у Влоховъ.

Общая числительность названныхъ войскъ простиралась до 93½ батал., 133½ эск. и 382 ор., всего 67,150 чел. (въ томъ числѣ 16,850 чел. кавалеріи) (456).

Въ расположеніи польской арміи произошли перемѣны въ общемъ въ томъ смыслѣ, что войска стянулись преимущественно къ центру, между Вольскою и Іерусалимскою заставами. Корпусъ Уминскаго расположился слѣдующимъ образомъ: дивизія Мюльберга стала у Іерусалимской заставы; 2 баталіона въ Круликарнѣ; бригада Чижевскаго въ Сольцахъ и Черняковѣ; кавалерійская дивизія Ягмина за городскимъ валомъ, между Іерусалимскою и Мокотовскою заставами; 1 бригада Рыбинскаго составила резервъ Мюльберга, причемъ одинъ ея полкъ былъ отозванъ въ теченіи дня Круковецкимъ для охраненія спокойствія въ городѣ; другая бригада Рыбинскаго назначена на усиленіе Дембинскаго, частью занявъ укрѣпленія, а частью войдя въ составъ резерва; дивизія Богуславскаго, изъ корпуса Дембинскаго, расположилась у Вольской заставы; бригада Длусскаго и отрядъ Рутье стали вправо и влѣво отъ нея. Общая числительность польскихъ войскъ простиралась до 32000 чел.; сверхъ этого менѣе важные пункты были заняты 4000 національной гвардіи. Артиллерія тоже была стянута отъ фланговъ къ центру, причемъ Уминскій поставилъ 12 ор. у Кирпичнаго завода, двумя крѣпостными усилилъ укрѣпленіе № 79, а Бемъ держалъ на готовѣ 60 полевыхъ орудій (457).

По прибытіи Круковецкаго въ Варшаву всѣ члены правленія согласились относительно необходимости сообщенія сейму объ истинномъ положеніи дѣлъ и принятія соотвѣтственныхъ мѣръ; только вице-президентъ Немоіевскій и Ѳ. Моравскій—министръ иностранныхъ дѣлъ—не согласились съ этимъ и подали въ отставку, хотя сами не могли указать что-же дѣлать. Порученіе сдѣлать сообщеніе Сейму было возложено на Прондзинскаго. Прондзинскій потребовавъ удаленія съ трибунъ публики, заявилъ Сейму, что необходимо дать полномочіе Круковецкому къ принятію всѣхъ мѣръ, какія потребуются обстоятельствами. Хотя значительное большинство было того-же мнѣнія, но нѣсколько говоруновъ подняли пренія, стремясь сдѣлать изъ поляковъ „римлянъ“, хотя въ сущности сами были, по замѣчанію Прондзинскаго, не болѣе какъ византійскими греками, занимавшимися своими схоластическими спорами въ то время, когда врагъ проламывалъ бреши въ стѣнахъ Константинополя. Во главѣ этихъ господъ былъ Б. Немоіевскій. Время проходило въ безполезныхъ преніяхъ. Было уже 2 часа и гулъ пушечной канонады явственно слышался. Наконецъ Сеймъ рѣшилъ что президентъ правленія долженъ быть уполномоченъ вести переговоры, а Сеймъ объявилъ себя распущеннымъ. Между тѣмъ не успѣлъ Прондзинскій выйти изъ-за дверь, какъ маршалъ Сейма, Островскій, предложилъ къ обсужденію, внесенный однимъ изъ депутатовъ, законопроектъ, т. е. поступилъ какъ-бы Сеймъ не былъ распущенъ.

По прибытіи Прондзинскаго Круковецкій приказалъ ему поспѣшить къ Паскевичу съ заявленіемъ что теперь ничто уже не помѣшаетъ заключенію условій и расчитывалъ, что атака будетъ пріостановлена (еще ранѣе Круковецкій посылалъ къ Паскевичу парламентера, прося пріостановить атаку, такъ какъ переговоры съ Сеймомъ затянулись, но фельдмаршалъ согласился отсрочить ее только на 1 часъ) (458).

Наконецъ Паскевичъ рѣшился не откладывать болѣе штурма. По сигналу наши батареи открыли огонь по всей линіи. Въ началѣ канонады непріятельское ядро задѣло лѣвую руку фельдмаршала, который съ искаженнымъ лицомъ и блѣдный свалился на землю. Неограниченное командованіе арміею было имъ передано гр. Толю (459). Принявъ командованіе арміею, Толь для лучшаго обозрѣнія поля сраженія взошелъ на брустверъ укрѣпленія № 54. Желая по возможности развить артиллерійскій огонь, онъ тотчасъ приказалъ кн. Горчакову усилить большую батарею до 120 орудій и возможно ближе подъѣхать къ укрѣпленіямъ 2-й линіи (460); кромѣ того гр. Толь разъяснилъ

всѣ приказанія собравшимся корпуснымъ командирамъ. Отрядъ Муравьева, на правомъ флангѣ, для большаго единства въ дѣйствіяхъ, подчиненъ былъ гр. Витту; онъ долженъ былъ, при содѣйствіи кавалеріи Ностица и кирасиръ, привлечь на себя вниманіе рѣшительнымъ наступленіемъ между Мокотовскою и Іерусалимскою заставами.

Противъ 120 ор., сосредоточенныхъ Горчаковымъ, поляки выставили 112-ть крѣпостныхъ и полевыхъ орудій; изъ числа послѣднихъ 30-ть загнули фронтъ такъ, что продольными боковыми выстрѣлами наносили значительный вредъ артиллеріи Горчакова. Чтобы противодѣйствовать этому огню, Горчаковъ выставилъ на концѣ линіи, загнувъ фронтомъ назадъ, одну батарею. Съ своей стороны Толь приказалъ Муравьеву наступать, прикрываясь справа кавалеріею Ностица, а слѣва кирасирами. Вслѣдствіе этого, въ отмѣну диспозиціи, первыми вступили въ дѣло войска Муравьева, а затѣмъ уже Крейца и Палена. Муравьевъ раздѣлилъ свой отрядъ на 2 колонны, изъ которыхъ одна была подъ начальствомъ полк. Лукаша, а другая полк. Рота. Первый двинулся на укрѣпленіе № 81, а второй на № 78. Едва нѣсколько ротъ (Луцкаго полка) Лукаша ворвались въ укрѣпленіе, какъ, стоявшіе скрытно вблизи за корчмою, 4-ре баталіона (гренад. полка) Уминскаго, бросились, при содѣйствіи сильнаго картечнаго огня, отбивать это укрѣпленіе. Завязавшійся кровопролитный бой колебался то въ ту, то въ другую сторону, пока наконецъ Полешко привелъ изъ резерва Муравьева л. гв. Финляндскій полкъ, который совмѣстно съ другими войсками заставилъ поляковъ отчасти отступить. Къ этому пункту были направлены Толемъ три кирасирскіе полка, находившіеся правѣе Краковскаго шоссе, въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ пункта атаки. Слѣдовавшій въ головѣ Новгородскій кирасирскій полкъ надо было перевести черезъ шоссе и окружавшія его канавы по 2 небольшимъ мостикамъ справа по три. Это замедлило дѣйствія полка, такъ что когда онъ выстроился къ атакѣ, то уже польская пѣхота была опрокинута войсками Муравьева. Въ это время получено было приказаніе атаковать будто-бы выдвинувшуюся польскую батарею, которая на самомъ дѣлѣ была подъ перекрестнымъ огнемъ укрѣпленій. Послѣ нѣкотораго колебанія полковыхъ командировъ—пущены 2 дивизіона, которые, конечно, были отражены картечнымъ огнемъ съ большимъ уономъ; кирасиры отступили ([461]).

Во время описанныхъ событій правая колонна Муравьева, подъ начальствомъ полк. Рота, двинулась въ атаку на укрѣпленіе № 78. Замѣтя это Уминскій поспѣшилъ къ Ягмину, придалъ ему 4-ре орудія и направилъ одинъ полкъ противъ русскихъ. Едва Несвижскіе карабинеры стали подходить къ укрѣпленію, какъ польскій кавалерійскій полкъ, вышедшій съ пѣхотою изъ Іерусалимской заставы, бросился на нихъ въ атаку; карабинеры, обстрѣливаемые кромѣ того картечью, хотя отбивались, но находились въ критическомъ положеніи. Ностицъ выслалъ имъ на поддержку гв. драгунъ; во главѣ 3-го дивизіона полка *) сталъ ген. Зассъ и, бросившись на польскую кавалерію, опрокинулъ ее. Не удовольствовавшись этимъ драгуны погнались за непріятелемъ, наскочили на батарею, изрубили прислугу, но увезти орудій не могли за неимѣніемъ передковъ. Между тѣмъ три другіе полка Ягмина, стоявшіе до тѣхъ поръ за Іерусалимскою заставою, выступили черезъ проходъ у укрѣпленія № 10 и бросились на гв. драгунъ. Хотя къ третьему дивизіону послѣднихъ поспѣшилъ 1-й дивизіонъ, но все-таки поляки были вчетверо сильнѣе. Ягминъ хотѣлъ охватить драгунъ, но тѣ искусными и быстрыми эволюціями не позволяли непріятелю выиграть фланга. Затѣмъ произошелъ рядъ рукопашныхъ схватокъ, перемежавшихся градомъ картечи со стороны поляковъ;

*) Гв. пѣхотные полки выступили, какъ извѣстно, въ походъ въ составѣ 1-хъ и 3-хъ баталіоновъ, а кавалерійскіе 1-хъ и 3-хъ дивизіоновъ.

бой былъ ожесточенный: изъ строя выбыли гр. Ностицъ, Зассъ и не мало другихъ чиновъ; штандарты изорваны, а одинъ раздробленъ картечью, причемъ оба эстандартъюнкера были убиты; тѣмъ не менѣе гв. драгуны, съ рѣдкой въ исторіи кавалеріи стойкостью, держались противъ четвернаго непріятеля; наконецъ на выручку подоспѣли гв. гусары. Имѣя во главѣ полк. Муссина-Пушкина, лейбъ-гусары, рѣзко очерчиваясь на горизонтѣ своими красными мундирами и сѣрыми лошадьми, подобно урагану понеслись на дивизію Ягмина и опрокинули всѣ его четыре полка одинъ за другимъ, а затѣмъ бросились въ погоню, не смотря на картечь изъ укрѣпленій; скоро показался передъ ними городской валъ и тотъ проходъ, чрезъ который выступилъ Ягминъ; 13 гусаръ, имѣя впереди ротмистра Слѣпцова, истекавшаго кровью отъ 12 ранъ, врываются въ самый проходъ, а Муссинъ-Пушкинъ, встрѣченный жестокимъ ружейнымъ огнемъ съ вала и имѣя позади себя непріятельскія укрѣпленія, поворачиваетъ вдоль вала къ Мокотовской заставѣ, гдѣ его принимаютъ на себя двигающіеся на выручку гв. конные егеря. Цѣлый часъ продолжалась эта кавалерійская атака сперва одного, а потомъ двухъ противъ четырехъ полковъ *). Драгуны потеряли 12 офиц. и 162 ниж. чина, а гусары 6 офиц. и 182 ниж. чина.

Подъ покровительствомъ этой атаки укрѣпленіе № 78 было взято. На люблинской дорогѣ Штандманъ со своимъ слабымъ отрядомъ (1 бат., 4 эск. и 4 ор.) медленно и осторожно подвигался впередъ.

Въ это время, т. е. около 5 ч. пополудни, прибылъ изъ Варшавы Прондзинскій съ просьбою остановить штурмъ, такъ какъ всѣ требованія фельдмаршала будутъ исполнены Круковецкимъ, которому Сеймъ предоставилъ неограниченную власть. Извѣстившись, что и на этотъ разъ не доставлено письменнаго договора и не желая, чтобы польскій генералъ узналъ о причинахъ временнаго отсутствія главнокомандующаго, Паскевичъ приказалъ провести Прондзинскаго къ Великому Князю, находившемуся впереди гвардіи, прося объявить, что продолженіе переговоровъ можетъ быть допущено не иначе, какъ съ условіемъ не останавливать штурма до окончательнаго изъявленія покорности поляками. Для скорѣйшаго рѣшенія дѣла въ Варшаву отправились вмѣстѣ съ Прондзинскимъ ген. Бергъ, полк. Анненковъ и ротм. князь Суворовъ.

Между тѣмъ еще ранѣе въ центрѣ кн. Горчаковъ, желая, въ свою очередь, взять во флангъ загнутые подъ угломъ къ фронту 30 орудій Бема, выдвинулъ противъ нихъ одну конную батарею; благодаря какъ этому, такъ и наступленію Муравьева, артиллерія Бема начала отступать сперва къ предмѣстью Чисте, а затѣмъ часовъ около 4-хъ за городской валъ. Толь намѣревался немедленно начать штурмъ, чтобы еще засвѣтло овладѣть городскимъ валомъ, но фельдмаршалъ прислалъ приказаніе остановить общее наступленіе еще на $^3/_4$ часа.

Наконецъ наступила минута движенія. Колонна Крейца, при которой находился Толь, направилась къ Чистенскимъ садамъ и Іерусалимской заставѣ, а вскорѣ затѣмъ тронулась и колонна Палена по направленію къ Вольской заставѣ и укрѣпленіямъ впереди ея. Передъ этимъ ген. Нейдгартъ, по приказанію Толя, приблизилъ гренадерскій корпусъ и расположилъ его въ резервѣ, причемъ 1-я и 3-я бригады 2-й грен. дивизіи, подъ начальствомъ Полуэктова, направлены были за 2-мъ корпусомъ, а 2-я бригада той-же дивизіи и 1-я бр. 1-й гренадерской, съ кн. Шаховскимъ, послѣдовали за первымъ корпусомъ. Гвардія, составляя общій резервъ, тоже приблизилась къ боевой линіи. Крейцъ повелъ атаку такъ-же, какъ и наканунѣ, т. е. двумя колоннами: лѣвая, Липранди, двинулась на укрѣпленіе № 21, а правая, Сулимы,— противъ № 22 (оба

*) У Ягмина были полки: 3-й конно-егерскій, 4-й уланскій, Августовскій и Сандомірскій краковскіе.

укрѣпленія были заняты войсками бригады Млокосевича). Передъ этимъ Горчаковъ выдвинулъ 4-ю конную роту, полк. Житова, для обстрѣливанія укрѣпленія, которая подскочила къ редуту № 21 на 200 ш. и осыпала непріятеля такой жестокой картечью, что онъ бѣжалъ не выждавъ атаки; при этомъ произошелъ замѣчательный случай, что сами конно-артиллеристы охотники, съ прапорщикомъ Багговутомъ во главѣ, бросившись верхами въ редутъ, захватили непріятельское орудіе. Крейцъ приказалъ занять оставленное укрѣпленіе меньшею частью колонны Липранди, а другую, большую часть направилъ въ помощь Сулимѣ противъ № 22, занятаго двумя баталіонами. Разобравъ палисадъ, наша храбрая пѣхота, по воткнутымъ въ валъ штыкамъ, взобралась въ редутъ и овладѣла имъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе гарнизона, большею частью потомъ истребленнаго. Лѣвая колонна перваго корпуса, послѣ жестокаго боя подъ начальствомъ ген. Брингена, овладѣла бастіономъ № 23, затѣмъ № 24 и бросилась къ евангелическому кладбищу, гдѣ поляки (бригады Муховскаго), подкрѣпленные войсками, прибывшими изъ с. Парижа, оказали чрезвычайно мужественное сопротивленіе; ожесточенный бой продолжался тамъ до сумерекъ; между тѣмъ взятыя ранѣе два укрѣпленія были заняты 4-мя баталіонами резерва (2-й линіи Палена). Успѣху Брингена много способствовали своимъ мѣткимъ картечнымъ огнемъ двѣ конныя роты, выдвинутыя на лѣвомъ флангѣ кн. Хилковымъ, подъ прикрытіемъ Ольвіопольскихъ гусаръ. Правѣе Брингена двигалась колонна ген. Набокова. Пройдя между шоссе и укрѣпленіемъ и оттѣснивъ поляковъ, она послѣдовала за ними къ Вольскому предмѣстью, но встрѣтила тамъ сильное сопротивленіе со стороны дивизіи Богуславскаго (бригада Венгерскаго), бригады дивизіи Рыбинскаго и отряда Рутье. На правомъ флангѣ Муравьевъ также подавался впередъ и колонна Лукаша постепенно овладѣла укрѣпленіями № 79 и 13, захвативъ плѣнныхъ и 7 орудій, а Ротъ занялъ редутъ № 11.

Было около 6 ч. вечера, наступали сумерки, но пламя, охватившее предмѣстье, часть городскихъ домовъ и мельницы сѣвернѣе Чисте, освѣщало окрестности. Нѣкоторые генералы, въ томъ числѣ Нейдгартъ, доложили Толю, что, въ виду наступленія вечера, не лучше-ли было-бы отложить штурмъ до утра. Толь отвѣтилъ: „теперь или никогда“ и рѣшился овладѣть городскимъ валомъ и близълежавшими укрѣпленіями; онъ поручилъ Нейдгарту и Горчакову собрать и устроить раздробленныя многочисленными атаками войска; Крейцъ приказалъ тоже исполнить своему начальнику штаба Делинсгаузену. Одна часть артиллеріи была двинута между укрѣпленіями противъ Вольской, а другая, большая, противъ Іерусалимской заставъ и окружавшихъ ее укрѣпленій. Одновременно съ этимъ введены были резервы 3-й линіи Крейца. Для очищенія Чисте двинулись: слѣва Липранди съ двумя баталіонами Сѣвскаго и Александропольскаго полковъ, справа Малиновскій съ Шлиссельбургскимъ и Ладожскимъ полками, за ними гренадеры наслѣднаго пр. Прусскаго и Аракчеевскаго полковъ изъ резерва 2-й линіи Крейца; остальная часть корпуса осталась сзади, такъ какъ по тѣснотѣ улицъ невозможно было сразу ввести въ предмѣстье значительнаго числа войскъ. 11-й егерскій полкъ (изъ резерва 2-й линіи), подкрѣпленный 1-ю бригадою 2-й гренадерской дивизіи (Кіевскій и принца Евгенія Виртембергскаго полки), подъ общимъ начальствомъ ген. Чеодаева, двинулся противъ укрѣпленія № 18; затѣмъ эти войска взяли штурмомъ укрѣпленія №№ 17 и 19 и частью преслѣдовали непріятеля внутрь города, частью атаковали съ тылу Іерусалимскую заставу. Другой полкъ изъ резерва 2-й линіи (Вологодскій) и 3-й и 4-й карабинерные полки (3-я бригада 2-й грен. дивизіи), подъ начальствомъ Фрейганга, овладѣли укрѣпленіемъ № 16, но отъ заставы были отбиты войсками Мюльберга, затѣмъ, подкрѣпленные л. гв. Финляндскимъ полкомъ,

приведеннымъ, по приказанію Толя, изъ отряда Муравьева, снова атаковали Іерусалимскую заставу съ фронта и овладѣли ею уже безъ труда. Затѣмъ финляндскіе стрѣлки и карабинеры 3-го полка заняли близь лежащіе дома въ самомъ городѣ, а по шоссе введены были по приказанію Толя 2 орудія. На лѣвомъ флангѣ резервъ Палена также приблизился къ колоннѣ Набокова. Кн. Шаховской, подвинувшійся до Вольскаго предмѣстья съ 4-мя полками, оставилъ Прусскій и Австрійскій полки нѣсколько сзади, Екатеринославскій двинулъ влѣво для связи съ войсками (3-й пѣх. дивизіи) занимавшими укрѣпленія № 23 и 24, а самъ во главѣ полка пр. Мекленбургскаго вытѣснилъ поляковъ, при содѣйствіи Набокова, изъ предмѣстья и даже съ городскаго вала. Лѣвая колонна Палена овладѣла наконецъ кладбищемъ и заняла его. На правомъ флангѣ полк. Лукашъ съ самогитскими и луцкими гренадерами овладѣлъ сперва укрѣпленіемъ № 79, а потомъ № 13; правая колонна Муравьева, подъ начальствомъ полк. Рота, за которымъ въ резервѣ слѣдовали гв. егеря и финскіе стрѣлки, двинувшись изъ укрѣпл. № 78, овладѣла люнетомъ № 11. Когда Іерусалимская застава была занята нашими войсками, тогда Муравьевъ тоже двинулся къ городскому валу, причемъ лѣвая его колонна взяла флешь № 12, а правая № 10. Городской валъ отъ № 10 до № 14 былъ занятъ этими войсками. Въ то-же время и Штрандманъ постепенно занялъ Сіекерки, Черняковъ и Круликарню. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ кн. Хилковъ, занявъ своимъ отрядомъ укрѣпленія первой и второй линіи, поддерживалъ все время атаку гр. Палена и расположился, наконецъ, между укрѣпленіями № 24 и 27 близь самаго городскаго вала.

Между тѣмъ послѣ упорнѣйшаго трехчасоваго боя Іерусалимская застава была взята и около 10 ч. вечера городской валъ до самой Вольской заставы находился во власти русскихъ; на правомъ флангѣ на немъ утвердился Муравьевъ, у Іерусалимской заставы Чеадаевъ и Фрейгангъ, лѣвѣе Малиновскій и Липранди, у Вольской заставы кн. Шаховской; но сѣвернѣе этого пункта всѣ усилія Набокова разбились о стойкость поляковъ, удержавшихъ за собою валъ. Толь, переѣхавшій къ редуту № 22, тотчасъ по взятіи его, продиктовалъ диспозицію. Согласно ей въ теченіи ночи одна половина войскъ отдыхала, другая находилась подъ ружьемъ, выдвинувъ свои аванпосты на 50 ш. отъ городскаго вала; резервы были придвинуты; кавалерія сосредоточена преимущественно на флангахъ. Саперы-же занялись прорѣзываніемъ амбразуръ за которыми приказано было поставить до разсвѣта 85 орудій ([462]).

Въ Варшавѣ Сеймъ, хотя объявилъ себя роспущеннымъ, не прекращалъ засѣданія и только по прибытіи генер. Берга далъ гр. Круковецкому письменное уполномочіе для заключенія окончательныхъ условій, но съ разными коварными оговорками. Успѣшный ходъ штурма и настоянія Берга побудили Круковецкаго написать на Высочайшее имя письмо, въ которомъ изъявлялась готовность столицы и всего польскаго народа покориться безусловно волѣ монарха. Но при этомъ онъ заявилъ, что это письмо можетъ быть отправлено государю только въ томъ случаѣ если поставленныя имъ, Круковецкимъ, условія будутъ Паскевичемъ приняты ([463]). Относительно подробныхъ условій формальнаго договора, опредѣлявшаго собою порядокъ сдачи Варшавы, отступленія польской арміи и пр., Круковецкій представилъ свои возраженія по тремъ пунктамъ (сдача Пражскаго моста, общая амнистія, взаимный обмѣнъ плѣнныхъ), вслѣдствіе чего Бергъ вмѣстѣ съ Прондзинскимъ снова отправились въ русскую главную квартиру, куда прибыли только къ 10 ч. вечера. Прондзинскому были сообщены Паскевичемъ окончательныя условія, заключавшіяся въ слѣдующемъ: 1) польская, армія очищаетъ городъ и можетъ въ теченіе слѣдующаго дня

взять съ собою то, что ей принадлежитъ; 2) русская армія занимаетъ городъ; 3) польская армія занимаетъ Плоцкое воеводство, часть Августовскаго, Модлинъ, Ломжу и Замостье; 4) отдѣльные отряды (Ромарино, Стрыенскаго и пр.,) могутъ присоединиться къ главнымъ силамъ; 5) польская армія подчиняется государю и посылаетъ депутатовъ въ Петербургъ, чтобы выразить это непосредственно императору, 6) общая амнистія всѣмъ принимавшимъ участіе въ возстаніи; 7) русскіе удерживаютъ за собою мостъ черезъ Вислу и Прагу для свободнаго сообщенія съ Брестомъ; 8) военныя дѣйствія прекращаются. Но по возвращеніи въ столицу Пронззинскій нашелъ уже важныя перемѣны въ составѣ правленія. Круковецкій, котораго упрекали за то, что онъ превысилъ полномочія Сейма своимъ заявленіемъ о безусловной покорности и что приказалъ уже войскамъ отступать, подалъ въ отставку и вмѣсто него президентомъ правленія избранъ былъ Боневентура Немоіевскій. Ген. Бергъ заявилъ, что онъ уполномоченъ договариваться только съ Круковецкимъ, который между тѣмъ отправился съ войсками въ Прагу и его долго не могли розыскать. Такъ какъ время подходило къ разсвѣту и можно было скоро ожидать штурма города, то главнокомандующій Малаховскій написалъ, наконецъ, письмо на имя фельдмаршала, въ которомъ извѣщалъ, что, во избѣжаніе кровопролитія, польская армія до 5 ч. утра очиститъ Варшаву, мостъ и Прагу, причемъ выражалъ надежду, что свобода и собственность частныхъ лицъ останутся неприкосновенными, а матеріальная часть арміи, за исключеніемъ огнестрѣльныхъ принадлежностей, не будетъ задержана, равно какъ мелкіе отряды, забытые въ укрѣпленіяхъ. ([464]). Польская армія съ разсвѣтомъ перешла въ Пражское предмѣстье и затѣмъ потянулась далѣе въ Модлинъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 7 ч. утра 27-го августа, Бергъ вступилъ въ городъ съ одною гвардейскою бригадою и къ 8 ч. утра занялъ мостъ и Пражскій тетдепонъ. Затѣмъ вступила гвардія и прочія войска. Военнымъ губернаторомъ Варшавы назначенъ былъ гр. Виттъ, а ген. Нейдгартъ отправился въ польскій лагерь для окончательныхъ переговоровъ.

Общая потеря русскихъ въ двухдневномъ штурмѣ простиралось до $10^1/_2$ тыс. чел., въ томъ числѣ 523 оф., *) уронъ поляковъ доходилъ до 11 т. ч., въ томъ числѣ 211 оф., кромѣ того нѣкоторое число офицеровъ и нижнихъ чиновъ остались самовольно въ Варшавѣ, такъ что въ Прагѣ польская армія насчитывала всего 23 т. чел. Трофеями русскихъ были 3000 плѣнныхъ, 132 орудія, 5000 ружей, множество артиллерійскихъ припасовъ, различные склады и т. п.

Нѣкоторыя изъ ошибокъ, сдѣланныхъ поляками относительно обороны Варшавы, имѣли существенное вліяніе на исходъ только что описанной двухдневной борьбы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе нераціональная система укрѣпленій. Для энергической обороны всѣхъ возведенныхъ верковъ необходимо было располагать болѣе значительными вооруженными силами, нежели тѣ, которыя имѣлись у поляковъ, включая даже корпусъ Ромарино. По расчету Мѣрославскаго для одной пассивной обороны требовалось до 90000 чел. и 600 ор., принимая во вниманіе и необходимость противодѣйствія со стороны Праги Розену. Но если-бы такая числительность арміи имѣлась на лицо, то тогда, конечно, несравненно выгоднѣе было-бы атаковать русскихъ въ открытомъ полѣ, нежели привлекать ихъ подъ стѣны столицы. Возведеніе всѣхъ верковъ потребовало такой массы работъ, что многія изъ укрѣпленій, не смотря на помощь населенія, не могли быть окончены ко времени штурма, а слѣдовательно не отвѣчали своему назначенію. Разстояніе между первою и второю линіею обороны, а также протяженіе въ 16 верстъ отъ праваго фланга до лѣваго исключали возможность взаимной поддержки. Предложеніе Хржановскаго, указанное выше, несравненно болѣе отвѣчало обстановкѣ и основано было на вѣрныхъ началахъ; но оно не было принято и дѣло передано въ руки польскихъ военныхъ инженеровъ, которые въ данномъ случаѣ не обнаружили вѣрнаго военнаго взгляда и, погрузившись въ мелочи, загромоздили позицію сотнею укрѣпленій, большею частію чрезвычайно слабыхъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого была разброска войскъ по протяженію всей укрѣпленной позиціи и ослабленіе резервовъ, въ такой степени, что въ минуту штурма важнѣйшаго сооруженія 1-й оборонительной линіи, ея тактическаго ключа—Воли—по словамъ Хржановскаго, можно было располагать внѣшнимъ резервомъ всего въ 2 батал., 6 эскадр. и 12 ор. Разброска войскъ по укрѣпленіямъ была вредна еще въ томъ отношеніи, что почти всѣ части сразу выставлялись подъ убійственный огонь русской многочисленной и превосходной артиллеріи; небольшіе гарнизоны укрѣпленій, ослабленные матеріально и нравственно жестокой бомбардировкой русскихъ батарей, ко времени штурма уже большею частью не могли оказывать должной энергіи при отпорѣ, а иногда даже покидали укрѣпленія до начала самого штурма; между тѣмъ не было резервовъ для усиленія и поддержки этихъ маленькихъ гарнизоновъ. Такому недостатку резервовъ содѣйствовало и невѣрное распредѣленіе польскихъ силъ, вслѣдствіе увѣренности ихъ военачальниковъ, что штурмъ будетъ поведенъ со стороны Мокотова. Ошибка эта была отчасти исправлена ночью съ 25-го на 26-е августа, но и во второй день штурма Уминскій принялъ демонстрацію Муравьева и Ностица на Мокотово за настоящія атаки. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что единства дѣйствій и взаимной связи между корпусами не существовало, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія общаго управленія арміей.

Штурмъ Варшавы для русскихъ превосходныхъ и многочисленныхъ войскъ, повидимому не долженъ былъ представлять чрезвычайныхъ трудностей. И дѣйствительно, не смотря на отдѣльныя, въ высшей степени ожесточенныя и кровавыя схватки, въ общемъ онъ шелъ на столько успѣшно, что уже къ 3 ч. пополудни 25-го августа 1-я непріятельская оборонительная линія была въ рукахъ русскихъ. Дальнѣйшее наступленіе обѣщало такой-же успѣхъ; между тѣмъ гр. Паскевичъ счелъ необходимымъ пріостановить этотъ побѣдоносный напоръ и отложить рѣшеніе дѣла до слѣдующаго дня. Причиною такого рѣшенія были, во-первыхъ, опасенія внушенныя Паскевичу наступательными движеніями Уминскаго, во-вторыхъ, надежда что поляки вступятъ въ переговоры и, въ-третьихъ, утомленіе войскъ. Что касается наступленія Уминскаго, то оно могло только содѣйствовать успѣху фельдмаршала на главномъ пунктѣ атаки, отвлекая значительную часть польскихъ войскъ подальше отъ него; кромѣ того, для противодѣйствія Уминскому можно было воспользоваться многочисленнымъ свѣжимъ резервомъ, въ числѣ до 30000 превосходныхъ войскъ. Обращаясь ко второй причинѣ, заставившей фельдмаршала остановить войска на полпути къ достиженію поставленной цѣли, не трудно замѣтить что успѣхъ переговоровъ долженъ былъ идти въ непосредственной связи съ развитіемъ побѣдоносныхъ успѣховъ русской арміи, а потому продолженіе штурма и съ этой точки зрѣнія могло быть только выгоднымъ. Наконецъ относительно утомленія войскъ можно замѣтить, что наша армія востановила свои силы и достаточно отдохнула во время продолжительнаго бездѣйствія вблизи и подъ Варшавой. Собственно-же въ день 25-го августа никакихъ чрезмѣрныхъ усилій войскамъ не приходилось дѣлать. Въ случаѣ необходимости можно было смѣнить нѣкоторыя части боевыхъ линій изъ резервовъ. Нельзя при этомъ не припомнить тѣхъ

*) См. прим. XXVI.

усилій, которыя русскимъ войскамъ пришлось сдѣлать во время форсированнаго марша къ Остроленкѣ и въ самый день этого сраженія.

Наша армія и въ день варшавскаго штурма такъ-же была воодушевлена и такъ-же жаждала покончить съ непріятелемъ, какъ и въ день достопамятнаго сраженія 14-го мая. Въ порывѣ увлеченія нѣкоторыя части гренадеръ проникли до самаго городскаго вала, но были возвращены по приказанію фельдмаршала. Между тѣмъ пріостановка боя повела къ тому, что непріятель успѣлъ нѣсколько исправить свои ошибки въ распредѣленіи войскъ и успѣхъ слѣдующаго дня былъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною. Со стороны русскихъ обращаетъ на себя вниманіе столько-же употребленіе сколько и дѣйствіе артиллеріи. Подъ Варшавой сосредоточиваются такія громадныя батареи, какія рѣдко встрѣчаются даже въ лучшія эпохи боевой дѣятельности этого рода оружія; за то и результаты были превосходны; русская артиллерія не только подготовляла штурмъ для своей пѣхоты, но иногда брала своимъ огнемъ непріятельскія укрѣпленія, т. е. являлась уже не только подготовительнымъ, но и рѣшительнымъ родомъ оружія. Дѣйствія артиллеріи отличаются также замѣчательной смѣлостью, въ особенности заслуживаютъ вниманія подъѣзды конной артиллеріи, которая не задумывалась подскакивать къ непріятелю чуть-ли ни на пистолетный выстрѣлъ, проносилась между укрѣпленіями, подъ ихъ перекрестнымъ огнемъ, появлялась въ тылу непріятельскихъ верковъ и даже сама захватывала непріятельскія орудія. Только во второй день штурма атака Іерусалимской заставы не была достаточно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ, но это потому, что приходилось торопиться штурмомъ, чтобы покончить его до наступленія темноты. Пѣхота наша съ обычнымъ ей мужествомъ бросалась на укрѣпленія и никакія препятствія не могли остановить ея штурмовъ. Нельзя не отмѣтить также замѣчательныхъ атакъ полковъ л. гв. Драгунскаго и Гусарскаго.

Изъ старшихъ военачальниковъ, героемъ обоихъ дней былъ гр. Толь: диспозиціи какъ на 25-е, такъ и на 26-е число были составлены имъ и фельдмаршалъ не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ перемѣнъ; въ первый день штурма гр. Толь былъ лично на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ и не рѣдко самъ становился во главѣ колоннъ, чтобы вести ихъ въ бой; его продолжительная и славная боевая жизнь привела его, очевидно, къ убѣжденію, что обязанность начальника штаба заключается не только въ томъ, чтобы состоять при начальникѣ, ограничиваясь созерцаніемъ картины боя, но и водить войска въ рѣшительныя минуты въ огонь. Замѣчательно, что также всегда поступалъ и съ польской стороны высокодаровитый Прондзинскій. Далѣе, гр. Толю принадлежатъ почти всѣ частныя отступленія отъ диспозиціи, соотвѣтствовавшія измѣнчивому ходу сраженія; онъ-же рѣшительно возражалъ противъ пріостановки штурма. Что касается 26-го числа, то, вслѣдствіи контузіи Паскевича, гр. Толь былъ неограниченнымъ распорядителемъ дѣла. Въ указанномъ смыслѣ и была составлена реляція полк. Чевкинымъ, но фельдмаршалъ вычеркнулъ изъ нея многое, касавшееся распоряженій достойнѣйшихъ нашихъ генераловъ, а относительно Толя, хотя и отзывался съ похвалой, но упомянулъ будто онъ отдавалъ ему приказанія, которыхъ тотъ на самомъ дѣлѣ никогда не получалъ; напротивъ того, будучи контуженъ 26-го числа, гр. Паскевичъ передалъ Толю чрезъ Муханова, что „армія въ рукахъ его и что онъ предоставляетъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію ([465])“.

Польская армія, какъ сказано, должна была, очистивъ столицу и Прагу, двинуться къ Плоцку, чтобы ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Государя. Но едва поляки избѣгли грозившей имъ гибели, какъ ушедшіе изъ Варшавы и собравшіеся въ Закромѣ члены правленія, подъ предсѣдательствомъ Б. Немоіевскаго, отвергли заявленіе безусловнаго повиновенія, подписанное гр. Круковецкимъ. Армія, направившись къ Модлину, представлявшему значительныя стратегическія выгоды, присоединилась къ представителямъ народа и такимъ образомъ гр. Паскевичъ снова былъ вынужденъ взяться за оружіе.

Послѣ паденія Варшавы вооруженныя силы поляковъ составляли три отдѣльныя части: а) главная армія, надъ которою, по отказѣ Малаховскаго отъ должности генералиссимуса, принялъ начальство, избранный старшими начальниками (до полковыхъ командировъ включительно), Рыбинскій *), и которая, по присоединеніи къ ней Лубенскаго, опять возросла до 30000 чел.; она была расположена въ окрестностяхъ Модлина; б) Ромарино съ 20000 чел. дѣйствовалъ противъ Розена; в) Рожицкій съ 8000 чел. находился въ Сандомірскомъ и Краковскомъ воеводствахъ. Федмаршалъ имѣлъ около 60000 чел., но занятіе Варшавы требовало около 12000 чел.; затѣмъ нужно было отправить къ Ридигеру взятыя у него войска и выдѣлить особый отрядъ для обезпеченія Брестскаго шоссе и подвозовъ изъ Бреста; поэтому у Паскевича оставалось около 40—45 т. чел., съ которыми онъ не рѣшался открыть энергическія дѣйствія противъ 30000 тысячъ поляковъ, сосредоточенныхъ около Модлина, не усилившись предварительно подкрѣпленіями ([467]). При энергическомъ, предпріимчивомъ главнокомандующемъ, модлинская позиція представляла дѣйствительно важныя выгоды, давая возможность оперировать на обѣихъ сторонахъ рѣки и вызывая раздѣленіе непріятельскихъ силъ; но трудно было ожидать подобныхъ дѣйствій со стороны польской арміи, разбитой и безпрерывно мѣнявшей своихъ главнокомандующихъ и сильно пошатнувшейся въ дисциплинѣ, „причемъ анархисты имѣли существенное вліяніе среди развратившейся военной молодежи ([468])“.

Фельдмаршала стѣсняла также продовольственная часть, хотя послѣ паденія Варшавы армія имѣла 6-дневный запасъ при себѣ и шестидневный въ Надаржинѣ; кромѣ того нѣкоторое количество зерноваго запаса найдено въ Варшавѣ. Фельдмаршалъ заключилъ также подрядъ на 20000 четвертей, а въ Брестъ посланъ былъ полк. Соболевъ, чтобы, по оступленіи Ромарино, ускорить движеніе воловыхъ провіантскихъ транспортовъ, прибывшихъ съ Волыни и Подоліи. Осторожный Паскевичъ рѣшился отстрочить возобновленіе военныхъ дѣйствій, чтобы дать время Розену и Ридигеру одолѣть Ромарино и Рожицкаго, послѣ чего, усилившись частью ихъ войскъ, фельдмаршалъ намѣренъ былъ нанести послѣдній ударъ главной непріятельской арміи. Для переговоровъ съ поляками въ Модлинъ былъ отправленъ гр. Бергъ. Чтобы противодѣйствовать вторженію поляковъ (мало, впрочемъ, вѣроятному) въ Литву, приказано Савоини, находившемуся съ 4-мъ корпусомъ въ Гродненской губерніи, сосредоточить свои силы между Гродно и Бѣлостокомъ; въ случаѣ движенія туда непріятеля генералы Дохтуровъ и Пилларъ у Пултуска и Макова должны были отступать на Остроленку и далѣе на Ломжу, гдѣ уже упорно держаться, чтобы дать время главной арміи ударить на непріятеля съ тыла. Варшава была прикрыта главною арміею, которая стояла между Парижемъ и Бѣлянами: Паленъ правѣе, Крейцъ лѣвѣе, гренадеры и кирасиры въ резервѣ; Муравьевъ у Ваврижишева; за непріятелемъ въ Модлинѣ наблюдалъ кн. Хилковъ съ двумя уланскими и 4-мя казачьими полками, расположенными у Келпина. Гвардія занимала Варшаву. Полешко съ бригадою—Прагу и окрестности, а 1 казачій и 3 гусарскихъ полка—дороги ведущія туда отъ Добре и Вавра.

*) Человѣкъ честный, образованный, безкорыстный, но безхарактерный; по мнѣнію начальника штаба, Левинскаго, выборъ Рыбинскаго главнокомандующимъ равнялся проигрышу большаго сраженія ([466]).

Паскевичъ обратилъ вниманіе на обезпеченіе путей подвозовъ изъ Осѣка, изъ колоній близъ Лодзя и Равы и изъ Бреста. Первымъ двумъ путямъ угрожали разсѣянные непріятельскіе отряды. Вслѣдствіе просьбы Лесовскаго, фельдмаршалъ выслалъ къ Равѣ Сѣвскій пѣхотный полкъ, а Кнорррингу приказалъ направить изъ Красневицъ два эскадрона въ Лодзь; съ остальными-же своими войсками Кнорррингъ долженъ былъ двинуться къ Калишу, чтобы препятствовать непріятелю тревожить пути сообщенія съ Осѣкомъ и страну по нижней Вислѣ. Наконецъ для прикрытія дороги изъ Ловича къ арміи ген. Анрепъ съ Виртембергскимъ драгунскимъ полкомъ былъ выдвинутъ къ Сохачеву. Для большаго обезпеченія Лодзя приказано было 1-го сентября ген. Толстому съ лубенскими гусарами двинуться туда, чтобы вмѣстѣ съ Сѣвскимъ полкомъ очистить окрестную страну и затѣмъ занять позицію у Піотрокова, откуда поддерживать связь съ Кнорррингомъ и Ридигеромъ. Вмѣсто Сѣвскаго полка въ Раву отправленъ Алексопольскій. Въ то же время польскій маіоръ Піотровскій, съ сильною шайкою инсургентовъ, занялъ 30 августа Калишъ. Назначенныя тамъ Кнорррингомъ власти бѣжали, а надъ приверженцами русскихъ сдѣланы насилія. 1-го сентября Кнорррингъ явился передъ городомъ и предложилъ Піотровскому положить оружіе, но тотъ отвѣтилъ нападеніемъ, которое было отбито подольскими кирасирами. Піотровскій, вмѣстѣ съ частью польскаго населенія города, засѣлъ въ домахъ и садахъ предмѣстья, но былъ выбитъ оттуда 3-мя спѣшанными эскадронами тверскихъ драгунъ и бѣжалъ въ Краковское воеводство. Въ видахъ совершеннаго обезпеченія Брестскаго пути, по удаленіи Ромарино, фельдмаршалъ послалъ туда 2-го сентября ген. Отрощенко съ Вологодскимъ, 11-мъ егерскимъ и Грекова 5-го казачьимъ полками, съ приказаніемъ занять однимъ баталіономъ и 2-мя орудіями Минскъ, другимъ баталіономъ Калушинъ, а остальными 2-мя батал. съ 4-мя орудіями Сѣдльце. Для обезпеченія Отрощенко, въ случаѣ предпріятія изъ Модлина, ген. Крейцъ со 2-мъ корпусомъ долженъ былъ перейти въ Прагу.

Между тѣмъ, прибывъ въ главную польскую армію, Бергъ скоро убѣдился, что поляки и не думаютъ о покорности. Видя это Бергъ съ замѣчательнымъ искусствомъ велъ переговоры съ поляками, выигрывая время для того, чтобы наши войска покончили съ польскими корпусами, дѣйствовавшими отдѣльно отъ главной арміи. Между тѣмъ Паскевичъ, чтобы стѣснить непріятеля у Модлина и лишить его продовольствія отъ жителей, приблизилъ свои войска къ этому пункту по обѣимъ сторонамъ Вислы.

Для сообщенія-же между обѣими частями арміи признано необходимымъ устроить изъ понтоновъ, найденныхъ въ Варшавѣ, мостъ между Чонстковомъ Польскимъ и Сухочиномъ, верстахъ въ 7 выше Модлина. До изготовленія моста выдвинутъ былъ только правый флангъ подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, который, соединившись 4-го сентября съ Крейцомъ, долженъ былъ двинуться къ Сухочину; а Паленъ оставался у Повонзокъ для поддержки, въ случаѣ надобности, Шаховскаго; въ видахъ еще большей безопасности послѣдняго, онъ долженъ былъ занять возможно глубокое расположеніе а именно: авангардъ Сиверса, изъ 2-хъ гусарскихъ и оного казачьяго полковъ при 10-ти орудіяхъ, выдвинутъ на высоту Вульки-Гурски, имѣя противъ непріятеля, находившагося въ Новодворѣ, линію передовыхъ постовъ отъ Лончны до Окунина на Бугѣ; корпусъ Крейца расположился въ 5 вер. позади у Скердовъ; гренадеры Шаховскаго со сводною дивизіею изъ кирасиръ и уланъ, подъ начальствомъ Сакена,—еще далѣе назади у Яблонны; въ видѣ репли, 3-я гв. бригада стала на половинѣ дороги изъ Праги въ Яблонну (Пекельный шинокъ). Атаманскій казачій полкъ, съ 2-я эскадронами гусаръ и 2-я орудіями высланъ въ Непорентъ, съ приказаніемъ расположить сильные посты у Зегржа и Вышкова и поддерживать связь съ летучимъ отрядомъ Дохтурова. Послѣдній долженъ былъ открыть партизанскія дѣйствія съ сѣверо-восточной стороны между Наревомъ и Вкрою. На лѣвомъ берегу Вислы кн. Хилковъ, составляя съ 2-мя уланскими и 2-я казачьими полками авангардъ Палена, долженъ былъ выдвинуться изъ Келпина къ Ломнѣ и наблюдать за непріятелемъ до устья Бзуры.

По окончаніи моста, 7-го сентября, Паленъ перешелъ на позицію у Чонсткова Польскаго противъ Сухочина, а Хилковъ выдвинулся ближе къ Казуну, на высоту Чонсткова, и протянулъ посты чрезъ Чечотки и Глускъ до Вислы; для поддержки Палена, 6 баталіоновъ гвардіи выдвинуты на высоту Маримонта, а 1-я кирасирская дивизія перемѣщена на тѣсныя квартиры въ Заборовъ. Такимъ образомъ для польской арміи оставался свободнымъ только выходъ къ Плоцку.

Общій итогъ русскихъ силъ на указанныхъ пунктахъ былъ слѣдующій: а) у Палена 27 батал., 46 эккадр. и 101 ор., всего 21,000 чел.; б) у Шаховскаго съ Крейцомъ 26 батал., 27 эскадр. и 79 ор., всего 18,000 чел.; в) у Дохтурова 12 эск. и 2 казачьихъ полка, или 2,300 чел. съ 4 ор.; г) для поддержки этихъ отрядовъ 20,000 гв. корпуса находились въ Варшавѣ, ея окрестностяхъ и въ Прагѣ *). Польская армія, не смотря на раздѣльность расположенія русскихъ, ничего не предпринимала, а затѣмъ рѣшено было стремиться къ соединенію съ Ромарино и выступить въ Плоцкъ. Рыбинскій приказалъ перевезти понтоны изъ Модлина въ с. Токары, надѣясь скрыть это отъ русскихъ, на глазахъ которыхъ уже сплавлялись въ Плоцкъ суда съ больными. Между тѣмъ получено было тяжкое для поляковъ извѣстіе объ оттѣсненіи Ромарино въ Галицію ([468]).

Изгнаніе корпуса Ромарино въ австрійскія владѣнія.

Во время штурма Варшавы, при всеобщемъ замѣшательствѣ, польскій главнокомандующій не позаботился извѣстить Ромарино о поспѣшномъ движеніи его корпуса къ столицѣ. Первое свѣдѣніе о штурмѣ Ромарино получилъ 26-го августа утромъ въ Мендзыржецѣ; но такъ какъ это извѣстіе было неоффиціальное, то онъ выжидалъ сперва его подтвержденія и только къ вечеру выступилъ далѣе. На другой день ночью Ромарино, подходя форсированнымъ маршемъ къ Ополю, узналъ о вступленіи русскихъ въ Варшаву и о движеніи польской арміи къ Модлину. На другой день онъ собралъ военный совѣтъ, гдѣ, не смотря на возраженія большинства присутствовавшихъ офицеровъ, было рѣшено: въ виду того, что Пражскій мостъ находится въ рукахъ русскихъ и неизвѣстно будетъ-ли найденъ мостъ на Бугѣ, чтобы соединиться съ главной арміей, мѣстопребываніе которой тоже неизвѣстно,—двинуться или къ крѣпости Замостью, опираясь на которую открыть зимнюю кампанію, или переправиться чрезъ Вислу у Завихостья, чтобы въ связи съ Рожицкимъ перенести войну въ Краковское воеводство. Хотя большинство и приняло это рѣшеніе, но съ условіемъ, чтобы предварительно была сдѣлана попытка открыть связь съ главной арміей и немедленно исполнить приказанія, которыя оттуда будутъ получены. Бывшій арьергардъ Крушевскаго, ставшій теперь авангардомъ, долженъ былъ, съ большею частью пѣхоты, направиться въ часъ пополудни по дорогѣ въ Луковъ; Ромарино съ кавалеріею двинулся въ Сѣдльце, въ окрестностяхъ котораго притянутъ и Завадскій изъ Бойме съ бывшимъ авангардомъ. Между

*) *Отрядъ Палена*: часть 1-го пѣх. корпуса (12 бат.), 3-я грен. дивизія (8 бат.), Литовская гренад. бригада (4 б.), Кременчугскій и Елецкій полки (2 б.), 6-й саперный баталіонъ, первыя бригады 3-й кир. и 3-й уланской дивизій (24 э.), 2-я бригада 1-й уланской дивизіи (12 э.), часть 1-й гусарской дивизіи (10 э.), казачьи Катасанова и Борисова полки. *Отрядъ кн. Шаховскаго*: 4 полка 5-й пѣх. дивизіи (8 б.), 1-я и 2-я грен. дивизіи (18 б.), вторыя бригады 3-й кирасирской и 3-й уланской дивизій (15 э.), два гусарскихъ полка изъ корпуса Крейца (12 э.), Атаманскій и 5-й Черноморскій казачьи полки. *Отрядъ Дохтурова:* часть 1-й уланской дивизіи (8 э.), Финляндскій драгунскій полкъ (4 э.), казачьи полки Платова и № 60.

тѣмъ 27-го августа послано было Малаховскимъ приказаніе Ромарино, полученное имъ въ тотъ-же день, двинуться на соединеніе съ главной арміей чрезъ Каменчикъ, гдѣ ему будетъ приготовленъ мостъ. Но Ромарино, рѣшившійся исполнить первоначальный свой планъ, дававшій ему возможность дѣйствовать самостоятельно и отвѣчавшій также видамъ бывшихъ при немъ магнатовъ, которые не желали присоединенія къ главной арміи, сопровождаемой якобинцами,—объявилъ посланному, что исполненіе полученнаго приказанія весьма затруднительно: корпусъ его разбросанъ, потребуется около 24 часовъ на его сосредоточеніе, а въ это время подойдетъ Розенъ; Дохтуровъ можетъ воспрепятствовать устройству моста, а Паскевичъ изъ Праги заслонить путь въ Модлинъ. Напрасно посланный ему возражалъ, что, выславъ кавалерійскій отрядъ къ Ливцу, можно тамъ разрушить всѣ мосты, задержавъ такимъ образомъ Розена и т. п., Ромарино остался непреклоннымъ въ принятомъ имъ рѣшеніи и дозволилъ себѣ не исполнить приказанія главнокомандующаго.

Розенъ имѣлъ въ своемъ отрядѣ $21^1/_2$ батал., 24 эск. и 3 казачьихъ полка, всего 16,000 чел. (въ томъ числѣ 3400 кавал.) при 52 орудіяхъ, т. е. уступалъ числительностью Ромарино *). 27-го августа Розенъ, слѣдуя за Ромарино, прибылъ въ Мендзыржецъ, а Головинъ въ Збучинъ, гдѣ отъ предавшагося польскаго вахмистра получено было извѣстіе о паденіи Варшавы и о намѣреніи Ромарино двинуться на Луковъ и Замостье. Розенъ, намѣреваясь сначала обойти непріятеля съ фланга и, предупредивъ его у Коцка и Люблина, оттѣснить къ Вислѣ, двинулся 29-го числа къ Радзыну, а Головинъ, держась ближе къ непріятелю, пошелъ на Крынки. Въ то время какъ казаки авангарда завязали уже передъ Луковомъ перестрѣлку съ кракузами и обозъ польскій тянулся еще по дорогѣ, Головинъ получилъ приказаніе Розена приблизиться къ нему, такъ какъ корпусный командиръ опасался, что авангардъ, отдѣленный отъ него болотами, можетъ быть раздавленъ непріятелемъ. Исполнивъ это приказаніе, Головинъ приблизился къ главнымъ силамъ, вмѣстѣ съ которыми на слѣдующій день 30 августа вступилъ въ Радзынъ; тамъ узнали, что поляки въ тотъ-же день оставили уже Луковъ и чрезъ Войческовъ направились въ Серокомлю. Вслѣдствіе приказанія фельдмаршала, Розенъ выслалъ къ Ромарино ген. Сухтелена, чтобы выяснить намѣренъ-ли онъ, вопреки полученнаго распоряженія, продолжать непріязненныя дѣйствія, или-же направиться въ Плоцкъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ необходимо было условиться на счетъ его марша. Ромарино, котораго Сухтеленъ нашелъ въ Войческовѣ, объявилъ, что онъ не получилъ никакихъ приказаній и уклонился отъ движенія къ Плоцку, чего такъ страстно желали въ польской главной квартирѣ и чему готовы были содѣйствовать сами русскіе. 31 августа Ромарино выслалъ, боковой авангардъ въ Коцкъ, двинулся въ Лысобоки, гдѣ переправился черезъ устроенный для него Крушевскимъ мостъ, а затѣмъ направился частью на Мѣховъ, частью на Барановъ. Розенъ прибылъ къ вечеру въ Коцкъ. 1 сентября Ромарино пошелъ на Куровъ, а Головинъ, усиленный 24-ю дивизіею Фези, направился чрезъ Фирлей въ Каміонку и, послѣ перехода въ 40 в., къ вечеру достигъ Маркушева, гдѣ засталъ еще 6 польскихъ эскадроновъ. Польскій начальникъ объявилъ Головину, что онъ тамъ находится по приглашенію ген. Пашкова, двигавшагося, какъ было извѣстно, съ 8 эск. и 4 ор., изъ Люблина во флангъ полякамъ,—ввелъ его этимъ въ обманъ и благополучно отступилъ. Ночью русскіе узнали, что Ромарино поздно вечеромъ оставилъ Куровъ и направился частью на Ванвольницу, частью на Казимержъ. Послѣднее направленіе имѣло важное значеніе въ виду того, что вблизи отъ Казимержа находился мостъ, устроенный Ридигеромъ у Подгурже, овладѣніе которымъ было-бы весьма важно для поляковъ. Ридигеръ 31 августа заключилъ перемиріе съ Рожицкимъ, а на слѣдующій день получилъ увѣдомленіе отъ Паскевича, что Ромарино двигается къ Подгурже и что поэтому необходимо разрушить тамошній мостъ. Ридигеръ тотчасъ приказалъ командовавшему мостовыми укрѣпленіями въ Подгурже генералу Слатвинскому распорядиться перевозкой орудій изъ тетдепона на лѣвый берегъ рѣки и снятіемъ моста, а самъ, съ 7 батал. и 16 эскадронами, выступилъ 2-го сентября къ Вислѣ, чтобы дѣйствовать тамъ по обстоятельствамъ. Въ этотъ-же день на разсвѣтѣ производилась у Подгурже перевозка орудій съ праваго берега на лѣвый; въ 5 час. утра совершенно неожиданно появились польскія колонны, которыя, быстро слѣдуя впередъ, отрѣзали бывшій на развѣдкѣ эскадронъ драгунскаго полка и заняли безъ выстрѣла укрѣпленія праваго берега *); нѣсколько офицеровъ, двигаясь за отступающею частью гарнизона, проникли до моста. Это была бригада Завадскаго, которую Ромарино выслалъ для захвата моста. Въ Подгурже находился только Орловскій полкъ, весьма слабаго состава, и нѣсколько всадниковъ. На заявленіе, что со времени занятія Варшавы между обѣими сторонами существуетъ перемиріе, Завадскій отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и что онъ исполняетъ полученное приказаніе, а русскіе, если не желаютъ защищать переправу,—могутъ удалиться. Въ эту трудную минуту, докторъ Даль, очутившійся между польскими офицерами, быстро отошелъ отъ нихъ и затѣмъ, съ нѣсколькими солдатами, бросился черезъ мостовыя перила на плоты и, перепрыгивая съ одного на другой, перерубилъ якорные канаты; мостъ затрещалъ и поляки, уже находившіеся на немъ, поспѣшили удалиться назадъ; часть моста была снесена, а часть осталась у берега, изрублена тамъ и распущена по бревну раздосадованными поляками, которые оставались у Подгурже около 18 часовъ ([469]). Между тѣмъ Ромарино, опасаясь двигаться къ Замостью, чтобы не попасть между отрядомъ Кайсарова и Розена, выжидалъ въ Ванвольницѣ результатовъ предпріятія Завадскаго, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, направиться вверхъ по Вислѣ къ Завихостью и тамъ переправиться; но онъ не предувѣдомилъ объ этомъ Рожицкаго. Узнавъ о томъ, что Завадскій моста у Подгурже не захватилъ, Ромарино, въ виду приближенія Головина, двинулся къ Ополе, чтобы занять тамъ крѣпкую оборонительную позицію и выждать приближенія Завадскаго; арьергардъ польскаго корпуса былъ оставленъ въ Ковалѣ. Въ этотъ день, 2-го сентября, главныя силы Розена, сдѣлавъ небольшой переходъ, достигли Ванвольницы, а Головинъ подошелъ къ Ковалѣ и намѣревался атаковать тамъ польскій арьергардъ, какъ получилъ письмо отъ Ромарино, который, прилагая дневной приказъ Ридигера о перемиріи (касавшійся только войскъ этого генерала и Рожицкаго, что не было оговорено Ромарино), требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій впредь до разъясненія вопроса о перемиріи. Головинъ второй разъ вдался въ обманъ: отправивъ посланнаго къ Розену, онъ обѣщалъ отложить атаку до полученія отвѣта. Розенъ отвѣчалъ, что такъ какъ Ромарино уклонился отъ исполненія варшавскаго договора, то онъ требуетъ отъ него безусловной покорности. Отвѣтъ Розена прибылъ поздно и потому атаковать въ этотъ день польскій арьергардъ Головинъ не могъ и остался ночевать въ Незабытовѣ передъ Ковалой.

Съ этого дня, впрочемъ, преслѣдованіе должно было измѣнить свой характеръ, такъ какъ къ Розену прибылъ отъ фельдмаршала Сакена начальникъ штаба 1-й арміи, ген. Красовскій, съ приказаніемъ возможно настойчиво тѣснить непріятеля и не допустить его ни переправиться черезъ Вислу, ни уйти на Волынь. Красовскій, рѣшив-

*) См. прил. XXVII.

*) Эти укрѣпленія были очень слабы и назначались собственно для усиленія укрѣпленій на лѣвомъ берегу Вислы; нападенія съ праваго берега вовсе не предвидѣлось.

шись не давать непріятелю ни минуты отдыха, отправился въ авангардъ, чтобы принять надъ нимъ начальство. Авангардъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ полковъ 7-й пѣх. дивизіи, Брестскаго и Литовскаго полковъ 24-й дивизіи, Литовскаго и Волынскаго уланскихъ и казачьяго Ильина полковъ, всего 5800 чел. съ 16 ор. Главныя силы Розена и авангардъ выступили въ часъ пополудни 3-го сентября на Ковалу и далѣе къ Ополю. Не доходя двухъ верстъ до этого пункта, польскій арьергардъ, подъ начальствомъ Лангермана, былъ настигнутъ на позиціи прикрытой болотомъ, чрезъ которое можно было пройти только по бревенчатой плотинѣ длиною въ версту, такъ какъ всѣ мосты чрезъ отводныя канавы были разрушены. Открылась съ обѣихъ сторонъ канонада, а затѣмъ 13-й егерскій полкъ, воодушевленный словами Красовскаго: „они не знаютъ невозможнаго“, бросился чрезъ трясину; люди, утопая въ болотѣ, съ величайшими усиліями, помогая другъ другу, подвигались впередъ; въ тоже время 14-й егерскій полкъ двинулся по плотинѣ, а по исправленіи мостовъ перешли также Муромскій и Нижегородскій полки. Но непріятель не выждалъ приближенія русскихъ и отступилъ далѣе. Перешедшіе болото слабые 4 полка образовали всего лишь 5 баталіоновъ, а между тѣмъ, подвигаясь впередъ, они увидѣли Ополе, сильно занятое непріятелемъ, а далѣе назади всѣ силы Ромарино. Помощи русскимъ передовымъ частямъ нельзя было ожидать ни откуда, такъ какъ слѣдовавшій за ними непосредственно Фези былъ отвлеченъ внезапнымъ появленіемъ Завадскаго со стороны Глуско, а прочія войска растянулись по лѣсному дефиле. Красовскій рѣшился слабость отряда замѣнить смѣлостью нападенія; быстро устроивъ свои войска, онъ двинулъ Муромскій полкъ прямо на Ополе, а остальные три баталіона вправо въ обходъ; поляки, полагая, что авангардъ поддерживается всѣми силами Розена, отступили съ такою быстротою, что не успѣли разрушить мостовъ въ Ополе; Ромарино тоже сталъ отступать. Красовскій, занявъ Ополе, пріостановилъ движеніе до прибытія Фези съ 24-ю дивизіею и двумя уланскими полками.

Когда Завадскій показался отъ Глуско, Фези двинулся ему навстрѣчу и извѣстилъ Розена о его появленіи. Розенъ тотчасъ выслалъ Сухтелена съ 4-мя эскадронами и казаками Катасанова прямо изъ Ковалы (гдѣ онъ тогда находился) на Глуско. Но Завадскій дѣйствовалъ быстро и искусно; предавъ пламени обозъ и даже зарядные ящики, онъ бросился въ сторону чрезъ лѣса Ходлика, чтобы чрезъ Камень соединиться съ Ромарино. Фези, имѣя другое назначеніе, преслѣдовалъ недалеко и только казаки Катасанова направились за Завадскимъ; въ то же время Розенъ, прибывъ въ Ополе, выслалъ на Камень ген. Набеля съ уланскимъ и двумя пѣхотными полками; но Завадскій оказался быстрѣе русскаго генерала и ранѣе его миновалъ этотъ пунктъ. При дальнѣйшемъ движеніи русскаго корпуса, арьергардъ Ромарино пріостановился у Вржеловецъ *), чтобы дать время вытянуться своимъ главнымъ силамъ по узкой лѣсной дорогѣ. Красовскій выставилъ свои орудія, на которыя бросился Крушевскій съ нѣсколькими эскадронами уланъ; наши литовскіе уланы были опрокинуты и батареѣ угрожала опасность попасть въ руки непріятеля; но около ста застрѣльщиковъ Муромскаго полка, находившіеся въ прикрытіи лѣвѣе батареи, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ встрѣтили польскую конницу и отбросили ее, а затѣмъ и литовскіе уланы съ успѣхомъ возобновили атаку. Отойдя назадъ поляки пріостановились на высотѣ позади Вржеловца и послѣ непродолжительной канонады снялись съ позиціи; не доходя 3-хъ верстъ до Юзефова, они снова пріостановились, чтобы дать время присоединиться къ нимъ Завадскому, двигавшемуся отъ Каменя. Ромарино значительно

*) См. карту послѣднихъ операцій Розена.

усилилъ свой арьергардъ. Фези, шедшій съ 24-ю дивизіею впереди авангарда, встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Тогда Красовскій выслалъ Бѣлостокскій и Литовскій полки вправо во флангъ непріятелю, а самъ съ тремя полками 7-й пѣх. дивизіи и харьковскими уланами обошелъ поляковъ слѣва. Поляки, къ которымъ успѣлъ присоединиться Завадскій, упорно держались; но Брестскій и Муромскій полки, имѣя во главѣ Фези и начальника штаба Розена Гасфорта, устремились по улицѣ мѣстечка, а войска Красовскаго бѣгомъ его обошли, настигли часть поляковъ у моста черезъ протекающую тамъ рѣчку и опрокинули ихъ. Преслѣдованіе продолжалось еще 3 версты до Нешавы, гдѣ, вслѣдствіе наступившей темноты, было прекращено. Въ теченіи 15 часовъ нашъ авангардъ, тѣсня непріятеля, сдѣлалъ 40 верстъ. Ромарино двинулся далѣе на Раховъ. Тамъ онъ съ ужасомъ узналъ, что мостъ для него у Завихостья не приготовленъ. Начальникъ его штаба, В. Замойскій, въ тотъ-же день написалъ письмо Рожицкому, прося поспѣшить наводкой моста, но Рожицкій получилъ это письмо 4-го сентября въ 9 ч. утра, находясь въ Куновѣ, т. е. въ 40 в. отъ Завихостья, и только тогда выслалъ маіора Віельгурскаго для приготовленія всего необходимаго, а между тѣмъ мостовыя принадлежности находились въ Сандомірѣ и инженеры объявили, что ранѣе вечера 5-го сентября невозможно навести мостъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что Рожицкій, хотя и несвоевременно увѣдомленный Ромарино, имѣлъ возможность подготовить для него переправу, такъ какъ еще за нѣсколько дней онъ зналъ о приближеніи Ромарино.

Между тѣмъ Красовскій предложилъ Розену оставить на другой день всѣ тяжести и обозы у Юзефова, а затѣмъ двинуться впередъ на легкѣ, причемъ авангарду и главнымъ силамъ слѣдовать въ совокупности, чтобы атаковать непріятеля тотчасъ какъ онъ будетъ настигнутъ. Русскіе выступили 4-го сентября въ 4 ч. утра въ такомъ порядкѣ: впереди казаки и харьковскіе уланы, за ними 8-я пѣх. дивизія, далѣе литовскіе и волынскіе уланы, затѣмъ полки 25-й пѣх. дивизіи и наконецъ войска, сражавшіяся наканунѣ.

Поляки развернули свои силы у Рахова и казалось намѣревались держаться упорно, чтобы выиграть время для устройства моста у Завихостья. Но затѣмъ скоро очистили свою позицію; тогда 15-й и 16-й егерскіе и Тамбовскій полки бросились на Раховъ, а 300 казаковъ, поддержанные харьковскими уланами, опрокинули 3-й польскій уланскій полкъ, взявъ плѣнныхъ, и весь польскій отрядъ сталъ отступать къ Завихостью. Это быстрое отступленіе объясняется тѣмъ, что Ромарино получилъ извѣстіе будто ген. Ротъ приближается къ нему отъ Красника во флангъ, что вызвало опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ Завихостья. Поляки отступили къ Косину, противъ Завихостья, въ одной верстѣ отъ берега, и заняли позицію на р. Санѣ. Фронтъ ихъ усиливался селеніемъ и р. Тучиномъ, а лѣвый флангъ прикрывался р. Саномъ; въ тылу находился большой лѣсъ.

На этой позиціи полякамъ приходилось упорно удерживаться, чтобы дать время навести мостъ, матеріалы для котораго были частью собраны, а также чтобы предоставить утомленнымъ войскамъ нѣкоторый отдыхъ. Ромарино созвалъ военный совѣтъ, на которомъ, изложивъ положеніе дѣлъ, поставилъ вопросъ о направленіи дальнѣйшихъ дѣйствій; почти единогласно было принято рѣшеніе—отступить въ предѣлы Австріи, такъ какъ нечего было и думать о скоромъ устройствѣ моста, а держаться долго противъ непріятеля, хотя и не сильнѣйшаго числомъ, но одушевленнаго успѣшнымъ наступленіемъ, казалось невозможнымъ; столь-же мало возможнымъ представля-

лось движеніе къ Замостью, причемъ приходилось выдержать цѣлый рядъ нападеній съ фланга, за успѣхъ отбитія которыхъ войсковые начальники не ручались.

При выходѣ изъ Косинскаго лѣса, русскіе, встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ, выставили 30 орудій и завязалась канонада, во время которой подтянулись войска. Слабѣйшимъ пунктомъ непріятельской позиціи былъ правый флангъ у Мнишека, гдѣ вскорѣ неожиданно для обѣихъ сторонъ показался ген. Пашковъ. Онъ былъ посланъ Ридигеромъ, съ 8-ю эскадронами и 4-мя орудіями, вверхъ по лѣвому берегу Вислы, для наблюденія за поляками, и, двигаясь два дня параллельно имъ, успѣлъ переправиться у Юзефова.

Чтобы воспрепятствовать непріятельской переправѣ у Юзефова, Красовскій становится во главѣ 13-го, 14-го и 49-го егерскихъ и Тамбовскаго пѣхотнаго полковъ, и, приказавъ имъ сложить ранцы, бѣгомъ двигается мимо самаго селенія, противъ лѣваго непріятельскаго фланга, къ которому становится перпендикулярно, тыломъ къ Вислѣ; въ тоже самое время Розенъ ведетъ атаку съ фронта, а Пашковъ съ лѣваго фланга. Поляки, не выждавъ нападенія и согласно принятому рѣшенію, снялись съ позиціи и двинулись къ Борову. Рѣчка у Косина задержала нашу кавалерію, такъ что преслѣдованіе на нѣкоторое время пріостановилось. Поляки заняли позади Борова позицію, примкнувъ тыломъ къ австрійской границѣ; они вытянулись въ одну линію и выставили на позицію 40 орудій, открывшихъ сильнѣйшую канонаду по с. Борову, занятому русскими.

Такъ какъ въ это время получено было извѣстіе, что ген. Ротъ съ 10 батал. и 18 эск., изъ войскъ блокировавшихъ Замостье, прибылъ на правый флангъ непріятеля въ Красникъ и Госчеродовъ, то для непріятеля исчезала всякая возможность спасенія; раньше или позже поляки должны были перейти границу, а потому, во избѣжаніе напрасныхъ жертвъ, русскія войска были расположены за мѣстными укрытіями и непріятелю противопоставлена была только батарея въ 11 ор. позади Борова; единственная-же дорога къ Замостью чрезъ Заликовъ была занята казаками. Послѣ двухчасовой безцѣльной канонады, поляки, при посредствѣ переѣхавшаго границу австрійскаго маіора Сталя, неоднократно пытались вступить въ переговоры съ Розеномъ, но тотъ отвергъ всякія предложенія, требуя безусловной покорности. Такъ какъ притомъ значительная часть корпуса перешла черезъ границу добровольно, то польскіе военачальники еще до разсвѣта 5-го числа рѣшились сдѣлать этотъ шагъ и съ остальными войсками.

Австрійскія войска встрѣтили ихъ у Хваловицъ и направили къ Сану, гдѣ они были обезоружены генераломъ Бертолетти. Такимъ образомъ, когда русскія войска подошли утромъ 5-го сентября къ границѣ, то не нашли тамъ уже ни одного поляка. Перейдя даже границу польскіе военачальники расчитывали еще на 12 большихъ барокъ, собранныхъ у Завихостья, которыя Ромарино приказалъ подымать вверхъ по Вислѣ. Русскіе, узнавъ объ этомъ, выслали казаковъ, которые успѣли перехватить суда и пригнали ихъ къ Завихостью; точно также были приняты мѣры къ уничтоженію мостовыхъ матеріаловъ, хранившихся въ Сандомірѣ.

Между тѣмъ поляки не желали разоруживаться, такъ что ген. Бертолетти, войдя въ сношеніе съ Розеномъ, пригрозилъ вмѣшательствомъ русскихъ; тогда наконецъ поляки сдались; они были раздѣлены на 3 колонны и отведены внутрь страны. Число перешедшихъ границу простиралось до 15000 чел. съ 40 ор. Въ числѣ сдавшихся австрійцамъ были генералы: Ромарино, Сѣравскій, Бѣлинскій, Лангерманъ, Завадскій и друг. Изъ числа магнатовъ Чарторижскому, Густ. Малаховскому и нѣкоторымъ другимъ удалось на лодкѣ переплыть Вислу, а затѣмъ присоединиться къ Рожицкому. Вся потеря русскихъ за время преслѣдованія простиралась до 500 чел.; потери поляковъ въ бою были тоже незначительны, плѣнными у нихъ взято 300 чел., добровольно сдалось около 1000 чел., но за то число разбѣжавшихся было весьма значительно, чѣмъ и объясняется убыль корпуса въ $^1/_3$—$^1/_4$ его состава.

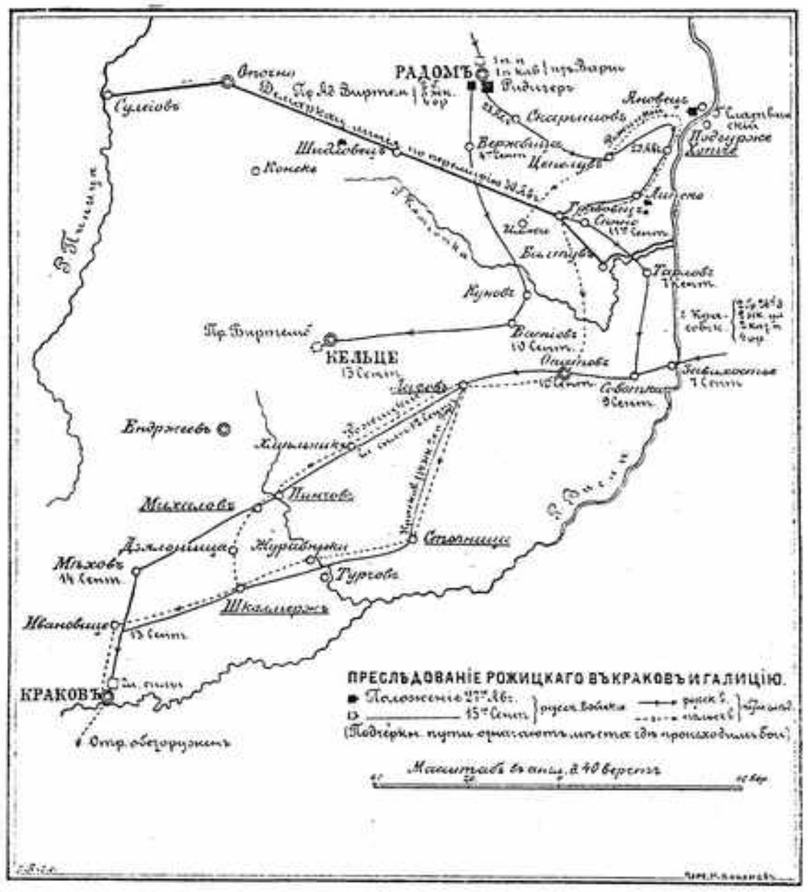
Съ военной точки зрѣнія дѣйствія Ромарино не только не выдерживаютъ критики, но и вызываютъ осужденіе. Въ минуту опасности грозящей столицѣ онъ удаляется, въ безплодной погонѣ за Розеномъ, къ Терасполю, на 180 верстъ; затѣмъ медленно, съ колебаніями отступаетъ. Получивъ приказаніе присоединиться къ арміи, онъ дозволяетъ себѣ подъ пустыми предлогами ослушаться главнокомандующаго. Далѣе ему представляется счастливый случай овладѣть мостомъ у Подгурже, но онъ не потрудился столь важнаго дѣла исполнить лично, а поручилъ его своему подчиненному. Послѣ того онъ обнаруживаетъ такую непредусмотрительность, что забываетъ своевременно извѣстить Рожицкаго о приготовленіи для него моста. Всѣ позиціи, въ томъ числѣ и такую превосходную какъ у Ополя, онъ не удерживаетъ за собою и съ непонятной поспѣшностью очищаетъ ихъ; а между тѣмъ, твердо сдерживая русскихъ, онъ выигралъ-бы время для устройства въ тылу моста чрезъ Вислу. Собравъ въ Завихостьи барки, Ромарино не пытается спасти хотя-бы часть своего отряда. Наконецъ его поспѣшное бѣгство ничѣмъ не вызывалось, такъ какъ онъ былъ сначала сильнѣе Розена и только подъ конецъ, растративъ при форсированныхъ переходахъ множество людей, сравнялся съ нимъ числительностью отрядовъ. Для объясненія дѣйствій Ромарино необходимо имѣть въ виду, что онъ предался находившимся при немъ магнатамъ, партіи Чарторижскихъ, и долженъ былъ подчиняться ихъ рѣшеніямъ; представители-же этой партіи, сопутствовавшіе ему, вовсе не желали, какъ выше замѣчено, присоединенія къ главной арміи. Что касается русскихъ, то въ дѣйствіяхъ ихъ замѣчается сначала излишняя осторожность; затѣмъ Головинъ позволяетъ два раза послѣдовательно себя обмануть и вслѣдствіе этого теряетъ случай нанести непріятелю пораженіе. Съ прибытіемъ Красовскаго характеръ преслѣдованія измѣняется: оно становится быстрымъ, энергическимъ и непрерывнымъ, но притомъ русскіе генералы упускаютъ случай перехватить Завадскаго ([470]).

Изгнаніе Рожицкаго въ Краковъ и Галицію.

Ридигеръ, откомандировавъ Гейсмара съ двумя бригадами пѣхоты въ главную армію, не могъ предпринять рѣшительныхъ дѣйствій противъ Рожицкаго. Послѣдній, усилившись въ Илжѣ до 9000 чел., получилъ приказаніе Круковецкаго, отъ 22-го августа, безпрерывно тревожить русскихъ, угрожать ихъ сообщеніямъ, уничтожить, если возможно, мостъ у Подгурже и собрать въ Сандомірѣ *) мостовыя принадлежности на случай устройства моста въ Завихостьи. Вслѣдствіе этого Рожицкій произвелъ покушеніе противъ моста; для замаскированія своего движенія и угрозы Радому, онъ выдвинулъ ген. Каминскаго съ 2000 чел. къ Скарышеву, а самъ скрытно отправился внизъ по р. Илжѣ, чрезъ Цепеловъ и Хотезу въ Яновецъ. По прибытіи къ послѣднему пункту онъ тотчасъ двинулъ полк. Ледоховскаго съ двумя баталіонами штурмовать мостовое укрѣпленіе; но эта атака была отбита огнемъ русскихъ. Между тѣмъ Ридигеръ, узнавъ объ этомъ предпріятіи, оставилъ въ Радомѣ, для противодѣйствія Каминскому, пр. Адама Виртембергскаго, съ однимъ своднымъ баталіономъ, 6 эскадр. и 4 орудіями, а самъ, съ 6-ю баталіонами и остальною кавалеріей, при артиллеріи,

*) См. карту дѣйствій Рожицкаго.

поспѣшилъ за Рожицкимъ чрезъ Скарышевъ и Цепеловъ въ Яновецъ. Рожицкій, узнавъ о движеніи Ридигера, уклонился отъ встрѣчи съ нимъ и 29-го августа съ разсвѣтомъ выступилъ изъ Яновца къ Хотезу, гдѣ его арьергардъ былъ настигнутъ Ридигеромъ. Квятковскій съ подляхскими стрѣлками и литовско-русскимъ легіономъ, прикрывая мостъ чрезъ р. Хотезу, былъ атакованъ авангардомъ Ридигера (Московскій драгунскій полкъ и 2 батал. пѣхоты) и потерпѣлъ совершенное пораженіе; около 500 чел., въ томъ числѣ и Квятковскій, попали въ плѣнъ. Рожицкій быстро ушелъ къ Липско, за которымъ уже начинались лѣса; онъ былъ преслѣдуемъ и настигнутъ только кавалеріей, такъ какъ пѣхота Ридигера была задержана у Липско узкимъ мостомъ и потому отстала.



На слѣдующій день Ридигеръ возобновилъ преслѣдованіе на Грабове, но на маршѣ получилъ отъ фельдмаршала (извѣщавшаго его о взятіи Варшавы) приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого 31-го числа было заключено съ Рожицкимъ перемиріе и опредѣлена демаркаціонная линія, простиравшаяся отъ Суліева на Пилицѣ, чрезъ Опочно, Шидловецъ, Грабовѣ и Балтовъ на р. Каміонкѣ и по ней до ея устья. Военныя дѣйствія могли возобновиться только по предварительномъ извѣщеніи за 24 часа. Ридигеръ оставилъ на демаркаціонной линіи только казаковъ, а самъ съ остальными войсками двинулся 1-го сентября въ Радомъ. Но перемиріе продолжалось не долго. Ридигеръ, извѣстившись о покушеніи Ромарино противъ Подгурже, далъ знать 4-го сентября Рожицкому о возобновленіи военныхъ дѣйствій съ вечера слѣдующаго дня, а въ тоже время самъ съ главными силами (7 бат., 16 эск. и 20 конныхъ орудій) двинулся къ Сѣнно и Жеборжину; пр. Адамъ Виртембергскій, смѣненный въ Радомѣ 1 пѣх. и 1 кавал. полками, прибывшими изъ Варшавы, былъ направленъ къ Вержбицѣ, для прикрытія Ридигера съ фланга и наблюденія пространства между Илжою и Шидловцемъ. На слѣдующій день, сосредоточивая свои войска на Каміонкѣ, Ридигеръ узналъ о переходѣ Ромарино въ Галицію. Имѣя всего около $3^1/_2$ т. пѣхоты, которыхъ было совершенно недостаточно не только для дѣйствій противъ непріятеля, но также для обезпеченія тыла, занятія нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ и т. п. (а кавалерія мало могла принести пользы въ этой гористой и лѣсистой странѣ), Ридигеръ просилъ Головина (замѣнившаго въ командованіи 6-мъ корпусомъ барона Розена, назначеннаго командиромъ Отдѣльнаго кавказскаго корпуса) усилить его частью войскъ 6-го корпуса. Головинъ равно и Красовскій согласились на это. Обезпеченный такимъ обѣщаніемъ, Ридигеръ выступилъ изъ Тарлова, который онъ занялъ 7-го сентября, къ Ожарову, гдѣ нашелъ Красовскаго и Головина; первый изъ нихъ пожелалъ принять участіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и вызвался командовать авангардомъ, а послѣдній возвратился въ Завихостье, чтобы прислать Ридигеру просимыя подкрѣпленія. Для этого были назначены: 4 сводныхъ баталіона 24-й дивизіи, 2 эскадрона С.-Петербургскихъ и Харьковскихъ уланъ, 4 конныхъ орудія и 500 казаковъ, всего 3225 чел. подъ начальствомъ ген. Фези.

Рожицкій (напрасно пытавшійся нѣсколько разъ возобновить перемиріе) расположился въ Мниховѣ, недалеко отъ Кунова, а отрядъ Каминскаго поставилъ въ Опатовѣ *). 8-го сентября онъ выступилъ къ Слупянову въ Свентокржишскихъ лѣсахъ съ цѣлью вести тамъ оборонительную войну; влѣво у Бедзентына онъ расположилъ полк. Ландскронскаго, а правѣе у Опатова—Каменскаго, который долженъ былъ поддерживать сообщеніе съ Сандоміромъ, Ридигеръ же ставилъ себѣ цѣлью обойти правый флангъ непріятеля, отрѣзать его отъ Кракова и Галиціи, разбить, если удастся настигнуть и отбросить на главную армію или къ прусской границѣ. 10-го числа Ридигеръ двинулся изъ Ожарова къ Соботкѣ, гдѣ соединился съ Фези. Сила русскаго отряда простиралась до 6000 пѣх., 2800 кавал. и 24 конныхъ орудій. Каменскій, оставивъ Опатовъ, двинулся къ Лагову на соединеніе съ Рожицкимъ. Силы поляковъ почти были равны русскимъ и простирались до 9000 чел., но только при 9-ти орудіяхъ. Ридигеръ прибылъ въ Опатовъ въ 10 ч. утра и послѣ нѣкотораго отдыха продолжалъ движеніе къ Лагову, имѣя авангардъ подъ начальствомъ Красовскаго. Плахово, шедшій впереди съ 10-ю эскадронами, наткнулся у Лагова на всѣ силы Рожицкаго, атаковалъ его кавалерію и опрокинулъ ее; это заставило непріятеля оставить свое расположеніе. Небольшая часть войскъ Рожицкаго направилась въ Кельце, а остальныя по лѣсистой дорогѣ на Раковъ. Отступленіе главныхъ польскихъ силъ прикрывалъ арьергардъ изъ кавалеріи и 4 баталіоновъ пѣхоты (22-й линейный и Краковскій егерскій полки); но часть русской кавалеріи обошла лѣсъ, атаковала непріятельскій арьергардъ и разсѣяла одинъ баталіонъ. Затѣмъ, вслѣдствіе наступавшаго вечера, преслѣдованіе было прекращено. Потери непріятеля простирались до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ (200 чел.

*) Тамъ въ лагерѣ поляковъ появился Скржинецкій, преслѣдуемый якобинцами и бѣжавшій изъ Варшавы въ лакейской одеждѣ, на запяткахъ кареты одной дамы; отъ Рожицкаго онъ долженъ былъ удалиться къ своему другу Чарторижскому въ Кельцы. Преслѣдуемый своими врагами, Скржинецкій бѣжалъ въ Краковъ, но и тамъ не нашелъ покоя, пока наконецъ перебрался въ Галицію.

взято въ плѣнъ); русскіе лишились 52 чел. Ридигеръ прибылъ въ Лаговъ поздно вечеромъ, а Рожицкій въ Раковъ ночью. Намѣреваясь держаться за Нидой, польскій генералъ двинулся съ главными силами на Хмѣльникъ и Пинчовъ, куда были направлены и войска, отступавшія къ Кельцамъ; большая же часть кавалеріи съ 3-мя баталіонами пѣхоты и 2-мя орудіями была выслана, подъ начальствомъ Каменскаго, къ Стопницѣ, съ приказаніемъ занять тамъ крѣпкую позицію для прикрытія праваго фланга главныхъ силъ. Рожицкій полагалъ переправиться черезъ Ниду, сломать на ней мосты, притянуть къ себѣ отряды изъ разныхъ пунктовъ Краковскаго и Калишскаго воеводствъ и, занявъ выгодную позицію, остановить Ридигера. Полк. Обуховичъ обѣщалъ ему привести къ 18 сентября $4^1/_2$ т. человѣкъ, въ томъ числѣ 12 эск. изъ старыхъ солдатъ, преимущественно принадлежавшихъ къ корпусу Дверницкаго, которымъ удалось пробраться изъ Галиціи.

Въ то время какъ Ридигеръ 10 сентября перешелъ изъ Ожарова къ Лагову, пр. Адамъ Виртембергскій, прикрывавшій его флангъ и тылъ, долженъ былъ перейти отъ Вержбицы къ Кунову и Васніову; при этомъ его авангардъ напалъ внезапно при Ванхоцкѣ на непріятельскій отрядъ изъ 50 чел. и захватилъ часть его. По приказанію Паскевича, гр. Толстой, какъ указано выше, долженъ былъ съ Сѣвскимъ пѣхотнымъ и Лубенскимъ гусарскимъ полками смѣнить въ Радомѣ принца, а для подкрѣпленія послѣдняго ген. Набель получилъ приказаніе съ 6-ю эскадронами петербургскихъ и харьковскихъ уланъ, оставшихся въ Завихостьи, двинуться въ Кельце.

Ридигеръ 11 сентября въ 3 ч. утра направился къ Ракову; узнавъ тамъ о раздѣленіи непріятельскихъ силъ на двѣ части, онъ тоже раздѣлился на двѣ колонны; одну, подъ начальствомъ Красовскаго, составляли 12 эскадроновъ (по четыре э. Новороссійскаго и Кинбурнскаго драгунскихъ, 2 эск. Дерптскаго конно егерскаго и по одному э. Петербургскаго и Харьковскаго уланскихъ полковъ), 2 казачьихъ полка и 9 конныхъ орудій, всего около 2000 чел.; въ составъ другой, подъ начальствомъ Ридигера, вошли остальныя его войска. Красовскій былъ направленъ къ Стопницѣ для преслѣдованія Каменскаго, а Ридигеръ пошелъ на Пинчовъ за Рожицкимъ.

Между тѣмъ Каменскій, узнавъ о приближеніи къ Стопницѣ Красовскаго, не рѣшился защищать позицію со своей кавалеріей и косиньерами и отошелъ къ Вислицѣ за Ниду. Красовскій въ часъ пополудни 12 сентября двинулся вслѣдъ за непріятелемъ и основательно полагая, что мостъ у Вислицы разрушенъ, пошелъ къ с. Зуровникамъ. нѣсколько выше Вислицы, гдѣ переправился въ бродъ и съ разсвѣтомъ вышелъ на дорогу изъ Вислицы въ Шкалмбержъ. Желая во что бы то ни было нагнать непріятеля, отступавшаго на Шкалмбержъ, Красовскій не дозволилъ даже напоить лошадей. Подходя къ Шкалмбержу, онъ нашелъ его занятымъ непріятелемъ и въ тоже время услышалъ справа, по направленію къ Пинчову гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. Выдвинувъ на дорогу ведущую къ этому пункту два казачьихъ полка, Красовскій приказалъ своимъ орудіямъ обстрѣливать непріятеля, а затѣмъ бросился на него въ атаку. Польская конница была опрокинута, пѣхота смята, причемъ одинъ баталіонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, положилъ оружіе; при дальнѣйшемъ преслѣдованіи, обратившагося въ совершенное бѣгство отряда Каменскаго, взято множество плѣнныхъ (въ общемъ попали въ руки русскихъ около 2000 ч.) и только незначительные остатки спаслись. Подъ конецъ преслѣдованія только 30 казаковъ Ильина гнались за Каменскимъ и сопровождавшими его нѣсколькими офицерами. Кавалерія Красовскаго сдѣлала въ одинъ день 70 верстъ и, благодаря такой энергіи, можно сказать совершенно уничтожила непріятельскій отрядъ. Каменскій ускакалъ въ Краковскія владѣнія, куда собрались и незначительные остатки его войскъ, пробравшіяся въ одиночку по боковымъ дорогамъ. Красовскій со своимъ отрядомъ прибылъ въ Ивановице, вблизи краковской границы, чтобы выждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Рожицкій, находясь въ Пинчовѣ, узналъ о предпринятомъ Каменскимъ отступленіи къ Шкалмбержу; такъ какъ при этомъ его правый флангъ обнажался, то онъ отказался отъ обороны Ниды и рѣшился отступить къ Мѣхову. Для прикрытія этого движенія онъ назначилъ въ арьергардъ лучшія свои войска: 22-й лин. полкъ и стрѣлковъ Гротгуса, подъ начальствомъ извѣстнаго Заливскаго, прибывшаго къ его отряду. Ридигеръ выступилъ изъ Хмѣльника рано утромъ 12-го сентября и, узнавъ что непріятель занимаетъ еще Пинчовъ, выслалъ впередъ на рысяхъ ген. Плахово съ Московскимъ драгунскимъ и Черниговскимъ конно-егерскимъ полками, чтобы воспрепятствовать непріятелю разрушить мостъ. Оберъ квартирмейстеръ, полк. Крюковъ, съ головными эскадронами опрокинулъ непріятельскіе передовые посты, обскакалъ мѣстечко, переправился вплавь чрезъ Ниду и угрозой обходомъ заставилъ непріятеля поспѣшно отступить, причемъ мостъ былъ подожженъ лишь слегка и скоро потушенъ при посредствѣ жителей. Тогда Плахово пустился въ погоню за непріятелемъ, котораго настигъ при с. Михаловѣ; поляки хотѣли защищаться въ домахъ, но, угрожаемые обходомъ 2-хъ эскадроновъ, бросились назадъ и выстроились въ каре для встрѣчи русской кавалеріи. Открывшая огонь конная артиллерія привела ихъ въ смятеніе, но Московскіе драгуны и Черниговскіе конно-егеря прорвали сперва каре баталіона Гротгуса, а затѣмъ и 22-го полка. Поляки потеряли по показанію Рожицкаго 500 ч., а по свѣдѣніямъ Ридигера 1000.—Въ этотъ же день пр. Виртембергскій занялъ Кельце. Между тѣмъ Рожицкій продолжалъ движеніе къ Дзялошицамъ, гдѣ надѣялся встрѣтить отрядъ Каменскаго, но узналъ лишь о его пораженіи. Не имѣя времени отдохнуть, поляки продолжали движеніе къ Мѣхову, куда прибыли въ полномъ изнеможеніи 12 сентября ночью. Тамъ Рожицкій нашелъ только 2 ор. Каменскаго и нѣсколько небольшихъ ополченскихъ отрядовъ, охранявшихъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ (въ томъ числѣ и захваченныхъ въ Варшавѣ въ 1-й день возстанія). Рожицкій ясно видѣлъ, что и ему остается лишь одно средство—перейти предѣлы Царства, поэтому онъ освободилъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, распустилъ по домамъ сторожившихъ ихъ ополченцевъ, а самъ направился къ Олькушу. Но въ это время преслѣдованіе было уже пріостановлено русскими; причина тому была слѣдующая. Ридигеръ получилъ предписаніе фельдмаршала, отъ 10 сентября, пріостановить рѣшительныя дѣйствія противъ Рожицкаго въ виду намѣренія главной польской арміи переправиться у Плоцка и затѣмъ чрезъ Піотрковъ броситься въ Краковское воеводство. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ридигеру были подчинены, кромѣ войскъ Фези, еще нѣкоторыя части 6 корпуса (1500 ч. пѣхоты и 1000 ч. кав.) съ 26 орудіями, но изъ нихъ 700 ч. должны были оставаться въ Завихостьи для охраненія переправы. Остальныя войска, входившія въ составъ отряда Розена (напр. части 7 и 8 пѣх. дивизіи), Головинъ долженъ былъ отвести въ Прагу.

По расчетамъ Ридигера, непріятель, переправясь 10-го числа у Плоцка, не могъ быть въ Піотрковѣ ранѣе 16-го; поэтому онъ двинулъ названныя выше части 6-го корпуса въ Кельце на присоединеніе къ принцу Виртембергскому, которому приказалъ высылать сильные разъѣзды къ Конску для своевременнаго извѣщенія о движеніи непріятеля къ Піоткову или Опочно; гр. Толстому приказано оставить въ Радомѣ Сѣвскій полкъ, а Лубенскимъ гусарскимъ занять Опочно и высылать разъѣзды къ Равѣ. Ридигеръ расчитывалъ, что, въ случаѣ приближенія польской арміи отъ Плоц-

ка, онъ будетъ имѣть возможность сосредоточить къ 16-му числу у Конска и остальныя свои войска. Въ Пинчовѣ онъ далъ 13-го сентября отдыхъ своимъ войскамъ, а 14-го направился къ Мѣхову; Красовскій оставался въ Ивановицахъ. Между тѣмъ Рожицкій рѣшился перейти въ Краковскія владѣнія, гдѣ надѣялся пробыть, не слагая оружія, до тѣхъ поръ пока подойдетъ польская армія, а затѣмъ полагалъ присоединиться къ ней. 14-го числа онъ перешелъ границу и расположился у Хржанова, гдѣ, при безсиліи краковскаго правительства, могъ оставаться въ спокойствіи. Съ уходомъ его многіе жители, изъ мѣстностей занятыхъ нашими войсками, тотчасъ изъявили покорность русскому правительству; тоже сдѣлалъ и генералъ Стрыенскій съ 2000 чел. запасныхъ кавалерійскихъ кадровъ.

Вольный городъ Краковъ съ областью, на основаніи рѣшеній Вѣнскаго конгресса, былъ подъ покровительствомъ Австріи, Пруссіи и Россіи; правленіе его состояло изъ президента и 12 сенаторовъ; законодательная власть принадлежала палатѣ депутатовъ. Во время польской революціи 1830—1831 года Краковъ не остался безучастнымъ къ событіямъ разыгрывавшимся въ сосѣдней странѣ; толпы студентовъ и вообще молодежи поступали въ польскую армію, благословляемые ксендзами; жители Познани и Галиціи массами проходили чрезъ него въ Польшу; краковскіе купцы были поставщиками свинца, пороха, снарядовъ, добываемыхъ ими изъ Галиціи; однимъ словомъ городъ представлялъ настоящее военное депо для польскаго революціоннаго правительства. Правленіе не имѣло реальной силы, чтобы противиться подобной дѣятельности, а на его протесты и приказанія войскамъ Каменскаго удалиться изъ предѣловъ области не обращалось почти никакого вниманія. Но когда 13-го сентября получено было письмо Красовскаго съ требованіемъ выдать бѣглецовъ и ихъ оружіе, въ противномъ случаѣ онъ самъ туда явится, то это возъимѣло свое дѣйствіе и сенатъ 14-го сентября потребовалъ, чтобы чужеземные солдаты въ 24 часа или сдались военноплѣнными или перешли въ предѣлы Австріи.

Между тѣмъ Ридигеръ, недовольный Красовскимъ за его торопливое посольство въ Краковъ, прибылъ самъ 15-го въ Ивановице и,ославъ извѣщеніе сенату, что онъ по приказанію свыше вступаетъ въ Краковъ, дѣйствительно къ вечеру двинулся туда съ авангардомъ, а главныя силы подошли на другой день изъ Мѣхова. Рожицкій, узнавъ объ этомъ, перешелъ 16-го сентября съ остатками своего отряда (1400 чел. при 6 ор.) въ Галицію у Бобрека и положилъ оружіе (съ нимъ между прочимъ ушли: Шембекъ, Уминскій, бѣжавшій изъ Плоцка въ одеждѣ кучера, и пр.). Послѣ этого Ридигеръ, оставивъ по требованію Пруссіи и Австріи одинъ баталіонъ въ городѣ для поддержанія порядка, съ остальными войсками выступилъ изъ Кракова 18 сентября. Въ тоже время пр. Виртембергскій двинулся изъ Кельце къ Ченстохову, занялъ его (съ большими провіантскими магазинами) 17 сентября и освободилъ послѣднихъ русскихъ плѣнныхъ. Такимъ образомъ Ридигеръ въ теченіи шести недѣль, то превосходя непріятеля силами, то чаще уступая ему, разбилъ, частью истребилъ, частью изгналъ за предѣлы Польши, около 10000 непріятельскихъ войскъ; онъ захватилъ также не мало всякаго рода запасовъ и освободилъ изъ плѣна 9 генераловъ, 100 офицеровъ и 10000 нижнихъ чиновъ. Таковы были результаты его хорошо соображенныхъ, то осторожныхъ, то смѣлыхъ, быстрыхъ и энергическихъ дѣйствій. Что касается Рожицкаго, то его система мелкихъ партизанскихъ нападеній давала лучшіе результаты нежели операціи совокупными силами. Какъ только онъ сосредоточился въ крупныя массы, то тотчасъ въ открытомъ полѣ сталъ терпѣть одно пораженіе за другимъ. Тѣмъ не менѣе ему удалось протянуть борьбу до самаго почти конца ([471]).

Вытѣсненіе въ предѣлы Пруссіи главныхъ силъ польской арміи подъ начальствомъ Рыбинскаго и окончаніе войны.

Вѣсть объ изгнаніи Ромарино въ Галицію произвела сильное впечатлѣніе въ главной польской арміи; становилось очевиднымъ, что съ 30000 войскъ трудно было продолжать борьбу. Единственная надежда оставалась еще на южныя воеводства и на находившагося тамъ Рожицкаго. О движеніи на сѣверъ, т. е. на встрѣчу резервной арміи Толстого и подъ напоромъ дѣйствующей арміи Паскевича, не могло быть и рѣчи. Наоборотъ южныя воеводства казалось представляли немаловажныя выгоды для дальнѣйшаго продолженія войны: страна относительно мало истощена; гористый и лѣсистый характеръ мѣстности способствовалъ оборонительной войнѣ; наконецъ можно было базироваться на сочувствовавшія возстанію Краковскія владѣнія и Галицію. Для успѣшнаго выполненія подобнаго плана необходимо было дѣйствовать столь-же скрытно сколь быстро и энергически; безъ колебаній переправиться, напримѣръ, у Плоцка *), или еще лучше вдали отъ русскихъ, положимъ у Влоцлавска, и затѣмъ смѣло броситься на югъ. Но, задавшись подобной цѣлью, единственно возможной для поляковъ, разъ что рѣшено было продолжать войну, они не съумѣли выполнить ее должнымъ образомъ. Съ другой стороны Паскевичъ, пожалованный за штурмъ Варшавы свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ, видя что Царство Польское постепенно очищается отъ непріятельскихъ войскъ, приказалъ Бергу прекратить продолжавшіяся переговоры съ Рыбинскимъ и требовалъ безусловной покорности. Еще вечеромъ 7-го сентября русскіе передовые посты замѣтили, что непріятель, оттянувъ свои отряды, выдвинутые къ Насѣльску и Сѣроцку, сталъ сосредоточиваться къ Модлину. Опасаясь нападенія, кн. Паскевичъ приказалъ укрѣпиться обѣимъ частямъ арміи, а для охраненія моста у Чансткова было вооружено нѣсколько судовъ, крейсировавшихъ ниже его по Вислѣ; на 10-е сентября была отдана даже диспозиція на случай боя. Между тѣмъ 9-го сентября было замѣчено 35 судовъ, спущенныхъ изъ Модлина съ досками, а 10-го сентября предавшійся польскій инженерный офицеръ сообщилъ, что на вышеозначенныхъ судахъ сплавлены всѣ мостовыя принадлежности, необходимыя для устройства моста въ 12 часовъ времени, и что польская армія двигается къ Плоцку, гдѣ къ вечеру 10-го числа будетъ готовъ для нея мостъ. На слѣдующій день замѣчено было, что тетдепонъ у Казуня оставленъ, мостъ разлсманъ и всѣ войска, кромѣ гарнизона, выступили изъ Модлина. Дѣйствительно еще 9-го сентября польскій авангардъ, подъ начальствомъ Дембинскаго **), выступилъ къ Плоцку; прочія войска постепенно и скрытно двинулись за нимъ, чакъ что 11-го сентября вся польская армія достигла (чрезъ Нацпольскъ) Плоцка; авангардъ вступилъ въ городъ, а главныя силы расположились въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, въ Слупно. Поляки, не имѣя противъ себя русскихъ, энергически занялись устройствомъ моста нѣсколько выше Плоцка у Токаръ. Затѣмъ Дембинскій съ авангардомъ переправился 11-го сентября на другой берегъ, выдвинулся на высоту Гомбина и, произведя рекогносцировку, убѣдился, что русскихъ до Гостынина, Сохачева и Нешавы нигдѣ не видно ([474]).

Получивъ извѣстія о движеніи поляковъ, кн. Паскевичъ желалъ, во-первыхъ, обезопасить свои отряды на лѣвомъ берегу Вислы и, во-вторыхъ, воспрепятствовать покушенію непріятеля переправиться. Съ первою цѣлью онъ приказалъ: Кнорингу въ Калишѣ и полк. Ренне въ Красневицахъ отступить въ тетдепонъ у Осѣка; Анрепу

*) См. карту дѣйствій противъ Рыбинскаго.

**) 9-й пѣх. линейный полкъ, стрѣлки Матусевича, 1-й полкъ кракузовъ, Познанская конница, 10 и 13 улан. полки, 8 конныхъ орудій ([473]).

въ Сохачевѣ и Лесовскому въ Лодзи идти въ Ловичъ; гр. Толстому двинуться изъ Піотрокова въ Радомъ и поступить подъ начальство Ридигера. Для достиженія второй цѣли, фельдмаршалъ приказалъ: Дохтурову слѣдовать за непріятелемъ черезъ Плоцкъ и стараться послѣ переправы поляковъ завладѣть мостомъ у Добржыкова; гр. Палену съ ввѣренной ему частью арміи (21000 чел.) выступить утромъ 12-го сентября въ Блоне, выславъ авангардъ, подъ начальствомъ Власова, къ Сохачеву; для поддержки его слѣдовать Великому Князю Михаилу Павловичу съ 16500 чел. гвардіи и гренадеръ; остальной части гвардіи, 12000 чел., подъ начальствомъ Бистрома, остаться въ Варшавѣ и Прагѣ; обложеніе Модлина было поручено Крейцу съ 12000 чел., до прибытія Головина, который форсированными маршами слѣдовалъ изъ Завихостья, по правому берегу Вислы, къ Прагѣ. На слѣдующій день, 13-го сентября, получено было отъ разъѣздовъ донесеніе, что поляки, переправившіеся черезъ Вислу, возвратились обратно и сняли за собою мостъ. Вслѣдствіе этого отрядъ Великаго Князя оставленъ былъ въ Блоне, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить Палена или Крейца; Паленъ первоначально долженъ былъ оставаться въ Сохачевѣ, выславъ Власова съ казаками къ пункту переправы; для подкрѣпленія Власова приказано князю Хилкову съ четырьмя полками кавалеріи перейти въ Гомбинъ, а Муравьеву съ четырьмя баталіонами въ Санники ([475]).

Причины отступленія польскаго авангарда заключались въ слѣдующемъ. 11-го сентября вечеромъ были доставлены въ Слупно послѣднія условія фельдмаршала о покорности. Рыбинскій созвалъ на слѣдующее утро военный совѣтъ, на которомъ большинствомъ 36 голосовъ противъ 5-ти рѣшено было Вислу не переходить и принять условія фельдмаршала, доставленныя переговаривавшимся съ русскими военнымъ министромъ Моравскимъ; а именно: 1) польская армія возвращается подъ русскую власть и располагается въ Плоцкомъ воеводствѣ; 2) по сдачѣ Модлина, высылается депутація къ Государю, а пока сдается русскимъ предмостное укрѣпленіе на Наревѣ у Модлина; 3) приносится присяга конституціонному королю. Возмущенный этими рѣшеніями, президентъ правленія, Б. Немоіевскій, тотчасъ отправился въ Плоцкъ, созвалъ Сеймъ и подалъ въ отставку; ген. Уминскій послѣдовалъ этому-же примѣру. Принятое рѣшеніе вызвало также негодованіе среди молодыхъ офицеровъ. Тогда Сеймъ отрѣшилъ Рыбинскаго отъ должности главнокомандующаго и назначилъ вмѣсто него Уминскаго. Но Уминскій былъ признанъ только стоявшей вблизи кавалеріей Амв. Скаржинскаго; пѣхота-же ненавидѣла его и объявила, что если онъ осмѣлится появиться передъ отрядомъ, то по немъ будетъ открытъ огонь со 100 шаговъ. Такимъ образомъ Рыбинскій остался во главѣ арміи. Дембинскій, получивъ приказаніе объ обратномъ переходѣ на правый берегъ Вислы, сначала не хотѣлъ этого исполнить и съ досады даже заболѣлъ ([476]); приказаніе Рыбинскаго уничтожить мостъ едва не вызвало кроваваго столкновенія, но затѣмъ Дембинскій исполнилъ все требуемое главнокомандующимъ *). 13-го сентября члены правленія и Сеймъ отправились къ прусской границѣ и переѣхали ее у Рыпина. Въ тотъ-же день отправленъ былъ къ русской арміи ген. Мюльбергъ, который долженъ былъ вести переговоры совмѣстно съ комендантомъ Модлина Ледоховскимъ.

Между тѣмъ Паскевичъ приказалъ построить мостъ на Буго-Наревѣ, нѣсколько ниже Окунина, при впаденіи Вкры, и по окончаніи постройки Крейцу расположить 2

*) Впрочемъ, по словамъ Дембинскаго, многіе въ арміи не желали сражаться; онъ сознается, что самъ слышалъ такія замѣчанія офицеровъ конной артиллеріи: „изъ-за чего мы дрались? развѣ намъ худо было при русскомъ правленіи? чего намъ не доставало? развѣ птичьяго молока“ ([477]).

батал. у Казуна, 6-ть батал. выставить противъ Новыдвора, а съ 11-ю перейти на правый берегъ и замкнуть блокадную линію вокругъ Модлина. Такъ какъ казалось, что непріятель оставилъ намѣреніе переправиться чрезъ Вислу, то фельдмаршалъ рѣшился усилить ту часть арміи, которая предназначалась для дѣйствія на правомъ берегу рѣки; съ этою цѣлью сдѣланы слѣдующія распоряженія: а) Палену приказано отослать обратно 3-ю гренадерскую дивизію и два казачьихъ полка, а вмѣсто нихъ притянуть къ себѣ Эстляндскій полкъ изъ Ловича и уланскій Вел. Кн. Михаила Павловича полкъ изъ Красневицъ; б) Великій Князь долженъ былъ возвратиться отъ Блоне къ устью Нарева для смѣны баталіоновъ, стоявшихъ у Казуна и Новыдвора; в) этимъ послѣднимъ 8 баталіонамъ приказано перейти по Окунинскому мосту и соединиться съ Крейцомъ, стоявшимъ у Помѣхова и блокировавшимъ Модлинъ съ сѣвера; туда-же направлены были изъ отряда Михаила Павловича 1-я гренадерская и 3-я уланская дивизіи; начальство надъ всѣми этими войсками поручено было кн. Шаховскому.

Между тѣмъ Паленъ направился къ Тополно, ближе къ Гомбину, а Дохтуровъ двигаясь на Попельчину, разсѣялъ два эскадрона Познанцевъ на р. Вкрѣ. Фельдмаршалъ, въ виду завязавшихся переговоровъ, снова счелъ нужнымъ пріостановить свое движеніе, и, требуя безусловной покорности, подтвержденной подписью всѣхъ офицеровъ и присягой Государю, далъ Мюльбергу 48 час. на размышленіе. Въ тоже время получено было донесеніе Палена, что поляки тайно отправили одну дивизію внизъ по Вислѣ, чтобы построить мостъ у Нешавы, для чего спустили и часть мостовыхъ принадлежностей; вслѣдствіе этого Паленъ полагалъ направиться 16-го къ Гостынину и въ тоже время двинуть Анрепа къ Дунинову. Предоставивъ Палену исполнить указанныя движенія, фельдмаршалъ съ своей стороны почему-то полагалъ, что поляки производятъ лишь демонстрацію, а на самомъ дѣлѣ намѣреваются двинуться въ Литву, поэтому онъ приказалъ Савоини направить всѣ имѣвшіяся у него въ Гродненской губерніи (около 25 т.) войска форсированнымъ маршемъ къ Ломжѣ и выслать оттуда сильныя кавалерійскія партіи за Омулевъ. Но польская армія, какъ подозрѣвалъ Паленъ, дѣйствительно выступила 15-го сентября изъ Плоцка и двинулась внизъ по Вислѣ. Паленъ 16-го сентября направился къ Гостынину, а отрядъ Анрепа, усиленный двумя казачьими полками, двинулся къ Дунинову. На слѣдующее утро Паленъ узналъ, что мостъ былъ изготовленъ непріятелемъ у Влоцлавска, и что 3.000 чел. перешли по немъ въ тотъ-же день. Паленъ находился въ 40 верстахъ отъ мѣста переправы, и слѣдовательно трудно было надѣятся помѣшать переходу поляковъ черезъ Вислу. Тѣмъ не менѣе Паленъ приказалъ своему авангарду, подъ начальствомъ кн. Хилкова, быстро двинуться къ Бресту-Куявскому, а Анрепу присоединиться къ нему чрезъ Добегнево и Коваль; самъ-же Паленъ съ пѣхотой и кирасирской бригадой перешелъ въ Накуново, гдѣ занялъ позицію между двумя дорогами, ведущими отъ Влоцлавска къ Бресту и Ковалю. По прибытіи туда онъ узналъ, что непріятель еще не переправился, а на слѣдующее утро получилъ свѣдѣніе, что поляки до разсвѣта еще покинули Влоцлавскъ и лѣвый берегъ Вислы ([478]).

Дѣйствія польской арміи объясняются слѣдующими обстоятельствами:

По прибытіи польскихъ войскъ къ Спеталю, противъ Влоцлавска, инженеръ-подполковникъ Шульцъ съ необыкновенной быстротой навелъ мостъ, по которому тотчасъ переправился авангардъ подъ начальствомъ Бема. Въ это время изъ Модлина прибылъ ген. Мюльбергъ съ условіями фельдмаршала, по которымъ требовалась не только безусловная покорность, сдача Модлина и Замостья и новая присяга Государю, но кромѣ того въ формѣ присяги не было упомянуто слово „отечество“, а къ слову царь не при-

бавлено „конституціонный“ (479) Рыбинскій созвалъ военный совѣтъ, на которомъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 6 рѣшено было отвергнуть условія фельдмаршала. На слѣдующій день, на смотру войскъ, офицеры и солдаты на вопросъ Рыбинскаго единогласно отвѣчали, что желаютъ перейти Вислу и проложить себѣ оружіемъ путь въ Краковское воеводство. Паскевичу чрезъ Мюльберга отвѣчено, что, не желая принимать предложенныхъ условій, полагаютъ лучше еще разъ испытать счастье оружія или перейти въ чужеземную страну. Войска выступили по назначенію, но въ это время Рыбинскій узналъ, что Рожицкій перешелъ въ Галицію, а Паленъ идетъ къ нему на встрѣчу. Тогда Рыбинскій рѣшился отозвать свои войска съ лѣваго берега Вислы и двинуться къ предѣламъ Пруссіи. Между тѣмъ Паленъ былъ въ это время еще вблизи Гостынина, т. е. вдали отъ переправы, которой онъ вовсе не могъ помѣшать; кромѣ того противъ 15.600 человѣкъ отряда Палена *), польскій главнокомандующій имѣлъ 20.000 войскъ, одушевленныхъ почти единственнымъ въ ихъ положеніи желаніемъ—проложить себѣ путь силою оружія. Если-бы даже они испытали неудачу, то это нисколько не измѣняло къ худшему ихъ положенія; наоборотъ, при удачѣ, могли-бы усилиться на югѣ, какъ въ предѣлахъ тамошнихъ воеводствъ, такъ и изъ за границы, многими разсѣянными или скрывавшимися людьми.

Наконецъ послѣдняя причина бездѣйствія Паскевича исчезла: большой транспортъ съ продовольствіемъ прибылъ изъ Бреста въ Варшаву и довольствіе войскъ было вполнѣ обезпечено. Отрядъ Палена при своемъ выступленіи къ Блоне и Гомбину былъ снабженъ продовольствіемъ изъ Варшавы, а во время дальнѣйшаго похода долженъ былъ довольствоваться изъ Осѣка. Главныя силы Паскевича должны были довольствоваться посредствомъ подвозовъ изъ Варшавы, которые въ изобиліи доставили все необходимое.

По прибытіи 16 сентября Головина съ 7-ю и 8-ю пѣх. дивизіями къ Модлину, фельдмаршалъ поручилъ ему блокаду Модлина, назначивъ для того 12 баталіоновъ (6-й, 7-й и 8-й пѣх. дивизій), 8 эскадроновъ (3-й уланской дивизіи) и 40 ор., всего 8.850 чел. **); самъ-же двинулся 17-го сентября двумя колоннами (480) сначала по направленію къ Плонску. *Правая колонна*, подъ начальствомъ Вел. Кн. Михаила Павловича, силою въ 17 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 104 ор. или 15.300 чел. (9 гв. баталіоновъ, 3-я гренадерская и 1-я кирасирская дивизіи и резервная артиллерія) пошли на Врону; *лѣвая колонна*, кн. Шаховскаго, изъ 32 баталіоновъ, 31 эскадрона и 80 ор., всего 21.950 ч. (1-я и 2-я грен. дивизіи, части 5-й и 6-й пѣх. дивизій 2-го корпуса, 2 кирасирскихъ и 2 уланскихъ полка) двинулась на Пржиборовице; казачій авангардъ Власова (1.450 чел.), а за нимъ и вновь составленный отрядъ Сиверса, изъ одной пѣхотной и одной гусарской бригадъ, направлены въ Нарушево; Дохтуровъ (съ 2-мя уланскими и однимъ драгунскимъ полкомъ при 4-хъ орудіяхъ, или 2.160 чел.) двинутъ отъ Попельчина къ Плонску. Главная квартира изъ Гуры перешла въ Вронску. Всего въ составѣ перечисленныхъ колоннъ и отрядовъ, направленныхъ противъ поляковъ по правому берегу Вислы, находилось 49 б., 61 эск. и 188 ор. или 40.890 чел. (въ томъ числы 9.880 кавал.) ***). Задача фельдмаршала заключалась въ томъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь черезъ Млаву въ Литву, а затѣмъ, отбросить польскую армію въ предѣлы Пруссіи. Получивъ въ Вронской донесеніе Палена о движеніи непріятеля

*) См. прил. XXIX.
**) См. прил. XXX.
***) См. прил. XXVIII.

къ Влоцлавску, фельдмаршалъ направилъ къ Бугу 3-ю гренадерскую дивизію, чтобы, въ случаѣ надобности, подкрѣпить ею Палена; а Власова и Дохтурова онъ выслалъ 18-го сентября форсированнымъ маршемъ къ Влоцлавску съ приказаніемъ разбить отряды, оставшіеся на этомъ берегу и овладѣть мостомъ; самъ-же фельдмаршалъ двинулся къ Помянову, гдѣ простоялъ все 19-е число въ ожиданіи извѣстій, чтобы затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Колонна Шаховскаго достигла Плоны, а Великаго князя—Корытова. Отрядъ Сиверса остановился у Рогова; затѣмъ этотъ отрядъ порученъ былъ Крейцу, который съ 9.000 чел. 2-го корпуса и понтоннымъ паркомъ былъ направленъ къ Плоцку, откуда Дохтуровъ и Власовъ погнались за непріятелемъ. Въ Помяновѣ Паскевичъ получилъ донесеніе Палена отъ 18-го числа, съ извѣщеніемъ, что поляки сломали за собою мостъ у Влоцлавска и направились къ Липно; Паленъ увѣдомлялъ также, что онъ овладѣлъ непріятельскими понтонами и возобновляетъ мостъ. Чтобы воспрепятствовать непріятелю пробраться въ Литву, фельдмаршалъ двинулся 20-го сентября къ Раціонжу, гдѣ соединилъ обѣ свои колонны и выдвинулъ кавалерійскія партіи къ Млавѣ (481). Крейцъ долженъ былъ направиться къ Пробощевицамъ, но это приказаніе не дошло до него и онъ остался въ Гослице близь Плоцка. Дохтурову приказано приблизиться по возможности къ непріятелю, обойти его съ правой стороны и выслѣдить движеніе головы его колонны; Власову-же—обойти поляковъ съ лѣвой стороны и поддерживать связь между Дохтуровымъ и Паленомъ, который перешелъ Вислу по возобновленному мосту 21-го сентября и направился къ Липно. Въ этотъ день фельдмаршалъ переправился черезъ Вкру при Радзановѣ и пошелъ въ Ратово, выдвинувъ авангардъ къ Безуню; кромѣ того одинъ небольшой отрядъ, Фрейганга, направленъ къ Шренску, а другой, Траскина, къ Славенцину. Поляки и не думали пробираться въ Литву и двинулись безъ всякой опредѣленной цѣли: 18-го къ Липно, 19-го чрезъ Скомпе къ Рогову, недалеко отъ Рыпина, а 20-го къ Рыпину Въ нѣсколько дней около 3 т. чел. покинули ряды арміи; еще въ Плоцкѣ 100 оф. и 2.000 н. чиновъ (въ томъ числѣ ген. Богуславскій и Андрихевичъ) явились къ русскимъ, а раньше ихъ Т. Лубенскій, Дзеконскій и пр. тоже сдались; ряды польской арміи рѣдѣли, а въ составѣ высшихъ генераловъ чувствительна была въ особенности потеря Прондзинскаго и Хржановскаго, оставшихся въ Варшавѣ.

Между тѣмъ Крейцъ, оставшійся по недоразумѣнію въ Гослице, сдѣлалъ 21-го числа усиленный переходъ въ Лукоме, влѣво отъ Безуня; Паленъ продвинулся за Липно; Дохтуровъ къ ночи достигъ Дылева и увѣдомилъ, что непріятель отъ Рыпина направился двумя колоннами, чрезъ Стржиги и Садлово, къ прусской границѣ. Дѣйствительно Рыбинскій въ послѣдній разъ созвалъ военный совѣтъ въ Свидзебно, на которомъ рѣшено было перейти въ Пруссію. 22-го сентября (482) фельдмаршалъ съ главными силами двинулся къ Безуню, притянулъ Крейца ближе къ Зимложѣ, а Траскина пододвинулъ къ Бруднице; Паленъ прибылъ въ Рыпинъ; Власовъ и Дохтуровъ двигались по пятамъ непріятеля за Зудни и открыли, что поляки направились на Рокитницу и Ксенту Большая часть польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка положила оружіе (483). 23-го сентября Паскевичъ двинулся къ Рыпину, Траскинъ направленъ къ Плоцично на границѣ, Паленъ шелъ отъ Рыпина къ Грзембамъ, Власовъ и Дохтуровъ слѣдовали отъ Зудни. Не доходя Прживитова фельдмаршалъ получилъ донесеніе, что непріятель перешелъ границу при Соберзижнѣ, Шутовѣ и Гурзно, причемъ при Шутовѣ, обратившись къ Власову, разстрѣлялъ по немъ всѣ патроны. Паскевичъ отправился на границу къ Рокитницѣ, гдѣ явился къ нему прусскій генералъ и объявилъ, что перешедшіе поляки будутъ обезоружены, а военныя принадлежности будутъ вы-

даны русскимъ. Польская армія въ это время насчитывала еще 20.900 чел. съ 95 орудіями и 9.280 лошадей. Часть русской арміи осталась на границѣ до выдачи оружія и боевыхъ припасовъ польской арміи; другая часть была размѣщена вокругъ Плоцка, а гвардія возвратилась въ Варшаву, куда прибылъ 26 (484) сентября и фельдмаршалъ.

Во власти поляковъ оставались еще Модлинъ и Замостье. Первый изъ нихъ былъ сданъ 26 сентября Ледоховскимъ Великому Князю, возвращавшемуся съ гвардіей въ Варшаву, и занятъ русскими 27 сентября, причемъ 6.000 гарнизонъ распущенъ по домамъ. Что-же касается Замостья, то гарнизонъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о всемъ совершившемся, а потому поляки отказывали на всѣ предложенія Кайсарова. Наконецъ комендантъ выслалъ 3-хъ офицеровъ для разузнанія о событіяхъ и о томъ дѣйствительно-ли Модлинъ сдался. По возвращеніи этихъ офицеровъ крѣпость сдалась 9-го октября; гарнизонъ ея, 4.000 человѣкъ, тоже распущенъ былъ по домамъ.

О медленности, нерѣшительности дѣйствій Рыбинскаго, указано въ своемъ мѣстѣ Съ другой стороны фельдмаршалъ послѣ штурма Варшавы остался тоже вѣренъ своей системѣ выжидательнаге бездѣйствія и, какъ видно, принималъ даже оборонительное положеніе. При болѣе искусномъ противникѣ Паскевичъ легко выпустилъ-бы изъ рукъ польскую армію, которая, двинувшись на югъ, могла еще затянуть войну.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ПЛАНАМЪ.

Къ плану сраженія при Ваврѣ.

1-й КОРПУСЪ.

1-я дивизія.

a. 3-й морской полкъ.
b. 4-й » » (1 бат.)
c. 1-й егерскій »
d. 2-й » »

2-я дивизія.

e. Пр. Вильгельма полкъ.
f. » Карла »
g. Ревельскій »
h. Эстляндскій »
i. 3-й егерскій »
j. 4-й » » (1 бат.)

3-я дивизія.

k. Староингерманландскій полкъ.
l. Новоингерманландскій »
m. Кутузовскій » (1 бат.)
n. Великолуцкій »
o. 5-й егерскій »

1-й гусарской дивизіи.

p. Сумскій полкъ.
q. Ольвіопольскій »
r. Клястицкій » (2 див.)

3-й Уланской дивизіи.

s. Новоархангельскій полкъ.
t. Елисаветградскій »

2-й конно-егерской дивизіи.

u. Переяславскій полкъ (2 див.).
v. Короля Виртембергскаго » (2 див.).
w. Саперы.

Войска корпуса Розена означены нумерами полковъ.

A. Первоначальное расположеніе польской арміи.
B. Приближеніе русскихъ.
C. Первое наступленіе русскихъ егерскихъ полковъ.
D. Наступленіе поляковъ.
E. 1-й и 2-й егерскіе полки подаются назадъ; 5-й полкъ держится на шоссе; колонна Палена начинаетъ развертываться.
F. Колонна Палена, развернувшись, оттѣсняетъ поляковъ.
G. Столкновеніе кавалерій обѣихъ сторонъ. Войска Палена, къ которымъ присоединяются и войска 6-го корпуса, продолжаютъ наступленіе.
H. Дабы остановить ихъ наступленіе, Круковецкій устремляетъ 5-й полкъ въ лѣсъ противъ праваго фланга Розена.
K. Вытѣснивъ 5-й полкъ изъ лѣсу, Розенъ посылаетъ 2 уланскихъ и баталіонъ Житомірскаго полка къ Кавенчину, которые оттѣсняютъ находящуюся тамъ польскую кавалерію (Калишцевъ).
L. Послѣднее расположеніе поляковъ.
M. Послѣднее расположеніе русскихъ.

Къ плану сраженія при Бялоленкѣ.

12 числа.

AA. Отрядъ гренадерскаго корпуса при началѣ дѣла.
BB. Отрядъ генералъ-маіора Сакена въ слѣдованіи чрезъ д. Слунно и Гродзискъ къ Бялоленкѣ.
CC. Непріятельскій отрядъ, занимающій д. Бялоленку.
DD. Атака и взятіе деревни 1 и 2 морскими полками.
EE. Непріятель, подкрѣпленный резервами, наступаетъ съ своей стороны и занимаетъ часть д. Бялоленки.

FF. Движеніе гренадерскихъ полковъ; впереди гренад. князя Суворова полкъ вторично овладѣваетъ Бялоленкою.
GG. Прибытіе отряда генералъ-маіора Сакена на лѣвый флангъ гренадеръ.
HH. Позиція отряда гренадерскаго корпуса послѣ битвы и до послѣдующаго дня.
KK. Расположеніе непріятеля.

13 числа.

Позиціи, какъ наша, такъ и непріятельская, были тѣ самыя, что ночью.
L. 2-й бат. 3 егерскаго полка идетъ впередъ для занятія домовъ, лежащихъ впереди д. Брудно.
MM. Непріятель наступаетъ со всѣми своими силами.
NN. Фланговое движеніе отряда гренадерскаго корпуса для соединенія съ арміею.
OO. Отрядъ г.-м. Сакена, карабинерные полки и Атаманскій казачій, прикрывающій это движеніе.
PP. Позиція отряда гренадерскаго корпуса близъ дер. Гродзискъ.
QQ. Отрядъ г.-м. Сакена, направляющійся чрезъ дер. Конти-Гробины въ Гродзискъ.
RR. Часть артиллеріи, отступающая подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ 2 карабинернаго полка и 1-го эскадрона Лубенскаго гусар. (прибывшихъ изъ м. Насѣльска) на д. Кобялку, откуда присоединяется на слѣдующій день къ отряду.
SS. Расположеніе непріятельскихъ силъ послѣ битвы.

Къ плану сраженія при Гороховѣ.

TT. Отрядъ гренадерскаго корпуса собирается у д. Марки и слѣдуетъ оттуда чрезъ дер. Мутку на соединеніе съ арміею.
AA. Расположеніе русской арміи до начала сраженія.
BB. Расположеніе польской арміи.
CC. Атаки на ольховую рощу 24-й и 25-й дивизій, подкрѣпленныхъ 3-ю дивизіею Палена.
DD. Движеніе 2-й гренадерской дивизіи изъ мѣста ея расположенія за Домбровой горой.
EE. 3-я кирасирская дивизія съ уланскимъ полкомъ занимаетъ позицію *EE.*
FF. Литовская гренадерская бригада съ тремя уланскими полками наступаетъ вправо чрезъ Кавенчинъ противъ лѣваго фланга поляковъ и высылаетъ 1 бат. и 1 эскадр. къ Зомбкамъ.
HH. По овладѣніи ольховою рощею, 3-я кирасирская дивизія съ уланами Его Высочества, направляется въ *HH*, гдѣ переходитъ ровъ и выстраивается для атаки.
II. Украинскій уланскій полкъ наступаетъ влѣво отъ рощи.
KK. Атака кирасирскаго пр. Альберта полка.
LL. Движеніе уланъ Его Высочества.
MM. Одновременная атака Сумскихъ и Ольвіопольскихъ гусаръ и Виртембергскихъ и Переяславскихъ конно-егерей.
NN. Шаховской приближается отъ Зомбокъ и занимаетъ позицію въ NN.
OO. Позиція Круковецкаго у Брудно, откуда онъ посылаетъ Гелгуда къ Тарговеку.
PP. Польская армія отступаетъ въ укрѣпленія Праги.
QQ. Послѣдніе пункты, до которыхъ подвинулась русская армія въ концѣ сраженія.
R. Ольховая роща.

РУССКІЕ.

aa. 1-я дивизія Палена.
bb. 2-я » »
cc. 3-я » »
dd. Ольвіопольскіе гусары.
ee. Сумскіе и Клястицкіе гусары.
ff. Виртембергскіе и Переяславскіе кон. егеря.
gg. Новоархангельскіе уланы.
hh. 24-я дивизія Розена.
ii. 25-я » »
kk. Польскій, Литовскій и Волынскій улан. полки.
ll. Литовская гренадерская бригада.
mm. 2-я гренадерская дивизія.
nn. 3-я кирасирская дивизія.

ПОЛЯКИ.

oo. Дивизія Круковецкаго.
pp. » Жмірскаго.
qq. » Скрижинецкаго.
rr. » Шембека.
ss. Гвардейскіе гренадеры и 20-й полкъ.
tt. Кавалерія Лубенскаго.
uu. » Уминскаго.
vv. Баталіонъ Кіекерницкаго.

Къ плану сраженія при Дембе-Віельке.

A. Первое расположеніе русскихъ при Дембе-Віельке.
B. Польская армія.
C. 4-й и 8-й польскіе полки, поддержанные 2-мъ егерскимъ полкомъ, производятъ атаки.
D. Розенъ переводитъ нѣсколько баталіоновъ изъ центра на правый флангъ и усиливаетъ центръ баталіонами съ лѣваго фланга; расположеніе русскихъ.
E. Брестскій (93) и Бѣлостокскій (94) полки, вмѣстѣ съ конно-егерями, отбрасываютъ атакующихъ поляковъ.
F. Польская кавалерія производитъ атаку по шоссе, окружаетъ находящіеся тамъ 2 баталіона Брестскаго (93) и Виленскаго (96) полковъ и врубается въ нихъ.
G. Литовскіе уланы (23) и, къ концу сраженія, Волынскіе уланы (24) поспѣшаютъ на помощь.
H. Отступленіе русскихъ.
I. 5-ть баталіоновъ 25 дивизіи (49 егерскій, Подольскій (99) и Житомірскій (100) полки), находившіеся у Рыше и въ окрестностяхъ, поспѣшно слѣдуютъ чрезъ Коберню.
K. Виновъ составленный авангардъ подъ начальствомъ ген. Гейсмара.

Русскія войска означены нумерами своихъ полковъ, а именно: Брестскій полкъ 93, Бѣлостокскій — 94, Виленскій — 96, Подольскій—99, Житомірскій—100. Егерскіе полки: 47, 48, 49, 50, уланскіе полки: 23 (Литовскій) и 24 (Волынскій), конно-егеря—к. е.

Къ плану сраженія при Игане.

A. Первое расположеніе русскихъ и движеніе Ягодинскаго авангарда.
B. Наступленіе поляковъ.
C. Первая атака поляковъ на Игане.
D. Отправленіе 1 баталіона и 1 эскадрона для наблюденія за плотиною на ихъ правомъ флангѣ.
E. 13-й егерскій полкъ, баталіонъ 14-го и полки: Минскій и Волынскій, изъ числа составлявшихъ Ягодинскій авангардъ, наступаютъ на Игане.
F. Поляки принуждены отступить.
G. Колонна 13 и 14 егерскихъ полковъ, преслѣдующая ихъ.
H. Прондзинскій и Ромарино перестраиваютъ польскій лѣвый флангъ (1-й и 5-й полки) въ колонны къ атакѣ и наступаютъ противъ праваго фланга русскихъ и селенія Игане.
I. Прондзинскій съ 5 полкомъ направляется прямо чрезъ Игане къ плотинѣ въ *x*.

Къ плану сраженія при Вроновѣ.

a. Позиція поляковъ до начатія боя.
b. Позиція поляковъ послѣ первой атаки нашей.
c. Атака поляковъ на лѣвый нашъ флангъ.
d. Отступленіе поляковъ по дорогѣ въ м. Ополе.
A. Слѣдованіе войскъ къ Вронову.
B. Занятіе позиціи при выходѣ изъ лѣса.
C. Атака непріятельской позиціи гренадерскими полками Луцкимъ и Самогитскимъ и 1-мъ баталіономъ Несвижскаго карабинернаго, поддержанная всею линіею.
D. Движеніе резерва на поддержаніе нашего лѣваго фланга, и атака лѣваго фланга поляковъ всею кавалеріею, на правомъ флангѣ нашемъ находившеюся.
E. Занятіе позиціи послѣ отступленія непріятеля.
a. Занятіе высоты баталіономъ Несьижскаго карабинернаго полка.
b. Расположеніе конно-батарейной роты № 27-го на этой высотѣ.
d. Легкая рота № 2-го.
e. Первый баталіонъ Несвижскаго полка и Луцкій гренадерскій полкъ.
g. Казанскій драгунскій и конно-егерскій короля Виртембергскаго полки.
c. Конно-артиллерійская рота № 28-й.
j. Самогитскій гренадерскій полкъ.
h. Драгунскіе полки: Тверской и герцога Александра Виртембергскаго, оставленные въ резервѣ на дорогѣ при выходѣ изъ лѣса.
i. Казачьи полки: Грекова и Хоперскаго.

Къ плану сраженія при Боремлѣ.

РУССКІЯ ВОЙСКА.

AA. Порядокъ марша головныхъ колоннъ.
BB. Позиція этихъ двухъ колоннъ.
CC. Наступленіе.

7-е число.

g. Порядокъ марша по переправѣ.
hh. 2-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи.
i. 22-й егерскій полкъ.
k. Забалканскій пѣхотный полкъ.
l. 6 орудій батарейной № 1 роты 10-й артиллерійской бригады.
m. Полтавскій пѣхотный полкъ.
n. Два резервные баталіона Волынскаго и 49 егерскаго полковъ.
o. 1-я бригада 1-й драгунской дивизіи съ 4-мя конно-батарейными орудіями № 23 роты.
p. Ахтырскій гусарскій полкъ.
q. Александрійскій гусарскій полкъ и между ними 4 орудія конной № 5 роты.
r. Гусарскій принца Оранскаго и между ними 4 орудія конной № 6 роты.
H. Позиція нашей пѣхоты, поднявшись на высоты.
I. Расположеніе нашихъ войскъ во время дѣла.

НЕПРІЯТЕЛЬСКІЯ ВОЙСКА.

I. Пѣхота, защищавшая лѣсъ съ 6-го числа; прочія войска находились за мѣстечкомъ.
II. Авангардъ у дер. Новоселокъ 7 числа.
III. Атака непріятельской кавалеріи.
IV. Остальныя войска, расположенныя въ боевомъ порядкѣ у м. Боремля 7 числа.
V. Отступленіе непріятеля.

Къ плану сраженія при г. Остроленкѣ.

A. Первоначальное расположеніе непріятеля на дорогахъ изъ Трошина, Замостья и Мержеево-Запечне.
A. Расположеніе: авангарда подъ командою генералъ-маіора Берга въ лѣсу по дорогѣ изъ дер. Замостье, передъ лѣсомъ, A^1—Лубенскаго гусарскаго и кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полковъ, A^2 — слѣдованіе легкой гвардейской кавалерійской дивизіи подъ командой генералъ-маіора графа Ностица къ дер. Сускъ, и A^3 — 3-й гренадерской дивизіи, 1-го пѣхотнаго корпуса и резервной артиллеріи, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, 2-й гренадерской дивизіи, гвардейскаго отряда лейбъ-гвардіи Литовскаго, Волынскаго и Новгородскаго кирасирскаго полковъ съ ихъ артиллеріею по дорогѣ изъ дер. Замостье.
B. Авангардъ генералъ-маіора Берга атакуетъ непріятеля, при выходѣ изъ лѣса расположеннаго. Легкая гвардейская кавалерійская дивизія, опрокинувъ непріятельскую кавалерію, при дер. Сускѣ расположенную, занимаетъ позицію передъ рѣчкою, протекающую у дер. Лавы, дѣйствуя артиллеріею по непріятелю, расположенному на лѣвомъ берегу этой рѣчки за д. Лавы.
C. Одинъ баталіонъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка авангарда генералъ-маіора Берга и 3-я бригада 3-й гренадерской дивизіи обходятъ лѣвый флангъ, а 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи — правый флангъ непріятельскаго авангарда, при выходѣ изъ лѣса расположеннаго, который отступаетъ къ дер. Ржекунь. *B* Авангардъ генералъ-маіора Берга и 3-я бригада 3-й гренадерской дивизіи наступаетъ по большой дорогѣ къ г. Остроленкѣ, а 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи слѣдуетъ по направленію къ дер. Табозницѣ.
D. Лейбъ-гвардіи конно-егерскій полкъ обходитъ лѣвый флангъ непріятеля, при дер. Лавы расположеннаго; лейбъ-гвардіи Драгунскій и Уланскій полки наступаютъ на непріятеля по дорогѣ изъ Лавы въ г. Остроленку, послѣ чего вся непріятельская линія *A B* отступаетъ къ г. Остроленкѣ; 2-я и 3-я бригады 3-й гренадерской и 1-я бригада легкой гвардейской кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею преслѣдуютъ непріятеля.

C. Расположеніе непріятельской пѣхоты и артиллеріи для обороны города, въ самомъ городѣ и передъ онымъ въ укрѣпленіяхъ и на песчаныхъ буграхъ.
E. 2-я и 3-я бригады 3-й гренадерской дивизіи, равно и лейбъ-гвардіи Уланскій и Конно-егерскій полки съ ихъ артиллеріею, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, располагаются въ одной верстѣ передъ городомъ. Артиллерія тотчасъ начинаетъ дѣйствовать по непріятелю, расположенному въ укрѣпленіяхъ и на песчаныхъ буграхъ.
E^1. Лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ съ 4-мя орудіями конно-легкой № 2 батареи становится на дорогѣ, ведущей изъ дер. Выпихи въ г. Остроленку.
E^2. 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, слѣдовавшая черезъ дер. Таболицы къ г. Остроленкѣ и, опрокинувъ непріятельскую пѣхоту при 3-хъ орудіяхъ, на этой дорогѣ при дер. Помяны расположенную, занимаетъ дер. Помяны; эта непріятельская пѣхота *A* отступаетъ къ городу.
E^3. 1-я и 3-я пѣхотныя дивизіи слѣдуютъ движенію 1-й бригады 3-й гренадерской дивизіи — 4-ре орудія 3-й полевой артиллерійской бригады батарейной № 3 роты становятся лѣвѣе 2-й батарейной роты 2-й гренадерской артиллерійской бригады и дѣйствуютъ по непріятельской артиллеріи, расположенной на песчаныхъ буграхъ и въ укрѣпленіяхъ.
E^4. Авангардъ генералъ-маіора Берга собирается близъ дер. Выпихи, равно и полки Лубенскій гусарскій и принца Альберта прусскаго кирасирскій.
F. Усиленный и сосредоточенный огонь 16 орудій 2-хъ батарейныхъ ротъ 2-й и 3-й гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ, 4-хъ орудій батарейной № 1-й роты 3-й полевой артиллерійской бригады и 6-ти орудій лейбъ-гвардіи конно-легкихъ № 1-го и 2-го батарей, совершенно разстроившихъ непріятеля; 2-я и 3-я бригады 3-й гренадерской бригады, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, атакуютъ и занимаютъ городъ. Артиллерія переходитъ на песчаные бугры и дѣйствуетъ по укрѣпленіямъ и отступающему непріятелю.
F^1. Два орудія лейбъ-гвардіи конно-легкой № 2-го батареи наступаютъ, наравнѣ съ передовою пѣхотою, въ городъ.
F^2. Въ это время лейбъ-гвардіи Уланскій и Конно-егерскій полки атакуютъ непріятельскую пѣхоту, расположенную передъ городомъ по шоссе, ведущему въ г. Ломжу, и опрокидываютъ ее къ городу.
F^3. Лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ опрокидываетъ одинъ непріятельскій баталіонъ въ р. Наревъ.
F^4. Лубенскій гусарскій и принца Альберта прусскаго кирасирскій полки располагаются передъ дер. Старовѣйскою.
F^5. Отрядъ генералъ-маіора Берга подходитъ къ городу.
F^6. Первыя 4-ре орудія, поставленныя начальникомъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантомъ графомъ Толемъ, на лѣвомъ берегу Нарева, по лѣвую сторону города.
F^7. 3 орудія 3-й гренадерской артиллерійской бригады батарейной № 2-го роты, поставленныя генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ противъ моста и правѣе его.
F^8. 4 орудія лейбъ-гвардіи конно-легкой № 1-го и 2-го батарей располагаются на лѣвомъ берегу Нарева, по правую сторону города.
D. Расположеніе непріятеля на правомъ берегу рѣки Нарева въ составѣ 11-ти баталіоновъ, одного полка кавалеріи и 24 орудій, изъ коихъ 8 орудій при 2-хъ баталіонахъ передъ обоими мостами, 3 баталіона на правой сторонѣ шоссе, ведущаго въ г. Рожанъ.
C. 2 баталіона Астраханскаго гренадерскаго полка, перешедши мостъ, берутъ 2 орудія.
Фельдмаршала князя Суворова гренадерскій полкъ переходитъ пловучій мостъ влѣво отъ постояннаго.
H. 1-й дивизіонъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полки съ 1 орудіемъ лейбъ-гвардіи легкой конной № 2-го батареи, перейдя по пловучему мосту вслѣдъ за фельдмаршала князя Суворова гренадерскимъ полкомъ, атакуетъ непріятельскую пѣхоту, расположенную у шоссе.
4 баталіона фельдмаршала князя Суворова и Астраханскаго гренадерскихъ полковъ, подъ командой генералъ-маіора Мартынова, атакуютъ непріятельскую пѣхоту, которая отступаетъ съ 6 орудіями въ *E*. Наступленіе это поддержано 11 орудіями, расположенными на лѣвомъ берегу Нарева.
T. Непріятель атакуетъ 5-ю баталіонами 4-ре баталіона подъ командою генералъ-маіора Мартынова, и усиливаетъ батарею свою праваго фланга 8-ю орудіями, устроивъ ее при фабрикѣ, находящейся на шоссе въ Рожаны.
I. 4 баталіона генералъ-маіора Мартынова отступаютъ за шоссе.
I^1. 3-й дивизіонъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и лейбъ-гвардіи Конно-егерскій полкъ соединяются передъ городомъ.

I². 1-й дивизіонъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка съ 1 орудіемъ л.-гв. легкой конной № 2-го батареи возвращается на лѣвый берегъ Нарева и присоединяется къ своему полку.

I³. Прибытіе къ городу 1-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій.

I⁴. 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи переходитъ на правую сторону города и располагается по шоссе въ г. Ломжу.

I⁵. Прибытіе 1-й гусарской дивизіи.

I⁶. 1-й дивизіонъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка располагается на правой сторонѣ города.

I⁷. 1-й дивизіонъ Сумскаго гусарскаго полка переходитъ на лѣвую сторону города.

K. 12 орудій 3-й гренадерской бригады батарейной № 1-го и 8 орудій 3-й полевой артиллерійской бригады легкой конной № 3-го и 4 орудія той же бригады батарейной № 1-го ротъ, по приказанію начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта графа Толя, усиливаютъ батарею лѣваго фланга, на лѣвомъ берегу Нарева, лѣвѣе города расположенную.
4 орудія 3-й полевой артиллерійской бригады батарейной № 1 роты, по приказанію генералъ-квартирмейстера арміи, генералъ-адъютанта Нейдгарта, усиливаютъ батарею праваго фланга, расположенную на лѣвомъ берегу Нарева правѣе города.

L. 4 баталіона 3-го карабинернаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ, подъ командой генералъ-маіора Берга, перешедши на правый берегъ Нарева, атакуютъ непріятеля *T*, опрокидываютъ и преслѣдуютъ его до *g*; баталіонъ 3-го карабинернаго полка беретъ одно орудіе; 4 баталіона генералъ-маіора Мартынова поддерживаютъ эту атаку.

H. Отступленіе этой непріятельской пѣхоты и 5 орудій.

M. 8 баталіоновъ, подъ командой генералъ-маіоровъ Берга и Мартынова, возвращаются за шоссе.

N. Прибытіе лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго и лейбъ-гвардіи Литовскаго и Волынскаго полковъ 2-й гренадерской дивизіи и Новгородскаго кирасирскаго полка съ ихъ артиллеріею къ г. Остроленкѣ.

I. 11 баталіоновъ, 4 полка кавалеріи и 24 орудія слѣдуютъ по дорогѣ изъ г. Рожанъ на подкрѣпленіе непріятеля.

O. 6 орудій 2-й гренадерской бригады легкой № 3-го роты усиливаютъ батарею лѣваго фланга. 8 орудій лейбъ-гвардіи конно-батарейной батареи и конно-легкой № 2-го роты, 4 орудія 2-й гренадерской бригады батарейной № 2-го и 8 орудій лейбъ-гвардіи батарейной № 5-го ротъ усиливаютъ батарею праваго фланга.

P. 4 орудія 2-й гренадерской бригады батарейной № 2-го роты, перешедшей на правый берегъ Нарева къ отряду генералъ-маіора Берга, становятся на шоссе и правѣе на дорогѣ въ деревню Антоне-Шляхетске.

K. Прибытіе на поле сраженія непріятельскихъ войскъ, слѣдовавшихъ на подкрѣпленіе. Непріятель сосредоточиваетъ свою кавалерію въ центрѣ своей позиціи.

L. Непріятель наступаетъ 9-ю баталіонами.

O. Баталіоны генералъ-маіора Берга и генералъ-маіора Мартынова атакуютъ эти 9 баталіоновъ и опрокидываютъ ихъ до *M*.

N. 9 непріятельскихъ баталіоновъ отступаютъ.

R. Баталіоны генералъ-маіора Берга и генералъ-маіора Мартынова возвращаются за шоссе. Застрѣльщики ихъ остаются на высотѣ *L*.

S. 1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, подъ командою генералъ-лейтенанта Набокова, перешедши на правый берегъ Нарева, располагаются: 2 баталіона Сибирскаго гренадерскаго по правой сторонѣ шоссе за отрядомъ генералъ-маіора Берга и 2 баталіона фельдмаршала графа Румянцева гренадерскаго полковъ за лѣвымъ флангомъ бригады генералъ-маіора Мартынова.

O. Непріятельскій правый флангъ, разстроенный удачнымъ дѣйствіемъ батареи лѣваго фланга, отступаетъ съ своею батареею и ея прикрытіемъ отъ фабрики на дорогу въ д. Дронзево.

T. 5 баталіоновъ 3 и 4 морскихъ и 2-го егерскаго полковъ, подъ командою генералъ-маіора Мандерштерна, перешедши на правый берегъ Нарева, наступаютъ на центръ непріятельской линіи N; 2 баталіона фельдмаршала графа Румянцева гренадерскаго полка, подъ командою генералъ-лейтенанта Набокова, поддерживаютъ это движеніе на лѣвомъ флангѣ баталіоновъ генералъ-маіора Мандерштерна. Эти 7 баталіоновъ опрокидываютъ непріятеля, который отступаетъ до *P*.
Генералъ-маіоръ Бергъ поддерживаетъ эту атаку 2-мя баталіонами 3-го карабинернаго полка съ правой стороны по дорогѣ въ Антоне-Шляхетске, 1-й егерскій полкъ остается въ городѣ.

Q. 5 непріятельскихъ баталіоновъ и 2 полка кавалеріи атакуютъ 2 баталіона фельдмаршала графа Румянцева гренадерскаго полка, подъ командою генералъ-лейтенанта Набокова; а 8 непріятельскихъ баталіоновъ и 2 же полка кавалеріи атакуютъ 5 баталіоновъ генералъ-маіора Мандерштерна. Эти 7 баталіоновъ отбиваютъ атаку непріятельскую, кавалерія его отступаетъ въ *R*.

U. 7 баталіоновъ генералъ-лейтенанта Набокова и генералъ-маіора Мандерштерна переходятъ ближе къ шоссе.

U¹. Баталіоны генералъ-маіора Берга и генералъ-маіора Мартынова, прошедши черезъ интервалы баталіоновъ генералъ-лейтенанта Набокова и генерала Мандерштерна, становятся впереди ихъ.

U². 3 баталіона 3-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, перешедши на правый берегъ Нарева, становятся на лѣвый флангъ.

U³. 6 баталіоновъ 2-й гренадерской дивизіи переходятъ къ самому городу.

U⁴. Слѣдованіе 1-й гренадерской дивизіи по дорогѣ изъ дер. Мержеево-Заречне.

V. 2 баталіона Старопингерманландскаго и Новопингерманландскаго полковъ, подъ командою генералъ-маіора Лидерса, поддержанные 3-мя баталіонами 5-го и 6-го егерскихъ и фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полковъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Шкурина, перешедши на правый берегъ Нарева и чрезъ интервалы баталіоновъ генералъ-маіора Мандерштерна и генералъ-маіора Берга, атакуютъ и опрокидываютъ непріятельскую пѣхоту, подвинувшуюся до *S*.

T. Отступленіе непріятельской пѣхоты. Сраженіе этимъ отступленіемъ прекращается.

W. 8 баталіоновъ генералъ-маіора Берга и генералъ-маіора Мартынова возвращаются за шоссе. 6 баталіоновъ 2-й гренадерской дивизіи, перешедши на правый берегъ рѣки Нарева, становятся: 2 баталіона 3-го карабинернаго полка за лѣвымъ флангомъ бригады гереральмаіора Мартынова, а 4 баталіона Кіевскаго и принца Евгенія Виртембергскаго гренадерскихъ полковъ на правой сторонѣ шоссе за Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ.

U. Отступленіе непріятеля по направленію къ г. Рожану.

X. Прибытіе 1-й гренадерской дивизіи.

Къ плану Райгородскаго сраженія.

A. Позиція, занимаемая отрядомъ до 17 мая.

B. Наступательное движеніе части отряда къ Граеву.

C. Боевой порядокъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ.
По отступленіи отрядъ занялъ прежнюю позицію.

1) 4 полубаталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка.
2) 4 полубаталіона пѣхотнаго принца Вильгельма прусскаго полка.
3) Одна рота этого же полка.
4) 7 ротъ пѣхотнаго принца Карла прусскаго полка.
5) Сводно-гренадерско-армейскій баталіонъ.
6) Баталіонъ 48-го егерскаго полка.
7) Одна рота л.-гв. Сапернаго баталіона.
8) 3 эскадрона л.-гв. Казачьяго полка.
9) 1 эскадронъ Елисаветградскаго уланскаго полка.
10) 4 сотни армейскихъ казаковъ.
11) 4 орудія гренадерской бригады батарейной № 2-го роты.
12) 4 » 1-й артиллерійской бригады легкой № 3-го роты.
13) 2 » 1-й » » » № 2-го »
14) 4 » конной № 1 роты.

A. Часть непріятельскаго отряда: *a* — пѣхота, *b* — кавалерія.

Къ 1-му дню штурма Варшавы.

Расположеніе русскихъ въ ночь на $\frac{25\text{ августа}}{6\text{ сентября}}$.

1— 1. Корпусъ Палена.
2— 2. » Крейца.

3— 3. Отрядъ Муравьева.
4— 4. Легкая гвардейская кавалерійская дивизія Ностица.
5— 5. Отрядъ Штрандмана.
6— 6. Кавалерійскій корпусъ кн. Хилкова.
7— 7. Гренадерскій корпусъ кн. Шаховскаго.
8— 8. Гвардейскій корпусъ Великаго Князя.
9— 9. Кавалерійскій резервъ гр. Витта.
10—10. Артиллерійскій резервъ.

A. Первое движеніе.

1 *a*. Корпусъ Палена наступаетъ въ 2-хъ колоннахъ и овладѣваетъ укрѣпленіемъ № 57.
2 *a*. Корпусъ Крейца направляется на укрѣпленія №№ 54 и 55 и овладѣваетъ ими.
3 *a*. Муравьевъ наступаетъ къ укрѣпленіямъ у Раковца и овладѣваетъ ими.
4 *a*. Движеніе Ностица отъ Збаржа къ Выглендову.
5 *a*. Штрандманъ направляется на Шопы и овладѣваетъ ими.
6 *a*. Наступленіе кн. Хилкова къ Гурцамъ.
7 *a*. Движеніе гренадерскаго корпуса до Еліонка.
8 *a*. Приближеніе гвардейскаго корпуса къ Крейцу.
9 *a*. Наступленіе резервной кавалеріи чрезъ Влохи.

B. Второе движеніе.

1 *b*. Движеніе корпуса Палена на штурмъ Воли.
2 *b*. Бригада Малиновскаго изъ корпуса Крейца принимаетъ участіе въ штурмѣ.
3 *b*. Движеніе Муравьева чрезъ Раковецъ, съ цѣлью удерживать Уминскаго.
5 *b*. Наступленіе Штрандмана къ Круликарнѣ и Чернякову.
6 *b*. Кн. Хилковъ по ту сторону Гурцевъ обстрѣливаетъ впереди лежащія укрѣпленія.

C. Третье движеніе.

8 *c* и 9 *b*. Фельдмаршалъ посылаетъ одну гвардейскую бригаду и одну кавалерійскую дивизію для подкрѣпленія Муравьева.
1 *c* и 2 *c*. Орудія Палена и Крейца направляются противъ польскихъ батарей и войскъ у Чисте.
7 *c*. 4 карабинерныхъ баталіона изъ резерва гренадеръ встрѣчаютъ вылазку поляковъ противъ Воли.
4 *c*. Ностицъ направляется во флангъ Уминскому, наступающему противъ Крейца, и этимъ принуждаетъ его остановиться.
D. Первое расположеніе поляковъ и движеніе ихъ артиллеріи.
F. Атаки поляковъ.
F¹. Атака Воли.
F². Атака противъ Штрандмана.

Ко 2-му дню штурма Варшавы.

Расположеніе русскихъ войскъ въ ночь на 26 августа / 7 сентября.

1. Кавалерійскіе отряды генераловъ кн. Хилкова и Анрепа.
2. Первое расположеніе корпуса Палена лѣвѣе калишскаго шоссе, а затѣмъ переходъ и построеніе его по правую сторону того же шоссе.
3. Отрядъ генерала Лидерса въ Волѣ.
4. Корпусъ бар. Крейца въ 2-хъ колоннахъ позади редутовъ №№ 54 и 55.
4¹. Гусарская бригада 2-го корпуса подъ начальствомъ ген.-маіора Сиверса.
5. Отрядъ ген.-лейтенанта Муравьева у Раковца, усиленный 4-мъ егерскимъ полкомъ.
6. 4-я гвардейская бригада (полки л.-гв. Финляндскій, Егерскій и Финскіе стрѣлки), назначенная на усиленіе Муравьева.
7. Графъ Ностицъ съ легкою гвард. кавалер. дивизіею у Збаржа.
8. Отрядъ генералъ-маіора Штрандмана у Служевца.
9. Гренадерскій корпусъ кн. Шаховскаго у Одолянъ.
10. Гвардейскій корпусъ Великаго Князя близъ Щенсливицъ.

11. Главный кавалерійскій резервъ гр. Витта.
11¹. 1-я кирасирская дивизія.
11². 3-я » »
11³. 3-я уланская »
11⁴. Гвардейскій и Атаманскій казачьи полки.
12. Главный артиллерійскій резервъ у Влоховъ.

A. Первое движеніе.

1 *a*. Кн. Хилковъ и Анрепъ подвигаются до укрѣпленій №№ 58, 59 и 60.
4—2 *a*. Артиллерія корпусовъ Крейца и Палена выдвигается передъ Волю.
6 *a*. 4-я гвардейская бригада слѣдуетъ за отрядомъ Муравьева.
4¹ *a*. Позади и правѣе ея располагается гусарская бригада Сиверса и
11² *a*. Лѣвѣе 1-я бригада 3-й кирасирской дивизіи, и еще лѣвѣе 2-я бригада 3-й кирасирской дивизіи (11² *a*).
7 *a*. Графъ Ностицъ подвигается до Выглендова, а
8 *a*. Генералъ Штрандманъ до Шопъ.

B. Дальнѣйшія движенія.

5 *b*¹. Лѣвая колонна Муравьева (полк. Лукашъ) идетъ на штурмъ укрѣпленія № 81, гдѣ она атакована колонною Вронецкаго. Битва вокругъ этого укрѣпленія.
5 *b*². Правая колонна Муравьева (полк. Ротъ) наступаетъ противъ № 78, гдѣ она атакована польскою кавалеріею.
7 *b*. Л.-гв. Драгунскій и Гусарскій полки приходятъ на помощь и опрокидываютъ 4 польскихъ кавалерійскихъ полка. Несвижскіе карабинеры овладѣваютъ укрѣпленіемъ № 78.
7 *b*. Л.-гв. Уланскій полкъ наступаетъ лѣвѣе Раковца.
11³ *b*. 2-я бригада 3-й кирасирской дивизіи также наступаетъ противъ польскихъ войскъ, произведшихъ вылазку.
4 *b*. Колонна корпуса Крейца, подъ начальствомъ Сулимы и Липранди, идутъ на штурмъ укрѣпленій №№ 21 и 22 и овладѣваютъ ими.
2 *b*. Колонна Палена (Набоковъ и Бригенъ) наступаетъ частію противъ Вольскаго предмѣстья, частію просивъ укрѣпленія № 23, овладѣваютъ послѣднимъ и завязываютъ въ предмѣстьи упорный бой. Вслѣдъ за укрѣпленіемъ № 23 занимается также укрѣпленіе № 24.
1 *b*. Кн. Хилковъ наступленіемъ своимъ и огнемъ своихъ орудій благопріятствуетъ овладѣванію послѣдними укрѣпленіями.
9 *b*. Двѣ бригады гренадерскаго корпуса приближаются для подкрѣпленія Крейца и двѣ бригады для подкрѣпленія Палена.
8 *b*. Штрандманъ выдвигается изъ Шопъ.

C. Послѣднія движенія. Атака городскаго вала.

9 *c*. Генералъ-лейтенантъ Фрейгантъ овладѣваетъ укрѣпленіемъ № 16.
6 *c*. Л.-гв. Финляндскій полкъ наступаетъ противъ Іерусалимской заставы и вмѣстѣ съ Фрейгантомъ овладѣваетъ ею.
4 *c*. 9 *c*. 11-й егерскій полкъ и Кіевскіе и принца Евгенія Виртембергскаго гренадеры берутъ приступомъ городской валъ близъ укрѣпленій №№ 17, 18 и 19; частію преслѣдуютъ непріятеля во внутрь города, частію атакуютъ съ тылу Іерусалимскую заставу, которая берется приступомъ съ фронта карабинерами Фрейганта и Финляндскимъ полкомъ.
5 *c*¹. Первая колонна Муравьева овладѣваетъ укрѣпленіями №№ 11 и 10.
10 *c*. Гвардейскій корпусъ приближается къ Чисте.
9 *c*. Пр. Павла Мекленбургскаго полкъ овладѣваетъ городскимъ валомъ близъ Вольской заставы.
4 *c*. равно какъ Липранди и Малиновскій лѣвѣе и правѣе № 20.
2 *c*. Графъ Паленъ занимаетъ упорно защищаемое евангелическое кладбище и приближается къ городскому валу,
1 *c*. равно какъ кн. Хилковъ — болѣе влѣво.
8 *c*. Штрандманъ также приближается къ городскому валу и занимаетъ одно послѣ другаго всѣ покинутыя поляками укрѣпленія.

ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА

1831 г.

Составилъ
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ
ПУЗЫРЕВСКІЙ.

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ СОЧИНЕНІЕ ЭТО УДОСТОЕНО МАКАРЬЕВСКОЙ ПРЕМІИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е ПЕРЕРАБОТАННОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Томъ II.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, Колокольная, 14.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II ТОМЪ.

Приложенія: Стр.

I Вѣдомость о составѣ корпусовъ, назначенныхъ въ дѣйствующую армію въ декабрѣ 1830 г. 2
II Дѣйствующая армія (боевое росписаніе). 5
III Вѣдомость о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 23 и 24 января 1831 г. 8
IV Таблица общаго движенія войскъ въ Царство Польское 11
V Вѣдомость о силѣ и составѣ колоннъ 7 февраля 1831 года. 12
VI Вѣдомость о силѣ и составѣ войскъ дѣйствующей арміи въ сраженіи на Гроховскихъ поляхъ 13 февраля 1831 года. 14
VII Общая вѣдомость убыли людей въ сраженіяхъ 2, 5, 6, 7, 8, 12 и 13 февраля 1831 года. 16
VIII Таблица слѣдованія главныхъ силъ арміи къ переправамъ у Тырчина 17
IX Вѣдомость о расположеніи и составѣ 6-го пѣхотн. корпуса въ день сраженія 19 марта при Вавръ и Дембе-Вielьке. 18
X Силы русскихъ при Игане. 20
XI Вѣдомость о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 1 апрѣля 1831 года. 21
XII Силы гвардейскаго корпуса въ концѣ апрѣля 30
XIII Вѣдомость о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 3 мая 1831 года. 31
XIV Вѣдомость о составѣ и силѣ колоннъ, подступавшихъ къ Остроленкѣ 14 мая 1831 года. 40
XV Вѣдомость о числѣ войскъ, переведенныхъ на правый берегъ рѣки Нарева въ продолженіе сраженія 14 мая при г. Остроленкѣ 43
XVI Вѣдомость о числѣ воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи убитыхъ, раненныхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ сраженіи при Остроленкѣ 44
XVII Вѣдомость о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 14 іюня 1831 года. 45

Стр.
XVIII Вѣдомость о состояніи больныхъ холерою въ госпиталяхъ Россійскихъ и Царства Польскаго дѣйствующей арміи въ теченіи 1831 года 52
XIX Резервная армія 12 іюня 52
XX Состояніе русской арміи во время переправы черезъ Вислу 8 іюля 54
XXI Состояніе русской арміи 29 іюля . . . 56
XXII Состояніе корпуса Ридигера 28 іюля . 58
XXIII Подкрѣпленія, слѣдовавшія подъ начальствомъ барона Крейца. 59
XXIV Состояніе русскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы 20 августа 60
XXV Состояніе и боевое росписаніе русской арміи при штурмѣ Варшавы 26 августа. 62
XXVI Таблица урона русскихъ войскъ при штурмѣ Варшавы 65
XXVII Корпусъ генерала Розена 31-го августа (12-го Сентября) 1831 г. въ Коцкѣ . . 67
XXVIII Главный корпусъ подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича 17 (29) сентября 67
XXIX Корпусъ графа Палена 18 (30) сентября. 69
XXX Силы оставленнаго предъ Модлиномъ корпуса подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головина, 18 (30) сентября 1831 г. 70
XXXI Состояніе польской арміи до революціи. 71
XXXII Состояніе польской арміи въ концѣ марта послѣ ея реорганизаціи ко времени возобновленія военныхъ дѣйствій. 72
XXXIII Составъ польской арміи, совершившей движеніе по правую сторону Буга. . . 74
XXXIV Состояніе польской арміи 13 (25) іюня. 77
XXXV Состояніе корпуса Гелгуда послѣ раздѣленія его на части въ Куршанахъ, 27 іюня (9 іюля) 79
XXXVI Состояніе польской арміи 29 іюля (10 августа) 80
XXXVII Состояніе польскихъ боевыхъ силъ 21 августа (3 сентября) 1831 г. 82
XXXVIII Состояніе польской арміи во время перехода въ Пруссію 26 сентября (8 октября) 1831 г. 85
XXXIX Mémoire Historique et Militaire sur la Guerre de Pologne en 1831 87

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) **Dumouriez.** Mémoires, liv. 1, chap. VII et VIII. Прудонъ, въ сбор. Шолковича (Сб. статей, разъясн. польское дѣло и пр.).
2) **Gervinus.** Histoire du dix-neuvième siècle. Trad. par Minssen, Paris 1864, tome 5-e. P. 332—333.
3) **Прудонъ,** въ сбор. Шолковича.
4) **Гервинусъ,** 337.
5) **Angeberg.** Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. Paris 1862. Mémoire du prince M. C. Oginski, p. 523.
6) Alexandre 1-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations 1801—1823, Paris 1865, p. 79.
7) **Angeberg,** p. 521 и далѣе.
8) См. многія мѣста въ „Alexandre I et le prince Czartoryski" (въ этомъ почти главное содержаніе переписки и бесѣдъ императора съ княземъ).
9) Письмо Чарторижскаго къ гр. Матусевичу: Русскій Архивъ 1863, 827—839. Alexandre I et le prince Czartoryski, p. 129.
10) Ibid., p. 159.
11) Ibid., p. 162.
12) Ibid., p. 160.
13) **Angeberg,** p. 562—563.
14) Ibid., p. 543.
15) Alexandre I et le prince Czartoryski, p. 207—210. (Это письмо напечатано у Анжеберга).
16) **Angeberg,** p. 578—579.
17) Alexandre et le p. Czart., а также Gervinus, t. 5, p. 340—342.
18) **Angeberg,** 592—593.
19) **Смитъ.** „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ". Перев. съ нѣмец. Квитницкаго. С.-Петербургъ, 1863, т. I, стр. 5—7.
20) **Angeberg,** p. 599—600.
21) **Смитъ,** т. I, стр. 8—9.
22) **Angeberg,** p. 644—645.
23) Ibid., 645—647.
24) **Мартенсъ.** Собраніе трактатовъ и конвенцій. Т. III; см. также Angeberg, стр. 696 и слѣд. Art. I. „Les Polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse, obtiendront une représentation et des institutions nationales, reglées d'après la mode d'existence politique que chacun des gouvernements auxquels ils appartiennent jugera utile et convenable de leur accorder".
25) **Angeberg,** p. 700—701.
26) **Gervinus,** t. 5, p. 343.
27) Ustawa Konstytucyjna Królewstwa Polskiego. Warszawa 1815 r. Конституціонная хартія помѣщена у Angeberg'a, стр. 706—724.
28) **Смитъ,** т. I, стр. 17, 19—20.
29) Alexandre I et le prince Czartoryski, p. 65.
30) **Gervinus,** t. 5, p. 349—350.
31) Русскій Архивъ, 1863, стр. 839—842; Прудонъ, у Шолковича; рѣчь Ваврженкаго въ отдѣльн. варшавскомъ изданіи 1815 г.
32) **Уманецъ,** Александръ и Польша. Истор. Вѣстникъ 1883 г., т. XIV, стр. 26—28.
33) Alexandre I et le prince Czartoryski, p. 275—276.
34) См. письмо имп. Николая Павловича къ Паскевичу. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства.
35) **Уманецъ.** стр. 42—45.
36) „Девятнадцатый вѣкъ", изд. Бартеневымъ, кн. 2, стр. 262—265. Крайне пристрастный отзывъ о Новосильцевѣ встрѣчается у г. Ципринуса (Пржецлавскаго), въ его „Калейдоскопѣ воспоминаній", см. Русскій Архивъ 1875 г., стр. 1705 и далѣе. Отзывъ этотъ не остался безъ возраженій со стороны г. Кукольника. См. Русскій Архивъ 1873 г., стр. 203 и далѣе.
37) Біографическій очеркъ цесаревича Константина Павловича разработанъ на основаніи обширнаго, частью неизданнаго, матеріала, г. Карновичемъ и помѣщенъ въ „Русской Старинѣ" 1877 и 1878 гг.
38) См. сборникъ Шолковича, статья митрополита Сѣмашко: „Мнѣніе о польскомъ вопросѣ", в. I.
39) Ibid., а также статьи Шолковича въ I выпускѣ.
40) См., между прочимъ, Кашпиревъ: „Памятники новой русской исторіи". С.-Петербургъ, 1872 г., статья: „О тайныхъ обществахъ въ учебныхъ

заведеніяхъ С.-З. края при кн. А. Чарторижскомъ".

41) Comte Roman Soltyk: „La Pologne. Précis historique, politique et militaire de sa révolution", t. I. Paris 1832, 2 v.; v. I, chap. VII. Сравни Смитъ, т. I.
42) **Карновичъ.** Цесар. Константинъ Павловичъ.
43) См. объ этомъ обстоятельную статью въ „Русской Старинѣ".
44) **Brzozowski** „La Guerre de Pologne en 1831", p. 1—2.
45) **Познанскій.** „Производительныя силы Царства Польскаго", стр. 9.
46) **Васильевъ.** „Новѣйшее описаніе Царства Польскаго". Москва, 1831 г.
47) **Янжулъ.** „Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ". Москва, 1887 г., стр. 14—37.
48) **Симоненко.** „Сравнительная статистика Царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ". Варшава, 1879 г., т. I.
49) Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. С.-Петербургъ, 1866 г., т. V, стр. 8—75.
50) **Маркграфскій.** Исторія Л.-Гв. Литовскаго полка. Трудъ этотъ представляется живымъ, интереснымъ очеркомъ бытовой жизни полка.
51) См. записки Колзакова въ Русской Старинѣ.
52) Ходъ возстанія довольно подробно, хотя съ тенденціозными преувеличеніями, описанъ у Высоцкаго, Заливскаго, Гощинскаго и Мохнацкаго.
53) **Prądzynski,** Introduction.
54) **Moszczenski:** „Czterej ostatni wodzowie polscy" и пр., стр. 70.
55) **Prądzynski,** Introduction.
56) **Brzozowski,** 11—13.
57) Переговоры Цесаревича съ депутатами изложены въ „Русской Старинѣ", а тяжелое отступленіе его отряда—у г. Маркграфскаго въ „Исторіи Л.-Гв. Литовскаго полка".
58) **Kalinka,** 99—101.
59) **Брандтъ.** Поѣздка въ главную квартиру фельдмаршала гр. Дибича Забалканскаго въ 1831 г.
60) **Barzykowski,** t. I. Авторъ подробно касается дипломатическихъ сношеній польскаго революціоннаго правительства.
61) **Brzozowski,** стр. 28; стр. срав. Смитъ, т. I.
62) Генерала Henryka Dembińskiego: „Pamiętniki o powstaniu w Polsce, 1830—1831". Wydanie drugie w Krakowie 1877, t. I, стр. 4.
63) **Brzozowski,** 27.
64) **Prądzynski,** chap. I.
65) **Brzoz.** 29—31.
66) **Prądzynski,** Introd.
67) **Brzoz.,** 27; Dembiński, Pamiętniki, 11—16.
68) **Prądz.,** Introd.
69) **Prądz.,** Introd.
70) Ibid.
71) **Смитъ,** т. I, Prądz., chap. I.
72) **Brzoz.,** 34—35.
73) **Prądz.,** Introd.
74) **Moszczenski,** 71—74.
75) **Kalinca:** „Jenerał Dezydery Chłapowski"; w Poznaniu, 1885, стр. 88.
76) **Demb.,** Pamięt., t. I, 13.
77) **Prądz.** Introd.
78) Уставъ объ употребленіи стрѣлковъ въ линейныхъ ученьяхъ 1820 г.
79) **Обручевъ.** Военно-статистическій сборникъ, вып. IV.
80) Архивъ В.-Уч. Комит. Соч. Иванова и Тенишева.
81) **Brzozowski,** 15—16.
82) **Moszczenski:** Czterej ostatni wodzowie polscy przed sądem historyi, przez Jenerała Prądzyńskiego, Poznan. 1865, стр. 71—77; см. также „Воспоминанія" Филипсона, Русскій Архивъ, 1883, № 5, стр. 125.
83) **Д. В. Давыдовъ.** Записки.
84) Отрывки изъ походныхъ записокъ о войнѣ въ Польшѣ въ 1831 г. „Военный Сборникъ", 1860, № 3.
85) **Филипсонъ.** „Воспоминанія". Русскій Архивъ.
86) Ibid., 91.
87) **А. М-въ.** Отрывки и пр., стр. 15.
88) „Правила для наблюденія во время марша, на бивакахъ, на тѣсныхъ квартирахъ и въ самомъ бою". Гродно, 14 января 1830 г.
89) **Бантышъ-Каменскій:** „Біографія Россійскихъ фельдмаршаловъ"; Полевой: „Русскіе полководцы". С.-Петербургъ, 1845 г.
90) См. характеристику Толя у Нейлова, въ его воспоминаніяхъ, и у г. Веригина, въ статьѣ: „Штурмъ Варшавы въ 1831 г. и нѣкоторыя замѣчанія о Польской войнѣ". Русскій Вѣстникъ 1860 г.
91) **Нейловъ.** Воспоминанія.
92) Военно-географическій обзоръ Царства Польскаго, составленъ первоначально мною по многочисленнымъ источникамъ, а именно: по даннымъ, имѣющимся въ сочиненіяхъ Смита, Нейлова, Бржозовскаго, по лекціямъ покойнаго моего профессора Станкевича и пр.; нынѣ очеркъ этотъ нѣсколько развитъ и исправленъ по моей просьбѣ генер. шт. капитаномъ Воронинымъ, съ которымъ мнѣ пришлось дѣлать личный обзоръ нѣкоторыхъ участковъ Ц. Польскаго.
93) **Хржановскій.**
94) **Prądzynski.** Chap. II.
95) **Barzykowski,** t. I.
96) **Хржановскій.**
97) **Prądzynski.** Chap. II.

98) Prądz., Chap. II.
99) Ibid., Chap. I.
100) Архивъ в.-учен. Комитета, соч. Иванова.
101) Секретный архивъ Канцеляріи военнаго министерства, переписка императора Николая I съ гр. Дибичемъ.
102) **Затлеръ:** „Записки о продовольствіи войскъ въ военное время". 4 ч.
103) Архивъ в.-учен. Комитета, соч. Иванова.
104) **Затлеръ:** „Записки и пр.", т. I, стр. 139.
105) Архивъ в.-учен. Комитета.
106) Ibid., а также: Затлеръ: „О госпиталяхъ въ военное время". С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 134—141.
107) **Брандтъ.** Поѣздка въ главную квартиру ген.-фельдм. Дибича въ 1831 г.
108) Ibid.
109) Секретный архивъ Канцеляріи военнаго министерства. Переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ.
110) **Давыдовъ.** „Записки".
111) **А. М-въ.** „Отрывки" и пр., стр. 19.
112) Диспозиція на 24 янв. Архивъ в.-уч. Комит.
113) Диспозиція на 25 янв. Ibid.
114) Диспозиція на 26 янв. Ibid.
115) Ibid.
116) Ibid.
117) Ibid.
118) **Prądzynski.** Chap. I.
119) Pamiętniki jenerała Jozefa Dwernickiego. Lwów 1870, стр. 14—15.
120) Ibid., 18—24.
121) **А. М-въ.** „Отрывки" и пр., стр. 22—23.
122) **Dwernicki,** 24.
123) **Нейловъ.** „Воспоминанія".
124) **Dwernicki,** 26.
125) Ibid., 28—29.
126) **А. М-въ,** стр. 24—25.
127) **Dwernicki,** 29—31.
128) **Prądzynski.** Chap. I.
129) **Брандтъ.** „Поѣздка" и пр.
130) Диспозиція на 5 февраля. Архивъ в.-уч. Комит.
131) **Prądzynski.** Chap. I.
132) Ibid.
133) Ibid.
134) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
135) **Prądzynski.** Chap. I.
136) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
137) **Brzozowski,** 46—49.
138) **Prądzynski.** Chap. I.
139) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
140) **Санкенъ.**
141) **Prądzynski.** Chap. I.
142) **Sołtyk.** II, XVI.
143) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
144) Ibid.
145) **Санкенъ.**
146) **Prądzynski.** Chap. I.
147) **Brzozowski.** 53—54.
148) **Forster.** „Powstanie narodu polskiego. W roku 1830—1831". Berlin 1873.
149) Ibid.
150) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
151) **Prądzynski.** Chap. I.
152) Ibid.
153) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
154) **Prondzynski.** Chap. I.
155) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
156) **Brzozowski,** 59.
157) **Prondzynski.** Chap. I.
158) Архивъ В.-Учен. Ком. Ивановъ, ср. Пронздзинскій, гл. I.
159) Ibid.
160) **Prondzynski.** Chap. I.
161) **Brzozowski,** 61.
162) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
163) **Forster.**
164) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 91. Важиковскому очень хочется увѣрить читателей, что въ Варшавѣ, въ Прагѣ и на мосту царствовалъ порядокъ послѣ проиграннаго сраженія, но этому противорѣчатъ многочисленныя авторитетныя свидѣтельства.
165) **Ивановъ,** Смитъ, т. I.
166) **Brzozowski,** 63.
167) **Смитъ,** т. I.
168) Ibid.
169) **Brzozowski,** 63.
170) **Смитъ,** т. I.
171) **Forster.** Однако Пронздзинскій (Chap. I) утверждаетъ, что Хлопицкій своевременно распорядился о привлеченіи дивизіи Круковецкаго на поле сраженія, а также о выдвиженіи дивизіи Лубенскаго, но оба эти приказанія не были своевременно исполнены.
172) **Prądzynski.** Chap. II.
173) Ibid.
174) Ibid., а также см. Moszczeński, 81—86.
175) Ibid.
176) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
177) Ibid., ср. Prondzynski (Chap. II) и Смитъ, I.
178) **А. М-въ.** „Отрывки", 22.
179) **Sołtyk.** I, XIV.
180) **Dwernicki,** 32—35.
181) **А. М-въ.** „Отрывки", 27—31.
182) **Dwernicki,** 32—35.
183) **А. М-въ.** 27—31.
184) Ibid., 31—36.
185) Ibid., 36—37
186) Архивъ В.-Уч. Комитета. Ивановъ.
187) **Prądzynski.** Chap. II.
188) Секретный архивъ Канц. Воен. Министерства.

Переписка фельдм. гр. Дибича съ императоромъ Николаемъ; см. также Barzykowski, t. I.

189) **Смитъ**, т. I.
190) Архивъ В.-Учен. Комит., Ивановъ.
191) **Prądzynski.** Chap. II. Дверницкій въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, будто-бы ему приказано было держаться ближе къ австрійской границѣ. Такое увѣреніе мало правдоподобно: если Скржинецкій рѣшился отправить экспедицію для возбужденія возстанія въ странѣ, то какой-же смыслъ былъ направлять ее вдоль границы? Это было столь-же несоотвѣтственно цѣлямъ экспедиціи, какъ и опасно для двигавшагося отряда, рисковавшаго въ каждой точкѣ быть отброшеннымъ на австрійскую территорію и неизбѣжно тамъ обезоруженнымъ.
192) Архивъ В.-Учен. Комит. Ивановъ.
193) **А. М-въ.** 61.
194) Ibid., 63.
195) Ibid., 70.
196) **Prądzynski.** Chap. II.
197) **Dwernicki.**
198) **А. М-въ**, 72—78.
199) Секретный архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства. Переписка Дибича съ императоромъ Николаемъ. Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ.
200) **Prądzynski.** Chap. II.
201) **Dembinski.** Pamięt. I, 103—104.
202) **Prądzynski.** Chap. III.
203) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 105.
204) Архивъ В.-Учен. Комит. Ивановъ.
205) Ibid. Смитъ, т. II.
206) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 107.
207) **Prądzynski.** Chap. III. Смитъ.
208) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 107—108.
209) **Хржановскій**, ср. Демб.
210) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 110.
211) Ibid., 110—111.
212) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ; Смитъ, Demb. I, 111—112.
213) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 119.
214) **Prądzynski.** Chap. III.
215) Ibid.
216) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 119—131.
217) Секретный архивъ Канц. Воен. Министерства. Переписка фельдм. Дибича съ императоромъ Николаемъ; архивъ В.-Учен. Комит. Ивановъ.
218) Архивъ В.-Учен. Комит. Ивановъ.
219) **Brzozowski**, 89; Смитъ, II.
220) **Brzozowski**, 89.
221) Архивъ В.-Учен. Комит. Ивановъ.
222) **Soltyk**, II, XVI.
223) **Prądzynski.** Chap. III.
224) Ibid.
225) Ibid.; **Смитъ**, II.
226) **Ивановъ.** Архивъ В.-Учен. Комит.
227) **Муравьевъ.** „Записки о ходѣ мятежа въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и заключенія о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныя изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ на мѣстѣ происшествія и подлинныхъ допросовъ". Напечатана въ біографическомъ очеркѣ, сост. г. Кропотовымъ: „Жизнь графа М. Н. Муравьева". С.-Петербургъ, 1874 г.
228) Архивъ В.-Учен. Комитета.
229) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ; Brzozowski, 98.
230) Секр. архивъ Канц. Воен. Министерства. Переписка Дибича съ императоромъ Николаемъ.
231) **Prądzynski.** Chap. IV.
232) **Смитъ**, II, ср. Brzozowski, 110—114.
233) **Prądzynski.** Chap. IV.
234) **Brzozowski**, 114.
235) **А. М-въ.** „Отрывки", 86—88.
236) Ibid., 88.
237) **Смитъ**, II.
238) **А. М-въ**, 88—89.
239) **Смитъ**, II; А. М-въ, стр. 95; Ивановъ.
240) См. приписку Хржановскаго къ Pamiętnikam Дембинскаго, I, 177.
241) **Prądzynski.** Chap. IV.
242) **Dwernicki**, 69—71.
243) Ibid., 79—81.
244) Ibid., 83—86.
245) Ibid., 86—87.
246) **Смитъ**, II.
247) **Dwernicki**, 87—90.
248) Ibid., 90 и слѣд.
249) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ; Dwernicki, 96 и слѣд. Боремельскій бой какъ по русскимъ, такъ и по польскимъ источникамъ трудно съ отчетливостью выяснить въ подробностяхъ. Съ обѣихъ сторонъ, особенно у Дверницкаго, много спутаннаго, преувеличеннаго и вздутаго....
250) См. соч. Иванова, Смита, II, и „Воспоминанія" Дверницкаго.
251) **Brzozowski**, 119.
252) **Д. В. Давыдовъ.** „Записки" (Русская Старина).
253) **Brzozowski**, 103.
254) **Prądzynski.** Chap. IV.
255) Архивъ В.-Учен. Комитета. Ивановъ.
256) Ibid.
257) **Dembinski.** Pamiętniki, 149—152; Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ.
258) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ.
259) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 165.
260) Ibid., 153, 176.
261) Архивъ В.-Уч. Комит., Ивановъ; Prądz. Chap. IV.
262) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ.
263) **Prądzynski.** Chap. IV.
264) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ.
265) Секретный архивъ Канц. Воен. Министерства. Переписка императора Николая съ Дибичемъ.

266) Архивъ В.-Уч. Комитета.
267) **Prądzynski.** Chap. IV.
268) Архивъ В.-Уч. Комитета.
269) **Prądzynski.**
270) **Хржановскій** (его записки въ „Отзывахъ и мнѣніяхъ военачальниковъ").
271) **Хржановскій.**
272) Походныя и путевыя записки, веденныя во время Польской кампаніи, въ 1831 г. С.-Петербургъ. 1832 г.
273) **Хржановскій.**
274) Архивъ В.-Уч. Комитета.
275) **Хржановскій.** Смитъ, II. Архивъ В.-Уч. Комит.; А. М-въ, „Отрывки", 107—110.
276) **А. М-въ.** 101, 104, 105.
276) **Prądzynski.** Chap. IV.
277) Диспозиція; Журн. воен. дѣйствій.
278) **Brzozowski.** 136.
279) Ibid.
280) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ; Смитъ, II.
281) **Маркграфскій.** Исторія Л.-Гв. Литовскаго полка, 272.
282) Архивъ В.-Уч. Комитета. Ивановъ.
283) Архивъ В.-Уч. Комитета. Ивановъ.
284) **Prądzynski.** Chap. V.
285) Ibid.
286) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 181.
287) **Ивановъ.** Архивъ В.-Уч. Комит.; Смитъ, II.
288) **Dembinski.** Pamiętniki, t. I, 182.
289) Ibid.
290) Ibid., 184.
291) **Смитъ**, II; Prądzynski, Chap. V.
292) Старый Егерь.
293) **Brzozowski**, 139.
294) Старый Егерь.
295) **Prądzynski.** Chap. V. Brzozowski, 140; Старый Егерь.
295) **Смитъ**, II; Brzozowski, 142 и слѣд., Prądzynski.
296) **Ивановъ.** Архивъ В.-Уч. Комит.; Исторія Л.-Гв. Сапернаго баталіона.
297) **Prądzynski.** Chap. V.
298) Ibid.
299) **Dembinski.** Pamiętniki, t. I, 185—192.
300) Ibid., 195.
301) **Prądzynski.** Chap. V.
302) Архивъ В.-Уч. Комитета. Ивановъ.
303) **Prądzynski.** Chap. V.
304) Старый Егерь.
305) **Prądzynski.** Chap. V.
306) Ibid. и Brzozowski, 149.
307) Старый Егерь; Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка.
308) Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка.
309) **Prądzynski.** Chap. V.
310) Ibid.
311) Ibid.
312) Архивъ В.-Уч. Комит. Ивановъ; Секр. архивъ Канц. Воен. Министерства. Переписка Дибича съ императоромъ Николаемъ.
313) Архивъ В.-Уч. Комитета.
314) **Prądzynski.** Chap. V.
315) Архивъ В.-Уч. Комитета.
316) **Хржановскій.**
317) Архивъ В.-Уч. Комитета.
318) **Prądzynski.** Chap. V.
319) Архивъ В.-Уч. Комитета.
320) **Prądzynski.** Chap. V.
321) Архивъ В.-Уч. Комитета.
322) **Чикуановъ.** „Л.-Гв. Уланскій полкъ подъ Остроленкой". Воен. Сборникъ.
323) Военный Сборникъ.
324) **Prądzynski.** Chap. V.
325) Военный Сборникъ.
326) Ibid.
327) **Prądzynski.** Chap. V.
328) Ibid.; ср. Смитъ II.
329) Архивъ В.-Уч. Комитета.
330) **Prądzynski.** Dembinski. Pamiętniki.
331) Архивъ В.-Уч. Комитета.
332) **Prądzynski.** Chap. VI.
333) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 231.
334) Ibid., I, 212—213.
335) Ibid., I, 216—217.
336) **Prądzynski.** Chap. VI.
337) Архивъ В.-Уч. Комитета.
338) **Ивановъ.**
339) **Prądzynski.** Chap. VI.
340) Архивъ В.-Уч. Комитета.
341) См. Wrotnowski, Pitkiewitcz, Смитъ, II, и Ивановъ.
342) Lettre du général Chlapowski; Kalinca.
343) **Wrotnowski**, Смитъ, III.
344) **Brzozowski**, 195—198.
345) **Prondzynski.** Chap. VI; Смитъ, II.
346) Архивъ В.-Уч. Комитета.
347) **Prądzynski.** Chap. VI.
348) Ibid.
349) Архивъ В.-Уч. Комитета.
350) Ibid., Смитъ, III, Prądzynski, Chap. VI.
351) **Brzozowski**, 204; Prondzynski, Chap. VII.
352) Ibid.; Смитъ, III; Давыдовъ.
353) **Prądzynski.** Chap. VII.
354) **Хржановскій**, Давыдовъ, Смитъ, III.
355) Архивъ В.-Уч. Комитета. Ивановъ.
356) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 266.
357) **Смитъ**, II.
358) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 268—270.
359) **Brzozowski**, 177—179.
360) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 271—272.
361) **Prądzynski.** VII; Dembinski, I, 272—273.
362) **Смитъ**, II.
363) Ibid., Dembinski, Pamiętniki, t. I, 281.

364) **Dembinski.** Pamiętniki, t. I, 282.
365) **Pitkiewicz.**
366) **Смитъ**, II, Wrotnowski.
367) **Смитъ**, II.
368) **Dembinski.** Pamiętniki, I, 291.
369) Ibid.
370) **Смитъ**, II.
371) **Саненъ.**
372) Ibid.
373) **Луганинъ.** Исторія Л.-Гв. Волынскаго полка.
374) См. Хлаповскій, Смитъ, II, и Prądzynski.
375) **Kalinca**, 131—132.
376) **Саненъ.**
377) **Kalinca**, 133—134.
378) **Смитъ**, III. Dembinski, Pamiętniki.
379) Записки военныхъ дѣйствій главнокомандующаго резервною арміею гр. П. А. Толстаго противъ польскихъ мятежниковъ, вторгнувшихся въ Виленскую губернію подъ командою Гелгуда, Хлоповскаго, Шимановскаго и Роланда, и соединившихся съ повстанцами Виленской губерніи. Вильно, 28 іюля 1831 г.
380) Ibid.; Wrotnowski; Dembinski, I; Kalinka.
381) См. его Pamiętniki, I, 309—314.
382) Ibid., 314—316.
383) „Mémoires sur la campagne de Lithuanie, par Dembinski, p. 140.
384) **Kalinca**, 137.
385) Записки Толстаго; Wrotnowski; Pitkiewicz; Смитъ, III; Dembinski; Chlapowski; Kalinca.
386) **Dembinski**: „Mémoires" etc.; Смитъ, III.
387) **Бантышъ-Каменскій**: „Біографія россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ"; Полевой: „Русскіе полководцы"; Кн. Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность", т. I, С.-Петербургъ, 1888 г.
388) **Толь.**
389) **Смитъ**, III.
390) Ibid., Prądzynski.
391) Дневникъ Головина.
392) **Толь**, Дневникъ.
393) Диспозиція. Журналъ воен. дѣйствій.
394) **Prądzynski.** VII.
395) **Толь**; Нейловъ.
396) **Толь.**
397) **Головинъ**; Баронъ Зедделеръ; В.-Энцикл. лексиконъ; Хржановскій; Пронзинскій, VII.
398) **Brzozowski**, 229—230.
399) Записки о продов. въ воен. время, т. I, стр. 155.
400) Отзывы и мнѣнія военачальниковъ.
401) **Толь.**
402) **Prądzynski.** VII.
403) **Толь.**
404) **Смитъ**, III.
405) **Brzozowski**, 224.
406) См. диспозиціи для движенія. Журналъ воен. дѣйствій.
407) **Толь.**
408) Журналъ воен. дѣйствій.
409) **Толь.**
410) **Prądzynski.** VII; Хржановскій; Смитъ, III.
411) **Толь.**
412) **Смитъ**, III.
413) Отзывъ и мнѣнія военач.: Затлеръ, Записки о продов., 156—157.
414) **Смитъ**, III.
415) **Даль.** „Описаніе моста, наведеннаго на р. Вислѣ для перехода отряда ген.-лейт. Ридигера". С.-Петербургъ, 1833 г.
416) **Смитъ**, III.
417) Ibid.
418) **Prądzynski.** VII.
419) **Dembinski.** Pamiętniki, t. II, 50—51.
420) **Prądzynski.** VII.
421) **Dembinski.**
422) **Dembinski.** Pamiętniki, t. II, 74—87.
423) **Толь.**
424) **Dembinski.** Pamiętniki, t. II, 87 и слѣд. Смитъ, III.
425) **Prądzynski.** VIII.
426) **Dembinski**, 120—121.
427) Ibid., 126 и слѣд. Prondzynski, VIII.
428) **Prądzynski.** VIII.
429) **Смитъ**, III.
430) **Forster**, приложеніе.
431) **Хржановскій.**
432) **Prądzynski.** VIII.
433) **Толь.**
434) **Головинъ**; Бар. Зедделеръ, В.-Энцикл. лексик.
435) **Prądzynski.** IX.
436) Ibid.
437) **Головинъ.**
438) **Prondzynski.** IX.
439) **Prądzynski.** IX; Forster; Головинъ.
440) **Prądzynski.** IX; Хржановскій.
441) **Смитъ**, III; Dembinski, Pamiętniki, II, 212 и слѣд.; Brzozowski, 251 и слѣд.
442) **Фонъ-деръ-Лауницъ.** „Штурмъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 г.". Воен. Сборникъ.
443) **Prondzynski**, IX.
444) Всеподдан. рапортъ гр. Паскевича.
445) **Фонъ-деръ-Лауницъ.**
446) Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича и диспозиція (Журн. воен. дѣйствій).
447) **Фонъ-деръ-Лауницъ**, вышеуказанная статья.
448) **Фонъ-деръ-Лауницъ.**
449) Ibid.
450) Всеподдан. рапортъ гр. Паскевича.
451) **Prądzynski.** Chap. X.
452) Всеподдан. рапортъ гр. Паскевича.

453) **Толь.**
454) См. Диспозиція на 26-е; Лауницъ.
455) **Prądzynski.** X; Forster.
456) Всеподдан. рапортъ гр. Паскевича.
457) **Смитъ**, III.
458) **Prądzynski.** X.
459) **Лауницъ.**
460) **Веригинъ.** „Штурмъ Варшавы въ 1831 г. и нѣкоторыя замѣчанія о Польской войнѣ". Русскій Вѣстникъ, 1860 г.
461) Ibid.
462) Всеподдан. рапортъ гр. Паскевича; Лауницъ; Веригинъ; Dembinski, Pamiętniki, II, 248 и др.
463) **Forster.**
464) **Prądzynski.** X.
465) **Толь.**
466) **Dembinski.** Pamiętniki, II, 292.
467) **Смитъ**, III.
468) См. любопытные факты, сообщаемые Дембинскимъ въ его Pamiętnikach, t. II, стр. 305 и слѣд.
469) **Смитъ**, III.
470) **Даль.** Описаніе моста и пр.
471) **Смитъ**, III.
472) Ibid.
473) **Dembinski.** II, 316.
474) Ibid., 320—327.
475) Журналъ воен. дѣйствій.
476) **Dembinski.** Pamiętniki, II, 339 и слѣд.
477) Ibid., 357.
478) Журналъ воен. дѣйствій. Смитъ, III.
479) **Dembinski.** Pamiętniki, II, 363.
480) Журналъ воен. дѣйствій.
481) Журналъ воен. дѣйствій.
482) Диспозиціи. Журналъ воен. дѣйствій.
483) Диспозиціи. Журналъ воен. дѣйствій.
484) Диспозиціи. Журналъ воен. дѣйствій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣчаніе: 1) Приложенія I—IX, XI, XIII—XIX заимствованы изъ хранящагося въ Архивѣ Военно-ученаго комитета рукописнаго сочиненія Иванова, и впервые появляются въ печати; мемуаръ Прондзинскаго хранится въ томъ-же архивѣ; 2) прочія—изъ соч. Смита.

Приложеніе I.

ВѢДОМОСТЬ

о составѣ корпусовъ, назначенныхъ въ дѣйствующую армію въ декабрѣ 1830 г.

1-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ *графъ Паленъ 1-й.*
Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-адъютантъ *князь Горчаковъ 3-й.*
Начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Перренъ 2-й.*

1-я гусар. дивизія. Нач. дивизіи, г.-ад. кн. *Лопухинъ.*	1-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Жерве.*	2-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Теслевъ.*	3-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-м. *Ткурины 1-й.*
1 бригада. Г.-м. *Ланской.* Орденскій. Ольвіопольскій.	**1 бригада.** Г.-м. *Мандерштернъ.* 1-й Морской. 2-й Морской.	**1 бригада.** Г.-м. *Неяловъ.* Принца Вильг. Прусск. Принца Карла Прусск.	**1 бригада.** Г.-м. *Моренталь 1-й.* Староингерманландскій. Новоингерманландскій.
2 бригада. Г.-м. *Іосельянъ.* Клястицкій. Лубенскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Петерсонъ.* 3-й Морской. 4-й Морской.	**2 бригада.** Г.-м. *Гурко 1-й.* Ревельскій. Эстляндскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Добрынинъ 1-й.* Фельд. кн. Кутуз.-Смол. Великолуцкій.
1-я конно-артил. бригада. Полк. *Паскевичъ 2-й.* Конная № 1 рота. Конная № 2 рота.	**3 бригада.** Г.-м. *Афросимовъ.* 1-й Егерскій. 2-й Егерскій.	**3 бригада.** Г.-м. *Пяйзе.* 3-й Егерскій. 4-й Егерскій.	**3 бригада.** Г.-м. *Батуринъ.* 5-й Егерскій. 6-й Егерскій.
	1-я артил. бригада. Полк. *Потемкинъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**2-я артил. бригада.** Полк. *Вакмутъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**3-я артил. бригада.** Полк. *кн. Крапоткинъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.

Примѣчанія: 1) При корпусѣ состоялъ 1-й Саперный баталіонъ; 2) пѣхота корпуса находилась въ составѣ двухъ баталіоновъ, кавалерія въ 6-ти эскадронномъ, а артиллерія по 12 орудій.

2-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ отъ кавалеріи *графъ Паленъ 2-й.*
Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ *Гасфортъ.*
Начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Федоренко.*

2-я гусар. дивизія. Нач. дивизіи, г.-м. *Сиверсъ 4-й.*	5-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Сулима.*	6-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Штейманъ.*	7-я пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г-л. *Засс. 2-й.*
1 бригада. Г.-л. *кн. Гагаринъ.* Эрцъ-Герц. Фердинанда. Павлоградскій.	**1 бригада.** Г.-м. *Лутковскій.* Бѣлозерскій. Олонецкій.	**1 бригада.** Г.-м. *Яфимовичъ.* Архангелогородскій. Вологодскій.	**1 бригада.** Г.-мъ *бар. Боллень.* Муромскій. Нижегородскій.
2 бригада. Г.-м. *бар. Болшвингъ.* Елисаветградскій. Иркутскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Малиновскій.* Шлиссельбургскій. Ладожскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Дебоа.* Костромской. Галицкій.	**2 бригада.** Г.-м. *Акутинъ.* Низовскій. Симбирскій.
2-я конно-артил. бригада. Полк. *Житовъ.* Конная № 3 рота. Конная № 4 рота.	**3 бригада.** Г.-м. *Пущинъ 2-й.* 9-й Егерскій. 10-й Егерскій.	**3 бригада.** Г.-м. *Отрощенко.* 11-й Егерскій. 12-й Егерскій.	**3 бригада.** Г.-м. *Добровольскій.* 13-й Егерскій. 14-й Егерскій.
	5-а артил. бригада. Полк. *Павловъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**6 артил. бригада.** Полк. *Макалинскій.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**7-я артил. бригада.** Полк. *Вомпинскій.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 1 рота. Легкая № 3 рота.

Примѣчаніе: 1) При корпусѣ состоялъ 2-й Саперный баталіонъ; 2) пѣхота корпуса была въ составѣ 2-хъ баталіонномъ, кавалерія въ 6-ти эскадронномъ и артиллерія по 12-ти орудій.

6-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ *баронъ Розенъ.*
Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-лейтенантъ *Вельяминовъ 2-й.*
Начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Шушеринъ.*

Литовская улан. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Влодекъ 1-й.*	24 пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Кнюкинъ.*	25 пѣх. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Рейбницъ.*	Сводная грен. бригада. Бриг. командиръ, г.-м. *Муравьевъ.*
1 бригада. Г.-м. *Прошинскій.* Польскій. Татарскій.	**1 бригада.** Г.-М. *Левандовскій.* Брестскій. Бѣлостокскій.	**1 бригада.** Г.-м. *Брайко.* Волынскій. Минскій.	Самогитскій гренадер. Луцкій гренадерскій. Несвижскій карабин.
2 бригада. Г.-м. *Ильстромъ.* Литовскій. Волынскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Никитинъ.* Литовскій. Виленскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Линденъ 2-й.* Подольскій. Житомірскій.	**Гренадер. артил. бригада.** Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота.
16-я кон.-артил. бригада. Полк. *Звонцовъ.* Конная № 31 рота. Конная № 32 рота.	**3 бригада.** Г.-м. *Пинабель.* 47-й Егерскій. 48-й Егерскій.	**3 бригада.** Г.-м. *Бриземанъ фонъ-Нетингъ.* 49-й Егерскій. 50-й Егерскій.	
	24-я артил. бригада. Полк. *Бирюлинъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**25-я артил. бригада.** Полк. *Боборыкинъ.* Батарейная № 1 рота. Легкая № 2 рота. Легкая № 3 рота.	

Примѣчанія: 1) При корпусѣ состоялъ Литовскій саперный баталіонъ; 2) пѣхота корпуса была въ составѣ 3-хъ баталіонномъ, кавалерія въ 6-ти эскадронномъ и артиллерія по 12 орудій.

Гренадерскій корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ отъ инфантеріи, *князь Шаховской.*
Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ *Гурко 2-й.*
Начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Гербель 1-й.*

1-я улан. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. кн. *Хилковъ.*	1-я гренад. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Угрюмовъ.*	2-я гренад. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Полуектовъ.*	3-я гренад. дивизія. Нач. дивизіи, г.-л. *Набоковъ.*
1 бригада. Г.-м. *Дохтуровъ.* Улан.Е.И.В.Мих.Пав. Сибирскій.	**1 бригада.** Г.-м. *фонъ-Фрикенъ.* Импер. Австрійскаго. Короля Прусскаго.	**1 бригада.** Г.-м. *Чадаевъ 1.* Кіевскій. Прин.Евген. Вюртемб.	**1 бригада.** Г.-м. *Буйвидъ.* Сибирскій. Фельд. Гр.Румянц.Зад.
2 бригада. Г.-м. бар. *Офенбергъ 2.* Оренбургскій. Ямбургскій.	**2 бригада.** Г.-м. *Томашевскій.* Насл. Прин. Прусск. Графа Аракчеева.	**2 бригада.** Г.-м. *Бушенъ.* Екатеринославск. Принца Павла Мекл.	**2 бригада.** Г.-м. *Мартыновъ 3.* Фельдм. Кн. Суворова. Астраханскій.
6 конно-артил. бригада. Подп. *Пистолькорсъ.* Конная № 11 рота. Конная № 12 рота.	**3 бригада.** Г.-м. *Леонтьевъ 1.* 1-й Карабинерный. Кар. Фельд. Барклая-де-Толли.	**3 бригада.** Г.-м. *Фрейгангъ.* 3-й Карабинерный. 4-й Карабинерный.	**3 бригада.** Г.-м. *Колотинскій.* 5-й Карабинерный. 6-й Карабинерный.
	1 Гренад. артил. бригада. Полк. *Можоевъ.* Батарейная № 1 рота. Батарейная № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**2 Гренад. артил. бригада.** Полк. *Головачевъ.* Батарейная № 1 рота. Батарейная № 2 рота. Легкая № 3 рота.	**3 Гренад. артил. бригада.** Полк. *Ловцовъ.* Батарейная № 1 рота. Батарейная № 2 рота. Легкая № 3 рота.

Примѣчаніе: 1) 1-я уланская дивизія причислена къ составу гренадерскаго корпуса уже впослѣдствіи; 2) къ корпусу былъ назначенъ 1-й резервный саперный баталіонъ; 3) пѣхота корпуса, была въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, кавалерія въ 6-ти эскадронномъ, а артиллерійскія конныя и пѣшія роты имѣли по 8 орудій.

3-й резервн. кавалер. корпусъ.

Корпусный команд., Ген. отъ кав., *графъ Виттъ 1-й.*
Начальникъ артиллеріи, Полк. *Корсаковъ 1-й.*

5-й резервн. кавалер. корпусъ.

Корпусный команд., ген.-лейт. *баронъ Крейцъ.*
Начальникъ артиллеріи, ген.-маіоръ *Бракеръ.*

3-я кирасир. дивизія.	3-я улан. дивизія.	2-я драг. дивизія.	2-я кон.-егер. дивизія.
Нач. дивизіи, г.-л. *Каблуковъ.*	Нач. дивизіи, г.-м. *Остенъ-Сакенъ 1-й.*	Нач. дивизіи, г.-м. *Заборинскій.*	Нач. дивизіи, г.-л. бар. *Гейсмаръ.*
1 бригада.	**1 бригада.**	**1 бригада.**	**1 бригада.**
Г.-м. бар. *Дризенъ.*	Г.-м. *Кизмеръ.*	Г.-м. *Гельманъ.*	Г.-м. *Пашковъ 1.*
Орденскій.	Украинскій.	Казанскій.	Переяславскій.
Стародубовскій.	Новоархангельскій.	Е.К.В.Герц.Александр. Виртембергскаго.	Е. В. Короля Вирт.
2 бригада.	**2 бригада.**	**2 бригада.**	**2 бригада.**
Г.-м. *Гревсъ.*	Г.-м. *Бердяевъ.*	Г.-м. *Каверъ.*	Г.-м. *Калчезскій.*
Прин. Альберт. Прусск.	Новомиргородскій.	Тверской.	Арзамасскій.
Новгородскій.	Елисаветградскій.	Финляндскій.	Тираспольскій.
9 конно-артил. бригада.	**10 конно-артил. бригада.**	**14 конно-артил. бригада.**	**15 конно-артил. бригада.**
Полк. *Костомаровъ.*	Полк. *Потемкинъ.*	Полк. бар. *Зальцъ.*	Полк. *Куприяновъ.*
Конная № 17 рота.	Конная № 19 рота.	Батарейн. № 27 рота.	Легкая № 29 рота.
Конная № 18 рота.	Конная № 20 рота.	Легкая № 28 рота.	Легкая № 30 рота.

Примѣчаніе: Кавалерія обоихъ корпусовъ была въ 6-ти эскадронномъ составѣ, а артиллерійскія роты имѣли по 12 орудій.

Гвардейскій корпусъ.

Командовавшій корпусомъ, Его Императорское Высочество, Великій Князь *Михаилъ Павловичъ.*
Въ должности Начальника корпуснаго штаба, флигель-адъютантъ полковникъ *Вейдемаръ.*
» » » артиллеріи, генералъ-маіоръ *Сумароковъ.*

Пѣхота Гвардейскаго корпуса.

Начальникъ всей пѣхоты, ген.-адъют. *Быстромъ.*

1-я гвард. пѣх. дивизія.	2-я гвард. пѣх. дивизія.
Нач. дивизіи, г.-л. *Шепшинъ.*	Нач. дивизіи, г.-л. *Ушаковъ.*
1 бригада.	**3 бригада.**
Г.-м. *Крафстремъ.*	Г.-м. *Мартыновъ.*
Л.-гв. Преображенскій	Л.-гв. Измайловскій.
» Московскій.	» Павловскій.
	» Сапери. батал.
2 бригада.	**4 бригада.**
Г.-м. *Берхманъ 2-й.*	Г.-м. *Полешко.*
Л.-гв. Семеновскій.	Л.-гв. Егерскій.
» Гренадерскій.	» Финляндскій.
	» Фин. стр. бат.
1 гвард. артил. бригада.	**2 гвард. артил. бригада.**
Г.-м. *Сумароковъ.*	Г.-м. *Статковскій.*
Л.-гв. батар. № 1 рота.	Л.-гв. батар. № 3 рота.
» батар. № 2 »	» батар. № 4 »
» легкая № 1 »	» легкая № 2 »

Сводно-гвард. резервн. кавалер. корпусъ.

Командующій корпусомъ, ген.-адъют. *Чичеринъ.*

Легкая гвард. кав. дивизія.	1-я кирасир. дивизія.
Нач. дивизіи, г.-м. графъ *Ностицъ.*	Нач. дивизіи, г.-м. кн. *Голицынъ.*
1 бригада.	**1 бригада.**
Г.-м. графъ *Ностицъ.*	Г.-м. принцъ *Алек. Виртембергскій.*
Л.-гв. Драгунскій.	Л.-гв. Кавалергардскій
» Уланскій.	» Конный.
2 бригада.	**2 бригада.**
Г.-м. *Глазенапъ.*	Г.-м.пр. *Виртембергскій*
Л.-Гв. Гусарскій.	Л.-гв. Кирасирскій.
» Конно-Егерскій	Лейбъ Кирасирскій Ея
» Казачій.	Импер. Величества.
» Кон.-Піон. эск.	**Л.-гв. кон.-артил. бригада.**
	Г.-м. *Гербель 2-й.*
	Л.-Гв. кон.-батар. бат.
	» легкая № 1 «
	» » № 2 »

Примѣчаніе. Пѣхотные полки корпуса были въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, кавалерійскіе въ 4-хъ эскадронномъ, исключая лейбъ-Казачьяго полка, состоявшаго изъ 7-ми эскадроновъ, артиллерія имѣла по 8 орудій въ ротѣ и въ конной батареѣ.

Кромѣ означенныхъ войскъ впослѣдствіи поступилъ въ составъ Дѣйствующей Арміи гвардейскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича, имѣвшій слѣдующія войска:

Пѣхота.	Кавалерія.	Артиллерія.
Л.-гв. Литовскій полкъ.	Л.-гв. Подольскій Кирасирскій.	Л.-гв. Конно-легкая № 3 батарея.
» Волынскій »	» Его Импер. Высоч. Цесар. уланскій.	» Пѣшая батарейная № 5 рота.
	» Гродненскій гусарскій.	Учебная полурота.

Пѣхотные полки въ составѣ двухъ баталіоновъ; кавалерія въ 4-хъ эскадронномъ, а артиллерія по 8 орудій.

Приложеніе II.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ АРМІЯ

(боевое росписаніе).

Главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ *графъ Дибичъ-Забалканскій.*
Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ *графъ Толь.* Начальникъ инженеръ, ген.-маіоръ *Денъ 1-й.*
Генералъ-квартирм. ген.-адъютантъ *Нейдгартъ.* Начальникъ артиллеріи ген.-адъют. *Сухозанетъ.*

3-й резервный кавалерійскій корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *графъ Виттъ 1-й.*

Начальники.	Дивизіи	Число. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Въ строю. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-ад. Каблуковъ .	3-я кирасирская . . .	—	24	—	126	3197	72	Зеньковъ.
Г.-м. бар. Остенъ-Сакенъ	3-я уланская	—	24	—	133	3644	75	Летичевъ.
Полк. Корсаковъ 1-й.	9-я и 10-я конно-артиллерійскія бригады .	—	—	48	—	—	—	при войскахъ.
	Итого . . .	—	48	—	—	7141	—	

6-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *баронъ Розенъ.* Начальникъ Главн. Штаба г.-ад. *Вельяминовъ 2-й.*

Начальники.	Дивизіи.	Число. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Въ строю. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-ад. Кишкинъ . .	24-я пѣхотная	18	—	—	313	14810	533	Гродно.
Г.-л. Рейбницъ . .	25-я »	18	—	—	336	14213	545	Дубно.
Г.-м. Муравьевъ . .	Гренад. бригада . . .	6	—	—	113	5633	189	Бѣлостокъ.
Г.-Л. Влодекъ 1-й .	Литовск. уланск. . . .	—	24	—	217	4405	72	Слонимъ.
Г.-м. Шушеринъ. .	6-я артил. бригада . .	—	—	120	—	—	—	при войскахъ.
	Итого . . .	42	—	—	—	34656	—	
		—	24	—	—	4405	—	

1-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *графъ Паленъ 1-й.* Начальникъ Штаба, г.-ад. *князь Горчаковъ 3-й.*

Начальники.	Дивизіи.	Число. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Въ строю. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-л. Жерве. . . .	1-я пѣхотная	12	—	—	207	10294	380	Митава.
Г.-л. Теслевъ . . .	2-я »	12	—	—	229	9650	378	Динабургъ.
Г.-м. Шкуринъ . .	3-я »	12	—	—	209	8384	345	Вильна.
Г.-л. кн. Лопухинъ .	1-я гусарская	—	24	—	176	4772	86	Вилькоміръ.
Г.-м. Перренъ. . .	1-я артиллер.	—	—	132	—	—	—	при войскахъ.
	Итого . . .	36	—	—	—	28528	—	
		—	24	—	—	4772	—	

5-й резервный кавалерійский корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *баронъ Крейцъ*.

Начальники.	Дивизіи.	ЧИСЛО. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	ВЪ СТРОЮ. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-м. Заборинскій .	2-я драгунская	—	24	—	152	4463	86	На маршѣ въ Кіевѣ и Переяславѣ.
Г.-м. бар. Гейсмаръ	2-я конно-егерская . .	—	24	—	161	4704	89	
Г.-м. Бракеръ. . .	14-я и 15-я конно-артиллерійскія бригады. .	—	—	48	—	—	—	
	Итого . . .	—	48	—	—	9167	—	

Гвардейскій отрядъ.

Подъ начальствомъ Е. И. В. Цесаревича Константина.

Начальникъ главнаго штаба, генералъ *графъ Курута*.

Войска.	ЧИСЛО. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	ВЪ СТРОЮ. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Пѣхоты отряда	4	—	—	102	4011	173	Въ Высоколитовскѣ.
Кавалеріи	—	12	—	167	2840	81	
Артиллеріи	—	—	24	—	—	—	
Итого пѣхоты	4	—	—	—	4011	—	
Итого кавалеріи	—	12	—	—	2840	—	

Гренадерскій корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *князь Шаховской*.

Начальникъ штаба генералъ-маіоръ *Гурко 2-й*.

Начальники.	Дивизіи.	ЧИСЛО. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	ВЪ СТРОЮ. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-л. Угрюмовъ . .	1-я гренадерская . . .	12	—	—	253	12009	532	Новгородъ.
Г.-л. Полуэктовъ. .	2-я » . . .	12	—	—	335	12032	568	Ст. Русса.
Г.-л. Набоковъ . .	3-я » . . .	12	—	—	186	10472	396	Псковъ.
Г.-л. кн. Хилковъ .	1-я уланская.	—	24	—	173	3488	76	Тверь.
Г.-м. Гербель . . .	Гренад. артилер. . . .	—	—	88	—	—	—	при войскахъ.
	Итого пѣхоты . .	36	—	—	—	34513	—	
	Итого кавалеріи .	—	24	—	—	3488	—	

2-й пѣхотный корпусъ.

Корпусный командиръ, генералъ *графъ Паленъ 2-й*.

Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ *Гасфортъ*.

Начальники.	Дивизіи.	ЧИСЛО. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	ВЪ СТРОЮ. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-л. Сулима . . .	5-я пѣхотная	12	—	—	246	10014	333	Смоленскъ.
Г.-м. Штегманъ . .	6-я »	12	—	—	201	5272	224	Витебскъ.
Г.-л. Зассъ 2-й. . .	7-я »	12	—	—	198	5908	321	Гомель.
Г.-м. Сиверсъ 4-й .	2-я гусарская	—	24	—	154	2890	71	Орелъ.
Г.-м. Федоренко . .	2-я артиллер.	—	—	132	—	—	—	Брянскъ.
	Итого пѣхоты . .	36	—	—	—	21194	—	
	Итого кавалеріи .	—	24	—	—	2890	—	

Гвардейскій корпусъ.

Подъ Начальствомъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича.

Начальникъ штаба, фл.-адъютантъ полковникъ *Вейдмарнъ* (въ должности).

Начальники.	Дивизіи.	ЧИСЛО. Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	ВЪ СТРОЮ. Офицер.	Рядовыхъ.	Музыкантовъ.	Квартиры.
Г.-ад. Шепшинъ . .	1-я пѣхотная.	8	—	—	—	8329	—	С.-Петербургъ.
Г.-л. Ушаковъ. . .	2-я »	10	—	—	—	9776	—	
Г.-м. Сумароковъ .	Пѣш. артиллер. . . .	—	—	48	—	—	—	
Сводн. гвард. резервн. кавалер. корпусъ.								
Г.-м. кн. Голицынъ .	1-я кирасирская . . .	—	16	—	—	3277	—	
Г.-м. гр. Ностицъ .	1-я легк. кавалер. . .	—	24	—	—	2981	—	
Г.-м. Гербель 2-й .	Конно-артиллер. . . .	—	—	24	—	—	—	
	пѣхоты . . .	18	—	—	—	18105	—	
	кавалеріи . .	—	40	—	—	6258	—	

Всего . . . Въ 1-й линіи: Пѣхоты въ 82-хъ бат. 67.195 ч. Кавалер. въ 108 эск. 19.158 ч. Артил. 324 оруд.
Во 2-й линіи: » » 36-ти » 34.513 » » » 72 » 12.655 » » 136 »
Въ 3-й линіи: » » 54-хъ » 39.299 » » » 64 » 7.148 » » 204 »

Итого . . . Пѣхоты въ 172-хъ бат. 141.007 ч. Кавалер. въ 244 эск. 38.961 ч. Артил. 664 оруд.

Приложеніе III.

ВѢДОМОСТЬ

о расположеніи и состояніи войскъ Дѣйствующей арміи при пограничныхъ пунктахъ къ переходу въ Царство Польское 23 и 24 января 1831 года.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ГЛАВНАЯ КВАРТИРА АРМІИ						
г. Бѣлостокъ.						
При ней.						
Эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка	—	1	—	—	144	
Донской Александрина полкъ	—	5 сти.	—	—	206	Прибылъ въ Высоко-Мазов. 28 января.
Донской Золотарева полкъ	—	5 сти.	—	—	490	
	—	1 10 сти.	—	—	840	
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
1-й пѣхотный корпусъ.						
Подъ командою генерала *графа Палена 1-го.*						
Между Кнышиномъ и Крыпно:						
2-я и 3-я бриг. 1-й пѣх. див. и 1-й сапер. батал.	9	—	—	7495	—	Два эскадр. этого полка въ отрядѣ г.-м. Мандерштерна.
4 эскадрона Клястицкаго полка гусарскаго	—	4	—	—	572	
4 орудія батарейной № 1 и легкая № 3 рота 1-й артил. бригады	—	—	12	—	—	6 ор. батарейн. № 1 роты въ томъ-же отрядѣ.
Конной № 2 роты	—	—	4	—	—	4 ор. этой роты въ томъ-же отр. и 2 ор. въ Ковно.
2-го конно-Черноморскаго полка 2 сотни	—	2	—	—	176	
При Хорощѣ и Жолткахъ.						
2-я пѣхотная дивизія	12	—	—	9660	—	
1-я бригада 1-й гусарской дивизіи	—	12	—	—	1662	
2-я артиллерійская бригада	—	—	24	—	—	
Конная № 1 рота	—	—	8	—	—	
2-го конно-Черноморскаго полка 3 сотни	—	3 сти.	—	—	268	
	21	16 и 5 сти.	48	17155	2678	
6-й пѣхотный корпусъ.						
Подъ командою генерала барона *Розена.*						
При Суражѣ.						
24-я пѣх. див. и Литовская гренад. бригада	18	—	—	16443	—	
1-я бригада Литовской улан. див	—	12	—	—	2001	
24-я и Литовская гренад. артил. бриг.	—	—	40	—	—	
Конная № 32 рота	—	—	8	—	—	
Донской Андреянова полкъ	—	5 сти.	—	—	404	
При Тончевѣ, что противъ Піонткова.						
1-я и 2-я бригады 25-й пѣхотной дивизіи	8	—	—	6904	—	
2-я бригада Литовской уланской дивизіи.	—	12	—	—	2011	
25-я артиллерійская бригада	—	—	24	—	—	
Конная № 31 рота	—	—	8	—	—	
Донской Секретова полкъ	—	5 сти.	—	—	515	
	26	24 и 10 сти.	80	23347	4931	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
3-й резерв. кавалер. корпусъ.						
Подъ командою генерала графа *Витта.*						
При Острожанахъ.						
2-я бригада 3-й уланской дивизіи	—	12	—	—	1704	
Полурота конной № 20 роты	—	—	4	—	—	
При Гродзинскѣ.						
3-я бригада 25-й пѣх. дивизіи	4	—	—	3530	—	
1-я бригада 3-й уланской дивизіи, исключая дивизіона Украинскаго полка	—	10	—	—	1477	
3-я кирасирская дивизія	—	24	—	—	3494	
9-я и 10-я артиллер. бриг. исключая полуроты № 20.	—	—	28	—	—	
	4	46	32	3530	6675	
Реверъ.						
Подъ Начальствомъ Е. И. В. Цесаревича						
Въ Бѣлостокѣ и окрестностяхъ.						
Пѣхота гвард. отряда и Литовскій сапер. баталіонъ.	5	—	—	4590	—	
1-я и 2-я бригады 2-й гренадерской дивизіи	8	—	—	7056	—	
3-я пѣхотная дивизія, исключая 6-го егерскаго полка.	10	—	—	7509	—	6-й егерскій полкъ въ Минскѣ.
Кавалерія гвардейскаго отряда	—	20	—	—	—	
Батарейная № 1 и легкая № 3 роты 3-й артил. бриг.	—	—	16	—	—	
Въ слѣдованіи къ Бѣлостоку.						
3-я бриг. 2-й гренад. див. и батал. 6-го карабин. полка.	5	—	—	3512	—	Батал. 6-го карабинернаго полка въ Бѣлостокѣ.
2-я гренад. артил. бриг. и легкая № 2 рота 3-й артил. бриг.	—	—	32	—	—	
	28	12	68	22667	1984	
Итого главныхъ силъ	79	99 и 25 сти.	228	66699	17108	
Отрядъ праваго фланга.						
Подъ командою г.-м. *Мандерштерна.*						
При Домброво, что близъ Гродно.						
1-я бриг. 1-й пѣх. див. и 3-й батал. 48-й егерскаго полка.	5	—	—	3795	—	
Дивизіонъ Клястицкаго гусарскаго полка	—	2	—	—	286	
Легкая № 2 рота 1-й артил. бригады	—	—	8	—	—	
Конной № 2 роты 4 орудія	—	—	4	—	—	
Донской Грекова полкъ	—	5 сти.	—	—	348	
	5	2 и 5 сти.	12	3795	634	
Подъ командою генерала *князя Шаховскаго.*						
При Ковно.						
2-я бриг. 3-й гренадерской дивиіи и 5-й карабинерный полкъ	6	—	—	5188	—	1-я бриг. этой див. въ Вильнѣ, 1-й батал. 6-го карабинернаго полка въ Бѣлостокѣ; 2-й въ резервѣ.
Два дивизіона Лубенскаго гусарскаго полка	—	4	—	—	611	
Батарейная № 2 и легкая № 3 роты 3-й гренадер. артил. бриг. и 6 орудій батарейной № 1-й роты 1-й артил. бриг.	—	—	22	—	—	
Конная № 2 роты	—	—	2	—	—	
7-й конно-Черноморскій полкъ	—	5 сти.	—	—	462	
Въ слѣдованіи на присоединеніе къ корпусу.						
1-я гренадерская дивизія	12	—	—	10411	—	
1-я гренадерская артил. бриг.	—	—	24	—	—	
	18	4 и 5сти.	48	15599	1073	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Канарейц.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Отрядъ лѣваго фланга.						
Подъ начальствомъ полковника *Анрепа.*						
Въ Брестъ-Литовскѣ.						
2 эскадрона Украинскаго уланскаго полка	—	2	—	—	292	
Донской Ильина полкъ	—	5 стн.	—	—	450	
	—	2 и 5 стн.	—	—	742	
Подъ командою г.-л. барона *Гейсмара.*						
При м. Влодавѣ.						
2-я конно-егерская дивизія	—	24	—	—	3480	
15-я конно-артиллерійская бригада	—	—	24	—	—	
Донской Платова и 5-й конно-Черноморскій полки	—	10 стн.	—	—	893	
	—	24 и 10 стн.	24	—	4373	
Подъ командою г.-л. барона *Крейца.*						
При Владимірѣ.						
2-я драгунская дивизія	—	24	—	—	3357	
14-я конно-артиллерійская бригада	—	—	24	—	—	
Донской Хоперскаго полкъ	—	5 стн.	—	—	437	
	—	24	24	—	3830	
Всего	102	155 и 55 стн.	336	86093	27760	
Гарнизоны.						
Въ Вильнѣ.						
1-я бригада 3-й гренадерской дивизіи	4	—	—	3539	—	
Эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка	—	1	—	—	144	
Батарейная № 1 рота 2-й гренадерской артил. бриг.	—	—	8	—	—	
Въ Минскѣ и Гродно.						
6-й егерскій полкъ	2	—	—	1414	—	
Резервные батал. Литовскаго и Виленскаго пѣх. полковъ и 4 орудія легкой № 2 роты 1-й артил. бриг.	2	—	4	1106	—	
Въ Бѣлостокѣ.						
Резервный батал. 47-го егерскаго и батал. 6-го карабинернаго полка	2	—	—	1494	—	
Артиллерійскій резервъ	—	—	96	—	—	
Въ Брестѣ.						
Резервные батал. Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ	2	—	—	1284	—	
Въ Устилугѣ.						
Резервный баталіонъ Житомірскаго полка	1	—	—	503	—	
Въ Радзивиловѣ и Кременцѣ.						
Резервные батал. 49-го 50-го егерскихъ полковъ	2	—	—	1019	—	
Въ Луцкѣ.						
Резервные батал. Подольскаго и Минскаго полковъ	2	—	—	889	—	
Въ Дубно.						
Резервный баталіонъ Волынскаго полка	1	—	—	373	—	
Итого въ гарнизонахъ	18	1	108	11621	144	

Примѣчаніе. Въ войскахъ, ко вступленію въ Царство Польское назначенныхъ: регулярной кавалеріи 23075, казаковъ 4685, пѣшихъ орудій 214, конныхъ 122. А потому полагать можно вообще: въ баталіонѣ 844; въ эскадронѣ 150; въ казачьей сотнѣ 85 чел.

Приложеніе IV.

ТАБЛИЦА

общаго движенія войскъ въ Царство Польское.

	Мѣсяцъ и число.	Кавалерійскій отрядъ.	Гродненскій отрядъ.	1-й пѣхотный корпусъ.		6-й пѣхотный корпусъ.		Главная кварт. и резервъ.	3-й резервный кавалерійскій корпусъ.		Казачій отрядъ.	5-й резервный кавалерійскій корпусъ.	
		6 батал., 4 эскадр., 24 орд. и 2 сот. казаковъ Перекрестова полка.	5 батал., 2 эскадр. Кялетицкаго гусарск. полка, 12 орд., казачій Грекова полкъ.	Авангардъ: 4 батал., 12 эск., 12 ор. и 3 сот. казаковъ за нимъ: 8 батал. 36 орудій.	9 батал., 4 эскадр., 24 орд. и 2 сотни казаковъ.	Авангардъ: 2 батал., 12 эскадр., 12 орд. и 5 сот. казаковъ, за нимъ: 6 батал., 36 орудій.	18 батал., 12 эскадр., 72 орудія и 1 казачій полкъ.	22 баталіона, 12 эскадроновъ, 36 орудій.	Авангардъ 12 эскадроновъ, 12 орудій.	4 батал. егерей 25-й пѣхотной дивизіи. 34 эскадрона, 48 орудій.	2 эскадрона Украинскаго уланскаго полка. Казачій Ильина полкъ.	2 эскадр., 24 орудія, 2-я конно-егерская дивизія, 2 полка казаковъ.	24 эскадр., 24 орудія, 2-я драгунская дивизія, 1 полкъ казаковъ.
	23 Январ.	Сборный пунктъ Ковно.	Сборный пунктъ Каменa-Домброва.	2-го конно-Черморск. казач. п.							Сборный пунктъ Брестъ-Литовскъ.	Сборный пунктъ предъ Влодавой.	Сборный пунктъ Устилугъ.
	24	Переправа при Ковно.	Переходъ черезъ границу и Августово.	Сборный пунктъ Хорощи и Желтки или Добрженево.	Сборный пунктъ Кишишки и Крыпно.	Сборный пунктъ между Топчево и Вишками.	Сборный пунктъ Сураж.		Сборный пунктъ Дротичинъ.	Сборный пунктъ Цѣхановецъ.	Переходъ черезъ границу Бiала.	Переходъ черезъ границу Грабовка.	Переходъ черезъ границу Грубешовъ.
	25	Скраукзе.	Дневка.	Переходъ чрезъ границу въ Жолткахъ и Тиковичѣ.	Переходъ черезъ границу и Тиковичѣ.	Переходъ черезъ границу и Соколы.	Переходъ черезъ границу и Соколы.	Сборный пунктъ Сураж.	Переходъ чрезъ границу въ Граинѣ. Стердинь.	Переходъ черезъ границу Нуръ.	Менедзыржецъ.	Рудно.	Войсловице.
	26	Маріамполь.	Райгородъ.	Рудки.	Рудки.	Высоке - Мазовецкъ.	Высоке - Мазовецкъ.	Переходъ чрезъ границу Высоке-Мазовецкъ [2]).	Вепровъ.	Стердинь.		Радзинъ.	Красностав.
	27	Кальварія [1]).	Щучинъ.	Ложка.	Замбровъ.	Чижево.	Чижево.						Пяски [3]).

[1]) 2-й эшелонъ, карабинерный князя Барклая-де-Толли полкъ, слѣдуетъ за отрядомъ 25-го января; 3-й эшелонъ, 1-й карабинерный, 26; 2-я бригада 1 гренад. див. 30; 5-й эшелонъ, 1-я бригада 1-й гренад. дивизіи, 1-го февраля и при ней слѣдуетъ вся 1-я артиллерійская бригада.

[2]) 3-я пѣх. див. не имѣетъ 27 числа дневки въ Мазовецкѣ, а прочія же днюютъ; 3-я бригада 2-й гренад. див. съ парками прибудетъ въ Бѣлостокъ 26 числа; 2-я гренад. артиллер. бриг. и легкая рота № 2-го 3-й полевой бриг. съ 6 карабинерн. полкомъ прибудутъ въ Бѣлостокъ 30 числа.

[3]) Одинъ драг. полкъ, 4 орудія и 2 сотни казаковъ отряжаются для обсерваціи крѣпости Замостья.

Примѣчаніе. Таблица эта составлена изъ собственноручнаго расчета маршей Генералъ-Фельдмаршала.

Приложеніе V.

ВѢДОМОСТЬ

о силѣ и составѣ колоннъ, 7 числа февраля 1831 г., при вступленіи на Пражскія поля.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Правая колонна.						
Подъ командою генерала *барона Розена.*						
Авангардъ ея.						
Подъ командою генералъ-лейтенанта *Влодека.*						
3-я бриг. 25-й пѣх. див.	4	—	—	2750	—	
2-я бриг. Литовской уланской див.	—	11	—	—	1804	Литовскаго улан. полка 1-нъ эскадр. въ Окуневѣ при госпиталѣ.
Легкая № 3 рота 25 артил. бриг.	—	—	8	—	—	
Конной № 20 роты	—	—	4	—	—	
Донской Секретова полкъ	—	5 стн.	—	—	359	
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
1-я и 2-я бригады 24-й пѣхотной дивизіи (исключая батал. Литовскаго полка)	7	—	—	6023	—	Батал. Литовскаго полка въ карауле въ Окуневѣ.
1-я и 2-я бригады 25-й пѣх. див..	8	—	—	6597	—	
Литовская гренадерская бриг.	6	—	—	4832	—	
Польскій уланскій полкъ	—	6	—	—	986	
Батарейн. № 1 роты 24 и 25 артил. бриг. . . .	—	—	16	—	—	
Батарейн. № 1 и легкая № 2 Литовской гренадерск. артил. бриг.	—	—	16	—	—	
Конная № 32 рота и конной № 20 роты 4 орудія .	—	—	12	—	—	
	25	17 и 5 стн.	56	20202	3149	
Лѣвая колонна.						
Подъ командою генерала *графа Палена 1-го.*						
Авангардъ ея.						
Подъ командою г.-л. *князя Лопухина.*						
3-я бриг. 1-й пѣх. див.	4	—	—	3273	—	2-й эскадр. Клястицкаго гусарск. полка генерала князя Шаховскаго въ отрядѣ ген.-маіора Мадер-штерна.
Сумскій и Клястицкій гусарскіе полки.	—	10	—	—	1398	
Новоархангельскій и Елисаветградскій улан. полки .	—	12	—	—	1727	
2 орудія батарейн. № 1 роты 3-й артил. бриг. . .	—	—	2	—	—	
Конная № 1 рота.	—	—	8	—	—	
Конная № 19 рота	—	—	8	—	—	
2-й конно-Черноморскій полкъ	—	4 стн.	—	—	338	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
1-я и 2-я бриг. 3-й пѣх. див. (исключая пѣх. батал. князя Кутузова и 6-й егерскій полкъ	9	—	—	6276	—	Баталіонъ кн. Кутузова полкъ въ Калушинѣ.
2-я бриг. 1-й пѣх. див. (исключая батал. 4 морскаго полка).	3	—	—	2526	—	Батал. 4-го морск. полка въ карауле въ Минскѣ.
2-я бриг. 2-й пѣх. див., пѣх. принца Вильгельма Прусскаго и 3-й егерск. полки съ батал. 4 егерск.	9	—	—	6676	—	Батал. 4-го егерск. полка въ Ломжѣ (на маршѣ).
Ольвіопольскій гусарскій полкъ	—	6	—	—	836	
1-я бриг. 2-й конно-егерск. див.	—	12	—	—	1150	
4 орудія батарейн. № 1 роты и легкая № 3 рота 1-й артил. бриг.	—	—	12	—	—	
Батарейн. № 1 и легкая № 2 роты 2-й артил. бриг.	—	—	16	—	—	
6 орудій батарейн. № 1 роты и легкая № 3 рота 3-й артил. бриг.	—	—	14	—	—	
	25	40 и 4 стн.	60	18751	5449	
Войска долженствовавшія собраться при Милосны и ожидать повелѣнія.						
2-я гренадерская див.	12	—	—	10996	—	
Новомиргородскій уланскій полкъ	—	6	—	—	857	
Боевой артил. резервъ.	—	—	56	—	—	
	12	6	56	10996	857	
За нимъ на шоссе.						
Гвардейскій отрядъ	4	12	20	3514	1987	
3-я кирасирская див.	—	24	—	—	2324	
	4	36	20	3514	4311	
Отрядъ ген.-адъют. барона Гейсмара.						
Пѣх. принца Карла Прусскаго полкъ	2	—	—	1615	—	
Украинскій Уланскій полкъ.	—	6	—	—	874	
2-я бриг. 2-й конно-егерск. див.	—	12	—	—	1703	
Конная № 30 рота	—	—	12	—	—	
Донской Платова полкъ	—	5 стн.	—	—	488	
	2	18 и 5 стн.	12	1615	3065	
ВСЕГО.	68	117 и 14 стн.	204	55078	17271	

Приложеніе VI.

ВѢДОМОСТЬ

о силѣ и составѣ войскъ дѣйствующей арміи въ сраженіи подъ Прагою на Гроховскихъ поляхъ 13 февраля 1831 года.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія,	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
СОСТАВЪ ВОЙСКЪ.						
1-й пѣхотный корпусъ.						
Подъ командою генерала *графа Палена 1-го.*						
2-я и 3-я бриг. 1-й пѣх. див., исключая батал. 4-го морск. полка	7	—	—	3967	—	1-я бриг. въ отр. г.-м. Мандерштерна, 1 бат. 4-го морскаго полка въ Минскѣ для печенія хлѣба.
1-я и 2-я бриг. 2-й пѣх. див. и батал. 4-го егерск. полка	9	—	—	7017	—	3-го егерскаго полка 1 бат. въ отрядѣ г.-м. барона Сакена, 2-й у г.-ад. барона Гейсмара, а батал. 4-го егерск. еще не прибылъ изъ Ломжи.
1-я и 3-я бриг. 3-й пѣх. див. и 5-й егерск. полкъ	10	—	—	5872	—	6-й егерск. полкъ въ гарниз. въ г. Минскѣ (въ Россіи).
1-я бриг. 1-й гусарск. дивиз. и два див. Клястицкаго гусарск. полка	—	16	—	—	2081	Остальной дивиз. Клястицкаго, также два дивиз. Лубенскаго гусарск. полковъ у генерала отъ инфантеріи князя Шаховскаго.
1-я бриг. 2-й конно-егерск. див. и 5 эскадр. Новоархангельскаго уланск. полка	—	17	—	—	1736	
4 орудія батарейн. № 1 роты и легкая № 3 рота 1-й артил. бриг.	—	—	12	—	—	
Батарейн. № 1 и легкая № 3 роты 3-й артил. бриг.	—	—	16	—	—	
Конная № 1 рота	—	—	8	—	—	
2-й конно-Черноморскій полкъ	—	4 стн.	—	—	421	
	26	33 и 4 стн.	52	16856	4238	
6-й пѣхотный корпусъ.						
Подъ командою генерала *барона Розена.*						
1-я и 2-я бриг. 24-й пѣх. див., исключая батал. Литовскаго пѣх. полка	7	—	—	4870	—	Въ корпусѣ.
25-я пѣх. див. и 2 роты Литовскаго сапер. батал.	12½	—	—	7647	—	
Литовская гренадерск. бриг.	6	—	—	4927	—	
2-я бриг. Литовской уланск. див. безъ 1 эскадр. Литовскаго уланск. полка и Польскій уланск. полкъ	—	17	—	—	2473	Эскадр. Литовскаго полка при госпиталѣ въ Окуневѣ.
24-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
25-й артил. бриг. батарейн. № 1 и легкая № 3 роты	—	—	16	—	—	
Литовской гренадерск. бриг. батарейн. № 1 и легкая № 2 роты	—	—	16	—	—	
Конная № 32 рота	—	—	8	—	—	
Донской Секретова полкъ	—	5 стн.	—	—	337	
	25½	17 и 5 стн.	48	17444	2810	
3-й резервный кавалерійскій корпусъ.						
Подъ командою генерала *графа Витта.*						
3-я кирасирск. див.	—	24	—	—	3299	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Украинскій уланск. и л. г. Уланскій Е. И. В. Цесаревича полки и одинъ эскадр. Новоархангельскаго	—	11	—	—	1544	
Конныя, № 19, 20 и 30 роты, л.-гв. легкая № 3 батар. съ 4 оруд., составлявшими учеб. полур.	—	—	36	—	—	
	—	35	36	—	4843	
Главный резервъ.						
2-я гренадерск. див.	12	—	—	9048	—	
Гвард. отр. безъ л.-гв. Уланскаго Е. И. В. Цесаревича полка и безъ л. гв. легко-конной № 3 батар. съ 4 оруд. учеб. полур.	4	8	8	3092	1152	
Боевой артил. резервъ	—	—	52	—	—	
	16	93 и 9 стн.	196	46440	13043	
Гренадерскій корпусъ.						
Подъ командою генерала *князя Шаховскаго.*						
Карабинерный фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкъ	1½	—	—	1186	—	Двѣ роты оставлены въ Насельскѣ и слѣдовали за корпусомъ.
2-я бриг. 3-й гренадерск. див. безъ 1 батал. Астраханскаго полка и 5-й карабин. полкъ	5	—	—	4005	—	Батал. Астраханскаго гренадер. полка отправленъ съ вагенбургомъ въ Окуневъ 12 числа и присоединился уже 14-го.
1-я бриг. 1-й пѣх. див.	4	—	—	3052	—	
Лубенскаго гусарск. полка два див. и дивиз. Клястицкаго гусарск. полка	—	4	—	—	600	Одинъ эскад. въ Насельскѣ, другой съ вагенбургомъ въ Окуневѣ.
Атаманскій Е. И. В. Наслѣдника, Донской Грекова, 4 и 7 конно-Черноморскіе полки	—	9 стн.	—	—	1000	Прочія въ раскомандировкахъ.
2-я гренадерск. артил. бриг. (безъ 2-хъ оруд.) и 3 гренадерск. артил. бриг. 12 оруд.	—	—	34	—	—	
1-й артил. бриг. батарейн. № 1 роты 6 оруд. и легкой № 2 роты 6 оруд.	—	—	12	—	—	
Конной № 2 роты	—	—	6	—	—	
Отрядъ г.-м. барона Сакена.						
Батал. 3-го егерск. полка	1	—	—	844	—	
2-я бриг. 3-й уланск. див.	—	12	—	—	1600	
Донской Андреянова	—	5 стн.	—	—	387	
Конной № 29 роты	—	—	4	—	—	
	16½	16 и 14 стн.	56	9087	3687	
Всего	70	109 и 23 стн.	252	55527	16730	

Примѣчаніе. При исчисленіи войскъ приняты въ соображеніе одни унтеръ-офицеры и рядовые.

Приложеніе VII.

ОБЩАЯ ВѢДОМОСТЬ

чинамъ войскъ дѣйствующей арміи убитымъ, раненымъ, получившимъ контузіи и безъ вѣсти пропавшимъ во время сраженій бывшихъ 2, 5, 6, 7, 8, 12 и 13 чиселъ февраля 1831 года.

Званія войскъ и чиновъ.	Убито.	Ранено.	Безъ вѣсти пропало и взято въ плѣнъ.	Получили контузіи.	ИТОГО.
1-го пѣхотнаго корпуса.					
Въ сраженіяхъ 6, 7, 8 и 13 чиселъ февраля.					
Генераловъ	1	2	—	—	3
Штабъ-офицеровъ	3	9	—	2	14
Оберъ-офицеровъ	7	72	5	21	105
Нижнихъ чиновъ	625	2505	952	416	4498
Итого	636	2588	957	439	4620
6-го пѣхотнаго корпуса.					
Въ сраженіяхъ 2, 5, 6, 7, 8 и 13 февраля.					
Генераловъ	—	3	—	—	3
Штабъ-офицеровъ	3	29	—	—	32
Оберъ-офицеровъ	16	228	1	—	245
Нижнихъ чиновъ	962	5960	957	—	7879
Итого	981	6220	958	—	8159
Гренадерскаго корпуса и прикомандированныхъ къ нему войскъ во время сраженій бывшихъ 5, 6, 12 и 13 чиселъ февраля.					
Генераловъ	—	1	—	—	1
Штабъ-офицеровъ	2	9	—	4	15
Оберъ-офицеровъ	5	56	1	9	71
Нижнихъ чиновъ	522	2173	411	59	3165
Итого	529	2239	412	72	3252
3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и л. гв. Уланскаго Е. И. Величества полка въ сраженіи 13 числа.					
Генераловъ	—	1	—	—	1
Штабъ-офицеровъ	—	3	1	1	5
Оберъ-офицеровъ	7	13	7	15	42
Нижнихъ чиновъ	139	285	162	3	589
Итого	146	302	170	19	638
Въ Главной квартирѣ дѣйствующей арміи и войскахъ составляющихъ прикрытіе ея.					
Въ сраженіяхъ 5, 6, 7, 12 и 13 февраля.					
Генераловъ	—	3	—	1	4
Штабъ-офицеровъ	—	—	—	—	—
Оберъ-офицеровъ	—	4	—	1	5
Нижнихъ чиновъ	—	7	—	—	7
Итого	—	14	—	2	16
5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса съ начала военныхъ дѣйствій по 15-е число.					
Генераловъ	—	—	—	—	—
Штабъ-офицеровъ	1	—	1	—	2
Оберъ-офицеровъ	5	5	—	—	10
Нижнихъ чиновъ	280	74	—	—	354
Итого	286	79	1	—	366
ВСЕГО: Генераловъ	1	10	—	1	12
ВСЕГО: Штабъ-офицеровъ	9	50	2	7	68
ВСЕГО: Оберъ-офицеровъ	40	378	14	46	478
ВСЕГО: Нижнихъ чиновъ	2528	11004	2482	478	16492

Приложеніе VIII.

ТАБЛИЦА

слѣдованія главныхъ силъ арміи къ Тырчину для переправы на лѣвый берегъ Вислы.

Званія войскъ.	Марта 17.	Марта 18.	Марта 19.
Главная квартира изъ м. Шенница	м. Желеховъ 35.	—	м. Рыки 20.
1-я пѣхотная дивизія.			
1-я гусарская див. и корпусная квартира. Изъ м. Парысова.	Мястковъ. Косцельный 15.	с. Клочевъ.	м. Бобровники 15.
1-я пѣх. див. изъ м. Гарволина	Ласкаржево 15.	Коритница 15.	Рыки 15.
2-й пѣх. див. Ревельскій полкъ, изъ м. Ласкаржева	Мацеіовице 12.	Стенжице 18.	—
2-й пѣх. див. 3-й егерск. полкъ, изъ м. Таржковска	—	Мацеіовице 12.	г. Варгоцинъ 6.
2-й пѣх. див. 4-й егер. полкъ, Литовскій сапер. бат. и 4 орд. легкой № 3 роты 2 артил. бриг. (должностное. остаться.) При Тырчинѣ.			
2-й пѣх. див. Эстляндскій полкъ съ батареин. № 1 ротою 2 артил. бриг. (должностное. остаться.) При Моджицѣ.			
3-я пѣх. див. изъ м. Осѣцка	с. Руда-Пулубска. 15.	с. Соколъ 15.	с. Сваты 17.
Одинъ полкъ див. и двѣ роты 1 саперн. батал. Изъ м. Карчева.	м. Осѣцкъ 15.	с. Руда-Пулубска 15.	с. Соколъ 15.
Гренадерскій корпусъ.			
1-я гренадерская дивизія и корпусная квартира. Изъ м. Латовича	Сточекъ 18.	Радорышъ 21.	м. Мястечко. 18.
1-я бриг. див. изъ м. Шенницы	Латовичи 15.	Турзе 20.	м. Окржея 20.
2-я гренадер. див. изъ м. Сточека	с. Осины 12.	м. Окржея 16.	Барановъ 19. Переправа черезъ р. Вепржъ.
Гвардейскій отрядъ.	—	Гуловска-Воля.	Коцкъ.
Резервная артил. изъ м. Лукова	м. Войцешковъ 16.	Дневка.	Коцкъ 12.
3-й резервный кавалерійскій корпусъ.			
1-я бриг. 3-й уланск. див.	—	—	—
3-я кирасирск. див.	—	—	—
Гренадер. див.	—	—	—

Приложеніе IX.

ВѢДОМОСТЬ

о расположеніи и составѣ 6-го пѣхотнаго корпуса и прикомандированныхъ къ нему войскъ въ день сраженія 19 марта при корчмѣ Ваврѣ и селеніи Дембе-Вielьке.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Авангардъ корпуса. Подъ командою г.-ад. *бар. Гейсмара.*						
При корчмѣ Ваврѣ.						
2-я бриг. 24-й пѣх. див. и 47-й егерск. полкъ . . .	6	—	—	4174	—	
Волынскій уланск. полкъ	—	6	—	—	962	
24-й артил. бриг. батарейн. № 1 роты 6 оруд. и легкой № 3 роты 4 оруд.	—	—	10	—	—	
Донской Ильина, Секретова и 2-й конно-Черноморскій полки.	—	15 стн.	—	—	867	
	6	6 и 15 стн.	10	4174	1829	
Эшелоны за авангардомъ.						
При Милосны.						
Батал. Бѣлостокскаго пѣх. полка и 2 оруд. легкой № 2 роты 24-й артил. бриг.	1	—	2	1269	—	
При Гржибовской Волѣ.						
Батал. Бѣлостокскаго пѣх. полка	1	—	—			
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
При Дембе-Вельке.						
48 егерск. полкъ	2	—	—	1689	—	
2 эскадр. Арзамасскаго и 2-ва эскадр. Тираспольскаго конно-егерск. полковъ	—	4	—	—	464	
Легкой № 2 роты и 24-й артил. бриг. 6-ть оруд. . .	—	—	6	—	—	
При Столѣлѣ.						
Брестскій пѣх. полкъ и батарейн. № 1 роты 25 артил. бриг. 7 оруд.	2	—	7	1114	—	
Итого на бивакахъ . . .	6	4	15	4072	464	
При Осинахъ.						
Литовскій Уланск. полкъ и 4 оруд. конной № 32 роты.	—	6	4	—	947	
При Рыше.						
Житомирскій пѣх. полкъ	2	—	—	1029	—	

На бивакахъ.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
При Цыганкѣ и Бржузе.						
Подольскій пѣх. полкъ и легкая № 2 рота 25-й артил. бриг.	2	—	8	979	—	
При Окуневѣ.						
50-й егерскій полкъ и одинъ эскадр. Польскаго уланскаго полка	2	1	—	800	151	
При Пустельникѣ.						
49-й егерск. полкъ.	2	—	—	713	—	
При Станиславовѣ.						
Волынскій пѣх. полкъ, эскадр. Польскаго уланск. полка, легкая № 3 рота 25 артил. бриг. и 4 оруд. конной № 32 роты	2	1	12	713	152	
При Вулькѣ-Чарнецкой.						
Минскій пѣх. полкъ	2	—	—	730	—	
При Посвентне.						
2 дивиз. Польскаго уланск. полка	—	4	—	—	606	
Въ Ренчае.						
2 эскадр. Арзамасскаго и 3 эскадр. Тираспольскаго конно-егерск. полковъ	—	5	—	—	595	
Итого на квартирахъ . .	12	17	24	4964	2451	
Отрядъ въ м. Карчевѣ.						
Эскадр. Арзамасскаго и эскадр. Тираспольскаго конно-егерск. полковъ.	2	2	—	—	232	
ВСЕГО.	24	29 и 15 стн.	49	13210	4976	

На квартирахъ.

Примѣчаніе. Прочія войска корпуса были въ командировкахъ, а именно: Литовская гренадерская бригада при 5-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, Литовскій саперный баталіонъ при главныхъ силахъ арміи, Татарскій уланскій полкъ въ Сѣдльце, Венгровѣ и въ отрядѣ полковника графа Цукато, гренадерской артиллерійской бригады батарейная № 1 рота въ артиллерійскомъ резервѣ главныхъ силъ арміи. Легкая № 2 рота при 5 резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ; 24 артиллерійской бригады, батарейной № 1 роты 2 орудія по причинѣ разстрѣла въ Брестѣ. Легкой № 3 роты 4 орудія въ Сѣдльце. 25-й артиллерійской бригады батарейной № 1 роты 1 орудіе по причинѣ разстрѣла въ Брестѣ; 10-й конно-артиллерійской бригады конная № 31 рота въ артиллерійскомъ резервѣ главныхъ силъ арміи.

Приложеніе X.

СИЛЫ РУССКИХЪ ПРИ ИГАНЕ.

I. Войска, дѣйствительно сражавшіяся впереди селенія Итане.

Пѣхота.

13-й егерскій полкъ	2 баталіона	. . . . .	1630	челов.
14-й »	2 »	. . . . .	1561	»
Волынскій »	1 »	. . . . .	491	»
Минскій »	1 »	. . . . .	537	1028 »
	6 баталіоновъ	. . . . .	4219	челов.

Кавалерія.

Иркутскій гусарскій полкъ	6 эскад.	. . . . .	806	челов.
Елисаветоградскій гусарск. полкъ	6 »	. . . . .	810	»
Польскій уланскій »	6 »	. . . . .	821	»
	18 эскадроновъ	. . . . .	2437	челов.

Всего 6.656 человѣкъ.

II. Войска, находившіяся на правомъ берегу Мухавца.

Пѣхота.

24-й див. Остатки полковъ Брестскаго Бѣлостокскаго и Виленскаго	3	батал.	1800	челов.
3-й гренадерской дивизіи: Сибирскій полкъ	2	»	1836	»
Румянцевскій полкъ	2	»	1823	»
3-й пѣхотной дивизіи 6-й егерскій полкъ	1½	»	1200	»
	8½	батал.	6659	челов.

Кавалерія.

Волынскій уланскій полкъ	6 эскад.	. . . . .	685	челов.
Конные егери	4 »	. . . . .	600	»
Павлоградскихъ гусаровъ	2 »	. . . . .	215	»
	12 эскад.	. . . . .	1560	челов.

Всего 8.159 человѣкъ.

III. Войска Ягодненскаго авангарда (за исключеніемъ Волынскаго и Минскаго полковъ, приведенныхъ выше въ числѣ сражавшихся).

Пѣхота.

24-й пѣхотной дивизіи 47 егерскій полкъ	1	батал.	677	челов.
24-й » 48 »	2	»	1165	»
25-й » Подольскій полкъ	1	»	675	»
25-й » Житомирскій полкъ	1	»	856	»
25-й » 49 егерскій полкъ	1	»	728	»
25-й » 50 »	1	»	495	»
	7	батал.	4596	челов.

Кавалерія.

Литовскій уланскій полкъ	1 эскадрона	. . . . .	420	челов.
Казаки (Секретова)		. . . . .	397	»
			817	»

Всего 5413 человѣкъ.

Приложеніе XI.

ВѢДОМОСТЬ

о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 1 апрѣля 1831 года.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ АРМІИ.						
Главная квартира г. *Сѣдльце.*						
При ней:						
3 эскадрона Жандармскаго полка	—	3	—	—	491	
Казачьяго Атаманск. Е. П. В. Наслѣдника полка	—	4½ сти.	—	—	616	
Казачьяго Золотарева № 21 полка	—	5 сти.	—	—	486	Раскомандированный по штабамъ корпусовъ и дивизій.
Авангардъ.	—	3 и 9½ сти.	—	—	1593	
Подъ командою генерала *графа Палена 2.*						
Войско на позиціи при Ягодне.						
Подъ командою г.-м. *Сиверса.*						
3-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи	4	—	—	1627	—	
2-я бригада 2-й гусарской дивизіи	—	12	—	—	1467	
7-й артиллерійской бригады легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	Одно орудіе этой роты, подбитое въ сраж. подъ Итане, захвачено непріятелемъ.
Конная № 3 рота	—	—	8	—	—	
Донской казачій Ильина № 32 полкъ	—	5 сти.	—	—	376	Занимаютъ посты на рѣкѣ Костржинѣ.
Эшелонъ.						
Для поддержанія авангарда при с. Минтосахъ.						
2-я бриг. 7-й пѣх. див.	4	—	—	2969	—	
Павлоградск. гусарск. полкъ	—	6	—	—	851	
7-й артил. бриг.: батарейной № 1 роты 8 орудій и легкой № 3 роты 7 орудій	—	—	15	—	—	4 орудія батарейной роты въ 1 эшелонѣ артиллерійскаго резерва. Легкой № 3 роты одно орудіе, подбитое въ сраженіи подъ Итане, осталось у непріятеля.
Конной № 3 роты	—	—	4	—	—	
6-й пѣхотный корпусъ.	8	18 и 5 сти.	31	4596	2694	
Подъ командою *бар. Розена.*						
На позиціи при Сѣдльце.						
Полки:						
24-й пѣх. див. Бѣлостокскій	1	—	—	715	—	Полки эти въ составѣ одного баталіона.
24-й пѣх. див. Виленскій	1	—	—	678	—	
24-й пѣх. див. 47-й егерскій	1	—	—	574	—	Полки эти въ составѣ одного баталіона.
24-й пѣх. див. 48-й егерскій						
25-й пѣх. див. 2 и 3 бриг.	4	—	—	2402	—	Полки въ составѣ одного баталіона.
2-я бриг. Литовск. уланск. див.	—	10	—	—	1486	Литовскій Уланскій полкъ въ составѣ 4 эск.
24-й артил. бриг. батарейной № 1 роты	—	—	4	—	—	3 орудія находятся въ м. Біалѣ, одно потеряно въ сраженіи 19 марта.
24-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	Два орудія потеряны въ томъ же сраженіи.
25-й артил. бриг. батарейной № 1 роты	—	—	2	—	—	6 орудій потеряны въ томъ же сраженіи.
25-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	6 орудій находятся въ Біалѣ.
16-й конно-артил. бриг. конной № 32 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ отрядѣ г.-л. Угрюмова.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Донской казачій Секретева № 38 полкъ . . .	—	5 сти.	—	—	437	
Донскаго казачьяго Андреянова полка. . . .	—	1/2 сти.	—	—	40	
	9	10 л 5 1/2 сти.	18	5458	1963	
1-й пѣхотный корпусъ.						
Подъ командою генерала *гр. Палена 1.*						
Передовой отрядъ:						
Подъ командою г.-м. *Мандерштерна.*						
Въ Скуржечѣ.						
2-я бриг. 1-й пѣх. див.	4	—	—	2607	—	
1-я гусарск. див., исключая Сумскаго полка .	—	18	—	—	2330	
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	6	—	—	
Атаманск. Е. И. В. Наслѣдника полка. . . .	—	1 сти.	—	—	137	
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
Близъ Сѣдльце.						
1-я и 3-я бриг. 1-й пѣх. див.	7	—	—	3941	—	2-й егерскій п. въ составѣ одного баталіона.
Ревельск. пѣх. полкъ.	2	—	—	1249	—	
3-й егерск. полкъ	2	—	—	1213	—	
1-й и 2-я бриг. 3-й пѣх. див., исключая Новоингерманландск. пѣх. полка	6	—	—	2267	—	Новоингерманландскій полкъ въ отрядѣ полковника Траскина.
3-я бриг. 3-й пѣх. див.	4	—	—	1599	—	5-й егерскій п. въ составѣ одного баталіона.
1-й Саперный баталіонъ	1/2	—	—	466	—	Остальные 2 роты въ отрядѣ г.-м. Герштенцвейга въ Коцкѣ.
Сумск. гусарск. полкъ	—	6	—	—	788	
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	6 орудій въ передовомъ отрядѣ, 2 въ Ломжѣ, 2 въ Гродно, а на мѣсто потереннаго подъ Бѣлоленкою поступило изъ резерва одно орудіе.
1-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ отрядѣ г.-м. барона Сакена.
2-й артил. бриг. батарейная № 1 рота . . .	—	—	8	—	—	
3-й артиллерійской бригады:						
Батарейная № 1 рота	—	—	8	—	—	
Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
Конной № 1 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ томъ же отрядѣ.
Конной № 2 роты	—	—	8	—	—	2 орудія въ отрядѣ полковн. Траскина.
2-й конно-Черноморскій казачій полкъ . . .	—	5 сти.	—	—	—	
	24 1/2	24 и 6 сти.	48	13342	3595	
Гренадерскій корпусъ.						
Подъ командою ген. *кн. Шаховскаго.*						
Близъ Сѣдльце.						
2-я грен. див., исключая гренадерск. принца Павла Мекленбургскаго полка	10	—	—	6831	—	Полкъ этотъ прикрываетъ резервную артиллерію въ Збучинѣ.
3-я грен. див., исключая одного баталіона 6-го карабинернаго полка	11	—	—	8084	—	Одинъ баталіонъ 6-го карабинернаго полка въ Бѣлостокѣ.
1-й резервный саперный баталіонъ	1	—	—	648	—	
1-й грен. артил. бриг. легкой № 3 роты . . .	—	—	4	—	—	Остальныя 4 орудія въ отрядѣ г.-л. Угрюмова.
2-й грен. артил. бриг. батарейная № 2 и легкая № 3 роты	—	—	16	—	—	
3-я грен. артил. бриг.	—	—	28	—	—	Батарейная № 1 рота, будучи укомплектована въ Вильнѣ 3 дивизіонами, показывается въ 12 орудійномъ составѣ.
	22	—	48	15563	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Гвардейскій отрядъ.						
Подъ командою генерала *гр. Куруты.*						
На тѣсныхъ квартирахъ въ Радзынѣ и окрестностяхъ.						
Л.-гв. Литовскій полкъ въ Радзынѣ и Біалкѣ .	2	—	—	1720	—	Прибываютъ на назначенныя квартиры 2-го числа апрѣля.
Л.-гв. Волынскій полкъ въ Радзынѣ, Біалкѣ и Жабиковѣ	2	—	—	1677	—	
Л.-гв. Подольскій кирасирскій полкъ въ Вохинѣ и Бозволѣ	—	4	—	—	676	
Л.-гв. Уланскій Е. И. В. Цесаревича полкъ въ Лисьи Вулькѣ, Жбимитовѣ и Большой и Малой Брацѣ	—	4	—	—	574	
Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ въ Жабелѣ, Большихъ Пашкахъ, Невеглушѣ и Лихтаѣ .	—	4	—	—	603	
Л.-гв. пѣшая батарея № въ 5 въ Козырникѣ .	—	—	8	—	—	
Л.-гв. конно-легкая батарея № 3 въ Устржешѣ .	—	—	8	—	—	
Л.-гв. учебн. артил. див. въ Радзынѣ	—	—	4	—	—	
	4	12	20	3397	1853	
3-й резервный кавалерійскій корпусъ.						
Подъ командою генер. *графа Витта.*						
Въ м. Луковъ.						
3-я кирасирск. див.	—	22	—	—	2716	Кирасирскій принца Альберта Прусскаго полкъ въ составѣ 4 эскадроновъ.
Новоархангельскаго уланск. полка.	—	4	—	—	548	2 эскадрона въ отрядѣ г.-м. Герштенцвейга.
9-я конно-артил. бриг.	—	—	16	—	—	
	—	26	16	—	3264	
1-й эшелонъ артил. боеваго резерва.						
Подъ командою полковника *барона Ренне.*						
Въ Збучинѣ.						
Литовской гренадерск. артил. бригады батарейн. 1 рота	—	—	8	—	—	
2-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
3-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
24-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	7	—	—	Одно орудіе потеряно въ сраженіи 19 марта.
7-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	4	—	—	
Конно-артил. № 4 рота	—	—	—	—	—	
Въ прикрытіи гренадерск. принца Павла Мекленбургскаго полкъ	2	—	—	1361	—	
	2	—	47	1361	—	
Итого главныхъ силъ арміи . .	69 1/2	93 и 26 сти.	228	43697	14962	
Отряды:						
1. Генералъ-Лейтенанта Угрюмова, направленный къ Венгрову.						
1-я гренадерск. див., исключая 2-хъ ротъ Короля Прусскаго и всего графа Аракчеева полка	9 1/2	—	—	7722	—	Двѣ роты въ отрядѣ полковника Бартоломея; полки въ отрядѣ г.-м. барона Остенъ-Сакена.
Польскій уланскій полкъ	—	4	—	—	541	
Арзамасскаго конно-егерск. полка.	—	3	—	—	301	Въ составѣ 4 эскадр. 2 эск. въ отрядѣ г.-м. графа Тимана. 1 эск., лошади котораго разбѣжались, въ счету не значится.
Тираспольскаго конно-егерск. полка.	—	2	—	—	218	4 эск. въ отрядѣ г.-м. графа Тимана.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Татарскаго уланскаго полка	—	2	—	—	239	2 эск. въ г. Сѣдльцѣ, 2 эск. въ летучемъ отрядѣ полков. графа Цукато.
1-й гренадерск. артил. бриг., батарейн. № 2 рота	—	—	8	—	—	
Легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Конной № 32 роты	—	—	—	—	—	
Атаманскаго Е. П. В. Наслѣдника полка	—	1/2 сти.	—	—	69	
	9 1/2	11 и 1/2 сти.	16	7722	1368	
2. Генер.-Маіора Герштенцвейга.						
Въ Коцкѣ.						
Эстляндскій пѣх. полкъ	2	—	—	1235	—	
4-й егерск. полкъ	2	—	—	1441	—	
2 роты 1-го саперн. батал.	1/2	—	—	466	—	
3 роты Литовскаго саперн. батал.	3/4	—	—	570	—	Одна рота въ отрядѣ г.-м. Пашкова.
Новоархангельскаго уланск. полка	—	2	—	—	274	
2-й артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
Донской казачій Борисова № 34 полкъ	—	5 сти.	—	—	378	
Въ Радзынь.						
Для прикрытія мостовыхъ принадлежностей:						
1 батал. Замосцскаго пѣх. полка (бывш. резерв. батал. Подольскаго пѣх. полка)	1	—	—	345	—	
	6 1/4	2 и 5 сти.	8	4057	652	
3. Генералъ-Маіора Тимана.						
Въ Радоришѣ.						
Арзамасскаго конно-егерскаго полка	—	2	—	—	206	
Тираспольскаго конно-егерск. полка	—	4	—	—	434	
Донской казачій Егорова № 44 полкъ	—	5 сти.	—	—	226	
	—	6 и 5 сти.	—	—	866	
4. Полковника Траскина.						
Въ с. Розъ						
Новонгерманландскій пѣх. полкъ	2	—	—	920	—	
Украинскій уланск. полкъ	—	6	—	—	792	
2 орудія конной № 2 роты	—	—	2	—	—	
	2	6	2	920	792	
5. Летучій полковн. гр. Цукато.						
Между рѣками Бугомъ и Наревомъ.						
Татарскаго уланскаго полка	—	2	—	—	239	1/2 сотни при 6-мъ пѣхотн. корпусѣ.
Донскаго казачьяго № 43 полка	—	4 1/2 сти.	—	—	275	
	—	2 и 4 1/2 сти.	—	—	514	
Итого въ отрядахъ	17 3/4	27 и 15 сти.	26	12699	4192	
Войска составляющія правый флангъ арміи.						
Отрядъ:						
Генералъ-маіора *барона Остенъ-Сакена.*						
Составляющій авангардъ гвардейскаго корпуса.						
Въ г. Остроленкѣ и окрестностяхъ.						
1-я бригада 2-й пѣх. див.	4	—	—	2581	—	
Гренадерскій графа Аракчеева полкъ	2	—	—	1696	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
2-я бриг. 3-й уланск. див.	—	12	—	—	1466	
1-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Конной № 1 роты	—	—	4	—	—	
Донской казачій Грекова 4 № 24 полкъ	—	4 сти.	—	—	212	Одна сотня въ Ломжѣ.
Казачій 7 конно-Черноморскій полкъ	—	5 сти.	—	—	317	
	6	12 и 9 сти.	8	4277	1995	
Гвардейскій корпусъ.						
Подъ начальствомъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича.						
Корпусная квартира въ г. *Ломжѣ.*						
1-я гвардейская пѣхотная дивизія.						
Полки:						
Л.-г. Преображенскій въ Ломжѣ	2	—	—	1918	—	
» Московскій въ Гатчинѣ	2	—	—	1935	—	
» Семеновскій въ Лодкахъ	2	—	—	1944	—	
» Гренадерскій въ Кольно	2	—	—	1892	—	
» легкой № 1 роты . въ Кольно.	—	—	4	—	—	
» легкой № 1 роты . въ Царицынѣ.	—	—	4	—	—	
2-я гвардейская пѣхотная дивизія.						
Полки:						
Л.-г. Измайловскій въ Мястковѣ	2	—	—	1874	—	
» Павловскій въ Щепанковѣ	2	—	—	1927	—	
» Егерскій въ Новогродѣ	2	—	—	1882	—	
» Финляндскій въ Чарторыѣ	2	—	—	1892	—	
» Саперный батал. въ Пьонтницѣ	1	—	—	882	—	
» Финскій стрѣлков. батал. въ Тарновѣ	1	—	—	396	—	
» Батарейн. № 3 рота въ Остроленкѣ	—	—	8	—	—	
» Батарейн. № 4 рота въ Хойнахъ	—	—	8	—	—	
» Легкая № 2 рота въ Новогродѣ						
Легкая гвардейск. кавалерійск. див.	—	—	8	—	—	
Полки:						
Л.-гв. Драгунскій въ Червинѣ	—	4	—	—	751	
» Уланскій въ Пыскахъ	—	4	—	—	759	
Л.-г. Гусарскаго { 2 эскадр. въ Островѣ / 2 эскадр. въ Брокѣ }	—	4	—	—	747	
Л.-гв. Конно-егерскаго. { 3 эскадр. въ Зарембахъ / 1 эскадр. въ Нурѣ }	—	4	—	—	727	
Л.-гв. конная № 1 батарея въ Андржеевѣ	—	—	8	—	—	
» конная № 2 батарея въ Зарембахъ	—	—	8	—	—	
1-я Кирасирская дивизія.						
Полки:						
Л.-гв. Кавалергардскій въ Августовѣ	—	4	—	—	768	
» Конный въ Райгродѣ	—	4	—	—	777	
» Кирасирскій въ Щучинѣ	—	4	—	—	770	
» Кирасирскій Ея Велич. въ Ставшикахъ.	—	4	—	—	775	
Артиллерійскій боевой резервъ.						
Л.-гв. батарейн. № 1 рота въ Ломжѣ	—	—	—	—	—	
» батарейн. № 2 рота въ Ломжѣ	—	—	—	—	—	
» батарейн. батарея въ Пьонтницѣ	—	—	—	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Оруд.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Л.-гв. Казач. полка эскадр. Въ Остроленкѣ	—	1	—	—	771	1 Черноморскій эскадронъ въ Бѣлостокѣ.
» Августовѣ	—	1	—	—		
» Ломжѣ	—	1	—	—		
Занимаетъ посты по рѣкѣ Нисѣ. При легкой гвард. кавалерійск. див. для разъѣздовъ между Бугомъ и Наревомъ.	—	2	—	—		
	18	38	72	16542	6745	
Итого войскъ праваго фланга	24	50 и 9 стн.	80	20819	8740	
Войска составляющія лѣвый флангъ арміи.						
Подъ командою г.-л. *барона Крейца*.						
ВЪ ВОЕВОДСТВѢ ЛЮБЛИНСКОМЪ.						
Главный Отрядъ.						
1-й батал. Самогитскаго гренадерск. полка.	1	—	—	589	—	
Луцкій гренадерскій полкъ. Въ Бѣлжицѣ.	2	—	—	1020	—	
Литовской гренадерск. артил. бриг. легкая № 2 рота. Въ Бѣлжицѣ.	—	—	8	—	—	
Тверской драгунскій полкъ. Въ д. Вроновѣ, что	—	—	—	—	658	
3 орудія конной № 28 роты. близъ Бѣлжице.	—	—	3	—	—	4 орудія въ отрядѣ г.-м. графа Толстаго, 6 потеряны при Козеницѣ и при Куровѣ.
Драгунскій герц. Александра Виртембергскаго полка. Въ Стржесковице.	—	6	—	—	729	
Конно-батарейн. № 27 рота. Въ Стржесковице.	—	—	12	—	—	
Отрядъ г.-м. графа Толстаго.						
Казанскій драгунск. полкъ. Въ Пумно.	—	5	—	—	633	
Конно-егерскій короля Виртембергскаго полкъ. Въ Пумно.	—	4	—	—	647	
Два орудія конной 28 роты въ Пумно	—	—	2	—	—	
Донскаго казачьяго Хоперскаго № 26 полка. Въ м. Красникѣ.	—	1 стн.	—	—	386	
Донскаго казачьяго Хоперскаго № 26 полка. Занимаетъ посты по Вислѣ отъ Рахова до с. Камень.	—	4	—	—		
Отрядъ г.-м. Пашкова.						
Батал. Несвижскаго карабинерн. полка	1	—	—	450	—	
2 орудія конной № 28 роты	—	—	2	—	—	
1-я рота Литовскаго сапери. батал. въ Пулавахъ	1/4	—	—	220	—	
Переяславскій конно-егерскій полкъ занимаетъ посты отъ р. Вепржа до м. Казимержа.	—	4	—	—	540	Полкъ этотъ приведенъ въ 4-хъ эскадронный составъ.
Отрядъ г.-м. Анрепа.						
Батал. Несвижскаго каранн. полка въ д. Камень.	1	—	—	449	—	
Донскаго казачьяго Грекова 5 № 5 полка. 4 сот. занимаютъ посты отъ д. Камень до Казимержа. 1 сотня въ въ Люблинѣ.	—	5 стн.	—	—	441	
Отрядъ г.-м. Давыдова.						
Расположенъ въ Туробинѣ, занимаемая постами Красноставъ, Горжковъ и Жолкевку.						
Донскіе казач. полки: Катасонова 1-го № 3, Кирѣева № 4 и Платова № 9.	—	15 стн.	—	—	1451	
Отрядъ г.-м. Любавскаго.						
Батал. Самогитскаго гренадер. полка въ Люблинѣ	1	6	—	767	—	
Финляндскій драгунск. полкъ Глускѣ.	—	—	—	—	775	
Итого войскъ лѣваго флага	6 1/4	31 и 25 стн.	27	3495	6240	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Оруд.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Въ тылу арміи.						
ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.						
Въ Сѣдльце.						
Татарскаго уланскаго полка	—	2	—	—	239	
5-й конно-Черноморскій казач. полкъ	—	5 стн.	—	—	375	
Въ Мендзыржецъ.						
1-я бриг. 7-й пѣх. див.	4	—	—	2748	—	
7-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	12	—	—	Для хлѣбопеченія.
Въ Бялы.						
Брестскій пѣх. полкъ (въ составѣ 1 батал.).	1	—	—	525	—	
Команда застрѣльщиковъ, оставшаяся отъ Литовскаго пѣх. полка	1	—	—	183	—	
2-й батал. Модлинскаго (прежде бывшій резервный батал. Брестскаго) пѣх. полка	1	—	—	455	—	
24-й артил. бриг. батарейн. № 1 роты	—	—	3	—	—	Для исправленія поврежденій.
25 артил. бриг. легкая № 2 роты.	—	—	6	—	—	
25-й артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
Въ Ломжѣ.						
2-й батал. 51-го (бывшій резерви. 48) егерск. п.	1	—	—	480	—	
Донскаго Грекова 4-го № 24 полка	—	1 стн.	—	—	102	
Батарейн. № 2 роты 1-й гренадер. артил. див.	—	—	4	—	—	Изъ 3 дивизіоновъ гренадерской артиллеріи, выступившихъ изъ г. Вильны.
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	
Въ Августовѣ.						
1-й батал. Ладожскаго и 1 батал. Пражскаго (бывшій резерви. Литовскаго) пѣх. полковъ	2	—	—	1354	—	2-й баталіонъ Ладожскаго полка слѣдуетъ въ Ковно.
Донской Катасонова № 2-го 25 полкъ.	—	5 стн.	—	—	133	Въ распоряженіи Августовскаго временнаго губернатора.
8-го Оренбургскаго казачьяго.	—	4 стн.	—	—	448	
Во Влодавѣ.						
Донской казач. Карпова № 10 п.	—	5 стн.	—	—	526	
	10	2 и 20 стн.	35	5594	1823	
Итого войскъ въ Царствѣ Польскомъ	127 1/2	203 и 95 стн.	396	86304	35957	
ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ.						
Въ Ковно.						
9-го егерск. полка	1 1/2	—	—	1174	—	2 роты 9 егерскаго полка и 4 орудія легкой № 3 роты находятся въ отрядѣ полковника Бартоломея, а остальныя 6 орудій показаны въ Гродно.
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	2	—	—	
Въ Вильнѣ.						
1-я бриг. 5-й пѣх. див.	4	—	—	3200	—	Въ постоянномъ гарнизонѣ г. Вильны.
5-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
Донской казач. Кутейникова № 39 полкъ	—	5 стн.	—	—	277	Въ распоряженіи Ломженскаго временнаго военнаго губернатора.
Въ Гродно.						
2-й батал. Пражскаго (бывшій резерви. Виленскаго) пѣх. полка	1	—	—	542	—	Полкъ и 6 орудій возвращаются въ Гродно 3 апрѣля.
10-й егерск. полкъ	2	—	—	1584	—	
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Въ Бѣлостокѣ.						
Батал. 6 карабинери. и 1 батал. 51 (бывшій резерви. 47) егерск. полковъ	2	—	—	1494	—	
Л.-г. казачьяго полка Черноморскій эскадр. .	—	1	—	—	160	
Артиллерійскій резервъ	—	—	62	—	—	См. примѣч. 2.
Въ Брестъ-Литовскѣ.						
2-й Батал. Модлинскаго (бывшій резерви. Бѣлостокскаго) пѣх. полка.	1	—	—	304	—	По причинѣ значительной потери въ людяхъ полки эти только для счета показываются въ составѣ одного баталіона каждый.
1-я бриг. 25-й пѣх. див.	2	—	—	330	—	
2-й эшелонъ.						
Боеваго артиллерійскаго резерва.						
1-й гренадер. артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
2-й гренадер. артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
1-й полевой артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	10	—	—	
Конныя роты: № 19, 20, 29, 30 и 31	—	—	42	—	—	
Поврежденныхъ орудій разныхъ ротъ	—	—	6	—	—	Рота № 30 въ составѣ 10 орд. См. примѣч. 2.
Въ Устилугѣ.						
2-й батал. Замостьскаго (бывшій резерви. Житомірскаго), 2-й батал. Люблинскаго (бывшій резерви. Минскаго) пѣх. и 1 батал. 52 (бывшій резерви. 49) егерск. полковъ .	3	—	—	824	—	По случаю вторженія въ Волынь Дверницкаго баталіоны эти должны были оставить Устилугъ въ концѣ марта.
Донской казач. Попова 3-го № 6 полкъ . . .	—	5 стн.	—	—	548	При отрядѣ г.-л. Ридигера.
Въ Кременцѣ.						
2-й батал. 52-го (бывш. резерви. 50) егерск. полка	1	—	—	517	—	
Въ Дубно.						
1-й батал. Люблинскаго (бывшій резерви. Волынскаго) пѣх. полка	1	—	—	349	—	
Въ Минскѣ.						
1-й батал. Архангелогородскаго пѣх. полка .	1	—	—	837	—	2 баталіонъ слѣдуетъ при бригадѣ къ Бѣлостоку.
2 роты Костромскаго пѣх. полка	1/2	—	—	384	—	
6-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	2	—	—	
На этапахъ отъ Бреста до крѣп. Бобруйска.	Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка . .	—	1 1/2	—	—	217	Остальные 4 1/2 эскадрона съ 29 марта слѣдуютъ къ Вильнѣ.
	20	2 1/2 10 стн.	159	11539	1202	
Въ слѣдованіи.						
Въ г. Ковно.						
2-я бриг. 5-й пѣх. див., исключая 1-го батал. Ладожскаго пѣх. полка	3	—	—	2466	—	28 марта выступили изъ г. Сувалокъ.
5-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	12	—	—	
2-я бриг. 1-й уланск. див.	—	12	—	—	1688	28 марта выступили изъ м. Нура.
Конная № 11 рота	—	—	8	—	—	
Въ г. Вильнѣ:						
3-я бриг. 6-й Пѣх. див.	4	—	—	3082	—	
6-й артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	12	—	—	
Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка .	—	4 1/2	—	—	653	
Казачій Сборный линейн. полкъ.	—	5 стн.	—	—	548	Прибываютъ въ г. Вильну 11 апрѣля.
Казачій 2-й Тентярскій полкъ	—	5 стн.	—	—	500	
Въ Кейданахъ.						
1-я бриг. 1-й уланск. див.	—	12	—	—	1689	Слѣдуютъ чрезъ Меречь. Гродно и Ковно и прибываютъ 13 и 14 апрѣля.
Конная № 12 рота	—	—	8	—	—	
Въ Россіенахъ.						
Отрядъ полковника Бартоломея.						
Л.-г. Конно-Піонерный эскадр.	—	—	—	—	334	Отрядъ этотъ выступилъ въ Россіены изъ Ковно 16 марта; съ того времени о дѣйствіяхъ его извѣстій нѣтъ.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
2 роты гренадерск. короля Прусскаго и 2 роты 9-го егерск. полковъ	1	—	—	811	—	
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Къ Бѣлостоку.						
1-я бриг. 6-й пѣх. див., исключая 1-й батал. Архангелогородскаго пѣх. полка. . . .	3	—	—	2374	—	Прибываютъ въ Бѣлостокъ 1-го апр. Баталіонъ Архангелогородскаго полка оставленъ въ Минскѣ.
6-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
2-я бриг. 6-й пѣх. див., исключая 2-хъ ротъ Костромскаго пѣх. полка	3 1/2	—	—	2619	—	Оставлена на маршѣ въ гор. Слонимѣ. 2 ор. легкой № 2 роты отправлены изъ Новосверженія въ Минскъ подъ прикрытіемъ Костромскаго полка.
6-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	10	—	—	
Къ Брестъ-Литовску.						
2-й саперн. батал. (изъ крѣпости Бобруйска).	1	—	—	787	—	3-го апрѣля достигалъ г. Слонима.
28 орудій, поступившихъ изъ Бѣлостокскаго резерва (27 орудій) и изъ Виленскаго арсенала (1 орудіе) въ третьи дивизіоны гренадерской артил.	—	—	28	—	—	Прибывать въ Брестъ 9-го апрѣля. См. примѣч. 2.
Въ Дубисахъ.						
11 оренбургскаго казачьяго полка.	—	2 стн.	—	—	255	Время прибытія неизвѣстно.
Въ распоряженіи временныхъ военныхъ губернаторовъ.						
Минскаго.						
1 стн. 8-го и 1 стн. 11-го Оренбургскаго полковъ	—	2 стн.	—	—	204	
Волынскаго и Подольскаго.						
11-го Оренбургскаго казачьяго полка	—	2 стн.	—	—	210	
Въ предѣлахъ Россіи .	35 1/2	32 и 26 стн.	254	23829	7283	
Всего	163	235 12 стн.	650	110133	43240	

Примѣчаніе 1. Противъ состоянія арміи къ 15 марта произошли слѣдующія перемѣны:

а) *Въ пѣхотѣ:* убыло по одному баталіону въ полкахъ: Бѣлостокскомъ, Брестскомъ, Виленскомъ, Волынскомъ, Житомірскомъ, Минскомъ и Подольскомъ пѣхотныхъ; въ 47, 49 и 50 егерскихъ, которые остались каждый въ составѣ одного баталіона; Литовскаго же пѣхотнаго полка оба батал. взяты въ плѣнъ въ сраженіи 19 марта при Ваврѣ и остались одни застрѣльщики, для счета только показываемые въ составѣ 1 баталіона.

б) *Въ кавалеріи:* Литовскій и Подольскій уланскіе полки, по причинѣ значительной убыли въ людяхъ и лошадяхъ, изъ 6-ти эскадроннаго состава приведены въ 4-хъ эскадронный. Слѣдовательно убыло 4 эскадрона.

с) *Въ артиллеріи:* Изъ третьихъ дивизіоновъ гренадерской артиллеріи въ Вильнѣ 4 орудія присоединены къ 1-й батарейной ротѣ 3-й гренадерской артиллерійской бригады, 5 орудій направлены къ арміи. Слѣдовательно къ прежнему числу прибыло 9 орудій. Но въ то-же время убыло: потеряно въ сраженіяхъ: 29 марта при с. Итане одно орудіе легкой № 3 роты 7-й артиллерійской бригады; 19 марта при Ваврѣ 2 орудія легкой № 3 роты 24-й артиллерійской бригады; того-же числа при с. Дембе-Вельке: одно орудіе батарейной № 1 роты, одно орудіе легкой № 2 роты 24-й артиллерійской бригады и 6-ть орудій батарейной № 1 роты 25-й артиллерійской бригады.

Всего потеряно 11; слѣдовательно за исключеніемъ 9-ти прибывшихъ общая убыль состоитъ изъ 2-хъ орудій

Примѣчаніе 2. Артиллерійскій резервъ въ Бѣлостокѣ первоначально состоялъ изъ 96 орудій. Изъ числа ихъ взяты 6 орудій на перемѣну поврежденныхъ и одно на пополненіе легкой № 2 роты 1-й артиллерійской бригады, потерянное подъ Бялоленкой 13 февраля, а именно: 3-хъ дивизіоновъ: конно-артиллерійской бригады № 2 роты одно, артиллерійской бригады легкой № 3 одно, 2-й бригады батарейной № 1 роты одно, 3-й бригады батарейной № 1 роты одно, 24-й бригады батарейной № 1 роты два и 25-й бригады батарейной № 1 роты одно орудіе. Поврежденныя 6-ть орудій по вѣдомости показаны вообще въ Брестъ-Литовскѣ, а орудіе поступившее на пополненіе въ легкую № 2 роту 1-й артиллерійской бригады при ротѣ, которая показана уже въ составѣ 12-ти орудій. Сверхъ того изъ бѣлостокскаго резерва отправлено въ Брестъ-Литовскъ на лошадяхъ 3-хъ гренадерскихъ дивизіоновъ 27 орудій. Затѣмъ осталось въ Бѣлостокѣ 62 орудія.

Примѣчаніе 3. Къ 1-му апрѣля состояло: регулярной кавалеріи, включая и л.-гв. Казачій полкъ 32927, казаковъ 10313, орудій конныхъ 205, пѣшихъ 445.

Приложеніе XII.

СИЛЫ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА ВЪ КОНЦѢ АПРѢЛЯ.

Пѣхота.

1-я пѣхотная дивизія.

1-я бригада:	Преображенскій	полкъ	2 баталіона	2028 челов.
	Московскій	»	2 »	2026 »
2-я бригада:	Семеновскій	»	2 »	2052 »
	Лейбъ-Гренадерскій	»	2 »	1979 »
2-я батар. и 1 легк. батар. 24 ор.			2 »	— »
			8 баталіон.	8085 челов.

2-я пѣхотная дивизія.

3-я бригада:	Измайловскій	полкъ	2 баталіона	1972 челов.
	Павловскій	»	2 »	1923 »
	Саперный баталіонъ		1 »	957 »
4-я бригада:	Гвардейскіе егеря		2 »	1956 »
	Финляндскій полкъ		2 »	1823 »
	Финскіе стрѣлки		1 »	531 »
2 батареи. и 1 легк. батареи 24 ор.			— »	— »
			10 баталіон.	9162 челов.

Кавалерія.

1-я кирасирская дивизія.

1-я бригада:	Кавалергардскій	полкъ	4 эскадр.	788 челов.
	Конно-гвардейскій	»	4 »	779 »
2-я бригада:	Лейбъ-кирасирскій	»	4 »	791 »
	Кирасир. Ея Величества	»	4 »	782 »
1-я конно-батарейн. батар. 8 ор.			— »	— »
			16 эскадр.	3140 челов.

Легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

1-я бригада:	Лейбъ-Драгунскій	полкъ	4 эскадр.	756 челов.
	» Уланскій	»	4 »	689 »
2-я бригада:	» Гусарскій	»	4 »	747 »
	» Конно-егерскій	»	4 »	747 »
	» Казачій	»	6 »	847 »
2-я конныхъ батареи, 16 орудій			— »	— »
			22 эскадр.	3786 челов.

Обозрѣніе.

1-я пѣхотная дивизія:	8 баталіоновъ	8085 чел.	. . . . .	24 оруд.	1-я кирасирская дивизія	16 эскадр.	3140 чел.	8 оруд.
2-я » »	10 »	9162 »	. . . . .	24 »	легк. гвард. кавал. див.	22 »	3786 »	16 »
Всего пѣхоты	18 баталіоновъ	17247 чел.	. . . . .	48 оруд.	Всего кавалеріи	38 эскадр.	6926 чел.	24 оруд.

Силы всего корпуса: 18 бат., 38 эскадр., 72 оруд., 24173 чел.

Отрядъ Сакена въ Остроленкѣ.

Состоялъ изъ: Гренадерскаго графа Аракчеева полка $1^1/_2$ батал. 1178 чел.
Мушкетерскаго прин. Вильгельма » 2 » 1245 »
» » Карла » $1^3/_4$ » 1173 »

Всего $5^1/_4$ батал. 3596 чел. съ 8 оруд.

Кромѣ того казаки различныхъ полковъ 621 чел.

Всего въ отрядѣ Сакена 4217 чел. съ 8 оруд.

Приложеніе XIII.

ВѢДОМОСТЬ

о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 3-му мая 1831 года.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ АРМІИ.						
Главная квартира с. Жуково.						
При ней:						
Жандармскаго полка.	—	3	—	—	391	Расквартированъ по штабамъ корпусовъ и Дивизій.
Донской казачій Золотарева № 21 полкъ . .	—	5 сот.	—	—	482	
1-й пѣхотный корпусъ.		5 сот.				
Съ приномандированными къ нему войсками.						
Подъ командою ген. *графа Палена 1.*	—	3 и 5 сот.	—	—	873	
АВАНГАРДЪ.						
Между селеніями Яблоной и Сухой.						
Подъ командою ген. *графа Палена 2.*						
2-й бриг. 2-й пѣх. див.	4	—	—	2169	—	5-й егерскій изъ состава одного баталіона.
1-я и 3-я бриг. 3-й пѣх. див.	7	—	—	2453	—	
6-го сапернаго баталіона.	$^3/_4$	—	—	517	—	Одна рота при войскахъ здѣсь фланга.
2-я гусарск. див. безъ гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка	—	18	—	—	1990	Полкъ этотъ находился въ предѣлахъ Россіи.
2-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ Сюржечь.
3-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота и легкая № 3 рота	—	—	16	—	—	
2-й конно-артил. бриг. легкая № 3 рота. . .	—	—	12	—	—	
Казачьи полки: Донской Борисова 1 № 34	—	5 сот.	—	—	332	
Донской Секретова 1 № 38	—	5 сот.	—	—	348	
2-й конно-Черномор.	—	5 сот.	—	—	261	
Передовой отрядъ.						
Подъ командою г.-м. *Мандерштерна.*						
При селеніяхъ Яблоне и Милосасъ.						
2-я бриг. 1-й пѣх. див.	4	—	—	1807	—	4 орудія г.-з. барона Остенъ-Сакена.
Лубенскій гусарскій полкъ	—	6	—	—	458	
1-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Донской казачій Ильина № 32 полкъ . . .	—	5 сот.	—	—	365	
Войска расположенныя при с. Конне.						
1-я и 3-я бриг. 1-й пѣх. див.	7	—	—	2964	—	2-й егерскій полкъ изъ состава одного баталіона.
2-я бриг. 3-й пѣх. див.	4	—	—	1084	—	
1-го саперн. баталіона.	$^1/_2$	—	—	286	—	2 роты съ понтонами въ Монтвиргечь.
2-я гренадерск. див., исключая одного баталіона.	11	—	—	6643	—	Баталіонъ изъ г. Бѣлостока.
1-я гусарская див., исключая Лубенскаго гусарскаго полка.	18	—	—	—	1660	Полкъ этотъ въ отрядѣ г.-м. Мандерштерна.
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	8	—	—	2 орудія въ Августовѣ, 2 орудія въ Гродно.
2-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота . . .	—	—	8	—	—	Батарейн. № 1 рота въ 12 орудійномъ составѣ.
2-я гренадерск. артил. бриг.	—	—	28	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Казаковъ.	ПРИМѢЧАНІЕ.
1-й конно-артил. бригады.						
Конной № 1 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ отрядѣ г.-м. барона Остенъ-Сакена.
Конная № 2 рота	—	—	10	—	—	
	38¼	42 и 20 сти.	94	17873	5414	
Гренадерскій корпусъ.						
Подъ командою г. *князя Шаховскаго.*						
При селеніи Жуковъ.						
1-я гренадерская див., исключая двухъ ротъ короля Прусскаго полка и всего полка графа Аракчеева.	9½	—	—	5091	—	Двѣ роты въ Полангенскомъ отрядѣ, а полкъ частію въ отрядѣ г.-л. барона Сакена, частію въ Августовѣ.
1-й гренадер. артил. бриг. батарейн. № 2 роты	—	—	8	—	—	Батарейн. № 1 рота въ 1 эшелонѣ артил. резерва, а 4 орудія батарейн. № 2 роты въ отрядѣ г.-л. барона Остенъ-Сакена.
Легкой № 3 роты	—	—	8	—	—	
При селеніи Красняки.						
2-я гренадерск. див., исключая полка принца Павла Мекленбургскаго.	10	—	—	5649	—	Полкъ этотъ находится въ прикрытіи 1 эшелона боеваго артил. резерва.
2-я гренадер. артил. бриг. батарейн. № 2 рота	—	—	8	—	—	Батарейн. № 1 рота во 2 эшелонѣ артил. резерва.
Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
	19½	—	32	10740	—	
Гвардейскій отрядъ.						
Съ прикомандированными къ нему войсками.						
Подъ командою ген. *гр. Круты.*						
АВАНГАРДЪ.						
При селеніи Скуржечь.						
Подъ командою г.-м. *Штрандмана.*						
3-я бриг. 2-й пѣх. див., за исключеніемъ одного батал. 4-го егерск. полка	3	—	—	1438	—	Батал. 4 егерск. полка въ г. Сѣдльце.
Л.-г. Гродненскій гусарскій полкъ.	—	4	—	—	585	
2-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	4 оруд. въ авангардѣ при г. Сухѣ.
Донской казачій Егорова № 44 полкъ. . . .	—	5 сти.	—	—	159	
Войска гвардейскаго отряда.						
При селеніи Ополе.						
Л.-г. Литовскій полкъ	2	—	—	1397	—	
» Волынскій »	2	—	—	1610	—	
» пѣшая № 5 батарея	—	—	8	—	—	
» учебный артил. див.	—	—	4	—	—	
	7	4 и 5 сти.	16	4445	744	
3-й резервный кавалерійскій корпусъ.						
Подъ командою ген. *гр. Витта.*						
При с. Кржеслинѣ и Мордахъ.						
3-я Кирасирская див.	—	22	—	—	2501	Полкъ принца Альберта Прусскаго въ 4-хъ эскадрон. составѣ.
Украинскій уланскій полкъ.	—	5	—	—	665	Одинъ эскадр. оставленъ въ м. Нурѣ для охраненія моста.
Новоархангельскій уланскій полкъ	—	6	—	—	751	
9-й конно-артил. бриг. конныя № 17 и 18 роты	—	—	16	—	—	
	—	33	16	—	3897	
1-й эшелонъ.						
Боеваго артиллерійскаго резерва.						
Подъ командою г.-м. *Глинки.*						
Въ Зубчинѣ.						
Гренадерской артил. бриг. 6-го пѣх. корпуса батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Казаковъ.	ПРИМѢЧАНІЕ.
7-й артиллерійской бригады:						
Батарейн. № 1 рота.	—	—	12	—	—	Одно ор. потеряно 29-го марта.
Легкая № 3 рота	—	—	11	—	—	
2-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
3-й артиллерійской бригады:						
Легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
Конная № 4 рота	—	—	12	—	—	
ВЪ ПРИКРЫТІИ.						
Гренадер. принца Павла Мекленбургскаго полкъ	2	—	—	1290	—	
	2	—	59	1290	—	
Въ г. Сѣдльцѣ.						
Подъ командою г.-м. *Пенхержевскаго.*						
Батал. 4-го егерскаго полка	1	—	—	584	—	Полкъ этотъ выступаетъ въ Брестъ.
Польскій уланскій полкъ	—	3	—	—	431	
Казачьяго Андреянова № 43 полка	—	½ сти.	—	—	51	
	1	3 и ½ сти.	—	584	482	
Отрядъ въ г. Смоляках.						
Татарскій уланскій полкъ	—	6	—	—	664	
НА СЛѢДОВАНІИ КЪ КОЦКУ.						
При 2-й и 3-й бриг. 7-й пѣх. див. л.-г. Подольскій кирасирскій полкъ	—	4	—	—	594	Прибываетъ въ Коцкъ 3 мая. Полкъ предписано возвратить изъ Коцка въ Радзинъ, ежели онъ не востребуется ген. барономъ Крейцомъ.
Въ Коцкѣ.						
Л.-г. уланскій Е. И. В. Цесаревича полкъ . .	—	4	—	—	572	Полкъ этотъ и батарею предписано возвратить изъ Коцка въ Радзинъ ежели они не востребуются ген. барономъ Крейцомъ.
Л.-г. конная № 3 батарея	—	—	8	—	—	
	—	8	8	—	1166	
Итого главныхъ силъ арміи .	67¾	99 и 30½ сти.	225	34932	13240	
Войска составляющія правый флангъ арміи.						
Отрядъ г.-л. барона Остенъ-Сакена.						
Въ Остроленкѣ.						
1-я бриг. 2-й пѣх. див.	4	—	—	2453	—	
Гренадерскаго гр. Аракчеева полка.	1½	—	—	1105	—	2 роты въ распоряженіи Августовскаго военнаго губернатора.
Л.-г. Казачьяго полка	—	1	—	—	127	
1-й гренадерск. артил. бриг. батарейн. № 2 роты	—	—	4	—	—	
1-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
1-й конно-артил. бриг. конной № 1 роты . .	—	—	4	—	—	
Донскіе казачьи полки:						
Грекова 4 № 24	—	5 сти.	—	—	117	
Андреянова № 43	—	2½ сти.	—	—	172	2 сотни и команда при 6-мъ пѣх. корпусѣ и ½ сотни въ г. Сѣдлецѣ.
7-й конно-Черноморскій казач. полкъ	—	5 сти.	—	—	194	
	5½	1 и 12½ сти.	12	3558	610	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Гвардейскій корпусъ.						
Подъ начальствомъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича.						
АВАНГАРДЪ.						
Подъ командою г.-л. *Бистрома.*						
Передовой отрядъ г.-м. Полешки.						
При с. Пржетычѣ.						
Л.-г. Егерскаго полка	1	—	—	913	—	
» Финскаго стрѣлковаго батал.	1/4	—	—	237	—	
» 2-й артил. бриг. легкой № 2 роты.	—	—	2	—	—	
» Казачьяго полка	—	3	—	—	—	1 эскадр. въ отрядѣ г.-л. барона Сакена, 1 эскадр. въ отрядѣ г.-м. фонъ-Фрикена, 1 эскадронъ при корпусномъ штабѣ.
При с. Вонсево.						
Л.-г. Егерскаго полка	1	—	—	913	—	
» Финляндскій полкъ	2	—	—	1861	—	
» Финскаго стрѣлков. батал.	1/2	—	—	237	—	
» Саперная батал.	1/2	—	—	438	—	1 рота въ Ломжѣ, 1 рота въ Нурѣ.
» Драгунскій полкъ	—	4	—	—	740	
» Уланскій полкъ	—	4	—	—	682	
» Гусарскаго полка	—	3	—	—	549	1 эскадр. въ корпусн. штабѣ.
» 2-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	6	—	—	
» конной артил. легкія № 1 и 2 батареи.	—	—	16	—	—	
Эшелонъ на поддержаніе авангарда у Сердина близъ с. Заорже.						
3-я гвардейская пѣшая бриг.	4	—	—	3767	—	
4-я батарейн. рота 2-й гвард. артил. бриг.	—	—	8	—	—	
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
м. Замбровъ.						
При немъ:						
Л.-гв. Казачьяго полка	—	1	—	—	134	
» Гусарскаго полка (с. Нагорки)	—	1	—	—	184	
1-я гвардейск. пѣх. бриг. (между Замбровомъ и Климами)	4	—	—	3711	—	
2-я гвардейск. пѣх. бриг. (между с. Сендзивце и Нагорками)	4	—	—	3788	—	
1-й кирасирской дивизіи.						
1-я бриг. (при с. Піотиницѣ)	—	8	—	—	1514	
2-я бриг. (при с. Горлицо)	—	8	—	—	1459	
1-й гвардейской артил. бриг. батарейн. № 2 рота (при 1-й бриг.)	—	—	8	—	—	
Легкая № 2 рота (при 2-й бриг.)	—	—	8	—	—	
Боевой артиллерійскій резервъ.						
Л.-гв. батарейная № 1 и 2 роты	—	—	16	—	—	
» батарейн. батарея	—	—	8	—	—	
Л.-г. Конно-егерскій. { 3 эскадр. близъ м. Острова	—	4	—	—	721	
{ 1 эскадр. въ Порембахъ	—	—	—	—	—	
6-я рота гвард. морск. экипажа (въ вагенбургѣ).	1/4	—	—	127	—	
	17 3/4	36	72	15992	6385	
Итого войскъ праваго фланга.	23 1/4	37 и 12 1/2 сти.	84	19550	6995	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Войска составляющія лѣвый флангъ арміи.						
Подъ командою генерала *барона Крейца.*						
ВЪ ВОЕВОДСТВѢ ЛЮБЛИНСКОМЪ.						
Гренадерская бриг. 6-го пѣх. корпуса	6	—	—	2693	—	
3-я бриг. 24-й пѣх. див.	3	—	—	696	—	
6-го саперная батал.	1/4	—	—	135	—	
2-я драгунская див.	—	23	—	—	2333	Казанскій драгунскій полкъ въ составѣ 5 эскадр.
1-я бриг. 2-й конно-егерской див.	—	8	—	—	1093	
Гренадерской артил. бриг. 6-го пѣх. корпуса легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
Конная № 27 батарейная рота	—	—	12	—	—	
Конная № 28 легкая рота	—	—	7	—	—	
Донскіе казачьи полки.						
Атаманскій Е. И. В. Наслѣдника	—	6 сти.	—	—	436	
Грекова 5 № 5	—	5 сти.	—	—	462	
Хоперскаго 1 № 20	—	5 сти.	—	—	291	
Платова № 9	—	5 сти.	—	—	362	
5-й конно-Черноморскій казачій полкъ	—	5 сти.	—	—	453	
Отрядъ г.-м. Давыдова.						
Для наблюденія кр. Замостья.						
2-я бриг. 2-й конно-егерской див.	—	7	—	—	591	
Казачьи Донскіе полки.						
Катасанова 1 № 3	—	5 сти.	—	—	479	
Кирѣева 1 № 4	—	5 сти.	—	—	397	
ВЪ СЛѢДОВАНІИ КЪ КОЦКУ НА СОЕДИНЕНІЕ СЪ КОРПУСОМЪ ГЕНЕРАЛА БАРОНА КРЕЙЦА.						
Подъ командою генералъ-лейтен. *Засса.*						
2-я и 3-я бриг. 7-й пѣх. див.	8	—	—	3908	—	Прибываетъ въ м. Коцкъ 5-го, а въ Люблинъ 7.
7-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	12	—	—	
Итого войскъ лѣваго фланга	17 1/4	38 и 36 сти.	39	7432	6897	
Всего войскъ главныхъ силъ арміи съ отрядами и по флангамъ.	108 1/4	174 и 79 сти.	348	61914	27132	
Войска расположенныя въ тылу главныхъ силъ арміи.						
ВЪ РАЗНЫХЪ ПУНКТАХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО И ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ.						
Войска подъ командою ген. *барона Розена.*						
Въ м. Терасполь и Брестъ-Литовскѣ.						
Муромскаго пѣх. полка	—	—	—	—	—	3 роты въ Пружанскомъ отрядѣ, 1 рота препровождаетъ плѣнныхъ.
Нижегородскаго пѣх. полка	3/4	—	—	576	—	1 баталіонъ въ Мендзыржецѣ, 1 рота препровождаетъ плѣнныхъ.
Подольскій пѣх. полкъ	1	—	—	623	—	
Житомирскаго пѣх. полка	3/4	—	—	578	—	1 рота препровождаетъ плѣнныхъ.
2-й батал. Модлинскаго пѣх. полка	1	—	—	419	—	
2-й саперный батал.	1	—	—	572	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Сводная команда разныхъ полковъ	—	—	—	813	—	
Рекрутская партія.	—	—	—	574	—	
Литовскаго уланскаго полка	—	1	—	—	141	1 эскадр. въ Кобринѣ, 2 эскадр. слѣдуютъ съ отрядомъ г.-м. Унгебауера.
Волынскаго уланск. полка	—	3	—	—	359	2 эскадрона въ Пружанскомъ отрядѣ, одинъ слѣдуетъ изъ Мендзыржеца.
24-й артиллерійской бригады:						
Батарейная № 1 рота	—	—	8	—	—	
Легкая № 2 рота	—	—	6	—	—	2 орудія слѣдуютъ при отрядѣ г.-м. Унгебауера.
Легкая № 3 рота	—	—	7	—	—	Одно орудіе въ Пружанскомъ отрядѣ.
25-й артиллерійской бригады:						
Батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
Легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
16-й конно-артил. бриг. конная № 32 рота	—	—	8	—	—	
Донскаго Андреянова полка команда	—	1½	—	—	115	
ВЪ СЛѢДОВАНІИ:						
На присоединеніе къ 6-му пѣхотному корпусу.						
Отрядъ генералъ-маіора Унгебауера.						
Отъ Ковеля.						
3-я бриг. 25-й пѣх. див.	2	—	—	1154	—	
Литовскаго уланск. полка	—	2	—	—	282	Прибываетъ въ Брестъ прежде 10 мая.
24-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	
Донскаго казачьяго Андреянова полка.	—	½ стн.	—	—	51	
Изъ Сѣдльце.						
Бѣлостокскій пѣх. полкъ	1	—	—	611	—	
Виленскій пѣх. полкъ	1	—	—	590	—	Прибываетъ въ Брестъ 8 мая.
Изъ Мендзыржеца.						
Брестскій пѣх. полкъ	1	—	—	570	—	
Литовскаго пѣх. полка застрѣльщики	1	—	—	259	—	
Команды пѣхотныхъ полковъ. Волынскаго.	1	—	—	237	—	
Команды пѣхотныхъ полковъ. Минскаго.	1	—	—	324	—	
2-й эшелонъ.						
Артиллерійскаго резерва.						
Гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ.						
1-й батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
2-й батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
1-й полевой артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	10	—	—	
Конныхъ ротъ №№ 19, 20, 29, 30 и 31	—	—	42	—	—	
Сводная гренадерск. артил. бригады. Батарейныхъ	—	—	9	—	—	
Сводная гренадерск. артил. бригады. Легкихъ	—	—	8	—	—	
Орудій поврежденныхъ въ складѣ	—	—	7	—	—	
Итого войскъ подъ командою генерала барона Розена.	13½	7 и 2 стн.	147	8661	1067	
ВЪ РАЗНЫХЪ ПУНКТАХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.						
Въ Ломжѣ.						
Л.-гв. саперн. батал.	¼	—	—	218	—	
2-й батал. 51 егерск. полка	1	—	—	515	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ВЪ РАСПОРЯЖЕНІИ АВГУСТОВСКАГО ВРЕМЕННАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА.						
Въ Августовѣ.						
Гренадерскаго графа Аракчеева полка	½	—	—	370	—	
1-й батал. Пражскаго пѣх. полка	1	—	—	574	—	
Шлиссельбургскаго пѣх. полка	1	—	—	793	—	2-й баталіонъ въ Ковнѣ.
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	
Л.-гв. казачьяго полка	—	1	—	—	134	
8-го Оренбургскаго казачьяго полка	—	4сти.	—	—	414	Одна сотня въ распоряженіи Минскаго военнаго губернатора.
Донскаго казачьяго Катасанова 2 № 25 полка	—	5сти.	—	—	133	
Во Владавѣ.						
1-й батал. Замосцскаго пѣх. полка	1	—	—	563	—	
Донскаго Карпова 4 № 10 полка	—	5 сти.	—	—	426	
Въ Бялѣ.						
1-й батал. Модлинскаго пѣх. полка	1	—	—	428	—	
Въ Мендзыржецѣ.						
Нижегородскаго пѣх. полка	1	—	—	750	—	
1-го саперн. батал.	½	—	—	286	—	Съ понтонами своего и 6 саперныхъ баталіоновъ.
1-й резервн. саперн. батал.	1	—	—	525	—	
Въ Тыкочинѣ.						
2-я бриг. 3-й уланск. див.	—	8	—	—	930	Въ томъ числѣ показанъ 1-й эскадр., показанный въ с. Дунево.
Въ м. Нурѣ.						
Л.-гв. саперн. батал.	¼	—	—	218	—	
Украинскаго уланск. полка	—	1	1	—	133	
Итого въ разныхъ пунктахъ Царства Польскаго	8½	10 и 14 стн.	2	5240	2170	
ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ.						
Въ Бѣлостокѣ.						
6-го карабинерн. полка	1	—	—	843	—	
Вологодскій пѣх. полкъ.	2	—	—	1513	—	
1-й батал. 51 егерск. полка	1	—	—	651	—	
6-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
Л.-гв. казачьяго полка Черноморскій эскадр.	—	1	—	—	160	
Въ Гродно.						
10-й егерскій полкъ	2	—	—	1404	—	
Архангелогородскаго пѣх. полка	1	—	—	764	—	Еще батал. въ г. Минскѣ.
2-й батал. Пражскаго пѣх. полка	½	—	—	394	—	
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	2 орудія въ Ковно. 4 орудія при Полангенскомъ отрядѣ.
1-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	2	—	—	
Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка.	—	1½	—	—	196	
Въ Меречь.						
2-й батал. Пражскаго пѣх. полка	½	—	—	394	—	
Въ Ковно.						
9-го егерскаго полка	½	—	—	126	—	2 роты изъ Полангенскаго отряда присоединились къ отряду г.-л. Сулимы.
Шлиссельбургскаго пѣх. полка	1	—	—	793	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	2	—	—	
Легкой № 2 роты	—	—	8	—	—	
Въ Вильнѣ.						
1-я бриг. 5-й пѣх. див.	4	—	—	2937	—	Въ постоянномъ гарнизонѣ г. Вильны.
5-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
Казачьи полки. Сборный линейный	—	5 стн.	—	—	546	Полки эти показаны только въ Вильнѣ, но большею частью находились въ командировкахъ при отрядахъ.
Казачьи полки. 2-й Тептярскій	—	5 стн.	—	—	500	
Донской Кутейникова № 39 казачій полкъ	—	5 стн.	—	—	286	
Бѣлостокскаго артил. резерва	—	—	62	—	—	
Отряды.						
ДЛЯ ДѢЙСТВІЯ ПРОТИВЪ ЛИТОВСКИХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ:						
Отъ Ковно къ Юрбургу.						
Подъ командою г.-л. *Сулимы.*						
Ладожскаго пѣх. полка	2	—	—	1344	—	
9-го егерск. полка	1/2	—	—	267	—	
2-я бриг. 1-й уланской див.	—	12	—	—	1688	
5-й артиллерійской бригады:						
Легкой № 2 роты	—	—	4	—	—	
Конная № 11 рота	—	—	8	—	—	
Подъ командою г.-л. *кн. Хилкова.*						
Въ Свенцянахъ по дорогѣ къ крѣп. Динабургу.						
12 егерскій полкъ	2	—	—	1363	—	
Сибирскій уланскій полкъ	—	6	—	—	841	
6 артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	
Конной № 12 роты	—	—	4	—	—	
Подъ командою г.-м. *Отрощенко.*						
Въ Ошмянахъ и Ольшанахъ.						
Уланскій Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича полкъ	—	6	—	—	848	
6 артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	
Конной № 12 роты	—	—	4	—	—	
Пружанскій.						
Подъ командою полковн. *Горскаго.*						
Муромскаго пѣх. полка	3/4	—	—	444	—	
Волынскаго уланск. полка	—	2	—	—	240	
24 артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	1	—	—	
Команда казаковъ	—	—	—	—	26	
Въ Кобринѣ.						
Литовскаго уланск. полка	—	1	—	—	156	
Въ Пружанахъ.						
Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка	—	1	—	—	149	
Двѣ роты Галицкаго пѣх. полка	3/4	—	—	366	—	
6 артил. бриг. легкой № 12 роты	—	—	1	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Въ Слонимѣ и по дорогѣ въ Минскъ.						
2-я бриг. 6 пѣх. див., исключая 2-хъ ротъ Костромскаго и 2-хъ ротъ Галицкаго пѣх. пол.	3	—	—	2095	—	2 роты Костромскаго пѣх. полка въ Несвижѣ.
6 артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	9	—	—	Одно орудіе въ Пружанахъ, два въ Несвижѣ.
Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка	—	1 1/2	—	—	184	
ВЪ РАСПОРЯЖЕНІИ МИНСКАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА:						
Въ Минскѣ.						
Архангелогородскаго пѣх. полка	1	—	—	807	—	
Гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка	—	2	—	—	398	
11 и 8 Оренбургскихъ казачьихъ полковъ	—	2 стн.	—	—	210	
Въ Несвижѣ.						
Костромскаго пѣх. полка	1/2	—	—	383	—	
6 артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	2	—	—	
ДЛЯ ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ ПЛѢННЫХЪ ОТЪ БРЕСТА.						
Отъ Муромскаго, Нижегородскаго и Житомірскаго пѣх. полковъ по 1-й ротѣ	3/4	—	—	507	—	
При Полангенскомъ отрядѣ.						
Гренадерскаго короля Прусскаго полка	1/2	—	—	319	—	
Л.-гв. конно-Піонерный эскадронъ	—	1	—	—	199	
5-й артиллерійской бригады:						
Легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
На Волыни.						
26-й пѣхотной дивизіи.						
Полковъ:						
1-й и 2-й батал. Люблинскаго	2	—	—	709	—	
2-й батал. Замосцьскаго	1	—	—	183	—	
1-й и 2-й батал. 52 егерскаго	2	—	—	883	—	
ВЪ РАСПОРЯЖЕНІИ ВОЛЫНСКАГО И ПОДОЛЬСКАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА:						
11-го Оренбургскаго казачьяго полка	—	4 стн.	—	—	440	
При отрядѣ г.-л. Ридигера.						
Донской казачій Попова 3 № 6 полкъ	—	5 стн.	—	—	548	
Итого войскъ въ предѣлахъ Россіи	33	35 и 26 стн.	153	22029	7615	
Всего войскъ въ тылу главныхъ силъ арміи и въ предѣлахъ Россіи	55	52 и 42 стн.	302	35930	10852	
Всего	163	226 и 121 стн.	650	97844	37984	

Примѣчаніе. Къ маю мѣсяцу состояло въ арміи подъ ружьемъ: регулярной кавалеріи 28,928, казаковъ (не считая л.-гв. Казачьяго полка) 9056. Орудій конныхъ 205, пѣшихъ 445, въ томъ числѣ семь поврежденныхъ.

Приложеніе XII.

ВѢДОМОСТЬ

о составѣ и силъ колоннъ дѣйствующей арміи, подступавшихъ къ г. Отроленкѣ 14-го мая 1831 года.

За какое чис. мая имѣлись свѣд. очисл.	ЗВАНІЯ ВОЙСКЪ.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
	Правая колонна.						
	Подъ командою генерала *графа Палена 1.*						
	АВАНГАРДЪ.						
	Подъ командою г.-л. *Бистрома.*						
8	Л.-гв. казачьяго полка	—	1	—	—	101	
8	» Конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	742	
8	» Уланскій	—	4	—	—	748	
8	» Драгунскій	—	4	—	—	740	
	» легкой № 1 батареи	—	—	4	—	—	
	» легкой № 2 батареи	—	—	8	—	—	
	Передовая колонна.						
	Подъ командою г.-м. *Берга.*						
7	3-й Карабинерный полкъ	2	—	—	995	—	
7	Екатеринославскій гренадерскій полкъ	2	—	—	1181	—	
8	2-й гренадерск. артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
15	Лубенскій гусарск. полкъ	—	6	—	—	650	
	Кирасирскій прин. Альберта Прусскаго пол.	—	4	—	—	508	
	3-я Гренадерская дивизія.						
	Подъ командою г.-л. *Набокова.*						
12	3-я бригада. 6-го карабинерн. полка	1	—	—	721	—	Одинъ батал. въ Бѣлостокѣ.
	3-я бригада. 5-й карабинерн. полкъ	2	—	—	1108	—	
12	2-я бригада. Австрійскій полкъ	2	—	—	1123	—	
	2-я бригада. Генералиссимуса кн. Суворова п.	2	—	—	1126	—	
12	1-я бригада. Фельдмаршала гр. Румянцева п.	2	—	—	1375	—	
	1-я бригада. Сибирскій полкъ	2	—	—	1208	—	
	3-й гренадер. артил. бриг. Батарейная № 1 рота	—	—	12	—	—	
	3-й гренадер. артил. бриг. Батарейная № 2 рота	—	—	8	—	—	
	3-й гренадер. артил. бриг. Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
	1-й Гусарской дивизіи.						
12	Клястицкій полкъ	—	4	—	—	540	
	Ольвіопольскій полкъ	—	4	—	—	473	
	Сумскій полкъ	—	4	—	—	510	
	Конной № 1 роты	—	—	4	—	—	4 орудія въ отрядѣ г.-л. бар. Остенъ-Сакена.
	Конной № 2 роты	—	—	10	—	—	
	1-й пѣхотной дивизіи.						
	Подъ командою г.-м. *Мандерштерна*						
	3-я бригада. 2-й егерскій полкъ	1	—	—	513	—	Полки эти каждый въ составѣ одного батал.
	3-я бригада. 1-й егерскій полкъ	1	—	—	793	—	
	3-я пѣхотная дивизія.						
	Подъ командою г.-л. *Шкурина.*						
	2-я бригада. Фельдмаршала князя Кутузова полкъ	1	—	—	541	—	Великолуцкій п. прикрываетъ корпусн. обозъ.
	1-я бригада. Новоингерманландскій полкъ	1	—	—	726	—	
	1-я бригада. Старонингерманландскій полкъ	1	—	—	472	—	
	3-й артиллер. бриг. Батарейная № 1 рота	—	—	8	—	—	
	3-й артиллер. бриг. Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	

За какое чис. мая имѣлись свѣд. очисл.	ЗВАНІЯ ВОЙСКЪ.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
	1-й кирасирской дивизіи.						
8	Кавалергардскій полкъ	—	4	—	—	756	
	Л.-гв. Конный полкъ	—	4	—	—	769	
	Лейбъ Кирасирскій Его Величества полкъ	—	4	—	—	728	
	Л.-гв. батарейная батарея	—	—	8	—	—	
	2-я бригада. 4-й морской полкъ (1-й пѣх. дивизіи.)	2	—	—	950	—	
	2-я бригада. 3-й морской полкъ (1-й пѣх. дивизіи.)	2	—	—	847	—	
	1-й артиллер. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	4 оруд. въ отрядѣ г.-л. бар. Сакена.
	1-й артиллер. бриг. Легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
	3-я бригада. 6-й егерскій полкъ (3 пѣх. див.)	1	—	—	724	—	
	3-я бригада. 5-й егерскій полкъ (3 пѣх. див.)	1	—	—	464	—	
		26	47	98	14867	7265	
	Лѣвая колонна.						
	Подъ командою ген. *князя Шаховскаго.*						
	ВЪ АВАНГАРДѢ.						
15	Л.-гв. Гродненскій гусарск. полкъ	—	4	—	—	587	
	2-й гренадерской дивизіи.						
	Подъ командою г.-л. *Полуектова.*						
7	3-й бриг. 4-й карабинерный полкъ	2	—	—	982	—	3-й карабинерн. полкъ въ отрядѣ г.-м. Берга.
	1-я бригада. Принца Евгенія Виртембергскаго полкъ	2	—	—	1267	—	Полки 2-й бриг. Екатеринославскій въ отрядѣ г.-м. Берга, а принца Павла Мекленбургскаго прикрывалъ артил. резервъ.
	1-я бригада. Кіевскій полкъ	2	—	—	1262	—	
	2-й гренадер. артил. бриг. Батарейн. № 2 рота	—	—	8	—	—	
	2-й гренадер. артил. бриг. Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
	ПѢХОТА.						
	Гвардейскаго отряда.						
	Подъ командою ген. *графа Куруты.*						
15	Л.-гв. Литовскій полкъ	2	—	—	1397	—	
	» Волынскій	2	—	—	1712	—	
	» Пѣшая № 5 батарея	—	—	8	—	—	
	» Учебный артил. дивиз.	—	—	4	—	—	
15	Новгородскій кирасирскій полкъ	—	6	—	—	635	
	1-я гренадерская дивизія.						
	Подъ командою г.-л. *Угрюмова.*						
14	3-я бригада. Карабинерный фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли полкъ	2	—	—	1110	—	
	3-я бригада. 1-й Карабинерн. полкъ	2	—	—	1025	—	Полкъ гр. Аракчеева въ отр. г.-л. бар. Сакена, а частію у г.-м. фонъ-Фрикена.
	2-я бригада. Наслѣдника принца Прусскаго полкъ	2	—	—	1107	—	
	1-я бригада. Короля Прусскаго полка	1½	—	—	905	—	Двѣ роты въ отрядѣ г.-м. Сулимы.
	1-я бригада. Императора Австрійскаго п.	2	—	—	1155	—	
	1-й гренадер. артил. бриг. Батарейная № 2 рота	—	—	8	—	—	
	1-й гренадер. артил. бриг. Легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
	3-го резервнаго кавалерійск. корпуса.						
	3-й кирасирской дивизіи.						
15	1-я бригада. Стародубовскій полкъ	—	6	—	—	678	Украинскій уланск. п. въ командировкѣ.
	1-я бригада. Орденскій полкъ	—	6	—	—	598	
	3-й уланской дивизіи.						
14	1-й бриг. Новоархангельскій полкъ	—	6	—	—	732	
	Конныя роты. № 17	—	—	8	—	—	
	Конныя роты. № 18	—	—	8	—	—	
		19½	28	60	11992	3239	

За какое число мая выбыло спод. очисл.	ЗВАНІЯ ВОЙСКЪ.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
	Войска не достигшія 14 мая г. Остроленки.						
	Гвардейскаго корпуса.						
	Подъ начальствомъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича.						
8	Л.-гв. Казачьяго полка	—	1	—	—	101	
	2-я гвардейская пѣхотная дивизія.						
	Л.-гв. Саперный баталіонъ	3/4	—	—	656	—	Часть этого баталіона успѣла подойти къ Остроленкѣ еще въ продолженіи сраженія и была употреблена для погашенія пожара. Одна рота прикрывала вагенбургъ корп. и еще одна въ отр. г.-м. бар. Сакена.
	» Финскій стрѣлковый баталіонъ	1	—	—	283	—	
	» Финляндскій полкъ	2	—	—	1668	—	
	» Егерскій полкъ	2	—	—	1482	—	
	» Павловскій полкъ	2	—	—	1775	—	
	» Измайловскій полкъ	2	—	—	1827	—	
	2-я бригада. Л.-гв. батарейн. № 3 рота. .	—	—	8	—	—	
	2-я бригада. » батарейн. № 4 рота. .	—	—	8	—	—	
	2-я бригада. » легкая № 2 рота . . .	—	—	8	—	—	
8	Л.-гв. Кирасирскій полкъ	—	4	—	—	735	Одинъ эскадр. при вагенбургѣ.
	» Казачьяго полка	—	1	—	—	101	Остальные 3 эскадр. кромѣ вышепоказанныхъ находились: 2 въ отрядѣ г.-л. барона Сакена, 1 у г.-м. фонъ-Фрикена.
	1-я гвардейская пѣхотная дивизія.						
14	Л.-гв. Гренадерскій полкъ	2	—	—	1816	—	
	» Семеновскій полкъ.	2	—	—	1833	—	
	» Московскій полкъ	2	—	—	1799	—	
	» Преображенскій полкъ.	2	—	—	1818	—	
	1-й бригады. Л.-гв. батарейн. № 1 рота. .	—	—	8	—	—	
	1-й бригады. » батарейн. № 2 рота. .	—	—	8	—	—	
	6-я рота гвардейск. эскадр.	1/4	—	—	124	—	При вагенбургѣ.
	Боевой артиллерійскій резервъ.						
	Подъ командою г.-м. *Глинки.*						
	Конно-артил. роты. № 4	—	—	12	—	—	
	Конно-артил. роты. № 17	—	—	8	—	—	
	Гренадерской бриг. 6-го пѣх. корпуса батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
	1-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота . . .	—	—	8	—	—	
	7-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота . . .	—	—	8	—	—	4 орудія въ отрядѣ ген. графа Палена 2.
	1-й гренадерск. артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
	Гренадерск. артил. бриг. легкая № 3 рота. .	—	—	8	—	—	
	1-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
	2-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
	3-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	8	—	—	
	7-й артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	12	—	—	
	ВЪ ПРИКРЫТІИ.						
	Гренадерскій принца Павла Мекленбургскаго полкъ	2	—	—	1251	—	
		20 1/4	6	144	16337	937	
	Всѣхъ войскъ 14 мая къ городу Остроленкѣ направленныхъ .	65 3/4	81	302	43126	11441	

Примѣчаніе. Изъ числа этихъ войскъ для оттѣсненія непріятеля, взятія города Остроленки и перехода черезъ мостъ употреблены только три полка легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, два пѣхотные полка колонны генералъ-маіора Берга и 3-я гренадерская дивизія, составлявшія 13 эскадроновъ и 15 баталіоновъ при 52 орудіяхъ, числомъ-же: кавалеріи 2331, пѣхоты 8837, всего 11168 человѣкъ.

Приложеніе XV.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ войскъ переведенныхъ на правый берегъ рѣки Нарева въ разное время въ продолженіи сраженія 14 мая при г. Остроленкѣ.

Въ которомъ часу дня переведены были.	ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Орудій.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.
	3-й Гренадерской дивизіи.						
Въ полдень.	2-я бригада. Астраханскій полкъ	2	—	—	3	26	1123
Въ полдень.	2-я бригада. Генералиссимуса князя Суворова полкъ	2	—	—	2	28	1126
Въ полдень.	Л.-гв. Уланскій полкъ	—	2 1/2	—	1	14	374
Въ полдень.	*Легкой № 2-й батареи*	—	—	1	—	—	—
Въ 1 часу пополудни.	3-й Карабинерный полкъ	2	—	—	3	27	995
Въ 1 часу пополудни.	Екатеринославскій гренадерскій полкъ	2	—	—	1	30	1181
Въ 2 часа.	2-й гренадерск. артил. бриг., батарейн. № 2 рота .	—	—	4	—	—	—
	3-й гренадерской дивизіи.						
Въ 4 часа.	1-я бригада. Фельдмаршала графа Румянцова полкъ	2	—	—	3	28	1375
Въ 4 часа.	1-я бригада. Сибирскій полкъ	2	—	—	2	27	1208
	1-й пѣхотной дивизіи.						
Въ 4 часа.	3-й бригады 2-й егерскій полкъ	1	—	—	2	10	513
Въ 4 часа.	2-я бригада. 4-й морской полкъ	2	—	—	4	24	950
Въ 4 часа.	2-я бригада. 3-й морской полкъ	2	—	—	2	25	847
	3-й гренадерской дивизіи.						
Въ 6-мъ часу.	3-я бригада. 6-го карабинернаго полка	1	—	—	2	14	721
Въ 6-мъ часу.	3-я бригада. 5-й карабинерный полкъ	2	—	—	4	22	1108
	3-й пѣхотной дивизіи.						
Въ 6-мъ часу.	3-я бригада. 6-й егерскій полкъ	1	—	—	2	25	724
Въ 6-мъ часу.	3-я бригада. 5-й егерскій полкъ	1	—	—	2	14	464
Въ 6-мъ часу.	2-й бригады Фельдмаршала князя Кутузова полкъ .	1	—	—	2	20	541
Въ 6-мъ часу.	1-я бригада. Новоингерманландскій полкъ	1	—	—	3	21	726
Въ 6-мъ часу.	1-я бригада. Староингерманландскій полкъ	1	—	—	2	14	472
	ИТОГО	25	2 1/2	5	40	369	14448

Примѣчаніе 1. Л.-гв. Уланскаго полка дивизіонъ и конное орудіе вскорѣ по переходѣ переведены были обратно; 2. гренадерскіе полки: Кіевскій и принца Виртембергскаго и 4-й карабинерный переведены по окончаніи сраженія; они не принимали въ немъ никакого участія и не понесли никакой почти потери.

Приложеніе XVI.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ сраженіи 14 (26) мая 1831 года, при г. Остроленкѣ.

Званія войскъ.	Убитыхъ. Шт.-офиц.	Убитыхъ. Оберъ-офиц.	Убитыхъ. Унт.-офиц.	Убитыхъ. Музыкант.	Убитыхъ. Рядовыхъ.	Убитыхъ. Итого.	Раненыхъ и контуженныхъ. Шт.-офиц.	Раненыхъ и контуженныхъ. Оберъ-офиц.	Раненыхъ и контуженныхъ. Унт.-офиц.	Раненыхъ и контуженныхъ. Музыкант.	Раненыхъ и контуженныхъ. Рядовыхъ.	Раненыхъ и контуженныхъ. Итого.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Шт.-офиц.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Оберъ-офиц.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Унт.-офиц.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Музыкант.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Рядовыхъ.	Безъ вѣсти пропавшихъ. Итого.	Итого. Шт.-офиц.	Итого. Оберъ-офиц.	Итого. Унт.-офиц.	Итого. Музыкант.	Итого. Рядовыхъ.	Итого. Итого.
1-го пѣхотнаго корпуса.																								
1-й пѣхотной дивизіи. Полковъ: 3-го морскаго	1	2	11	3	59	76	1	15	32	8	257	313	—	—	—	—	15	15	2	17	43	11	331	404
4-го морскаго	1	3	6	2	125	137	2	16	45	3	278	344	—	—	5	6	123	134	3	19	56	11	526	615
1-го егерскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
2-го егерскаго	—	—	10	1	60	71	2	7	21	4	110	144	—	—	—	—	—	—	2	7	31	5	170	215
3-й пѣхотной дивизіи. Полковъ: Староингерманландскаго	—	1	4	—	6	11	—	3	7	2	77	89	—	—	—	1	24	25	—	4	11	3	107	125
Новоингерманландскаго	—	—	3	—	29	32	3	3	26	2	148	182	—	—	—	—	57	57	3	3	29	2	234	271
Фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленскаго	—	—	3	—	21	24	—	11	18	4	138	171	—	—	—	—	13	13	—	11	21	4	172	208
5-го егерскаго	—	—	3	—	20	23	1	1	19	2	80	103	—	—	1	1	23	25	1	1	23	3	123	151
6-го егерскаго	—	1	1	—	20	22	2	10	38	3	196	249	—	—	1	—	34	35	2	11	40	3	250	306
3-й артиллерійской бригады: Батарейной № 1 роты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Легкой № 3 роты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
1-й гусарской дивизіи: Лубенскаго гусарскаго полка	—	—	1	—	1	2	—	1	1	—	14	16	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	15	18
Гренадерскаго корпуса.																								
2-й гренадерской дивизіи. Полковъ: Принца Евгенія Виртембергскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Екатеринославскаго	1	4	6	1	57	69	1	4	40	7	365	417	—	2	—	—	12	14	2	10	46	8	434	500
3-го карабинернаго	1	—	2	—	13	16	2	5	15	6	179	207	—	2	—	—	26	28	3	7	17	6	218	251
4-го карабинернаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
3-й гренадерской дивизіи. Полковъ: Сибирскаго	—	—	1	—	4	5	—	—	2	—	22	24	—	—	—	—	8	8	—	—	3	—	34	37
Фельдмарш. гр. Румянцева-Задунайскаго	1	1	4	—	29	35	1	5	31	4	280	321	—	—	2	—	14	16	2	6	37	4	323	372
Генералиссимуса князя Суворова	—	2	2	1	34	39	2	12	35	3	307	359	—	—	—	—	—	—	2	14	37	4	341	398
Астраханскаго	1	—	8	—	69	78	1	12	42	3	311	369	—	—	—	—	—	—	2	12	50	3	380	447
5-го карабинернаго	—	1	7	—	11	19	3	7	20	5	159	194	—	—	1	1	50	52	3	8	28	6	220	265
6-го карабинернаго	—	2	—	—	34	36	1	2	6	2	111	122	—	—	—	—	17	17	1	4	6	2	162	175
3-й гренадерской артиллерійской бриг. Батарейной № 1 роты	—	—	1	—	5	6	—	—	—	—	7	7	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	12	13
Батарейной № 2 роты	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	6
2-й гренадерской артиллерійской бриг. Батарейной № 2 роты	—	—	—	—	3	3	—	1	1	—	3	5	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	6	8
Легкой № 3 роты	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	4	5
Гвардейскаго корпуса.																								
Полковъ лейбъ-гвардіи. Драгунскаго	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Уланскаго	—	—	—	—	6	6	—	7	—	—	43	50	—	—	—	—	3	3	—	7	—	—	52	59
Конно-егерскаго	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	7
Итого	6	18	73	8	610	715	22	122	400	58	3108	3710	—	4	10	9	419	442	28	144	482	75	4137	4867

Приложеніе XVII.

ВѢДОМОСТЬ

о расположеніи и состояніи войскъ дѣйствующей арміи къ 14 іюня 1831 года.

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Число войскъ. Эскадр.	Число войскъ. Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Подъ ружьемъ. Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
Главная квартира г. *Пултускъ.* При ней.						
6-го сапернаго баталіона	1/2	—	—	349	—	1 рота въ отрядѣ г.-м. Муравьева одна рота въ Рожанахъ.
6-я рота гвардейскаго экипажа	1/4	—	—	113	—	
Жандармскаго полка	—	3	—	—	387	
Донской казачій Золотарева № 21 полкъ	—	5 стн.	—	—	483	Раскомандированъ по штабамъ корпусовъ и дивизій.
	3/4	3 и 5 стн.	—	462	870	
АВАНГАРДЪ.						
Главныхъ силъ арміи.						
Подъ командою ген. *графа Витта.*						
Передовыя войска авангарда.						
Донскіе казачьи полки:						
Секретева № 38 (въ Дзирженинѣ)	—	5 стн.	—	—	438	
и Борисова № 34 (въ м. Насельскѣ)	—	5 стн.	—	—	333	
Для поддержанія передовыхъ войскъ.						
Лубенскій гусарскій полкъ (въ с. Мокржиницѣ)	—	6	—	—	695	
Новоархангельскаго уланскаго полка (въ с. Винницѣ), 2 эск. у Пиллара	—	4	—	—	556	Два эскадрона въ отрядѣ г.-м. Пиллара.
Прочія войска авангарда.						
На позиціи при с. Голонтковѣ.						
3-я бригада 1-й гренадерской див.	4	—	—	2202	—	
1-го сапернаго баталіона	1/4	—	—	141	—	
Легкой № 3 роты 7-й артил. бриг. 4 орудія	—	—	4	—	—	
На позиціи при Пултускѣ.						
1-я и 2-я бриг. 1-й гренадерск. див., исключая 2-хъ ротъ полка короля Прусскаго и полка графа Аракчеева	5 1/2	—	—	3352	—	2 роты въ Полангенскомъ отрядѣ; полкъ графа Аракчеева въ отрядѣ г.-л. бар. Остенъ-Сакена.
1-го сапернаго баталіона	3/4	—	—	333	—	
Украинскаго уланскаго полка	—	5	—	—	675	1 эск. слѣдуетъ на присоединеніе транспортомъ изъ Бѣлостока.
Батарейн. № 2 рота 1-й гренадерской артил. бриг.	—	—	8	—	—	4 ор. у г.-л. бар. Остенъ-Сакена.
Легкой № 3 роты 7-й артил. бриг.	—	—	8	—	—	
Конной № 17 роты	—	—	6	—	—	
	10 1/2	15 и 10 стн.	28	6028	2697	
Войска составляющія вмѣстѣ съ авангардомъ лѣвый флангъ главныхъ силъ арміи.						
Подъ командою ген. *князя Шаховскаго.*						
На позиціи при Пултускѣ.						
2-я гренадерская див. безъ полка принца Павла Мекленбургскаго	9	—	—	5380	—	Полкъ принца Павла Мекленбургскаго находится въ прикрытіи артил. резерва, а Екатеринославскій въ составѣ одного батал.
2-я гренадерская артил. бриг., исключая батарейной № 1 роты	—	—	16	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
На позиціи при Пржезодовѣ.						
3-й кирасирской дивизіи.						
2-я бригада Новгородскій полкъ	—	6	—	—	799	
2-я бригада Принца Альберта Прусскаго п.	—	4	—	—	430	Два эск. сопровождаютъ тѣло покойнаго ген. фельдмаршала.
Конной № 18 роты	—	—	6	—	—	2 ор. при означенныхъ 2-хъ эск.
ЦЕНТРЪ.	9	10	22	5380	1220	
Главныхъ силъ арміи.						
Гренадерскій корпусъ.						
Подъ начальствомъ Е. И. В. Вел. Князя Михаила Павловича.						
Корпусная квартира м. *Маковъ.*						
На позиціи впереди м. Макова на правомъ берегу рѣки Оржеца, по направленію къ с. Голымину.						
2-я гвардейская пѣх. див., исключая роты л.-гв. Сапернаго баталіона	9¾	—	—	7441	—	Одна рота л.-гв. Сапернаго бат. въ отрядѣ г.-л. бар. Остенъ-Сакена.
2-я бриг. гвард. кавалерійск. див., исключая дивиз. л.-гв. Конно-егерск. полка.	—	6	—	—	1094	Дивизіонъ въ летучемъ отрядѣ въ гор. Плонскѣ.
Л.-гв. казачьяго полка	—	1	—	—	135	
2-я пѣшая артил. бриг.	—	—	24	—	—	
Легкой № 1 батареи	—	—	6	—	—	2 орудія у г.-м. Олферьева.
Легкая № 2 батарея	—	—	8	—	—	
На позиціи у м. Макова на лѣвомъ берегу рѣки Оржеца.						
1-я гвардейск. пѣх. див.	8	—	—	7103	—	
Л.-гв. Казачьяго полка.	—	1	—	—	135	
1-я пѣшая артил. бриг.	—	—	24	—	—	
На позиціи при с. Червонкѣ.						
1-я кирасирская дивизія	—	16	—	—	2934	
Л.-гв. батарейн. батарея	—	—	8	—	—	
Правый флангъ.	17¾	24	70	14544	4298	
Главныхъ силъ арміи.						
1-й пѣхотный корпусъ съ прикомандированными къ нему войсками.						
Подъ командою ген. *графа Палена 1.*						
На позиціи при с. Голыминѣ.						
АВАНГАРДЪ.						
2-я бриг. 1-й пѣх. див.	2	—	—	1064	—	
Сумскій гусарскій полкъ	—	4	—	—	565	
Конная № 2 рота	—	—	8	—	—	Рота эта изъ 10 приведена въ 8 орудійный составъ.
2-го конно-Черноморскаго казачьяго полка.	—	4 сти.	—	—	237	Одна сотня въ Ломжѣ.
ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.						
3-я пѣх. див. безъ 6-го егерск. полка	5	—	—	2274	—	Полкъ этотъ прикрываетъ транспорты.
3-я гренадерская див. безъ баталіона 6-го карабинер. полка	9	—	—	5548	—	Полки: Астраханскій и Суворовскій приведены въ составъ 1-го баталіона, 6 карабинернаго полка баталіонъ въ отрядѣ ген. графъ Кругты.
2-го саперн. батал.	¾	—	—	406	—	1 рота при паркахъ.
7-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
3-й гренадерск. артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
2-й и 3-й артил. бриг. легкія № 2 роты.	—	—	16	—	—	
Клястицкаго гусар. полка. Въ Пржасныши 2 эскадр.	—	4	—	—	583	
Въ Хоржелѣ 2 эскадр.						
6-й егерскій полкъ (прикрываетъ подводы съ продовольствіемъ).	1	—	—	589	—	
Въ с. Пржеводовѣ.						
1-я бриг. 3-й кирасирской див.	—	12	—	—	1611	
Боевой артиллерійскій резервъ.	17¾	20 и 4 сти.	44	9881	2996	
Подъ командою г.-м. *Глинки.*						
Въ с. Пржеводовѣ.						
Батареи. № 1 роты, артил. бригадъ: 1, 2 и 3 полевыхъ и гренадерск. 6-го пѣх. корп.	—	—	32	—	—	
Легкая № 2 рота 1-й и легкая-же № 3 рота 3-й артил. бриг.	—	—	16	—	—	
Конныхъ ротъ: № 1—4 орудія, № 4—12 орудій, № 19 и 20 по 8 орудій и № 30—9 оруд.	—	—	41	—	—	4 орудія № 1 роты у г.-л. бар. Остенъ-Сакена. 1 орудіе изъ роты № 2 поступило въ роту № 30.
Въ прикрытіи.						
Гренадерскій принца Павла Мекленбургскаго п.	2	—	—	1152	—	
Въ прикрытіи, тяжестей прибывающихъ въ Цѣхановъ 15, 16 и 17 іюня.	2	—	89	1152	—	
1-й егерскій полкъ	1	—	—	591	—	
2-го саперная батал.	¼	—	—	131	—	
1-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	4 орудія у г.-л. бар. Остенъ-Сакена.
Донскаго Карпова 4 казачьяго № 10 полка	—	5 сти.	—	—	325	
Команда выздоровѣвшихъ	—	—	—	100	—	
Летучій отрядъ.	1¼	5 сти.	4	822	325	
Подъ командою г.-л. *Власова.*						
Въ г. Плонскѣ.						
Л.-гв. Конно-егерскаго полка	—	2	—	—	264	
Донскіе казачьи полки:						
Атаманскій Е. И. В. Наслѣдника полкъ	—	6 сти.	—	—	680	
Катасанова 1 № 3 полкъ	—	5 сти.	—	—	413	
5-го конно-Черноморскаго казачьяго	—	5 сти.	—	—	428	
Отрядъ.	—	2 и 16 сти.	—	—	1785	
Подъ командою г.-м. *Пиллара.*						
Въ Островѣ по р. Бугу.						
Новоархангельскаго уланскаго полка	—	2	—	—	278	
Донскаго Платова 2 № 9 полка	—	5 сти.	—	—	424	
Въ Рожанахъ.	—	2 и 5 сти.	—	—	702	
6-го саперн. батал.	¼	—	—	162	—	
Въ Остроленкѣ.						
2-й егерскій полкъ	1	—	—	422	—	
Отрядъ.						
Подъ временною командою г.-м. *Штрандмана.*						
Въ Ломжѣ.						
1-я бриг. 1-й пѣх. див.	2	—	—	1601	—	
Команда 1-го саперн. батал.	—	—	—	50	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
2-го конно-Черноморскаго казачьяго полка .	—	1 сти.	—	—	61	
Пѣхоти. принца Карла Прусскаго полка. . .	1/4	—	—	194	—	
Команда пѣх. принца Вильгельма Прусскаго п.	—	—	—	43	—	
Гренадерск. артил. бриг. легкой № 3 роты. .	—	—	4	—	—	
Въ слѣдованіи изъ Пултуска въ Ломжу 13 іюня достигали Остроленки.						
3-й гренадерск. артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Батарейн. № 1 рота.	—	—	8	—	—	
1-й гренадерск. артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
Конной № 2 роты	—	—	1	—	—	
Три батарейн. орудія, взятыя у непріятеля 14 мая подъ Остроленкою	—	—	3	—	—	
	2 1/4	1 сти.	28	1888	61	
Для обезпеченія сообщеній съ Пруссіею.						
Въ Кольно и Августовъ.						
Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ	—	4	—	—	574	
Отрядъ. Подъ командою г.-м. *Олферьева.*						
Для очищенія Августовскаго воеводства.						
Въ Сувалкахъ.						
1-я бриг. легкой гвардейск. кавалерійск. див.	—	8	—	—	1123	
Л.-гв. Казачьяго полка.	—	1	—	—	135	
Легкой № 1 батареи	—	—	2	—	—	
	—	9	2	—	1258	
Сопровождаютъ тѣло покойнаго генералъ-фельдмаршала отъ Ломжи къ гран. Прусской.						
2 эскадр. кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полка и 2 орудія конной № 18 роты.	—	2	2	—	214	
Въ слѣдованіи на присоединеніе къ главнымъ силамъ арміи.						
Отрядъ. Подъ командою г.-л. *Муравьева.*						
13 находился близъ Сьдльце, выступалъ 14 и прибывалъ въ Пултускъ 20 и частію въ Ломжу 1-го іюня.						
Гренадерск. бриг. 6-го пѣх. корпуса. . . .	6	—	—	3196	—	
2-я и 3-я бриг. 2-й пѣх. див.	8	—	—	4216	—	
2-я бриг. 7-й пѣх. див.	4	—	—	2041	—	
6-го сапери. батал.	1/4	—	—	113	—	
2-я драгунская див.	—	17	—	—	2155	Казанскій полкъ остался по прежнему въ 4 эскадр., а прочія изъ шести приведены въ 4 эскадр.
2-я гусарск. див. безъ полка эрцъ-герцога Фердинанда	—	18	—	—	1926	Полкъ этотъ въ распоряженіи главнокомандующаго резервною арміею.
Донскіе казачьи полки.						
Грекова 5 № 5.	—	5 сти.	—	—	417	
Егорова № 44	—	5 сти.	—	—	226	
1-й гренадерск. артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
7-й артиллерійской бригады.						
Батарейн. № 1 рота.	—	—	4	—	—	
Легкой № 2 роты	—	—	12	—	—	
Гренадерск. артил. бриг. 6-го пѣх. корпуса легкая № 2 рота.	—	—	8	—	—	
2-й артил. бриг. легкая № 3 рота	—	—	8	—	—	
Конно-батарейн. № 27 рота	—	—	12	—	—	
Конная № 3 рота.	—	—	12	—	—	
Конная № 28 рота	—	—	7	—	—	
	18 1/4	35 и 10 сти.	71	9566	4724	
Изъ Бѣлостока.						
Украинскаго уланскаго полка.	—	1	—	—	131	
Изъ Бреста.						
Ольвіопольскій гусарскій полкъ	—	4	—	—	—	
Итого главныхъ силъ . .	80 3/4	131 и 56 сти.	360	50307	22405	
Отдѣльный отрядъ. Подъ командою г.-л. *Ридигера.*						
Въ воеводствѣ Люблинскомъ.						
10-я пѣх. див.	12	—	—	5057	—	
1-я драгунская див.	—	16	—	—	2982	
1-я бригада 1-й конно-егерской див. . . .	—	8	—	—	1148	
2-я конно-егерской див.	—	12	—	—	1376	Полки 1-й бригады этой дивиз. въ составѣ 2-хъ эскадр.
10-й конно-артиллерійской бригады:						
Батарейн. № 1 роты	—	—	8	—	—	
Легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Конныхъ ротъ: батарейн. № 23 и легкихъ № 24 и 25 по 4 оруд.	—	—	12	—	—	
Донскіе казачьи полки:						
Кирѣева № 4	—	5 сти.	—	—	397	
Хоперскаго № 20	—	5 сти.	—	—	289	
	12	36 и 10 сти.	24	5057	6192	
Войска расположенныя въ тылу главныхъ силъ арміи. Войска подъ командою генер. *бар. Розена.*						
Въ Мендзыржецъ.						
Нижегородскаго пѣх. полка.	1	—	—	750	—	
1-й батал. Модлинскаго пѣх. полка	1	—	—	428	—	
47-й егерскій полкъ	1	—	—	625	—	
1-го резервн. сапери. батал.	1/2	—	—	267	—	
Татарскій уланскій полкъ	—	6	—	—	565	
Конной № 31 роты	—	—	4	—	—	
Донской Ильина казачій № 32 п.	—	5 сти.	—	—	355	
Донскаго Андреянова казач. № 43 полка . .	—	1/2 сти.	—	—	51	
	3 1/2	6 и 5 1/2 сти.	4	2070	971	
Въ Брестъ-Литовскъ и Терасполь.						
Нижегородскаго пѣх. полка.	1	—	—	597	—	
3-й бриг. 7-й пѣх. див.	4	—	—	1842	—	
24-я пѣх. див., исключая 47 егерск. полка. .	5	—	—	3263	—	48-й егерскій полкъ приведенъ въ составъ 1 батал.
25-я пѣх. див.	6	—	—	3583	—	
2-й батал. Модлинскаго пѣх. полка	1	—	—	694	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Замосцьскій пѣх. полкъ	2	—	—	719	—	2-й батал. этого полка находится въ слѣдованіи.
Сводный баталіонъ	—	—	—	490	—	
1-го резервн. саперн. батал.	1/2	—	—	267	—	
Польскаго уланск. полка	—	3	—	—	321	Полкъ этотъ изъ 2-хъ приведенъ въ составъ 4-хъ эскадр. 1 эскадр. въ Бѣловежской пущѣ.
Литовскаго уланск. полка (въ Михалковѣ)	—	1	—	—	158	
Волынскій уланск. полкъ (въ Милашевичахъ).	—	6	—	—	733	1 взводъ въ Мендзыржецѣ; 2 взвода провожаютъ плѣнныхъ.
24-я артил. бриг., безъ одного орудія легкой № 3 роты	—	—	23	—	—	1 орудіе въ Бѣловежской пущѣ.
25-я артил. бриг., безъ 2-хъ орудій легкой № 2 роты	—	—	22	—	—	Одно орудіе потеряно 11 мая при Гайновщизнѣ, 1 орудіе въ Бѣловежской пущѣ.
2-й гренадерск. артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	8	—	—	
1-й полевой артил. бриг. батарейн. № 1 роты	—	—	2	—	—	
15-й конно-артил. бриг. рота № 29-й	—	—	8	—	—	
Рота № 30	—	—	2	—	—	
16-й конно-артил. бриг. рота № 31	—	—	4	—	—	
Рота № 32	—	—	8	—	—	
Сводной гренадерск. артил. бриг. — Батарейн. орудій	—	—	9	—	—	
Сводной гренадерск. артил. бриг. — Легкихъ орудій	—	—	8	—	—	
Орудій поврежденныхъ	—	—	6	—	—	
	19 1/2	10	100	11455	1212	
Отрядъ въ Бѣловежской пущѣ.						
Подъ командою г.-м. *Болена.*						
Муромскаго пѣх. полка	2	—	—	1350	—	
Польскаго уланск. полка (на постахъ къ сторонѣ г. Пружанъ)	—	1	—	—	107	
24-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	1	—	—	
25-й артил. бриг. легкой № 2 роты	—	—	1	—	—	
Донскаго Андреянова казачьяго № 43 полка	—	2сти.	—	—	96	
	2	1 и 2сти.	2	1350	203	
Литовскаго уланскаго полка — Въ Ратно	—	1	—	—	475	
Литовскаго уланскаго полка — Въ Дрогичинѣ	—	1	—	—		
Литовскаго уланскаго полка — Въ Мотыкалахъ	—	1	—	—		
Во Владавѣ донскаго Карпова 4 № 10 полка.	—	—	—	—	143	
Всѣхъ войскъ подъ командою генерала барона Розена	25	20 и 7 1/2 сти.	106	14875	3004	
Въ Бѣлостокъ.						
Вологодск. пѣх. полка	1	—	—	650	—	1 батал. въ Гродно.
1-й батал. 51 егерск. полка	1	—	—	461	—	
Л.-гв. Черноморскій эскадр.	—	1	—	—	122	
Новомиргородскаго уланск. полка	—	2	—	—	380	3 эскадр. въ отрядѣ генерала графа Круты.
Елисаветградскаго уланск. полка	—	4	—	—	801	1-й эскадр. въ отрядѣ г.-л. барона Сакена.
6-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
Выздоровѣвшихъ изъ госпиталя	—	—	—	1313	—	
	2	7	12	2424	1303	
Въ Гродно.						
Архангелогородскаго пѣх. полка	1	—	—	767	—	1 батал. въ Минскѣ.
Вологодскаго пѣх. полка	1	—	—	859	—	1 батал. въ Бѣлостокѣ.
10-й егерскій полкъ	2	—	—	1134	—	
Гусарск. эрцъ-герцога Фердинанда	—	1 1/2	—	—	165	4 1/2 эскадр. на этапахъ.
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	6	—	—	
2-й батал. Пражскаго пѣх. полка (дѣйствуетъ противъ мятежниковъ)	1	—	—	709	—	1 батал. въ Виленской губ.
	5	1 1/2	6	3469	165	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Въ распоряженіи главнокомандующаго резервною арміею въ Виленской губерніи.						
5-й пѣхотной дивизіи — 2-я бригада	4	—	—	2626	—	
5-й пѣхотной дивизіи — 9-й егерскій полкъ	2	—	—	1377	—	
2-я и 3-я бриг. 6-й пѣх. див.	8	—	—	5344	—	
1-я бриг. 2-й пѣх. див., исключая роты пѣх. принца Карла Прусскаго полка	1 3/4	—	—	1379	—	1 рота въ Ломжѣ.
1-й батал. Пражскаго пѣх. полка	1	—	—	425	—	
2-й батал. 51 егерск. полка	1	—	—	391	—	
Гренадерскій графа Аракчеева полкъ	1	—	—	768	—	Въ составѣ одного батал.
6-го карабинерн. полка	1	—	—	719	—	
Сводный батал. изъ выздоровѣвшихъ.	—	—	—	438	—	
Л.-гв. саперн. батал.	1/4	—	—	222	—	
» Литовскій полкъ.	2	—	—	1276	—	
» Волынскій полкъ	2	—	—	1481	—	
1-я уланская див.	—	24	—	—	2867	
Елисаветградскаго уланск. полка	—	1	—	—	83	
Новомиргородскаго уланск. полка	—	3	—	—	279	
Л.-гв. казачьяго полка	—	3	—	—	367	
Подольскій кирасирскій	—	4	—	—	564	
Уланскій Е. П. В. Наслѣдника Цесаревича	—	4	—	—	411	
Казачьи полки:						
Донской Грекова 4 № 24	—	5сти.	—	—	240	
Донской Кутейникова № 39	—	5сти.	—	—	285	
Донской Андреянова № 43.	—	2 1/2 сти.	—	—	172	
7-й конно-Черноморскій	—	5сти.	—	—	241	
8-й Оренбургскій	—	4сти.	—	—	370	Одна сотня въ Минскѣ.
Сборный линейный	—	5сти.	—	—	546	
2-й Тентярскій	—	5сти.	—	—	514	
Сборная казачья команда	—	—	—	—	92	
5-й артил. бриг. легкая № 2 рота.	—	—	12	—	—	
Легкая № 3 рота	—	—	2	—	—	
6-й артил. бриг. легкія № 2 и 3 роты.	—	—	24	—	—	
1-й артил. бриг. легкая № 2 рота	—	—	2	—	—	
Легкая № 3 рота	—	—	4	—	—	
Гренадерск. артил. бриг. батарейн. № 2 роты	—	—	4	—	—	
Конной № 1 роты.	—	—	4	—	—	
Конныхъ № 11 и 12 ротъ	—	—	16	—	—	
Л.-гв. конная № 3 батарея	—	—	8	—	—	
» пѣшая № 5 рота	—	—	8	—	—	
» учебный артил. дивиз.	—	—	4	—	—	
Въ Минскъ.						
Архангелогородскаго пѣх. полка	—	4 1/2	—	—	659	
При Полангенскомъ отрядѣ.						
Гренадерскаго короля Прусскаго полка	1/2	—	—	319	—	
Л.-гв. конно-Піонерный эскадр.	—	1	—	—	199	
5-й артил. бриг. легкой № 3 роты	—	—	4	—	—	
Итого войскъ въ распоряженіи главнокомандующаго резервною арміею.	25 1/2	44 1/2 и 31 1/2 сти.	92	17572	7889	
Въ постоянномъ гарнизонѣ г. Вильны.						
1-я бриг. 5-й пѣх. див	4	—	—	2805	—	
5-й артил. бриг. батарейн. № 1 рота	—	—	12	—	—	
Артиллерійскій резервъ	—	—	62	—	—	
	4	—	74	2085	—	

Званія войскъ и мѣста ихъ нахожденія.	Число войскъ. Батал.	Эскадр.	Орудій.	Подъ ружьемъ. Пѣхоты.	Кавалеріи.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Въ распоряженіи главнокомандующаго 1-ю арміею.						
26-й пѣхотн. дивизіи. Люблинскій пѣх. полкъ	2	—	—	690	—	
26-й пѣхотн. дивизіи. 5-й егерск. полкъ	2	—	—	750	—	
	2	5 стн.	—	1440	548	
Въ распоряженіи Минскаго военнаго губернатора.						
8 и 11 Оренбургскихъ казачьихъ полковъ	—	2 стн.	—	—	210	
Въ распоряженіи Подольскаго и Волынскаго губернатора.						
11-го Оренбургскаго казачьяго полка	—	4 стн.	—	—	342	
Всего	158¼	240п 116 стн.	674	97949	42058	

Примѣчанія. 13-го числа іюня состояло подъ ружьемъ: регулярной кавалеріи 32291, казаковъ 9767, орудій: конныхъ 217, пѣшихъ 457; въ томъ числѣ 6 поврежденныхъ и 62 безъ лошадей въ Вильнѣ.

Приложеніе XVIII.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи больныхъ холерою, въ госпиталяхъ Россійскихъ и Царства Польскаго дѣйствующей арміи въ теченіи 1831 года.

МѢСЯЦЫ.	Состояло.	Прибыло.	Выздоровѣло.	Переведено изъ одного въ другіе госпитали.	Умерло.	Состоитъ.
Въ мартѣ	—	682	78	—	319	285
» апрѣлѣ	285	8431	2746	—	3171	2799
» маѣ	2021	658	1048	52	426	1153
» іюнѣ	1296	1253	1056	98	249	1146
» іюлѣ	1111	1127	1086	—	397	755
» августѣ	757	1203	860	—	319	781
» сентябрѣ	781	451	815	—	286	131
» октябрѣ	54	49	24	—	51	28
» ноябрѣ	28	13	32	—	6	3
» декабрѣ	3	4	1	—	6	—
Итого	—	13871	7746	150	5230	—

Приложеніе XIX.

Армія въ Литвѣ, подъ начальствомъ генерала графа Толстаго, 12 (24) іюня.

1-я колонна, подъ начальствомъ князя *Хилкова*.

Кавалерія.

		эскадр.	чел.
1-я уланская дивизія.	Уланы Его Величества	6	816
	Оренбургскіе уланы	6	718
	Ямбургскіе »	6	730
	Гвардейскіе казаки	3	418
	Елисаветградскіе уланы	1	
	Л.-гв. Кавказскаго	—	18
		22	2700

Войска въ Вильнѣ, подъ начальствомъ ген. *Храповицкаго*.

		эскадр.	чел.
Кавалерія.	Новоингерманландскіе гусары	6	967
	Нарвскіе гусары	6	976
	Сибирскіе уланы (на динабург. дорогѣ)	6	600
		18	2543

		сотенъ	чел.
Казаки: 2-й Тептярскій полкъ		5	527

		сотни	чел.
Казаки:	Грекова 4	1	150
	Андреянова	2	130
	7-й Черноморскій	2	169
	8-й Оренбургскій	5	315
		10	764

Пѣхота.		батал.	чел.
5-й пѣхотной дивизіи.	Бѣлозерскій полкъ	2	1481
	Олонецкій »	2	1414
	Шлиссельбур. »	2	1384
	Ладожскій »	2	1371
	9-й егерскій »	2	1310
6-й дивизіи 11-й егерскій		2	1300
Сводный гвардейскій баталіонъ		1	470
Гренадерскій гр. Аракчеева полкъ		1	751
Принца Карла »		1¾	886
» Вильгельма »		1	553
Резервный батал. Литовскаго полка		1	419
48-го егерскаго »		1	307
1 рота гвардейскихъ саперъ		¼	230
		19	11877

Всего кавалеріи 270 чел.
казаковъ 764 »
пѣхоты 11877 »
15341 чел.

Артиллеріи.
18 конныхъ орудій
16 батарейн. »
26 легкихъ »
60 орудій.

		сотни	чел.
Казаки:	Кутейникова	3	227
	Линейные	6	423
	Разныхъ полковъ	1	100
		9	795

Пѣхота.

		батал.	чел.
Л.-гв. Литовскій полкъ		2	1372
» Волынскій »		2	1571
6-го карабинернаго полка		1	719
Рязанскій полкъ		2	1303
Ряжскій »		2	1300
Бѣлевскій »		2	1277
Тульскій »		2	1263
29-й егерск. »		2	1338
30-й » »		2	1287
1 рота гренадерскихъ саперъ		¼	122
		17¼	11562

Всего кавалеріи 3058 чел.
казаковъ 795 »
пѣхоты 11552 »
15405 чел.

Артиллеріи.
16 конныхъ орудій
16 батарейн. »
20 легкихъ »
52 орудія.

Пѣхота.

		батал.	чел.
13-я пѣхотн. дивизія.	Владимірскій полкъ	2	1272
	Суздальскій »	2	714
	Графа Сакена »	2	1044
	Ярославскій »	2	1109
	25-й егерскій »	2	1019
	26-й » »	2	1042
12-й егерскій полкъ на динабург. дорогѣ		2	1048
Гренадерскій саперный батал.		¾	360
		14¾	7708

Всего кавалеріи 2543 чел.
казаковъ 527 »
пѣхоты 7708 »
10778 чел.

Артиллерія.
8 конныхъ орудій
8 батарейн. »
16 легкихъ »
32 орудія.

2-я колонна подъ начальствомъ ген. *гр. Курута*.

Кавалерія.

	эскадр.	чел.
Польскіе кирасиры	4	582
Л.-гв. улан. Е. В. Константина Павловича	4	552
Кіевскіе гусары	6	950
Митавскіе »	4	650
Новомиргородскіе уланы	3	324
	21	3058

2-й резервный кавалерійскій корпусъ въ Гродно подъ начальствомъ г.-л. *Никитина*.

2-я кирас. див. подъ начальствомъ г.-м. *Палицына*.

	эскадр.	бат.
Екатеринославскій полкъ	5	806
Глуховской »	6	954
Астраханскій »	6	866
Псковскій »	6	918
	23	3544

2-я уланская див. подъ начальствомъ г.-л. *Розена 6-го*.

	эскадр.	чел.
Бѣлгородскій полкъ	6	1900
Чугуевскій »	6	

2-я бригада оставалась въ Россіи.

		чел.
	12	1900

Всего: кирасирск. див. 3542 чел.
уланская » 1900 »
5444 »

Приложеніе XX.

Состояніе русской арміи ко времени переправы чрезъ Вислу 8 (20) іюля.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	СОСТАВЪ ИХЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Сотни.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.
Подъ начальствомъ графа *Палена*	2-я бригада 1-й пѣхотной дивиз.	2	—	—	—	617	—	—	—
	2-я » 2-й » »	4	—	—	—	1875	—	—	—
	1-я и 2-я бригады 3-й пѣх. див.	4	—	—	—	1693	—	—	—
	3-я гренадерская дивизія . . .	9	—	—	—	4716	—	—	—
	Гвардейскіе саперы, 1-й, 2-й и 6-й саперн. бат.	4	—	—	—	1774	—	—	—
	1-я рота гвардейскаго экипажа.	1/4	—	—	—	113	—	—	—
	1-я гусарская дивизія (безъ Ольвіопольскаго полка)	—	14	—	—	—	1476	—	—
	1-я бриг. 3-й кирасирской дивиз.	—	12	—	—	—	1342	—	—
	Казаки Борисова 2-й Черноморскій 5-й »	—	—	14 1/2	—	—	—	721	—
	88 пѣшихъ и 20 конныхъ орудій.	—	—	—	108	—	—	—	—
		23 1/4	26	14 1/2	108	10988	2818	721	14527
Отрядъ генералъ-лейтенанта *Муравьева* . . .	Литовская гренадерская бриг. .	6	—	—	—	2878	—	—	—
	2-я бриг. 7-й пѣхотной дивизіи.	4	—	—	—	1140	—	—	—
	Казаки Грекова 5.	—	—	2	—	—	—	158	—
	12 пѣшихъ и 4 конныхъ орудія.	—	—	—	16	—	—	—	—
		10	—	2	16	4018	—	158	4176
Прикрытіе колонны обоза подъ начальствомъ генералъ-маіора *Притвица*	1-й, 5-й и 6-й егерскіе полки. .	3	—	—	—	1417	—	—	—
	Казаки Карпова 4 и Егорова .	—	—	10	—	—	—	768	—
	4 легкихъ орудія.	—	—	—	4	—	—	—	—
		3	—	10	4	1417	—	768	2185
Резервъ артиллеріи подъ начальствомъ генералъ-маіора *Глинки*	16 пѣшихъ и 40 конныхъ оруд.	—	—	—	56	—	—	—	—
	Прикрытіе: Екатеринославскій гренадерскій полкъ	1	—	—	—	661	—	—	—
		1	—	—	56	661	—	—	661
Гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ Великаго Князя *Михаила Павловича*.	1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи. . .	17	—	—	—	13758	—	—	—
	1-я кирасирская дивизія . . . 2-я бригада легкой гвардейск. кавалеріи	—	24	—	—	—	864	—	—
	Гвардейскіе казаки	—	2	—	—	—	272	—	—
	48 пѣшихъ и 22 конныхъ орудія.	—	—	—	70	—	—	—	—
		17	26	—	70	13758	4136	—	17894

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	СОСТАВЪ ИХЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Сотни.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.
Гренадеры подъ начальствомъ князя *Шаховскаго*	2 гренадерск. дивизія (безъ Екатеринославскаго полка) . . .	10	—	—	—	3926	—	—	—
	Казаки Карпова	—	—	2	—	—	—	118	—
	36 пѣшихъ и 3 конныхъ оруд.	—	—	—	44	—	—	—	—
		10	—	2	44	3926	—	118	4044
Арьергардъ графа *Витта*	1-я гренадерская дивизія (безъ Аракчеевскаго полка и 1/2 батал. короля Прусскаго полка) . . .	9 1/2	—	—	—	5293	—	—	—
	2-я бригада 2-й гусарской дивиз.	—	12	—	—	—	1158	—	—
	1-я — 3-й уланской — .	—	12	—	—	—	1205	—	—
	2-я — 3-й кирасирск. — .	—	12	—	—	—	1221	—	—
	Атаманскіе Секретова Катасанова казаки	—	—	16	—	—	—	1531	—
	2 конныхъ батареи	—	—	—	20	—	—	—	—
		9 1/2	36	16	20	5293	3584	1531	10408
Всего въ главной арміи ко времени переправы чрезъ Вислу	Корпусъ Палена	23 1/4	26	14 1/2	108	10988	2818	721	14527
	Отрядъ Муравьева	10	—	2	16	4118	—	158	4176
	— Притвица.	3	—	10	4	1417	—	768	2158
	Резервъ артиллеріи Глинки . .	1	—	—	56	661	—	—	661
	Гвардейскій корпусъ Великаго Князя Михаила Павловича. .	17	26	—	70	13758	4136	—	17894
	Гренадеры Шаховскаго	10	—	2	44	3926	—	118	4044
	Арьергардъ Витта	9 1/2	36	16	20	5293	3584	1531	10408
Войска въ слѣдованіи къ арміи.		73 3/4	88	44 1/2	318	40061	10538	3296	53895
Отрядъ генералъ-маіора *Гагарина*.	Павлоградскіе гусары	—	6	—	—	—	675	—	—
	Ольвіопольскіе гусары	—	4	—	—	—	465	—	—
	Казаки.	—	—	2	—	—	—	185	—
		—	10	2	—	—	1140	185	1325
Отрядъ генералъ-маіора *Герштенцвейга*	1-я бригада легкой гвард. кавал.	—	8	—	—	—	1124	—	—
	Гвардейскіе казаки	—	1	—	—	—	142	—	—
	Гродненскіе гусары	—	4	—	—	—	587	—	—
	2-я драгунская дивизія (безъ Финляндскаго полка). . . .	—	12	—	—	—	1711	—	—
	2-й морской полкъ	1	—	—	—	680	—	—	—
	3-й и 4-й егерскіе полки . . .	4	—	—	—	1957	—	—	—
	20 орудій	—	—	—	20	—	—	—	—
		5	25	—	20	2637	3594	—	6231
Всего прибывающихъ подкрѣпленій	. . . . .	5	35	2	20	2637	4734	185	7556

Приложеніе XXI.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ АРМІИ $\frac{29\text{ іюля.}}{10\text{ августа.}}$

Главнокомандующій *графъ Паскевичъ*; начальникъ главнаго штаба *графъ Толь*; генералъ-квартирмейстеръ генералъ *Нейдгартъ*; начальникъ артиллеріи генералъ *князь Горчаковъ*; начальникъ инженеровъ генералъ *Денъ*.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	СОСТАВЪ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.	Мѣсто расположенія.
Авангардъ подъ начальствомъ *графа Витта*	Литовская гренадерск. бриг. .	6	—	—	2861	—	—	—	Неборовъ.
	4-й егерскій полкъ	2	—	—	999	—	—	—	
	Рота Финскихъ стрѣлковъ. .	1/4	—	—		—	—	—	
	2-я бриг. 2-й гусарск. див. .	—	12	—	—	1155	—	—	
	2-я » 3-й кирасир. » .	—	12	—	—	1336	—	—	
	1-я » 3-й уланск. » .	—	12	—	—	1498	—	—	
	Атаманскіе казаки 2-й Черноморскій 5-й Катасанова 1. . . .	—	—	—	—	—	1633	—	
	8 пѣшихъ и 20 конныхъ оруд.	—	—	28	—	—	—	—	
Гренадерскій корпусъ подъ начальствомъ *князя Шаховскаго*		8 1/4	36	28	3860	3980	1633	9482	
	1-я гренадерская див. (безъ Аракчеевскаго полка и 1/4 батал. короля Прусскаго) .	9 1/2	—	—	5020	—	—	—	Между Мыслакувымъ и Аркадіей.
	2-я гренадерская див. . . .	11	—	—	5941	—	—	—	
	Орудія	—	—	36	—	—	—	—	
Гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ Великаго *Князя Михаила Павловича* . . .		20 1/2	—	36	10961	—	—	10961	
	1-я и 2-я пѣх. див. (безъ сапернаго батал. *)	17	—	—	12456	—	—	—	
	1-я бриг. легкой кавал. див. Гродненскіе гусары. . . .	—	12	—	—	1639	—	—	
	1-я кирасирская див. . . .	—	16	—	—	2722	—	—	
	Гвардейскіе казаки	—	2	—	—	354	—	—	
	Пѣшая артиллерія	—	—	48	—	—	—	—	
	Конная	—	—	20	—	—	—	—	
		17	30	68	12456	4715	—	15171	
Корпусъ *графа Палена*	2-я бриг. 1-й пѣх. див. . . .	2	—	—	898	—	—	—	У Ловича и въ окрестностяхъ.
	2-я » 2-й » » . . .	4	—	—	1776	—	—	—	
	1-я и 2-я бриг. 3-й пѣх. див.	4	—	—	1771	—	—	—	
	3-я гренадерск. див.	8	—	—	5393	—	—	—	
	1-я гусарская див. *)	—	16	—	—	1592	—	—	
	Павлоградскіе гусары	—	4	—	—	436	—	—	
	1-я бриг. 3-й кирасирск. див.	—	12	—	—	1385	—	—	
	Казаки: Борисова » Грекова 5	—	—	—	—	—	517	—	
	Пѣшая артил.: батарейн. . .	—	—	24	—	—	—	—	
	» » легкая . . .	—	—	16	—	—	—	—	
	Конная артил.	—	—	20	—	—	—	—	
Резервная артиллерія подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гинки* .		18	32	60	9578	3413	517	13508	
	4 батарейн. батареи	—	—	32	—	—	—	—	
	6 легкихъ батарей	—	—	40	—	—	—	—	
	6 конныхъ батарей.	—	—	50	—	—	—	—	
		—	—	122	—	—	—	—	

*) 2 эскадрона Сумскихъ гусаръ, вмѣстѣ съ Казанскими драгунами, сопровождали транспорты отъ Осѣка къ арміи.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	СОСТАВЪ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.	Мѣсто расположенія.
Подъ начальствомъ нижен.-ген. *Дена* въ Ловичѣ . . .	1-го, 2-го, 6-го гвардейскихъ сапери. батал.	3	—	—	1918	—	—	—	Въ Ловичѣ.
	Казаки Егорова	—	—	—	—	—	375	—	
		—	—	—	—	—	—	—	
Подъ начальствомъ ген. *гр. Ностица*.	2-я бриг. легкой кавал. див. .	—	8	—	—	1216	—	—	Между Баурой и Вислою.
	Гвардейскіе казаки	—	1	—	—	121	—	—	
	4 конныхъ орудія	—	—	4	—	—	—	—	
		—	9	4	—	1337	—	1337	
Подъ начальствомъ генералъ-маіора *Анрепа*	Тверскіе драгуны. . . . . Герцога Александра Виртембергскаго драгуны. .	—	8	—	—	866	—	—	Въ Красневицахъ.
	Казаки Грекова 5, 2 сотни .	—	—	—	—	—	185	—	
	2 конныхъ орудія	—	—	2	—	—	—	—	
		—	8	2	—	866	185	1051	
Подъ начальствомъ генералъ-маіора *Лесовскаго* . . .	3-й егерскій полкъ	1	—	—	528	—	—	—	Въ Лодзѣ.
	Павлоградскихъ гусаръ . . .	—	2	—	—	216	—	—	
	2 конныхъ орудія	—	—	2	—	—	—	—	
		4	2	2	528	216	—	744	
Подъ начальствомъ г.-м. *Бракера* для конвоированія перевозочн. телѣгъ.	2-й морской полкъ	1	—	—	507	—	—	—	Въ Жихлинѣ.
	6-й егерскій »	1	—	—	476	—	—	—	
	4 орудія.	—	—	4	—	—	—	—	
		2	—	4	983	—	—	983	
Подъ начальствомъ г.-м. *Ренне* . . .	1-й егерскій полкъ	1	—	—	1042	—	—	—	У мостовъ при Осѣкѣ.
	5-й » »	1							
	3 роты саперъ.	3/4	—	—	418	—	—	—	
	1 рота гвардейскаго экипажа	1/4	—	—	115	—	—	—	
	Казаки Секретова » Карпова	—	—	—	—	—	780	—	
	16 пѣшихъ и 2 конныхъ оруд.	—	—	18	—	—	—	—	
		3	—	18	1575	—	780	2355	
Въ Раціонжекѣ для приготовленія сухарей	2-я бриг. 7-й пѣх. див. (Низовскій и Симбирскій полки)	4	—	—	1127	—	—	—	Раціонжекъ.
		4	—	—	1127	—	—	—	
	Всего въ малыхъ отрядахъ	13	19	30	6131	2419	1340	9890	

Общее обозрѣніе.

Авангардъ графа Витта. . .	8 1/4	36	28	3860	3989	1633	9482
Гренадер. корпусъ Шаховскаго	20 1/2	—	36	10961	—	—	10961
Гвард. корпусъ Великаго Князя	17	30	68	12456	4715	—	17171
Корпусъ графа Палена . . .	18	32	60	9578	3413	57	13508
Резервная артил.	—	—	122	—	—	—	—
Всего въ главной арміи .	64	98	314	36855	12117	2150	51122
Къ сему въ малыхъ отряд.	13	19	30	6131	2419	1340	9890
Всего на лѣвомъ бер. Вислы (безъ корпуса Ридигера).	77	117	344	42986	14537	3490	61012

Приложеніе XXII.

Составъ корпуса генерала Ридигера 28 іюля *) / 9 августа.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Пѣхота.							
10-я пѣхотная дивизія.							
Дибича Забалканскаго полкъ	2	—	—	1150	—	—	
Полтавскій полкъ	2	—	—	1089	—	—	
Александропольскій полкъ	2	—	—	1199	—	—	
Кременчугскій »	2	—	—	1049	—	—	
19-й егерскій »	2	—	—	905	—	—	
20-й егерскій »	2	—	—	990	—	—	
	12	—	—	6382	—	—	
11-я пѣхотная дивизія.							
Елецкій полкъ [1]	2	—	—	1021	—	—	
Сѣвскій » [2]	2	—	—	1390	—	—	
Брянскій » [3]	2	—	—	937	—	—	
Орловскій »	2	—	—	851	—	—	
	8	—	—	4199	—	—	
Всего пѣхоты	20	—	—	10581	—	—	
Кавалерія.							
1-я драгунская дивизія.							
Московскій полкъ	—	4	—	—	600	—	
Каргопольскій полкъ	—	4	—	—	551	—	
Кинбурнскій полкъ	—	4	—	—	701	—	
Новороссійскій полкъ	—	4	—	—	699	—	
	—	16	—	—	2551	—	
1-я конно-егерская дивизія.							
Сѣверскій полкъ	—	4	—	—	601	—	
Черниговскій полкъ	—	4	—	—	620	—	
Нѣжинскій »	—	4	—	—	603	—	
Дерптскій »	—	3 [4]	—	—	450	—	
	—	13	—	—	2274	—	
Всего въ кавалеріи.	—	31	—	—	4825	—	
Казачьи полки.							
Хоперскій	—	—	—	—	—	269	
Кирѣева	—	—	—	—	—	231	
	—	—	—	—	—	500	
Артиллерія.							
10-й и 11-й артиллерійскихъ бригадъ	—	—	32	—	—	—	
Конныя роты № 23, 24, 25 и 26	—	—	24	—	—	—	
Орудій	—	—	56 [5]	—	—	—	
ВСЕГО	20	31	56	10581	4825	500	
Изъ этого числа вначалѣ оставались	6	1	14	3348	125	—	
Поэтому 25 и 26 переправились	14	30	14	7233	4700	500	

*) Эта табель составлена по подлинному донесенію Ридигера; напечатанная въ сочиненіи Окунева по обыкновенію полна нелѣпостей.

[1]) Этотъ полкъ оставался въ началѣ у моста на лѣвомъ берегу Вислы.

[2]) Сѣвскій полкъ прибылъ къ мосту у Подгурже только 31 іюля / 12 августа.

[3]) Этотъ полкъ оставался въ Люблинѣ.

[4]) Одинъ эскадр. этого полка понесъ значительный уронъ на Волыни отъ Рожницкаго.

[5]) Изъ этого числа 6 орудій оставались въ мостовомъ укрѣпленіи и 8 въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Приложеніе XXIII.

Подкрѣпленія слѣдовавшія подъ начальствомъ генерала барона Крейца.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
1-й эшелонъ.	Подольскіе кирасиры	—	4	—	—	544	—
Ген.-лейт. *Кнорринъ.*	Уланы Е. В. Константина Павловича	—	4	—	—	497	—
	Л.-гв. Литовскій полкъ	2	—	—	1432	—	—
	» Волынскій »	2	—	—	1373	—	—
	» Саперная батал.	1/4	—	—	216	—	—
	Сводный гвардейск. батал.	1	—	—	386	—	—
	Аракчеевскіе гренадеры	1	—	—	771	—	—
	6-го карабинери. полка	1	—	—	687	—	—
	24 орудія	—	—	24	—	—	—
		7 1/4	8	24	4865	1041	5906
2-й эшелонъ.	Гвардейскіе казаки	—	3	—	—	313	—
Ген.-лейт. *бар. Сакенъ.*	Новомиргородскіе уланы	—	4	—	—	448	—
	Елисаветградскіе	—	4	—	—	566	—
	Сводный эскадронъ	—	1	—	—	113	—
	Принца Вильгельма полкъ	1	—	—	565	—	—
	» Карла »	1 3/4	—	—	1001	—	—
	11-й егерскій	2	—	—	1143	—	—
3-й эшелонъ.	Прагскій полкъ	1	—	—	330	—	—
Ген.-лейт. *князь Хилковъ.*	Маршевые баталіоны	2	—	—	886	—	—
	16 орудій	—	—	16	—	—	—
		7 3/4	12	16	3925	1440	5365
	Уланы Е. В. Михаила Павловича	—	4	—	—	494	—
	Оренбургскіе уланы	—	6	—	—	714	—
	Ямбургскіе »	—	6	—	—	688	—
	Бѣлозерскій полкъ	2	—	—	1271	—	—
	Олонецкій »	2	—	—	1332	—	—
	Шлиссельбургскій полкъ	2	—	—	1442	—	—
	Ладожскій полкъ	2	—	—	1262	—	—
	9-й егерскій »	2	—	—	1283	—	—
	Вологодскій »	2	—	—	1327	—	—
	Рота саперъ	1/4	—	—	115	—	—
	Линейныхъ казаковъ	—	4	—	—	355	—
	50 орудій	—	—	50	—	—	—
		12 1/4	20	50	8032	2251	10283
Всего		27 1/4	40	90	16822	4732	21544

Приложеніе XXIV.

Состояніе русскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы $\frac{20\text{ августа.}}{1\text{ сентября.}}$

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.
I. Главная армія.							
Авангардъ подъ начальствомъ *гр. Витта* у Рашина	8	32	50	4062	3812	1873	9747
Графъ Палень съ 1-мъ корп. и 3-ю гренадерск. див. у Фалентъ	19	25	60	11016	3237	—	14253
Князь Шаховской съ 1-ю и 2-ю гренадер. див. въ Волицѣ	21½	—	40	11492	—	—	11492
Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ гвардейскимъ корпусомъ въ Надаржинѣ	23	27	76	17415	4185	—	21600
Баронъ Крейцъ со 2-мъ корпусомъ у Давидъ	13	12	34	790	1205	—	9105
Резервн. артил. подъ начальствомъ г.-м *Гашки* у Надаржина	—	—	86	—	—	—	—
Всего	84½	96	346	51885	12439	1873	66197
II. Ближайшіе отряды.							
1. Ген.-лейт. *Герштенцвейгъ* въ Гурѣ-Кальваріи.							
Гродненскіе гусары	—	4	—	—	510	—	—
Клястицкіе »	—	4	—	—	513	—	—
Казаки (2-го Черноморскаго)	—	—	—	—	—	43	—
3-й егерскій полкъ	1	—	—	567	—	—	—
4-й » »	2	—	—	1002	—	—	—
Саперы	1	—	—	522	—	—	—
Орудія	—	—	8	—	—	—	—
Всего	4	8	8	2092	1023	43	3158
2. Генералъ-маіоръ *Ланской* въ Блоне.							
Сумскіе гусары	—	4	—	—	468	—	—
Лубенскіе »	—	6	—	—	612	—	—
Казаки Борисова	—	—	—	—	—	263	—
4 конныхъ орудія	—	—	4	—	—	—	—
Всего	—	10	4	—	1080	263	1343
3. Генералъ-Лейтенантъ *князь Хилковъ* въ Сохачевѣ.							
Оренбургскіе уланы	—	6	—	—	624	—	—
Ямбургскіе »	—	6	—	—	658	—	—
Драгуны Александра Виртембергскаго	—	4	—	—	428	—	—
Гвардейскіе казаки	—	1	—	—	109	—	—
Андреянова	—	—	—	—	—	200	—
Орудія	—	—	6	—	—	—	—
Всего	—	17	6	—	1819	200	2019
4. *У вагенбурга* въ Мщоновѣ.							
6-й егерскій полкъ	1	—	—	—	553	—	—
Саперы	—	—	—	—	40	—	—
Казаки Егорова	—	—	—	—	—	18	—
Всего	1	—	—	—	593	18	611
5. Ген.-Лейт. *бар Гейсмаръ* въ слѣдованіи отъ Ридигера.							
Александропольскій полкъ	2	—	—	1004	—	—	—
Кременчугскій »	2	—	—	916	—	—	—
Елецкій »	2	—	—	1139	—	—	—
Сѣвскій »	2	—	—	1035	—	—	—
Орудія	—	—	14	—	—	—	—
Всего	8	—	14	4094	—	—	4094
Всего въ ближайшихъ отрядахъ.	13	35	32	6779	3922	524	11225

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.
III. Отдаленные отряды.							
1. Генералъ-маіоръ *Притвицъ* въ Ловичѣ.							
Павлоградскіе гусары	—	4	—	—	421	—	—
Егорова 4 казаки	—	—	—	—	—	63	—
2-й морской полкъ	1	—	—	488	—	—	—
Эстляндскій »	2	—	—	939	—	—	—
1-го сапернаго баталіона	½	—	—	243	—	—	—
Орудія	—	—	26	—	—	—	—
Всего	3½	4	26	1670	421	63	2154
2. Генералъ-маіоръ *Лесовскій* въ Лодзѣ.							
Павлоградскихъ гусаръ	—	2	—	—	196	—	—
Казаки	—	—	—	—	—	12	—
3-го егерскаго полка	1	—	—	516	—	—	—
2 конныхъ орудія	—	—	2	—	—	—	—
Всего	1	2	2	516	196	12	724
3. Полковникъ *Ренне* въ Красневицѣ.							
Уланы Е. В. Михаила Павловича	—	4	2	—	491	—	491
4. Ген.-Лейт. *Кнорринъ* въ слѣдованіи въ Красневицѣ.							
Подольскіе кирасиры	—	4	—	—	530	—	—
Уланы Его Высочества	—	4	—	—	387	—	—
Тверскіе драгуны	—	4	—	—	477	—	—
8 конныхъ орудій	—	—	8	—	—	—	—
Всего	—	12	8	—	1394	—	1394
5. Подъ начальствомъ г.-м. *Ренне* у пункта переправы у Осѣка.							
1-й егерскій полкъ	1	—	—	764	—	—	—
5-й » »	1	—	—	517	—	—	—
Рота 2-го сапернаго баталіона	¼	—	—	157	—	—	—
Рота гвардейскаго экипажа	¼	—	—	73	—	—	—
Казаки (Секретова и Карпова 4)	—	—	—	—	—	—	—
Въ Раціонжекѣ для печенія хлѣба: Низовскій	2	—	—	804	—	—	—
Симбирскій	2	—	—	903	—	—	—
Для конвоированія транспортовъ: Казанскіе драгуны	—	4	—	—	409	—	—
Орудія	—	—	22	—	—	—	—
Всего	6½	4	22	3218	409	358	3985
Всего въ отдаленныхъ отрядахъ.	11	26	60	5404	2911	433	8748
Къ сему въ ближайшихъ.	13	35	32	6779	3922	524	11225
Всего	24	61	92	12183	6833	957	19973
Къ сему главная армія	84½	96	346	51885	12439	1873	66197
Всего войскъ на лѣвомъ берегу Вислы (безъ Ридигера)	108½	157	438	64068	19272	2830	86170

Приложеніе XXV.

Состояніе и боевое росписаніе русской арміи при штурмѣ Варшавы $\frac{25 \text{ августа.}}{6 \text{ сентября.}}$

ЧИСЛО ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Артиллерія.	Всего.	ПРИМѢЧАНІЕ.
I. Лѣвый флангъ. Генералъ отъ кавалеріи *графъ Паленъ.*									
1. Отрядъ ген.-лейт. *князя Хилкова.*									
1-й уланск. див.: Оренбургскій полкъ	—	6	—	—	634	—	—	—	
Ямбургскій	—	6	—	—	645	—	—	—	
2-й драгун. див.: Герцога Александра Виртембергск. полкъ	—	4	—	—	428	—	—	—	
1-й гусарск. див.: Сумскій полкъ	—	6	—	—	452	—	—	—	
Лубенскій »	—	6	—	—	600	—	—	—	
Казаки: Борисова $2^1/_2$ сотни	—	—	—	—	—	254	—	—	
» Катасанова $4^1/_2$ »	—	—	—	—	—	427	—	—	
» Андреянова $1^1/_2$ »	—	—	—	—	—	166	—	—	
Конныхъ батарей № 2 и № 12	—	—	10	—	—	—	202	—	
2. 2-й пѣх. корпусъ. *Графъ Паленъ.*	—	26	10	—	2759	847	202	3808	
6-й саперный батал.	1	—	—	734	—	—	—	734	[1]) 1-й морской полкъ былъ въ Ломжѣ; 2-й въ Ловичѣ.
1-й пѣхотн. див.: 3-й морской полкъ [1]).	1	—	—	417	—	—	—	807	
4-й » »	1	—	—	390					
2-й » » Принца Вильгельма п.	1	—	—	587	—	—	—	2459	
Принца Карла »	2	—	—	1006					
Ревельскій »	2	—	—	866					
3-й » » Старонингерманланд. п.	1	—	—	399	—	—	—	1677	
Новоингерманланд. »	1	—	—	466					
Кутузовскій »	1	—	—	876					
Великолуцкій »	1	—	—	436					
3-я гренадер. див.: Сибирскій полкъ	2	—	—	1044	—	—	—	5695	
Румянцевскій »	2	—	—	922					
Суворовскій »	1	—	—	880					
Астраханскій »	1	—	—	723					
5-й карабинерный	2	—	—	887					
6-й карабинерный	2	—	—	1289					
1-й гусарск. див.: Ольвіопольскій полкъ [2])	—	4	—	—	424	—	—	424	[2]) 4-й полкъ 1-й гусарской дивизіи (Кластицкій) оставался у Гертштенцвейга въ Гурѣ-Кальваріи.
Артил.: въ 1-й лин.: 28 батарейн. орудій	—	—	28	—	—	—	602	1227	
16 легкихъ »	—	—	16	—	—	—	244		
Въ резервѣ: 10 » »	—	—	10	—	—	—	157		
12 конныхъ	—	—	12	—	—	—	204		
4 мортиры	—	—	4	—	—	—	20		
	22	4	70	11372	424	—	1227	13023	
Всего на лѣвомъ флангѣ	22	30	80	11372	3183	847	1429	16831	
II. Правый флангъ. Генералъ отъ кавалеріи *баронъ Крейцъ.*									
1. Отрядъ ген.-лейт. *графа Ностица.*									
Легкая гвардейск. кавал. див.: Л.-гв. Драгунскій п.	—	4	—	—	560	—	—	—	
» Уланскій »	—	4	—	—	392	—	—	—	
» Гусарскій »	—	4	—	—	608	—	—	—	
» Конно-егер. »	—	4	—	—	556	—	—	—	
Артиллерія: конныя батареи № 1 и № 2	—	—	16	—	—	—	247	—	
	—	16	16	—	2116	—	247	2363	

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Артиллерія.	Всего.	ПРИМѢЧАНІЕ.
2. Отрядъ ген.-лейт. *Муравьева.*									
Литовская гренадерская бриг.: Самогитскій полкъ	2	—	—	1067	—	—	—	—	
Луцкій »	2	—	—	922	—	—	—	—	
Несвижскій »	2	—	—	867	—	—	—	—	
26-й пѣхотн. див.: Пражскій	1	—	—	311	—	—	—	—	
Артиллерія: 1-я батарейн. батарея	—	—	8	—	—	—	329	—	
1-я легкая »	—	—	8						
3. 2-й пѣх. корпусъ. *Баронъ Крейцъ.*	7	—	16	3167	—	—	329	3496	
2-й саперный баталіонъ	1	—	—	488	—	—	—	488	
5-й пѣхотн. див.: Бѣлозерскій полкъ.	2	—	—	1216	—	—	—	—	
Олонецкій »	2	—	—	1232					
Шлиссельбургск. »	2	—	—	1160	—	—	—	4799	
Ладожскій »	2	—	—	1191					
6-й пѣхотн. див.: Вологодскій »	2	—	—	1055	—	—	—	2125	
11-й егерскій »	2	—	—	1070					
10-й » » Алексопольскій »	2	—	—	954	—	—	—	1840	
Кременчугскій »	2	—	—	886					
11-й » » Елецкій »	2	—	—	1053	—	—	—	1992	
Сѣвскій »	2	—	—	939					
2-й гусарск. » Елисаветградскій »	—	6	—	—	586	—	—	1146	
Иркутскій »	—	6	—	—	560				
Арт.: первая лин.: 26 батарейн. орудій	—	—	26	—	—	—	518	1166	
16 легкихъ »	—	—	16	—	—	—	195		
Резервъ: 12 » »	—	—	12	—	—	—	168		
14 конныхъ »	—	—	14	—	—	—	265		
4 мортиры »	—	—	4	—	—	—	20		
	21	12	72	11244	1146	—	1166	13556	
Всего на правомъ флангѣ	28	28	104	14411	3262	—	1742	19415	
Отдѣльный отрядъ г.-м. *Штрандмана.*									
2-й пѣх. див.: 3-й егерскій полкъ	1	—	—	501	—	—	—	—	
4-й » »	2	—	—	904	—	—	—	—	
3-й гвард. кавал. див.: Гродненскій гусарск. полкъ	—	4	—	—	484	—	—	—	
Казаки: Грекова 5 $2^1/_2$ сотни	—	—	—	—	—	235	—	—	
2-й Черноморскій 2 »	—	—	—	—	—	211	—	—	
5-й » 4 »	—	—	—	—	—	377	—	—	
Атаманскіе	—	—	—	—	—	50	—	—	
Артиллерія: 4 батарейн. и 2 кон. оруд.	—	—	6	—	—	—	151	—	
	3	4	6	1405	484	873	151	2913	
III. Резервы.									
Пѣхота. 1. Гвардейскій корпусъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ.									
1-я пѣх. див.: Преображенскій полкъ [3])	2	—	—	1538	—	—	—	6251	[3]) Всѣ гвардейскіе полки были сформированы въ полубаталіоны.
Московскій полкъ	2	—	—	1611					
Семеновскій »	2	—	—	1630					
Лейбъ-Гренадерск. полкъ	2	—	—	1472					
2-я » » Измайловскій полкъ	2	—	—	1608	—	—	—	—	
Павловскій полкъ	2	—	—	1630					
Саперы	1	—	—	769					
Лейбъ-Егерскій полкъ.	2	—	—	1353	—	—	—	4876	
Финляндскій полкъ	2	—	—	1374					
Финскіе стрѣлки	1	—	—	142					
5-я гвард. бриг.: Литовскій полкъ	2	—	—	1364	—	—	—	2637	
Волынскій полкъ.	2	—	—	1273					
	22	—	—	15764	—	—	—	15764	

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Артиллерія.	Всего.	ПРИМѢЧАНІЯ.
2-й гренадер. корп. ген. *кн. Шаховской.*									
1-я грен. див.: Императ. Австрійскаго п.	2	—	—	1077					
Короля Прусскаго полкъ	1½	—	—	811					
Наслѣднаго прин. Прусскаго полкъ	2	—	—	1009	—	—	—	5521	
Графа Аракчеева полкъ.	1	—	—	779					
1-й карабинерн. полкъ	2	—	—	888					
2-й » »	2	—	—	957					
Кіевскій полкъ.	2	—	—	1157					
Принца Евгенія Виртембергскаго полкъ	2	—	—	1123					
Екатеринославскій полкъ	1	—	—	656					
Принца Карла Мекленбургскаго полкъ	2	—	—	901	—	—	—	5542	
3-й карабинерн. полкъ	2	—	—	747					
4-й » »	2	—	—	898					
Саперы (1 взводъ)	—	—	—	60					
	21½	—	—	11063	—	—	—	11063	
Кавалерія. Ген. отъ кавал. *графъ Виттъ.*									
1-я кирас. див.: Кавалергардскій полкъ	—	4	—	—	660				
Конный полкъ.	—	4	—	—	724	—	—	2668	
Кирасирскій Его Вел. п.	—	4	—	—	678				
Кирасирскій Ея Вел. п.	—	4	—	—	606				
2-я » » Военнаго ордена полкъ.	—	6	—	—	643				
Стародубовскій полкъ.	—	6	—	—	678	—	—	2533	
Принца Альберта Прусскаго полкъ	—	6	—	—	529				
Новгородскій полкъ	—	6	—	—	683				
3-я улан. див.: Украинскій полкъ	—	6	—	—	649				
Новоархангельскій полкъ	—	6	—	—	539	—	—	2198	
Миргородскій полкъ	—	4	—	—	422				
Елисаветградскій полкъ.	—	4	—	—	588	—	—	—	
Казаки: Гвардейскіе	—	6	—	—	658	—	—	1204	
Атаманскіе	—	5½	—	—	546				
	—	71½	—	—	8603	—	—	8603	
Артиллерія: 5 батарейн. батар. гвардейск.	—	—	40	—	—	—	939	—	
2 легкихъ батареи.	—	—	16	—	—	—	279	—	
2 батарейн. батар. гренадер.	—	—	20	—	—	—	369	—	
2 легкихъ батар. гренадер.	—	—	20	—	—	—	273	—	
2 конныхъ батар. гвардейск.	—	—	16	—	—	—	399	—	
3 конныхъ 3-го кавал. корп. (№ 17, 18 и 19).	—	—	24	—	—	—	462	—	
	—	—	136	—	—	—	2721	2721	
Резервная артиллерія. Ген.-маіоръ *Гинка.*									
2 батарейныхъ батареи	—	—	20	—	—	—	392	—	
2 легкихъ батареи	—	—	16	—	—	—	270	—	
3 конныхъ батареи (№ 4, 20, 27)	—	—	28	—	—	—	628	—	
	—	—	64	—	—	—	1290	1290	
Всего резервовъ	43½	71½	200	26827	8603	—	4011	39435	
Къ сему: Лѣвый флангъ	22	30	80	11372	3183	847	1429	16831	
Правый флангъ	28	28	104	14411	3262	—	1742	19415	
Отрядъ Штрандмана	3	4	6	1405	484	873	151	2913	
Всего арміи	96½	133½	390	54015	15532	1720	7333	78600	

Приложеніе XXVI.

ТАБЛИЦА УРОНА

русскихъ войскъ въ 2 дня штурма Варшавы (25 и 26 августа 1831 года).

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Численность передъ штурмомъ.	Убитые. Офицеры.	Убитые. Рядовые.	Безъ вѣсти пропавшіе.	Раненые. Офицеры.	Раненые. Рядовые.	Всего. Офицеровъ.	Всего. Рядовыхъ.	Всѣхъ вмѣстѣ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Въ корпусѣ графа Палена	13023	25	524	273	117	2295	142	3092	3254	
» » барона Крейца	12556	21	581	560	163	1975	184	3116	3300	
» » князя Хилкова	3808	—	18	4	12	49	12	71	83	
» отрядѣ Муравьева	3496	4	139	65	46	820	50	1024	1074	
» 1-й и 2-й гренадерскихъ дивизіяхъ.	11063	7	239	121	55	1020	62	1380	1442	
» въ гвардейскомъ корпусѣ	19636	5	174	139	49	565	54	878	932	
» 3-й кирасирской дивизіи	2533	--	56	—	14	132	14	188	202	
» 3-й уланской дивизіи	2192	—	—	—	1	25	1	25	26	
» резервной артиллеріи	1290	—	10	2	—	71	—	83	83	
» отрядѣ генерала Штрандмана	2913	4	26	25	3	138	4	89	193	
Всего	—	63	1667	1189 *)	460	7090	523	10046	10579	*) Безъ вѣсти пропавшихъ также по большей части можно причислить къ убитымъ, потому что плѣнныхъ не было.
По полкамъ.										
Корпусъ графа Палена.										
1-й пѣх. див. 3-й морской полкъ	417	2	25	—	9	116	11	141	152	
4-й » »	390	3	40	—	13	115	16	155	171	
2-й » » Пр. Вильгельма	587	—	30	—	9	147	9	177	186	
» Карла	1006	—	28	—	9	121	9	149	158	
Ревельскій полкъ	866	3	36	—	8	158	11	194	205	
3-й пѣх. див. Старопингерманландскій п.	399	—	9	11	3	56	3	76	79	
Новопингерманландскій п.	466	2	6	9	—	51	2	66	68	
Кутузовскій полкъ	376	—	15	11	6	47	6	73	79	
Великолуцкій полкъ	436	—	8	7	4	42	4	57	61	
3-й гренад. див. Сибирскій полкъ	1044	2	16	32	2	85	4	133	137	
Румянцовскій полкъ	922	4	17	43	3	115	7	175	182	
Суворовскій полкъ	830	1	40	22	5	199	6	261	267	
Астраханскій полкъ	723	—	32	39	6	146	6	217	223	
5-й карабинерный полкъ	1191	1	19	51	6	135	7	205	212	
6-й » »	1289	1	68	27	5	240	6	335	341	
Корпусъ генерала барона Крейца.										
5-й пѣх. див. Бѣлозерскій полкъ	1216	2	34	92	12	115	14	241	255	
Олонецкій полкъ	1232	2	39	52	3	98	5	189	294	
Шлиссельбургскій полкъ	1160	2	25	19	15	158	17	202	219	
Ладожскій полкъ	1191	1	25	20	5	83	6	128	134	
6-й » » Вологодскій полкъ	1055	6	48	84	7	233	13	365	378	
11-й егерскій полкъ	1070	2	12	36	17	113	19	151	170	
10-й » » Александропольскій полкъ	954	2	81	70	15	230	17	381	398	
Кременчугскій полкъ	886	1	40	119	12	186	13	345	358	
11-й » » Елецкій полкъ	1053	—	82	36	10	302	10	420	430	
Сѣвскій полкъ	939	—	129	18	21	236	21	283	404	
Отрядъ Муравьева.										
Литовской гренад. бриг. Самогитскій п.	1067	1	43	23	13	280	14	346	360	
Луцкій полкъ.	922	—	19	5	7	149	7	173	180	
Несвижскій п.	867	2	31	30	15	202	17	267	284	
26-й пѣхотной дивизіи: Пражскій п.	311	—	30	—	7	114	7	144	151	

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Численность передъ штурмомъ.	Убитые. Офицеры.	Убитые. Рядовые.	Безъ вѣсти пропавшіе.	Раненые. Офицеры.	Раненые. Рядовые.	Всего. Офицеровъ.	Всего. Рядовыхъ.	Всѣхъ вмѣстѣ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Гренадеры Шаховскаго.										
1-я гренадер. див.: Императора Австрійскаго полкъ	1077	—	5	—	5	81	5	86	91	
Короля Прусскаго п.	811	—	1	1	8	64	8	66	74	
Наслѣдн. Пр. Прусскаго полкъ	1009	—	—	—	—	3	—	3	3	
Аракчеевскій полкъ	779	—	2	5	4	15	4	22	26	
1-й карабинерный п.	888	2	55	13	10	212	12	380	292	
2-й карабинерный п.	957	1	41	—	4	140	5	181	186	
2-й » » Кіевскій полкъ	1157	—	38	28	8	158	8	224	232	
Пр. Евгенія Виртембергскаго полкъ	1123	1	36	29	10	170	11	235	246	
Пр. Павла Мекленбургскаго полкъ	901	2	40	54	8	156	10	250	260	
3-й карабинерный п.	747	1	41	9	5	143	6	193	199	
4-й карабинерный	898	3	73	—	4	225	7	298	305	
	—	50	1363	995	313	5629	363	7987	8350	

	Убитые.	Безъ вѣсти пропавшіе.	Раненые.	Всего.
Въ гвардейскомъ корпусѣ.				
Преображенскій полкъ	17	3	86	106
Московскій полкъ	9	—	36	45
Семеновскій полкъ	8	3	32	43
Лейбъ-Гренадерскій полкъ	13	10	45	68
Измайловскій полкъ	1	2	29	32
Павловскій полкъ	9	—	29	38
Саперный баталіонъ	5	—	23	28
Лейбъ-егерскій полкъ	11	3	37	51
Финляндскій полкъ	16	2	83	101
Финскіе стрѣлки	4	—	5	9
Литовскій полкъ	2	—	6	8
Волынскій полкъ	—	—	7	7
Уронъ гвардейской пѣхоты	85	23	418	546
Л.-гв. Драгунскій полкъ	58	35	84	177
» Уланскій полкъ	7	—	36	45
» Гусарскій полкъ	13	79	96	188
» Конно-егерскій полкъ	—	—	9	9
Въ отрядѣ генерала Штрандмана.				
3-й егерскій полкъ	5	13	51	69
4-й » »	24	18	113	155
Гродненскіе гусары	2	—	3	5
3-й Кирасирской дивизіи.				
Военнаго ордена полкъ	—	—	—	—
Стародубовскій полкъ	—	—	1	6
Принца Альберта полкъ	5	—	29	40
Новгородскій полкъ	32	—	96	128
	157	145	507	809
Къ сему уронъ гвардейской пѣхоты	85	23	418	546
	242	168	925	1355
Уронъ остальной пѣхоты	1413	995	5942	8350
Весь уронъ	1655	1163	6867	9705*)

*) Прочіе кавалерійскіе полки пострадали мало или вовсе не пострадали. На эти полки, саперовъ и особенно артиллеристовъ (440 чел.) распредѣляется остальная незначительная часть урона.

Приложеніе XXVII.

Корпусъ генерала Розена $\frac{31\text{ августа}}{12\text{ сентября}}$ 1881 г. въ Коцкѣ.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Казаки.	Всего.
7-й пѣхотной дивизіи:	Муромскій полкъ	2	—	—	1105			
	Нижегородскій полкъ	2	—	—	836	—	—	3227
	13-й егерскій полкъ	1	—	—	565			
	14-й » »	2	—	—	721			
8-й » »	Троицкій полкъ	1	—	—	744			
	Пензенскій полкъ	1	—	—	764			
	Тамбовскій полкъ	1	—	—	634	—	—	4083
	Саратовскій полкъ	1	—	—	700			
	15-й егерскій полкъ	1	—	—	604			
	16-й » »	1	—	—	637			
24-й » »	Брестскій полкъ	1	—	—	750			
	Бѣлостокскій полкъ	1	—	—	748			
	Литовскій полкъ	1	—	—	500	—	—	2778
	Виленскій полкъ	1	—	—	780			
25-й » »	Волынскій полкъ	1	—	—	392			
	Минскій полкъ	1	—	—	483			
	49-й егерскій полкъ	1	—	—	691	—	—	2194
	50-й » »	1	—	—	628			
	Саперы	1/2	—	—	303	—	—	303
5-й уланской дивизіи:	С.-Петербургскій полкъ	—	4	—	—	514	—	933
	Харьковскій полкъ	—	4	—	—	419		
6-й » »	Польскій полкъ	—	4	—	—	330		
	Татарскій полкъ	—	4	—	—	506		
	Литовскій полкъ	—	4	—	—	470	—	1718
	Волынскій полкъ	—	4	—	—	412		
Казачьи полки:	Ильина (5 сотенъ)	—	—	—	—	—	362	
	Катасанова (5 сотенъ)	—	—	—	—	—	215	789
	Пименова (5 сотенъ)	—	—	—	—	—	212	
Артиллерія:	16 батарейныхъ орудій	—	—	16	—	—	—	—
	16 легкихъ орудій	—	—	16	—	—	—	—
	20 конныхъ орудій	—	—	20	—	—	—	—
		24 1/2	24	52	12585	2651	789	16025

Приложеніе XXVIII.

Главный корпусъ подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича 17—29 сентября 1831 года.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Правая колонна. Великій Князь Михаилъ Павловичъ.							
Кавалерія: 1-я кирасирск. дивиз.:	Кавалергардскій полкъ	—	4	—	—	721	
	Конный полкъ	—	4	—	—	713	2780
	Кирасиры Его Величества	—	4	—	—	712	
	Кирасиры Е. В. Насл. Цесаревича.	—	4	—	—	634	
	Гвардейскіе казаки	—	2	—	—	226	252
	Кавказскій полуэскадронъ	—	1/4	—	—	26	

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Пѣхота: 1-я гвардейская бригада:	Преображенскій полкъ	2	—	—	1625	—	3291
	Московскій полкъ	2	—	—	1666		
2-я » »	Измайловскій полкъ	2	—	—	1653	—	4037
	Павловскій полкъ	2	—	—	1687		
	Саперный баталіонъ	1	—	—	697		
3-я гренадерская дивизія:	Сибирскій полкъ	2	—	—	984		
	Румянцовскій полкъ	1	—	—	781		
	Астраханскій полкъ	1	—	—	632	—	4952
	Суворовскій полкъ	1	—	—	727		
	5-й карабинерный полкъ	1	—	—	850		
	6-й карабинерный	2	—	—	978		
Артиллерія: 4 конныхъ, 9 пѣшихъ батарей		—	—	104	—	—	—
Всего въ правой колоннѣ		17	18¼	104	12280	3032	15312
Лѣвая колонна. Князь Шаховской.							
Кавалерія: 3-й кирасирской дивиз.:	Принца Альберта Прусскаго полкъ	—	3	—	—	425	937
	Новгородскій полкъ	—	4	—	—	512	
3-й уланской »	Украинскій полкъ	—	6	—	—	674	1244
	Новоархангельскій полкъ	—	6	—	—	570	
Гренадерскій корпусъ.							
Пѣхота: 1-я гренадерская дивизія:	Императора Австрійскаго полкъ.	2	—	—	1139		
	Короля Прусскаго полкъ	1	—	—	899		
	Наслѣднаго Принца Прусскаго п.	2	—	—	1099	—	5551
	Аракчеевскій полкъ	1	—	—	822		
	1-й карабинерный полкъ	1	—	—	716		
	2-й карабинерный полкъ	1	—	—	876		
2-я » »	Кіевскій полкъ	2	—	—	1162		
	Пр. Евгенія Виртембергскаго п.	2	—	—	1073		
	Екатеринославскій полкъ	1	—	—	436	—	5457
	Пр. Павла Мекленбургскаго полкъ	2	—	—	926		
	3-й карабинерный полкъ	1	—	—	703		
	4-й карабинерный полкъ	2	—	—	857		
Артиллерія: 2 конныхъ и 2 пѣшихъ батареи		—	—	32	—	—	—
Корпусъ Крейца (2-й).		18	19	32	11008	2181	13189
Кавалерія: 2-й гусарской дивизіи:	Елисаветградскій полкъ	—	6	—	—	537	1051
	Иркутскій полкъ	—	6	—	—	514	—
Пѣхота: 5-й пѣхотной дивизіи:	Бѣлозерскій полкъ	2	—	—	1077		
	Олонецкій полкъ	2	—	—	1123		
	Шлиссельбургскій полкъ	2	—	—	1035	—	4393
	Ладожскій полкъ	2	—	—	1158		
6-й » »	Архангелогородскій полкъ	2	—	—	1247		
	Галицкій полкъ	2	—	—	1200	—	3325
	11-й егерскій	2	—	—	878		
Артиллерія: 1 конная, 4 пѣшихъ батареи		—	—	48	—	—	—
		14	12	48	7718	1051	8769
Всего въ лѣвой колоннѣ		32	31	80	18728	3232	21958
Отрядъ генералъ-лейтенанта Власова.							
Атаманскіе казаки 6 сотенъ		—	—	—	—	680	—
Катасанова » 5 »		—	—	—	—	427	—
5-й черноморскій 5 »		—	—	—	—	366	—
Отрядъ генералъ-маіора Дохтурова.		—	—	—	—	1453	1453
1-й уланской дивизіи:	Его Высочества Михаила Павловича полкъ.	—	2	—	—	214	785
	Сибирскій полкъ	—	6	4	—	571	
2-й драгунской дивизіи:	Финляндскій полкъ	—	4	—	—	464	464
	Казаки Платова № 60	—	—	—	—	915	915
		—	12	4	—	2164	2164
Всего главной арміи		49	61	188	31006	9881	40887

Приложеніе XXIX.

Корпусъ графа Палена 18—30 сентября.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.		Кавалерійскія лошади.	
	Кавалерія.								
3-й Кирас. див.:	Военнаго ордена полкъ	—	6	—	—	668	1204	628	1134
	Стародубовскій »	—	6	—	—	536		506	
2-й Драгун. »	Александра Виртембергск. п.	—	4	—	—	461	461	417	417
1-й Гусар. »	Сумскій полкъ	—	4	—	—	460	1346	444	1285
	Ольвіопольскій полкъ	—	4	—	—	455		434	
	Клястицкій »	—	3	—	—	431		407	
	Оренбургскій »	—	6	—	—	601	1226	549	1159
	Ямбургскій	—	6	—	—	625		610	
Казаки:	Борисова 5 сотенъ	—	—	—	—	256	589	243	560
	Карпова 5 »	—	—	—	—	203		192	
	Андреянова 1 сотня	—	—	—	—	130		125	
	Пѣхота.								
1-й пѣх. див.:	2-й Морской полкъ	1	—	—	399	1229	—	—	
	3-й » »	1	—	—	416				
	4-й » »	1	—	—	414				
2-й » »	Принца Вильгельма полкъ	1	—	—	526	3805	—	—	
	» Карла »	2	—	—	960				
	Ревельскій »	1	—	—	726				
	Эстляндскій »	1	—	—	749				
	4-й егерскій »	1	—	—	844				
3-й » »	Старопигерманландск. »	1	—	—	504	1672	—	—	
	Новопигерманландск. »	1	—	—	602				
	Кутузовскій »	1	—	—	566				
Отрядъ генералъ-лейтенанта **Муравьева.**									
	Самогитскій гренадер. полкъ	2	—	—	805	4112	—	—	
	Луцкій » »	2	—	—	820				
	Несвижскій карабинер. »	2	—	—	673				
	Кременчугскій »	2	—	—	654				
	Елецкій »	2	—	—	808				
	Пражскій »	1	—	—	352				
	Артиллерія.								
	Конная	—	—	34	—	—	—	—	
	Батарейная пѣшая	—	—	24	—	—	—	—	
	Легкая пѣшая	—	—	24	—	—	—	—	
		23	39	82	10818	4826		4555 лош.	
					15644 челов.				

Приложеніе XXX.

Силы оставленнаго предъ Модлиномъ корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головина, 18—30 сентября 1831 года.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Кавалерія.						
3-й уланск.див.: Новомиргородскій полкъ	—	4	—	—	399	821
Елисаветградскій полкъ	—	4	—	—	422	
Казаки: Грекова	—	—	—	—	128	179
Ильина	—	—	—	—	51	
Пѣхота.						
6-й дивизіи: 12-й егерскій	1	—	—	625	—	625
7-й дивизіи: Муромскій полкъ	2	—	—	1027	—	3072
Нижегородскій полкъ	1	—	—	766		
13-й егерскій полкъ	1	—	—	557		
14-й егерскій полкъ	1	—	—	722		
8-й дивизіи: Троицкій полкъ	1	—	—	749	—	4152
Пензенскій полкъ	1	—	—	773		
Тамбовскій полкъ	1	—	—	683		
Саратовскій полкъ	1	—	—	684		
15-й егерскій полкъ	1	—	—	592		
16-й егерскій полкъ	1	—	—	671		
Артиллерія.						
1-я конная и 4 пѣшихъ батареи	—	—	40	—	—	—
Всего	12	8	40	7840	1000	8849

Состояніе польской арміи до революціи.

Приложеніе XXXI.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Полковые командиры.	Батал.	Эскадр.	Орудія.	ПРИМѢЧАНІЯ.
I. Гвардія.		Гв. Конно-егерскій п. *),	Полковникъ Ягминъ	—	4	—	*) Гвардейскій Конно-егерскій полкъ, съ 3-мя русскими гвардейск. полками: Подольскимъ кирасирскимъ, уланскимъ Его Высочества и Гродненскимъ гусарскимъ составлялъ одну дивизію, подъ начальствомъ генерала Курнатовскаго. *) Гвардейскій гренадерскій полкъ съ двумя русскими гвардейскими полками: Литовскимъ и Волынскимъ, и съ тремя Литовскими гренадерск. полками: Самогитскимъ, Луцкимъ и Несвижскимъ, составлялъ одну пѣхотн. дивизію, подъ начальствомъ ген.-лейт. Рихтера.
Командиръ: генер. отъ кавалеріи графъ Викентій Красинскій.	Див. ген. Курнатовскій	Гвардейск. гренад.	» Вораковскій	2	—	—	
	Див. ген. Жимирскій	Гвард. конная батарея	Подполковн. Хоржевскій	—	—	8	
	Полк. Игнатій Ледоховскій	Конно-ракетн. полубатар.	» Ятовскій	—	—	4	
		Пѣшая ракетн. полубатар.	Капитанъ Скальскій	—	—	6	
		Саперы	Подполковн. Майковскій	—	—	—	
II. Пѣхота.			Всего	3	4	18	
Корпусный командиръ: генералъ отъ инфан. графъ Станиславъ Потоцкій.							
1-я пѣхотная дивизія:	1 бриг., бригадн. ген. Гелгудъ	1-й линейн. полкъ	Полковникъ Рыбинскій	2	—	—	
		5-й » »	» Завадскій	2	—	—	
див. генер. Круковецкій.	2 бриг., бригадн. ген. Павловскій	2-й » »	» Слюпецкій	2	—	—	
		6-й » »	» Горскій	2	—	—	
	3 бриг., бригадн. ген. Шембекъ	1-й егерскій »	Генералъ Шембекъ	2	—	—	
		3-й » »	Полковникъ Билинскій	2	—	—	
2-я пѣхотная дивизія:	1 бриг. бригадн. генер. Францъ Моравскій	3-й линейн. »	» Андрихевичъ	2	—	—	
див. ген. Желтовскій.		7-й » »	» Роландъ	2	—	—	
	2 бриг., бригадн. ген. Блюмеръ	4-й » »	» Богуславскій	2	—	—	
		8-й » »	» Скржинецкій	2	—	—	
	3 бриг., бригадн. ген. Чижевскій	2-й егерскій »	» Вольскій	2	—	—	
		4-й » »	» Завицкій	2	—	—	
		Ветераны	—				
III. Кавалерія.			Всего	26	—	—	
Корпусный командиръ генералъ отъ Кавалеріи Рожнецкій.							
Конно-егерская дивизія: дивиз. ген. Клицкій; помощникъ его, бриг. ген. Дверницкій.	1-я бриг., бригадн. ген. Пржебендовскій	1-й конно-егер. полкъ	Полковникъ Яниковскій	—	4	—	
		3-й » » »	» Матв. Дембинскій	—	4	—	
	2-я бр., бригадн. ген. Дзекоискій	2-й » » »	» Казим. Скаржинскій	—	4	—	
		4-й » » »	» Іосифъ Каменскій	—	4	—	
Уланская дивизія, дивиз. генер. Вейсенгофъ; помощникъ его, бриг. ген. Томицкій.	1-я бр., бригад. ген. Сухоржевскій	1-й уланскій полкъ	» Буковскій	—	4	—	
		3-й » »	» Корытовскій	—	4	—	
	2-я бриг., бригадн. генер. пр. Адамъ Виртембергскій	2-й » »	Подполковн. Жемецкій	—	4	—	
		4-й » »	» Рутіе	—	2	—	
		Жандармы	—				
IV. Артиллерія.			Всего	—	34	—	
Командиръ: ген. отъ артиллеріи гр. Гауке.	Конно-арт. бриг.: полк. Конарскій	Конныя батар. № 1 и 2.	—	—	—	16	
	1-я пѣшая артил. бриг., бригад. генер. Редель	Пѣшія батар. № 1, 2 и 3	—	—	—	36	
	2-я пѣшая артил. бриг., бригад. генер. Гуртигъ	Пѣшія батар. № 1, 2 и 3	—	—	—	36	
			Всего	—	—	88	
			Всей арміи	29	38	106	

Состояніе польской арміи въ концѣ марта послѣ ея реорганизаціи ко времени возобновленія военныхъ дѣйствій.

Главнокомандующій *Скржинецкій*, начальникъ главнаго штаба *Хржановскій*, генералъ квартирмейстеръ *Пронзинскій*, начальникъ артиллеріи полковникъ *Канарскій*, начальникъ инженеровъ полковникъ *Колачковскій*.

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батал.	Эскадр.	Орудій.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Пѣхота.								
1-я дивизія.								
Бригади. генер. Матіасъ *Рыбинскій.* 12 бат., 18 ор.	Полков. Ромарино . .	1-й линейный полкъ . .	3	—	—	9540	—	—
		5-й » » . .	3	—	—			
	Полков. Завадскій . .	2-й » » . .	3	—	—			
		6-й » » . .	3	—	—			
		Орудія	—	—	18			
2-я дивизія.								
Бриг. ген. *Гелгудъ.* 12 бат., 18 ор.	Бриг. ген. Роландъ . .	3-й линейный полкъ . . .	3	—	—	8288	—	—
		7-й » » . . .	3	—	—			
	» » Венгерскій.	2-й егерскій полкъ . . .	3	—	—			
		4-й » » . . .	3	—	—			
		Орудія	—	—	18			
3-я дивизія.								
Дивиз. ген. Казиміръ *Малаховскій.* 14 бат., 20 ор.	Бриг. ген. Богуславскій	4-й линейный полкъ . . .	3	—	—	11096	—	—
		8-й » » . . .	3	—	—			
	» » Андрихевичъ	Ветераны	2	—	—			
		5-й егерскій полкъ . . .	3	—	—			
		20-й линейный полкъ . .	3	—	—			
		Орудія	—	—	20			
4-я дивизія.								
Бриг.ген.*Мюльбергъ.* 7 бат., 16 ор.	Бриг. ген. Вронецкій.	Гвардейскіе гренадеры . .	4	—	—	—	—	—
	» » Чижевскій.	1-й егерскій полкъ [1] . .	—	—	—	—	—	—
		3-й » » . .	3	—	—	—	—	—
		Орудія	—	—	16	—	—	—
		Резервъ артиллеріи. . .	—	—	30	—	—	—
	Стрѣлковые баталіоны волонтеровъ	Мазовецкій полкъ . . .	5	—	—	2000	—	—
		Калишскій полкъ						
		Герица(адскіе) полкъ . .						
		Литовскій полкъ						
		Волынскій полкъ и т. д. .						
Кавалерія.								
2-й резервн. кавалер. корпусъ.								
Дивиз. ген. Томашъ *Лубенскій.*	Бриг. ген. Стріенскій.	4-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	3872	—
	» » Рутіе. . .	6-й » » . . .	—	4	—			
	» » Іоаннъ Каминскій	4-й конно-егерскій полкъ.	—	4	—			
		Подлясскій полкъ	—	4	—			
		2-й полкъ Мазуровъ . .	—	4	—			
		1-й Калишскій	—	4	—			
Резервн. кавал. дивиз.		Конная артиллерія . . .	—	—	8			
Бриг. ген. Казиміръ *Скаржинскій.*	Бриг. ген. Клицкій. .	2-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	4200	—
	» » Дембинскій	3-й » » . . .	—	4	—			
		5-й » » . . .	—	4	—			
		2-й конно-егерскій полкъ.	—	4	—			
		5-й (гвард.)конно-егерск.п.	—	4	—			
		Карабинеры	—	2	—			
		Познанцы	—	2	—			
		1-й полкъ Мазуровъ . . .	—	4	—			
		Конная артиллерія . . .	—	—	8			
		Всего въ главной арміи.	50	52	118	36524	8072	44596
1-й кавалерійск. корп.								
Дивиз. ген. *Уминскій.*	Бриг. ген. Томицкій .	1-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	3000[2]	—
	» » Хлаповскій.	3-й конно-егерскій полкъ.	—	4	—			
	Полк. Длускій	2-й Краковскій полкъ .	—	4	—			
		Люблинскій » .	—	4	—			
		Августовскій » .	—	—	—			
		Конная артиллерія. . .	—	—	8			
		1-й пѣх. егерскій полкъ.	4	—	—	3500	—	—
		Подлясскіе стрѣлки . .	1	—	—			
		Въ отдѣл. корп. Уминскаго	5	20	8	3500	3000	6500

[1]) Этотъ полкъ, усиленный своимъ 4-мъ баталіономъ, былъ присоединенъ къ корпусу Уминскаго.
[2]) Эскадроны, считая въ 150 чел., баталіоны пѣхоты въ 750 чел., а егерскіе баталіоны въ 700 чел.

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батал.	Эскадр.	Орудій.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Резервный корпусъ.								
Дивизіон. генер. Людвигъ *Пацъ.*		12-й линейный полкъ . .	2	—	—	9000	—	—
		13-й » » . .	2	—	—			
		14-й » » . .	2	—	—			
		15-й » » . .	2	—	—			
		16-й » » . .	2	—	—			
		21-й » » . .	2	—	—			
	Бриг. ген. Янковскій.	1-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	2400 [1])	—
		1-й Краковскій полкъ. .	—	6	—			
		Плоцкій полкъ	—	6	—			
		Орудія	—	—	14			
Отдѣльный корпусъ.								
Бриг. генер. *Сѣравскаго.*		Резервн. корп. Пацa .	12	16	14	9000	2400	11400
	Полк. Млокосевичъ . .	10-й полкъ	2	—	—	5400	—	—
		11-й »	2	—	—			
		(22 или 16)	—	—	—			
		4 бат. 2-го полка . . .	1	—	—			
		Егеря Малаховскаго . .	1	—	—			
		» Кржесимовскаго .	1	—	—			
	Полк. Лаговскій . . .	2-й конный Калишскій .	—	4	—	—	1800	—
		1-й и 2-й Сандомирскіе .	—	5	—			
		Бѣлаго орла	—	2	—			
		Эскадронъ Понятовскаго.	—	1	—			
		Орудія	—	—	6			
		Корпусъ Сѣравскаго .	7	12	6	5400	1800	7200
		4-ые баталіоны:						
Корпусъ бриг. генер. *Дверницкаго.*		1-го линейнаго полка . .	1	—	—	3500	—	—
		5-го » » . .	1	—	—			
		6-го » » . .	1	—	—			
		1-й волонт. егерскій . .	1	—	—			
		3-е дивизіоны:						
		4-хъ уланскихъ полковъ.	—	8	—	—	3000	—
		3-е дивизіоны:						
		5-го конно-егерскаго . .	—	10	—			
		Кракузы Косцюшко . . .	—	2	—			
		» Понятовскаго. .	—	2	—			
		Орудія	—	—	12			
			4	22	12	3500	3000	6500

Обозрѣніе дѣйствующ. арміи.

Главная армія Скржинецкаго.	50	52	118	36524	8072	44956
Резервный корпусъ Пацa	12	16	14	9000	2400	11400
Отдѣльный корпусъ Уминскаго	5	20	8	3500	3000	6500
» » Сѣравскаго	7	12	6	5400	1800	7200
» » Дверницкаго	4	22	12	3500	3000	6500
ВСЕГО.	78	122	158	57924	18272	76196
Къ сему можно причислить различные отряды волонтеровъ въ Плоцкомъ и Августовскомъ воеводствахъ	—	—	—	—	—	3000
	—	—	—	—	—	[2]) 79196

[1]) Эскадроны въ 150 чел.

[2]) Здѣсь не приняты въ расчетъ гарнизоны Варшавы, Модлина, Замосцья, гдѣ, кромѣ 7 четвертыхъ баталіоновъ, были распредѣлены различные полки, коихъ формированіе не было окончено, далѣе депо полковъ и т. д. и т. д., что все вмѣстѣ можетъ составить до 2000 челов., не считая еще Варшавскую національную гвардію въ 6000 человѣкъ.

Приложеніе XXXIII.

Составъ польской арміи, совершившей движеніе по правую сторону Буга.

Главнокомандующій генералъ *Скржинецкій.* Начальникъ главнаго штаба и въ то же время генералъ-квартирмейстеръ генералъ *Прондзинскій.*

Нижеслѣдующія показанія главнѣйше заимствованы изъ сочиненія: «Походъ между Бугомъ и Наревомъ». Всѣ же вкравшіяся ошибки исправлены. Показанія Солтыка и Шпацира приведены въ примѣчаніяхъ.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батал.	Эскадр.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
1-я дивизія.	**1-я бригада.**							
Генер. *Рыбинскій.*	Ген. Млокосевичъ [1]).	1-й егерскій полкъ . . .	3	—	—	2488	—	—
		16-й линейный » . . .	3	—	—	2462	—	—
	2-я бригада.							
	Полковн. Муховскій.	2-й » » . . .	3	—	—	2123	—	—
		12-й » » . . .	2	—	—	1547	—	—
		Подлясскіе стрѣлки . . .	1	—	—	500	—	—
		Артилерія	—	—	16	—	—	—
			12	—	16	9120	—	9120 [1])
2-я дивизія.	**1-я бригада.**							
Генер. *Гелгудъ.*	Полковн. Валентинъ д'Отеривъ.	2-й егерскій полкъ . .	3	—	—	1688	—	—
		4-й » » . .	3	—	—	2074	—	—
	2-я бригада.							
	Генер. Роландъ.	7-й линейный » . .	3	—	—	2009	—	—
		19-й » » . .	2	—	—	1583	—	—
		Сандомирскіе стрѣлки. .	1	—	—	583	—	—
		Артиллерія	—	—	22	—	—	—
			12	—	22	7937	—	7937
3-я дивизія.	**1-я бригада.**							
Генер. Владиміръ *Малаховскій.*	Ген. Богуславскій.	4-й линейный полкъ . .	3	—	—	2254	—	—
		8-й » » . .	3	—	—	1920	—	—
	2-я бригада.							
	Генер. Венгерскій.	5-й » » . .	—	—	—	—	—	—
		Варшавскіе юноши . . .	3	—	—	1953	—	—
		Полкъ ветерановъ . . .	2	—	—	1295	—	—
		Волынско-Литовскій лег.	1	—	—	525	—	—
		Артиллерія	—	—	—	—	—	—
			12	—	18	7947	—	7947
5-я дивизія.	**1-я бригада.**							
Генер. Генрихъ *Каминскій.*	Полк. Красицкій.	3-й линейный полкъ . .	3	—	—	2033	—	—
		14-й » » .	3	—	—	2120	—	—
		6-й » » . .	3	—	—	2209	—	—
		20-й » » . .	3	—	—	1911	—	—
	2-я бригада.							
	Полк. Завадскій.	Стрѣлки (?)	—	—	—	?	—	—
		Артиллерія	—	—	18	—	—	—
			12	—	18	8273	—	8273
Отрядъ								
Ген. *Дембинскаго.*		4-й бат. 4-го линейн. п.	1	—	—	831	—	—
		4-й » 3-го егерск. »	1	—	—	802	—	—
		18-й линейн. полкъ. .	2	—	—	1631	—	—
		3-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	542	—
		Плоцкая кавалерія . . .	—	2	—	—	220	—
		Артиллерія	—	—	6	—	—	—
			4	6	6	3264	762	4026

[1]) 1-я бригада этой дивизіи была собственно Ромарино (1-й и 5-й полки); но какъ она находилась у Хржановскаго, то на время похода по правую сторону Буга, къ дивизіи Рыбинскаго была придана бригада Млокосевича.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батал.	Эскадр.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
2-й кавал. корпусъ.	**1-я бригада.**							
Начальн. ген. Томашъ *Лубенскій.*	Генер. Ягминъ.	5-й конно-егерскій полкъ (бывшіе гвардейск. егеря).	—	4	—	—	508	—
Подъ его начальствомъ начальникъ див. генер. Казиміръ *Каминскій.*	**2-я бригада.**	2-й полкъ Мазуровъ . .	—	4	—	—	792	—
	Генер. Турно (?).	4-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	584	—
		6-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	420	—
	Авангардъ:							
	Генер. Длускій.	Калишская кавалерія . .	—	4	—	—	517	—
		Литовско-Волынская . .	—	2	—	—	905	—
		7-й уланскій полкъ . . .	—	2	—	—	265	—
		Конная-артиллерія . . .	—	—	8	—	—	—
			—	24	8	3391	3391	3391
Резервн. кавал. див.	**1-я бригада.**							
Генералъ *Казиміръ Скаржинскій.*	Генер. Вансовичъ.	2-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	624	—
		Карабинеры	—	2	—	—	280	—
		Познанскіе всадники . .	—	2	—	—	286	—
	2-я бригада.							
	Ген. Людвигъ Кицкій.	2-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	602	—
		5-й » » . . .	—	4	—	—	408	—
	Авангардъ:							
	Ген. Дембинскій [2]).	3-й » » . . .	—	—	—	—	—	—
		1-й мазуровъ » . . .	—	4	—	—	403	—
		Конная артиллерія . . .	—	—	16	—	—	—
			—	20	16	—	2063	2063

Состояніе прочихъ корпусовъ.

Кор. Уминскаго.								
4-я дивизія.	**1-я бригада.**							
Генер. *Мюльберга.*	Ген. Андрихевичъ.	Гвардейск. гренад. полкъ	4	—	—	5599	—	—
		15-й линейн. полкъ. . .	2	—	—	1311	—	—
	2-я бригада.							
	Ген. Вронецкій.	13-й » » . .	2	—	—	1316	—	—
		3-й егерскій полкъ . . .	3	—	—	2239	—	—
		Артиллерія	—	—	18	—	—	—
1-й кавал. корп.	**1-я бригада.**							
(Генер. Уминскій).	Ген. Хлаповскій.	3-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	516	—
Начальникъ дивиз. генер. *Томицкій.*		Августовскіе всадники [3]).	—	4	—	—	625	—
	2-я бригада.							
	Ген. Мюллеръ.	4-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	527	—
		Люблинскіе всадники . .	—	4	—	—	664	—
	Авангардъ.							
	Ген. Буковскій.	Сандомірскіе » . .	—	4	—	—	502	—
		Плоцкіе » . .	—	4	—	—	486	—
		Конная-артиллерія . . .	—	—	8	—	—	—
			11	24	26	7465	3320	10785
Отрядъ *Хржановскаго.*	Бригада ген. Ромарино.	1-й линейный полкъ . .	3	—	—	1743	—	—
		5-й » » . .	3	—	—	1974	—	—
		Стрѣлки Гроттуса . . .	1	—	—	453	—	—
		1-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	624	—
		1-й Кракузовъ полкъ [4]).	—	4	—	—	609	—
		Артиллерія	—	—	10	—	—	—
			7	8	10	4170	1233	5403

[2]) Генералъ Дембинскій получилъ отдѣльный отрядъ и къ тому 3-й уланскій полкъ.
[3]) Хлаповскій получилъ другое назначеніе.
[4]) Плоцкій эскадронъ, который также находился у него, онъ отослалъ изъ Коцка съ плѣнными.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батал.	Эскадр.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Отрядъ *Дзеконскаго*, послѣ *Ромарино*.		9-й линейный полкъ . .	10	—	—	6277	—	—
		11-й » » . .						
		22-й » » . .						
		Вольные стрѣлки . . .	—	11	—	—	1275	—
		Калишскіе всадники . .						
		Сандомирскіе » . .						
		Бѣлаго Орла » . .	—	—	—	—	—	—
		Артиллерія	—	—	15	—	—	—
			10	11	15	6277	1275	7552
	Гарниз. Варшавы.	10-й линейный полкъ . .	2	—	—	1731	—	—
		2-й » » . .	2	—	—	1366	—	—
		23-й » » . .	2	—	—	1579	—	—
		Депо, резервы	3	—	—	2264	1077	—
			9	—	—	6940	1077	8017
	Гарниз. Модлина.		8	4	—	6451	503	6954
	Гарниз. Замосцья.		4	1	—	3703	126	3829
			12	5	—	10154	629	10783

Обозрѣніе главной арміи.

	Батальоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
1-я див. Рыбинскаго .	12	—	16	9120	—	9120
2-я » Гелгуда . . .	12	—	22	7937	—	7937
3-я » Малаховскаго	12	—	18	7947	—	7947
5-я » Г. Каминскаго	12	—	18	8273	—	8283
Отрядъ Дембинскаго .	4	6	6	3264	762	4026
Кавал. корп. Лубенскаго	—	24	8	—	3391	3391
Рез. див. Скаржинскаго	—	20	16	—	2603	2603
1-й уланскій полкъ . .	—	4	—	—	620	620 [1]
Заливскій и Годлевскій	—	—	—	1000	—	1000
	52	54	104	37541	6376	44917

[1] 1 уланскій полкъ, бригада Млокосевича, эскадронъ Плоцкихъ всадниковъ и партизанскіе отряды Заливскаго и Годлевскаго (около 1000 чел.) составляли прежній корпусъ Янковскаго.

Обозрѣніе прочихъ корпусовъ.

	Батальоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Отрядъ Уминскаго .	11	24	26	7465	3320	10785
» Хржановск.	7	8	10	4170	1233	5403
» Дзеконск. .	10	11	15	6277	1275	7552
Гарниз. Варшавы .	9	—	—	6940	1077	8017
» Модлина .	8	4	—	6451	503	6954
» Замосцья .	4	1	—	3703	126	3829
	49	48	51	35006	7534	42540
Армія по правую сторону Буга . .	52	54	104	37541	7376	—
Въ различныхъ пунктахъ	49	48	51	35006	7534	—
	101	102	155	72547	14910	—

Всѣхъ боевыхъ силъ . . 87457 чел.

Приложеніе XXXIV.

Состояніе польской арміи 13 (25) іюня [1].

Главнокомандующій *Скржинецкій*; Начальникъ главнаго штаба *Лубенскій*; генералъ-квартирмейстеръ *Прондзинскій*:

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Батальоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Мѣсто расположенія.
1-я дивизія.	Муховскій . . .	2-й линейный полкъ . .	3	—	—	1539	—	Дембе-Вielьке.
Рыбинскій.		12-й » » . .	2	—	—	964	—	
7938 чел.		16-й » » . .	2	—	—	974	—	
	Лангерманъ . .	1-й егерскій полкъ . . .	4	—	—	2015	—	
		Подляхскіе егеря. . . .	1	—	—	813	—	
		9-й линейный полкъ . .	3	—	—	1633	—	
		Батарейная полубатарея	3	—	6	—	—	
		Легкая батарея	—	—	10	—	—	
			15	—	16	7938	—	
3-я дивизія.	Богуславскій . .	4-й линейный полкъ . .	4	—	—	2289	—	Прага.
Казиміръ *Малаховскій.*		Ветераны	2	—	—	795	—	
		8-й линейный полкъ . .	3	—	—	1635	—	
7950 чел.	Венгерскій . .	5-й егерскій полкъ . . .	3	—	—	1107	—	
		10-й линейный полкъ . .	3	—	—	2124	—	
		Батарейная батарея . .	—	—	12	—	—	
			15	—	12	7950	—	
4-я дивизія.	Андрихевичъ. .	Гвардейскій гренад. полкъ	4	—	—	2074	—	Служево у Варшавы.
Мюльбергъ.		13-й линейный полкъ . .	3	—	—	1572	—	
		15-й » » . .	3	—	—	1735	—	
7884 чел.	Вронецкій . . .	1-й егерскій полкъ . . .	3	—	—	1873	—	
		Батарейная батарея . .	—	—	8	—	—	
		Легкая батарея	—	—	6	—	—	
			13	—	14	7884	—	
5-я дивизія.	Галлоа	3-й линейный полкъ . .	3	—	—	1518	—	Прага.
Сѣравскій.		6-й » » . .	3	—	—	1884	—	
	Завадскій . . .	20-й » » . .	3	—	—	1030	—	
6420 чел.		21-й » » . .	3	—	—	1988	—	
		Батарейная батарея . .	—	—	12	—	—	
		Легкая батарея	—	—	8	—	—	
			12	—	20	6420	—	
1-я кавалер. див.	Гавронскій . .	3-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	511	У Варшавы.
Ямминъ.		Августовскій полкъ . . .	—	4	—	—	427	
		4-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	425	
3231 чел.		Люблинскій полкъ . . .	—	5	—	—	700	
		1-й Сандомирскій полкъ .	—	4	—	—	697	
	Шидловскій . .	8-й уланскій полкъ . . .	—	3	—	—	471	
		3-я конно-легкая батар. .	—	—	8	—	—	
			—	20	8	—	3231	
2-я кавалер. див.	Миллеръ . . .	5-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	514	У Варшавы.
Турно.		2-й Краковъ полкъ . .	—	4	—	—	697	
	Ярошевскій . .	Волынскій легіонъ . . .	—	2	—	—	249	
2587 чел.		4-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	542	
	Мицельскій . .	5-й уланскій полкъ . . .	—	3	—	—	214	
		7-й » » . . .	—	3	—	—	371	
		2-я легкая батарея. . .	—	—	8	—	—	
			—	20	8	—	2587	

[1] Эта табель заимствована изъ сочиненія генер. Окунева, который по его словамъ, имѣлъ оригиналъ подписанный Прондзинскимъ. Однакожъ нельзя отвѣчать за ея точность; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть пропуски и вѣроятно нѣкоторыя части войскъ показаны не совсѣмъ вѣрно. Число орудій явно преувеличено, а именно показано 166, почему въ этой табели число ихъ провѣрено по другимъ источникамъ. По крайней мѣрѣ по этой табели можно узнать приблизительный составъ и подраздѣленіе польской арміи въ этотъ періодъ войны (Смитъ).

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Мѣсто расположенія.
3-я кавалер. див.	Вансовичъ . .	2-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	612	У Варшавы.
Казиміръ *Скаржинскій.*		Карабинеры	—	2	—	—	272	
	Амвросій Скаржинскій . . .	Легіонъ Вислы	—	2	—	—	309	
3079 чел.		2-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	544	
		6-й » » . . .	—	3	—	—	287	
		2-й Познанскій полкъ. .	—	1	—	—	122	
	Канарскій . . .	3-й уланскій полкъ . . .	—	3	—	—	416	
		1-й мазуровъ » . . .	—	4	—	—	517	
		4-я конная легкая батар.	—	—	12	—	—	
			—	23	12	—	3079	
Резервъ артиллеріи.		Пѣшая батарейн. полубат.	—	—	6	—	—	У Праги.
		Батарейная батарея . .	—	—	12	—	—	
			—	—	18	—	—	
Корпусъ *Ромарино.*	Млокосевичъ .	5-й линейный полкъ . .	3	—	—	1716	—	Потичъ.
		11-й » » . .	3	—	—	2074	—	
		2-го егерскаго полка . .	1	—	—	515	—	
		Маршевой баталіонъ . .	1	—	—	478	—	
		Вольные стрѣлки	1	—	—	510	—	
	Шнейде	2-й Сандомірскій полкъ .	—	4	—	—	417	
		2-й Калишскій » .	—	6	—	—	604	
		Пѣшая полубатарея . .	—	—	6	—	—	
		Конная » . .	—	—	4	—	—	Всего.
			9	10	10	5293	1021	6314
Корпусъ *Хржановскаго.*	Урбанскій . . .	1-й линейный полкъ . .	3	—	—	1451	—	
		22-й » » . .	3	—	—	2317	—	
5787 чел.		Вольные стрѣлки	1	—	—	510	—	
		Подольскій легіонъ . . .	1	—	—	—	—	
		Волынскій » . . .	—	—	—	122 [1]	—	
	Длусскій . . .	1-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	552	
		1-й Кракузовъ полкъ . .	—	4	—	—	676	
		Плоцкій полкъ	—	1	—	—	159	
		Пѣшая полубатарея . .	—	—	4	—	—	
		Конная батарея	—	—	8	—	—	Всего.
			8	9	12	4400	1387	5787
Корп. *Бѣлинскаго.*		14-й линейный полкъ . .	3	—	—	1473	—	Радзымінъ.
		9-й уланскій полкъ . . .	—	4	—	—	287	
1760 чел.		3-я легкая батарея. . .	—	—	12	—	—	Всего.
			3	4	12	1473	287	1760
Гариз. *Модлина.*		17-й линейный полкъ . .	3	—	—	2358	—	
Комендантъ Игнатій *Ледоховскій.*		23-й » » . .	3	—	—	1979	—	
		4-й бат. 8-го лин. полка	1	—	—	547	—	
5795 чел.		3-й » 18-го » »	1	—	—	911	—	
			8	—	—	5795	—	
Гариз. *Замосцья.*		4-й бат. 5-го лин. полка .	1	—	—	507	—	
Комендантъ Іоаннъ *Крысинскій.*		4-й » 7-го » » .	1	—	—	825	—	
		4-й бат. 2-го егерск. полка	1	—	—	758	—	
2903 чел.		4-й » 4-го » »	1	—	—	813	—	
			4	—	—	2903	—	

[1]) Сюда по всей вѣроятности долженъ быть причитанъ, вмѣсто Плоцкаго полка, сформированный Карломъ Рожицкимъ Волынскій конный полкъ. Хотя выше и приведенъ въ составѣ дивизіи Турно Волынскій легіонъ, но то долженъ быть другой, такъ какъ Рожицкій находился у Хржановскаго.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Мѣсто расположенія.
Гарнизонъ *Варшавы и Праги.*		3-й бат. 12-го лин. полка	1	—	—	483	—	
		3-й » 19-го » »	1	—	—	478	—	
2388 чел.		Маршев. бат. 7, 18 и 19 линейныхъ полковъ. .	1	—	—	481	—	
		Маршев. бат. 2-го и 4-го егерскихъ полковъ . .	1	—	—	457	—	
		3-й бат. 16-го полка . .	1	—	—	489	—	
Обозрѣніе.			5	—	—	2388	—	
Дѣйствующая армія.		Рыбинскій	15	—	16	7938	—	
		Казиміръ Михайловскій.	15	—	12	7950	—	
		Мюльбергъ	13	—	14	7884	—	
		Сѣравскій	12	—	20	6420	—	
		Ягминъ	—	20	8	—	3237	
		Турно.	—	20	8	—	2587	
		Казиміръ Скаржинскій .	—	23	12	—	3079	
		Резервъ артиллеріи. . .	—	—	18	—	—	
		Ромарино	9	10	10	5293	1021	
		Хржановскій.	8	9	12	4400	1387	
		Бѣлинскій	3	4	12	1473	287	
			75	86	142	41350	—	
Гарнизоны.		Модлина	8	—	—	5795	—	
		Замосцья	4	—	—	2903	—	
		Варшавы и Праги . . .	5	—	—	2388	—	
			17	—	—	11086	598	ВСЕГО.
		Всего боевыхъ силъ	92	86	142	52436	11598	64034 чел.

Приложеніе XXXV.

Состояніе корпуса Гелгуда послѣ раздѣленія его на части въ Куршанахъ 27 іюня 9 (іюля). (По Питкевичу ст. 309) [1]).

1) **Отрядъ Хлаповскаго.**

Пѣхота.

2-й егерск. полкъ . . . 2 бат.
4-й » » . . . 2 »
1-го егерск. полка . . 100 чел.
$5^1/_4$ бат.

Кавалерія.

1-й уланск. полкъ (500 ч.) 4 эск.
Калишскихъ всадниковъ . 1 »
Небольшая кучка Литовскихъ инсургентовъ.
5 эск.

Орудія.

8 батарейныхъ. · 2 конно-легкихъ . } 10 орудій.

2) **Отрядъ Роланда (со включеніемъ примкнувшаго къ нему впослѣдствіи отряда Коса).**

Пѣхота.

7-й линейный полкъ. . . . 3 бат.
19-й » » . . . . 2 »
4-го егерскаго полка (прибывшаго съ Косомъ) . . . . 1 »
Брохоцкаго . . . . . 1 »
7 бат.

Кавалерія.

6-й конно-егерск. полкъ
10-й уланскій »
11-й » » } 12 эскадр.
12-й » »

Орудія.

7 батарейныхъ. . . . } 15 орудій.
8 легкихъ . . . . . }

Послѣ перехода Хлаповскаго въ Пруссію, соединились еще съ Роландомъ:
2-го и 4-го егерскихъ полковъ офицеры и около 180 человѣкъ.
2 батарейныхъ орудія.
2 конно-легкихъ орудія Четвертинскаго.

3) **Отрядъ Дембинскаго.**

— **Пѣхота.**

18-й линейный полкъ . 2 бат.
26-й » » . 2 »
3-го егерскаго полка. . 1 »
Баталіонъ Матусевича . 1 »
Самогитск. стрѣл.-волон.
6 бат.

Кавалерія.

3-го уланскаго полка. . 1 эск.
13-го » » . . 2 »
Познанская кавалерія . 4 »
Плоцкая . . . . . 2 »
9 эск.

Орудія.

2 батарейныхъ. · 4 легкихъ . . . . } 6 орудій.

[1]) Эта табель не отличается совершенною точностью и полнотой, потому что многія части войскъ, какъ наприм. самогитскія, пѣхота и конница, не показаны въ ней вовсе.

Приложеніе XXXVI.

СОСТОЯНІЕ ПОЛЬСКОЙ АРМІИ $\frac{29\text{ іюля.}}{10\text{ августа.}}$

Главнокомандующій *Скржинецкій*; начальникъ штаба *Томашъ Лубенскій*; генералъ-квартирмейстеръ *Колачковскій*; начальникъ артиллеріи *Бемъ*; начальникъ инженеровъ *Прондзинскій*.

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
1-я дивизія *Рыбинскаго* у Сохачева.	1-я бригада.	2-й линейный	3	—	—	1921	—	—
		12-й »	3	—	—	1843	—	—
	2-я бригада.	16-й »	2	—	—	1211	—	—
		1-й егерскій	4	—	—	2109	—	—
		6-й батарейная батарея	—	—	6	—	—	—
		1-й легкая батарея . .	—	—	90	—	—	—
	Кавалерійская	2-й Сандомирскій . . .	—	5	—	—	561	—
	бриг. Шнейде.	2-й Калишскій	—	6	—	—	645	—
			12	11	16	7084	1206	8290
Корп. Хржановск. у Зіамбковъ; 5-я див. *Сѣравскаго.*	1-я бригада.	1й линейный	3	—	—	1821	—	—
		17-й »	2	—	—	1226	—	—
	2-я бригада.	6-й »	3	—	—	1717	—	—
		20-й »	3	—	—	1604	—	—
		21-й »	2	—	—	1209	—	—
		3-я батарейная батарея	—	—	12	—	—	—
		5-я легкая батарея . .	—	—	8	—	—	—
	1-я бригада.	5-й конно-егерскій. . .	—	4	—	—	570	—
		10-й уланскій	—	3	—	—	452	—
9-я кавалерійская дивизія.	2-я бригада.	4-й конно-егерскій . .	—	4	—	—	589	—
		6-й уланскій	—	2	—	—	312	—
		1-й Калишскій	—	1	—	—	149	—
3-я Каз. Скаржинскаго.	3-я бригада.	1-й кракузовъ.	—	4	—	—	495	—
		7-й конно-егерскій . .	—	2	—	—	298	—
		Волынскій легіонъ . . .	—	2	—	—	307	—
		2-я конно-легкая батар.	—	—	8	—	—	—
	Бриг. Длускаго.	1-й конно-егерскій . .	—	4	—	—	592	—
		1-й кракузовъ.	—	4	—	—	487	—
			13	30	28	7577	4251	11738
Корпусъ Ромарино у Болимова.	1-я бригада.	3-й линейный	3	—	—	1575	—	—
6-я дивизія *Бѣлинскаго.*		14-й »	3	—	—	1341	—	—
	2-я бригада.	5-й »	3	—	—	2303	—	—
		11-й »	3	—	—	1809	—	—
		4-й бат. 2-го линейнаго	1	—	—	470	—	—
		Баталіонъ стрѣлковъ. .	—	—	—	734	—	—
		2-я легкая батарея . .	—	—	12	—	—	—
		2 легкихъ орудія . . .	—	—	2	—	—	—

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
2-я кавалерійская дивизія. *Турно.*	1-я бригада.	2-й конно-егерскій. . .	—	—	—	—	598	—
		Карабинеры	—	4	—	—	284	—
		Легіонъ Вислы	—	2	—	—	479	—
	2-я бригада.	2-й уланскій	—	3	—	—	587	—
		5-й »	—	4	—	—	349	—
		2-й Познанскій . . .	—	3	—	—	124	—
	3-я бригада.	3-й уланскій	—	1	—	—	397	—
		1-го уланскаго	—	2	—	—	315	—
		1-й Мазуровъ.	—	4	—	—	487	—
		4-я конно-легкая батар.	—	—	12	—	—	—
			14	26	26	8232	3620	11852
Резервные корпуса.	1-я бригада.	Гренадеры	4	—	—	3068		
4-я пѣхотная дивизія. *Мюльберга* между Зіамбками и Болимовскою вѣсью.	2-я бригада.	13-й линейный	2	—	—	1219	—	7322
		23-й »	2	—	—	1109		
		3-й егерскій	3	—	—	1926		
		4-я батарейная батарея	—	—	8	—	—	—
		6-я легкая	—	—	6	—	—	—
3-я пѣхотная дивизія. *Каз. Малаховскаго* между Гуминомъ и Болимовской Вѣсью.	1-я бригада.	4-й линейный . . .	4	—	—	2662		
		Ветераны.	2	—	—	1302		
	2-я бригада.	8-й линейный	3	—	—	1726	—	8514
		10-й »	2	—	—	1136		
		5-й егерскій	3	—	—	1688		
		3-я легкая батарея . .	—	—	12	—	—	—
1-я кавалерійская дивизія. *Ямина* въ Волѣ-Шидловецкой.	1-я бригада.	3-й конно-егерскій . .	—	—	—	—	559	1914
		Августовскій	—	—	—	—	448	
	2-я бригада.	4-й уланскій	—	—	—	—	565	
		1-й Сандомирскій . . .	—	—	—	—	343	
		1-я конно-легкая батар.	—	—	8	—	—	—
Резервн. артил. у Гумина.	Пѣшая.	2-я батарейная батарея	—	—	8	—	—	—
		5-я » »	—	—	6	—	—	—
		4-я легкая »	—	—	10	—	—	—
	Конная.	3-я » »	—	—	8	—	—	—
		5-я » »	—	—	6	—	—	—
			25	14	72	15836	1915	17751

Общее обозрѣніе.

	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Всего.
Рыбинскій	12	11	16	7084	1206	8290
Хржановскій	13	30	28	7577	4251	11828
Ромарино	14	26	26	8232	3620	11852
Резервные корпуса . .	25	14	72	15836	1915	17751
Всего . .	64	81	142	38729	10992	49721

Приложеніе XXXVII.

СОСТОЯНІЕ ПОЛЬСКИХЪ БОЕВЫХЪ СИЛЪ $\frac{21\text{ августа}}{1\text{ сентября}}$ 1831 г.

Главнокомандующій *Казиміръ Малаховскій*; Начальникъ главнаго штаба *Левинскій*; генералъ-квартирмейстеръ *Прондзинскій*; Начальникъ инженеровъ *Колачковскій*; Начальникъ артиллеріи *Бемъ*.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Артиллерія.	Всего.
Главная армія.								
I. Корпусъ Уминскаго.								
1-я пѣхотная дивизія *Рыбинскаго.*								
1-я бриг. Муховскій	2-й линейный полкъ	3	—	—	1930	—	—	6841
	12-й » »	3	—	—	1427			
2-я бриг. Лангерманъ [1])	16-й » »	2	—	—	1126			
	1-й егерскій »	4	—	—	2358			
Грабовскій	6-я батарейная батарея	—	—	10	—	—	182	343
Лапинскій	1-я легкая »	—	—	6	—	—	161	
4-я пѣхотная дивизія *Мюльберга.*								
1-я бриг. Андрихевичъ	Гренадерскій полкъ	4	—	—	2425	—	—	7584
	13-й линейный »	3	—	—	1776			
2-я бриг. Вронецкій	23-й » »	2	—	—	1346			
	3-й егерскій »	3	—	—	2037			
Ржепецкій	4-я батарейная батарея	—	—	8	—	—	216	357
Кожуховскій	6-я легкая »	—	—	6	—	—	141	
Бригада *Чижевскаго.*								
	Пѣхотн. депо	1	—	—	788	—	—	3556
	Маршев. бат. 7-го линейн., 2-го и 4-го егерск. п.	2	—	—	1499			
	» » 1-го и 5-го линейныхъ полковъ.	1	—	—	567			
	» » 6-го, 9-го, 11-го, 20-го, и 21-го п.	1	—	—	702			
1-я кавалерійская дивизія *Ямина.*								
1-я бриг. Чарновскій	3-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	488	—	1464
	Августовцы	—	2	—	—	260		
2-я бригада.	4-й уланскій полкъ	—	4	—	—	432		
	1-й Сандомирскій полкъ	—	3	—	—	324		
		29	13	30	17981	1464	700	20145
II. Корпусъ Дембинскаго.								
3-я пѣхотная дивизія *Богуславскаго.*								
1-я бриг. Венгерскій	4-й линейный полкъ.	4	—	—	2724	—	—	8719
	10-й » »	3	—	—	1939			
2-я бриг. Млокосевичъ	8-й » »	3	—	—	1879			
	5-й » »	4	—	—	2177			
Багенскій	13-я легкая батарея	—	—	12	—	—	288	228

[1]) Самъ Лангерманъ $\frac{24\text{ августа}}{5\text{ сентября}}$ отправился къ корпусу Гомарино.

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Артиллерія.	Всего.
Отрядъ *Рутье* (больш. частью бывш. войска Дембинскаго).								
	Ветераны	2	—	—	1059	—	—	2837
	18-й линейный полкъ	2	—	—	1219			
	26-го и другихъ формированій.	1	—	—	559			
	Познанскіе всадники.	—	4	—	—	387	—	681
	Плоцкіе »	—	1	—	—	86		
	13-го уланскаго полка	—	2	—	—	208		
Кавалерійская бригада *Длускаго.*								
	1-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	605	—	1030
	1-й полкъ кракузовъ	—	4	—	—	425		
		19	15	12	11556	1711	228	13495
III. Резервная артиллерія. Хоржевскій.								
Бѣлицкій	1-я батарейная батарея	—	—	12	—	—	308	1438
Неймановскій	5-я » »	—	—	6	—	—	180	
Рихтеръ	7-я » »	—	—	4	—	—	94	
Наржымскій	1-я легкая »	—	—	8	—	—	184	
Колышко	2-я » »	—	—	8	—	—	181	
Лабановскій	4-я » »	—	—	12	—	—	258	
Шоповичъ	Взводъ ракетной роты	—	—	—	—	—	47	
	Отрядъ саперъ	—	—	—	186	—	—	—
		—	—	50	186	—	1252	1438
	Всего	48	28	92	29723	3175	2180	35078
Откомандированныя войска.								
I. Корпусъ Ромарйно.								
5-я пѣхотная дивизія *Сѣравскаго.*								
1-я бриг. Домбровскаго	3-й линейный полкъ	1	—	—	853	—	—	7373
	4-й баталіонъ 2-го полка	1	—	—	425			
	Вольные стрѣлки.	1	—	—	389			
	14-й линейный полкъ	3	—	—	1477			
2-я бриг. Завадскаго	6-й » »	3	—	—	1863			
	20-й » »	3	—	—	1268			
	21-й » »	2	—	—	1088			
Турскій	3-я батарейная батарея	—	—	12	—	—	297	446
Фрелихъ	5-я легкая »	—	—	6	—	—	118	
	Орудія партизановъ	—	—	2	—	—	31	
6-я пѣхотная дивизія *Бѣлинскаго.*								
1-я бригада.	1-й линейный полкъ	3	—	—	1713	—	—	7908
	17-й » »	3	—	—	1824			
2-я бриг. Рыхловскій	5-й » »	3	—	—	2129			
	11-й » »	3	—	—	1617			
	Сандомирскіе и Краковскіе егеря.	1	—	—	620	—	—	—
	2-й батарейной батареи	—	—	4	—	—	87	287
	4-я легкая батарея	—	—	10	—	—	200	
1-я бригада.	2-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	577	—	—
	Карабинерный полкъ	—	2	—	—	296		
	Легіонъ Вислы	—	3	—4	—	457		

ЧАСТИ ВОЙСКЪ.		Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Артиллерія.	Всего.
3-я кавал. див. *Миллера*, бывш. Казимира Скаржинскаго.								
2-я бриг. Канарскаго.	2-й уланскій полкъ	—	4	—	—	635		
	5-й » »	—	3	—	—	364		
3-я бриг. Гавронскаго.	3-й » »	—	3	—	—	384	—	3409
	1-го уланскаго полка	—	2	—	—	278		
	1-й полкъ мазуровъ	—	4	—	—	418		
Яшовскій	3-я конно легкая батарея	—	—	8	—	—	205	205
Бригада Шнейде	9-й уланскій полкъ	—	4	—	—	417		
	2-й Калишскій полкъ	—	2	—	—	263	—	680
Всего		27	31	42	15276	4089	938	20303
II. Корпусъ Лубенскаго.								
1-я бриг. А. Скаржинскій	5-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	—	406		
	10-й уланскій полкъ	—	5	—	—	524		
2-я бриг. Вонсовичъ.	4-й конно-егерскій полкъ.	—	4	—	—	455		
	6-й уланскій полкъ	—	2	—	—	198	—	2621
	1-й Калишскій полкъ	—	1	—	—	108		
3-я бриг. Мицельскій	2-й Краковусовъ полкъ	—	4	—	—	436		
	7-й уланскій полкъ	—	4	—	—	494		
Крушевскій	5-й конно-легкая батарея	—	—	6	—	—	135	135
Всего		—	24	6	—	2621	135	2756
Отряды Яновича и Матусевича.								
3-й егерскій полкъ		1	—	—	393			
Слонимскій егерскій полкъ		1/2	—	—	244	—	—	637
13-й уланскій полкъ.		—	4	—	—	540	—	540
Всего		1 1/2	4	—	637	540	—	1177
Всего		1 1/2	28	6	637	3161	135	3933
III. Корпусъ Рожицкаго		10	8	11	6000	900	250	7150
IV. Кромѣ того: въ *Варшавѣ и Прагѣ.*								
Депо и различныхъ войскъ.		3	4	—	5739	478	1668	3685
Въ *Модлинѣ*		8	8	—	5278	914	202	6394
Въ Замосцьѣ		4	1	—	3887	151	440	278

Обозрѣніе.

Главная армія у Варшавы	48	28	92	29723	3175	2180	35078
Въ Варшавѣ и Прагѣ	3	4	—	5739	478	1668	3685
Корпусъ Ромарино	27	31	42	15276	4089	938	20303
» Лубенскаго и Яновича.	1 1/2	28	6	637	3161	135	3933
» Рожицкаго	10	8	11	6000	900	250	7150
Въ Модлинѣ и Замосцьѣ.	12	9	—	9165	1065	642	10672
ВСЕГО боевыхъ силъ	101 1/2	108	151	62350	12868	5813	80821

Приложеніе XXXVIII.

Состояніе польской арміи во время перехода ея въ Пруссію $\frac{26\text{ сентября}}{8\text{ октября}}$ 1831 г. [1]).

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Генералы и офицеры.	Ун.-офиц. и рядовые.	Нестроевые.	Всего.
Главный штабъ: Главнокомандующій *Рыбинскій*; начальникъ главнаго штаба *Левицкій*; генералъ-квартирмейстеръ *Клеменсовскій*; главный инженеръ *Вильсонъ*; интендантъ *Добецкій*; адъютанты, офицеры главнаго штаба и проч.			—	—	—	67 [2])	—	33	100
1-й корпусъ.		Штабъ	—	—	—	13	—	—	13
1-я пѣхотная дивизія.		Штабъ	—	—	—	8	—	1	9
3951 чел.	1-я бригада	2-й линейный полкъ	2	—	—	63	671	33	767
		12-й » »	3	—	—	39	872	37	948
		16-й » »	3	—	—	80	1029	7	1115
	2-я бригада	6-й егерскій полкъ	2	—	—	39	788	49	876
	Артиллерія	6-й батарейной батареи.	—	—	6	6	104	—	110
		1-я легкая батарея.	—	—	10	8	105	—	113
2-я кавалерійская див.		Штабъ	—	—	—	3	—	—	3
2311 чел.	1-я бригада	Познанцы	—	3	—	16	242	4	262
		13-й уланскій полкъ	—	4	—	72	420	16	508
		1-й краковусовъ полкъ	—	3	—	55	275	8	338
	2-я бригада	4-й уланскій полкъ	—	4	—	42	261	26	329
		7-й » »	—	4	—	37	351	28	416
		2-й мазуровъ.	—	4	—	21	254	4	279
	Артиллерія	3-я конная батарея	—	—	—	7	169	—	176
			10	22	24	509	5541	212	6272
Резервный корпусъ.		Штабъ	—	—	—	4	—	7	11
3-я пѣхотная дивизія.	1-я бригада	14-й линейный полкъ	4	—	—	88	1815	88	1991
5396 чел.		10-й » »	2	—	—	53	584	13	650
	2-я бригада	5-й егерскій полкъ	4	—	—	90	1520	36	1646
		8-й линейный	2	—	—	11	754	36	801
	Артиллерія	7-я батарейная рота	—	—	4	5	85	—	90
		3-я легкая рота	—	—	12	10	197	—	207
4-я пѣхотная дивизія.		Штабъ	—	—	—	3	—	2	5
3042 чел.	1-я бригада	Гренадерскій полкъ.	—	—	—	4	186	—	190
		3-й линейный полкъ	—	—	—	6	354	—	360

[1]) Мы приводимъ эту табель по полуоффиціальному сочиненію Даникара: „переходъ польскаго корпуса въ Пруссію" Кепигсбергъ 1832 года (Смитъ).

[2]) Въ новыхъ полкахъ нужно обратить вниманіе на несоразмѣрное число офицеровъ относительно солдатъ; это происходило оттого, что молодые люди, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ, толпами заставляли назначать себя офицерами.

Корпуса и дивизіи.	Бригады.	Полки.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудій.	Генералы и офицеры.	Ун.-офиц. и рядовые.	Нестроевые.	Всего.
	2-я бригада . . .	Слонимскіе стрѣлки . .	1	—	—	18	188	—	206
		9-й линейный полкъ . .	1	—	—	15	1111	—	1126
		3-й егерскій полкъ . . .	1	—	—	15	987	—	1002
	Артиллерія . . .	4-я батарейная рота . .	—	—	6	7	73	—	80
		6-я легкая рота	—	—	6	7	66	—	73
1-я кавалерійская див. .	. . . . .	Штабъ	—	—	—	4	—	—	4
3662 чел.	1-я бригади . . .	1-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	39	495	29	563
		10-й уланскій полкъ . .	—	4	—	35	465	1	501
	2-я бригада . . .	3-й конно-егерскій полкъ	—	4	—	34	320	4	358
		4-й » »	—	4	—	45	344	12	401
		5-й » »	—	4	—	34	406	34	474
	3-я бригада . . .	2-й кракузовъ полкъ . .	—	4	—	43	450	5	498
		Сандомирцевъ, люблинцевъ и августовцевъ .	—	4	—	51	315	12	378
	Артиллерія . . .	6-й уланскій полкъ . . .	—	2	—	18	267	6	291
		1-я конная батарея . .	—	—	7	9	185	—	194
Резервная артиллерія .	. . . . .	2-я конная батарея . .	—	—	8	7	199	—	206
1892 чел.		4-я » » . .	—	—	10	10	241	—	251
		1-я батарейная батарея.	—	—	10	8	216	—	224
		5-я » »	—	—	4	5	97	—	102
		Резервная рота	—	—	4	15	304	—	319
		Резервный паркъ	—	—	—	15	482	—	497
		Рабочіе	—	—	—	4	98	—	102
		Оружейные мастера . .	—	—	—	9	155	—	164
		Саперы, піонеры	—	—	—	17	125	—	143
			15	30	71	738	13084	286	14108
Кромѣ того разные офицеры, чиновники, почетная рота и проч. . . .	. . . . .	. . . . .	—	—	—	79	198	144	421
		Всего . .	25	52	95	1393	18823	675	20891

Лошадей находилось при арміи:

2655 офицерскихъ.
4020 кавалерійскихъ.
1986 артиллерійскихъ.
623 упряжныхъ.

9284 лошади.

Приложеніе XXXIX.

MÉMOIRE

HISTORIQUE ET MILITAIRE SUR LA GUERRE

de Pologne en 1831.

INTRODUCTION.

Aujourd'hui je ne suis nullement en état d'ecrire une histoire des événements terribles qui remplissent les annales de la Pologne pendant cette malheureuse année. Ces événements sont encore beaucoup trop récents; et malgré la part active que j'y ai prise, la position que j'occupais et qui me mettait à même de connaitre un grand nombre de particularités, il en est beaucoup qui me sont restées inconnues. Il est des événements militaires concernant les corps detachés, que je n'ai connu que par les rapports officiels qui arrivaient à l'état major général, d'autres encore, où les communications interceptées nous ont empeché d'avoir même des rapports. Je me bornerai donc à rendre compte des événements auxquels j'ai pris part, et de ceux dont j'ai une connaissance certaine. Je pourrai quelquefois me tromper dans ma manière d'envisager les choses; je pourrai surtout émettre quelque opinion, qui ne sera pas celle re—çue dans l'armée Russe. Comment en serait—il autrement! J'ai été partie dans cette funeste guerre. Mais je me croirais méprisable et indigne de toute confiance de la part de Sa Majesté, si je pouvais admettre l'idée de vouloir Lui plaire en avançant quelquechose que ce soit contre la verité. Je serai donc avant tout consciencieuse; et comme je citerai un grand nombre de personnes on aura toute facilité de se convaincre, par leur témoignage, de ma veracité sur l'exactitude des faits.

Comme acteur, témoin et narrateur, j'aurai à parler de moi. J'avoue, que je redoute d'une part d'être taxé d'amour propre, si je fais beaucoup mention de ma personne, et de l'autre, je crains également d'être soupçonné d'une crainte pusillanime, en voilant par mon silence la part que j'ai prise dans une guerre faite contre le souverain, pour qui cet écrit est destiné. Je proteste que ces deux sentiments me sont également étrangers, et que j'ai uniquement en vue de remplir dignement la tâche qui m'est imposée.

Je dirai fort peu de chose sur l'événement qui a donné lieu à la guerre, car j'ai des notions très bornées sur l'explosion de la révolution vivant à cette époque à Augustow, dans une retraite convenable à ma position d'alors. D'ailleurs Sa Majesté en a sans doute appris à ce sujet par des témoins oculaires, beaucoup plus que je ne saurai en dire. Ce que j'ai pu apprendre de bien certain, c'est que la nouvelle association secrète, qui s'était formée à Varsovie parmi les jeunes gens, n'avait pas un but bien précis, ni aucun plan de conduite arrêté. Mais l'autorité ayant découvert leurs menées, de nombreuses arrestations eureut lieu. La crainte du même sort et des rigueurs qui s'en suiveraient, détermina ceux qui étaient encore libres à une explosion. Mais leurs idées sur ce qu'ils voulaient entreprendre étaient si peu fixées, qu'ils crurent avoir tout fini aprés avoir indignement massacré dans les rues les généraux qu'ils rencontrèrent, et après avoir reduit Son Altesse Impériale à quitter le Belveder. Le lendemain tout le monde dans la stupeur se demandait qui avait fait le mouvement? qui était chef de la révolte? Et comme il ne s'en trouvait pas, le Conseil d'administration, le Gouvernement de Sa Majesté lui même, se mit à la tête de la révolution, et publia des proclamations au nom du Souverain. Cependant le conseil sentant que l'autorité lui échappait, essaya de retremper sa force en s'épurant de quelques membres signalés par l'opinion universelle, et en se renforçant de quelques personnes, dont le caractère était généralement estimé. Ces mesures n'eurent pas le succès que l'on en attendait. Une des causes principales qui empêchèrent la réussite de l'essai, que fit le Conseil d'administration de s'emparer de la révolution, ce fut d'abord la nullité de la majeure partie des membres qui le composaient, et puis la deconsideration complète où il se trouvait comme corps [1]).

[1]) Pendant nombre d'années, le conseil d'administration du Royaume n'avait été qu'un instrument docile entre les mains du Commissaire Impérial, et celui-ci adversaire très chaux des institutions octroyées par Sa Majesté au Royaume, ennemi personnel des Polonais, comme *nation*, avec cela,

La ville de Versovie n'avait été pour rien dans le mouvement revolutionnairo; si quelque populace s'était jointe aux révoltés en faisant beaucoup de bruit dans les rues, la bourgeoisie proprement dite était plutôt contraire que favorable à cet événement. Nous en eûmes une preuve bien palpable lorsqu'á l'époque de la bataille de Grochovo, la municipalité, ayant M-r Wegrzecki à sa tête, vint demandcr au Gouvernement quo la ville de Varsovie fut reconnue neutre. La garde nationale composée de quelques mille hommes bien armés, ainsi que le garde de sûreté, ne s'est jamais souciée de prendre part aux combats, qui se livraient aux barrières de la ville, et notamment lors du dernier assaut. Cependant le lendemain de la nuit du $^{17}/_{29}$ Novembre toutes les troupes Russes et une partie des troupes Polonaises, qui formaient la garnison de Varsovie, ainsi que des militaires isolés, s'étaient ralliés à Monseigneur. Le mouvement de Varsovie n'avait été certainement pas plus serieux dans l'orgine que celui de St.-Pétersbourg l'an 1825. Si à Varsovie on eut fait entrer en ville les troupes dout on pouvait disposer, si on eut suivi l'exemple de courage donné par Sa Majesté dans une occasion semblable, la révolution était ettouffée dans son germe. Les troupes Polonaises, qui de toutes parts étaient en marche, s'etaient mises en mouvement pour la plupart sur des ordres de Monseigneur et leur obéissaient.

Voilà que tout à coup on apprend, que le commandement de l'armée se trouve entre les mains du G-l Chlopicki, et que Monseigneur, après avoir renvoyé les Polonais, accompagné des troupes Russes, se trouvait en marche pour evacuer le royaume. Cette retraite détermina la révolution. Force fut à tout le monde de se rallier à une autorité. On reconnut unaniment celle du G-l Chlopicki. Ici qu' il me soit permis de réclamer un sentiment de bienvéillance pour ma nation.

Quelques exaltés avaient demandé à grands cris qu'on désarmât les troupes Russes, et que l'on retint Monseigneur en ôtage, ce qui eut prouvé à l'insurrection les avantages d'une première victoire. Et la chose paraissait assez facile à éxécuter, les troupes Russes, surprises inopinément par les événements, se trouvant sans vivres, sans fourrage, sans argent, sans moyens pour passer la Vistule, tandis qu'il y avait des troupes Polonaises dans le Palatinat de Radom, et dans le palatinat de Lublin une division d'infanterie, une division de cavalerie, et d'artillerie. Mais Monseigneur en avait appelé à la loyante polonaise, pour obtenir sa libre sortie avec les troupes qui l'accompagnaient. L'opinion publique guidée par cette considération, imposa silence au très petit nombre des exaltés. Le Dictateur mit le plus grand soin à faciliter la sortie de Monseigneur; arrivé à cette époque à Varsovie, j'ai été témoin de toute sa sollicitude à ce sujet. Les troupes russes employèrent plusieurs jours à passer la Vistule par détachements à Pulawy, sur le petit nombre d'embarcations qui se trouvaient en cet endroit. La Princesse Czartoryiska mère y fit une avance en argent, dont son Altesse Impériale avait le plus grand besoin. En traversant le P-t de Lublin Monseigneur rencontrait des volontaires isolés et des recrues qui se rendaient sous les drapeaux Polonais. Il se les faisait amener. Il leur parlait leur disait de remplir leur devoir et même leur faisait donner quelque argent.

fort de l'ascendant illimité que lui donnait son poste qui l'étayait du nom du Souverain, et de celui du Grand Empire, appuyé en outre de la protection spéciale de S. A. J. M-r le G. D. Cesarzevicz; le Commissaire Impérial, disons nous, avait pris à tâche de provoquer constamment des mesures contraires aux volontés patentes de l'Empereur, et qui déconsiderait complètement le conseil qui se trouvait dans le cas d'être l'organe de leur éxécution. Le seul Prince Lubecki avait été dans une opposition constante avec M-r de Novosiłzow; sa vie entière consacrée au service des Empereurs de Russie, et les services qu'il ne cessait de leur rendre, par les résultats qu'il obtenait dans la direction des finances du Rayaume, tout en rendont aussi les services les plus signalés aux habitants, lui avaient permis de déployer toute la fermeté de son caractère. Toutefois ces contestations continues, où le Prince Lubecki était loin d'avoir toujours le dessus, et dont les details se répandaient dans le public, avaint elles même contribué à faire naitre l'aigreur, et à propager l'exasperation.

Pour donner une idée de ce qui se passait daus le conseil, je citerai deux faits, dont je puis garantir l'authenticité.

Une fois, le Commissaire Impérial avança en plein conseil que la trahison et le parjure envers le souverain était le péché originel, dans lequel tout Polonais était né.

Une autre fois, il provoqua un arreté par lequel le conseil d'administration, se faisait l'interprête de toute la nation Polonaise, adressait une pétitiou à Sa Majesté l'Empereur et Roi, pour le supplier de révoquer les institutions accordées par sa munificence au Royaume, vû que les habitants de ce dernier étaient trop peu avancés en civilization pour pouvoir en jouir. Le Prince Lubecki avait été absent lorsque cet arrêté fut pris. Quand il reparut au conseil, il eut à ce sujet une violente discussion avec la Commissaire Impérial, à la suite de laquelle la fueille du protocole qui contenait l'arreté fut dechirée, et la décision consideréé comme non avenue. Il est facile de se representer l'effet que devait produire dans le public la connaissance de paréils incidents.

En citant de tels faits, je déclare que mon intention n'est pas d'elever des récriminatios, ni d'accuser qui que ce soit. Je désire uniquement jetter du jour sur les événements ainsi qu'il m'est demandé.

[1]) Cet emprunt fut renvoyé à la Princesse, dès que S. A. J. fut arrivé au delà du Bug.

La révolution Polonaise n'á été empreinte d'aucun sentiment de haine nationale contre les Russes; j'en appelle à la conscience de tous ceux que le sort des armes a fait tomber en notre pouvoir, et qui pendant plusieurs mois sont restés prisonniers de guerre. Ils ont été généralement traités avec tous les égards dus au malheur. Il n'y a jamais eu non plus dans la nation, ni dans l'armée aucune animosité contre le Souverain. Mais aussi il faut le dire pour expliquer tout à fait la spontaneité du mouvement révolutionnaire, peu connu dans l'entérieur du pays. Son nom sacré n'y était pas environné de tout le respect et de la vénération qui Lui sont dus, car l'autorité même sous qui tout était courbé, et dont le pouvoir émanait de l'Empereur, prenait à tâche de déprécier celle du Souverain, soit par une opposition hautement annoncée à des ordres suprêmes, soit par des propos d'une nature toute particulière [1]). Cependant j'ose l'affirmer dans le fort de ma conscience, si dans le commencement de la révolution, il se fut trouvé parmi les personnes approchant Sa Majesté, et investies de sa confiance, un ami devoué de Son Souverain, et connaissant ma nation autant que je la cannais, qui eut osé Lui donner le couseil de venir se présenter inopinément au milieu de nous, comme Elle jugea à propos de le faire à Petersbourg et à Novgorod, je proteste que les armes seraient tombées des mains des plus mutins, et tout le monde aurait à genoux attendu ses ordres Souverains.

Mais il faut encore le dire, depuis Kalish jusqu'à Vilna et Krzemieniec il existait beaucoup de germes d'exasperation. Ce qui pendant quinze ans avait eté semé à faison, se developpa maintenant de tous les côtes avec rapidité. De la ce mouvement spontané et universel qui rendit la révolution nationale et qui une fois qu'elle fut terminée, reveilla dans les coeurs des idées d'independance, qui avaient été assoupies, mais non étouffés. Alors tout ce qui en Galicie et dans le Duché de Posen était libre et indépendant par sa position sociale accouru dans des rangs fraternels, offrir le secours de son bras [2]). La marche ultérieure des evenements exalta les esprits; une soumission entière et sans aucunes conditions devint bientôt impossible à proposer seulement chez nous; et d'une autre part, Sa Mejesté ne pouvant en aucune façon, pour la dignité de son trône, entrer en composition avec des gens qui n'etatient pour lui que des rebelles, la guerre devient inévitable.

Le conseil d'administration, malgré sa nouvelle composition et son changement de nom, sentait sa faiblesse, et redouter en outre d'accepter la responsabilité des evenements dans des circonstances tellement grâves, il convoqua la diète. Mais le terme de sa convocation, quoique très rapproché, lui parut encore trop long. Le Prince Lubecki engagea le G-l Chlopicki à se proclamer Dictateur Celui-ci, désigné par l'opinion publique, dès le premier jour de la révolution, pour le commandement de l'armée, n'avoir d'abord voulu se mêler de rien, avait enfin accepté le commandement, et maintenant, pour empêcher l'anarchie, se résigna à être dictateur jusqu'à la réunion de la diète seulement.

La diète, à quelques exceptions près, était composée de gens moderés et estimables dans leur vie privée. Et cependant on peut lui faire de grâves reproches. Comment s'est il fait qu'une assemblée composée d'individus modérés, ait tenu dans plusieurs circonstances une conduite, qui par ses membres eux mêmes fut blâmée et taxée d'exaltation? Je voudrais pouvoir expliquer cette contradiction apparente. La diète sentait qu'approuver la révolution (qui d'ailleurs avait déjà acquis de la consistence), c'eut été sanctionner en quelque sorte et l'égaliser par les représentants de la nation tout ce qui formait les griefs des Polonais. D'un autre côté, le mot d'indépendance nationale avait été de nouveau prononcé; ce mot faisait vibrer les coeurs et relachait les liens du serment de fidélité, chez une génération dont les destinées avaient été si changeantes, dont une partie née encore Polonaise, avait du consécutivement prêter serment au Roi de Prusse, ou à l'Empereur d'Autriche et au Roi de Saxe. Enfin l'exemple récent de la France et de la Belgique éxercait son influence. Dans cette perplexité la diète n'eut pas demandé mieux que de ne pas avoir à prononcer en laissant toute la conduite des événements au Dictateur, mais le G-l Chlopicki ne se souciait pas non plus d'accepter cette immense responsabilité. Il en resulta un mezzo termine. La révolution fut reconnue, et le G-l Chlopicky continné daus la dictature, avec l'adjonction d'un conseil de la diète pour surveiller ses opérations, ce qui était une anomalie. Au milieu de toutes ces incertitudes, il était devenu difficile à quelques meneurs de s'emparer de la direction des déterminations de la diéte. Lorsqu'il fut bien prouvé qu'il n'y avait de choix qu'entre une soumission sans restrictions ou la guerre, on crut que cela équivalait à un choix entre une ruine presque certaine et la honte; on se résigna à la premiére.

[1]) Je puis en parler avec connaissance de cause, car il m'en a été adressé dans de grâves circonstances, qui m'ont rempli de stupeur.....

[2]) Des citoyens du Duché de Posen témoignèrent au nom du P-ce Sulkowsky qu'il n'attendait qu'un mot d'invitation pour accourir dans les rangs Polonais. Le P. Radzywill, alors commandant en chef, lui écrivit en conséquence. La chose en resta là. Je crois que le P-ce Sulkowski s'attendaint à être appelé au commandement, croyant tout autre emploi au dessous de sa dignité. Le G-l Autrichien G—sky offrit aussi ses services.

L'idée du G-l Chlopicki, ainsi que l'avait été celle du P-ce Lubecki, fut de conserver l'autorité de Sa Majesté dans le pays, mais en même temps d'obtenir le redressement des griefs, et des concessions auxquelles ont croyait avoir des droits, et que eux, et le dernier surtout, croyaient être dans l'interêt du Souverain. Ils se sont trompés; la chose était de toute impossibilité tout que nous avions les armes à la main; le retour de Wylezinski, en fournit bientôt la preuve. Cependant Chlopicki prevenu de cette idée, ne donna pas aux préparatifs militaires tout le developpement que permettait l'élan universel. Il laissait faire plutôt qu'il n'ordonnait, et il évitait autant qu'il le pouvait, les mesures qui eussent pu eprouver des difficultés á être ratifiées par l'Empereur, comme p. e. des nominations dans l'armée (excepté cependant pour les grades de sous lieutenants auxquels furent promus les porte-enseignes, mesure rendue indispensable par l'augmentation des cadres). Chlopickl n'usa seulement pas des son autorité dictatoriale, aussi la révolution devint elle plus forte que lui. Il y perdit son pouvoir dont du reste il ne se souciait guère.

Je connais fort peu les détailes de tout ce qui s'est passé à Varsovie jusqu'au commencement des hostilités. Appelé par le dictateur [1]) à son état major, je me consacrais exclusivement à la partie militaire. Convaincu que la guerre était devenue inévitable, que pour nous la possibilité de la faire dependait de la possession de Varsovie, et qu'à la longue il nous serait difficile, pour ne pas dire impossible, d'empecher l'armée Russe, vu sa grande superiorité, de venir attaquer cette ville par la rive gauche, je lui présentais un travail où je lui soumetais un projet pour la mettre en état de défense; j'y demandais aussi que l'on fit venir pour son armement toute l'artillerie qui était superflue à Zamosc, et que l'on amoncelât dans Varsovie des approvisionnements de vivres et de fourrage, afin d'avoir à tout événement un centre d'opérations solide. Le Dictateur soumit ce projet à un comité composé d'officiers d'artillerie et du Génie, par qui il fut approuvé, et nommément par les Genéraux Redel et Bontems. Mais il fut rejetté sous aucun examin par le G-l Malletski, qui avait d'abord accompagné Monseigneur le Grand Duc, avait été arrété à Pulawy, envoyé a Varsovie sous escorte, et venait maintenant de reprendre son service de Chef du Génie et en outre commandement du Quartier-maître.

Pour le succès de mon projet j'aurais du, ménageant l'amour propre de Malletski, chercher à le gagner d'abord, et faire proposer par lui mon travail. Mon projet fut mis de côté et moi par dessus le marché relégué un peu plus tard dans une espéce d'exil à Zamosc, en qualité de vice-commandant, par Chlopicki qui n'aimait pas les faiseurs de projtes et dont le caractère irritable éxigeait de grands ménagements de la part de ceux qui l'approchaient. De la même manière fut envoyé à Modlin Chrzanowski qui avait occupé cette même place immédiatement aprés l'explosion de la révolution [2]), et revenu à Varsovie, présentait aussi des projets, et particuliérement un projet pour l'organisation de notre armée...

Pendant que j'étais occupé à mettre la place de Zamosc en état de défense, avaient lieu à Varsovie les réunions de la diète, dont je n'ai pas été témoin. Je ne puis cependant m'empêcher de faire mention de l'acte, qui proclama la vacance du trône, acte d'une véritable demence. Il n'a guère été discuté ni meme voté. Proposé par uu seul nonce, et appuyé par un autre, il fut applaudi par les exaltés pui se trouvaient dans les tribunes, et l'on admit que le silence des membres de la diète devait être pris pour un assentiment. De cette manière la malheureuse déchéance fut enlevée au grand etonnement de tout le monde.

Les auteurs, qui vraisemblablement en se rendant à la séance n'avaient par eux-mêmes une idée bien précise de l'oeuvre qu'ils allaient consommer, voulurent étendre la solidarité de cette action sur un grand nombre d'individus. On exigea des signatures d'adhésion, qui furent données avec une extrême légereté par la peur que l'on avait de paraitre avoir peur en la refusant. Nous aurons encore l'occasion de voir de pareils effets produits par la même cause, dans la conduite de la diète qui souvent déploya une grande faiblesse par la crainte de manquer de caurage. Chose singulière! Lorsqu'on parlait avec les membres de la diète en particulier, ils désapprouvaient souvent individuellement ce qu'ils avaient accepté en masse. Et cependant de pareils phenomènes n'ont rien d'extraordinaire pour quiquonque observe la conduite des assemblées déliberantes dans tous les pays, et surtout dans les temps de crise. Chez nous, pendant l'année 1831, le language officiel a souvent differé de l'opinion publique et des sentiments des individus.

Je puis assurer de la manière la plus positive, que l'esprit démagogique était étranger à la masse de la nation, de l'armée et de la diète. Cette dernière dans sa séance du 26 Janvier refusa unanimement de recevoir une adresse de la société partiotique, précisément à cause de l'exaltation qui se manifestait

[1]) Je suis forcé de désigner les individus par les grades et emplois qu'ils ont occupé pendant la révolution pour éviter des obscurités et des anomalies. En effet comment pourrait il être dit p. e. «Le colonel Skrzynecki donna les arrêts au G-l de D-on Krukowiecki et ôta le commandement au G-l Uminski..., le L. colonel Chrzanowski ordonna aux Généraux Sierawski et Dziakonski»...

[2]) Les relationz ont attribué ce fait à Louis Kicki. Il est vrai qu'il était de l'expedition, mais ce fut reellement Chrzanowski qui la dirigen.

dans cette dernière. Et lorsque Chlopicki à peine devenu dictateur fut insulté par uu jeune fanatique, on s'empressa de lui témoigner de tous côtés toute l'horreur que l'on éprouvait pour le coupable et son délit. Parmi les adresses qu'il reçut à cette occasion, je ne citerai que celle des habitants du Palatinat de Plock, parcequ'elle contient l'expression des sentiments universels à cette époque.

«Le comité de sûreté publique, le conseil du Palatinat, la Garde nationale cet les citoyens de Plock, «au Dictateur.

«Au milieu de nombreuses occupations, nous temoignons en peu de mots: que tout le Palatinat de «Plock est contraire à des menées démagogiques, qu'il soutiendra les opérations du Dictateur, et qu'il «poursuivra les démagogues de toutes ses forces morales, les armes à la main, et en sacrifiant les for-«tunes. Vive la Pologne, périssent ses ennemis de tous genres».

Il se manifeste il est vrai un excès d'exaltation dans la société patriotique et dans quelques fueilles périodiques, qui nous a fait le plus grand mal, sous bien des rapports. Il était presque impossible que dans une telle fermentation, il ne se rencontra pas des têtes chaudes. La nation désavoue leurs sentiments. D'ailleurs elles n'ont en d'importance que celle que la faiblesse des autorités leur laissa prendre. Elle était cependant si petite que moi, qui certes ne me crois pas doué d'une énergie de caractère très particulière, j'ai demandé à plusieurs reprises le poste de Gouverneur de Varsovie (la ville se trouvait eu état de siège) pour huit jours seulement, et je me faisais fort de dissoudre la societé patriotique et de suspendre la liberté de la presse, qui n'étanf pas contenue par des lois repressives, dégénerait en une grande licence. Skrzynecki me répondit par des phrases de son malheureux journal l'*Avenir*, dont il était alors engoué. Bien loin de la, en acceptant des adresses de cette societé, et en lui répondant, il contribua à lui donner de l'importance. Outre cette seule société, pas un clnb n'a été formé dans tout le pays. Quand anx horreurs qui ont été commises à Varsovie le $^{3}/_{15}$ Aout nous en parlerons en son lieu.

Dans la crise où se trauvaient les Polonais, il aurait fallu plus que jamais que tous les pouvoirs fussent concentrés dans les mains d'un seul individu, soit pour faire la guerre, soit pour ramener la nation à l'autorité de Sa Majesté. Le G-l Chlopicki, par son grand caractère, sa réputation militaire, toute sa conduite antérieure, était l'homme propre à posseder cette autorité, mais aussi parmi tous les Polonais, il était le seul. Dés le premier jour de la révolution l'opinion universelle l'avait designé; et lorsqu'il se retrouva nanti du pouvoir sans bornes, il fut spontanément entouré d'une confiance générale, avec cela on le craignait, et c'etait nécéssaire. Mais comme nous l'avous déjà dit, le G-l Chlopicki n'usa pas de la plénitude de son pouvoir; et lorsqu'il se fut désaisi de l'autorité, on crut, avec quelque apparence de raison, que s'étant trompé sur le compte de Chlopicki, il n'y avait personne à qui l'on put accorder une confiance aussi illimitée. On établit donc un Gouvernement composé de cinq membres, qui pendant toute son existence n'à deployé que de la faiblesse. A côté de ce gouvernement on créa la charge de Généralissime, qui ne pouvait être nommé et révoqué que par la diète, et qui faisant partie du Gouvernemeut devait en quelque sorte en dépendre, mais dans le fait se trouva tout à fait maitre de ses actions, imposait autant qu'il le voulait à ce simulacre de Gouvernement, qui se trouva, par sa seule position vis à vis du chef de l'armée, une autorité sans considération. On voit combien cette combinaison était vicieuse; elle exerca une influence funeste sur la marche des événements. A côté de cela l'existence de la diète qui se declara en permanence crut faire merveille en se réservant la conduite des affaires, devint un véritable malheur, ainsi que nous aurons l'occasion de le faire observer plus d'une fois.

Après que Chlopicki eut quitté le pouvoir, le plus important était de donner nn chef à l'armée. Malheureusement après Chlopicki, on ne connaissait personne qui fut à la hauteur de cette place, surtout dans les circonstances. Krukowiecki, Szembek, Skrzynecki et plus tard, lorsqu'il fut arrivé, Uminski, l'ambitionnaient plus ou moins ostensiblement. Dans l'armée et dans le public on désignait en outre Rybinski, Kolaczkowsky, Chrzanowski et moi. Ceux qui avaient fait la révolution auraient desiré élever au commandement Zaliwski ou Sierawski. Plus tard Ladislas Zamoyski, Ramorino et Bem se sont aussi trouvé momentonément sur les rangs pour la place de Généralissime. Aujourd'hui que les événements ont montré la portée des individus, je suis plus que jamais convaincu que le G-l Chlopicki était le seul capable d'être le chef. Pour lors, aucun de nous, excepté lui, n'avait eu l'occasion de montrer l'étendue de sa capacité, car nous n'ávons fait la guerre que dans des grades inférieurs, et la conduite d'un chef de batallion peut elle jamais donner la mesure poor la valeur d'un général d'armée?

Il fallait donc choisir à peu prés au hasard. La diète après avoir recueillie l'opinion d'un grand nombre de militaires de tout grade présents à Varsovie, nomma le Prince Michel Radziwill, brave homme autant qu'on peut l'être, mais absolument nul pour l'énergie et les moyens; ce qui était assez connu. Je ne saurais jusqu'à présent m'expliquer ce choix si singulier, qu'en admettant que ceux qni ambitionnaient le commandement de l'armée, et qui craiguaient de le voir tomber en des mains rivales, préférèrent le voir entre celles d'un homme qu'ils éspéraient mener et plus tard supplanter.

Le Prince Radziwill accepta le commandement par résignation, déclarant qu'il le céderait au premier qui se présenterait plus capable que lui. Du reste défiant en ses forces il voulut réunir autour de lui les officiers qui jouissaient de quelque réputation d'instructiou. Ce fut par cette raison que Chrzanowski et moi fûmes appelés de nos exils. Moravski fut appelé à l'état major en qualité de général de service; Mrozinski remplissait les fonctions de Chef d'état major géneral dès le commencement de la révolution et moi, designe pour remplir les fonctions de quartier maitre général, je me trouvais dès ce moment en possession du service qui avait rapport à la direction des opérations.

Avant de commencer le récit des événements militaires, il convient de jetter un coup d'oeil sur les forces qui allaient s'entre-choquer. L'armée Polonaise se composait jusqu'au moment de la révolution de 13 Régiments d'Infanterie, à deux batallions, de 9 Regiments de cavalerie, de 9 batteries d'Artillerie, deux demi compagnies pour le service des fusées à la Congrève et un batallion de troupes du Génie. Son total depuis la création du Royaume de Pologne ne s'était jamais elevé a 30,000 hommes présents sous les armes. Lors de la révolution elle ne renfermait dans son sein qu'un petit nombre des anciens militaires du Duché de Varsovie. Généralement l'autorité ne les aimait pas; le hommes d'un certain caractère, et ceux qui s'occupaient d'une instruction autre que le réglement, u'etaient pas non plus en faveur. Ils avaient pour la plupart été mis de côté, ou de leur propre mouvement ils avaient quitté le service. Dorénavent les chefs de régiments et des batteries étaient des gens qui consideraient le service uniquement comme un moyen d'amasser quelque fortune par l'administration qu'ils avaient en mains, et leur corp com une espèce de starostie. Et quand aux généraux c'étaient presque généralement des gens usés, qui n'envisageaient leurs places que comme des sinécures, qui leur procuraient les moyens de terminer leur carrière d'une manière aisée.

Et dans cette pénurie de chefs, par un véritable vertige des revolutionnaires, nous fûmes encore priveés de plusieurs généraux qui auraient pu être de la plus grande utilité à la cause, par leurs moyens ou leur bravoure. C'est ainsi que Blummer, Trembicki et Siemiatkovski avaient été indignement assassinés, Kurnatovski repoussé, et lorsque Vincent Krassinski, qui certainement ne manque ni de bravoure ni de moyens, vint offrir ses services, à la cause de la révolution, en protestant par serment de son dévouement, on lui répondit en lui présentant une corde; et ce ne furent que les efforts de Chlopicki et Szembek qui parvinrent à le sauver. Exemple frappant de l'inconséquenee des opinions populaires! On reprochait à grands cris sa conduite dans le jugement de la diète, à Krassinski qui venait bravement se présenter au peuple, et l'on accueillait favorablement Skrzynecki, lorsqu'aprés s'être caché pendant les premiers jours de la revolution, il se montra enfin dans les rues et l'on ne pensa pas à prendre note de la conduite qu'il avait tenue dans le jugement de Lukasinski; conduite à la quelle on pourrait cependant trouver encore plutôt à redire, qu'à celle de Krassinski en paréil cas.

L'instruction dans l'armée polonaise se réduisait à l'exercice, et notamment à l'école de batallion et d'escadron. S'agissait-il de faire manoeuvrer plusieurs bataillons ou escadrons, c'était toujours sur le même terrain, d'aprés un programme minutieusement arrêté d'avance, et même après des répetitions.

L'armée polonaise n'avait absolument pas d'état major, dont tout le service était concentré jusqu alors dans la personne du G-l Kourouta; les généraux Tulinski, Siemiatkovski et Hauke n'avaient été que titulaires des emplois de Chef d'état major et de Quartier-maitre général.

Nous avions, il est vrai, un corps du quartier-maitrât nombreux; mais si une partie des officiers qui composaient avaient de la capacité, le reste avait été pris au hazard, ou par des motifs de protection.

Ce corps était employé spécialement au levé de la carte du royaume, sous une trés mauvaise direction, et à d'autres travaux, qui, en partie, n'étaient pas même du ressort militaire. Mais l'instruction de ce corps était tout à fait negligée. Dans les années 1816—1818, nous avions donné en hivers des cours aux officiers sur différentes parties de l'art de la guerre; mais le G-l Hauke crut s'apercevoir que cela deplaisait à Monseigneur, et les cours cessèrent. Au reste, jamais on n'a su chez nous, et notamment pendant cette guerre, qu'elles etaient les attributions et les devoirs des officiers de quartier-maitrât, et en général des officiers de l'état major. Moi, quartier-maitre général, j agissais dans la latitude que je me donnais moi-même, ou qu'on me laissait prendre. Il en était de même du reste des officiers d'état-major.

Les corps du quartier-maitrât, de l'artillerie et du Génie étaient alimentés par l'école d'application, organisée avec blaucoup de soin, et qui avait de très bons professeurs. Mais tout le bien que cette école aurait pu produire était paralysé par les mesures qui depuis plusieurs années avaient été adoptées envers les élevès [1]).

[1]) Pour tout le temps que durait le camp, on les envoyait un à un dans les compagnies des r-ts d'infanterie, pour y faire le service de simple soldat dans toute sa rigueur. Les élèves y oubliaient ce qu'ils avaient appris pendant l'hiver et gagnaient des maladies honteuses. Hauke, Sovinski, Kolaczkovski, les chefs de l'école, étaient au déséspoir. Le dernier engagea la Princesse de Lowicz à interceder pour qu'elle fut révoquée—ce fut en vain.

D'ailleurs la meilleure école militaire ne saurait fournir que des écoliers; c'est dans les corps, c'est au service actif, que les écoliers doivent être transformés en officiers, en militaires.

Mais, c'est surtout la discipline qui était la partie faible de l'armée polonaise; à vrai dire il n'y en avait pas malgré l'ordre apparent et la tenue, pour lesquels elle avait acquit une réputation Européenne. J'entends parler de cette discipline raisonnée, solide et basée sur des institutions stables, qui fait que tous lés grades de la hierarchie sont assuré de respect et d'obéissance de la part de tout inférieur et de considération de la part des supérieurs, sans quoi, il ne saurait y avoir d'état militaire bien constitué. Dans l'armée polonaise tous les grades avaient été confondus dans la terreur qu'inspirait le chef, et le G-l Kourouta lui-même, la seconde personne de l'armée, n'était pas exempt de cette régle générale. Un lieutenant manquait il dans le service à son colonel ou à son général il pouvait en résulter pour tous les deux, et même pour des tiers, quelquefois pour des délits très légers, des conséquences tellement gráves, que tout le monde offenseurs et offensés, unissait ses efforts pour cacher la connaissance de l'évéement; c'était une solidarité générale. Arrivait-il qu'un supérieur à qui son inférieur avait manqué, en prit notice et le livrât à la vindicte de l'autorité, il devenait aussitôt l'objet de l'animadversion publique. Cet état de choses fit, que l'autorité de Monseigneur, qui seule maintenait l'ordre, ayant été tout à coup brisée, les chefs se trouvèrent sans considération ni autorité sur les corps. Qui plus est, un grand nombre fit d'adord mis de côté par le mouvement révolutionnaire, soit à cause de leur impéritie et de leur nullité absolue, soit à cause des malversations qu'ils s'étaient permises dans l'administration. Et plus on avait été comprimé jusqu'alors, plus la tendance au relâchement devint grande. A l'époque de la révolution l'armée Polonaise évait bien organisée pour des parades, mais non pas, à coup sûr, pour la guerre. L'enthousiasme qui se manifesta pouvait-il est vrai suppléer quelque temps au manque de discipline, mais jamais à la longue. L'enthousiasme s'evapore tout aussi vite qu'il se forme, un revers le détruit. Une discipline adaptée au genie national et consolidée par le temps, et par des institutions traditionnelles, uue discipline telle que celle qui régit les armes Russes, et qui fut aussi celle des Romains, est à l'épreuve de la bonne et de la mauvaise fortune. Avec une telle discipline une armée peut éprouver des revers, être commandée par des généraux médiocres, et encore avoir en définitive gain de cause. Il faut toutefois excepter le corps lithuanien. Mais c'est qu'il sortait du même commandement que l'armée Polonaise, les mêmes causes y produit les mêmes effets. On sera donné de voir par la suite de notre reçit combien peu d'effort nous coûta le deroute de ce corps dès qu'il eut eprouvé un premier echec. Et ce n'est pas (comme l'ont avancé plusieurs généraux pour disculper leurs défaites) à la lâcheté ou à la trahison qu'il faut attribuer la catastrophe de ce corps. Il avait combattu à Grochóv tout aussi brâvenement que le reste de l'armée Russe; nous n'y avons jamais eu aucune inteligeance, et pas un individu n'eu passa à nous dans les journées de Wawer, Dembé et Kaluszyn.

Beaucoup de prisonniers natifs des Gouvernements Polonais prirent, il est vrai, service dans nos rangs; mais jusqu'au moment d'être pris, ils s'étaient bien battu, et c'est sans aucun doute le manque d'une veritable discipline qui amena la catastrophe de ce corps, dèsqu'il eut été une foi entamé. Les Polonais subirent les mêmes tristes effets, dès que le malheur s'attacha à eux. La dissolution fit alors de rapides progrès. Pour établir la discipline dans l'armée Polonaise, il eut fallu dès le commencement une main très vigoureuse, et il eût encore fallu que cette même main continuat à conserver le commandement pendant la durée de la crise, au milieu de laquelle des changements fréquents dans le commandement sont nuisibles quelquefois funestes. Le seul Chlopicki aurait pu éxécuter cette oeuvre, mais il s'était démis du commandement. Dans la première période de la campagne, il n'a jamais voulu oublier qu'il ne se trouvait à l'armée qu'en simple volontaire, et jamais n'a voula usurper sur les droits et prérogatives du Prince Radzywill. Lorsque Skrzynecki parvint au commandement, la discipline tomba tout à fait en peu de temps.

Si, d'une part, un grand nombe de chefs et même des officiers de tous grades se trouvèrent mis de côté, d'une autre part nous triplions notre état militaire par la formation des 3-e et 4-e batallions, des 5-e et 6-e escadrons, et par la création de nouveaux régiments. C'était tout bonnement une armée nouvelle qui se créait, dont l'ancienne formait le noyau, mais qu'il fallait réfondre. Nous eûmes le secours de beaucoup d'anciens officiers du duché de Varsovie, mais en grande partie ils avaient perdu l'habitude du service. Une jeunesse nombreuse arrivait de tous côtés de la Galicie et du Duché de Posen, remplie de zèle et de bonne volonté; mais dans le fait ce secours ne pouvait pas être pour nous d'une importance décisive. Tous ces jeunes gens novices au métier de la guerre étaient des aspirants aux grades d'officiers; et ils les obtenaient, peu à peu; parégards et par protection, au lieu qu'on aurait du en former plutôt des corps francs. Nous finîmes par être surchargés d'un nombre prodigieux d'officiers qui devinrent un véritable fardeau.

Les secours de la France se bornèrent, malgré le grand bruit qui se faisait en faveur des Polonais dans les rues de Paris, à un très petit nombre d'officiers. Les plus remarquables furent: Ramorino, qui arriva aprés la bataille de Grochón et Langenmann qui vint à l'époque de l'expedition de Tykocin. Ils étaient braves et très capables de commander une brigade d'Infanterie, mais leurs moyens n'allaient

pas au delà. Ramorino, par la conduite qn'il a tenue dans la dernière époque de la guerre, a puissamment contribué à la chute définitive de la cause qu'il était venu défendre, et lui a causé plus de mal que ne lui ont fait de bon les services réunis de tous ces officiers. Langermann avait de l'instruction. Je suis fondé de croire que secrètement il était envoyé par le gouvernement Francais avec un caractère semi-officiel. Organiser une nouvelle armée de tous ces éléments, placer chacun convenablement d'après sa capacité et en ménageant les prétentions et les amours propres et celà au moment même de commencer les hostilités contre uu adversaire formidable, et même tout en lui faisant la guerre, n'était pas chose facile, et encore la direction de cette opération passait—elle de mains en mains, et beaucoup de monde s'en mélait. Le ministre de la guerre était une nullité. Mais il y avait à la commission de la guerre un homme de beaucoup de capacités. Le G-l Rautenstrauch, éliminé du Conseil d'administration, s'était consacré aux travaux de la commission de la guerre. C'est grâce à l'activité qu'il déploya avec entendement à l'organisation des forces Polonaises, qu'elles se trouvèrent en état de reçevoir le choc de l'armée Russe, au moment aù il eut lieu. Et cependant on se priva des services de ce Général lorsqu'ils étaient les plus nécéssaires. Il ambitionnait la place de Ministre de la guerre, on la conféra à son inférieur le G-l Morawski; son amour propre blessé le porta à se renfermer chez lui.

Le secours qu'apportait l'affluence des volontaires de la Galicie et de Posen, était plus que composé à notre désavantage par la neutralité de l'Autriche et de la Prusse, toute hostile à notre égard. Elle isolait les Polonais du monde et les privait de tout moyen de se procurer des chevaux, des armes et des munitions, objets dont ils eprouvaient une grande pénurie. Tandis que cette même Prusse, en facilitant à l'armée Russe le passage de la Vistule près de Thorn, contribua d'une manière décisive à accélérer lenr chute. Dès le commencement de la révolution, des habitants du Duché de Posen avaient proposé au Dictateur de faire venir la presque totalité des *Landwehrs* da ce Duché tout armés. Il refusa; soit qu'il craignit de se compromettre avec la Prusse, soit que preoccupé encore de l'idée de pouvoir conserve la paix, il voulut éviter une démarche tellement décisive. Le Gouvernement Prussien, de són côté ne tarda pas a prendre à l'égard de la force armée de Posen des mesures qui rendient impossible toute tentative de sa part.

L'artillerie Polonaise était d'uue disproportion effrayante, comparativement à celle de l'armée Russe. Quant au personnel, on forma à Varsovie pour cette arme un bataillion de reserve et d'instruction d'au de là mille hommes, que l'ont tint constamment au complet, et qui fournit pendant toute la guerre au service des batteries que l'on parvint à organiser, et à remplacer les pertes occasionnées par les combats. La grande aptitude de nos soldats, et la bonne volonté générale faisaient que, malgré le peu de temps que l'on pouvait donner à l'instruction, il sortait de ce bataillon des artilleurs très passables. Mais, c'était pour le matériel que l'on éprouvait la plus grande pénurie, et des difficultés presque insurmontables pour faire face aux besoins des circonstances. Malgré toute l'activité deployée dans l'arsenal de Varsovie, le seul que l'on eut, jamais on ne parvint à avoir au delà de cent cinquante bouches à feu de campagne attelées; surtout à cause des difficultés qui, malgré les ressources de Varsovie, s'opposèrent constamment à l'etablissement trop hâtif d'une fonderie de canons. A peine quelques pièces nouvelles, assez imparfaites, purent être employées et ce ne fut qu'à l'époque de le chute de Varsovie qu'on était enfin parvenu à avoir quelques résultats satisfaisants. Des difficultés semblables s'opposaient également à la prompte création de fabriques d'armes à feu. Celles qu'on improvisa suffisaient à peine aux réparations.

Jusqu'à la fin de la guerre, nos régiments d'infanterie de nouvelle formation, n'ont pu être complètement armés de fusils. Notre principale ressource pour nous en procurer—c'était le champ de bataille, si le combat nous était favorable. Quaut aux faux et piques, cette guerre nous a denouveau prouvé qu'elles sont nulles contre la mitraille et le feu d'infanterie; elle nous a denouveau demontré que le fusil surmonté d'une baïonnette uniforme, dans l'état ou se trouve aujuoud'hui l'art de la guerre, est l'armement le plus parfait de l'infanterie.

Le Génie avait commencé ses travaux au fort de l'hiver sous la direction de son chef le général Malletski. Mais celui-ci voyant après la bataille de Grochów, que nos affaires prenaient un sinistre aspect, se mit prudamment be côté en employant pour cela mon crédit, et il substitua à sa place le colonel Kolaczkowski, qui, tout deses peré qu'il était de l'explosion de la révolution, n'en deploya pas moins avec résignation une grande activité et beaucoup de talent dans la direction de ce service. Les travaux que le génie executa durant cette année, dès l'hiver, sont immenses. La place de Modlin complètement negligée, et qui croulait de toute part, fût remise en état, et ensuite renforcée d'un bon camp retranché et de deux têtes-de-pont. Le tête-de-pont de Prague fût également reconstruit et precedé d'un fort camp retranché. Zamósc fut mis en état de defense. Des têtes-de-pont fûrent construits a Potycza et à Sierock. Malgré nos moyens très bornés pour cet objet, des ponts flottants fûrent constrnits dans le couraut de la campagne, près de l'embouchure du Wieprz, a Potycza à Modlin, à Sierock, Kamienczyk, sur le Niemen, sans compter

beaucoup d'autres ponts moins considérables, construits à neuf ou restaurés. Mais les plus grands travaux du génie furent pour la défense de Varsovie, dont nous traiterons plus du long, lorsque nous viendrons à parler *de la chute* de cette ville. L'administration de l'armée Polonaise s'était trouvée entre les mains des colonels. Maintenant il fallait-en improviser une pour la guerre. Le choix des personnes dans cette partie fût très malheureuse. Les ressources de tout le pays sur la rive droite de la Vistule, qui devint de prime—abord le thèatre de la guerre, furent tout de suite paralysées. Les magasine de vivre et de fourrage, que l'on commencait à y établir sur des points très peu judicieusement choisis, tomberènt dès les premiers jours des hostilités au pouveir de l'armée Russe. Nous fûmes réduits pour nourrir notre armée et alimenter la guerre, aux quatre Palatinats de la rive gauche. Les fournitures que ceux ci faisaient en nature, au lieu d'impôts suffiçaient precisément pour les besoins journaliers. C'est à grande peine que l'on parvint à approvisionner Modlin et Zamosc. Jamais on ne put parvenir à former des magazins de réserve, surtout à Varsovie. L'armée n'avait pas seulement les charois et les ambulances qui lui eussent été nécéssaires. La revolution trouva une très grande ressource pour faire la guerre dans le trésor amassé par les soins et les opérations du Prince Lubecki, mais l'impéritie ayant presidé à la gestion des finances, au lieu d'une sage parcimonie, la prodigalité et peut-être un peu de malversation, dissipa les fonds et les moyens, comme si on eut été pressé de voir arriver la fin du drame. Mais le plus grand faible des Polonais consistait dans un manque absolu de généraux. Les guerres de Napoléon ne leur en avaient pas légué, car les divisions Polonaises y avaient été pour la plupart commandées par des généraux Francais, et la nouvelle armée n'avait point fait la guerre. Le petit nombre de généraux qui avaient fait la guerre en cette qualité étaient morts. Il fallait en commencant la guerre confier les commandements au hazard. Le mérite des plus habiles était de conduire bravement à la charge, ou d'essuyer les boulets avec fermeté.

Mais aucun ne savait se former une idée bien claire d'une opérations d'armée, puisqu'aucun ne connaissait l'art de diriger un combat avec sangfroid et sagacité; aucun n'entendait l'emploi simultané de toutes les armes de manière à ce qu'elles se prêtent un mutuel secours, et produisent par leur concours le plus grand effet possible. Ce n'etait que par les fautes qu'allaient commettre les généraux qu'on allait apercevoir leur peu de capacité, et certes on n'était pas dans une position à pouvoir en commettre impunement. On n'était pas assez puissant, relativement à la Russie, et on n'avait pas assez ce terrain derriére soi, pour se soutenir assez longtemps par notre masse seule, et pour pouvoir s'en rapporter à la guerre du soin de former des généraux et de laisser surgir les talents, ainsi qu'il arriva à la nation française lors des guerres de la révolution. Dans cette pénurie de généraux de qualites reconnues, il aurait au moins fallu qu'un chef d'un mérite eminent y suppleât, et que son oeil d'aigle eut su distinguer les hommes de mérite dans la foule et les mettre de suite à leur place. Mais c'est precisément, et surtout dans le poste du Chef qu'il nous a manqué un Général.

C'est dans une situation tellement précaire et critique que nous nous préparions à reçevoir le choc de la formidable armée Russe. La seule énumeration de ses forces consignées dans le premier rapport officiel du Maréchal Comte Dibitsch, était faite pour décourager surtout en songeant que cette armée, parfaitement disciplinée et approvisionnée, nouvellement-aguérrie par les campagnes de Turquie, commandée par des généraux qui avaient fait leurs preuves, s'appuyait sur les ressources inépuisables de l'immense Empire, et que malgré les pertes que la guerre lui ferait eprouver, elle pourrait tous les jours augmeuter en nombre. Nous ne nous faisions pas illusion sur cet état de choses; si la masse siuvait le torrent sans raisonner, les gens clairvoyants et raisonables prevoyaient bien le résultat, mais, ne pouvaient qu'y faire, ils se résignaient à suivre un mouvement qu'il était impossible d'arrêter. Les prudents et les devoués le faisaient en comprimant leurs pensées. Les exaltés trouvaient une certaine grandeur à soutenir une lutte avec des forces et des moyens tellement disproportionnés. Quelques personnes ne se génaient pas, et dés le commencement de la guerre prédisaient à haute voix une catastrophe prochaine. Un sentiment qui prédominait, c'était la crainte de fenir à peu prés comme les Napolitains, lors de leur dernière equipée et de devenir par la risée de l'histoire; cètte crainte était d'autant plus forte, que nous étions incertains de la manière dont notre nouvelle armée se comporterait dans une bataille. Mettant alors de côté les pensées politiques, les militaires s'encourageaint à mériter au moins le nom de braves, tout en se résignant à succomber.

CHAPITRE PREMIER.

Commencement des hostilités.—Affaire de Stoczek de Nowa-Wies et de la Pulawy.—Combat de Dobre, Combats depuis Kaluszyn jusqu'à Milosna.

Battailles de Grochów.

A l'époque du $\frac{20\text{ Janvier}}{1\text{ Fevrier}}$ 1831, l'armée Russe destinée à commencer les hostilites sous les ordres du Maréchal Dibitch Zabalkanski, et composée de 106 bataillons d'infanterie, 135 escadrones de cavalerie, avec 396 pièces d'artillerie et 11 régiment de Cosaques [1]). Le $\frac{24\text{ Janvier}}{5\text{ Fevrier}}$ cette armée les passa ainsi qu'il suit: le corps des Grenadiers du G-l Schahofskoy, comptant 18 bataillons, 4 escadrons, 60 pièces d'artillerie et un régiment de cosaques, entra par Kovno (ce corps fut parté peu aprés a 29 bataillons, 4 escadrons, et 2 régiments de cosaques), et se dirigea par la chaussée sur Augustow. Le Général Manderstern passa à Dabrowa, non loin de Grodno, avec 5 bataillons, 2 escadrons, 12 pièces et un régiment de cosaques, et se porta sur Augustów. L'aide de camp Général Geismar passa à Wlodawa avec 24 escadrons de cavalerie, 24 pièces et 2 régiments de cosaques, et prit la direction de Siedlce. Le G-l Kreutz à Uscilug avec 24 escadrons, 24 piéces et un régiment de cosaques; il se dirigea sur Lublin. Enfin le colonel Anrep, avec un detachement de hulans passa la frontière à Brzesc-Litowsk et se dirigea sur Siedlec. Ce détachement était chargé de lier les opérations du G-l Geismar avec les forces principales de l'armée, qui passèrent la frontière le lendemain 25 Janvier (6 Fevrier); savoir: le corps du G-l Pahlen composé de 21 bataillons d'infanterie, 16 escadrons de cavalerie, 72 piéces d'artillerie et 2 régiments de cosaques, sur deux points à Tykocin et Zoltki, en se dirigeant sur Rutki; le corps du G-l Rosen, composé de 26 bataillons, 24 escadrons, 120 pieces et 2 régiments de cosaques, passa par Sieroz et Piotkowo, et fut dirigé sur Wysokie Mazowieckie, où fut établi le quartier général. Le corps du G-l Comte Witt, de 4 bataillons, 48 escadrons, et 48 pièces, passa à Ciechanowiec et Granna, et se porta sur Nur et Sterdyn; enfin la reserve de l'armée, de 22 bataillons, 12 escadrons et 36 pièces, passa à Sieróz et fut dirigé sur Sokoly, sous les ordres de S. A. J. M-r le Cesarewitch.

A l'exception du corps du G-l Kreutz el de quelques détachements, destinés à l'occupation du pays, les masses de ces troupes fûrent dirigées concentriquement dans la direction de Varsovie, devant laquelle ville était cantonné le gros des forces Polonaises. On avait l'espoir de les séparer, et le désir de les rejetter hors de la direction de leur retrait [2]). En tout cas le maréchal marchait de manière à pouvoir réunir à tout moment pour le combat 80 mille hommes ce qui paraissait plus que suffisant pour écraser les Polonais d'un seul coup. Généralement on ne doutait pas dans l'armée Russe que cette guerre ne prendrait pas plus de temps, que celui qu'il fallait pour arriver à Varsovie. L'obstacle des reviérs et des marais n'entrait en nulle consideration piusqu'il étaient tous gelés au moment ou l'operation commenca.

Le plan de campagne de l'armée Rnsse fut d'abord dérangé par un dégél subit, qui rendit les communications très difficiles et affaiblit excessivement les glaces des rivières. Cet incident engagea le Maréchal à accelerer son mouvement pour le passage du Boug, qui s'executa le 30 (11) et le 31 Janvier (12 Fevrier) à Brock et à Nur [3]). Le G-l Sacken commandant l'avant garde occupa Wegrow et marcha sur le Lieviec pour s'emparer des passages. Ils avaient été détruits par les Polonais. Celui de Liw se trouvait en outre défendu par le troisième bataillon du 7-e reg. d'infanterie et deux pièces d'artillerie. Ce détachement attaqué dans l'après midi du 31 Janvier (12 Fevrier) se maintint toute cette journée, et la nuit suivante. Le lendemain le deployement d'une artillerie supérieure du G-l Sacken le forçat à la retraite; les Russes rétablirent les ponts du Liewiec. Dans cet engagement il y eut de part et d'autre quelques hommes tués et blesses. Au passage d'Owsianka, sur la route de Jadow, il se présenta seulement

[1]) Dans ce nombre ne sont pas compris les corps qui entrèrent un peu plus tard en action; savoir: le corps separé des gardes, sous les ordres de S. A. J. M-r le Grand De Michel, le 2-me corps de Pahlen 2, le 4-me de Ridiger, celui de Roth; ainsi que différents corps et détachements qui ont combattu contre les insurgés des g-ts Polonais.

[2]) En se dirigeant sur Wyszkow et en y passant inopinément le Bug.

[3]) En changeant inopinément de direction à gauche de Lomza et Zambrow, ce qui forca à s'éloigner provisoirement de Schahowskoy.

des cosaques. Le poste du 5-me d'infanterie polonaise qui se trouvait dans cet endroit, avait preparé une embuscade, et leur fit éprouver guelques pertes.

Le colonel Anrep avait occupé Siedlce; il y fut attaqué par les lanciers du G-l Suchorzewski; il se retira à Zbuczyn. Quelques escarmouches insignifiantes eurent lieu entre ces deux corps.

Dès que les ponts du Liwice furent rétablis, l'armée Russe y passa. Le 1-er corps prit la direction de Kaluszyn, et de là il marcha par la chaussée, suivi par toutes les troupes aux ordres de S. A. I. le Césarewitch et le 3-me corps de cavalerie de reserve; le 6-me corps se dirigea par la route de Dobré.

Au moment où l'armée Russe passait les frontières du Royaume, l'armée Polonaise occupait des cantonnements serrés entre Prague, Liw et Siedlce, et les Polonais étaient au milieu de leurs travaux pour l'organisation et l'augmentation de leurs forces [1]). Mais malgré tous leurs efforts, n'avaient pu mettre en ligne que les anciens regiments d'infanterie à trois bataillons [2]), le règiment des grenadiers en comptait quatre, les vétérans avaient été réunis et formaient deux bataillons. Il y avait en outre à l'armée quelques faibles détachements de chasseurs nouvellement formés et qui ont très bien servis comme troupes légères. Les quatrièmes battaillons des régiments achevaient leur organisation; ils formaient les garnisons de Zamosc et de Modlin; quelques uns renforceront le corps du G-l Dwernicki qui va être bientôt formé. Les 16 régiment d'infanterie de nouvelle création étaient en pleine organisation sur la rive gauche de la Vistule. Mais leur armement et leur instruction étaient si peu avancés, qu'on avait pas pu songer àlles faire entrer en campagne.

Notre ancienne cavalerie, les régiments à quatre escadrons, se trouvait pour la plupart en première ligne depuis longtemps. Le G-l Dwernicki organisait les 5-e et 6-e escadrons, qui furent tout composés d'anciens cavaliers rappelés en service, et qui formèrent une excellente cavalerie. Chaque Palatinat avait improvisé deux régiments de cavalerie, de la force de 500 a 800 chevaux, qui portaient les noms de leurs Palatinats respectifs; leur formations allait *beaucoup plus* vite que celle de la nouvelle infanterie. Sa tenue était très satisfaisante; les Cracoviens se distinguaient surtout par le choix des hommes et leur beau costume tout à fait national. Cette nouvelle cavalerie a dans maintes occasions et dès le commencement de la campagne, rivalisé avec les anciens corps. Les régiments de cavalerie arrivaient journellement à Varsovie et étaient mis provisoirement en cantonnements trés serrés en avant de Prague; quelques uns se trouvaient déjà aux avant-postes. Deux escadrons de Posen étaient en ligne, ainsi que quelques escadrons de Lithuanie et de Volhinie, ceux de Galicie s'organisaient. Vu l'augmentation de notre cavalerie, il convenait de lui donner une nouvelle organisation. Nous commencions precisément un mouvement général pour l'executer, lorsque les hostilités commencèrent et la cavelerie ne put être formée que sur le champ de bataille de Grochów. Le G-l Weisenhof en avait le commandement général [3]).

L'infanterie, forte de 42 bataillons, formait quatre divisions sous les ordres des généraux Krukowiecki, Zymirski, Skrzynecki et Szembek. L'artillerie à pied était répartie dans les divisions d'infanterie. L'artillerie à cheval était attachée à la cavalerie. Elle était commandée par le G-l Redel; le nombre des bouches à feu allait à environ 120 pièces, dont 48 de position. Les nouvelles de l'irruption des Russes sur tout les points des frontières du royaume arrivèrent presqu'en même temps au Quartier Général à Varsovie. Aussitôt le Général en chef se trouva entouré d'une foule de conseillers. Mais tous nos conseils et nos avis, de nous qui appartenions à l'état major, ainsi que de ceux qui, sans être appelés, se mélaient d'en donner, n'avaient servi qu'à augmenter les incertitudes et la perplexité du bon Prince, d'autant plus que nous étions loin d'envisager les choses de la même manière, s'il n'avait eu de suite le bon esprit de sa mettre sous la tutelle de celui qui entendait le mieux le métier. Le G-l Chlopicki, depuis sa dechéance, d'un dieu qu'il avait été jusquelà était devenu un objet d'animadversion, contre lequel se déchainaient les criards ainsi que la presse périodique. Il avait une garde; les uns prétendaient que c'était parcequ'il allait être mis sous jugement; d'autres, avec plus de vraisemblance, que c'était pour le garantir de toute insulte personnelle. Radziwill se rendit secretèment chez Chlopicki, et le somma de lui prêter son assistance pour la conduite de la guerre. Chlopicki lui répondit, en lui donnant sa parole, qu'il partagerai les dangers et la mauvaise fortune de ses compatriotes. Depuis lors, quand nous autres, ses conseillers ostensibles, avions fatigué le Prince de nos avis et quelquefois de nos disputes, il allait chercher secrètement celui de Chlopicki qui lui était donné en quelques mots. Le Prince me les rendait, et d'après celà je faisais mon travail et j'xpédiais les ordres.

[1]) Dans les premiers moments de la révolution, c'est Szembek nommé momentanément Gouverneur de Varsovie qui avait le plus influé sur l'organisation de l'armée.

[2]) Le 2-me de Chasseurs ne put arriver de Zamósc qu'au moment même des hostilités.

[3]) Chlapowski dans la brochure qu'il a publiée prétend que la cavalerie ne recevait pas d'ordres. Je puis assurer que cet ouvrage est un libelle qui ne mérite pas même une réfutation. Il me serait bien facile d'indiquer les motifs qui ont guidés sa plume.

Le Quartier-Général fut porté à Okounieff (il avait été momentanèment a Jablonna [1]). Les troupes Russes approchaient de toutes parts; l'embarras du Prince augmentait en conséquence. Il ne voulait jamais rien decider sans l'avis de Chlopicki, et celui-ci se tenait sur la reserve, ne voulant pas empiéter sur les prérogatives du commandant en chef. J'était intermédiaire entre eux deux, et tandis que les événements se pressaient, il me fallait continuellement ménager l'amour propre du Prince, et la susceptibilité de Chlopicki, toujours prêt à s'emporter. Elle était bien péniblement laborieuse ma tâche d'alors. Cet état de choses ne pouvait plus durer, dès que les armées se trouvèrent en présence. Alors, par la force des choses, Radziwill se trouva presque mis de côté, et Chlopicki investi du commandement; et moi, également par la force des choses, je me trouvai être à peu près son chef d'état major. Situation toute particulière où une armée, ayant un commandant en chef nominal, obéissait de fait à un volontaire, et celui-ci était secondé par un officier qui remplissait les fonctions de son chef d'état major, pour ainsi dire incognito [2]). Mais les soldats, ces appréciateurs si excellents du mérite de leurs chefs, ne s'y trompèrent pas, tandis qu'ils connaissaient à peine Radziwill, ils saluaient Chlopicki de leurs acclamations dès qu'ils l'apercevaient.

Tandis que les Russes arrivaient sur le Boug, nos troupes se massaient en arrière du Liewiec.

Le colonel Jankowski avait occupé Różan en tenant les avantpostes à Ostrolenka; il se repliait après avoir fait une tentative sur Lomza [3]), qui fut abandonnée par suite de l'approche de la grande armée Russes qui nous obligeait de concentrer toutes nos forces. La cavalerie d'Augustow, sortie de Rozan, eut dans les environs de Dlugie-Siodlo, quelque escarmouches peu importantes avec la cavalerie du colonel Schindler. Le G-l Suchorzewski évacuait Siedlce. La position des troupes Polonaises vers cette ville avait fait changer la direction du corps de Geismar. Dans le but de les tourner, il marcha de Lukow, par Róża sur Sieroczyn. Alors le G-l Dwernicki, avec 16 escadrons de cavalerie (de 5-e et 6-e [4]), trois bataillons d'infanterie (le 4-e bat. des 1-er, 5-e et 6-e de ligne) et 6 pièces de trois d'artillerie à cheval, nouvellement formée, reçut l'ordre de passer la Vistule sur la glace à Mniszew, de marcher en avant jusqu'à la hauteur de notre armée, pour éclairer son aile droite. On lui laissait la liberté de s'engager avec le G-l Geismar autant qu'il croirait avoir des chances de succès. Enfin il lui était enjoint d'être en mesure de se réunir à l'armée, pour prendre part à la bataille, qui sans doute serait livrée en avant de Praga.

Le G-l Dwernicki passa la Vistule à Mniszew, avec une partie de ses troupes, fut rejoint en marche par le reste, et dirigea sur Stoczek, par les bois, dans l'intention de surprendre le G-l Geismar. La marche fut découverte par un soldat que les cosaques firent prisonnier. Néanmoins Dwernicki continua sa marche. Le 2 (14) à la pointe du jour un escadron d'avant garde du 1-er de Chasseurs à cheval, commandé par le L. Colonel Chmielewski, enleva toute une grande garde Russe au village de Pravoda, composée de dragons et de cosaques. A neuf heures le corps Polonais entra à Stoczek. A son approche quelques centaines de chevaux de cavalerie Russe évacuèrent en hâte cet endroit, et se replièrent sur le corps du G-l Geismar dans la direction Sieroczyn. Celui-ci vint bientôt, en deux colonnes par les chemins de Sieroczyn et de Toczyska, à la rencontre de Dwernicki, qui menacait ses communications et qui l'attendait rangé en bataille en avant de Stoczek. La canonade s'engagea; mais la faible artillerie Polonaise n'était pas en état de la soutenir contre la grande supériorité Russe. Aussi Dwernicki commanda bientôt la charge, qu'il éxécuta lui même avec la plus grande intrépidité, à la tête de sa cavalerie. Les troupes du G-l Geismar furent rompues et abandonnerent le champ de bataille en désordre en y laissant 400 tués, 230 prisonniers, parmi lesquels 5 officiers, et 11 piecès d'artillerie, avec leur attelage et munitions [5]).

La perte des Polonais fut très peu considérable. L'infanterie n'avait pris aucune part au combat. Le Major Russian avec les deux escadron du 1-er de lanciers se distingua particulièrement. Aprés ce succés Dwernicki allait se mettre en mouvement par sa gauche pour opérer sa jonction avec l'armée losqu'il fut rappelé en toute hâte sur la rive gauche de la Vistule, par la terreur que répandit à Varsovie l'irruption du G-l Kreutz dans le Palatinat de Sandomir. Ce deriner, ayant passé la Vistule aussi sur la glace s'etait dirigé sur Kozienice et avait envoyé une partie de sa cavalerie occuper Radom. Le G-l Dziakonski, chargé dans cette ville de l'organisation de nouvelles troupes, l'avait évacuée en toute hâte, avec quelques mille hommes. Il est vrai que l'organisation de cette infanterie était loin d'être achevée, néanmoins, elle eut pu se maintenir dans une ville contre de le cavalerie. Le Gouvernement, inquiet au dernier point pour la Capitale, envoya directement l'ordre à Dwernicki de rebrousser, ce qu'il fit en forçant de marche. Arrivé sur la rive gauche, en passant par Góra, il marcha dans la direction de Kozienice; le 7 (19) Fevrier, le jour même de la 1-re bataille de Grochów, il fit sa jonction à Muiszów avec le G-l Sierakowski, qui commencait à former un corps de nouvelles levées. Les deux généraux marchèrent en avant. Près des villages Nowa-wieś et Serdza, ils rencontrèrent une avantgarde Russe, que l'on estima composée d'un régiment de dragons, de deux régiments de cosaques avec quatre pieces d'artillerie. Tandis que Sierawski engageait le combat, Dwernicki arriva avec 8 escadrons de lanciers, et chargea aussitôt les Russes; il les culbute, et leur enlève 3 piecès avec attelage et munitions et 40 prisonniers, parmi lesquels le colonel d'artillerie Boutowiez, sans compte les morts. Les Polonais perdirent à cette affaire 50 hommes en tués et blessés. Dwernicki marchait en avant, et les troupes de Kreutz, qui ne pouvaient déja repasser la Vistule qu'avec beaucoup de temps et de précautions, mais surtout celles qui s'étaient aventurées jusqu'à Radom, allaient se trouver grâvement compromises, lorsque de nouvelles inquiétudes se manifestaient à Varsovie. Il y courait des bruits que les Russes allaient passer la Vistule tantôt a Karczew, tantôt à Góra. On envoya à Dwernicki de Varsovie l'ordre impératif de retrograder pour couvrir la ville Kreutz put retourner dans le Palatinat de Lublin avec tout son corps. Pulawy furent occupés par le régiment de dragons de Kazan.

Ce détachement négligea toute précaution pour se garder, et par cette raison ne tarda pas à éprouver une catastrophe. Dans la journée du 14 (26) Février, à cinq heures du soir, le colonel Lagowski à la tête de 220 volontaires, pris dans les détachements nouvellement formés dans le Palatinat de Sandomir par Jules Malachowski et Jean Wilhorski, passa la Vistule sur la glace, et surprit les dragons dans Pulavy, à un tel point, qu'ils ne purent monter à cheval. Toutefois, ils se barricadèrent dans les écuries; ils rejettèrent deux sommations et se défendirent bravement. Ce ne fut qu'après trois heures de combat que les Polonais, conduits par le brave Malachowski, parvinrent à enfoncer les portes. Les Russes avaient eu 35 morts; le reste du détachement fut pris au nombre de 265 hommes, avec 5 officiers, 90 chevaux, l'étendard du régiment, deux caissons et une magnifique chapelle de campagne [1]). Revenons aux opérations des armées principales. Le Maréchal étant arrivé sur le Boug, Chlopicki fit mettre sous les ordres du G-l Zymirski 9 bataillons d'infanterie et trois régiments de cavalerie pour qu'avec ce corps il défendit les approches immédiates de Varsovie, contre les troupes Russes qui s'avancaient du Palatinat de Podlachie, et contre les détachements qui pourraient encore arriver de l'autre côté du Boug. Le reste de l'armée se resserait entre le Boug et Stanislawov, prêt à agir sur l'une ou l'autre rive de cette rivière, d'après la direction que prendrait l'armée du Maréchal.

Zymirski fit une forte reconnaissance au delà du Liewice, et rencontra l'avant-garde Russe. Mais les deux troupes se retirerènt sans commettre d'hostilités. Les Polonais se replièrent, et Geismar, approchant de Sieroczyn, occupa Kaluszyn avec le gros de ses forces.

Le Maréchal venait d'établir son quartier-général a Węgrow. Le corps de Rosen occupait Liw, et prenait la direction de Stanislawów; celui de Pahlen et le reste de l'armée se dirigeaient vers Kaluszyn. Pour nous procurer des lumières sur les mouvements que l'armée Russe opérait, le G-l Skrzynecki reçut l'ordre de marcher sur Liw, avec sa division composée de 11 bataillons d'infanterie et renforcée du 2-me régiment de lancier. Son instruction lui prescrivait d'attaquer et de pousser tout ce qu'il rencontrerait et de ne retrograder que lorsqu'il aurait acquis la certitude, d'avoir en presénce des forces supérieures. La nature

---

[1]) Le Quartier-Génétal fut transporté et les troupes firent un mouvement suivant que les masses Russes furent rejettées de la Narev sur les Liwiec.

[2]) En me chargeant des fonctions de Quartier-Maître, on n'avait pas voulu le faire connaitre à l'armée par un ordre du jour, par considération pour mes anciens et surtout pour le G-l Malletski.

[3]) Après que Rosen l'eut quitté et avant que Schahoffskoy y arrivât.

[4]) Et du premier régiment de Krakus.

[5]) Je crois que deux de ces pièces furent abandonnées et reprises ensuite par les Russes; la rapidité du mouvement rétrograde de Dwernicki, et le manque de moyens de transport ayant empéché des les emmener. Les pièces prises par Dwernicki formèrent dorénavent l'artillerie de son corps. On n'eut qu'à lui envoyer des canoniers de Varsovie.

[1]) Voici comment s'exprime la relation Russe au sujet de cette affaire:

«...à Pulavy, profitant de la négligeance d'un escadron du régiment de dragons de Kazan qui «s'y trouvait, les habitants, excités par les rebelles, sont tombés par trahison sur cet escadron, et «malgré sa vigoureuse résistance, l'ont exterminé avec la plus grande barbarie. Cet attentat ne de«meurera pas sans une juste punition!»

«Et en effet, bientôt les effets suivirent la menace. A la rentrée des Russes, Pulavy furent de«vastées; le chateau converti en une écurie, la précieuse bibliothèque emballée pour être envoyée «en Russie. Beaucoup de dames, qui avaient cherché un asyle auprés de la Princesse, durent se «réfugier au delà Vistule à pied, malgré la rigueur de la saison, et la population de Pulawy, femmes «et enfants, fut transportée dans le fond de l'Empire. A mon passage à Moscou, il y a quelques mois, «ces malheureux mendiaient leur pain dans les rues de cette capitale».

«Il se peut que lors de l'attaque du colonel Lagowski quelques individus appartenant à la maison «de la Princesse se soyent mêlés aux assaillants, et même leur aient servi de guides; mais ceux«là bien certainement n'ont pas attendu la rentrée des Russes».

«Ma femme a été témoin oculaire des evenements de Pulawy, et jusqu'à un certain point victime «de la catastrophe».

du pays garantissait que cette division ne pouvait pas être compromise. Au reçu de l'ordre Skrzynecki se mit en mouvement. Pendant la nuit du 2 (14) il arriva au débouché des forêts qui entourent la plaine de Liw, et il se trouva en présence d'une faible avant-garde qui ne se gardait pas du tout; tant était général dans l'armée Russe le mépris pour les adversaires qu'on allait combattre. Skrzynecki qui se trouvait à la tête de sa colonne fit charger son escadron d'avant-garde, en poussant de grands cris. Le camp Russe fut mis dans un désordre complet, hommes et chevaux se sauvèrent à travers les champs en perdant des tués, des blessés, quelques prisonniers, un étendard et beaucoup de chevaux. Les Polonais n'essuyèrent presque pas de pertes, mais le Colonel Ziemięcki, commandant du 2-me fut grièvement blessé.

Skrzynecki, s'étant encore avancé fut accueilli par un grand feu d'artillerie, qui ne produisit aucun effet. Mais on eut la faculté de voir très distinctement autour de Liw, et au delà du Liewiec les feux des bivouacs d'une armée nombreuse. Le but de la reconnaissance étant rempli, Skrzynecki se retira.

Il devait s'attendre à être suivi par des forces imposantes. Il fit ses dispositions pour disputer le pays de chicane que traverse la route de Stanislawów. Il occupa par des postes le ruisseau fangeux Osownica et echelonna ses troupes sur la route depuis le village Makowiec jusqu'au moulin Osencizna, où il placa en réserve une partie du 8-e régiment et des vétérans.

Le 5 (17) Fevrier Skrzynecki fut attaqué, vers les 7 heures du matin par le G-l Rosen, qui conduisait lui même son avant-garde. Les bataillons du 3-e et 4-e soutenus par quelques piecès postées sur la route, repoussaient les attaques des Russes avec une grande contenance et ne se mettaient en retraite que sur des ordres précis.

Le combat dura cinq heures jusqu'a Dobré. Les Polonais favorisés par un terrain fourré, propre à le défensive, eurent constamment l'avantage, quoique en cédant le terrain. Ils perdirent 300 hommes tant blessés que tués. La rélation Russe avoue une perte de 400 hommes hors de combat; parmi leurs morts se trouvait le Colonel Philimonof, commandant le régiment des hulans de Volhinie. Nous fûmes en outre quelques prisonniers. Ce combat de Dobré mérite quelque attention parce qu'il donne la juste mesure du génie militaire du G-l Skrzynecki. Les troupes qu'il commandait se trouvaient éparpillées en postes placés sur toutes les avenues, et echelonnées sur la route de sa retraite. Cette disposition pouvait être bonne pour chicaner la marche d'une avant-garde dans un pays couvert d'obstacles. Mais Skrzynecki devenu Général d'armée, en fera un système de guerre, dont il ne voudra jamais se départir, et par là il imprimera à nos opérations le cachet de la pusillamimité. Le combat de Dobré, prôné outre mesure, devint en outre pour Skrzynecki un marche pied, qui lui servit à monter à la dignité de Générallissime.

Si au combat de Dobré les Polonais eurent l'ascendant il n'en fut pas ainsi à celui qui se livrait ce même jour sur la chaussée [1]). Zymirski y attendait dès le matin les Russes, en position en arrière de Kaluszyn, occupant cette ville par une faible avant-garde. Un peu après huit heures, tandis que le combat était déjà engagé sur la route de Stanislawów, des fôrces Russes imposantes de toutes armes débouchèrent sur Kaluszyn, qui fut evacué sans combat. Les Russes l'occupèrent, et se deployèrent en avant de cette ville, et la cannonade commenca immédiatement. A neuf heures, Zymirski pressé par des forces très supérieures, et débordé sur ses flancs par des troupes dont le nombre augmentait à tout moment, commença la retraite qui s'opéra en combattant presque sous interruption jusqu'à Minsk, où les Polonais prirent position et passèrent la nuit. Zymirski avait cherché à retarder la marche des Russes et à cet effet il déploya plusieurs fois ses troupes, l'infanterie en colonnes par bataillions où le terrain était accidenté et la cavalerie dans les endroits découverts. La grande supériorité des Russes et surtout de leur artillerie et la vivacité de leurs attaques, ne lui permit nulle part une longue résistance et mit même quelquefois du désordre dans ses troupes.

Le lieutenant colonel Stokowski avec un bataillon d'infanterie, le régiment de cavalerie de Lublin et deux pièces d'artillerie, avait suivi le chemin qui passe par Jakubowo, servant d'intermédiaire entre Skrzynecki et Zymirski. Il eut à repousser pendant sa marche de nombreuses attaques.

Le Quartier-Général du Maréchal vint coucher à Minsk. Le lendemain 6 (18) Zymirski se mit en retraite et à Stoiadlo il se trouva denouveau engagé contre des forces trés superieures, qui le pressèrent sans discontinuer. A Kobierzyn il fut recueilli par le G-l Lubienski, qui venait au devant de lui avec de la cavalerie fraiche. Le combat se renouvela vers le soir au cabaret Ianowek. Les Polonais couchérent à Milosna. Le G-l Czyzewski s'était distingué dans ces affaires.

Dans la journée du 6 (18) le Colonel Wolski, revenant avec son bataillon du 2-e de chasseurs d'un poste, se trouva inopinément entouré par de nombreuses troupes de toutes armes aux ordres du G-l Sacken dans les anvirons de Cyganka. Sommé de se rendre il refusa après avoir consulté ses officiers.

[1]) Skrzynecki et Zymirski avaient l'ordre de ne se retirer que s'ils étaient attaqués des forces supérieures et de rester constamment à la même hauteur.

Alors, chargé à plusieurs reprises par la cavalerie, assailli par l'infanterie, mitraillé par l'artillerie, il parvint à se faire pour toutes fois non sans essuyer une perte de 2 officiers, 180 sous-officiers et soldats. En général Zymirski en éprouva dans ces deux journeés et surtout dans la première de plus considérables pertes que les Russes. Il perdit même des prisonniers et dans leur nombre le Colonel Zawidski, commandant du 4-e de chasseurs qui s'était fourvoyé parmi les tirailleurs ennemis. Chrzanowsyi fut légérement blessé d'un éclat d'obus. Prés de Jedrzeiow les Polonais avaient abandonné une pièce [1]). Malgré cela Zymirski avait deployé de la capacité.

Les deux fortes attaques que les Russes executèrent en meme temps le 5 (17) au matin sur Dobre et Kaluszine, nous démasquèrent enfin leurs projets et la direction de leur armée; partagée en deux masses, elle avancait sur deux routes, separées par une fôret continue. Je proposai au G-l Chlopicki d'assaillir dans la journée du 6 (18) (le lendemain) avec la masse de nos forces (au delà de 30.000 hommes) entre Stanislawow et Okuniew, le corps de Rosen qui suivait cette direction, et de chercher à l'écraser avant que l'autre colonne qui avançait par la chaussée put venir à son secours et qui d'ailleurs contiunerait à être contenue par Zymirski. Chlopicki approuva ce projet, et dans la journée, ainsi que dans la nuit du 5 (17) au 6 (18), nous fimes les dispositions en conséquence [2]).

Szembek avec six bataillons de sa division, les chasseurs francs et quelques escadrones de nouvelle cavalerie alla remplacer Skrzynecki en première ligne à Pustelnik, avec l'ordre de se replier sans faire grande résistance devant Rosen que nous supposions de voir renouveller son attaque le lendemain matin. Skrzynecki avec ses 11 bataillons et 4 escadrons alla prendre position en arrière d'Okuniew en occupant fortement le palais devant son front. Lorsque Szembek l'aurait rejoint dans ce poste ils devaient y tenir fortement tous les deux; ils avaient une artillerie assez nombreuse. La clairière qui environne Okuniew devait permettre au G-l Rosen d'y déployer un assez bon nombre de troupes pour son attaque et c'était precisément ce que nous désirions. Milberg avec ses 4 batallions de grenadiers fut porté à Zabranice, et Krukowiecki avec douze bataillons à sa gauche. Ces 16 bataillons formant une espèce d'embuscade, devaient se précipiter vers la route, et venir prendre part au combat dès que celui-ci serait fortement engagé à Okuniew. 8.000 chevaux avec 24 bouches d'artillerie à cheval étaient réunis entre Poswietne et Ręczaie, prêts à deboucher dans la grande plaine qui entoure Stanislawów, afin d'y couper les troupes Russes, qui pourraient être encore en marche, et prendre en queue celles qui se trouveraient engagées vers Okuniew. Un grand succés determinait la separation des deux colonnes Russes, qui marchaient par les chaussées de Kaluszyn et d'Augustow. Nous pouvions continuant notre succès attaquer immédiatement Pahlen sur la chaussée, conjointement avec Zymirski, et si nous étions repoussés dès notre première attaque, celles de nos troupes qui ne pourraient plus rentrer à Praga, conserveraient toujours la faculté de se replier sur Modlin [3]).

Le 6 (18) au matin, ces dispositions étant faites, Chlopicki se rendit de sa personne à Pustelnik se mettre à la tête des troupes de Szembek. Cependant Rosen ne paraissait pas, à peine quelques cosaques se montraient ils de temps à autre, et la cannonade de Zymirski dépassait considérablement notre aile droite. Chlopicki se replia sur Okuniew [4]) où nous restâmes toute la journée à attendre sous les armes. Ce ne fut qu'à la nuit close qn'une tête de colonne débouca de la forêt, mais par le chemin de Cyganka. Eclairés par quelques feux, qu'un froid rigoureux avait forcé les Polonais d'établir, les Russes entamèrent une cannonade à laquelle on leur répondit tout de suite. Elle dura près de deux heures; les obus en sillonant l'air, éclairaient l'horizon; on se tua et on se blessa réciproquement quelques hommes, et le feu cessa. Alors Chlopicki, supposant que les masses Russes s'étaient portées sur la chassée et inquiet

[1]) Lorsque je ne précise pas les pertes, c'est que je ne les connais pas au juste.

[2]) Nous supposions le gros des troupes Russes sur la route de Stanislawow parceque 1°, c'était le chemin le plus direct pour venir de Liw et presqu'aussi bon pour lorsque la chaussée, 2°, parceque Skrzynecki dans son rapport du 6 (18) Avril avait affirmé que dans la matinée de ce jour le Maréchal avait en personne commandé contre lui. Mais dans tous les cas il nous convenait d'assaillir la colonne qui suivait la route de Stanislawòw, sachant bien positivement quelle était composee d'une bonne partie de l'armée Russe; car en la battant complétement nous rendions impossible la réunion des deux colonnes, qui marchaient par la route de Kaluszyn et celle de Sierock. D'ailleurs le gros de nos troupes se trouvait entre le Bug et la route de Stanislawow; nous ne pouvions songer à les rabattre sur la chausseé pour l'attaque projetée pour le lendemain qui a été plus courte et plus simple telle qu'elle avait été conçue et projetée.

[3]) Ce projet et cette disposition donne peut être quelque réminiscense de la bataille de Hohenlinden.

[4]) Peut-être se replia-t-il trop tôt. Peut-être aurait-il même du attaquer avec Szembek le camp de Rosen afin de l'attirer pour pouvoir l'attaquer dans l'après midi entre Stanislawów et Okuniew, sans trop s'embarasser de ce qui se passait à la droite, puisqu'à tout événement on avait une retraite assurée sur Modlin.

pour sa communication directe avec Varsovie, se mit en mouvement sur Praga et me fit expédier à toutes les autres troupes l'ordre de s'y rendre également. Après avoir executé une marche de nuit, l'armée forte de près de 40,000 hommes et au delá de 100 bouches à feu se trouva réunie le 7 (19) au matin autour de Grochow. Chlopicki se rangea au debouché des bois, de la mainère suivante: Szembek avec 10 bat. d'infant. et 4 escadrons de cavalerie à Wawer sur la chaussée, étendant son aile droite jusqu'au marais. Krukowiecki avec 12 bat. et 4 escadrons en arrière, à cheval sur la route d'Okuniew. Skzynecki avec 11 bataillons formait la seconde ligne en arrière de Krukowiecki; il avait devant son centre le bois d'aulnes occupé par le 4-me de ligne. En arrière de Skrzynecki la cavalerie appuyait son aile droite à la chaussée vers le monument de fer et étendait sa gauche dans la plaine. Jankowski avec trois régiments de cavalerie était posté à Grodzisk et envoyait des parties dans toutes les directions pour éclairer l'aile gauche. Un poste gardait le pont de Zegrze, couvert des deux côtés par deux retranchements auxquels il avait été impossible de donner quelque consistance. Zimirski avait passé la nuit à Milosna. Le matin du 7 (19) il se mit en retraite et vint bientôt avec ses 9 bataillons se mettre en bataille à gauche de Szembek. Une partie de ces deuz divisions étaient en première ligne, le rest en réserve. Vers les dix heurs le corps de Pahlen déboucha. Son avant-garde était formée par la 1-re division d'infanterie, le 5-e régiment de chasseurs, une brigade de la 3-e division de hulans et une brigade de la 1-re division de hussards. Aussitôt le combat s'engagea entre ces troupes et la première ligne des division Szembek. Les Russes plièrent sur leurs renforts. Les deux divisions Polonaises furent appuyées par leurs réserves, et le combat continua dans la fôret et dans les clairières à l'avantage des derniers jusque près de Milosna. Quelques bataillons Russes fûrent enfoncés, perdirent beaucoup de monde et même des prisonniers. A l'aile gauche des Polonais, le 2-me des chasseurs à pied conquit un drapeau, et le Colonel Brzecki, à la tête du 1-er bataillon de ce même régiment enleva trois pièces qui furent énclouées. A l'aile droite le 1-er régiment de chasseurs à pied enlève un second drapeau et le 3-e de chasseurs une seconde batterie. Dans ce moment le maréchal ordonne au G-l Souchosanet, commandant l'artillerie, de mettre un plus grand nombre de batteries en action. Le G-l Toll, chef d-état major, se porte à l'aile droite qu'il soutient par de nouvelles batteries, par le régiment Staroingermanlandski et un bataillon de 4-e régiment de marine. Au centre le maréchal se porte lui-même à la 2-e division qui était aussi engagée, il fait donner des reserves et jusqu'à son escorte composée d'un bataillon de sapeurs et des hussarde de Lubno. Alors l'élan der Polonais est arrêté, et les pièces à peine prises sont abandonnées. Bientôt ils sont contraints de rétrograder par l'attaque du G-l Rosen sur la route d'Okuniew, qui se developpe bien en arrière de leur aile gauche, et devant laquelle Krukowiecki se replie après une courte resistance. Le l. colonel Maruszewsky, grièvement blessé, y fut pris. Il est vrai que Krukowiecki, s'il n'était à propos appuyé par la division Skrzynecki, pouvait difficilement soutenir l'effort de tout le 6-me corps. Dans le mouvement en arrière les quatre escadrons de Szembek sont ramenés avec perte, et ne s'arrêtent qn'à Grochow. Le désordre se met aussi parmi les grenadiers de l'ancienne garde; le maréchal les fait charger par le régiment de chasseurs à cheval de Wurtemberg qui leur fait quelques prisonnérs, et dans ce nombre le l. colonel Kiwerski et le capitaine Bortkiewiecz. Dorénavent les Polonais occupent fortement avec leur centre le bois d'aulnes. Leurs deux ailes sont refusées, la droite occupe un banquet de bois à droite de la chaussé et d'appuie aux marais.

L'armée Russe se forma à la hauteur de Wawer, ses deux colonnes venant d'opérer leur jonction, sur la lisière des forêts et la bataille degenère en une canonnade qui s'étend sur toute la ligne et dure jusqu'à cinq heures du soir. Seulement le corps de Rosen fait plusieurs tentatives pour s'emparer bois qui faisait maintenant le saillant de la position des Polonais; ses colonnes y pénétrêrent même à plusieurs reprises, mais constamment repoussées par le 4-e régiment qui les défendait, elles se retiraient laissant beaucoup de morts. La fusillade se prolonge sur ce point bien en avant dans la nuit. La relation Russe avoue dans cette journée une perte de 2000 hommes; au nombre des grièvement blessés se trouvaient le chef d'artillerie le G-l Souchosanet, les Généraux majors Vlassoff et Affroscimoff et le colonel Bodisko.

Les deux armées bivouaquaient à une petite portée de canon. Le lendemain 8 (20) à huit heures et demi du matin, les Russes commencèrent sur toute la ligne une canonnade à laquelle les Polonais répondirent. Le corps de Rosen renouvela ses tentatives pour s'emparer du bois qui couvrait notre position; elles furent toutes repoussées par le 4-e régiment de ligne qui déployait la plus grande intrépidité sous les ordres de son brave colonel Boguslawski, et animé surtout par l'exemple d'un ancien officier de ce régiment Louis Mycielski, qui était accouru du duché de Posen avec quatre frères combattre dans les rangs polonais [1]). A une heure de l'après midi ce régiment fut relevé par la brigade Gelgud de la division Krukowiecki.

[1]) Trois des cinq frères perdirent la vie dans cette guerre, le quatrième fut grièvement blessé.

Vers le soir Rosen suspendit ses attaques, et la cannonade qui avait graduellement perdu son intensité, cessa tout à fait.

Après ces deux journées, je reconnus conjointement avec le colonel Rybinski la position des Russes; l'extrême proximité dans laquelle les deux armées bivouaquaient permettait de tout voir très distinctement, et la nuit, les feux dessinaient parfaitement les camps. Il nous parut que l'aile droite ennemie qui se trouvait precisément vis à vis de notre bois central sur un mamelon, se trouvait en l'air, tandis que l'aile gauche se prolongeait considérablement le long du marais de Zastaw.

Nous pensâmes qu'il y aurait moyen d'écraser cette aile droite avec la masse de notre force, avant que l'aile gauche put venir à son secours. A cet effet nous proposâmes à Chlopicki de mettre huit mille chevaux et 90 bouches à feu en bataille entre nos deux bois occupés avec de l'infanterie, et tandis que cette artillerie fixerait l'attention de l'ennemi par un grand feu, de déboucher brusquement à la pointe du jour du bois d'aulnes avec 40 bataillons qui après avoir emporté la batterie de l'extrême droite des Russes, se trouveraient, par un simple mouvement de conversion à droite, établis perpendiculairement sur leur ligne de bataille. Alors par un en avant général, executé vigoureusement, on pouvait esperer de router l'armé du Marechal [1]). Nous devions d'autant plus nous décider à l'attaque que l'inaction de l'armée Russe provenait evidemment de ce qu'elle attendait des renforts. Chlopicki parut un moment tenté d'adopter ce projet. Il me témoigna cependant qu'il n'osait quitter la chaussée avec le gros de nos forces, de peur de perdre la faculté de se retirer sur Praga [2]); je crois en outre, que Chlopicki était encore si prévenu de l'immense superiorité Russe, qu'il n'osait pas admettre l'idée d'un mouvement offensif général et tellement général. La manière dont s'était comportée l'armée Polonaise, à la bataille du 7 (19) Fevrier, avait en effet décidé le maréchal à attendre l'arrivée du Prince Schachoffskoy venant par la chaussée d'Augustów pour livrer une seconde bataille. Ce général arriva avec son corps à Siérock le 11 (23). Il fit passer plusieurs détachements et attaquer le pont de Zegrzé par les deux rives de la Narew. Le détachement qui le gardait, conformément à ses instructions, mit le feu au pont, et se replia sur Modlin. Les préparatifs de cet incendie avaient été vraisemblablement mal faits: le pont ne brûla que très imparfaitement; aussi fût il rétabli avec beaucoup de facilité, et les troupes du Prince Schahoffskoï l'ayant passé ce même jour vinrent coucher à Nieporent, où elles furent jointes par un détachement du G-l Sacken envoyé par le maréchal pour faciliter la jonction. Le lendemain 12 (14) le Prince Schahoffskoy se mit en mouvement avec son corps, et dans l'après midi, il rencontra en avant du village de Bielolęka le G-l Malahowski, qui avec 6 bataillons d'infanterie et 6 pièces d'artillerie avait été envoyé dans cette direction à la première nouvelle de l'approche du corps Russe pour se joindre à la brigade de cavalerie commandée par le G-l Jankowski, et couvrir l'aile gauche de l'armée polonaise. L'engagement commença aussitôt, mais la partie était trop inégale. Les Polonais malgré tous les efforts furent obligés de rétrograder jusqu'en arrière du village Bialolęka que les Russes occupèrent. La nuit mit fin au combat, dans lequel le l. colonel Plonszynski, commandant du 2-me d'infanterie, fut mortellement blessé. Krukowecki désigné pour prendre le commandement de cette aile gauche, venait d'opérer sa jonction avec Malachowski, à la tête de six bataillons du G-l Gielgud et de 18 pièces d'artillerie.

D'après les intentions du Maréchal le corps de Schahoffskoy aurait du se reposer à Nieporet et toute la journée du 13 (25) et l'attaque générale n'aurait eu lieu que le lendemain. L'engagement de Bialolęka le décida à accélerer la bataille.

Le 13 (25) Fevrier de grand matin, Krukowiecki attaqua Bialolęka, où il n'y avait plus qu'une arrière-garde, laissée par le Prince Shahoffskoy pour masquer le mouvement qu'il éxecutait par son flanc gauche pour joindre la grande armée. Aussi ne fut-il pas difficile à Krukowiecki de reprendre Bialolęka et de poursuivre les Russes avec perte [3]). La terrible cannonade qui ne tarda pas à se manifester à notre droite et qui fut determinée par celle de Bialolęka arrêta ce succès éphémère [4])

Dès le commencement de la bataille, le Maréchal desirant ouvrir une communication directe avec le corps du Prince Schahoffskoy, avait ordonné au général Mourawieff de se porter au village de Ząbki

[1]) A peu près comme fit Frederic II à la bataille de Lissa.

[2]) Mais alors il lui restait toujours une retraite sur Modlin.

[3]) Krukowiecki prétend dans son rapport, qu'il enleva deux pièces, et qu'en outre il en laissa trois demontées dans un fossé qu'il avait pris, mais qu'il ne put emmener.

[4]) Chlopicki aurait du absolument tenter une affaire offensive jusqu'au 24 et le 24 un mouvement plus prononcé contre Schahoffskoy; mais après celà il parait qu'il ne devait plus engager d'affaire générale lorsque toutes les forces Russes furent concentrées. En général dans toute cette guerre les Polonais devaient éviter autant que possible de livrer des batailles défensives où ils devaient toujours être écrasés par l'immense superiorité de l'artillerie Russe. La bataille de Grochów et l'assaut de Varsovie l'ont prouvé.

avec la brigade des grenadiers de Lithuanie soutenue d'une brigade de hulans de Lithuanie. Le Major Polonais Kiekiernicki, qui occupait ce village avec un bataillon d'infanterie, et un escadron de nouvelle cavalerie, après avoir fait quelque résistance, se replia. Mourawieff se rangea en bataille en avant de Ząbki, forma l'extrême droite de la ligne Russe et fut ensuite soutenue par le corps du Prince Schachowskoy. Le centre était formé par le 6-me corps aux ordres du G-l Rosen et se trouvait en face du bois occupé par les Polonais. Tout le 1-er corps commandé par le G-l Pahlen formait la gauche et se trouvait à cheval sur la chaussée à la hauteur de Wawer. La reserve de l'armée Russe était derrière le centre; elle se composait du 3-me corps de cavalerie de réserve, commandé par le comte Witt, de la 2-me division des grenadiers et du détachement de la garde. Le G-l Toll dirigeait les mouvements de la droite, le G-l Neidhardt ceux de la gauche, le maréchal se trouvait au centre.

A peine les premiers coups de canons eurent ils été tirés a neuf heures et demie par la batterie Russe de Wawer, que la cannonade devint en un clin d'oeil générale sur la ligne des deux armées; elle avaient campés pendant six jours à une distance tellement rapprochée, qu'il ne fut pas nécéssaire de porter les batteries en avant pour ouvrir le feu.

L'armée Russe ne pouvait faire du mouvement en avant—avant de s'être emparé du bois qui formait la clef de la position Polonaise. La 2-me brigade de la 24-me division marcha à l'attaque de ce bois contenue par les autres brigades; peu à peu toute cette division se trouva engagée. Et comme ces troupes ne suffirent pas encore pour obtenir la possession du bois, la 25-me division, commandée par le G-l Reibnitz, marcha également à son attaque.

Le G-l Chlopicki avait peu de changements dans les dispositions de l'armée Polonaise pendant les journées précédentes. Elle se trouvait affaiblie par l'envoi de Krukowiecki à Bialoleka avec 10 mille hommes et 22 bouches à feu, mais Chlopicki comptait que ce corps reviendrait à temps; il lui en fit expédie l'ordre, dès qu'il vit la bataille sérieusement engagée. Je ne saurai préciser pourquoi cet ordre ne fût pas executé. L'armée venait d'être renforcée de 20 régiments d'infanterie, et de quelques autres détachements de nouvelle formation. Le total des troupes Polonaises, qui prirent part à la bataille, ne va guère au delà de 22 mille hommes avec 100 bouches à feu [1]). Le général Rohland occupait le bois avec 6 bataillons et il était soutenu par le reste de la division Zymirski. La division Skrzynecki appuyant son aile droite à la chausée, était deployée en arrière, à la hauteur des premières maisons du second Grochów. La droite de l'armée était formée un peu en arrière, au delà chaussée, par la division Szembek. Elle s'appuyait à un petit bouquet de bois que cette division occupait fortement. La cavalerie Polonaise était deployée en arrière de Skrzynecki, entre la chaussée et Targówek á cheval sur le chemin de Ząbki; elle était sous les ordres du G-l Weissenhof; sous lui commandaient les généraux Uminski [2]) et Lubinski. Pendant les journées précédentes on avait fait un abatis dans le petit bois de droite; on n'avait pas pu le faire dans celui du centre à cause de la grande proximité de la ligne Russe. Quelques batteries avaient été couvertes par des épaulements très imprafaits à la verité, le terrain étant trop gelé pour qu'on eut pu éxécuter de bons ouvrages.

Le G-l Chlopicki, voyant le bois très fortement attaqué, fut inquiet pour ce point et m'y envoya. Je trouvais Roland qui venait de l'évacuer, formant sa brigade en de çà. Nous reconduisimes à l'attaque, et les Russes qui avaient déjà pris possession du bois, furent contraints de l'évacuer à leur tour. Mais comme ils revinrent à la charge avec de nouveaux renforts, Zymirski avec le reste de sa division entra dans le bois et y pris le commandement. Le combat s'y prolongea avec de grandes pertes des deux côtés. Enfin Zymirski dut céder à des forces supérieures, dont le nombre augmentait à tout le moment. La division fut poussée en désordre hors du bois. Elle fut envoyée se rallier en arrière de Skrzynecki, et forma dorénavant la réserve. Zymirski eut un bras emporté et mourut bientôt.

Alors Chlopicki donne à Skrzynecki l'ordre d'attaquer la gauche du bois et d'appuyer cette attaque avec sa seconde brigade. Celui-ci se porte en avant, et tandis que ses colonnes, Boguslawski et le 4-me en tête, se precipitent dans le bois, Skrzynecki les soutient avec le reste de sa division. Dans le même moment Chlopicki avait fait former les quatre bataillons de Grenadiers en autant de colonnes d'attaque. Lui-même, Milberg et moi, nous nous mettons à leurs têtes, et tandis que nos tirailleurs se répandent dans le bois, pour seconder l'attaque dirigée par Skrzynecki, nous chargeons sur la lisière droite les troupes qui en partie l'occupaient, et en partie deployées dans la plaine, nous accueillirent avec un feu nourri d'infanterie de mitraille. C'était, outre le 6-me Corps, les régiments de Bialostok, d'Ingrie (Nowoingermanlandskoi) et du Prince Koutousoff-Smolensky, que le G-l Neidhardt venait d'amener pour tourner le bois. Ces troupes sont arrêtées, et le bois est reconquis; les grenadiers Polonais se déployent sur sa lisière, et engagent un vif combat avec les troupes de Neidhardt. Le carnage se prolonge sur ce point, et coute beaucoup de monde aux deux partis. Chlopicki et moi, nous avons nos chevaux et nos habits criblés de mitraille.

[1]) La plus grande partie de la cavalerie ne fut pas engagée.

[2]) Il venait d'arriver, s'étant echappé de Glogau, où il était détenu. Je crois que son évasion a couté une somme considérable au Gouvernement. A son arrivée on lui donna en outre beaucoup d'argent pour s'équiper.

Le G-l Chlopicki ayant de cette manière rétabli le combat sur se point important, déjà frappé d'une balle à la jambe, parcourt toute la ligne, encourage les troupes, et fait quelques nouvelles dispositions; il se rend ensuite pour quelques instants au près du Prince Radzivill, afin de concerter des mesures pour le corps de Krukowiecki, pour la cavalerie, et enfin pour la retraite, à laquelle il fallait bien déjà songer; et il revient sur le champ de bataille, lorsque le Maréchal, outre les troupes engagées, vient de diriger encore à l'attaque du bois sa réserve de Grenadiers, et au moment où ce bois va être décidément emporté. Tandis que je commençais à lui rendre compte de ce dernier incident, une obus vient frapper le poitrail de son cheval [1]), et éclate dans l'animal. Chlopicki tombe grièvement blessé aux deux jambes. On le place dans une voiture, et en portant il m'adresse encore avec le plus grand sangfroid ses dernières dispositions pour le reste de la journée [2]). Le bois encombré de morts des deux partis, était decidément perdu par les Polonais; ils réforment leur ligne en arrière, appuyant toujours leur aile droite au bouquet d'arbres occupé par Szembek, et qui maintenant devient saillant dans la nouvelle position. La cavalerie se porte un peu en avant; elle est couverte en partie par des monticules sablonneux, son artillerie légère va s'y poster, et canonne les masses qui se présentent du côté de Zobki. Toute la ligne Russe s'est portée en avant et se forme en deçà du bois conquis. Des masses de cavalerie débouchent de ses deux côtés; de nouvelles batteries plus nombreuses dirigées par le Prince Gortschakoff, qui remplace le G-l Souhosanet dans le commandement de l'artillerie, viennent relever celles qui sont déjà fatiguées [3]). Le feu de l'artillerie Russe gagne en intensité; ses projectiles se croisant en tout sens sur le champ de bataille d'une manière terrible, viennent mourir jusque dans Praga. Vers le soir ils ébranlent d'autant plus le moral des troupes Polonaises que le feu de leurs pièces a déjà perdu beaucoup de sa vigueur première. L'artillerie Polonaise a fait des prodiges dans cette journée, mais elle n'est pas de moitié aussi nombreuse que celle de leurs adversaires; elle est engagée depuis le matin, et il n'y a pas de nouvelles batteries pour relever celles qui ne peuvent plus combattre. Quelques unes et surtout celles de l'aile droite, tirent à peine des coups isolés. La principale batterie de pièces de position, postée auprès de la chaussée et à droite ne tire plus dutout, elle a perdu une partie de ses hommes et de ses chevaux; ses pièces sont brulantes et elle n'a plus de munitions. Néamnoins le l. colonel Piętka, qui la commande, declaré par Chlopicki pour ces journées de Grochów le plus brave de l'armée Polonaise [4]), ne veut pas quitter le champ de bataille. Il s'est placé sur un canon et demande à grands cris des munitions.

Mais c'est surtout la perte de Chlopicki qui devient une calamité pour l'armée Polonaise, dont il était l'âme; dorénavant plus d'unité dans l'action, chacum combat isolément, et comme pour son compte A l'aile droite la brigade de chasseurs de la division Szembek est ebranlée par le découragement de son chef, et par le terrible feu d'artillerie auquel elle se trouve exposée depuis le matin. Dans le mouvement rétrograde que l'armée Polonaise continue lentement, beaucoup de militaires de cette brigade s'en détachent peu à peu, et filant un à un sur la glace de la Vistule vers l'hôpital à Uiasdów [5]). Heureusement que la nuit commence déja. C'est alors que s'ebranle une masse de cavalerie Russe, composée des hulans de la Garde du Césarevitch, des Cuirassiers de Nowgorod et de Starodoub, les cuirassiers d'Albert en tête [6]), appuyée par 30 bouches à feu d'artillerie à cheval, elle se précipite en avant, en suivant la direction de la chaussée. Elle penetre dans l'intervalle qui se trouve entre les divisions Szembek et Skrzynecki, et sa tête dépasse le monument de fer. Mais cette colonne très profonde a bien peu de front. Dès que j'aperçus qu'elle se mettait en mouvement, je partai contre elle la batterie de fusées à la congrève du capitaine Skalski, restée juqu'à present en réserve. Les fusées font il est vrai peu de mal réel aux Russes, mais elles agissent d'autant plus sur les chevaux et le moral des hommes, que les ténèbres qui s'etendent, relèvent la lumière terrible dout elles sillonent l'air en sifflant. Ces fusées contribuent beaucoup à arrêter l'elan de la masse

[1]) C'était le troisième.

[2]) M-r Chlapowski prétend dans sa brochure que le G-l Chlopicki se bornait à conduire les bataillons à la charge.

[3]) L'artillerie de Schahofskoy entre aussi en action.

[4]) Chlopicki comme de raison ne pouvait pas parler de soi même.

[5]) Déja dans cette occasion on put s'aperçevoir du grâve inconvénient de ne pas avoir des signes de ralliement dans les corps d'infanterie. On leur avait retiré les drapeaux. Ils devaient recevoir des aiges du nouveau Gouvernement, qui fûrent même confectionnés.

[6]) Ceux de l'ordre militaire de St. George formaient la réserve.

qui suivait la tête de cette colonne. Skarzinski Casimir arrive avec sa brigade au trot à la droite de Skrzynecki. La bonne contenance de ces deux Généraux achève de l'arrêter. En attendant, les premiers escadrons s'étaient aventurés trop loin. Ils donnent sur les reserves Polonaises; fusillés à bout portant par l'infanterie et chargés en flanc par Kicki, à la tête de deux escadrons du 2-e et trois du 5-me de lanciers (de nouvelle formation). Les braves cavaliers Russes se défendent, mais ils doivent succomber dans la position où on les a fourvoyés. Ils éprouvent des pertes cruelles et surtout les cuirassiers du Prince Albert, commandés par C-l Meiendorf. Les débris seulement de ce régiment parviennent à se sauver; le reste a été pris ou tué.

Après cette charge avortée, la canonade continue encore quelque temps; la brigade Gielgud de la division Krukowiecki, était enfin arrivée à Targówek à la gauche. Enfin la nuit met un terme au combat. L'armée Russe couche sur le champ de bataille où on lui a abandonné trois pièces demontées et quelques centaines de prissoniers.

L'infanterie et une partie de l'artillerie Polonaise occupent les ouvrages du camp retranché de Praga jusqu'au jour; alors ils se retirent en bon ordre à Varsovie [1]) Toute la cavalerie et le reste de l'artillerie avaient precedés pendant la nuit. Le Prince Radziwill demeura au pont tout le temps que les troupes défilèrent. Le G-l Malahowski resta avec une forte garnison dans la tête de pont.

La relation Russe avoue dans cette bataille une perte de 8,000 hommes en tués et blessés. Au nombre des derniers se trouvaient le Lieut. Général Kabloukoff et le Général-major Dobritschin.

Les Polonais avaient perdu jusque là dans toute la campagne 3,000 hommes tués et environ 7,000 blessés qui se trouvaient presque tous dans les hôpitaux de Varsovie, et quelques centaines de prisonniers.

CHAPITRE DEUXIÈME.

Observations sur les opérations des deux armées.—Suites de la bataille de Grochów.—Marche du G-l Dwernicki sur Zamosć.—Préparatifs du Marechal pour passer la Vistule.—Dispositions des Polonais pour prendre l'offensive.

Pour juger de la conduite du G-l Chlopicki pendant cette première période de la campagne, il ne faut pas perdre de vue la position toute particulière où il se trouvait. Tandis qu'à Varsovie, ou se dechainait contre lui, il ne se trouvait à l'armée qu'en simple volontaire et ne portait aucun signe distinctif. Dans les commencements des opérations il s'était tenu sur la réserve et s'était contenté d'indiquer de simples avis, nous abandonnant le soin de les developper et de les éxecuter, et référant toujours au Prince Radzywill dont il ne voulait pas déprécier l'autorité. Les opérations s'étaient ressenties d'un tel état de gêne, qui était devenu impossible à conserver. Chlopicki devenait Général dans toute l'etendue de ce terme, et il commandait en payant d'exemple. On lui a reproché de s'être trop exposé; mais d'abord il voulait peut être répondre de cette manière aux clameurs de Varsovie; et puis les troupes Polonaises faisant la guerre pour la première fois depuis leur formation, n'étaient pas aguérriés; l'exemple du Cheff était peut-être indispensable pour leur imprimer de l'élan. Je puis le dire par ma propre expérience, Chlopicki était si admirable au feu, que son exemple et sa vue doublaient le courage. Aussi le soldat s'enthousiasmait-il à sa vue et redoublait d'efforts en le suivant. Sans le dévouement personnel de Chlopicki, la bataille de Grochów aurait pu prendre une toute autre tournure et ne serait pas devenue le fait d'armes le plus brillant de cette guerre pour les Polonais, toute perdue qu'elle a été pour eux.

On à reproché à Chlopicki de ne pas avoir passé les frontières du Royaume dès le mois de Décembre, avant que l'armée Russe fut en mesure. L'aperçu que nous avons donné sur l'état de l'armée Polonaise au moment oú la révolution éclata répond à cette objection. Chlopicki eut fort bien pu, s'il l'avait fait, ruiner tout à fait le noyau des forces qu'il y avait, par les marches seulement et paralyser tout à fait leur nouvelle organisation pour courir après un résultat très incertain. D'ailleurs d'après le système de conduite qu'il avait adopté, il ne pouvait en aucune manière commencer les hostilités, avant d'avoir acquis la conviction qu'elles étaient devenues inévitables. En faisant prendre à l'armée des cantonnements serrés entre la Vistule et le Liwiec, il couvrait Varsovie, qui sans aucun doute allait devenir l'objet des opérations de l'armée Russe. Il était suffisemment éloigné des frontières, pour ne pas craindre de voir ses cantonnements surpris et il concervait toujours le temps de concentrer ses forces. Quant à l'inconvénient de laisser sans aucune défense les Palatinats de Lublin et d'Augustów, leur invasion était inévitable, vu la grande superiorité numérique de l'armée Russe. Ce n'était que dans une réunion de toutes les forces qu'il y avait quelques chances de pouvoir resister. La proximité de Varsovie assurait la facilité de nourrir l'armée et d'activer son organisation. Tant que les Polonais tiendraient la campagne sur la rive droite de la Vistule, les forces Russes ne pouvaient pas songer au passage de ce fleuve, et c'était par devant tout ce que les Polonais devaient empêcher pour ne pas perdre les moyens de nourrir l'armée. Rentrer à Varsovie sans avoir combattu, eut positive ment demoralisé l'armée, et aurait pu compromettre les généraux. Quant au choix du champ de bataille, il parait avoir été très judicieux. Si on avait marché au devant de l'armée Russe, les marches et les bivouacs dans cette saison rigoureuse eussent ruiné l'armée. On en peut juger par les pertes immenses que les troupes Russes eprouvèrent par ces causes, elles, qui avaient une toute autre assiette, et qui pouvaient beaucoup plus s'exposer à des pertes. Si, comme Chrzanowski l'avait proposé, les Polonais eussent, à l'approche des Russes, concentré leur armée à Liw, que serait-elle devenue, lorsqu'ayant devant elle l'armée du Maréchal, elle eut appris l'arrivée à Sierock du corps de Schahoffskoy [1]).

[1]) Les fortifications de ce camp pouvaient il est vrai arrêter une poursuite, mais elles n'étaient pas encore assez achevées pour que l'armée put y rester d'autant moins quele pont pouvait maintenant être emporté par les glaces.

Dans la saison d'alors, le pays ne présentait aucune position défensive, rivières et marais étant gelés (le dégel fut un évenement imprévu). En s'avancant à une grande distance de Varsovie, on aurait couru le risque de se trouver enveloppé par la grande supériorité des troupes Russes, dont les colonnes s'avancaient sur toutes les directions, depuis Kowno jusqu'à Uscilug, et de se trouver coupés des ponts de Praga et de Modlin. Si on avait perdu la bataille de Grochów à quelques marches en avant de Varsovie, il est très probable qu'il n'y eut laissé toute l'artillerie, et la guerre se serait par la terminée d'un seul coup. Dans la position de Grochów ou ne pouvait pas être tourné, le terrain ne permettait pas au Maréchal d'accabler les Polonais, par l'emploi simultané de toutes ses forces, ils étaient adossés aux immenses ressources de Varsovie, qui les mirent en état de vivre, de combattre et de receuillir tous leurs blessés; enfin ils avaient en arrière le camp retranché de Praga, qui les reçut le soir, et arrêta la poursuite [2]). Après la bataille on ne pouvait plus songer à tenir dans ce camp retranché parceque le moral des troupes et des chefs était ebranlé pour le moment, et que la Vistule commençait à menacer d'emporter le pont. Jusque là ce dernier avait été en pleine sûreté.

Le 7 (19) la bataille aurait peut être pu avoir un autre résultat si l'attaque des divisions Szembek et Zymirski eut été soutenue par toute la division de Krukowiecki et une partie de la cavalerie; tandis que le reste avec la division Skrzynecki eut contenu le corps de Rosen. En général, tant que l'armée Russe s'est trouvée partagée sur les deux routes, les Polonais auraient du tenter un effort sur l'une des deux avec la masse de leurs forces. Mais il valait mieux faire cet effort sur la route d'Okuniew ainsi qu'il avait été projeté le 6 (18), car en cas de non sucées on conservait la retraite sur Modlin. Peut être Chlopicki aurait du attaquer lui même le Maréchal avec toutes ses forces dans les journées du 9 (21) ou 12 (24) Fevrier, avant l'arrivée des grenadiers de Schahoffskoy, ainsi qu'il lui fut proposé. Je ne crois pas que Chlopicki eut du marcher avec la majeure partie de ses forces par le pont de Zegrze pour attaquer le corps de Schahoffskoy dans sa marche, vu que les troupes qu'il aurait laissé en observation du Maréchal se seraient trouvées compromises, et même Varsovie, puisqu'à la rigueur il y avait eu possibilité de passer la Vistule sur la glace avec de l'infanterie.

Quant à la conduite de la bataille du 13 (25), il n'y a aucun reproche à faire à Chlopicki, il s'y est montré soldat intrépide et habile général. Il a envoyé à temps l'ordre pour que la division Krukoviecki vint prendre part á la bataille. Lorsque les Russes commencèrent à avancer et à déployer des masses imposantes des deux côtés du bois qui formait la clef de la position, il voulut que la cavalerie de Lubinski qui se trouvait sur les derriéres avançat; si ces deux dispositions ne furent pas executées, ou en partie seulement, la faute ne peut être attribuée à Chlopicki; ce fut peut être une conséquence de la position équivoque dans laquelle il se trouvait à l'armée.

Quant au Maréchal Comte Diebitch, le nombre des troupes qu' il avait à sa disposition et qui arrivaient dans differentes directions lui permit et lui imposa même l'obligation de commencer ses opérations offensives sur un espace aussi considérable que celui qui s'étend depuis Kovno jusqu'à Uscitug. Toute fois il conserva toujours au centre sous la main le gros de ses forces, et des forces trés suffis pour combattre. La difficulté d'approvisionner ses troupes, et le mauvais éttat des chemins, occasionné par un dégél imprévu, l'empêcha sans doute de deployer plus b'activité dans ses mouvements. Ce même dégél trompa aussi vraisemblablement ses calculs, en lui ôtant la possibilité de brusquer le dénoument de

[1]) Ou bien encore si le Maréchal lui-même eut debouché sur ses derrières par Wyszkow, ainsi qu'il en avait en le projet. On sait que ce n'est qu'un dégél très imprévu qui le fit arriver à Liw.

[2]) Precisément au moment où elle commence d'ordinaire à occasionner les plus grandes pertes au vaincu.

la guerre par un passage de la Vistule sur glace. La résolution de livrer la bataille le 13 (25) dès qu'il apprit l'engagement de Bialoleka, tandis qu'elle n'avait été arrêtée que pour le lendemain, montre de la présence d'esprit. Je ne sais pas trop pourquoi le Prince Schahoffskoy perdit une partie de la journée à marcher de Bialoleka par sa gauche, paur se joindre à l'armée du Maréchal [1]). Ce mouvement aurait pu être bon si les forces des deux partis eussent été moins disproportionnées. Mais, vu la grande supériorité Russe, ne convenait-il pas plutôt, que ce corps attaquât franchement Krukowiecki. Il est probable qu'ils l'ont battu, et alors, marchant vivement de Bialoleka sur Praga, il eut pu mettre l'armée Polonaise dans une position très difficile, surtout s'il avait été renforcé à temps d'une nombreuse cavalerie, ainsi qu'on en eut l'idée à ce que je crois. Le charge executée bravement sur la chaussée fut une faute; elle rapelle une charge faite d'une manière toute aussi décousue à la bataille de Leipzig par les cuirassiers autrichiens Somariva. Toutes deux ne pouvaient avoir d'autre résultats que celui qu'elles ont eu, et qui fût d'abimer les régiments qui les executèrent. On a reproché au Maréchal de ne pas avoir fait donner ses dernières réserves le soir. A celà nous observerons que ceci n'aurait pu se faire qu'après que les Russes eurent definitivement emporté le bois pour la possession duquel on combattait depuis huit jours, et lorsque les lignes Russes se fûrent formées en de cà de ce bois, c'est à dire à peu près au moment où eut lieu la charge des cuirassiers. Mais alors l'infanterie et l'artillerie Polonaises étaient reformées sur la position des monticules sablonneux, qui sont à la hauteur du monument de fer. Et elles étaient appuyées par environ dix mille chevaux en bataille en seconde ligne, et qui n'avaient pas donné de toute la journée, et le détachement de Krukowiecki fort de 10,000 hommes de toute arme, dont la brigade Gielgud formait la tête, arrivait enfin sur le flanc gauche. Dans un paréil état de choses, je crois qu'une grande de charge de cavalerie, même déployée eut echouée, d'autant plus qu'elle avait à traverser un terrain raboteux de marais gelés, et couvert de petites broussailles. Et quant à une attaque d'infanterie soutenue par de l'artillerie, il était trop tard pour y songer. Le jour était sur son déclin, la nuit commencait et les fortifications du camp retranché furent bientôt occupées par les troupes Polonaises, et ne pouvaient être guère attaquées de nuit sans avoir été même reconnues.

La bataille de Grochów, quoique perdue par les Polonais, fut tout à leur avantage. Enfin leurs troupes s'étaient mesurées avec l'armée Impériale, et le prestige était détruit, qui faisait croire généralement et même à beaucoup de monde parmi les Polonais, qu'il serait impossible seulement de leur résister. Les troupes s'étaient aguérries, et on avait acquis la certitude de pouvoir dorénavant les conduire avec assurance à de nouveaux combats. On avait à Varsovie tous les moyens de les reposer, de les recompléter, et même de les augmenter de manière à pouvoir reparaitre en campagne sous peu de jours, plus forte qu'on ne l'avait été jusque là. D'un autre côté les embarras du Maréchal Comte Diebitch durent commencer immédiatement après la bataille de Grochów. Nous reviendrons sur ce dernier objet. Cependant, le lendemain de la bataille, la consternation était assez générale dans Varsovie, parceque le commun des hommes dont l'esprit s'exalte ou s'abat pour un rien, ne voyait dans l'événement qu'une bataille perdue avec ses conséquences les plus funestes. Sans réfléchir à la veritable situation des choses, sans songer que l'état de la Vistule rendait impossible un passage d'armée pendant plusieurs semaines, et que cependant on n'avait pas à redouter des partis, on croyait déjà voir le Maréchal avec toute son armée aux barrières de Varsovie. Les routes de Cracovie et de Kalisz étaient couvertes de fuyards, des classes plus élevées, de nonces et de sénateurs.

Ces impressions d'abattement dominaient l'esprit des membres du Gouvernement, et même des généraux commandant des divisions, qui se réunissaient au Palais du Gouvernement convoqués par le Prince Adam Czartoryiski à un conseil de guerre [2]). Szembek donnait l'exemple de l'abattement et Uminski, toujours disposé à faire des éclats, était pret à quereller les premiers venus pour la perte de la bataille. Il avait surtout grande envie de s'en prendre à moi, parcequ'après Chlopicki j'étais consideré comme étant celui qui avait le plus influé sur les événements militaires qui venaient de se passer.

Le véritable but de cette réunion était de nommer un nouveau Généralissime. Si Chlopicki n'avait pas été blessé, les acclamations de toute l'armée l'eussent porté à cette dignité et je crois qu'alors il l'eut acceptée, car autant que je l'ai pu observer, les combats que l'on avait soutenu sous sa conduite, lui avait inspiré pour l'armée une estime qu'il n'avait pas eu jusqu'alors, et lui avait donné de l'attachement pour elle. Rien n'attache les hommes entre eux autant que les dangers communs et surtout ceux du champ de bataille. Radziwill venant de perdre la tutelle de Chlopicki, il lui était impossible qu'il

[1]) Il n'arriva à ce que je crois que le soir devant Ząbki, et il n'y eut que son artillerie qui prit part à la fin de la bataille.

[2]) Kolaczkowski, Chrzanowski et moi quoique n'étant pas généraux y avions été aussi appelés.

restât au commandement à cause de sa nullité bien constatée. Des prétendants en première ligne à ce poste, et qui se trouvaient présents au conseil, Skrzynecki était celui qui devait naturellement l'emporter, car Szembek par la perte totale de courage moral qu'il faisait voir s'exluait lui-même. Krukowiecki et Uminski inspiraient des défiances à cause de leur caractère inquiet et turbulent, et on éprouvait en outre pour le dernier beaucoup d'éloignement dans l'armée [1]), pour des motifs peut-être assez fondés Skrzynecki avait commandé à l'affaire de Dobré que nous avions prônée outre mesure, et qui dans le fait avait du mérite comparée aux combats que Zymirski avait livrés sur la chaussée, la division Skrzynecki s'était le mieux comportée sur le champ de bataille de Grochów. Skrzynecki se présentait bien, parlait aux soldats, aimait la représentation, avait beaucoup de prétentions, un amour propre demesuré, et brulait du désir d'occuper la première place. Le Prince Czartoryiski qui le connaissait d'ancienne date, était tout disposé à le faire nommer; dans la nuit qui suivit la bataille, ce dernier était venu me trouver à Praga pour me consulter à cet égard, et je l'avais affermi dans ses idées sur le compte de Skrzynecki parcequ'il me paraissait que c'était réellement le meilleur choix qu'on put faire dans le très petit nombre de ceux entre qu'il y avait à choisir [2]). La majorité du conseil était assez indifférente sur ce sujet. Du reste, on avait généralement l'idée assez erronée, qui a encore longtemps prédominé chez nous pendant cette guerre, qu'il suffisait d'avoir un chef brave pour l'exécution, et que quelques officiers instruits d'état major, que l'on considérait à peu près comme des burolistes, lui fourniraient des plans. On s'imaginait que Skrzynecki étant brave, et ayant à ses côtés des guides pour diriger sa conduite tout irait au mieux. C'étaient les relations qui avaient existés, à ce que l'on croyait entre Blucher et Gneisenau. La suite de notre relationfera voir à quel point nous nous trompâmes sur le compte de Skrzynecki; mais alors, comme lors du choix de Radziwill, il fallait donner un Général eu chef. Nous nous sommes furieusement trompés.

Le conseil avait commencé, et, ne sachant trop comment aborder la question qui en était le véritable objet, on s'occupait d'accessoirs. Le Prince Radziwill rendait compte de l'état des choses, lorsque Skrzynecki, impatient d'occuper sa place, l'apostropha brusquement en lui disant qu'il n'était point capable de commander l'armée. Radziwill lui répondit avec vivacité en rappelant qu'il n'avait pas brigué cette place, qu'il avait cru se dévouer en l'acceptant pour sauver l'armée de l'anarchie, que maintenant si lui, Skrzynecki, croyait le mieux remplir, il n'aurait qu'à la prendre. Cette déclaration de Radziwill fut considerée comme une renonciation, et Uminski, qui parlait le plus haut, qui croyait que le commandement de l'armée ne pouvait le manquer, et qu'il ne fallait pour celà que pousser la chose, demande à Chrzanowski, qui se trouvait à côté de lui, quel Général il convenait de choisir pour Chef, certain que c'est son nom qui va être prononcé, mais celui-ci nomma Skrzynecki. Uminski désappointé, mais s'étant trop avancé pour pouvoir reculer, répète hautement ce nom, éperant encore peut-être qu'on reviendra à lui. Mais le Prince Radziwill le premier, guidé par un sentiment de noblesse ou de dépit, déclara qu'il consentait à cette proposition. Lubinski, Klicki et Weisenhof y donnent leur assentiment; le silence des autres fût consideré comme un acquièscement. Alors Skrzynecki prononca ses paroles: «Il est vrai que je suis vaillant, je me suis consacré à la science de l'art militaire; j'ai étudié le mécanisme de la guerre, et je le possède, mais je ne puis pas dire que je sois un génie». L'ambition et l'amour-propre aveuglaient Skrzynecki; sa portée se bornait à commander quelques bataillons d'infanterie. Toute sa conduite ultérieure prouva qu'il n'avait aucune idée de l'emploi de la cavalerie et de l'artillerie, aucune notions sur les fortifications; il n'a pu jamais rien comprendre à une opération d'armée. Je sais qu'il n'a fait de lectures militaires, mais surtout il ne possedait pas une étincelle de ce feu sacré qui constitue le général, et que l'on n'apprend ni dans les livres, ni dans les écoles, mais qui est un don de la nature. Quoi qu'il en soit, les paroles de Skrzynecki fûrent considerées comme une acceptation; alors il ajouta avec un visage contrit, et en levant les mains et les yeux au ciel: «Je prends Dieu à témoin que ce n'est ni par ambition, ni dans des vues personnelles, que j'accepte le commandement de l'armée, mais uniquement pour le bien du pays, pour sauver la patrie, et dans le cas le plus malheureux, je promets solennellement de sauver l'honneur national, car je ferai un grand tombeau de l'armée.» Il se trompait encore sur son propre compte. De braves soldat il devient le chef le plus pusillanime qui tremblait à la seule idée d'un engagement.

[1]) On eut à plusieurs epoques l'idée de donner à Uminski le commandement de toute la cavalerie, mais beaucoup de chefs de cette arme declarent constamment que dans ce cas ils donneraient leur démission.

[2]) Je croyais que Skrzynecki saurait commander aux hommes, s'entendrait à livrer un combat, et qu'il se laisserait diriger quant à la conduite des opérations. Je me suis trompé dans toutes ces suppositions, et par conséquent une des plus grandes fautes que j'aie commis, c'est d'avoir contribué à sa nomination. Néanmoins Skrzynecki aurait été un bon divisionnaire. C'est bien de lui qu'on peut dire avec bien de raison: ce qui brille au second rang s'éclipse au premier.

Le même jour Skrzynecki fut nommé Generalissime par un arrêté de la diète, avec toutes les attributions qu'avait eues le Prince Radziwill. Il nomma d'abord Chrzanowski chef de l'état major général, pour le récompenser, à ce qu'il parait d'avoir été le premier moteur de son élévation, car il ne le connaissait presque pas. Je conservai la direction de ce qui avait rapport aux opérations, et je fus nommé quartier-maitre général. Le G-l Morawski fut nommé Ministre de la guerre. La première proclamation que Skrzynecki adressa à l'armée, et qui est de lui, le peint bien tel qu'il était, ou qu'il voulait paraitre à cette époque.

Nous avions quelques semaines de répit. Skrzynecki ayant obtenu de la condéscendance du gouvernement une pension de deux cent mille florins, employa ce temps à l'organisation de la représentation de sa maison, et à distribuer des croix à tous les corps qu'il passa en revue. Tout cela flattait infiniment sa vanité.

Skrzynecki parvenu aux grandeurs, aurait bien desiré pouvoir y rester et se tirer de la crise sans guerroyer. Il conçut l'idée de faire au maréchal des ouvertures d'accomodement [1]), mais il n'osa pas les faire de son chef, et à l'insu de la diète. Quand au gouvernement, indisposé contre lui, pour le refus qu'on venait de lui faire de la croix de commandeur qu'il avait demandé, il commencait déjà à le mépriser et à s'emparer sur lui d'un ascendant qu'il a constamment exercé depuis. Il invita à plusieurs conferences quelques membres de la diète, qui étaient considerés comme les meneurs de l'assemblée, pour les éclairer sur la position du pays, et les amener à se prêter à une conciliation; Chrzanowski et moi, qui étions présents à ces conférences, nous aidions Skrzynecki de toute notre éloquence. Nous enumérions à ces Messieurs d'un côté les immenses ressources de la Russie, et de l'autre la première des nôtres et certes la comparaison était effroyante. Nous leur représentions, que les combats, qui s'étaient livrés jusquelà avaient mis, à couvert l'honneur des armes, qu'à la longue nous devions succomber, et qu'une résistance prolongée, n'aurait pour résultat que de ruiner complétement notre propre pays et d'indisposer de plus en plus l'Empereur.

Pour toute réponse nous recevions des refus; et ces Messieurs, sans entrer dans aucune raison, s'obstinaient à nous demander l'impossible. Cependant Skrzynecki, à force de les cajoler, eux qu'il mepriait du plus profond de son âme, et en employant tous les moyens diplomatiques [2]), parvint à en obtenir la permission de faire des ouvertures au maréchal, mais avec de grandes restrictions, et en soumettant toutes ses démarches dans cette affaire à un contrôle rigoureux. Alors Skrzynecki adressa au maréchal par le lieutenant colonel Michel Mycielsky les lettres, qui ont été publiées et à la rédaction desquelles plusieurs d'entre nous avaient contribué. Lors de l'envoi de la seconde le colonel Kolaczkowski, accompagné Mycielski, qui déploya dans la conduite de cette affaire de la modération et du tact. Il fut reçu deux fois par le Maréchal, mais qui ne daigna pas même répondre à Skrzynecki. Les généraux Russes, que Mycielski eut occasion de voir à Waver, lui montrèrent de l'éloignement pour un accomodement. Geismar entre autre lui déclara franchement que lui pour son compte serait bien fâché d'une paix qui lui ôterait la faculté de prendre sa revanche pour l'équipée de Stoczek, ainsi qu'il nommait lui même affaire. Cette tentative ayant echouée, il fallut reporter toute l'attention sur la guerre. Dwernicki avait déjà recommencé les hostilités, ou plutôt il ne les avait pas suspendues. Depuis longtemps on s'était formé des idées outrées sur la Volhinie, la Podolie, et le Gouvernement de Kief.

On s'imaginait qu'il suffirait de jetter une étincelle dans ces provinces pour y produire une explosion, qui déciderait de l'indépendance de la Pologne. Skrzynecki saisissait avidement ces idées, comme toutes celles qui lui offraient la perspective d'avoir quelques succés sans aller combattre de sa personne, à la tète de l'armée. D'une autre part Dwernicki, natif de la Podolie, brûlait du désir d'aller conquérir sa patrie. Il reçut l'autorisation de passer la Vistule sur la glace, de pénétrer jusqu'a Zamosć, et de là d'entreprendre la Volhinie ce que lui permetteraient les circonstances; mais il ne devait prendre pour cette expedition que mille chevaux. Je lui donnais en outre pour instruction de se tenir toujours au large dans le pays au delà du Boug, s'il parvenait à y pénétrer, d'éviter de se laisser acculer contre un fleuve ou une frontière, de se subdiviser même en plusieurs corps, et lorsqu'il ne pourrait pas se maintenir en Volhinie de marcher en Lithuanie en traversant les communications de l'armée Russe. Un pareil rôle de partisan ne convenait plus à Dwernicki, qui avait été nommé général de division pour l'affaire de Stoczek

[1]) Il eut été très heureux alors de pouvoir remplacer Zaionczek dans le poste de lieutenant du Roi, d'un royaume tel qu'il avait existé jusqu'alors—pour le plus grand bien de ses compatriotes ainsi qu'il lui est echappé de le dire dans un moment d'effusion. Après l'affaire de Dembe Wielkie son ambition allait plus loin.

[2]) Et il n'en manquait pas pour arriver à ses fins.

et avait acquis une renommée de Général. Il voulut commander un corps d'armée, faire des conquêtes et opérer une puissante diversion.

Le 18 Fevrier (2 Mars) avec un corps d'au delà de quatre mille hommes, d'exellentes troupes de toutes armes, qu'il avait sous ses ordres, il traversa la Vistule sur la glace déjà avec assez de peine, et occupa Pulawy après un engagement de son avant-garde. Le lendemain il rencontra à Kurów l'arrière-garde du général Kreutz, commandée par le général Kawer. Quatre de ses escadrons se précipitent en ville, y font des prisonniers, et enlèvent deux pièces sur la place même du marché. Ils poursuivent les Russes au delà de la ville, rencontrent des dragons et sont ramenés. Mais Dwernicki arrive lui-même avec des renforts et de l'artillerie, et après un court engagement, il force les Russes à la retraite, après leur avoir enlevé encore deux pièces, et une centaine de prisonniers.

Dwernicki alla coucher à Markuszew. Le 20 Fevrier (4 Mars), Dwernicki espérant que Kreutz voudrait défendre Lublin, essaya de le tourner, et faisant un détour se présenta par la route de Cracovie. Mais Kreutz venait de l'évacuer, et se retirait par Krasnostaw à Suchodol. Dwernicki, ayant perdu l'espoir de l'entamer et ne pouvant attendre à Lublin l'arrivée des forces imposantes que conduisait le Général Toll, quitta cette endroit après y avoir séjourné quelques jours, et, se dirigeant par Krasnostaw, arriva à Zamosć, où il prit des cantonnements sous la protection de cette place, étant forcé de suspendre toute idée d'opération à cause des terrains de trempés, devenus impraticables pour les chevaux dans ces contrées. Il lui fallait en outre reposer ses troupes après la campagne si active qu'elles avaient faite, et attendre les fonds qu'on lui envoyait de Varsovie.

Avant l'arrivée de Dwernicki à Zamosć la garnison de cette place, commandée par le colonel Krysinski, n'était pas restée oisive. Les détachements parcouraient la contrée, conduits surtout par un officier d'invalide nommé Giedroyc. Ils avaient enlevé le commandant Russe avec quelques hommes, à Hrubiszów, et intercepté une dépèche qui donna à Krysinski l'idée d'envoyer une expedition surprendre le bataillon qui occupait Uscilúg. Cette expédition fut composée de 4 compagnies d'infanterie, de 4 pièces de trois, et de 35 krakus; elle fut commandée par les majors Bulewski et Szymanowski, et réussit complétement. Le 20 Fevrier (4 Mars) les Polonais passèrent le Bug en deux détachements, et enveloppèrent les Russes, qui se défendirent dans les maisons de la ville, ils y furent forcés, perdirent en tués le colonel Czerwonoy et 70 soldats, et en prisonniers le C. Bohomolec, huit officiers et 360 sous-officiers et soldats. Les Polonais s'emparèrent en outre d'un drapeau. Dwernicki partant pour Zamosć avait laissé à Lublin quelques centaines de convalescents avec l'ordre de le rejoindre au plutôt sans attendre les Russes. Néanmoins avant qu'ils eussent pu faire leurs dispositions de départ, le G-l Kreutz, pressé de reprendre possession de cette ville, y retourna dès qu'il eut appris le départ de Dwernicki. De la cavalerie de son corps qui assaillit inopinément les Polonais, fut accueillie à coups de fusil. Les Russes ripostèrent par quelques décharges d'artillerie, les Polonais n'en attendirent pas davantage, et se hatèrent d'aller rejoindre Dwernicki, ce qu'ils executèrent sans être inquietés. L'envoi de Dwernicki avec un corps qui était trop peu considérable pour faire des conquêtes et qui l'était beaucoup trop pour en agir en partisan, fût une faute grâve. Dwernicki aurait être appelé avec la majeure partie de son corps à notre armée principale et y commander toute la cavalerie. Il était admirable pour conduire une charge.

Le colonel Błędowski était l'homme qu'il fallait envoyer en partisan en Volhinie. Au reste l'action des partisans dans les Gouvernements Polonais ne pouvait acquérir une importance décisive, qu'autant que l'armée eut pénétre au delà du Boug à la suite d'une victoire, mais pour lors elle en acquérait une immense. Jusquelà ils devaient succomber sous les efforts que les Russes devaient nécéssairement faire pour les comprimer.

Toutefois, la marche du corps de Dwernicki à Zamosć produisit une chance en faveur des Polonais, si seulement Skrzynecki avait voulu en profiter, en ce qu'elle engagea le Maréchal à s'affaiblir outre mesure en envoyant le G-l Toll à la suite de Dwernicki, avec une partie de son armée.

A la première nouvelle du mouvement de Dwernicki avec tout son corps, je me hâtais de demander à Skrzynecki ce que nous ferions pour rectifier ce faux mouvement par lequel ce corps risquait d'être affamé ensemble avec la place s'il restait dans les environs de Zamosć, et se trouverait compromis en s'en éloignant. «Laissez, me répondit le général en chef, Dwernicki est heureux c'est peut-être Diéu qui l'a inspiré et dans ce cas sa désobéissance nous procurera des résultats heureux» [1]).

[1]) Skrzynecki a eu toute sa vie la manie de vouloir être original et de se distinguer devant tout le monde; maintenant c'est en affectant des sentiments ultra-religieux unis à ceux de liberté, d'après le système de Lamenais consigné dans le journal francais l'Avenir, qui pendant toute la révolution fut le prototype de ses discours, de ses proclamations et de la conduite. Auparavant il avait affécté l'ultra royalisme, dans le sens qu'y attachent les partis français. Au temps du Duché de Varsovie il avait été ultra libéral. Et toujours *ultra*, parcequ'à toutes ces époques la moderation avait predominée dans les opinions de ses compatriotes.

Immédiatement après la bataille de Grochów, le maréchal avait fait détacher de Général Sacken, avec deux régiments d'infanterie, deux régiments de cavalerie, une batterie d'artillerie et deux régiments de cosaques, dans le Palatinat de Plozk, pour y paralyser toutes les ressources que l'armée Polonaise en eut pu tirer, mesure d'autant plus indispensable que des partis inquiétaient les communications de l'armée par la chaussée de Kovno, et interceptaient sa communication avec la Prusse. C'est ainsi que dans la nuit du 12 (24) Fevrier le colonel Obovski était venu, à la tête d'un détachement de cavalerie d'Augustow, couper le pont d'Ostrolenka et insulter la garnison de cette ville. Sacken occupa Zegrze, Rózan et, ayant appris que les Polonais formaient sur la Wkra un rassemblement armé, il détacha dans cette direction le colonel Lachman, avec 4 escadrons du régiment de hulans de Nowo-Mirgorod et des cosaques. Le major Polonais Węgrodski occupait le village de Maluszin avec environ 500 hommes armés de faux. Dans la nuit du 23 (7) au 24 (8) Fevrier (Mars), Lachmann l'entoura, le surprit et après une courte résistance le fit prisonnier avec 2 officiers et 200 hommes. Le reste de ce détachement se dsipersa. Un second détachement de nouvelle levée monté, qui se trouvait de l'autre côté de la rivière, ne prit aucune part à l'affaire. Le lendemain Lachmann rejoignit Sacken à Golymin [1]). Le G-l Uminski fut détaché contre lui avec une partie de son corps de cavalerie, renforcé de quelques bataillons d'infanterie et de l'artillerie. Il avanca par la chaussée à Rózan, poussa une avant-garde jusqu'à Ostrolénka, où elle reçut quelques coups de canons de la part de Sacken, qui s'était replié dans cette ville, et y resta appuyé par le corps de la Garde récemment arrivé à Lomza et dont il reçut des renforts principalement en artillerie. Uminski occupa la position de Sielkowo, entre Rósan et Pultusk. Le (?) il envoya le G-l Chlapowski en reconnaissance à Rózan. Celui-ci apprit en arrivant dans cette ville qu'un détachement de la garde, composé de 80 hussards et de 80 dragons demontés, venait de passer la Narew en bateaux. Le G-l Nostiz les commandait en personne. Un escadron du 3-me de Chasseurs à cheval [2]) alla le charger. Ce détachement fut pris ou tué. C'était la première rencontre des Polonais avec les gardes. Elles occupaient le pays entre le Bug et la Narew. Néanmoins Zaliwski, avec un détachement de quelques cents volontaires, parvint à se maintenir longtemps dans les forêts de cette contrée en y faisant la petite guerre.

A Jablonna un poste Russe avait été surpris et enlevé par un détachement Polonais, qui avait traversé la Vistule sur la glace.

Depuis que l'armée avait repassé sur la rive gauche de la Vistule, nous nous occupions avec activité de la remettre en état de rentrer en campagne le plutot possible. L'artillerie s'était reorganisée d'elle même. Chrzanowski venait de faire nommer pour la commander son ami le colonel Kanarski, officier qui ne manquait ni de courage personnel, ni d'instruction, mais qui était d'un caractère beancoup trop mou pour ce commandement, qui de droit aurait du être dévolu au colonel Piętka, homme d'une grande énergie, et d'une bravoure à toute épreuve; si toutefois on avait des motifs pour mettre de côte le G-l Redel. Les conséquences du choix de Konarski se manifestèrent d'une manière très funeste à Ostrolénka.

Le colonel Lewinski, officier très doux, très moderé, brave, et devoué, achevait, conjointement avec le colonel Turno [3]), l'organisation de la cavalerie, qui composa trois corps, commandés par les généraux Uminski, Thomas Lubenski et Casimir Skarzynski. Chaque brigade était composée d'un régiment d'ancienne et un de nouvelle formation. L'organisation de cette arme a eprouvé en général beaucoup trop de changements dans le courant de cette guerre.

C'est l'infanterie qui avait le plus souffert par la guerre. Les quatres divisions formées de vieux régiments furent maintenues [4]). Elles avaient perdu tous leurs chefs, car Skrzynecki était devenu généralissime, Zymirski avait été tué, Krukowiecki venait d'être nommé Gouverneur de Varsovie et Szembek prenait sa démission par suite d'un démêlé personnel avec Skrzynecki. Les nouveaux commandants des divisions furent: Rybinski de la première, Gielgud de la seconde, Casimir Malachowski de la troisième, Milberg de la quatrième. Je me chargeais de la réorganisation des régiments. A cet effet je puisais dans ceux de nouvelle formation le nombre d'hommes nécéssaires pour recompléter les anciens, en prenant les soldats armés de fusil et dont l'instruction était la plus avancée. Les nouveaux régiments durent se

[1]) C'est à cette époque que se rapporte l'enlévement et la départation de quelques citoyens.. Il est à regretter que cette mesure de rigueur ait été appliquée à des individus très inoffensifs et très connus comme p. ex. Wollowiec et l'avocat Nieliepiec, ce qui ne faisait qu'aigrir les esprits.

[2]) Conduit par le colonel Dluski.

[3]) Le colonel Turno, par des motifs de délicatesse envers S. A. I. le Césarzewicz, ne voulait pas avoir de commandement. Skrzynecki le nomma chef d'état major de cavalerie; ce ne fut que lorsque Monseigneur eut quitté le théatre de la guerre et que l'affaire d'Ostrolenka eut donné un aspect très sinistre à la cause des Polonais, qu'il se résigna à partager la mauvaise fortune de ses compatriotes, pour ne pas être soupçonné de lâcheté.

[4]) Elles conservèrent leur ancienne organisation. La 3-me fut renforcée du 5-me de chasseurs nouvellement formé à Varsovie.

recompléter dans les dépôts; leur formation en fut retardée, il est vrai, mais les quatre divisions ainsi que toute l'armée active, et même quelques régiments de nouvelle formation, se trouvaient au complet, et prêts à entrer en action peu de jours après la bataille de Grochów.

Une batterie d'artillerie légère et une demi batterie de position étaient attachées à chaque division d'infanterie. Je voulais en outre faire entrer dans leur composition par un régiment de cavalerie de nouvelle formation. Jamais je n'ai pu l'obtenir de Skrzynecki. Nos corps de cavalerie se trouvèrent par cette raison à tout moment placés en avant-postes, et ce service les ruinait, ou bien on les désorganisait à tout moment par les détachements provisoires qu'on en faisait aux divisions d'infanterie détachées.

Chrzanowski s'occupait du détail du serviee et du personnel.

Le lendemain de la bataille de Grochow, l'infanterie Russe occupa le camp retranché de Praga, et vint se loger dans les maisons du faubourg. Le G-l Malachowski qui commandait dans le tête de pont et avait une bonne garnison, fit mettre le feu au faubourg. Il parait que le maréchal eut d'abord l'ideé d'attaquer le tête de pont; au moins nous dûmes en juger ainsi par la quantité de gabions que les Russes avaient preparés, et qu'ils abandonnèrent en se retirant. Cette attaque n'eut pas été facile; non seulement à cause de la saison, mais encore parceque les fortifications de la tête de pont étaient déjà assez imposantes, bien armées, protéjées par les batteries, établies sur les terrasses de Varsovie, et que la garnison en était appuyée par toute l'armée Polonaise. D'ailleurs, en admettant que les Russes se fussent emparés de cette tête de pont dans le but d'empêcher les Polonais de venir troubler les cantonnements qu'ils leur fallait prendre, au l'opération du passage de la Vistule qu'ils méditaient, ils n'auraient pu les empêcher de déboucher par Modlin, ce qui revenait à peu près au même.

Bientôt le maréchal porta son quartier général à Siennica et fit prendre à ses troupes des cantonnements entre le Bug et le Wieprz, la Vistule et le Liwiec, afin de leur procurer un repos dont elles devaient avoir le plus grand besoin. Ces cantonnements furent couverts par le Corps du Général Geismar, composé de 7 bataillons, 6 escadrons, 10 bouches à feu et 900 cosaques, posté en avant-garde à Wawer, à environ huit verstes de Praga et qui fut couvert par un faible retranchement, qui paraissait plutôt fait pour marquer la position des troupes que destiné à la défendre. Cette avant-garde était appuyée par le Corps du Général Rosen, echelonné en arrière, avec son quartier Général à Dembe-Wielkie. Praga avait été abandonné. Des détachements Russes consecutivement renforcés, occupèrent les bords de la Vistule jusqu'à vers Joséfow, et sur plusieurs points on se mit à travailler avec la plus grande activité aux préparatifs du passage de la Vistule.

Le Maréchal ayant appris la marche de Dwernicki, fut induit en erreur sur la force de ce corps. Inquiet pour la Volhinie, où il commencait à se manifester des germes d'insurrection, il détacha pour renforcer le G-l Kreutz le C-te Witt avec sa cavalerie, une division de grenadiers de Schahowskoy et les grenadiers de Lithuanie du G-l Mourawief.

Le chef d'état major Comte Toll, envoyé pour commander toutes ces troupes, s'avanca à la suite de Dwernicki jusqu'à Krasnystaw, où il fut obligé de s'arrêter à cause du dégel du printemps, qui rendit tous les chemins impraticables dans les terrains gras du P-t de Lublin.

A cette époque on eux connaissance à Varsovie de l'arrivée dans le P-t d'Augustów du Corps des Gardes aux ordres de S. A. I. Monseigneur le Grand Duc Michel, ainsi que des premiers mouvements qui se manifestaient dans les provinces anciennement Polonaises que l'on apprit d'abord par les gazettes allemandes. Si c'étaient des rebelles qui se soutenaient contre l'autorité de leur souverain, les Polonais qui avaient agi de même ne pouvaient les considérer que comme des frères, qui n'oubliaient pas qu'ils étaient aussi Polonais, et on trouvait de la magnanimité dans le sentiment qui les portait à se dévouer pour partager notre sort au moment même où on venait de perdre une bataille, et où la cause paraissait desesperée. Cette considération inspirait le plus grand désir de leur porter des secours, à eux qui se sacrifiaient pour nous secourir.

Je suivais avec une inquiète attention tous ces événements et surtout les mouvements de se grande armée Russe. Je crus y apercevoir un coup de la fortune en faveur des Polonais, auquel je ne m'étais pas attendu jusque là. Je crois qu'il y avait possibilité, en sortant de Praga avec 50,000 hommes, vers le 8 (20) Mars, de surprendre les cantonnements du maréchal et de ruiner son armée en détail, et pour lors, marchant en avant, de determiner pour le reste de la campagne la séparation du corps des gardes d'avec celui que commandait dans ce moment le G-l Toll; par cette marche nous les forcions tous les deux à la retraite; nous occupions les Gouvernements Polonais, qui alors eussent présenté de grandes ressources pour continuer la guerre. D'ailleurs ce n'était qu'après de tels événements que l'on pouvait raisonablement espérer de trouver quelque allié, ou d'obtenir une intervention.

Rempli de ces idées j'éxécutais vers la fin de Fevrier (au commencement de Mars) plusieurs reconnaissances sur la position de Geismar; j'assistai à celle que fit avec des forces très imposantes le 27

Fevrier (10 Mars) le G-l Jankoffski. Mon but était de voir si l'humidité du terrain permettrait bientôt de faire mouvoir à la rigueur de la cavalerie et de l'artillerie, et puis je voulais accoutumer le G-l Geismar à voir sortir l'ennemi de Praga. Jankoffski prouva ce jour qu'il ne savait pas manier une troupe considérable. Ayant à sa disposition dix mille hommes, il se présenta devant la position Russe avec quelques escadrons seulement et d'abord sans artillerie. Cette cavalerie fut un peu maltraitée et y perdit son Colonel le brave Błędowski, qui eut une jambe emportée et resta prisonnier. Mais j'avais remarqué avec satisfaction que Geismar, malgré les forces imposantes qu'il avait vu déboucher à Praga, n'avait nullement fait mine de quitter sa position sans combat. La timidité apparente que les Polonais avaient fait voir dans cette occasion, et leur petit échec devaient lui inspirer de l'assurance, et augmentait sa confiance dans le poste qu'il occupait. Ceci répondait à mes voeux.

Mais il falait l'assentiment du Généralissime Skrzynecki. Nous eûmes à cet effet plusieurs conférences lui, Chrzanowski et moi [1]), où les débats fûrent très animés. Je proposais de ne laisser sur la Vistule vers Kozienice et en avant de Modlin, ainsi qu'à Varsovie, que les troupes dont l'organisation etait trop peu avancée pour permettre de les employer de suite à une campagne active; de sortir brusquement de Praga avec 50,000 hommes bien reposés, d'envelopper et d'écraser Geismar, de refouler le corps de Rosen vers Siedlce; de laisser ensuite, pour le poursuivre ou le contenir, un corps d'autant moins considérable que le succés aurait été plus décisif, et de marcher vivement avec la masse par Siennica, Latowiez, Zelechow, attaquer les cantonnements du Maréchal, dont les dispositions me faisaient penser qu'il ne nous estimait pas au point de nous croire en état d'entreprendre une offensive vigoureuse. Je croyais d'après celà qu'il y aurait moyen de le surprendre au moins en partie. Je pensais que si le Maréchal voudrait concentrer son armée vers Lukow, dans la direction de Brzésć, c'est à dire sur la ligne d'opération, notre marche couperait celle de ses colonnes, que nous pourrions alors battre isolément. Et si le maréchal concentrait l'armée à Ryki à temps, de manière qu'on ne put lui faire beaucoup de mal dans ses cantonnements, notre armée par Zélechow le mettrait dans la nécessité d'accepter une bataille adossé à la Vistule et au Wiéprz; c'est à dire dans une position où en la perdant il pouvait perdre son armée. Les pertes que l'armée Russe devait avoir eprouvées jusquelà, la séparation du corps de Rosen, l'envoi du détachement de Toll, devaient faire présumer que nous n'aurions à combattre que des forces égales, peut-être même inférieures [2]).

La circonstance que le terrain impregné encore des eaux du printemps paralyserait souvent les mouvements de l'artillerie, était toute à l'avantage des Polonais vû leur infériorité dans cette arme; d'ailleurs elle devait offrir aux assaillants l'espoir que si leur mouvement offensif avait du succès, ils ramasseraient de tous les côtés de l'artillerie et des bagages embourbés.

Cette considération devait justement porter à accelérer ce mouvement, et en outre on devait s'attendre à ce que le Maréchal leverait ses cantonnements à mesure que le temps deviendrait meilleur, et alors on perderait tout éspoir de surprise.

Tandis que j'exposais dans nos conciliabules ce projet, Skrzynecki présentait le sien, qui consistait à border la Vistule d'une partie de nos forces, pour en disputer le passage à l'armée Russe, de laisser une garnison à Varsovie, et de marcher avec le reste des troupes par Modlin, sur la rive droite de la Narew, à la recherche des gardes. Chrzanowski et moi nous tenions fortement chacun à son projet. Skrzynecki était incapable de les apprécier, et encore moins d'en former un lui-même. Mais il penchait pour celui de Chrzanowski; l'idée d'avoir affaire aux gardes lui sourit. Il pensait que les messieurs de Pétersbourg (il les nommait panicze) ne voudraient pas se battre et lui abandonneraient des succès faciles. Il espérait en outre qu'on y ramasserait beaucoup de bagages dont il s'imaginait que les gardes devaient être encombrées. Il objectait à mes raisonnements qu'il était impossible d'attaquer Geismar par ce qu'il était retranché; d'autrefois parce qu'il était sur un terrain où les troupes Polonaises avaient déjà perdu deux batailles. Toutefois Skrzynecki était encore indécis, mais il était évident que ce ne serait que l'influence personnelle de Chrzanowski ou de moi qui emporterait sa décision pour l'un ou l'autre projet.

Sur ces entrefaites, je tombais fortement malade, Chrzanowski s'empara de la direction de mon service, et son influence prévalut comme de raison sur la mienne, qui me trouvais absent. Le G-l en chef lui laissa faire ses dispositions, préparations d'autant plus volontiers qu'elles éloignaient pour lui le

[1]) Kolaczkowski assista à quelques unes de ces conférences.

[2]) Vers le 8 (20) Mars le Maréchal étant privé du détachement du G-l Toll, n'aurait pu opposer du côté de Ryki que tout au plus 25 mille hommes aux 50,000 avec lesquels les Polonais pouvaient l'attaquer et encore ces 25,000 étaient ils désséminés en cantonnements. Le G-l Toll ne rejoignit le M-l que le 21 Mars (2 Avril) et alors la grande armée Russe n'allait pas à 40,000 hommes et les parcs se trouvaient à Lukow.

moment de quitter Varsovie, ce à quoi il n'a jamais pu se résoudre, dans le courant de cette guerre avec la plus grande répugnance et difficulté.

Chrzanowski, autorisé par le Généralissime, forma un corps de quelques mille hommes de toutes armes sous les ordres du G-l Uminski, qui fut envoyé sur la Narew dans les environs de Pultusk, pour chasser Sacken du Palatinat de Plock, et observer les Gardes russes, ainsi qu'il a déjà été rapporté. Un corps formé de troupes de nouvelles levée fut posté sur la Vistule entre Solec et Gąra (vis-à-vis Pulawy); ce corps fut confié au G-l Serawski. Un troisième corps, aux ordres du C-te Pac, fut également posté sur la Vistule entre Kozienice et Gniewaszew. Ce dernier fut renforcé de la 4-me division commandée par le G-l Milberg, et composée de vieille infanterie. Jankowski, avec une partie du corps de cavalerie du G-l Uminski, était également allé renforcer le comte Pac. Vers la fin du mois de Mars Chrzanowski commenca à mettre en mouvement les troupes destinées pour l'expédition des Gardes. Thomas Lubinski avec son corps de cavalerie passa la Vistule à Modlin. Rybinski, avec la 1-re division d'infanterie, suivit ce mouvement et se rendit à Zazien vis à vis de Modlin.

Cependant la Vistule était debarassée de glaces et ses eaux baissaient. Les préparatifs du passage du Maréchal Diebitch étaient presque terminés, son Quartier Général venait d'être porté à Ryki, les troupes Russes se concentraient vers cet endroit et déjà presque journellement elles échangeaient des coups de canons avec le comte Pac,—la crise approchait.

Ce fut alors qu'ayant recouvré l'usage de la parole dont j'avais été privé, je courus chez Skrzynecki pour faire la plus forte protestation contre ce qui s'éxécutait, soutenant, que non seulement il repoussait de gaité de cœur les chances que la fortune nous offrait, mais que de plus il perdait l'armée et la cause qui, par un tel morcellement de forces, n'aurait pas un mois d'existence. Il s'en suivit une scène violente, entre Skrzynecki et moi, j'y déployais toute mon éloquence, je lui protestai qu'un succès contre Geismar, que nous avions devant nous, était infaillible et que même sans se commetre contre le Maréchal, dont le nom était un veritable épouventail pour lui, par le seul effet de notre sortie de Praga en forces nous ferions avorter son passage de la Vistule, et Varsovie se trouverait sauvée pour le coup. Cette dernière considération parut frapper Skrzynecki, alors je redoublais d'instances; il faiblit; mais il était encore retenu par la mauvaise honte de contremander des dispositions faites et un mouvement qui s'opérait. Alors je l'assurai que nous présenterions tout ce qui s'était fait jusque là, comme une manoeuvre très savante, executée dans le but de donner le change á l'ennemi. Enfin j'arrachai au Généralissime son consentement pour l'éxécution de mon projet. Le jour du 19 (31) Mars fut fixé pour commencer l'opération par l'attaque de Geismar. Rybinski, Lubinski et Milberg reçurent l'ordre de revenir en hâte à Varsovie. Le dernier, malgré les marches forcées qu'il fit ne put arriver à temps. Uminski, Pac et Sierawski se trouvaient trop loin pour que l'on put songer à les faire concourir à l'opération. D'ailleurs le G-l en Chef ne pouvait se résoudre à dégarnir la Vistule, n'ayant jamais pu bien comprendre qu'en débouchant bien fort sur la rive droite de la Vistule on en défendrait plus sûrement le passage qu'au moyen de postes éparpillés le long de la rive gauche. Du reste on pouvait déjà prévoir la manière pitoyable dont la guerre serait conduite, par la difficulté qu'il y avait eu à extorquer le consentement de Skrzynecki pour une opération si simple la perte de plusieurs semaines décisives en hésitation et l'éparpillement lointain de plusieurs corps, tandis qu'il aurait fallu déboucher 15 jours plutôt, avec toute notre masse, et agir sans répit jusqu'au de là du Bug.

CHAPITRE TROISIÈME.

Mouvement offensif des Polonais.—Affaires de Wawer, de Dembe-Wielke et d'Iganie.

Nous commencions notre opération huit jours trop tard, car déjà le gros des forces ennemies se massait vers Ryki; nous la commencions avec des forces beaucoup moins considérables que nous n'aurions pu, et dont une partie était déjà harassée par des marches et contremarches [1]). Néanmoins cette opération aurait pu avoir encore des résultats bien autrement importants que ceux qu'elle obtint, sans les hésitations et l'inactivité que déploya le G-l Skrzynecki, et qui étaient dans son caractère.

La nuit qui précéda le mouvement, les Russes qui occupaient Karczew, firent une tentative pour détruire le pont de Varsovie. A cet effet ils lancèrent plusieurs brulôts remplis d'obus. La vigilance d'un

[1]) Des mesures fausses dans un début éxercent ordinairement une funeste influence sur la marche des événements. Les Polonais l'ont eprouvé plusieurs fois dans cette guerre.

poste de chasseurs de Grothus, établi à Siekierki, non loin de Wilanoff, fit échouer cette tentative. Une fusillade bien dirigée par eux tua une partie des conducteurs des brulôts; le reste se sauva dans des nacelles; les machines vinrent échouer sur le sable, non loin de Solec, où leur propre feu les consuma accompagné de fréquents explosions d'obus; ce qui procura un spectacle nocturne aux habitants de Varsovie.

Autorité par le Généralissime, j'ordonnai les dispositions suivantes: Rybinski, avec sa division, composée de douze bataillons d'infanterie, d'une batterie légère, d'une demi batterie de position et renforcée d'une brigade de cavalerie dut se porter la nuit du 18 au 19 (30 au 31) Mars à Ząbki, par un chemin qui traverse un marais, reconnu praticable. De Ząbki, tournant à droite, Rybinski devait passer par Kawęczyn et, suivant la lisière de la forêt, attaquer à la pointe du jour, avec impetuosité, l'aile droite de Geismar. En s'etendant sur les derrières de ce corps, il devait chercher à prévenir sa retraite par la chaussée. Kicki, avec sa brigade de cavalerie, renforcée de quelques bataillons et d'une batterie d'artillerie à cheval, recut l'ordre de se porter de nuit jusqu'au monument de fer, et de faire tirailler ses flanqueurs avec l'avantposte que Geismar avait au petit bois, pour attirer son attention de ce côté. Mais, des qu'il entendrait l'attaque de Rybinski se prononcer par un feu bien nourri, Kicki devait se jetter tête baissée en avant.

Au moment de l'execution Skrzynecki et Chrzanowski vinrent à rencontrer Kicki; ils lui demandèrent quelle était son instruction; il en rendit compte; alors ils la modifièrent, lui ordonnant de ne prendre absolument aucune part à l'action, prétendant que sa coopération pourrait pousser Geismar à la retraite et qu'il fallait au contraire le retenir à son poste, pour qu'il ne put échapper à Rybinski. Ce contre ordre intempestif sauva Geismar d'une entière destruction et inévitable. Lorsque l'attaque de Rybinski fut arrivée sur la chausée, l'inaction seule de Kicki permit au G-l Russe de faire défiler son artillerie et sa cavalerie un à un, à travers les broussailles en arrière du combat [1]).

C'est ainsi, comme nous le verrons encore par les relations des affaires d'Iganie, de Routki et d'Ostrolenka, que le Généralissime qu'on s'était donné incapable de faire aucune combinaison par lui même gâtait toutes celles de l'éxécution desquelles il se mélait.

Revenons à cette affaire.

Le reste des troupeses Polonais passa la Vistule de nuit, se forma en colonnes serrées devant le tête de pont et attendit l'issue du combat. Tout ce mouvement s'opéra dans un silence et dans un ordre parfait. Le secret avait été si bien observé, que l'on apprit à Varsovie que par le buirt du canon, que l'armée avait quitté la ville. Un brouillard épais qui régna toute la matinée favorisa singulièrement l'attaque.

Geismar ne pouvait pas résister à Rybinski, qui n'eut pas même l'occasion d'employer toutes ses troupes. Son corps fut rompu en moins d'une heure de combat; plusieurs de ses bataillons, et nommément le 95-me régiment d'infanterie, fûrent entièrement détruits; nous primes deux drapeaux, deux pièces attelées et environ deux mille prisonniers [2]). L'honneur de ce combat appartient à Rybinski [3]). Chrzanowski s'était rendu sur les lieux du combat; toutefois le mouvement s'était arrêté devant Milosna, où Geismar venait de se réformer. Alors je pris le commandement des premières troupes que je trouvai à la tête, et je pressai les Russes jusqu'au village Dembe-Wielkie, en répétant aux officiers et aux soldats que maintenant il fallait huit jours d'éfforts sur naturels pour obtenir d'immenses résultats, que pendant chacun de ces huit jours il fallait faire une marche forcée et livrer un combat sanglant. Le Généralissime était là pour donner un démenti à mes paroles. Il envoya le Colonel Zawadski occuper Okuniew et le G-l Dziakonski Wiązownia.

Nous arrivâmes dans l'après midi devant la position de Dembe-Wielkie, où le G-l Rosen nous attendait, posté sur une éminence de l'autre côté du village, à cheval sur la chaussée; son aile droite était en saillie et couverte par des broussailles marécageuses. De ce marais il sort un ruisseau fangeux et qui était débordé; il coupe la chaussée devant le village de Dembe où elle traverse un second ruisseau sur une digue très elevée et sur un pont. A quelque distance du village il se joint au ruisseau Mienia, et coule dorénavant parallélement à la chaussée de ce côté et bornait le champ d'action.

Le G-l Rosen avait établi une batterie de position à son aile droite, et une au village de Dembé; leur feu croisé nous accueillit à notre debouché des bois, qui entourent la ferme de Brzeziny.

Aussitôt la marche fut arretée. Boguslawski reçut l'ordre de deployer le 4-me régiment à la droite de la chaussée, Węgierski le 8-me à gauche, tous les deux reçurent celui de marcher en avant. Tous

[1]) Nous en eumes bientôt la preuve, par une relation de cette affaire, qui tombe en nos mains parmi les effets du G-l Nassakine, écrite en allemand de la main du G-l Geismar.

[2]) Nous trouvâmes dans le corps conquis les journaux de Varsovie de la veille, et beaucoup d'objets qui nous prouvèrent que les troupes Russes, et au moins les officiers, n'étaient pas dans la pénurie.

[3]) Rybinski arrivé à Kawęczin aurait du envoyer sa brigade de cavalerie au grand trot par Grzybów à Milosna couper la retraite de Geismar, qui alors, et s'il eut été pressé par Kicki, eut été entièrement détruit.

les efforts que l'on fit de mettre d'artillerie en action echouèrent. Le terrain était tellement détrempé, que les pièces qui quittaient la chausée s'enfonçaient jusqu'aux essieux. Thomas Potocki, aide de camp du Généralissime, conduisit deux pièces de douze sur la chaussée jusque près du village et essaya de répondre à l'artillerie Russe, dont le feu écrasant le força bientôt de retrograder. A la droite, le 4-me de ligne parvint jusqu'au ruisseau, s'empara des premières maisons de Dembé et de deux pièces qui restèrent embourbées à la tête du village; mais ne pouvant pas pénétrer plus loin, il dut se borner à engager une fusillade avec les Russes qui bordaient l'autre rive. A la gauche, le 8-e régiment chassa quelques tirailleurs des broussailles, mais ne pouvait parvenir à déboucher vis-à-vis des forces imposantes que les Russes avaient sur ce point. Le G-l en Chef envoya pour le soutenir le G-l Zalusski, avec deux bataillons du 2-me d'infanterie légère. Alors ces cinq bataillons sortirent des broussailles, mais non seulement ne purent jamais gagner du terrain, mais encore eurent beaucoup de peine à se maintenir, car ils furent canonnés par l'artillerie, attaqués par l'infanterie, et assaillis par des charges répétées de cavalerie. Skrzynecki, Chrzanowski et moi, nous admirions la contenance avec laquelle cette infanterie recevait les charges, qui prouvaient d'une manière évidente qu'au delà du ruisseau le terrain était plus favorable pour les chevaux.

Chrzanowski émit l'idée hasardeuse de faire traverser le village de Dembé à la cavalerie, sur la chaussée, au trot et sur six de front, pour qu'elle put entrer en action de l'autre côté du défilé. Cette idée parut d'abord inadmissible. Cependant le jour était sur son déclin et l'affaire n'avancait pas. Chrzanowski réitere sa proposition. Alors Skrzynecki envoya chercher Skarzynski pour lui demander si dans son corps il ne se trouvait pas un officier et quelques escadrons assez determinés pour tenter cette entreprise périlleuse. Skarzynski demanda si la chose était bien importante; on lui répondit que le succès de la journée dependait de sa réussite. Alors il prend son parti, et tandis que le Généralissime n'était pas encore bien decidé, Skarzynski déclare que lui même va conduire cette attaque qu'il va executer avec la majeure partie de sa division; un instinct vraiment militaire lui faisant sentir que ce ne devait pas être un mouvement partiel, ainsi que lui en avait parlé le Généralissime. Et aussitôt il retourne à sa troupe et la met en mouvement. Deux escadrons (le 3-me et le 4-me) du 2-me de chasseurs forment la tête de la colonne. Ils sont suivis par les deux escadrons de carabiniers (les ci-devant gendarmes); vient ensuite le reste du régiment des Chasseurs, les escadrons de Rosen et le reste de la division. Il faisait déjà presque nuit; le feu se ralentissait; les troupes Russes croyaient la journée terminée, lorsque cette colonne s'ébranla et traversa le défilé au grand trot. A mesure que les escadrons arrivaient au delà du village, ils se formaient. La batterie tomba d'abord au pouvoir des Polonais; les deux escadrons de chasseurs s'avancèrent à droite et enfoncèrent des quarrés d'infanterie postés au près du cabaret. Les carabiniers prirent à gauche de la chausée et rencontrèrent la cavalerie Russe; il y eut plusieurs chocs; les carabiniers se trouvèrent un moment compromis, mais ils furent dégagés par le 2-me. Enfin la victoire de la cavalerie Polonaise, dont six escadrons seulement avaient été engagés sur l'aile gauche des Russes, fut complète. Leurs colonels Schindler et Butrimow étaient au nombre des morts, et parmi les prisonniers se trouvaient le G-l Lewandowski, le colonel Sobaczew, le l.-colonel Torlus, les majors Levicki et Olszynski. Le G-l Rosen eut à peine le temps de se sauver; son cosaque d'ordonnance avait été tué à ses côtés.

L'aile droite Russe profita de la nuit pour opérer sa retraité. Peut être aurait on pu lui faire éprouver le sort de l'aile gauche en rabattant sur elle la cavalerie de Skarzynski et en l'appuyant encore de celle de Lubinski, d'autant plus qu'étant avancée elle se trouvait réellement compromise depuis que les Polonais se trouvaient victorieux au de la du village. Il est vrai que troupes et généraux, nous étions excessivement fatigués; mais la chose méritait un effort extraordinaire. La batterie qui se trouvait à cette aile droite, eut les plus grandes peines à rejoindre le lendemain la chaussée de Kaluszyn, en faisant un énorme détour; plusieurs fois elle s'embourba. Nous, qui étions déjà maitres de la chaussée et avions une avance, nous sommes inexcusables de ne pas avoir songé à elle; elle n'aurait pas du échapper.

L'affaire de Dembé-Wielké a réussi, comme on le voit, que par un coup de main. L'idée a été à Chrzanowski, et il faut convenir qu'elle fut heureuse. Skarzynski Casimir l'éxécuta de la manière la plus brillante. L'attaque d'infanterie ne pouvait produire aucun effet. C'était une division toute entière qui aurait du être déployée à la gauche en colonnes et déboucher par les broussailles. Mais jamais Skrzynecki n'a pu concevoir une manoeuvre de troupes si nombreuses. Les attaques qu'il a ordonnées en personne dans cette guerre ont toujours été morcelées et déconsues. Au reste la journée du 19 (31) Mars restera un fait d'armes éclatant pour les troupes Polonaises; elles y ont fait au delà de 30 verstes de marche, et remporté deux victoires. Cette journée leur couta moins de 500 hommes. Au nombre des tués était le major Staniszewski et le lieutenant du quartier-maitre Wodnicki. Nous couchâmes sur le champ de bataille, le Quartier-Général à Brzeziny. Le Généralissime désigna pour la poursuite du lendemain le G-l Thomas Lubinski avec sa cavalerie, renforcée d'une division d'infanterie. Je lui donnai pour instruction de pousser aussi loin qu'il pourrait dans cette journée, d'accelérer autant que possible sa marche et de

charger avec les escadrons qu'il aurait à la tête de sa colonne, tout ce qu'il rencontrerait, sans s'amuser à déployer beaucoup de troupes; car il était clair qu'après sa défaite de la veille, le G-l Rosen ne penserait pas à accepter un second combat, et ne songerait qu'à accelérer sa retraite, et il convenait de profiter par de l'activité de l'impréssion que la journée de la veille avait du produire sur l'esprit des troupes Polonaises.

Lubinski se mit un peu tard en mouvement, mais il éxécuta à merveille la mission qui lui était confiée. Il poursuivit les Russes jusqu'à Kaluszyn et au delà. Le 4-me de lanciers, qui formait la tête de sa colonne, chargeait tout ce qu'il rencontrait; il rompit plusieurs bataillons, les fit prisonniers et leur enleva trois drapeaux; Ladislas Zamoyski se distingua dans cette poursuite, et y fut blessé. Des détachements envoyés à droite et à gauche de la chaussée, pénétrèrent jusqu'au Liwice et jusqu'au Kostrzyn, et coupèrent différentes troupes Russes qui se retiraient à travers le pays. Chrzanowski déployait de l'activité dans cette véritable chasse qui se faisait. Une terreur panique s'était emparée du corps de Rosen; il était en déroute. On faisait à chaque moment et de tous les côtes des prisonniers; jusqu'à des paysans isolés et sans aucune arme en amenaient des bandes toutes armées qui venaient se rendre à eux dans les bois. Le Kostrzyn arrêta la poursuite; les Russes en la passant venaient de bruler les ponts de cette rivière.

Le lendemain de l'affaire de Dembé, le Généralissime était indécis sur le parti à prendre avec le gros de l'armée. J'insistai pour que nous profitions de l'enthousiasme que notre succès venait de faire naitre dans l'armée Polonaise, et de la consternation que nous devions supposer produite dans l'armée Russe, par une événement si inattendu pour elle, et que du champ de bataille même nous marchions avec nos forces réunies et sans aucune perte de temps par Siennica et Latowicz attaquer le Maréchal à qui nous pourrions, dès que la division Milberg nous aurait rejoint, présenter encore près de 40,000 hommes, même après avoir laissé un détachement de quelques mille hommes vis-à-vis de Rosen, qui bien certainement ne songerait pas pendant quelque temps à des opérations offensives. Mais dès que je parlais d'attaquer Diebitch et plus encore de le battre, Chrzanowski se fâchait, et Skrzynecki me tournait en redicule. Ils finirent par me réduire au silence sur ce sujet. Déjà les troupes se mettaient en mouvement, et le Généralissime hésitait encore sur la direction qu'il donnerait à leur marche, lorsqu'on nous apporta le portefeuille du G-l Rosen, trouvé sur le cadavre de son cosaque d'ordonnance. Parmi les pièces qu'il contenait la plus importante était une instruction signée du Maréchal et de très fraiche date par laquelle en lui exposant ses projets, il traçait au G-l Rosen la conduite qu'il devait tenir. Il y était dit que le Maréchal allait passer la Vistule pour terminer la guerre par la prise de Varsovie; que le G-l Rosen devait se tenir prêt à établir de nouvelles communications avec la grande armée et même à venir la joindre au besoin au moyen de nouveaux ponts qui seraient établis sur le fleuve plus près de Varsovie à mesure que l'on approcherait de cette ville. En attendant le G-l Rosen, ayant sous ses ordres le G-l Geismar, était destiné à couvrir la ligne d'opération du Maréchal, qui de Brzésć allait passer maintenant par Międzyrzec et Kock. «Si les rebelles étaient assez osés», était-il dit dans l'instruction, de sortir de Praga, Vous êtes autorisé, Monsieur le Général, à les en châtier, à les battre et à les rejetter dans Varsovie. Il n'est pas admissible que dans l'état d'affaiblissement et d'anarchie où se trouve leur armée après les défaites qu'ils ont essuyées», était-il encore dit dans l'instruction, «ils puissent tenter quelque chose avec des forces considérables; néanmoins ne voulant pas avoir à me reprocher d'avoir oublié de penser à une chance quelconque qui pourrait se présenter, quelque peu vraisemblable qu'elle soit, j'admets que vous soyez attaqué par des forces supérieures. Alors vous devez vous replier, mais pas plus loin que Siedlce, et vous devez tout risquer pour la conservation de ce point dont la perte compromettrait la ligne d'opération de mon armée, et où vous pourriez au besoin demander des secours au corps des Gardes qui arrive aux environs de Lomza».

Cette pièce mit fin à l'indécision du Généralissime. Il résolut de marcher avec toutes ses forces à Siedlec, croyant qu'une victoire facile et infaillible l'y attendait. Il venait de prendre guôt à des affaires avec le G-l Rosen. Toutefois son éspoir était denué de fondement. Le combat qui était ordonné à Rosen pour sauver Siedlec venait d'avoir lieu à Waver et à Dembé. Son corps n'était plus en état d'accepter un engagement avec toute l'armée Polonaise, qui, en le suivant, désormais courait après une ombre.

Nous avions trouvé dans le portefeuille du G-l Rosen une seconde pièce assez importante; c'était la carte des cantonnements que l'armée Russe venait d'occuper et d'après laquelle les parcs avaient du être dans les environs de Lukow. Si seulement notre mouvement n'avait pas été retardé, cette connaissance aurait du être un motif pour accelérer le mouvement de l'armée sur Ryki, afin d'avoir à faire avec le Maréchal separé de ses parcs. Mais le Généralissime Polonais imagina d'envoyer chercher sur la Narew le régiment de Kuszel, organisé dans le P-t de Podlachie, et par conséquent ayant la connaissance du pays, dans l'intention, disait-il, de le lancer vers Lukow, pour détruire les parcs Russes. Il fallait au moins huit jours pour que ce régiment arriva, et pendant ce temps l'armée Polonaise devait attendre.

Le 20 Mars (1-er Avril) au soir Lubinsky s'étendit le long du Kostrzyn. Le quartier général fut établi à Kaluszyn. Le lendemain de grand matin une délégation du Gouvernement y apporta au Généralissime la croix de commandeur de l'ordre militaire. Il fut si occupé de cette deputation qu'il en oublia sa résolution de marcher sur Siedlce, et l'armée resta dans l'inaction toute cette journée.

L'envoi de cette croix, tant désirée il y avait un mois, ne réconcilia pas Skrzynecki avec le Gouvernement. Maintenant il croyait avoir merité le grand cordon de l'ordre. Aussi il n'attendait que l'occasion de lui faire eprouver quelque mortification,—il ne tarda pas de s'en présenter [1]).

Cependant le G-l en Chef, pressé de tourner son attention vers l'armée du Maréchal, s'était déterminé à une demi mesure, détacha de ce côté le corps de cavalerie de réserve, commandé par Skarzynski, qui occupa Siennica le 20 Mars (1-er Avril). Les Russes venaient de quitter précipitamment cet endroit, en y abondonnant, ainsi que sur la route une quantité de bagages et de caissons, appartenant surtout au quartier général qui n'avait également quitté cet endroit que depuis quelques jours. Les reconnaissances que Skarzynski envoya dans différentes directions, lui ramenèrent 200 prisonniers parmi lesquels se trouvait un major et quatre officiers. Le lendemain il fut informé que le colonel Réad, aide de camp de sa Majesté, occupait Garvolin avec une arrière-garde. Il se proposa de le surprendre, marcha toute la nuit et arriva le 3 Avril (22 Mars) à cinq heures du matin. Réad en était parti dans la direction de Zelechow. Les Polonais étant harassés, Skarzynski ne poursuivit Réad qu'avec trois escadrons. Le major Laczkowski marchait en tête avec le 1-er escadron du 2-me régiment de chasseurs à cheval et était appuyé par le 2-me escadron du 2-me des lanciers. A 7 verstes de Garvolin on atteignit Réad, qui s'y trouvait avec les hussards d'Olviopol et des cosaques, et qui fut aussitôt chargé par l'escadron Polonais. Il parait que l'impression produite par la défaite du G-l Rosen était assez générale dans l'armée Russe, car Réad fut assez facilement enfoncé et poursuivi sur l'espace de plusieurs verstes. Il perdit outre les tués 3 officiers et 130 hussards. Ce même jour Skarzynski se rendit à Miastkow, et le lendemain il occupa Zelechów, où après avoir fait replier des avant-postes il se trouva en présence de forces considérables, composées de toutes armes, dont il essuya un feu d'artillerie qui ne lui fit aucun mal. Là il fut joint par le G-l Chrzanowski, Chef de l'état major général, qui de Kaluszyn s'était porté avec un détachement par Kuflew et Stoczek, et avait aussi ramassé des prisonniers et des bagages. A la nuit ces deux généraux se replient à Miastkow et puis à Latowicz. Skarzynski avait pris pour son compte, dans cette expedition, sur les derrières de l'armée du Maréchal, 800 prisonniers de différents régiments, 160 chevaux, 50 caissons et plusieurs petits magasins.

Le Généralissime lui-même après avoir perdu deux jours à Kaluszyn, se laissa enfin entrainer avec le gros de ses forces à Siennica, où il perdit encore trois journées arpès quoi, laissant la 2-me division à Siennica, il s'avanca, mais avec une grande inquiétude, et avec deux divisions seulement (la 1-re et la 3-me) jusqu'à Latowicz, dont il n'osa plus franchir les défilés. En attendant Milberg était arrivé avec sa division, et reçut l'ordre de s'arrêter à Minsk; et le G-l en Chef, non content de se trouver avec si peu de forces à Lutowicz, eut soin de les éparpiller encore en détachements, qu'il fit placer soigneusement sur tous les passages de la rivière Swider, très marécageuse. Huit jours après être sortie de Varsovie, avec l'idée d'une opération offensive, l'armée Polonaise se trouvait éparpillée sur tout le terrain compris entre le Swider, le Kostrzyn, le Liwiec, le Bug et la Vistule, et ne songeait qu'à se garder [2]), car le Général Skrzynecki à l'instar de tous les généraux médiocres à force de redouter les entreprises du Maréchal, et surtout à force s'inquiéter pour ses flancs et ses derrières, repoussait toute idée d'agir lui-même contre ce même Maréchal, qui, s'il eut su alors apprécier son adversaire, s'il eut connu les dispositions par lui prises, aurait rejetté jusque dans Varsovie toute l'armée Polonaise en marchant directement sur elle. La marche ultérieure de la campagne donnera cette connaissance aux Chefs de l'armée Russe et ils sauront en profiter, ce qui sera prouvé par la manière dont ils executeront leur hardi mouvement de flanc devant Modlin et leur passage de la Vistule. Ayant perdu l'espoir d'engager le G-l en Chef à rien entre-

[1]) D'abord au sujet de Dembinski, ancien capitaine de cavalerie, allié de Skrzynecki, qui pour cette raison il avait nommé colonel et qu'il voulait pousser au grade de Général; ce à quoi le Gouvernement se refusait, Skrzynecki eut là dessus.

[2]) Uminski se trouvait avec un corps de quelques mille hommes à Rojan sur la Narew; le Général Andryshiewicz à Liw; le G-l Lubinski avait tout son corps éparpillé en postes le long du Kostrzyn; Milberg avec une partie de sa division était à Minsk, Gielgud avec une brigade occupait Starogrod et avec l'autre Siennica. Deux divisions se trouvaient à Latowicz tenant de forts détachements le long du Swider jusqu'a son embouchure. Le G-l Skarzynski était à Zelechów et les corps de Pac, Sierawski et de Dwernicki, au delà de la Vistule et au de la du Bug. L'armée Russe étant dans un pays hostile, se trouvait dans la nécessité de se diviser pour l'occuper. La seule chance de succès pour les Polonais, qui étaient plus faibles, consistait à agir offensivement avec une masse contre des parties.

prendre contre l'armée du Maréchal, je lui proposai de profiter de notre position à Siennica et Latowicz pour porter encore un coup décisif à Rosen en tournant ses positions par Wodyn. Cette idée le frappa, mais il fut plusieurs jours avant de pouvoir se décider et l'hésitation était tellement inhérente à son caractère, que les ordres du mouvement furent plusieurs fois donnés et revoqués. Pour ne pas dégarnir nos positions vis-à-vis l'armée du Maréchal, il fut formé pour cette expédition un corps de troupes, prises dans les defférentes divisions. Il fut composé de douze bataillons, six escadrons, deux pièces d'artillerie légère à cheval et six pièces d'artillerie légère à pied. En ma qualité d'auteur du projet, j'eus le commandement de ce corps, à la tête duquel je quittais Latowicz le 28 Mars (9 Avril) dans l'après midi, et j'allai coucher à Wodyń.

Il faisait déjà sombre lorsque nous arrivâmes dans cet endroit. L'escadron d'avant-garde d'un nouveau régiment de Mazurs, renconrta en y entrant des chasseurs à cheval Russes; il les chargea, leur tua quelques hommes et fit une vingtaine de prisonniers. Skarzynski accompagné de Chrzanowski avec son corps de cavalerie, renforcé de quelques bataillons d'infanterie, avait marché immédiatement avant moi par Jéruzal, Seroczyn à Stoczek, dans le but de fixer l'attention du Maréchal et de couvrir mon opération pendant la journée du 29 Mars (10 Avril). Dans le même but Rybinski, qui restait à Latowicz, dut faire éxécuter dans la même journée des démonstrations au delà de Swider, ce qui toutefois n'empêcha par le Maréchal d'exécuter la marche de flanc qu'il avait arretée pour ce jour [1]).

Le corps de Lubinski devait concourir à l'anéantissement de Rosen; à cet effet toute sa cavalerie, comptant au delà de 3,000 chevaux et une batterie d'artillerie à cheval, devait être concentrée le 29 Mars (10 Avril) de grand matin à Sucha, où il y avait un gué; le passer aux premiers coups de canon qui se feraient entendre, ou dès que l'on verrait les Russes quitter les bords du Kostrzyn; se qui serait un indice certain que mon attaque se prononce; et puis sans perte de temps cette cavalerie devait se porter au grand trot vers la chaussée en se dirigeant sur la cannonade, s'il y en avait, afin de venir prendre part au combat dans lequel je me trouverai peut-être engagé; et dans tous les cas elle devait chercher à occuper les détachements Russes, qui du Kostrzyn tacheraient à gagner les défilés d'Iganie et de Chodow ou Mokobudy. L'infanterie de Lubinski, avec son artillerie de position, devait être réunie sur la chaussée avec tous les préparatifs pour le passage du Kostrzyn qu'elle devait forcer, et rétablir le pont au même signal.

Le Généralissime se chargea en personne de l'execution de la partie de l'opération qui concernait le corps de Lubinski.

Il promit d'être à cet effet rendu auprès de lui dans la nuit, et Lubinsky fut seulement prévenu par moi d'être prêt à concourir à une opération offensive dont il recevrait les dispositions du Général en chef lui même. J'avais déjà deux fois envoyé à Lubinski les dispositions relatives à cette opération, et deux fois j'avais du les contremander par suite des hésitations du Général en chef.

Le 29 Mars (10 Avril) à la pointe du jour je quittai Wodyn avec mon corps, et je me dirigeai sur Domanice. Au passage du Kostrzyn, que je trouvais libre, j'appris qu'une nombreuse cavalerie occupait ce village. C'était une forte reconnaissance, que le G-l Rosen avait faite en personne dans la direction de Stoczek, et qui retournait. J'ordonnai à Michel Mycielski, commandant le 2-me des lanciers, d'aller avec les quatre escadrons de son régiment, et deux pièces d'artillerie à cheval, attaquer cette cavalerie; ce que Mycielski éxécuta de la manière la plus brillante. Il avait à faire à un ennemi plus que du double plus nombreux [2]), et qui accepta le combat. Il y eut plusieurs chocs. Enfin la mitraille de nos deux pièces, dont les Russes étaient depourvus, et peut-être aussi la vue des bayonettes de notre infanterie qui commencaient à luire sur la lisière de la forêt, décida la victoire en notre faveur; elle nous valut près de 300 prisonniers et 150 chevaux sans compter les morts. Nous n'eûmes que quelques blessés et quatre tués; mais au nombre de ces derniers, j'eus l'inexprimable douleur de compter mon propre neveu, enfant de la plus grande éspérance, que ses parents du Duché de Posen venaient de me confier en qualité de volontaire. Mycielski en véritable colonel de cavalerie avait payé d'exemple. Ses habits étaient criblés de coup de lances. Son régiment qu'il commandait pour la première fois dans une action, charmé de la bravoure que son chef avait deplogée, le salua d'acclamations.

Skrzynecki avait du entendre le canon Domanice, et être dans ce moment en action. J'accélerai par conséquent le mouvement sur Iganie. Pendant cette marche, j'eus un moment l'idée de tourner aussi le Muchawiec, et d'aller m'emparer de Siedlce, ce qui aurait vraisemblablement rejetté le G-l Rosen au dela

[1]) Les troupes de Skarzynski et celles que je commandais avec Milberg qui était à portée, eussent suffi, pour attaquer le lendemain à Rója la marche du Maréchal qui était un peu hasardée, et produire de bien autres résultats que le combat insignifiant d'Iganie. Mais ce n'était pas avec Skrzynecki qui l'on pouvait songer à exécuter des inspirations soudaines.

[2]) Il y avait je crois une brigade de hussards, le régiment de hulans Lithuaniens et des cosaques, le tout commandé par le G-l Sivers.

de la Liwiec dans la direction de Sokolow, et eut compatement determiné sa séparation avec le Maréchal. Mais je commencai à apprécier l'inactivité de Skrzynecki, et par cette raison je n'osai m'aventurer au milieu des forces Russes, en laissant deux obstacles entre mon corps et celui de Lubinski le Kostrzym et le Muchawiec; d'autant plus que comme nous avions perdu tout de journée, je pressentais que l'armée du Maréchal devait être en mouvement, et je ne me souciais pas de tomber avec mes 9,000 hommes au milieu de ses colonnes. J'aurais marché sur Siedlce, si l'opération se fût executée au moins deux jours plutôt.

Craignant que des détachements Russes, pressés de front, ne cherchassent à s'échapper dans la direction de Lukow, je laissais à Golombek le G-l Boguslawski avec trois bataillons du 4-me, un escadron et deux pièces d'artillerie. Ce détachement fut une faute; j'eu commis une seconde en envoyant un bataillon et un escadron observer un gué, qui se trouvait à droite au milieu de Muchowiec.

Ce détachement n'était pas assez fort pour défendre le passage à des forces considérables, et je n'avais pas à redouter des faibles détachements. Un officier sûr avec un piquet de cavalerie eut suffi à ce gué. Lorsqu'on s'attend à avoir un engagement, on fait rentrer les détachements et on n'en fait pas [1]). Je me trouvai privé devant Iganie de 3,000 hommes qui auraient pu y être très utiles; je leur envoyai bien en engagement le combat l'ordre de venir me rejoindre, mais ils n'arrivèrent qu'après l'affaire.

Arrivé avec six mille hommes devant Iganie, en présence du corps de Rosen, j'arrêtai mes troupes dans des broussailles qui s'étendent entre un marécage et le Muchawiec, je les formai et je leur donnai quelques instants de repos très nécessaire après la marche que nous venions de faire, et en attendant, accompagné du G-l Kicki et de quelques officiers, je reconnus la position des Russes.

Nous nous trouvions en presence de tout le corps du G-l Rosen, renforcé depuis sa défaite. Le village était garni d'infanterie. Une nombreuse cavalerie sur plusieurs lignes formait la droite des Russes et s'étendait vers le moulin à vent. Devant le village il y avait une batterie d'artillerie légère, une autre moins nombreuse se trouvait postée au moulin. Le front des Russes allait presque parallélement à la chaussée; leur aile gauche s'appuyait au Muchawiec, dont le défilé se trouvait en arrière de cette gauche. Au delà de ce ruisseau marécageux l'on apercevait en outre différentes réserves; nous éstimions le tout de 12, à 15,000 hommes. Une plaine nous séparait [2]). Il était clair que le G-l Rosen n'acceptait le combat que pour protéger la rentrée de ses détachements du Kostrzyn. Nous apercevions à tout moment, derrière le front Russe, de l'artillerie et des bagages qui défilaient par la chaussée.

Kicki insistait pour que nous nous retirions, trouvant que les Russes nous étaient trop supérieurs. Une retraite n'était pas admissible; elle eut fait avorter toute l'opération, et aurait pu compromettre le corps de Lubinski, qui devait avoir passé le Kostrzyn. D'ailleurs ce corps devant arriver d'un moment à l'autre sur les derrières des Russes, ce n'était que s'il trouvait ces derniers fortement engagés avec moi, qu'il pourrait amener leur entière destruction et nous procurer la prise de toute l'artillerie qui se trouvait de ce côte du defilé.

Cette considération, ainsi que la vue des detachements qui à tout moment passaient le défilé vers Siedlce me determinèrent. Je donnai l'ordre d'attaquer.

Craignant d'abord que mon aile gauche ne fut enveloppée dans la plaine par la nombreuse cavalerie qui formait la droite des Russes [3]) je resolus de la refuser, et je l'appuyai à des monticules qui se trouvaient sur la lisière des broussailles auprès du marécage, où je postai mes quatre pièces d'artillerie à pied. D'ailleurs je ne me souciai pas de pousser à la retraite cette aile droite Russe. Je voulais au contraire, faisant un effort par ma droite, m'emparer au plutôt du défilé, coûper par là la retraite aux Russes, et assurer leur destruction dès que l'arrivée du corps de Lubinski aurait decidé leur entière défaite. Je destinai le 4-me à former la réserve de l'aile droite, dès qu'il serait arrivé.

Dès que la ligne Polonaise s'avança hors des broussailles, elle fut accueillie par le feu des deux batteries Russes. Bem se porta en avant avec ses dix pièces et y répondit tout en gagnant du terrain; sa conduite fut admirable. Pendant cette canonade, la droite des Polonais, dont le 8-me de ligne, conduit par le colonel Węgierski formait l'extremité, avançait en colonnes d'attaque par bataillons précédés de tirailleurs. Bientôt la fusillade s'engagea sur cette aile. Alors les Russes sur plusieurs points de l'autre rive du Muchawiez démasquèrent tout à coup des batteries de position qui prirent la ligne Polonaise en flanc, en écharpe et même à revers. Ce feu ne fut pas à beaucoup près aussi meurtrier qu'il aurait pu l'être; néanmoins les boullets, qui sillonnaient la ligne, et les obus, qui venaient d'éclater au milieu de

[1]) Le grand Sobieski a écrit que l'art de la guerre consistait à savoir se réunir pour combattre et se partager pour profiter de la victoire et pour subsister.

[2]) Je crois que les troupes que le G-l Rosen engagea étaient commandées à l'aile droite par le G-l Sievers, au centre par le G-l Fézé et à l'aile gauche par le G-l Dobrowolski.

[3]) Vingt un escadron avec 8 pièces d'artillerie à cheval.

l'ordre de bataille, produisaient un grand effet sur le moral des troupes. Je n'avais pas d'artillerie à opposer à ces nouvelles batteries; vouloir distraire pour cet objet une partie de celle qui ce trouvait engagée, c'eut été affaiblir l'attaque, sans que des pièces légères eussent produit et surtout à cette distance aucun effet contre de l'artillerie de position. Je pris donc le parti de ne prendre en aucune considération ce nouvel incident et je pressai l'attaque.

Bientôt l'artillerie légère Russe est réduite à se replier au delà de l'Iganie. Une partie des pièces s'embourbe dans ce moment, le 8-me Polonais s'empare de l'extrémité de ce village et de la chaussée; les canonniers Russes fusillés à bout portant se souvent avec les chevaux; les pièces embourbées restent en notre pouvoir. Le Général Russe sent que tout ce qu'il y a de troupes sur la rive gauche de Muchawiec se trouve compromise. Il forme une colonne de l'infanterie qu'il a sur la rive droite; le 13-me et 14-me de chasseurs la composent. Ces régiments, nouvellement arrivés du corps de Pahlen 2, n'avaient pas encore combattu dans cette guerre et brulaient du désir de se distinguer. Cette formidable colonne passe le défilé au pas de charge, prend à gauche et tombe avec impétuosité sur le 8-me Polonais, qui, combattant depuis quelques heures, est ramené en désordre. Le village en flammes, et les pièces perdues sont reprises par les Russes, ils poursuivent leur succès contre notre aile droite, qui est de nouveau couverte de projectiles de l'artillerie postée au de là de Muchawiec. Dans ce moment le feu de l'artillerie Polonaise cesse tout à fait; Bem vient m'annoncer qu'il a épuisé ses munitions [1]). Ma positions était devenue critique, je pris le parti de m'en tirer par un coup de vigueur.

Le front de la colonne avait été determiné par la largeur du défilé qu'elle avait eu à passer; il était par conséquent très petit, et la colonne était en revanche profonde. Celui qui la commandait commis la faute de ne pas la déployer en colonnes par bataillons sitôt qu'il commenca à depasser le village d'Iganie. La colonne s'alongea au contraire en poursuivant les Polonais. Je m'aperçus de cette faute et je résolus d'en profiter. J'ordonnai à Kicki de continuer la retraite avec l'aile droite dans le meilleur ordre qu'il lui serait possible, et je courus à mon aile gauche. J'y trouvais l'infanterie formée en carrés, que je fis convertir en colonnes serrées par bataillons; et je les conduisis contre l'aile droite Russe; la cavalerie qui s'y trouvait recula derrière le village; alors j'ordonnai au Colonel Ramorino de continuer, ce mouvement avec le 1-er régiment de ligne et de s'emparer du *dwór* qui formait l'extremité du village de ce côté, et était fortement défendu, ce qui fut executé. Quant à moi, je me mis à la tête des trois bataillons du 5-e et je conduisis leurs colonnes d'attaque à distances rapprochées au pas de course, droit au defilé. Tandis que mes tirailleurs se répandaient dans le village et s'y fusillaient avec les Russes, je le traversai rapidement. Tout en courrant je parlai aux soldats pour les engager à ne pas perdre du temps à faire feu. Je fus obéi; pas un coup de fusil ne fut tiré.

Cependant la colonne Russe s'aperçut du danger qui la menacait; elle s'arrêta et rétrograda; mais elle ne put regagner l'avance que je venais de prendre sur elle. La rencontre eut lieu sur la chaussée, et il s'en suivit un combat meurtrier à la bayonette, ou la victoire resta aux Polonais.

La colonne Russe fut rompue, tout ce qui en avait formé la tête fut pris avec un drapeau. Une partie de l'aile droite des Russes se réfugia par le defilé de Chodów, ou tout droit par le Mouchawiec, où ella eut beaucoup de noyés. Mais la plupart des pièces embourbées avaient pu être retirées. Un régiment [2]) qui ne comptait à la verité qu'environ 500 hommes, et qui avait occupé le poste de Łączka, se trouva en retard. L'issue d'Iganie étant déjà au pouvoir des Polonais, il déposa les armes sans combattre devant les grenadiers qu'il rencontra près de la chaussée.

La relation Russe avoue dans cette journée une perte de mille hommes tués et blessés. Il y avait dans le nombre plusieurs officiers supérieurs et un grand nombre d'officiers. Les Polonais firent en outre au dela de 2000 prisonniers, parmi lesquels il y avait trois colonels et beaucoup d'officiers. Le 13-me et 14-me furent presque détruits. Le chef de cette brigade Général Dobrowolsky et le l. Colonel Zirkoff, commandant du 14-me, avaient été blessés, et le colonel du 13-me Bezsonoff tué par les baïonettes. La relation cite comme s'étant particulièrement distingués dans cette journée les 13-me et 14-me rég. chasseurs et les 47-e et 48-e de fusiliers, ainsi que la cavalerie de Sievers.

L'impartialité qui m'est imposée me met dans l'obligation de signaler quelque fois des faits peu honorables, sans égard s'ils ont été commis par des Russes ou des Polonais. Si j'ai eu et si j'aurai encore à parler avec horreur des massacres executés à Varsovie par quelques Polonais, je dois mentionner avec

[1]) Nous ne nous étions pas attendu à un engagement sérieux; mais nous croyons qu'il s'agissait de faire simplement une battue contre le corps de Rosen éparpillé. Par cette raison et pour alléger la marche, mon artillerie n'avait qu'un iaszczyk par pièce. Par la même raison encore, il n'y avait pas d'artillerie de position à mon corps.

[2]) Le 98-me.

la même franchise les atrocités commises par leurs adversaires. En entrant à Iganie, nous cûmes l'affreux spectacle d'habitants, d'enfants récemment massacrés, de femmes enceintes eventrées. Mais de pareilles horreurs n'étaient pas dans le caractère des deux nations; elles furent rarement commises dans le cours de cette malheureuse guerre.

L'affaire d'Iganie s'était terminée à la chute du jour. Skrzynecki arriva avec le corps Lubinski après le combat. S'il était venu deux heures plus tôt la défaite de Rosen eut été bien autrement complète. Voilà ce que tout le monde répétait, et c'était une clameur générale contre la faute qui avait fait manquer jusqu'à un certain point l'opération. Mais qui était l'auteur de cette faute? Le Général en Chef la rejetta par un ordre du jour sur le compte du G-l Stryienski, et lui ôta le commandement de sa brigade. Cet officier a demandé à plusieurs reprises une enquête, pour prononcer sa justification sur la conduite qu'il avait tenue en cette occasion, jamais il n'a obtenu aucune réponse. Voici comment les choses se sont passées [1]).

Le Général en chef, qui est naturellement très indolent, et qui pendant toute la campagne n'a jamais eu la force de se priver d'aucune de ses commodités, au lieu de quitter Latowicz, pendant la nuit, ainsi qu'il en était convenu, ne partit que le 29 Mars (10 d'Avril) assez tard. Il arriva tard au comp de Lubinski dont les troupes attendaient sous les armes dans les différents postes qu'elles occupaient. A peine arrivé, et cela en voiture, Skrzynecki pretendit être excessivement fatigué, et sans faire aucune disposition, sans s'informer même de l'emplacement des troupes et se rendit à un village qui se trouvait à quelques verstes en arrière, y déjeuna et se coucha.

Tandis que Skrzynecki dormait, le combat s'engageait à Iganie, on entendait distinctement chaque coup de canon; on vit un courrier arriver avec des ordres au poste Russe qui ce trouvait sur le Kostrzyn, ce poste échangea des coups de canons avec notre artillerie et se mit en retraite. Lubinski envoyait informer Skrzynecki à son village de tous ces incidents; celui-ci arriva enfin, mais il n'y avait aucun préparatif de fait pour le passage du Kostrzyn, et la cavalerie ne se trouvait pas réunie au gué de Soucha. Alors seulement le Généralissime fit travailler au pont; alors il envoya en hâte à Sucha Stryienski avec sa brigade, mais en oubliant de lui donner une instruction quelquonque. Stryienski passa le gué, rencontra de la cavalerie russe, s'arrêta, craignant de se compromettre et, dans l'ignorance où il était de ce qui se passait, il envoya damander des instructions. Le temps et l'occasion étaient perdus [2]).

Cependant le Maréchal avait fait détruire, le long de la Vistule, tous les préparatifs du passage, qui avaient coutés dans de travaux aux troupes Russes, et mettait son armée en mouvement pour regagner la chaussée et rejoindre le G-l Rosen, par une marche de flanc. Les parcs et l'artillerie furent dirigés par Luków sur Siedlce. Les colonnes de troupes prirent une direction plus ecurte par Rójà. Le jour même de l'affaire d'Iganie, celle qui marchait de Zélékow à Stoczek [3]), se présenta à Skarzynski dont l'aspect et la bonne contenance l'engagea à changer subitement de direction et à prendre à droite par Lipniak et Debie, ou elle s'arrêta, couvrant la marche des autres colonnes qui firent, un plus grand circuit, en se dirigeant de Zelechów à Lukow. Plusieurs détachements et un grand nombre de militaires isolés de munitions et des bagages, qui suivaient la direction assignée aux troupes, tombèrent d'eux mêmes entre les moins des Polonais.

Le quartier Général du Maréchal arriva dans la journée du 30 Mars (11 Avril) à Siedlce, et dans la nuit qui suivit toute son armée y fut concentrée. Peut être les Polonais eussent ils encore pu prévenir l'armée Russe s'emparer de ce point important le 30 (11) de grand mâtin, et la rejetter sur Międzyrzec. Ils avaient couché à Iganie; pendant la nuit leurs forces s'y étaient plus doublées presque toute l'armée pouvait y être réunie dans la journée. Mais ni ces considérations, ni la vue du champ de bataille couvert de trophées, ni le petit nombre de forces que Rosen présentait, ne purent engager Skrzynecki à chercher à tirer un parti quelquonque du succès de la veille. Il partit immédiatement établir son quartier général à Jędrzeiów entre Minsk et Kaluszyn, laissant l'ordre aux troupes de se replier nuitamment derrière le Kostrzyn. De cette manière l'affaire d'Iganie devint une épisode sans importance dans la conduite des opérations de la guerre. Trois ou quatre mille hommes de plus ou de moins dans l'armée Russe ne pouvaient influer sur l'issue des événements. Un succès n'a de l'importance qu'autant qu'on en

[1]) Je n'en ai appris les détails que quelque temps après par Thomas Lubinski.

[2]) On a de la peine à entrer dans de pareils détails sur la conduite d'un homme public. Mais comment éviter de les rapporter si c'est precisément cette conduite que a influé d'un manière décisive sur les évenéments? Pour les connaitre et les apprécier à leur juste valeur il faut bien faire la connaissance des hommes qui les ont dirigés. D'ailleurs si ces hommes ont ambitionné de se mettre en évidence, et d'occuper une place dans l'histoire, il est juste que l'histoire les récompense, ou les pousse d'après leurs mérites par un arrêt porté en bonne connaissance de cause.

[3]) C'était, je crois, la 3-me division.

sait tirer parti. Et certes il ne vaut pas la peine de répondre du sang, et risquer des affaires pour le seul plaisir d'en livrer, et si on n'a pas l'intention de profiter des succès. Mais si le G-l Skrzynecki n'avait pas perdu quelques jours par ses hésitations à Latowicz et eut consenti à l'éxecution de l'opération contre le G-l Rosen dès qu'elle lui fut proposée, à coup sûr le corps de ce dernier était détruit et l'armée du Maréchal rejettée à Międzyrzec, peut être même jusqu'au Bug. C'est par dessus tout la valeur du temps à la guerre, que le Chef des Polonais n'a jamais su apprécier.

Ce fut à la suite de l'affaire d'Iganie que la contagion du choléra morbus se manifesta chez les troupes Polonaises, et du camp elle passa à Varsovie. Toutefois cette maladie n'a jamais exercée des ravages bien considérables parmi nous. Nous étions trop occupés de la guerre que nous avions sur les bras pour lui accorder une bien grande attention, et c'est peut être une des raisons qui ont contribué à amortir le venin.

CHAPITRE QUATRIÈME.

Observations sur les opérations des deux armées.—Affaires sur le Liwiec.—Défaite de Sierawski à Wronowo et Kazimierz.—Marche de Dwernicki en Volhinie; combat indécis de Boromel; catastrophe de ce corps.—Mouvement offensif du Maréchal, combat de Minsk.—Expédition de Chrzanowski dans le P-t de Lublin.—Affaires du Lubartów.—Projet d'opérations offensives des Polonais.

Une faute que commit le Maréchal Comte Diebitch après la bataille de Grochów, ce fut de trop mépriser l'ennemi à qui il avait à faire. Ce qu'il nous prouva suffisamment par la manière dont il reçut les ouvertures du G-l Skrzynecki, et par l'instruction donnée au G-l Rosen, et cependant les combats qui s'étaient livrés jusquelà auraient du peut-être lui faire apprécier ses adversaires. Il en couta à l'armée Russe l'abandon du passage de la Vistule qu'elle était sur le point d'executer; plus un corps d'armée, qui presque entièrement ruiné sortit de ligne et alla se réorganiser à Brześć Litowski, que l'on fortifait, et qui était la base des opérations du Maréchal. Et encore l'armée Russe, sans l'impéritie de Skrzynecki, aurait pu payer beaucoup plus cher la faute de son Chef. Une fois qu'elle fut ralliée dans les environs de Siedlce elle dut s'applaudir d'être sortie de ce pas à bon marché.

Il convient cependant de dire pour la justification du Maréchal que sa position était embarassante. Supris au milieu de son opération par un dégél imprévu, qui la fut avorter, il était arrivé par un véritable effort, vu la saison, aux portes du foyer de l'insurrection, il y avait combattu, et il avait annoncé à son Souverain, et il avait proclamé à l'Europe des victoires. Pouvait il par une retraite immédiate se donner un démenti et compromettre le prestige de la force de son armée, qu'il avait presentée si imposante dans sa première relation, et cependant cette armée, abimée par une campagne d'hiver dans un pays très pauvre, ne pouvait pas se passer de quelque repos dans des cantonnements. Elle devait en prendre d'autant plus que la saison rendait pour quelque temps impossible toute idée de passer la Vistule avec une armée. Nous avons déjà exposé ailleurs les difficultés qui s'opposaient à l'attaque de Praga.

D'ailleurs faire cette attaque avec une partie de ses forces eu été dangereux, vu la présence de l'armée Polonaise à Varsovie; la faire avec toute l'armée, c'était continuer les opérations au fort de l'hiver; c'était lui refuser un répit dont elle ne pouvait pas se passer. D'un autre côté, le Maréchal ne pouvait pas se faire une idée des ressources que l'enthousiasme créait chez les Polonais, et qui les mirent si vite en état de rentrer en campagne. Au reste il crut devoir compter un peu sur la fortune, à qu'il faut bien laisser sa part dans toutes les combinaisons que l'on fait à la guerre; le maréchal crut pouvoir d'autant plus s'abandonner à la sienne, qu'elle l'avait si bien servi au delà du Balkan, et une faveur spéciale de sa part, ne lui était nécéssaire que pour quelques semaines.

Quant aux Polonais, ils avaient, il est vrai, obtenu jusque la de très grands avantages. Le passage de la Vistule de l'armée Russe encore avorté, dix drapeaux, environ 30 pièces d'artillerie [1]) enlevées et 16,000 prisonniers qui avaient traversé Varsovie étaient des succès auxquels on ne s'était guerre attendu. L'ivresse était générale; on crut Skrzynecki grand capitaine; lui même se crut tel, et l'on s'imagina que sous sa conduite la cause de l'indépendance Polonaise ne pouvait plus succomber. Cependant ces avantages étaient bien peu de chose eu égard à la disproportion des masses qui se trouvaient en collision; et l'affaire d'Iganie fut le terme des succès. Le général en chef n'avait pas su profiter de la seule occasion où les chances se réunissent en sa faveur pour décider la campagne à l'avantage des Polonais. Maintenant l'armée Russe, établie aux environs de Siedlce, est revenue de sa surprise, ses chefs ne commetteront plus la faute de mépriser leurs adversaires même lorsque ceux-ci auront tout à fait cessé d'être imposants, elle va reprendre ses avantages. Les chances en faveur des Polonais vont devenir de jour en jour moins nombreuses, et ils ne sauront jamais saisir les retours de la fortune; elle les abandonnera sans retour, comme si elle était irritée de leur impéritie; le malheur la remplacera; il s'attachera à leurs pas, les calamités se succéderont rapidement, et en peu de temps réduiront leur cause aux abois.

[1]) Y compris l'artillerie que Dwernicki avait prise dans trois combats.

Le G-l Andrychiewicz, avec le 20-me régiment d'infanterie, 2 pièces d'artillerie et une centaine de chevaux occupait Liw, et avait chassé de Węgrów le G-l Pinabel, en lui faisant éprouver quelques pertes le 28 Mars (9 Avril). Pinabel renforcé, attaqua les Polonais et les força d'évacuer Węgrów; mais il fut arrêté par eux au passage du Liwiec qu'il essaya de forcer. Le lendemain 29 (10) le combat recommenca sans résultat. On envoyait par la rive gauche du Liwiec quelques munitoins au Général Andrychiewicz, des cosaques réussirent à passer la rivière et enlevèrent deux *iaszczyk* avec quelques canonniers. Pendant ce combat et tandis qu'on se battait à Iganie, le G-l Uminski, venant de la Narew, arriva à Liw avec tout son corps, prit à l'instant l'offensive, repoussa Pinabel au loin et campa avec le gros de ses forces à Liw. Réuni à Andryschewicz, il comptait environ 6,000 hommes. Uminski avait été attiré à Liw par le Général en chef pour couvrir l'aile gauche des positions Polonaises contre les Gardes, et aussi pour faire des tentatives vers Mokobudy et Sokolow. Uminsky fit une excurcion dans cette direction avec une partie de son corps; il en ramena une soixantaine de prisonniers.

Cette pointe poussée jusqu'au delà de Sokolów, engagea le Maréchal à détacher de ce côté le G-l Ougrioumoff, avec la 1-re division grenadiers et 8 escadrons de cavalerie. A son aproche Uminski replia tous ses détachements sur la rive gauche du Liwie, mais il laissa 300 hommes dans une mauvaise flèche qu'il avait fait construire en guise de tête de pont devant la digue. Les carabiniers du 1-er régiment et de celui du Feld-Maréchal Barklay de Tolly, soutenus d'une nombreuse artillerie, emportèrent facilement le retranchement. Le détachement Polonais se défendit encore dans l'intérieur, mais finit par succomber; son commandant le major Chliwski blessé fut pris avec une partie de son monde, le reste avait péri. Les tentatives des russes pour passer la digue echouèrent. Pendant la cannonade, le G-l Uminski s'apercevant que la cavalerie ennemie se trouvait à gauche à une trop grande distance du corps principal fit passer le Liwiec au gué de Grodzisk par le 1-er régiment de lanciers qui chargea anssitôt la cavallerie Russe [1]). Elle reçut le choc; il y eut une mêlée. Les Polonais furent *victorieux;* les Russes rompus furent rejettés jusque sur leur infanterie et sur leurs pièces, abandonnant *250 prisonniers* et *200 chevaux* sans compter les morts. Si Uminski avait fait passer toute sa cavalerie, il avait combiné ce mouvement avec une attaque d'infanterie pour la digue, il aurait pu obtenir un résultat décisif.

Les Polonais perdirent dans cette affaire environ 800 hommes; la perte des Russes doit avoir été à peu près égale [2]). Six jours après l'affaire, après que le G-l Ougrioumoff fut retourné à son corps, Uminski réoccupa Węgrów, y trouva une partie des prisonniers, qu'il avait perdus, et 400 blessés Russes, parmi lesquels il y avait des officiers de différents grades.

De son camp de Liw, Uminski fit la petite guerre avec succès. Dans la nuit du 8 (20) au 9 (21 Avril un escadron du 1-er régiment, commandée par le major Suleiewski et conduit par quelques habitants, surpris près de Sokolów le 8-me de chasseurs à cheval, détaché du camp de Siedlce. Les Polonais lui tuèrent 40 hommes et deux officiers, en prirent 5, parmi lesquels un officier supérieur, 173 sousofficier et soldats et 100 chevaux, n'ayant perdu dans cette affaire qu'un soldat tué et 3 blessés.

Dans la nuit du lendemain, le major Kacperowski, envoyé par Uminski, surpris de la même manière un escadron de hulans de Tartarie [3]). Il lui tua un officier et 33 soldats et prit un officier, 67 sous-officiers et soldats et 42 chevaux.

Les Polonais y perdirent 2 sous-officiers et 2 soldats.

Le 6 (18) le l. colonel Zaliwski avait eu un engagement heureux avec les cosaque de la Garde au village Udrzyn entre le Bug et la Narew.

Le 9 (21) Avril, la cavalerie Polonaise essuyait un petit échec sur un autre point. Le 5-me régiment de lanciers (de Zamoyski) tenait les avant-postes au village Kolacz en avant de Kuflew, il y fut assailli par des cosaques. Le 1-er escadron les repoussa et se laissa entrainer à leur poursuite jusqu'à ce qu'il eut donné contre plusieurs escadrons de hussards, de l'infanterie et de l'artillerie aux ordres du

[1]) Il y avait des hulans de Tartarie, de Pologne et de chasseurs d'Arzamas et de Tiraspol.
[2]) Le Rapport du G-l Ougrioumoff avoue une perte de 17 officiers et 867 soldats tués et blessés.
[3]) Près de Mokobudy.

G-l Manderstern. Tout le régiment accourut au secours de l'escadron compromis, mais ne fut s'en tirer qu'avec une perte de deux officiers et d'environ 60 hommes. Son colonel Gawronski y fut blessé.

A cette époque le G-l Sacken, n'ayant plus à Ostroleka personne devant lui pour l'observer, envoyait de nouveau des partis dans le Palatinant de Plock. Pour y mettre ordre le G-l Skrzynecki détacha du corps du G-l Uminski le 1-er régiment de lanciérs et une batterie d'artillerie légère et le 1-er régiment d'infanterie légère, composé alors de 4 bataillons. Ce détachement, commandé par le colonel Lewinski, marcha par Pultusk à Rójan. Le général en chef avait l'idée qu'il parviendrait peut-être à pénétrer entre le Narew et la Prusse à Augustow et en Lithuanie.

Il s'imaginait qu'un aussi faible secours serait suffisant pour assurer la prépondérance à l'insurrection de ces contrées, qui était alors dans son fort. Il désirait par l'envoi d'un tel corps décharger sa conscience, qui lui reprochait de sacrifier les Lithuaniens par son inaction. Peu de temps après il envoya le G-l Jankowski remplacer Lewinski dans le commandement de ce petit corps. Mais l'entreprise qu'il désirait voir éxecuter était toujours impossible à cette époque dans cette direction [1]).

Ce fut le G-l Sierawski qui ouvrit la série des malheurs qui vont accabler les Polonais. Ainsi que nous l'avons dit, il commandait environ 6,000 hommes, entre Solec et Góra, sur la rive gauche de la Vistule. Tout ce corps était composé de troupes de nouvelle formation; l'infanterie était armée en grande partie de faux, et toute son artillerie se composait de six pièces dont une partie du calibre de trois. Le vieux Siérawski, brave homme dans son intérieur, était incapable d'aucun commandement. Par cette raison je lui avais fait ôter celui de la place de Zamósé, et lui en donner un illusoire dans le P-t de Sandomir. Lorsque Chrzanowski jugea à propos de former un corps vers Solec, Sierawski se trouva la tout naturellement pour en prendre le commandement. Lorsque Dwernicki eut marché vers Zamosć il fit quelques expéditions partielles sur la rive droite; elles occasionnèrent des escarmouches insignifiantes qui ne laissaient pas que d'aguérrir ces nouveaux soldats. Dans une de ces expéditions il s'était emparé du magazin de Kazimierz.

En informant le G-l Sierawski de la grande opération offensive, qui allait être executée sur la rive droit de la Vistule, et qui vraisemblablement aurait pour résultat d'attirer sur nous l'armée du Maréchal, je lui prescrivais d'épier ce moment, de rassembler des bateaux et de passer la Vistule dès que l'armée Russe s'en serait éloignée. Alors il devait faire la petite guerre en évitant soigneusement tout engagement sérieux. S'il était menacé par un coprs considérable, il devait se replier au delà du Weprz sur le corps du comte Pac, qui recevant une instruction pareille à la sienne, trouverait à sa hauteur. S'il lui était impossible de rejoindre le C-te Pac, il lui était permis de se jetter vers Zamosć.

Sierawski en apprenant qu'il s'agissait d'un mouvement offensif, prit feu et voulait passer la Vistule sans attendre l'effet de la grande opération. Les personnes sensées qui se trouvaient auprès de lui eurent de la peine à l'en dissuader. Et lorsque le Maréchal eut quitté la Vistule l'ardeur de Sierawski était passée et il eut des scrupules de s'engager au delà du fleuve. Il en fut reprimandé. Alors son ardeur se réveillant de rechef, il courut se frotter au G-l Kreutz.

Le C-te Pac avec son corps d'environ 6,000 hommes de toutes armes, composé en partie de bonnes troupes et en partie de nouvelles levées, avait éxécuté son passage dès que le Maréchal eut quitté la Vistule entre Czersk et la Pilica à Potycza, où il avait établi un pont sur bateaux, que l'on avait couvert par un excellent tête de pont [2]). Ce point de passage était extrémement utile en ce qu'il élargissait la base des opérations de l'armée Polonaise. La tête de pont protégeait suffisament contre une insulte. Mais le Généralissime crut qu'il fallait couvrir ce point de passage par tout le corps de Pac, et à cet effet il lui fit prendre poste à Barowie, où il crut en outre qu'il garantissait l'aile droite de son armée, campée à Kaluscyn.

Quant au G–l Sierawski, il passa la Vistule du 1 (13) au 2 (14) Avril. Les postes Russes se replièrent par tout devant lui. Il s'avança sur Belzyce. Le G-l Kreutz, dont le corps de cavalerie (le 5-me) était renforcé des trois régiments de grenadiers de Lithuanie, vint à sa rencontre. Le colonel Lagowski, commandant les 5 escadrons de Sierawski, s'était avancé par une marche forcée le 4 (16) Avril jusqu'au village Babin; il y rencontra l'avant-garde Russe, commandée par le G-l Manderstern, et l'attaqua; elle se replia sur un gros de troupes de toutes armes, avec lequel Lagowski se trouvant inopinément engagé, eut beaucoup de peine à s'en tirer. Sierawski accourant à son secours avec une partie du corps, arriva le soir à Belzyce, se convainquit de la grande superiorité de Kreutz, se replia par conséquent au village

[1]) Il convient d'observer, que dans sa manie de morcellement, le G-l en chef était appuyé par les vues du chef d'état major qu'il avait choisi.

[2]) Le point stratégique eut été au confluent au Weprz. On avait choisi Potycza parceque les localités y étaient très favorables à l'etablissement d'un passage.

de Wronowo, et néanmoins se détermina à y accepter le lendemain un combat rangé, pour lequel son corps n'était nullement fait. Le 5 (17) le G-l Kreutz se porta en avant; il fit replier l'avant-garde Polonaise de Belzyce. Bientôt un combat générale se trouva engagé à Wronowo. L'infanterie Polonaise, commandée par le colonel Mlokosiewicz [1]), se comporta beaucoup mieux qu'on aurait pu s'attendre de troupes nouvelles et mal armées.

Sierawski paya de sa personne. Mais la superiorité du G-l Kreutz en artillerie et en cavalerie était par trop écrasante. Après quelques heures d'engagement Sierawski fut contraint à la retraite qu'il éxécuta en assez bon ordre et sans pertes notables [2]).

Le G-l Sierawski, arrivé au milien de la nuit à Kazimierz, confiant dans la forte position de cette ville entourée de ravins, ne songea à aucune disposition ultérieure. Cependant le lendemain vers midi, il se trouva assailli par le corps du G-l Kreutz presque sur tout le pourtour de la ville. Alors, tandis qu'une partie de ses troupes combattait, il faisait passer le reste avec son artillerie sur quelques embarcations. Jules Malachowski, une faux à la main, conduit les Polonais à la charge et fait plier les tirailleurs Russes; il tombe bientôt frappé de plusieurs balles. Mlokosiewicz continue encore de résister, mais déjà la cavalerie Russe a nettoyé les dehors de la ville; les colonnes de leur infanterie, renforcées à tout moment, y pénétrent de tous les côtés. Les Polonais qui n'ont pu parvenir à s'embarquer sont rompus, ils se retirent en désordre avec le G-l Sierawski par Pulawy et passent la Vistule à l'embouchure du Wieprz sans être inquiétés, mais ayant fait des pertes sensibles. Environ 2,000 hommes avaient été tués, blessés ou pris. L'escadron de Wielhorski coupé, s'était jetté dans les flots de la Vistule et y avait peri en grande partie. Le l. colonel Krzesimowski, les majors Sakowski, Wielhorski, Korycki se trouvaient au nombre des prisonniers. Mais le G-l Kreutz, en déployant un peu plus d'activité et de vigueur, aurait pu anéantir le corps Polonais.

Par suite de cette affaire le corps du G-l Sierawski était complétement demoralisé. Le G-l Dziakonski fut envoyé en prendre le commandement, et grâce à la bonne volonté générale il se trouva en fort peu de temps réorganisé et plus nombreux qu'il n'avait été. Même une partie des prisonniers faits à Kazimierz parvinrent à s'echapper à la faveur de leur costume villageois et rejoignirent leur corps. Dziakonski fut laissé sur la rive gauche de la Vistule; il envoyait des petits détachements dans le P-t de Lublin, qui y firent la guerre avec quelque succès.

Un coup infiniment plus sensible pour les Polonais, ce fut la catastrophe de Dwernicki. Ce général, après avoir reposé son corps et s'étant renforcé de quelques volontaires Galiciens et Volhiniens, et après avoir fait une démonstration vers la Vistule, avait quitté les environs de Zamosć, avait passé le Bug le 30 Mars (11 Avril) sur un pont, qu'il fit jetter à Kryloff, et trompé à ce qu'il parait par de faux renseignements sur la force des troupes Russes, qui occupaient la Volhinie et la Podolie, il s'enfonca témérairement dans ces provinces en longeant la frontière de la Galicie, qui lui procurait quelques faibles secours et la faculté a y déposer ses malades et blessés. Le jour même de son passage, cinq pelotons du 2-me des lanciers et du 4-me de chasseurs à cheval rencontrèrent près de Poryck les dragons de Kargopol, les chargèrent, les rompirent et leur prirent 5 officiers et 150 soldats avec leurs chevaux. Chemin faisant, Dwernicki continua à enlever des détachements et des transports destinés pour l'armée. Le G-l Ridiger occupait le pays avec le 4-me corps de cavalerie de réserve renforcée d'une partie du 3-me corps d'infanterie et recevait en outre des renforts de la 1-re armée. A l'approche de Dwernicki, il concentra ses forces à la rive droite du Styr. Le G-l Polonais arrivé à Boromel le 4 (16) Avril, reconnut la nécéssité de donner un jour de repas à ses troupes excessivement fatiguées. Il fit construire un pont en face du Palais et fit occuper un bois sur la rive droite du Styr, par un bataillon d'infanterie. Ce détachement fut attaqué de grande matin par une brigade de chasseurs de la 10-me division d'infanterie Russe; il se replia jusqu'au pont, où il fut sontenu. Il s'engagea sur ce point un combat d'artillerie qui n'eut d'autres résultats que de couter du monde aux deux partis. Le lendemain matin les Russes recommencèrent le feu dans l'intention de fixer l'attention de Dwernicki, qui fut informé dans le même moment que Ridiger, ayant passé le Styr à Krynki, arrivait avec toutes ses forces sur son aile gauche. Il laissa son infanterie et deux pièces d'artillerie pour contenir les Russes, qui continuaient des tentatives de passage à Boromel; il envoya six escadrons pour arrêter une colonne de cavalerie qui arrivait de Beresteczko, et avec le reste de ses troupes il marche au devant de Ridiger. Le choc des deux cavaleries eut lieu à peu de distance de la ville; il fut terrible. Les Polonais eurent le dessus; la cavalerie Russe fut ramenée en désordre jusque

[1]) Les 11-e et 16-e régiments à deux bataillons; le 4-me bat. du 2-me et un détachement de chasseurs de Jules Malachowski.

[2]) Il fut même emmener un canon demonté et 40 prisonniers.

[3]) Je crois que le G-l Ridiger éprouve le même accident dans cette affaire.

sûr son infanterie. Là, elle se rallia et revint à la charge. Les Polonais sont ramenés à leur tour. Dwernicki tombe avec son cheval qui s'abat, mais bientôt il en monte un autre, et à sa voix, ses soldats, dont il est adoré, se rallient autour de lui. Il le conduit de rechef à la charge et encore une fois il est victorieux de la cavalerie Russe à laquelle il enlève cette fois ci 8 pièces, dont il emmène 5. Un orage violent suspend forcèment le combat. Dwernicki retourne vers le soir à son camp de Boromel et les Russes au leur, qui se trouvait en arrierè du village de Nowosiolki, et le champ de bataille, couvert de morts des deux partis, sépare les deux camps. Les Polonais avaient perdu 500 hommes dans cette affaire. La perte des Russes en hommes ne fut certainement pas moindre. Le Général Plohowo y fut blessé.

Malgré ce demi succès la position de Dwernicki était désésperée. Il n'y avait pas moyen de songer à renouveler l'engagement avec Ridiger plus que du double plus nombreux, et surtout en artillerie et en infanterie, et cela d'autant moins que les Polonais avaient depensés la plus grande partie de leurs munitions dans les journées du 6 (18) et du 7 (19). S'il se retirait sur Zamość, il attirerait à sa suite Ridiger et pouvait encore trouver sur son chemin le G-l Kreutz [1]); et, tout en compromettant par là son corps, il ferait avorter dès le principe toutes les insurrections, que son apparition venait de faire éclore dans les Gouvernements Polonais et sur lesquelles on avait fondé de si grandes éspérances. Un dernier espoir lui restait, celui de prévenir Ridiger en Podolie, d'ésperer une explosion générale dans cette province, qui passait pour être encore plus Polonaise que la Volhinie, et de se procurer des munitions et un point d'appui en s'emparant de Kamieniec par un coup de main. Bercé de ces projets, le G-l Dwernicki quitta son camp de Boromel à la pointe du jour du 8 (20) Avril, et passa le Styrz au gué de Beresteczko. Le passage n'était pas encore terminé que déjà l'arrière-garde Polonaise était attaquée par Ridiger, dont l'avant-garde ne cessa de les presser et surtout à Radziwilow et Kolodnia. Mais le G-l Russe ne se contentait pas de talonner les Polonais. Sa grande superiorité numérique lui permit de les déborder constamment par sa gauche: il les prevint à Krzemeniec. Dwernicki pressé du tous les côtés, arrêté dans sa marche par de nouvelles troupes qui arrivaient de Podolie, réfugia enfin son corps harassé de fatigues dans un camp situé entre Lulynce et Ilince, et qui, adossé à la Galicie, couvert par des marais, n'était abordoble que d'un seul côté. Il y resta deux jours. Enfin le 15 (27), le G-l Ridiger commençant son attaque, et une de ses colonnes tournant déjà l'aille gauche de Dwernicki [2]), celui-ci se réfugia sur le territoire Autrichien, avec l'espoir d'obtenir la permission de traverser la Galicie pour rentrer en Pologne. Cet espoir fut déçu; son corps fut obligé de livrer ses armes, ses chevaux et 17 [3]) pièces d'artillerie, et en outre les troupes furent retenus en Autriche [4]). De cette manière les Polonais perdirent un corps de près de 5 mille hommes pour la plupart de cavalerie dont l'esprit de Dwernicki avait fait les troupes les plus braves du monde. Cette perte était par elle même irréparable; mais outre elle fit avorter le mouvement qui commençait dans les trois Gouvernements Polonais. Après la catastrophe de Dwernicki, il fut assez facile aux Russes d'étouffer les insurrections partielles. La conduite de Dwernicki devint en outre un funeste antécédent dont Gielgud et Chlapowski et plus tard Romarino ne manqueront pas de se prévaloir. Un bien petit nombre de chefs insurgés résolus parvint à se faire jour et à rejoindre l'armée Polonaise. Au reste cette catastrophe était inévitable. L'envoi du corps de Dwernicki avait été une faute grossiere.

Pendant que ses lieutenants éprouvaient ces désastres, le Généralissime de l'armée Polonaise passait son temps à son quartier-général de Jędrzeiow, sans rien changer aux habitudes de sa vie, et aussi tranquillement, comme s'il se fut trouvé en pliene paix. Il donnait exclusivement son attention à la rédaction de très longues épitres, adressés aux souverains et aux ministres de l'Europe, sans oublier le Rais-Effendi et même le medecin Gräfe à Berlin. Il y travaillait conjointement avec M-r Horodyiski, dont il faisait grand cas, et qui par cette raison il avait fait nommer Ministre des affaires étrangères. Dans

[1]) D'ailleurs il n'avait plus de pont sur le Bug.

[2]) Dwernicki prétend que les Russes, pour le tourner, entrèrent les prèmiers sur le territoire Autrichien.

[3]) Y compris les cinq pièces prises à Boromel.

[4]) On s'est beaucoup élevé, et avec raison, contre les troupes et les généraux qui déposent leurs armes; on est même allé jusqu'à proposer de considérer un tel acte comme un crime pour lequel la législation militaire deverait statuer des peines. Nous observerons cependant que les annales des nations les plus guerrières offrent dans tous les siècles des exemples de troupes très braves, déposant leurs armes. C'est ainsi qu'un corps d'armée de Frideric II les deposa à Maxen; Blucher s'est rendu avec ses troupes après l'affaire de Lubek. Des corps d'armée Francais se sont rendus à Bleinhein et à Baylen. Les Saxons au Lilienstein. Les armées Antrichiennes se sont rendues plus d'une fois et notamment à Mantoue et à Ulm. L'armée de Charles XII a capitulée après la journé de Pultawa. Une armée Russe commandée par Schein en a fait de même près de Smolensk il y a environ 200 ans. Il y a plus de 2,000 ans qu'une armée grecque capitula en Sicile. Il n'y a pas jusqu'aux Romains qui n'aient eu dans leurs beaux jours des fouches caudines.

ces notes il exposait très en détail les griefs de la nation Polonaise, les raisons qui devaient faire désirer son indépendance aux puissances, et il mendiait leurs secours et leur intervention. Après avoir expedié ces missives, il demeura tranquille, dans l'attente de leur effet immanquable; car, se pignant d'être grand légicien il s'imagina qu'il avait attaqué les puissants de l'Europe avec des arguments irrésistibles. Il n'essuya que des dédains tandis qu'il attendait tout de ses volumineuses missives. Il considérait comme un sur croit de moyens, mais également infaillibles l'expédition de Dwernicki, et le soulèvement de la Lithuanie qui prenait un caractère plus prononcé que celui des provinces méridionales. Quant à l'armée Polonaise, elle était à cette époque disséminée depuis la Narew jusqu'au Wieprz, et même au delà, le gros aux environs de Kaluszyn. Son chef était près à la replier jusque dans Praga au premier mouvement offensif que ferait le Maréchal Diebitch qui avait réuni son armée aux environs de Siedlce.

Ce fut à cette époque que le Général en Chef me communiqua une lettre, que le maréchal Grouchy avait adressé à la légation Polonaise à Paris et par laquelle il offrait ses services, sans prétention d'être employé, traité ou payé d'après son grade. Il voulait seulement avant de se mettre en route, s'assurer par une réponse précise que ses services seraient agrées. La légation ne voulant pas prendre la chose sur elle, envoya la lettre de Grouchy au gouvernement de Varsovie, et celui-ci en référa au Généralissime. J'ignore pourqoi cette proposition n'eut pas d'effet, mais j'ai tout lieu de croire que Skrzynecki la déclina parceque l'on n'attribua pas un autre les succès que les armes Polonaises pourraient obtenir [1]).

Le Maréchal Diebitch, ayant concentré toutes ses forces en avant de Siedlce, résolut de présenter la bataille au Généralissime Skrzynecki. A cet effet l'armée Russe fut mise en mouvement. Le 12 (24) Avril par sa gauche, et débouchant par Wodynie son avant-garde conduite par le Maréchal en personne, attaqua le lendemain 13 (25) Kuflew. Ce point était occupé par le C-l Dębinski avec 8 escadrons [2]), deux bataillons et 4 pièces légères. Les avant-postes tenaient le village de Kolacze; ils se replièrent à l'approche des Russes, mais Dębinski eut l'honneur de tenir 5 heures à Kuflew contre le maréchal en personne, dirigeant l'attaque de son avant-garde soutennu par une nombreuse artillerie de position. Vers le soir les Polonais se replièrent en arrière de Ceglow, sans avoir eprouvé de pertes, et pendant la nuit toute l'armée Polonaise (y compris Uminski qui avait occupé Liw) éxécutait une marche rétrograde vers Praga, et le corps du comte Pac à Potycza [3]).

Le lendemain 14 (26) l'armée Polonaise continua sa retraite dans la position de Dębé Wielkie; le G-l Gielgud, faisant l'arrière-garde, occupa la forte position de Minsk avec 8 bataillons d'infanterie, 6 pièces de position et 12 légères; sa gauche était formée par la cavalerie du G-l Skarzynski Casimir, dont la brigade Kicki [4]) avec 4 pièces d'artillerie à cheval se trouvait en avant. La ville de Minsk, devant le centre de la position, était occupée par un bataillon.

A 11 heures du matin l'avant-garde Russe, composée de tout le 1-er corps aux ordres du G-l Pahlen, déboucha des bois par la route de Ceglow. Les 3-me et 4-me régiments de Marine, soutenus d'une nombreuse artillerie, attaquèrent à droite, et se portèrent vers la chaussée. Ils étaient appuyés par le 1-er et 2-me régiments de marine et les 1-er et 2-me régiments de chasseurs. Le L. Général Skobeleff avec 2 regiments de la 2-me division, soutenus du 6-me de chasseurs, avança par la route et sur sa gauche. La 3-me division était destinée à tourner la droite des Polonais.

Le combat était à peine engagé que les hussards de Lubno, s'étant avancés pour attaquer la cavalerie Polonaise, furent eux mêmes chargés par Kicki, culbutés, et une partie du 4-e reg-t de marine se trouva compromise. Cependant les masses Russes se développant de plus en plus, et conduites par le G-l Manderstern, ayant occupé la chaussée, Skarzynski ramena la brigade Kicki dans la position au delà de Minsk, où le combat continua environ deux heures sans aucun avantage prononcé d'aucune part. Alors le mouvement de la 3-me division, conduite par le Général Schkourine sur le flanc droit de Gielgud, commençant à se prononcer, les Polonais quittèrent la position et se replièrent en ordre au village de Stoiadlo, où le combat se renouvela et dura environ une heure, après quoi Gielgud rejoignit l'armée à Dembe Wielkie. Il fut suivi jusqu'à ce village par les hussards de Lubno, de Kliastiz avec deux compagnies de cosaques de la mer noire.

[1]) Après les avantages remportés contre Rosen, il ne cessait de témoigner sa joie sur ce qu'il n'y avait à l'état major de l'armée Polonaise aucun étranger à qui l'on s'aviserait d'attribuer ces succès.

[2]) Du 4-me de lanciers de Mazowie et de Podlachie.

[3]) Le G-l Chrzanowski voulait qu'avec toutes ces troupes, qui se trouvaient autour de Kaluszyn, le G-l en Chef marcha pendant la nuit dans la direction de Kuflew, de manière à attaquer en flanc, dans la matinée du lendemain l'armée du Maréchal qui vraisemblablement se trouverait en marche sur Ceglow. Mais le Généralissime alors, comme tonjours, ne permettait pas seulement qu'on lui parlat d'un engagement général.

[4]) Le 2-me de chasseurs à cheval et le 2-me de lanciers.

La relation Russe avoue une perte de 300 hommes au combat de Minsk. Le l. Général Skobeleff [1]) y eut un bras emporté; le G-l Prince Pkheisé fut blessé d'une balle et le l. colonel d'artillerie Borissoff fut tué. Les Polonais perdirent moins de 300 hommes; le l. colonel Iurski se trouvait au nombre des blessés. On resta quelques jours en présence à Dembe Wielkie. Le 15 (27) Avril, le G-l Uminski qui, s'était replié à Okuniew, fit une reconnaissance dans la direction de Stanislavow avec deux escadrons de cavalerie de Lublin, il rencontra inopinément 200 hussards du régiment de Pawlograd et quelques centaines de cosaques. Le colonel Dluski les chargea avec ses Lubliniens, les dispersa dans la forêt, leur tua un officier et 30 hommes et leur prit 1 officier et 72 soldats avec leurs chevaux [2]). Cependant le Maréchal, voyant qu'il ne parviendrait pas à engager le G-l en chef Polonais à une affaire générale, se mit en mouvement le 18 (30) Avril et retourna derrière le Kostrzyn, où il prit un camp dans l'angle, formé par le confluent de cette rivière et du Liwiec, et il fit couvrir de retranchements le village de Sucha, qui pouvait lui servir de débouché. L'armée Polonaise se campa autour de Kaluszyn. Rybinski avec sa division occupa Ceglow et Kuflew; le comte Pac se reporta en avant; Uminski fut posté à Zimna Woda.

Le 22 Avril (4 Mai) le Maréchal fit en personne une forte reconnaissance en avant de Sucha, qui donna lieu à un engagement insignifiant avec Uminski. Il était évident que le Maréchal Diebitch, ne pouvant amener les Polonais à une bataille, resterait dans son camp de Sucha jusqu'à ce que les insurrections des gouvernements Polonais étant comprimés et Dwernicki défait (ce qui ne pouvait manquer d'arriver, si nous restions dans l'inaction), son armée reçut des renforts qui la metteraient en état d'entreprendre des opérations décisives pour s'emparer de Varsovie, unique ressource des Polonais pour faire la guerre. D'un autre côté tous les moyens du Royaume se trouvaient épuisés. L'armée Polonaise n'en pouvait plus attendre de si tôt ni secours ni renforts; il fallait que, s'épuisant par ses propres efforts, elle succombât sous peu, si elle ne venait à conquérir par un grand succès, qui la conduirait en avant, des nouveaux moyens d'alimenter la guerre. Et il fallait se hâter, tant que les forces étaient à peu près égales, tant que l'enthousiasme, qui se manifestait dans les troupes Polonaises à chaque rencontre, n'était pas évaporé et enfin tant que les insurrections des gouvernements n'étaient pas comprimées. D'ailleurs, ce n'est que par l'action par des mouvements offensifs que l'on peut parvenir à la guerre à des résultats et même lorsqu'on est réduit à la défensive, qu'il est possible d'éviter de succomber. C'est ce que je répétais journellement au Généralissime pour l'engager à une mesure décisive, et Chrzanowski lui même qui n'était pas habituellement pour les mesures qui exigeaient de déployer une grande activité, convenait qu'il fallait agir.

Le Général en Chef poussé de cette manière à l'action en d'un autre côté ayant à coeur de prendre une revanche pour l'echec essuyé par le G-l Sierawski, un peu aussi pour faire une diversion en faveur de Dwernicki, dont la catastrophe n'était pas encore comme au quartier Général, resolut d'envoyer une expedition dans le P-t de Lublin; mais il la fit à sa manière, tellement faible, que loin de remplir aucune de ces vues, elle ne faisait que compromettre les troupes qui allaient y être employées. Si au lieu de 15 mille hommes qui furent envoyés, toute la division Rybinski occupant Ceglow et Kuflew réunie au corps du C-te Pac, qui se morfondait à Borowie, eut debouché par Kock sur Lublin, le corps du G-l Kreutz aurait été grâvement compromis.

Le Généralissime confia au G-l Chrzanowski [3]) cette expédition, qui choisit lui même les troupes dont il voulut composer ce corps d'élite. Ce furent six bataillons (le 1-er et 5-me régiments de ligne) pris dans la 1-re division et commandés par Ramorino, un détachement de chasseurs francs, 8 escadrons commandés par Ambroise Skarzynski, un des braves de l'armée Polonaise (4 escadrons du 1-er de chasseurs à cheval, 3 escadrons du 1-er de krakus et un escadron que Chrzanowski renvoya de Kock avec les prisonniers), 8 pièces d'artillerie légère à cheval et 2 pièces de position.

Tandis que ce corps se dirigeait sur Kock, le Maréchal avait envoyé le colonel Kouznecow avec le régiment de cosaques de l'Attaman et le 5-me régiment de cosaques de la mer Noire par Zelechów vers Ryki pour maintenir la communication avec le G-l Kreutz qu'il renforçait en même temps de la

[1]) La blessure de ce Général a cela de particulier, qu'il a été pointé individuellement par l'artillerie, se trouvant isolément avec deux officiers.

[2]) Je crois que le G-l Nassakine se trouvait à ce détachement.

[3]) On a fait differentes conjectures à propos de l'envoi du G-l Chrzanowsk. Le fait est que le Généralissime, bien decidé à cette époque à rester dans l'inaction, crut qu'il ne pouvait donner de meilleur chef au seul corps qui paraissait destiné à agir, que Chrzanowski, en la capacité duquel il avait une grande confiance. D'ailleurs, il le laissa le maître de se charger de ce commandement, et ensuite faire tout ce qu'il vondrait, aussi Chrzanowski ne reçut-il absolument aucune instruction. De plus le G-l en Chef s'était aperçu qu'il n'aimait pas à s'occuper de travail de bureau de l'Etat major. Il voulait aussi lui procurer l'occasion de se distinguer par un succès. Chrzanowski ne voulut pas avoir un plus grand nombre de troupes pour en être moins embarassé.

3-me brigade de la 24-e division commandée par le G-l Fésé. Le détachement de Kouznezof fut entamé par Skarzynski, qui avait marché par Ryki et avait poussé un parti jusqu'à Pulawy et se croyant coupé par la marche des Polonais, il traversa le Wieprz au gué de Lysobyki et se rejetta sur Kreutz qui par conséquent il renforça encore.

Le 23 Avril (8 Mai), Chrzanowski occupa inopinément Kock, y prit 4 officiers, 158 soldats, 150 chevaux, 16 caissons remplis d'effets, un de chapelles de campagne et différants approvisionnements. Le G-l Tieman se replia de Kock dans la direction de Kamienka sur le G-l Fésé. Le 27 (9) Chrzanowski passa le Wieprz et, détruisant les ponts derrière lui, il dirigea 4 bataillons sur Kamienka, et Skarzynski avec sa cavalerie et une partie de son artillerie par la route de Lubartow et par Skrobow pour tourner la forêt.

Le G-l Kreutz instruit du mouvement des Polonais, réunissait ses troupes à Garbhów le jour même où Chrzanowski occupait Kock; le 27 (9) il marcha sur Kamienka ayant ordonné au G-l Fési de se porter en avant sur Firley. Ce dernier rencontra Ramorino dans la forêt; l'engagement qui s'en suivit fut à l'avantage des Polonais, qui y firent 570 prisonniers avec 10 officiers sans compter les morts. Pendant cet engagement Skarzynski débouchait de Skrobow sur le seul chemin de retraite du G-l Fési. Le G-l Délingshausen arrivé à Kamionka lui opposa ses premières troupes qui arrivaient à cet endroit et Fési parvint à se sauver, grâce sur tout à une mésintelligence très prononcée qui s'était manifestée entre Chrzanowski et Skarzynski. Vers le soir Chrzanowski voyant les Russes se renforcer à tout moment marcha à Lubartow, où il fut attaqué le lendemain matin par toutes les forces du G-l Kreutz. Les Polonais appuyaient leur aile droite à la ville, dont une compagnie du 1-er régiment occupait l'église, et ils étaient adossés au Wieprz.

Un engagement très rude pour les Polonais dura plusieurs heures, et continua encore lorsque Chrzanowski par un mouvement de flanc se fut mis en marche vers Lęczna. Plusieurs charges partielles de cavalerie, dont quelques unes furent conduites par le G-l Kreutz en personne sur l'aile gauche des Polonais, echouèrent; mais la grande superiorité de l'artillerie Russe ecrasait les Polonais. Leur détachement qui occupait l'église se trouva coupé; il repondit par son feu de mousqueterie à la canonade des Russes qui incendiait toute la ville et ne se rendit qu'après avoir brulé sa dernière cartouche [1]). Le l. Colonel Chmielievski, commandant le 1-er de chasseurs, fut tué dans cette journée, le major Falkowski l'avait été la veille. Chrzanowski vivement pressé, mais emmenant même ses prisonniers, passa le Wieprz à Lęczna, où il arrêta la poursuite en détruisant les ponts. Alors il se décida à marcher à Zamość par Siedliszcze pour recompléter ses munitions epuisées et reposer ses troupes. A Stary-Zamość il eut encore un engagement avec l'avant-garde de Kreutz, réunie au détachement du G-l Dawidow. Dans la journée du 11 (23) il arriva enfin à Zamość et resta au delà de deux mois dans les environs de cette place; l'armée Polonaise, qui sans cela n'était pas trop forte contre celle du Maréchal, se trouva encore privée de cette manière d'une division de ses meilleures troupes.

On ne peut que louer la promptitude avec laquelle le Général Kreutz réunit ses troupes et marcha contre Chrzanowski. Mais à Lubartow, il n'aurait pas du le laisser échapper. Si au lieu de se borner à une canonade et à quelques charges partielles il avait fait donner son corps avec ensemble, Chrzanowski était perdu sans ressources. Maintenant l'armée Polonaise se trouvait sans Chef d'état major et sans général de service. Le commandant en Chef avait promis, il est vrai, en envoyant Chrzanowski, de s'occuper lui-même de son service pendant son absence qui ne devait être que provisoire, avec l'assistance de M-r Hübener, qu'il avait nommé son Chef de l'état major Général. Mais ce dernier n'y entendait rien du tout, n'ayant jamais été militaire, et Skrzynecki était beaucoup trop indolent pour un travail assidu, de manière que rien ne se faisait dans cette partie, excepté toutefois de nombreuses promotions et des distributions de croix. Les affaires s'encombraient, et les liens de la discipline se relâchaient de jour en jour. Déjà par exemple tous les régiments d'infanterie avaient jetté spontanèment leurs schakos pour se débarasser d'un fardeau qui leur paraissait inutile. La pusillanimité visible du chef refluait insensiblement sur les troupes et affaiblissait peu à peu l'enthousiasme. Bientôt la bonne volonté des individus fut le seul lien qui maintint l'ensemble de l'armée, d'ailleurs bien nourrie et régulièrement payée.

A cette époque, j'obtins la permission de réorganiser l'armée. Le corps Pac fut enfin supprimé [2]),

[1]) Je crois que quelque infanterie Polonaise coupée à Lubartow se réfugia au delà de la rivière, et rejoignit en marche le corps.

[2]) Son corps ayant été dissous, le comte Pac reçut un commandement illusoire sur la rive gauche de la Vistule. Alors il adresse une lettre particulière et très touchaute au G-l en Chef pour se plaindre de sa nouvelle destination, disant, qu'il n'ambitionnait rien autre chose que de partager les dangers de ses compatriotes combattant pour l'indépendance de la patrie.

Alors il reçut le commandement de la réserve, composée de la 3-e division d'infanterie, du corps de cavalerie du G-l Skarzynski et de l'artillerie de réserve.

je formai une 5-me division d'infanterie dont Henri Kaminski reçut le commandement. La majeure parti des régiments de nouvelle formation se trouvaient en ligne. Les brigades furent généralement composées d'un régiment ancien et d'un noveau. Tous les jours j'avais des discussions très vives avec le G-l en Chef, sur ce qu'il y avait à faire. Parlant du principe que notre inaction amènerait la chute des insurrections dans les Gouvernements et de nos corps detachés, puis des renforts très considérables à l'armée du Maréchal, et par conséquent très positivement notre perte, je jugeai, que pour ne pas succomber il nous fallait absolument conquérir de noveaux moyens de continue la guerre, et le chemin le plus court pour celà était sans contredit de remporter une victoire sur le Maréchal, qui jamais ne se présenterait à nous moins fort qu'il ne l'était alors. Les chances, il est vrai, n'étaient plus de beaucoup aussi favorables qu'elles l'avaient été dans le courant du mois de mars; néanmoins l'armée Russe ne comptait guère que 50,000 hommes, et si elle avait une artillerie beaucoup plus nombreuse que les Polonais, ces derniers pouvaient en attirant le corps de Dziakonski par Potycza, l'attaquer avec plus de 60,000 hommes, même après le départ de Chrzanowski. Le succès de toute la campagne eut dépendu de l'issue d'une bataille, et c'était encore un avantage pour les Polonais d'avoir à la livrer avec des forces à peu près égales, d'autant plus qu'ils ne pouvaient pas se flatter de le conserver longtemps. Tous les jours je présentais au Généralissime un projet de dispositions qui consistait: 1° à faire marcher Dziakonski par Potycza, Latowicz, Wodynia, Zebrąk, tant que Chrzanowski occupait Kreutz. 2° Dès que ce corps serait à hauteur de faire passer le Kostrzym au reste de l'armée à Łączka, abandonnant la chaussée, et masquant le mouvement par un simple rideau. 3° D'attaquer l'armée Russe avec six divisions et trois corps de cavalerie, de manière à la pousser en cas de succès dans l'angle, formé par les marais du Kostrzym et du Liwiec. 4° Si l'armée Polonaise était repoussée, de se retirer sur Potycza par un pays fourré et accidenté très propre à couvrir une retraite. Si nous ne nous rendions maîtres des opérations, tandis que nous le pouvions les évenements finiraient par nous surprendre inopinément contre notre gré d'une manière inattendue et fatale. Ostrołęka l'a prouvé.

Ce projet occasionnait tous les jours entre le G-l en Chef et moi des débats interminables, qui devenaient tous les jours plus fatiguants et que quelquefois il provoquait lui-même. Les raisonnements roulaient toujours dans le même cercle vicieux. C'était tantôt les canons de Diebitch qu'il objectait et tantôt ses cuirassiers. D'autres fois il prétendait que l'on ne pouvait pas attaquer une armée en position. Dans cette occasion, ainsi que pendant toute cette guerre, il demandait de lui prouver d'une manière précise et convaincante que le succès était infaillible et que nous ne courrerions absolument aucune chance contraire; ce qui était ridicule dans un art de combinaisons, où chaque problème présente toujours plusieurs solutions. Toujours il voulait aussi avant de se décider, attendre des renséignements encore plus positifs sur l'ennemi, que ceux que l'on avait. Et si même on en recevait de satisfaisants ils ne pouvaient pas être comme de raison du jour même; c'était encore un pretexte pour rester dans l'inaction, et en attendant les occasions échappaient. A la guerre les renseignements sur l'ennemi, qui ordinairement ne peuvent pas être tout à fait exacts, et qui sont souvent contradictoires, et les reconnaissances ne donnent que des notions imparfaites.

Mais l'instinct militaire d'un véritable Général, une sorte de seconde vue dont il doit être doué, lui fait voir clair dans ce chaos, et lui dicte des inspirations qu'il éxécute à l'instant et qu'il modifie dans l'éxécution d'après les incidents nouveaux et imprévus qui se présentent. Mais tout celà était du veritable grecq pour Skrzynecki. Quelques notions mal digerées de l'histoire lui faisaient croire qu'en n'agissant pas, il imitait la conduite d'un Fabius cunctator, et il s'imaginait que ne pas se battre, c'était ne rien compromettre. Etait-il assez songereux pour croire qu'il pourrait sortir triomphant de cette guerre sans s'être mesuré avec la principale armée Russe, croyait-il bien sincèrement que les insurrections, une intervention le bon Dieu enfin le tirerait d'affaire? Il le disait, mais dans le fait l'inaction était dans son caractère, et il lui cherchait des excuses. Nos contestations journalières se terminaient toujours de la même manière. Tout en convenant qu'une bataille gagnée nous metterait sur pied, il me demanda si je lui en garantissait le gain, et comme je lui repondais naturellement que ce serait absurde de ma part, il me demandait encore: et si nous la perdons? Alors, lui disai-je, nous aurons seulement accéléré de quelques mois une catastrophe, qui nous attend infailliblement, si nous restons dans l'inaction, et pour lors sans aucune chance de succès, mais même dans ce cas le pays gagnera à voir terminer plutôt les calamités d'une guerre qui la ruine. Eh bien! répliquait-il, moi je ne veux pas l'accelérer d'un seul jour cette catastrophe; et ladessus il coupait l'entretien, et le lendemain la discussion recommencait.

Un jour je l'entrainai aux avant-postes voir le camp du Maréchal, que l'on y découvrait parfaitement [1]). Il aperçut les retranchements de Sucha; dès lors à toutes les propositions d'attaque, il répondait:

[1]) C'est la seule reconnaissance qu'il ait fait tout le temps qu'il a commandé l'armée et il n'est pas monté à cheval plus de six fois.

«comment! attaquer des fortifications»! J'avais beau lui démontrer que notre attaque tournerait les retranchements; il n'y eut pas moyen de le faire revenir. Alors, comme j'insistais toujours sur l'absolue necessité d'agir et que lui ne voulait plus même entendre parler d'avoir affaire au Maréchal, nous revinmes tout naturellement à l'ancienne idée de marcher contre les gardes. Cette opération était maintenant plus convenable qu'elle ne l'aurait été au mois de mars, parceque maintenant le Maréchal n'était pas comme alors en mesure de passer immédiatement la Vistule, et parceque son armée n'était plus en prise comme elle l'avait été alors dans ses cantonnements. Mon idée en projettant cette opération était de surprendre les gardes par un mouvement rapide, de les battre avant que le Maréchal put arriver à leur secours, et de rejetter au loin leurs débris, d'ouvrir par le Palatinat d'Augustow une communication vers la Lithuanie, d'y envoyer par ce chemin des renforts. Et comme il était très probable que notre mouvement attirerait sur nous la grande armée Russe, de nous maintenir pour lors contre elle sur la défensive au delà du Boug, en interceptant ses communications avec la Prusse dont elle tirait en grande partie ses approvisionnements depuis que l'insurrection de Gouvernements paralysait ses convois directs. D'ailleurs par cette opérations nous nous opposerions à la marche du Maréchal sur la basse Vistule pour y entreprendre un passage, car déjà nous avions quelques données sur l'existance de ce projet. Tandis que nous attirerions sur la Narew les principales forces Russes, le corps qui aurait été laissé pour masquer notre mouvement et pour la défensive immédiate de Varsovie prendrait une vigoureuse offensive, conjointement avec le corps de Dziakonski, nettoyerait le pays jusqu'au Boug et, attirant à lui Chrzanowski, formerait une seconde armée d'au de là de 20,000 hommes, qui pourrait prendre l'offensive sur la rive droite du Bug, où bien faire sa jonction avec le Général en chef pour le mettre en état d'attaquer le Maréchal, peut être trouverions nous le moyen de transporter les deux armées et le théatre de la guerre en Lithuanie sans avoir livré de bataille générale. Mon projet n'entrait pas le détail des mouvements. Je crois qu'à la guerre on ne peut esquisser une opération qu'en gros; l'éxécution étant toujours subordonnée à une quantité d'événements que l'on ne saurait prévoir. Vouloir faire d'avance des combinaisons minutieuses pour toutes les chances possibles serait un pédantisme absurde et sans aucune utilité. Toutes les belles combinaisons que je fis dans cette occaison aboutirent au désastre d'Ostrołęka.

Les vues du Généralissime a consentant à marcher contre les gardes étaient loin d'être aussi larges; elles se bornaient au désir d'attraper quelques fourgons de bagages et à décharger. Sa conscience au sujet des Lithuaniens en leur envoyant à l'aide de ce mouvement un modeste secours de quelques cents hommes. Avec une telle divergeance dans nos idées, il était presque impossible que l'operation amenât des resultats heureux. Déjà elle était résolue depuis quelque temps, et cependant elle ne s'éxecutait pas. Trois fois j'avais donné les ordres de mouvement, et adressé des instructions à Uminski, Dziakonski et Chrzanowski, et autant de fois j'avais du les révoquer. Une fois même les troupes s'étaient mises en mouvement et furent rappelées à leur camps; telles étaient les hésitations habituelles du Généralissime Skrzynecki. Mais cette fois-ci il y avait en outre une raison très importante pour lui, qui contribuait à le retenir; il faisait venir des artistes à Varsovie pour lithographier son portrait et il posait; il fallait donc que cet ouvrage fut d'abord terminé, afin que toute l'Europe ébaubie de ses hauts faits ne fut pas privée plus longtemps de la connaissance des traits d'un grand homme [1]). Enfin le portrait étant terminé, l'opération fut definitivement ordonnée.

CHAPITRE CINQUIÈME.

Expédition contre les Gardes. — Combats de Długie Siodło, Rutki et Nur. — Journée d'Ostrołęka.

Le 30 Avril (12 Mai) l'armée Polonaise composée de quatre divisions d'infanterie la 1-re, 2-me, 3-me, 5-me et de deux corps de cavalerie, forte d'environ 40,000 hommes avec 92 bouches à feu, se mit en mouvement [2]). L'artillerie et les parcs suivirent la chaussée et passèrent devant Praga; les colonnes

[1]) Ces portraits se trouvent dans le commerce. L'artiste en y mettant son nom a ajouté: lithographié d'après nature dans le mois de Mai 1831.

[2]) Après avoir perdu tout un mois dans ses camps de Jędrzeiow et Kaluszyn, et precisement pendant ce temps les insurrections de la Lithuanie et de la Volhinie avaient essuyés les coups les plus terribles et Dwernicki avait été détruit.

de troupes furent dirigées par des chemins plus directs. Le 2 (14) Mai toute l'armée se trouva réunie à Sierock, où depuis quelques semaines j'avais fait établir des ponts couverts par des ouvrages de fortification. Uminski avec la 4-me division d'infanterie et sa cavalerie formant un corps d'environ 10 mille hommes avec 24 bouches à feu, fut laissé vis-à-vis du Maréchal pour couvrir notre mouvement et garantir Varsovie contre un coup de main. Il occupa les avant-postes que l'on avait tenu jusquelà. Il reçut pour instruction d'observer d'abord la plus grande circonspection et de ne pas se compromettre vis-à-vis l'armée du Maréchal. Mais comme il était plus que probable que celui-ci quitterait le camp de Sucha, dès que le mouvement contre les gardes se serait prononcé, Uminski devait épier ce moment, prendre tout de suite une vigoureuse offensive et nettoyer tout le pays entre la Vistule et le Bug. Pour remplir cet objet il fut mis à sa disposition le corps commandé par le G-l Dziakonski qui en quelques marches pouvait venir le joindre en passant par le pont de Potycza, et celui de Chrzanowski qui se trouvait dans les environs de Zamość et qui par sa position pouvait concourir à rendre décisive une opération qu'Uminski dirigerait contre les troupes Russes qui occupaient le Palatinat de Lublin. Il fut en outre autorisé de tirer des renforts de la garnison de Varsovie, composée de quelques nouveaux régiments qui achevaient leur formation. Tout cela pouvait lui former un corps d'au delà 25,000 hommes avec environ 40 bouches à feu. Uminski était aussi chargé de ne rien épargner pour tenir le G-l en Chef au courant de tous les mouvements du Maréchal. Nous verrons comme il répondit peu à la mission dont il était chargé lorsque le moment d'agir fut arrivé pour lui. Au moment même où l'armée Polonaise quittait les environs de Kaluszyn, c. à d. le 30 Avril (12 Mai) vers le soir, le Maréchal mettait aussi la sienne au mouvement, dans l'intention de surprendre les Polonais et de les forcer à une affaire générale. Le lendemain de grand matin Uminski se trouva attaqué. Il concentra son corps à Jędrzeiów où il soutint un combat de plusieurs heures contre l'avant-garde des Russes [1]). Mais voyant que leur nombre augmentait à tout moment, il continua sa retraite par Minsk, et le Maréchal crut que les Polonais faisaient la répétition, de la conduite qu'ils avaient tenue lors qu'il était venu leur offrir la bataille en débouchant par Kuflew. Voyant qu'il n'avait à faire qu'à une arrière-garde et ayant perdu l'espoir d'amener pour cette fois l'armée Polonaise à l'engagement général qu'il désirait, il retourna à son camp de Sucha.

Tout le succès de l'opération contre les Gardes dépendait de la rapidité de notre marche, et cependant le Généralissime voulut s'arrêter à Sierock; j'eus quelque peine à l'en dissuader. Le 3 (15) Mai l'armée continua son mouvement. Le général Lubinski avec son corps de cavalerie et la 5-e division d'infanterie, le tout formant un corps d'audelà 10,000 hommes avec 26 bouches à feu fut dirigé à marche forcée le long du Bug. Le 4 (16) Mai un escadron du 4-me de chasseurs à cheval, qui marchait en tête de sa colonne, rencontra à Poremby un escadron de chasseurs à cheval de la garde. Il les chargea et leur fit dix prisonniers. Mais un aide de camp y tomba aux mains des Russes dont ils tirèrent de bons renseignements. Lubinski laissa des postes sur le Bug et s'établit avec son corps à Nur, le 5 (17) où il s'empara de tous les matériaux de pont que les Russes y possédaient. En arrivant à Nur trois escadrons du 5-me et 7-me de lanciers eurent un engagement avec le détachement Russe qui se trouvait à la garde des matériaux du pont et d'un magasin. Ils executèrent plusieurs charges et firent des prisonniers, le reste se retira. Dans cet engagement le capitaine Skarzynski fut tué. Les détachements Polonais occupèrent Bransk et Chiehanowiec, s'emparèrent de quelques magasins, eurent plusieurs escarmouches et firent des prisonniers. Lubinski avait l'ordre de surveiller tous les mouvements du Maréchal, d'en informer journellement le G-l en chef, et surtout du passage du Bug, qu'il était à présumer que la grande armée Russe exécuterait. Dès que ce passage aurait lieu, Lubinski devait abandonner le Bug, ainsi que le chemin par lequel il était venu, et sans perdre de vue le Maréchal, se replier sur l'armée principale dans la direction où elle se trouverait pour lors.

Le petit corps qui se trouvait en avant de Pultusk, composé de nouvelles troupes et qui appartenait à la garnison de Modlin, fut mis tous les ordres du G-l Dembinski, qui reçut l'ordre de seconder l'opération principale en avancant par la rive droite de la Narew.

La reste de l'armée, au nombre d'environ 30,000 hom. avec 66 bouches à feu, fut dirigé sur Dlugie Siodlo, ce pays est couvert de bois. La division Rybinski renforca l'avant-garde, composée du 1-er de lanciers et du 1-er d'infanterie légère sous les ordres du G-l Jankowski, qui depuis l'établissement des ponts à Sierock avait tenu les avant-postes entre le Bug et la Narew.

A la première nouvelle que les Polonais débouchaient de Sierock, son Altesse Impériale fit les dispositions suivantes: l'avant-garde, commandée par le G-l Bistrom, et composée de la 4-e brigade d'infanterie de la garde, avec la compagnie d'artillerie légère № 2, du bataillons des tirailleurs de Finlande de la 1-re brigade de la cavalerie légère de la garde avec la batterie légère № 1, et de trois escadrons des cosaques de la garde fut portée à Wąsevo. La 2-me brigade de la cavalerie légère de la garde fut destinée en partie à soutenir l'avant-garde et en partie à couvrir son flanc gauche.

[1]) Les Polonais y perdirent le major Serkowski.

La 3-me brigade d'infanterie de la garde avec la batterie de position № 4, alla de Miastków occuper Czerwin comme échelon. Le reste des gardes, composé de la 1-re division d'infanterie et de la 1-re division de cuirassiers, avec l'artillerie de réserve se concentrait à Sniadow, dans l'intention de livrer bataille dans les plaines qui entourent cet endroit, vu que l'on n'éstimait la force de l'ennemi qui débouchait qu'à 20,000 hommes tout au plus, n'admettant pas que le Maréchal aurait permis au gros des forces Polonaises d'entreprendre cette opération. Le corps détaché de Sacken occupait Ostroleka. Le premier engagement eut lieu le 4 (16) Mai au village Przetycza. Il devint plus sérieux à Dlugiesiodlo. Les tirailleurs Finois et les chasseurs de la garde occupaient ce village dont ils furent delogés par les tirailleurs Polonais. Mais ils étaient soutenus par le reste du détachement du G-l Poleszko, qui appartenait à l'avant-garde du corps des gardes. Les Russes ayant quitté le village, je les fit charger de front par les lanciers du 1-er et en flanc par l'escadron des krakus qui formait la garde du Quartier-Général. Ils se refugièrent derrière des fossés, reçurent avec calme ces attaques qui echouèrent et furent secourus à propos par le G-l Poleszko. Ils perdirent cependant une vingtaine de prisonniers parmi lesquels il y avait deux officiers. Nos officiers se devouaient en payant d'exemple, ils servirent de but aux tirailleurs. Nous y perdimes deux jeunes gens de la plus grande espérance. Wolski fut tué; Thomas Potocki eut la tête traversée d'une balle; mais il n'en mourut pas.

Poleszko se retira dans le bois et fut renforcé. Le 1-er et quelques bataillons de Rybinski le suivirent. Au jour tombant l'engagement devint sérieux. Les Russes essuyèrent des pertes assez sensibles; Les Polonais s'avancèrent jusqu'à Bródki.

Maintenant notre opération se trouvait demasquiée et l'évéil était donné aux Russes. Il convenait par conséquent que nous redoublions d'activité, et cependant le G-l en Chef voulut encore arrêter le mouvement de l'armée et attendre que Lubinski eut occupé Nur et qu'Uminski nous eut envoyé des nouvelles sûres sur le compte du Maréchal. Cette fois-ci j'eus beaucoup de peine à le faire revenir.

Le 5 (17) Mai l'armée Polonaise marcha par la route de Lomza. La tête de colonne était arrivée sur le Orz, trouva les passages de ce ruisseau marécageux rompus et Bistrom en position de l'autre côté il s'établit une canonnade sur la grande route à Sokolowo pendant laquelle Skarzynscki avec sa cavalerie fut dirigé, mais un peu tard au passage de Czerwin. Dès qu'il commenca à y déboucher les Russes abandonnèrent leur position; on leur fit quelques prissonniers. Au soir, les Polonais arrivèrent sur le Ruść autre ruisseau marécageux, où les hulans et les hussards de la garde se trouvèrent un moment compromis; les Russes voulurent y arrêter la poursuite.. Le pont de Kleczkowo était déjà détruit, ils travaillaient à la démolition de celui qui se trouve entre Nadbory et Stary Jakać. L'artillerie à cheval Polonaise arriva au galop et sa mitraille les força à abandonner l'ouvrage sans l'avoir terminé. Ils amenèrent des pièces de position, mais malgré l'échange de projectiles qui s'en suivit, ils ne purent empêcher les Polonais de rétablir le pont de Jakać dans la soirée même, ainsi que celui de Kleczkow, et d'occuper les têtes de ces deux défilés. La 1-re division (Rybinski) d'infanterie coucha en avant de Nadbory; la 3-me (Malachowski) à Kleczkow, la cavalerie de Skarzynski entre deux; la 2-me division d'infanterie (Gielgud); à Sokolow; le quartier général fut établi á Księzopol; le lendemain matin il fut transféré à Troszyn. Les gardes Russes bordaient l'autre rive du ruisseau et se concentraient autour de Sniadow. Son Altesse Impériale était decidé à accepter le combat.

Le 6 (18) mai au matin, tandis que nous étions établis en force sur le Rusć, le G-l Sacken, surpris par la rapidité de notre mouvement inattendu, occupait encore Ostroleka. Toute son attention se portait même de l'autre côté de la Narew, où Dembinski venait d'arriver, et avec ses quatre pièces légères entamait contre l'artillerie de position des Russes une canonnade; elle dura presque toute la journée. Tout le corps de Sacken se trouvait en nos mains; militairement parlant, nous sommes sans aucune excuse de l'avoir laissé échapper. Si dans la matinée du 6 (18) nous eussions continué notre mouvement offensif par Suiadow sur Gać et Lomzá, sans parler des pertes que les gardes eussent pu essuyer, nous occupions dans l'après midi cette dernière ville avec les ressources très considérables qu'elle renfermait, le corps de Sacken était alors perdu sans ressource et la communication avec la Lithuanie était ouverte. Mais il nous manquait des nouvelles de Lubinski et d'Uminski; le Général en chef déclara, et cette fois-ci bien positivement, qu'il ne ferait plus un seul pas, avant que nous ne fussions maitres du pont d'Ostroleka, pour y avoir un nouveau point de retraite, lorsque le maréchal viendrait à déboucher. Alors je lui proposai de diriger dès le grand matin du 6 (18) des forces suffisantes pour attaquer Ostroleka, et

surtout pour couper d'abord la route entre cette ville et Lomza. Il hésita et il discuta [1]). Après une longue indécision il ordonna enfin que le colonel Koss marchat, avec un régiment de la 2-me division et quelques pièces, par Troszyn attaquer Ostrolęka. Nous entendions la canonnade de Dembinski. Koss n'étant qu'à 4 verstes de la ville, reçut l'ordre de s'arrêter. Le G-l en Chef venait de changer d'idée, et avait ordonné que Gielgud, après avoir fait manger sa troupe, marchât à cette destination avec toute sa division. Lorsque vers le soir nous arrivâmes avec Gielgud en vue d'Ostrolęka, Sacken, après avoir tiré ses munitions, avait justement évacué cette ville et s'était retiré sur Lomza. Dembinski venait de l'occuper et réparait les ponts. La division Gielgud fut dirigée à droite sur la chanssée, elle alla coucher sur le Ruść et occupa Miastkow. Dans cette journée le colonel Szydlowski prit sur la Narew un bon nombre de grandes barques chargées de blé, avec leur escorte que s'était défendue. Maintenant que nous étions en possession du pont d'Ostrolęka, et que nous avions toujours les gardes en présence, il n'y avait pas de raison au monde qui dut en faire référer l'attaque. Nous en étions parfaitement d'accord avec le G-l en chef. Je fus un moment tenté de rester avec la division Gielgud [2]) pour diriger son attaque du lendemain dès la pointe du jour, dans la direction de Sniadów; mais je fus detourné de cette idée par le souvenir de la journée d'Iganie, qui me fit craindre que l'indolence du Général en chef ne me laissat seul aux prises avec toutes les forces qui se trouvaient sous les ordres de son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Michel. J'accompagnai donc le G-l en Chef au quartier général, qui cette fois-ci comme habituellement se trouvait beaucoup trop loin des troupes [3]).

Je redigeai sans perte de temps les dispositions pour l'attaque qui devait se faire à la pointe du jour; les aides de camp destinés à porter les ordres attendaient; la nuit était assez avancée, il n'y avait pas un moment à perdre. J'entre chez le G-l en Chef et je l'éveille pour lui communiquer les dispositions que je venais d'arrêter. Il les approuve; je sortais pour les expédier et partir moi même pour la division Gielgud, lorsque Skrzynecki se ravise, me rappelle et me dit de remettre cette affaire au lendemain. J'ai beau représenter, prier, conjurer, c'est le Généralissime qui maintenant prend la parole pour m'ordonner impérieusement de le laisser dormir.

Certainement je n'ai jamais partagé l'opinion que le G-l Skrzynecki s'était formée sur le compte des gardes; bien au contraire, je porte à un très haut degré mon estime pour la vaillance de ces corps d'élite, et je crois qu'ils se seraient admirablement conduits pour soutenir leur réputation et se rendre dignes de l'honneur d'être commandés par l'Auguste frère de leur Souverain. Néanmoins je suis convaincu qu'elles ne pouvaient éviter une défaite de la port d'une armée presque du double supérieure en nombre, qui l'égalait en courage, et qui ne manquait pas alors d'élan. Pendant toute la journée du 6 (18) les gardes étaient dans l'intention d'accepter le combat; dans celle du 7 (19) elles ne commencèrent que vers les 9 heures leur mouvement de retraite sur Gać et le G-l Bistrom resta avec toute la cavalerie et 3 batteries d'artillerie à cheval jusqu'au soir à Sniadów.

Or, déjà à six heures du matin l'affaire pouvait être engagée sur tous les points. Et la garde n'avait que deux longs défilés pour se retirer, celui de Lomza, ou celui de Gać.

Son Altesse Impériale s'était arretée à Sniadow, ne voulant peut-être pas continuer une retraite avec les premières troupes de l'Empire, ne sachant pas positivement que l'ennemi, qu'il avait en présence, et dont l'inaction pouvait paraître inexplicable, méritait cette circonspection; peut-être son Altesse Impériale avait-elle besoin d'un délai pour faire filer ses parcs et ses équipages par Gać et faire évacuer Lomza, qui, ayant servi jusque la de centre aux opérations des gardes, se trouvait remplie de toutes sortes d'attirails de guerre [4]). Bref, son Altesse Impériale fit attaquer le défilé de Kleczkow, peut-être encore pour ce convaincre si le gros de l'armée Polonaise se trouvait sur le Ruść.

Une grande partie des journées du 6 (18) et du 7 (19) fut employées à des attaques reiterées qui furent repoussées par le G-l Malachowski. Si pendant ces engagements la forte division Gielgud fut arrivée

[1]) Elles étaient terribles les discussions avec un homme aussi entêté! Dans la société, il avait pris l'habitude et le goût de ces discussions oiseuses qui dégénèrent souvent en disputes et jamais ne produisent d'autre résultat que de l'aigreur souvent. Maintenant à la guerre il les provoquait à tous moments. Croyant briller dans l'argumentation, il demandait à être convaincu, ne se laissant pas convaincre, et perdait le temps et l'occasion au milieu d'une opération, lorsque les quarts d'heure et même les minutes étaient devenues inapréciables.

[2]) Cette division renforcée maintenant du détachement de Dembinski comptait au delà de 10,000 hommes, avec 26 pièces de notre meilleure artillerie et quelque cavalerie.

[3]) Par la raison que le G-l en Chef déterminait ordinairement l'emplacement de son quartier par des considérations d'aisance personnelle.

[4]) Nous avous su de la plus positive que pendant la journée du 7 (19), ainsi que la nuit suivante, toutes sortes d'équipages et de transports n'ont pas discontinué à défiler sur Szczucin par les ponts de Lomza, ainsi que sur Tykocin par le défilé de Gać.

vers Sniadow ou même au défilé de Gać, tandis que le reste de l'armée Polonaise eut vigoureusement debouché par Kleczkow et Jakać, la position des Gardes serait devenue vraisemblablement critique. Dans la matinée du 7 (19) je me présentai chez le G-l en chef pour demander derechef l'ordre d'attaque, lorsqu'à mon plus grand étonnement il me déclara qu'il avait changé d'avis, que je n'avais qu'à donner l'ordre aux troupes de se reposer toute cette journée, et à Gielgud celui de s'emparer de Lomza. Je lui representai que non seulement c'était renoncer de gaieté de coeur au succès que nous pourrions obtenir sur les gardes, mais de plus compromettre toute une division que de lui faire attaquer un poste bien fortifié, sur les derrières de l'armée ennemie, dont on était separé par un obstacle, et ayant par dessus le marché notre quartier général à une distance si considérable des troupes. Skrzynecki me répliqua qu'il ne pouvait pas s'engager avec les gardes tant qu'il ne serait pas maitre de Lomza, parceque pendant le combat Sacken pourrait aller s'emparer d'Ostrolenka. Je lui objectai que Sacken ne pouvait qu'accourir au bruit du canon, et que s'il s'amusait à aller du côté d'Ostrolęka, ceci était infiniment préférable pour nous que de lui voir sur le champ de bataille augmenter les forces de son Altesse Impériale; que d'ailleurs il ne pourrait pas aller à Ostrolęka compromettre son corps, dont la perte deviendrait certaine, en cas que les gardes éprouvassent un échec [1]). La discussion entre Skrzynecki et moi, d'abord assez moderée, devint des plus violentes. Skrzynecki la termina en me déclarant que c'était lui qui avait la responsabilité des evénéments, que les choses se feraient à la manière dont lui l'entendait, et que je n'avais qu'à expédier les ordres en conséquence. A celà je lui répondis que je croyais aussi avoir ma part de réspousabilité et que je lui refusais mon ministère pour l'éxécution des mesures qui nous faisaient courir à notre perte; que par conséquent il n'avait qu'à rediger les ordres lui même, ou en charger qu'il voudrait. Il prit le premier parti; l'ordre de repos fut donné à l'armée et il envoya à Gielgud celui de s'emparer de Lomza. Quelques instants après un second aide de camp lui fut envoyé pour le prévenir que l'ennemi se trouvait en force devant Kleczkow, que par conséquent il devait être sur ses gardes pour sa droite. Bientôt un troisième aide de camp lui porta l'ordre de faire commander l'attaque de Lomza par Dembinski (qui de sa personne ne se trouvait pas avec lui) et de rester avec une partie de ses forces à Miastkow pour protéger cette attaque [2]). Ces ordres contradictoires deroutèrent entièrement le G-l Gielgud. Il ne bougea pas de son camp et se contenta d'envoyer un escadron de Plock en reconnaissance sur sa droite. Dans le même temps monseigneur le Gr. Duc, informé sans doute que l'ennemi occupait Miastkow, envoya aussi une reconnaissance de dragons dans cette direction, pour éclairer sa droite. Les deux reconnaissances se rencontrèrent; l'engagement fut à l'avantage des Polonais; ils tuèrent quelques hommes aux dragons et leur firent 70 prisonniers.

Son Altesse Impériale ayant acquis la conviction qu'elle avait en présence les forces Polonaises, inquieté par l'occupation de Miastkow, ayant appris que Czyzew et Nur étaient au pouvoir des Polonais, et que par conséquent ses communications avec le Maréchal se trouvaient interceptées [3]) craignant aussi pour Bialostok, ordonna la retraite par Sniadow sur Gać. Vers le déclin du jour le Général en Chef Polonais reçut de tous les côtes à la fois la nouvelle de la retraite de l'ennemi. Jankowski lui mandait en outre qu'il faisait passer le défilé à ses troupes pour suivre les Russes. Skrzynecki lui envoya l'ordre de retourner à son camp et de rester tranquille. Jankowski y retournait lorsque quelques instants après tout le monde reçut l'ordre de suivre l'ennemi. Et dans des instants tellement grâves le G-l en Chef se contentait de faire courir tous ses aides de camp, et lui, de sa personne, restait tranquillement à Troszyn, ne changeant rien aux habitudes journalières de sa vie. Ils y passa tranquillement la nuit, et déjeuna le lendemain matin, et ce n'est qu'après huit heures qu'il partit en voiture avec son escorte pour rejoindre l'armée. J'arrivai avec lui à Sniadow, point de troupes nulle part; le G-l en Chef avait perdu la trace de son armée!... A voir de près une pareille manière de conduire la guerre, il y avait de quoi devenir fou pour un soldat; j'étais soldat, je ne pus y tenir. Je pretextai que Lomza, étant fortifiée, Sacken voudrait peut-être s'y défendre, que je me rendrais auprès de Gielgud pour l'aider à faire les dispositions de l'attaque. Skrzynecki me laissa partir, tandis que lui de sa personne se mit à la recherche de l'armée. Lorsque j'arrivai à Lomza, Gielgud en prenait possession. Sacken venait d'en partir, après avoir incendié les ponts, les magasins et bon nombre des grandes barques (berlinki), chargées de vivres. Nous y trouvâmes, malgré qu'on eut beaucoup évacué, une grande quantité d'objets d'habillement et d'equippement, des armes, beau-

[1]) Je me suis borné à rapporter fidèlement la discussion que j'eus avec Skrzynecki. Je m'obstiendrai de porter aucun jugement sur ce sujet, ne pouvant être juge.

[2]) Pendant la journée du 7 (19) les Russes avaient outre Sacken et tout ce qui se trouvait à Sniadow 2 rég. de cavalerie avec une batterie de position et un bataillon de chasseurs à Szczepankow et le régiment des chasseurs à cheval à Glembok dans ma propre cause.

[3]) D'après les dispositions premières c'est par Nur que les gardes devaient opérer leur jonction avec la grande armée en cas d'attaque par des forces supérieures.

coup de bagages et un grand hôpital rempli de malades et de blessés Russes. En outre nous trouvâmes Lomza entourée de fortifications de campagne parfaitement executées, adoptées avec beaucoup de talent au terrain et destinées pour quelques mille hommes. En parcourant ces ouvrages, je ne pouvais revenir de mon étonnement de ce que le G-l Sacken n'eut pas défendu d'aussi bonnes fortifications avec un corps qui était suffisant pour cet objet. S'il eut pris cetté résolution, nous nous trouvions arretés tout court, ne pouvant plus marcher en avant ni songer à attaquer Lomza; ayant d'un côté les gardes intactes, et de l'autre nous attendant à chaque moment á voir arriver le Maréchal avec toutes ses forces. Quoi qu'il en soit, j'ordonnai de continuer avec activité les travaux de Lomza, et le rétablissement des ponts, et j'allai rejoindre le Généralissime. Celui-ci pendant mon absence avait retrouvé son armée; elle était sur les traces des gardes qui se retiraient dans la direction de Tykocin. Et lui, qui était resté dans l'apathie tant qu'il les avait eu en présence, brulait du désir de les joindre maintenant qu'elles étaient hors d'atteinte et pressait la marche des troupes.

Le 7 (19) le gros du corps des gardes vient coucher à Menzenin. Le lendemain à Lopuchow et l'arrière-garde à Menzenin. Ce jour le parc de réserve se trouvant très arrieré par la faiblesse des attelages, afin de lui donner le temps de filer, le détachement du G-l Poleschko, composé de la 4-me brigade d'infanterie de la garde et de deux pièces, reçut l'ordre de défendre le bois en avant de Rutki. La tête de l'armée Polonaise, conduite par le G-l en chef en personne, arriva en présence de Poleschko, à 4 heures du soir. Il aurait simplement fallu déployer la 1-re division d'infanterie, qui marchait en tête, et renverser Poleschko par une attaque faite avec ensemble. Mais ceci était beaucoup trop simple pour le G-l Skrzynecki. Mettant en mouvement trois fois autant de troupes qu'il ne fallait, il envoya par de grands circuits Boguslawski avec sa brigade tourner la droite des Russes. Kicki avec la sienne tourner leur gauche, Skarzynski avec sa cavalerie encore plus à droite sur la route de Zambrów; toutes ces troupes marchèrent jusqu'à la nuite et ne renconntrèrent aucun ennemi. En attendant le G-l en Chef, qui probablement dans le fort de sa conscience était honteux d'avoir par entêtement laissé échapper l'occasion, qui pendant 48 heures s'était offerte à lui à Sniadów, brulait du désir d'avoir un succès, et ne pouvant contenir son impatience à mesure qu'un bataillon arrivait, il le lançait isolément et tout harassé par une marche forcée contre les Russes. Il engagea de cette manière successivement la majeure partie du 2-me et du 12-me régiment d'infanterie, ainsi que le détachement des tirailleurs de Podlachie. Ces troupes quoique en partie allant pour la première fois au feu, se précipitaient sur les Russes; mais ceux-ci se battaient aussi bravement, et de plus avec ordre et ensemble; par conséquent les attaques décousues des Polonais ne pouvaient avoir aucun succès; bien loin de là, ils y perdirent quelques centaines d'hommes, dont environ cent prisonniers. A la nuit le parc étant en sûreté, Poleschko se retira [1]). Le 9 (21) les principales forces du corps de la garde se mirent en marche à la pointe du jour de Lopuchow pour Tykocin, et traversèrent la Narew à Zoltki. Le G-l en chef Skrzynecki s'était mis en tête que les gardes auraient la simplicité de l'attendre en avant à Tykocin, et, déclarant qu'il allait leur livrer bataille, il les suivit avec toute l'armée, ne pouvant pas comprendre, que chaque pas que dorenévent l'éloignait de Sniadow, compromettait l'existence de son armée, pour peu que le Maréchal deployât de l'activité, et qu'une marche sur Tykocin dont il faudrait retourner aussi vite que l'on y courrait, dès que la grande armée donnerait signe de vie, aurait pour résultat bien positif d'abimer l'armée par des marches tout à fait inutiles. C'est à Sniadow que l'opération contre les gardes devait être terminée, par leur défaite, si la fortune était favorable; si non, cette opération était manquée. A Sniadów c'était sur l'armée du Maréchal que le Général en chef devait reporter toute son attention [2]).

Le gros de l'armée marcha par la route de Tykocin. Gielgud, qui était venu la rejoindre de Lomza, fut dirigé à droite avec Skarzynski. La direction que prenait ce corps engagea l'arrière-garde Russe à se retirer directement par Tykocin, afin de ne pas être coupée. Mais au debouché des bois les Polonais aperçurent que tout le corps des gardes avait déjà passé sur la rive droite de la Narew, et que par conséquent l'armée courait après une ombre. En conséquence le gros des troupes fut arrêté à Zawady et y campa, et deux avant-gardes seulement marchèrent sur Zoltki et sur Tykocin. Skarzynski, en arrivant au pont de la Narew avec le 2-me de lanciers, faillit y surprendre de ce côté du défilé le régiment des

[1]) Je rejoignais le G-l en Chef dans la nuit qui suivit ce combat. Je m'attendai si peu à ce qu'il fut possible d'entourner l'armée dans le cul-de-sac de Tykocin, que de Lomza je m'étais rendu par Sniadow directement à Zambrow à la recherche du quartier-général.

[2]) Ce fut pendant cette marche que j'eus avec le G-l en Chef à Menzenin, au sujet de nos opérations, encore une discussion des plus violentes, dans laquelle je lui demandai positivement de me livrer de toute fonction à l'Etat-major général. Il m'accorda ma demande, exigeant seulement que je restasse jusqu'à ce qu'il eut choisi quelqu'un pour me remplacer. J'y consentis ne voulant pas par dépit le mettre dans l'embarras. Et la dessus nous fîmes une paix telle quelle.

cuirassiers de la garde avec deux pièces qui se retera précipitamment; l'on avait attendu encore l'arrière-garde du G-l Bistrom, qui avait pris le parti de se jetter à Tykocin, après quoi les Russes travaillèrent à incendier le pont sous la protection des batteries de position № 2 et № 4 et de la compagnie légère № 1, auxquelles une partie de la batterie légère de Bem répondait jusqu'à la nuit. On ne ce fit guère de mal par cette canonnade d'ailleurs assez inutile. Le G-l Soumarokoff, commandant l'artillerie de la garde, y fut blessé.

En attendant la seconde avant-garde Polonaise forçant de marche arriva à Tykocin. Les tirailleurs du 1-er de chasseurs, conduits par le colonel Langerman, qui venait d'arriver de France, se précipitent en ville occupée par les tirailleurs du régiment de Finlande. La fusillade s'engage dans les rues, et ces derniers sont poussés aux ponts. Langerman les poursuivit à la tête d'un peloton, et s'élance sur le premier pont, dont les madriers avaient été ôtés. Il y est accueilli par une décharge d'infanterie qui lui tue quelques hommes, son cheval, et crible ses habits de balles. Un bataillon Russe marchait au pas de charge en avant. Le peloton Polonais lâche pied. Dans ce moment j'arrive au pont, et je vois Langermann qui tout seul, le sabre à la main, marchait sur les poutrelles à la rencontre de la colonne Russe. J'apostrophe les soldats du 1-er en leur représentant quelle infâmie c'était à eux d'abandonner lâchement un étranger arrivé de si loin pour commander. Ils rebroussent chemin à ma voix, et je les reconduit auprès de leur chef. Brianski arrive avec le reste du régiment et le G-l en Chef m'ayant envoyé l'ordre de forcer le passage, je ne sais trop pourquoi, nous enlevons consécutivement tous les ponts, excepté la dernier qui a été détruit et qui est défendu par de l'artillerie et de l'infanterie, contre laquelle les Polonais ne peuvent pas se déployer au bout de la longue digue. Pendant la nuit les Russes se retirèrent et les patrouilles Polonaises allèrent dans le district de Bialostok. Le quartier général avait éte établi à Tykocin. Ainsi se termina cette expédition contre les gardes sur laquelle on avait fondé tout d'espoir. Elles n'y avaient perdu en tués et blessés que 34 officiers et 689 sous-officiers et soldats.

Le Général Soumarokoff, les colonels Moller, Bacharouleff et Ramsay, aide de camp de Sa Majesté, étaient au nombre des blessés. Dans les dernières journées les Polonais avaient fait quelques prisonniers, dans leur nombre se trouvait le colonel Scharnhorst, aide de camp de Son Altesse Impériale, et quelques officiers. Leurs pertes furent à peu près égales, en y comprenant les traînards qui tombèrent dans les mains des gardes lors du mouvement précipité d'Ostroleka.

Pendant ce temps Sacken se retirait jusqu'à Raygrod, et il était suivi par le colonel Sierakowski, qui avait pris le commandement du petit corps qui avait opéré par la rive droite de la Narew.

Ce fut pendant que le mouvement offensif des Polonais avait mis les Gardes dans la necessité de se concentrer, que, les passages se trouvant ouverts, le G-l en Chef avait pu executer son grand projet, nourri depuis longtemps au sujet des secours à envoyer aux Lithuaniens. Le G-l Chlapowski à la tête de 700 hommes d'élite et de deux pièces d'artillerie à cheval avait filé par Bransk et Bielsk. Nous reviendrons sur cette expédition.

Un rapport, adressé au G-l en chef par le G-l Lubinski, nous informa à Tykocin, que le Maréchal Diebitch venait enfin de passer sur la rive droite du Boug à Granne, dans la journée du 10 (22) Mai. Or donc toutes les forces Russes se trouvaient ramenées sur le territoire de l'Empire, et elles avaient à recommencer la campagne, sur nouveaux frais; ce qui prouverait que l'idée de l'opération offensive des Polonais était bonne dans le fond.

Mais elle avait été gâtée dans l'éxécution, elle allait avoir pour résultat la réunion de la grande armée Russe avec le corps des gardes, et le G-l Skrzynecki qui n'avait pas voulu combattre à Ryki avec 50,000 hommes contre 25,000, à Sucha avec 60,000 contre 50, qui n'avait pas voulu attaquer à Sniadów 18,000 hommes des gardes avec 30,000 hommes, allait maintenant en avoir sur les bras 70,000 auxquels il ne peut opposer que 40,000 hommes, et encore ces 40,000 hommes il va les partager.

Le Maréchal ayant passé le Bug, menacait le flanc droit et même les communications de l'armée Polonaise; il n'y avait pas un moment à perdre: aussi toutes les troupes furent-elles mises immédiatement en retraite par les mêmes chemins qu'elles avaient pris en venant. Elles furent suivies par la cavalerie de la garde commandée par le G-l Nostitz qui fût lui-même suivi par l'infanterie. Le 11 (23) le quartier général Polonais fut porté à Menzenin; nous y entendimes le canon de l'affaire que Lubinski soutenait à Nur.

Le G-l, en annoncant le passage du Maréchal, avait gardé le silence sur ce que lui-même se proposait de faire. En lui écrivant à ce sujet, je lui observais, que d'après l'esprit de ces instructions, il aurait du, au moment même où il apprit que l'armée Russe jettait ses ponts, abandonner le Bug, se porter avec toutes ses forces à Ciechanoviec, et, restant toujours en vue du Maréchal, se replier par Czyzew sur l'armée, à mesure que l'autre avancerait. Lubinski reçut cette lettre trop tard: déjà il avait commis la faute de s'arrêter trop longtemps à Nur. Il avait connu le passage de l'armée Russe le 10 (22). Au lieu de marcher ce jour même et la nuit, ce ne fut que le leudemain qu'il fit partir, et même assez tard, une

partie de son corps sous le Général Kaminski et la colonel Zawadski, pour Cizew parceque le Maréchal occupait déjà Ciechanowiec. Lui-même resta encore jusqu'au soir à Nur avec cinq bataillons, commandés par le colonel Krasicki, 10 pièces d'artillerie et six escadrons de cavalerie. Au moment où Lubinski voulut se mettre en mouvement, il trouva le chemin de Czyzew barré par les Russes, et le G-l Berg vint le sommer de mettre bas les armes. Le Maréchal, qui n'avait pas voulu croire aux premiers rapports de Son Altesse Impériale sur le mouvement de l'armée Polonaise, avait beaucoup trop tardé à quitter le camp de Sucha. Une fois qu'il se fut determiné à passer sur la rive droite du Bug, il ne pouvait pas sonder à éxécuter son passage depuis Sierock jusqu'à Nur, parceque Uminski s'emparant tout de suite de sa communication, l'armée Russe se serait trouvée engagée entre le Bug et la Narew dans un véritable coupe-gorge sans moyens de subsistance, et sur un terrain tellement couvert de forêts, qu'il eut paralysée sa nombreuse cavalerie. A Nur, le débouché était impossible en présence de tout le corps de Lubinski, que le terrain eut parfaitement favorisé. Il ne restait donc au Maréchal que d'aller passer la rivière à Granne. Les ponts y furent jettés dans la journée du 10 Mai, et ce même jour l'avant-garde, composée de la 1-re division de grenadiers, de la 3-me de cuirassiers, d'une brigade de lanciers, arriva a Ciechanowiec, qu'atteignit également dans l'après midi la 2-me division de grenadiers suivie du détachement de la garde. Le 1-er corps et la 3-me division de grenadiers suivirent pendant la nuit.

Dans la journée du 11 (23) le Maréchal marcha avec le corps du G-l Witt sur Nur et tandis que le gros des troupes et l'infanterie marchaient directement sur la ville, le G-l Kabloukoff et le G-l Berg se portèrent avec 3 régiments de cuirassiers ceux de l'Ordre militaire, de Starodoub et de Novgorod et le régiment de hulans de Nowo-Archangilsk sur le chemin de Czyzew, où, étant arrivés, le G-l Berg alla faire à Lubinski la sommation que nous avons rapportée, vu, disait-il qu'il se trouvait coupé. Lubinski repondit à Berg que tant qu'il restait des baionnets aux troupes Polonaises elles savaient se frayer le chemin.

Berg s'éloigna et au même instant les batteries Russes ouvrirent leur feu à mitraille et les cuirassiers chargèrent à plusieurs reprises. Mais la brigade Krasicki, formée en carrés par bataillons, reçut toutes ces attaques avec un sang froid admirable. Le 14-me régiment d'infanterie nouvellement formé, et qui voyait pour la première fois l'ennemi se distinguer. Tous les efforts des cuirassiers echouèrent contre l'infanterie, mais ils parvinrent à mettre du désordre parmi les 6 éscadrons de la cavalerie Polonaise. Les cauonniers de la première compagnie légère se sauvèrent avec les chevaux. Les soldats d'infanterie s'attelèrent aux pièces et en sauvèrent trois. La quatrième resta au pouvoir des Russes. Il faisait nuit déjà et le combat durait encore. Les Polonais tout en repoussant les charges des cuirassiers gagnaient du terrain vers Czyzew, et finirent par se faire jour.

Les troupes Joseph Kaminski et de Zawadski, marchant dans cette direction, se trouvaient à proximité. Si ces deux chefs, dès qu'ils entendirent l'engagement, avaient eu le bon esprit de retourner sur leurs pas pour dégager Lubinski, ainsi que leurs soldats le demandaient à grands cris la division du G-l Kabloukoff aurait été grâvement compromise. Mais d'un autre côté si le Maréchal avait deployé plus d'activité, il eut pu non seulement rejetter Lubinski avec perte sur Sierock, mais encore punir fortement le G-l Skrzynecki pour sa pointe de Tycozin. Les pertes en hommes à l'affaire de Nur paraissent avoir été peu considérables des deux côtes.

La position de l'armée Polonaise commençait à prendre une tournure difficile, étant pressée de deux côtés par des forces presque doubles, munies d'une artillerie quadruple.

J'eus l'idée de replier toute l'armmée sur Lomza, d'occuper la rive droite de la Narew entre les rivières Pisek et Bobr; d'occuper fortement les belles fortifications de Lomza; dans cette position nourrir l'armée du Palatinat d'Augustow, d'envoyer des forces suffisantes renforcer Sierakowski pour battre Sacken, et pénétrer du delà du Niemen. Nous pouvions disputer longtemps à l'armée Russe la possesion de Lomza, si nous y étions forcés, les positions de Graiewo, Raygrod, Augustow nous présentaient des facilités infinies pour disputer ce pays an Maréchal. En nous retirant sur la Lithuanie nous attirons à notre suite les principales forces Russes; par conséquent nous les éloignions de Varsovie et du royaume, et nous procurions à Uminski la faculté d'agir. Ce projet pouvait être surtout bon si l'armée Polonaise avait battu les gardes à Sniadow. Mais plusieurs circonstances s'opposèrent à ce qu'il fut adopté. D'abord le G-l en Chef, qui ne voulait jamais admettre l'idée d'un engagement général, avait renvoyé depuis plusieurs jours à Modlin tous les parcs, dans l'idée de rendre l'armée plus mobile. Il devenait dangereux de s'engager avec un simple approvisionnement de munitions dans une opération où la communications directe avec Varsovie et Modlin pourrait être interceptée. Ensuite, le G-l en Chef ne pouvait pas comprendre qu'en abandonnant la route directe de Varsovie, on pouvait rester en mesure de défendre l'approche de cette ville à l'armée Russe; aussi ne voulut-il pas même s'arrêter sur cette idée. Mais d'un autre côté, si toute l'armée se repliait sur Ostroleka, il fallait abandonner Lomza, point éminament stratégique et si bien fortifié; il fallait en outre laisser compromis le détachement de Sierakowski, qui s'était avancée au delà de Grajew, et sacrifier les communications avec

la Lithuanie, à piene ouvertes. J'avoue que je ne savais plus qu'imaginer. J'étais tout à fait épuisé par ces discusions interminables avec le G-l en chef, et à force de voir entraver par lui toute opération. J'étais, pour me servir d'un proverbe vulgaire, au bout de mon latin. Quant au Généralissime il était toujours assez impossible, pourvu qu'il ne trouvât pas dans l'absolue necessité d'un engagement général. Il s'arrêta cette fois à une demi mesure, la plus mauvaise de tout ce qu'il aurait pu entreprendre. Sierakowski fut laissé en présence de Sacken. Gielgud reçut l'ordre d'aller occuper Lomzá avec sa forte division; le gros de l'armée fut dirigé sur Ostroleka où il passa sur la rive droite de la Narew dans la journée du 13 (25) Mai. Le Général Lubinski fut laissé avec son corps au défilé de Rzekun, où il reçut l'ordre de tenir pendant la journée du 14 (26), si c'était possible. Le Géneral en Chef était intimement convaincu qu'il pourrait rester tranquille dans ces positions, et l'idée d'un engagement sérieux ne lui passa pas par la tête. Mais puisqu'il ne voulait pas se battre, à quoi bon laisser à l'armée Russe comme un véritable appât tout le corps de Lubinski, qui aurait pu être retiré dans la nuit du 13 (25) au 14 (26) [1]). Son Altesse Impérial venait de lui donner l'exemple comment on se retirait derrière un obstacle, lorsqu'on n'avait pas l'intention de livrer bataille. Toutefois ce n'était pas la plus grande faute qu'aura commise le G-l Skrzynecki en cette occasion; ce n'est pas elle qui attirera à l'armée Polonaise le désastre d'Ostroleka.

Le 14 (26) Mai, Lubinski fut attaqué dans sa position par le G-l Bistrom. Le G-l Berg conduisait l'avant-garde, composée du 3-me régiment de carabiniers, du régiment des grenadiers d'Ekaterinoslaf, des hussards de Lubno, et de huit pièces d'artillerie légère; il attaqua le défilé de front; les tirailleurs se fusillèrent dans le bois avec les Polonais, et les firent plier. Alors Berg voulut déboucher de la forêt et fût arrêté par la mitraille de Lubinski. Mais les régiments de dragons, de lanciers et des chasseurs à cheval de la garde avec les batteries № 1 et № 2 avaient été dirigées à droite pour tourner les Polonais d'un côté, tandis que la 1-re brigade de la 3-me division de grenadiers, quatre régiments de 1-re division d'infanterie, cinq régiments de la 3-me et trois régiments de la 2-me division de grenadiers, s'avançaient par la route au soutien de Berg. Bientôt l'artillerie de position russe entra aussi en action.

Lubinski pressé de front par des forces supérieures et se voyant débordé des deux côtés, ordonna la retraite qui s'éxécuta en ordre, et sans perte notable, jusque dans Ostroleka, et ensuite par les deux ponts sans la protection de Boguslawski, qui avait d'abord été envoyé par le G-l en chef former la gauche de Lubinski, et maintenant occupait la ville avec le 4-me régiment d'infanterie, pour projeter la retraite. Le C-te Pac dirigeait le passage des ponts.

Le G-l Martinoff avec les régiments de grenadiers d'Astrakan et du G-issime Prince Souvoroff protegé par une nombreuse artillerie, attaque et enlève avec une telle impétuosité la ville, que les Polonais, après s'être brâvement défendus, ne purent effectuer leur retraite par les ponts sans essuyer des portes sensibles en tués, noyés, blessés et prisonniers. Le 4-me régiment souffrit particulièrement. Le comte Pac et le G-l Boguslawski y furent blessés. Les grenadiers Russes, poursuivant leur attaque avec vivacité, firent échouer tous les efforts des Polonais pour rompre les ponts.

Le terrain autour d'Ostroleka est assez uni sur les deux rives de la Narew; le lit de cette rivière est droit. Sur la rive droite, une plaine de très peu d'étendue, et formant à peu près un carré est bornée d'un côté par la Narew et vis-à-vis par des monticules sablonneux couverts de bois. Les deux autres côtés du carré sont formés d'un côté par la rivière Omulew et de l'autre par un bras marécageux de la Narew. La plaine en question est sujette aux inondations de la rivière lors des crues; en baissant elle dépose des eaux dans les bas-fonds, qui se croisent en tout sens, et y forment des marécages impraticables pour les chevaux. Les ponts d'Ostroleka se trouvaient près d'un des angles du carré; la chaussée qui en part, d'abord dans une direction droite, tourne rapidement à gauche et traverse la plaine dans sa longueur. Le Généralissime, qui avait passé une partie de la jouruée du 13 (25) et toute la matinée du lendemain à Ostrolenka, ne se donna seulement pas la peine de parcourir le terrain sur lequel il devenait très probable qu'il y aurait à combattre, puisqu'il était décidé a y tenir. La rivière lui paraissait un obstacle si formidable qu'il n'admettait pas que les Russes osassent la franchir; il m'abandonne le soin de faire des dispositions telles que je voudrais, sans en prendre notice. Je plaçai la 1-re et la 3-me division d'infanterie dans le bois sur les hauteurs sablonneuses faisant face à la rivière. Je retirai l'aile droite et j'appuyai la gauche à des mamelons plus considérables que les autres et couverts de buissons, qui se trouvent vis-à-vis des ponts à environ 700 toises. C'était une batterie toute naturelle; aussi j'y

[1]) Le Généralissime a prétendu qu'il avait ordonné cette mesure par la crainte de passer à mes yeux pour pusillanime et, partant de là, il aurait voulu se decharger des reproches qu'il sentait avoir encouru pour la catastrophe du lendemain. Il se peut que ce soit vrai; mais quel général, que celui qui se laisse entrainer à des fautes grossières par de pareils motifs.

plaçai les dix pièces de position de Turski [1]). La batterie de position de Bielicki avait été placée près du pont, et celle de Neymanowski en avant de l'aile droite, toutes les deux pour protéger la rentrée du corps de Lubinski, qui, dès qu'elle serait effectuée, ces deux batteries devaient rentrer dans l'ordre de bataille, cellede Bielicki devait se rallier à Turski, ce qui aurait formé sur ce point essentiel [2]) une batterie de 22 bouches à feu de position. Lorsque la 3-me division (de Kaminski Henri) qui avait fait partie jusque là du corps de Lubinski eut passé les ponts je l'envoyai en seconde ligne former la réserve. Quand à la cavalerie, voyant que le terrain ne permetterait en aucune façon l'emploi de cette arme, j'avais envoyé le corps de Skarzynski au delà de l'Omulew, avec ordre de faire reposer ses chevaux en se bornant à éclairer soigneusement le cours de la Narew jusqu'à Rozàn. Je donnai une ordre semblable pour la cavalerie du G-l Lubinski, qui dut se porter à la gauche de notre position, et éclairer la Narew jusqu'en face de Novogrodek, où ses partouilles rencontreraient celles que le G-l Gielgud enverrait de Lomza dans le même but.

Le quartier général venait d'être transféré au village Kruki, lorsque la canonnade approchant et augmentant d'intensité, le général en chef monta à cheval et se rendit à l'aile gauche de l'armée Polonaise vis-à-vis des ponts. Il arriva au moment où les grenadiers Russes, débouchant avec impétuosité, enlevèrent sous ses yeux deux pièces d'une demi batterie de Bielicki qui s'était acharnée beaucoup trop long temps à rester auprès du pont et dont les chevaux ainsi qu'une partie des canonniers avaient été par cette raison tués par les tirailleurs et la mitraille des Russes. La vue de cette perte et d'une masse ennemie en deça des ponts, mit le Généralissime hors de lui et, impatient de voir rejetter l'ennemi au de là, il s'adressa à la batterie Turski, qu'il trouva la première sous sa main, elle venait d'ouvrir son feu, et par là avait arrêté tout court l'élan des grenadiers. Le G-l en chef lui ordonna de se porter en avant. Turski, tout étonné, se permit quelques représentations sur ce qu'il se trouve dans un excellent poste et à très bonne portée. Le G-l en chef le brusque et lui dit impérativement d'obéir sans raisonner. Turski fait mettre les chevaux à ses canons et marche en avant; son feu ayant ceccé, les grenadiers Russes se reportent aussi en avant précédés d'une nuée de tirailleurs; la batterie Polonaise s'en trouve assaillie, avant d'avoir seulement eu le temps de mettre ses pièces en action. Canonniers, officiers, chevaux sont tués, blessés à coups de fusils et à coups de baionnettes. Cette malheureuse batterie, desorganisée, a la plus grande peine de s'en tirer avec perte d'un canon; elle va rejoindre celle de Bielicki dans le bois en arrière, où elles travaillent de concert à se remettre à l'ordre.

Cette déconfiture finit par ôtér toute contenance au Généralissime; il ordonna à la brigade commandée par Wegierski, qui se trouvait à l'extrême gauche du champ de bataille, de marcher en avant et d'attaquer les Russes à la baïonnette.

Le terrain que l'armée Polonaise, tout à fait caché aux vues de l'ennemi, avait devant elle, était beaucoup trop resseré pour permettre à toute l'armée Russe de s'y déployer, et à cause de sa nature on ne pouvait y employer ni cavalerie ni artillerie; et si une partie de l'infanterie Russe passait les ponts, il lui faudrait se déployer pour combattre; en se déployant elle masquerait l'action de son artillerie, postée sur l'autre rive, et s'engagerait avec une rivière et un défilé à dos. Alors l'armée Polonaise, l'attaquant avec une superiorité d'infanterie et d'artillerie, devait avoir bon compte de tout ce qui aurait passé, et ôter au Maréchal l'envie d'essayer une seconde tentative. Mais pour celà il aurait fallu diriger l'action avec sang froid, canonner d'abord les Russes qui avaient passé, et lorsque la canonade les aurait suffisamment ébranlés, faire une attaque avec ensemble, avec toute une division, soutenue par une seconde [3]). Toutes ces réfléxions nous les avions faites d'avance. Mais maintenant Skrzynecki les avait complétement oubliée.

Le Maréchal ne songeait pas à livrer une bataille à Ostrolenka, sur la rive droite de la Narew. Il était fermement persuadé que l'armée Polonaise était en pleine retraite sur Rójan [4]) et qu'il ne s'agissait que de déloger une arrière-garde et de talonner une retraite, et il faut convenir que tons les

[1]) Je cite ici les noms plus particulièrement afin que l'on puisse vérifier les détails de ma narration sur un sujet tellement grâve.

[2]) Les pièces et les canonniers se trouvaient tellement à couvert sur ce mamelon couvert de buissons que lorsque plus tard dans le courant de la journée l'infanterie Russe dirigea sur ce point un feu nourri, ses balles dépassaient au loin sans faire de mal à l'artillerie Polonaise que s'y trouva postée. De ce point les projectiles enfilaient le pont, traversant la ville et rendaient impossible le débouché.

[3]) Toutefois pas, tant que les Russes restaient en paquet au debouché des ponts, parcequ'ils y étaient trop bien protegés par leur nombreuse artillerie. Mais aussi, ils n'auraient pas pu rester comme cela servant de point de mère à tous les boulets. Ils auraient été obligés de s'en aller ou de se déployer pour attaquer, et alors ils masqueraient au moins en grande partie le feu de leurs batteries.

[4]) Il le dit expressement dans la relation.

antécédents du Généralissime Polonais l'autorisaient à avoir cette pensée [1]). Les grenadiers de Martinoff, entrainés par leur succès au delà des ponts marchaient en avant, n'étant plus contenus par aucun feu d'artillerie; comme ils se trouvaient fortement engagés, il fallut les soutenir. C'est ce que l'on fit, en envoyant à leur appui, à mesure qu'ils arrivaient les régiments de carabiniers, de grenadiers de Ekaterinoslaw et les régiments de carabiniers de la 3-me division de grenadiers, et pour protéger ces troupes on mettait en batterie sur la rive gauche de la Narew, des deux côtés de la ville l'artillerie de position. Le nombre des bouches à feu qui furent mies en action alla d'un côté à 32 pièces et de l'autre à 34. C'est contre cette masse de troupes et tellement protegée, que Skrzynecki lançait Węgierski avec ses cinq bataillons.

Tandis que le G-l en Chef s'était porté à la gauche, je m'étais rendu à la droite, où je dirigeai la batterie de Neymanowski. Lorsque les Polonais eurent évacués Ostroleka et que les Russes débouchèrent des ponts, je la fis rentrer dans l'ordre de bataille et je me rendis auprès du G-l en Chef; j'arrivai au moment où les deux batteries, ayant déjà été mises hors de combat, Węgierski s'ébraulait avec sa brigade. J'observai au Généralissime que cette attaque me paraissait beaucoup trop faible et prématurée. «Eh bien», me dit-il, «arrêtez Węgierski». Mais au moment où je m'élançais pour le faire, il me rappelle en disant, que «Dieu aidant peut-être l'attaque réussirait et que par conséquent il fallait laisser faire». L'élan de Węgierski fit d'abord plier les grenadiers; mais comme it ne fut pas soutenu, sa brigade se trouva épuisée par son propre effort, et ramenée en désordre jusque dans les buissons. Mais ce fut le tour de la brigade Langermann à qui le Général en Chef avait donné l'ordre ridicule de rejetter les Russes au de là de la rivière et de reprendre la vilie [2]). Langermann éprouva comme de raison le même sort que Węgielski. Notre aile gauche se trouva dans un désarroi complet, le G-l en Chef me la confia pour lors et lui même il alla parcourir le front de l'armée, en criant à tue tête, Malachowski en avant, Rybinski en avant, tout le monde en avant; et il faisait courir tous ses aides de camp, non seulement pour presser l'éxécution de cet ordre, mais encore pour lui amener toute la cavalerie Polonaise, qui n'avait réellement que faire sur ce terrain [3]). Les troupes quittèrent donc le bois, où elles étaient à l'abri, et vinrent se mettre en évidence dans la plaine pour servir de but aux batteries Russes. Le G-l en Chef pressait tout le monde, que ce mouvement s'éxécuta avec une sorte de confusion, pendant laquelle les batteries de toute la droite partirent spontanément par la chaussée et ne s'arrêtèrent qu'à quelques lieux du camp de bataille, et celles de la gauche étant pour le moment hors d'action, l'armée Polonaise se trouva absolument sans artillerie, exposée au feu violent des nombreuses batteries Russes qui se trouvaient hors d'atteinte. Quiquonque a fait la guerre connait ce que c'est que le feu d'une artillerie qui n'est pas contrebattue, dirigé à bonne portée sur des masses de troupes. Il pourra se faire une idée de la situation accablante de l'armée Polonaise; elle passait tout bonnement par les armes et elle y était condamnée par son propre chef. Des soldats français en pareille circonstance lui eusent tiré des coups de fusil. Les Polonais le plaignaient, voyant qu'il était comme tout le monde exposé aux projectiles de l'artillerie Russe.

Le départ des batteries polonaises sous les yeux même du G-l en Chef peut donner la mesure du relâchement de tous les liens de la discipline qui s'était opéré dans l'armée Polonaise depuis que Skrzynecki la commandait. Car encore faut il observer que ces batteries étaient commandées par des officiers, qui ainsi que l'artillerie Polonaise en général, s'étaient distingués par leur bravoure dans toutes les occasions. Ils est vrai que le chef de cette arme, qui avait reçu ses instructions, était trop flegmatique.

Cependant les attaques des Polonais contre la masse Russe, qui se trouvait à la tête des ponts, continuaient sans interruption, et produisaient toujours le même effet. Une des plus remarquables fut celle qu'éxécuta le colonel Krasicki à la tête des cinq bataillons formant sa brigade. Il parvint à rompre la masse Russe, et à se frayer un chemin jusqu'aux ponts; mais comme il ne fut pas soutenu l'élan de ses troupes se trouva épuisé. Les Russes s'étaient ralliés dans les broussailles à gauche de la chausée; ils revinrent vigoureusement à la charge, et dans le même moment une partie du 1-er corps; le 3-me et 4-me régiments de marine et le 2-me de chasseurs avancent par le pont au pas de charge, et sont soutenus par 5 bataillons de la 3-me division d'infanterie. Il y eut une mêlée qui produisit un massacre epouvantable. Krasicki, qui payait d'exemple blessé d'un coup de baïonnette et d'un coup de crosse, tomba

[1]) D'autant plus qu'il ignorait, à ce qu'il parait, qu'une division Polonaise occupait Lomza.

[2]) J'étais présent lorsque l'ordre fut donné, mais Skrzynecki était tellement hors de lui qu'il n'y avait plus moyen de lui faire rien entendre. Langermann a eu raison de dire au sujet de cette desastreuse journée, que les soldats polonais y avaient eu sans aucune interruption la mort devant les yeux, et rien que la mort.

[3]) Les Russes avaient d'abord fait passer quelques escadrons, mais, s'apercevant bientôt que l'engagement prenait une tournure sérieuse et que le terrain n'était nullement propre à la cavalerie, ils les retirèrent bien vite au delà des ponts.

et fut fait prisonnier; sa brigade fut ramenée en désordre après avoir eprouvé et fait essuyer aux Russes des pertes cruelles. Le lieutenant général Manderstern fut blessé dans cette rencontre d'un coup de feu. Le Maréchal fit encore renforcer les troupes engagées par la 1-re brigade de la 3-me division de grenadiers. Il placa dans Ostrolenka en flammes 4 régiments de la 2-me division de grenadiers, et en réserve derrière la ville d'infanterie de la garde.

A l'aile gauche, je travaillais à rétablir de l'ordre et j'avais ramené sur le mamelon la batterie de Bielicki dont le feu exerça un ravage terrible dans la masse compacte des Russes, qui se trouvaient encombrés en avant des ponts, et qui ne pouvait pas se déployer à droite à cause du bras de la Narew, ni à gauche à cause du feu violent de ses propres batteries; elle ne pouvait non plus avancer étant retenue sur place par les attaques furieuses des Polonais, qui se succédaient sans discontinuer. Les régiments et les bataillons de ces derniers y perdaient leurs chefs, étaient repoussés en désordre; et comme ils étaient sans drapeaux, il n'y avait plus moyen de rallier les corps [1]). Des officiers devoués reformaient des colonnes de soldats de tous les régiments, les reconduisaient à la charge et renouvelaient un massacre également meurtrier pour les deux partis. Ces colonnes improvisées, étaient encore ramenées, et les soldats privés de chefs et de tout signe de ralliement, se dispersaient définitivement dans les bois. Les plus braves restaient sur le champ de bataille et continuaient isolement à tirailler jusqu'à leur dernière cartouche. Une de ces attaque morcelées fut conduite par Skrzynecki en personne; elle ne pouvait avoir de résultat différent de touter les autres. Moi aussi au déséspair de voir la boucherie inutile de mes camarades, j'en fis une à la tête du 5-e réglment de chasseurs à pied, mais il n'y eut que mon cheval qui reçut les balles des grenadiers Russes.

Le Général en Chef de l'armée Polonaise n'était pes satisfait d'avoir abimé ses trois divisions d'infanterie. Il avait envoyé chercher la cavalerie; elle arrivait; il la place dans le feu de l'artillerie Russe et ordonne au 2-me de lanciers (un des plus braves régiments de l'armée) de se porter en avant et de charger. Mycielski éxécute cet ordre, mais au moment où il croit arriver sur les Russes, ses chevaux sont embourbés dans un marais et il réçoit la décharge des grenadiers à bout portant; ce régiment s'en tire à grande peine, et reçoit l'ordre du G-l en Chef, sous les yeux duquel la chose se passait, de tourner le marais et de chercher un endroit accessible pour aborder les grenadiers. Mais le bas fond marécaguex avait une direction parallèle avec la rivière de manière pue les lanciers pour le tourner furent obligés de défiler deux fois sous le feu de l'artillerie Russe et une troisième fois pour retourner lorsque leur charge eut encore échouée, arretée par un nouveau marais. Ces braves et malheureux lanciers y laissèrent la moitié du régiment et cependant cet essai ne dégouta nullement le G-l en Chef, et envoya encore d'autres corps de cavalerie subir le même sort.

Cependant la nuit approchait; dix pièces d'artillerie légère, commandées par Bem, étaient arrivées avec la cavalerie. Le G-l en Chef les dirigea contre la masse de l'infanterie Russe, au moment où le maréchal traversait le pont entouré de son état major. Bem s'avansa avec ses pièces jusqu'a demi-portée sous la protection des nombreux tirailleurs, restes de l'infanterie Polonaise; il dirigea son feu avec un sang froid admirable et fit des ravages si effrayants dans la masse serrée Russe qu'elle fut forcée de se replier en partie en ville et en partie jusque sur les ponts. La sanglante journée était terminée; un champ de carnage couvert de monceaux de morts des deux partis séparait les deux armées.

---

[1]) Le jour de la bataille de Grochów j'avais observé à la division Zembek le grand inconvénient qu'il y avait à ne pes avoir dans les régiments des lignes de ralliement. A l'affaire d'Iganie j'eus par la même raison quelque difficulté à rallier promptement mon 5-me après que sa belle charge contre les 13-me et 14-me eut réussi. J'insistai donc à plusieurs reprises dans le courant de cette guerre pour que l'on distribuat à l'infanterie les aigles qui ce trouvaient confectionnés depuis longtemps. Jamais je ne pus l'obtenir du G-l en chef, qui répondit toujours ne pas vouloir s'exposer à perdre des trophées. L'armée Russe mieux avisée avait des drapeaux; elle en perdit une douzaine, mais n'en sortit pas moins victorieuse de la lutte. L'infanterie Polonaise ne put être ralliée à Ostrolenka precisément percequ'elle n'avait pas de drapeaux à perdre. Au reste je crois qu'il est inutile de faire des observations à ce sujet. Au lieu de donner des drapeaux à ses troupes, Skrzynecki leur faisait distribuer à faison des enseignes avec une croix grecque et l'inscription: «pour notre liberté et la votre», que l'on abandonnait aux Russes. Ce moyen avait été imaginé par je ne sais qui encore lorsque Radziwill commandait l'armée, mais Skrzynecki s'en promettait de grands effets, comme de tout petit moyen. Il n'était que ridicule.

CHAPITRE SIXIÈME.

Suite de la journée d'Ostrolenka.—Expéditions de Chlapowski et Gielgud en Lithuanie.—Succès du premier.—Combat avantageux du second à Raygrod.—Son passage du Niemen.—Tentative manquée sur Wilna.—Gielgud et Chlapowski se réfugient en Prusse.—Occupations du G-l en chef Polonais à Varsovie après la journée d'Ostrolenka.

La terrible journée d'Ostrolenka avait occasionné des pertes immenses aux deux partis. Les corps de Pahlen et Schahofskoy, ainsi que les trois divisions d'infanterie Polonaise étaient abimés. Les troupes des deux côtés avaient déployé une valeur et une contenance admirables. L'impéritie du Généralissime Polonais avait fait pencher la balance du coté des Russes [1]). Les généraux Henri Kaminski étaient tués ainsi que le lieutenant Colonel Gaiewski, les majors Wieczyrski, Kowalski et Radlinski. Chez les Russes le l. Général Manderstern et les généraux majors Schilder et Nassakine étaient blessés et tués les colonels Raitzenstein, commandant le regiment des grenadiers d'Ekaterinoslaw, Sasonoff, commandant le 3-me de marine, Timtchenk-Roubach, commandant le 4-e de marine et beaucoup d'autres officiers. Mais outre ces pertes immédiates la journée d'Ostrolenka deviendra encore infiniment plus funeste pour les Polonais par la perte de la belle division Gielgud qui va en être une conséquence, ainsi que par le coup porté au moral de l'armée, et surtout à celui de son chef, dont l'incapacité s'est maintenant devoilée aux yeux de toute l'armée et lui a fait perdre sa confiance. Les Polonais étaient loin d'être encore assez forts pour pouvoir supporter de pareils coups; chacun d'eux était mortel.

Pendant la nuit le G-l en chef convoqua tous les généraux en conseil de guerre, sur le champ de bataille même, à quelques centaines de toises du pont, pour aviser à ce qu'il y avait à faire. Voici l'opinion que j'y émis: «jusqu'à présent la victoire est indécise, puisqu'aucune armée n'a reculée. Si nous faisons un pas en arrière, nous provoquerions toutes les conséquences d'une défaite complète, car l'ennemi ne manquera pas de lancer à notre poursuite sa nombreuse cavalerie, qui nous mettra dans l'impossibilité de rallier notre infanterie dispersée dans les bois; d'autant moins que les Russes apercevant alors notre état par les traces que nous en laisserons, redoublerons d'activité dans leur poursuite; la division Gielgud sera infailliblement perdue, et notre cause aussi de ce seul coup. Mais comme les Russes ignorent le véritable état de notre armée et que la leur a aussi eprouvé des pertes terribles [2]), il n'est pas probable qu'ils veuillent demain recommencer leurs essais pour forcer la position. Il s'agit seulement de leur en imposer par une bonne contenance jusqu'à ce que Gielgud arrive; et comme je lui ai envoyé l'ordre de venir nous joindre sans aucun retard dès que l'affaire commenca à prendre une tournure défavorable; il arrivera vraisemblablement avant midi et avec une nombreuse artillerie; il suffira pour empêcher les Russes de déboucher. Sous la protection de Gielgud notre armée se reformera, nous n'aurons pas même l'apparence d'une défaite, la guerre restera sur la Narew et les Russes continueront à être separés de la Prusse. Enfin, si contre toute apparence ils débouchent demain matin, nous aurons toujours le temps de nous en aller alors, d'autant plus que nous aurons à traverser un pays de bois».

Dans des moments très difficiles on ne doit guère s'attendre à des résolutions énérgiques de la part d'un conseil de guerre. Un chef le convoque ordinairement en pareil cas, parcequ'il n'a pas la force d'âme de prendre une grande résolution et qu'il cherche des pretextes et une justification pour le parti moins honorable qu'il désire suivre. C'était maintenant le cas du G-l Skrzynecki, toutes ses pensées le reportaient à Varsovie. Ayant entendu mon avis, il adressa au conseil la question captueuse, si l'armée pouvait livrer bataille le lendemain matin, ce dont il ne s'agissait nullement. Ils répondirent naturellement tous, que c'était impossible, que les troupes avaient besoin d'être ralliées et reposées. Mais encore faut il convenir que les généraux (à commencer par le chef) étaient en grande partie démoralisés par les événements de la journée. Dembinski proposa si le G-l en chef se décidait à une retraite immédiate, de faire marcher Gielgud en Lithuanie; il s'offrit pour lui porter cet ordre, et faire partie de l'expédition avec les escadrons de Posen. Ce projet souriait à Skrzynecki, parce qu'il lui donnait l'espoir de pouvoir rester tranquillement à Varsovie à représenter, tandis que les événements se décideraient ailleurs en notre faveur. Il prit donc la parole à peu près en ces termes: «M. M. à vous le conseil, à moi la décision. La retraite commencera tout de suite; G-l Lubinski, je vous charge de ramener tout ce que vous pourrez de troupes directement à Varsovie; et vous, G-l Dembinski, partez avec les escadrons de Posen, et mar-

---

[1]) Je ne connais pas exactement les pertes. Les Polonais par l'effet de la retraite qu'ils opérèrent pendant la nuit perdirent des prisonniers que la cavalerie Russe ramassa dans les bois. La relation Russe porte leur nombre à 1,400.

[2]) Le lendemain de l'affaire le G-l Pahlen 1-er n'avait pas 3,000 hommes sous ses ordres.

chez avec Gieldud en Lithuanie. Toutefois je vous déclare M. M. que vous me faites prendre une determination contraire à mon opinion, car j'étais résolu à recommencer demain la bataille». Et la dessus le G-l en chef monta en voiture, m'ordonna de l'accompagner et partit pour Varsovie. De la première station il écrivit au Gouvernement pour lui annoncer que tout était perdu [1]). Pendant la route son visage s'inondait de larmes et il répétait tantôt *finis Poloniae* [2]), tantôt *nous avons perdu la plus honteuse bataille.* Nul doute qu'elle était honteuse la journée d'Ostrolenka; mais uniquement pour le G-l de l'armée Polonaise; elle était très honorable pour les troupes.

Les événements trompèrent en partie ma prévision; Lubinski fut très mollement suivi par quelque cavalerie commandée par le Comte Witt, qui ne fut mise en mouvement que dans l'après-midi [3]). Aussi les troupes se rallièrent elles, et au bout de quelques jours, Lubinski les eut ramené dans le camp retranché de Praga, où elles se trouvèrent bientôt en état de rentrer en campagne. Quant au Maréchal Diebitch, après s'être arrêté plusieurs jours à Ostrolenka, il vint mettre l'armée en cantonnements dans les environs de Pultusk, où il mourut lui-même le 29 Mai (10 Juin) du choléra, epidémie qui faisait assez de ravages dans l'armée Russe. Le Chef d'état major G-l Toll la commandait provisoirement jusq'à l'arrivée de son nouveau chef le Maréchal Paskiewitch qui vint par la Prusse. Cette armée affaiblie par les pertes eprouvées à Ostrolenka, par le choléra, et les renforts envoyés en Lithuanie à la suite de Gielgud, attendit dans ces cantonnements de rafraichissement des renforts, et la tournure que prendraient les affaires de Lithuanie, elle y attendit en outre que les immenses préparatifs qui se faisaient pour son passage de la Vistule en Prusse, du côté de Thorn, fussent terminés.

Pendant que les armées principales restent dans l'inaction, nous suiverons les deux expéditions de Lithuanie, mais brièvement à cause de notre ignorance au sujet des événements qui se sont passés dans cette province. Nous avons déjà dit, qu'une des raisons qui décidèrent le G-l en chef à l'expédition contre les gardes, fut l'espoir de trouver l'occasion de faire glisser quelque secours aux Lithuaniens. Mais ce secours se bornait à l'envoi de quelques cents hommes. Lorsque Skrzynecki avait parlé sur ce sujet avec Chlapowski, le dernier s'était offert pour commander l'expédition. C'était un ancien militaire de Napoléon, d'abord son officier d'ordonnance, ensuite commandant d'un escadron de sa garde; il l'avait quitté au milieu d'une campagne par dépit de ne pas être nommé colonel et était devenu par cette raison un ennemi acharné du Grand Capitaine. Chlapowski ne manquait ni de courage ni de moyens, mais il avait encore infiniment plus de prétentions. A côté du sentiment universel qui avait fait affluer dans les rangs Polonais les habitants du duché de Posen, il y avait encore chez lui le désir et l'espoir de jouer un grand rôle. Il n'a pus pardonner à Chlopicki d'avoir frustré son attente à se sujet, et plus tard il était au désespoir de se voir relégué dans la ligne à la tête d'une brigade. Il saisit avec avidité l'occasion de sortir de la foule, en allant en Lithuanie, où il allait tout naturellement devenir un chef, et par conséquent occuper l'Europe de sa personne.

Pendant que l'armée marchait sur Tykocin, Chlapowski avait filé vers cette immense foret appelée Bialowieyska puszcza, avec le beau 1-er régiment de lanciers, cents fantassins choisis et montés, cents officiers et sous-officiers, devant servir d'instructeurs aux Lithuaniens; deux pièces d'artillerie légère avec un nombre de canonniers montés, suffisant pour le service d'une batterie de douze bouches à feu. Il était accompagné en outre d'un grand nombre de volontaires et pour lui donner une plus grande importance dans sa mission, on venait de le nommer général, ce titre avait encore été un objet de ses ardents désirs.

Chlapowski passa la frontière du Royaume à Mien le 9 (21) Mai, et fut reçu à bras ouverts par les habitants, malgré que les insurrections de la Lithuanie eussent déjà essuyé maints désastres malgré que beaucoup d'insurgés pris eussent été passés par les armes et beaucoup de villes et de villages détruits. Il marcha par Brónsk, y prit un magasin, que cependant il ne détruisit pas; à Biolok, il s'empara d'un détachement de 1000 hommes sortis des hopitaux. Près de la forêt de Biélowies il rencontra le détachement du G-l Linden, le fit charger et lui enleva un canon, un major et 168 prisonniers. Le lendemain Chlapowski fut joint à Massiewo par quelques centaines d'insurgés, et bientôt il eut formé un nouveau bataillon Lithuanien. Il traversa le Niemen sur des bateaux et se dirigea sur Lida; par sa marche il avait jetté l'alarme à Bialostok et à Grodno, dont les garnisons faisaient détruire en hâte tous les passages qui auraient pu servir aux Polonais pour arriver.

[1]) A son retour à Varsovie, il détruisit cette lettre lorsqu'il eut appris à son grand étonnement que Lubinski ramenait l'armée.

[2]) Paroles attribuées à Kosciuszko à la bataille de Macieiowice.

[3]) Ce qui prouve que le Maréchal n'avait nullement l'intention de renouveller l'attaque le 15 (27) mai. Bien loin de là, ce fut avec étonnement qu'il apprit le matin par les rapports des patrouilles cosaques qu'il n'y avait aucun ennemi devant lui.

Au delà de Lida Chlapowski atteignit la garnison qui venait d'evacuer cette ville; elle était composée de 400 hommes avec deux pièces. Après un faible engagement tout ce détachement fut pris avec ses drapeaux.

Après cette affaire, ayant eprouvé une forte résistance sur la route de Wilna, Chlapowski prit à gauche et marcha à Orany, où il prit un détachement, et encore un autre à Uzugast. A Kitowiszki Chlapowski se trouvait déjà à la tête de quelques mille hommes, avec une batterie de cinq pièces.

Il aurait pu avoir un corps bien plus nombreux sans un manque absolu d'armes et de munitions le gouvernement ayant pris de longue main des mesures sévères pour en priver les habitants. Sur ces entrefaites, Chlapowski ayant appris l'arrivé du corps aux ordres du G-l Gielgud sur le Niemen, marcha pour opérer sa jonction avec lui, et passa la Wilia à Janow. Comme dorénavant il va faire partie de ce corps, il convient que nous revenions en arrière pour suivre les opérations de Gielgud. Ce général ainsi que nous l'avons vu avait quitté Lomza par suite de la fatale journée d'Ostrolenka, et s'avançait dans le P-t d'Augustow, avec sa division composée de 11 bataillons, 6 escadrons, 22 bouches à feu et une compagnie de pontonniers, et elle allait se renforcer encore par le corps de Sierakowski qui avait suivi Sacken. Gielgud avait d'abord à battre ce dernier pour s'ouvrir le chemin de la Lithuanie. Cette tâche n'était pas difficile, vu l'infériorité du G-l Russe, mais qui la facilita encore en venant au devant des Polonais. Sacken s'était enfin aperçu à Raygrod de la faiblesse du détachment qui l'avait suivi, et il resolut de prendre l'offensive. Sierakowski se replia à Grajew et y fut joint par Gielgud; Sacken ignorant l'arrivée des forces imposantes commandées par ce dernier, s'était avancé au deçà des defilés de Raygrod. Rien n'était plus facile que d'anéantir tout le corps Russe en envoyant un détachement d'infanterie par les bois et par Woznawies occuper Raygrod et y détruire les ponts, avant que l'on commençat l'attaque de front. Le colonel Sierakowski proposait la chose, et se chargeait de l'exécution. Gielgud hésita et l'occasion fut perdue.

Le 17 (29) Mai, la rencontre eut lieu sur la chaussée entre Graiew et Raygrod. Les Russes accablés par des forces supérieures furent contraints de céder, ils essayèrent de tenir encore à Raygrod, où ils furent encore dépostés avec des pertes considérables [1]). Après cette affaire le G-l Sacken se dirigea sans s'arrêter sur Wilna, en laissant beaucoup de dévastation derrière lui.

Quant au général Gielgud, sa position pouvait sans contredit devenir difficile, surtout par le manque de munitions. Néanmoins, il n'y a pas de doute que vu la nature du pays dans lequel il s'engageait, la disposition de ses habitants, le nombre et le dévouement des troupes qu'il avait sous ses ordres, un homme de tête à sa place aurait trouvé de grandes chances de succès et aurait pu mettre un poids immense dans la balance; surtout s'il eut été secondé par une activité déployée à propos par le G-l en Chef avec les troupes qui se trouvaient sur la Vistule.

Les insurrections de la Lithuanie avaient reçu, il est vrai, de rudes coups; néanmoins elles n'étaient pas etouffées et les troupes Russes appartenant à différents corps et surtout au 2-me étaient disséminées sur une immense étendue et encore occupées à comprimer des soulèvements anciens et à prévenir de nouveaux. Aucun de leurs détachements n'étaient de force à résister à Gielgud; mais il était clair comme le jour, qu'à la nouvelle de son approche les Russes se concentreraient de tous les côtés à Wilna, point central et décisif dans ces contrées; point de la dernière importance sous tous les rapports militaires et politiques, dont la possession eut procuré des ressources immenses et les moyens de former une armée imposante, dont le corps de Gielgud aurait été le noyau. Il n'y avait pas de sous lieutenant dans les deux armées qui ne sentit ces vérités. Gielgud aurait donc du, immédiatement après son succès de Raygrod, marcher avec toutes ses forces à tir d'aile, et par le chemin le plus court s'emparer de Wilna, de l'arsénal et des établissements de cette ville. Son existence dépendait de ce qu'il y prévint la réunion des forces Russes. La possession de Wilna lui eut tout de suite procuré la coopération du grand nombre des prudents de la Lithuanie, qui penchaient pour l'insurrection mais n'avaient pas encore osé se prononcer, et une fois en possession du centre, il eut été le maitre de porter des coups succés sifs, avec une masse imposante, contre les corps morcelés qui arriveraient des différents côtés de la circonférence, et cela tout en activant les nouvelles organisations. Quoique Gielgud en fut alors à peu près à sa première campagne, ce qu'il avait à faire dans ces premiers moments était néanmoins tellement évident, qu'on ne conçoit pas comment il ait pu agir d'une manière tout à fait différente et au rebours du bon sens. Serait-il possible que sa conduite eut été motivée par la misérable vanité d'avoir son Quartier-Général dans le chef-lieu de sa famille? On l'en a accusé. Mais alors même après avoir été à Gielgudyszki il avait encore le temps de prévenir à Wilna la réunion des corps Russes. Quoi qu'il en soit, ce fut donc à Gielgudiszki que le G-l Gielgud se dirigea avec son corps, et il y passa le Niemen dans la journée du 26 Mai (7 Juin),

[1]) Gielgud prétend dans son rapport ayoir fait 1,200 prisonniers.

après avoir envoyé le G-l Dembinski dans la direction de Kowno. Là il perdit un temps qui devenait de moment en moment plus précieux et morcella ses troupes. Le colonel Szymanowski fut envoyé avec mille hommes en Samogitie pour y ramasser les insurgés épars et s'emparer de Polangen. Le général Dembinski reçut l'ordre de se porter au nord de Wilna pour s'approcher de cette ville par la rive droite de la Wilia, et Chlapowski avec son corps dut repasser sur la rive gauche de cette rivière à Czebiszki. Il occupa la position de Waka, en présence des Russes, qui travaillaient avec activité à fortifier le poste de Ponary. Chlapowski eut quelques escarmouches pendant les 5 jours que Gielgud perdit encore, et pendant lesquels l'autre se morfondait à l'attendre en contemplant les clochers de cette ancienne capitale de la Lithuanie. Enfin Gielgud arriva au moment où sa garnison, commandée par le G-l Chrapowicki, venait de recevoir le puissant renfort que le G-l Kuruta y amenait de la grande armée avec une bien grande circonspection et qui était composée du corps séparé des gardes qui avait appartenu au commandement de Son Altesse Impériale Monseigneur le Czesarewitch (deux régiments d'infanterie, trois de cavalerie et 20 pièces d'artillerie de position). Le général Sacken y était rendu depuis quelques jours.

Maintenant la conquete de Wilna par les Polonais était devenue très problematique, d'autant plus que les germes d'indiscipline qui depuis maintes années gangrénaient l'armée Polonaise qui s'y développaient de tous les côtés depuis que Skrzynecki la commandait portaient déjà leurs fruits les plus amers dans les troupes de Gielgud. Le relâchement dans toutes les parties du service et le désordre y étaient à leur comble, et paralysaient tout à fait la valeur et la bonne volonté qui animaient les individus. Néanmoins Gielgud résolut d'attaquer la position de Panary; mais il serait difficile d'assigner un nom à ce qu'il éxécuta dans la journée du 7 (19) Juin. Les tirailleurs enlevèrent le premier poste; après quoi les bataillons et les pièces morcelées de tous les côtés se présentaient sans aucun ensemble devant la position de la chapelle, et dans le même moment Zaliwski, qui avait fait cette guerre en partisan et qui avait réuni jusqu'à 1,500 volontaires, déboucha inopinément à leur tête à la droite de Gielgud, qui le renforça, mais avec le gros de son infanterie il prit une direction tout à fait divergeante, en appuyant à gauche, de manière qu'elle se trouva dans un fond et adossée à la Wilia.

Les Russes qui s'éstimaient heureux pourvu qu'ils puissent se maintenir à Wilna, se bornaient à entretenir la canonnade. Néanmoins Gielgud avait mis son infanterie en prise d'une manière si palpable, qu'ils ne purent s'empêcher de faire contre elle un mouvement offensif avec de l'infanterie; cette attaque fut faite mollement, et les Polonais compromis se firent jour à travers les Russes; mais Gielgud en avait assez; cet essai l'avait découragé; il ordonna la retraite, tandis que c'était bien le cas de sacrifier la moitié de ses troupes et jusqu'à sa dernière cartouche pour s'emparer de Wilna, de son arsenal, de ses munitions et de ses approvisionnements; car c'était réelement un combat de vie et de mort pour les Polonais. Chlapowski dut couvrir le mouvement retrograde avec le 1-er régiment de lanciers. Quelques escadrons Russes se présentèrent pour l'inquiéter, mais vigoureusement chargés à deux reprises ils fûrent ramenés avec perte. Les lanciers Polonais en les poursuivant arrivèrent jusque sur les pièces, où l'infanterie leur fit éprouver quelques pertes à leur tour; depuis la retraite ne fut plus inquietée.

Gielgud avait marché en Lithuanie avec plus de 12,000 hommes, sans compter Chlapowski; il avait 29 bouches à feu. Les Lithuaniens lui affluaient de tous côtés et formaient de nouveaux corps; il était dans l'abondance des vivres, et néanmoins la dèsorganisation diminuait son propre corps de jour en jour. Il repassa la Wilia et nomma Chlapowski son chef d'état major, ce qui ne remédia pas au mal. Tandis que ses troupes fondaient, il n'était occupé que de nommer de nouveaux officiers. Gielgud laissa Dembinski à Wielkomir, et marcha par Keydany à Rossienna pour se joindre à Szymanowski, qui avait été repoussé de devant Szavli. Mais en attendant le Général Tolstoy commandant l'armée de réserve était parti de Wilna le 12 (24) Juin pour suivre Gielgud. Une de ses colonnes commandées par le G-l Sacken se dirigea sur Kowno, où son avant-garde aux ordres du G-l Malinowski, dispersa les Lithuaniens qui s'y organisaient. Les Russes passèrent la Wilia et se dirigèrent sur Keydany. Gielgud voulut concentrer toutes ses forces pour marcher au devant d'eux; mais Dembinski refusa d'obéir et se retira à Poniewiez. Alors le premier prit une position à Plenbourg sur la Dubissa, et il y fut aussitôt attaqué. Les Lithuaniens affluaient toujours, mais on n'avait ni les moyens ni le loisir de les organiser; on n'avait pas même celui de confectionner des cartouches avec la poudre que les gens du pays étaient parvenus à se procurer.

A Cytowiany Gielgud fit sa jonction avec Szymanowski et il marcha à l'attaque de Szawli, à laquelle Dembinski vint aussi prendre part. Les troupes déployaient encore beaucoup de bravoure; mais que pouvaient-elles seules au milieu d'une complète dissolution et avec l'impéritie des chefs. Les attaques de Szawli furent décousues, deux fois l'infanterie Polonaise pénétra en ville mais chaque fois sans ensemble et sans être soutenue. L'entreprise échoua. Alors les Polonais marchèrent à Kurszwany, trainant une immensité de voitures remplies de blessés, de malades et de bagages, et accompagnés d'une cohue de non combattants. Là, Gielgud convoqua un conseil de guerre, où il fut décidé que l'on se partagerait en

trois colonnes, qui prendraient des directions divergeantes, et dont chacune ferait la guerre pour son compte. Rohland devait marcher sur Polangen, Chlapowski vers Jurbark et Dembinski à Poniewiesz. Il n'y eut que ce dernier qui suivit sa destination; quant au gros des troupes, elles se dirigèrent machinalement vers la frontière de la Prusse, que l'on franchit le 30 (12) Juin (Juillet), encore avec l'idée d'obtenir le passage pour se rendre à Varsovie. Le lendemain la colonne du G-l Rohland en fit autant. Quant à Gielgud, il termina sa carrière par la balle d'un fanatique qui le punit de s'être trouvé dans une position beaucoup au dessus de ses moyens. Le seul Dembinski, en forçant de marche, parvint à passer le Niemen et le Bug; ayant fait sa jonction avec le corps de partisans de Rozycki au delà du Bug, il ramena à Varsovie environ 4,000 hommes en partie Lithuaniens avec six bouches à feu [1]). Telle fut la triste fin de deux expéditions qui auraient pu sans doute avoir de grands résultats, mais dont la catastrophe amenée par l'indiscipline et l'incapacité du chef devint un précurseur infaillible de celle de Varsovie. La fausse direction qu'avait prise Gielgud vers Gielgudizshki, ses retards à marcher sur Wilna, la mollesse de son attaque sur cette ville; enfin les renseignements apportés à Varsovie par quelques Lithuaniens [2]) avaient prouvé son incapacité. On nomma Chlapowski G-l de Division et Chef supérieur en Lithuanie, mais il était trop tard.

Pour ne pas interrompre le fil des opérations des expéditions de Lithuanie, nous avons anticipé sur les événements. Il convient de revenir maintenant sur nos pas, pour suivre ce qui se passait sur le théatre principal depuis la journée d'Ostrolenka.

D'abord le G-l Uminski aurait du, d'après ses instructions, au moment même ou la grande armée Russe quittait le camp de Sucha, attirer à lui le corps de Dziokonski, se renforcer de la garnison de Varsovie et avec un corps d'au de la 20,000 hommes prendre une vigoureuse offeasive. La fortune lui était favorable en lui offrant des chances; car, dès que le Maréchal Diebitch eut quitté les environs de Siedlce, le G-l Kreutz vint les occuper par une marche de flanc du P-t de Lublin. Après y être resté quelque temps comme chef du 2-me corps il partit pour prendre le commandement supérieur en Lithuanie, tandis que les troupes qu'il avait amenées et qui se composaient de 6 bataillons de grenadiers, de 8 bataillons de la 7-me division et de la 2-me division de dragons, commandées par le G-l Mourawieff allèrent rejoindre l'armée aux environs de Pultusk. La 2-me division dès chasseurs à cheval avait été laissée dans le P-t de Lublin, où elle renforca le corps du G-l Ridiger venant de Volhinie. Uminski pouvait donc éspérer avoir à faire avec ces corps isolément dont chacun se trouvait plus faible que lui, et il était d'autant plus en droit d'ésperer des succès, que les Russes ne pouvaient guère admettre que les Polonais songeassent à l'offensive au moment même où ils venaient d'essuyer le terrible désastre d'Ostroleka. En attendant Uminski ne bougea pas des environs de Minsk, et quoqu'il eut informé l'Etat Major général de la marche du Maréchal, il n'envoya pas seulement un détachement pour le suivre au moins jusqu'au Bug. Cette conduite est d'autant plus inéxplicable qu'Uminski avait fait la guerre et l'avait fait bien. Mais c'est surtout le G-l Skrzynecki qui va se conduire comme si Ostrolenka lui avait ôté tout jugement, et comme s'il avait à coeur de conduire la cause dont il s'était chargé à sa perte par un mouvement accéléré. Si jusquelà il avait repugné à déployer de l'activité et à livrer un combat, maintenant il s'entêtera tous les jours davantage dans son inertie, et il fremira à la seule idée d'un engagement sérieux, et pour repousser toute proposition qui y tendrait, il se fera un prétexte de cette fatale journée, dont il voudrait rejetter la faute sur les troupes. Il les calomniera maintes fois, ces braves soldats que son impéritie avait sacrifiés [3]), plutôt que de convenir de sa propre incapacité.

D'abord puisque les Polonais n'étaient point poursuivis par le Maréchal, il était très inutile et même pernicieux de les ramener à Varsovie, où il serait plus difficile que partout ailleurs de rétablir la discipline et l'ordre dans le service; mais il convenait de la rallier sur la rive droite de la Narew, en couvrant cette opération par une forte arrière-garde, qui, si l'armée Russe se portait en avant, eut occupé consecutivement les positions des rivières Omoulew, Orycz et Wkra, et si l'on était encore pressé, c'est dans le camp retranché de Modlin que l'armée aurait du se replier. C'est en maintenant les troupes en

[1]) Dembinski a deployé dans cette retraite une prodigieuse activité pour échapper au corps Russe. Il était fait pour la petite guerre. Rozycki avait aussi fait la petite guerre au delà du Bug avec succès. Il ramenait parmi les prisonniers le G-l Panioutine.

[2]) Ils parvinrent à pénétrer deguisés, car dès le lendemain d'Ostrolenka nos communications avec Gielgud furent interceptées.

[3]) A Ostrolenka des régiments Polonais ont eu hors de combat à peu près le tiers des présents sous les armes, quelques corps la moitié. Et maintenant lorsqu'on pressait Skrzynecki d'agir, il repondait toujours: Voulez-vous avoir une seconde Ostrolenka? Cette journée n'a t'elle pas prouvée que nos troupes ne veulent pas se battre? Non, l'on ne m'engagera pas à être un second Kosciuszko, à finir par un second Macieiowice.

face de l'ennemi que l'on conserve le plus de faculté de retremper leur discipline et de leur imprimer une énergie nouvelle, c'est encore en restant en sa présence que l'on surveille le mieux son adversaire. Laissant toute cette tâche au G-l Lubinski qui s'y entendait un Chef qui eut été un véritable Général se serait rendu directement au corps d'Uminski, pour éxecuter contre Kreutz et Ridiger, ce que ce général aurait du faire depuis dix jours, et faire oublier par des succès presque certains l'impression produite par son désastre. Puis, après avoir regagné la confiance des troupes par ces succès et relevé leur moral, attirant à lui Chrzanowski, il devait aller joindre Uminski sur la Narew sans aucune perte de temps et avec une armée d'au de là 50,000 hommes attaquer le maréchal avant qu'il reçut des renforts, qui plus est, si le corps de Mouravieff (Kreutz) eut été défait dans la marche circulaire qu'il éxécuta autour de Varsovie, l'armée du Maréchal privée de ce secours, ne comptant pas 40,000 hommes ne pouvait reçevoir le choc de toutes les forces Polonaises sans s'exposer à une défaite. Peut-être convenait il encore davantage à cause de Gielgud et de la Lithuanie, d'agir offensivement contre le Maréchal, dès que Mouravieff eut été battu, laissant à Chrzanowski le soin d'occuper Ridiger sous la protection de Zamość. Dans tous les cas il fallait aux Polonais redoubler d'activité afin de dégager la Lithuanie et les troupes qui s'y trouvaient; et pour prévenir le passage de la Vistule que nous voyions se préparer près de Thorn, comme un marin voit à l'horizon s'amonceler des nuages qui annoncent son naufrage. Nous savions que ce passage était une chose arrêtée, non seulement par les renseignements qui arrivaient de tous côtés sur les immenses préparatifs qui se faisaient à Thorn pour ce passage et sur les convois Russes qui arrivaient à Danzig et remontaient la Vistule, mais encore par une dépêche, que nous interceptâmes dans le courant du mois de Juin de la dernière importance. Elle était adressée au Maréchal Sacken par le G-l Toll, immédiatement après la mort du Comte Diebitch. Elle nous apprit que le commandant de la 1-re armée (Sacken) s'était plaint de ne pouvoir étouffer les insurrections des trois gouvernements avec les forces qui se trouvaient à sa disposition; que ces insurrections tous les jours comprimées, éclataient sur d'autres points. Le Général Ridiger ne se croyait pas non plus assez fort dans le Palatinat de Lublin, et le Général envoyé contre Zamość s'était également plaint de ne pas avoir assez de troupes pour bloquer cette place. Tous ces messieurs avaient donc demandé des renforts de la grande armée, qui, ayant du s'affaiblir par l'envoi des troupes en Lithuanie, à la suite de Gielgud, et ne pouvant vraisemblablement compter de longtemps sur une armée de réserve aux ordres du G-l Tolstoy, se trouvait à peine assez forte pour entreprendre le passage de la Vistule dans le P-t de Plock, qu'il lui était impérativement ordonné de Pétersbourg de tenter, afin de s'emparer de Varsovie [1]).

Mais le Général en chef était loin de songer aux opérations militaires. Content de ne pas être inquieté pour le moment par les Russes à Varsovie, il repoussait les tableaux importuns de l'avenir si on les lui présentait malgré lui, et voici les objets qui l'absorbèrent entièrement.

Deux notabilités de l'armée, les généraux Uminski et Krukowiecki venaient de lui manquer dans leurs lettres. Skrzynecki, d'un caractère haineux et irascible, s'adonna tout entier au sentiment de vengeance. Il ôta le commandement au premier pour une personnalité; il n'avait fait aucune attention à la non éxécution d'instructions importantes, malgré laquelle Uminski ne manquait pas des qualités d'un militaire et certainement à la place de Jankowski il ne se serait pas conduit vis-à-vis de Ridiger d'une manière aussi inepte que l'autre va le faire. Dans la pénurie de Généraux où les Polonais se trouvaient, c'était peut-être punir la chose publique. Quant à Krukowiecki, Skrzynecki conçut contre lui d'autant plus de rancune que d'ancienne date il lui devait quelques obligations; il ne se contenta pas de lui dounner les arrêts, mais encore il exigea que le Gouvernement le destitua et il voulut le traduire à un conseil de guerre. Krukowiecki de son sôté demanda sa démission éxigeant qu'on la lui accordat avec l'autorisation de porter les épaulettes. Ce démêlé ridicule vu les circonstances, occupait tout le monde. Le faible Gouvernement ne savait comment s'en tirer et était dans le plus grand embarras, surtout le Prince Chartoryiski, brave homme qui aurait désiré arranger tout le monde. Enfin on prit un terme moyen; Krukowiecki fut renvoyé, mais avec les épaulettes. Skrzynecki se réjouit de cette demi-victoire comme un enfant. Je puis assurer que le succès contre Rosen ne l'avait pas enchanté davantage. Quant au jugement, j'eus beaucoup de peine à dissuader Skrzynecki quoique je lui prouvasse évidemment qu'il ne ferait que se compromettre parceque Krukowiecki serait positivement acquitté. On doit considérer le renvoi de ce

[1]) Nous avions au quartier général Russe un espion qui y fut découvert. Peu de temps après l'arrivée du Maréchal Paskiewitch on lui fit écrire une lettre par laquelle il annonçait que le nouveau Chef de l'armée ayant trouvé mauvais tout ce que son prédécésseur avait fait, l'armée Russe irait dans le Palatinat de Lublin pour y tenter un passage. Cette nouvelle ne me parut mériter aucune croyance. Un tel mouvement eut été contre le bons sens; d'ailleurs les préparatifs de Thorn et la lettre du Général Toll étaient des données trop authentiques. Au reste ni l'une ni l'autre de ces lettres ne produisit absolument aucun effet sur le commandant en Chef; rien ne pouvant plus vaincre son inértie.

général comme la première cause des scènes épouvantables qui ensanglantèrent Varsovie dans la nuit du 3 (15 Aout), jamais elles ne seraient arrivées tant que Krukowiecki était Gouverneur. Il était à sa place dans ce poste, et Skrzynecki sentait qu'il n'y avait personne pour le remplacer. C'était bien le cas de sacrifier un ressentiment personnel pour le bien public; mais des passions et de bien petites passions l'emportaient chez lui sur toute autre considération.

La lettre que Skrzynecki avait écrite au Gouvernement le lendemain d'Ostrolenka, et dont le contenu s'était répandu, avait jetté la consternation et l'abattement à Varsovie. Mais bientôt étonné d'apprendre que l'armée n'était pas poursuivie, et qu'elle s'était ralliée, il voulut effacer ces mauvaises impressions, il protesta aux membres de la diète qui vinrent lui rendre visite à son arrivée que la bataille avait été plus meurtrière pour les Russes que pour nous; qu'elle n'avait été nullement perdue, et qu'il ne faisait revenir l'armée à Varsovie que parceque cela entrait dans ses plans. On se résigna à le croire. Mais il fit insinuer par ses affidés qu'il serait à désirer, afin de relever l'esprit public et retremper la confiance en lui, qu'une députation de la diète vint en grande cérémonie le complimenter au sujet de l'affaire d'Ostrolenka, et la députation eut lieu. On s'imaginait que l'on imitait les Romains; on n'en fit qu'une mauvaise parodie [1]).

Le Généralissime au retour d'Ostrolenka donna lui-même des festins, et fit donner des fêtes à ses soldats par la garde national, qu'il alla présider dans les jardins publics. Il se piquait d'imiter en tout point Napoléon et avait à tout propos son nom à la bouche. Mais ce grand homme s'avisa-t'il jamais de donner des fêtes à sa garde dans les champs Elysés, au retour de Moscou ou de Waterloo? Il était reservé au général Skrzynecki de donner des fêtes après un désastre.

Jusque là une concorde parfaite avait regné parmi les Polonais, car si Skrzynecki en voulait au Gouvernement depuis le premier moment de sa nomination au commandement de l'armée, à cause du refus de la croix [2]) et pour cette raison dans mainte occasion lui avait cherché noise. Le Gouvernement avait toujours fini par céder, autant peut-être par faiblesse que par désir d'éviter toute dissension. Maintenant Skrzynecki jette le premier brandon de discorde, en faisant attaquer à la diète par un nonce qui lui était devoué, le Gouvernement existant, et en se mettant à cabaler pour le renverser. Le Général en Chef avait perdu toute confiance dans les armes [3]), et il voulait persuader peut-être se faisait-il illusion à lui-même, que la seule raison qui empêchât les puissances de l'Europe de prendre le parti des Polonais, c'était le peu de garantie que leur donnait la composition d'un gouvernement beaucoup trop démocratique. Mais que ces mêmes puissances n'hésiteraient pas à reconnaitre l'indépendance de la Pologne sitôt qu'elles verraient le pouvoir dans les mains d'un seul homme et avec cela dont le nom fut une garantie pour la haute aristocratie. Cet homme d'après Skrzynecki devait être lui-même, ou au pis aller le Prince Czartoryiski, qu'il était presque certain de mener à son gré. Oui, Skrzynecki avait déjà fait tant de chemin dans ses ambitieuses vanités, qu'il se croyait membre de cette aristocratie Européenne, et il était persuadé que son nom pouvait déjà passer chez elle à côté de celui d'un Prince Czartoryski, descendant des Jagellons et même devait aller au dessus [4]).

Il n'y a pas de doute que dans chaque état de crise il est à désirer que le pouvoir soit concentré et d'autant plus illimité que la crise est violente. Néanmoins, il faut anssi convenir que le moment de cette sortie, immédiatement après la journée d'Ostroleka, avait été choisi par Skrzynecki sans aucun tact. Il échoua; se deconsidéra par la dans l'opinion, et augmenta l'aigreur qui régnait entre lui et le Gouvernement qu'il venait d'attaquer. Telles étaient les occupations qui absorbaient entièrement le G-l en Chef, et le detournaient des pensées de la guerre.

Quant à moi j'étais tombé malade au retour d'Ostroleka, et je faisais dans mon lit de sérieuses réfléxions sur la situation de nos affaires et ma propre position.

Toute la conduite de Skrzynecki jusqu'à l'affaire d'Ostroleka, pendant cette journée et les allures qu'il prenait depuis son retour me prouvaient qu'il conduisait notre cause à une perte certaine et qu'il

[1]) Le sénat Romain alla en corps complimenter le consul Varron, dont l'impéritie et l'entêtement venaient de perdre la sanglante bataille de Cannes. Mais c'était parceque Varron, plébéien lui même, était créature de ce parti, et que les Patriciens, ordinairement en collision avec eux, voulaient par cet hommage suspendre tout sujet de serment au moment d'une detresse publique. Toutes ces circonstances n'existaient pas chez les Polonais. D'ailleurs le sénat Romain complimenta, il est vrai, l'inepte, le présomptueux et l'entêté Varron, mais ne lui laissa pas le commandement de l'armée.

[2]) Il exceptait le Prince Adam Czartoryiski dans son ressentiment.

[3]) Il aurait du se convaincre de son incapacité pour le commandement et s'en démêttre, mais ce n'était pas le compte d'un ambitieux.

[4]) Ce fut à cette époque que Skrzynecki dont le père avait vécu dans un état de domesticité, ayant reçu une lettre du G-l Lafayette lui repondait qu'il ferait conserver cette lettre dans les archives de sa famille.

vouait les troupes à une mort sans résultats. Déjà, il avait prodigieusement empiré l'état des affaires, et il laissait echapper les chances qui s'offraient encore en ce moment. Je crus de mon devoir envers notre cause et envers mes camarades d'éclairer le Gouvernement que nous reconnaissions en ma qualité de quartier-maitre général de l'armée. Je crus en outre le devoir à moi même, étant généralement consideré comme celui qui dirigeait les operations [1]), je ne pouvais me taire sans accepter ma part de responsabilité pour toutes les sottises qui se faisaient. Lorsque donc plusieurs membres du Gouvernement vinrent me voir daus ma maladie, je leur dévoilai le véritable état des choses en commençant par le Prince Chartoryiski, président du Gouvernement et M-Ostrowski, Maréchal de la diète. Le premier était intimement lié avec Skrzynecki, et les Ostrofski lui étaient devoués, et c'est encore par cette raison que je m'ouvrais d'abord à eux. Mon idée était, que sans faire d'éclat ils devraient engager le G-l en Chef amicalement à se démetre du commandement de l'armée; sauf à le faire gouverneur de Varsovie, ou bien membre du Gouvernement, ce qui lui procurerait toute latitude de vivre d'après ses gouts, en représentant au sein de la capitale. Mais je n'avais pas su apprécier Skrzynecki; il n'était pas homme à lâcher prise aussi facilement et à sacrifier son ambition au bien public.

Ce fut à cette époque que j'eus tout lieu de reconnaitre quel malheur il pouvait résulter pour la chose publique, lorsque l'autorité souveraine se trouvait répartie en une infinité de mains. Avec un seul et véritable souverain, c'eut été la chose du monde la plus facile et qui se serait operée en un jour que de changer le commandant de l'armée. C'était bien autre à Varsovie où cinq gouvernants étaient non seulement obligés d'en référer les uns aux autres, mais encore à toute une diète. D'ailleurs Skrzynecki était une puissance, et non seulement il ne songeait pas à descendre, mais au contraire toutes ses pensées étaient justement dirigées à monter au pouvoir, ainsi que nous venons de le rapporter. Les personnes à qui je parlais sur son compte, s'étaient bien douté de la chose jusqu'à un certain point, mais il leur avait été trop pénible d'aborder en face un sujet aussi délicat, et ils l'avaient repoussé de leurs pensées. Maintenant que je présentais à leurs yeux la verité toute crue, leur perplexité fut grande et d'abord celle du Prince Adam qui aurait tant voulu tout concilier et qui n'imagina d'autre éxpédient que celui d'en consulter avec Skrzynecki lui même. M-r Ladislas Ostrowski ne pouvant pas nier l'incapacité du G-l en Chef n'eut cependant jamais le courage d'envisager en face un objet si important. Il se sauva de chez moi en protestant qu'il voulait tout ignorer. M-r Vincent Nemoievski de nouveau, qui avait été plus particulièrement en butte aux attaques du G-l en Chef, se trouva peut-être influencé en cette occasion, non seulement par le désir du bien public, mais aussi un peu par une animosité, d'ailleurs assez naturelle. Dès qu'il eut appris mon opinion, il en prit acte et voulut m'engager à me porter accusateur du G-l en Chef; ce que je refusais, parceque je ne pouvais pas donner cet exemple d'indiscipline et occasioner un esclandre. Mais qui plus est, l'incapacité n'est pas un crime contre lequel la justice puisse sévir. D'ailleurs Niemoiewski déclarait lui même que Skrzynecki était encore trop fort à la diète pour qu'il fut possible de lui ôter le commandement. Il ne me resta donc qu'à courir avec tout le monde vers une perte que je voyais très prochaine, mais qu'il n'était pas dans mon pouvoir d'empêcher. Je me bornai à employer l'intermédiaire de M-r Dzyatinski, aide de camp du g-l en chef, très zélé et très en crédit pour obtenir mon remplacement à l'état major général.

Toutefois le Généralissime ne pouvait encore se décider sur le choix de mon successeur, je continuai donc à occuper le poste de quartier-maitre général, mais ayant perdu toute influence sur les opérations; car comme j'avais attaqué l'amour propre de l'homme le plus vaniteux au monde, il m'avait gratifié de toute sa haine et il préferait ne pas voir réussir une chose que d'obtenir un succès par mon concours. Dorenavant je voyais même très rarement le g-l en chef.

Au retour d'Ostroleka, le G-l Lubinski fût nommé chef de l'état major général, où il fut très à sa place [2]). Si Skrzynecki lui avait confié ce poste dès son avènement au commandement, bien des choses seraient mieux allées. Lubinski fit ce qu'il put pour rétablir l'ordre dans l'armée; il organisa un corps de gendarmerie sous le nom de *straj polowa*; mais le mal avait déjà fait des progrès trop grands. Lubinski vint presque tous les jours chez moi pour consulter sur ce qu'il y avait à faire, et lorsqu'il lui était impossible de venir, Ladislas Zamoyski était notre intermédiaire. Je m'étais déjà dit bien des fois que je ne voulais me mêler de rien avec Skrzynecki, et cependant les événements étaient tellement grâves, que je ne pouvais m'empêcher de revenir sur ce projet. J'étais toujours d'avis, et Lubinski aussi, que chaque journée de perdue empirait notre situation, que depuis longtemps il aurait fallu prendre l'offensive.

[1]) Dans le fait c'était vrai, sauf les entraves que j'éprouvais à tout moment de la part du G-l en Chef

[2]) Le travail au chef d'état major général s'étant prodigieusement accumulé, Skrzynecki m'avait enfin désigné le 14 (26) Mai, pour remplir ces fonctions en remplaçant Chrzanowski par *interim*; mais 3 jours après il se détermina à nommer définitivement Lubinski.

sur la chausée de Siedlce, contre le corps du G-l Mourawieff. Il n'y avait pas le moindre espoir d'engager le g-l en chef, à entreprendre quelque chose contre la principale armée Russe; il fallait donc reporter toute notre attention sur les corps secondaires, qui, isolés dans le P-t de Lublin et de Podlachie, donnaient prise à nos coups. Lubinski déploya tous ses moyens diplomatiques pour obtenir le consentement du g-l en chef, à une opération offensive, en lui cachant soigneusement que j'étais pour quelque chose dans le projet, ce qui eut fait infailliblement tout rejetter. Enfin, après que bien des journées inapréciables eussent été perdues, Lubinski arrive chez moi tout radieux m'annoncer que les ordres sont donnés à Chrzanowski et à Romarino [1]) d'aller attaquer Ridiger à Lublin, le premier en partant de Zamość, et l'autre en passant la Vistule entre Solec et Pulawy; ce qui devait être une manoeuvre combinée. J'observe au G-l Lubinski que c'était donner à Ridiger toute facilité de battre ces deux corps consécutivement que Romarino devrait se réunir par la rive droite du Wieprz au corps que Jankowski commandait sur la chaussée de Siedlce en remplaçant Uminski, et que cette masse, suffisante pour battre Ridiger devrait déboucher sur lui par Kock, de manière à le rejetter sur la Vistule; quant au corps de Chrzanowski posté à Zamość, sa cooperation ne devrait être considerée que comme un accessoir. J'étais encore d'avis que le gros de l'armée Polonaise qui depuis quinze jours était réorganisée, devrait se trouver depuis longtemps en présence de la principale armée Russe, sur la rive droite de la Narew. Lubinski reconnu que ces observations étaient justes, et quoiqu'il doutat du succès, il entreprit cependant une tentative auprès du g-l en chef pour faire changer la decision prise, et contre toute attente il y réussit.

Appelé par le g-l en chef je me rendis chez lui quoique très faible encore, et je fus informé en présence de Lubinski du plan arrêté et invité à diriger tous les ordres en conséquence. Mais il y avait cependant quelques modifications que Skrzynecki avait ajouté de son chef. Il voulait que toute l'armée marchât par Siennica partie sur Siedlce, partie sur Kock, et qu'une partie en fut échelonnée encore en arrière tandis que rien n'était destiné pour observer la grande armée Russe, comme si elle n'existait pas au monde. Ces dispositions étaient fausses. Une division toute entière n'avait que faire d'aller à Siedlce, si on ne voulait pas pousser à fond l'opération contre Mourawieff, et dans ce cas une division était trop peu; encore moins le gros de l'armée n'avait que faire de couvrir à Siennica. Je fis ces observations à Lubinski dès que nous eûmes quitté le g-l en chef, en l'engageant de faire encore un essai pour redresser cette disposition. Mais Lubinski m'assura qu'il avait eu tant de difficultés à extorquer la décision de ce qui était arrêté, qu'aux moindres objections que nous ferions le g-l en chef se retracterait, et rien ne se ferait. Il fallut donc se résigner et faire les dispositions pour un mouvement très defectueux.

Elles furent bientôt terminées dans la journée même, et je les portais tout de suite à l'approbation du g-l en chef. Tout était bien, mais à la fin il y avait un article qui disait que le quartier-général serait transféré le lendemain à Wiazownia. «Comment! demain, déjà!», dit le g-l en chef, «mais mon Dieu, pourquoi donc nous tant presser? Nous pouvons remettre la chose d'ici à quelques jours; nous y songerons encore».

Hors de moi, j'allai rejoindre Lubinski qui m'observa que j'avais fait manquer l'opération en assignant le jour suivant pour le départ du g-l en chef de Varsovie. Je refis donc mon travail le lendemain où le mouvement était ordonné pour et d'après lequel le quartier-général ne devait quitter la capitale que dans trois jours. Alors le g-l en chef fut content, voyant qu'il pouvait encore rester à Varsovie, et l'opération commenca, si toute fois on peut qualifier du nom d'opération les courses qu'une armée entreprenait vaguement pour retourner bientôt à Varsovie sans raison.

CHAPITRE SEPTIÈME.

Expédition des Polonais contre Kreutz et Ridiger.—Combat de Lysobiki.—Retour à Varsovie.—Jonction de Chrzanowski.—Arrestations à Varsovie.—Le Maréchal Paskiewitch prend le commandement de l'armée Russe; sa marche à travers le P-t de Plock et son passage de la Vistule. — L'armée Polonaise à Modlin et Chrzanowski à Minsk. — Son combat avec Golowin.—Le G-l Skrzynecki va à Siedlce et revient à Varsovie.—Grand conséil.—Marche de toute l'armée Polonaise sur la Bzura. L'armée russe occupe Lowicz.

Le 3 (15) Juin, deux divisions d'infanterie, un corps de cavalerie et le quartier général arrivèrent à Siennica, où le G-l en Chef résolut de rester avec ces troupes, s'imaginant que dans cet endroit il soutenait le corps qui opérait offensivement dans le P-t de Lublin au delà du Weprz et qu'en même temps il y contenait la grande armée Russe. Le G-l Jankoffsky avec la 4-me Division d'Infanterie (10

[1]) Romarino venait de prendre le commandement du corps posté sur la rive gauche de la Vistule, en remplacement de Dziakonski auquel l'opinion avait été très contraire.

bataillons) et le 1-er corps de cavalerie se dirigea sur Kock. Romarino venait de passer la Vistule sur un pont de bateaux vers l'embouchure du Weprz, et marchait par la rive droite de cette rivière, pour se réunir à Jankoffski, et déboucher vivement sur Ridiger, occupant le pays aux environs de Lublin, de manière à le rejetter sur le fleuve et sur le corps de Chrzanowski, qui était prévenu et se mettait en mouvement de Zamość. Le G-l Rybinski avec la 1-re division marcha à Siedlce et occupa cette ville ainsi que Zbuczyn que les Russes abandonnèrent à son approche. Le G-l Gerstenzweig, commandant l'avangarde de Rosen se replia à Miedzyrziec, et le G-l Kreutz dans la direction de Nur et Granne; il n'était guère plus possible dorénavant d'empêcher la jonction de ce général avec la grande armée, et surtout en agissant aussi mollement que le faisait l'armée Polonaise, qui venait de perdre au delà de 20 jours.

Le Général Toll, commandant provisoirement l'armée Russe, ayant appris la marche des Polonais dans le P-t de Podlachie, se proposa de leur faire peur par une démonstration de passage du Bug et de la Narew réunies à Sierock. Le stratagème était tant soi peu grossier, néanmoins il réussit complétement, et il eut des suites qui surpassèrent de beaucoup ce que son auteur en attendait. Il est vrai que Skrzynecki était le seul homme contre qui un pareil stratagème pouvait produire un effet semblable. Le G-l Toll prouva qu'il commencait à apprecier son homme et il eut raison d'employer contre lui cette arme. Peut être au lieu de simuler un passage eut-il encore mieux fait de l'executer réellement, et de marcher avec toute son armée pour prendre les Polonais en flagrant délit, mais peut-être l'armée Russe cantonnée ne se trouvait-elle pas prête à commencer immédiatement une opération, quoi qu'il en soit, le G-l Toll dans la journée du 5 (17) Juin se rendait avec une brigade de grenadiers, un régiment de hussards et quatre pièces d'artillerie à cheval à Sierock, et de là le long de la rivière à Zegrze, où il établit un camp à la vue des postes Polonais, et fit faire de grandes démonstrations comme pour un passage. Ambroise Skarzynski qui commandait cette ligne replia tous ses postes, se concentra en arrière, et envoya un rapport de ce qui se passait au commandant en chef, et en ceci il fit bien puisqu'il était là pour prévenir à temps de ce qui se passait sur la Narew, mais il eut tort de ne pas laisser un détachement en vue du camp Russe, pour savoir ce qui se passerait ultérieurement.

Au reçu du rapport de Skarzynski, le G-l en Chef se trouva dans une grande perplexité. Je fus appelé pour donner mon avis sur ce qu'il y avait à faire. Je déclarai que l'embarras actuel était une conséquence de la fausse position qu'occupait le gros de l'armée, que si nous campions en présence de l'armée Russe, aucun de ses mouvements ne nous échapperait et nous ne serions pas mis dans l'embarras par une simple démonstration peut-être; car il ne paraissait pas probable que les Russes se laissassent facilement détourner du passage de la Vistule qui leur était si positivement ordonné; que dans tous les cas il n'y avait pas un moment à perdre; que le jour même nous devions marcher avec les trois divisions réunies au près du quartier général à Wiazownia, le lendemain à Praga et de là sans perte de temps sur la rive droite de la Narew, si l'armée Russe n'avait pas passé la rivière. Le Général Lubinski qui se trouvait présent appuya mon avis. «Mais», objecta le G-l en Chef, «en cas que toute l'armée Russe ait passée à Sierock, ait marché le même jour jusqu'à Okouniew et le lendemain sur Wiazownia, elle nous empêchera d'arriver à Praga». Eh bien, repliquai-je, les deux avant-gardes s'étant rencontrées échangeront quelques coups de canons, et lorsque nous serons convaincus que nous ne pouvons plus pénétrer à Praga nous aurons toujours le temps de nous replier sur Potycza et d'y repasser la Vistule; et en occupant l'armée Russe de cette manière, nous la détournerons du passage de la Vistule, et de porter aucun obstacle à ce que Jankoffski terminât son opération contre Ridiger. «Comment!» dit le Généralissime, «vous voulez m'exposer à avoir demain un engagement»? Et à cette idée d'un engagement le souvenir de celui d'Ostrolęka apparut comme un spectre au Général Skrzynecki et le fit frémir. «Non! non! s'écria t'il», je ne veux pas d'engagement, donnez l'ordre aux troupes de partir à l'instant même et de forcer de marche pour revenir à Varsovie par Osieck, Potycza et la rive gauche de la Vistule, que Rybinski y revienne aussi à marches forcées par Lukow, Okrzeia et en passant la Vistule à l'embouchure du Wieprz, et informez Jankoffski du mouvement de la grande armée russe».

Ce jour même, le 7 (19), l'armée et le quartier général couchèrent par conséquent à Osieck; nous entendîmes le canon de l'affaire de Lysobiki, entre les généraux Ridiger et Turno, et qui se passa de la manière suivante.

Tandis que le G-l Jankoffski, marchant sur Kock, arrivait le 6 (18) à Gutow près d'Adamof et que Romarino marchait sur Miastkof, pour se joindre à lui, le G-l Ridiger informé seulement de la marche de ce dernier avait résolu de l'attaquer et venait de passer sur la rive droite du Wieprz à un gué assez difficile à Lysobiki et par là il était venu lui-même au devant du sort que devait lui porter Jankoffski. Ridiger était perdu, et il n'y a qu'un comble d'ineptie de la part du G-l Polonais qui ait pu le sauver du mauvais pas où il s'était fourvoyé. Jankoffski, craignant à ce qu'il parait, que son ennemi ne lui échappat, voulut occuper tous les chemins et tous les sentiers, et par cette raison il éparpilla ses troupes

à Kock, à Ruda, à Sierakowla. Le G-l Turno commandait un de ces détachements composé de trois bataillons du 3-me de chasseurs, d'un bataillon de grenadiers, du 4-me régiment de chasseurs à cheval, de trois escadrons du 7-e de lanciers et 8 pièces d'artillerie légère. Le 7 (19) il rencontra les Russes, à trois heures du matin sur le chemin de Lysobiki. Il ne balanca pas à les attaquer, comptant sur la coopération de tout le corps du G-l Jankoffski. Mais celui-ci avait totalement perdu la tête, et tellement disseminé ses troupes qu'il ne lui en restaient pas sous la main. Quelques uns des chefs Polonais et notamment Bukowski, qui était à portée de voler au secours de Turno, se trouvèrent privés d'instructions ou d'énergie, et ne bougèrent pas. Romarino lui même s'était non seulement arrêté au bruit du combat, mais même avait retrogradé. Turno resta donc seul engagé, et soutint pendant six heures un bien rude combat, contre les forces très supérieures du G-l Ridiger; il y perdit quelques cents hommes, et dans leur nombre même des prisonniers. Enfin il reçut l'ordre de se replier à Czarna, ce qu'il éxécuta sans être poursuivi. Le G-l Ridiger de son côté avait complétement ignoré le danger qu'il courait. Ne se doutant pas de la force des Polonais, il avait songé à les envelopper. Or donc tandis que lui s'avançait avec le gros de ses forces à la rencontre de Turno, il envoyait le G-l Davidoff avec une brigade de chasseurs de la 10-me division et quatre escadrons de la 2-me division de chasseurs à cheval par le village de Podladow, afin de tourner la droite des Polonais, tandis que pour tourner leur gauche le G-l Plachow fut envoyé avec la 1-re brigade de la 1-re division de dragons et un bataillon du régiment de Krementchouk vers Talczyn. Ce mouvement était décousu, et aurait immanquablement contribué à assurer la perte du corps de Ridiger, si Jankoffski eut simplement marché avec sa masse sur Lysobiki. Mais par les sottises qu'il faisait, le mouvement des Russes fut à leur avantage. Plachow tomba entre les corps Polonais près du village de Ruda sur un parc de bagages, des munitions de réserve et la caisse d'un régiment, qui s'y trouvaient sans aucune escorte; il les enleva, ainsi que deux aides de camp et le major du quartier—maitrât Butryn chef d'état major du corps. Quant au détachement de Davidoff, il prit part au combat contre Turno.

Cependant Ridiger s'aperçut enfin des dangers qu'il courait, et le jour même de l'affaire il rallia tout son corps à Przytozno, en avant de Lysobiki, au moment même où toutes les troupes de Jankoffski ainsi que Romarino se réunissaient à Golowska Wola; ce fut là que le Comte Dzialinski apporta à Jankoffski la lettre que je lui écrivais de Siennica, et par laquelle en l'informant de la démonstration du g-l Toll, je lui prescrivai de doubler d'activité pour achever son opération contre Ridiger, pour se réunir à Chrzanowski, sauf à repasser sur la rive gauche de la Vistule à l'embouchure du Wieprz s'il devenait urgent. Dzialynski connaissait l'état des choses et le contenu de ma lettre, et insista donc que sans perdre un instant l'on attaquât Ridiger qui se trouvait encore en deçà du Wieprz; ce fut en vain. Jankoffski était complétement démoralisé, d'un côté par l'echec qu'il venait d'éprouver et de l'autre par la nouvelle qu'on lui apportait de la possibilité d'un passage de la grande armée Russe sur la rive gauche du Bug [1]).

Il se mit par conséquent en marche pour Varsovie, où il ramena ses troupes harassées, et où Rybinski l'avait déjà precedé. L'armée Polonaise se trouva de nouveau réunie autour de la capitale. On peut facilement s'imaginer combien devait augmenter sa démoralisation de pareilles éxpéditions qui prouvaient de la manière la plus évidente aux yeux les moins clair voyants l'absolue impéritie du chef.

Le g-l Ridiger s'était retiré vers Lęczna et Chrzanowski occupa Lublin le 11 (23), où il s'empara de quelques approvisionnements Russes et de quelques prisonniers. Mais il ne pouvait pas rester dans cette ville, car Ridiger, ayant appris la retraite de Jankoffski, approchait. Chrzanowski passa donc sur la rive gauche de la Vistule où il fit sa jonction avec Romarino. Sa belle division avait été complétement perdue pendant plus de deux mois pour les opérations de l'armée Polonaise. Pendant son séjour dans les environs de Zamość, Chrzanowski avait été renforcé par un détachement de 400 chevaux d'insurgés du Gouvernement de Kiew, que lui amena un ancien officier Polonais, après avoir battu en route plusieurs détachements Russes, et enlevé ou détruit des convois considérables de vivres et de munitions. Chrzanowski avait laissé ses munitions de réserve à Zamość. Il les fit venir par Zawichost. Pour protéger leur arrivée un détachement de partisans commandé par le capitaine Gedroic passa la Vistule à Solce et surprit près de Betryce un escadron de dragons de Kinburn, lui tua le major Toll et 30 hommes et en fit prisonniers 95 avec 128 chevaux.

Les généraux Jankoffski et Bukowski furent traduits devant un conseil d'enquête, presidé par le Général Malachowski, qui les reconnut coupable de la non éxécution des ordres reçus. Mais cette affaire fut suspendue par une accusation de complot dans laquelle tous les deux se trouvèrent compromis, et qui donna lieu à des événements que nous rapporterons incessament.

Mais c'est encore au g-l en chef que l'on pouvait reprocher à bon droit ce nouvel échec, et qui en était un bien grand, a cause de l'effet funeste qu'il produisit sur le moral de l'armée et du public; et encore parceque dans la position où se trouvaient les Polonais, un manque de succès équivalait à des

[1]) Je crois aussi qu'il était malade, ce qui n'influa pas peu sur son moral.

désastres. En effet puisque le corps de Ridiger était le seul objet des opérations offensives des Polonais, le g-l en chef ne devait-il pas conduire en personne cette expédition au lieu de rester oisif à Siennica. Il confiait le commandement le plus important à Jankowski qui avait déjà prouvé lors de la reconnaissance de Geismar, et en conduisant l'avant-garde à la poursuite des gardes, qu'il ne savait pas manier un corps de troupes de 10,000 hommes [1]).

Le g-l en chef, rentré à Varsovie, avait repris toutes ses habitudes, comme s'il ne se doutait pas de l'orage qui s'amoncelait sur nos têtes. Un incident y vint apporter quelque distraction. Le 17 (29) Juin, il reçut une double dénonciation de Galicie et par l'intermédiaire du g-l Uminski sur l'existence d'un prétendu complot en faveur des Russes à la tête duquel devaient se trouver les généraux Jankoffski, Hurtig et même Krysinski, commandant alors la place de Zamość. La dénonciation était très vague, néanmoins le G-l en chef, soit qu'il y crut, soit qu'il voulait détourner l'attention publique qui commencait à se prononcer fortement contre lui, bref, il fit arrêter au millieu de la nuit non seulement les personnes incriminées, mais encore toutes celles qui, par leurs liaisons avec elles ou d'autres antécédants quelquonques pouvaient exciter des soupcons [2]), et il nomma un conséil de Guerre pour informer de cette affaire. Je n'appris les arrestations que par la rumeur publique. Je me rendis aussitôt chez le G-l en Chef, où je trouvai le Prince Czartoryiski et le G-l Lubinski, on m'apprit de quoi il s'agissait, et qu'on allait envoyer arrêter Krysinski. Alors je déclarai que si on y allait de cette manière, il fallait aussi m'arrêter moi et ma famille, parceque nous étions liés avec celle de Krysinski, homme d'un caractère respectable et irréprochable; ma déclaration sauva ce brave homme, mais quant aux autres, le mal était fait. Les enquêtes furent longues et ne produisirent rien, autant qu'il m'est connue. Mais le Généralissime aurait eu honte, en la faisant terminer, d'avouer qu'il avait fait une école; elle traina donc encore pour le plus grand malheur des détenus et du nom Polonais; quelques unes seulement parvinrent au moyen de fortes protections à faire séparer leur cause et à obtenir leur mise en liberté.

Tout cela détournait le G-l en Chef des opérations malgré que nous lui en reparlassions tous les jours, Lubinski et moi; ce qui donnait seulement lieu à des discusions fatigantes et interminables. Lui parlions nous de prendre l'offensive avec 50,000 hommes en débouchant de Modlin, afin de dégager la Lithuanie et prévenir le passage de la Vistule par l'armée Russe qui deviendrait mortel pour les Polonais en les privant des dernières ressources pour nourrir l'armée, alors il repondait: «règle générale, on ne peut jamais empêcher son ennemi de faire le passage d'une rivière; or donc il est inutile d'entreprendre une chose inéxécutable». Et cependant la manière dont nous même avions empêché le Maréchal Diebitch de passer la Vistule au mois de Mars, aurait dû lui donner des idées plus seréines à ce sujet. Quand nous nous étions bien convaincus qu'il n'y avait pas moyen de faire entendre raison au commandant en chef sur l'opération essentielle, nous lui proposions d'aller toujours avec le gros de l'armée entraver autant que possible l'opération de la grande armée Russe, tandis qu'un corps secondaire essayerait encore une opération offensive par Kock pour battre Ridiger et le rejetter au delà du Boug afin d'avoir presque la totalité de notre armée disponible, et ce pays pour l'approvisionnement de l'armée et de Varsovie, lors que le Maréchal en approcherait par la rive gauche de la Vistule. Pour éxécuter cette opération, il y avait certainement du temps, mais il n'y en avait pas à perdre. Le G-l en Chef nous répondait: «si l'ennemi sera plus fort que le corps que nous enverrons contre lui, il le battera, s'il sera plus faible, il s'en ira, d'autant plus que nous n'avons plus à Zamość le corps de Chrzanowski pour le prendre entre deux feux; donc il est inutile de fatiguer les troupes [3]). Mais comme je ne suis pas entêté, disait encore le G-l

[1]) Les hommes n'avaient du mérite aux y eux de Skrzynecki qu'autant qu'ils possédaient ses bonnes grâces. Il s'était engoué de Gielgud et de Jankoffski; il voulut qu'ils devinssent de grands généraux, et il leur confia des commandements importants. J'avais offert par l'intermediaire de Lubinski de remplir les fonctions de chef d'état major auprès de Jankoffski pendant l'expedition contre Ridiger; je fus refusé.

[2]) Dans ce nombre avait été le malheureux et digne chambellan Tensh, aimé et considéré de tout Varsovie. Il avait obtenu le décrét de sa libération dans la journée du 3 (15) Aout, lui même ne voulut sortir de prison que le lendemain, parceque c'était un jour de fête dans sa famille à laquelle il voulait procurer une surprise. Dans la nuit...

Dans cette malheureuse affaire j'ai la consolation d'avoir contribué pour ma part à accélérer la mise en liberté de Lessel et de Stupecki.

[3]) La rencontre de Ridiger avec Turno avait eu lieu près de Lysobyki le 7 (19) juin et Chrzanowski qui devait coopérer à cette opération n'entra à Lublin que le 11 (23). Par conséquent, si Jankowski ne rejettait pas le corps russe hors de sa ligne de retraite, avec les moyens qu'il avait sous la main, par une direction bien prise, et s'il ne le battait pas à lui tout seul, Chrzanowski ne pouvait certainement pas empêcher Ridiger de s'en aller; ce qui eut lieu en effet. Nouvelle preuve que l'on ne peut pas compter à la guerre sur la réussite de ces opérations auxquelles doivent concourir des corps separés par de grandes distances et par l'ennemi.

Skrzynecki, je ne demande pas mieux que d être convaincu, prouvez-moi donc que j'ai tort, et la chose se fera. Du reste je m'en rapporte à ce que diront des officiers instruits». Alors on faisait venir le lendemain Boutems, Kolalzkowski et quelques autres, et la discussion recommençait. Ces messieurs approuvaient l'opération offensive, qui pour cela n'en était pas plus avancée.

Tandis que le général en chef de l'armée Polonaise perdait ainsi ses derniers moments à Varsovie le nouveau chef de l'armée Russe en prenait le commandement à Pultusk dans un moment très favorable pour lui, c'est à dire lorsqu'il n'y avait plus qu'à frapper un dernier coup pour finir la guerre. En effet les corps de Dwernicki, Gielgud et Chlapowski étaient perdus sans retour, les insurrections des Gouvernements Polonais étaient étouffées, les revers et l'indolence du Chef développaient l'indiscipline dans l'armée Polonaise, et lui surtout le Chéf, accablé d'un poids qu'il avait trop légèrement recherché et qui au dessus de ses forces était complétement demoralisée par la mauvaise tournure des affaires; et néanmoins il se consumait en efforts pour se cramponner au pouvoir, que l'opinion éclairée par les événements attaquait déjà de différents côtés [1]). Le Maréchal Paskiewitch secondé par toutes ces circonstances, trouvait en outre son armée bien reposée dans les environs de Pultusk et d'immenses apprêts terminés en Prusse près de Thorn, pour son passage de la Vistule et pour son entretien ultérieur. Le Maréchal Paskiewitch n'avait qu'à frapper pour en finir, il n'était pas homme à hésiter, aussi dès son arrivée va t'il marcher d'un pas mesuré, mais avec assurance vers son but qui est la possession de Varsovie [2]).

Au moment de l'arrivée du Maréchal à Pultusk, l'armée Russe occupait les positions suivantes: les avant-postes bordaient la rive gauche de la Wkra, une grande garde occupait Nasielsk, tandis que l'avant-garde, commandée par le Comte Witt, était postée en avant de Pultusk.

Le premier corps d'armée était à Golymin, renforcé par la 3-me division de grenadiers, le corps de grenadiers se trouvait près de Pultusk et le corps de la garde à Makow. Le détachement du Lieutenant Général Mourawieff était en marche pour passer le Bug et rejoindre l'armée. Après avoir franchi ce fleuve à Nur, il effectua sa jonction le 20 Juin (2 Juillet). Les équipages de l'armée se trouvaient à Ciechanow. Inquiêt pour leur sûreté, le Maréchal porta son premier corps à Slonsk; un détachement léger sous les ordres de l'Ataman des cosaques en campagne, précédant l'armée, entra à Plock le 7 (19) Juillet, descendit le fleuve et côtoya la frontière de Prusse.

Pour opérer son mouvement l'armée Russe fut partagée en quatre colonnes; celle à l'extrême gauche fut commandée par le Comte Witt, la 2-e composée de grenadiers était sous les ordres du Prince Schahofskoy; le g-l en chef s'y trouvait en personne. Le Comte Pahlen commandait la 3-me, Monseigneur le Grand Duc Michel la 4-me.

Le 22 Juin (4 Juillet) l'armée Russe quitta les environs de Pultusk et se porta vers la Wkra; la première colonne se porta sur Balkowo, la 2-me à Slonsk, la 3-me sur Mlock, la 4-me sur Ciechanow, les parcs prirent la direction Hotun et de Hoscislowo.

Le 23 Juin (5 Juillet) l'armée continua son mouvement dans le même ordre. La colonne de gauche se porta sur Gutorzewo, la 2-me sur Luberadzek, la 3-me sur Raciąz; la 4-me sur Hoscislowo; une brigade fut détachée à Ciechanow pour servir d'escorte aux parcs.

Le 24 Juin (6 Juillet) la colonne de gauche se porta sur Galomin, la 2-me sur Rzewin, la 3-me sur Gralewo, la 4-me sur Raciąz. Le détachement de l'arrière garde fut détaché sur Wola.

Le 25 Juin (7 Juillet) la colonne de gauche se porta sur Gora, la 2-e sur Rogotworski, la 3-me sur Brzechowo, la 4-me sur Sietropie. L'arrière-garde occupa Dobrka.

Le 26 Juin (8 Juillet) l'armée Russe occupa la ville de Plock, et prit position autour de cette ville. Pendant ce temps les équipages filaient par Raciąz, Kozlowo et Proboszczewice, suivis par la brigade chargée de les couvrir.

[1]) Entre autres la gazette Nowa Polska inserra à cette époque plusieurs articles contenant des observations assez justes sur les opérations de l'armée Polonaise, et qui étaient particulièrement dirigées contre le g-l en chef. Quant à moi, j'étais tout à fait étranger aux attaques qu'il essuyait publiquement; je m'étais borné d'avertir de son incapacité les gouvernants d'alors et je m'était résigné à continuer mon service avec dévouement, évitant surtout d'en causer avec mes camarades ainsi qu'avec les membres de la diète pour ne pas être même soupçonné d'intrigue. Mais il n'en était pas de même du g-l en chef, qui toujours guidé par de petites passions, ne se génait pas pour mettre en évidence la haine que je lui avais inspirée; ce qui produisit aussi un mauvais effet. Au reste ce n'est pas tout son incapacité militaire que les démélés qu'il s'était faits avec le Gouvernement avec une partie de la diète, des journalistes de Varsovie et des membres de la societé patriotique qui le deconsidérèrent et suscitèrent contre lui des attaques auxquelles il finit par succomber. Triste, mais inévitable effet d'un g-l populaire.

[2]) Le Maréchal en éxécutant son opération sans attendre l'arrivée de Gerstenzweig et Kreutz, offrait de grandes chances à son ennemi; mais dans l'état où se trouvait chez les Polonais la direction des affaires, il ne risquait rien.

L'armée Russe séjourna trois jours aux environs de Plock après quoi le Maréchal poursuivit sa marche en descendant le fleuve sans prendre notice des faibles démonstrations faites par Milberg et Turno. Le Maréchal savait apprecier son adversaire. Le 1-er corps après avoir campé à Parzien, dévanca le mouvement de l'armée, et se porta à Osieck afin de jetter les ponts et construire des ouvrages de fortifications

Le 30 Juin (12 Juillet) le quartier-général était à Srebrno et le 1 (13) Juillet à Lipno. Le 2 (14) Juillet l'armée s'y trouvait en position, l'arrière-garde occupant Rembielin.

Pendant ce temps le g-l Pahlen arrivait le 30 Juin (12 Juillet) à Osick et s'occupait d'établir le passage. Les matériaux des ponts preparés depuis longtemps, passèrent la frontière. Un parti envoyé sur la rive gauche de la Vistule, occupa Raciazk.

Le 5 (17) Juillet, les ponts ayant été achevés, le 1-er corps passsa sur la rive gauche et poussa des partis dans la direction de Nieszawa et de Sluzèwo. Les équipages suivirent pendant la journée 5 (17) et 6 (18). Le gros de l'armée prit une position entre Kikol et Wola. Le 7 (19) le gros de l'armée défila sur les ponts pendant toute la journée et vint se grouper autour de Raçiazck où le quartier-général fut établi, tandis que l'arrière-garde occupait Chzernikowo et le Comte Pahlen se portait à Lowoczek. L'armée Russe s'arrêta encore quelques jours dans les environs de Wlozlawsk et de Brześć Kujawski, le quartier-général à Nieszawa.

Ainsi fut accompli sans coup férir ce passage de la Vistule, objet constant des opérations de l'armée Russe depuis le commencement des hostilités et qui était pour les Polonais un coup mortel; passage preparé et connu depu's longtemps; précedé d'une marche de flanc très délicate en présence d'un débouché tel que la place de Modlin avec son camp retranché. L'armée Polonaise forte de 50 mille hommes, en se basant sur Modlin, aurait pu certainement apporter de grandes entraves à cette opération, elle aurait pu attaquer l'armée Russe dans sa marche processionnelle, et si elle ne pouvait la battre l'attira au moins devant son camp retranché devant Modlin. Nous connaissions depuis longtemps le projet du passage et même l'endroit était connu. Il était hors de doute qu'elle s'y ferait précéder par une très forte avant-garde pour etablir le passage. L'armée Polonaise aurait donc pu, marchant toute entière au lieu du seul Milberg épier ce moment et livrer bataille à l'armée Russe dès qu'elle serait partagée; ce qu'on aurait pu faire à Plock lorsque Pahlen se fut éloigné; et puis à Lipno et à Kikol lorsqu'il eut passé sur la rive gauche de la Vistule.

Enfin il n'y a aucun doute que le passage de la Vistule en présence d'une armée de force presque égale serait devenu pour les Russes une opération très scabreuse; tandis que pour les Polonais c'était le cas ou jamais de livrer une bataille pour entraver ce mortel passage. En attendant pas une amorce ne fut brulée pour s'y opposer. Toutes les représentations que l'on put faire à ce sujet au g-l en chef échouèrent contre son inertie et son entêtement. Il ne voulut seulement pas envoyer un détachement à Raciazk pour essayer de détruire les bateaux au moment où ils passeraient la frontière de Prusse, et pour chicaner la construction des ponts, pour entraver le debouché de l'avant-garde [1]) et retarder sa marche en détruisant les ponts et disputant les defilés. Le g-l Skrzynecki mérita pleinement, mais il le mérita tout seul, le reproche que la relation Russe adresse aux Polouais: *peu sûrs dans leurs mouvements, moins decidés encore dans leurs opérations, ils n'ont osé, ni s'engager avec notre armée pendant sa marche, ni lui disputer le passage de la Vistule.* Mais de la part des siens Skrzynecki a merité beaucoup plus qu'un simple reproche. S'il eut dépendu d'un Gouvernement régulier et fort, il eut passé à un conseil de guerre pour sa seule conduite à cette occasion.

Avant cette époque, le g-l en chef reçut cette longue épitre du g-l Rozniecki, que l'on pouvait considérer comme une ouverture de rapprochement. Elle était forte d'un raisonnement auquel il n'y avait guèrre d'objections à faire. Malheureusement le pouvoir se trouvait à Varsovie aux mains d'un grand nombre d'individus, et plus malheureusement encore cette ouverture arrivait par l'intermédiaire d'une personne anathematisée par l'opinion universelle dès le temps du Duché de Varsovie. On eut horreur de ce qui arrivait d'une telle source, et on ne voulut pas seulement en faire l'objet d'un examen. Enfin, cette malheureuse déchéance était un obstacle funeste à un rapprochement.

Comme tout ce qui approchait le Généralissime Polonais ne cessait d'insister sur l'absolue nécéssité d'entreprendre quelque chose relativement au passage de la Vistule de l'armée Russe [2]), il avait fini

[1]) Pendant qu'elle passait, le dernier pont construit sur pontons fut rompu plusieurs fois.

On avait même eût tout le temps pour bien fortifier un poste sur l'ile qui commande la Vistule près de la frontière; ce qui eût donné bien des embarras pour faire entrer la flotille de Prusse.

[1]) Et entre autres le Prince Adam Czartoryiski, qui avait des idées très saines par rapport aux opérations militaires; il ne cessait de travailler à imprimer de l'activité au g-l en chef, il venait souvent au camp et alors il ne dédaignait pas d'aller au feu.

par envoyer en avant de Modlin la division d'infanterie de Milberg, celle de cavalerie de Turno, tandis qne Chrzanowski avec son corps celui de Romarino, la division d'infanterie de Rybinski et le corps de cavalerie de Jagmin (ci-devant Uminski), en tout 20,000 hommes dut faire encore un essai offensif entre la Vistule et le Bug. Cette opération qui eut exigé que l'on y déployât une grande activité ne pouvait produire aucun résultat étant confiée à Chrzanowski, l'activité n'étant pas dans son caractère [1]) et d'ailleurs il était dégouté de cette guerre et dès le principe il la faisait à contre coeur [2]).

Milberg à peine arrivé sur la Wkra, fit faire par Turno une expédition sur Plonsk, occupé par les cosaques de l'Attaman, un des meilleurs régiments de la cavalerie Russe. Le 5 (17) Juillet, tandis que la grande armée Russe était en pleine marche, le G-l Jaroczewski avec 8 escadrons au nombre desquels se trouvait le beau 2-me de Krakus, nouvellement formé, passa la Plonna à Strachowo, à 3 heures du matin, et tomba sur le camp des cosaques; leur tua 62 hommes et en prit 42. A mesure que l'armée Russe continuait sa marche, Milberg et Turno occupaient le pays, qu'elle leur abandonnait, leurs détachements eurent des rencontres insignifiantes avec les Russes et firent encore quelques prisonniers. Dans le temps que l'armée Russe arrivait à Plock le quartier général de l'armée Polonaise était enfin transféré à Modlin, où j'avais précédé le G-l en Chef de deux jours. Penetré de la grande importance d'entraver l'opération du Maréchal Paskiewitcz, je courus rejoindre Milberg, et je fis marcher la division Sierawski pour se réunir à lui. Avec ces deux divisions d'infanterie et le corps de cavalerie de Turno, j'allai me jetter sur l'armée Russe et l'attaquer pour essayer de l'attirer sur Modlin, lorsqu'un ordre du g-l en chef qui venait d'arriver en cette place, me fit retourner au quartier général, et la division Sierawski fut arrêtée entre Milberg et Modlin, où le reste de l'armée venait aussi d'arriver. Milberg continua à tâtonner, tandis que nous demeurions à considérer stupidement l'opération du Maréchal jusqu'à ce qu'elle fut consommée.

Bientôt le G-l Gerstenzweig passa par le même chemin avec un renfort de quelques mille hommes, un grand parc d'artillerie et un immense convoi de munitions sous les yeux mêmes de Milberg sans réveiller l'apathie du Généralissime, et plus tard encore le G-l Kreutz, après que la Lithuanie eut été définitivement soumise marcha aussi par ce chemin avec un corps d'environ 20,000 hommes, sans essuyer aucune entrave du g-l Polonais, qui, dans toutes ces occasions n'avait pas su tirer le moindre parti de la séparation des forces Russes et de la position de la place de Modlin située sur un point si eminament stratégique.

Une fois que la grande armée Russe eut passé sur la rive gauche, les Polonais auraient du s'emparer bien vite de la très forte position de Gostynin; s'y fortifier, jetter un pont à Plock et faire évacuer autant que possible les établissements militaires de Varsovie à Modlin. Tandis qu'une partie de l'armée eut contenu le Maréchal dans cette position de Gostynin, le reste aurait du agir offensivement contre Gerstenzweig et Kreutz. La halte de l'armée Russe à Brzéć Kujawski nous offrit la possibilité d'éxécuter ce projet que je proposai.

Ce ne fut que le 3 (15) Juillet que le g-l en chef fut reveillé de sa léthargie par un rapport de Chrzanowski annonçant le succès que ce g-l venait d'obtenir sur l'avant-garde de Rosen, commandée par le g-l Golowin. Alors il s'imagina qu'il y avait là des lauriers faciles à cueillir; il voulut en avoir sa part, et il partit aussitôt rejoindre Chrzanowski, laissant à Lubinski l'ordre de ramener l'armée à Varsovie. Milberg devait rester encore quelque temps en avant de Modlin et Skarzynski avec son corps de cavalerie fut envoyé sur la Bzura.

Le g-l Chrzanowski avait réuni ses 20,000 hommes sur la chaussée en arrière de Minsk, et ne se Pressait guère de prendre l'initiative. Le g-l Golowin, commandant quelques milles hommes vint l'attaquer. Le g-l Russe ignorait bien certainement qu'il allait avoir à faire à une partie tellement plus forte que lui; néanmoins dans le donte il n'aurait pas du disseminer ses troupes. Cependant il eut le désir si commun d'envelopper son adversaire, et à cet effet, tandis qu'il dirigeait l'attaque principale sur la chaussée, il envoyait une colonne secondaire par Brzoza, et une autre encore moins forte sur le chemin de Siennica.

Ces dispositions auraient du assurer la perte de Golowin. Le 2 (14) à la pointe du jour, deux escadrons Polonais commandés par Henri Malachowski, tenant les avant-postes, du côté de Brzoza, furent surpris, tués, dispersés ou faits prisonniers avec leur chef. A 5 heures, les Russes attaquèrent Minsk et

[1]) Il avait cela de commun avec Skrzynecki et c'est par cette raison que le consul de France à Varsovie le nommait d'une manière plaisante la doublure de ce dernier. Néanmoins il faut observer que Chrzanowski a infiniment plus de moyens et d'instruction que l'autre.

[2]) Pourquoi donc, demanderait-on, lui confier un commandement de cette importance? C'est parceque Chrzanowski avait été employé pendant nombre d'années sous mes ordres dans des grades inférieurs; le g-l en chef désirait me procurer une mortification, en l'élevant outre mesure. Les motifs qui determinaient la conduite du g-l Skrzynecki dans les occasions les plus grâves, étaient bien petits.

Brzoza, au moment même où Chrzanowski faisait ses dispositions d'attaque sur la chaussée, lorsque le canon qu'il entendit à sa gauche l'engagea à s'arrêter, par inquiétude pour son flanc et ses derrières, tandis que, assuré qu'il était de la superiorité de ses forces, c'était bien le cas de redoubler d'efforts pour se porter en avant, car alors, plus le détachement Russe tournant se fut trouvé en arriere des Polonais, et plus il se serait trouvé compromis. Chrzanowski, s'étant arrêté, morcela ses troupes, partie pour assurer ses flancs et partie pour tourner les Russes de son côté.

Lorsque les Russes eurent été repoussés de Brzoza Chrzanowski fit recommencer l'attaque sur la chaussée. Elle fut executée par Langermann soutenu par Rybinski. Les Russes poursuivis jusqu'à Kaluszyn se retiraient dans une grande confusion au moment où Jagmin avait déjà débouché avec sa cavalerie par la vieille route. S'il chargeait sans balancer, c'en était fait du corps de Golowin. Mais Jagmin s'arrêta et envoya chercher des ordres, ce qui donna aux Russes le loisir de se sauver dans les bois, toute fois en grand désordre et en abandonnant aux Polonais 1,200 prisonniers et un canon.

Le 4 (16) le g-l en chef ayant pris le commandement des troupes de Chrzanowski, marcha à Kuflew, le lendemain à Jesusal et le 6 (18) à Ruża, d'où il envoya une avant-garde commandée par Romarino à Kock, où celui ci rencontra une avant-garde de Ridiger postée sur la rive gauche du Wieprz. Zamoyski y enleva une cinquantaine de dragons. Le 8 (20) le g-l en chef voulut surprendre les Russes du corps de Rosen qui s'étaient ralliés à Siedlce; à cet effet il dirigea Chrzanowski sur Zbieczyn, une autre colonne sur Chadów et lui même se présenta devant la ville par le centre. Mais les Russes venaient de la quitter et se retiraient par Mordy et Losice. Il n'y avait que leurs bagages qui filaient par la chaussée. Chrzanowski les atteignit et les enleva avec leur escorte composée d'environ 200 hommes. Skrzynecki arrêta là ses opérations offensives et se cotenta d'adresser une proclamation aux habitants de Siedlce et retourna à Varsovie, où il fit aussi revenir les troupes. Il est inutile d'observer avec quelle mollesse Skrzynecki agit en cette occasion. Il était très inutile de courir avec 20,000 hommes, s'il ne voulait pas conduire à fond une opération, soit contre Ridiger au delà du Wieprz, ou contre le 6-e corps en l'acculant au Bug, hors de la direction de Brzéć ou bien enfin contre le corps de Mourawieff.

L'incapacité de Skrzynecki devenait de jour en jour plus évidente. La catastrophe de Gielgud, suite fatale de la journée d'Ostroleka, était connu dans le public; rien n'avait été entrepris pour sauver ce corps et la Lithuanie. Rien n'avait été fait pour empêcher le passage de la Vistule par la grande armée Russe; il était executé et menaçait Varsovie. Il n'y avait pas jusqu'à ces promenades à Siedlce qui ne démontrassent l'incapacité du Généralissime. Ses adversaires crurent que le moment était arrivé de le faire tomber. Bonaventure Niemoiewski fit dans les chambres une motion pour provoquer la réunion d'une commission qui éxaminerait la situation des affaires militaires, et aviserait à ce qu'il y avait à faire dans les circonstances. Skrzynecki sentit que le coup était dirigé contre son autorité; il demanda et obtint quelques jours de délai, qu'il employa à gagner des nonces et à préparer des moyens de parer l'orage. La commission se réunit le 15 (27) Juillet; elle était composée des membres du Gouvernement, de huit membres de la diète et d'une douzaine de généraux. Le Prince Czartoryiski la présidait; mais Skrzynecki, résolu de braver à toute outrance le danger qui menaçait son pouvoir, était venu partager la présidence; ce qui rendit cette séance ridicule et lui fit manquer son but. Car, en effet, quel moyen y avait-il d'examiner avec une entière liberté d'opinion la conduite et la capacité d'un homme qui était présent, et qui, en quelque sorte présidait l'assemblée? Il en imposa à la plupart des membres; quelques uns lui étaient devoués, n'entendant rien à la conduite de la guerre, et furent enhardis à la défendre par sa présence. Du reste, il faut convenir que Skrzynecki déploya dans cette occasion de l'adresse.

Moi, je n'avais été absolument pour rien dans cette attaque qui se préparait contre le G-l en Chef; mais comme je ne pouvais pas être exclu d'une pareille réunion, je reçus la veille, ainsi que les autres, l'ordre du Général Chef d'état major, au nom du Gouvernement de faire partie d'une commission chargée *d'examiner la conduite militaire du g-l en chef*. Alors je dressai d'après ma conscience une notice, où, résumant toute notre campagne, je cherchais à établir que le commandement de l'armée était une charge audessus des moyens du G-l Skrzynecki; je voulais donc l'engager à donner l'exemple de civisme en y renonçant volontairement, pour prendre la place plus modeste, mais aussi très importante du Gouverneur de Varsovie, ou bien si on le voulait de membre de Gouvernement [1]). Cette note je la communiquai au Prince Czartoryiski avant de me rendre à la séance afin qu'il en prévint Skrzynecki, parceque je voulais éviter jusqu'à l'ombre d'une machination mystérieuse. La séance ayant été ouverte, se trouvait comme à raison genée par la présence de Skrzynecki. Il fit faire lecture par son chef d'état major de différents états de situation, sous pretexte de fournir des lumières sur notre situation; cela remplissait le temps et ne menait à rien. Bonaventure Niemoyewski et quelques autres adversaires de Skrzyneck

[1]) Cette notice a été publiée plus tard dans tous les journaux de Varsovie, mais non pas par moi.

voulurent cependant aborder le fond de la question. Ses partisans déclarèrent qu'il ne serait pas permis de parler en rien de ce qui s'était passé, mais uniquement de ce qu'il y avait à faire.

Alors Skrzynecki déclara qu'il défendait à *ses généraux* de parler d'autre chose que ce qu'il permettrait. Ceci donna lieu à quelques débats qui n'étaient pas terminés, lorsqu'on me demanda, si moi, quartier-maitre général, je n'avais pas de communication à faire. Je fis lecture de l'ordre que j'avais reçu et déclarai que d'après cela j'avais preparé une notice, dans laquelle, pour dire mon opinion sur ce qu'il y avait à faire, je n'avais pas pu éviter de faire mention du passé et surtout du g-l en chef; que sa présence ne m'empécherait pas de dire absolument ce que j'aurais dit s'il se fut trouvé absent, imitant la conduite qu'il avait tenu dans le temps envers son chef le P-ce Radziwill; mais que d'après la tournure que la delibération avait prise, il me fallait une autorisation pour parler, que l'assemblée n'avait qu'à décider la dessus. Mon petit discours renouvella les débats. Thomas Lubinski appuya le g-l en chef; Skrzynecki déclara que par égard pour les généraux présents, il ne pouvait pas consentir à la lecture de ma note. Alors le respectable G-l Malachowski offrit de se retirer. Skrzynecki voulut faire de cette proposition, ainsi que des paroles de Lubinski une arme contre moi, et il tâcha de donner à toute la discussion l'air d'une lutte personnelle entre lui et moi. Sa position lui donnait naturellement beaucoup d'ascendant, d'autant plus que je ne répondais que par le silence à toutes ses sorties. Alors Lubinski et Malachowski ne voulurent pas permettre que je fusse accablé et prirent ma défense.

La séance avait pris une tournure fatiguante et ridicule; pour en terminer, on la convertit en conseil de guerre, et la question fut posée qu'est ce qu'il y avait à faire. Tous les généraux déclarèrent à l'unanimité que la situation était des plus difficiles, et qu'il n'y avait pas autre chose à faire que de marcher avec toute l'armée et sans perte de temps à la rencontre du Maréchal Russe, et de lui livrer bataille quelque part qu'on le rencontrerait, avant qu'il fut joint par des renforts. Cette bataille devrait être une lutte à mort pour les deux partis. Le g-l en chef déclara alors que c'était précisément le parti qu'il avait adopté et qui allait être executé incontinent. Cette résolution declarée solennellement, et qui fut sanctionnée par le Gouvernement, ainsi que par les représentants, regagna momentanément les esprits à Skrzynecki; on termina la séance par une espèce de réconciliation générale. Le Généralissime venait de remporter une victoire qui le réjouit davantage qu'un triomphe sur le Maréchal ne l'aurait fait.

Le lendemain de cette séance, je changeai de service avec Kolaczkowski qui prit celui de quartier maitre général et moi à sa place la direction des travaux de Varsovie. Ma situation à l'état major général était tellement fausse depuis quelque temps, que, ne pouvant parvenir à me voir remplacé, j'avais fini par demander ma démission, il y avait quelques jours, par l'intermédiaire de Lubinski. Maintenant le Généralissime voulut me donner une brigade d'infanterie; Lubinski soutenait qu'il fallait me confier un corps d'armée. On prit ce terme moyen qui m'arrangeait beaucoup.

L'armée Polonaise forte d'environ 50,000 hommes avec 140 bouches à feu se mit donc en marche sur Sochazew [1]). L'idée d'un mouvement offensif et d'une bataille avait pour un moment éléctrisé les esprits. On arriva sur la Bzura au moment où l'armée Russe, marchant en hâte sur Lowicz pour y prévenir les Polonais, se présentait de flanc. Elle était toujours supérieure aux Polonais en artillerie, mais peut être inférieure en nombre, car le renfort que conduisit le G-l Gerstenzweig n'avait pas encore rejoint. Il n'y avait pas de temps à perdre pour profiter de ce concours de chances favorables qui devaient être les dernières. Aussi, le G-l Kolaczkowski, conformément à la décision prise à Varsovie, expédia-t-il les ordres pour que l'armée passat la Bzura et attaquat à la pointe du jour lorsque le g-l en chef, arrivé à Varsovie pendant la nuit, apprend qu'il se trouve en présence du Maréchal et perd tout à fait courage. Il a une entrevue avec Chrzanowski qui lui observe que d'après la disposition arretée, l'armée devait marcher dans deux directions, sur Kozlów et Kozierzów, que ces deux colonnes se trouveraient separées par un marais et une forêt, ce qui pourrait devenir dangereux. Le g-l en chef s'accroche à cette objection et au lieu de rectifier la disposition, il fait contremander le mouvement [2]). L'armée Polonaise qui était sortie de Varsovie pour attaquer le Maréchal fut étendue depuis Sochaczow jusqu'au delà de Bolimow dans une position défensive le long de la Bzura et de la Rawka. L'armée Russe prit possession de Lowicz et travailla à s'y établir solidement, en attendant l'arrivée de ses renforts.

[1]) A cette époque Rojycki fut envoyé par Skrzynecki avec 4,000 h. et 11 pièces dans le P-t de Radom dans l'idée d'y faire la guerre dans les montagnes de la S-te Croix, idée erronée et nourrie depuis longtemps. Ce détachement et les 6,000 hommes de dépôts qu'on laissait à Varsovie étaient des fautes. Tout cela aurait du renforcer l'armée, puisqu'on partait dans l'intention avouée de livrer une bataille décisive dans quelques jours. Alors l'armée Polonaise eut comptée au delà de 60,000 h. et eut été décidemment plus nombreuse que l'armée Russe.

[2]) A cette occasion le Généralissime eut une violente dispute avec Kolaczkowski, dans laquelle il s'emporta jusqu'à le menacer de le faire fusiller.

Les Polonais firent une forte reconnaissance sur Nieborow, qui donna lieu à un engagement insignifiant près de l'Arcadie, après quoi chacun retourna à son camp.

Le quartier général Polonais avait été établi dans une ferme près de Bolimow. Le g-l en chef réunissait tous les jours la plupart des généraux en conseil de guerre. Les discussions étaient tous les jours très longues, très oiseuses et ne menaient à rien. Le Généralissime en faisait rediger de très longs procès verbaux. Dans le fait, il ne cherchait que des pretextes et la justification de son action. Il me fit appeler au quartier général pour prendre part à ces conseils, inutiles et pernicieux [1]).

Voici qui pourra donner une idée de ces conseils ridicules. Le Généralissime posait une question: p. ex. quelle était notre situation? On recueillait les voix—résultat unanime: très mauvaise. Alors Skrzynecki sentant qu'une telle réponse pouvait renfermer un reproche indirect pour lui, prenait la parole et disait qu'il avait au moins la consolation de n'avoir rien risqué, rien compromis, pendant toute la durée de son commandement.

Il osait le dire, après avoir perdu Dwernicki et Gielgud, c'est à dire le quart de nos forces régulières, après avoir démoralisé l'armée, et après avoir permis à l'armée Russe de venir nous tourner paisiblement, sans vouloir tirer aucun parti des immenses avantages qui lui offrait la place de Modlin pour la défensive! Skrzynecki, qui pendant toute cette campagne parlait constamment d'imiter Napoléon ajoutait comme pour se consoler: je n'ai pas la prétention d'égaler ce grand capitaine, mais aussi je n'ai pas pour me seconder ses illustres Maréchaux. Je ne contesterai certes pas à Skrzynecki qu'il était au dessous de Napoléon; mais quant aux Maréchaux il ne savait donc pas qu'en général ce n'étaient des hommes supérieurs, qu'en tant que l'oeil du maitre les dirigeait et que lorsqu'ils eurent à voler de leur propres ailes, ils se trouvèrent pour la plupart fort audessous de leur réputation. Et pour des hommes d'éxécution, Skrzynecki n'en manquait pas, comme Dwernicki, Skarzynski, Krasicki, Bem, Rychlowski et beaucoup d'autres l'ont prouvé; il fallait seulement savoir les employer et les diriger; c'est à dire il aurait fallu savoir être chef.

On demandait à quoi nous ménerait notre inaction? A être enfermés dans Varsovie. Mais nous n'y avions pas pour quinze jours de vivres. Alors le g-l en chef en rejettait la faute sur le Gouvernement, disant qu'il ne pouvait pas s'occuper de tout. Mais il était donc membre du gouvernement; de ce gouvernement qui était un instrument docile dans ses moindres volontés. Et puisqu'il ne voulait jamais se battre il était très évident que nous finirions par être enfermés dans Varsovie. Quelle occupation plus importante avait-il donc que celle de songer à temps à approvisionner cette ville au lieu de prodiguer vivres et argent. Mais enfin puisque le mal était fait, ce n'était plus le moment de récriminer, mais il fallait agir d'après l'état des choses.

Skrzynecki non content des discussions, qui avaient lieu au conseil de guerre, nous faisait encore émettre nos avis par écrit. Je lui déclarai dans le mien, qu'il devait d'abord mettre fin à ces conseils et au scandal qu'ils occasionnaient.

La halte subite de l'armée, tandis qu'une bataille avait été hautement annoncée, ces longs conseils journaliers qui dénotaient les embarras et les incertitudes des chefs produisirent le plus mauvais effet dans l'armée; d'ailleurs le jugement de la masse sentait bien que le danger augmentait tous les jours, et l'inaction développait les pensées sinistres. Le logement du g-l en chef était constamment entouré de groupes, composés d'officiers, de volontaires, de jeunes gens, de nonces et de curieux qui affluaient de Varsovie. A l'exemple du quartier-général, de pareils conciliabules se formaient dans tout le camp, et y produisaient un complet découragement. Celui-ci fit naitre un dernier fléau qui manquait encore dans l'armée: la désertion à l'intérieur; en peu de temps elle fit de rapides progrès. Nous prévenions le g-l en chef de ce qui se passait: «Laissez-moi faire,» répondait-il, «j'irai parler aux troupes et vous verrez que je leur ferai entendre raison». Et là dessus il allait dans les groupes et y provoquait des discussions, où il était loin d'être toujours le plus fort en raisonnement. De jeunes officiers le comblaient en face de critiques et de reproches, qui en grande partie ne manquaient pas de justesse [2]). Skrzynecki s'efforçait de justifier à leurs yeux toute sa conduite. Il n'est pas difficile de s'imaginer l'effet que devaient produire des scènes aussi scandaleuses. Les personnes les plus devouées à Skrzynecki se prononcèrent enfin contre lui. Tous les Varsoviens qui se trouvaient au camp coururent en ville jetter l'alarme dans la diète, dans le public et la société patriotique. Il s'en suivit une fermentation qui produisit deux effets: l'envoi d'une commission au quartier-général et le massacre du 3 (15) Août.

Parlons d'abord du premier:

[1]) C'était par la crainte que je n'intriguasse contre lui à Varsovie. Skrzynecki ne me connaissait pas.

[2]) Il leur répliquait en assurant qu'après Napoléon, Fréderic et Jomini, personne ne s'entendait mieux que lui en stratégie.

Tout le monde étant convaincu, mais un peu tard, de l'incapacité du g-l Skrzynecki pour commander l'armée, la diète décrêta l'envoi au quartier-général d'une commission de 8 membres, présidée par le Prince Czartoryiski, avec les pouvoirs les plus étendus, et cette fois ci avec l'intention bien prononcée de déposer le Généralissime. Celui-ci, quoiqu'il ne put ce faire aucune illusion à cet egard, au lieu de prévenir de nouveaux scandales en se démettant volontairement, se cramponnait jusqu'au derniermomentà sa malheureuse dignité; ce qui fit que la commission arrivée au camp le 28 (9) Juillet (Aout), composée pour la plupart de légistes et voulant procéder en régles, se mit à dresser une enquête minutieuse qui dura plusieurs jours. Tous les généraux, tous les chefs de corps et une quantité d'officiers inférieurs furent appelès par devant les comissaires et interrogés au protocole. Ils durent déposer leur opinion concernant les opérations et la capacité du chef, et sur celui qui pourrait le remplacer le plus convenablement. L'immense majorité se prononca contre Skrzynecki. Alors la commission le déposa le 1 (13) Aout et remit le commandement provisoire au g-l Dembinski, qui venait de revenir de la Lithuanie avec quelques mille hommes et que l'on élevait jusqu'aux nues à Varsovie à cause de la différence de sa conduite d'avec celle de Gielgud et de Chlapowski. On croyait ne pouvoir mieux faire que de retremper le moral et la discipline de l'armée que d'en confier le commandement à un homme qui jouissait pour le moment d'une vogue populaire. Mais comme on n'avait pas grande confiance en son savoir, la commission lui adjoignit pour conseillers Lubinski, comme chef d'état major et moi en qualité de quartier-maitre-général.

La déposition de Skrzynecki arrivait beaucoup trop tard. Déjà les Polonais ne devaient plus avoir beaucoup de chances de succès. Leur cause était perdue. On rendait seulement à Skrzynecki le grand service de laisser recueillir à d'autres les fruits amers de toutes ses sottises et de son entêtement invincible. Bien plus, parmi les Polonais eux mêmes, témoins et victimes des événements, il en est qui prétendent aujourd'hui que la catastrophe est arrivée parceque Skrzynecki a été déposé; que lui eut sauvé la cause; que les événement ont prouvés que son système de guerre était bon...

Nouvelle preuve de l'aveuglement auquel peut entrainer l'esprit de parti.

Skrzynecki se résigna à son sort et déclara qu'il continuerait à servir en sous ordres. Il accompagna Dembinski dans les camps et le présenta aux troupes comme son successeur. Quelques corps saluaient de leurs acclamations le nouveau chef, d'autres l'ancien, d'autres encore se taisaient. Cette dissidence prouvait que l'esprit de l'armée était anéanti. En somme Skrzynecki se présentait mieux que l'autre; ce fut lui qui eut l'air d'être le héros de la circonstance; sa vanité fut satisfaite.

CHAPITRE HUITIÈME.

Evènements sur la Bzura et à Varsovie.

Après tant de journées perdues, pendant les quelles Gerstenzweig avait rejoint l'armée Russe, il était temps enfin, si déjà il n'était trop tard, de songer aux opérations. Dembinski, Lubinski et moi, réunis en conseil, décidâmes de présenter la bataille à l'armée Russe sans aucun délai. En conséquence l'organisation de l'armée fut modifiée. La ligne de bataille fut composée de deux corps: le 1-er commandé par Uminski et le 2-me par Romarino; chacun était composé d'une brigade de cavalerie et deux divisions d'Infanterie 1-re Rybinski, 4-me Milberg, 5-me Sierawski, 6-me Bielinski (nouvellement formées de l'infanterie qui avait appartenu aux corps de Chrzanowski et de Romarino). La réserve était composée de la 3-me division d'infanterie Malachowski; de trois divisions de cavalerie, Jagmin, Turno, Skarzynski et sous lui, Chrzanowski commandait les trois divisions de cavalerie.

Si nous marchions sur Lowicz par Nieborow, un succès ne pouvait conduire qu'à repousser l'armée Russe au delà de la Bzura, precisément dans la direction de ses renforts, et les fortifications de Lowicz lui assuraient la faculté d'éxecuter son passage de rivière. Pour relever nos affaires dans l'état de délabrement où elles avaient été amenées, il fallait un grand succès. Nous résolumes par conséquent de déboucher avec toute l'armée par Sochaczew et par Kozierzow, d'envellopper et d'écraser l'avant-garde du 1-er corps et la cavalerie du g-l Nostitz, qui se trouvaient devant ce débouché, et marcher sans nous arrêter de venir présenter la bataille sur la rive gauche de la Bzura, tout en jettant un parti à droite sur la chaussée, pour intercepter la route de Kutno. Le Maréchal ne pouvait pas permettre que nous lui enlevions ses communications avec Thorn et ses ponts, et il ne pouvait pas non plus s'exposer à se laisser séparer de Kreutz par le gros de l'armée Polonaise, une bataille décisive devenait donc iminente. Il est vrai qu'en la perdant complétement, les Polonais couraient le risque d'être rejettés de Sochaczew, s'ils n'y

prenaient bien garde, mais l'armée Russe aussi, en combattant avec la Bzura et un pays ennemi à dos, courait le risque d'être détruite, en cas de revers, mais les affaires des Polonais étaient tellement désesperées, qu'il leur convenait bien de risquer de tout pour le tout. Si nous ne parvenions pas à battre l'armée russe complètement, notre cause croulait toujours, il était assez indifférent pour elle que le revers fut plus ou moins grand [1]).

J'expédiai les ordres et le mouvement commença. Dembinski ayant été nommé au commandement de l'armée, quoique provisoirement, jusqu'à ce que la diète et le Gouvernement en eussent définitivement décidé à Varsovie, son ambition s'était tout à coup reveillée. Il se trouva piqué au vif de ce qu'on lui eut imposé des conseillers. Il était là, ainsi que nous l'avons déjà observé, avec Skrzynecki; il lui devait son élévation, il alla en consulter avec lui, et ils appelèrent encore à leur conciliabule Chrzanowski. Chrzanowski et Skrzynecki excitèrent l'inquiétude de Dembinski au sujet de l'opération qui commençait; il la contremanda; et comme l'armée ne pouvait plus rester dans la position de Bolimów, pour avoir consumé tous les fourrages de la contrée (et il n'y avait pour nourrir les chevaux que ce qu'on trouvait dans les champs) Dembinski donna l'ordre de la retraite. L'armée, laissant donc ses avant-postes jusqu'à la nuit, alla prendre position à la hauteur de Szymanow, occupant les deux routes de Varsovie. Le quartier-général fut établi à Soroki. Cette position était très forte. Les ailes étaient bien garanties par les rivières marécageuses Pesia et Utratka; tout le centre était couvert par un bois fourré, impraticable pour un corps d'armée; les troupes Polonaises pouvaient se masser à l'abri de ce bois pour agir contre les forces Russes qui se présenteraient par l'une des deux trouées en débouchant par Szymanów ou bien en venant de Sochaczew. Mais le g-l Dembinski influencé toujours par Skrzynecki, ordonna de continuer la retraite, contre l'avis des conseils qui lui avaient été adjoints. Au moment où l'armée se mettait en marche, les Russes attaquèrent sur les deux routes. L'armée principale avait marché sur la rive droite de la Bzura sur deux colonnes. Le Comte Witt se présenta avec l'avant-garde devant Szymanow, attaqua vivement le poste d'infanterie qui occupait ce village, et le força à la retraite avec quelques pertes; mais lorsqu'il voulut déboucher dans la trouée qui se trouve entre la rivière et le bois, il fut arrêté par l'arrière-garde Polonaise, dont Dembinski était accouru prendre le commandement aux premiers coups de canon. L'engagement fut vif et sans résultats. Le g-l Toll avait rejoint le C-te Witt, et un peu plus tard le Maréchal lui-même avec le gros de l'armée. Les Russes deployèrent beaucoup d'artillerie, mais leurs troupes venaient de faire une forte marche et la journée était avancée; ils campèrent dans les environs de Szymanów, et les Polonais continuèrent leur retraite et vinrent prendre position à Utrata, en arrière de Blonie.

Ce même jour l'avant-garde du 1-er corps et la cavalerie du g-l Nostitz avaient débouché par Sochaczew. Ils furent reçu sur la chaussée par le g-l Uminski. L'engagement y fut favorable aux Polonais. La cavalerie de Nostitz, un peu maltraitée, dut se retirer.

Cependant la députation qui avait destitué Skrzynecki, rendait compte à la diète de sa mission. En vertu de son rapport, il fut fait une nouvelle loi, d'après laquelle, la nomination d'un g-l en chef devait dépendre dorénavant du Gouvernement dont par conséquent il ne ferait plus partie.

Le Gouvernement, investi de cette nouvelle prérogative, procéda immédiatement à la nomination d'un Généralissime, consultant pour cela les opinions recueillis parmi les troupes, qui ne partageaient nullement l'enthousiasme momentané de Varsovie pour Dembinski, occasionné par son retour de Lithuanie. Dembinski était connu dans l'armée comme un brave soldat, mais étant très loin de posséder les qualités d'un g-l en chef; aussi n'avait-il pas obtenu de suffrages [2]). Ce fut moi que le Gouvernement nomma, et une députation, à la tête de laquelle se trouvait le G-l Morawski, ministre de la guerre, m'apporta ma nomination au quartier-général de Seroki, dans la journée du 2 (14) Août.

Dans cette grave circonstance, il y avait de quoi faire de profondes réfléxions. Il est vrai que la position des Polonais était extraordinairement empirée comparativement à ce qu'elle avait été au mois de Mars et Avril. Ils étaient réduits à la seule ville de Varsovie, où les Russes les bloquaient déjà. Si cette considération était décourageante, il faut convenir que d'un autre côté la perspective de pouvoir

[1]) Qu'il me soit permis de répéter à ce sujet l'observation du grand maitre de l'art de la guerre. Alexandre le Grand en retournant d'Egypte, Annibal en Italie, César à Pharsale, les Russes à Kunersdorff et tant d'autres livrèrent des batailles sans avoir aucun chemin de retraite; que seraient ils devenus, tous ces grands guerriers, s'ils les avaient perdues? et en attendant, ce même Annibal à Zama, les Romains à Cannes (on pourrait ajouter Napoléon à Waterloo) perdirent la bataille et leurs armées au milieu de leurs places et presque aux portes de leurs capitales. Lorsque vous allez livrer bataille, dit encore ce même Napoléon, cherchez à réunir toutes les chances en votre faveur, car si vous la perdez: *vehe victis!*

[2]) C'est un très bon chef de partisans; mais sa portée se borne à conduire la petite guerre avec intelligence.

tenter le sort des armes avec 50,000 mille hommes pouvait eveiller l'ambition. Alexandre le Grand n'avait pas eu d'armée aussi nombreuse, lorsqu'il partait contre le grand empire et à la conquête de l'Asie.

Le général Bonaparte n'avait pas plus de troupes ni dans un meilleur état, lorsqu'il préluda par la conquête de l'Italie à l'assujettissement d'une partie de l'Europe, et même en succombant bravement, on pouvait se promettre la gloire de Kosciuszko. Si je voulais viser à un parti plus sûr et plus solide, je pouvais, m'assurant de la coopération de l'armée, me proposer de dissoudre la diète et le Gouvernement et de m'emparer de l'autorité pour réconcilier les Polonais avec l'Empereur, et me promettre d'établir par là ma fortune particulière, tout en sauvant mes compatriotes et mes camarades.

Mais toutes ces considérations je n'eus pas le temps de les faire. Il fallait me décider à l'instant même; un seul motif détermina ma résolution. Je voulais avant tout conserver intacte ma réputation d'honnête homme. On connaissait généralement combien je m'étais prononcé contre la manière dont le g-l Skrzynecki avait commandé l'armée et conduit les opérations. Je ne pouvais maintenant accepter le commandement sans m'exposer au reproche d'avoir travaillé à mettre de côté Skrzynecki pour occuper sa place, ainsi que lui même l'avait fait à l'égard du Prince Radziwill. Je pouvais périr d'un moment à l'autre. Je ne pus me résoudre à m'exposer à laisser pour unique héritage à mes enfants la réputation d'un intrigant. Je refusai l'honneur du commandement malgré toutes les instances de M. M. les commissaires. Ils retournèrent à Varsovie.

Dans la nuit du 3 (15) au 4 (16) Août, le Prince Chartoryiski, se réfugiant au quartier-général à Oltarzew devant les scènes horribles qui se commettaient à Varsovie, nous en apporta la terrible nouvelle, qui remplit de stupeur toute l'armée. Mon ignorance au sujet de ces événements me mit dans l'impossibilité de les expliquer d'une manière satisfaisante. Certainement je suis bien loin de vouloir les justifier, mais j'essayerai de donner quelques aperçus qui pourront contribuer à jetter du jour sur cette déplorable et ténébreuse histoire.

La première cause en fut sans contredit la faiblesse du Gouvernement et pardessus tout celle du Généralissime. Skrzynecki, qui, membre lui même de ce Gouvernement, Chef de la force armée, et par conséquent de la garde nationale et du Gouvernement de la ville, habitant le plus Varsovie, avait en mains plus de moyens qu'il n'en fallait pour faire respecter l'autorité et prévenir l'anarchie.

Une seconde cause fut l'existence de la société patriotique, qui à la longue avait perdu presque toute son importance, lorsque Krukowiecki était Gouverneur de la ville. Le successeur que Skrzynecki donna à celui-ci, était un homme faible, tandis que la crise devenait plus violente. L'approche du danger raviva cette société; elle augmenta en nombre et acquis de l'importance par l'affluence à Varsovie de quelques milliers d'officiers qui ne pouvaient pas trouver de place dans les cadres de l'armée diminuée et qui avaient été nommés par Dwernicki, par Gielgud, et plus anciennement encore par les deux *Regimentarze* Malachowski et Soltyk. Toute cette jeunesse exaltée et condamnée à l'oisiveté, se répétait sans cesse, que c'était par faiblesse, par bonacité que les efforts des Polonais pour redevenir nation échouaient depuis 70 ans, que c'était la sanglante énérgie de la convention qui avait sauvé l'indépendance des Français. Ceci posé, il n'y avait qu'un pas à faire pour vouloir l'imiter.

Chez une nation malheureuse on est disposé à attribuer les désastres et les calamités publiques à la trahison. Chez les Polonais de grandes fautes avaient été réellement commises, dont les causes se faisaient sentir d'une manière palpable. L'autorité elle même en aurait indiqué quelques auteurs. Elle avait en outre signalé l'existence d'un complot, en avait fait arrêter les prétendus chefs, et malheureusement c'étaient en partie des hommes, que leurs antécedants avaient privés d'estime et de considération. Il n'en fallait pas tant pour servir de conviction à des gens aigris et exaspérés. Et maintenant cette meme autorité, toujours faible et pusillanime ne savait pas terminer le mal qu'elle même avait provoqué. Ne sachant comment sortir du faux pas où elle s'était engagée, elle laissait trainer cette affaire, ce qui augmentait la sourde fermentation qu'il était impossible de ne pas aperçevoir depuis quelque temps.

D'un autre côté les prisons de Varsovie renfermaient des détenus d'une autre espèce. C'étaient les agents de l'ancienne police secrète, dont les papiers avaient été aussi saisis, et contre laquelle l'opinion publique s'élevait fortement. Le gouvernement ne savait encore comment en finir avec eux; il n'osait sévir, il ne pouvait pas les mettre en liberté. Il s'arrêta à un terme moyen qui fut peut-être un malheur. Il établit une commission, qui fut chargée de faire une enquête des papiers saisis et des agents arrêtés, et à mesure que cette enquête faisait des progrès on publiait son travail dans les journaux. De cette manière des histoires scandaleuses, des horreurs parvinrent à la connaissance publique; et des noms très illustres se trouvèrent grâvement compromis. On avait eu l'idée de punir de cette manière par la publicité ceux qui avaient exercé le vil métier d'espion. On mit par là le comble à l'animadversion dont ils étaient l'objet.

Tout cela formait une mine. La nouvelle des scènes de Bolimow fut l'étincelle qui y mit le feu. L'explosion eut lieu dans la nuit du 3 (15) au 4 (16) Aout, elle couta la vie à 33 individus. Quelques

particularités caracterisèrent cette catastrophe. Les massacres furent commis par un petit nombre d'individus, bien mis, d'un extérieur décent et de bonnes manières; quelques uns portaient le costume militaire, d'autres celui de la garde nationale; la masse de la population et le peuple proprement dit y étaient étrangers; à peine s'ils fournissaient des spectateurs. Les propriétaires furent parfaitement respectés. Il n'y eut aucune confusion; au contraire un ordre parfait, accompagné d'une certaine prestesse, présidait aux éxécutions; chacune était terminée par le cri de *vive la patrie!* Il faut convenir qu'il était difficile de profaner davantage un nom plus respéctable.

Nonces, senateurs, diète, gouvernement, tout avait disparu, et qui pis est, le faible gouverneur ne se faisait pas voir, et le commandant de la garde nationale, un des grands parleurs de l'époque, s'était lâchement caché.

Il y a des personnes qui attribuent la chute de la cause Polonaise à la scène de terreur et d'anarchie et à quelques symptômes de discorde qui se manifestèrent alors. C'est être dans une profonde ignorance des événements, ou avoir une mauvaise foi insigne; c'est prendre les effets pour la cause. En effet ces déplorables événements étaient les convulsions de l'agonie. Et quelle est la nation où dans des circonstances un peu analogues des scènes mille fois plus déplorables ne se soyent répétées? Pour s'en convaincre, on n'a qu'a feuilleter les annales sanglantes de la plupart des nations Européenes que je n'ai pas l'intention de compulser, pour excuser ce qui est inéxcusable. Les hommes et leurs passions se ressemblent toujours et partout.

Les éxécutions allaient leur train sans qu'aucune autorité s'en mêlât, lorsque tout à coup le g-l Krukowiecki apparut dans les rues au milieu de l'émeute et de sa propre autorité s'érigea Gouverneur de la ville et commença à rétablir l'ordre. Le lendemain il fut confirmé dans cette charge par un arrêté du Gouvernement. Il en fut redevable à la terreur du moment, mais il aurait pu s'en passer. Dans le fait il devint pour le moment, par la force des circonstances, la seule autorité de la ville et par contre coup de l'armée.

On a accusé hautement le Comte Krukowiecki d'avoir été un des secrets moteurs de la fatale nuit du 3 (15) Aout, pour avoir, a-t-on dit, l'occasion de jouer de nouveau un rôle dans les affaires, et avoir l'occasion de se venger d'une manière quelconque de Skrzynecki. Il n'y a pas de doute qu'il avait quelque raison d'en vouloir à ce dernier; il était aussi connu qu'il était d'un caractère inquiet, et par conséquent il devait être contrarié de se voir condamné à une complète obscurité et à l'inaction. Néanmoins on devrait prendre garde, ce me semble, d'accuser légèrement et d'une manière aussi epouvantable l'honneur de quelqu'un à moins d'avoir de bonnes preuves, et je ne sache pas que l'on en ait trouvé aucune pour incriminer Krukowiecki. Jusque là sachons lui donc gré de ses efforts potents pour arrêter les massacres et rétablir l'ordre. D'ailleurs pourquoi soupçonner d'être scélérat un homme, qui pendant 70 ans de sa vie a été exemplaire dans ses relations de famille?

Le 4 (16) Aout l'armée vint prendre position dans les retranchements de Varsovie, un peu à cause des événements de la veille; et pour en prévenir le retour, des troupes entrèrent en ville. Cette mesure était superflue. Les victimes signalées par l'exaltation était sacrifiées, le calme se rétablissait de soi-même; de telles horreurs ne pouvaient se prolonger, parcequ'elles étaient contraires au caractère national.

Dès le 4 (16) Krukowiecki envoya au quartier-général prévenir Skrzynecki qu'on avait juré à Varsovie sa mort pour le punir de son incapacité et que quelques individus étaient partis pour l'armée dans le dessein de le tuer. Etait-ce une fable imaginée par la haine, ou bien la chose était-elle vraie et Krukowiecki voulait-il exercer une noble vengeance? c'est ce que j'ignore. Mais ce qui est très certain, c'est que cette nouvelle produisit le plus grand effet sur la personne du généralissime. Cet ancien militaire, qui avait affronté les boulets sur les champs de bataille ne témoigna que la peur la plus pusillanime à la seule idée d'un poignard. Pour le tranquilliser, Dembinski fit entourer le quartier-général de canons et de baïonnettes, et Skrzynecki demanda et obtint sa démission du service.

Sa demande était motivée sur son désir, écrivait-il, *d'épargner un crime à sa nation.* Mais bientôt Krukowiecki, devenu chef du Gouvernement, lui fit intimer l'ordre de quitter l'armée, pour prévenir, disait-il, tout genre de fermentation que sa présence pouvait y occasionner. Skrzynecki, travesti, se cacha quelques jours dans Varsovie, et puis se réfugia à Cracovie sous un nom supposé. Telle fut la fin publique d'un ambitieux, qui avait juré solennellement de s'ensevelir avec toute l'armée dans un grand tombeau... Mais il avait joué un rôle, il était devenu un personnage pour l'Europe et il avait eu l'occasion de faire des économies.

Encore dans la journée du 4 (16) Août, le ministre de la guerre, renforcé de plusieurs membres de la diète revint au quartier-général m'apporter de rechef la nomination de g-l en chef, avec un ordre positif du Gouvernement et les prières instantes de tous ceux que l'on croyait pouvoir exercer quelque influence sur moi, de me charger de ce fardeau.

Uminski lui-même insistait, et des personnes respectables venaient conjurer ma femme de renoncer à moi; entre autres le vénérable Malachowski, Casimir à qui l'on venait d'offrir le commandement après moi, mais qui s'en était excusé à cause de son grand âge. Une résistance plus longue eut été de l'opiniatreté, ou même de la pussillanimité; je déclarai à M. M. les commissaires que j'accepterai le commandement à la seule condition qu'il me serait possible de l'exercer, et quant à celà je les ferai eux mêmes juges. «Car», leur observai-je, «vous conviendrez M. M., que dans l'état de dissolution où nous nous trouvons, nommé g-l en chef par un Gouvernement qui croule, investi d'un pouvoir borné, je ne saurai réprimer l'anarchie interieure, rétablir la discipline dans l'armée, tout en faisant face à un ennemi puissant que nous avons sur les bras, si je ne suis secondé par une bonne volonté générale, et particulièrement par la coopération des notabilités de l'armée. Il y a surtout, «continuai-je», le g-l Krukowiecki qui est d'un caractère peu compatible avec tout ce qui est son supérieur et qui est aujourd'hui parmi nous une véritable puissance et la seule autorité réelle. Vous permetterez donc M. M. que nous commencions par nous assurer de ses dispositions».

Et là dessus dans la soirée, nous nous rendîmes chez le g-l Krukowiecki, où, en présence des commissaires je l'interpellai s'il ambitionnait le commandement en chef de l'armée. «Non», repondait-il, «dans aucun cas. J'ai des obligations envers la ville de Varsovie à qui je dois et veux me consacrer. Et par cette raison je n'accepterai aucun poste autre que celui de Gouverneur de la ville, que j'occupe déjà.»— «Alors, mon Général», lui demandai-je, «si je me charge du commandement, puis-je compter, que vous me seconderez et que vous m'obéirez?»—«Je vous en donne ma parole d'honneur», répliqua Krukowiecki en me tendant la main.—«Dans ce cas, M. M.,» dis-je en me tournant vers les commissaires, «vous avez en moi le chef de l'armée».

Elle fut terrible pour moi cette nuit pendant laquelle je me trouvai Généralissime, parceque je sentais l'immensité du fardeau et toute la responsabilité que j'avais acceptés. Je venais non seulement de me dévouer moi-même à des chances si incertaines, mais j'avais sacrifié encore plus, ma famille à la quelle je faisais un éternel adieu.

Je ne ferai point parade de ce que je voulait faire ni de mes intentions; pour quiconque me connait je n'ai pas besoin d'affirmer qu'elles étaient pures, ma conduite eut dépendu des événements, et il était impossible de prévoir la tournure qu'ils prendraient dans cette crise violente où nous nous trouvions. Tout ce qu'il y avait de plus pressé, c'était de retremper la discipline de l'armée et de renforcer mon autorité pour ne pas être entravé dans mon action. Je commençai par adresser une courte proclamation à l'armée, par laquelle je l'informais que je prenais le commandement; je lui promettais de me dévouer pour elle; je lui demandais en échange toute sa confiance, et je lui annonçais que d'abord nous rétablirions une discipline sévère.

Ensuite je me mis à faire de profondes réfléxions sur la manière dont je m'y prendrai pour acquérir promptement une plus grande extension de pouvoir, afin d'avoir une latitude nécéssaire d'action sans être entravé par des autorités rivales et supérieures. Nommément l'existence de la diète et même celle du Gouvernement devenait un grand obstacle et un véritable malheur dans la violente extremité où les affaires se trouvaient réduites. Je songeai sérieusement à les mettre de côté.

Le 5 (17) à la pointe du jour, je montai à cheval pour passer dans les camps la revue des corps et me faire reconnaitre à eux. En passant, je m'arrêtai chez le G-l Dembinski pour lui demander de me remettre le commandement. Je trouvai chez lui le C-te Krukowiecki. Tous les deux m'accueillirent sur un ton très haut. Dembinski prétendait que lui seul pouvait sauver la chose publique, qu'il en avait les moyens, qu'il avait pris déjà des mesures pour celà, et que cela serait les compromettre ainsi que le salut publique, que de remettre l'autorité en d'autres mains dans un pareil moment.

Krukowiecki, de son côté faisant grand bruit, déclarait qu'il m'avait promis, il est vrai la veille de me seconder; mais bien entendu, que c'était à condition que je lui donnerai tous les moyens de se maintenir dans Varsovie, qui était devenue une place de guerre, bloquée par l'ennemi. Que je devais par consequent lui fournir une garnison correspondante aux fortifications, des munitions en proportion, et des vivres suffisants pour nourrir les troupes et la population. Et comme il savait fort bien, disait-il, que c'était chose impossible, surtout par rapport aux magazins qui étaient vides, il declarait qu'en sa qualité de Gouverneur il ne pouvait pas être tenu de défendre une place assiegée, ayant la responsabilité de prévenir sa ruine; que par conséquent il allait ouvrir de son Chef des négociations avec le Maréchal Paskiewitch pour la reddition de Varsovie.

Cette scène était-elle un simple effet du caractère impérieux et turbulent de Krukowiecki, qui jamais n'a pu rester en paix avec tout ce qui ne lui était pas subordonné, et qui déjà ne pouvait souffrir ma nouvelle autorité à côté de la sienne, ou bien agissait-il d'après un système pour parvenir à l'autorité suprême,

dont en effet il fût revêtu ce jour même, c'est ce que j'ignore, et dans mon ignorance je me borne à rapporter les faits sans me permettre d'observations.

Quoi qu'il en soit, il me fallait dans de telles circonstances faire respecter ma nouvelle autorité ou la déposer. J'aurais, vraisemblablement en faisant un effort, trouvé dans mon caractère assez d'énérgie pour mettre à la raison les recalcitrants, si seulement j'avais eu en mon pouvoir des moyens d'éxécution. Mais les troupes ignoraient encore ma nomination; qui plus est, ce gouvernement lui même qui me nommait ne jouissait plus d'aucnne considération. Jusqu'au bataillon qui était de garde devant le Quartier général ne reconnaissait jusque là que l'autorité de Dembinski. Krukowiecki, dont le pouvoir s'étayait sur la terreur du moment, était aussi venu avec son escorte. Il ne manquait à toutes mes misères que le scandale de dissensions, peut-être sanglantes, entre les chefs de l'armée. C'est à quoi je ne pouvais pas me résoudre de contribuer. Par conséquent, et pour simplifier notre position, je me démis sans balancer du commandement, conjurant les deux autres à l'union et à la concorde. Ils se rendirent en ville, Dembinsky pour extorquer du Gouvernement sa nomination définitive au commandement de l'armée. Ce dernier n'était plus dans la position de rien refuser; il lui accorda l'objet de ses désirs; et, sentant sa nullité absolue, tous ses membres donnèrent leur démission.

Quant au C-te Krukowiecki, visant plus haut que Dembinski et voyant aussi plus loin, il le laissa faire, et travailla de son côté, à ce que je suppose, à se faire nommer chef du Gouvernement. La diète s'était rassemblée et déliberait sur une nouvelle forme de Gouvernement. Elle décida qu'il serait confié à un seul Président du conseil des Ministres, lesquels n'auraient que voix consultative. Celle du Président était seule décisive. Il avait d'ailleurs toutes les prérogatives d'un souverain. La diète se résérvait le pouvoir législatif, et le droit de ratifier les traités. Dès que cette loi eut passée, on procéda immédiatement à la nomination du Président. Dans la situation des choses, on ne pouvait pas mettre de côté Krukowiecki; il fut élu, séance tenante à une immense majorité et avec une sorte de stupeur.

En attendant, l'armée avait pris possession en arrière de Wola, à cheval sur la chaussée; Uminski formait la droite, Romarino la gauche; la réserve occupait Czyste; deux divisions de cavalerie de réserve étaient sur les ailes un peu en arrière; et la troisième avait été envoyée à Praga pour faciliter les fourrages et donner la chasse aux avant postes du G-l Rosen, qui arrivaient jusqu'en vue de Varsovie. En jettant un coup d'oeil sur nos camps, il était effrayant de voir l'armée comme perdue dans ces immenses plaines; l'appui que lui offraient quelques ouvrages isolés devant son front était fort peu de chose.

L'armée Russe vint camper à Blonie dans la journée du 5 (17) Août, et le Comte Witt s'avança vers Varsovie avec une avant-garde composée de la 1-re brigade de la 3-me Division de lanciers, et de la 2-me brigade de la 2-me Division de hussards, sans compter les cosaques et l'artillerie à cheval. Le rapport, que de la cavalerie Russe paraissait dans la plaine parvint au quartier général, pendant que Krukowiecki, Dembinski et moi, étions occupés en ville pour l'affaire du commandement. Lubinski donna aussitôt l'ordre à Uminski et à Romarino d'envoyer toute la cavalerie attachée à leurs corps en reconnaissances dans la direction de Blonie. C'était une mesure tout à fait inutile. Tout ce que l'on entreprend à la guerre doit avoir un but raisonable, et être motivé. On fait des reconnaissances pour apprendre quelque chose que l'on ignore, or il n'y avait pas à douter que l'armée Russe nous suiverait; cette armée nous en avions la situation; nous connaissions sa composition et sa force à quelques mille hommes près; il était évident que c'était son avant-garde qui paraissait. D'ailleurs nos téléscopes, établis sur l'église Luthérienne, decouvraient tout, bien au delà de Roszyn et jusque dans les environs de Blonie; c'est à dire beaucoup plus loin que l'on ne pouvait hazarder une reconnaissance. A quoi pouvait-elle donc servir? Mais à la guerre on fait mille fois par routine des choses tout à fait inutiles, faute de raisonner juste.

Les ordres étaient écrit en Polonais; Romarino ne pouvait par conséquent lire le sien, et le remit à son chef d'état major Ladislas Zamoyski, sans avoir seulement la curiosité de connaitre son contenu. La cavalerie du corps d'armée se trouvait pour la plupart aux avant postes et en mission; il n'y avait que deux éscadrons disponibles, et l'ordre parlait d'une forte reconnaissance, executée par toute la cavalerie. Zamoyski qui ne se trouvait qu'à une verste du Quartier général, au lieu de monter à cheval et d'aller éclaircir là chose avec le G-l Lubinski, trouva plus commode de substituer de l'infanterie à la cavalerie absente. Il donna l'ordre au Colonel Le Gallois d'executer la reconnaissance prescrite avec deux bataillons du 3-me de ligne, deux pièces d'artillerie légère et deux escadrons, restes du 1-er régiment de Kalisz. Ces détails peuvent donner une idée du relâchement qui régnait dans toutes les parties du service dans l'armée Polonaise.

Le Gallois rencontra le Comte Witt au village de Bronisze; il fut enveloppé, se défendit et finit par succomber. Son détachement fort d'environ 1500 hommes fut enfoncé, tué ou pris. Rien ne réussissait plus aux Polonais, le malheur les poursuivait au galop.

Le 6 (18), l'armée Russe se porta par trois routes paralléles dans les environs de Nadarzyn et l'avantgarde à Roszyn. Le corps du G-l Pahlen 1-er prit position près de Wolica. Le détachement du G-l Lanskoy, composé de deux régiments de hussards, était resté près de Blonie. Le G-l Gerstenzweig avait été porté à Piaseczno, et plus tard à Gora. Le G-l Rosen cernait de son côté Praga, de manière que Varsovie se trouvait complétement bloquée.

Le G-l Ridiger avait jetté un pont sur la Vistule à Podgorjé, près de Kazimirz, et avait occupé Radom. Ce corps était destiné à rejoindre la grande armée, ce que toutefois il ne put éxécuter, á cause de l'occupation que lui donna dans les Palatinats de Sandomir et de Cracovie le faible corps du G-l Rozycki, composé de six pièces d'artillerie légère et de quelques mille hommes pour la plupart ce que Dembinski avait ramené de Lithuanie.

Le G-l Stryienski avait été envoyé dans les P-ts de Calisz et de Mazowiec prendre le commandement des réserves de cavalerie; elles comptaient quelques mille hommes, que le manque de chevaux n'avait pas permis de monter.

Le G-l Kaisarof ressérrait la place de Zamość. Les échelons du G-l Kreutz traversaient le Palatinat de Plock; passaient la Vistule, et, se dirigeant par Lowiez arrivaient successivement au camp du Maréchal, dont ils portèrent bientôt l'armée à près de 80 mille hommes munis d'au delá de 400 bouches à feu.

A Varsovie, le Comte Krukowiecki s'était bientôt affermi dans son autorité; pendant les trois semaines qu'il en fut investi, il déploya une lucidité de conception et une activité bien autres que tout ce que Skrzynecki avait fait; néanmoins la situation devint par trop forte pour lui. Il avait nommé Chrzanowski Gouverneur de la ville, et le Comte Mycielski président d'un conseil militaire, appellé à informer contre les auteurs de la nuit du 3 (15) Aout. Les chefs présumés avaient été arrêtés; mais il n'y eut que quelques agents subalternes qui furent fusillés.

Mais c'était notre situation militaire qui appellait toute l'attention du nouveau président. Il avait bientôt ôté le commandement de l'armée au g-l Dembinski; ces deux hommes étant de caractères trop entiers pour pouvoir s'accorder. Krukowiecki me parla de nommer un nouveau commandant en chef. Je lui déclarai que quant à moi, il m'était fort indifférent sous quel titre je seconderai ses efforts pour nous tirer de la crise d'une manière quelconque; mais que, quant au commandement de l'armée, il n'y avait pas à se faire illusion; dans la position où nous nous trouvions, resserrés à Varsovie—tout le Gouvernement—c'était le commandant en chef de l'armée, et que surtout avec son caractère il ne pouvait exister aucun chef réel à côté de lui. Krukowiecki convint de la chose; cependant il voulut avoir quelqu'un portant le titre de chef de l'armée. Il nomma remplaçant de commandant en chef le g-l Casimir Malachowski, homme respectable par une longue carrière de courage et de probité, mais qui, cassé par l'âge, était absolument nul pour l'action. Personne, à commencer par Malachowski lui-même, ne fut dupe de cette nomination; c'était Krukowiecki qui restait le véritable chef de l'armée.

Il reunit un conseil de guerre, où furent appellés tous les chefs des divisions, le Gouverneur de la ville, les chefs de l'artillerie et du génie.

L'armée Polonaise réunie forte d'au delà de 50,000 hommes, avait attendu plusieurs jour dans l'espoir que le Maréchal viendrait l'attaquer sans délai. Nous espérions que l'appui des ouvrages extérieurs compenserait pour nous la supériorité de l'armée Russe en nombre et en artillerie. En attendant, le Maréchal prenait une position à Nadarzyn et la faisait couvrir par des retranchements, ce qui n'anonçait guère l'intention de nous attaquer bientôt; et en attendant, nous n'avions pas à Varsovie pour dix jours de vivres et de fourrages. D'ailleurs renoncer à tenir la campagne et à des opérations offensives, c'était se résigner à renfermer toute la cause dans une ville assiégée. C'était renoncer à toute chance de succès; et alors on pouvait compter les jours qui ameneraient celui où il faudrait signer une capitulation.

Ceci bien posé, le projet qui se présentait le plus naturellement était d'aller attaquer l'armée Russe en renonçant au secours de nos fortifications et de l'artillerie dont elles étaient armées. Tout le conseil déclara à peu près à l'unanimité que d'après toutes les probabilités nous perderions la bataille [1]).

Cette proposition étant mise de côté, il ne restait qu'à occuper les fortifications de Varsovie avec la majeure partie de l'armée, renforcée de la garde nationale et de celle de sûreté et de faire un détachement du reste sur la rive droite de la Vistule, pour nettoyer d'abord le pays, afin de faire arriver des vivres et des recrues, et pour chercher ensuite à tout prix à avoir des succès en battant Rosen, s'emparant de Brześć, interceptant les communications de l'armée Russe, faisant repasser Ridiger sur la rive droite de la Vistule, ce qui procurerait à Rozycki la faculté de venir sur la Pilica inquiéter les derrières de la grande armée Russe, et couper ses communications.

---

[1]) Elle aurait pu être encore livrée sur la Bzura; depuis la désorganisation avait augmenté chaque jour progressivement.

Il est vrai qu'en nous affaiblissant à Varsovie, nous augmentions les chances de réussite de l'armée Russe lorsque le Maréchal se détérminerait à l'attaque; mais enfin on ne pouvait pas le forcer à venir nous attaquer tant que nous étions réunis. Et notre position était tellement désesperée qu'il n'y avait pas à choisir entre les partis les meilleurs, mais entre les moins mauvais. On s'encouragea par le souvenir de la résistance que l'on avait fait à Varsovie au roi de Prusse en 1794, on espéra que si le corps expéditionnaire remporterait de grands succès et que l'on parvint à paraliser la grande armée Russe devant Varsovie jusqu'aux pluies d'automne, les affaires pourraient encore se relever. Le conseil opina presque à l'unanimité pour le second projet. Dembinski seul, appuyé par Sierawski, proposait d'évacuer Varsovie et de transporter la guerre en Lithuanie [1]), ou bien de faire une invasion en Galicie. Ce projet ne pouvait pas soutenir le raisonnement. Tout homme raisonable, sentait que notre existence tenait à Varsovie. L'époque où une confédération de Bar pouvait se maintenir pendant sept ans sans armée et sans point d'appui était à 70 ans de nous. Autres temps, autres moeurs.

Chrzanowski était d'avis comme tout le monde qu'une bataille serait perdue, mais il soutenait en outre qu'une expédition sur la rive droite serait inutile, le pays y étant tellement dévasté que l'on ne pourrait en tirer aucune ressource. L'experience prouva qu'il se trompait. Dès que la rive droite fut tant soit peu dégagée, les approvisionnements de toute éspèce affluèrent à Varsovie. Chrzanowski soutenait qu'il n'y avait pas d'autre parti à prendre, que de nous soumettre, profitant de l'armée que nous avions encore pour obtenir des conditions favorables autant que possible. En cela il avait peut-être raison, et il montrait du caractère en émettant un avis qu'il était pénible à beaucoup de monde d'entendre. Malheureusement Chrzanowski s'était depopularisé de la manière la plus complète dans le public et dans l'armée, parceque dégouté des le principe d'une guerre qui n'offrait pas de grandes chances de succès, il la faisait à contre coeur et ne s'en cachait pas. Il avait proclamé le même avis, même lorsque les événements avaient été les plus favorables aux Polonais. En outre son caractère irrascible lui avait fait beaucoup d'ennemis, pendant le cours de ses fonctions de chef d'état major-général. Sa mauvaise humeur l'avait portée maintes fois à calomnier les troupes, et à vrai dire, il avait grandement contribué à repandre dans l'armée le découragement et la démoralisation. Maintenant donc, on éprouvait de la répugnance pour le meilleur avis, s'il était proposé par Chrzanowski.

Le Président du Gouvernement n'emit aucune opinion par devant le conseil, et c'était dans l'ordre des choses; son affaire était de peser tous les avis, et de prendre ensuite une décision d'après sa propre conviction.

Je n'eus non plus à émettre aucune opinion par devant le conseil; ce qui était encore naturel, puisque j'étais le conséiller le plus intime du Chef [2]). Le conseil s'étant séparé, le C-te Krukowiecki retint Lubinski et moi pour décider définitivement ce qu'il y avait à faire. Je presentai un travail contenant les dispositions relatives aux deux seules choses que l'on put faire, savoir: la bataille avec toutes nos forces, ou l'opération offensive sur la rive droite de la Vistule. Krukowiecki voulut savoir mon avis sur ces deux projets; je trouvai l'un et l'autre très scabreux; néanmoins je penchai pour le second, à cause de la presque certitude dont tout le monde était pénétre de perdre la bataille. Telle était aussi l'opinion du G-l Lubinski. Le Président examina mon travail, et se décida de même; nous allions donc revenir et avec beaucoup moins de chances de succès, maintenant que la grande armée Russe se trouvait en présence de Varsovie, à une opération à laquelle Skrzynecki avait tâtonné pendant deux mois et demi; qui, à plusieurs reprises, avait été à demi exécutée et qu'il n'avait jamais eu le courage de pousser à fond, lorsque l'éloignement du Maréchal lui en eut laissé toute la latitude. Bien au contraire, il l'avait rendue plus difficile à exécuter conduisant inutilement toute l'armée sur la Bzura.

C'est surtout la cavalerie dont il fallait se défaire à Varsovie, où il n'y avait plus de moyens de la nourrir.

Un corps de cavalerie d'environ 3000 chevaux, avec une batterie d'artillerie à cheval, dut se rendre à Modlin; et là renforcée de quelques bataillons d'infanterie pris dans la garnison de cette place, il devait nettoyer tout le P-t de Plock, jusqu'à la frontière de la Prusse, envoyer des expeditions sur la rive gauche de la Vistule, afin d'y alimenter la petite guerre et couper la communication de l'armée Russe avec Thorn; enfin faire tous ses efforts pour approvisionner Varsovie. Le G-l Lubinski demanda et obbint le commandement de cette expédition. Il avait assez de tact pour sentir que la catastrophe approchait, c'était à Varsovie qu'elle devait se dénouer. Il n'était pas fâché de trouver l'occasion de se mettre de côté pour

[1]) C'était sa marotte à laquelle il revenait toujours. Il s'imaginait faire la petite guerre avec une armée de 60,000 hommes.

[2]) Ma relation diffère sur plusieurs points de celle que le C-te Krukowiecki a publié. Je suis forcé de déclarer que la sienne n'est pas entièrement exacte.

ce temps. Il eut l'adresse d'y réussir. Krukowiecki, de son côté, désirait éloigner Lubinski, vu que cette famille était grandement depopularisée [1]).

Mais la principale opération était celle qui devait d'abord agir contre le G-l Rosen. Elle dut se composer de tout le corps de Romarino et d'une division de cavalerie de réserve. Elle comptait près de 20,000 hommes de nos meilleures troupes avec 42 bouches à feu. Toutes les éspérances se fondaient sur elle. Et en effet, il était absolument nécéssaire qu'elle obtint des succès, tels qu'ils pussent balancer même la perte de Varsovie si le Maréchal parvenait en attendant à s'en emparer. Ces succès étaient incertains. Néanmoins il ne restait pas autre chose que de tenter la fortune pour les obtenir.

Il s'agissait de donner un Chef à cette expédition. J'avais le sentiment qu'en déployant de l'activité il y avait possibilité d'obtenir de grands succès. Je m'offris pour la commander. Krukowiecki refusa en disant que j'étais indispensable à Varsovie. Ce refus, et les incidents qui s'en suivirent, furent cause, comme on le verra, que je me trouvai privé d'une part de la faculté de profiter des grandes chances de succès que la fortune offrait au corps expéditionnaire, et de l'autre d'empêcher de grandes fautes qui contribuèrent à la chute de Varsovie. C'était un veritable guignon qui s'attachait aux Polonais et qui précipitait leur perte. Ce fut à Romarino que le Président confia l'armée active. Lubinski eut bientôt occupé tout le P-t de Plock. Un de ses détachements s'empara de la tête de pont que les Russes avaient construit à leur passage sur la rive gauche de la Vistule; la garde de ce poste se replia un peu trop hâtivement dans l'île et rompit le premier pont; la principale communication du Maréchal se trouva coupée.

Les partis de Lubinski eurent plusieurs affaires avec des détachements Russes; firent des prisonniers et enlevèrent des convois considérables de vivres qui suivaient l'armée et qui furent d'une grande utilité pour l'approvisionnement de Varsovie.

Romarino marcha par Osieck à Garwolin. Bientôt nous eûmes à Varsovie la conviction que ce Général était fort audessous du commandement qu'on lui avait confié. Tout le résultat qu'il sut obtenir avec de grands moyens, ce fut de dégager pour un moment le P-t de Podlachie et de faciliter l'approvisionnement de Varsovie. Cette armée fut totalement perdue pour la cause des Polonais, du moment où elle quitta Varsovie.

CHAPITRE NEUVIÈME.

Dispositions pour la défense de Varsovie. — Expédition de Romarino. — Combats de Rogojniza et de Miedzyrzec.

Il n'y a pas au monde peut être de grande ville dont la défense soit aussi difficile que celle de Varsovie. Située dans une plaine immense, qui n'offre pas de ces accidents de terrain, au moyen desquels on peut rendre une partie de l'enceinte inabordable et concentrer les moyens de défense sur les points d'un accès plus facile. Varsovie occupe sur la rive gauche de la Vistule un demi cercle, dont le diamêtre, longeant la Vistule, n'a pas moins de 3,700 sagènes de longueur. Cet immense espace est occupé par une ville, dont la population, n'étant pas en rapport avec l'étendue des habitations (excepté une petite partie au centre de la ville) repandues parmi de vastes cours, jardins et même des champs, sont en grande partie en bois; et les bâtisses en maçonnerie sont loin d'avoir cette solidité des édifices antiques, qui pour la défense remplacent des citadelles; voir, par éxemple les couvents de Saragosse. C'est pourquoi, il n'y ai pas à songer à Varsovie à une défense intérieure, contre une attaque d'armée, pourvue d'une artillerie tant soit peu nombreuse, et celà d'autant moins, que la population, composée en grande partie d'Allemands et de Juifs, ne serait pas trop disposée à concourir à une défense qui entrainerait le sac de la ville. Aussi toutes les dispositions défensives qui avaient été faites dans l'intérieur ne pouvaient être considerées que comme une mesure pour agir sur l'opinion, et tout au plus comme un moyen d'arrêter un parti, qui lors d'une attaque sérieuse parviendrait à pénétrer en ville sur un autre point.

A l'époque de la révolution, Varsovie se trouvait entourée d'une enceinte, construite pour empêcher la contrebande, et qui se composait d'un fossé et d'un épaulement d'environ deux pieds de commandement et autant d'épaisseur. Son tracé formait de longues lignes, sans aucun égard à la défensive, d'un développement d'environ neuf mille sagènes; sans compter la gorge, le long de la Vistule. Or donc, rien que cette simple enceinte eut exigée d'après les règles les plus élémentaires de la fortification de campagne, au delà de 60,000 hommes pour la défense.

Mais il était impossible de se contenter de cette enveloppe si simple, qui ne présentait pas de défense de flanc, et était loin d'être adoptée au terrain. On ajouta par conséquent d'abord des redans et des lunettes pour se procurer un flanquement et ensuite on s'étendit peu à peu, en comprenant dans le système de défense tous les objets qui à l'extérieur pouvaient offrir un couvert, ou présenter un obstacle. C'est

[1]) Le G-l Lewinski remplaca Lubinski dans les fonctions de Chef d'état Major G-l.

ainsi que l'on entoura de retranchements les habitations, les bouquets de bois.... on construisit des ouvrages partout où un mouvement de terrain semblait indiquer l'emplacement d'une batterie. Tous ces ouvrages furent construits d'après les règles consignées dans les livres qui traitent de cet art; on avait fait de très grands ouvrages; on avait deployé du talent et de l'intelligeance. Mais un principe fautif avait servi de base à tous ces travaux; on paraissait avoir tout à fait oublié de prendre en considération l'échelle sur laquelle ou travaillait, et le nombre de troupes dont on pouvait disposer pour la défense. Il aurait fallu adopter un système tout particulier pour le cas où l'on se trouvait, un système qui permet de défendre la ville avec le moins de troupes possible, en un mot un système de concentration, et non pas extensif, ainsi qu'on le fit. Il est vrai que l'on se serait alors trouvé dans la nécéssité de se resigner à des sacrifices, soit par des démolitions que l'on éxecuterait soi-même, soit par les ravages qui produiraient dans les habitations les batteries de l'ennemi, établies d'emblée à portée. Mais en pareille occasion il faut savoir faire des sacrifices partiels pour sauver le tout. A Varsovie on voulut tout couvrir et tout garantir et par là on se trouvait partout trop faible.

Le G-l Chlopicki, étant dictateur, avait pensé qu'il n'y aurait pas d'autre moyen de sauver Varsovie, que par une bataille, par conséquent il ne faisait pas grand cas de toutes les fortifications qui auraient pour but la défense immédiate de la ville. Mais il désira avoir à quelque distance en avant des points bien fortifiés qui procureraient la faculté d'appuyer une aile ou une partie de l'armée, et celle de manoeuvrer contre un adverseur supérieur, qui viendrait l'attaquer et chercherait à l'envelopper dans ces immenses plaines. D'après ces vues du G-l Chlopicki, on avait commencé à fortifier au coeur de l'hiver Krolikarnia, Rakowiec, Wola, le bois de Marimont etc. Peu à peu on construisit des ouvrages intermédiaires dans le but de former système—on en fit d'avancés dans le but d'éloigner encore les batteries ennemies de quelque poste important, et d'occuper quelque mouvement de terrain insignifiant, que l'on se plaisait à envisager comme une position. Les ingénieurs sont en général portés à voir partout des positions, et ils gagnent facilement le goût des remuements de terre. La ligne extérieure des fortifications de Varsovie finit par avoir l'immense développement de quinze verstes, sans compter la partie appuyée à la Vistule et Praga; et ces fortifications ne comptaient pas moins d'une soixantaine d'ouvrages isolés, à grandes dimensions, dont quelques uns, comme celui de Wola et le bois de Marimont, étaient à eux seuls des forts qui auraient exigés par quelques mille hommes de garnison chacun. Les lignes des ouvrages extérieurs avaient un bon relief, mais pour la plupart, étant à une distance de 300 à 400 sagènes entre eux, ils étaient depourvus de flanquements. Une petite partie seulement des fortifications avait pu être palissadée, quelques ouvrages avaient des blockhaus servant de corps de gardes. Ces travaux avaient été commencés sous la direction du G-l Malletski, mais bientôt ils passèrent aux mains de Kotaschkowski sous lequel fut employé le Colonel Koriot, et ils y gagnèrent.—Ces deux officiers du Génie étaient très instruits dans leur partie. Mais ils auraient eu besoin d'être dirigés dans leurs travaux par les vues d'un G-l en Chef qui connut la guerre et les fortifications aussi. Malheureusement Skrzynecki n'était d'aucune manière Général, et était de l'ignorance la plus profonde par rapport à l'art de l'ingénieur. Il laissa Kolaschkowski faire tout ce qu'il voudrait, et celui-ci, ignorant les vues ultérieures du commandant en chef, donna beaucoup trop de développement à ses travaux. Un vice radical avait encore présidé à l'armement de toutes ces fortifications. Outre l'artillerie de campagne de l'armée, on avait rassemblé environ 200 piéces de différents calibres pour la plupart en fer[1]), qui furent disseminés sur tous les ouvrages de Varsovie, sur la gorge et à Praga, de manière que nulle part elles ne présentaient une bonne batterie. Tandis que, comme on connaissait parfaitement la force de l'artillerie Russe, on pouvait être certain qu'une attaque commencerait par le feu concentré d'un grand nombre de pièces de position. Il fallait par conséquent, au lieu d'éparpiller toute notre artillerie, établir des batteries de 20 à 30 bouches à feu chacune, sur des points judicieusement choisis et bien fortifiés; sous la protection de l'enceinte et dans les intervalles préparer de grandes barbettes pour recevoir une soixantaine de pièces de réserve qui y arriveraient au moment même où une attaque se démasquerait, de manière à pouvoir opposer environ 200 pièces bien soutenues à l'attaque, quelque part qu'elle se présentât.

Le Comte Krukowiecki réunit un conseil pour délibérer sur le système à adopter pour la défense de Varsovie. Une fois qu'il avait été décidé que l'on ne livrerait pas bataille, et qu'en conséquence on avait envoyé l'expédition de Romarino, j'étais d'avis, et j'insistai pour que la défense fut concentrée, et que par conséquent l'on abandonnât la plupart des ouvrages de la première ligne, dont l'occupation pourrait nous entrainer à une bataille, où nous serions privés de l'appui de toute l'artillerie qui garnissait les fortifications principales, et dans laquelle bataille, deux ou trois redoutes ou lunettes, auxquelles notre ligne s'appuyerait, seraient loin de compenser l'absence des 20,000 hommes de Romarino.—Ma proposition

[1]) La relation Russe porte le nombre des pièces trouvées à Varsovie à 130.

fut soutenue par plusieurs membres du Conseil, mais aussi elle éprouva une forte opposition. Il paraissait trop pénible d'abandonner sans coup férir des ouvrages à peine terminés, et qui avaient couté tout de travail. On craignait, et non sans quelque raison, que les Russes ne s'emparassent de suite et n'y établissent des batteries qui porteraient le ravage au centre de la ville.

Bem, surtout, nommé récemment Général, et qui commandait l'artillerie, s'opposa fortement à cet abandon; et s'appuyant de l'expérience qu'il avait acquise au siège de Danzig, il demanda d'être chargé du commandement de la première ligne des ouvrages exterieurs, en se faisant responsable du succès. Les hommes croyent aisément à ce qu'ils désirent. L'opinion et la proposition de Bem convenait à Krukowiecki; il s'y rangea d'autant plus volontier que la brillante valeur que cet officier avait deployée en toute occasion donnait un grand poids à ses paroles[1]). Bem occupa avec de l'infanterie et du canon les ouvrages qui étaient palissadés, et dont la gorge le fut aussi, savoir: la lunette № 69, en avant de Potok; le bastion du grand ouvrage № 64 à la tête du bois de Marimont, l'ouvrage № 63 à Paryz. L'ouvrage № 59 entre Paryz et Wola, l'ouvrage № 57 en avant de Wola; le redoute № 54 entre Wola et Rakowiec. L'ouvrage № 81 en avant de la barrière de Jérusalem. La lunette № 76 entre les barrières de Jérusalem et de Mokotow. La lunette № 73 en avant de la barrière de Mokotow; enfin Krolikarnia. Tous ces ouvrages reçurent par quelques pièces d'artillerie et par deux compagnies d'infanterie, qui étaient relevées tous les deux jours. En outre quelques bataillons de réserve étaient commandés tous les jours pour être prêts à se porter au secours des points menacés. Toutes ces dispositions eussent été bonnes dans une véritable forteresse et sur une moindre étendue, mais c'était se méprendre étrangement sur la nature des choses que de les appliquer à Varsovie, et vu la manière dont se fait la guerre aujourd'hui. Chacun de ces ouvrages extérieurs eut exigé deux bataillons; leurs intermédiaires, qui n'étaient ni palissadés, ni fermés à la gorge furent abandonnés; on se réservait de s'en servir d'aprés les circonstances. Le fort de Wola, dont le réduit seulement était palissadé, eut exigé quatre mille hommes de garnison, il en reçut 1200. Si on avait voulu convenablement garnir tous les ouvrages, l'armée n'y aurait pas suffi, et il ne serait pas resté un seul bataillon de réserve. Il était clair que tout ce que l'on mettait dans ces ouvrages isolés à 800 et même mille sagènes de tout soutien, tomberait aux mains des Russes dès qu'ils seraient assaillis. Car, pour qu'ils pussent résister à une attaque d'armée il aurait fallu qu'une armée aussi accourut d'abord à leur secours; ce qui était impossible lorsque l'attaque eut lieu, ainsi que nous le verrons.

A l'époque où l'armée Polonaise avait marché sur la Bzura, il était resté à Varsovie 5 à 6000 hommes d'infanterie, formant les dépôts des régiments et quelques 4-mes bataillons aux ordres du G-l Czyzewski. Conjointement avec Kolachkowski j'avais réparti ces troupes dans les lunettes et redans appartenant à l'enceinte de Varsovie, sous les ordres d'officiers choisis. La garde nationale, nous lui avions assigné les barricades et les postes intérieurs pour servir de réserve et maintenir l'ordre en ville. Le nombreux bataillon du dépôt d'artillerie était réparti aux pièces. Tout cela faisait que la ville pouvait être considerée à l'abri d'un coup de main et hors de toute insulte des partis. Après le départ de Romarino, et lorsque l'armée Russe eut pris poste à Nadarzyn, je placai le corps d'Uminski (deux divisions d'infanterie et une brigade de cavalerie) entre la barrière de Mokotow et celle de Jérusalem en arrière des retranchements, et celui de Dembinski (une division d'infanterie et une brigade de cavalerie) dans le faubourg en avant de la barrière de Wola, la cavalerie de réserve à l'ancien camp, les 40 pièces, d'artillerie de réserve attelées campèrent près de Kosryki. Les Chefs de corps, séduits par l'appât d'augmenter leurs cadres, demandèrent instamment que tous les dépôts fussent incorporés dans les régiments. Mais cela aurait renversé d'un coup le système de défense de l'enceinte, que j'avais organisé depuis plusieurs semaines, avec lequel officiers et soldats s'étaient déjà bien familiarisés, et cela eut mis dans la nécessité de repartir les divisions à la défense des retranchements. C'était ce que je voulais absolument éviter; je voulais conserver les trois divisions d'infanterie ainsi que la cavalerie de réserve tout à fait indépendantes des fortifications et du service des gardes et des détachements—prêtes à être portées en masse et à l'instant au point d'attaque. J'empéchai donc la fusion demandée tant que je fus présent à Varsovie, mais je ne parvins pas à faire comprendre ou partager mes vues à ce sujet.

En attendant, les nouvelles que nous recevions du corps de Romarino et ses propres rapports nous prouvaient qu'il était fort au dessous du commandement qui lui était coufié, et où il ne suffisait pas de guerroyer pour le plaisir de faire la guerre, mais où il fallait absolument savoir obtenir en peu de temps de grands succès. Le Prince Czartoryiski qui avait suivi le quartier général de Romarino, et qui avait des vues très saines sur la guerre, écrivait tous les jours au Comte Krukowiecki dans le même sens et lui demandait avec instance de m'envoyer à cette armée. Le Président du Gouvernement s'y determina; il me donna l'ordre de me rendre auprès de Romarino, pour lui servir de conséil et il me fit porteur

[1]) Bem était non seulement brave; c'est un officier très instruit dans son arme et d'un caractère très doux.

d'une lettre pour le Prince, par laquelle il le priait de servir de conciliateur entre nous deux, Généraux, toutes les fois que nous ne serions pas d'accord. C'était une bien mauvaise combinaison; nous allons-voir comment elle fit avorter de grands succès que la fortune presentait encore aux Polonais dans ces dirniers moments. Une grande sottise que je commis pour ma part, ce fut de me charger d'une pareille commission par une sorte d'abnégation très deplacée; d'autant plus que je sentais parfaitement que j'allais me trouver dans une fausse position vis-à-vis de Romarino. J'aurais du déclarer que je n'irai pas à cette armée, à moins que ce ne fut pour la commander. J'étais dans une position à ne pas pouvoir être éconduit et, ayant récemment refusé et puis deposé le commendement en Chef de toute l'armée, j'étais bien à l'abri du soupçon d'ambition. Il est vrai que mes rapports avec Romarino eussent toujours été moins agréables que je l'avais proposé, car ayant goûté du commandement supérieur il se serait trouvé mortifié de la perdre, et il ne convenait pas de le mettre de côté parcequ'il pouvait être très utile en sous ordres et qu'il avait acquis une grande popularité parmi les régiments qui faisaient la guerre sous lui; en partageant non seulement les dangers, mais aussi toutes les fatigues et les privations du soldat, Romarino était un bon chef de brigade; Skrzynecki l'avait beaucoup trop élevé en le portant au commandement d'un corps d'armée. Romarino envisageait la guerre comme but, et il avait quitté Varsovie dans l'intention de la faire pour son compte, sans s'embarasser ni de Varsovie ni de l'armée du Maréchal, ni du corps de Rosen, ni de ses instructions; toutes ses pensées le portaient vers Zamość et il ne songeait qu'à aller guerroyer dans les environs de cette place, comme lors de l'expédition si inutile de Chrzanowski, dont il avait fait partie. Marchant donc commodément et à petites journées, il se dirigeait par Osieck sur Garvolin et Zelechów perdant tout à fait de vue le corps de Rosen. Tout cela eut été très bon, s'il se fut trouvé à la tête d'un faible corps de partisans. Mais Romarino oubliait qu'il avait près de 20,000 hommes d'élite.

Les Généraux Russes s'imaginèrent par la direction que prenait le corps sorti de Varsovie et dont ils ignoraient la force, qu'il était destiné pour la Volhinie. Le Général Rosen se proposa de le laisser courir, et lorsqu'il aurait passé, de se mettre entre ce corps et Varsovie, pour lui intercepter la retraite. Cette idée et cette détermination auraient dû être l'arrêt de la perte du G-l Rosen.

En me rendant au corps du G-l Romarino, entre Praga et Osieck, je faillis être enlevé avec mes trois aides de camp par des patrouilles Russes. Cette rencontre me prouva clairement que Rosen se trouvait déjà en retard sur la chaussée; que déjà il etait compromis; il n'y avait qu'à se rabattre sur lui avec rapidité, et son corps était anéanti; nous estimions sa force à environ douze mille hommes avec une trentaine de bouches à feu. Alors Brest Litowski tombait en nos mains sans coup férir. Je me pressai d'arriver auprès de Romarino. Je le rejoignit le 14 (26) Aout; au moment où, quittant son camp de Garwolin, sa colonne venait de prendre la route de Zelechów. Cette direction était fausse, elle était décousue; elle nous éloignait de notre prémier but, qui devait être le corps de Rosen. De Garwolin il aurait fallu marcher par la route de Borowic, et une rencontre aurait eu lieu infailliblement le lendemain à Prawda, car Rosen approchait par Latowicz. Nous eûmes de prime abord une discussion avec Romarino, au sujet de la direction prise; je dus céder pour ne pas le deconsidérer aux yeux des troupes, en leur faisant éxecuter une contre marche de mon arrivée.

Depuis, ce fut moi qui dictai les ordres de mouvement au Comte Ladislas Zamoyski, chef d'état major de l'armée, mais on mit constamment dans l'exécution une indolence et des retards qui nous firent plusieurs fois manquer le corps de Rosen qui était à nous si on avait manoeuvré avec précision. J'ai tout lieu de croire que c'était un effet de la mauvaise humeur inspirée à Romarino pour mon arrivée, mais peut-être le relâchement des liens de la discipline qui s'était généralement introduit dans l'armée Polonaise y contribuait aussi. Peut-être Romarino n'était-il pas homme à apprecier la valeur des heures au milieu d'une opération, ayant uniquement en vue l'aisance de la troupe. Chaque régiment avait quelques pièces de bétail qui suivaient; on s'en pourvoyait en chemin; c'était une maraude organisée, mais à celà il n'y avait pas de remède. Bientôt on trouva dans chaque ville abandonnée par les Russes, des magasins d'eau de vie, de biscuits, de légumes et de farine qui furent très utiles.

Le 15 (27) Aout, de grand matin, le piquet de cavalerie d'avant-garde Polonaise d'un nouveau régiment rencontra à Zélechow de la cavalerie Russe et la chargea, lui fit une trentaine de prisonniers et intercepta en outre un courrier, porteur de dépêches très importantes adressées au Général Rosen. Elles nous apprirent que le G-l Ridiger, n'ayant laissé qu'une brigade de cavalerie dans le Palatinat de Lublin, se disposait à y revenir avec tout son corps dès que les Polonais se seraient montrés sur la rive gauche du Wieprz.—Rosen devait toujours être en mesure de leur couper la retraite de Varsovie. Les dépêches parlaient encore de mortiers qui devaient être en route de Kamieniec, pour l'attaque de Varsovie. D'après ces données je projettai nos opérations. Elles n'apportaient aucun changement à la première, dont le but devait toujours être l'anéantissement de Rosen.

Après un court repas à Zéléchow nous allâmes coucher à Slanin et à Kozuty. Rosen campa à Prawda, nos éclaireurs de gauche rencontraient ses avant postes et ses patrouilles. Nous l'avions dévancé; le moment était venu de frapper, il fallait faire un effort.

Le 16 (28) Aout, on se mit en marche beaucoup plus tard que je ne l'avais ordonné. On arriva à Lukow vers les dix heures. A tout moment des habitants de toutes les classes arrivaient pour signaler la marche forcée que les Russes exécutaient de leur côté, parallélement à la nôtre, de Prawda par Roza, Jagodno et Grinkowka. Rosen s'était enfin aperçu du danger qu'il courait.

Je fis la disposition que les troupes prendraient une heure de repos à Lukow, et se metteraient en marche á onze heures sur Krynki. Une colonne secondaire, commandée par le G-l Konarski, devait marcher par Trzebuska pour arrêter la tête de la colonne Russe, si elle aurait déjà passée. Nous étions assez forts pour nous permettre ce détachement. D'ailleurs Konarski avait reçu l'injonction, s'il entendait un combat sur sa gauche, de marcher au canon. Après avoir laissé ces dispositions au Comte Zamoyski, impatient de connaitre ce qui se passait, je me rends aux avant-postes dans la direction de Krynki, où je vis bientôt défiler tout le corps de Rosen à travers les champs. Un camp s'établit en arrière du village de Krynki. J'envoyai tous mes officiers pour presser la marche des troupes.... Ce ne fut qu'à quatre heures du soir que Romarino se mit en mouvement. Je me mis à la tête de l'avant-garde, dès qu'elle fut arrivée, et j'attaquai avec impétuosité, mais ce n'était plus qu'une arrière-garde commandée par le G-l Golowin. Le gros du corps avait filé sur la chaussée.

Golowin se mit promptement en ratraite. Je tournai le village et un bois. Un bataillon Russe se trouva en retard, il fut chargé par le G-l Gowronski à la tête des chasseurs à cheval du 2-me et canonné par l'artillerie à cheval [1]). Néanmoins il s'en tira très bien, repoussa la charge et rentra en ligne. Romarino était venu me joindre; il prit le commandement à gauche et moi à droite. Nous poussâmes Golowin avec vivacité jusque bien en avant dans la nuit. Nous lui fûmes essuyer quelques pertes légères sans parvenir toutefois à l'entamer. Le combat s'était terminé au delà du village de Zembry. Je tenais à parvenir jusqu'à la chaussée pour ne pas laisser le loisir aux Russes de détruire un pont sur un marais ce qui nous nous eut arrêté. Je fis marcher le G-l Zawadski avec quelques bataillons. Mais nous eûmes l'imprudence, Romarino et moi, de les dévancer avec un peloton d'escorte du 3-me de lanciers. Les Russes s'occupaient effectivement de la démolition du pont, et pour couvrir ce travail ils avaient deployé quelques bataillons, commandés par le G-l Fézi, qui étaient sous les armes dans le silence le plus parfait. Nous arrivâmes jusque sur cette infanterie et nous en recûmes une salve à bout partant, qui ne tua il est vrai qu'un seul homme, mais les chevaux des lanciers effrayés prirent les mors au dents et nous entrainerent à leur fuite. Romarino fut jetté dans un marais et mon cheval s'étant abattu, plusieurs cavaliers me passèrent sur le corps et me foulèrent impitoyablement. J'eus, néanmoins, bientôt rejoint Zawadski, et je conduisis son infanterie au passage. Fézi était parti sans avoir achevé la démolition du pont.

Romarino, le Prince Czartoryiski et moi, nous nous réunîmes au bivouac, pour décider ce qu'il y avait à faire. Voici ce que je proposai et qui fût adopté. L'opération contre Rosen paraissait manquée puisqu'il avait regagné la ligne d'opération et qu'on ne pouvait plus l'empêcher de se retirer à Brześć. Il devenait inutile de courir après lui avec toute l'armée. Or donc il ne devait être suivi que par une avant-garde commandée par le G-l Konavski, qui le pousserait autant que possible. Le G-l Zawadski marcherait sans perte de temps par Kock, dans le Pt. de Lublin, pour faire repasser le Général Ridiger sur la rive droite de la Vistule, ainsi qu'il l'annonçait dans sa dépêche, ce qui affranchirait le Pt. de Sandomir et procurerait à Rozycki la faculté de venir s'établir sur la Pilica et d'inquiéter les derrières et les communications de l'armée du Maréchal. Avec le gros de l'armée nous nous tiendrions entre Miedzyrzec et Lukow pour protéger l'approvisionnement de Varsovie et tomber avec rapidité sur le premier des deux généraux Russes qui offriraient quelque prise. Un corps volant de quelques cents hommes, aux ordres du Colonel Szczaniecki dût être envoyé entre le Wieprz et le Bug vers Chelm, pour intercepter les communications de l'armée Russe par le midi; celles par le Pt. de Plock se trouvaient déjà au pouvoir du Général Lubinski.

Le mouvement d'après cette disposition commença le matin du 17 (29) Aout. Zawadski marcha sur Lukow et Konavski sur Miedzyrzec. Mais, arrivé devant cette ville, ce dernier y éprouva une forte résistance. Nous nous rendîmes avec Romarino sur le terrain et nous nous convainquimes bientôt que nous avions en présence tout le corps de Rosen. C'était encore une bonne fortune que le sort nous offrait. Miedzyrzec se trouve au confluent de deux rivières marécageuses. L'accès de cette ville dans la direction où nous arrivions était défendue par un marécage, bordé de grands arbres, mais de peu d'étendue, et

[1]) Il est vrai que c'était la batterie la moins bonne de l'armée Polonaise nouvellement formée, et n'ayant que des pièces de 4.

par conséquent facile à tourner. En outre, la chaussée faisant en cet endroit un angle très prononcé, dont le sommet se trouve à Miedzyrziec même, on pouvait, par un chemin de travers, gagner facilement la ligne de retraite du G-l Rosen. D'après cela nous arretâmes nos dispositions. Toute la division Bielinski et la plus grande de la cavalerie, en tout dix mille hommes, avec 24 bouches à feu, fûrent dirigés de Tluseicé à la traverse, sur Rogoźnica. Des bois couvraient cette marche aux yeux des Russes, et pour les occuper, je devais rester avec la brigade, que Sierawski avait conservé après le départ de Zawadski, et avec Konarski, en tout, près de 5,000 hommes et deux pièces pour la plupart d'artillerie légère, échangeant des coups de canon avec Rosen. Romarino se chargea d'aller se mettre à la tête des troupes qui marchaient sur Rogoznica, et dès qu'il serait arrivé à ce village, il devait se rabattre en masse sur Miedzyrziec. Alors moi, abandonnant la chaussée, j'éxecutais un mouvement par le flanc gauche, par lequel j'arriverai former la droite de l'ordre de bataille, et sans balancer, nous tombérions avec toutes nos forces sur Rosen. Ceci convenu, et Bielinski étant en marche, Romarino me quitta pour aller le rejoindre. Au moment de nous séparer, je parlai à son coeur, je lui tendis la main pour prendre l'engagement de nous seconder franchement. Cependant à peine m'eut il quitté qu'il change d'idée. Il se propose de faire revenir le détachement de Zawadski, auquel il envoit l'ordre de rebrousser chemin, et remettant la partie, jusqu'au retour de ce dernier, il va se coucher tranquillement dans une grange du village de Tluseicé. Et il ne juge seulement pas à propos de m'informer de sa nouvelle résolution, et n'envoit aucune instruction à Bielinski. Voici ce qui arriva.

Rosen avait commis la faute de placer un échelon assez considérable sous les ordres du G-l Werpachowski, au village de Rogoźnica, dans l'idée erronée de défendre son chemin de retraite [1]). Ce détachement se composait des régiments d'infanterie de Volhinie et de Zamość, du 47-me de chasseurs et de deux escadrons de chasseurs avec 4 pièces d'artillerie. Le colonel Rychlowski, formant avec le 5-me régiment d'infanterie l'avant-garde de Bielinski, arrive à ce village et attaque avec impétuosité. Schneider de son côté charge avec le 2-me de Chasseurs à cheval. En moins d'une heure de combat, le détachement de Werpachowski est complétement défait. Ce général lui même est pris avec des officiers de tous grades, un drapeau et 800 hommes. Le reste a été tué ou dispersé, 4 pièces se sauvèrent à grande peine ver Brzeć, avec les débris de ce détachement qui devait succomber dans sa position isolée, et qui offrait si bien prise; et sa défaite affaiblissant d'autant le corps principal facilitait la destruction de celui-ci, qui était devenue inévitable, si seulement Romarino l'eut voulu. Bielinski arrive avec le reste des troupes, prend position à Rogoznica et attend des ordres. Ce combat fut très brillant pour les Polonais. Leur perte était insensible, excepté toutefois que le brâve Rychlowski fut blessé d'un coup de fer.

Au bruit du feu roulant d'infanterie et d'artillerie de Rogoznica, je crois que Romarino est engagé avec tout le corps de Rosen en retraite et que je n'ai devant moi qu'une arrière-garde. Je commence à l'instant mon mouvement par le flanc gauche, et je presse la marche, voulant prendre part à la fête. Mais à peine ai-je tourné le marécage, que voilà Rosen qui s'avance contre moi de Miedzyrziec avec les 9,000 hommes qui lui restaient, et ouvre le feu d'environ 24 bouches à feu de position [2]). Le combat sur ma gauche avait cessé, je dois m'attendre à voir déboucher à chaque moment les 10,000 hommes de Romarino, Rogozniza n'étant qu'à cinq verstes de moi, et dès qu'il arrivera, un coup de collier que nous éxécuterons avec ensemble, assurera la perte de Rosen qui a derrière lui la ville, et un long defilé, et il sera perdu d'autant plus sûrement, si je m'en gage avec lui. Or, je ne balance pas à accepter le combat. Cependant personne ne paraissait. C'est en vain que j'envoie à Romarino tous mes officiers [3]). Il reste impassible à mes demandes, et indifférent au feu de mon combat qu'il entend. J'eus donc seul à soutenir jusqu'à la nuit les efforts de Rosen, qui furent bien rudes pour moi, surtout à cause de la supériorité de son artillerie, qui me démonta deux pièces et fit sauter un caisson. Heureusement encore qu'un pli du terrain m'avait permis de placer les troupes tant soi peu à l'abri.

Que faisait donc Romarino en attendant? Le voici. Les bruits des deux combats qui se livraient si près de lui le reveillèrent enfin. Il monta à cheval et se dirigea sur Rogoźnica. En chemin il rencontra à Mien Werpachowski et les prisonniers. Il poussa encore jusqu'à Rogoźnica, gratifia les vainqueurs d'un éloge, et retourna tranquillement à son village de Tlusiec, comme s'il était sourd pour mon combat qu'il entendait toujours encore [4]).

---

[1]) C'était déjà une grande faute de s'arrêter à Medzyrziec, ce point étant hors de la ligne de retraite.

[2]) La 1-re Batterie de position de la 25-e brigade, et la compagnie d'artillerie à cheval № 32 dirigées par le G-l Schouschérine.

[3]) Maurice Hauke, Lesniewicz et jusqu'à son chef d'état major le Comte Ladislas Zamoyski.

[4]) Je ne veux pas supposer que Romarino eut désiré me faire battre.

Je passai la nuit aux avantpostes. Je me doutais que les Russes profiteraient de la nuit pour se retirer. Pour m'en convaincre, j'envoyai le Prince Sangoushko parlementer. Son rapport me prouva que ma supposition était fondée. J'envoyai le C-te Zamoyski vers Romarino pour l'en informer et pour qu'il fit marcher de suite des colonnes d'infanterie pour entamer au moins l'arrière-garde, empêcher l'évacuation de la ville et enlever peut-être de l'artillerie.

Il était huit heures du matin lorsque les Polonais occupèrent Medzyrziec. L'arrière-garde Russe venait de partir.

Rosen avait fait le chemin de Lomazy et Piszczac. Il avait donc un circuit à faire et par de très mauvais chemins pour gagner Brześć, qu'il ne pourrait en aucune façon abandonner à la merci des Polonais. Nous étions maitres de la chaussée et le gros de nos troupes campait à Rogozniza, par conséquent nous pourrions primer Rosen de vitesse, même sans faire de grands efforts. Il suffisait pour cela de marcher sans perte de temps, et on le pouvait puisque les troupes étaient reposés. Mais Medzyrziec est une propriété des Czartoryiski. Le Prince Adam voulut traiter l'Etat major; ce malheureux diner contribua à sauver Rosen qui encore devait être à nous. Il n'y eut pas moyen de faire partir Romarino avant quatre heures du soir; on arriva par consequent tard à Biala.

Le lendemain 19 (31) on partit encore tard et comme les Russes avaient détruits les ponts sur la chaussée, on prit la direction sur Piszczac. Notre tête de colonne déboucha sur le chemin venant de Lomazy quelques instants après que Rosen eut passé. Lui ne s'était pas amusé en chemin pendant deux nuits et un jour, il avait forcé de marche. Il était en sûreté.

Nous nous réunimes en conseil.

Notre opération contre Rosen était décidément manquée. Le projet de faire évacuer le Palatinat de Sandomir à Ridiger l'était également, puisque Romarino avait enmené le détachement de Zawadski. Nous ne pouvions être éxcusables d'entrainer 20,000 hommes aussi loin de Varsovie qu'à condition de remporter de très grands avantages. Mais puisque pour le moment, nous en avions laissé echapper la possibilité, il ne nous restait que de nous rapprocher sans aucune perte de temps de Varsovie, afin de pouvoir concourir à sa défense, jusqu'à ce que Rosen, ou Ridiger nous présentassent quelques nouvelles chances de succès, dont il faudrait alors mieux profiter que nous n'avions fait jusquelà. Les troupes n'avaient fait dans cette journée qu'une marche d'environ 14 verstes, j'insistai donc pour que ce jour même nous revenions à Biala et que sans tarder nous marchions à Varsovie, laissant seulement une arrière-garde pour protéger l'arrivée des vivres.

Nous étions encore au conseil, lorsque le Comte Rzewuski, aide de camp du général en chef, arriva apportant à Romarino l'ordre précis de retourner à Varsovie. Il n'y avait donc plus à balancer. Si nous avions marché à l'instant même, nous serions arrivés à temps pour l'assaut de Varsovie et il n'y a pas de doute qu'une aussi belle réserve, débouchant inopinément sur les colonnes d'attaque, eut pu donner une nouvelle tournure aux évenements.

Mais Romarino sentait que c'était par ses fautes que Rosen et Brześć nous étaient echappés. Il était peut-être inquiet de la responsabilité qu'il avait encourue. Il avait un espoir vague qu'en poussant jusqu'à Brześć, il trouverait peut-être l'occasion de se corriger. Enfin il refusa positivement d'obéir et déclara qu'il marcherait le lendemain sur Terespol. Alors je lui déclarai à mon tour, que moi, je ne voulais pas avoir ma part de responsabilité pour toutes les fautes qu'il accumulait et pour sa désobéissance, qui pourrait entrainer de très grâves suites, que par conséquent j'allais retourner à Varsovie où je ne manquèrai pas de faire mon rapport au Président du Gouvernement. Je fis la même déclaration au Prince et à Monsieur Zamoyski, et je partis.

Quant à Romarino, il marcha donc avec toutes ses forces à Terespol, dont il s'empara facilement le 21 Aout (2 Septembre). Rosen se retira à Brześć et brula le pont, en dirigeant un grand feu d'artillerie sur Terespol. Romarino après avoir perdu deux jours se met enfin en marche à petites journées sur Varsovie. Il se trouvait à Kaluszyn lors de l'assaut. On voit que le Général Romarino a été une des principales causes de la catastrophe des Polonais. Mais ses torts ne finissent pas ici. Nous lui en verrons encore de très grâves après la chute de Varsovie, des torts inéxcusables dans un militaire, et qui feront le plus grand mal aux Polonais, pour lesquels Romarino aura été dans ce dernier temps un mauvais génie pour eux.

Pendant mon absence de Varsovie, et Kolashkowski étant tombé malade, on fit dans les dispositions de défense quelques changements funestes. Les Chefs de corps revinrent à la charge pour obtenir l'incorporation des dépôts, et n'eprouvant cette fois ci aucune opposition ils l'emportèrent. L'organisation de l'armée fut modifiée [1]). Uminski reçut le commandement de toute la gauche et Dembinski celui de la droite, chacun depuis la barrière de Jerusalem jusqu'à la Vistule. Leurs troupes furent eparpillées dans

---

[1]) Ci joint la situation de toutes les forces polonaises à cette époque.

l'immensité des ouvrages. A peine resta-t-il par ci par là quelques bataillons isolés pour servir de réserves. De cette manière les Polonais devinrent faibles partout, et au jour du combat ne se trouvèrent nulle part en état d'opposer une forte résistance.

L'armée Russe avait pendant ce temps couvert ses camps de quelques retranchements et avait travaillé aux préparatifs de l'assaut. On prépara une grande quantité de fascines, de gabions et d'echelles, on exerça les troupes à employer tous ces objets.

Des reconnaissances eurent lieu des deux côtés et occasionnèrent quelques engagements insignifiants. Le plus remarquable eut lieu le 12 (24) Août. Il fut entrepris dans la direction de Raszyn par Uminski. Les Russes déployèrent contre lui des forces supérieures, il se replia et fut suivi jusque sous le feu de a redoute № 54 qui fit rétrograder les Russes.

Dans la nuit des sapeurs, appartenant au corps du g-l Rosen, avaient fait une tentative pour détruire le pont. Ils arrivèrent sur des nacelles avec le courant, se mirent à couper les câbles qui amarraient les bateaux et à mettre le feu au pont. Les sapeurs Polonais commis à sa garde accoururent et firent échouer cette téméraire entreprise. Plusieurs sapeurs Russes furent tués ou noyés; le reste parvint à s'echapper en s'abandonnant au courant du fleuve.

Le 11 (23) Aout, le Maréchal fut informé qu'un corps avait marché vers Siedlce.

Le 24 Aout (5 Septembre) le dernier échelon des troupes du Général Kreutz rejoignirent l'armée. Avant de livrer l'assaut, dont l'issue pouvait lui paraitre douteuse, le Maréchal essaya de faire des propositions d'arrangement. Une lettre du Comte Witt adresée au Comte Krukowiecki demandait une entrevue pour le Général Dannenberg avec lui-même ou bien avec une personne de confiance de la part des Polonais.

Je venai d'arriver à Varsovie de chez Romarino.

Le Président du Gouvernement décida que je devais repartir le jour même, mais cette fois ci pour prendre le commandement de l'armée expéditionnaire. J'aurais refusé d'y retourner autrement, ne voulant pas être le témoin de fautes commises journellement, sans avoir l'ascendant d'y remédier. Mais au moment où j'allais partir, Krukowiecki recevait la lettre du Comte Witt. Il suspendit mon départ et me chargea de l'entrevue avec le G-l Dannenberg, dont le choix était fait pour inspirer de la confiance. En effet Dannenberg avait demeuré bien des années à Varsovie, et y était connu comme un officier très instruit, devoué à l'Empereur et parfaitement honnête homme.

J'allai prendre mes instructions au Conseil des ministres; elles furent très courtes. On m'enjoignit d'écouter les propositions que l'on ferait, et de répondre que j'étais uniquement chargé d'en faire le rapport, mais que je ne pouvais donner aucune réponse. A côté de cela on me chargeait d'entrer en conversation avec le G-l Dannenberg et de le sonder au sujet des conditions que l'on était disposé à accorder aux Polonais. On désigna deux officiers pour m'accompagner.

Mon entrevue avec le G-l Dannenberg eut lieu dans la soirée du 23 Aout (4 Septembre) aux avant postes. Nous eûmes une conversation de plusieurs heures, qui me convainquit que Dannenberg était pénétré du désir de concilier les intérêts de son souverain avec ceux d'une nation malheureuse, qu'il avait appris à connaitre, et pour laquelle il ne pouvait peut-être s'empêcher d'éprouver quelque interêt. Voici le resumé de ma conversation avec lui. Il fallait comme de raison reconnaitre Sa Majesté pour Roi. Ensuite Dannenberg ne conseillait pas de trop insister sur la réunion de tous les Gouvernements Polonais. Après cela, disait-il, vous obtiendrez toutes les conditions que vous pouvez désirer.

Je revins dans la nuit à Varsovie, et j'en employai une partie à rendre compte au Président du Gouvernement du résultat de ma mission. Dès le matin le Conseil s'assembla. Le Président y avait appelé outre tous les ministres, qui y siégaient de droit, le Président du Sénat, le Maréchal de la diète, et le Général faisant fonction de Commandant en Chef. Je dus venir répéter par devant le conseil mon rapport. On convint que le Président repondrait au Maréchal et Monsieur Bonaventure Niemoiewski [1]) rédigea la minute d'une lettre qui aurait pû etre bonne si l'armée Polonaise se fut trouvée victorieuse à Orsza, mais qui me parut inconvenante dans l'extrèmité où nous nous trouvions réduits.

Je me permis de le dire au Conseil, quoique je n'y eusse d'autre voix que celle que me donnait la circonstance de ma mission. Je représentai que nous n'étions nullement dans une position à brusquer le Maréchal, qui avait une réputation de vivacité, qui avait déjà le pays en son pouvoir et pouvait encore d'un moment à l'autre devenir le maitre de Varsovie. J'étais d'avis qu'il fallait saisir aux cheveux l'occasion que nous présentait l'ouverture par lui faite, pour sortir avec quelque honneur d'une guerre qui ne nous presentait plus aucune chance de succès. Enfin, que des négociations, si même elles ne réussissaient pas, auraient au moins l'avantage de gagner le temps nécéssaire pour faire revenir le corps de

[1]) Il ne faut pas le confondre avec son frère M-r Vincent Niemoyewski ci-devant membre du Gouvernement. Ce dernier a eu toujours la réputation d'un homme probe et droit.

Romarino, dont l'opération étant manquée, il n'avait rien de mieux à faire que de se rapprocher de Varsovie pour pouvoir concourir à la défense de cette ville. Mon avis fut appuyé par le Prince Michel Radziwill, Leon Débowski, ministre du trésor, le castellan Gliskczynski, ministre de l'intérieur, et le Comte Krukowiecki lui-même. Tout le reste du conseil opina pour l'envoi de la lettre [1]) et le G-l Krukowiecki, quoiqu'il ne fut nullement tenu à se conformer à l'opinion de la majorité, la signa en déclarant qu'il le faisait contre son opinion personnelle.

Cette lettre la voici.

Monsieur le Maréchal,

Je me suis empressé, conformément aux voeux de Votre Excellence, d'envoyer le 3 du courant à l'endroit indiqué le Général de division Prondsinsky, pour recevoir les communications que Votre Excelence voulait bien me faire par le Général Dannenberg.

J'ai appris à la suite de cette entrevue, que V. E., désirant mettre fin à une guerre, qui depuis neuf mois fait couler des torrents de sang, avait manifesté l'intention de faire des propositions qui pourraient terminer cette lutte.

Animé également de l'amour de la paix, j'ai l'honneur de prévenir V. E. en qualité de Président du Gouvernement Polonais, que mes pouvoirs, étant limités par les manifestes et les décrets de la Nation représentée dans la diète, je ne puis traiter qu'en tant que cela ne soit contraire aux décisions de la diète qui m'a honorée de sa confiance.

Les Polonais ont pris les armes pour l'indépendance nationale dans les limites qui les séparaient anciennement de la Russie. Le Gouvernement National s'attend à être informé de la part de V. E. jusqu'à quel point Sa Majesté l'Empereur de Russie voudra bien adhérer à leurs voeux.

Recevez etc. etc.

(Signé) Le Président du Gouvernement National, Général d'Infanterie *Krukowiecki.*

Cette malheureuse missive fut envoyée sur la proposition de Niemoyewski par le nonce Tyszkiewicz. Elle parvint au Maréchal au moment où l'armée Russe se mettait en mouvement; elle ne produisit d'autre effet que celui de l'exaspération. Quant à moi je dus rédiger par écrit pour le Conseil un rapport circonstancié et assez inutile, sur ma conversation avec le Général Dannenberg, ce qui me prit le reste de la journée.

Dans la soirée de ce jour 23 Aout (5 Septembre) les rapports de l'observatoire apprirent que toute l'armée Russe quittait ses camps des environs de Nadarzyn, se mettait en mouvement sur plusieurs colonnes et venait se placer vis à vis de Wola à la nuit tombante.

CHAPITRE DIXIÈME.

Chute de Varsovie.

L'armée Russe acheva son mouvement pendant la nuit, et vint se placer à cheval sur la chaussée de Lowicz; le 1-er corps de Pahlen à gauche, le 2-me de Kreutz à droite. A l'aile droite les régiments de grenadiers de Louzk et de Samogitie et celui des carabiniers de Nieswiecz fûrent dirigés contre le village de Rakowiec, qui toute fois n'était pas occupé. Quatre bataillons et une partie de la cavalerie eurent ordre d'agir de Sluzewo contre Krulikarnia. La 1-re et la 2-me division de grenadiers formaient la réserve du 1-er corps et le corps de la garde celle du 2-me. Mille volontaires pris dans les régiments d'infanterie de la garde furent répartis à la tête des colonnes d'attaque.

En parcourant pendant cette nuit les fortifications, j'acquis la conviction qu'il n'y avait moyen de songer à de nouvelles dispositions; c'eut été mettre tout en désordre. D'ailleurs il aurait fallu pour cela aller en ville chercher Krukowiecki, ne pouvant faire à son insu un tel revirement.

Il n'y avait plus de temps pour tout cela. Je savais parfaitement que les redoutes isolées, distantes à 800 sagènes les unes des autres, qui allaient être les premières assaillies, ne pouvaient en aucune façon

[1]) Après la prise de Varsovie, j'ai eu l'occasion de parler sur cet objet avec plusieurs de ces M. M.; chacun s'éxcusait du vote émis en cette occasion, prétendant qu'il avait seulement suivi l'opinion de la majorité. Dans le fait ils étaient influencés pour la plupart par la peur que leur inspirait le souvenir de la nuit du 3 (15) Aout.

résister à la tempête qui s'amoncelait contre elles. Je m'approchai à la pointe du jour de l'ouvrage détaché en avant de Wola № 57, avec la certitude du désastre que nous allions essuyer.

A peine le jour fût-il bien développé, que les colonnes Russes, approchant les quelques pièces d'artillerie qui se trouvaient dans les redoutes №№ 54 et 57 tirèrent sur elles. Mais bientôt 200 pièces d'artillerie Russe de position, ouvrant leur feu à la fois, les eurent réduites au silence, et inondèrent ces ouvrages de projectiles, et même les intérmediaires №№ 55 et 58, qui n'étaient pas occupés. Bientôt les colonnes d'attaque se mirent en mouvement et emportèrent assez facillement les deux redoutes où les faibles détachements Polonais se trouvaient comme perdus. Ils furent passés par les armes. On fit peu de prisonniers. Le détachement Polonais qui occupait la redoute № 54, voyant l'ennemi dans l'intérieur de l'ouvrage, et toute résistance inutile, se fit sauter avec le magasin à poudre. Beaucoup de Russes périrent par l'explosion.

J'avais rejoint le G-l Malachowski en arrière de Wola qu'il fallait songer à soutenir. Nous envoyames plusieurs aides de camp chez Uminski, pour qu'il envoyât ses réserves, et d'autres presser l'arrivée de l'artillerie de réserve. Uminski, inquiété par les démonstrations faites sur Rakowiec et Krolikarnia pour la partie des fortifications qui lui étaient spécialement confiées, n'obéit pas. Ce ne fut que lorsque Krukowiecki arriva avec son état major devant la barrière de Jerusalem, et qu'on se fut bien convaincu que c'était sur Wola que les Russes avaient dirigés leur seule attaque véritable, qu'il y fit marcher quelques bataillons de l'aile gauche, mais il était trop tard. Bem aussi arriva trop tard avec les quarante pièces d'artillerie de réserve. Les Russes emportaient précisément Wola, après l'avoir canonné quelque temps, et de plusieurs côtés, avec leur nombreuse artillerie.

Wola était défendue par le respectable Général Sowinski (qui avait instamment demandé le poste du danger) douze pièces et environ 1,200 hommes. C'était beaucoup trop peu pour des fortifications aussi étendues et qui, à l'exception du réduit, n'étaient pas palissadées et avaient en général un faible relief.

Mais encore faut il dire que la défense fut molle. Les troupes Polonaises, chefs et soldats, n'avaient plus qu'un courage passif, celui de ce faire tuer; mais il n'y avait guère d'élan, parcequ'il avait été anéanti par un déplorable commandement de cinq mois et une série de revers. Les Polonais étaient là avec la résignation de succomber et avec la conviction qu'on était au dénouement de la tragédie. Tandis que les troupes Russes marchaient à l'attaque avec un aplomb parfait et avec le sentiment d'une victoire qui terminerait la guerre, l'issue ne pouvait être douteuse. Au reste l'éparpillement des troupes polonaises qui ne permettent pas d'opposer une masse aux assaillants, secondait à merveille la disposition générale des esprits.

Le fort de Wola, enveloppé par les Russes, fut enlevé après une courte résistance; la majeure partie de la garnison fut tuée avec son brave commandant. Alors la ligne Russe se forma à la hauteur des ouvrages conquis et il s'établit une forte canonnade qui dura jusque vers le soir. Les colonnes Russes entrainées par le succès, s'élancèrent à plusieurs reprises de Wola, et arrivèrent jusqu'aux premières maisons du faubourg. Mais nous étions là avec Malachowski et nous y avions réuni des moyens de défense. Chaque fois les Russes furent repoussés avec des pertes sensibles, même en prisonniers. Dans cette journée j'eus deux chevaux de tués.

Vers le soir le C-te Krukowiecki s'était rendu au palais du gouvernement où le conseil était assemblé. Les événements de la journée avaient bien changé les dispositions de ses membres. On reconnaissait généralement la necessité de plier. Même les plus exaltés, Bonaventure Niemoyewski et Teodor Morawski, se taisaient tristement. On convint qu'il fallait sans perte de temps envoyer vers le Maréchal. On me fit chercher. Lorsque je fus arrivé, le Comte Krukowiecki me témoigna que je devais me rendre chez le Maréchal Paskiewitsch avec la lettre suivante:

Monsieur le Maréchal.

Le sang des braves a coulé de nouveau aujourd'hui. Des milliers de victimes sont encore tombées; il est de mon devoir de demander quelles sont les bases sur lesquelles Votre Excellence est autorisée de traiter, pour que je puisse juger jusqu'à quel point ces conditions s'accordent avec les intérêts et l'honneur de la nation Polonaise.

Recevez etc. etc.... (Signé:) *Krukowiecki.*

Le 6 Septembre.

Je déclarai au conseil que c'était se faire étrangement illusion sur la situation des affaires, que de s'imaginer qu'on peut leurrer le Maréchal avec des propos si vagues. Qu'aller se présenter à lui après la lettre qu'on lui avait envoyé l'autre jour et son succès d'aujourd'hui était une mission bien amère;

que néanmoins je me résignerai à vider cette coupe d'amertume, si par là j'avais la possibilité de procurer quelque bien à mes compatriotes, mais aller se présenter au Maréchal seulement avec la lettre que l'on me donnait, ce serait provoquer sa mauvaise humeur et sa hauteur, augmentée par la première lettre et par le combat du jour; et je ne me souciais nullement d'aller me faire brusquer sans aucune utilité. J'ajoutai en outre qu'il était temps enfin de se faire une raison sur notre position, qu'il n'y avait pas à penser à aucun rapprochement si on ne prenait franchement la résolution de reconnaitre l'Empereur pour notre souverain. Si on ne voulait pas de cela, il fallait se prononcer, mais sans hésiter, et alors nous ferions nos dispositions funèbres; mais que moi bien certainement je ne me chargerai d'aucune négociation qui n'aurait pas pour base la reconnaissance de l'Empereur.

Alors le Comte Krukowiecki me dit, que si j'en voyais la nécéssité, il m'autorisait à déclarer au Maréchal, que cette reconnaissance serait la base d'un arrangement. Il est vrai, ajouta-t-il comme par reflexion, que la diète ne m'en a pas encore donné l'autorisation; mais je l'ai demandée aux commissions, qui me l'ont promise pour demain de grand matin. Tout le Conseil acquiéşçait aux paroles de son président. Il y avait cependant M. M. Bonaventure Niemoyewski et Teodor Morawski qui prenaient des restrictions mentales contre cette mesure. Je fis demander au Maréchal de me recevoir. Le parlementaire prit une fausse direction dans les ténébres; on le promena dans l'armée Russe, et ce ne fut qu'à la pointe du jour que je reçus la réponse, que le Maréchal m'attendait à Wola.

Il me reçut en présence de son Altesse Impériale et du Général Toll avec toute la hauteur d'un vainqueur irrité, en quoi il était encore mieux secondé par son chef d'état major [1]).

Je présentai ma lettre.

Le Maréchal après l'avoir parcourue me dit en me toisant avec des yeux étincelants.—Cette lettre ne dit rien du tout.—N'avez vous pas autre chose à me dire, Monsieur?

Le Comte Krukowiecki m'a chargé, Monsieur le Maréchal, de vous demander, quelles seraient les conditions de l'arrangement que Vous même avez proposé par le Général Dannenberg.

Des conditions, répartit le Maréchal en élevant la voix. Des conditions! par une condescendance que je me reproche, je vous en avais offert par le G-l Dannenberg, que Vous n'avez pas meritées.—Vous avez répondu à ma proposition par cette lettre que je porte sur mon coeur (et le Maréchal la tira de son sein), et je la ferai mettre dans mon cercueil, parceque jamais je n'ai essuyé pareille insolence. J'y ai répondu par ma victoire d'hier. Nous sommes quittes, Monsieur. Vous pouvez Vous retirer. Je n'ai rien à Vous dire... Mes dispositions d'attaque sont faites, je ne pense pas les révoquer.—Dans ce moment deux coups de canon partirent des retranchements Polonais. Mlokosiewiz les avait fait tirer ignorant ma mission; il avait cru entrevoir un mouvement d'attaque du côté des Russes. Un épais brouillard couvrait les deux armées. Le Maréchal montrait beaucoup de défiance; il crut qu'il y avait de la trahison. J'eus de la peine à l'en dissuader.

Les paroles du Maréchal avaient été précises, il n'y avait pas grande chose à lui répliquer. Mais il y allait du sort de Varsovie et des destinées de milliers de mes compatriotes, que dis je, peut-être, du sort de toute une nation... Cette considération fit que je me raidis contre tout ce qu'il y avait d'acerbe dans les paroles du Maréchal, et j'attendis.

Alors son Altesse Impériale mit un terme à l'embarras dont je ne savais trop comment sortir, et d'une voix qui me parut un peu emue, elle m'adressa les paroles suivantes. Monsieur le Général, dites, je vous en prie, l'Empereur a-t-il merité de la part des Polonais tout ce qu'il vient d'éprouver? Jamais leur pays avait-il joui d'une plus grande prosperité?

— Je conviendrai, repartis je, que cette prosperité dont le pays commençait à jouir, il la devait au Gouvernement de l'Empereur, autant qu'aux progrès des lumières parmi les Polonais, et à la paix générale. Mais estimez vous donc assez peu la nation Polonaise pour croire qu'elle fut uniquement sensible à un bienêtre matériel, et la croyez vous assez dégénerée pour qu'elle put rester insensible à tous les excès dont l'accablaient ceux qui étaient chargés des pouvoirs de l'Empereur? et moi-même qui ai l'honneur de vous parler, n'ai-je pas été victime d'un cruel abus de pouvoir? [2]).

— Il se peut, dit Monseigneur, en adoucissant encore la voix, que l'on ait commis des abus.... Eh

[1]) Ici j'ai à rapporter la conduite, dans des circonstances bien grâves, de deux hommes, dont l'un jouit de la faveur et de la confiance de son souverain bien meritées sans doute, tandis que l'autre (Krukowiecki) est accablé par le malheur de l'éxil et flêtri par l'opinion. Laisser redoubler les charges des reproches qu'on peut faire au malheureux, en me taisant sur le compte de l'homme puissant, dans l'idée de flatter, serait vil et lâche. C'est pourquoi je me sens dans la double obligation d'une scrupuleuse véracité.

[2]) Je proteste encore qu'en rapportant ces conversations, je suis loin d'avoir aucune idée d'élever des récriminations.

bien, Monsieur Prądzynski, je serai franc avec vous: j'en conviens, il y a eu des abus. Mais était-ce donc les armes à la main qu'il fallait réclamer! Ne pouvait on pas s'adresser au coeur paternel de l'Empereur?

— Eh, mais, dis-je à mon tour, y avait-il moyen d'aborder l'Empereur, y avait-il moyen d'élever une plainte sans attirer de nouvelles persécutions...

Dans ce moment, et ce ne fut qu'alors que je reconnus que c'était avec Son Altesse Impériale que je parlais. Je m'interrompis... Mais Monseigneur, je ne suis pas venu ici pour faire des récriminations, mais pour concilier. Votre Altesse Imperiale voit combien il est difficile d'entrer en matière avec Monsieur le Maréchal. Veuillez devenir notre intermédiaire; que ce soit un bonheur pour moi, et pour les miens d'avoir trouvé ici le frère de l'Empereur.

Monseigneur éleva quelques objections, prétendit qu'il n'était là que comme un Général Russe, et sous les ordres du Maréchal.

— Non, non, Monseigneur, dis-je avec quelque entrainement, permettez-moi de vous considérer sous un point de vue beaucoup plus élevé. Vous êtes le frère du Souverain qui veut réunir les deux nations. Veullez quitter le rôle de parti pour celui infiniment plus beau de médiateur, de conciliateur.

Monseigneur échangea quelques paroles avec le Maréchal en russe, que je ne compris pas—après quoi le Maréchal m'interpella brusquement.

— Le comte Krukowiecki reconnaitra-t-il l'Empereur? oui, ou non?

— Il en a l'intention.

— L'anarchie règne à Varsovie; en a t-il le pouvoir?

— A Varsovie l'ordre est rétabli. Le Comte Krukowiecki est Chef du Gouvernement et de l'armée. Il n'y a aucun doute qu'il n'ait le pouvoir d'éxécuter ce qu'il aura décidé.

— Donnez moi cette déclaration par écrit.

— Je n'ai aucune autorisation à cet égard.

— Donnez moi cette declaration par écrit, répéta le Maréchal avec instance, ou bien tout est rompu et l'attaque commence à l'instant.

D'après ma conviction Krukowiecki avait tout ce qu'il lui fallait de pouvoir pour prendre un parti décisif dans une pareille crise. Mais en outre il m'avait déclaré qu'on lui avait promis une autorisation spéciale de la diète pour traiter. Je ne pouvais pas admettre que dans des instants d'une telle gravité, on put déployer de l'indolence. J'étais donc persuadé qu'à mon retour en ville, je trouverais Krukowiecki, nanti de cette autorisation. Je ne pouvais pas faire part au Maréchal de tous ces détails, car, c'eut été lui montrer notre faible. Si je refusais la déclaration, c'était donner le signal de la bataille, et je connaissais assez l'état des choses pour savoir bien positivement que les Polonais ne pouvaient pas soutenir plusieurs heures d'attaque, et les colonnes Russes pénétrant en ville au milieu de la journée, rien n'eut sauvé Varsovie de la destruction. Je voulais donc avant tout gagner quelques heures pour avoir le temps d'écarter les obstacles, qui pourraient s'opposer à la pacification; ou, si la bataille devait avoir lieu, qu'elle commençât assez tard pour que la nuit arrêtât le combat, avant que les Russes eussent pénétré en ville et que les Polonais, ayant gagné le temps de faire l'évacuation, la prise de possession ne fut pas la suite immédiate d'un combat. J'écrivis donc la déclaration suivante.

Le soussigné déclare, qu'envoyé vers Son Excellence le Maréchal Comte Paskiewitch par le g-l Krukowiecki, Chef actuel du Gouvernement à Varsovie, pour lui porter une lettre de ce dernier, contenant des propositions d'arrangement, il sait que les intentions du susdit Général Kruckowiecki sont de rentrer sous l'obéissance de Sa Majesté d'une manière pleine et entière avec toute la nation Polonaise, et qu'il en a aujourd'hui *tout le pouvoir*. Il désire apprendre de la part de S. E. le Maréchal, quelles seraient les conditions fondamentales.

(Signé) *Prądzynski.*

Wola le 7 Septembre 1831.

que je remis au Maréchal, en lui observant, qu'il voyait bien que c'était mon opinion particulière que je lui donnais de mon Chef, et que par conséquent, personne ne se croirait engagé à rien par cette pièce.

Néanmoins, le Maréchal, après en avoir pris lecture, fut satisfait et se radoucit. Il proposa que le Comte Krukowiecki se rendit aux avant postes pour arrêter avec lui les bases de la pacification; il désigna le G-l Dannenberg pour m'accompagner en ville et porter son invitation à Krukowiecki. Il consentait à suspendre les hostilités pendant une heure. C'était à peine le temps nécéssaire d'aller au Palais et de revenir. Je l'observai au Maréchal. Néanmoins ce ne fut qu'avec beaucoup de peine qu'il consentit à deux heures de suspension d'armes, et encore fallait il que Monseigneur le Grand duc s'en mêla.

En général, le Maréchal montrait une défiance [1]) que le caractère des Polonais ne mérite pas, bien loin de là, ils pèchent par un excès contraire à celui qui éxige de la circonspection. Dans ce cas le Maréchal paraissait craindre que nous ne cherchassions à gagner le temps necessaire pour faire revenir le corps de Romarino.

Nous n'y songions pas; ce corps était trop loin pour pouvoir arriver même dans la journée du lendemain. Cette défiance fut un malheur. Là où tout le monde influait sur les affaires, il était impossible de les traiter tout à fait militairement. Et même pour faire la capitulation d'une place de guerre, on accorde plus de temps que cela. Il était bien naturel qu'il en fallait davantage pour faire la capitulation d'une nation. Si j'avais pu disposer de la journée seulement, si avec cela on eut désigné pour traiter avec moi un homme probe et modéré, comme le G-l Dannenberg, p. ex. il n'y a pas de doute que cette journée, au lieu d'une bataille sanglante, eut vu la conclusion d'un traité, qui eût prévenu bien des maux et des l'armes. Nous allons voir tout à l'heure comment par ce que j'étais trop pressé par le temps et les événements, quelques individus parvinrent à paralyser mes efforts, et firent avorter des décisions prises presque à l'unanimité par la diète.

Pendant que nous nous acheminions vers le Palais du Gouvernement, je vis un soupir s'echapper de la poitrine de Danennberg; c'était celui d'un honnête homme, qui voyait tout espoir de conciliation perdu par l'entrevue qui devait avoir lieu. Il connaissait la vivacité des deux chefs.

A notre arrivée, Krukowiecki n'avait pas encore l'autorisation qu'on lui avait promise, qui plus est, la diète n'était pas même réunie malgré la grâvité des circonstances. Néanmoins, comme il n'y avait pas de temps à perdre, il monta à cheval, et, accompagné de quelques officiers, il se rendit à l'invitation du Maréchal. Celui-ci nous reçut en avant de Wola, à cheval et entouré d'un nombreux état-major.

Tout le monde mit pied à terre, et, sur l'invitation du Maréchal, les personnes suivantes entrèrent dans l'auberge devastée de Wola. Monseigneur le Grand Duc, le Maréchal, le Général Toll, le Comte Krukowiecki et moi. Plus tard le Général Berg y fut aussi appelé.

Les vitres de la chambre étaient cassées; la foule des officiers Russes et Polonais qui se trouvaient dehors, pouvait entendre la vive discussion qui allait s'engager.

Le Maréchal et puis le G-l Toll parlèrent les premiers; leurs paroles furent hautes et loin d'être conciliantes. Le mot de rebelles fut prononcé. Krukowiecki s'en effaroucha et parta plus haut encore. Il demanda au Maréchal de modérer ses expressions.

— Mais enfin, dit le Maréchal, vous ne pouvez pas nier que vous ne soyez des rebelles envers votre souverain.

— Tant que nous avons les armes à la main nous agissons de puissance à puissance. Et l'Europe nous a jugés.

— Eh, l'Europe ne sait ce qu'elle dit, ni ce qu'elle fait. Mais, Monsieur le Comte, n'êtes-vous donc pas venu pour faire votre soumission et celle de toute la nation Polonaise?

— Cela dépendra de la négociation, et si nous tomberons d'accord sur les conditions.

— Qu'est ce qu'il y a ici à négocier? Soumettez vous, puisque vous en avez le pouvoir.

— Je n'ai aucun pouvoir. Je dépends de la diète et de tous ces fous de Varsovie. Je ne demande pas mieux que de négocier; mais pour cela il faut que l'on m'y autorise. On me l'a bien promis, mais on ne l'a pas encore fait.

— Mais comment donc, j'ai déjà votre soumission faite par votre Quartier-Maitre Général, que vous ne pouvez pas désavouer.

Et la dessus le Maréchal mettait en évidence l'écrit contenant ma déclaration.

Krukowiecki ne voulut pas seulement y jetter les yeux. Qu'est ce que cela me fait, dit-il avec emportement. Si le Général Prądzynski a pris des engagements, il n'a qu'à les tenir, mais moi, il ne m'engage à rien.

On voit combien la passion emportait et aveuglait Krukowiecki et le faisait se compromettre, ainsi que la cause qu'il était chargé de représenter. Il n'en fallut pas tant pour mettre le Maréchal hors de lui, aussi n'était il pas plus calme que l'autre et le Général Toll de même.

La discussion continua et se renouvela à plusieurs reprises sur ce ton d'aigreur. Plusieurs fois le Maréchal emporté par la vivacité appela que l'on commença le feu à l'instant même.

J'étais sur des charbons à voir cette tournure qui prenait la conférence, et je me donnais les plus grands mouvements pour apaiser ces Messieurs, et particulièrement Krukowiecki. Je m'adressai à Monseigneur le Grand Duc que je conjurais d'interposer l'ascendant de sa personne pour faire cesser cette

[1]) Monseigneur se rappela peut-être comment à l'entrevue de Wola, la poche de Krukowiecki qui sortait, et que je lui remis faillit tout rompre et devenir un signal de bataille.

scène et entamer une négociation. Monseigneur daigna condescendre à ma prière, parla au Maréchal avec calme; de mon côté je redoublai d'efforts auprès du comte Krukowiecki, et nous parvinmes enfin à obtenir que l'on s'entendit jusqu'à un certain point. Il fut convenu que les hostilités seraient suspendues jusqu'à une heure de l'après midi; pour que pendant ce temps Krukowiecki put obtenir de la diète l'autorisation pour traiter et prendre son parti. On lui communiqua les conditions que l'on exigeait, et le Maréchal lui déclara que passé une heure, l'attaque commencerait de son côté, mais que l'on pourrait négocier pendant l'affaire, si le Comte aurait des choses satisfaisantes à communiquer. D'après tout ce que j'ai observé, j'ai lieu de croire que le Maréchal et le G-l Toll ne voulaient absolument voir dans les Polonais rien que de simples révoltés, et dans Varsovie un éternel foyer de rebellion. Donnant alors un libre essort a leur animadversion, ils n'eussent pas été fâchés que les circonstances amenassent la destruction de cette ville, si elle pouvait être atribuée à une résistance imprudente des Polonais.

D'abord le doute du succès avait pu porter le Maréchal à faire des ouvertures d'accomodement par Dannenberg. Mais lorsque la journée du 24 Aout (6 Septembre) eut prouvé que le succès de l'assaut était infaillible, on devint plus difficile; et c'était presqu'à contre coeur qu'on accordait ces courts délais. Si l'attaque eut commencé le matin, les retranchements eussent été emportés au milieu de la journée; les colonnes Russes ivres de combats et de succès penetraient alors immédiatement en ville, dont aucun pouvoir humain n'eut pu empêcher la ruine complete. De la manière dont les choses se sont passées, l'attaque ne commenca qu'à deux heures de l'après midi; la nuit vint arrêter les vainqueurs au moment où ils emportaient la dernière enceinte. J'ai la conviction qu'en parvenant à arrêter le combat jusqu'à deux heures, j'ai puissamment contribué à sauver ma cité, j'ai la conviction d'avoir merité par là une couronne civique. Ce souvenir restera la consolation de ma vie. Son Altesse Impériale daigna seconder mes efforts dans cette circonstance; je lui en conserve une profonde et eternelle reconnaissance. Lorsque nous fûmes revenu au Palais du Gouvernement, tout le conseil était d'accord qu'il fallait aller informer la diète du véritable état des choses, et provoquer des mesures pour en finir. Les seuls Niemoyewski Bonaventure et Moravski Téodor témoignèrent leur dissentiment en donnant leur démission, le premier de la place de vice-président du Gouvernement, et l'autre de celle de ministre de l'extérieur. Mais ces deux M. M. taisaient, ne sachant pas dire ce qu'il y avait de mieux à faire. Ils se proposaient de se faire après coup une reputation de caractère; mais certes en fuyant le danger on est loin de faire preuve de courage.

Il s'agissait du choix de celui qui serait chargé d'aller parler aux chambres. C'était le devoir des ministres et surtout de celui de la guerre.

Mais la mission était non seulement désagréable, elle pouvait paraitre dangereuse par le souvenir de tout ce qui s'était passé depuis neuf mois; aussi tous les membres du Conseil declinèrent ils cette mission. Ces mêmes hommes, qui, avant deux jours, avaient bravés le Maréchal Russe en votant une réponse si haute à ses ouvertures — manquaient maintenant de courage pour aller parler vérité à leurs compatriotes. Le Général Morawski (ministre de la guerre) proposa de me confier cette mission; parceque, disait-il, j'étais le mieux au fait de notre situation militaire. Je répondais que je ne prenais pas le change sur ce prétexte, que moi aussi je sentais qu'il fallait moins de courage pour affronter une batterie, que pour aller avec cette mission à la diète, mais que néanmoins rien ne m'empêcherait de me dévouer de toute les maniéres toutes les fois que j'aurai l'espoir de faire quelque bien, ou d'empêcher un malheur.

Le Président me donna donc par écrit l'injonction d'aller en qualité de commissaire du Gouvernement faire des communications à la diète. Le Général Morawski et Monsieur Glezczynski me furent adjoints. Nous arrivâmes au Château vers les dix heures. La diète venait de se rassembler. L'appel nominal prit encore du temps. Enfin j'obtins la parole. Craignant l'influence du public sur la delibération et d'un public où l'on apercevait les Chefs les plus farouches de la societé patriotique, que l'opinion signalait comme les auteurs du massacre du 3 (15) Aout, je commençai par demander que la séance fut secrête. Niemoyewski, qui avait quitté son poste dans le Gouvernement, pour venir déclamer à la diète, parla contre ma demande aux acclamations des tribunes, quelques uns l'appuyèrent, mais la presque unanimité de la diète leur imposa silence, en accédant à ma demande par acclamation.

Après cette première victoire parlementaire et après que les tribunes eussent été évacuées, j'adressai à la diète un discours par lequel je lui exposai notre position, et lui insinuai qu'elle n'avait rien de mieux à faire que de se dissoudre, en autorisant le Général Krukowiecki à prendre toutes les mesures que les circonstances exigeaient [1])

Les personnes qui composaient la diète étaient en général des hommes honnêtes, et disposés à faire tous les sacrifices pour la patrie et pour ce qu'ils croyaient être l'honneur national; mais ils n'ambition-

[1]) Ce discours a été publié, mais il n'est pas en ma possession.

naient nullemént pour le nom polonais la gloire d'Erostrate en faisant détruire Varsovie absolument sans aucune chance d'utilité. Tous ces hommes étaient raisonables. Ils compriren à merveille ce que je leur exposais et acquiescèrent unanimement à ma proposition. Malheureusement il y avait dans l'assemblée quelques individus qui avaient la rage de tenir des discours et qui voulaient à toute force faire jouer aux Polonais le rôle des Romains. Mais ils se trompaient de date. Ce sont les Grecs du bas Empire qui discutaient des points de contraverse, tandis que l'ennemi battait en brèche les murailles de Constantinople. Les sénateurs Romains à l'approche des Gaulois ne faisaient pas de phrases, ils se taisaient et allaient au devant de la mort. Ces M. M., s'ils voulaient faire preuve de courage, c'était devant la barrière de Wola qu'il fallait se rendre avec un fusil sur l'épaule. Mais leurs paquets à eux étaient tout faits, et ils étaient prêts à partir dès que le danger commençait à leur devenir personnel. Dans l'état de civilisation où nous nous trouvons, il est très facile de déployer de grands sentiments en paroles à la tribune, il y a pour cela des formules toutes faites, il suffit d'avoir de la mémoire pour les adopter à la circonstance du moment. C'est par sa conduite qu'il faut faire preuve de courage dans les grandes occasions; et ces M. M. se sont trompés s'ils ont cru que leur conduite à eux était courageuse. De quel droit condamnaient-ils eux, qui ne couraient pas de danger, des milliers de vieillards, de femmes et d'enfants á la mort, et un plus grand nombre encore à la misère? Si dans l'antiquité il y a eu des villes dont les habitants se sont spontanément euterrés sous leurs ruines, c'est qu'ils avaient la certitude que l'ennemi leur préparait la mort ou l'esclavage. Il n'en est point de même dans les temps modernes. Aujourd'hui la masse sait parfaitement que dans tous les cas elle sera reçue par le vainqueur à composition, qu'elle aura la vie sauve, et que ses proprietés seront respectées. Aussi les habitants de Varsovie ne se souciaient nullement de faire le pendant de Saragosse et de Moscou, sans aucune espèce d'utilité. Toute la diète partageait ces sentiments. Trois ou quatre individus seulement faisaient exception. Le malheur voulut qu'un concours de circonstances leur permit de paralyser la volonté générale bien prononcée. A leur tête se trouvait Monsieur Bonaventure Niemoyewski. Voyant que j'enlevais tous les suffrages, il chicana sur les formes. Il prit la parole pour observer, que n'etant pas conseiller d'état je n'avais pas le droit de parler dans les chambres [1]). De tous les côtés on observa que ce n'était pas le moment de susciter d'aussi mauvaises chicanes. Mais Monsieur Ostrowski déclara qu'il déposerait son bâton de Maréchal si la diète me permettait de parler davantage; parceque, disait-il, tant qu'il présiderait l'assemblée, il ne permetterait pas de dévier en rien des lois. Alors quelques nonces proposèrent d'envoyer demander au Comte Krukowiecki une nomination de conseiller d'état pour moi, afin que je puisse soutenir la discussion. Tous ces débats oiseux faisaient perdre un temps dont chaque minute devenait plus inapréciable. Je déclarai que je n'étais pas venu pour discuter, que tout ce que j'avais à communiquer, je l'avais déjà dit, et que je priais seulement que l'on voulut bien se décider d'une manière ou d'une autre.

Il était deux heures; le canon gronda dans le lointain. La diète décida par acclamation que le Président du Gouvernement devait être autorité à traiter, et qu'elle se dissolvait.

Le Maréchal de la diète m'invita à m'approcher de son bureau, où se trouvait aussi le Président du Sénat, et il me déclara que puisque la diète avait pris sa décision, ainsi que j'en étais témoin, il m'engageait, pour ne pas perdre de temps, de me rendre de suite auprès du G-l Krukowiecki pour l'en informer, et le demander d'agir de suite en conséquence, sans attendre qu'il lui eut expedié l'acte officiel, dont la rédaction prendrait quelque temps, qu'il lui serait envoyé incessamment. Je trouvais ce discours tout naturel, et d'autant plus que je brulais de quitter l'assemblée.

Dès que j'eus passé le seuil de la porte, le Maréchal, frappant le parquet de son bâton, donna la parole au nonce Olrych Szamiewski pour faire lecture d'un volumineux projet de loi, concernant les indemnités à accorder aux propriétaires ruinés par la guerre. — Alors beaucoup de membres de la diète quittèrent la séance; les uns dans la conviction, que tout étant fini, leur mandât était expiré, les autres indignés d'une manoeuvre qui faisait avorter la décision de l'assemblée. C'est à l'histoire à qualifier la conduite de Monsieur Ostrowski en cette occasion; et cette manoeuvre, par laquelle il faisait tomber la décision d'une assemblée dont il n'était que le premier membre, par laquelle il exposait le salut de Varsovie et de tant de milliers de ses compatriotes, par laquelle enfin il compromettait au dernier point son Gouvernement vis-à-vis des Chefs de l'armée Russe, en lui faisant entamer des négociations qu'il faisait en même temps avorter. Cependant Monsieur Ostrowski avait été honnête homme dans le courant d'une vie paisible, et on ne peut pas douter qu'il n'ait eu de bonnes intentions. Dans ces grandes circonstances il aurait desiré tenir une grande conduite. Mais la grandeur ne s'escamote pas par un tour de passe. Monsieur

[1]) C'était une très mauvaise chicane; car ayant déposé au Maréchal la lettre du Président du Gouvernement qui était une véritable nomination de commissaire délégué j'avais le droit de parler autant que je voudrais.

Ostrowski pour son malheur et pour le nôtre s'est trouvé fort audessous des circonstances lors qu'elles eurent acquis toute leur gravité.

Arrivé au Palais du Gouvernement, je rendis compte au Président en deux mots de ce qui venait de ce passer à la diète. Il me dit de me rendre en toute hâte auprès du Maréchal Russe et de l'assurer que dorénavant rien ne s'opposerait plus à ce qu'une convention fut conclue, et qu'à cet effet, il n'avait qu'à envoyer en ville un fondé de pouvoirs. Krukowiecki espérait que cette ouverture arrêterait l'attaque. Je courus vers l'armée Russe. Le Maréchal avait maintenu l'ordre de bataille de la veille, seulement il avait porté son armée un peu à droite, de manière que la gauche du 1-er corps était appuyée au fort de Wola, conquis la veille, au delà de la chaussée et un peu en arrière il n'y avait que de la cavalerie. Chez les Polonais Uminski avait concentré tant soit peu ses troupes vers la frontière de Jerusalem, et Dembinski en avait fait autant dans le faubourg en avant la barrière de Wola.

Krukowiecki voyant une heure approcher, envoya un parlementaire au Maréchal pour lui faire savoir que la diète était réunie, qu'il n'y avait pas à douter sur le résultat de la delibération, mais que comme elle ne pouvait pas marcher si vite il demandait une prolongation de la suspension des armes.— Le Maréchal ne voulut consentir que jusqu'à deux heures. — A deux heures précises une nombreuse artillerie Russe ouvrit son feu sur toute la partie des retranchements qui enveloppaient le faubourg devant la barrière de Wola, jusqu'au delà de celle de Jerusalem. En peu de temps environ 300 bouches à feu entrèrent en action, auxquelles les Polonais, par la manière fautive dont leur artillerie se trouvait desséminée, purent à peine en opposer une centaine.

Je traversai cette canonnade en essuyant les boules des deux partis, et j'arrivai à l'armée Russe, où je demandai à parler au Maréchal. En le cherchant on me fit promener tout le long des lignes Russes, et j'eus le loisir d'observer que leur artillerie commençait à prendre une superiorité marquée sur la nôtre; je pouvais me convaincre par la contenance des troupes Russes que je voyais, et par la connaissance que j'avais de l'état de l'armée Polonaise, qu'il serait impossible de repousser l'assaut qui se préparait; ce fut pour moi un nouveau motif de presser la conclusion de la négociation dont j'étais chargée.

Le Maréchal était déjà blessé; on me conduisit finalement auprès de Monseigneur le grand Duc qui se trouvait à cheval à la tête des gardes, en me temoignant que c'était lui qui était chargé par le Commandant en Chef de la négociation.

Je lui déclarai que le Général Krukowiecki avait enfin l'autorisation pour traiter et qu'il était prêt à conclure.

Son Altesse Imperiale observa: D'après ce qui s'est passé ce matin et les déclarations du Comte Krukowiecki lui-même, nous avons le droit d'être défiants. Est ce que la diète n'interviendra pas pour entraver?

— La diète n'existe plus. Elle s'est dissoute en ma présence.

— Est ce bien certain ce que vous me dites?

— Monseigneur, je vous donne ma parole d'honneur qu'il n'y a plus de diète, et que le Comte Krukowiecki est décidé à conclure un traité qui aura pour base la soumission à l'Empereur.

— Je vous crois, et en ce cas je m'en vais envoyer prendre les ordres du Maréchal.

En attendant Son Altesse Impériale causa avec moi, et la terrible canonade continuait toujours. Bientôt Monseigneur reçut la réponse du Maréchal, qui venait de décider que le combat ne cesserait pas jusqu'à ce que la convention ne fut signée. Pour la négocier, il avait désigné le Général Berg, qui devait se rendre à cet effet avec moi en ville. Nous partîmes à l'instant ventre à terre. Près de la barrière de Wola nous pûmes déjà apercevoir les ravages que produisait l'artillerie Russe dans les habitations. Je m'y arrêtai un instant pour m'informer où se trouvait le Général Krukowiecki. Son poste était là; j'étais certain de l'y trouver.

On me dit, et nommément Lewinski que je rencontrai, qu'il n'avait pas bougé du palais; nous y courûmes [1]).

[1]) Le g-l Berg dit dans son rapport qui a été publié, que je m'étais arrêté sous le pretexte de chercher Krukowiecki, dans le fait pour gagner du temps, mais que la canonnade Russe me rappela bientôt que Krukowiecki se trouvait au Palais... Pour que la canonnade me fit ressouvenir d'une chose que j'aurais oubliée, il eut fallu qu'elle eut cessé, ce qui n'a pas été. Ensuite, j'admets que nous eussions pu chercher à retarder la bataille pour gagner le temps de faire arriver Romarino: mais que pouvais-je gagner en retardant un arrangement (que je brulais de voir terminer) lorsque le combat fut engagé? et un combat qui, d'après les apparences, devait finir par la prise de Varsovie d'assaut. Lorsqu'on fait des suppositions, il faut au moins les faire d'une manière conséquente. Le g-l Berg n'a que trop été témoin de mes efforts pour amener un arrangement, il n'a pu avoir aucun doute à cet égard. Il écrivait son rapport lorsque, pour prouver ma sincerité, je m'étais déjà, en sa présence, constitué le prisonnier de Monseigneur, au risque de tout ce qui en pouvait résulter. Le général Berg a donc sacrifié la vérité et sa conviction, pour paraitre fin et montrer un esprit pénétrant. Cette conduite envers un ennemi vaincu n'était pas au moins, généreuse, et d'autant moins, que les insinuations, contre lesquelles je n'avais pas même la faculté de me défendre, pouvaient aggraver le sort qui m'était réservé. Je suis faché d'entrer dans ces détails, mais puisque j'eus été attaqué publiquement, et par devant Sa Majesté tout à la fois, ne dois-je pas saisir l'occasion qui m'est offerte, de me justifier aux yeux de l'Empereur?

Quel fut mon étonnement et ma stupeur, lorsque j'appris de Krukowiecki que la diète continnait de siéger et qu'on ne lui avait pas même encore fait parvenir l'autorisation promise, et sans laquelle il déclarait de rechef ne vouloir entrer dans une négociation. Krukowiecki ennuyé d'attendre, et voyant d'ailleurs que les affaires prenaient une mauvaise tournure, avait envoyé sa démission par le Conseiller d'Etat Ignace Szymanowski; celui-ci n'avait plus trouvé la diète réunie, et Son Maréchal n'avait plus voulu accepter cette démission. Krukowiecki était donc resté à son poste.

La diète, ainsi que nous l'avons dit, avait continué sa séance après que je l'eus quitté. Grodecki arriva de la ville et raconta que le combat prenait une tournure favorable aux Polonais; que déjà ils avaient repris Wola. Cette nouvelle tranquillisa les esprits et on alla diner. Mais bientôt on se réunit de nouveau et chacun apportait la certitude que la nouvelle de Grodecki était un conte. Ce fut alors que j'apparus dans le sein de la diète pour la seconde fois. Sans m'amuser à tenir des discours en règle, j'apostrophai vivement le Maréchal et quelques membres sur leur conduite et je leur demandai s'ils ne parviendraient donc pas à prendre une décision. L'assemblée se prononçait pour en finir; mais quelques faiseurs de phrases voulaient encore discourir à tout prix, ce qui tuait le temps et ne menait à rien. Alors, exaspéré, je déclarai avec véhémence, que je voyais bien qu'il n'y avait pas d'espoir d'obtenir quelque chose de la diète; que plutôt que de rester un témoin inutile de sa scandaleuse conduite, je préférais retourner parmi mes camarades chercher la mort sur le champ de bataille. Je parlai avec sentiment. J'avais le désespoir dans le coeur, et je me mis en devoir de sortir.

La canonnade approchait, et gagnait d'intensité. Les faubourgs étaient en flammes; l'incendie se propageait même dans l'intérieur de l'enceinte; un vent d'ouest étendait sur la ville un voile de fumée ardente. Il y avait des rues ou la chaleur laissait à peine la faculté de respirer. Les boulets arrivaient jusque dans le voisinage de la bourse.

Je fus arrêté par une foule d'habitants de Varsovie en costume de Gardes nationaux, que l'inquiétude avait amené là, et par un grand nombre de membres de la diète, qui me suppliaient de ne pas les abandonner et de sauver la ville.

Et sans plus hésiter, l'assemblée décréta par acclamation qu'elle se dissolvait et que Krukowiecki devait *traiter*.

Après la deception que l'on m'avait déjà fait éprouver, je ne voulais plus me faire porteur des résolutions de la diète. Pour les notifier au Président du Gouvernement, on délégua une députation composée de M. M. Louis Malachowski et Libiszewski qui se rendirent avec moi au Palais, et comme Krukowiecki ne voulut pas se contenter de leur déclaration verbale, ils lui donnèrent par écrit *l'autorisation de la diète de traiter avec l'ennemi*. Plus tard, un acte officiel de la même teneur fut envoyé à Krukowiecki, mais on avait ajouté, probablement à l'insu de la diète, cette phrase insidieuse *conformément à la loi du...* C'était encore une manoeuvre de quelques meneurs qui voulaient se réserver la faculté de chicaner sur les mots après 1 coup.

Pendant que je m'étais rendu à la diètte, le Général Berg était resté avec Krukowiecki, et employait toute son éloquence à ébranler ses résolutions. Il y parvint jusqu'à un certain point, et il lui arracha la lettre connue pour l'Empereur, surtout par ses protestations de l'effet magique qu'elle produirait pour toute la nation Polonaise. Toutefois Krukowiecki déclara qu'il signait cette lettre d'avance pour prouver au Maréchal et à Son Altesse Impériale sa bonne foi dans la négociation, et dans le but d'accélérer la conclusion; mais qu'il était bien entendu qu'elle ne serait valable qu'autant que le traité serait probablement conclu. Quant à celui-ci, on était presque d'accord. Il n'y avait qu'une amnistie pour tous les Polonais en général et un échange réciproque de prisonniers que Berg prétendait ne pas être autorisé à accorder; tandis que Krukowiecki déclarait que jamais il ne s'en départirent. On n'était pas non plus d'accord au sujet du pont et de Praga.

Sur le papier contenant les conditions Russes Krukowiecki consigna les modifications par lui voulues et il les signa; il remit en outre au Général Berg un écrit contenant la déclaration suivante.

Quant les articles ci-joints seront acceptés par Monsieur le Maréchal, je vous prie d'envoyer ma lettre à Sa Majesté. Si les articles ne sont pas acceptés, ce sera une preuve que Monsieur le Maréchal veut la ruine de la ville et n'a aucune envie de composer avec la nation Polonaise; car non seulement

les interêts de la nation, mais même mon honneur ne me permet pas d'y changer quelque chose. C'est le minimum que j'ai proposé au Maréchal et parceque vous ne voulez pas vous charger de le lui dire, j'envois Monsieur le général Prądzynski pour le faire. Il sait le mieux si en envoyant ces articles je ne prends déjà beaucoup sur ma responsabilité si non, nous serons forcés de nous faire ensevelir sous les décombres de la ville, qui ne pourra être à vous qu'après être devenue un monceau de cendres; et certes une telle victoire ne vous rendra plus favorable ni notre nation, ni l'Europe; cela ne se fera pas toujours, sans aussi une grande perte des vôtres.

(Signé) *Jean Krukowiecki.*

Le 7 Septembre à 7 heures un quart le soir.

On a reproché à Krukowiecki d'avoir signé et remis la lettre à l'Empereur, dont on s'ést prévalu par la suite sans aucun égard à sa restriction, avant d'avoir obtenu la guarantie des conditions qu'il négociait. Je n'examinerai pas s'il commit une imprudence, mais alors, pressés comme nous l'étions par la marche rapide des événements, il ne m'appartenait pas d'éplucher chacune de ses actions, ou d'entraver ce qu'il faisait par des objections intempestives; mon devoir était de le seconder, je l'ai fait avec dévouement. J'observerai cependant, que dans le fond, il n'y avait pas de contradiction entre les conditions, stipulant un oubli et un pardon complet du passé et une entière soumission pour l'avenir. Seulement on peut dire que la lettre était prématurée, precédant la conclusion à une convention, car malgré la restriction de Krukowiecki, on n'a pas manqué de prendre acte de la lettre, tandis que la convention qui en était une condition, ne fut pas conclue. Cette convention, le général Berg se fait un mérite dans son rapport de l'avoir fait avorter. Ne lui en déplaise, je suis fermement convaincu, qu'en faisant la convention c'eut été mieux servir non seulement les Polonais, mais aussi l'Empereur, la Russie et l'humanité.

L'Empereur, y eût tout de même regagné son autorité et ses sujets, et il serait resté beaucoup moins d'aigreur de part et d'autre; car ce n'est que le déséspoir et la crainte des réactions qui ont poussé à l'étranger les corps de Romarino, Rybinski, Rojyzki et Kaminski, ce qu'une convention eût évité.

Nous retournâmes avec Berg vers l'armée Russe. Il faisait déjà nuit; les retranchements avaient été emportés avec assez de facilité, parceque outre toutes les circonstances qui se réunissaient contre les Polonais et que nous avons signalés, il faut encore dire qu'ils étaient sans chef, et il n'y avait eu aucun plan de suivre dans la défense. Le général Krukowiecki, qui était le véritable Chef de l'armée, ne bougeait pas du Palais. Le vieux Malachowski tout à fait cassé était nul. Les deux lieutenants Uminski et Dembinski n'employèrent pas le seul moyen efficace pour la défense des retranchements, comme en bien d'autres occasions, celui de se mettre à la tête des colonnes de résérve, et de charger les assaillants en temps opportun. L'artillerie Russe avait déjà fait de grands ravages. A l'approche des colonnes d'attaque les défenseurs se repliaient sur tous les points assaillis.

Les Russes travaillaient à se loger dans les ouvrages emportés; la bataille cessait peu à peu. Néanmoins nous eûmes encore à essuyer des boulets et des obus. Nous trouvâmes Monseigneur le Grand Duc à un bivouac entre Wola et le faubourg de ce nom. Un violent incendie embrasait ce même faubourg, les nombreux moulins et se propageaient en ville; elle offrait un tableau terrible.

Son Altesse Impériale fut grandement étonnée d'apprendre que nous avions traité la diète siégant encore, et le Comte Krukowiecki sans pouvoir. Par cette raison, elle paraissait repugner à traiter. Je lui affirmai sur ma parole d'honneur que maintenant il n'y avait plus bien certainement de diète, et que Krukowiecki était decidé à conclure. Monseigneur m'observa que déjà je lui avais donné ma parole d'honneur que les événements avaient démentie. C'était malheureusement vrai; je ne voulais accuser personne, j'offris à Son Altesse Imperiale de lui répondre de ma personne. Alors elle daigna aborder la question.

Monseigneur fut enchanté de la lettre pour l'Empereur que je lui présentai d'abord.

J'observai à Monseigneur que cette lettre devait être la conséquence du traité. Mais ayant pris connaissance des modifications de Krukowiecki, Son Altesse Impériale se récria fortement. Elle ne voulait pas entendre parler d'une amnistie pour les habitants des Gouvernements Polonais, seulement pour ceux du Royaume. Elle exigeait que les Polonais fussent seuls tenus de délivrer les prisonniers Russes, sans qu'il y eut reciprocité. Je pris la liberté d'observer à Son Altesse Impériale que nous ne pouvions en aucune manière accepter une amnistie qui excluerait nos frères qui se sont devoués pour nous.

— Ils en ont déjà obtenu une.

— Qui n'empêche pas qu'on ne les fusille ou qu'on les déporte. Cette amnistie là, Monseigneur, est une punition. Il en faut une entière et générale, si la réconciliation doit être sincère.

— Vous devez vous en rapporter à la magnanimité de l'Empereur.

— Je ne demanderai pas mieux pour mon compte, mais je ne suis ici que comme délégué, et mes comettants, s'ils doivent se soumettre, veulent avoir d'avance la certitude, qu'il n'y aura ni réaction ni

persécution. C'est si peu de chose, Monseigneur, qu'ils demandent, et qui doit même être dans le coeur de l'Empereur. Ne convient-il pas au vainqueur d'être généreux?

— Rapportez vous en au coeur de l'Empereur.

C'est impossible, Monseigneur. Nous ne pouvons pas omettre dans l'amnistie nos frères des Gouvernements sans nous déshonorer dans l'histoire. Je sais Monseigneur que vous êtes déjà maitres des retranchements. Rien n'empêche certainement que vous ne le deveniez aussi de la ville. Mais en poussant les Polonais à bout, craignez d'évéiller chez eux l'énergie du desespoir, et alors, si au lieu d'une cité florissante vous rendez à l'Empereur un morceau de ruines, arrosé de flots de sang russe et polonais, et cela pour ne pas renoncer au droit de punir quelques malhereux; je ne crois pas, Monseigneur, que vous lui ayez rendu un service signalé.

Je pris encore la liberté de dire à Monseigneur, qu'il me paraissait, que si l'effort des Polonais pour redevenir nation indépendante devait leur être imputé à crime, les habitants des Gouvernements étaient certes beaucoup moins coupables que nous autres, à qui on avait accordé bien des prérogatives tout à fait étrangères pour eux, qui n'avaient seulement pas la permission de se nommer Polonais. Pourquoi donc seraient ils plus rigoureusement punis [1]).

Quant aux prisonniers, j'observai à Son Altesse Impériale que les Polonais en avaient un bien plus grand nombre que leurs adversaires; que l'échange était par conséquent tout à l'avantage des Russes.

Nous échangeâmes aussi quelques arguments au sujet de Praga et du pont que les Polonais étaient maitres de rompre, et de faire déscendre à Modlin cette nuit même.

Monseigneur m'ordonna de le suivre dans le fort de Wola, où se trouvait le Maréchal, avec lequel il eut une assez longue conférence. Il revint me communiquer l'ultimatum suivant.

L'armée Polonaise évacuera la ville de Varsovie et pourra emporter dans les journées suivantes tout ce qui est proprieté de l'armée.

L'armée Russe prendra possession de la ville dans la journée du lennemain [2]).

L'armée Polonaise occupera le Palatinat de Plock, une partie de celui d'Augustow, Modlin, Lomza et Zamość.

Tous les corps détachés, savoir celui de Romarino, de Rojycki, de Stryinski, et tous les détachements se trouvant quelque part que ce soit, aurout la faculté de rejoindre l'armée Polonaise.

L'armée Polonaise, fera sa soumission à l'Empereur. A cet effet elle enverra des délégués à St. Petersbourg pour terminer ses affaires directement avec Sa Majesté. On garantissait une entière amnistie pour tous ceux qui avaient pris part à la révolution; non seulement dans le Royaume, mais aussi dans les gouvernements Polonais.

Jusqu'à ce que l'on eut des nouvelles de ce que les délégués Polonais auraient fait à Petersbourg, il devrait y avoir suspension d'armes. On offrait de faciliter la subsistance des Polonais en leur fournissant des vivres s'ils en avaient besoin.

On tenait absolument à la possession du pont et de Praga pour ouvrir une communication directe avec Brest-Litowski; sans cela Monseigneur déclarait ne pas vouloir conclure. Je n'avais pas d'autorisation pour céder sur ce point. Les Russes n'étaient pas en mesure de s'en emparer facilement, je crois que l'on aurait cependant fini par s'arranger sur cet objet.

Quant aux prisonniers, Monseigneur déclara que nous n'en ferions pas mention dans le traité, mais que nous les échangerions en masse; *que cela* s'arrangeait entre nous.

Le Général Berg reçut des pleins pouvoirs très étendus du Maréchal, une lettre pour le Comte Krukowiecki, et l'ordre de se rendre avec moi à Varsovie pour conclure sur ces bases avec Krukowiecki lui-même, ou avec la personne designée par ce dernier. On lui enjoignit de ne pas chicaner pour les détails, on était bien content d'en finir.

Berg, accompagné de deux officiers et moi, nous nous acheminâmes vers le Palais. Nous traversâmes l'incendie; on y tirait encore des coup de fusil. Dans la situation où se trouvaient les affaires, il fallait aux Polonais réunir leurs forces à tout prix, et gagner le temps de se reconnaitre. Il fallait acquérir l'apparence de la force si on voulait donner du prix à la soumission. Il le fallait encore plus, si on avait la pensée de reprendre les hostilités. Dans ces différentes chances, la concentration de toutes les forces Polonaises était ce dont ils avaient le plus besoin, et il n'y a pas de doute que la réunion de 50,000 hommes sous le canon d'une place aussi admirablement située que Modlin aurait paru encore très imposante, et

[1]) Si mes discours paraitront hardis, j'observerai que lorsque je les tenais j'avais encore les armes à la main, et je parlais pour une nation qui combattait encore l'Empereur.

[2]) Dans les pourparlers de cette journée, il avait été question d'établir les deux quartiers généraux dans Varsovie. Les deux armées devaient cantonner hors de la ville.

aurait pu procurer bien des concessions, ou quelque chance. Or donc, un traité qui procurait la faculté d'opérer cette entière réunion, de se réorganiser et de respirer, était un véritable coup de la fortune.

Mais que devins-je lorsque en arrivant au Palais du Gouvernement, j'apprends que Krukowiecki n'est plus Président au Gouvernement, que c'est Bonaventure Niemoyewski qui le remplace, et qu'une espèce de diète siège de rechef au Palais même. Je n'ai pas de paroles pour exprimer le déséspoir et la stupeur qui s'emparèrent de moi à cette funeste et terrible nouvelle!

Quest ce qui avait donc amené tous ces événements? Le voici.

Dès que j'eus quitté la seconde fois la diète, elle s'était reellement separée, après avoir expedié au Président du Gouvernement *l'autorisation de traiter* ainsi que nous l'avons mentionné. Bientôt la curiosité et l'inquiétude pousse M-r Ladislas Ostrowski suivi de quelques nonces, au Palais du Gouvernement où il rencontra Krukowiecki et l'interrogea où en sont les affaires. Celui-ci, déjà aigri par tout ce qui s'est passé le brusqua, lui montra l'incendie, et lui dit qu'il n'y a qu'à se rendre. Ostrowski fait des objections, demande des explications au sujet des négociations entamés, et veut faire le Maréchal de la diète. Krukowiecki l'envoie promener, et dans un moment de vivacité, il déclare que tout cela lui est fort égal, parcequ'il a sa démission, qu'il met de nouveau en évidence, Ostrowski, poussé a bout, s'en saisit, et tandis que Krukowiecki, qui venait de donner aux troupes l'ordre de filer sur Praga, monte à cheval et part aussi de ce côté, Ostrowski avec le petite nombre de nonces qui se trouvaient présents improvise dans le Palais même une séance qui porte tous les caractères de l'illégalité. Le canon ne se faisait plus entendre, on nomme Bonaventure Niémoyewski Président du Gouvernement et le Colonel Zielynski (qui aussi désirait jouer son petit rôle) Viceprésident. Le nouveau Président se mit tranquillement à faire de nouvelles nominations. Voilà comme nous le trouvâmes entouré de beaucoup de personnes. Le G-l Malachowski s'y trouvait aussi ainsi que beaucoup de Généraux. Moi, je ne savais pas trop que dire; j'étais accablé et tout honteux de ce qui se passait. Tous ceux qui se trouvaient présents étaient d'accord qu'il fallait sans balancer conclure le traité sur les bases convenues. Mais le G-l Berg déclara qu'il n'avait de pouvoir de traiter qu'avec le Comte Krukowiecki, ou les personnes par lui autorisées, que par conséquent si même il se permettait de signer avec une autre autorité, ce traité ne serait pas valable. Cette observation paraissait très plausible. Mais on résolut de ramener à tout prix Krukowiecki, de considérer sa démission et tout ce qui s'en était suivi comme non avenu, et de l'engager à conclure le traité. Niémoyewski était là, prononçait à peine quelques paroles et avait tout l'air d'être du même avis. Berg consentit à se prêter à cette mesure, attendit le retour de Krukowiecki, et comme le jour allait bientot paraitre, il depêcha le Colonel Annenkof vers Monseigneur le Grand Duc et le Maréchal pour les prévenir que quelques délais insignifiants étaient survenus, et que l'on voulut bien retarder l'entrée en ville des troupes Russes. Berg se montrait tout coeur pour les Polonais.

Le Général Lewinski se mit à la recherche de Krukowiecki; il le trouva au dela de Praga, et eut quelque peine à l'engager à revenir. Il l'amena enfin au bout de deux heures, et l'informa, chemin faisant, de quoi il s'agissait. Dès que la voix sonore de Krukowiecki se fit entendre de loin, Monsieur Bonaventure Niemoyewski s'esquiva. Ostrowski attendit l'orage de pied ferme.—Krukowiecki l'apercevant dès son retour, s'en prit à lui, et ces deux M. M. donnèrent le scandale d'une scène violente. Ostrowski sortit le premier et Krukowiecki, déclarant qu'il n'était plus rien, qu'il ne voulait rien être, ni se mêler de rien, s'en alla aussi. Jusqu'au dernier moment, le G-l Berg s'était montré prêt à signer la convention avec Krukowiecki.

Il se faisait jour.

Alors Malachowski, assisté du Général Lewinski et du colonel Zielinski convint avec le Général Berg de conclure une convention purement militaire, pour la remise de Varsovie à l'armée Russe. Ils convinrent qu'il y aurait provisoirement suspension d'hostilités, que l'armée Russe pouvait commencer à occuper la ville, et ils se donnèrent rendez-vous à Praga pour terminer cette convention [1]).

Quant à moi, je me voyais horriblement compromis vis-à-vis des chefs de l'armée Russe, et particulièremet vis-à-vis de son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Michel, lui ayant donné à deux reprises une parole d'honneur que les événements avaient démentis. Je connaissais trop bien l'état des affaires et surtout celui de l'armée Polonaise pour ne pas être bien certain que la fortune s'était décidément prononcée contre la cause pour laquelle nous avions combattu; que bien décidément elle était perdue. Néanmoins j'aurais pu espérer être encore utile à mes camarades, en contribuant à y ramener le calme et l'ordre, et en m'occupant des interêts individuels. Et en définitive, je pouvais avoir le projet, pour mon compte, de me réfugier au sein de ma famille dans le Duché de Posen. J'aurai pu me consacrer pour mes compatriotes, je ne pouvais me résoudre à leur sacrifier mon honneur. Je crus devoir à son

[1]) Cette convention n'a pas été publiée.

Altesse Impériale, ainsi qu'à moi même, de lui prouver par une démarche éclatante que je n'étais absolument pour rien dans les décéptions de la journée du 26 Aout (7 Septembre). Je résolus par conséquent d'aller livrer ma personne, en me constituant le prisonnier de Monseigneur. Je déclarai ma résolution à tous les Généraux Polonais présents au Palais du Gouvernement, qui sans exception l'approuvèrent. J'accompagnai donc le G-l Berg, qui retournait auprès de son Altesse Impériale à qui je fis ma déclaration. J'en obtins la permission de me rendre encore à Praga faire mes adieux à mes camarades, ce que j'exécutais.

Pendant que je m'y trouvais, les Généraux Berg et Neidhardt arrivèrent et concluèrent la convention dont il a été question avec le Général Malachowski, assisté toujours de Lewinski et de Zielinski. Ces M. M. crurent qu'après les négociations de Krukowiecki, ils devaient, par loyauté, abandonner à l'armée Russe le pont et Praga. En échange de cette concession si importante, ils obtinrent la faculté de faire rejoindre tous les détachements Polonais, et celle de faire venir à Modlin dans les journées suivantes, tout ce qui restait de propriété de l'armée Polonaise à Varsovie. Il ne fut pas question de politique dans cette convention.

L'éxécution de la dernière clause fut refusée plus tard sous le pretexte que les Polonais avaient commis un acte de félonie, en n'éxecutant pas la convention negociée par le Comte Krukowiecki. Je croirais que cependant tous ces objets assez peu importants ne pouvaient même être d'une bien grande utilité pour l'armée Russe.

La prise de Varsovie avait coûté aux Russes à ce que je crois au delà de 10,000 tués et blessés pendant les deux journées. Un grand nombre d'officiers de tout grade, et surtout d'artillerie, avait péri; plusieurs généraux et le Maréchal lui-même étaient hors de combat. Les troupes qui s'étaient presentées devant Królikarnia, vigoureusement reçues par Andryschiewitz, avaient y essuyé quelque échec. Le régiment des hussards rouges de la garde, imprudamment fourvoyé par son commandant parmi les retranchements, avait été abimé. En général l'infanterie Russe montra de l'aplomb et beacoup d'élan.

Les Polonais eprouvèrent peut-être moins de pertes en hommes; ils amenèrent toute leur artillerie de campagne. Néanmoins la prise de Varsovie devenait pour eux le coup mortel, dont il était impossible qu'ils se relevassent, surtout à cause des circonstances qui précédèrent, accompagnèrent et suivèrent cette catastrophe.

Le Comte Krukowiecki ne saurait jamais être excusé de ne pas s'être trouvé sur le champ de bataille, tandis que le sang de l'armée dont il était le chef, y coulait à flots, non plus d'avoir par un emportement qui ne serait pas excusable dans un jeune homme, abandonné le timon des affaires dans le moment le plus critique. Son nom et celui de M. M. Ladislas Ostrowski et Bonaventure Niémoyewski doivent conserver une triste célébrité dans les annales de la Nation Polonaise pour la conduite tenue dans cette funeste journée.

CONCLUSION.

Après la prise de Varsovie, les opérations ne présentent plus aucun caractère de combinaisons militaires. Jusquelà Varsovie avec ses grandes ressources avait été le centre, le palladium qui avait etayé les efforts des Polonais et alimenté la guerre. Varsovie une fois perdue, il n'y avait plus moyen de la continuer, ce qui avait été bien prévu dès le commencement de la révolution par quiconque ne se faisait pas d'illusion sur l'état des choses. En tout autre occurence, 50,000 hommes résolus, réunis dans le camp retranché de Modlin, auraient pu encore avoir bien des chances de succès, mais pour cela il eut fallu avoir des moyens de subsistance et d'équipement, des munitions, des moyens de recrutement et surtout un chef à la tête de l'armée dont le nom, s'appuyant de ses antécédants inspirât une confiance illimitée et fut une garantie de succès. C'est une de telles ressources que Fréderic II put se relever de son camp retranché de Schawrydnitz où il paraissait réduit à l'extrémité. Mais il n'en était point ainsi des 50,000 Polonais qui avaient encore les armes à la main. Argent, vivres, munitions, tout avait été prodigué chez eux, et tous ces objets sont épuisés. Skrzynecki avait perdu les seules occasions d'obtenir des succès décisifs, et de devenir puissant. Néanmoins si les Polonais se réunissent à Modlin, ils pourront encore donner bien des embarras au Maréchal, qui ne saurait aller les chasser avec des forces supérieures au delà de la Narew, sans laisser Varsovie exposée à leurs coups, et la prise de cette capitale par les Polonais remetterait la chose en question, et cela à l'approche des pluies de l'automne. Si les Polonais se réunissent à Modlin, ils pourront au moins négocier et obtenir des conditions et quelques garanties qui les dispenserons de la triste extremité d'aller déposer leurs armes à l'étranger, pour devenir les uns vaga-

bonds dans tout l'univers, les autres le jouet de l hospitalité des Prussiens et des Français. Et en effet, même après la prise de Varsovie on était encore disposé à accorder aux Polonais à peu près les mêmes conditions dont on convenait pendant l'assaut. C'est Romarino qui va les priver de ce traité; et ce Général etranger à la Pologne, indifférent aux destinées ultérieures des Polonais, determinera leurs dernières misères.

Dès le 27 Aout (8 Septembre) le général Malachowski, Commandant en Chef, expédia deux ordres au général Romarino pour qu'il eut à rejoindre sans délai l'armée principale à Modlin en passant le Bug à Kamienczyk, où, moi encore, j'avais fait construire un pont précisément pour servir à ce corps à tout événement.

Mais d'ailleurs la convention faite avec les Russes assure la jonction de Romarino. Le capitaine du quartier-maitrât Kowalski, porteur du second de ces ordres, trouva le quartier-général de ce corps à Siedlce avec une brigade. Zawadski était posté sur le Kostrzyn. Le gros venait d'être dirigé sur Luków par Romarino qui revenait de nouveau à son projet favori d'aller guerroyer autour de Zamość. *Romarino refusa d'obéir, préférant d'agir indépendamment.*

Un billet adressé à cette époque par son Chef d'état major au commandant de Zamość, et qui est tombée entre mes mains, prouve qu'en se dirigeant vers le sud, il avait l'idée de s'arrêter quelque temps près de cette place, de passer ensuite sur la rive gauche de la Vistule vers Zawichost, pour agir contre Varsovie d'une manière *combinée* avec l'autre armée Polonaise, retirée dans le P-t de Plock. C'était un rêve qui prouvait seulement, que Romarino ne comprenait absolument rien à la grande guerre. Mais d'ailleurs, l'ordre qu'on lui avait donné était positif; soldat, il n'avait qu'à obéir. C'est pour la seconde fois en huit jours que Romarino se rendait coupable, et dans de si grâves circonstances du plus grand délit militaire; celui d'une désobéissance positive. Des personnes qui entouraient ce général, il parait que Ladislas Zamoyski était le seul qui eut de l'influence sur ses determinations. Cependant Romarino n'éxécuta absolument rien de ce qu'il avait annoncé être ses projets. Il eut été naturel qu'il cherchât à se procurer une excuse à ses desobéissances par quelques succès, et puisqu'il était indifférent aux destinés ultérieures des Polonais, il pouvait au moins chercher à illustrer son nom par une victoire et la fortune lui en offrait les chances, car Rosen le suivait de près et quoique ce général fut renforcé à ce qu'il parait par Kayssaroff, il n'y a pas de doute que Romarino ne fût en état de se mesurer avec lui avec des chances de succès. Quelsque fussent ses projets, il devait même commencer par se défaire de cette suite importune et pour cela il fallait réunir toutes ses forces et livrer une bonne affaire à Rosen. S'il était vaincu, Romarino ne courait aucune chance plus malencontreuse que ce que lui est arrivé. Et une victoire pouvait grandement influer sur les négociations qui avaient lieu à Nowydwor.

De Luków, le corps Polonais s'était dirigé sur Wawolnica sans même s'arrêter sur le Wieprz, qui lui en offrait une si grande facilité. Puis le gros marcha à Opole, tandis que Zawadski se portait à Podgorze; j'ignorai si c'était pour détruire le pont du g-l Ridiger, ou pour essayer de s'en emparer. Quoiqu'il en soit, il parait que Zawadski parvint jusqu'à un certain point à surprendre la garde du pont, il s'empara des retranchements et fit deux compagnies prisonnières. Les Russes rompirent le pont. Alors Zawadski rejoignit Romarino qui parait avoir tout à fait perdu la tête à cette époque, ou bien s'être laissé aller à un découragement complet. Sans plus songer à autre chose qu'à retourner à Paris, avec les Français qui l'accompagnaient, il avait l'air de considérer les troupes qu'il avait sous ses ordres, comme une escorte seulement qui devait protéger son arrivée à la frontière Autrichienne. Il se dirigea machinalement par Jozefow et Rachow. Pendant cette marche ses troupes soutinrent plusieurs combat d'arrière-garde sans aucun plan ni sans but déterminé, où on se battait partiellement pour le plaisir de se battre. Ces affaires qui coutèrent du monde fort inutilement aux deux partis, eurent lieu à Opolé le 3 (15) Septembre, ensuite à Joséfow près de Rachow le 4 (16) et au village de Kosin. Dans la disposition où se trouvaient amenés les esprits des troupes polonaises, par tous les antécédants que nous avons signalés, il ne fallait plus que l'abattement et l'incurie que manifesta le chef pour porter le dernier coup à leur moral. Aussi pendant cette marche la dissolution fit-elle de grands progrès. Après l'engagement de Kosin, les Polonais entrèrent tranquillement en Galicie près du village de Borow, et y suivirent l'exemple de Dwernicki. Il parait qu'avant d'en venir à cette extrémité Romarino fit des ouvertures d'arangement à Rosen, offrant un peu tard, il est vrai, de se conformer aux stipulations de Varsovie en tant qu'elles pouvaient le concerner; mais celui-ci prédominé toujours par la défiance, exigea impérieusement que les Polonais déposassent simplement les armes, et sans delai; ce qui determina l'entrée sur le territoire Autrichien.

Dès que le corps de Romarino eut terminé sa carrière, le g-l Ridiger redoubla d'activité dans ses opérations contre les faibles corps des généraux Joseph Kaminski et Rojyzki qui lui avaient livré plusieurs combats. Il ne lui fut pas difficile de les pousser au delà des frontières du Royaume. Dans les journées

du 12, 13, 14 (24, 25, 26) octobre ces corps entrèrent sur le territoire de Cracovie et en Galicie avec leurs pièces. Le 15 (27), le général Ridiger occupa cette dernière ville.

Le sort du corps de Romarino eut la plus grande influence sur celui qui s'était rendu à Modlin; Malachówsky nommé d'abord commandant en chef par Niemoyewski, avait bientôt déposé cette charge, devenue beaucoup trop lourde pour lui. On nomma à sa place le général Rybinski.

Uminski voulut aussi être chef, et il y eut un instant où il le devint, mais les troupes refusèrent positivement de lui obéir. Finalement on s'arrêta à Rybinski.

Berg, envoyé par le Maréchal, entama des négociations avec le g-l Morawski pour terminer la guerre par une convention. Mais il y avait toujours ce simulacre de Gouvernement et de diète que quelques exaltés voulaient à toute force faire revivre à la suite de l'armée [1]) ne pouvant pas comprendre l'état des affaires. C'était une véritable charge pour les troupes et une entrave à ce que quelque chose fut conclu. D'un autre côté, les généraux Polonais ne comprirent pas non plus leur véritable situation, et perdaient le temps à marchander des lignes de démarcation dans le P-t de Lublin, qui ne signifiaient rien du tout, jusqu'à ce que l'on reçut la nouvelle de l'entrée de Romarino en Galicie. Alors le chef de l'armée Russe qui devenait plus éxigeant à mesure que la position des Polonais empirait, ne voulut plus entendre parler d'aucune condition, et exigea que l'on se rendit à discrétion. Alors le déséspoir poussa cette malheureuse armée, déjà complétement desorganisée, à aller déposer ses armes en Prusse. Les soldats craignaient d'être incorporés dans des régiments Russes et les officiers des déportations lointaines [2]).

Beaucoup d'individus qui avaient joué des rôles dans la révolution, redoutaient un sort encore plus sévère. Leurs camarades qui avaient moins à craindre, crurent qu'il serait peu honorable de les abandonner par ce motif.

Les Polonais avaient jetté un pont sur la Vistule près de Dobrzykowo en avant de Plock. Le Maréchal quitta Varsovie avec l'armée Russe et se porta vers Sochaczow. Alors les Polonais firent déscendre leur pont à Plock et puis à Wlozlawsk. Le Maréchal repassa sur la rive droite entre Modlin et Varsovie, passa la Narew à Gorà laissant le g-l Pahlen sur la rive gauche de la Vistule. Dans son état de guerre ordinaire, c'eut bien été le cas pour les Polonais de passer en masse sur cette rive gauche, de battre Pahlen, de reprendre Varsovie, et d'annuler par là les conséquences de la dernière bataille. Mais, comme nous l'avons dit, l'armée Polonaise se trouvait dans un état de dissolution qui rendait impossible de songer à aucune opération. D'ailleurs la perte de l'armée de Romarino était pour elle un coup mortel, dont il lui était impôssible de se relever. Après ce coup, un succès même ne pouvait plus rétablir les affaires. Quelques troupes poussaient sur la rive gauche, et rebroussaient bientôt chemin. Enfin les débris de cette armée ne comptant plus que 20,000 hommes en pleine dissolution, et 92 bouches à feu, entrèrent par Szezutowo et Gurzno sur le territoire prussien le 23 Septembre (5 Octobre).

Lorsqu'il n'y eut plus aucun corps Polonais en campagne, la garnison de Modlin commandée par le g-l Leduchowski déposa les armes dans le courant du mois d'Octobre. Cet exemple fut bientôt suivi par celle de Zamość, commandée par le g-l Krysinski.

Il m'a été pénible de trouver dans les relations officielles Russes, rendant compte des événements qui suivirent la prise de Varsovie le reproche répété de *mauvaise foi* adressé aux troupes Polonaises, pour leur conduite dans ce dernier temps; et cette supposition, proclamée comme un fait, a servi de bases à différentes mesures de rigueur. Il est sans doute des reproches que l'on pût faire à bon droit aux Polonais; mais ce dernier est injuste, et je ne crois pas qu'il y eut necessité de le faire.

En effet, nous avons vu comment la négociation de Krukowiecki a été avortée. Celle que Malachowski a conclue n'avait pour but, que la simple évacuation de Varsovie, et les Polonais n'y ont pas été infideles. On croira à cette inculpation en Russie, et par conséquent elle augmentera l'indisposition déjà assez forte des Russes contre les Polonais ce que bien certainement n'est pas dans les intentions de Sa Majesté. Enfin si après l'évacuation de Varsovie, il n'a pas été conclu de convention qui eut empeché le corps Polonais de se jetter à l'étranger, la faute en est à ce que je crois fermement tout autant aux généraux Russes qu'aux Polonais. Il ne s'agissait que d'accorder quelques conditions insignifiantes pour l'essentiel, des conditions que l'on a voulu accorder, tant que l'on a conservé la moindre inquiétude, je ne dirai pas sur l'issue de la guerre, mais sur sa prolongation seulement. Certainement l'on eut evité ce malheureux pélerinage dans tout l'univers, de tant de milliers de malheureux, qui si je ne me trompe ne

[1]) Parcequ'on avait tant répété qu'en 1792 et 1794 la Pologne ne serait pas succombée, si la diète s'était déclarée en permanence, tandis qu'elle avait donné precisément une nouvelle preuve de sagesse, en se séparant au moment où la guerre commençait.

[2]) Un incident qui caractérise les Polonais, c'est qu'au milieu de cette anarchie, et dissolution générale, ils ayent envoyé à Varsovie les millions de la banque.

peut être agreable à l'Empereur, et que bien certainement n'est pas avantageux pour les Russes. Qu'il me soit permit de le dire, je crois qu'en cette occasion quelques généraux Russes ont été beaucoup trop défiants et qu'ils se sont trompés à force de vouloir être fins.

Tels ont été les principaux événements d'une tentative amenée par un concours de circonstances et qui, par la marche des choses, devint un nouvel effort des Polonais pour redevenir Nation. Ils ont succombé, et cette tentative a amené de nouvelles calamités sur un vaste pays [1]), et sur une Nation pour suivie depuis deux siècles par le malheur, et qui, j'ose l'affirmer, par ses antécédants et son caractère national, peut inspirer de l'intêret. Ces calamités on jeté de profondes racines, et bien certainement elles étendront encore leurs funestes effets sur les générations suivantes, si la generosité de Sa Majesté Elle même n'y porte des remèdes, de Sa Majesté, que la victoire vient de rendre denouveau arbitre absolu des destinés de la plus grande portion de la Nation Polonaise.

Ces événements sont faits sans doute pour inspirer de profondes réfléxions quant à l'avenir, et d'autant plus que ces réfléxions peuvent présenter cette importante question sous différentes faces. Mais ce n'est pas à moi qu'il appartiens de discuter ce grand sujet. Pour ne pas devenir indiscret je dois me borner à la tâche qui m'a été imposée par la volonté de Sa Majesté. Je crois l'avoir terminé. J'ai taché de la remplir le mieux qu'il m'a été possible, et je demande pardon si cet ouvrage ne répond pas à sa haute destination, mais dans ce cas, je puis assurer que ce sont mes moyens qui n'auront pas répondu à mes desirs. Au reste je confesse que ce travail à été pour moi pénible et douloureux. Il n'y a qu'un ordre Souverain qui ait pu me le faire entreprendre, mais dès que j'eus reçu cet ordre, je n'ai connu que l'obéissance.

Prądzynski,

Quartier-maitre Général de l'armée Polonaise pendant la guerre de 1831.

Gatschina.
Mois d'Aout 1832.

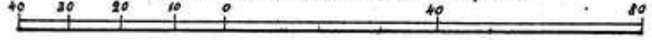
[1]) Le contre coup s'en est fait sensiblement ressentir en Galicie et à Posen, qui ne sauraient rester indifférents aux destinées de la Pologne.

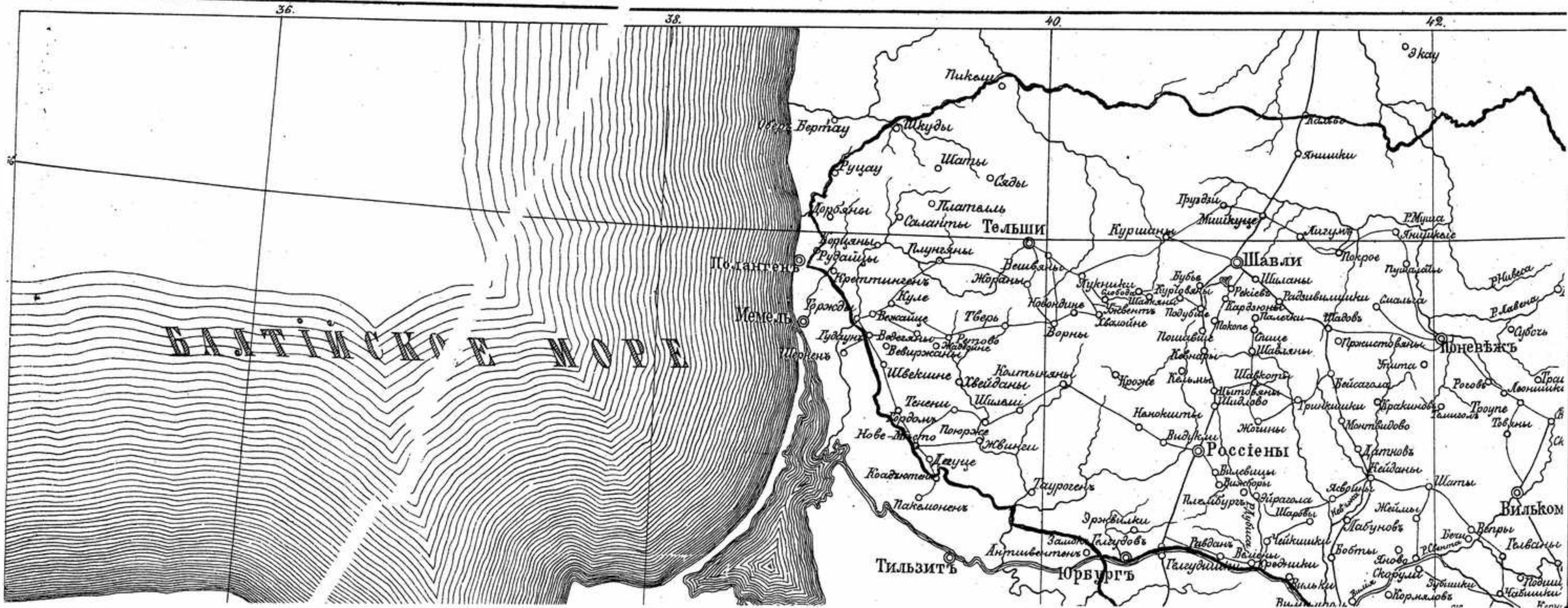
Etat de l'armée polonaise à l'époque du $\frac{23\ \text{Aout}}{4\ \text{Septembre}}$ 1831.

NOMINATIONS DES CORPS.	Bataillons. Nombre.	Bataillons. Totaux.	Escadrons. Nombre.	Escadrons. Totaux.	Batteries. Nombre.	Batteries. Totaux.	Infanterie. Nombre.	Infanterie. Totaux.	Cavalerie. Nombre.	Cavalerie. Totaux.	Artillerie. Nombre.	Artillerie. Totaux.	Chevaux. de selle. Nombre.	Chevaux. de selle. Totaux.	Chevaux. de train. Nombre.	Chevaux. de train. Totaux.	Bouches à feu.	OBSERVATIONS.
Garnison de Varsovie	—	—	—	—	—	—	161	161	478	478	1668	1668	115	115	—	—	—	On comptait que ces 20062 hommes destinés pour la défence immediate de Varsovie seraient renforcés de 5000 gardes nationaux bien armés, sans compter la garde de sureté.
Garnison de Praga	2	2	—	—	—	—	1200	1200	46	46	97	97	43	43	—	—	—	
G-l de Division Uminski. Brig. de l'infant. Czyżeoski.	5	—	—	—	—	—	3721	—	—	—	—	—	—	—	243	—	16	
G-l de Division Uminski. 1-re Div. Rybinski	12	—	—	—	2	—	6957	—	—	—	—	—	—	—	243	—	14	
G-l de Division Uminski. 4-re Div. Milberg	12	—	—	—	2	—	7609	—	—	—	343	—	—	—	—	—	—	
G-l de Division Uminski. 1-re Div. de Caval. Jagmin	—	—	13	—	—	—	—	—	1471	1471	357	—	—	—	—	—	—	
Total	—	29	—	13	—	4	—	18187	—	1471	—	700	1371	1371	—	486	—	
G-l de Division Dembinski. 3-me Boguslavski	14	—	—	—	1	—	8710	—	—	—	225	—	—	—	149	—	12	
G-l de Division Dembinski. Routtié	5	—	5	—	—	—	2873	—	668	—	—	—	442	—	—	—	—	
G-l de Division Dembinski. Brigade de Cav. Dluski	—	—	8	—	—	—	—	—	1178	—	—	—	1100	—	—	—	—	
Total	—	19	—	13	—	1	—	11583	—	1846	—	225	1542	—	149	—	—	
Lubinski 2 Div. de Cav. Skarzynski	—	—	24	24	1	1	—	—	2621	2621	135	135	2501	2501	68	68	6	Renforcé de quelques bataillons pris à Modlin il agissait dans le T-t. de Plock.
Corps détaché de Jannowicz et de Matonschevicz	1	1	4	4	—	—	619	619	540	540	—	—	375	375	—	—	—	En partisans.
G-l de Division Romarino. 5-me Div. Sieravski	14	—	—	—	2	—	7473	—	—	—	346	—	—	—	317	—	20	
G-l de Division Romarino. 6-me » Bielinski	13	—	—	—	1	—	7903	—	—	—	287	—	—	—	231	—	14	
G-l de Division Romarino. 3-me » de Cav. Miller	—	—	25	—	1	—	—	—	3409	—	205	—	3283	—	124	—	8	Cette Div. on avait l'ordre de se joindre au G-al Romarino pendant toute la campagne.
G-l de Division Romarino. Brigade de Cav. Sneyde	1	—	6	—	—	—	—	—	680	—	—	—	625	—	—	—	—	Opérant ordinairement sur la rive droite de la Vistule.
Total	—	27	—	31	—	4	—	15376	—	4039	—	838	—	3908	—	672	—	
Artillerie de réserve Col. Chorzewski	—	—	—	—	6	6	—	—	—	—	1252	1252	397	397	801	801	50	
Parc de réserve lieut. col. Koryzna	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	457	457	—	—	701	701	—	
Sapeurs Solkievicz	—	—	—	—	—	—	189	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Total	—	78	—	85	—	16	—	47316	—	11091	—	5372	—	10252	—	3563	140	
Corps détaché du G-l de Don Szembek	7	7	—	—	—	—	3927	3927	—	—	—	—	—	—	—	—	11	Ce corps fut commandé par Rozycki, Szembek n'ayant pas accepté sa nomination.
Garnison de Zamość Krysinski	4	4	1	1	1	1	3887	3887	151	151	—	—	126	126	—	—	—	
Garnison de Modlin Ledakowski	8	8	8	8	1	1	3425	3425	914	914	202	202	839	839	—	—	—	
Total général	—	97	—	94	—	18	—	60566	—	12156	—	5814	—	11217	—	3563	151	

КАРТА
ТЕАТРА ВОЙ
1830-1831 ГОДОВЪ.

Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 40 верстъ



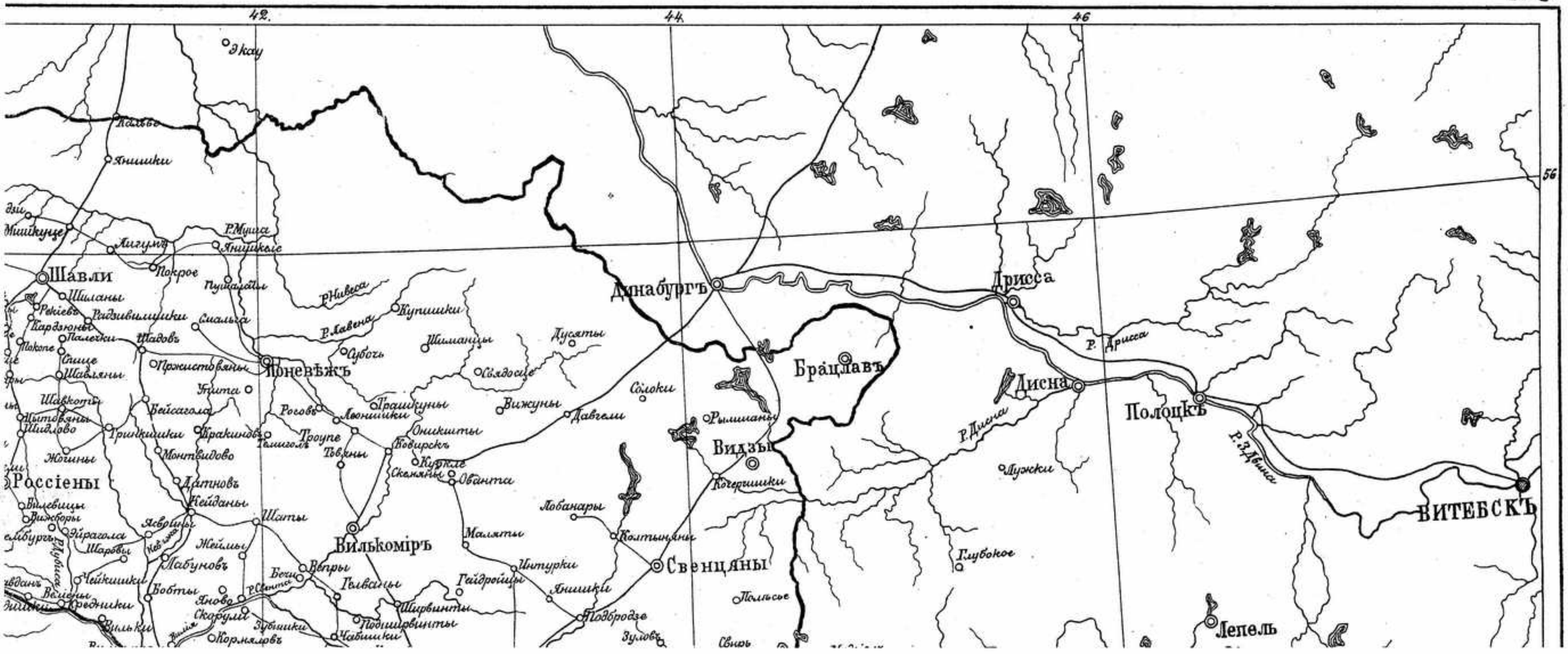

36.
38.
40.
42.
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Мемель
Полангенъ
Шеренъ
Тильзитъ
Юрбургъ
Тельши
Шавли
Россіены
Поневѣжъ
Вилькомиръ
Пикели
Шкуды
Шаты
Сады
Платель
Салантъ
Куршаны
Грузди
Мишкуце
Янишки
Ягуны
Покрое
Шиланы
Радзивилишки
Сиальга
Шадовъ
Прежстовяны
Шавляны
Шилово
Гринкишки
Кракиновъ
Монтвидово
Шатны
Кейданы
Видукли
Жогины
Шарвы
Жеймы
Мабунов
Бобты
Скарулй
Кейданы
Шилы
Шимели
Пакамонен
Эржвилки
Чейкишки
Равданъ
Вилькишки
Кормялов
Эйрагола
Плигбургъ
Вилевицы
Вижборы
Ясвойны
Кейданы
Шатны
Бейсагола
Рогово
Троупе
Товяны
Упита
Шавкоты
Кельмы
Крожне
Пошишце
Шиланы
Кейданы
Пакокшты
Жогины
Видукли
Шилово
Шимели
Шимкайцы
Ковенъ
Новодвицы
Хвалойне
Ворны
Подубье
Токопе
Палецки
Шадовъ
Курговяны
Рекіевъ
Радзивилишки
Кардзюны
Бубье
Шиланы
Лукишки
Слобода
Шадяны
Кейданы
Ковенъ
Тверь
Ретово
Жадейне
Вевиржаны
Водегяны
Пудаунъ
Вежайце
Куле
Ержды
Швекшне
Хвейданы
Колтыняны
Тенени
Шимели
Гордомъ
Покерже
Ново-Место
Жвинги
Кедуце
Коадзютенъ
Таурогенъ
Эржвилки
Замки
Галгудовъ
Антивентенъ
Галгудишки
Равданъ
Вейшены
Чейкишки
Бобты
Ягново
Скарулй
Зубишки
Кормялов
Вилькишки
Бегомль
Ветры
Гелваны
Подвиль
Чабишки
Эжкау
Янишки
Калвы
Лигумъ
Р. Муша
Янишкле
Пуранцяны
Р. Нивяга
Р. Лавена
Субочь
Рогово
Троупе
Товяны
Р. Шешупа
Р. Шешупа
Р. Шешупа

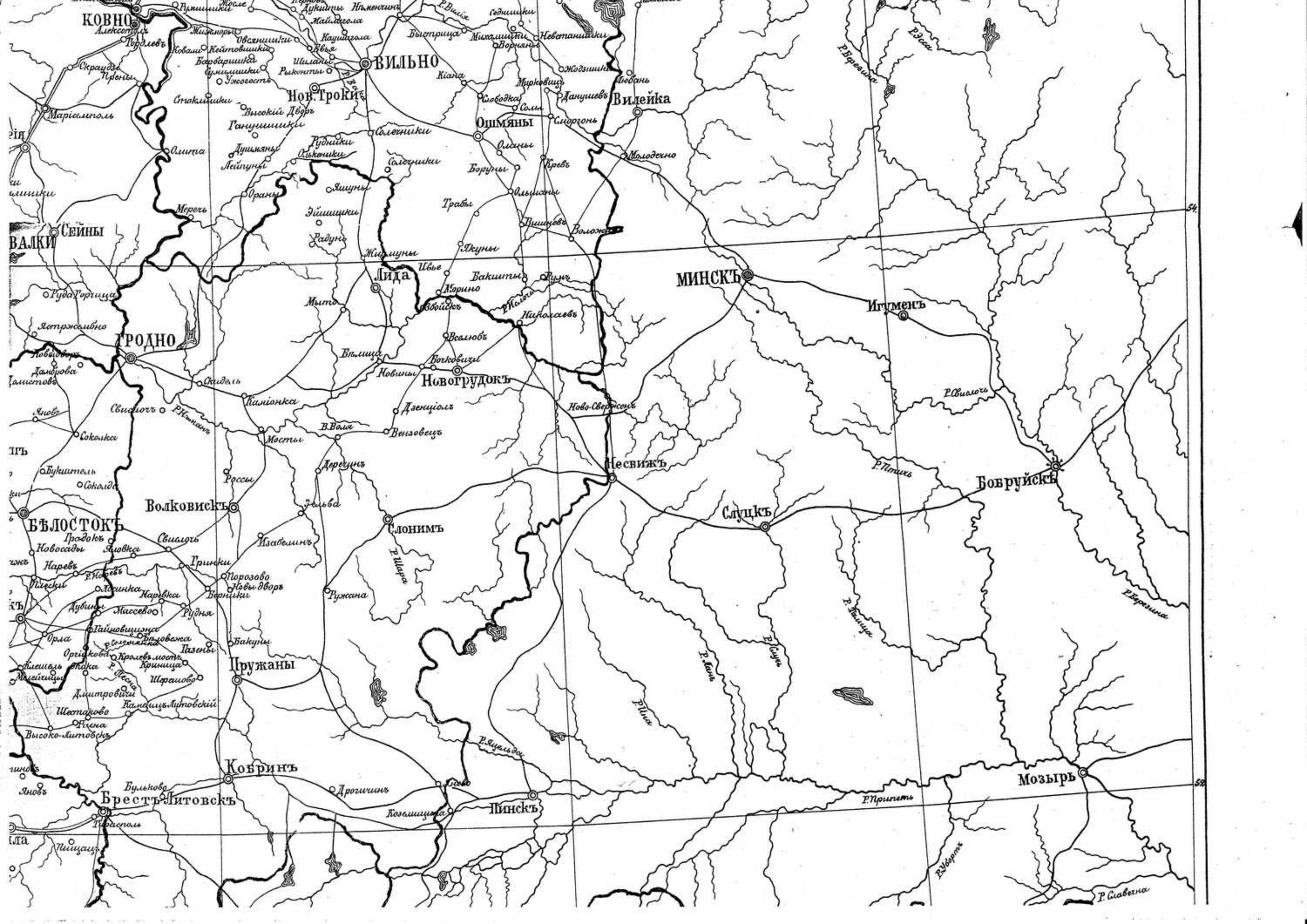
Лабіау
КЕНИГСБЕРГЪ
Инстербургъ
Гумбиненъ
ДАНЦИГЪ
Пр. Эйлау
Браунсбергъ
Голдапъ
Эльбингъ
Гейльсбергъ
Растенбургъ
Лецен
Маріенвердеръ
Трауденецъ
Кульмъ
БРОМБЕРГЪ
Торнъ
Страсбургъ
Нейденбургъ
Пурзно
Щутово
Рыпинъ
Млава
Острово
Призасныпъ
Остроленка
Вонгровицъ
Иновраслав
Могильно
Сужево
Осекъ
Воля
Раціонжекъ
Киколь
Липно
Скомпе
Серпецъ
Безуни
Шренскъ
Радзиново
Р. Вкра
Хопцунъ
Рашонжъ
Малишинъ
Дроздово
Сонскъ
Ливендзь
Охотники
Козлово
Дробинъ
Тршлево
Роготкорскъ
Плонскъ
Пурсе
Радзымине
Мужелъ
Несвисскъ
Лагево
Серочкъ
Делибе
Ст. Замбекъ
Пултускъ
Кихары
Вулково
Выликовъ
Каменецкъ
Стердынь
Ружанъ
Маковецъ
Добре
Ломжа
Мыщинецъ
Ставишки
Новогрудокъ
Хорзеле
Худаль
Кнышинъ
Крынно
Букштель
Сокола
Жалтки
Завады
Рудки
Замбровъ
Яблонка
Соколы
Суражъ
Высокомазовецкъ
Чижевъ
Кукуковъ
Пыщево
Мыша
БѢЛОСТОКЪ
Градокъ
Новосады
Наревъ
Ярловка
Свислочъ
Изабелинъ
Гриски
Порозово
Новый Дворъ
Вереники
Мостки
Волковискъ
Россы
Бѣльскъ
Мошинка
Нарѣвка
Рудня
Массево
Дубинки
Пайковщизна
Пузовежа
Бакуны
Пазены
Пружаны
Шерешово
Камениць Литовский
Высоко-Литовскъ
Брестъ Литовскъ
Коброинъ
Бульково
Бяла
Тывасполь
Пищацы
Ланизъ
Радзынъ
Сероколица
Окржея
Мошовицы
Парновскъ
Жалахов
Войчеснувъ
Косцутъ
Варкъ
Ласкаржевъ
Потыч
Тарволинъ
Руска Воля
Маковъ
Зджары
Мендзыржецъ
Домашице
Крынки
Трембешовъ
Паризовъ
Серочинъ
Латовичъ
Боровъ
Шеннице
Кифлевъ
Цегловъ
Карчевъ
Мышинецъ
Ходовъ
Мокободы
Конотантиновъ
Морды
Яновъ
Ябучинъ
Зджары
Ходоль
Минскъ
Кольбель
Ставровъ
Ржевинъ
Маковъ
Шахановъ
Пшевлекъ
Брутки
Островъ
Шлыковъ
Пшевлекъ
Воисево
Поворово
Шумово
Червинъ
Пысницъ
Прошинъ
Пысницъ
Накла
Кляково
Пяты
Клявдово
Рудки
Можешинъ
Лопухово
Тыкочинъ
Крынно
Букштель
Сокола
Жалтки
Завады
Скрауды
Пренды
Ковали
Кейтовшизны
Барбаришки
Бумшишки
Ужогость
Стоклишки
Высокій Дворъ
Ганушишки
Пушкяны
Лейпуны
Ораны
Меречь
Олита
Марціамполь
Кальварія
Рудки
Шталишки
СУВАЛКИ
Сейны
Ранка
Августово
Руда Горница
Ястрэмбно
Гродно
Новосверно
Дамброва
Скидель
Каліонки
Мосты
Свислочъ
Р. Нѣманъ
Яновъ
Соколка
Гончаровъ
Щучинъ
Граево
Вознавесь
Войды
Ингродъ
Дамстовъ
Іоганисвургъ
Ариси
Лыкъ
Аленштетъ
Раіно
Августово
Руда Горница
Ястрэмбно
Гродно
Новосверно
Дамброва
Скидель
Каліонки
Мосты
Свислочъ
Яновъ
Соколка
Щучинъ
Граево
Вознавесь
Войды
Ингродъ
Дамстовъ
Іоганисвургъ
Ариси
Лыкъ
Аленштетъ
Виллембергъ
Мыщинецъ
Ставишки
Новогрудокъ
Хорзеле
Худаль
Ломжа
Остроленка
Млава
Острово
Призасныпъ
Ружанъ
Выликовъ
Каменецкъ
Стердынь
Маковецъ
Добре
Ходовъ
Мокободы
Конотантиновъ
Морды
Яновъ
Ябучинъ
Зджары
Ходоль
Минскъ
Кольбель
Ставровъ
Ржевинъ
Маковъ
Шахановъ
Пшевлекъ
Брутки
Островъ
Шлыковъ
Пшевлекъ
Воисево
Поворово
Шумово
Червинъ
Пысницъ
Прошинъ
Пысницъ
Накла
Кляково
Пяты
Клявдово
Рудки
Можешинъ
Лопухово
Тыкочинъ
Крынно
Букштель
Сокола
Жалтки
Завады
Скрауды
Пренды
Ковали
Кейтовшизны
Барбаришки
Бумшишки
Ужогость
Стоклишки
Высокій Дворъ
Ганушишки
Пушкяны
Лейпуны
Ораны
Меречь
Олита
Марціамполь
Кальварія
Рудки
Шталишки
СУВАЛКИ
Сейны
Ранка
Августово
Руда Горница
Ястрэмбно
Гродно
Новосверно
Дамброва
Скидель
Каліонки
Мосты
Свислочъ
Р. Нѣманъ
Яновъ
Соколка
Гончаровъ

АРТА
РА ВОЙНЫ
-1831 ГОДОВЪ.

Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 40 верстъ
10 0 40 80

№ 1.




КОВНО
ВИЛЬНО
Нов. Троки
Вилейка
Ошмяны
Лида
МИНСКЪ
Игуменъ
ГРОДНО
Новогрудокъ
Несвижъ
Бобруйскъ
Слуцкъ
Волковискъ
БѢЛОСТОКЪ
Слонимъ
Пружаны
Кобринъ
Брестъ Литовскъ
Пинскъ
Мозырь
Сейны
Р. Вилія
Р. Вака
Р. Березина
Р. Эсса
Р. Свислочь
Р. Птичь
Р. Щара
Р. Ружанка
Р. Наревъ
Р. Ясельда
Р. Припеть
Р. Уборть
Р. Славечна
Р. Ина
Р. Лань
Р. Случь
Р. Ислочь
Р. Песна
Р. Нѣманъ
Р. Гавица
Р. Ясельда
Р. Березина
Р. Свислочь
Р. Припеть
Р. Уборть
Р. Славечна
54
52

Браунсбергъ
Голцанъ
Эльбингъ
Гейльсбергъ
Растенбургъ
Леценъ
СУВАЛКИ
Сейны
Маріенбургъ
Грауденецъ
Кульмъ
Іоганисбургъ
Щучинъ
ГРОДНО
Нейденбургъ
Кнышинъ
БРОМБЕРГЪ
Торнъ
Млава
Остроленка
Ломжа
БѢЛОСТОКЪ
Волковискъ
Прзасныш
Вонгровицъ
Иноврацлавъ
Могильно
Пултускъ
Бѣльскъ
ПЛОЦКЪ
Модлинъ
Пружаны
Вышгородъ
Конинъ
ВАРШАВА
Ловичь
СЕДЛЬЦЕ
Кобринъ
Брестъ Литовскъ
Лэнчица
Плешенъ
КАЛИШЪ
Згержъ
Бяла
Варта
Рава
Радзынъ
Острово
Шадекъ
Сѣрадзь
Піотрковъ
Опочно
РАДОМЪ
Вартенбергъ
Шидловецъ
Вѣлюнь
Конскъ

Радомскъ
Ченстохово
Оппельнъ
Гр.Стрелицъ
Бейтенъ
Олькушъ
Илесъ
Тешенъ
КРАКОВЪ
Бохнія
Ендржеіовъ
Кельце
Опатовъ
Сандомиръ
Пилица
Мѣховъ
Жорновецъ
Сѣверно
Славковъ
Ивановице
Хржанов
Шкаплерж
Зуравники
Висмица
Стопница
Дзялошице
Пинковъ
Михалувъ
Пуры
Собковъ
Ракувъ
Хальчникъ
Ксашовъ
Р.Вислока
Р.Сан
Р.Нида
Р.Дунаецъ
Р.Ганев
Р.Стрыи
Р.Днестръ
Самборъ
Пржемысль
Лежайскъ
Ржешовъ
Ярославъ
Жолкіевъ
Лембергъ
Злочо
Каменка
Терноградъ
Южегровъ
Болгорай
Красноброд
Пшовце
Звержинецъ
Немировка
Щебржешинъ
Замосцье
Янов
Ст.Замосць
Грубешовъ
Прабовецъ
Скербешовъ
Туровинъ
Красникъ
Госкерадовъ
Боровъ
Завихостъ
Косинъ
Раховъ
Урзендовъ
Красноставъ
Жолковка
Тарнагурад
Застав
Избица
Тлаге
Войславице
Дубенка
Корытница
Кладимиръ-В
Эстамиръ
Порецкъ
Милят
Горохов
Литовиж
Крылов
Номаров
Ст.Замосць
Жабчиковъ
Ивановъ
Ходелъ
Ивантовка
Юзефовъ
Попов
Близковецъ
Ожаровъ
Свѣшиховъ
Цмиловъ
Пантальковъ
Павловъ
Олесники
Раіовице
Суходолъ
Стержище
Торжковъ
Высоке
Быхава
Хмель
Черніовъ
Пляшовъ
Лящупке
Павловъ
Дрогуськ
Хелмъ
Провѣдники
Стрешиковице
Любинъ
Любскъ
Вѣлица
Вржаховецъ
Ивановъ
Ходелъ
Ивантовка
Юзефовъ
Попов
Балтувъ
Пиловъ
Намаво
Куровъ
Мшиховъ
Водзенинъ
Васіовъ
Шупянова
Ивановъ
Архидевъ
Михалувъ
Винхоцъ
Праховице
Павловска Вол
Пиловъ
Р.Нида
Р.Камеика
Ключа
Сокуль
Солецъ
Камень
Липско
Пржко
Ополе
Врѣновъ
Вѣлица
Р.Сан
Р.Вислока
Р.Ганев
Р.Стрыи
Р.Днестръ
Самборъ
Пржемысль
Лежайскъ
Ржешовъ
Ярославъ
Жолкіевъ
Лемберг
Злочо
Каменка
Терноградъ
Южегровъ
Болгорай
Красноброд
Пшовце
Звержинецъ
Немировка
Щебржешинъ
Замосцье
Янов
Ст.Замосць
Грубешовъ
Прабовецъ
Скербешовъ
Туровинъ
Красникъ
Госкерадовъ
Боровъ
Завихостъ
Косинъ
Раховъ
Урзендовъ
Красноставъ
Жолковка
Тарнагурад
Застав
Избица
Тлаге
Войславице
Дубенка
Корытница
Кладимиръ-В
Эстамиръ
Порецкъ
Милят
Горохов
Литовиж
Крылов
Номаров
Ст.Замосць
Жабчиковъ
Ивановъ
Ходелъ
Ивантовка
Юзефовъ
Попов
Близковецъ
Ожаровъ
Свѣшиховъ
Цмиловъ
Пантальковъ
Павловъ
Олесники
Раіовице
Суходолъ
Стержище
Торжковъ
Высоке
Быхава
Хмель
Черніовъ
Пляшовъ
Лящупке
Павловъ
Дрогуськ
Хелмъ
Провѣдники
Стрешиковице
Любинъ
Любскъ
Вѣлица
Вржаховецъ
Ивановъ
Ходелъ
Ивантовка
Юзефовъ
Попов
Балтувъ
Пиловъ
Намаво
Куровъ
Мшиховъ
Водзенинъ
Васіовъ
Шупянова
Ивановъ
Архидевъ
Михалувъ
Винхоцъ
Праховице
Павловска Вол
Пиловъ
Р.Нида
Р.Камеика
Ключа
Сокуль
Солецъ
Камень
Липско
Пржко
Ополе
Врѣновъ
Вѣлица

Условные Знаки.

- ГУБЕРНСКІЙ — Города
- Уѣздный — Города
- Большое — Селенія
- Малое — Селенія
- Шоссейная — Дороги.
- Большая — Дороги.
- Малая — Дороги.

36. 38. 40. 42.

Иванова, Гармалыева ул. д. №35.

Олита
Лейпуны
Ольконики
Солечники
Боруны
Кревъ
Молодечно
Ошмяны
Ораны
Ямуны
Меречь
Травы
Ольмяны
Эйшишки
Вишневъ
Воложинъ
Сейны
Радунь
Якуны
Жирмуны
Лида
Швье
Бакшты
Руничъ
МИНСКЪ
Руда Горница
Морино
Мыто
Свойскъ
Игуменъ
Николаевъ
Ястрженбно
ГРОДНО
Всемюбъ
Новый Дворъ
Вилица
Вочковичи
Дамброва
Новины
Новогрудокъ
Скидель
Каменка
Ново-Свержень
Дзенціолъ
Свислочь
Р. Нѣманъ
Р. Свислочь
Вензовецъ
В. Воля
Мосты
Несвижъ
Деречинъ
Р. Птичь
Бобройскъ
Россы
Волковискъ
Ельва
Слонимъ
Слуцкъ
БѢЛОСТОКЪ
Градокъ
Свислочь
Изабелинъ
Новосады
Яловка
Гринки
Наревъ
Порозово
Р. Нуревъ
Ружана
Р. Шара
Новый дворъ
Верники
Нарѣвка
Рудня
Массево
Бакуны
Пружаны
Р. Семятичи
Газены
Кролевъ мостъ
Криница
Шерашово
Р. Лесна
Камениць-Литовскій
Высоко-Литовскъ
Р. Ясельда
Р. Ясельда
Р. Шара
Р. Щара
Р. Щара
Р. Ясельда
Р. Ясельда
Р. Ясельда

Красноставъ
Владиміръ-Волынскій
Луцкъ
Ровно
Новградъ Волынскъ
Радомысль
Житомиръ
Острогъ
Заславъ
Дубно
Кременецъ
Бердичевъ
Староконстантиновъ
Проскуровъ
Летичевъ
Литинъ
Винница
Жмѣльникъ
Брацлавъ
Тайсинъ
Каменецъ-Подольскій
Могилевъ
Хотинъ
Тарнополь
Злочовъ
Лембергъ
Жолкіевъ
Чортковъ
Самборъ
Сокаль
Грубешовъ
Краснобродъ
Пшемыслъ
Комаровъ
Немировка
Юзефовъ
Дрогуськ
Павловъ
Олесники
Раіовецъ
Стенжица
Войславице
Дубенка
Корытница
Избища
Хлопе
Скербешовъ
Грабовецъ
Замосць
Крыловъ
Литовижъ
Порецкъ
Милятинъ
Пужковъ
Пужкополь
Беределка
Хрипики
Шишево
Козинъ
Верба
Радзивиловъ
Броды
Почаевъ
Вишнивецъ
Вышгородокъ
Малинская корчма
Скалатъ
Сатановъ
Скала
Звангородъ
Ланцутъ
Рудки
Тыричъ
Локачи
Скурже
Тарговица
Красное
Беремль
Новоселки
Дешна
Ляховцы
Мижирич
Васьковцы
Пищицы
Березна
Р. Случь
Р. Ирша
Р. Тетерев
Р. Днѣстръ
Р. Стрый
Р. Збручъ
Р. Жванчикъ
Р. Смотрича
Р. Ушица
Р. Жванецъ
Р. Збручъ
Р. Днѣстръ
Малочка
Красногорка
Чудновъ
Менжибожъ
Майданекъ
Шаровка
Михалполь
Ведехи
Женишковцы
Варъ
Чернегинъ
Махновка
Ободное
Вороновица
Михайловка
Пировъ
Ямполь
Ладыжинъ
Лукашивка
Губникъ
Красносилка
Петковка
Шаргородъ
Нова Ушица
Яновъ
Гнивань
Ганцевъ
Бродокъ
Лужки
Грачовъ
Сутиски
Ивашковцы
Ольховецъ
Ивановцы
Ивановцы
Ивановцы

ДѢЙСТВІЯ ГОЛОВИНА

СЪ 20 ІЮНЯ ПО 8 ІЮЛЯ 1831 Г.

Масштабъ

въ англ. дюймѣ 6 верстъ

6 верстъ — 3 — 0 — 6 верстъ

инаводы

ия

ргты

п. Е. Врангель

Р. Лиавежъ

2 р. и обозъ
27 Іюня

Головинъ

2 р. 4 ор.

Ягодна

Ав. 22го Іюня

Скржинецкій и Рыбинскій

Скрода

Лончка

Р. Костржижницъ

Р. Мухавецъ

22го Іюня
Бл. силы

Седльце

Головинъ

Морды

Хржановск. { 8 б. п. / 2 п. к. / 10 ор.

3 п. 4½ пѣх. див.
28. 47го к. 8го ег. п.
2 роты саперъ
7 эск. Польск. и Татар. ул. п.
1 каз. полкъ
10 п. п. 4 к. ор.

Головинъ
4½ пѣх. п. 1200 кав.

Збучинъ
Бл. силы
20 Іюня

Радомысль

Бѣлзы

Ружа

Сточекъ

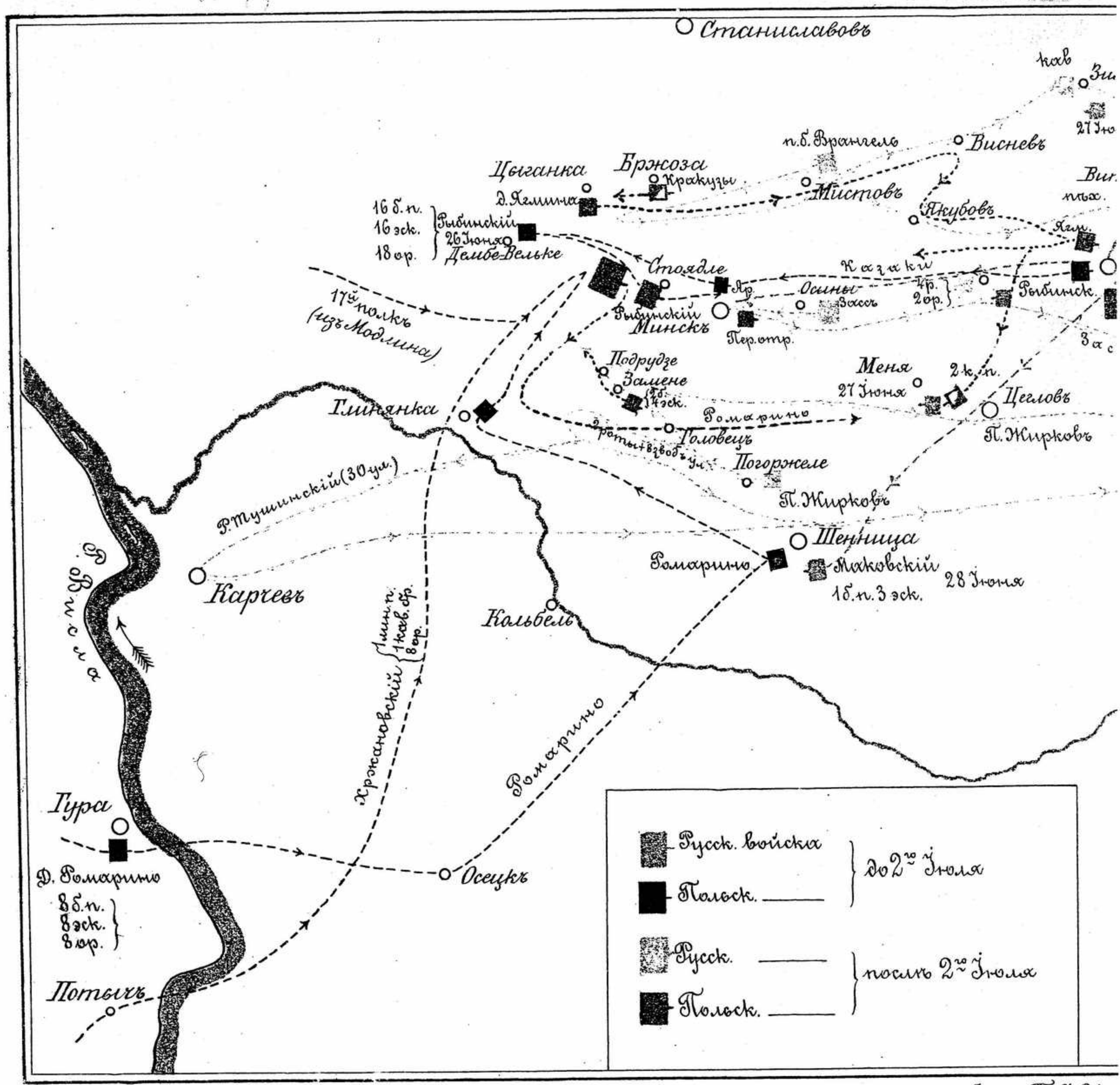
Хржановск.
Ромарино

Ромарино
7 Іюля

Луковъ

Черт. Н. Коншинъ

...нова, Петерб. ч. Гарлимильева № 35.



Хромо-Лит. П. Я. Ива

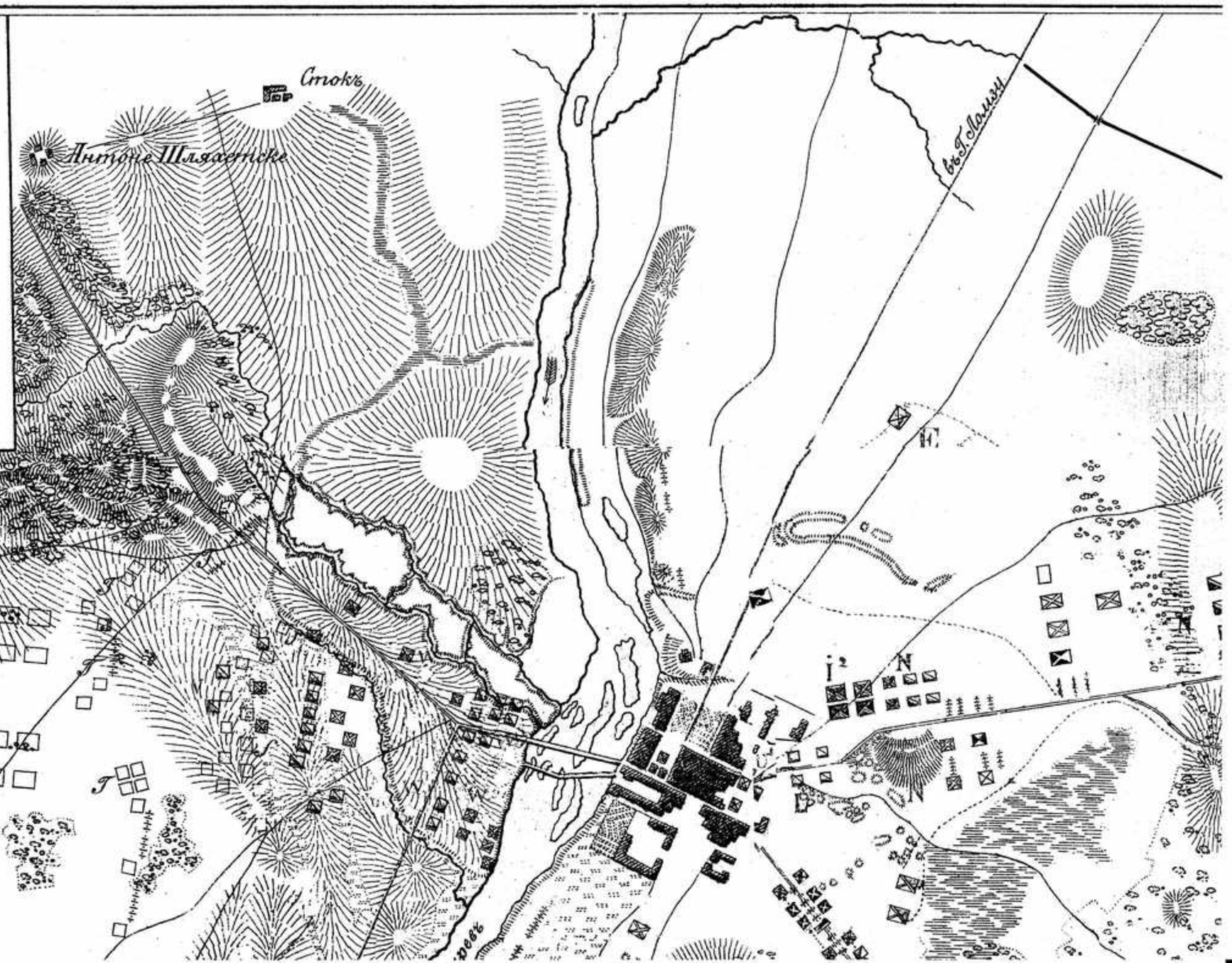
ПЛАНЪ

СРАЖЕНІЯ ПРИ ГОРОДѢ

ОСТРОЛЕНКѢ

Мая 14-го дня

1831-го года.



Круки

Дрончеи

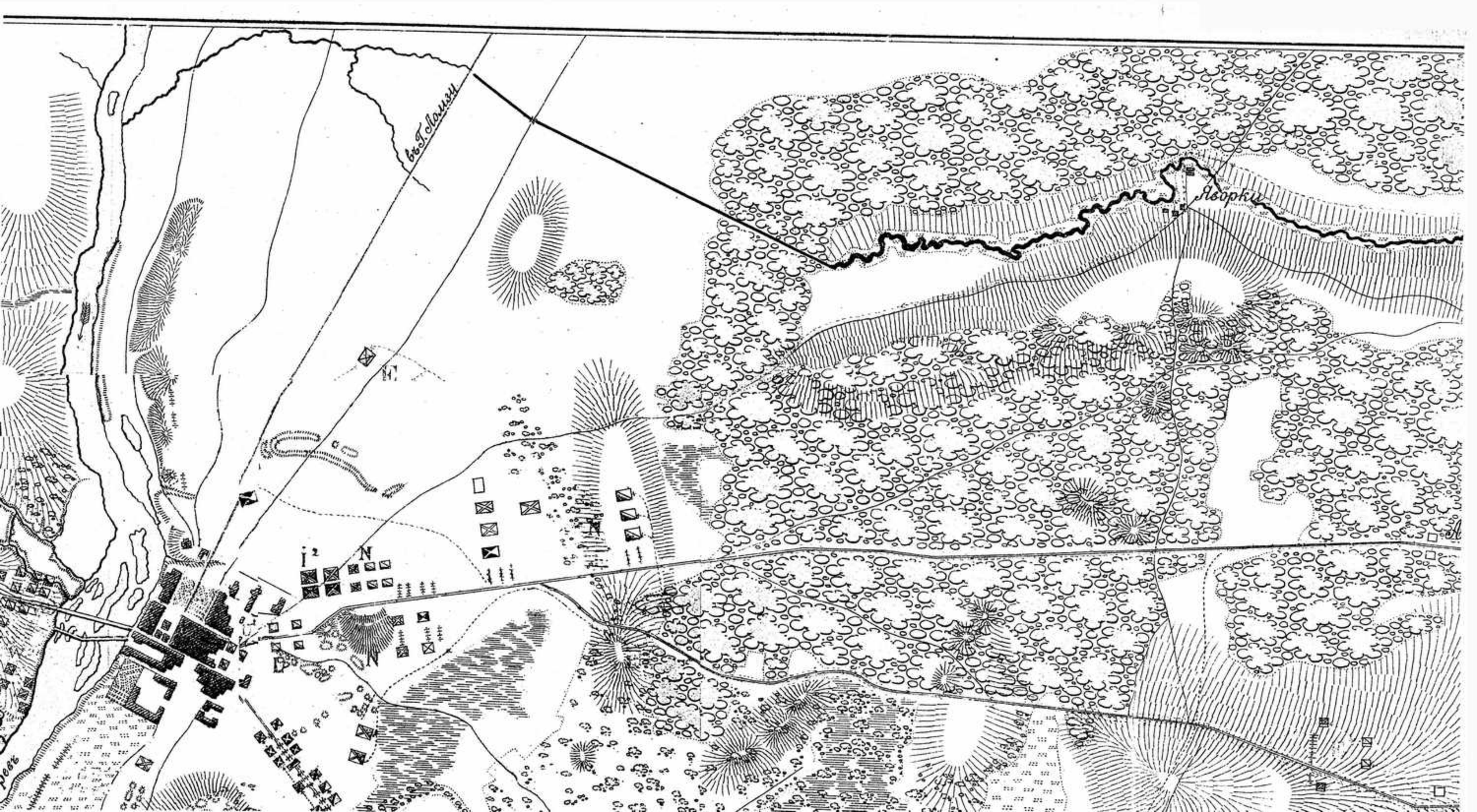
Ольшевка

Ольшево Борки

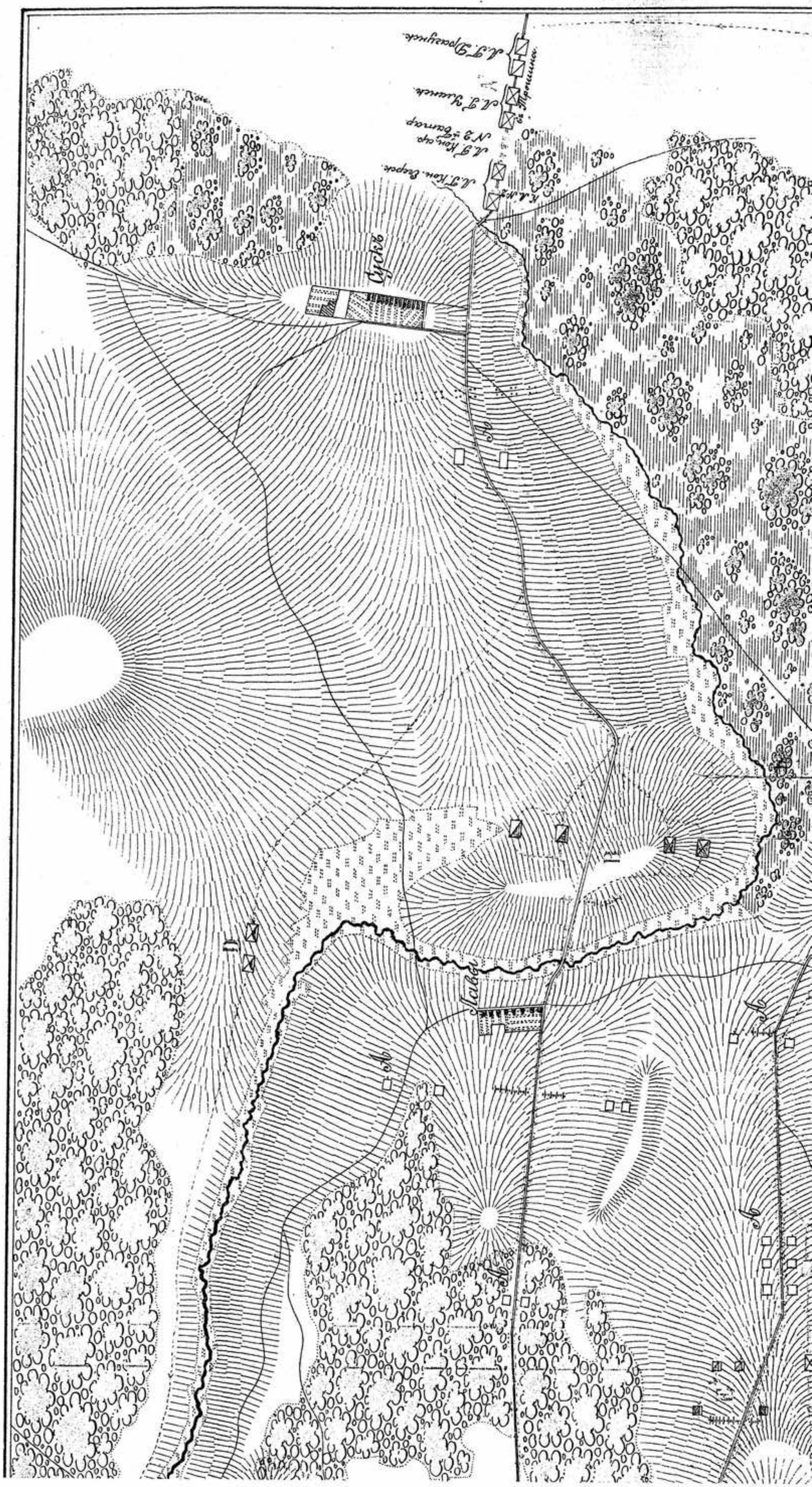
Наклы

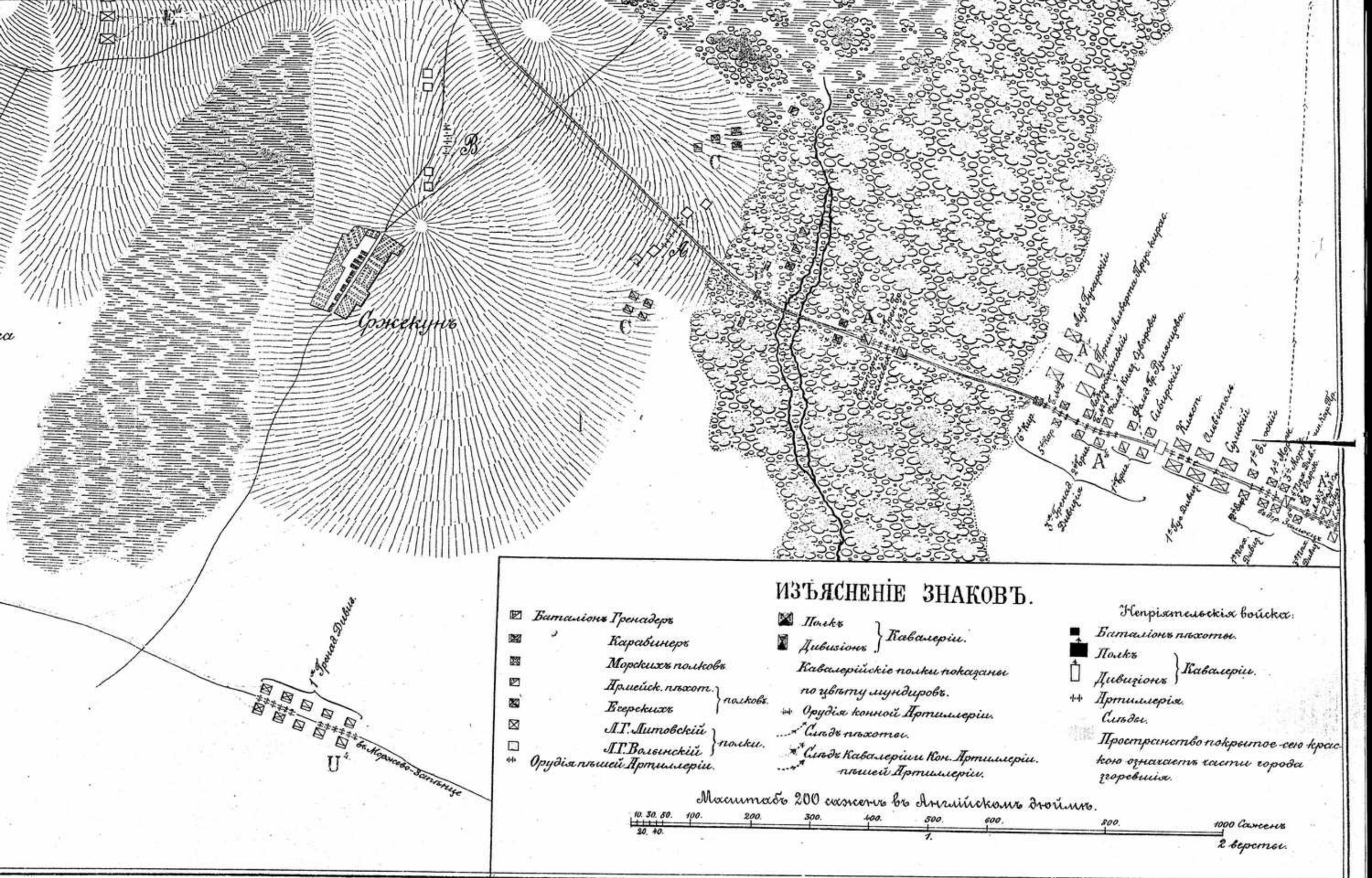
Грабово

Полянь


въ Г. Ломзу
Яворки

Выпихи
Старовѣска
Таболице
Помянъ
Ленцахеръ


Сухъ
Лавра


Сржекунъ
1я Гренад. Дивиз.
въ Моржево-Запѣнце
ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.
Баталіонъ Гренадеръ
Карабинеръ
Морскихъ полковъ
Армейск. пѣхот.
Егерскихъ
полковъ.
Л.Г. Литовскій
Л.Г. Волынскій
полки.
Орудія пѣшей Артиллеріи.
Полкъ
Дивизіонъ
Кавалеріи.
Кавалерійскіе полки показаны по цвѣту мундировъ.
Орудія конной Артиллеріи.
Слѣдъ пѣхоты.
Слѣдъ Кавалеріи и Кон. Артиллеріи.
пѣшей Артиллеріи.
Непріятельскія войска:
Баталіонъ пѣхоты.
Полкъ
Дивизіонъ
Кавалеріи.
Артиллерія.
Слѣды.
Пространство покрытое сею краскою означаетъ части города згоревшія.
Масштабъ 200 саженъ въ Англійскомъ дюймѣ.
10. 30. 50. 100. 200. 300. 400. 500. 600. 800. 1000 Саженъ
20. 40. 1. 2 версты.
Лит. П. Я. Иванова, Бармалѣева улица домъ № 35.

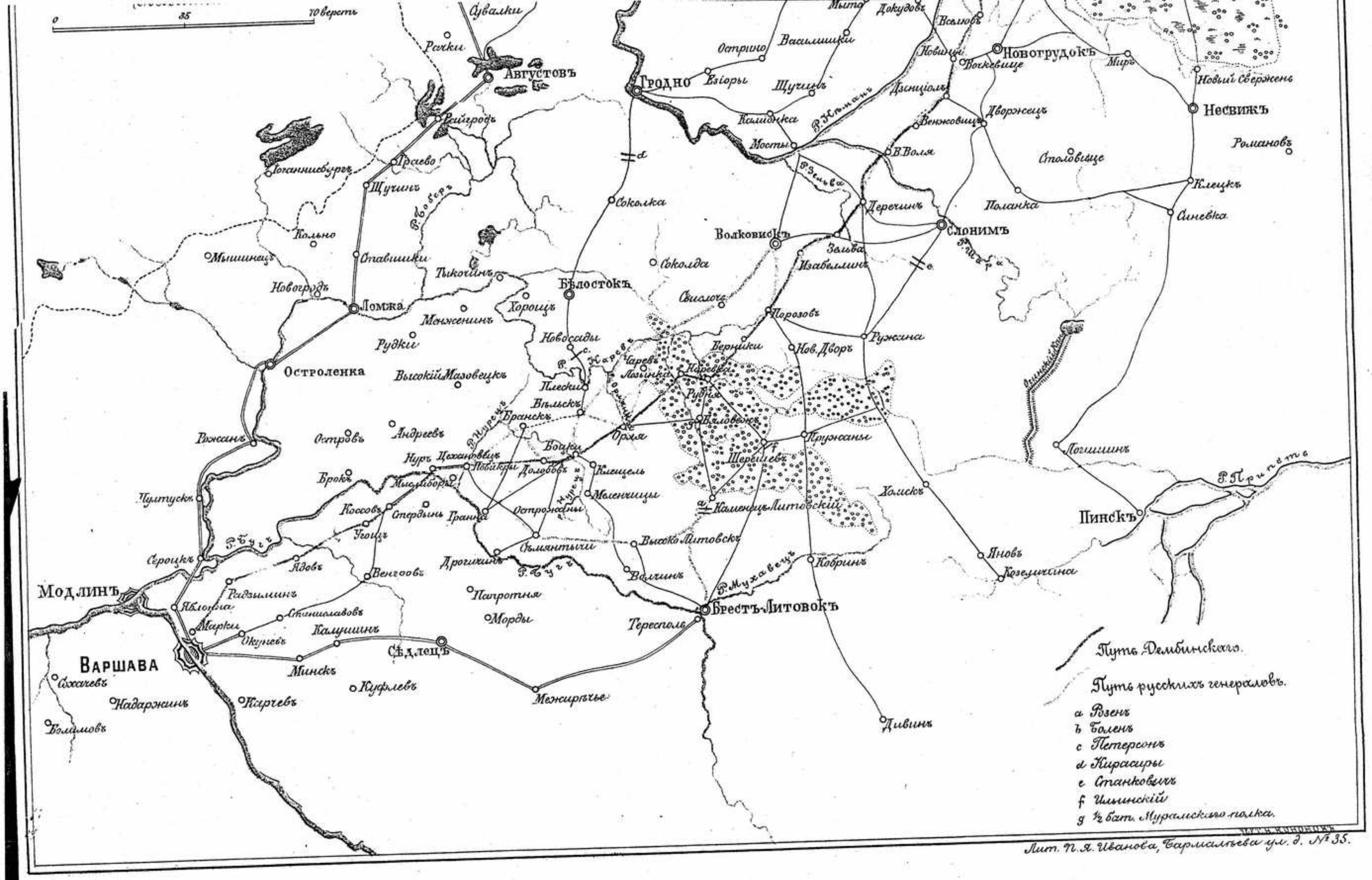
Походъ

ДЕМБИНСКАГО

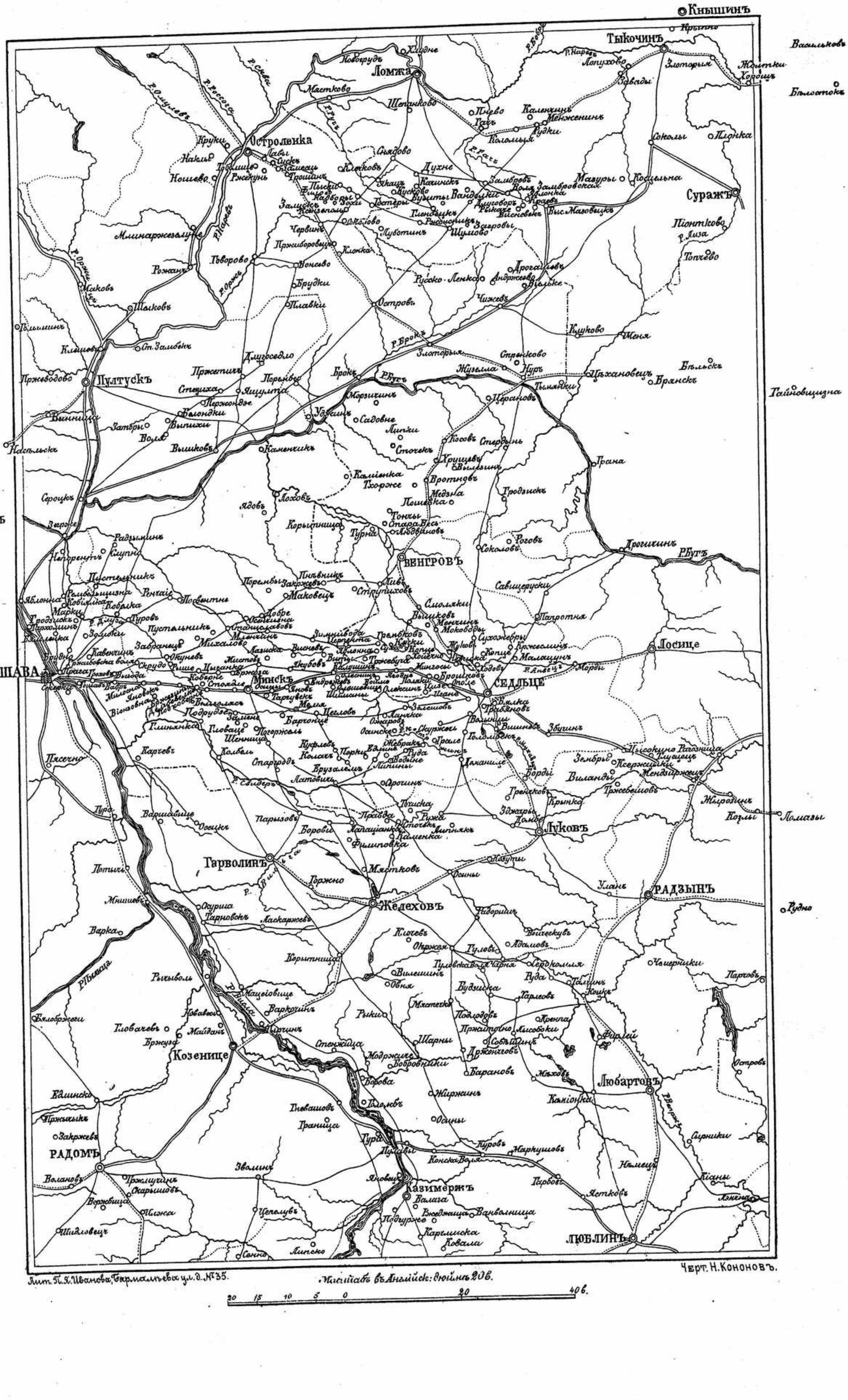
въ Іюлѣ и Августѣ 1831 года.

Масштабъ:

Митава
Бузенъ
Янишки
Бакшишки
Динабургъ
Круя
Грузде
Мышкуцы
Покрое
Янишкеле
Либурмы
Пумпалаты
Розалинъ
Галюмбе
Курпіаны
Шавли
Радзивилишки
Кіаодишъ
Дуяты
Гезёрскъ
Брасласъ
Дисна
Тельши
Лукнишки
Куртовяны
Шадовъ
Смильты
Поневѣжъ
Сошниковъ
Плунгяны
Вышвяны
Модубисъ
Видзы
Оникшкы
Угяны
Планген
Кулс
Шивляны
Бейсагола
Рогово
Крупе
Овсянка
Вержи
Ковары
Курки
Левишки
Ремигола
Твяловъ
Свенцяны
Глубокое
Мемель
Гудауен
Кракиновъ
Габонары
Мяліаты
Колтыняны
Интурки
Щитовяны
Кроки
Датновъ
Вилькомиръ
Колтыняны
Россіены
Кейданы
Шаты
Ящишки
Швекшна
Плембурчъ
Вепры
Гейдрайцы
Подбродзе
Жеймы
Беки
Сиръ
Гордомъ
Новемясто
Чейкишки
Швирвинты
Зуловъ
Дегучен
Вилены
Средники
Чебишки
Подберезье
Михайлишки
Северишки
Равданяны
Янов
Дубишки
Мейсагола
Долгиновъ
Понор
Вижки
Намечинъ
Быстрица
Новосилишки
Юрбургъ
Телубишки
Жодишки
Ворняны
Вилейка
Румшишки
Ковно
Жижморы
Марковщизне
Тельзитъ
Іоганнисбургъ
Алексота
Вильна
Рыконты
Руконы
Слобода
Данучевъ
Сольо
Смаргонь
Ошмяны
Троки
Молодечно
Пильвишки
Высокій Дворъ
Кревы
Лебеда
Радошковичи
Вильковишки
Пупе
Боруны
Ольшаны
Верешина
Маріамполь
Олькеники
Вишневе
Трабы
Минскъ
Воложинъ
Мирославъ
Ораны
Веронова
Якуны
Рылки
Кальварія
Меречь
Радуне
Жирмуны
Бокиты
Ивье
Николаевъ
Морипъ
Збойскъ
Лида
Сейны

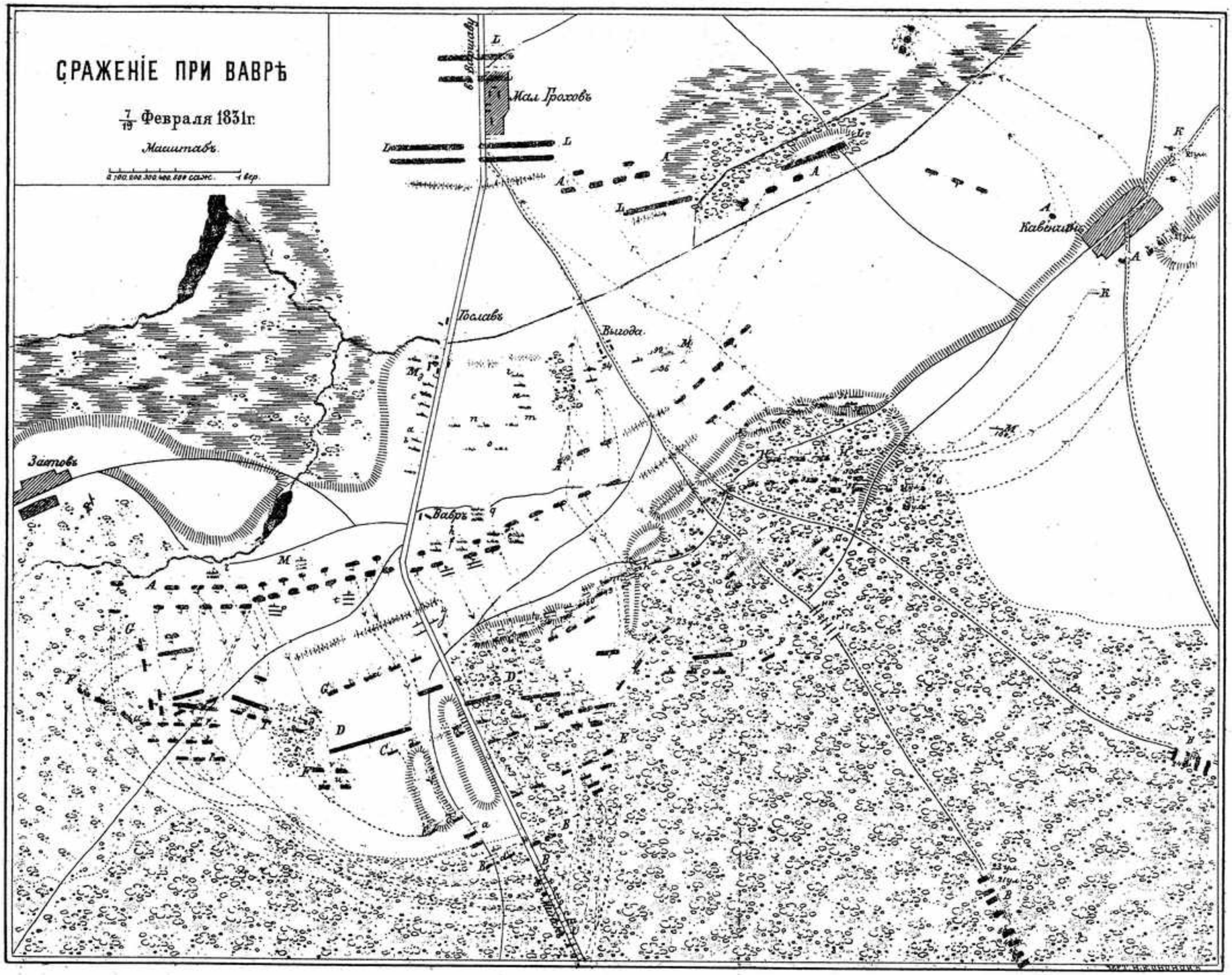

0 35 70 верстъ
Сувалки
Рачки
Августовъ
Гродно
Острино
Василишки
Мыто
Докудовъ
Вселовъ
Новинцы
Новогрудокъ
Вочкевище
Миръ
Новый Свержень
Несвижъ
Езіоры
Щучинъ
Дзенціолъ
Дворжецъ
Венжовицъ
Калишка
Мосты
В. Воля
Романовъ
Столовище
Клецкъ
Поланка
Синевка
Деречинъ
Слонимъ
Волковискъ
Зельва
Изабеллинъ
Соколка
Соколда
Свислочь
Порозовъ
Ружина
Нов. Дворъ
Берники
Бѣлостокъ
Хороцъ
Новосады
Чаревъ
Лозынка
Наревка
Рудня
Вяловежъ
Пружаны
Шерешевъ
Каменецъ Литовскій
Холмскъ
Кобринъ
Яновъ
Козеличина
Пинскъ
Логишинъ
Р. Припеть
Р. Мухавецъ
Брестъ-Литовокъ
Тересполь
Дивинъ
Высоко Литовскъ
Волчинъ
Сѣмянтычи
Дрогичинъ
Папротня
Морды
Межирѣчье
Сѣдлецъ
Минскъ
Куфлевъ
Карчевъ
Надаржинъ
Сохачевъ
Болимовъ
Варшава
Модлинъ
Сероцкъ
Пултускъ
Рожанъ
Остроленка
Ломжа
Новогродъ
Мышинецъ
Кольно
Ставишки
Щучинъ
Граево
Іоганнисбургъ
Райгродъ
Тыкочинъ
Менженинъ
Рудки
Высокій Мазовецкъ
Плески
Вѣльскъ
Бранскъ
Орля
Боцки
Клещель
Меленчицы
Острожаны
Долобовъ
Новикры
Цехановецъ
Нуръ
Мыслиборы
Брокъ
Коссовъ
Стердынь
Гранна
Угоцъ
Венгровъ
Ядовъ
Радзыминъ
Станиславовъ
Марки
Окуневъ
Калушинъ
Яблонна
Р. Бугъ
Р. Нуренъ
Р. Кѣманъ
Р. Зельва
Р. Шара
Р. Боберъ
Р. Нуренъ
Р. Бугъ
Р. Мухавецъ
Путь Дембинскаго.
Путь русскихъ генераловъ.
a Розенъ
b Боленъ
c Петерсонъ
d Кирасиры
e Станковичъ
f Ильинскій
g ½ бат. Мурамскаго полка.
Лит. П. Я. Иванова, Бармалѣева ул. д. № 35.

КАРТА ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.


Кнышинъ
Крупно
Тыкочинъ
Василковъ
Р. Нарѣвъ
Лопухово
Злоторыя
Жомтки
Хорощъ
Завады
Р. Бобръ
Ломжа
Новогрудъ
Хлудне
Р. Свиръ
Р. Россоха
Р. Омулевъ
Мастково
Р. Ручъ
Шепанково
Пѣево
Каленкинъ
Менженинъ
Гачъ
Рудки
Колольня
Р. Гачъ
Сокалы
Плонка
Острольнка
Круки
Лавы
Сиядово
Сускъ
Наклы
Тобалище
Камень
Клепковъ
Духне
Ношево
Ржекунь
Трошинъ
Якацъ
Кашинскъ
Замбровъ
Малуры
Косцельна
Пыски
Кусково
Вандалки
Замбровскаг.
Суражъ
Назборы
Зохи
Вузиты
Краевъ
Замскъ
Гостеры
Рыкацъ
Висневекъ
Выс. Мазовецкъ
Пѣонтково
Р. Лиза
Червинъ
Пржиборовицъ
Клонка
Загровы
Шумово
Луботинъ
Р. Нарѣвъ
Р. Оржицъ
Тьворово
Рожанъ
Вонсево
Русско-Ленкъ
Дрогалевъ
Андржево
Вельки
Маковъ
Брудки
Чижевъ
Шаковъ
Плавки
Островъ
Кшуково
Шея
Р. Брокъ
Злоторыя
Стрѣнково
Бѣльскъ
Пультускъ
Ст. Замбекъ
Длугосѣдло
Пржетичъ
Порембы
Брокъ
Р. Бугъ
Жузелка
Нуръ
Шьхановецъ
Врянскъ
Пшеводово
Степуха
Яцкулята
Морзичинъ
Пилякки
Пержондзе
Церановъ
Балондки
Садовне
Выпихи
Линки
Затбры
Воля
Косовъ
Стердынь
Выпишковъ
Каменчикъ
Хрущевъ
Прана
Камѣнка
Вымазинъ
Тхоржце
Вротновъ
Медзна
Гродзискъ
Лоховъ
Пошевка
Ядовъ
Тонкы
Старая Весь
Корытница
Турна
Людвиновъ
Роговъ
Соколовъ
Дрогичинъ
Р. Бугъ
Радзымінъ
Кмупно
ВЕНГРОВЪ
Пустельникъ
Порембы
Закржевъ
Пѣвникъ
Струпиховъ
Савищеруски
Маковецъ
Смоляки
Папротня
Лосице
Менчинъ
Моководы
Сухожебры
Р. Лѣсна
Седлъце
Вялка
Грабянов
Збучинъ
Цысокино
Тлущецъ
Кжерженки
Виланды
Мендзыржецъ
Жмродзинъ
Козлы
Ломазы
Луковъ
Рудно
Радзынъ
Улань
Чагерники
Парчовъ
Любартовъ
Р. Вѣпржъ
Сирники
Кіяны
Ленина
Казимержъ
Люблинъ
Радомъ
Варшава
Минскъ
Модлинъ
Гарволинъ
Желеховъ
Козенице
Пясечно
Прага
Грохов
Выгода
Коберле
Стокале
Вѣнзовна
Подрудзе
Глинянка
Гловаце
Шенница
Погержель
Карчевъ
Колбель
Спаргодъ
Брузалель
Латовичъ
Р. Свидеръ
Пура
Варшавице
Осецкъ
Парызовъ
Боровы
Правда
Ружа
Ласацианка
Каменка
Филиповка
Липинъ
Потычъ
Мнишевъ
Варка
Р. Пилица
Р. Вислица
Горжно
Мясткович
Осины
Окурица
Тарновецъ
Ласкаржевъ
Ключевъ
Окржея
Гуловы
Адамовъ
Корытница
Пулавка
Воля Чарня
Вилешинъ
Овня
Рыкиволь
Мацеювице
Варкочинъ
Рыки
Подлодовъ
Кренга
Мясткова
Пржитарно
Лисобоки
Кровавецъ
Шарны
Собѣшинъ
Стенжица
Модржице
Держнювъ
Бобровники
Баранов
Борова
Пневашовъ
Граница
Гура
Пулавы
Конска Воля
Маркушовъ
Яновецъ
Гарбовъ
Ястковъ
Валага
Подгурже
Вжевница
Ванвольница
Карлинска
Ковала
Липско
Сенно
Целеювъ
Шидловецъ
Ружа
Ожарово
Скуржец
Ланка
Ежебракъ
Руда
Водыне
Липины
Цаканице
Борды
Гренковъ
Крынка
Здзары
Долбе
Жаупты
Улань
Ниборичъ
Ключевъ
Адамовъ
Пулавка
Воля Чарня
Вилешинъ
Руда
Талгинъ
Кошкъ
Харлевъ
Вудзинка
Мясткова
Пржитарно
Собѣшинъ
Держнювъ
Бобровники
Баранов
Мяховъ
Любартовъ
Каміонка
Р. Вѣпржъ
Сирники
Кіяны
Ленина
Немецъ
Гарбовъ
Ястковъ
Казимержъ
Валага
Подгурже
Вжевница
Ванвольница
Карлинска
Ковала
ЛЮБЛИНЪ
Р. Вѣпржъ
Р. Пилица
Р. Вислица
Р. Пилица
Р. Оржицъ
Р. Омулевъ
Р. Свидеръ
Р. Вислица
Р. Вѣпржъ
Р. Бугъ
Р. Нарѣвъ
Р. Бобръ
Р. Ручъ
Р. Гачъ
Р. Брокъ
Р. Лѣсна
Р. Лиза
Р. Вѣпржъ
Р. Пилица
Р. Свидеръ
Р. Вислица
Р. Вѣпржъ
Р. Пилица
Р. Вислица
Р. Вѣпржъ
Р. Пилица
Р. Вислица
Р. Вѣпржъ
Р. Пилица

ОПЕРАЦІИ РУССКОЙ АРМІИ ОТЪ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗЪ Р. БУГЪ 30 ЯНВ. ДО ВАВРСКАГО БОЯ 7 ФЕВР. И БОЯ ПРИ ГРОХОВѢ 13 ФЕВР.

ПУЛТУСКЪ
Шаховской 10ц
Насѣльскъ
2 роты 1 эскадр. 1 сотня
Шаховской II гренад.
10.000 56 ор.
Сѣроцкъ
Мандерштейнъ 10ц
Зегржъ 10ц вечер.
МОДЛИНЪ
Ніепоренты 11ц
Маховской
вечером
Радзымин
Секеринъ
Слупно
Рембелищизна
Ковязки
Ахмат. пк.
Радзиск
Туровъ
Пятоленка
Расположеніе Русской арміи передъ Вавромъ
Окуневъ
Михаловъ
Пустеленикъ
Гроховъ
Гроховская Фабр.
Выгода
Милосна
Новый Цыганъ Сруда
Янковъ
Подкоберніе
Делбе Велке
Цыганка
Якубовъ
Ивановъ
Ходковъ
Мисторовъ
Новомин. уланы
Кандорожевъ
Минскъ
бр. кон. гверій
Цеглювъ
Укр. ул.
Гейсмеръ
Шеннице
Карчевъ
ВАРШАВА
Р. Висла
Р. Бугъ
Р. Нарѣвъ
Р. Ливецъ
Р. Ясельда
Р. Лесна
Р. Свислочь
Р. Свислочь
Р. Свислочь


СРАЖЕНІЕ ПРИ ВАВРѢ
7/19 Февраля 1831г.
Масштабъ.
Мал Гроховъ
Гославъ
Выгода
Вавръ
Заетовъ
Кавенчинъ

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГРОХОВѢ

$\frac{13}{25}$ Февраля 1831г.

Масштабъ

500 с. 400 300 200 100 0 1Кил.

ВАРШАВА

Прага

Брудно

Тарговекъ

Шмулевщизна

Кол. Александровъ

Кол. Пальчевскаго

Кол. Гуржинскаго

Кол. Ельснера

Кол. Вейгардта

Кол. Мецената

Кол. Левенгольца

Зомбки

Кавенчинъ

Сласка

Колпа

Пыщавъ

Кирпичный заводъ

Гроховъ

Гославская Колпа

Гославскій

Выгода

Ласкъ

Застав

Р. Вилюю

Р. Окунева

Р. Жижору

Р. Вавръ

Р. Свидеръ

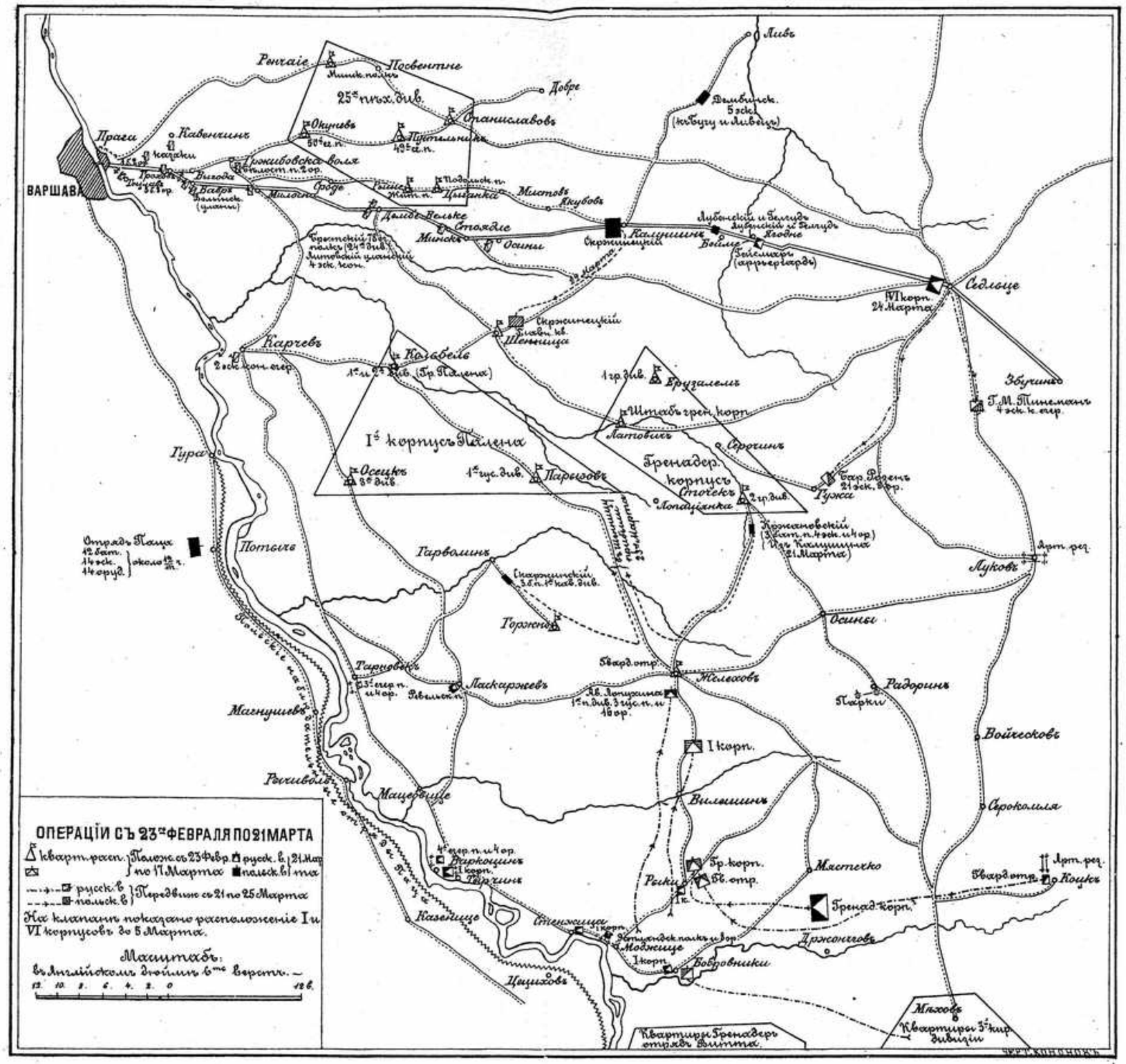
Р. Ковалевка

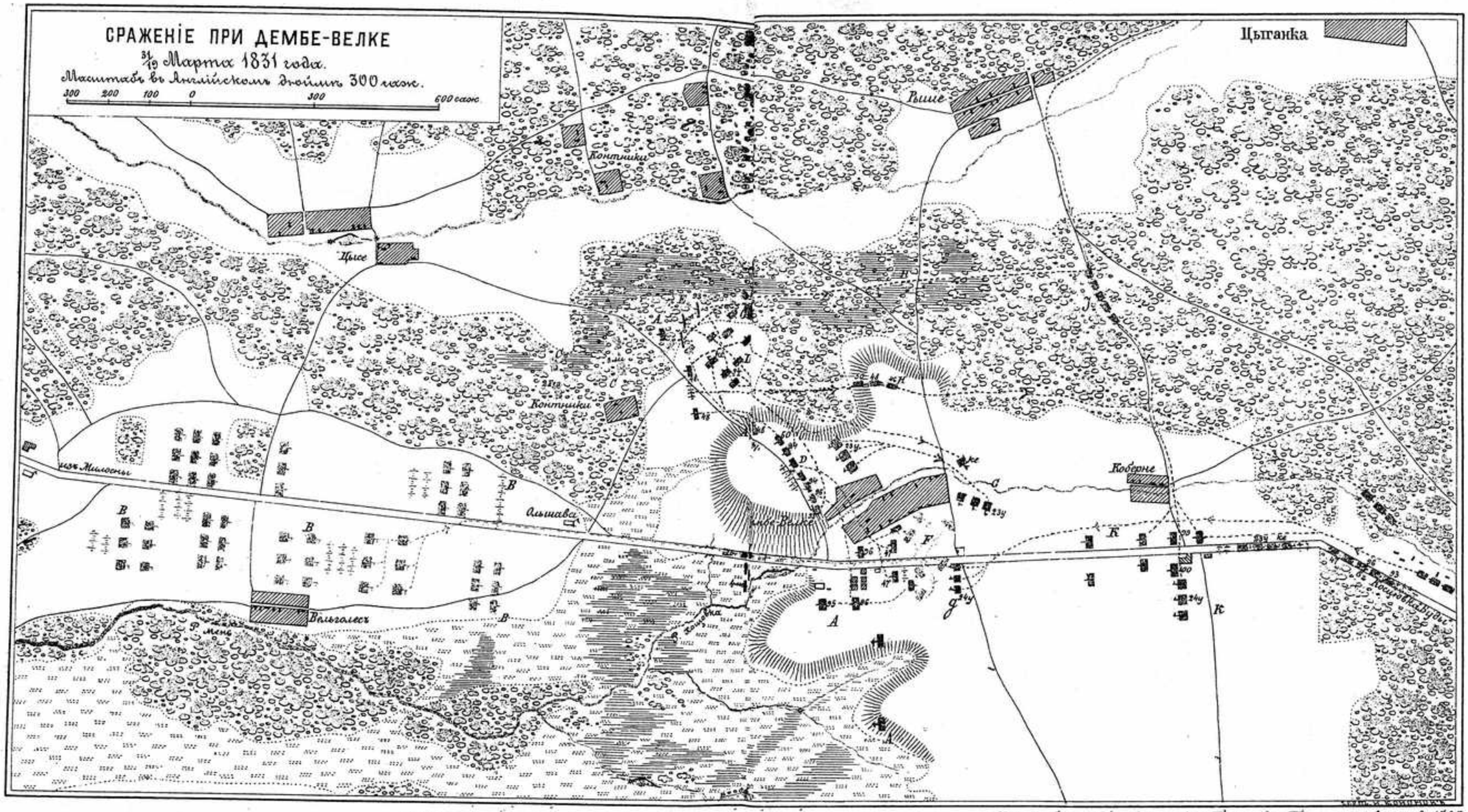
Р. Карчевка

Р. Ласковка

Р. Ласковка

Р. Ласков


ВАРШАВА
Прага
Ренчаје
Посвентне
Минск. позиц.
25ᵈ пех. див.
Добре
Станиславов
Окунев
50ᵉ ц. п.
Пустельники
49ᵉ а. п.
Кавенчинъ
каждан
Грижибовска воля
Выгода
Милосна
Собе
Подольск. п.
Цыганка
Мистовъ
Якубовъ
Долиде Велике
Стоядле
Минскъ
Осины
Скржинецкій
Шеньица
Карчевъ
2 эск. кон. отр.
Колабелъ
1ᵃ гр. див. (Гр. Палена)
Лювенскій и Белгудъ
Любенскій и Белгудъ
Ягодне
Войме
Гейлемахъ (артиллеристы)
Седлце
IV корп. 24 Марта
Збуцинъ
Г. М. Тимеманъ
4 эск. к. отр.
1 гр. див.
Ерузалемъ
Штабъ грен. корп.
Латовичъ
Серочинъ
I корпусъ Палена
Осецкъ
8ᵉ див.
1ᵃ гус. див.
Парызовъ
Гренадер. корпусъ
Сточекъ
2 гр. див.
Лопатянка
Бар. Розенъ 21 эск. в-р.
Гужа
Кожановскій (3 бат. п. 4 эск. и 4 ор.) Изъ Калушина 21. Марта
Арт. рез.
Луковъ
Гура
Отрядъ Пашк
12 бат.
14 эск.
14 оруд.
около 12 т.
Потыхъ
Гарволинъ
(Скржинскій 3.5 п. 1ᵍᵃ кав. див.
Горжно
Осины
Гарновіцъ
3ᵉ гер. п. 4 кор.
Ласкаржевъ
Явинскъ
Кав. Лопухина 1ᵍᵃ п. див. 3 гус. п. и 1 в-р.
Гвард. отр.
Мелеховъ
Радорынъ
Пяркы
Магнушевъ
Рыкиволе
Мацеювице
I корп.
Вилишинъ
Войсковъ
Сроколиля
4ᵉ гер. п. и 4 кор.
Вирконцинъ
II корп.
Тарлинъ
Гр. корп.
Бв. отр.
Рейки
Мястечко
Арт. рез.
Гвард. отр.
Коцкъ
Гренад. корп.
Казенице
Стенжица
Эстляндск. полкъ и 1 в-р
Моджице
I корп.
Бобровники
Држенговъ
Цицховъ
Мяховъ
Квартиры Гренадер. отрядовъ Винта.
Квартиры 3ᵍᵒ кор. дивизіи
ОПЕРАЦІИ СЪ 23ᵍᵒ ФЕВРАЛЯ ПО 21 МАРТА
квартир. расп.
Полож. съ 23 Февр. по 17 Марта
русск. в
польск. в
21 Мар
та
русск. в
польск. в
Передвиж. съ 21 по 25 Марта
На клапанѣ показано расположеніе I и VI корпусовъ до 5 Марта.
Масштабъ:
въ Англійскомъ дюймѣ въ ᵐᵉ верстѣ. —
12. 10. 8. 6. 4. 2. 0 12 в.



Хромо-Лит. П. Я. Иванова, Петерб. ч., Бармалѣева ул. д. № 35.

Составъ колоннъ 13го Мая.

I Правая (гр. Паленъ)

Авангардъ:

г. Бергъ.

Екатеринослав. гренад. полкъ.
Любенск. гусарскій полкъ.
2 Каз. п. Секретова и Борисова.

Главныя силы:

Кирас. пр. Альберта п. и 4 ор.
3го гр., 3го и 5го пех. дивизіи.
1го гусарская дивизія.
Резервная артиллерія.

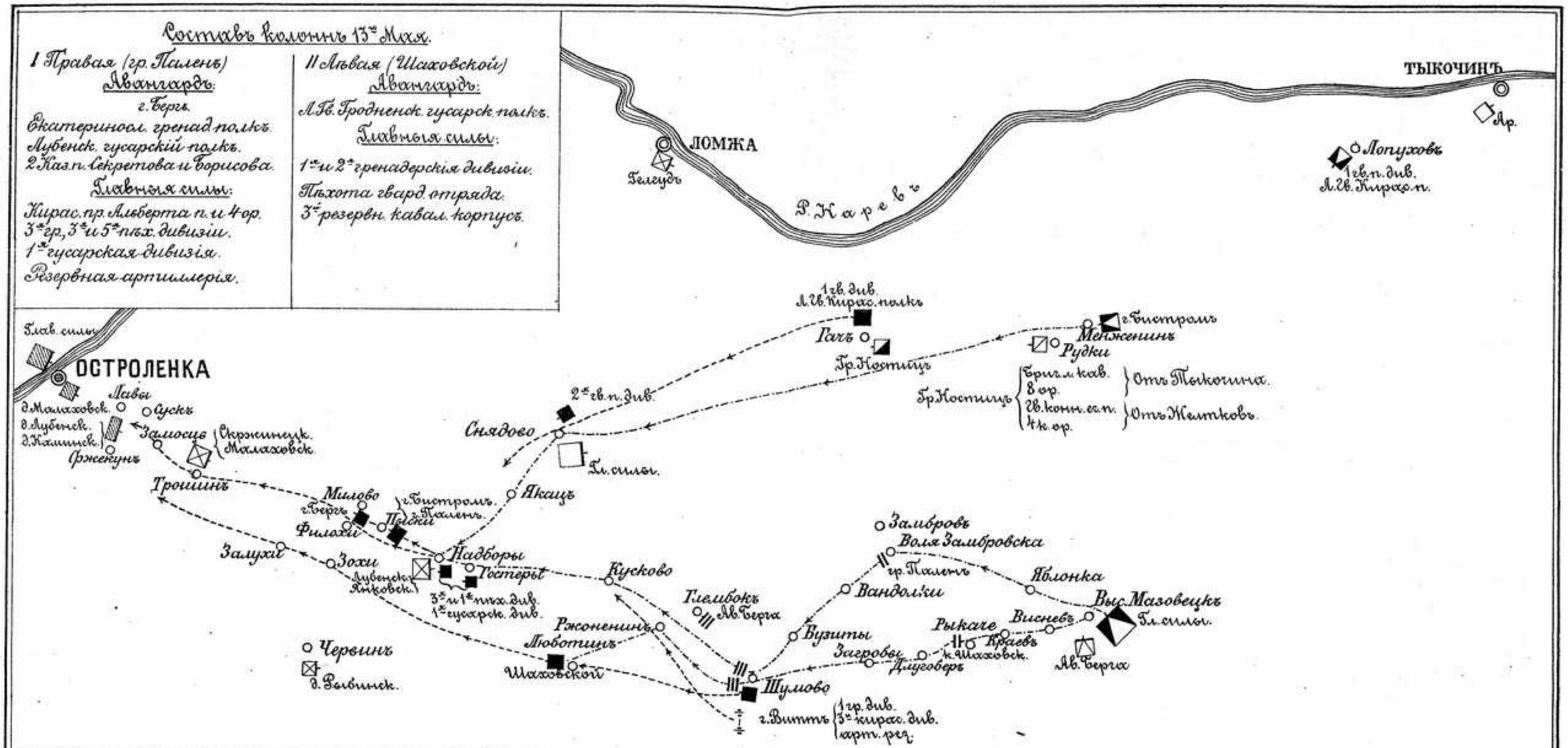
II Лѣвая (Шаховской)

Авангардъ:

Л. Гв. Гродненск. гусарск. полкъ.

Главныя силы:

1го и 2го гренадерскія дивизіи.
Пѣхота гвард. отряда.
3го резервн. кавал. корпусъ.



ОПЕРАЦІИ 11го МАЯ ДО СР. ПРИ ОСТРОЛЕНКѢ 14го МАЯ.

- русск. войска } 11го Мая веч.
- польск. ——
- русск. войска } 12го Мая веч.
- польск. ——
- польск. войска 14го Мая

- русск. войска на 1ый привалъ (часов.)
- —— —— 2ой —— (четер. час) } 13го Мая.
- —— —— ночлегъ
- Путь слѣдованія.
- —— —— 14го Мая

Масштабъ
въ англійск. дюймѣ 7 верстъ.

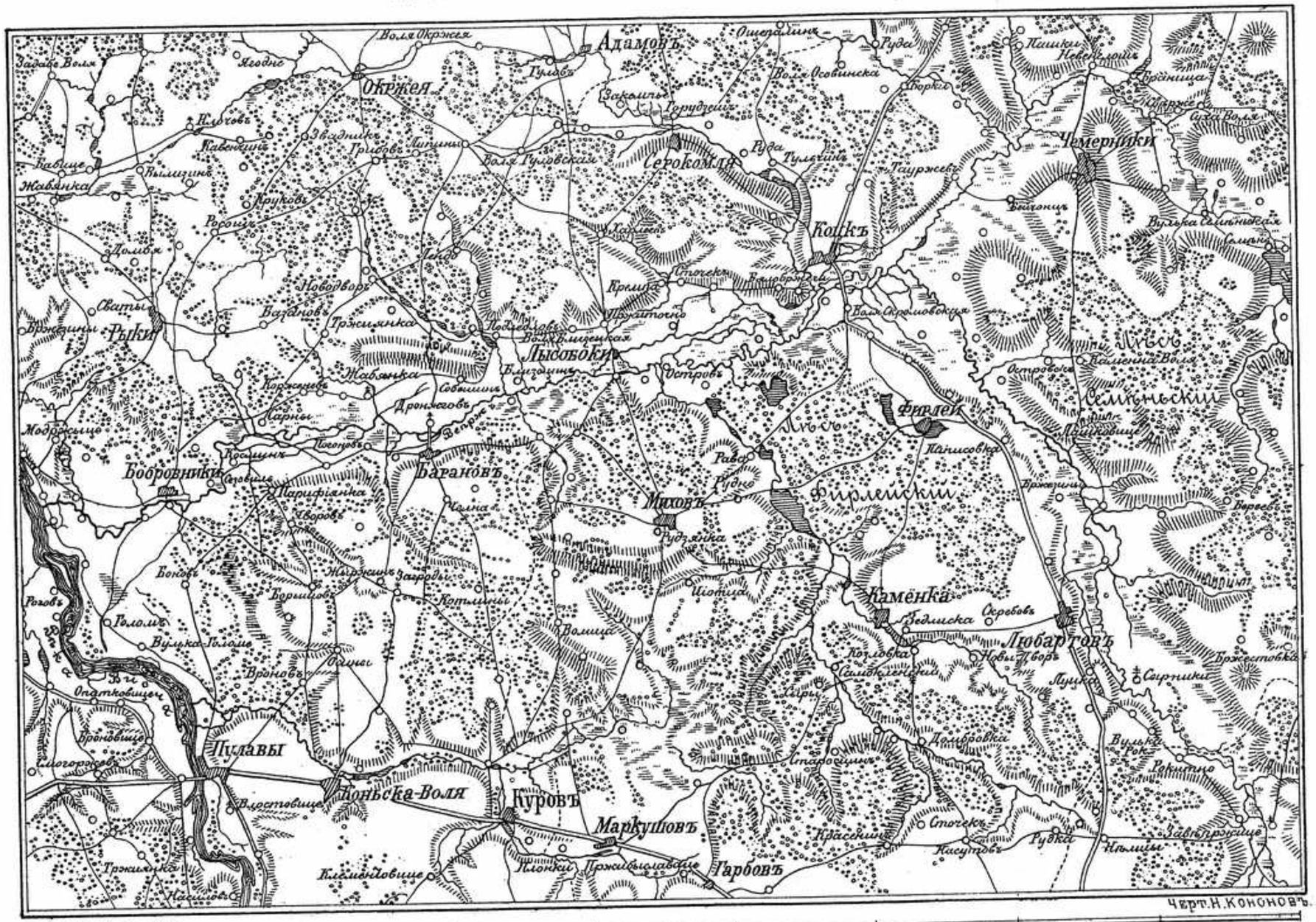
0 — 7 — 14 верстъ.

Дивизіи ○ Клуково.

Лит. П. Я. Иванова, Бармальева ул. Д. №35.

ЧЕРТ. Н. КОНОНОВЪ.

КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ КОЦКА, ЛЫСОБОКОВЪ И БОБРОВНИКОВЪ.



СРАЖЕНІЕ ПРИ БУДЗИСКѢ

7/19 Іюня 1831 года.

0 1. 2. 3. 4 версты

A. Корпусъ Ридигера послѣ переправы черезъ р. Вепржъ.

B. Движеніе его по тремъ дорогамъ, а именно:

Ba. Движеніе Давыдова на Подгайцы.

Bb. Движеніе Ридигера на Харлѣевъ.

Bc. Движеніе Плахова къ Рудѣ.

Bd. Вагенбургъ подъ начальствомъ Рикорда.

Серокомля · Вулка · Руда · Тальчинъ · Будзиско · Луа · Крэсовка · Харлеевъ · Фолв. · Ленцо Руски · Подгайцовскъ · Фол. Кавенчинъ · Фол. Пшинный Мукъ · Фол. Рудка · Кемпа · Опочекъ · Коцкъ · Пощдовъ · Бялоброжеги · Русска Весь · Скробовище · Прежиточна · Скарбищежъ · Воля Блищоцкая · Подгайцовъ · Мощиска · Закалевъ · Возновице · Лысобоки · Островъ · р. Вепржъ · Близоцинъ

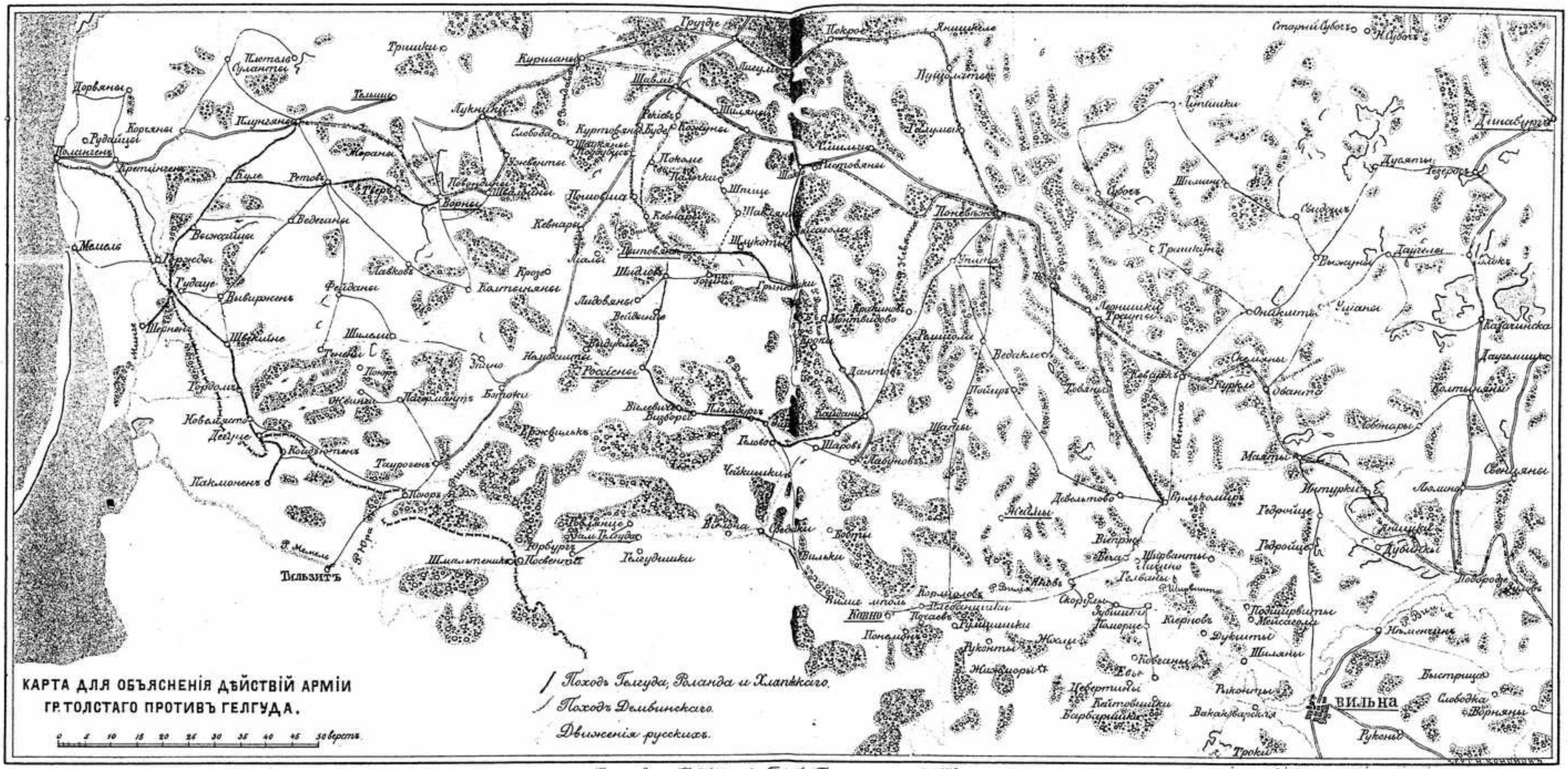
C. Мѣсто столкновенія Давыдова съ поляками (X)

D. Ридигеръ дойдя до Харлеева, высылаетъ два батал. двѣ кавалерійскія d, въ тылъ Турно, который отступаетъ Ъ.

E. Плиховъ захватываетъ транспортъ поляковъ у Руды и преграждаетъ путь отряду Рожицкаго (у) Буковскій со своей кавалеріей (и) видитъ это, но не двигается.

Разбросанныя войска поляковъ: Янковскій, и Буковскій, х Турно, у Рожицкій.

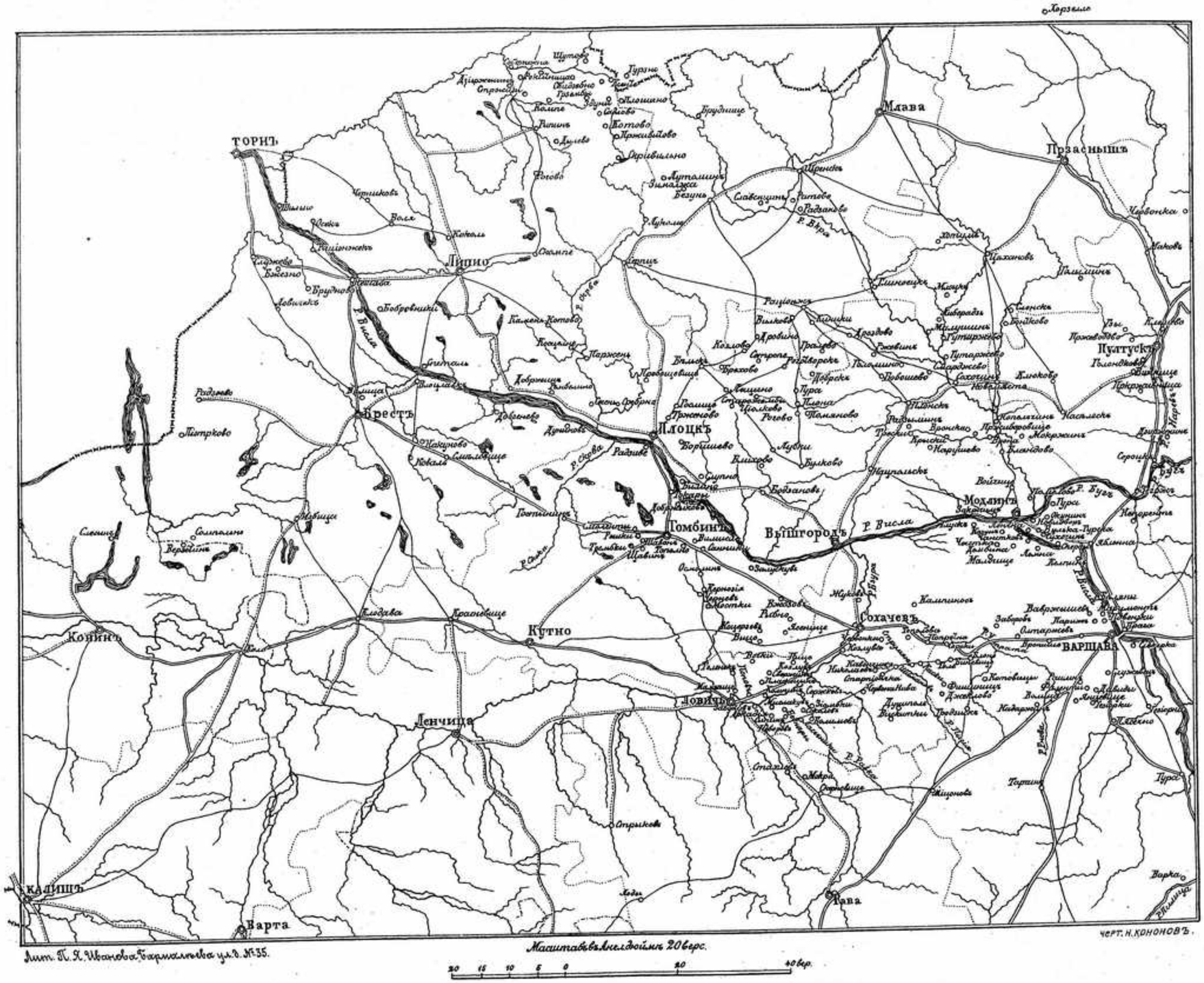
Хромо-Лит. П. Я. Иванова, Петерб. ч. Гарнизонная ул. д. №35.



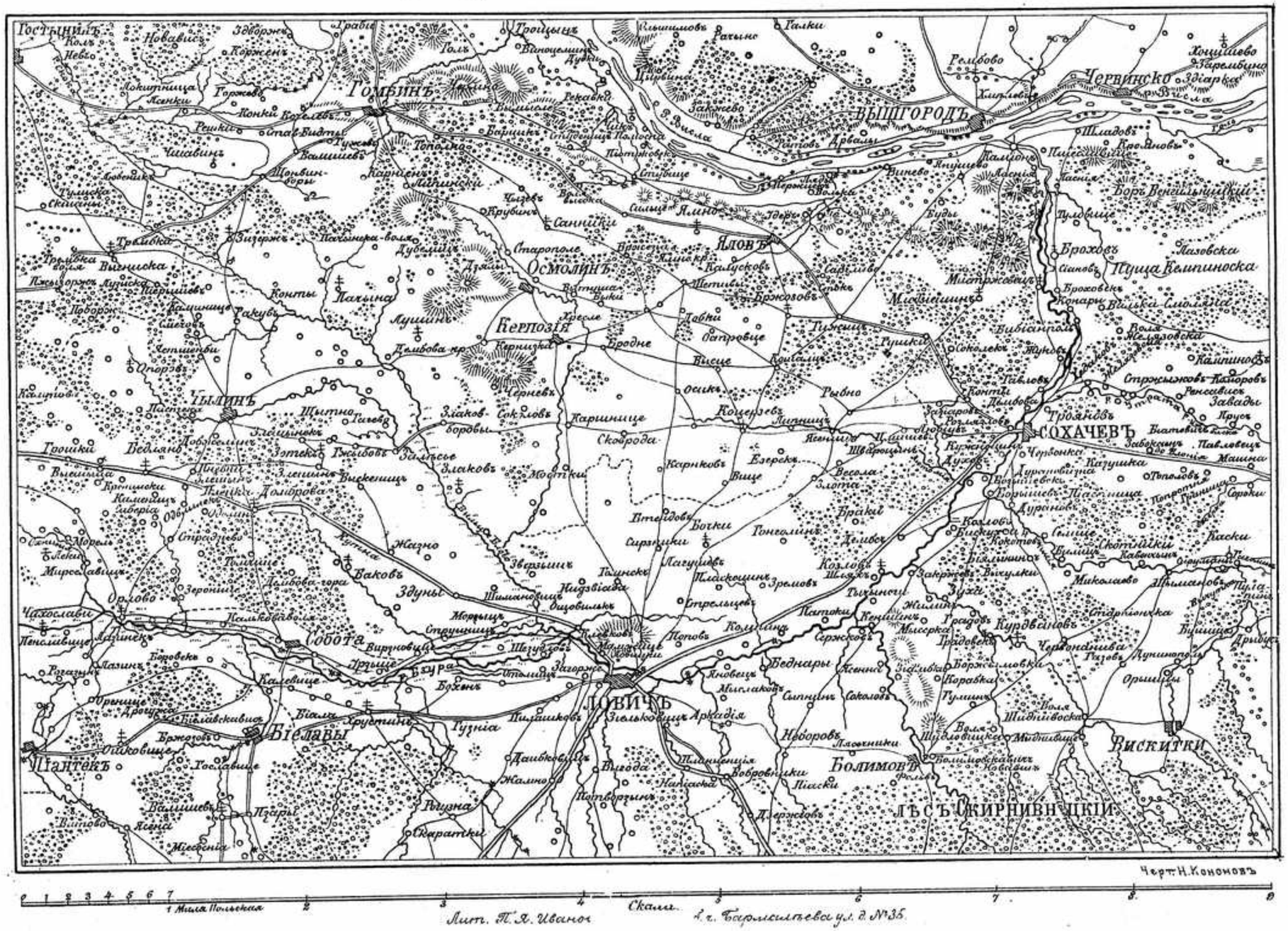
Хромо-Лит. П. Я. Иванова, Петерб. г., Бармалѣева ул. д. №35.

КАРТА

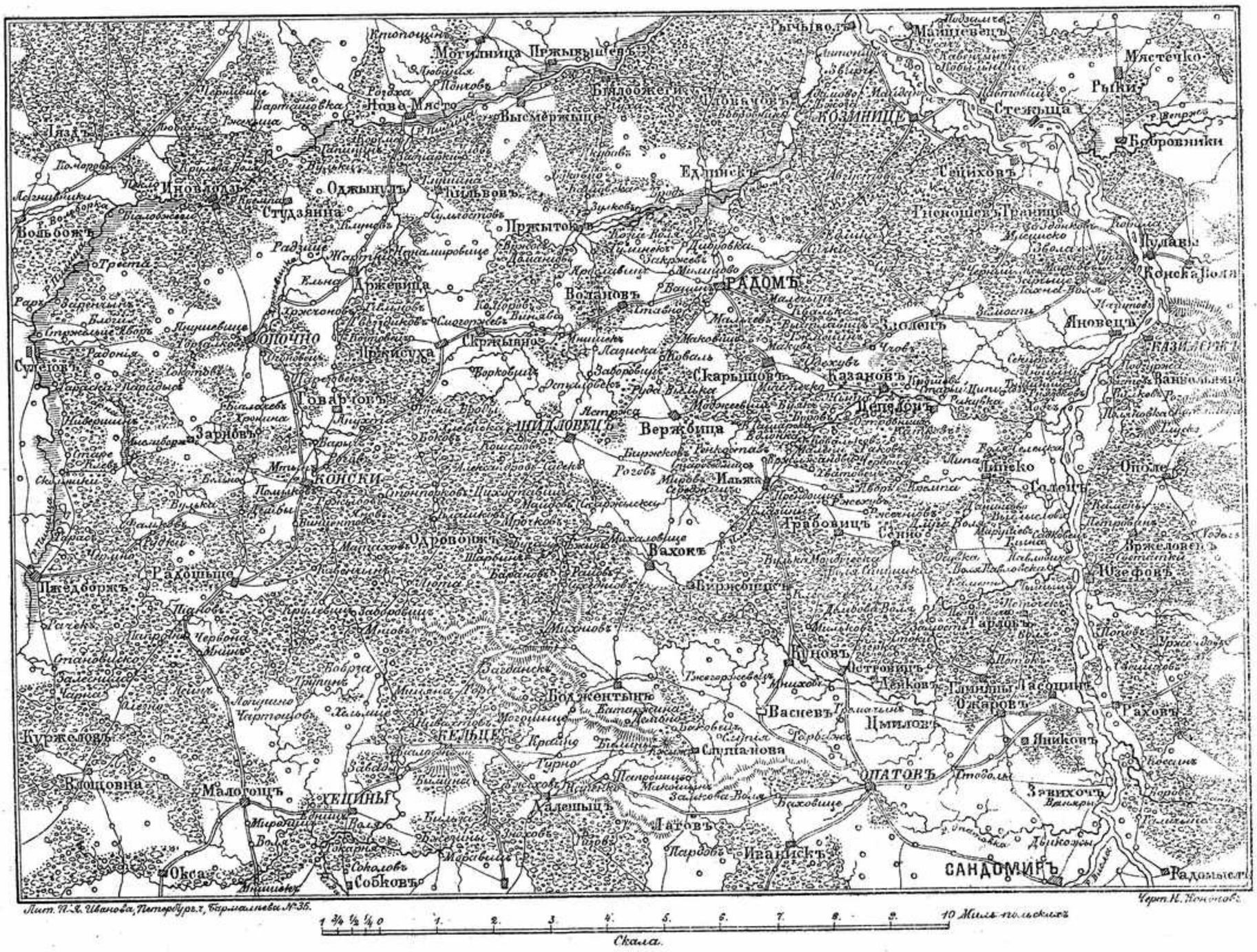
ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.



ОКРЕСТНОСТИ БЗУРЫ. СОХАЧЕВЪ-ЛОВИЧЪ.



Участокъ театра войны между верхней Вислой и Пилицей.



ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ВИСЛУ И ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ КЪ ЛОВИЧУ

2го Іюня – 21го Іюля

Масштабъ въ англ. д. 16 верстъ

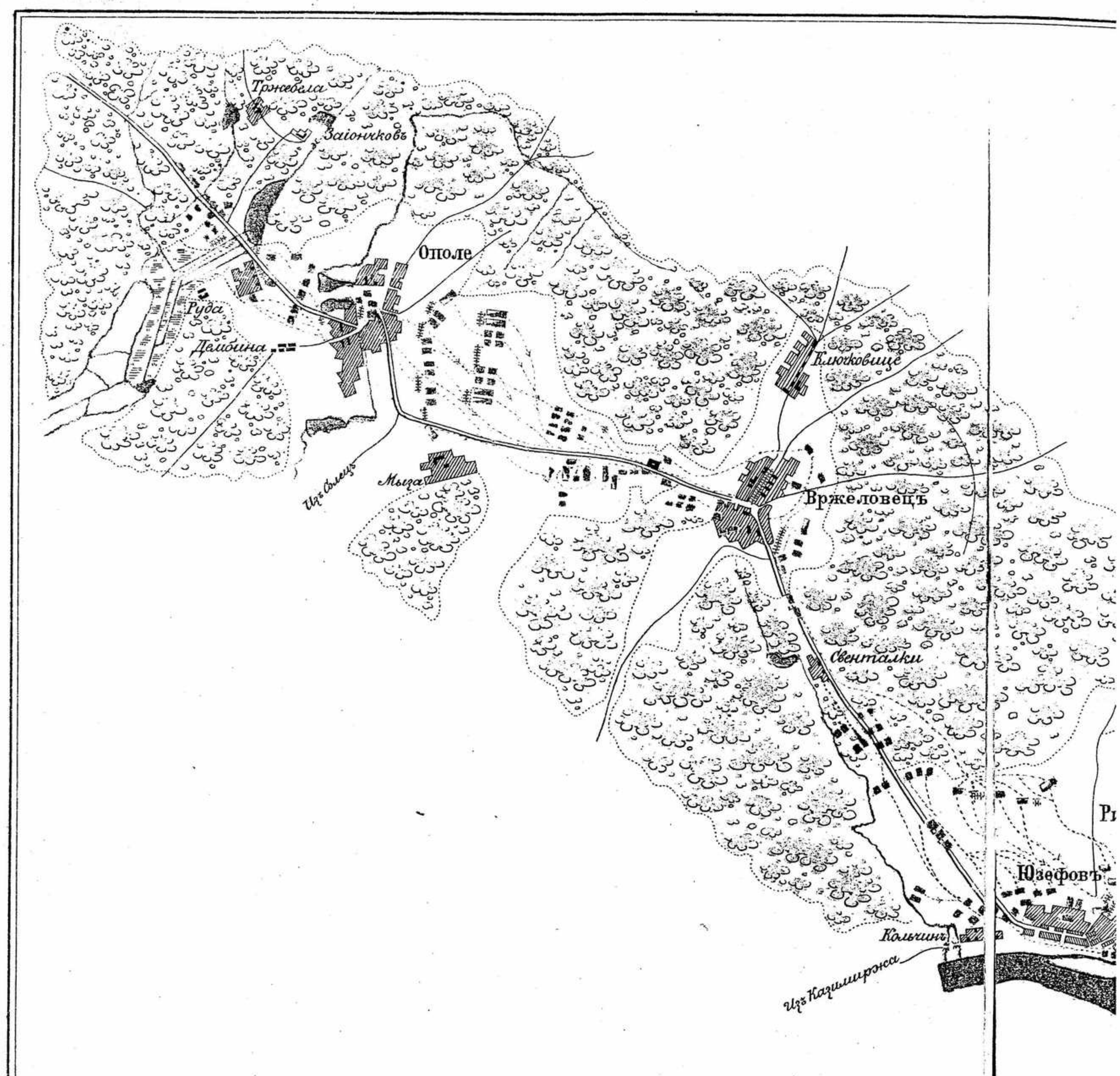
16. 8. 0 16 в.

Млава
Пржасныш
Шренскъ
Безунъ
Лет. отр. кн. Багратіона
Гус. п. 200 каз.
Р. Вкра
Вел. кн. 19 т.
17½ гв. б. 26 эск. Гв. арт.
Маковъ
Цъхановъ
Гольмкинъ
гр. Паленъ 1. 11 т.
17 б. 20 эск. 500 каз.
Кн. Шаховск. 21 т. д.
32 б. 28 эск. 300 каз.
Клешево
Пултускъ
Л. Скарженск.
Либерадзь
2 Іюн.
Малушинъ
Раціонжъ
Ржевинъ
Авант. Витта 6 т. д.
5 б. п. 18 эск. 200 каз.
Сахочинъ
Рогатворскъ
Лацинъ
Плонскъ
Ар. г. Муравьева
6 к. п. 1 гус. п. 1 каз. п.
26го Іюня
4го див. Мюльберга
кав. див. Турно
3го див. Стравск.
Пржиборовки
Насѣльскъ
Пацполескъ
Мюльб. Турно
Стравскій
Бляндово
Сероцкъ
Р. Нарева
3го див. Малаховск.
Стравскій
МОДЛИНЪ
Р. Бзура
Казунъ
Кав. Скарженск.
Р. Висла
Малаховск.
Прагa
ВАРШАВА
Калишосъ
Сохачевъ
К. Скарженск.
Польск. арм. 21го Іюля
Осѣкъ
Гр. Паленъ 1. (29 Іюня)
Фельд. (30го Іюля) Киколь
Раціонжекъ
Бжоза
Иварод.
Брудново
и Паленъ 1.
8го – 15го Іюля
Ловичекъ
Гренад. гр. Паленъ 1.
г. Витта
Липно
Гр. Паленъ 1 (28го Іюн.)
г. Витта (30го Іюл.)
1го Іюл. Витта
Серницъ
Р. Скрва
Каменъ-Котово
Фельд.
Нарженъ
гр. Паленъ 1
26го Іюня
Влоцлавскъ
Рембелино
г. Витта
1го Іюля
Фельд. 30 Іюня
Фебрно
15го Іюля
Врестъ
Гл. с.
Лѣв. отр.
Добечнево
Лѣв. отр.
Пр. отр.
Плоцкъ
Гр. 4 гв.
Трженцово
Кн. Шах. Варшево
г. Витта
26го Іюня
Радзиве
Лѣв. отр. 18го Іюля
Сипно
Мюльберг Турно
16го Іюля
Ковалъ
Гл. с.
П. Княгинецовъ
1 п. каз. 2 эск. ул.
1500 г. инсургент.
Салиполѣно
Пр. отр.
Гостынинъ
17го Іюля
Гл. с.
Р. Скрва
Ренйки
Гл. с.
Лѣв. отр. 19 Іюл.
Голбинъ
Выщисле
18го и 19 Іюля
Замлинъ
Лѣ.
Черневa
Всм. Кн.
Карнозія
Гл. с.
Залускувъ
Лѣв. отр.
Мостки
Кн. Шаховск.
Коцерзевъ
гр. Паленъ 1.
20го Іюля
г. Витта
Бочки
ЛОВИЧЪ
Ген. Муравьевъ
Клодава
Коло
Пор. Козловцовъ
25 г. охотник.

Польскія войска:

- 26го Іюня
- въ послѣднихъ числахъ Іюня.
- въ первыхъ числахъ Іюля

Лит. П. Я. Иванова, Петербург. ч., Бармалѣева ул. д. №35.


Тржебела
Заіончковъ
Ополе
Руда
Дембина
Изъ Солецъ
Мыза
Ключковице
Вржеловецъ
Свенталки
Юзефовъ
Кольчинъ
Изъ Казимиржа

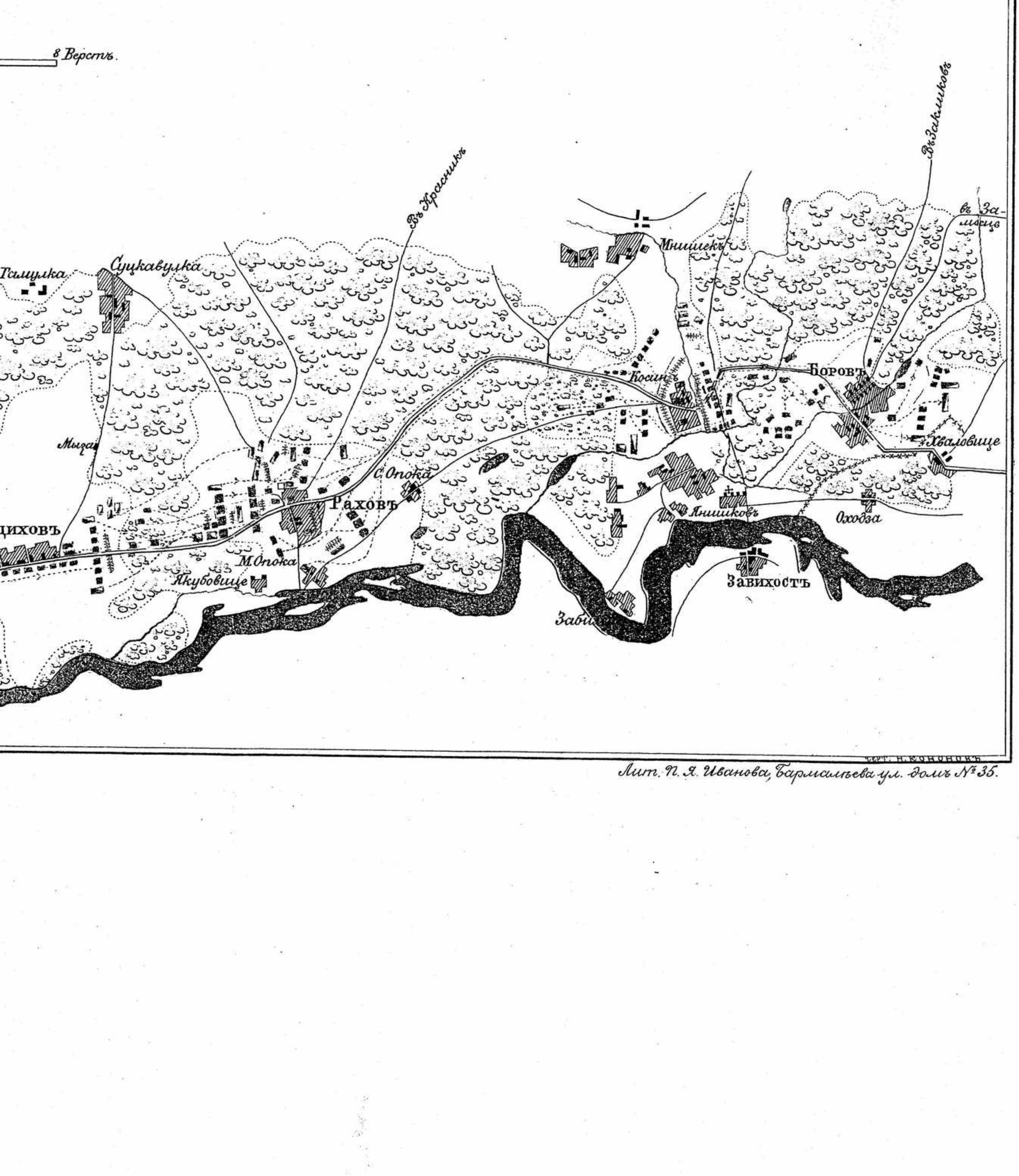
Послѣдняя операція Г. А. Розена
противъ Ромарино
въ Сентебрѣ 1831.

Русскіе. *Поляки.*

0 1 2 4 6

Ключковице
Вржеловецъ
Свенталки
Кольчинъ
Изъ Казимержа
Юзефовъ
Ривитви
Боръ
Мыза
Моржановъ
Плавно
Бодуловъ
Подзикле
Нешава
Басоне
Поповъ
Блисковице
Валовице

8 Версты.



Грав. Н. Кононовъ.

Лит. П. Я. Иванова, Гармальева ул. домъ № 35.

ДѢЙСТВІЯ ПРОТИВЪ РЫБИНСКАГО СЪ 12го ПО 23е СЕНТЯБРЯ.

Русск. в. 12го Сентября — Русск. в. 20го Сентября

_____ 15го _____ — _____ 21го _____

_____ 17го _____ — _____ 22го _____

_____ 18го _____ — _____ 23го _____

Передвиж. 12 Сент. — Польск. войскъ

Масштабъ
въ англійск. дюймѣ 12 верстъ.

12 9 6 3 0 12 в.

Млава

Шренскъ

Луточи

рейцх Зимолжа

Безунь

Славенчинъ

Ратово

Крейцъ

Лукомининъ

Гл.с.

Гл.с

Крейцъ

Гл.с.

Серпецъ

Раціонжекъ

Гл.с.

г. Крейцъ Дробинъ

Отр. Дохтурова

Кн. Шаховской

Плонскъ

Плоны

Попельчинъ

Отр. Дохтурова

г. Влассовъ
Дохтуровъ

Поленово

Радзымининъ

Пржиборовище

Рогово

Корытово

Вронскъ

Врона

Плоцкъ

Отр. Сиверса

Вел. Кн.

Троски

Вел. Князь

Кн. Шаховской

Пярушево

2е гр. д.
1 бат. Ie корп.
Отр. Сив

Ав. Влассова
1 бр. гв.
1 бр. гус.
г. Сиверсъ

3е гр. див.

г. Крейцъ — IIкорп. 2е гр. див. 2 б. кав.

Р. Буг ъ

Слупно

Рыбинск.
12 Сент.

МОДЛИНЪ

Нд Дворъ

Гура

Добржиковъ

Окунинъ

16 б.

Казунъ

25

Чанстковъ

Р. Висла

Голбинъ

Долбинскій
12 Сент.

Вел. Кн.

Прага

г. Тыкгролмъ
гв.

ВАРШАВА

Сохачевъ

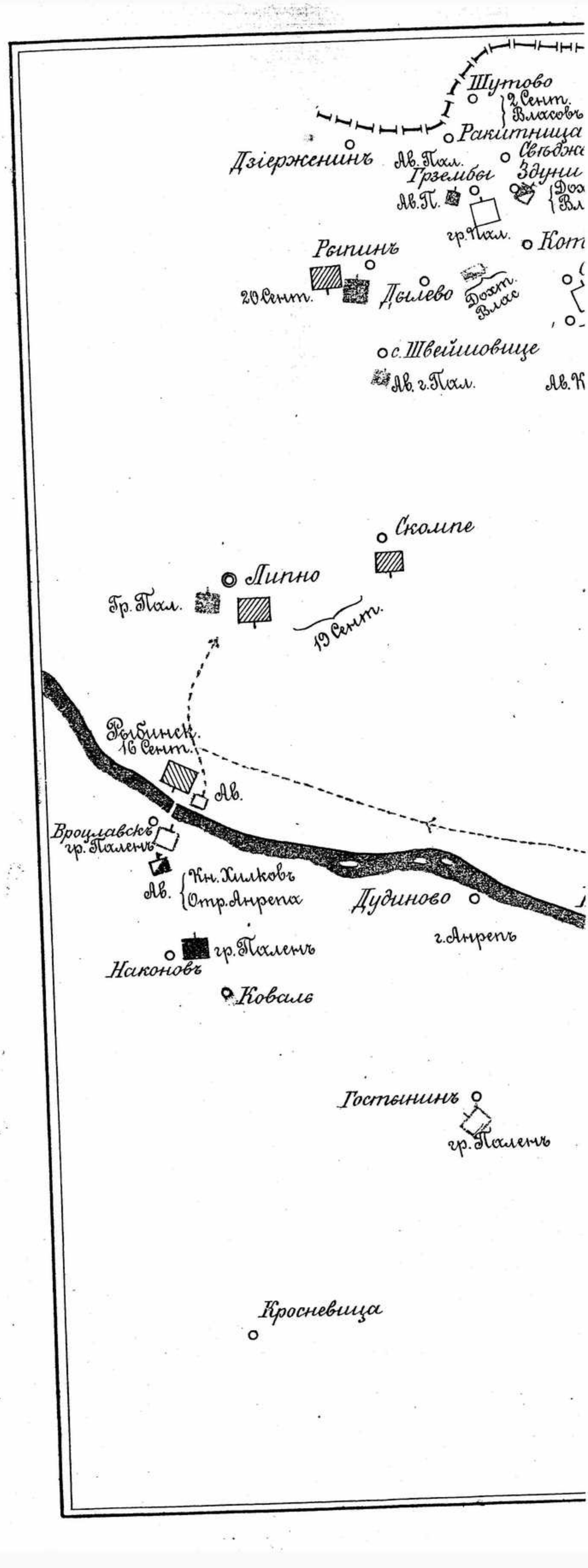
Ав. Влассова

Блоне

гр. Паленъ — Отр. Паленга; 2 бр. гв. пѣх.; 1е гренад. див.; 1е кирасс. див.; 3е уланск. див. — изъ отр. Вел. Кн.

Ловичъ

Хромо-Лит. П. Я. Иванова, Петерб. ч., Гарнальева №35.


Шутово
2 Сент.
Власовъ
Ракитница
Дзіерженинъ
Ав. Пал.
Грзембы
Ав. П.
гр. Пал.
Рыпинъ
20 Сент.
Дылево
Дохт.
Влас
с. Швейцовице
Ав. г. Пал.
Сколпе
Липно
Гр. Пал.
19 Сент.
Рыбинскъ.
16 Сент.
Ав.
Вроцлавскъ
гр. Паленъ
Ав.
Кн. Хилковъ
Отр. Анрепа
Дудиново
г. Анрепъ
гр. Паленъ
Наконовъ
Ковалъ
Гостынинъ
гр. Паленъ
Красневица

ШТУРМЪ ВАРШАВЫ

1й ДЕНЬ

25 Августа / 6 Сентября 1831 года.

Жъясненіе.

- Положеніе Русскихъ въ ночь на 25 Августа / 6 Сентября
- Первое движеніе.
- Второе _____
- Третье _____
- Позиція польскихъ войскъ.
- Наступленіе Поляковъ.

Масштабъ:

0 100 200 300 400 500 с.

Скороше
Опаче-велке
Гвард Корпусъ
Резервъ артил.
Дор. изъ Кракова
Раковъ
Колонія
Муравьевъ
Окенце
Горжкевки
Вычулки
Збаржъ
Раковецъ
Служевецъ
Штранднаяъ
Колон Выглендовъ
Шолы
Служевъ
Круликарня
Верженно
Мокотовъ
Зас. Белев
Сельце
Зас. Черняковская
Солецъ
Черняковъ
Вилянов

Хромо-Лит. П. Я. И

Резервъ Кавалеріи
Гренад. Корпусъ
Кор. въ Минскъ
Кн. Хилковъ
Карантин. Сарай
Корпусъ Палена
Хржановъ
Близне
Солибоки
Влохи
Корпусъ Крейца
Елонекъ
Гроны
Одоляны
Турце
Щенсливице
Воля
Парижъ
Чисте
Повонзки
Зас. Повонзковская
Бураковъ
Слодовецъ
Маримонтъ
Зас. Маримонтская
Пульковъ
Потокъ
Зас. Нольская
Зас. Брудзинская
Зас. Брудзиновская
Шмулевщизна
Мокотовская
Висла
Сасска Кемпа
Литц. Фдо
Чертежникомъ

ванова, Петербург. ч. Гарнальевская ул. д. № 35.

ШТУРМЪ ВАРШАВЫ

2-й ДЕНЬ

26 Августа
7 Сентября
1831 года.

Изъясненіе.

- Расположеніе Русскихъ въ ночь на 26 Августа / 7 Сентября
- Первое движеніе.
- Второе
- Третье
- Польскія войска.

Масштабъ.

0 100 200 300 400 500 с.

Раковъ
Колонія
Одоляны
Турце
Ки. Хилковъ
Окенце
Щенсливице
Воля
Ностицъ
Забржъ
Вычулки
Раковецъ
Парижъ
Цегельне
Служевецъ
Колон. Выглендовъ
Повонзки
Бураковъ
Слодовецъ
Шопы
Мармонтъ
Служевъ
Круликария
Верженно
Мокотовъ
Пулъковъ
Потокъ
Гельце
Солецъ
Черняковъ
Вилянов
Сасска-Кемпа
Шмулевщизна
Висла

Хромо-Лит. П. Я. Иванова, Петербург. ч. Гармальева ул. д. № 35.